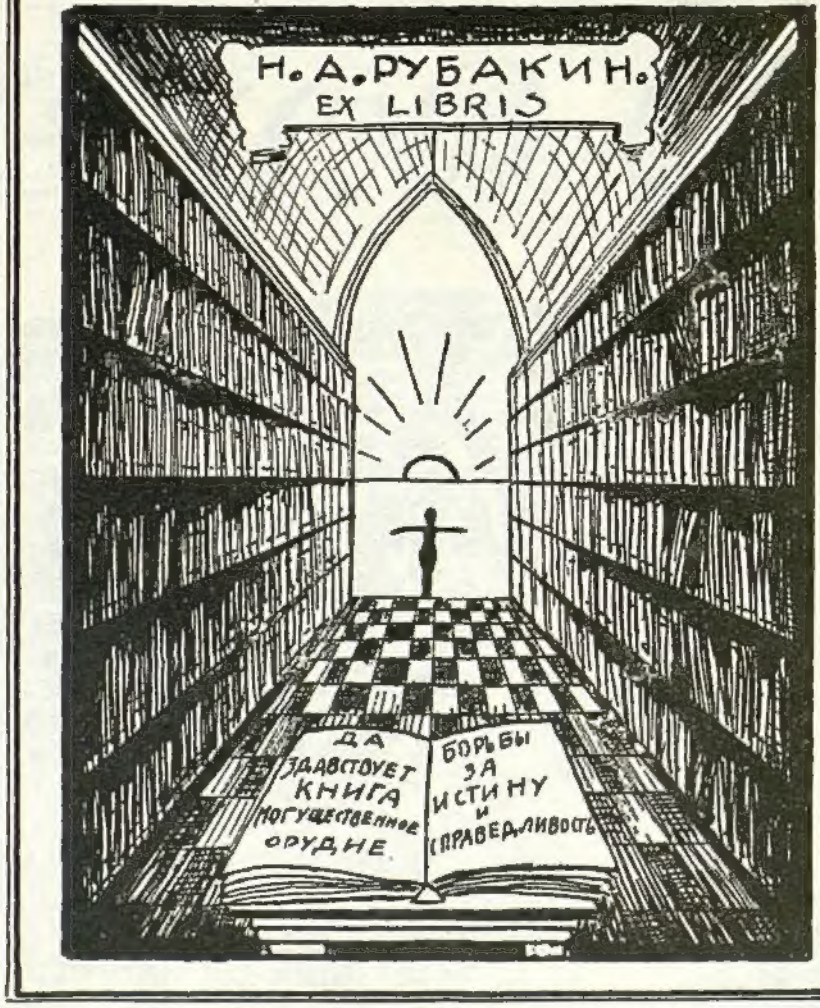
Pf 1/30
T. 16



7-е Изданіе
Т-ва
Бр. Гранатъ и К°

Энциклопедический словарь

7-е Изданіе

Т-ва

Бр. Гранатъ и К°

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

7е СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАН:

ИЗДАНІЕ ПОДЪ РЕДАК: ПРОФ. В.Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М.М. КОВАЛЕВСКАГО, С.А. МУРОМЦЕВА и К.А. ТИМИРЯЗЕВА.

2007044777

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
им. В. И. Ле

Ч6643-48

Важнѣйшія образовательныя статьи, помѣщенныя въ XVI томѣ.

Столб.

Городъ (окончаніе) 1

Содержаніе статьи:

Ростъ современныхъ городовъ—С. О. Загорскаго 1
Городское самоуправленіе на Западѣ и въ Россіи—Г. И. Шрейдера . 9
Городское хозяйство на Западѣ и въ Россіи—Г. И. Шрейдера . . . 42
Горы (въ географическомъ отношеніи)—Д. Н. Анучина 96
Горы (въ геологич. отношеніи)—А. В. Нечаева 104
Горькій—И. Н. Игнатова 112
Горѣлки—А. П. Лидова 117
Горѣніе—Л. В. Писаржевскаго 124
Государственная власть—М. А. Рейснера 137
Государственная Дума—В. А. Мякотина 174
Государственная измѣна—М. Н. Гернета 210
Государственное банкротство—М. И. Боголѣпова 215
Государственные долги—М. И. Боголѣпова 219
Государственный банкъ—М. В. Бернацкаго 233
Государственный контроль—М. И. Боголѣпова 249
Государственный Совѣтъ (въ Россіи)—В. А. Мякотина 259
Государственныя имущества—А. А. Кауфмана 273
Государство—М. М. Ковалевскаго 284
Готтентоты—А. Н. Максимова 326
Гофмейстеръ—К. А. Тимирязева 341
Гравированіе—Н. Г. Тарасова 362
Градіентъ—Э. Г. Лейста 366
Градовскій—М. А. Рейснера 368
Градусныя измѣренія—Л. С. Берга 372
Градъ—Э. Г. Лейста 378
Гражданинъ—М. А. Рейснера 385
Гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ—Н. Н. Полянскаго 391
Гражданское право—Ю. С. Гамбарова 396
Грамматика—А. Л. Погодина 434
Гранаты—Я. В. Самойлова 444
Гранитъ—А. В. Нечаева 448
Грановскій—В. В. Водовозова 451
Грассманъ—В. Ф. Кагана 462
Графитъ—А. П. Лидова 465
Греко-персидскія войны—М. М. Хвостова 488
Гренландія—Д. Н. Анучина 498
Греція 510

Содержаніе послѣдней статьи:

Греція (физическая географія)—Д. Н. Анучина 510
Исторія древней Греціи—М. М. Хвостова 528
Древнегреческая литература—П. С. Когана 624
Древнегреческое искусство—Н. Г. Тарасова 680

Списокъ гг. авторовъ, статьи которыхъ помѣщены или будутъ помѣщены въ Энциклопедическомъ Словарѣ.

(Курсивомъ показаны сокращенныя подписи.)

Прив.-доц. М. І. Авербахъ.
Б. В. Авиловъ.
Лекторъ Нар. Унив. Ю. И. Айхенвальдъ.
Н. И. Аммонъ.
Н. Н. Андреевъ.
Лекторъ Нар. Ун. В. И. Анисимовъ *(В. А.)*.
Проф. Д. Н. Анучинъ *(Д. А.)*.
Проф. А. И. Астровъ.
Прив.-доц. А. І. Бачинскій *(А. Б.)*.
Докт. географіи Л. С. Бергъ *(Л. Б.)*.
Доц. М. В. Бернацкій *(М. Бер-ій)*.
Прив.-доц. А. Н. Бернштейнъ.
Эд. Бернштейнъ (Берлинъ).
Ассист. С. Н. Блажко *(С. Бл.)*.
С. М. Блекловъ *(С. Б-въ)*.
В. В. Богдановъ *(В. Б.)*.
Проф. С. М. Богдановъ *(С. Б.)*.
Проф. М. И. Боголѣповъ.
Проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.
Проф. К. П. Боклевскій.
В. Д. Бончъ-Бруевичъ.
Н. П. Борецкій-Бергфельдъ.
Прив.-доц. А. А. Боровой.
И. Н. Бороздинъ.
Н. Л. Бродскій.
Инж.-хим. Н. С. Бронштейнъ.
Агр. Л. Т. Будиновъ-Будзинскій.
Прив.-доц. А. Н. Бѣликовъ *(А. Б-въ)*.
Проф. Э. Вандервельде (Брюссель).
Н. П. Василенко *(Н. В.)*.
Прив.-доц. В. И. Веретенниковъ.
Прив.-доц. Д. В. Викторовъ *(Д. В.)*.
А. М. Винаверъ *(А. W.)*.
Преп. Имп. Техн. Уч. Д. И. Виноградовъ.
Проф. П. Г. Виноградовъ.
Проф. Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ).
В. В. Водовозовъ *(В. В-въ)*.
В. П. Волгинъ.
Прив.-доц. А. Э. Вормсъ *(А. В.)*.
Проф. Е. Ф. Вотчалъ.
Проф. А. П. Гавриленко *(А. Г.)*.
Инж. Н. А. Галяшкинъ.
Я. А. Галяшкинъ *(Я. Г.)*.
Проф. Ю. С. Гамбаровъ.
Прив.-доц. М. Н. Гернетъ.
Прис. пов. С. М. Гинзбургъ *(С. Г.)*.
Д-ръ Ю. О. Гольдендахъ *(Ю. Г.)*.
Инж.-мех. А. Н. Гранатъ.
И. Н. Гранатъ.
Прив.-доц. С. Г. Григорьевъ.
Проф. И. М. Громогласовъ.
Проф. М. С. Грушевскій (Львовъ).
Прив.-доц. Г. Н. Гулиновъ *(Г. Г.)*.
Ф. Данъ.
А. Дерентальъ (Мадридъ).
Прив.-доц. кн. И. А. Джаваховъ.
А. К. Дживелеговъ *(А. Дж.)*.
Проф. А. М. Добровольскій.
Проф. В. Я. Желѣзновъ.
Проф. Н. Е. Жуковскій.
Проф. В. В. Завьяловъ.
С. О. Загорскій.
С. Г. Займовскій.
Агрон. С. А. Захаровъ.
Н. Ѳ. Золотницкій.
Прив.-доц. В. Н. Ивановскій.
Проф. И. А. Ивероновъ.
А. В. Игельстромъ.
И. Н. Игнатовъ.
Преп. Имп. Техн. Учил. К. М. Игнатовъ.
Прив.-доц. В. Е. Игнатьевъ.
Доц. В. Р. Идельсонъ.
Д-ръ І. С. Идельсонъ *(І. Ид.)*.
Прив.-доц. Н. А. Кабановъ *(Н. К.)*.
Проф. И. А. Каблуковъ *(Ив. Кб.)*.
Прив.-доц. В. Ф. Каганъ *(В. К.)*.
Е. Н. Каменецкая *(Е. К-ая)*.
Д-ръ В. Я. Канель.
Проф. А. А. Кауфманъ.
Л. Б. Кафенгаузъ.
Преп. Имп. Техн. Уч. Е. Г. Кестнеръ.
Проф. А. А. Кизеветтеръ.
Д. А. Клеменцъ.
Проф. М. М. Ковалевскій.
Прив.-доц. П. С. Коганъ.
Полк. въ отст. А. А. Кожевниковъ.
Проф. Г. А. Кожевниковъ *(Г. К.)*.
Проф. А. Н. Красновъ.
Прив.-доц. В. А. Краснокутскій.
Людв. Крживицкій *(Л. Крж.)*.
Прив.-доц. А. А. Круберъ.
Проф. А. Е. Крымскій.
Преп. Имп. Техн. Уч. И. И. Куколевскій.
Проф. Н. М. Кулагинъ.

Прив.-доц. І. М. Кулишеръ.
Проф. П. А. Лавровъ.
Проф. Н. Н. Ланге (*Н. Л.*).
М. Е. Ландау (*М. Л.*).
Проф. Л. К. Лахтинъ.
Проф. Н. К. Лахтинъ (*Н. Л-нъ*).
И. О. Левинъ.
Проф. Э. Г. Лейстъ (*Э. Л.*).
З. Л. Ленскій (*З. Л.*).
Проф. А. П. Лидовъ (*А. Л.*).
Проф. П. А. Люблинскій.
А. Ѳ. Лютеръ.
Е. А. Ляцкій.
Я. М. Магазинеръ.
А. Н. Максимовъ (*А. Мкс.*).
Прив.-доц. И. М. Малининъ.
Проф. А. В. Марковъ (*А. М.*)
Л. Мартовъ.
П. П. Масловъ.
С. П. Мельгуновъ (*С. М.*).
Проф. М. А. Мензбиръ.
Проф. И. И. Мечниковъ.
П. Н. Милюковъ.
Проф. П. А. Минаковъ.
Проф. А. Н. Митинскій.
Проф. С. А. Муромцевъ (†).
В. А. Мякотинъ.
Проф. С. Г. Навашинъ.
Прив.-доц. А. Н. Нерсесовъ.
Проф. А. В. Нечаевъ.
М. М. Нечаевъ (*М. Н.*).
Проф. Я. Я. Никитинскій (*Я. Н.*).
Н. М. Никольскій (*Н. Н.*).
К. М. Оберучевъ (*К. О.*).
В. П. Обнинскій.
Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.
Проф. В. И. Палладинъ.
Завѣд. Стат. отд. Е. В. Пашковскій.
Н. К. Пиксановъ.
Проф. Л. В. Писаржевскій.
Прив.-доц. В. И. Пичета.
Проф. В. Д. Плетневъ.
Проф. А. Л. Погодинъ (*А. П.*).
М. Н. Покровскій (*М. П.*).
Прив.-доц. Н. Н. Полянскій.
С. Н. Прокоповичъ.
Проф. Ѳ. А. Рейнъ (*Ѳ. Р.*).
Проф. М. А. Рейснеръ.
Прив.-доц. П. Г. Риттеръ.
Проф. М. Н. Розановъ.
Д-ръ М. И. Романовичъ.
Н. С. Русановъ.
И. С. Рябининъ (*И. Р-нъ, И. Р.*).
Проф. А. Н. Савинъ.
Прив.-доц. П. Н. Сакулинъ.
Проф. Я. В. Самойловъ.
С. Г. Сватиковъ.
Доц. А. Р. Свирщевскій (*А. С.*).
В. И. Семевскій.
Проф. В. П. Сербскій.
Проф. А. И. Сидоровъ.
Л. Д. Синицкій.
М. А. Славинскій.
Проф. Ф. Синніей (Будапештъ).
Проф. И. В. Слешинскій.
А. И. Смирновъ (*А. См.*).
Прив.-доц. В. Д. Соколовъ (*В. С.*).
Прив.-доц. А. А. Сперанскій.
Проф. М. Н. Сперанскій.
Прив.-доц. А. Н. Строгановъ (*А. Стр.*).
Р. С. Стрѣльцовъ (*Р. С.*) (Берлинъ).
Прив.-доц. Л. А. Тарасевичъ (*Л. Т.*).
Н. Г. Тарасовъ (*Н. Т.*).
Проф. Е. В. Тарле.
Прив.-доц. А. К. Тимирязевъ.
Проф. К. А. Тимирязевъ.
Прив.-доц. И. Ю. Тимченко.
Прив.-доц. К. Ѳ. Тіандеръ.
А. Н. Трайнинъ (*А. Т.*).
Проф. М. И. Туганъ-Барановскій.
Проф. В. А. Уляницкій.
Прив.-доц. А. Н. Филипповъ.
Прив.-доц. Ю. Ю. Форсманъ.
Проф. А. Ф. Фортунатовъ.
Прив.-доц. В. М. Фриче (*В. Фр.*).
Проф. О. Д. Хвольсонъ.
Проф. М. М. Хвостовъ.
Ассист. М. А. Ховренко.
Проф. Н. В. Цингеръ.
В. И. Чарнолускій.
А. А. Черновъ.
Проф. В. Ѳ. Чижъ.
Проф. М. П. Чубинскій.
Проф. В. Н. Ширяевъ.
И. И. Шитцъ.
Г. И. Шрейдеръ (Римъ).
Маг. А. С. Щепотьевъ.
Ю. Д. Энгель (*Ю. Э.*).
Инж.-мех. П. К. Энгельмейеръ (*П. Э.*).
Н. Е. Эфросъ (*Н. Э.*).
Лект. Комм. Институ. А. И. Ярошевичъ.
Проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Городъ—Грецiя.

Типографія Т-ва „Общественная польза", С.-Петербургъ, Б. Подъяческая, 39.

ГОРОДЪ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Ростъ современныхъ Г. Въ новѣйшихъ *статистическихъ* обслѣдованіяхъ Г. признается всякое поселеніе, имѣющее свыше 2.000 жителей; съ *экономической* же точки зрѣнія Г. можно опредѣлить, какъ поселеніе людей, добывающихъ извнѣ необходимые для продовольствія продукты сельскохозяйственнаго труда. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ современные Г. являются продуктомъ новѣйшаго капитализма. Вмѣстѣ съ его развитіемъ возникаютъ тяга въ Г. и бѣгство изъ деревни и городской „асфальтовый періодъ культуры", составляющій одну изъ характернѣйшихъ чертъ нашего времени. Развитіе культурныхъ странъ за послѣдніе 100 лѣтъ обнаруживаетъ не прекращающійся процессъ ихъ урбанизаціи. Въ Англіи и Уэльсѣ городское населеніе составляло въ 1911 г. 78% всего населенія, въ Саксоніи въ 1905 г. — 71%, въ Шотландіи—69 (1901 г.), въ Пруссіи—62,5 (1910 г.), во Франціи — 42,1 (1906 г.), въ Герм. имперіи — 57,2 (1905 г.), въ Сѣв.-Ам. Соед. Штатахъ—46,3 (1910 г.) и т. д. (См. табл. 1—6).

Россія занимаетъ послѣднее мѣсто—13,9% (1911 г.), но въ отдѣльныхъ губерніяхъ городское населеніе не отстаетъ отъ многихъ зап.-европ. государствъ. Такъ, въ Моск. губ. оно составляетъ—49,8%, въ Спб.—72,3%, въ Варшавской — 42,4, въ Нюландской — 44,2. Ростъ городского населенія обгоняетъ общій ростъ всего населенія. Въ то время, какъ естественный приростъ всего населенія Герм. Имперіи въ 1895 — 1905 г.г. составлялъ 15,3%, городское населеніе увеличилось на 30,7%; во Франціи все населеніе возросло съ 1896 — 1906 г.г. на 1,9%, городское—на 10%; въ Шотландіи все населеніе съ 1891—1911 г. увеличилось на 11,9%, увеличеніе городск. составляло 18,6%. Урбанизаціей захвачены всѣ страны—и земледѣльческія и промышленныя, и крупныя государства и малыя, страны со старой культурой и новыя, молодыя, какъ Австралія, Н. Зеландія и т. п.

Въ самомъ процессѣ урбанизаціи совершается, однако, еще и иной процессъ, являющійся специфической чертой нашего времени, — огромная концентрація населенія въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ, или *ростъ большихъ Г.* (Современная статистика различаетъ: *большіе Г.* — имѣющіе болѣе 100 тыс. жит., *средніе*—20—100 тыс., *малые*—5—20 тыс. и *Г.-села*—2—5 тыс.). Тѣ же причины, вызвавшія урбанизацію вообще, вызываютъ также и ростъ Г. и образованіе совершенно небывалыхъ доселѣ Г.-колоссовъ. Еще въ 1800 г. во всей Европѣ насчитывалось 22 большихъ Г. съ общимъ числомъ жителей въ 4 милл.; черезъ 100 лѣтъ, въ 1900 г., въ одной только Германіи было 33 большихъ Г. съ общимъ числомъ жит. въ 9 милл., а въ 1910 г.—48 съ общимъ числомъ жит. въ 13,81 милл. Въ Англіи и Уэльсѣ, гдѣ въ 1811 г. было всего лишь 2 большихъ Г., въ настоящее время ихъ имѣется 37. Въ 1870 г. 1 жит. большого Г. приходился въ Герм. имперіи на каждые 20 жит. страны, въ 1880 г.—на 13, въ 1890 на 8, въ 1900 на 6, въ 1910 почти на 5. Въ настоящее время въ большихъ Г. живетъ въ Англіи болѣе $^1/_3$ всего населенія, въ Германіи болѣе $^1/_5$, въ Бельгіи—$^1/_8$, во

Франціи—$^1/_8$, въ Италіи около $^1/_{10}$ (см. табл. 7—11). Наряду съ этимъ ростомъ большихъ Г. идетъ и исключительный ростъ столичныхъ центровъ (см. табл. 13 и 14). — Огромную роль въ увеличеніи городского населенія играетъ пришлый элементъ. Въ 1900 г. въ крупныхъ Г. Германской имперіи пришлый элементъ (переселившіеся) составлялъ 57% всего городск. населенія; въ отдѣльн. Г.: въ Берлинѣ—59,1%, въ Шарлоттенбургѣ—81,1%, въ Мюнхенѣ—63,9%, въ Дрезденѣ—61,6%. Но въ то же время въ Лондонѣ—29,7%, въ Нью-Іоркѣ — 44,9% (см. табл. 12). Тамъ, гдѣ значительная доля въ увеличеніи городского населенія приходится на пришлый элементъ, довольно большой процентъ составляютъ жители пригородовъ или, вообще, сосѣднихъ близлежащихъ мѣстностей. Большую роль въ этомъ отношеніи играетъ сліяніе пригородовъ съ Г. и включеніе пригороднаго населенія въ составъ городского. Естественный приростъ населенія въ Г. довольно значителенъ, но отстаетъ отъ общаго прироста въ странѣ и менѣе великъ, чѣмъ въ деревнѣ. Указываютъ, что тяжелая борьба за существованіе въ Г., неблагопріятныя внѣшнія, соціальныя и экономическія условія, въ которыхъ приходится жить большей части городского населенія, фабричный трудъ, рано изнашивающій организмъ, подчиненіе всѣхъ сторонъ жизни денежному хозяйству съ его раціоналистическимъ духомъ создаютъ въ Г. уменьшеніе плодовитости женщинъ и сокращеніе естественнаго прироста населенія. Смертность въ Г. значительна, болѣе высока, чѣмъ въ деревнѣ, и, хотя рождаемость превышаетъ смертность, но это превышеніе неизмѣнно уменьшается (см. *народонаселеніе*). Но, съ другой стороны, уменьшается и коэффиціентъ смертности, и это составляетъ несомнѣнную заслугу современнаго Г., развившаго до высшей степени санитарн. дѣятельность гор. самоуправленій. Благодаря доставленію жителямъ здоровой воды посредствомъ устройства водопроводовъ, очищенію Г. отъ нечистотъ посредствомъ канализаціи и общему оздоровленію Г. смертность уменьшилась, а въ нѣкоторыхъ зап.-европейскихъ Г. совершенно исчезъ цѣлый рядъ тяжелыхъ эпидемическихъ и даже не эпидемическихъ заболѣваній (см. *санитарія и гигіена*).

Сильная концентрація городского населенія вызываетъ чрезвычайную его скученность (см. табл. 15 — 17). Напр., въ Берлинѣ число земельныхъ участковъ, на каждомъ изъ которыхъ было болѣе 20 квартиръ, составляло въ 1900 г. 37% всего числа застроенныхъ участковъ, тогда какъ въ 1880 г. оно равнялось не болѣе 30%; число участковъ съ болѣе чѣмъ 50 жит. составляло въ 1900 г. 60,3% (въ 1880 г.—50,6%). Среднее число жителей, приходившихся на 1 жилое строеніе, колебалось въ 1905 г. въ 33 большихъ городахъ Германіи между 7,84 и 77,51. Въ отношеніи скученности населенія германскіе Г. превзошли большіе Г. во всѣхъ другихъ странахъ: въ Англіи среднее число жителей, приходящееся на 1 жилое строеніе, колебалось въ 33 б. Г. между 4,21 и 8,03; въ Швейцаріи между 11 и 18,4, въ Бельгіи въ 1901 г.— 4,6 и 8,9. За исключеніемъ Англіи, во всѣхъ другихъ странахъ эта скученность гор. населенія растетъ вмѣстѣ съ ростомъ Г.

Скученность населенія потребовала особой планомѣрной политики *расширенія городской площади*. Это достигается путемъ переустройства старыхъ кварталовъ Г., пріобрѣтенія новыхъ участковъ, на которыхъ новые кварталы разбиваются согласно строго-опредѣленному плану, соотвѣтствующему санитарнымъ, гигіеническимъ и эстетическимъ требованіямъ. Укажемъ здѣсь лишь на наиболѣе характерныя мѣропріятія, связанныя съ жилищной политикой Г. Въ Англіи изданными въ 1890 г. дополненіемъ къ закону 1875 г. (Public Health Amendment Act), спеціальнымъ закономъ для Лондона (Public Health London Act) и спеціальнымъ закономъ о рабочихъ жилищахъ (Housing of the Working Classes Act) гор. самоуправленіямъ предоставлена была широкая дѣятельность въ дѣлѣ оздоровленія цѣлыхъ кварталовъ, ихъ переустройства, очищенія и удаленія отдѣльныхъ необитаемыхъ домовъ, снесенія зданій, загораживаю-

щихъ воздухъ, свѣтъ и т. п. (obstructive buildings); законъ 1909 г. (Housing and Town Plaining Act) предоставляетъ право устанавливать не только планы городскихъ улицъ и построекъ, но и регулировать скученность населенія, опредѣляя максимальную высоту зданій, характеръ, внѣшній видъ и максимальное число ихъ на опредѣленномъ участкѣ земли (0,4 гект.). Во Франкфуртѣ н. М., по иниціативѣ городского головы Адикеса, были изданы два спеціальныхъ закона (lex Adickes, 1902 и 1907 г. г.), на основаніи которыхъ Г. совершаетъ разверстаніе земельныхъ участковъ, принадлежащихъ различнымъ частнымъ собственникамъ. Особенное распространеніе получило въ Бельгіи, Венгріи, Англіи (Holborn-viaduct въ Лондонѣ) и Италіи (Risonamento del centro въ Неаполѣ и Флоренціи) такъ наз. право отчужденія цѣлыхъ кварталовъ, которые совершенно заново перестраиваются, причемъ на Г. лежитъ обязанность предоставить населенію отчуждаемыхъ участковъ новыя квартиры. Въ Пруссіи законъ 1907 г., возложившій на городскія самоуправленія обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы распланировка улицъ „соотвѣтствовала охранѣ историческихъ памятниковъ и эстетическимъ требованіямъ“, предоставилъ Г. широкія права въ дѣлѣ полнаго переустройства и отдѣльныхъ улицъ, и цѣлыхъ кварталовъ, и всѣхъ жилыхъ зданій. Особенно крупные расходы на оздоровленіе и распланировку городскихъ участковъ, а также на постройку жилищъ для рабочихъ, въ частности рабочихъ особняковъ (коттеджей), за послѣднее время приходятся на долю англійскихъ городскихъ управленій. Въ томъ же направленіи, хотя и въ гораздо меньшей степени, идетъ политика расширенія город. площади и въ германскихъ Г.

Эти мѣропріятія вызвали характерныя измѣненія въ самомъ внѣшнемъ видѣ Г.: значеніе окраинъ сильно возросло; особенно настоятельной стала потребность въ особнякахъ, какъ наиболѣе удовлетворительномъ типѣ городского жилища; мѣсто жилья все болѣе и болѣе отдѣляется отъ мѣста трудовой дѣятельности населенія.

Въ тѣсной связи съ этимъ находится и другая область муниципальной политики—развитіе городскихъ путей сообщенія, главнымъ образомъ, соединеніе окраинъ и пригородовъ съ центральными частями города (въ особенности, такъ наз. рабочіе поѣзда, workmen trains (для предоставленія рабочему люду возможности селиться на окраинахъ). Длина всѣхъ Г. жел. дор. въ Лондонѣ (безъ трамваевъ) равнялась въ 1906 г. 116,4 клм., въ Парижѣ въ 1900 г.—36,2 клм., въ Берлинѣ (вмѣстѣ съ окрестностями) 784,4 клм. (1910 г.), въ Нью-Іоркѣ—1990,3 клм. (1900 г.). Въ то время, какъ все населеніе „Большого Лондона“ (Greater London) увеличилось съ 1867 г. по 1903 г. на 86%, город. движеніе возросло на 499%. Это развитіе городской ж.-д. сѣти приводитъ постепенно къ *децентрализаціи* городского населенія. За послѣдніе 20 лѣтъ въ особенности наблюдается значительный ростъ населенія на периферіи и уменьшеніе его въ центрѣ, который служитъ въ настоящее время исключительно центромъ торгово-промышленной, дѣловой жизни. Число жилыхъ помѣщеній и количество постоянно живущихъ въ центрѣ уменьшаются. Въ Лондонѣ въ старомъ Г. число жилыхъ домовъ равнялось въ 1851 г. 14.580, въ 1881 г.—6.493. Въ Берлинѣ въ старомъ Г. за пять лѣтъ (1890—95) изъ 143 участковъ съ жилыми домами убавилось 122, прибавилось 21. Относительно роста населенія на окраинахъ и убыли его въ центрѣ см. табл. 18—21.

Однако, чрезмѣрное усиленіе торговопромышленнаго характера центровъ, значительная потеря рабочими времени на передвиженіе и увеличеніе въ виду этого расходовъ, обременительныхъ для скуднаго бюджета рабочаго (въ Америкѣ, напр., при 5 цент. платѣ за проѣздъ и 300 рабочихъ дней расходъ на передвиженіе составляетъ около 60 долл. въ годъ, или 9,2% общаго заработка), вызвали новое движеніе въ пользу устройства такъ наз. Г.—садовъ (Garden-City, Gartenstadt). Идея эта возникла еще у Фурье и Пекёра, затѣмъ развивалась Рескиномъ и У. Моррисомъ. Въ послѣднее время подъ вліяніемъ англичанина

Гоуарда стали возникать *Г. — сады*, которые необходимо отличать отъ устраиваемыхъ город. самоуправленіями кварталовъ виллъ и рабочихъ поселковъ. Г. — сады, по мысли пропагандистовъ этого движенія,—самостоятельные Г. (съ числомъ жителей не болѣе 30 тыс.), которые должны осуществить соединеніе соціальныхъ и дѣлов. преимуществъ больш. Г. съ приближающейся къ деревнѣ агломераціей населенія. Такой Г. былъ устроенъ 8 лѣтъ тому назадъ въ Летчворсѣ Гоуардомъ и имѣетъ въ настоящее время 9.000 жит., 100 магазиновъ и 30 фабрикъ. Въ Германіи образовалось спеціальное товарищество для устройства Г. — садовъ (Gartenstadtgesellschaft), создавшее возлѣ Дрездена Г. Геллерау, имѣвшій въ 1910 г. 300 особняковъ съ 2.000 жит. Распространеніе этого новаго типа Г. находится, однако, въ тѣсной связи съ общими экономическими условіями въ странѣ, въ частности, съ ея аграрными отношеніями. Въ Англіи и Бельгіи, гдѣ почти совершенно отсутствуютъ села, какъ центры земледѣльческаго труда, и гдѣ въ послѣднее время земельная политика преслѣдуетъ цѣль обезпеченія рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ небольшими земельными участками, на которыхъ могло бы вестись самостоятельное мелкое хозяйство, Г.—сады получаютъ распространеніе. И по мѣрѣ того, какъ увеличеніе тягостей жизни въ больш. Г., съ одной стороны, и усиливающаяся индустріализація сельскаго хозяйства и перенесеніе фабрикъ изъ Г. въ села—съ другой, вызываютъ „возвращеніе къ полямъ“,—растетъ и движеніе въ пользу Г.—садовъ. Но, конечно, не въ нихъ заключается разрѣшеніе вопроса о судьбѣ больш. Г. Вопросъ этотъ страстно обсуждался Руссо, который считалъ больш. Г. чудовищемъ, пожирающимъ человѣч. родъ (Emil, I, стр. 36). Сильная смертность гор. населенія въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., вызванная ростомъ капитализма со всѣми его отрицательными сторонами и, въ особенности, ростомъ пролетаріата, дала поводъ первымъ статистикамъ (Дж. Граунтъ, Галлей, Петти, Зюссмильхъ) еще раньше говорить о вырождаемости гор. населенія и считать, что деревня служитъ тѣмъ живымъ источникомъ, откуда Г. постоянно и неизбѣжно черпаютъ новый человѣческій матеріалъ. Въ послѣднее время это же мнѣніе получило большое распространеніе въ реакціонныхъ аграрныхъ кругахъ, въ особенности въ Германіи, гдѣ цѣлый рядъ изслѣдователей (Ганзенъ, Отто Аммонъ, Ад. Вагнеръ, Ольденбергъ и др.) считаютъ переходъ къ аграрному государству отъ современнаго промышленнаго (отличающагося количественнымъ преобладаніемъ гор. населенія) главнымъ средствомъ для спасенія страны отъ физическаго и моральнаго вырожденія ея населенія. Большіе Г. снова объявляются чудовищемъ, приносящимъ всѣ ужасы пролетаризаціи, пауперизаціи, смертности, дегенераціи и антиморальныхъ условій жизни. Между тѣмъ, уменьшеніе плодовитости женщинъ, сокращеніе естественнаго прироста населенія, сильная смертность давно уже перестали быть специфически городскими явленіями (какъ это доказано Веберомъ въ Америкѣ, Брентано, его ученикомъ Кучинскимъ и Момбертомъ въ Германіи). Всѣ эти явленія въ не меньшей степени наблюдаются и въ деревнѣ, поскольку туда проникаетъ денежное хозяйство съ осложненіемъ борьбы за существованіе и развитіемъ женскаго фабричн. труда. Г., какъ сосредоточіе торгово-промышленной дѣятельности, соціальныхъ противорѣчій, классовой борьбы, воплощаютъ лишь въ себѣ всѣ отрицательныя черты, специфически присущія современному капитализму. Но въ нихъ же достигаютъ высшаго развитія духовныя и матеріальныя силы, ведущія человѣчество къ освобожденію отъ всѣхъ золъ капитализма. Возникнувъ вмѣстѣ съ капитализмомъ, Г. растутъ вмѣстѣ съ нимъ, и судьба ихъ неразрывно связана съ его судьбой.

Библіографія. „Statistical Abstract for the *United Kingdom*“ №№ 54 и 58 (1907 и 1911); „Statistique internationale du mouvement de la population“. Resumé retrospectif (1907); „Annuaire statistique de la France“ (1907 и 1911); „Abstract of the Twelfth Census“ (1900); „Statistical Abstract of the United Sta-

Статистика роста современныхъ городовъ.

I. Распредѣленіе населенія между городомъ и деревней (табл. 1—6).

1. Англія и Уэльсъ.

Годы переписи.	Все населеніе (въ тыс.)	Сельское. тыс.	Сельское. %	Городское. тыс.	Городское. %
1851	17.928	8.937	49,9	8.991	50,0
1861	20.066	9 105	44,7	10.961	54,6
1871	22 712	8.671	38,2	14.041	61,8
1881	25.974	8.338	32,1	17.637	67,9
1891	29 003	8 107	27,9	20 896	72,0
1901	32.528	7.172	23,0	25.351	77,0
1911	36 075	7.906	22,0	28.169	78,0

2. Франція.

Годы переписи.	Все населеніе (въ тыс.)	Городское. тыс.	Городское. %	Сельское тыс.	Сельское %
1851	35.783	9.135	25,5	26.648	74,5
1861	37.386	10.790	28,9	26 597	71,1
1872	36.012	11.235	31,1	24 868	68,9
1881	37 672	13.097	34,8	24.576	65,2
1891	38.343	14.311	37,4	24.039	62,6
1901	38 962	15.974	40,9	22.987	59,1
1906	93.252	16.537	42,1	22.715	57,9

3. Сѣв.-Ам. Соед. Штаты.

Годы перепи	Все насел. (тыс.)	Городское тыс.	Городское %
1800	5.308	211	3,9
1850	23.192	2.898	12 4
1860	31.443	5.072	16,1
1870	38.558	8.072	20,9
1880	50.156	11 319	22,5
1890	62.622	18.284	29,2
1900	75.995	24.992	32,9
1910	91.972	42.623	46,3

4. Германская имперія.

Годы переписи.	Все населеніе (въ тыс)	Городское. тыс.	Городское. %	Сельское. тыс.	Сельское. %
1871	41 061	14.791	36,1	26.219	63,9
1875	42 729	16.657	39,0	26 070	61,0
1880	45.236	18 721	41,4	26 514	58,6
1885	46.858	20.479	43,7	26 377	56,3
1890	49.428	23 243	47.0	26 185	53,0
1895	52.280	26 257	50,2	26.002	49,8
1900	56.367	30.633	54,3	26.734	45,7
1905	60.641	34.819	57,2	25.822	42,7

5. Городское население (въ %).

Годы перепи	Прус.	Бавар	Сакс.	Вюрт.	Баден	Гесс.	Мекл. Шверин
1871	37	24	49,5	31	32,5	36	37
1875	37	26	53	34	35	39	38
1880	40	28	57	35	38	40	40
1885	43	29	59	37	39,5	43	41
1890	45	32	63	39	48	45	42,5
1895	48	34,5	66	45	45	48	44,5
1900	51	40	69	44	50,5	54	46
1905	55,5	42	71	47,5	54,5	58	47

6. Россія (гор. нас.).

Годы.	Населеніе (тыс.)	% ко вс. нас.
1724	328	3.0
1782	802	3,1
1796	1.301	4,1
1812	1.653	4.4
1835	3.025	5,8
1851	3 482	7,8
1867	8.157	10,6
1897	16 785	13,0
1911	22.719	13,7

II. Распредѣленіе город. населенія по городамъ (табл. 7—11).

7. Франція.

Годы.	Города-села. Чис.	Города-села. Нас. тыс.	Малые города. Чис.	Малые города. Нас. тыс.	Средніе города. Чис.	Средніе города. Нас. тыс.	Большіе города. Чис.	Большіе города. Нас. тыс.
1872	660	2.214	368	3.310	65	2 414	9	3 290
1886	714	2.404	416	3.810	86	3.289	11	4.263
1906	—	—	514	4.595	114	4.252	15	5.429

8. Германская имперія.

Годы.	Города-села. Чис.	Нас. мил.	%	Малые города. Чис.	Нас. мил.	%	Сред. города. Чис.	Нас. мил.	%	Бол. города Ч.	Нас. мил.	%
1871	1.786	5,05	12,4	529	4,58	11,2	75	3,14	7,6	8	1,96	4,8
1880	1.950	5,74	12,7	641	5,67	12,5	102	4,02	8,9	14	3.27	7,2
1890	—	5,81	11,7	—	6,36	12,9	—	4,93	10,0	26	6,53	13,2
1900	2.269	6,8	12,1	864	7,6	13,5	194	7,1	12,6	33	9,12	16,2
1905	2.386	7,1	11,8	945	8,3	13,7	208	7,8	12,9	41	11,5	19,0
1910	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48	13,8	21,3

9. Англ. и Уэльсъ (% ко вс. н.).

Годы.	Лонд. (безъ приг.)	Другіе б. гор.	Ср. гор. (20—100 т.).
1801	9,73	0	7,21
1811	9,93	2,08	6,10
1821	10,20	3,27	7,35
1831	10,64	5,71	8,70
1841	11,75	6,52	10,63
1851	13,18	9,40	12,42
1861	13,97	11,02	13,92
1871	14,33	11,50	16,20
1881	14,69	14,91	18,40
1891	14,52	17,30	21,76
1901	14,0	25,5	21,45
1911	12,59	38,0	22,70

10. Сѣв.-Ам. Соед. Штаты.

Города съ числомъ жит. (въ тыс.)	1880. Насел. въ тыс	1880. %	1910. Насел. въ тыс	1910. %
25—50	1 250	2,4	4 054	4,4
50—100	1.370	2,7	4.179	4,5
100—200	1.010	2,0	2.819	2,4
200—300	1.050	2,0	2.288	2,4
300—500	960	1,8	3.683	4,0
500—1 м.	1.050	2,9	3.011	3,2
1—2 м.	1.350	2,6	3 724	4,4
3 м. и бол	1.910	3,9	4.767	5,1

11. Россія (къ 1906 г.).

	Города-села. Насел. въ тыс.	Города-села. %	Малые города. Насел. въ тыс.	Малые города. %	Средніе города. Насел. въ тыс.	Средніе города. %	Большіе города. Насел. въ тыс.	Большіе города. %
Евр. Россія.	639	4,1	4.389	28,0	5 511	35,1	5.132	37,8
Прив. губ..	69	2,7	771	30,1	623	24,3	1 099	42,9
Кавказъ ...	24	1,2	862	44,1	742	38	324	16,7
Ср. Азія...	40	3,7	189	17,4	694	63,8	164	15,1
Сибирь... .	35	5,5	179	28,0	427	66,5	—	—
Во всей Россіи ...	809	3,7	6.592	29,2	7.998	36,4	6.722	30,7

III. % соотнош. между естеств. прирост. и др. фактор. увелич. насел.

Табл. 12.

Города.	Годы.	Вклад естест. приро	Переселен	Включ. пригородовъ
Лондонъ ...	1852—91	84,03	15,97	—
Копенгаг...	1801—90	42,98	57,02	—
Кельнъ.. ..	1821—90	34,10	28,48	37,42
Берлинъ ...	1801—90	26,72	—	—
Вѣна.....	1801—90	20,52	32,48	47,00
Лейпцигъ ..	1801 -90	16,42	39,70	43,88
Парижъ ...	1821—90	15,53	64,21	20,56
Бреславль..	1821—90	15,16	79,21	5,63
Мюнхенъ..	1811—90	10,59	72,26	17,15

IV. Ростъ отдѣльныхъ большихъ городовъ (табл. 13 и 14).

13. Россія (нас. въ тыс.).

Города.	1897	1867	% увел.	Города.	1897	1867	% увел
С.-Петерб..	1267	539	136,7	Вильна.....	159	69	129,7
Москва	1035	351	194,8	Ташкентъ..	156	80	95,5
Варшава...	638	180	253,0	Саратовъ ..	137	84	62,5
Одесса.....	405	118	240,4	Казань.....	131	63	106,9
Лодзь.....	315	32	872,0	Екатеринос.	121	19	508,0
Рига.....	282	77	264,6	Рост. н/Д...	119	29	310,0
Кіевъ.....	247	68	261,7	Астраханъ .	113	42	163,8
Харьковъ ..	174	52	236,0	Баку.....	112	13	702,0
Тифлисъ ...	160	60	163,3				

IV. Ростъ отдѣльн. большихъ городовъ.

Табл. 14

Города.	1911	1850	% увел.	Города	1911	1850	% увел.	Города.	1910	1850	% увел.	Города	1910	1850	% увел.
Ливерпуль .	747	397	88	Марсель ...	551	195	182	Стокгольмъ	342	93	267	Нюрнбергъ....	183	35	371
Манчестеръ	714	336	112	Ліонъ.....	524	177	196	Брюссель ..	666	184	261	Базель.....	132	28	440
Бирмингэмъ	526	242	117	Лиллъ.....	218	76	186	Антверпенъ	321	88	267	Женева ...	126	42	200
Лидсъ.	446	172	159	Гамбургъ[1].	931	132	605	Лиссъ	175	76	130	Амстердамъ	574	224	156
Шеффильдъ	455	135	237	Мюнхенъ[1].	596	110	441	Трієстъ	229	83	176	Роттердамъ.	427	90	374
Бристоль .	357	154	131	Лейпцигъ[1].	590	63	836	Лембергъ...	206	68	203	Гаага.....	281	72	290
Глазго ...	784	329	139	Копенгаг...	462	127[2]	263	Грацъ.....	152	55	108	Мадридъ...	572	281[3]	103
Бельфастъ .	385	87	342	Христіанія .	242[4]	28	764	Будапештъ.	880	178	394	Барселона .	560	175	217

Города	1909	1879	% увел.	Города	1910	1850	% увел.	Города.	1910	1850	% увел.	Города.	1908	1860	% увел.
Неаполь ...	549	459	30	Нью-Іоркъ .	4767	516	675	Питтсбургъ.	533	46	1045	Іокагама ..	394	170[5]	131
Миланъ ...	591	293	102	Бруклинъ ..		97		Буффало...	428	42	914	Осака.....	1226	487[4]	161
Римъ	549	289	90	Чикаго.....	2185	29	7197	С.Франциско	416	34	1070	Сидней.....	592	383	54
Туринъ	379	232	61	С. Луи.....	687	78	785	Мильвоки ..	373	20	1763	Мельбурнъ .	549	49.	11
Палермо ...	321	237	35	Кливелендъ	560	17	3191	Б.-Айресъ..	1320	236	459	Брисбэнъ ..	137	102	34

[1]) 1910 г. [2]) 1845 г. [3]) 1861 г. [4]) 1890 г.

V. Скученность населенія въ большихъ городахъ (табл. 15—17).

15. Германія.

Города.	На 1 жилое строеніе приход. чел. 1895	1905
Бременъ....	7,84[1])	7,96
Крефельдъ .	14,23	13,46
Страсбургъ	16,97[1])	16,10
Аахенъ ...	17,30	16,25
Кельнъ.....	14,76	16,41
Брауншвейгъ...	18,05[1])	17,35
Барменъ ...	18,21	18,46
Франкф. н М	17,82	18,75
Эссенъ.....	16,90	18,92
Эльберфельдъ ..	18,35	18,82[1])
Альтона....	20,13	19,65
Нюрнбергъ.	19,49[1])	—
Штуттгартъ.	21,06[1])	19,46
Дюссельдорфъ....	18,69	20,09
Дортмундъ .	19,09	20,48
Ганноверъ .	19,27	20,98
Данцигъ....	21,06	21,47
Мангеймъ	22,16[1])	23,75
Галле н. З..	20,13	23,92
Кильъ.....	21,98	26,91
Кассель....	23,96	27,04
Лейпцигъ ..	27,84[1])	27,64
Дрезденъ..	28,68[1])	27,69
Хемницъ ...	30,14[1])	30,29
Кенигсбергъ	30,29	30,31
Магдебургъ	31,31	33,23
Мюнхенъ...	36,61[1])	36,53
Гамбургъ ..	33,59	36,81
Штеттинъ..	30,02	37,34
Позенъ ...	39,44	43,03
Бреславль..	51,22	51,97
Шарлоттенб.	60,07[1])	69,78
Берлинъ ...	71,15	77,54
Въ средн...	-	27,07
Безъ Берл..	—	24,25

16. Англія.

Города.	На 1 жилое строеніе приход. чел. 1891	1901
Галифаксъ .	4,44	4,21
Норичъ	4,53	4,44
Ноттингэмъ.	4,65	4,57
Лиссъ... ..	4,71	4,53
Кингстонъ .	4,71	4,60
Олдгэмъ....	4,73	5,59
Брэдфордъ .	4,78	4,36
Престонъ ..	4,82	4,67
Шеффильдъ	4,86	4,80
Болтонъ....	4,89	4,67
Лейстеръ...	4,89	4,64
Дерби.....	4,90	4,61
Блэкбернъ..	4,91	4,65
Бирмингэмъ	5,01	4,84
Манчестеръ	5,04	4,99
Салфордъ ..	5,06	5,02
Соутгэмптонъ....	5,22	5,28
Кройдонъ...	5,43	5,21
Портсмутъ .	5,43	5,17
Ливерпуль .	5,62	5,55
Бирконгедъ.	5,71	5,62
Брайтонъ ..	5,93	5,70
Тоттенгэмъ.	6,04	6,21
Кардиффъ .	6,30	5,87
Уэстъ Гэмъ.	6,39	6,46
Ронда.....	6,52	5,98
Бристоль...	6,09	5,65
Сендерлендъ	6,99	6,80
Ньюкасль ..	7,33	8,03
Уилледенъ .	7,51	7,16
Лондонъ ...	7,73	7,93
Гетсгедъ ..	7,94	8,01
Пимутъ ...	8,51	7,86
Въ средн...	—	5,94
Безъ Лонда.	—	5,11

[1]) 1900 г.

17. Германія (на 1 гект.).

Города.	Въ городѣ съ площ. 1871 г. 1871	1910	Во включ. съ 1871—1910 г. пригород. 1871	1910
Берлинъ ...	139,4	339,5	2,7	141,1
Нюрнбергъ.	73,7	104,8	2,1	18,8
Карлсруэ ..	65,2	194,0	2,4	6,6
Бреславль .	68,5	161,4	3,9	78,5
Эссенъ	58,5	148,4	5,9	54,7
Гамбургъ ..	47,4	145,6	1,3	5,2
Хемницъ ...	54,0	143,0	6,1	34,5
Мюнхенъ...	47,8	120,6	2,7	31,6
Дрезденъ...	59,0	116,6	3,7	52,7
Лейпцигъ...	61,5	110,6	11,2	70,7
Кильъ.....	21,0	97,5	2,9	26,9
Бременъ ...	48,2	86,1	4,1	27,5
Позенъ....	59,8	80,2	2,5	33,1
Мангеймъ.	16,6	66,1	1,9	7,3
Дюссельдорфъ....	14,3	59,5	1,7	11,1
Штеттинъ..	12,7	30,3	23,2	78,2

VI. Децентр. нас. больш. гор. (18-21).

18. Парижъ (нас. въ тыс.).

Участки:	Населеніе (тыс.) 1861	1896	Увелич. (+) или уменьш. (—) въ %	Жителей на 1 гект. 1861	1896
Внутренніе:					
1. Лувръ ...	89	65	— 25	471	347
2. Биржа ...	81	67	— 18	784	682
3 Темпль...	99	88	— 12	813	761
4 Г. Дума .	108	98	— 10	693	629
Окраины:					
1. Вожираръ	56	135	+137	78	187
2. Пасси....	36	103	+182	52	143
3 Монсо....	75	185	+142	169	416
4.Монмартръ	106	228	+111	203	448
Весь Парижъ	1668	2537	+ 48	214	326

19. Лондонъ (нас. въ тыс.).

Годы	Графство.	Сити.	Графство безъ Сити.	Окраины.	Большой Лондонъ.
1801	959,3	128,1	831,2	155,3	1.114,7
1851	2 363,3	127,8	2.235,5	317,6	2.680,9
1911	4.523,0	19,7	4. 03,3	2.730,0	7 253 0
По сравненію съ 1801 г.					
1801	100	100	100	100	100
1851	246	99,7	269	204	240
1911	467	15,3	541	1.756	650

20. Вѣна

Участки.	1869	1910
1 участокъ (внутр. гор)	53 901	53.100
Виденъ (торг. часть)	69.505	62 938
Фавоританъ (б. окраин.)	5.500	152 397
Оттакрингъ (прежде ок)	31.362	177 687
Вся Вѣна..	879.430	2.031 498

21. Берлинъ.

Годы.	Во включен съ 1871—1910 г. окраинахъ. Насел.	% увел. по сравн. съ 1871 г.	Большой Берлинъ. Нас. тыс.	% увел. по сравн. съ 1871 г.
1871	1.150	100	887	100
1890	8.328.	724	1 854	209,2
1900	23 727	2 063	2.534	285,9
1910	60 554	5 266	3.418	385,5

tes“ (1911); „Statistisches Handbuch für das Deutsche Reich“ (1907, I); „Das Deutsche Reich in gesundheitlicher u. hygienischer Beziehung“ (1907); „The municipal Year-Book“ (1912); „Statistisches Jahrbuch deutscher Städte“ (1903, 1907, 1910); *S. Schott*, „Die grossstädtischen Agglomerationen d. Deutschen Reichs“ (1912); „Statist. Jahrbuch d. Stadt Wien“ (1912); „Города Россіи“ (1904); „Статистич. Ежегодникъ“ (1906); „Россія въ концѣ XIX вѣка“; „Handbuch der Hygiene, hersgb. von Weyl“ IV suplm. Band (1904); *Eberstadt*, „Handbuch des Wohnungswesens“ (1909); *Wuttke*, „Die deutschen Städte“ (1904, I и II); *P. Meuriot*, „Des agglomérations urbaines dans l'Europe contemporaine“ (1898); *A. F. Weber*, „The Growth of cities in the XIX Century“ (1899); *R. Kuczynski*, „Der Zug nach die Stadt“ (1904); *K. Ballod*, „Die Lebensfähigkeit d. städtischen u. ländlichen Bevölkerung“ (1897); *P. Mombert*, „Studien zur Bevölkerungsbewegung in Deutschland“ (1907); *A. Newsholme* a. *T. Stevenson*, „The Decline of human Fertility in the United Kingdom and other countries as shown by corrected birth-rates“, Journ. of R. Statistical Society (1906); *Fuchs*, „Zur Wohnungsfrage“ (1904); *L. Pohle*, „Die Wohnungsfrage“ (1910, I и II); *A. Riess*, „Kommunale Wirtschaftspflege“ (1911); *L. Bauer*, „Der Zug nach die Stadt u. d. Stadterweiterung“ (1904); *Ad. Wagner*, „Agrar — u. Industriestaat“ (1902); *K. Oldenberg*, „Deutschland als Industriestaat“ (1897); *A. Weber*, „Die Grossstadt und ihre sozialen Probleme“ (1908); *E. Howard*, „Garden-Cities of to-morrow“ (1902, русск. пер. 1911); *H. Kampfmeyer*, „Die Gartenstadtbewegung“ (1909); „*Sozialdemokratische Gemeindebibliothek*“ № 2 и 4. *С. Загорскій.*

Городское самоуправленіе на Западѣ и въ Россіи. Городское самоуправленіе, какъ особый спеціальный видъ мѣстнаго управленія, предназначенный исключительно для городскихъ поселеній, существуетъ не во всѣхъ странахъ Запада. Не знаетъ особаго Г. с. законодательство двухъ романскихъ странъ—Франціи и Италіи. Точно также не находимъ особаго Г. с. въ остающихся вѣрными началамъ французскаго коммунальнаго законодательства нѣмецкихъ: Баденѣ, Гессенѣ, Вюртембергѣ, Пфальцѣ, Рейнской провинціи и Эльзасъ-Лотарингіи. Однако, и здѣсь, гдѣ не дѣлается различія между городской и сельской коммуной, и въ остальныхъ странахъ Запада, гдѣ городское управленіе получило особую организацію,—вездѣ уже въ основу коммунальнаго управленія положено начало *самоуправленія*,—принципъ участія самого населенія въ завѣдываніи своими мѣстными или мѣстно-ограниченными государственными дѣлами. Исключительно бюрократическое управленіе городами черезъ правительственныхъ профессіональныхъ чиновниковъ повсюду отошло въ область исторіи... Точно также повсюду Г. с. оказывается въ настоящее время построеннымъ по одному и тому же общему типу: 1) городской избирательный корпусъ, какъ база, 2) вышедшій изъ его лона совѣщательный и распорядительный совѣтъ, 3) исполнительный органъ и 4) на самомъ верху этой пирамиды—должностное лицо, облеченное ролью высшаго представителя коммуны. Этотъ типъ получилъ уже нынѣ преобладаніе даже тамъ, гдѣ еще сравнительно недавно была господствующей система непосредственнаго народнаго управленія; по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупныя швейцарскія городскія коммуны (Бернъ, Женева, Люцернъ, Фрейбургъ, Цюрихъ и др.) окончательно отказались отъ сдѣлавшагося практически невозможнымъ рѣшенія коммунальныхъ дѣлъ общиннымъ сходомъ и перешли къ представительной системѣ, организовавъ свои муниципальныя учрежденія по общеевропейскому типу.

Однако, ни общность основного типа организаціи, ни фактъ повсемѣстнаго базированія послѣдней на одномъ и томъ же принципѣ самоуправленія не исключаютъ чрезвычайнаго разнообразія, представляемаго западно-европейскимъ Г. с., какъ въ отношеніи деталей организаціи и внѣшнихъ формъ, въ которыя въ разныхъ мѣстахъ облекается одно и то же содержаніе, такъ и въ отношеніи самаго содержанія. Главная причина такого разнообразія,—это различіе въ степени и въ способахъ примѣненія начала самоуправленія,—различіе, обусловленное

особенностями той политической, общественной и бытовой обстановки, въ которой складывалось Г. с. каждой данной страны. Отсюда, прежде всего, далеко не одинаковое отношеніе различныхъ законодательствъ къ вопросу о компетенціи или кругѣ предметовъ вѣдомства Г. с. (см. *городское хозяйство*). Въ общемъ и основномъ это—отношеніе двухъ типовъ: англійскаго и континентальнаго. Въ Англіи, не знающей ни особыхъ (отъ государственныхъ) общественныхъ дѣлъ, ни особыхъ (отъ мѣстнаго самоуправленія) органовъ правительственной администраціи и осуществляющей все свое внутреннее управленіе на мѣстахъ черезъ посредство органовъ мѣстнаго самоуправленія,—въ Англіи нѣтъ такой отрасли внутренняго управленія, которую—разъ только она поддается мѣстному ограниченію—можно было бы признать принципіально не подлежащей компетенціи Г. с. Что ограничиваетъ его компетенцію, это—единственно компетенція рядомъ съ нимъ существующихъ органовъ самоуправленія, такъ какъ до недавняго еще времени англійское законодательство проявляло довольно сильную склонность создавать для удовлетворенія каждой вновь возникающей мѣстной задачи и новые спеціальные органы. Но со времени послѣднихъ муниципальныхъ реформъ (1882—1894 гг.), усилившихъ общественное довѣріе къ муниципальнымъ учрежденіямъ, эта тенденція значительно ослабѣла. и Г. с. сосредоточило въ своихъ рукахъ постепенно почти всѣ предметы вѣдомства прежнихъ особыхъ органовъ. Нельзя считать ограничивающимъ компетенцію Г. с. и то положеніе англійскаго права, въ силу котораго органы мѣстнаго самоуправленія вѣдаютъ только предметы, точно указанные въ законѣ,—нельзя потому, что Г. с. предоставлено промовировать частные парламентскіе билли, соотвѣтственно расширяющіе компетенцію того или другого муниципалитета каждый разъ, когда онъ по ходу дѣла найдетъ практически необходимымъ принять къ своему вѣдѣнію новый, ранѣе закономъ не предусмотрѣнный, предметъ. Можно поэтому сказать, что англійское Г. с. въ каждый данный періодъ имѣетъ всю ту компетенцію, какую оно для себя признаетъ дѣйствительно практически необходимою. Но этого отнюдь нельзя сказать о континентальномъ Г. с. На континентѣ болѣе или менѣе строго соблюдается различіе между дѣлами общественными, составляющими естественную сферу компетенціи мѣстнаго самоуправленія, и государственными. Различіе это не всегда ясно и опредѣленно выражено въ законѣ, тѣмъ не менѣе фактически существуетъ почти повсемѣстно. Если веденіе нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ, слѣдовательно, выполненіе государственныхъ функцій и „поручается“ органамъ мѣстнаго самоуправленія [1]), то органамъ исполнительнымъ, поставленнымъ въ непосредственную зависимость отъ правительственной власти и дѣйствующимъ подъ ея ближайшимъ руководствомъ и надзоромъ. Но по мѣрѣ того, какъ исполнительные органы Г. с. изъ единоличныхъ и чисто бюрократическихъ (Голландія, Бельгія) превращаются въ коллегіальные и общественные (Италія, Пруссія), континентальная система все болѣе теряетъ свою первоначальную строгость и все болѣе приближается къ англійскому порядку, единственно отвѣчающему понятію самоуправленія,—къ перенесенію государственныхъ функцій на мѣстахъ на коммунальные совѣты, слѣдовательно, къ распространенію ихъ компетенціи и на поддающіяся мѣстному ограниченію дѣла государственнаго управленія.

Обращаясь, затѣмъ, къ организаціи Г. с. на Западѣ, необходимо, прежде всего, остановиться на ихъ базѣ—на

---

[1]) Обычный кругъ „порученныхъ“ дѣлъ слѣдующій: 1) опубликованіе законовъ и правительственныхъ распоряженій, 2) организація мѣстной полиціи и завѣдываніе ею, 3) изданіе распоряженій и обязательныхъ постановленій по предметамъ, касающимся охраны порядка, имущества и личной безопасности, свободы движенія, народныхъ собраній, рынковъ, ресторановъ, гостинницъ, санитарной части, народнаго здравія, противопожарныхъ мѣръ и т. д., 4) регистрація и учетъ населенія—браки, рождаемость, смертность, 5) донесеніе высшей власти о выдающихся съ точки зрѣнія общественнаго порядка событіяхъ мѣстной жизни и 6) выполненіе разныхъ въ законѣ указанныхъ порученій центральной власти.

дѣйствующихъ муниципальныхъ избирательныхъ системахъ. Господствующими донынѣ являются системы, построенныя на цензовомъ основаніи,—имущественномъ или налоговомъ. Антидемократичность и антисоціальность этихъ системъ усугубляется различными дополнительными нормами, назначеніе которыхъ—усилить консерватизмъ городского избирательнаго корпуса, закрыть доступъ къ избирательнымъ урнамъ малоимущимъ трудовымъ слоямъ городского населенія, обезпечить зависимость городского дѣла отъ имущихъ классовъ вообще и отъ нѣкоторыхъ ихъ категорій въ особенности. Изъ такого рода нормъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: требованіе отъ избирателей правъ мѣстнаго гражданства (Пруссія, Австрія, Швейцарія, Баварія, Вюртембергъ, Саксонія), раздѣленіе избирателей (Пруссія, Австрія, Саксонія) на классы (до 5 въ Хемницѣ), предоставленіе крупнымъ избирателямъ множественныхъ вотумовъ (въ Стокгольмѣ—до 100 голосовъ одному избирателю), предоставленіе крупнымъ плательщикамъ права входить въ составъ городскихъ совѣтовъ безъ выбора (въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи и въ Венгріи), обязательность выбора извѣстной части совѣта изъ среды домовладѣльцевъ (въ Пруссіи и Саксоніи—1/2, въ Вестфаліи—2/3), наконецъ, разнообразныя ограниченія пассивнаго избирательнаго права (повсемѣстно, за единственнымъ исключеніемъ Богеміи, гдѣ, наоборотъ, пассивное избирательное право шире активнаго). Однако, всѣ такого рода ограниченія коммунальнаго избирательнаго права являются нынѣ не столько живыми, сколько отжившими нормами, пережитками прошлаго, не вездѣ одинаково быстро, но неуклонно и безвозвратно исчезающими подъ натискомъ новыхъ требованій и новыхъ идей. Цензитарная система, еще остающаяся господствующей, уже перестала быть исключительной. Имѣется рядъ странъ, въ которыхъ муниципальные выборы производятся уже на основѣ всеобщаго избирательнаго права (Бельгія, Испанія, Норвегія, Франція и частью Швейцарія). Правда, это еще не то всеобщее право, которое составляетъ предметъ стремленій демократіи, такъ какъ оно искажается системой множественнаго вотума (Бельгія), подвергается значительнымъ ограниченіямъ въ отношеніи возраста избирателей (въ Бельгіи, напр., отъ избирателя требуется возрастъ не менѣе 30 лѣтъ), въ отношеніи продолжительности проживанія въ общинѣ (отъ 3 мѣсяц. въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ до 3 лѣтъ въ Бельгіи) и не распространено на нѣкоторыя категоріи населенія, изъ которыхъ самая обширная—женщины (впрочемъ, норвежское законодательство дѣлаетъ по отношенію къ нимъ ту поправку, что, не распространяя на нихъ всеобщаго права, тѣмъ не менѣе допускаетъ ихъ къ участію въ городскихъ выборахъ на цензитарномъ основаніи—подъ условіемъ уплаты небольшого налога). Но и въ такой мѣрѣ ограниченное и даже искаженное всеобщее избирательное право представляетъ собою значительный шагъ впередъ сравнительно съ цензитарной системой, роль которой, несомнѣнно, сходитъ на нѣтъ и тамъ, гдѣ она еще остается въ силѣ. Такъ, прусское законодательство оказалось вынужденнымъ допустить отступленія отъ коренныхъ основаній трехклассной системы, предоставивъ городскимъ управленіямъ производить такого рода измѣненія въ ней, вплоть до замѣны ея такъ называемой двѣнадцатиклассной, которыя должны были сдѣлать, по крайней мѣрѣ, болѣе равномѣрнымъ представительство классовъ. Въ Венгріи значеніе исключительной привилегіи, которая предоставлена владѣльцамъ крупныхъ цензовъ, нѣсколько ослабляется тѣмъ, что лицамъ, обладающимъ извѣстной степенью образованія, уплачиваемые ими налоги—при опредѣленіи избирательныхъ правъ—засчитываются въ двойномъ противъ дѣйствительнаго поступленія размѣрѣ, такъ что и они попадаютъ въ разрядъ крупныхъ избирателей. Нѣкоторыя законодательства наряду съ цензовыми избирателями предоставляютъ избирательное право болѣе или менѣе обширнымъ категоріямъ лицъ, не обладающимъ цензомъ, но удовлетворяющимъ извѣстнымъ интеллектуальнымъ требованіямъ (capacitaires) (Нижняя

Австрія, Богемія и Италія; въ послѣдней capacitaires составляютъ даже большинство — болѣе 60% — коммунальнаго избирательнаго корпуса). Для массы городского населенія, впрочемъ, гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ эти поправки къ цензитарной избирательной системѣ, имѣетъ несомнѣнная тенденція западно-европейскаго законодательства къ пониженію цензовыхъ нормъ. Въ Даніи недавно (въ 1908 г.) цензъ для коммунальныхъ выборовъ пониженъ съ 1000 кронъ дохода до 800 кр., т. е., до низшаго предѣла подлежащаго обложенію дохода. Въ Пруссіи закономъ 1900 г. цензъ пониженъ до 4 марокъ государственнаго подоходнаго налога, тогда какъ раньше онъ нигдѣ не былъ менѣе 6 марокъ, а въ нѣкоторыхъ областяхъ даже выше. Значеніе этого пониженія, мѣстами повысившаго количество городскихъ избирателей на 50%, сдѣлается понятнымъ, если принять во вниманіе, что налогъ въ 4 марки соотвѣтствуетъ категоріи дохода въ 660—900 м., доходъ же ниже 900 мар. свободенъ отъ обложенія; такимъ образомъ, коммунальное избирательное право въ Пруссіи распространено теперь и на обширный контингентъ лицъ, хотя фиктивно, для внесенія въ избирательные списки, и числящихся плательщиками налога, но въ дѣйствительности его не платящихъ. Въ Италіи коммунальный избирательный цензъ въ настоящее время настолько не высокъ, что, не будь здѣсь обязательной для избирателя грамотности, страна фактически имѣла бы почти всеобщее избирательное право, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ его имѣетъ французская коммуна. Не на много болѣе низкимъ, чѣмъ во Франціи, является также процентное отношеніе коммунальныхъ избирателей къ городскому населенію въ Англіи, гдѣ избирательное право предоставлено всѣмъ—женщинамъ въ томъ числѣ,—нанимающимъ домъ или какого бы то ни было размѣра квартиру и уплачивающимъ соотвѣтствующій налогъ въ пользу бѣдныхъ. И въ отношеніи распространенія избирательныхъ правъ на женщинъ Англія не исключеніе: мы находимъ женщинъ въ роли коммунальныхъ избирательницъ уже во всѣхъ скандинавскихъ странахъ. Наконецъ, не менѣе важнымъ улучшеніемъ дѣйствующихъ коммунальныхъ избирательныхъ системъ является все учащающееся примѣненіе нормъ, имѣющихъ задачей защиту правъ меньшинства. Въ разныхъ видахъ и варіаціяхъ мы встрѣчаемся въ настоящее время съ такой защитой въ избирательныхъ процедурахъ нѣкоторыхъ изъ швейцарскихъ кантоновъ (Бернъ, Женева, Люцернъ, Фрейбургъ), Бельгіи, Норвегіи (факультативно, — въ тѣхъ общинахъ, которыя въ силу предоставленнаго имъ закономъ права пожелали ввести ее у себя), Италіи (обязательная во всѣхъ случаяхъ, когда подлежитъ избранію не менѣе 5 муниципальныхъ совѣтниковъ) и Баваріи (по закону 1908 г. въ общинахъ съ населеніемъ болѣе 4.000 д.). Въ конечномъ итогѣ, въ какой бы мѣрѣ устарѣлыми ни представлялись во многихъ отношеніяхъ дѣйствующія на Западѣ коммунальныя избирательныя системы, приходится все-таки установить, что, благодаря постепенной ихъ демократизаціи, повсюду, даже въ странахъ, остающихся при цензитарной системѣ, доступъ къ участію въ городскихъ выборахъ открытъ уже и широкимъ трудовымъ массамъ городского населенія, — очень незначительный пока доступъ въ однѣхъ странахъ, довольно широкій и свободный въ другихъ.

Переходя отъ городского избирательнаго корпуса къ выходящему изъ его лона городскому распорядительному органу — *муниципальному, или коммунальному, совѣту*, приходится, прежде всего, отмѣтить, что составъ послѣдняго только въ рѣдкихъ случаяхъ является точнымъ отраженіемъ избирательнаго корпуса. Благодаря дѣйствующимъ избирательнымъ системамъ, получается искусственный отборъ, въ силу котораго въ составъ городскихъ совѣтовъ попадаютъ по преимуществу наиболѣе консервативные и наиболѣе имущественно обезпеченные элементы. Количество подлежащихъ избранію совѣтниковъ опредѣляется или особыми и спеціальными для каждаго города актами (инкорпораціонными хартіями—въ Англіи, ко-

ролевскими декретами—въ пользующихся особыми статутами прусскихъ провинціяхъ) или же общимъ для всѣхъ городовъ закономъ; въ послѣднемъ случаѣ—обыкновенно устанавливается скала нормъ состава, приведенныхъ въ извѣстное отношеніе къ размѣрамъ городскихъ поселеній. Наименѣе многочислененъ составъ датскихъ городскихъ совѣтовъ—отъ 7 до 19 совѣтниковъ (нечетное число обязательно); самые многолюдные совѣты венгерскіе—до 200 членовъ, а въ Будапештѣ даже 400, со включеніемъ членовъ ex officio. Срокъ служенія городскихъ совѣтниковъ колеблется между 3 годами въ Англіи и 9 г. въ Баваріи. Обновляются совѣты въ большинствѣ случаевъ (кромѣ Франціи) по частямъ, при чемъ выбываетъ обыкновенно 1/3 состава, въ Англіи каждый годъ, въ Вюртембергѣ, Голландіи, Италіи, Пруссіи—каждые 2 г., въ Баваріи каждые 3 года, въ Бельгіи каждые 4 года обновляется $^1/_2$ совѣта, а въ Даніи каждые 2 года обновляется разъ четная, другой—нечетная часть общаго нечетнаго числа совѣтниковъ. Въ странахъ съ частичнымъ обновленіемъ совѣтовъ общіе выборы происходятъ только въ двухъ случаяхъ: въ случаѣ роспуска совѣта правительствомъ—во-первыхъ, во-вторыхъ—если въ силу естественной убыли количество наличныхъ членовъ совѣта опустится ниже извѣстной нормы (въ Италіи, напр., ниже $^2/_3$). Цѣль, преслѣдуемая частичнымъ обновленіемъ, понятна сама собою, это—гарантія противъ черезчуръ рѣзкихъ перемѣнъ въ направленіи муниципальной политики и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно болѣе долгое сохраненіе въ совѣтѣ накопленныхъ опыта и знаній. Въ Англіи той же цѣли служитъ еще сверхъ того институтъ *ольдерменовъ*, избираемыхъ совѣтомъ въ количествѣ трети своего состава изъ числа наиболѣе опытныхъ и заслуженныхъ совѣтниковъ срокомъ на 6 лѣтъ, т. е. на срокъ вдвое больщій, чѣмъ сами совѣтники, и несущихъ обыкновенно обязанности предсѣдателей исполнительныхъ комитетовъ. Большинство континентальныхъ законодательствъ устанавливаетъ извѣстное количество обязательныхъ засѣданій (сессій совѣта), главнымъ образомъ, для разсмотрѣнія городской росписи, годовыхъ отчетовъ и для выбора должностныхъ лицъ Г. с. Всѣ законодательства одинаково устанавливаютъ рядъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ признается недостаточнымъ простое большинство голосовъ совѣта, а требуется усиленное большинство, преимущественно $^2/_3$ голосовъ. Обыкновенно это — вопросы, затрагивающіе наиболѣе важные имущественные интересы коммуны или касающіеся отвѣтственности должностныхъ лицъ городского управленія.

Вопросъ о силѣ и дѣйствительности дѣлаемыхъ совѣтомъ постановленій, слѣдовательно, о предѣлахъ и объемѣ его власти различными законодательствами разрѣшается разно—въ зависимости отъ того, какъ далеко простираются завоеванія, сдѣланныя общественнымъ началомъ—принципомъ самоуправленія—въ нигдѣ еще, кромѣ Англіи и Швейцаріи, не закончившейся борьбѣ его съ началомъ бюрократическимъ. На Западѣ мы имѣемъ еще налицо всѣ стадіи этой борьбы, всѣ ступени, подымаясь по которымъ Г. с. достигаетъ полной самостоятельности въ принятіи и осуществленіи своихъ рѣшеній. На низшей, начальной ступени мы находимъ Бельгію, гдѣ почти всѣ постановленія совѣта лишены дѣйствительной силы, если они не утверждены надлежащей правительственной властью, и гдѣ администраціи въ лицѣ префекта принадлежитъ право надзора не только за законностью, но и за цѣлесообразностью постановленій (система опеки). На противоположномъ полюсѣ стоитъ Англія, гдѣ Г. с. достигло уже наивысшей степени самостоятельности: здѣсь постановленія городского совѣта не подлежатъ ничьему контролю въ отношеніи ихъ цѣлесообразности и отмѣняемы могутъ быть только судомъ, если онъ найдетъ ихъ не соотвѣтствующими закону; если для очень немногихъ, особенно важныхъ постановленій (о займахъ, о переустройствѣ городскихъ поселеній и т. д.) и требуется утвержденіе, то его даетъ законодательная власть—парламентъ или высшіе органы центральнаго управленія, но не иначе,

какъ по уполномочію парламента и подъ условіемъ его послѣдующей санкціи.

Степенью самостоятельности Г. с. въ огромной мѣрѣ опредѣляется характеръ и структура его исполнительныхъ органовъ. Система опеки не можетъ получить полнаго осуществленія, если къ ея услугамъ нѣтъ исполнительнаго органа, находящагося въ наибольшей зависимости отъ правительственной власти. Эта система предпочитаетъ, какъ въ Голландіи, Бельгіи, Франціи, въ слѣдующихъ французскому законодательству провинціяхъ Пруссіи и частью въ Богеміи, исполнительный органъ не выборный (назначенный), единоличный или, во всякомъ случаѣ, не коллегіальный и почти совершенно независимый отъ муниципальнаго совѣта. Голландскій, бельгійскій или французскій мэръ — это, собственно, правительственный чиновникъ, извѣстнымъ образомъ вкрапленный въ Г. с. Наоборотъ, тамъ, гдѣ Г. с. достигло наивысшей степени самостоятельности, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшую свободу въ опредѣленіи структуры своихъ органовъ, тамъ и исполнительные органы получаютъ въ наибольшей мѣрѣ общественный характеръ. Англія такъ далеко ушла отъ бюрократической организаціи исполнительныхъ органовъ, что таковыхъ, особыхъ отъ муниципальнаго совѣта, мы тамъ совсѣмъ не находимъ, ибо тамъ муниципальный совѣтъ сосредоточиваетъ въ себѣ всю полноту мѣстной власти—и распорядительной, и исполнительной. Между этими двумя полюсами, опредѣляемыми системой опеки, съ одной стороны, и наивысшей самостоятельностью Г. с., съ другой, располагаются западноевропейскія государства, постепенно все болѣе отдаляясь отъ первой и все болѣе приближаясь ко второй. Изъ особенностей же, присущихъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ государствамъ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія: въ Вюртембергѣ (какъ мѣстами и въ Швейцаріи) исполнительный органъ (гражданская управа) избирается не коммунальнымъ совѣтомъ, а непосредственно городскимъ избирательнымъ корпусомъ, при чемъ каждые два года обновляется половина ея состава. Въ Саксоніи допускается избраніе *шеффеновъ* (членовъ управы) на „пробу“ на сокращенный противъ нормальнаго срокъ. Здѣсь же одинъ изъ шеффеновъ долженъ обязательно обладать степенью кандидата правъ или доктора юридическихъ наукъ; нѣкоторые же мѣстные статуты требуютъ еще, кромѣ того, чтобы среди остальныхъ шеффеновъ были люди, обладающіе какими-либо спеціальными техническими знаніями. Требованіе отъ членовъ исполнительной городской коллегіи высокаго образовательнаго и профессіональнаго ценза составляетъ также характерную черту всего вообще германскаго муниципальнаго строя. Существенно отличенъ отъ европейскаго германскій порядокъ въ отношеніи роли, играемой магистратомъ. Вездѣ, гдѣ существуютъ исполнительныя коллегіи, онѣ имѣютъ и свою болѣе или менѣе значительную особую компетенцію въ отношеніи „порученныхъ“ дѣлъ, а также, напр., по назначенію городскихъ служащихъ, установленію разнаго рода таксъ и т. д.; но поскольку на нихъ возложено исполненіе постановленій совѣта, онѣ находятся въ болѣе или менѣе подчиненномъ къ нему отношеніи. Прусскій же магистратъ является исполнителемъ постановленій совѣта единственно постольку, поскольку онъ это самъ находитъ нужнымъ. Вѣрнѣе даже будетъ сказать, что онъ выполняетъ только свои собственныя постановленія, ибо постановленія совѣта имѣютъ силу только въ томъ случаѣ, если они состоялись по соглашенію съ магистратомъ. На магистратѣ же лежитъ обязанность, въ случаѣ признанія имъ какого-нибудь постановленія совѣта незаконнымъ, передать его на разсмотрѣніе правительственной власти. Въ дѣйствительности магистратъ—не исполнительный органъ совѣта, а равная ему и даже надъ нимъ стоящая инстанція, тотъ органъ, которому принадлежитъ вся полнота и распорядительной, и исполнительной муниципальной власти. Въ этомъ отношеніи прусскій магистратъ аналогиченъ англійскому совѣту съ той огромной и существенной разницей, что онъ представляетъ собою коллегію профессіональныхъ, хотя и выборныхъ, но утверждаемыхъ правительствомъ чиновниковъ.

Кромѣ предустановленныхъ закономъ исполнительныхъ коллегій подъ разными названіями (управъ, юнтъ, магистратовъ), большинство западноевропейскихъ законодательствъ дозволяетъ городскимъ совѣтамъ учреждать особыя исполнительныя комиссіи, какъ изъ членовъ совѣта, такъ и, вообще, изъ среды городскихъ избирателей. Въ какой мѣрѣ охотно прибѣгаютъ къ ихъ учрежденію въ странахъ демократическихъ, особенно враждебно относящихся къ бюрократизаціи городскихъ исполнительныхъ органовъ, можно судить по тому, что въ одномъ Цюрихѣ, напр., насчитывается болѣе 70 комиссій, завѣдывающихъ различными отраслями городского хозяйства и городскими учрежденіями. Существуютъ такія комиссіи и въ Пруссіи, но здѣсь ихъ значеніе корректива противъ чрезмѣрной бюрократизаціи городского управленія умѣряется тѣмъ, что онѣ состоятъ *при* магистратахъ подъ предсѣдательствомъ ихъ членовъ и не имѣютъ права непосредственнаго доклада городскому совѣту.

Во главѣ городской исполнительной власти стоитъ повсемѣстно лицо, обыкновенно избираемое совѣтомъ и, большей частью, въ немъ же предсѣдательствующее (мэръ, синдикъ, бургомистръ, прево и др.). Въ нѣкоторыхъ государствахъ (Голландіи, Бельгіи) оно непосредственно назначается королемъ. Въ отступленіе же отъ общаго порядка въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ мэръ избирается не коммунальнымъ съѣздомъ, а непосредственно городскими избирателями. Особенность германскихъ порядковъ въ данномъ случаѣ выражается, во-1), въ чисто профессіональномъ характерѣ этой должности (бургомистра), которая (съ утвержденія правительства) замѣщается исключительно лицами, сдѣлавшими муниципальную службу своей профессіей; во-2), въ продолжительности срока, на который эта должность замѣщается: въ Пруссіи обыкновенно на 12 лѣтъ, въ Мюнхенѣ, Лейпцигѣ, Штутгартѣ, Хемницѣ и многихъ другихъ германскихъ городахъ даже пожизненно; въ-3), въ обязательности высокаго образовательнаго ценза: въ крупныхъ городахъ, располагающихъ правомъ имѣть двухъ и даже болѣе бургомистровъ, изъ которыхъ одинъ носитъ названіе оберъ-бургомистра, послѣдній долженъ выдержать экзаменъ, доказывающій, что онъ обладаетъ извѣстными юридическими или административными познаніями, при чемъ избавляется отъ такого экзамена только тотъ, кто уже раньше опубликовалъ извѣстнаго рода научныя работы или занималъ соотвѣтственную должность. Въ Пруссіи же въ городахъ окружныхъ бургомистръ долженъ удовлетворять требованіямъ, которыя предъявляются къ аспирантамъ на высшія судебныя и административныя должности. Еще болѣе высокъ уровень этого рода требованій, предъявляемыхъ къ бургомистрамъ въ Вюртембергѣ: факультетъ политическихъ и государственныхъ наукъ въ тюбингенскомъ университетѣ, между прочимъ, и предназначенъ именно для подготовки бургомистровъ.

Съ должностью, о которой тутъ идетъ рѣчь, связано выполненіе не только муниципальныхъ, но и государственныхъ функцій по „порученнымъ“ дѣламъ, и при томъ не только административныхъ, но и судебныхъ (въ Англіи, Франціи, Пруссіи, Вюртембергѣ и др.). Повсюду, гдѣ лицо, эту должность занимающее, является одновременно по характеру своихъ функцій агентомъ центральной правительственной власти, послѣдняя пользуется правомъ отрѣшенія его отъ должности. Между прочимъ, въ Италіи это право, совершенно уничтожающее общественный характеръ должности главы коммунальной администраціи, компенсируется тѣмъ, что однородное же право предоставлено и коммунальному совѣту: по мотивированному письменному предложенію, сдѣланному не менѣе, чѣмъ одной третью совѣтниковъ, коммунальный совѣтъ можетъ мотивированнымъ же постановленіемъ, принятымъ двумя третями голосовъ, отрѣшить отъ должности почему-либо неугоднаго ему синдика. Та историческая парабола, которую продѣлала уже эта должность, начиная съ всевластнаго французскаго мэра и кончая почти чисто декоративнымъ мэромъ англійскимъ,—эта парабола не

оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ институтомъ, осужденнымъ на исчезновеніе, съ институтомъ, которому все меньше и меньше остается мѣста по мѣрѣ того, какъ Г. с. все болѣе демократизируется, постепенно избавляясь отъ послѣднихъ остатковъ бюрократизма и все болѣе проникаясь началами, соотвѣтствующими понятію самоуправленія.

Сообразно такой эволюціи Г. с., по мѣрѣ того какъ опека смѣняется самостоятельностью, соотвѣтственно эволюціонируютъ также органы надзора и контроля. Право утвержденія постановленій совѣта перестаетъ быть единоличнымъ правомъ префекта (Франція), а переходитъ къ бюрократическому же, но коллегіальному учрежденію (совѣту префектуры—тамъ же — постановленія объ отчужденіи и покупкѣ недвижимыхъ имуществъ и т. п.). Это первая стадія. Вторая—переходъ этого права къ полубюрократическимъ, полувыборнымъ коллегіальнымъ органамъ административной юстиціи (провинціальная административная юнта въ Италіи, постоянная депутація — въ Бельгіи, провинціальная комиссія—въ Голландіи и т. д.). Третья стадія—контроль высшихъ инстанцій мѣстнаго же самоуправленія (Швейцарія, окружные совѣты въ Пруссіи, областные ландтаги въ Австріи). Наконецъ, высшія стадіи: контроль судебный (въ Англіи) и законодательныхъ органовъ (большого совѣта въ Швейцаріи и парламента — въ Англіи). Понятно, что въ условіяхъ судебнаго контроля не можетъ быть мѣста даже намеку на какую бы то ни было опеку правительства надъ Г. с. Органы центральнаго правительства въ этомъ случаѣ имѣютъ не больше правъ, чѣмъ любой плательщикъ налоговъ, ибо обращаться въ судъ съ ходатайствомъ о признаніи незаконными постановленій совѣта можетъ каждый городской плательщикъ. Само собою разумѣется, что надзоръ былъ бы чисто платоническимъ, если бы въ распоряженіи надзирающихъ органовъ не было надлежащихъ мѣръ воздѣйствія на Г. с. На континентѣ главнѣйшія изъ этихъ мѣръ слѣдующія: 1) право инстанцій, утверждающихъ бюджетъ, вносить въ него не сдѣланныя совѣтомъ ассигновки на покрытіе обязательныхъ расходовъ, 2) право надзирающихъ инстанцій непосредственно выполнить тѣ акты, по закону для Г. с. обязательные, отъ выполненія которыхъ оно уклоняется, 3) право тѣхъ же инстанцій непосредственно приводить въ исполненіе утвержденныя постановленія совѣта, если того своевременно не сдѣлалъ городской исполнительный органъ, 4) право надзирающаго органа въ случаѣ запутанности или медленности дѣлопроизводства въ учрежденіяхъ Г. с. назначать въ нихъ (за ихъ счетъ) правительственнаго комиссара для приведенія дѣлъ въ порядокъ, 5) отрѣшеніе отъ должности главы городской исполнительной власти, а иногда и всей исполнительной коллегіи, наконецъ, 6) роспускъ общиннаго совѣта. Въ Англіи всѣ эти мѣры замѣняются одной, наиболѣе соотвѣтствующей понятію самоуправленія и въ то же время наиболѣе дѣйствительной— судебнымъ рѣшеніемъ. Въ распоряженіи англійскаго центральнаго правительства, впрочемъ, имѣется и еще одно средство воздѣйствія на Г. с.,— лишеніе его субсидіи, если оно ведетъ то дѣло, на которое субсидія предназначена, не такъ, какъ бы того желало правительство. Но, очевидно, въ данномъ случаѣ правительство выступаетъ не столько въ качествѣ власти, сколько въ роли стороны, отказывающейся отъ договора въ виду несоблюденія его другой стороной. Однако, изложеннымъ не исчерпываются всѣ существующіе виды и формы контроля надъ Г. с. При всей бдительности государственныхъ органовъ надзора одинъ ихъ надзоръ не можетъ служить безусловной гарантіей для интересовъ населенія. Опытъ устанавливаетъ даже нѣчто гораздо худшее, именно, что вмѣшательство этихъ органовъ иногда только усугубляетъ вредъ, терпимый населеніемъ. Только контроль самого населенія способенъ служить достаточной гарантіей противъ нарушенія муниципалитетомъ его интересовъ, и въ наиболѣе прогрессивныхъ законодательствахъ мы находимъ уже нормы, устанавливающія также контроль этого рода. Онъ осуществляется въ разныхъ формахъ. Наиболѣе важная изъ

ныхъ — это муниципальный *референдумъ*, приближающій Г. с. къ формѣ непосредственнаго народнаго управленія. Классической страной муниципальнаго референдума является Швейцарія; но въ частичномъ видѣ мы находимъ его уже и въ трехъ монархическихъ странахъ: Англіи, Богеміи и Италіи. Въ Англіи муниципальные совѣты могутъ промовировать билли (о расширеніи ихъ компетенціи) и расходовать необходимыя на это средства только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы постановленіе совѣта по этому предмету было утверждено голосованіемъ самихъ городскихъ налогоплательщиковъ. Въ Богеміи повышать старые налоги или вводить новые въ цѣляхъ полученія средствъ, необходимыхъ для устройства городскихъ предпріятій, коммунальный совѣтъ можетъ только въ томъ случаѣ, если за такое повышеніе или введеніе новаго налога выскажется не менѣе двухъ третей избирателей. Въ Италіи, по закону 1903 года, референдумъ обязателенъ во всѣхъ случаяхъ, когда совѣтъ рѣшаетъ произвести муниципализацію какого-либо предпріятія. Избиратели простымъ „да“ или „нѣтъ“ должны высказаться за или противъ предположенной муниципализаціи; въ томъ случаѣ, если послѣдняя референдумомъ отвергнута, предложеніе о ней не можетъ быть возобновлено ранѣе истеченія трехлѣтняго срока, но срокъ этотъ сокращается до одного года, если того потребуетъ не менѣе трети избирателей. Въ Италіи же имѣетъ частичное примѣненіе и институтъ „народнаго иска“ (azione popolare). Это институтъ, съ которымъ мы встрѣчались уже въ Англіи, гдѣ, какъ было сказано, каждый налогоплательщикъ имѣетъ право возбудить въ судѣ дѣло о незаконности постановленій городского совѣта, вызывающихъ денежный расходъ. Въ Италіи „народный искъ“ направленъ не противъ незаконности дѣйствій или постановленій муниципальнаго совѣта, а противъ нерадивости органовъ коммунальнаго управленія въ отношеніи охраны интересовъ общины или сознательнаго попустительства ихъ нарушенію. Въ силу дѣйствующаго коммунальнаго закона, каждый городской плательщикъ имѣетъ право за свой страхъ и рискъ предъявлять иски и возбуждать дѣла въ охрану правъ и въ защиту интересовъ коммуны, а судъ, въ который поступили жалоба или исковое прошеніе, долженъ сдѣлать постановленіе, обязывающее муниципалитетъ вступить въ дѣло.

Изъ общихъ всему Западу чертъ коммунальнаго устройства слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующія. Даже законодателю, наиболѣе проникнутому идеями равненія и шаблона, фактически нѣтъ возможности совершенно игнорировать основной опредѣляющій факторъ городской жизни — численность населенія. Болѣе или менѣе съ нею считаются всѣ законодательства: одни, какъ австрійское, саксонское, прусское, настолько, что находятъ даже необходимымъ два особыхъ муниципальныхъ строя для крупныхъ и мелкихъ городовъ,—другія, каковыхъ большинство, ограничиваются тѣмъ, что ставятъ въ зависимость отъ численности населенія болѣе или менѣе существенныя частности организаціи городского управленія. Въ результатѣ повсемѣстно получается упрощенная организація, а частью и суженная компетенція мелкихъ городовъ сравнительно съ болѣе крупными. Въ значительной мѣрѣ тѣмъ же моментомъ—численностью населенія—опредѣляется и то обстоятельство, что почти всѣ столицы (Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Вѣна, Брюссель, Стокгольмъ, Копенгагенъ) имѣютъ особое муниципальное устройство, существенно отличающееся отъ обычнаго въ каждомъ соотвѣтствующемъ государствѣ. Впрочемъ, кромѣ того, что столицы обыкновенно являются наиболѣе крупными въ странѣ центрами скопленія людскихъ массъ, тутъ имѣетъ значеніе также ихъ исключительная важность, какъ политическихъ центровъ, въ которыхъ сосредоточены всѣ высшія государственныя установленія. Общими чертами ихъ муниципальной организаціи являются: во-1-хъ, подчиненіе столичнаго самоуправленія усиленному контролю и надзору центральной правительственной власти, при чемъ послѣдняя, между прочимъ, сосредоточиваетъ исключительно въ своихъ рукахъ столичную полицію бе-

зопасности, во-2-хъ, раздѣленіе города на мелкія муниципальныя единицы, дѣятельность которыхъ координируется центральнымъ муниципальнымъ органомъ.

Расположивъ страны Запада въ порядкѣ возрастающей демократичности ихъ муниципальныхъ учрежденій и возрастающаго проникновенія ихъ началомъ самоуправленія, мы увидимъ, что порядокъ этотъ всегда рѣзко измѣняется съ перемѣною признака, положеннаго въ основу группировки. Въ одномъ восходящемъ порядкѣ располагаются страны, если мы ихъ сгруппируемъ по избирательнымъ системамъ, въ другомъ—если онѣ сгруппированы по объему компетенціи, въ третьемъ—по степени самостоятельности и т. д. Это значитъ, что западноевропейскія страны въ своемъ стремленіи къ возможно большему усовершенствованію муниципальнаго строя начинаютъ это совершенствованіе не въ одно время и не съ однѣхъ и тѣхъ же сторонъ своего коммунальнаго устройства. Иначе и невозможно, если принять въ соображеніе разнообразіе дѣйствующихъ въ данномъ случаѣ причинъ и условій. Но повсемѣстная эволюція Г. с. въ сторону какого-то идеальнаго строя въ результатѣ всѣхъ группировокъ оказывается не подлежащей сомнѣнію. При этомъ обнаруживается, что и самый идеалъ, какимъ, по крайней мѣрѣ, онъ рисуется современному нашему правосознанію, представляетъ собою уже нѣчто конкретное, почти вполнѣ осуществленное и испытанное, только не въ его органической цѣлости и полнотѣ, а разрозненными частями въ разныхъ странахъ. Собранныя воедино эти разрозненныя части даютъ такую схему доведеннаго до высшей при наличныхъ условіяхъ степени совершенства коммунальнаго самоуправленія: 1) всеобщее, тайное и равное безъ различія половъ избирательное право, 2) распорядительный органъ, составленный по принципу пропорціональнаго представительства, 3) исполнительные органы, организуемые по свободному усмотрѣнію самого распорядительнаго органа, съ широкимъ участіемъ въ нихъ населенія,—предъ нимъ отвѣтственные и ему подчиненные, 4) замѣщеніе исключительно по выборамъ всѣхъ отвѣтственныхъ муниципальныхъ должностей съ правомъ Г. с. досрочно отрѣшать избранныхъ отъ должности въ случаѣ потери ими довѣрія своихъ избирателей, 5) компетенція, распространяющаяся на все мѣстное управленіе городского поселенія, включая сюда и область чисто мѣстныхъ пользъ и нуждъ, и поддающіеся мѣстному ограниченію предметы государственнаго управленія, 6) полная самостоятельность, обезпеченная судебнымъ контролемъ, наконецъ, 7) референдумъ и право „народнаго иска“.

Въ прямую противоположность тому, что мы только что видѣли на Западѣ, наше муниципальное законодательство на протяженіи болѣе вѣка проявляетъ устойчивую тенденцію къ стремленію вспять. XIX вѣкъ начинается съ отмѣны—въ 1800 г. Павломъ I—созданнаго Екатериной II городского самоуправленія (см. *городъ въ Россіи*, XV, 648) и замѣны его почти чисто бюрократическимъ управленіемъ. Со вступленіемъ на престолъ Александра I, въ 1801 г., дѣйствіе Жалованной Грамоты городамъ возстановляется, и Город. Полож. 1785 г. съ небольшими модификаціями и за небольшими исключеніями остается въ силѣ вплоть до городской реформы 1870 г. Однако, это сила—чисто бумажная. Муниципальная реформа, произведенная Екатериной II, была не столько реформой, сколько революціей, ибо не усовершенствовала старыя учрежденія, а поставила на ихъ мѣсто совершенно новыя, построенныя на новыхъ же началахъ, являвшихся кореннымъ отрицаніемъ стараго порядка. Это—начала *всесословности* и *самостоятельности*, являющіяся основными предпосылками истиннаго самоуправленія. Тѣмъ не менѣе, муниципальная революція 1785 г. была уже заранѣе роковымъ образомъ осуждена на безплодіе, потому что совершена была *сверху* чисто кабинетнымъ путемъ, исходя изъ теоретическихъ соображеній, а не въ силу категорическаго императива снизу, со стороны заинтересованнаго въ городскомъ дѣлѣ населенія. Новое городское самоуправленіе было создано безъ соображенія съ живой дѣйстви-

тельностью, какъ государственною, такъ и спеціально городскою, съ наличными потребностями, съ реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ. Не только въ XVIII, но на протяженіи ²/₃ девятнадцатаго вѣка несоотвѣтствіе новыхъ муниципальныхъ правовыхъ нормъ дѣйствительности и вытекавшимъ изъ нея потребностямъ должно было быть, поэтому, огромнымъ. И чрезвычайно характерно для законодательнаго творчества Екатерины, что несоотвѣтствіе проявилось именно въ чрезмѣрной широтѣ новыхъ нормъ,—такой широтѣ, что, съ одной стороны, ихъ не могъ вмѣстить въ себѣ тогдашній государственный строй; съ другой, оказался безсильнымъ наполнить ихъ живымъ и дѣятельнымъ содержаніемъ тогдашній городъ. Въ представлявшемъ собою систему организованнаго произвола самодержавно-бюрократическомъ и сословно-крѣпостническомъ государственномъ строѣ не могло быть достаточно мѣста ни для всесословности, ни—тѣмъ болѣе—для самостоятельности общественнаго управленія. Въ лишенномъ промышленнаго и культурнаго значенія городѣ, въ составѣ сословій котораго самое многочисленное — мѣщанское—почти сплошь занималось земледѣліемъ и не имѣло потому никакихъ спеціально городскихъ интересовъ, точно такъ же, какъ никакими своими интересами не было органически связано съ городомъ только „проживавшее" въ немъ дворянство,—въ такомъ городѣ, какимъ былъ русскій городъ вплоть до послѣдней трети прошлаго вѣка, не могло и возникнуть сколько-нибудь серьезныхъ всесословныхъ нуждъ и потребностей, удовлетвореніе которыхъ могло бы составить задачу всесословнаго городского хозяйства, слѣдовательно, и управленія. Наконецъ, со стороны той части населенія, которая должна была быть болѣе или менѣе близко заинтересована въ городскомъ дѣлѣ и состояла частью изъ разночинцевъ, главнымъ же образомъ—изъ купцовъ и мѣщанъ же (жившихъ мелкими городскими промыслами),—отъ этой части населенія трудно было, принимая во вниманіе ея культурный уровень, ожидать сознательнаго отношенія къ обще-городскимъ нуждамъ, и еще менѣе можно было, считаясь съ ея навыками, забитостью и безправіемъ, предполагать въ ней способность противостоять начальственному произволу. Естественно, что на протяженіи первыхъ двухъ третей XIX в. мы наблюдаемъ, какъ подъ суровымъ давленіемъ извнѣ, лишенное внутренней энергіи и внутренняго, соотвѣтствующаго формѣ содержанія и потому въ огромной степени „пустотѣлое" городское самоуправленіе постепенно деформируется, сокращается, сжимается и, наконецъ, фактически совершенно исчезаетъ. Съ самаго начала номинально всесословное, оно становится въ дѣйствительности купеческо-мѣщанскимъ. Отъ самостоятельности скоро не остается ни малѣйшаго слѣда: шестигласная дума превращается въ слѣпую и послушную исполнительницу губернаторскихъ распоряженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу того закона, что съ прекращеніемъ функціи атрофируется и выполняющій ее органъ, мало-по-малу отмираютъ и атрофируются тѣ части муниципальнаго организма, которыя въ наибольшей мѣрѣ воплощали въ себѣ общественное начало: къ половинѣ XIX в. не оказывается уже на Руси ни одного города, гдѣ имѣлась бы еще общая дума, и только въ немногихъ городахъ продолжаютъ еще существовать депутатскія собранія. Обслѣдованіе же, произведенное въ 1867 г., обнаружило не мало городовъ, гдѣ исчезла и шестигласная дума, слѣдовательно, не осталось никакихъ органовъ городского самоуправленія: ни распорядительныхъ, ни исполнительныхъ. Да и была ли въ нихъ надобность тамъ, гдѣ, съ одной стороны, не существовало общегородскихъ задачъ, съ другой — все равно всѣмъ безконтрольно распоряжалась губернская власть, имѣвшая къ своимъ услугамъ наиболѣе соотвѣтствующій ей исполнительный органъ—полицію?

Систематическое вырожденіе екатерининскаго городского самоуправленія, обусловливая собою жалкое состояніе городского хозяйства и скудость городскихъ кассъ, такимъ образомъ, частью косвенно, частью непосредственно задѣвало — и нерѣдко весьма чувствительно — интересы казенные и правительственные. Уже одно это служило

достаточнымъ стимуломъ для правительства — предпринять новое, наиболѣе соотвѣтствующее его интересамъ преобразованіе городского управленія. Въ 1821 г. начинается работа по пересмотру Городового Положенія, завершающаяся четверть вѣка спустя частной реформой—введеніемъ въ Петербургѣ Город. Пол. 1846 г., распространеннаго затѣмъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, на Москву, Одессу и Тифлисъ. Эта реформа, давшая нѣсколько существенныхъ техническихъ улучшеній, дѣлаетъ крупный шагъ назадъ въ смыслѣ принципіальномъ. Его характерныя черты: чрезвычайное повышеніе (въ 6 разъ) избирательнаго ценза, болѣе рѣзкое проведеніе сословнаго принципа и сугубая бюрократизація городского управленія, не только путемъ усиленія правительственной опеки, но и прямымъ введеніемъ въ составъ „распорядительной думы“ назначаемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ „члена отъ короны“.

Крестьянская реформа, кореннымъ образомъ измѣнившая соціально-экономическую и отчасти политическую структуру русскаго государства, создавъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно новыя условія городской жизни, снова рѣзко и повелительно поставила на очередь вопросъ объ общей для всей Россіи городской реформѣ. Рѣшеніемъ этого вопроса явилось Городовое Положеніе 1870 г. Будучи однимъ изъ заключительныхъ актовъ великой эпохи реформъ, это Положеніе не могло не отразить въ себѣ реакціонныхъ тенденцій, которыми правительство все болѣе пропитывалось по мѣрѣ удаленія отъ 19 февраля. Абсолютно нормы новаго Положенія (въ особенности, главнѣйшія, опредѣляющія избирательное право, компетенцію и предѣлы власти Г. с.), шире соотвѣтствующихъ нормъ Положенія 1785 г. Но въ то время, какъ послѣднее было значительно шире дореформенной городской дѣйствительности и открываемыхъ ею возможностей, Город. Полож. 1870 г. значительно уже тѣхъ возможностей, которыя возникли въ условіяхъ новаго, пореформеннаго города и которыя дѣйствительно приняты были въ расчетъ въ первоначальномъ, широко задуманномъ, но не осуществившемся планѣ городской реформы. И не только въ такомъ относительномъ смыслѣ Городовое Положеніе 1870 г. дѣлаетъ попятный шагъ въ сравненіи съ Положеніемъ 1785 г.; оно становится и абсолютно ниже послѣдняго введеніемъ въ группировку избирателей строго классового принципа: прежняя шестиразрядная система (*см.* XV, 650), строго сословный характеръ которой къ тому же существенно нарушался всесословнымъ составомъ перваго разряда и capacitaires'ами пятаго,—эта система открывала возможность несравненно большей *равномѣрности* представительства, чѣмъ то обратно-пропорціональное представительство, которое создано было въ 1870 г. путемъ раздѣла избирателей, сообразно размѣру уплачиваемыхъ ими городскихъ сборовъ, на три класса, изъ которыхъ каждый, независимо отъ численности его состава, избиралъ одинаковое съ другими количество гласныхъ.

Само собою разумѣется, что крайняя неравномѣрность представительства въ огромной степени уничтожала ту пользу, которую городское населеніе могло бы извлечь изъ большой широты избирательнаго права. Но широта эта, во всякомъ случаѣ—и въ этомъ ея большое принципіальное значеніе—была такова, что въ мелкихъ и среднихъ городахъ избирательное право было фактически почти всеобщимъ, открывая доступъ къ избирательнымъ урнамъ и малоимущей массѣ городского населенія. Не менѣе серьезное принципіальное значеніе имѣло категорически выраженное въ законѣ признаніе самостоятельности Г. с. Но именно эти два важнѣйшихъ основанія реформы 1870 г. заранѣе осуждали на гибель вновь созданный муниципальный строй по той простой причинѣ, что самостоятельный—хотя бы только номинально—органъ мѣстнаго самоуправленія, базированный на широко-демократическомъ избирательномъ правѣ, кореннымъ образомъ несовмѣстимъ съ самодержавнымъ политическимъ строемъ. Исчезновеніе перваго становилось, поэтому, роковой неизбѣжностью съ того момента, какъ правительство вздумало бы серьезно

заняться укрѣпленіемъ незыблемости послѣдняго. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг., какъ извѣстно, правительство, дѣйствительно, усиленно занялось такимъ укрѣпленіемъ, и въ результатѣ—вмѣстѣ съ другими пріобрѣтеніями, сдѣланными русскимъ народомъ въ освободительную эпоху, у него было отнято и Городовое Положеніе 1870 г. Той задачей, которую поставилъ себѣ на этотъ разъ законодатель—приведеніе городского управленія въ строгое соотвѣтствіе съ самодержавно-бюрократическимъ строемъ государственной власти, сдѣлавъ его вмѣстѣ съ тѣмъ возможно болѣе вѣрнымъ и послушнымъ слугою послѣдней, этой задачей съ логической неизбѣжностью предопредѣлялись и тѣ діаметрально-противоположныя предыдущимъ начала, которыя имѣли быть положенными въ основаніе новаго городского устройства; мѣсто самостоятельности должна была занять административная опека, широкое же общественное участіе въ городскомъ управленіи должно было смѣниться возможно большей его бюрократизаціей.

При всемъ усердіи творцовъ контръ-реформы совершенно устранить изъ городского управленія общественный элементъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ по существу многихъ задачъ, лежащихъ на этомъ управленіи, такое устраненіе поставило бы въ затруднительное положеніе самое правящую бюрократію. Городское управленіе продолжаетъ, поэтому, оставаться „городскимъ общественнымъ управленіемъ“ рядомъ и параллельно съ „городскимъ полицейскимъ управленіемъ“, но исчезаетъ „городское общество“, какъ субъектъ права, и остается только „городское поселеніе“, какъ объектъ управленія. Избирательное право предоставляется ничтожному меньшинству городского населенія, предполагавшемуся—и не безъ основанія, какъ показалъ опытъ—наиболѣе приверженнымъ къ самодержавно-бюрократическому строю. Это, во-1), владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, обложенныхъ оцѣночнымъ въ пользу города сборомъ и стоющихъ по оцѣнкѣ отъ 300 р. въ мелкихъ городахъ до 3.000 р. въ столицахъ, во-2), владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ заведеній, выбирающіе купеческія свидѣтельства. При этомъ евреи совершенно лишены избирательныхъ правъ. Въ результатѣ—избирательное право оказывается предоставленнымъ едва одному проценту городского населенія; его лишены: вся рабочая масса, всѣ ремесленники, всѣ мелкіе торговцы и домовладѣльцы. Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, какъ то установлено пишущимъ эти строки на основаніи избирательныхъ списковъ (см. журналъ „Народное Хозяйство“, ноябрь и декабрь 1901 г.), въ большинствѣ провинціальныхъ городовъ главную массу цензовыхъ домовладѣльцевъ составляютъ служащіе и отставные чиновники разныхъ вѣдомствъ и всякаго ранга, такъ что въ общемъ на 100 избирателей купцовъ приходится отъ 120 до 150 избирателей разночинцевъ. Созданъ, такимъ образомъ, городской избирательный корпусъ, во-1-хъ, чуждый интересамъ трудовой массы, во-2-хъ, въ огромной степени пропитанный бюрократическимъ духомъ и уже поэтому очень мало склонный и способный оказывать противодѣйствіе бюрократическому давленію на городское управленіе. Городовымъ Полож. 1892 г. приняты особыя мѣры, чтобы специфическія особенности избирательнаго корпуса опредѣляли собой соотвѣтствующія, но только еще болѣе рѣзко выраженныя особенности городского распорядительнаго органа: составъ городской думы сокращенъ вдвое и даже втрое противъ прежняго (отъ 20 до 160 гласныхъ, смотря по количеству населенія и административному рангу городовъ). Создано, такимъ образомъ, ровно столько думскихъ мѣстъ, сколько, по предположенію законодателя, можетъ быть замѣщено кандитами, представляющими интересы наиболѣе крупныхъ цензовиковъ. На тотъ же случай, если бы у послѣднихъ почему-либо не хватило силъ для заполненія всего думскаго комплекта, Город. Положеніе избавляетъ ихъ отъ необходимости замѣщенія свободныхъ мѣстъ представителями болѣе мелкихъ интересовъ, узаконяя *недовыборъ одной трети гласныхъ*, — сдѣлавшійся въ нашей муниципальной практикѣ обычнымъ явленіемъ. Естественно, что по дан-

нымъ о цѣнности и доходности недвижимыхъ имуществъ гласные даютъ теперь вдвое и даже втрое высшую среднюю имущественной состоятельности, чѣмъ избиратели, такъ что по своимъ имущественнымъ интересамъ составъ городскихъ думъ стоитъ еще дальше отъ массы городского населенія, чѣмъ избирательный корпусъ. Неизбѣжна и большая сравнительно съ этимъ корпусомъ бюрократичность городскихъ думъ. Имѣя часто численный перевѣсъ въ рядахъ городскихъ избирателей и, обыкновенно, уже въ силу своей большей интеллигентности, обладая большей активностью, разночинцы, естественно, получаютъ еще большее преобладаніе въ городскихъ думахъ. Послѣднія къ тому же составляются не исключительно посредствомъ выборовъ: въ составъ ихъ входятъ также гласные по прямому назначенію администраціи и члены ex officio. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, далеко не рѣдкихъ, когда недовыборъ гласныхъ превышаетъ 1/3 состава, недостающее до полнаго комплекта количество гласныхъ назначается администраціей изъ гласныхъ предыдущаго четырехлѣтія, хотя бы даже забаллотированныхъ на новыхъ выборахъ. Въ городахъ же еврейской черты осѣдлости администраціей назначается извѣстное число гласныхъ евреевъ [1]). Кромѣ того, въ составъ городской думы входитъ предсѣдатель уѣздной земской управы и представитель духовнаго вѣдомства. Наконецъ, существенно отзывается на составѣ городск. думъ обязательность посѣщенія гласными ея засѣданій подъ страхомъ кары за неявку,—мѣра, принижающая званіе гласнаго и отбивающая охоту добиваться его у всякаго, кто дорожитъ своей независимостью и въ то же время не имѣетъ какихъ-либо сильныхъ личныхъ или общественныхъ стимуловъ къ тому, чтобы, поступившись ею, принять это званіе. Каждый шагъ думы строго регламентированъ, число засѣданій ограничено минимумомъ въ 4 и максимумомъ въ 24 въ годъ, при чемъ росписаніе ихъ должно быть составлено за годъ впередъ. Внѣ росписанія чрезвычайныя собранія могутъ быть созываемы не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства. Дума лишена правъ устанавливать порядокъ своего собственнаго дѣлопроизводства, а должна руководствоваться неполными и несовершенными правилами, установленными для общественныхъ собраній въ Общемъ Учрежденіи Губернскомъ,—ограниченіе понятное, принявъ во вниманіе, что контръ-реформой 1892 г. городское общественное управленіе введено въ составъ „губернскаго учрежденія“ и „административныхъ мѣстъ и лицъ“. Компетенція думы сильно ограничена, у нея отняты, между прочимъ, тѣ широкія права, которыми она пользовалась раньше въ отношеніи городскихъ выборовъ. Ни одно ея, даже самое ничтожное, постановленіе не признается окончательнымъ; огромное большинство ихъ по самымъ существеннымъ вопросамъ городской жизни получаетъ силу только подъ условіемъ утвержденія ихъ правительственной властью, всѣ остальныя могутъ быть приведены въ исполненіе не раньше опредѣленнаго срока, въ теченіе котораго губернаторъ можетъ остановить ихъ исполненіе не только потому, что найдетъ ихъ незаконными, но и въ томъ случаѣ, если найдетъ ихъ неправильными по существу. Такимъ образомъ, властью, рѣшающей въ конечномъ итогѣ всѣ вопросы мѣстной муниципальной жизни, является правительственная администрація, голосъ же мѣстнаго представительства—городской думы—получаетъ въ дѣйствительности значеніе голоса совѣщательнаго,—не болѣе. Результаты такой организаціи городского распорядительнаго органа сказались очень быстро. Слишкомъ малый составъ городскихъ думъ затруднилъ ихъ работу тамъ, гдѣ онѣ хотѣли бы работать. Въ большинствѣ думъ никакая угроза штрафомъ не устраняетъ массоваго абсентеизма гласныхъ, не имѣющихъ серьезнаго интереса къ общественному дѣлу. Вполнѣ опредѣленный въ соціальномъ отношеніи составъ городскихъ думъ не могъ не отразиться соотвѣтственнымъ образомъ на тонѣ и направленіи городского хозяйства, почти совершенно

[1]) Вообще, число гласныхъ изъ не-христіанъ, хотя бы послѣдніе преобладали въ избирательномъ корпусѣ, не можетъ превышать 1/5 части общаго числа гласныхъ.

игнорирующаго интересы и нужды городской массы (см. *городское хозяйство*). Надзоръ и опека администраціи не сократили, а увеличили количество незаконныхъ и неправильныхъ думскихъ постановленій: администрація не могла устоять передъ соблазномъ использовать какъ можно больше въ своихъ интересахъ зависимость отъ нея городского управленія, хотя бы и внѣ предѣловъ закона, никѣмъ и ничѣмъ серьезно не ограждаемыхъ; это особенно рѣзко обнаружилось въ большомъ количествѣ незаконныхъ ассигновокъ изъ городской кассы, почему-либо выгодныхъ бюрократіи. Понятно, что, требуя сама незаконнаго, администрація не можетъ не потворствовать и своекорыстнымъ притязаніямъ тѣхъ верховодящихъ въ городскомъ управленіи элементовъ, подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ которыхъ эти требованія безропотно удовлетворяются.

Организація городского исполнительнаго органа въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ данная организація думы, отдаетъ городское дѣло въ руки администраціи. Городская управа нормально состоитъ изъ городского головы, состоящаго одновременно предсѣдателемъ думы, и двухъ членовъ управы [1]). Количество послѣднихъ по усмотрѣнію думы можетъ быть увеличено въ городахъ губернскихъ, областныхъ и значительныхъ уѣздныхъ до трехъ, въ городахъ съ населеніемъ болѣе ста тысячъ—до четырехъ и въ Москвѣ — до шести. Дальнѣйшее увеличеніе невозможно безъ спеціальнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Весь составъ управы избирается думою (кромѣ столицъ, гдѣ городской голова назначается Высочайшей властью), но считается состоящимъ на государственной службѣ и соотвѣтственно росписанъ по классамъ (въ отношеніи чинопроизводства) и по разрядамъ (въ отношеніи шитья на мундирѣ). Управа, слѣдовательно, есть коллегія выборныхъ чиновниковъ и въ такомъ качествѣ, понятно, не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ городской думы, а подчиняется всецѣло правительственной администраціи. Послѣдняя утверждаетъ и опредѣляетъ этихъ выборныхъ (въ данномъ случаѣ по существу только *рекомендованныхъ* думою) чиновниковъ къ должностямъ и увольняетъ ихъ отъ таковыхъ; администрація же ревизуетъ ихъ дѣйствія, преподаетъ имъ указанія и даетъ имъ распоряженія подъ страхомъ дисциплинарнаго взысканія за неисполненіе. Городская управа всего менѣе органъ думы. Благодаря данной организаціи городского исполнительнаго органа, непосредственное веденіе городского хозяйства—всецѣло въ рукахъ бюрократіи: ей принадлежитъ инициатива, поскольку послѣдняя предоставлена исполнительному органу, ей же—и исполненіе думскихъ постановленій, поскольку они ею признаны дѣйствительными, какъ совпадающія съ ея собственной волей и желаніями. Въ соотвѣтствіи съ этимъ чрезвычайно, сравнительно съ прежнимъ, расширенъ кругъ самостоятельной компетенціи городской управы. Характерно, что теперь исключительно ей, подъ надзоромъ и руководствомъ губернатора, предоставлено все выборное производство. Есть случай,—на практикѣ весьма частый,—когда управа всецѣло становится на мѣсто думы: если двукратно не состоится засѣданіе думы, то подлежавшіе ея разсмотрѣнію доклады и заключенія управы признаются равносильными постановленіямъ думы и направляются къ исполненію въ томъ же, какъ и эти послѣднія, порядкѣ. Управа, впрочемъ, не единственный исполнительный органъ: дума можетъ создавать и другіе,—болѣе общественнаго характера, именно, исполнительныя комиссіи изъ гласныхъ и, вообще, избирателей. Но эти комиссіи дѣйствуютъ, „подчиняясь управѣ“, и „вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей съ разрѣшенія губернатора“. Соизволеніе губернатора требуется и вообще для занятія какой-нибудь должности въ городскомъ управленіи, хотя бы и по вольному найму. Практическіе результаты, отсюда получающіеся, не представляютъ собою ничего неожиданнаго. Городское дѣло серьезно страдаетъ и отъ не всегда достаточ-

[1]) Въ небольшихъ уѣздныхъ и безуѣздныхъ городахъ допускается исполнительный органъ въ лицѣ одного городского головы.

наго численнаго состава городскихъ управъ, а въ особенности отъ того, что выбирать въ городскіе головы и члены управы и назначать на всѣ другія городскія должности приходится не тѣхъ, которые наиболѣе пригодны къ выполненію соотвѣтствующихъ функцій, а тѣхъ, которые имѣютъ больше шансовъ на утвержденіе ихъ администраціей. Немалое практическое значеніе имѣетъ и принципіальная противоположность между думою, какъ-ни-какъ органомъ общественнымъ, и управою — организаціей бюрократической. Тутъ всегда неизбѣжны трения, часто переходящія въ ярый антагонизмъ, разрѣшающійся безпощадной взаимной борьбою за гегемонію,—борьбою, рѣдко способною дать что-нибудь полезное для городского дѣла.

То, наконецъ, что вѣнчаетъ зданіе, возведенное Городовымъ Положеніемъ 1892 г., дѣлая его строго выдержаннымъ въ стилѣ бюрократической опеки надъ мѣстной жизнью, это — крайняя ограниченность бюджетнаго права, предоставленнаго городскому управленію. И здѣсь, въ важнѣйшей для населенія области городского финансоваго хозяйства, полнымъ хозяиномъ является правительственная администрація: дума только составляетъ проектъ городской приходо-расходной росписи, администрація же вольна и отказать ей въ своей санкціи и измѣнить по своему усмотрѣнію сдѣланныя думою смѣтныя исчисленія и раскладки (см. *городское хозяйство*). Кромѣ общаго нормальнаго муниципальнаго строя, основныя черты котораго только что изложены и который дѣйствуетъ въ 456 городахъ, Городовымъ Положеніемъ установлено еще упрощенное городское общественное управленіе для мелкихъ городскихъ поселеній (229). Оно отличается отъ нормальнаго, во-первыхъ, тѣмъ, что въ немъ городское управленіе объединено съ сословнымъ, мѣщанскимъ, во-вторыхъ, что думу замѣняетъ собраніе уполномоченныхъ, избранныхъ городскимъ сходомъ, и, въ третьихъ, тѣмъ, что вмѣсто управы здѣсь единоличнымъ исполнительнымъ органомъ является староста, который, впрочемъ, можетъ имѣть помощниковъ. Опека правительственной администраціи надъ упрощеннымъ управленіемъ еще сильнѣе, чѣмъ надъ нормальнымъ.

Необходимо еще отмѣтить, что съ 1903 г. Городовое Положеніе 1892 г. потеряло силу по отношенію къ Петербургу. Послѣдній имѣетъ теперь общественное управленіе, организованное на основаніи особаго, спеціально для него изданнаго Положенія 8 іюня 1903 г. Отмѣтимъ наиболѣе существенные пункты, которыми это Положеніе отличается отъ предыдущаго. 1) Въ Петербургѣ избирательное право предоставлено также наиболѣе крупнымъ плательщикамъ квартирнаго налога. 2) Избиратели дѣлятся здѣсь на два разряда, изъ которыхъ первый, образуемый наиболѣе крупными плательщиками, вносящими въ сложности одну треть общей суммы дающихъ избирательное право сборовъ, избираетъ одну треть думскаго состава, остальныя же двѣ трети избираются вторымъ разрядомъ. 3) Срокъ служенія гласныхъ въ Петербургѣ не четырех-, а шестилѣтній, и обновленіе думы происходитъ не сразу, какъ въ другихъ городахъ, а по частямъ: каждые три года выбываетъ половина. 4) Петербургская дума получила особаго предсѣдателя, ежегодно избираемаго ею изъ среды гласныхъ. 5) Значительно поднято значеніе должности городского головы, трактуемаго петербургскимъ Положеніемъ, какъ особый исполнительный органъ, стоящій частью рядомъ съ управою, частью надъ нею. 6) Получилъ особую организацію контроль надъ городскимъ финансовымъ хозяйствомъ — въ формѣ особой контрольной комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго министер. внутрен. дѣлъ съ Высочайшаго соизволенія, изъ одного имъ же назначеннаго и трехъ избранныхъ думою членовъ. Какъ это предсказано было еще во время разработки проекта Положенія 8 іюня, между прочимъ, и пишущимъ эти строки (въ журналѣ „Право“), петербургская реформа, произведенная Плеве не столько въ интересахъ населенія, сколько въ интересахъ бюрократіи, привела не къ улучшенію, а скорѣе къ ухудшенію положенія дѣлъ въ петербургскомъ городскомъ общественномъ упра-

вленіи. Самое расширеніе избирательныхъ правъ въ пользу наиболѣе крупныхъ квартиронанимателей, при составѣ столичнаго населенія, какъ то и предсказывалось, привело не къ демократизаціи, а къ сугубой бюрократизаціи и аристократизаціи петербургскаго городского управленія, пребывающаго въ рядахъ наиболѣе отсталыхъ муниципалитетовъ въ Россіи.

Нужно еще отмѣтить, что на окраинахъ, въ томъ числѣ въ 116 гор. Царства Польскаго, и теперь еще — полъвѣка послѣ крестьянской реформы и 40 лѣтъ послѣ городской реформы 1870 г.—продолжаетъ дѣйствовать чисто бюрократическая система управленія городами,—система, въ сравненіи съ которой даже Городовое Положеніе 1892 г. можетъ показаться благомъ.

Библіографія. *Ашлей Перси*, „Мѣстное и центральное управленіе. Сравн. обзоръ учрежденій Англіи, Франціи, Пруссіи и Соедин. Шт." СПБ. 1910; *Шоу А.*, „Городскія управл. въ Западн. Европѣ", М. 1899; *Пифферунъ Ѳ.*, „Европейскія избирательн. системы", СПБ. 1905; *Ferraris C.*, „Teoria del dicentramento amministrativo", Milano, 1898; *Modona Neppi*, prof., „Controli sull'amministrazione comunale e provinciale e referendum", 1902; *Редлихъ І.*, „Англійское мѣстное управленіе", СПБ. т. I, 1907, т. II—1908; *Вотье Морисъ*, „Мѣстное управленіе Англіи", СПБ., 1896; *Полонскій И.*, „Мѣстное управл. въ Англіи", М. 1906; *Bertolini P.*, „Il governo locale inglese", 2 vol., Torino, 1899; *Hugo (Lindemann)*, „Die deutsche Städteverwaltung", Stuttgart, 1904; *Verein für Sozialpolitik*, Bb. 117—120 „Verfassung und Verwaltungsorganisation der deutschen Städte"; 121—Schweiz, 122—Östreich, 123—England, Frankreich und Nord-Amerika (Leipzig, 1906); *Corso A.*, „Nuovo comento della legge comunale e provinciale", Napoli, 1900; *Свѣшниковъ М.*, „Основы и предѣлы самоуправленія", СПБ. 1892; *Кизеветтеръ А.*, „Мѣстн. самоуправленіе въ Россіи", М. 1910; *Дитятинъ*, „Устройство и управленіе городовъ Россіи", 2 т., СПБ. 1875, Яросл. 1877; „Матеріалы, относящіеся до нов. обществ. устройства въ город. Имперіи", т. т. I—IV, СПБ. 1877—1888; *Семинъ О.*, „Основные вопросы мѣстн. самоуправленія", Баку, 1910; *Вернеръ И.*, „Городск. самоуправл. въ Россіи", М. 1906; *А. Б.*, „Городское самуправленіе въ Россіи", М. 1905; *Семеновъ Д.*, „Городское самоуправленіе", СПБ. 1901; *Михайловскій, А.*, „Реформа городск. самоуправленія въ Россіи", М. 1908; *Шрейдеръ Г. И.*, „Наше городское общественное управленіе", СПБ. 1902; *его же*, „Городъ и Городов. Полож. 1870 г.", томъ IV, издан. Бр. Гранатъ и К° „Исторія Россіи въ XIX в."; *его же*, „Городская контръреформа 11 іюня 1892 г." въ V томѣ той же „Исторіи"; *Щепкинъ, М.*, „Общественное самоуправленіе въ Москвѣ", М. 1906; *Колычовъ Ал.*, „По городскимъ вопросамъ", СПБ. 1910; *Джабаръ М.*, „Муниципальные вопросы", Тифлисъ, 1910; *Муромцевъ О.*, „Статьи и рѣчи, вып. IV. Въ Московск. Городск. Думѣ", М. 1910; *Новиковъ А.*, „Записки о городскомъ самоуправленіи", СПБ. 1904; *его же*, „Записки городского головы", СПБ. 1905. *Гр. Шрейдеръ.*

Городское хозяйство (*на Западѣ и въ Россіи*). Съ точки зрѣнія цѣлей, преслѣдуемыхъ Г. х., оно ничѣмъ не отличается отъ другихъ видовъ принудительнаго общественнаго хозяйства: государственнаго и земскаго—областного или провинціальнаго. Подобно имъ, оно призвано къ удовлетворенію опредѣленнаго круга наличныхъ потребностей и къ созданію коллективными силами и коллективными средствами тѣхъ условій общежитія, которыя представляются необходимыми для того, чтобы человѣчество имѣло возможность наиболѣе увѣреннымъ, твердымъ и быстрымъ шагомъ итти въ направленіи, ведущемъ къ наивысшимъ ступенямъ всесторонняго физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія. Но къ одной и той же цѣли можно стремиться въ разныхъ областяхъ и разными путями. Если Г. х. не только по формѣ и по объему, но и по существу своего содержанія является отличнымъ отъ другихъ видомъ общественнаго хозяйства, то причиной тому служитъ, именно, особенный характеръ той области, въ которой проявляется въ данномъ случаѣ направленная на

достиженіе только что указанныхъ цѣлей коллективная хозяйственная дѣятельность. Это область, которая характеризуется понятіемъ *города*.

Поскольку городъ является таковымъ, т. е. не внѣшнимъ образомъ и не формально только, а по самому своему существу отличнымъ отъ другихъ видовъ и формъ общежитія, постольку въ немъ неизбѣжны также особыя, только ему одному присущія, только въ его обстановкѣ способныя возникнуть, нужды и потребности. Понятно также, что въ спеціальныхъ условіяхъ городской обстановки и потребности вполнѣ однородныя съ тѣми, которыя существуютъ въ другихъ видахъ общежитія и которыя, слѣдовательно, удовлетворяются другими видами общественнаго хозяйства, отливаются здѣсь въ иныя формы, получаютъ иное выраженіе, иной характеръ, требуя отъ городского хозяйства другихъ средствъ, способовъ и пріемовъ для ихъ удовлетворенія.

Городъ — это пунктъ наибольшей плотности населенія, обусловленной скопленіемъ большихъ и разнородныхъ по составу людскихъ массъ на сравнительно небольшой территоріи. Такое скопленіе является, прежде всего, источникомъ цѣлаго ряда огромной важности отрицательныхъ условій городской жизни, каковы, напр., накопленіе отбросовъ, загрязненіе почвы, воздуха и воды, трудность добыванія пищевыхъ продуктовъ, вообще, а доброкачественныхъ, въ особенности, трудность и опасность неурегулированнаго движенія по неблагоустроеннымъ городскимъ путямъ сообщенія, скопленіе значительнаго числа неспособныхъ къ труду, наконецъ, цѣлый рядъ моментовъ, въ чрезвычайной степени благопріятствующихъ развитію проституціи, преступности, распространенію заразныхъ болѣзней и т. д. и т. д. Все это—условія, безпрепятственное и безостановочное развитіе которыхъ не только привело бы къ физическому и моральному вырожденію городского населенія, но сдѣлало бы даже, въ концѣ концовъ, невозможнымъ самое существованіе города, и въ то же время все это условія, устраненіе которыхъ выходитъ далеко за предѣлы власти, силъ и способностей отдѣльнаго индивидуума: борьба съ ними лежитъ поэтому на обязанности коллектива и должна быть предметомъ общественной заботы, значитъ, и общественнаго хозяйства. Такимъ образомъ, получается первый—самый важный по существу и самый обширный по объему—родъ задачъ Г. х., опредѣляемый необходимостью борьбы съ отрицательными условіями городской жизни, или, выражаясь иначе, необходимостью борьбы съ концентраціей, какъ съ факторомъ отрицательнымъ. Но, дѣйствуя въ качествѣ такового въ одномъ направленіи, та же самая концентрація и въ то же самое время дѣйствуетъ въ другомъ направленіи, какъ факторъ положительный. Именно, *большая численность и высокая плотность дифференцированнаго и тѣсно своими экономическими и культурными интересами съ городомъ связаннаго населенія* создаютъ тотъ прочный базисъ (въ однихъ случаяхъ—матеріальный, экономическій, финансовый и техническій, въ другихъ—интеллектуальный и психическій), на которомъ только и могутъ быть построены какъ разъ наиболѣе важныя мѣропріятія въ цѣляхъ городского благоустройства, понимая послѣднее въ самомъ широкомъ смыслѣ, каковы, напр., канализація, водопроводы, трамваи, или же больницы, народные дома, театры, музеи, библіотеки, аудиторіи и т. п. Такимъ образомъ, опредѣляется второй родъ задачъ Г. х., именно, направленныхъ на использованіе, расширеніе, умноженіе и развитіе тѣхъ немалочисленныхъ положительныхъ средствъ и возможностей, какія заключаетъ въ себѣ городская концентрація населенія. Какой изъ только что указанныхъ двухъ различныхъ родовъ задачъ является въ данномъ пунктѣ и въ данный періодъ времени количественно и качественно преобладающимъ, это зависитъ отъ двухъ имѣющихъ неодинаковое значеніе и различно дѣйствующихъ условій: отъ размѣра и степени концентраціи — во-первыхъ, отъ уровня развитія Г. х.— во-вторыхъ. По мѣрѣ того какъ городъ растетъ, по мѣрѣ того какъ въ немъ скопляется все большая масса населенія.

пропорціонально, а нерѣдко и въ ускоренной прогрессіи разрастаются и умножаются также отрицательныя условія городской жизни, слѣдовательно, и соотвѣтствующія имъ задачи перваго рода. Но при извѣстныхъ условіяхъ развитіе Г. х., хотя оно само въ большей мѣрѣ зависитъ отъ роста концентраціи, способно, тѣмъ не менѣе, итти болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ этотъ ростъ; при извѣстныхъ условіяхъ оно можетъ (и должно) итти *впереди* назрѣвающихъ городскихъ общественныхъ нуждъ и потребностей, справляясь съ отрицательными условіями городской жизни — въ смыслѣ ихъ смягченія или совершеннаго устраненія—быстрѣе, чѣмъ они успѣваютъ вновь возникнуть подъ вліяніемъ роста населенія, и даже предупреждая тѣми или другими положительными мѣропріятіями самое ихъ возникновеніе. Въ такого рода случаяхъ, понятно, превалирующее значеніе получаютъ задачи второго рода. Практически, впрочемъ, оба рода задачъ, положительныхъ и отрицательныхъ, иногда не только совпадаютъ, но и сливаются: такъ оно происходитъ въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда уничтоженіе дефектовъ, обусловленныхъ скученностью городской обстановки, само собою создаетъ новые положительные моменты, или же, наоборотъ, когда использованіе въ указанныхъ выше цѣляхъ Г. х. тѣхъ средствъ и возможностей, которыя даетъ ему концентрація, попутно, само собою въ какомъ-либо размѣрѣ или въ какомъ-либо отношеніи уменьшаетъ вліяніе послѣдней, какъ фактора отрицательнаго. Такъ, напр., устройство доступныхъ массѣ дешевыхъ и гигіеническихъ жилищъ, уничтожая зло перенаселенности и дороговизны квартиръ, является вмѣстѣ съ тѣмъ положительнымъ залогомъ физическаго, моральнаго и экономическаго благосостоянія городского населенія, или, наоборотъ, устройство электрическаго трамвая, не осуществимое тамъ, гдѣ оно не находитъ достаточно широкой и прочной базы въ высокой степени концентраціи [1]), служитъ въ то же время какъ разъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ для разрѣженія населенія, для уменьшенія его плотности въ центральныхъ частяхъ города.

Займется ли Г. х. и, если займется, то въ какой мѣрѣ данными, ставшими на очередь, задачами, для разрѣшенія которыхъ имѣются налицо всѣ необходимыя условія,—это зависитъ уже, конечно, не отъ степени концентраціи гор. населенія, а отъ другихъ факторовъ, имѣющихъ въ данномъ случаѣ гораздо болѣе важное значеніе. Прежде всего, нѣтъ почти такой частности въ строѣ и организаціи вѣдающихъ Г. х. учрежденій, даже совершенно незначительной на первый взглядъ, которая не оказывала бы на это хозяйство какого бы то ни было—прямого или косвеннаго—вліянія. Тѣмъ большее значеніе имѣютъ для него, особенно въ отношеніи порядка и полноты разрѣшенія стоящихъ на очереди задачъ, тѣ главнѣйшія основы коммунальнаго строя, которыми опредѣляется степень способности муниципальныхъ учрежденій реагировать на назрѣвающія въ городѣ нужды и потребности, мѣра ихъ готовности принимать на себя разрѣшеніе тѣхъ или иныхъ задачъ—большей или меньшей сложности, затрагивающихъ тѣ или другіе интересы, наконецъ, размѣръ, родъ и характеръ тѣхъ интеллектуальныхъ, правовыхъ и матеріальныхъ средствъ, какими они для разрѣшенія таковыхъ располагаютъ. На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ основъ слѣдуетъ поставить избират. систему. Едва ли не наиболѣе яркую иллюстрацію того вліянія, которое оказываетъ демократизація избират. системъ, даетъ исторія англійск. Г. х.: наиболѣе высокая въ Европѣ степень его развитія въ связи съ усиленнымъ вниманіемъ, кот. удѣляется въ немъ нуждамъ и потребностямъ наиболѣе широкихъ слоевъ гор. населенія, находится въ прямой причинной связи съ реформами 1835—1882 гг., благо-

---

[1]) По расчету инжен. А. Вульфа, напр., въ Россіи трамвай можетъ быть безубыточнымъ предпріятіемъ только въ городахъ съ населеніемъ не ниже 60 тысячъ и то при томъ условіи, если городомъ на его устройство будетъ затраченъ собственный свободный, а не заемный капиталъ

даря которымъ муниципп. власть, находившаяся въ рукахъ привилегированнаго меньшинства, превратившаго гор. учрежденія въ самоизбирающіяся, замкнутыя и своекорыстныя корпораціи, перешла въ руки большинства гор. населенія и—частью—его трудовыхъ элементовъ въ томъ числѣ. Если демократизація избират. системъ не вездѣ такъ замѣтно отразилась на Г. х., какъ въ Англіи, то потому, что, кромѣ избират. системы, огромное значеніе имѣютъ еще кругъ предметовъ вѣдомства и предѣлы власти, кот. предоставлены закономъ гор. самоуправленію. И пока изъ числа западноевроп. город. самоуправленій какъ разъ именно англійское—въ результатѣ полувѣковой упорной и настойчивой борьбы за расширеніе своей компетенціи и предѣловъ своей власти—успѣло необычайно широко раздвинуть рамки своей компетенціи, получивъ въ то же время необходимую полноту власти. Но мы знаемъ уже (см. *городское самоуправл.*), что и остальныя страны болѣе или менѣе быстро эволюціонируютъ въ томъ же направленіи. Даже во Франціи государственному совѣту, столь охотно, систематически и настойчиво ставящему препоны стремленію коммунъ къ расширенію сферы Г. х., приходится все чаще итти на уступки, допуская постепенно изъ года въ годъ расширеніе круга муниципп. предметовъ вѣдомства. Затѣмъ необходимо считаться также съ серьезной зависимостью Г. х. отъ устройства муниц. исполнит. органовъ,—устройства, которое пока нигдѣ еще не предоставлено всецѣло и исключительно усмотрѣнію самихъ коммунъ: даже въ Англіи законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ точно опредѣляетъ конструкцію того исполнит. органа, которому должны быть поручены извѣстныя функціи, напр., комитетовъ, на которыхъ должно быть возложено по закону завѣдываніе полиціей, народнымъ образованіемъ, дѣломъ борьбы съ эпизоотіями и т. п. Благодаря этому, въ той же Франціи, напр., слабый прогрессъ Г. х. и вообще плохое его состояніе (сравнит. съ англійскимъ или нѣмецкимъ) было бы совершенно ошибочно относить исключительно на счетъ чрезмѣрной централизаціи и административной опеки: если подрядная, концессіонная и откупная системы получили тутъ такое необычайное развитіе, что находятъ примѣненіе даже по отношенію къ содержанію муниципп. учеб. завед., то въ огромной степени виною тому является предустановленная закономъ организація муниципп. исполнит. власти, сосредоточенной всецѣло въ лицѣ одного только мэра и уже поэтому являющейся совершенно неприспособленной къ широкой постановкѣ Г. х. Наоборотъ, система исполнит. комитетовъ—одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ факторовъ того и по темпу, и по объему изумительнаго прогресса, который въ теченіе послѣдняго полувѣка выдвинулъ на первое мѣсто англійское муниципп. хоз., точно такъ же, какъ нѣмецкіе города высокимъ уровнемъ своего благоустройства обязаны въ огромной степени превосходному (съ точки зрѣнія профессіональной подготовки и дѣловой добросовѣстности) составу ихъ магистратовъ. Понятно, далѣе, что высшей степени развитія, въ смыслѣ наиболѣе полнаго удовлетворенія стоящихъ на очереди потребностей, Г. х., при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, можетъ достигнуть только тамъ, гдѣ оно располагаетъ наибольшими для того матеріальн. средствами. Количество же послѣднихъ зависитъ какъ отъ характера тѣхъ источниковъ, изъ кот. вѣдающія Г. х. учрежденія черпаютъ необходимые имъ финансовые рессурсы, такъ и отъ того, насколько эти учрежденія свободны въ распоряженіи своими финансами вообще, въ особенности же—насколько отъ ихъ свободнаго усмотрѣнія зависитъ производство расходовъ на тѣ или другія нужды и потребности, дѣлая выборъ между тѣми, удовлетвореніе кот. непосредственно и съ необходимостью вытекаетъ изъ прямого назначенія мѣстнаго хоз., и тѣми, удовлетвореніе кот. за счетъ мѣстныхъ средствъ изъ него не вытекаетъ, имѣя другія основанія. Государство, конечно, заинтересовано въ томъ, чтобы платежныя силы населенія не были истощаемы мѣстнымъ обложеніемъ, и, пользуясь своимъ финансовымъ суверенитетомъ, оно подвер-

гаетъ различнымъ ограниченіямъ бюджетное право коммуны. Одни изъ ограниченій не идутъ дальше крайне необходимаго, останавливаясь на той чертѣ, переходъ за которую явился бы серьезнымъ нарушеніемъ начала самостоятельности мѣстн. самоуправленія. Начало же это требуетъ, чтобы у коммуны были свои особые отъ государственныхъ налоговые источники, своя особая и самостоятельная финансовая система, чтобы коммуна и въ распоряженіи своими рессурсами располагала полной свободой, кот. исключаетъ утвержденіе правительствомъ коммун. бюджетовъ и контролированіе имъ муниципальн. отчетовъ, не допуская иного контроля, кромѣ судебнаго. Таковъ именно порядокъ, дѣйствующій въ Англіи, къ которой въ извѣстной мѣрѣ приближаются порядки: богемскій, саксонскій и частью прусскій. Ограниченія другого рода—это тѣ, которыя государство пускаетъ въ ходъ, именно, какъ наиболѣе дѣйствительное средство наибольшаго подавленія самостоятельности коммун. самоуправленія, для болѣе прочнаго и рѣшительнаго подчиненія его правит. опекѣ. Это достигается тѣмъ, что фискальное право коммуны вводится въ чрезвычайно тѣсныя рамки, что коммунѣ почти совсѣмъ не предоставляется самостоятельныхъ, особыхъ отъ государственныхъ налоговыхъ источниковъ, что черпать изъ таковыхъ она можетъ только въ очень тѣсныхъ предѣлахъ установленной нормы, превышеніе которой, если и допускается, то не иначе, какъ съ разрѣшенія администраціи, что, наконецъ, самое составленіе коммун. бюджета подвергается строгой и мелочной регламентаціи, открывающей правительству возможность широкаго вмѣшательства въ существо финансовыхъ распоряженій муниципалитета. На такихъ, именно, началахъ построено бюджетное право французской и итальянской коммунъ, а также частью бельгійской, вюртембергской и др.

Укажемъ теперь хотя бы только главнѣйшіе изъ обычныхъ источниковъ, изъ которыхъ муниципалитеты получаютъ необходимыя имъ средства.

Источникъ 1.—Прибавки къ прямымъ госуд. налогамъ: къ личнымъ (поквартирному, подоходному), какъ то практикуется, напр., въ Пруссіи, Голландіи, Баденѣ, Вюртембергѣ, и къ реальн.—поземельному и подомовому (Франція и Италія), налогу на окна и двери и патентному сбору (Франція), налогу на доходы отъ капиталовъ (Вюртембергъ). Дополнительный въ пользу коммунъ сборъ съ объектовъ госуд. реальнаго обложенія выражается въ сантимахъ двоякаго рода: а) ординарныхъ, размѣръ кот. опредѣляется или дѣйствующимъ коммунальнымъ закономъ (Италія), или ежегодно въ госуд. бюджетѣ (Франція), и б) экстраординарныхъ, взимаемыхъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ. *Источникъ 2.* Налоги на потребленіе (косвенные) въ формѣ налоговъ на увеселенія, на предметы роскоши, на лошадей, собакъ, кошекъ, соловьевъ, сбора съ солода, пива, убоя скота, въ особенности же—въ формѣ *октруа* (заставныхъ сборовъ), взимаемыхъ коммуной съ ввозимыхъ въ ея предѣлы пищевыхъ продуктовъ, напитковъ, фуража, топлива, строительныхъ матеріаловъ и т. п. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о продуктахъ, по преимуществу напиткахъ, уже обложенныхъ государствомъ (акцизомъ), октруа въ пользу коммуны ограничивается только извѣстной надбавкой къ госуд. налогу. На только что указанныхъ двухъ источникахъ, на добавочныхъ сантимахъ и октруа, базируется финансовое хоз. итальянск. и французск. коммунъ. Въ остальныхъ странахъ эта устарѣлая, не отвѣчающая ни нуждамъ муницип. хоз., ни интересамъ населенія система частью уже совершенно исчезла, частью доживаетъ еще (по преимуществу на югѣ Германіи) свои послѣдніе дни въ видѣ не играющаго большой роли въ бюджетахъ финансоваго пережитка. При вполнѣ понятномъ съ точки зрѣнія госуд. интересовъ строгомъ ограниченіи того размѣра (въ процентномъ отношеніи къ основному окладу), въ какомъ добавочные сантимы могутъ быть взимаемы въ пользу коммунъ, и при слабомъ ростѣ самихъ окладовъ,—это источникъ, исключающій возможность раз-

витія гор. финансовъ въ соотвѣтствіи съ ростомъ муниципп. потребностей. И коммуны, изыскивая средства, потребность въ которыхъ чувствуется ими все въ большемъ и большемъ размѣрѣ, поневолѣ усиленно налегаютъ на второй источникъ—на октруа. По даннымъ 1907 года, доходы французскихъ коммунъ, исключая Парижъ, превышали 800 милліон. фр., изъ кот. около 240 милліон. покрывались добавочными сантимами, а болѣе 280 милліон. давало октруа. Въ Италіи по даннымъ за тотъ же годъ доходъ коммунъ достигъ суммы 600 милліон. лиръ, изъ кот. менѣе 150 милліон. получено было отъ добавочныхъ сантимовъ, а болѣе 160 милл. отъ октруа (dazio consumo). Въ этотъ счетъ, однако, вошли и сельскія коммуны, для кот. оба эти источника не имѣютъ такого крупнаго значенія, какъ для городскихъ. О послѣднемъ можно судить по слѣдующей табличкѣ, касающейся девяти крупнѣйшихъ городовъ:

Города.	Всего дохода отъ налоговъ въ мил. лиръ	На каждые сто лиръ дохода. Октруа	Добав. сант.
Миланъ	24	62	22
Римъ	21,1	72	17
Неаполь	15,4	66	28
Генуя	15	79	17
Туринъ	12,5	81	15
Флоренція . . .	9	60	29
Палермо	8,1	83	13
Венеція	5,6	84	10
Болонья.	5,1	64	20

Падая огромной тяжестью на потребленіе, въ особенности, широкихъ трудовыхъ массъ населенія, октруа, какъ источникъ дохода въ коммунальномъ финансовомъ хоз., представляетъ еще то существенное неудобство, что значительная часть получаемыхъ изъ него средствъ теряется для этого хозяйства совершенно безполезно въ виду обширности и сложности необходимой для его взиманія организаціи, расходъ на которую въ Италіи, напр., поглощаетъ часто болѣе 40% всего сбора. *Источникъ 3.* Государственные косвенные и прямые реальные налоги, частью или цѣликомъ обращенные на нужды муниципп. хоз. Примѣръ частичной уступки коммунамъ госуд. косвенныхъ налоговъ даетъ Бельгія, гдѣ въ возмѣщеніе потери, понесенной коммунами отъ отмѣны октруа, онѣ получаютъ ежегодно каждая опредѣленную по развертклѣ сумму изъ особаго коммун. фонда, на образованіе котораго обращено 41% валового дохода, получаемаго государствомъ отъ почты, и 35% дохода, получаемаго имъ отъ обложенія привозимыхъ изъ-за границы винъ, отъ акциза и таможенной пошлины на спиртные напитки, пиво, сахаръ, уксусъ и уксусную кислоту. Примѣръ второго даетъ прусская реформа мѣстнаго обложенія, произведенная закономъ 14 іюля 1893 г. Въ основаніе этой реформы легло воззрѣніе, признающее принципъ налогоспособности, долженствующій служить опредѣляющимъ началомъ госуд. обложенія, непригоднымъ для обложенія мѣстнаго, существу и задачамъ котораго болѣе соотвѣтствуетъ принципъ услуги—возмездія. Согласно такому воззрѣнію, мѣстное обложеніе можетъ быть правильно и цѣлесообразно построено только на основѣ прямого реальнаго обложенія, которое должно быть совершенно исключено изъ системы государств. финансовъ: въ силу этого упомянутымъ закономъ два государственныхъ вещныхъ налога—на недвижимость и промысловый — и переданы коммунамъ. *Источникъ 4.* Собственные коммунальные прямые реальные налоги двоякаго рода: промысловые и на недвижимость. Коммунальные промысловые налоги существуютъ повсемѣстно въ разныхъ видахъ и формахъ, между прочимъ, въ видѣ сборовъ съ развознаго и разноснаго торга, съ обществ. экипажей, съ содержимыхъ для промысла упряжныхъ, вьючныхъ и верховыхъ животныхъ—лошадей, муловъ,ословъ, съ трактировъ, гостиницъ, меблированныхъ комнатъ, съ фотографій, универсальныхъ магазиновъ и т. д. Повсемѣстно же существуетъ коммунальное обложеніе недвижимости (по ея цѣнности или доходности), но не вездѣ этотъ налоговой источникъ играетъ одинаково значительную роль въ гор. бюджетѣ. Въ отношеніи этой роли выдѣляется Англія, гдѣ обложеніе недвижимости является базисомъ

муницип. финансовъ, отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдующими характерными особенностями: а) недвижимость облагается не однимъ общимъ коммун. налогомъ, а нѣсколькими параллельными, изъ кот. каждый имѣетъ особое назначеніе, такъ что обложеніе является цѣлевымъ; б) всѣ такого рода налоги взимаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и налогъ въ пользу бѣдныхъ, такъ что послѣдній является какъ бы основнымъ, а всѣ остальные—только дополнительными къ нему, и в) взимаются они не съ собственника недвижимости, а съ ея нанимателя. Въ Англіи же закономъ 1859 года положено было начало такъ назыв. спеціальному обложенію, или налогу на улучшенія, получившему затѣмъ особенно широкое примѣненіе въ Германіи, а частью также во Франціи и въ Бельгіи. Это—налогъ на ту повышенную цѣнность, которую недвиж. имущества получаютъ благодаря произведеннымъ муниципалитетомъ улучшеніямъ—замощенію и освѣщенію улицъ, канализаціи и т. п. Наряду со спеціальнымъ обложеніемъ получаетъ все большее развитіе и обложеніе незаслуженнаго прироста цѣнности, т. е. того ея прироста, который происходитъ помимо воли собственника и безъ всякихъ усилій съ его стороны, а само собою, такъ сказать, автоматически въ силу роста города, увеличенія и уплотненія его населенія. Практикуется это обложеніе обыкновенно въ формѣ налога на обращеніе или переходъ недвижимостей, настигая, такимъ образомъ, незаслуженный приростъ цѣнности въ тотъ моментъ, когда онъ реализуется въ получаемой собственникомъ цѣнѣ за продаваемое имъ имущество. Заслуживаетъ еще быть особо отмѣченнымъ практикуемый многими англійскими, германскими и голландскими городами налогъ на незастроенные городскіе участки съ цѣлью борьбы съ земельной спекуляціей. *Источникъ 5.* Личное коммунальное обложеніе въ видѣ разнаго рода подушныхъ сборовъ, сохранившихся еще въ Вюртембергѣ, Италіи и Саксоніи, сборовъ съ прислуги, налоговъ—поквартирнаго и чисто подоходнаго. Коммунальное чисто подоходное обложеніе пока еще весьма слабо развито. Даже тамъ, гдѣ коммунамъ предоставлено право взимать его, онѣ часто встрѣчаются съ правит. противодѣйствіемъ, какъ, напр., въ Бельгіи, гдѣ общее и сильное стремленіе коммунъ къ подоходному обложенію разбивается о систематическіе отказы правительства въ санкціи представляемымъ, согласно закону, на его утвержденіе статутамъ этого обложенія. Но зато тамъ, гдѣ коммунальное подоходное обложеніе не только не встрѣчаетъ противодѣйствія со стороны государства, а даже поощряется имъ,—въ Саксоніи, въ особенности же въ Голландіи, — оно, насколько по крайней мѣрѣ дѣло идетъ о болѣе или менѣе значительныхъ городскихъ центрахъ, является наилучшимъ источникомъ общинныхъ финансовъ, которые съ введеніемъ подоходн. обложенія быстро приходятъ въ блестящее состояніе. *Источникъ 6.* Доходъ отъ гор. имуществъ и оброчныхъ статей, въ видѣ арендныхъ и оброчныхъ платежей и разнаго рода сборовъ, взимаемыхъ общиной за пользованіе принадлежащими ей землями, водами, сооруженіями—домами, магазинами, доками, пристанями, за проходъ и проѣздъ по гор мостамъ и т. п. *Источникъ 7.* Доходъ отъ городскихъ предпріятій — концессіонныхъ и муниципализированныхъ. По мѣрѣ того, какъ повсемѣстно усиливается движеніе городскихъ управленій въ сторону муниципализаціи не только общественныхъ службъ, но и промышленныхъ предпріятій, увеличивается все болѣе и значеніе этого источника коммунальныхъ доходовъ, уже въ настоящее время мѣстами играющаго чрезвычайно крупную роль въ муниципальныхъ бюджетахъ. *Источникъ 8.* Разнаго рода мелкіе сборы и пошлины, напримѣръ, съ мѣръ и вѣсовъ и т. п., штрафы и др. *Источникъ 9.* Пособія (субсидіи, дотаціи) изъ государств. средствъ съ цѣлью усиленія рессурсовъ муницип. кассъ, вообще, или же на опредѣленныя, спеціальныя цѣли, преимущественно на выполненіе возложенныхъ на муниципалитеты задачъ государственнаго значенія. Система дотацій начинаетъ играть все болѣе значительную роль въ западно-европейской муницип. прак-

тикѣ, особенно въ Пруссіи, Бельгіи, Франціи и Англіи. Представляя собой очень серьезный и во многихъ отношеніяхъ весьма удобный для коммунъ финансовый рессурсъ, дотаціи сопряжены, однако, съ однимъ весьма существеннымъ неудобствомъ: приходя своими средствами на помощь коммунѣ, государство вездѣ, даже въ Англіи, оставляетъ за собою право ближайшаго контроля и надзора не только за законностью, но и за цѣлесообразностью расходованія муниципалитетами этихъ средствъ, ограничивая, такимъ образомъ, самостоятельность гор. самоуправленія. *Источникъ 10.* Займы. Большинство тѣхъ задачъ Г. х., разрѣшеніемъ которыхъ создаются основныя условія гор. благоустройства, требуетъ крупныхъ единовременныхъ затратъ, далеко превосходящихъ нормальные рессурсы коммунальныхъ кассъ. Такого рода мѣропріятія, какъ канализація, трамваи, газовые заводы, электрическія станціи и т. д., могутъ быть своевременно, успѣшно и цѣлесообразно осуществляемы только за счетъ средствъ, добытыхъ путемъ займовъ. Немыслимо представить себѣ сколько-нибудь развитое и прогрессирующее Г. х. тамъ, гдѣ оно лишено было бы возможности въ достаточно широкой мѣрѣ пользоваться этимъ финанс. источникомъ. Но, съ другой стороны, недостаточно производительный и на невыгодныхъ условіяхъ заключенный заемъ можетъ лечь непосильной тяжестью не только на живущее, но и на грядущія поколѣнія, разстроивъ вмѣстѣ съ тѣмъ источники госуд. доходовъ. Понятно, что ревниво стоящее на ихъ стражѣ государство подвергаетъ повсемѣстно особенно строгой регламентаціи и особенно значительнымъ ограниченіямъ права гор. самоуправленія въ отношеніи заключенія займовъ. Такъ, итальянскій коммун. законъ не допускаетъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ спеціальныхъ случаевъ, совершенія общиною займа, если присоединеніе предстоящихъ къ уплатѣ по этому займу процентовъ къ лежащимъ уже на общинномъ бюджетѣ ежегоднымъ платежамъ по прежнимъ долгамъ даетъ сумму, превышающую 20% обыкновенныхъ доходовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда совершеніе займа допускается, онъ можетъ быть предназначенъ только на потребности и на работы экстраординарнаго характера, производство которыхъ одобрено подлежащей властью, а равно и на погашеніе извѣстнаго, точно въ законѣ указаннаго, рода долговъ. Для дѣйствительности постановленія о займѣ оно должно быть принято большинствомъ коммун. совѣтниковъ данной общины, при чемъ разъ состоявшееся постановленіе должно быть пересмотрѣно, спустя 20 дней, въ другомъ засѣданіи совѣта и снова получить такое же большинство. Максимумъ задолженности установленъ закономъ и въ Англіи не выше двойного размѣра общей годовой суммы город. налоговъ. Точно также ограничивается тутъ и назначеніе займовъ: только на производство капитальныхъ сооруженій, при чемъ на заключеніе займа требуется разрѣшеніе бюро мѣстнаго управленія, когда не предвидится превышенія максимума задолженности, и парламента, если такое превышеніе неизбѣжно. Во Франціи для займовъ на срокъ болѣе 30 лѣтъ, а равно и для такихъ, на погашеніе которыхъ назначены экстраординарные прибавочные сантимы, требуется разрѣшеніе префекта, если только сумма предположеннаго займа или общая сумма долговъ города не превышаетъ милліона франковъ; въ противномъ случаѣ заемъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ декретомъ президента республики. Въ Бельгіи постановленія о займахъ нуждаются въ королевскомъ утвержденіи, если задолженность превышаетъ 10% обыкновенныхъ доходовъ или самый заемъ предположенъ въ суммѣ болѣе 5.000 фр., въ противномъ случаѣ утвержденіе зависитъ отъ постоянной депутаціи — полувыборнаго, получиновнаго органа надзора за мѣстнымъ управленіемъ. Въ утвержденіи различными инстанціями, въ зависимости отъ размѣровъ и срока займа и отъ превышенія или непревышенія съ заключеніемъ его максимума задолженности, нуждаются соотвѣтствующія постановленія коммун. совѣтовъ также въ Австріи, Баденѣ, Вюртембергѣ, Гессенѣ, Голландіи, Испа-

ніи, Норвегіи, Саксоніи и Швеціи. Наименѣе стѣсненной самостоятельность гор. самоуправленій при заключеніи займовъ оказывается въ Пруссіи и Даніи, гдѣ утвержденіе уѣзднаго совѣта (въ первой) и министерства внутр. дѣлъ (во второй) требуется только для займовъ долгосрочныхъ, а также въ Богеміи, гдѣ разрѣшеніе займовъ зависитъ отъ выборнаго окружнаго совѣта и требуется только для такихъ, которые не могутъ быть погашены обыкновенными гор. доходами. Однако, регламентируя и стѣсняя права гор. самоуправленія въ отношеніи займовъ, государство на Западѣ проявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ усиленную заботу о снабженіи Г. х. необходимымъ ему кредитомъ. Этому дѣлу служатъ тамъ въ однихъ случаяхъ госуд. кредитныя учрежденія, въ другихъ — частныя, при содѣйствіи государства организованныя и снабженныя имъ надлежащими полномочіями. Въ Англіи къ услугамъ Г. х. имѣется особая государственная Ссудная комиссія, снабжающая его необходимыми средствами, выпуская для этой цѣли боны гос. казначейства. Въ Бельгіи коммуны имѣютъ возможность совершать займы въ Главной сберегательной и пенсіонной кассѣ, особенно же въ пользующемся энергической поддержкой правительства Обществѣ коммун. кредита. Во Франціи, кромѣ крупныхъ займовъ во Французскомъ земельномъ банкѣ, города еще широко пользуются кредитомъ изъ двухъ госуд. кассъ—Національной и Кассы депозитовъ. Въ Италіи удовлетвореніе потребности въ коммун. кредитѣ возложено государствомъ на Кассу вкладовъ и ссудъ (Cassa dei depositi e prestiti), въ кот. съ этой цѣлью учрежденъ спеціальный отдѣлъ коммун. кредита. Въ Германіи широкій кредитъ коммунамъ оказываютъ госуд. сберег. кассы, полтора десятка государственныхъ и около четырехъ десятковъ частныхъ земельныхъ банковъ, которымъ закономъ предоставлено право выдавать коммунамъ ссуды безъ обезпеченія ихъ гипотекой. Въ Саксоніи, кромѣ того, города получаютъ ссуды изъ спеціальн. частн. коммун. банка, функціонирующаго подъ надзоромъ особаго правит. чиновника. Въ Германіи же зародилась и обѣщаетъ получить широкое практическое приложеніе идея взаимнаго одолженія городовъ свободными наличными средствами, при чемъ въ Дюссельдорфѣ образовалось уже соотвѣтствующее бюро, пока только для городовъ съ населеніемъ не менѣе 80 тыс. душъ.

Понятно, сама по себѣ наличность достаточныхъ финансовъ. рессурсовъ не обезпечиваетъ надлежащаго рѣшенія задачъ Г. х. Важно еще, *кто и на какихъ основаніяхъ* этими рессурсами распоряжается,—иначе, каковъ личный составъ гор. самоуправленія, во-первыхъ, и во-вторыхъ, въ какой мѣрѣ этотъ составъ пользуется независимостью и свободой при разрѣшеніи вопроса о томъ, на что именно въ данный періодъ времени гор. средства должны быть по преимуществу расходуемы, т. е., въ какой мѣрѣ гор. бюджетъ обремененъ расходами, производство которыхъ, въ силу закона, для коммуны обязательно. Существующія на данный случай ограничительныя правила подчасъ очень суровы. Итальянскій законъ, напр., ограждая финансовые источники, совсѣмъ не допускаетъ производства факультативныхъ расходовъ коммунами, которыя взимаютъ дополнит. земельный налогъ въ размѣрѣ, превышающемъ извѣстную норму. Иначе—законъ этотъ допускаетъ форсированіе налоговыхъ источниковъ ради расходовъ обязательныхъ, но отнюдь не ради факультативныхъ. То отрицательное вліяніе, кот. должно бы оказать на развитіе коммун. хоз. ограниченіе коммунъ въ правѣ свободнаго распоряженія своими средствами,—въ значительной степени парализуется той эволюціей, которую переживаетъ на западѣ система обязательныхъ коммун. расходовъ. Въ этой системѣ, имѣвшей первоначально своей главной задачей — направленіе мѣстныхъ финансовыхъ средствъ на общія государств. нужды и потребности (на военныя цѣли, полицію, нужды финансоваго управленія и т. п.),—теперь все большее мѣсто начинаютъ занимать расходы, обезпечивающіе населенію въ извѣстныхъ минимальныхъ размѣрахъ заботу муницип. учрежденій о наиболѣе существенныхъ его

мѣстныхъ санитарныхъ, культурныхъ, экономическихъ и др. интересахъ. Такъ, въ Италіи признаются обязательными расходы: 1) на содержаніе врачей-терапевтовъ, хирурговъ, акушерокъ, оспопрививателей и, вообще, санитарныхъ учрежденій, предназначенныхъ для безплатнаго обслуживанія бѣдной части населенія; 2) на принятіе мѣръ къ защитѣ жилищъ отъ наводненій; 3) на устройство и содержаніе пристаней, портовъ, маяковъ и т. п.; 4) на содержаніе и ремонтъ обществ. зданій и водопроводовъ; 5) на элементарное образованіе дѣтей обоего пола, а въ нѣкот. случаяхъ на професс. и среднія школы; 6) на устройство и содержаніе кладбищъ; 7) на содержаніе гор. стражи, гор. метельщиковъ, а равно на уборку и содержаніе въ чистотѣ городскихъ улицъ, площадей и др. публичныхъ мѣстъ и 8) на призрѣніе неспособныхъ къ труду. Такого же рода обязат. расходы лежатъ на франц. и бельг. коммунахъ. Кромѣ того, напр., по закону 14 марта 1904 г. каждая французская коммуна съ населеніемъ не менѣе 10 тыс. душъ обязана содержать безплатную посредническую контору по пріисканію работы. Въ Англіи для городовъ обязательны расходы по регистраціи заразныхъ болѣзней, по устройству водоснабженія и по удаленію нечистотъ, при чемъ канализація обязательна для поселеній извѣстнаго размѣра. Въ Германіи на общину падаютъ обязательные расходы, между прочимъ, по производству разнаго рода статистич. переписей и анкетъ, по устройству и содержанію промышленныхъ судовъ, по содержанію народныхъ школъ (не вездѣ), по оспопрививанію, борьбѣ съ эпидеміями и эпизоотіями, по санитарной полиціи, наконецъ, по страхованію гор. служащихъ и рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ и на случай инвалидности...

Знаменательно, что среди гор. обязат. расходовъ на Западѣ мы находимъ уже въ настоящее время и такіе, кот. служатъ въ извѣстной мѣрѣ разрѣшенію нѣкот. соціальныхъ задачъ: такимъ образомъ, обнаруживается могучая сила характерной для современнаго западно-европейскаго Г. х. тенденціи, проникнувшей даже туда, куда ей, казалось бы, совсѣмъ не могло быть доступа. Это—тенденція Г. х. къ возможно большему расширенію своей сферы во всѣхъ направленіяхъ и на всѣ области мѣстной жизни, включая и недавно еще почти совсѣмъ чуждую ему область соціальныхъ задачъ. Источникъ такой тенденціи двоякій: съ одной стороны, обусловленное усиленной концентраціей въ городѣ трудовыхъ массъ, чрезвычайное осложненіе и обостреніе ихъ нуждъ и потребностей, цѣлесообразное удовлетвореніе которыхъ фактически оказывается возможнымъ только путемъ общественнаго хозяйства; съ другой—демократизація гор. самоуправленія и умноженіе средствъ и способовъ воздѣйствія на него непосредственно заинтересованныхъ слоевъ гор. населенія (печать, митинги, манифестаціи, стачки). Отсюда быстрое развитіе „муниципальнаго соціализма“, требованія котораго фактически теперь часто усердно проводятся даже тѣми, кот. къ его теоретической программѣ относятся совершенно отрицательно. Это невольное слѣдованіе программѣ чуждаго направленія неизбѣжно, прежде всего, потому, что мѣры, диктуемыя имъ, большей частью единственно практически цѣлесообразны, единственно способны должнымъ образомъ удовлетворить большинство населенія. А затѣмъ, мѣры эти, удовлетворяя большинство, оказываются одновременно полезными и для меньшинства. „Все то,—справедливо замѣчаетъ Турати,—что служитъ специфическимъ интересамъ пролетаріата, почти цѣликомъ обращается также на пользу потребителей другихъ классовъ. Благодѣтельное воздѣйствіе тѣхъ мѣръ, кот. принимаются для защиты труда, въ интересахъ народнаго здравія и образованія, не ограничивается тѣми, кот. являются ихъ непосредственными объектами: то, что выгодно для большинства и для наиболѣе нуждающихся, становится, по необходимости, выгодою всѣхъ“.

Сколько-нибудь правильное конкретное представленіе о томъ направленіи, въ какомъ развивается на Западѣ Г. х., теперь можно получить, только принявъ въ соображеніе тѣ требованія, кот. муниципъ. соціализмъ къ этому

хозяйству предъявляетъ, и тѣ задачи, кот. онъ этому хоз. ставитъ. До сихъ поръ, впрочемъ, достаточно цѣльной, болѣе или менѣе систематически и полно разработанной коммун. программой успѣли запастись только партіи французская и нѣмецкая; остальныя же такихъ программъ до сихъ поръ еще себѣ не выработали, и объ ихъ стремленіяхъ въ области коммун. хоз. приходится судить частью на основаніи постановленій, принятыхъ партійными съѣздами по разнымъ частнымъ вопросамъ, частью по той практической дѣятельности, которою они заявляютъ себя въ различныхъ муницип. совѣтахъ. Тѣмъ не менѣе, сведя въ одно эти программныя требованія и фактическія данныя, мы можемъ дать слѣдующую общую для Европы программу коммунальнаго соціализма.

Въ области общественнаго здравоохраненія разсматриваемая муниц. программа требуетъ: учрежденія особыхъ коммунальныхъ органовъ санитарно-гигіеническаго надзора; земельной политики, выражающейся въ разверстаніи земельныхъ участковъ, расширеніи городской площади и собственной строительной дѣятельности и, наконецъ, обезпеченія жителей здоровыми и дешевыми отопленіемъ, освѣщеніемъ, водой, пищевыми продуктами, путями сообщенія и медицинской помощью.

Въ области соціальной политики—борьбы съ земельной спекуляціей, жилищной политики, мѣръ по охранѣ труда, политики минимума заработной платы по отношенію къ рабочимъ, занятымъ въ городскихъ предпріятіяхъ, обезпеченія рабочимъ свободы коалицій, борьбы съ домашнимъ трудомъ, безработицей, учрежденія биржъ труда, посредническихъ бюро и, вообще, всѣхъ мѣръ по отношенію къ рабочимъ, вытекающихъ изъ минимальной программы современнаго соціализма; кромѣ того, веденія всѣхъ общественныхъ службъ и предпріятій хозяйственнымъ способомъ.

Въ области общественнаго призрѣнія—болѣе широкаго и планомѣрнаго учрежденія пріютовъ всякаго рода, яслей, столовыхъ и доставленія населенію безплатной юридической помощи. По отношенію къ народному образованію муниц. соц. требуетъ обязательнаго дарового свѣтскаго обученія и образованія всѣхъ видовъ и на всѣхъ ступеняхъ, въ общеобразовательной и профессіональной школахъ; обезпеченія учащихся безплатными учебными пособіями, устройства муниципальныхъ дѣтскихъ садовъ, народныхъ университетовъ и т. п.

Въ области город. финансовъ основн. требованіями разсматриваемой муниц. прогр. служатъ: отмѣна городскихъ налоговъ на потребленіе, передача коммунамъ прогрессивно-подоходнаго и прогрессивно-наслѣдственнаго налоговъ, обложеніе недвижимаго имущества не по доходности, а по цѣнности, и главное—обложеніе незаработаннаго приращенія цѣнности; кромѣ того, освобожденіе коммунъ отъ расходовъ на религіозныя цѣли, военныя празднества, торжественныя встрѣчи и т. п.

Среди только что перечисленныхъ требованій и пожеланій едва ли можно насчитать болѣе двухъ или трехъ, которыя гдѣ-нибудь на Западѣ не получили бы уже практическаго осуществленія. Наоборотъ, не мало такихъ Г. х., весьма важныя отрасли которыхъ—особенно въ Англіи—представляютъ собою вполнѣ планомѣрное и систематическое осуществленіе цѣлыхъ отдѣловъ указанной муницип. программы. Но едва ли гдѣ-нибудь въ Европѣ мы найдемъ такое, по крайней мѣрѣ, достаточно крупное Г. х., кот. явилось бы уже цѣликомъ воплощеніемъ этой программы, хотя тамъ имѣются сотни чисто соціалистическихъ муниципалитетовъ. Вѣдь и такого рода муниципалитеты могутъ дѣйствовать не иначе, какъ въ кругу установленной для нихъ государствомъ компетенціи, не выходя изъ предѣловъ предоставленной имъ закономъ власти и считаясь съ многообразными не только юридическими, экономическими и финансовыми, но и бытовыми препонами. Однако, количество такихъ препонъ все уменьшается, и едва ли далеко то время, когда полное осуществленіе въ Г. х. требованій разсматриваемой муницип. программы станетъ на Западѣ фактомъ обычнымъ.

Нѣтъ пока никакихъ основаній для подобнаго предсказанія въ отношеніи русскаго Г. х. Городская концентрація

идетъ въ Россіи гораздо болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ на Западѣ. Уже данныя первой всеобщей переписи обнаружили, что средній ежегодный приростъ городского населенія въ Россіи достиг. 2,96%, тогда какъ въ Германіи не превышалъ 2,4%, въ Англіи—1,53%, во Франціи—0,92%. Слѣдовательно, и городскія нужды и потребности должны у насъ расти гораздо быстрѣе и ощущаться гораздо острѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, требуя соотвѣтственно и болѣе быстраго развитія Г. х. Въ дѣйствительности, между тѣмъ, наше Г. х. не только во всѣхъ смыслахъ далеко отстало отъ западно-европейскаго, но даже во многихъ отношеніяхъ является его антиподомъ. О его слабомъ развитіи можно судить уже по мизерности нашихъ городскихъ бюджетовъ.

По размѣрамъ бюджетовъ русскіе города распредѣляются слѣд. образомъ:

Число городовъ.	Размѣръ ихъ бюджетовъ въ рубл.			
108		менѣе	10	тыс.
221	10	—	25	„
188	25	—	50	„
117	50	—	100	„
106	100	—	300	„
39	300	—	500	„
25	500	—	1.000	„
13	1.000	—	2.000	„
7	2.000	—	8.000	„

Такимъ образомъ, 634 города (почти 77% всего числа) располагаютъ бюджетами, не превышающими 100 тыс. рубл., и только 20 городовъ, что составляетъ менѣе 2,5%, обладаютъ бюджетами въ размѣрѣ отъ 1 до 8 мил. руб.

Было бы совершенно излишне приводить соотвѣтствующія данныя для передовыхъ западно - европейскихъ странъ, съ которыми мы по степени развитія нашего городского хозяйства и въ сравненіе итти не можемъ. Мизерность нашего городского хозяйства въ достаточной мѣрѣ ярко обнаруживается даже въ томъ случаѣ, если мы возьмемъ для сравненія весьма отсталую въ данномъ отношеніи и тоже, по преимуществу, еще земледѣльческую страну — Италію. Въ томъ же 1909 г. въ ней числилось ровно столько же (20), сколько и у насъ, городовъ съ бюджетомъ выше одного милліона руб., но распредѣлялись они такъ: 9 гор. съ бюджетомъ отъ 1 до 2 милл. руб., 7 съ бюдж. въ 2—8 милл. и 5 гор. съ бюдж. отъ 8 до 21 милл. руб. Еще болѣе рѣзко обнаружится наша отсталость, если мы попробуемъ вычислить средніе размѣры городскихъ бюджетовъ для той и другой страны, пользуясь городскими расходными смѣтами на 1911 г., напечатанными въ Календарѣ-справочникѣ, изданномъ „Гор. Дѣломъ“, и данными статистическаго ежегодника итальянскихъ городовъ на 1909—1910 г. Въ такомъ случаѣ окажется:

Въ городахъ съ населеніемъ (въ тыс.).	Въ Россіи. Средній размѣръ бюджета въ тысячахъ рублей.	Въ Италіи.
15— 25	133	324
25— 50	289	487
50—100	729	1.094
100—200	2.097	3.085
200—300	4.723	8.768

Не менѣе характерны для русскаго городского хозяйства цифры муниципп. задолженности, опредѣляющей собою, какъ мы знаемъ уже, мѣру затратъ на капитальныя улучшенія въ городскомъ благоустройствѣ. Въ общемъ, задолженность русскихъ городовъ не превышаетъ суммы 420 милл. руб., при чемъ еще $^3/_4$ этой суммы приходятся на долю 27 наиболѣе крупныхъ центровъ; сумма же, остающаяся, такимъ образомъ, на долю остальной почти тысячи городовъ, кажется просто шуточной въ сравненіи съ тѣми милліардами, въ которыхъ исчисляется коммунальная задолженность западно-европейскихъ странъ: въ Германіи одни только города съ населеніемъ болѣе 25 тысячъ душъ должны были къ концу 1909 года болѣе 3 милліардовъ марокъ; долгъ одного Лондона доходитъ почти до 600 милліон. руб., а Парижа даже до 2 милліардовъ. Понятна и естественна жалкая картина нашего городского благоустройства. 35 лѣтъ спустя послѣ введенія у насъ городского самоуправленія (Гор. Пол. 1870 г.) въ 7 губерн. и 117 уѣздн. городахъ еще совсѣмъ не было мощеныхъ улицъ. По даннымъ 1905 г. было городовъ:

Имѣющихъ:	Въ Россіи.	Въ Германіи.
Газовые заводы.	20	552
Центр. электр. станц. .	80	197
Электрич. освѣщеніе. .	68	182
Электрич. трамваи. . .	22	72

Въ Россіи на болѣе чѣмъ 1.000 городскихъ поселеній имѣется едва 230 водопроводовъ, тогда какъ, напр., въ Саксоніи даже изъ наиболѣе мелкихъ городовъ:

Съ населеніемъ.	Имѣютъ водопроводы.
5—10 тыс.	88%
10—15 „	73%
15—20 „	100%

Болѣе 150 русскихъ городовъ не имѣютъ скотобоенъ, въ болѣе чѣмъ четырехъ десяткахъ городовъ не существуетъ гор. больницъ. Въ Англіи нѣтъ города, въ кот. не было бы канализаціи, а на всю Россію канализація имѣется менѣе, чѣмъ въ 40 городахъ. Область муниципи. благотворительности въ Россіи почти исчерпывается частью содержаніемъ, частью выдачей пособій на устройство и содержаніе двухъ сотенъ ночлежныхъ домовъ, полуторы сотенъ домовъ трудолюбія и около трехъ десятковъ „дешевыхъ квартиръ“. Что же касается области „соціальной политики“, то она представляетъ собою полную пустыню. На Западѣ муниципалитеты затрачиваютъ милліоны на расширеніе своихъ земельныхъ владѣній съ цѣлью улучшенія санитарно-гигіенич. условій гор. жизни. Милліоны же затрачиваются тамъ гор. управленіями на разрѣшеніе въ разныхъ формахъ жилищнаго вопроса. Въ Италіи, напр., въ одномъ 1910 году на сооруженіе дешевыхъ рабочихъ жилищъ ассигновано муницип. совѣтами: Виченцы—1 милліонъ лиръ, Фаэнцы—350 тыс., Мантуи—340 тыс., Вараццы—200 тыс., Форли—100 тыс., Кастельфранко—100 тыс., Терни—75 тыс., Комо—65 тыс., Фериго и Эмполи—по 20 тыс. лиръ, а всего—2.470.000 лиръ, при чемъ все это—небольшія и небогатыя общины. Муниципалитетъ же Венеціи въ томъ же году рѣшилъ совершить заемъ въ 1 милл. фр. на постройку цѣлаго квартала дешевыхъ жилищъ, разсчитаннаго на 11 тыс. жителей. На Западѣ, затѣмъ, городск. управленіями обращено серьезное вниманіе на устройство школьныхъ завтраковъ, при чемъ, напр., въ Бельгіи одинъ Брюссель затратилъ на нихъ въ 1908 г. до 450 тыс. фр., Гентъ—300 тыс., Льежъ—230 тыс. фр. и т. д. Кромѣ того, тамъ гор. самоуправленіе заботится не только о начальномъ образованіи дѣтей несостоятельныхъ классовъ населенія, но и объ открытіи наиболѣе способнымъ изъ нихъ доступа къ высшему образованію, для каковой цѣли, напр., одинъ Франкфуртъ на Майнѣ содержитъ 200 вакансій въ высшихъ учебн. заведен. Обязанностью гор. самоуправленія считается на Западѣ и оказаніе юридической помощи неимущему населенію, съ какой цѣлью въ Германіи, напр., дѣйствуетъ уже около 50 коммун. юридич. бюро. Наконецъ, въ бюджетахъ западно-европ. городовъ обычны ассигновки пособій мѣстнымъ биржамъ и камерамъ труда.

Ничего подобнаго въ нашемъ Г. х., даже столичномъ, которое и по своимъ размѣрамъ и по своему характеру наиболѣе близко подходитъ къ западноевропейскому. Въ чемъ, однако, наше городское хозяйство, повидимому, чрезвычайно преуспѣваетъ,—это въ заботахъ о народномъ образованіи, народномъ здравіи. Ассигновки на эти двѣ важнѣйшія отрасли, еще недавно занимавшія въ городскихъ росписяхъ почти послѣднія мѣста, начиная съ 1908—1909 гг. сразу передвинулись на первыя два мѣста. По смѣтамъ на 1910 г. въ 485 городахъ ассигновано на:

народное образованіе .	12.963,3 т. р.
медицинскую, ветерин. и санитарную часть .	8.896,9 „ „
содерж. городск. управленія и сиротскаго суда	8.064,3 „ „
благоустройство гор. .	7.884,4 „ „
содержаніе городской полиціи	6.658,6 „ „
воинскую квартир. пов.	6.194,0 „ „
содержан. пожарн. командъ	3.397,3 „ „
обществ. призрѣніе . .	2.553,4 „ „

участіе въ расходахъ правительств. учрежд.	1.301,6 т. р.

Однако, выступленіе на одно изъ первыхъ мѣстъ ассигновки на медицинскую, ветеринарную и санитарную часть обусловлено не нормальнымъ, внутреннимъ развитіемъ городского хозяйства, а необходимостью бороться съ экстраординарнымъ бѣдствіемъ—съ чумою и холерою, систематически поражающими страну. Точно также не продуктъ внутренняго нормальнаго развитія городского хозяйства появленіе на первомъ мѣстѣ расходовъ на народное образованіе, а слѣдствіе экстраординарнаго притока на это дѣло казенныхъ средствъ въ видѣ разнаго рода кредитовъ по законамъ 1908 и послѣдующихъ годовъ. Какъ по существу все-таки остается ничтожной трата городовъ на дѣло народнаго образованія, можно судить по сравненію съ той же Италіей, по объему муниципальныхъ заботъ о народн. образов. стоящей далеко не въ первыхъ европейскихъ рядахъ.

Города съ населеніемъ (въ тысячахъ).	Россія. Ассигнуютъ въ среднемъ на народн. образ. (въ тыс. руб.).	Италія.
15— 25	37,5	96,7
25— 50	41,7	89,4
50—100	102,5	187,6
100—300	286,1	774,8

Слабое развитіе нашего городского хозяйства, конечно, въ значительной мѣрѣ объясняется молодостью нашихъ городовъ. Но въ не меньшей мѣрѣ виновата въ томъ и наличная организація его вѣдающихъ учрежденій.

Къ предметамъ вѣдомства нашего гор. обществ. управленія, согласно ст. 2 Гор. Пол., принадлежатъ: 1) завѣдываніе установленными въ пользу гор. поселеній сборами и повинностями, 2) завѣдываніе городск. капиталами и имуществами, 3) попеченіе объ устраненіи недостатка продовольственныхъ средствъ, 4) содержаніе въ исправности и устройство состоящихъ въ вѣдѣніи обществ. управленія улицъ, площадей, мостовыхъ, набережныхъ, пристаней, бечевниковъ, тротуаровъ, обществ. садовъ, бульваровъ, водопроводовъ, сточныхъ трубъ, каналовъ, прудовъ, канавъ, мостовъ, гатей и переправъ, а также освѣщеніе гор. поселенія, 5) попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ и о прекращеніи нищенства; устройство благотворит. и лѣчебн. заведеній и завѣдываніе ими на одинаковыхъ съ земскими учрежденіями основаніяхъ, 6) участіе въ мѣропріятіяхъ по охраненію народнаго здравія и предупрежденію и пресѣченію падежей скота, развитіе средствъ врачебной помощи населенію и изысканіе способовъ къ улучшенію мѣстныхъ условій въ санитарномъ отношеніи, 7) попеченіе о лучшемъ устройствѣ гор. поселенія по утвержденнымъ планамъ, а также о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ и другихъ бѣдствій, 8) участіе въ завѣдываніи взаимнымъ страхованіемъ гор. имуществъ отъ огня, 9) попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія и установленное закономъ участіе въ завѣдываніи учебными заведеніями, 10) попеченіе объ устройствѣ обществ. библіотекъ, музеевъ, театровъ и другихъ подобнаго рода общеполезныхъ учрежденій, 11) воспособленіе зависящими отъ обществ. управленія способами развитію мѣстной торговли и промышленности, устройство рынковъ и базаровъ, надзоръ за правильнымъ производствомъ торговли, устройство кредитныхъ учрежденій по правиламъ устава кредитнаго, а равно содѣйствіе устройству биржевыхъ учрежденій, 12) удовлетвореніе возложенныхъ въ установленномъ порядкѣ на обществ. управленіе потребностей воинскаго и гражданскаго управленій.

Повидимому, кругъ вѣдомства нашего гор. обществ. управленія не менѣе широкъ, чѣмъ на Западѣ, но только повидимому,—если игнорировать то существенное различіе, которое существуетъ между „завѣдываніемъ“ въ собственномъ смыслѣ и „попеченіемъ“, „участіемъ“, „изысканіемъ способовъ“ и „воспособленіемъ“, т. е. фактически большей частью только ассигновкою городскихъ средствъ въ распоряженіе учрежденій, отъ гор. управленія не зависящихъ и дѣйствующихъ внѣ его контроля и надзора. Число предметовъ, на самомъ дѣлѣ находящихся въ завѣдываніи гор. об-

ществ. управленія, весьма не велико. Цѣлесообразно организованное городское управленіе и небольшой кругъ вѣдомства могло бы заполнить богатымъ содержаніемъ. Но мы знаемъ уже (см. *городское самоуправленіе*), какъ дурно организовано наше гор. управленіе сравнит. съ западно-европ., какъ далеко по своему составу стоитъ оно отъ населенія, какъ неудовлетворительны его исполнительные и распорядит. органы, какъ малъ объемъ его власти и какъ связано оно путами администрат. опеки. Ко всему этому нужно добавить скудость матеріальныхъ средствъ, соотвѣтствующую скудости тѣхъ финансовыхъ источниковъ, которые гор. управленію предоставлены закономъ. Ст. 127 Гор. Пол. въ пользу городскихъ поселеній установлены сборы: 1) оцѣночный съ недвиж. имуществъ, 2) съ промысловыхъ свидѣтельствъ, 3) съ заведеній трактирнаго промысла и съ пивныхъ лавокъ въ районѣ казенной продажи питей. Кромѣ того, городскія Думы могутъ устанавливать сборы: съ извознаго промысла, съ лошадей и экипажей, содержимыхъ частными лицами, съ собакъ, съ перевознаго промысла, съ велосипедовъ и автоматическихъ экипажей. Затѣмъ, въ пользу городовъ поступаютъ еще разнаго рода сборы пошлиннаго характера (ст. 135): 1) сборы, взимаемые въ ихъ пользу при совершеніи, засвидѣтельствованіи, протестѣ и предъявленіи ко взысканію различныхъ актовъ, 2) сборы за клейменіе мѣръ и вѣсовъ, 3) сборъ за употребленіе общественныхъ мѣръ и вѣсовъ, 4) сборъ съ аукціонныхъ продажъ, 5) съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ, балласта, за стоянку судовъ и т. п., 6) за проходъ и проѣздъ по городскимъ сооруженіямъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ взимаются еще сборы: больничный, съ пріѣзжихъ и т. д. Легко замѣтить, какъ скудны эти источники въ сравненіи съ тѣми, которыми пользуются западно-европ. города. Къ тому же пользованіе ими обставлено существенными ограниченіями. Изъ главнаго и основного гор. сбора — оцѣночнаго — изъяты самыя цѣнныя городскія недвижимыя имущества, именно, принадлежащія дворцовому вѣдомству, кабинету, удѣламъ, казнѣ, желѣзнымъ дорогамъ и духовному вѣдомству. Кромѣ того, установленъ предѣльный размѣръ сбора: не болѣе 10% чистаго дохода или одного процента стоимости имущества. Точно также фиксированы высшіе размѣры всѣхъ остальныхъ сборовъ, кромѣ трактирнаго. Чрезвычайно стѣсняя гор. управленіе въ отношеніи добычи необходимыхъ ему средствъ, Городов. Пол. въ то же время взваливаетъ на него рядъ обязат. расходовъ, каковыми ст. 138 Гор. Пол. признаетъ: 1) содержаніе гор. обществ. управленія; производство пенсій и пособій служившимъ по оному лицамъ, въ установленномъ порядкѣ отнесенныхъ на мѣстныя средства, 2) содержаніе лежащихъ на отчетѣ гор. поселенія обществ. зданій и памятниковъ, 3) уплата причитающихся суммъ по займамъ и выполненіе принятыхъ обязательствъ, 4) производство разнымъ учрежденіямъ, установленіямъ и вѣдомствамъ пособій на содержаніе учебныхъ, благотворит. и иныхъ общеполезныхъ заведеній, на основаніи особыхъ постановленій, а также производство государств. казначейству пособій, занесенныхъ въ государств. роспись, 5) издержки по отправленію воинскаго постоя и другихъ воинскихъ потребностей, а также по устройству арестантскихъ помѣщеній при полиціи и по отопленію и освѣщенію мѣстныхъ тюремъ, въ законномъ порядкѣ отнесенныя на мѣстныя средства, 6) установленное закономъ участіе въ расходахъ по содержанію чиновъ полиціи, снабженіе ихъ провіантомъ, аммуниціей, вооруженіемъ и квартирнымъ довольствіемъ, согласно дѣйствующимъ штатамъ и росписаніямъ, а также пользованіе сихъ чиновъ въ больницахъ, 7) устройство или наемъ помѣщенія для мѣстнаго полицейскаго управленія (гдѣ оно учреждено отдѣльно отъ уѣзднаго), съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, 8) устройство и содержаніе состоящихъ при полиціи пожарныхъ командъ, 9) содержаніе обществ. пожарныхъ командъ и 10) содержаніе лежащихъ на отчетѣ города улицъ, площадей, дорогъ, бечевниковъ, набережныхъ, пристаней, мостовыхъ, тротуаровъ, пе-

переправъ, общественныхъ садовъ, бульваровъ, каналовъ, водопроводовъ, сточныхъ трубъ, прудовъ, канавъ, протоковъ, гатей, а также гор. освѣщеніе.

Ничего похожаго на то, что мы видѣли выше въ системѣ западно-европ. обязат. расходовъ; ничего такого, что указывало бы, что законодатель считаетъ обязательной для гор. управленія заботу о важнѣйшихъ интересахъ мѣстнаго населенія и его трудового большинства, въ особенности. Положеніе ухудшается тѣмъ, что къ расходамъ юридически обязательнымъ присоединяется почтенное количество фактически обязательныхъ. Хотя ст. 138 многократно усиленно подчеркиваетъ, что обязательными могутъ быть только расходы, „въ установленномъ порядкѣ“ или „въ законномъ порядкѣ отнесенные на мѣстныя средства“ или „установленные закономъ“ или же согласные „дѣйствующимъ штатамъ и росписаніямъ“,—тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, при безправности гор. управленія и всевластіи опекающей ее администраціи, обязательны для городской кассы очень часто и такіе расходы, кот. не только закономъ не предусмотрѣны (единовременныя и періодическія выдачи разнымъ административнымъ и инымъ мѣстамъ и лицамъ), а даже прямо имъ воспрещены, но желательны мѣстной администраціи, какъ, напр., почти повсемѣстно практикуемая выдача разъѣздныхъ полицеймейстерамъ и т. п. Вотъ почему дѣйствительно обязательные расходы поглощаютъ значительно больше тѣхъ 19%, которые въ общемъ удѣляются изъ городскихъ бюджетовъ на долю формально обязательныхъ расходовъ, такъ что на долю необязательныхъ расходовъ, идущихъ именно на мѣстныя городскія нужды и потребности, остается значительно менѣе 81%, а въ нѣкоторыхъ, особенно въ небольшихъ городахъ — даже менѣе 70%.

При скудности источниковъ дохода и обремененіи бюджетовъ обязательными расходами, дѣлу удовлетворенія потребностей городск. населенія могъ бы оказать серьезную услугу цѣлесообразно организованный коммун. кредитъ. Но такого у насъ еще не существуетъ. Неотложно необходимыя заемныя средства въ настоящее время городскія управленія добываютъ изъ разныхъ источниковъ, изъ кот. ни одинъ не является достаточно удовлетворительнымъ. Наиболѣе крупныя средства получаютъ они путемъ облигаціонныхъ займовъ, но это источникъ, по самому существу своему, доступный только крупнымъ городамъ. Естественно, что имъ воспользовались пока (по даннымъ 1909 г.) только 57 городовъ въ суммѣ 319,3 милліон. рубл.; да и изъ нихъ массу заемныхъ средствъ получили 11 крупнѣйшихъ городовъ—290,3 милліона рубл., на долю же остальныхъ 46 городовъ досталось всего 28,9 милліон. рубл. Затѣмъ города имѣютъ возможность получать ссуды изъ городскихъ общественныхъ банковъ въ размѣрѣ, не превышающемъ одной трети ихъ капитала; за 28 лѣтъ (по 1909 г.) изъ этого ограниченнаго источника города получили едва 13,7 милліон. рубл. Очень часто, находясь въ безвыходномъ положеніи, гор. управленія прибѣгаютъ къ позаимствованіямъ изъ своихъ же запасныхъ капиталовъ; но уже скромный размѣръ этихъ капиталовъ, не превосходящихъ въ общемъ суммы въ 15 милліон. рубл., свидѣтельствуетъ о томъ, что получаемая изъ этого источника финансовая помощь не можетъ быть серьезной. Еще менѣе серьезна, конечно, помощь, которую получаютъ гор. кассы путемъ займовъ у частныхъ лицъ, сравнительно рѣдкихъ и часто весьма убыточныхъ. Очень солидное содѣйствіе усиленію гор. средствъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ могло бы оказать госуд. казначейство; но въ дѣйствительности за *сто* лѣтъ города получили изъ этого источника всего немногимъ болѣе 9,5 милліон. рубл.,—сумма смѣхотворная, если сличить ее съ тѣми десятками и сотнями милліоновъ, въ кот. исчисляются на Западѣ правительственныя дотаціи городамъ. И особенно характерно для отношенія правительства къ мѣстнымъ гор. нуждамъ то, какъ распредѣляются правительственныя ссуды по цѣлямъ, ради которыхъ казна находила возможнымъ приходить на помощь городскимъ кассамъ:

На какія потребности выданы ссуды казной:	Количество ссудъ:	Какая сумма: Въ тыс. руб.	Въ %.
1) На военныя надобности: постройку казармъ, покупку продовольствія во время войны, призрѣн. семей нижнихъ чин. и т. п.	83	5.315	55,7
2) На городское благоустройство, постройку водопровод., прист., набережныхъ и т. п.	31	2.184	23,1
3) На борьбу съ народными бѣдствіями: пожары, наводнен., эпидеміи	28	1.523	15,9
4) На уплату городскихъ долговъ.	4	260	2,6
5) На нужды народн. образованія	6	202	2,0
6) На поддерж. городск. общ. банковъ	2	50	0,5
7) На усиленіе средствъ город. кассъ	1	25	0,2
	155	9.559	100,0

Въ недалекомъ будущемъ, впрочемъ, должна начать функціонировать государственная „касса городского и земскаго кредита", законъ о которой только что прошелъ черезъ наши законодательныя учрежденія. На образованіе основного капитала этой кассы казна вноситъ 10 мил. руб. 4%-ной ренты. Необходимый же ей оборотный капиталъ касса получаетъ путемъ выпуска облигацій въ суммѣ, не превышающей болѣе чѣмъ въ 10 разъ сумму основного капитала. Уже это ограниченіе операцій кассы суммой въ 100 мил. руб., совершенно ничтожной въ сравненіи съ потребностями нашего мѣстнаго самоуправленія, не позволяетъ трактовать ее, какъ серьезный факторъ въ дѣлѣ грядущаго развитія нашего городского хозяйства. Чисто бюрократическая же организація кассы лишаетъ ее и той доли значенія, которую она могла бы имѣть даже при такой ограниченности своихъ операцій. Несомнѣнно, что и съ устройствомъ этой кассы огромное большинство городовъ по прежнему остается безъ необходимаго имъ кредита.

Лучшее доказательство несоотвѣтствія текущихъ гор. средствъ потребностямъ муницип. хоз.--это смѣтный дефицитъ, ставшій не только обычнымъ, но даже, можно сказать, номинальнымъ явленіемъ въ области нашего Г. финанс. х. Конечно, дефициты въ смѣтахъ всегда болѣе или менѣе ловко и удачно замаскировываются, такъ какъ заключенія гор. росписи съ дефицитомъ законъ не допускаетъ; но фактически онъ существуетъ почти вездѣ. При дѣйствующей системѣ администрат. опеки и при большой тяжести обязат. расходовъ общегосударств. значенія, замаскированный дефицитъ — единственный путь, открывающій городскому управленію возможность обратить нѣсколько бо́льшую, чѣмъ то было бы легально возможно, часть смѣтныхъ средствъ на наиболѣе настоятельныя мѣстныя гор. нужды, удовлетвореніе кот. законъ не признаетъ обязательнымъ. Понятно, что испытывающему острую нужду въ средствахъ и въ то же время не имѣющему возможности расширить сферу обложенія за предѣлы предметовъ, точно указанныхъ въ законѣ, город. обществ. управленію остается одно попытаться извлечь какъ можно больше изъ имѣющихся въ его распоряженіи источниковъ дохода. Но поскольку дѣло идетъ, собственно, о налоговыхъ источникахъ, то одни изъ нихъ (пошлины) по самому существу своему почти не поддаются форсированію; болѣе интенсивному же использованію другихъ препятствуютъ установленныя закономъ предѣльныя нормы. Единственный серьезный налоговой источникъ, поступленія изъ котораго могли бы быть значительно усилены,— это подлежащія оцѣночному сбору недвиж. имущества: повышеніе ихъ оцѣнки и взиманіе сбора въ размѣрѣ, хотя бы только приближающемся къ предѣльной нормѣ, могли бы весьма чув-

ствительно усилить рессурсы городскихъ кассъ. Но уже составъ городскихъ думъ, въ которыхъ рѣшающая роль данной избират. системой предоставлена домовладѣльч. классу, исключаетъ возможность готовности городскихъ управленій выступить на этотъ путь. За вычетомъ немногихъ отдѣльныхъ случаевъ оцѣнка имуществъ для взиманія оцѣночнаго сбора повсемѣстно остается непомѣрно низкой, между прочимъ, почти въ 2,7 раза ниже оцѣнки Министерства Финансовъ. Точно также весьма пониженными являются въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ и ставки оцѣночнаго сбора; едва ли даже въ одной трети городовъ онѣ приближаются къ предѣльному максимуму. Вниманіе и энергія современнаго гор. обществ. управленія, озабоченнаго усиленіемъ своихъ финансовыхъ средствъ, направлены совершенно въ другую сторону. Одно изъ самыхъ характерныхъ для нашего гор. финанс. хоз. явленій—это чрезвычайно быстрый ростъ поступленій отъ городскихъ имуществъ—оброчныхъ статей и предпріятій. Въ настоящее время поступленіями изъ этого источника, еще недавно игравшаго небольшую роль, покрывается уже почти 55% бюджета обыкновенныхъ городскихъ доходовъ, тогда какъ налогами, бывшими также недавно главной основой бюджета, теперь покрывается только около 43% и пошлинами не болѣе 2%. Быстрое увеличеніе дохода, извлекаемаго городскими кассами изъ только что указаннаго источника, объясняется, во-1) упорядоченіемъ и умноженіемъ оброчныхъ статей: рынковъ, доходныхъ городскихъ зданій и т. п. и, между прочимъ, также болѣе раціональной эксплуатаціей городск. земельн. владѣній, часто исчисляемыхъ десятками тысячъ десятинъ (Керчь, Нахичевань-на-Дону, Рига, Херсонъ и др.), во-2) и главнымъ образомъ—умноженіемъ городскихъ предпріятій. Число послѣднихъ благодаря исключительной энергіи, направленной городскими управленіями въ эту сторону, растетъ необычайно быстро, при чемъ умножается количество не только концессіонныхъ предпріятій, но и такихъ, которыя сооружаются и эксплуатируются непосредственно самими гор. управленіями. Но было бы заблужденіемъ полагать, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ тѣмъ же муницип. соціализмомъ, кот. играетъ такую важную роль на Западѣ. У насъ муниципализація, за рѣдкими исключеніями, не ставитъ себѣ цѣлью разрѣшеніе опредѣленныхъ соціальныхъ задачъ,—что составляетъ основной признакъ настоящей муниципализаціи. Наши городскія предпріятія въ большинствѣ—тѣ же капиталистическія предпріятія, разсчитанныя на извлеченіе наибольшей прибыли въ цѣляхъ обогащенія городской кассы. Если въ конечномъ итогѣ главное и основное назначеніе муниципализаціи — превратить промышленныя предпріятія въ общественныя службы, вѣрнѣе, *поставить общественныя службы на мѣсто промышленныхъ предпріятій*,—то наше гор. обществ. управленіе поступаетъ какъ разъ наоборотъ: несомнѣнныя и безспорныя общественныя службы превращаетъ исключительно въ доходныя промышленныя предпріятія, разсчитанныя на извлеченіе наибольшей прибыли изъ пота обслуживающихъ эти предпріятія рабочихъ и изъ кармановъ массы городскихъ потребителей. Такимъ образомъ, и тяжесть городского бюджета перекладывается постепенно все больше и больше на плечи наименѣе состоятельныхъ трудовыхъ классовъ населенія, не имѣющихъ къ тому же въ силу своего безправія никакихъ средствъ защиты противъ такой своеобразной соціальной политики городск. управленій.

При разсмотрѣніи смѣты на 1911 годъ московская городская дума единогласно постановила: „признать, что при условіяхъ, создаваемыхъ дѣйствующимъ Городовымъ Положеніемъ, городскія смѣты доходовъ и расходовъ не могутъ охватить самыхъ необходимыхъ потребностей городской жизни, что усилія гор. управленія исправить и урегулировать составленіе и исполненіе смѣтъ будутъ въ значительной мѣрѣ безрезультатными, пока не будутъ открыты новые источники доходовъ, о которыхъ гор. управленіе неоднократно возбуждало ходатайства,

пока съ городского управленія не будутъ сложены обременяющія его общегосударств. повинности, предѣлы требованія которыхъ остаются совершенно неопредѣленными, пока ходатайства о нуждахъ и потребностяхъ города будутъ оставаться безъ удовлетворенія и, наконецъ, пока общія права города не будутъ расширены путемъ измѣненія Городового Положенія". Но все, изложенное выше, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что для надлежащей, согласной съ интересами населенія, постановки нашего Г. х. должны быть „расширены" не только „права города", но еще въ большей мѣрѣ права *населенія*, какъ широкимъ допущеніемъ его къ участію въ городскомъ самоуправленіи, такъ и предоставленіемъ ему свободнаго пользованія всѣми тѣми средствами и способами воздѣйствія на городское управленіе, которые, какъ указано, имѣются въ распоряженіи западно-европ. населенія. Пока же въ Россіи даже такая слабая попытка въ этомъ направленіи, какъ организація „обществъ избирателей и обывателей", встрѣтила энергичное противодѣйствіе правительства, и всѣ успѣвшія было открыться общества этого рода администраціей закрыты.

Библіографія: 1) *Веберъ, А.*, „Ростъ городовъ въ XIX ст.", Спб., 1903; *Вандервельде, Э.*, „Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ", М., 1904; „Большіе города, ихъ общественн., политич. и экономич. значеніе", сборн. статей Бюхера, Майра, Зиммеля и др., Спб., 1905; *Дамашке, А.*, „Задачи городского хозяйства", М., 1904; *Maltbie, M.*, „Municipal function", New-York, 1908; *Fritsch, F.*, „Die Stadt der Zukunft", Leipz., 1896; *Бургенъ, М.*, „Современныя соціалистическія системы и экономическое развитіе", Спб., 1906; *Загряцковъ, М.*, „Соціальная дѣятельность городск. самоуправленій на Западѣ", Кіевъ, 1906; *Курчинскій, М.*, „Муниципальный соціализмъ и развитіе городской жизни", Спб., 1907; *Thissen-Trimborn*, „Soziale Tätigkeit der Stadtgemeinden", Gladbach, 1910; *Lindemann, H.*, „Arbeiterpolitik und Wirtschaftspflege in d. deutschen Städteverwaltung", 2 B., Stuttgart, 1904 (имѣется на русскомъ языкѣ переводъ 1-го тома подъ заглавіемъ: „Городское хозяйство и рабочій вопросъ въ Германскихъ городахъ". М., 1910); *его же*, „Stadtverwaltung und Munizipalsozialismus in England", Stuttgart, 1906 (русскій переводъ подъ заглавіемъ: *К. Гуго*, „Новѣйшія теченія въ англ. городск. самоуправленіи", Спб., 1898); *Webb Sidney*, „Socialism in England", London, 1901; „I socialisti al comune", con proemio d. F. Turati, Milano, 1910; *Ачадовъ*, „Взгляды соціалистическихъ партій на общественное самоуправленіе", М., 1906; *Lord Averbury* (John Lubbock), „Le industrie dello stato e dei municipi", con note ed aggiunte *d. A. Geisser*, Roma, 1908; *Озеровъ, И.*, „Общіе принципы организаціи городскихъ финансовъ", Спб., 1907; *Кауфманъ, Р.*, „Финансовое хозяйство органовъ мѣстнаго самоуправленія въ Англіи, Франціи, Пруссіи", перев. съ нѣм., Спб., 1910; *Твердохлѣбовъ, В.*, „Обложеніе городскихъ недвижим. имуществъ на Западѣ, ч. II, мѣстное обложеніе", Одесса, 1910; *Гензель, П.*, „Новый видъ мѣстныхъ налоговъ", Спб., 1902; *его же*, „Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ", М., 1909; *Цитовичъ, Н.*, проф., „Мѣстные расходы Пруссіи", Кіевъ, 1898; *Govone, U.*, „Sulla finanza locale", Torino, 1900; *Bonomi, Ivanoe*, „La finanza locale e i suoi problemi", Palermo, 1903; *Giusti, Ugo*, „Le finanze municipali italiane", Firenze, 1910; *Герценштейнъ, М.*, „Ипотечные банки и ростъ большихъ городовъ въ Германіи", М., 1902; *И. Цадекъ*, „Гигіена городовъ", Симфер., 1909; *Marchetti Livio*, „Sistemi di difesa contro la disocupazione", Milano, 1908; *Anziloti Eug.*, „La questione fondiaria nelle moderne cittá", Milano, 1910; *Mersel, E.*, „Der Gemeindebeamte", Leipzig, 1908.

2) *Озеровъ, И.*, „Большіе города, ихъ задачи и средства управленія", М., 1906; *Твердохлѣбовъ, В.*, „Городское обложеніе и оцѣнка недвижимыхъ имуществъ", Одесса, 1911; *Максимовъ, Е.*, „Городское общественное управленіе въ дѣлѣ помощи бѣднымъ", Спб., 1904; *Хлопинъ*, проф., „Гигіена городовъ", Юрьевъ, 1903; *Герценштейнъ, М.*, „Кредитъ для земствъ и городовъ",

М., 1892; „Кредитъ для земствъ и городовъ“, сборн. статей, изд. Тахтамірова, М., 1910. 3) *Справочныя изданія* (Ежегодники): „Statistisches Jahrbuch deutscher Städte“.—„The municipal Year-Book of the United Kingdom“.—„Annuario statistico delle città italiane“.—„Ежегодникъ Россіи“, изд. Ц. С. К.—„Календарь-справочникъ городского и земскаго дѣятеля“. 4) *Періодическія изданія*: „The Municipal Journal“.—„Revue Municipal“.—„Kommunale Praxis“.—„L'autonomia comunale“ (organo della Associazione dei Comuni italiani).—„Il Comune moderno“.—„Извѣстія Московской Городской Думы“.—„Городское Дѣло“. *Гр. Шрейдеръ.*

Гороскопъ, фигура, на которой представлено расположеніе солнца, луны и пяти древнихъ планетъ по созвѣздіямъ зодіака, а также расположеніе этихъ созвѣздій относительно горизонта (въ т. наз. „домахъ“) въ день и часъ рожденія лица, для котораго составляется Г. „Домами“ назывались 12 частей неба, 6—подъ горизонтомъ, 6—надъ нимъ, на которыя оно дѣлится кругами, проходящими чрезъ точки сѣвера и юга, и 12 равноотстоящихъ другъ отъ друга точекъ экватора, начиная съ точки востока; тотъ „домъ“, въ которомъ находится восходящая точка эклиптики, назывался первымъ (эта точка эклиптики спеціально называлась гороскопъ), слѣдующіе пять располагались подъ горизонтомъ, въ 7-мъ находилась заходящая точка эклиптики; впрочемъ, различные астрологи по-разному проводили границы ихъ „домовъ“. На основаніи расположенія свѣтилъ по созвѣздіямъ, а также тѣхъ и другихъ по „домамъ“ астрологи составляли свои предсказанія о судьбѣ родившагося, не упуская изъ виду и земныхъ условій (сынъ короля и сынъ крестьянина, родившіеся одновременно, не могли получать тождественныхъ предсказаній). Для этой цѣли были составлены сложные кодексы взаимно переплетавшихся правилъ о томъ, какое значеніе имѣетъ пребываніе какого-либо свѣтила въ томъ или иномъ созвѣздіи, опредѣленнаго свѣтила и созвѣздія въ томъ или иномъ „домѣ“, каково значеніе взаимнаго разстоянія на небѣ различныхъ паръ свѣтилъ и какъ это значеніе измѣняется, если третье свѣтило находится на опредѣленномъ разстояніи отъ двухъ первыхъ и т. д.

С. Блажко.

Гороховая, или *бобовая руда,* разновидность бураго желѣзняка, шарики, величиною съ горошину, съ скорлупковатымъ сложеніемъ и часто связанные как.-ниб. цементомъ. Чаще встрѣчаются въ низинахъ и заполняютъ трещины въ известнякахъ. Образованіе ихъ вызвано дѣятельностью желѣзныхъ источниковъ. Главныя мѣсторожденія въ Россіи — въ Виленской губ. (около Попиляпъ) и въ Кѣлецкой губ. (около г. Олькуша). *М. Н.*

Гороховецкій уѣздъ, находится въ восточн. части Владимірской губ., занимаетъ пространство въ 3.817,7 кв. в. Мѣстность ровная, орошаемая двумя большими рѣками—Окой и Клязьмой и притокомъ послѣдн.—Лухомъ. Почва на ю. — песчанистая и гипсовая, на с.—глинистая; средн. часть занята болотами, изъ которыхъ замѣчательны Варехъ и Упрехъ. Къ началу 1911 г. всего населенія считалось 119,5 тыс. (31,3 чел. на 1 кв. в.), въ т. ч. 3,2 тыс. чел. городск., а по переписи 1897 г.—92,2 тыс. чел. Исключительно великороссы. Грамотн. насел. 19,1%. Изъ занятій преобладаютъ земледѣліе и сельск. хоз. Изъ побочныхъ промысловъ развиты такъ наз. „мастеровщина“ (преим. „отхожій промыселъ“) и гончарный. Въ у. сплавляется много лѣсу; кромѣ того, крестьяне дѣлаютъ лапти, мочала, рогожи, кули, веревки и т. п.

Гороховецъ, уѣздн. городъ Владимірской губ. на р. Клязьмѣ, 3.064 ж. Упоминается впервые подъ 1239 г., когда былъ взятъ татарами.

Гороховидная кость (os pisiforme), одна изъ 8 костей запястья. Ср. *анатомія,* II, 628.

Гороховка, село павловск. у. Воронежск. губ., на Дону, 7.562 жит., заним. бахчеводств. и рыболовствомъ.

Гороховъ, мѣст. владим. у., Волынской губ., 7. 202 жит.

Гороховый камень, см. *известнякъ.*

Горохъ, Pisum, родъ изъ сем. мотыльковыхъ, травы съ цѣпляющимся стеблемъ до 2 м. длины, листья пар-

неперистые съ очень крупными прилистниками; черешки на концѣ превращаются въ усики; цвѣтки крупные бѣлые или красноватофіолетовые, съ отвороченнымъ назадъ флагомъ, по величинѣ превышаютъ чашечки. *Дикій* или *сѣрый* Г., *пелюшка*, P. arvense, однолѣтній, стебель короче, чѣмъ у слѣд. вида, листовые черешки съ одной парой листочковъ, цвѣтки сидятъ на стеблѣ по одиночкѣ, крылья фіолетовыя, флагъ красный, сѣмена сѣрозеленыя, сплюснутыя. Высѣвается для укрѣпленія песковъ, а также на траву, взамѣнъ вики, особенно въ Прибалтійскомъ краѣ. *Обыкновенный* или *посѣвной Г.*, P. sativum, озимое и яровое растеніе, цвѣтетъ въ маѣ и іюнѣ, листья 2-или 3-парноперистые, часто непарноперистые вслѣдствіе недоразвитія одного листочка послѣдней пары, цвѣты б. ч. бѣлые, сидятъ по 1—2, бобъ прямой, почти цилиндрическій. Сѣмена употребляются въ пищу молодыми и зрѣлыми и очень богаты бѣлковыми веществами (20—26%). Различаютъ сорта полевые и огородные. И тѣхъ и другихъ значительное количество. Полевые Г. одни изъ наиболѣе распространенныхъ въ Россіи бобовыхъ растеній, высѣваемыхъ на зерно (къ 1910 г. до 1 милл. дес. въ Евр. Рос.).

Примѣрная потребность Г. въ питательныхъ веществахъ опредѣляется слѣд. цифрами: азота 190, окиси калія 80, извести 80, фосфорной кислоты 50—все въ фунтахъ для надземнаго урожая съ десятины. Для другихъ хлѣбовъ тѣ же цифры будутъ: 100, 75, 25 и 40 фунтовъ; однако, требованія гороха къ почвамъ и удобренію не высоки. Горохъ создаетъ прямое обогащеніе почвы азотомъ (см. *ассимиляція азота*, IV, 97/98), а потому совсѣмъ не боится бѣдныхъ азотомъ почвъ и отнюдь не нуждается въ азотистыхъ удобреніяхъ. Менѣе замѣтно, но не менѣе цѣнно отношеніе Г. къ фосфорной кислотѣ: онъ хорошо используетъ труднорастворимые ея источники, нормально развивается на кости и фосфоритѣ, которые почти недоступны для злаковъ, а служатъ хорошимъ удобреніемъ для Г. Вѣроятно, часты случаи, когда Г. и изъ почвы извлекаетъ трудно-растворимую фосфорную кислоту. Поэтому пришедшее на смѣну Г. растеніе имѣетъ всѣ шансы встрѣтить лучшія условія фосфорнокислаго питанія, нежели тѣ, которыя оно нашло бы безъ Г. Самъ же Г. успѣшнѣе хлѣбовъ борется съ нѣкоторымъ недостаткомъ усвояемой фосфорной кислоты, въ которой болѣе всего нуждаются русскія почвы. Удобреніе известью даетъ часто прекрасн. результаты. Азото-собирающая способность особенно сильна и цѣнна на почвахъ нечерноземныхъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ черноземный югъ бѣденъ Г. Сверхъ того при сухихъ веснахъ Г. почти сплошь поражается здѣсь зерновикомъ. Главныя массы полей Г. сосредоточены въ губерніяхъ Царства Польскаго и Юго-Западномъ краѣ, а съ другой стороны, въ среднемъ Поволжьѣ. На востокѣ Г. рѣзко уходитъ къ сѣверу. Сюда Г. проникаетъ далеко, легко вынося весенніе заморозки. Въ силу этого, а также вслѣдствіе большой потребности въ водѣ, при набуханіи, Г. высѣвается въ первые дни посѣвовъ. По даннымъ Полтавской оп. станціи рядовой посѣвъ, сильно сберегающій сѣмена, повышалъ урожай на 10 пуд. противъ разброснаго, а парный съ мотыженіемъ еще на 35 пудовъ. Для удобства уборки машинами Г. высѣвается иногда съ примѣсью овса. При чистомъ посѣвѣ уборка легко производится граблями ручными или конными. Молотится Г. часто прямо съ рядовъ. Стручья позволяютъ зерну Г. переносить въ рядахъ даже длительные дожди. Наиболѣе обычные въ русскихъ хозяйствахъ типы Г.—крупные бѣлые („Викторіи“) и зеленые „рыхлики“. Рыхлики менѣе урожайны, но цѣнятся выше, съ болѣе мелкимъ зерномъ и потому могутъ молотиться на обыкновенныхъ машинахъ съ отставленной декой. Изъ сортовъ интересенъ Г. Рудзинскаго со сближенными цвѣтами и одновременно поспѣвающими бобами. При использованіи Г. важно имѣть въ виду, что не только зерно его богато бѣлкомъ, но и солома содержитъ въ три примѣрно раза больше бѣлковъ, нежели солома злаковая. Она представляетъ цѣнный кормъ и цѣнную подстилку и во всякомъ случаѣ, во избѣжаніе потери азота, не должна употребляться на

топливо. Урожаи Г. безъ затрудненій достигаютъ 100 п., но неустойчивы. Сам. естеств. мѣстомъ для Г. въ сѣвооборотѣ слѣдуетъ считать предшествующее наиболѣе цѣнной въ хозяйствѣ культурѣ. Въ свеклосах. хоз. Г. охотно занимаютъ послѣднее время паръ подъ свеклу. По Полтавскимъ даннымъ высѣваемыя послѣ Г. яровыя даютъ повышеніе урожая на 20 пудовъ. Въ сырыя осени по Г. можетъ удаваться и озимое. Такъ или иначе Г. съ успѣхомъ вытѣсняетъ чистые пары. Въ зерновыхъ хозяйствахъ смѣны Г.—пшеница или Г.—ленъ оказываются выгоднѣе комбинаціи паръ—оз. пшеница даже при устойчивыхъ урожаяхъ послѣдней.

И. Якушкинъ.

Горошекъ, названіе нѣсколь. видовъ изъ сем. мотыльковыхъ: 1) Г. *душистый*, или *чина пахучая*, Lathyrus odoratus, однолѣтнее растеніе съ однопарноперистыми волосистыми листьями съ прилистниками и пахучими цвѣтками. Любимое садовое растеніе. 2) Г. *мышиный, воробьиный*, заборный, кормовой, названія для различн. сортовъ вики (*см.*). 3) *Зеленый* Г., незрѣлыя высушенныя сѣмена зеленыхъ сортовъ гороха, получаются въ Россіи, гл. обр., въ ростов. уѣздѣ, Ярославской губ.

Горошинъ, мѣст. хорольскаго у., Полтавской губ., на Сулѣ, 2.726 жит., упомин. въ лѣтоп. подъ 1096 г.

Горошки, мѣст. житомірскаго уѣзда, Волынской губ., на р. Ирмѣ, 3.228 ж.

Горсей (Horsey), Іеремія (въ русск. передѣлкѣ Еремѣй Ульяновичъ Горшіевъ), англ. дворянинъ, писатель о Россіи,—впервые пріѣхалъ въ Москву въ 1573 г. въ кач. агента лонд. торговой компаніи, съ 1580 г. сдѣлался управляющимъ московск. конторой этой компаніи и сумѣлъ снискать себѣ расположеніе и довѣріе нѣкот. изъ моск. бояръ, гл. обр. Годунова; въ 1580, 1585 и 1590 гг. ѣздилъ съ различными порученіями отъ моск. правительства въ Англію, позднѣе подвергся преслѣдованію со стороны компаніи за злоупотребленіе ея интересами, а въ 1591 г. окончательно возвратился изъ Россіи; ум. послѣ 1626 г. Изъ сочиненій Г-я о Россіи наиб. важнымъ является „Travels“ (кот. между проч. много пользовался Флетчеръ)—напеч. вмѣстѣ съ соч. Флетчера Бондомъ въ изд. общества имени Гаклюйта (1856, полный переводъ этого сочин., сдѣл. Н. А. Бѣлозерскою съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Костомарова, изд. въ 1909 г.). Ср. *Ю. Толстой*, „Сказ. англичанина Г-я о Россіи“ („От. Зап.“ 1859, IX); *С. Середонинъ*, „Соч. Дж. Флетчера“ (1891).

Горскій Тикичъ (также *Угорскій* и *Горный*), прав. притокъ *Гнилого Тикича* (*см.*), беретъ начало въ липовецк. уѣздѣ, Кіевск. г., 125 в. длины.

Горстъ, см. *горы*., XVI, 108.

Горстъ (Horst) *на р. Эмшеръ*, горнопромышл. центръ въ прус. пров. Вестфаліи, 20.990 жит.,

Гортанная бугорчатка, развивается большею частью вторично, т. е. въ зависимости отъ заболѣванія бугорчаткой (туберкулезомъ) какого-либо другого органа (наичаще—туберкулезъ легкихъ); однако, даже при очень незначительномъ легочномъ туберкулезномъ процессѣ Г. б. можетъ быть выражена въ очень рѣзкой степени. Процессъ можетъ начинаться въ видѣ простого поверхностнаго воспаленія гортани („катарръ“ гортани, ларингитъ); а затѣмъ присоединяется и туберкулезная инфильтрація съ образованіемъ туберкулезныхъ бугорковъ (или снаружи, путемъ вдыханія воздуха, зараженнаго туберкулезными палочками, или снутри, чрезъ лимфатическіе и кровеносные сосуды, изъ имѣющагося уже въ организмѣ туберкулезнаго очага). Впослѣдствіи туберкулезные бугорки обыкновенно распадаются, образуется туберкулезная язва; язвъ можетъ быть нѣсколько; онѣ могутъ быть на голосовыхъ связкахъ, на задней поверхности надгортанника, на гортанныхъ хрящахъ (большею частью на черпаловидныхъ). Но бугорки могутъ образовываться и въ болѣе глубокой подслизистой ткани; если ихъ образовалось тамъ много, то между ними ткань „инфильтруется“ бѣлыми кровяными шариками (мелкоклѣточная инфильтрація), что представляетъ собою проявленіе воспалительнаго процесса; такимъ образомъ, получается туберкулезная инфильтрація, наружно проявляющаяся въ видѣ набуханія отдѣльныхъ частей гортани (наичаще

задней ея стѣнки); съ теченіемъ болѣзни бугорки перерождаются, процессъ подвигается къ поверхности и получается изъязвленіе. Всѣ эти процессы, вслѣдствіе набуханія изъязвленія, послѣдовательнаго рубцеванія, могутъ вести къ суженію гортани и вообще къ значительнымъ грубо анатомическимъ измѣненіямъ. При Г. б., прежде всего, обыкновенно разстраивается голосъ въ той или иной степени (голосъ становится низкимъ, сиплымъ, „слабѣетъ“). Кромѣ того, горло становится очень раздражительнымъ, въ связи съ чѣмъ легко вызывается кашель; кашель этотъ является особенно мучительнымъ какъ вслѣдствіе сопутствующихъ болевыхъ ощущеній, такъ и вслѣдствіе пониженной способности откашливать (для откашливанія необходимо предварительное замыканіе голосовыхъ связокъ): мокрота, которая трудно откашливается, является постояннымъ источникомъ безпокойства больного; вслѣдствіе пораженія голосовыхъ связокъ кашель становится жесткимъ, низкимъ, лающимъ и даже беззвучнымъ (при разрушеніи истинныхъ голосовыхъ связокъ, чаще вовлекающихся въ процессъ, колеблются ложныя голосовыя связки и придаютъ голосу характеръ сиплаго, низкаго, а кашлю—характеръ низкаго и лающаго). Воспалительные и язвенные процессы въ горлѣ при глотаніи являются источникомъ болей; боль при глотаніи (а также появляющійся при этомъ кашель) можетъ быть настолько мучительна, что больные нерѣдко совершенно отказываются отъ пищи. Г. б. является во всякомъ случаѣ тяжелымъ заболѣваніемъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзнь можетъ оканчиваться излѣченіемъ (т. е. прекращеніемъ воспалительнаго бугорчатаго процесса; то же, что разрушено, разумѣется, не возстановляется). Надо, однако, сказать, что теченіе Г. б. опредѣляется гл. обр. теченіемъ легочнаго туберкулеза (который очень часто сопутствуетъ заболѣванію гортани), такъ какъ легочное заболѣваніе обыкновенно значительно больше вліяетъ на общее состояніе организма и, слѣдов., на его возстановляющія силы, чѣмъ мѣстный бугорчатый процессъ въ гортани; и лишь когда сильныя боли при глотаніи мѣшаютъ питаться, или отекъ гортани затрудняетъ дыханіе, или разрушеніе голосовыхъ связокъ нарушаетъ механизмъ кашля и не даетъ возможности въ достаточной степени отхаркивать мокроту, лишь тогда мѣстный процессъ получаетъ рѣшающее вліяніе на общее состояніе организма и становится опаснымъ для жизни. Продолжительность заболѣванія различна, но вообще Г. б. является процессомъ затяжнымъ и требуетъ продолжительнаго лѣченія. Условіями возникновенія Г. б. являются (помимо проникновенія туберкулезныхъ палочекъ въ гортань): повторныя „простуды“, повторные „катарры“ гортани; неосторожное употребленіе очень холодныхъ напитковъ или кушаній, особенно въ разгоряченномъ состояніи; преутомленія голосовыхъ связокъ (продолжительные разговоры, чтеніе лекцій и пр.); еще большее значеніе имѣетъ пребываніе въ помѣщеніяхъ съ испорченнымъ, пыльнымъ воздухомъ, и пр.; въ особенности же врожденная (наслѣдственная) неустойчивость голосовыхъ связокъ и вообще врожденная наклонность организма къ упадку питанія и къ заболѣваніямъ органовъ дыханія. Условіями же развитія Г. б. опредѣляются и тѣ условія, которыя необходимы для предохраненія организма отъ такого заболѣванія. Подобно тому какъ и при другихъ заболѣваніяхъ туберкулезнаго характера, на первомъ мѣстѣ стоитъ общее лѣченіе (повышеніе общаго питанія, улучшеніе общей иннервації, урегулированіе всѣхъ функцій организма), а также—чистый, свѣжій воздухъ, достаточное пользованіе солнцемъ, нравственный и физическій покой, устраненіе всякихъ заботъ и волненій, и вообще такъ называемое климатическое лѣченіе въ приморской или горной мѣстности. *Н. Кабановъ.*

Гортанное зеркало, см. *ларингоскопъ.*

Гортанные звуки, образуемые въ гортани съ помощью голосовыхъ связокъ; таковы: нѣмецкое и англійское *h*, греческіе spiritus asper и spiritus lenis и т. д. Въ русской школьной терминологіи Г. з. называются также часто звуки, образуемые въ ротовой

полости задней частью языка и неба (*г*, *к*, *х*); правильнѣе называть ихъ „задненязычными“.

Гортань, см. *анатомія*, II, 648/50.

Гортензій, Квинтъ, римскій диктаторъ въ 286 г. до Р. Х.; съ его именемъ обыкновенно связывается окончаніе борьбы патриціевъ съ плебеями. Въ этомъ году плебеи рѣшили прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, чтобы вынудить уступки у патриціевъ, и удалились изъ города (это единственная изъ четырехъ, извѣстныхъ по преданію, твердо засвидѣтельствованная сецессія). Г. убѣдилъ ихъ вернуться изданіемъ закона, дѣлающаго постановленія собраній по трибамъ обязательными для всего народа (quod tributim plebs iussisset omnis populus teneret). Ум. въ томъ же году.

Гортензій, Квинтъ, знам. римскій ораторъ, род. въ 114 г. до Р. Х., 19 лѣтъ сдѣлался адвокатомъ и всю жизнь занимался этой профессіей, въ 72 г. получилъ претуру, въ 69 г.—консульство, ум. въ 50 г.—Какъ ораторъ, Г. принадлежалъ къ азіатской школѣ, бившей, главнымъ образомъ, на внѣшній эффектъ. Одно время эта манера была въ большой модѣ, но когда Цицеронъ и цѣлый рядъ даровитыхъ молодыхъ ораторовъ стали культивировать аттическую рѣчь, популярность Г. стала быстро падать. Отъ рѣчей и другихъ произведеній Г. (annales и др.) до насъ дошли лишь крайне скудные отрывки.

Гортензія, Hydrangea, родъ изъ сем. камнеломковыхъ, деревья или кустарники съ простыми супротивными листьями и густыми укороченными кистями цвѣтовъ. Около 33 видовъ, распространенныхъ въ Азіи и Сѣв. Америкѣ. Наиболѣе извѣстна *садовая Г.*, H. hortensia, род. изъ Японіи (вывез. въ 1790 г.), очень красивый декоративный кустарникъ, однако, не выдерживающій морозовъ. Цвѣты бѣлые, иногда съ розоватымъ или голубоватымъ оттѣнкомъ; окружные цвѣтки у дикаго вида въ кистяхъ безплодные, большіе, неправильные; срединные—мелкіе, правильные, обоеполые; въ культурѣ всѣ цвѣтки дѣлаются безплодными, и поэтому цвѣтеніе продолжается очень долго. Этотъ видъ хорошо растетъ въ горшкахъ, легко разводится черенками и отводками, любитъ питательную почву, обильную поливку и требуетъ ежегодной смѣны земли. Изъ пр. видовъ извѣстны: Г. *виргинская* (H. arborescens), Г. *дуболистная* (H. quercifolia), Г. *бѣлая* (H. nivea) и др. Листья H. Thunbergi замѣняютъ въ Японіи чай. *М. Н.*

Гортензія, *Богарне, см.* VI, 277.

Гортина (Gortyna), въ древности одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Крита съ храмами Аполлона Пиѳійскаго, Артемиды и Зевса; при римскомъ господствѣ былъ столицею острова.—Въ 1884 г. въ развалинахъ Г. была найдена знаменитая *Гортинская надпись*, содержащая текстъ законовъ VII в. до Р. Х. Г-скіе законы трактуютъ, главн. обр., частное право (бракъ и семья, наслѣдованіе, имуществ. права, отношенія рабства и крѣпостничества и пр.). Написаны на дорійскомъ нарѣчіи финикійскими буквами. Ср.: *Bücheler und Zitelmann*, „Das Recht von G.“ (1885).

Гортонъ (Gorton), фабричн. центръ въ Ланкаширѣ около Манчестера, бумагопрядильное и химич. производства, 26.564 жит.

Горчаковъ, Александръ Михайловичъ, свѣтл. князь, русскій государственный канцлеръ, род. въ 1798 г., воспитывался въ царскосельскомъ лицеѣ, одновременно съ Пушкинымъ, въ 1820—22 гг. былъ прикомандированъ къ гр. Нессельроде и сопровождалъ его на конгрессы въ Троппау, Лайбахъ и Верону; въ 1822—27 гг. состоялъ секретаремъ русск. посольства въ Лондонѣ. Въ 1841—1854 гг. занималъ мѣсто чрезвыч. посланника въ Штутгартѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1850 г.—уполномоченнаго при Франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ; въ 1854 г. перешелъ въ Вѣну, гдѣ состоялъ русск. посланникомъ въ 1855—56 гг., а затѣмъ смѣнилъ гр. Нессельроде на посту министра иностранныхъ дѣлъ, въ 1862 г. возведенъ въ званіе вице-канцлера, въ 1867 г., въ день 50-лѣтія службы,—въ званіе государственнаго канцлера иностранныхъ дѣлъ, каковымъ и состоялъ непрерывно до 1882 г.; ум. въ 1883 г.—Проведя всю свою долгую жизнь на дипломатическомъ поприщѣ, Г. сумѣлъ выработать

изъ себя искуснаго дипломата, ловкаго и блестящаго придворнаго. Къ сожалѣнію, однако, этихъ внѣшнихъ достоинствъ оказалось слишкомъ недостаточно для того, чтобы съ успѣхомъ руководить русской политикой въ ту въ высшей степени важную эпоху, съ кот. совпало министерство Г. Воспитанный въ традиціяхъ Священнаго союза, проникнутый идеей необходимости для Россіи широкой международной политики въ интересахъ прежде всего гармоніи и стройности европейскаго концерта, Г. былъ безконечно далекъ отъ тѣхъ новыхъ политическихъ идеаловъ, дипломатическихъ пріемовъ и средствъ, котор. нашли себѣ такого крупнаго представителя въ лицѣ современника и, нѣкогда, друга Г., герм. канцлера Бисмарка. Отсутствіе трезваго пониманія дѣйствительныхъ интересовъ страны, ясно поставленной цѣли и надлежащей послѣдовательности въ достиженіи ея составляетъ главный роковой для Россіи недостатокъ всей политической дѣятельности Г. Вотъ почему Г. оказывался гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ въ качествѣ исполнителя чужихъ предписаній, чѣмъ въ качествѣ самостоятельнаго руководителя внѣшней политики Россіи; по той же причинѣ ему гораздо лучше удавалось разрѣшеніе отдѣльныхъ дипломатич. задачъ, чѣмъ опредѣленіе общаго направленія русской политики. Удаченъ былъ дебютъ Г. на самостоят. посту министра. Открытое заявленіе о томъ, что Россія въ виду устройства своихъ внутр. дѣлъ отстраняется отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ дѣла европ. государствъ, было какъ нельзя болѣе умѣстнымъ и своевременнымъ. Къ сожалѣнію, однако, съ 1859 г. Россія снова начинаетъ подавать свой голосъ въ вопросахъ европ. политики, выступивъ съ нотой, осуждавшей національное движеніе въ Италіи, и пытаясь поставить на очередь вопросъ объ улучшеніи судьбы христіанскихъ подданныхъ Порты совмѣстными дѣйствіями великихъ державъ. Польское возстаніе, вызвавшее дипломатическое вмѣшательство со стороны Англіи, Австріи и въ особ. Франціи, скрѣпило еще болѣе возникшій передъ тѣмъ союзъ Россіи съ Пруссіей, не замедлившій поставить политику Россіи въ прямую зависимость отъ воззрѣній Бисмарка. Франко-прусская война, въ кот. Россія заняла положеніе враждебное Франціи, удержавъ Австрію отъ вмѣшательства въ пользу послѣдней, не принесла съ собой никакихъ опредѣл. выгодъ для Россіи: кн. Г. ограничился лишь отмѣною въ 1870 г. статей Парижск. трактата, дозволяющихъ Россіи держать на Черномъ морѣ лишь опредѣленное число легкихъ военныхъ судовъ, и это возстановленіе права Россіи было утверждено лондонскою конференціею 1871 г. Съ объединеніемъ Германіи русско-прусскій союзъ уже перестаетъ удовлетворять Бисмарка; на очередь выступаетъ вопросъ о контролѣ надъ восточною политикою Россіи, и послѣдняя начинаетъ играть съ этихъ поръ жалкую роль невольной союзницы двухъ по существу враждебныхъ ей государствъ: Германіи и Австріи. Временами Г. пытался вырваться изъ-подъ властной опеки Бисмарка и даже противодѣйствовать ему. Такъ, ему удалось въ 1875 г. помѣшать новому разгрому Франціи Германіею посредствомъ личной бесѣды Александра II съ имп. Вильгельмомъ и содѣйствія англійскаго посла Одо Росселя, послѣ чего Г. разослалъ русскимъ представителямъ за границей знаменитую циркулярную депешу, начинающуюся словами: „Теперь миръ обезпеченъ“. Бисмаркъ никогда не могъ простить Г-ву этого униженія и отплатилъ за него въ 1878 г. Вообще, русско-турецкая война 1877 г. и завершившій ее Берлинскій конгрессъ были печальнымъ, но заслуженнымъ концомъ той безславной роли, которую Россія при Г. играла въ европейскомъ концертѣ. Въ частности Берл. конгрессъ былъ полнымъ крушеніемъ системы, представителемъ которой всю жизнь служилъ Г.

Горчаковъ, Михаилъ Дмитріевичъ, князь, генералъ-адъютантъ, род. въ 1793 г., участвовалъ въ кампаніи 1812—14 гг., въ турецкой войнѣ 1828—29 гг., при подавленіи польскаго возстанія 1831 г., въ венгерской и, наконецъ, въ Крымской кампаніи; во время послѣдней съ февраля до августа 1855 г.

руководилъ обороной Севастополя; въ 1856 г., послѣ смерти кн. Паскевича, былъ назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго; ум. въ 1861 г. См. *Крымская кампанія.*

Горчаковъ, Михаилъ Ивановичъ, протоіерей, проф. церковнаго права петерб. унив. и членъ Государственнаго Совѣта. Род. въ 1838 г., въ 1861 г. окончилъ петербургскую духовную академію. Состоя на службѣ за границей, посѣщалъ лекціи германскихъ профессоровъ. Въ 1865 г. поступилъ вольнослушателемъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета, въ 1868 г. магистръ, въ 1871 г. докторъ государственнаго права. Въ 1883 г.—докторъ православнаго богословія. Кромѣ многочисленныхъ научныхъ трудовъ—„О церковныхъ историкахъ первыхъ VIII вв. христіанства“ (1865), „Монастырскій приказъ“ (1868), „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода“ (1871), „О тайнѣ супружества“ (1880) и др.—писалъ въ „Голосѣ“, сотрудничалъ въ юридическихъ и церковныхъ журналахъ и изданіяхъ, состоялъ членомъ синодской архивной комиссіи. Въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ Г. состоялъ однимъ изъ членовъ по выбору отъ духовенства, онъ выступалъ по вопросамъ религіозной политики, при чемъ обыкновенно расходился съ ярыми духовными реакціонерами. Ум. въ 1910 г.

Горчакъ, Rhodeus amarus, костистая рыба изъ семейства карповыхъ, длиной 10 — 15 см.; окраска самца во время нереста очень яркая, съ металлическимъ блескомъ. Встрѣчается въ умѣр. Европѣ и Сибири, въ рѣчкахъ и озерахъ, питается растеніями. У самокъ во время икрометанія развивается длинный яйцекладъ; при его помощи рыба откладываетъ въ жаберную полость двустворчатыхъ моллюсковъ Anodonta и Unio свои яйца, которыя здѣсь и развиваются.

Горчакъ *ястребинковидный,* Picris hieracioides, видъ изъ семейства сложноцвѣтныхъ, двулѣтняя трава съ жестковолосыми стеблемъ и листьями; стебель прямой, вѣтвистый, прикорневые листья продолговато-ланцетовидные, выемчато-крупно-зубчатые, стеблевые—сидячіе полу-стеблеобъемлющіе, ланцетные, зубчатые; головки сидятъ щиткомъ; цвѣты язычковые, желтые. Встрѣчается по сухимъ и открытымъ возвышенностямъ, по сухимъ кустарникамъ, всюду обыкновененъ.

Горчица, Sinapis, родъ изъ семейства крестоцвѣтныхъ, травы съ перисторазсѣченными листьями и желтыми цвѣтами; плодъ—стручекъ съ четырехграннымъ или плоскимъ клювикомъ (въ немъ часто находится одно сѣмя), съ 3 — 5 мощными продольными нервами на створкахъ; сѣмена блѣдно-желтыя, почти шаровидныя, богаты жирнымъ масломъ и содержатъ ферментъ мирозинъ, подъ вліяніемъ котораго находящійся въ сѣменахъ сарептской Г. (S. juncea) и черной Г. (относящейся къ другому роду, Brassica, *капуста*) мироновокислый калій распадается на виноградный сахаръ, кислый сѣрнокислый калій и эѳирное горчичное масло (роданистый аллилъ); въ сѣменахъ же бѣлой Г. мирозинъ дѣйствуетъ на другое вещество *синальбинъ*, распадающееся на глюкозу, кислый сѣрнокислый синапинъ и синальбиновое горчичное масло (роданистый акринилъ). Этимъ продуктамъ распаденія мироновокислаго калія и синальбина и обязана Г. своимъ запахомъ и вкусомъ и примѣненіемъ въ медицинѣ и въ качествѣ приправы. *Бѣлая Г.*, S. alba, иначе наз. *англійской,* бываетъ двухъ сортовъ: французская, съ крупными полными палевыми сѣменами, и русская, съ зеленоватыми морщинистыми мелкими сѣменами. Жирнаго горчичнаго масла содержится въ ней 25—35%, мироновокислаго калія 0,7—1,7%. Разводится въ южныхъ губерніяхъ для добыванія масла. Служитъ также превосходнымъ медоноснымъ растеніемъ и годится для зеленаго удобренія. *Сарептская Г.*, S. juncea, разводится въ двухъ разновидностяхъ: бѣлой или желтой и черной или красной, у насъ преимущественно въ Саратовской губ. (близъ Сарепты) и въ области Войска Донскаго. *Черная Г.*, Brassica nigra, разводится у насъ рѣдко, сѣмена цѣнятся дороже, на вкусъ менѣе жгучи и содержатъ менѣе жирнаго масла, чѣмъ сѣмена бѣлой Г. Горчичное жирное масло, извлекаемое изъ сѣмянъ бѣлой Г., имѣетъ золоти-

стожелтый цвѣтъ и составляетъ хорошій освѣтительный матеріалъ, а также употребляется въ пищу; масло, извлекаемое изъ сѣмянъ черной Г. холоднымъ прессованіемъ, окрашено въ буроватожелтый цвѣтъ и идетъ на мыловареніе. Для полученія эѳирнаго масла жмыхи подвергаютъ въ теченіе около полусутокъ дѣйствію воды и затѣмъ перегоняютъ образовавшееся летучее горчичное масло въ струѣ пара. Столовая Г. приготовляется размалываніемъ цѣльныхъ сѣмянъ и размѣшиваніемъ полученной муки съ сахаромъ, теплой водой и уксусомъ. Горчичная мука имѣетъ слѣдующій составъ: воды—5,42%, бѣлковъ 28,84%, жира 35,51%, мироновой кислоты 1,75%, золы 4,32%, клѣтчатки 15,48%. Лучшими столовыми сортами считаются кремзерскій изъ Венгріи и французскій изъ Дижона и Шалона. Растертыя въ порошекъ сѣмена обливаютъ уксусомъ, свѣжимъ виномъ или пивомъ, смѣсь вливаютъ въ бутылки или боченки и въ такомъ видѣ отправляютъ въ продажу. Французская Г. приготовляется на эстрагонѣ съ другими приправами (напр., съ анчоусами). Г., обращающаяся въ торговлѣ, весьма часто фальсифицируется: мукой, молотыми сѣменами богатыми масломъ (ленъ, конопля, рапсъ), охрой, гипсомъ, глиной, разными красками (куркумой, гуммигутомъ, шафраномъ) и т. д.

Горчичникъ, большей или меньшей величины кусокъ (приблизительно съ ладонь) бумаги или холста, намазанный горчичнымъ тѣстомъ. Послѣднее получается отъ смѣшенія и растиранія въ равномъ количествѣ горчичной муки и тепловатой воды. Прилѣпленный къ кожѣ, Г. вызываетъ покраснѣніе ея, чувство жженія, которое при болѣе продолжительномъ дѣйствіи переходитъ въ острую боль. Получается поверхностное воспаленіе кожи, нѣчто въ родѣ ожога, которое можетъ дойти до образованія пузырей и послѣдующихъ язвъ, которыя, между прочимъ, трудно заживаютъ. Всѣ эти степени раздраженія и воспаленія кожи, въ зависимости отъ продолжительности дѣйствія Г. въ мѣстѣ приложенія, обусловливаются дѣйствіемъ на кожные нервы и сосуды находящихся въ горч. мукѣ эѳирныхъ маселъ. На этомъ основаніи Г. употребляются какъ отвлекающія на кожу средства, какъ мѣстно раздражающія и тѣмъ успокаивающія болѣе глубокія боли. Примѣняются при различныхъ равматоидныхъ боляхъ, невралгіяхъ и пр., при плевральныхъ боляхъ, при ларингитахъ, пневмоніяхъ и пр. Примѣненіе Г., особенно въ дѣтской практикѣ, требуетъ извѣстной осторожности въ виду возможнаго, помимо слишкомъ энергичнаго мѣстнаго дѣйствія, острого отравленія, даже со смертельнымъ исходомъ, отъ всасыванія раздраженной кожей ядовитыхъ эѳирныхъ маселъ горчицы. Держатъ Г. до полученія болѣе или менѣе рѣзкой краснoты отъ 2—3 до 15—20 мин. Въ продажѣ имѣются готовыя бумаги (Rigolot, Иванова и др.). Передъ употребленіемъ ихъ смачиваютъ въ тепловатой водѣ. *I. Ид.*

Горчичныя масла, одна изъ формъ эѳировъ роданистоводородной кислоты (тіоціановой кислоты SC:NH), изородановые эѳиры; общая формула ихъ RN:CS, гдѣ R = CH_3, C_2H_5, C_4H_9, C_3H_5, C_6H_5 и т. д., какой-нибудь спиртовый остатокъ. Для полученія Г. м. пользуются солями замѣщенныхъ дитіокарбаминовыхъ кислотъ (получаются при дѣйствіи сѣроуглерода на щелочи въ спиртовомъ растворѣ), перегонкой ихъ съ хлорной ртутью или разлагая іодомъ въ спиртовомъ растворѣ. Ароматическія Г. м. получаютъ изъ двузамѣщенныхъ тіомочевинъ при перегонкѣ съ фосфорнымъ ангидридомъ или при нагрѣваніи въ запаянной трубкѣ съ крѣпкой соляной кислотой. Названіе Г. м. дано изородановымъ эѳирамъ потому, что эѳирное масло черной и бѣлой горчицы представляетъ изороданový аллилъ. Г. м.—жидкости съ ѣдкимъ, вызывающимъ слезотеченіе запахомъ и сильно дѣйствуютъ на кожу, чѣмъ и опредѣляется кулинарное и медицинское примѣненіе горчицы. *Обыкновенное,* или *аллиловое* Г. м., C_3H_5NCS, получается изъ сѣмянъ черной горчицы, заключающихъ въ себѣ калійную соль мироновой кислоты и ферментъ мирозинъ; послѣдній при растираніи размельченныхъ сѣмянъ съ водой разлагаетъ мироновокаліевую соль; получаю-

щееся при этомъ Г. м. отдѣляется перегонкой съ водой. Зининъ и Бертло получили это масло дѣйствіемъ іодистаго аллила на роданистый калій. Аллил. м.—жидкость остраго запаха, трудно растворима въ водѣ, кипитъ при 151°, на кожѣ вызываетъ пузыри. Близко къ этому маслу стоятъ Г. м., встрѣчающіяся въ хрѣнѣ, ложечной травѣ, рѣдькѣ и т. д.

Горшечное дерево, Lecythis L., родъ растеній изъ семейства миртовыхъ, большія деревья или кусты съ кожистыми листьями, крупными цвѣтами въ кистяхъ и часто очень больш. деревянист., толстостѣнными, похожими на горшокъ плодами, которые въ верхней части открываются какъ бы крышечкой и употребляются туземцами въ домашнемъ хозяйствѣ, какъ посуда. Сѣмена, величиною съ каштанъ, съѣдобны; древесина очень тверда и прочна, лубъ находитъ употребленіе въ писчебумажномъ производствѣ. Свыше 50 видовъ, встрѣчающихся въ Венецуэлѣ, Гвіанѣ, Колумбіи и Бразиліи.

Горшечное производство, см. *гончарное производство*.

Горшечный камень, горная порода, большею частью бурозеленаго цвѣта, плотный аггрегатъ изъ слюды, хлорита, талька и др., тѣсно примыкаетъ къ талько-хлоритовымъ и слюдовымъ сланцамъ, легко рѣжется ножомъ и отличается сильной огнеупорностью, почему идетъ на производство гончарныхъ издѣлій. Встрѣчается въ Моравіи, Норвегіи и въ Россіи на р. Бѣлой, близъ Чебаркуля и въ Губерлинскихъ горахъ на Уралѣ, на Камчаткѣ и пр.

Горъ, или *Горусъ*, египетское божество, первоначально, можетъ быть, даже нарицательное имя для божества вообще, т. к. его символъ, кобчикъ или ястребъ, употреблялся въ ранней гіероглифической письменности для обозначенія божества безъ дальнѣйшаго указанія. И цари доисторическихъ династій назывались „поклонниками Г.“. Сѣверное царство находилось подъ особымъ покровительствомъ этого божества. Первоначально Г. былъ, вѣроятно, солярнымъ божествомъ, но уже очень рано вошелъ въ циклъ божествъ, связанныхъ съ Озирисомъ, какъ сынъ послѣдняго и Изиды; разсказъ о мести его за смерть отца и о борьбѣ съ богомъ мрака Сотомъ передаетъ Плутархъ. *Erman*, „Die ägypt. Religion“ (1909). Ср. *Гарпократъ*.

Горы, болѣе или менѣе значительныя возвышенности на земной поверхности (хотя онѣ могутъ быть и на другихъ небесныхъ тѣлахъ и имѣются, напримѣръ, на лунѣ), отличаемыя отъ *холмовъ* своей большей величиной. Различіе это, впрочемъ, относительное; въ гористой странѣ, гдѣ поднимаются высокіе хребты, возвышенности въ нѣсколько сотъ метровъ высотой представляются незначительными холмами, тогда какъ подобные же холмы на равнинѣ кажутся горами и часто такъ и называются. Отдѣльно возвышающіяся, болѣе или менѣе конусовидныя или куполообразныя горы встрѣчаются, однако, рѣдко, и чаще всего это—вулканическія образованія—настоящіе вулканы или лавовые выступы (лакколиты), или же это—т. н „останцы“ („свидѣтели“), т. е. оставшіяся, наиболѣе крѣпкія и неподатливыя части горъ, подвергшихся въ теченіе вѣковъ разрушенію и смыву. Большей частью горы имѣютъ видъ удлиненныхъ *грядъ*, *хребтовъ*, *цѣпей*, на которыхъ мѣстами возвышаются *вершины*, раздѣленныя *сѣдловинами*, при чемъ совокупность слѣдующихъ одна за другой вершинъ, съ промежутками между ними, образуетъ *гребень*. Обыкновенно цѣпь не является одиночною, а сопровождается большимъ или меньшимъ числомъ другихъ, параллельныхъ ей, и всѣ онѣ въ совокупности образуютъ *нагорье*, *горную систему* или *горную страну*. Мѣстами нагорья имѣютъ особый видъ и строеніе, являясь въ формѣ т. наз. *плоскогорій* или *плато́*, съ плоскими вершинами вмѣсто гребней. Такія нагорья могутъ или обрываться крутыми склонами во всѣ стороны, образуя т. наз. *столовыя горы*, или они имѣютъ крутой склонъ только съ одной стороны; взобравшись же по этому склону на плоскую вершину, можно убѣдиться, что передъ нами возвышенная равнина, которая тянется иногда на сотни верстъ, уширяясь, наконецъ, въ высокій хребетъ, къ которому такое плоскогорье примыкаетъ. Иногда же такое

плоскогорье залегаетъ между двумя цѣпями или нагорьями, выполняя обширную, находящуюся между ними котловину. Въ большей части горныхъ системъ можно констатировать какъ цѣпи и хребты складчатаго происхожденія, такъ и плоскогорья, образованныя сбросами, или путемъ отложенія наносовъ въ раздѣляющихъ цѣпи котловинахъ. Хотя въ первоначальномъ своемъ происхожденіи горы являются продуктомъ дѣятельности внутреннихъ силъ земли (тектоническихъ и вулканическихъ), однако, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ видимъ, онѣ представляютъ уже результатъ обработки ихъ силами внѣшними, главнымъ образомъ, смѣной температуръ (нагрѣваніемъ и морозомъ, ведущими къ раскалыванію горныхъ породъ), эрозіей текучей воды и медленно движущихся ледниковъ, дѣятельностью вѣтра. Во многихъ горныхъ системахъ можно даже констатировать нѣсколько періодовъ тектоническихъ поднятій и слѣдовавшихъ за ними періодовъ эрозіи. Вообще, чѣмъ горы выше, съ болѣе рѣзкими формами рельефа, съ болѣе мощными, стекающими съ нихъ потоками, часто низвергающимися въ формѣ водопадовъ, или стремящимися по ущельямъ, тѣмъ онѣ сравнительно моложе. По мѣрѣ дѣйствія эрозіи формы начинаютъ сглаживаться, становиться болѣе округленными, вершины и хребты понижаются, рѣки вырабатываютъ себѣ болѣе пологія долины, теченіе ихъ становится болѣе спокойнымъ, и, въ концѣ концовъ, процессъ этотъ можетъ привести къ превращенію горной страны въ слегка волнистую, въ т. н. „почти равнину“, въ которой только опытный глазъ спеціалиста можетъ открыть слѣды бывшей гористости и складчатости. Но можетъ случиться (и въ дѣйствительности часто бывало), что такая „почти равнина“ снова испытываетъ тектоническое поднятіе; это должно, конечно, отразиться на ускореніи теченія рѣкъ и на ихъ большей размывающей силѣ, вслѣдствіе чего происходитъ новое углубленіе долинъ и новое обособленіе раздѣляющихъ ихъ хребтовъ, и страна пріобрѣтаетъ снова болѣе пересѣченный горный характеръ. Кромѣ этой большей или меньшей древности и пройденныхъ стадій поднятія и эрозіи, формы горъ зависятъ еще отчасти отъ характера образующихъ ихъ горныхъ породъ, отъ климата (сухого или влажнаго), отъ покрывающаго ихъ вершины оледенѣнія и т. д. По вышинѣ горы раздѣляютъ на *низкія*, *среднія* (выше 1.000 м.) и *высокія* или *альпійскія* (выше 2.500 м.); послѣднія обычно представляютъ болѣе рѣзкія очертанія и являются, относительно, болѣе юными; таковы, напр., Альпы, Гималаи, Анды, Кавказъ, хотя первоначальное ихъ образованіе относится къ болѣе раннимъ эпохамъ. Древнѣйшія же горы, возникшія въ ранніе періоды исторіи земли, представляются обыкновенно невысокими (средними или даже низкими) и имѣютъ округленныя вершины и покатые склоны (Уралъ).

Горы встрѣчаются въ различныхъ широтахъ, но въ однихъ поясахъ и областяхъ онѣ скучены въ большомъ числѣ, въ другихъ уступаютъ мѣсто обширнымъ равнинамъ. Въ *Старомъ Свѣтѣ* можно различить *главный поясъ нагорій*, тянущійся въ *широтномъ* направленіи, начиная отъ Пиренеевъ, горъ Испаніи и Атласа на западѣ, включающій въ себя Альпы, горы Аппенинскаго и Балканскаго полуострововъ, Малой Азіи, Кавказа, Персіи, далѣе системы Тянь-Шаня, Куэнь-Луня и Гималаевъ, при чемъ на востокѣ этотъ горный поясъ раздваивается, направляясь, съ одной стороны, къ сѣверо-востоку по восточной Сибири, съ другой, къ юго-востоку, по Индо-Китайскому полуострову и переходя затѣмъ въ горы Малайскаго архипелага, Новой Гвинеи и т. д. Кромѣ этого главнаго пояса нагорій, въ Старомъ Свѣтѣ имѣются и другія горы, занимающія менѣе обширныя площади и отчасти весьма древнія по времени своего образованія. Таковы Скандинавскія, Уралъ, горы Шотландіи, Бретани, нѣкоторыя восточно-сибирскія и др. Африка представляетъ собою по преимуществу страну плоскогорій, прорѣзанную на востокѣ сбросовымъ рвомъ (грабеномъ) и подымающуюся широкими уступами къ югу. Въ *Новомъ Свѣтѣ главный поясъ нагорій* тянется преимущественно въ *меридіональ-*

номъ направленіи и представленъ Андами, между параллельными цѣпями которыхъ мѣстами расположены обширныя плоскогорья - пустыни; такія же пустыни, но въ гораздо большемъ развитіи, мы встрѣчаемъ и въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ онѣ тоже примыкаютъ къ горнымъ цѣпямъ и образуютъ цѣлый *поясъ пустынь*, начиная отъ Сахары и продолжая пустынями Ливійской, Аравійской, Иранскими до пустынь Джунгаріи и Монголіи (Гоби) на востокѣ. Отдѣльно отъ этого горнаго пояса новаго свѣта расположены древніе хребты на востокѣ Сѣв. Америки (Аллеганы) и описывающія дуги цѣпи Антиллъ и Венецуэлы. Вообще, отдѣльныя нагорья и цѣпи рѣдко слѣдуютъ прямому направленію (большей частью сѣверо-западному или сѣверо-восточному); чаще они образуютъ *дуги*, то выпуклыя къ сѣверу (Альпы), то къ югу (Гималаи), то образующія S-образные изгибы. Эту дугообразность мы замѣчаемъ и въ цѣпяхъ многихъ острововъ (особенно Восточной Азіи), представляющихъ собою залитыя кругомъ моремъ горныя цѣпи.

Въ отличіе отъ странъ равнинныхъ горныя представляютъ гораздо большее *разнообразіе рельефа, пейзажа* и *климата*. Въ то время, какъ въ равнинахъ надо подвинуться на 50—100 км. къ полюсу, чтобы получить различіе на 1^0 въ средней годовой температурѣ, въ горахъ для этого достаточно поднятія на какіе - нибудь 170 метровъ. Восходя по склонамъ высокихъ горъ, мы проходимъ послѣдовательно рядъ климатическихъ зонъ, соотвѣтствующихъ поясамъ отъ тропическаго до полярнаго. Но горный климатъ представляетъ и свои особенности, обусловливаемыя, прежде всего, меньшимъ атмосфернымъ давленіемъ, т. е. меньшей плотностью воздуха, вызывающею болѣе сильное солнечное излученіе; зимою въ горахъ, несмотря на морозъ, солнце при ясномъ небѣ грѣетъ днемъ такъ сильно, что можно ходить въ легкомъ костюмѣ. На склонахъ зимою вообще не такъ холодно, какъ въ болѣе низкихъ долинахъ, куда стекаетъ и гдѣ застаивается охлажденный воздухъ. Съ поднятіемъ въ горы возрастаетъ сгущеніе паровъ въ воздухѣ и увеличивается количество осадковъ (дождя и снѣга), а также грозъ. Климатическія особенности горныхъ странъ вызываютъ и большее разнообразіе въ ихъ растительности. Поднимаясь на высокія горы, мы проходимъ послѣдовательно *рядъ растительныхъ зонъ*: у подошвы мы встрѣчаемъ, смотря по широтѣ, растительность болѣе или менѣе теплой зоны, виноградники, сады, поля; выше слѣдуетъ лѣсъ, лиственный и хвойный, изъ коихъ послѣдній переходитъ на верхней своей границѣ въ криволѣсье и кустарникъ; далѣе идутъ альпійскіе луга съ характерными травянистыми растеніями и затѣмъ мхами, отчасти воспроизводящими формы полярныя; наконецъ, мы вступаемъ въ лишенную растительности каменистую зону и доходимъ до *снѣговой линіи* или границы вѣчнаго снѣга, которая подъ тропиками лежитъ на высотѣ около 5.000 м., а чѣмъ далѣе къ полюсамъ, тѣмъ все болѣе и болѣе опускается къ уровню моря. За предѣлы снѣговой линіи внизъ заходятъ ледники, отходящіе отъ покрывающаго вершины альпійскихъ горъ фирна и доходящіе по долинамъ иногда до зоны лѣсовъ.

Высокія нагорья являются *барьерами*, разграничивающими различныя системы рѣкъ (*водораздѣлы*), а иногда также различные климаты, растительные ландшафты и человѣческія племена. Водораздѣлъ можетъ быть симметрическимъ, съ котораго спускаются воды въ обѣ стороны, или одностороннимъ; если потоки одной стороны сильнѣе, они могутъ прорѣзать своими верховьями водораздѣлъ и вступить въ соединеніе съ потоками противоположной стороны, увлекая ихъ въ свою сѣть. Нерѣдко встрѣчаются рѣки, которыя, спускаясь съ одной цѣпи, прорѣзаютъ нѣсколько ей параллельныхъ, покуда, наконецъ, не выйдутъ въ равнину. Это можетъ обусловливаться и тѣмъ, что рѣки часто древнѣе горъ, т. е. что онѣ существовали ранѣе, чѣмъ тѣ хребты, которые постепенно возникали поперекъ ихъ теченія и въ которыхъ эти рѣки должны были прорѣзать себѣ ущелья, чтобы найти себѣ свободный выходъ

Климатическими барьерами горы служатъ въ томъ случаѣ, если одна ихъ сторона получаетъ много осадковъ, приносимыхъ влажными вѣтрами, тогда какъ на другую ихъ сторону вѣтры переходятъ уже лишенными влаги и при опусканіи становятся еще болѣе сухими и теплыми. Въ связи съ большей или меньшей влажностью стоитъ и растительность: такъ, восточные влажные склоны тропическихъ Андовъ покрыты роскошной растительностью, а западные, сухіе представляютъ большей частью пустыни. Не менѣе важный климатическій барьеръ образуютъ Гималаи, южная сторона коихъ покрыта роскошными лѣсами, а сѣверная переходитъ въ пустыни Тибета. Это различіе между горными склонами проявляется часто и въ менѣе значительныхъ горахъ, напр., Забайкалья, гдѣ сѣверные склоны часто лѣсисты, а южные представляютъ степи. Подобными же, хотя и меньшими барьерами, являются иногда отходящіе отъ главнаго боковые хребты, разграничивающіе отдѣльныя долины, въ которыхъ могутъ встрѣчаться особые растительные и животные виды. Вообще горы съ ихъ долинами, ущельями и трудно достигаемыми вершинами представляютъ многія благопріятныя условія для сохраненія въ нихъ такихъ растительныхъ и животныхъ формъ, которыя въ равнинахъ подвергаются скорѣе вымиранію и истребленію человѣкомъ. Изъ характерныхъ для горъ животныхъ формъ можно указать на альпійскихъ сурковъ и зайцевъ, горныхъ барановъ и козловъ, сернъ, горныхъ индѣекъ, альпійскихъ галокъ и мн. др.

Высокія нагорья образуютъ трудно преодолимые барьеры для народовъ и являются часто *племенными границами*; такими, напр., съ древности служили Альпы, Пиренеи, Гималаи, Кавказъ. Вслѣдствіе этого горные хребты составляютъ часто и *политическія границы* между государствами, какъ, напр., Пиренеи между Франціей и Испаніей, или различные хребты между Россіей, съ одной стороны, и Персіей, Бухарой, Китаемъ, съ другой. Но иногда границы не слѣдуютъ линіи горнаго гребня, т., напр., южная граница Швейцаріи заходитъ далеко къ югу, да и въ томъ случаѣ, когда теоретически она должна проходить по линіи водораздѣла, возможны недоразумѣнія. Водораздѣлъ часто не слѣдуетъ за линіей гребня, а переходитъ на другую сторону, при чемъ рѣчная сѣть одной стороны можетъ захватывать и часть водъ другой. Тогда возможны споры о границахъ, какіе, напр., были недавно между Аргентиной и Чили, потребовавшіе продолжительныхъ работъ особой разграничительной комиссіи, на обязанности которой лежало установленіе точной линіи водораздѣла между двумя государствами.

Народы, населяющіе горы, главнымъ образомъ, ихъ долины, являются часто остатками племенъ, населявшихъ нѣкогда болѣе обширныя площади сосѣднихъ равнинъ, но впослѣдствіи вытѣсненныхъ оттуда болѣе многочисленными и сильными завоевателями. Трудно доступныя долины и ущелья послужили для такихъ народовъ убѣжищами, гдѣ они нашли для себя спасеніе и возможность сохранить свою обособленность, а часто и независимость. Такъ, напр., въ высокихъ горныхъ долинахъ Гималаевъ сохранились горныя племена, которыхъ не могли покорить ни англичане, ни афганцы. Въ горныхъ долинахъ Кавказа долго отстаивали свою независимость лезгины и черкесы, и теперь еще распадающіеся на рядъ племенъ съ особыми языками и обычаями. Въ сѣверныхъ отрогахъ Пиренеевъ живетъ еще особый народъ—баски, потомки древнихъ иберовъ, языкъ которыхъ не имѣетъ ничего общаго съ окружающими его языками романскими. Населяющіе горную страну абиссинцы сохранили до сихъ поръ свою обособленность и свою христіанскую вѣру, отстоявъ свою независимость и отъ магометанскихъ, и отъ европейскихъ завоевателей. Горнымъ народамъ вообще свойственъ духъ свободы и политической раздробленности; въ примѣръ можно привести еще албанцевъ, прежніе кланы шотландцевъ и др. Въ горахъ Европы сохранились со временъ среднихъ вѣковъ маленькія республики Андорра, Санъ-Марино и большая Швейцарія, представляющая со-

бою союзъ двухъ десятковъ отдѣльныхъ кантоновъ.

Хотя горы были заселены съ древнихъ временъ, однако, исключительно по долинамъ и въ нижнихъ частяхъ склоновъ. На высокія вершины люди долго не рѣшались подниматься, и только въ концѣ XVIII-го вѣка совершено было первое восхожденіе на Монбланъ. Съ тѣхъ поръ, однако, горы стали привлекать къ себѣ все болѣе и болѣе любителей, въ Альпахъ возникли въ горахъ отели и курорты, развился особый спортъ „альпинизмъ", заключающійся въ восхожденіи на высокія и трудныя вершины, и образовались для содѣйствія ему многіе альпинистическіе клубы, при чемъ въ Швейцаріи и Тиролѣ выработался особый цехъ гидовъ, или горныхъ проводниковъ. Возникли убѣжища (хижины) въ горахъ для альпинистовъ и т. д. Въ настоящее время почти всѣ вершины Альповъ, Кавказа и многія Андовъ уже были кѣмъ-нибудь посѣщены, но остаются еще дѣвственными высочайшія вершины Гималаевъ, Куэнъ-Луня, Тянъ-Шаня; значительная высота ихъ (до 8.840 м.), очень разрѣженный на нихъ воздухъ, отсутствіе на многіе десятки и даже сотни верстъ кругомъ всякаго жилья и необходимость доставлять издалека провіантъ, всѣ предметы снаряженія и проводниковъ—составляютъ такія препятствія, преодолѣть которыя представляетъ большія затрудненія.

Переходъ черезъ горы производится по *перевалам*ъ, ведущимъ обыкновенно изъ долины одного склона въ долину другого. Перевалы черезъ высокія цѣпи идутъ черезъ каменистыя и фирновыя зоны, и переходъ черезъ нихъ соединенъ бываетъ часто съ большими трудностями, особенно въ случаѣ занесенія перевала глубокимъ снѣгомъ. Обыкновенно число доступныхъ переваловъ черезъ высокія цѣпи невелико; тѣмъ большее они получаютъ значеніе для путей сообщенія между странами, лежащими по обѣимъ сторонамъ горъ. Въ Альпахъ уже съ древнихъ временъ пролагались дороги черезъ нѣкоторые перевалы (особенно римлянами), и уже въ X вѣкѣ возникъ монастырь св. Бернарда у перевала того же имени. Въ XIX-мъ в. черезъ всѣ главные альпійскіе перевалы были проложены колесныя дороги, а отчасти и желѣзныя; послѣднія проведены теперь и на многія вершины (Риги, Пилатъ, Юнгфрау и др.). Главные желѣзные пути, однако, избѣгаютъ высокихъ подъемовъ и предпочитаютъ туннели, по которымъ и идетъ теперь желѣзнодорожное сообщеніе черезъ Сенъ-Готардъ и Симплонъ. *Д. Анучинъ.*

Г. въ геологическомъ отношеніи представляютъ разнородныя образованія. Онѣ возникаютъ, во-первыхъ, отъ нагроможденія минеральныхъ массъ, во-вторыхъ, при размываніи земной поверхности и, въ третьихъ, при перемѣщеніи тѣхъ или иныхъ участковъ земной коры. Г. первой категоріи называются *насыпными* или *аккумулятивными*, при процессахъ второй категоріи возникаютъ *размывы* или *эрозіонныя* Г. Наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ происходятъ Г. *тектоническія*. Главная особенность *насыпныхъ горъ* заключается въ томъ, что слагающій ихъ матеріалъ до возникновенія Г. въ данномъ пунктѣ отсутствовалъ. Онъ принесенъ извнѣ. Въ силу этого горныя породы, слагающія насыпную Г., не имѣютъ связи съ тѣми горными породами, изъ которыхъ сложено ея основаніе. Переносъ матеріала и нагроможденіе его на поверхности суши въ видѣ возвышенности производится дѣйствіемъ вѣтра, ледниковъ и дѣятельностью вулкановъ. Вѣтеръ при благопріятныхъ къ тому условіяхъ сгруживаетъ въ холмики рыхлыя песчаныя массы, образуя дюны. Ледники на пути захватываютъ массу обломочнаго матеріала и нагромождаютъ его при своемъ концѣ, формируя морены. Дюнные и моренные холмики значительно распространены, но обыкновенно имѣютъ очень небольшіе размѣры. Сравнительно рѣдко они достигаютъ 200 метр. высоты и тогда по справедливости могутъ быть названы насыпными Г. Гораздо большее значеніе имѣютъ насыпныя Г. *вулканическаго* происхожденія. Онѣ представляютъ скопленіе продуктовъ изверженій — лавы, вулканическаго пепла, песка, лапилли—около выводного вулканическаго канала. Ихъ форма по преимуществу кону-

совидная съ воронкообразнымъ углубленіемъ по серединѣ. Вулканическіе конусы значительныхъ размѣровъ иногда формируются въ теченіе одного изверженія. Такъ, напр., близъ Неаполя въ 1538 г. на равнинѣ въ нѣсколько дней изъ продуктовъ изверженія образовалась коническая Г. — Монте Нуово въ 139 м. высотою. Гораздо болѣе значительный конусъ вулкана Хорульо въ Мексикѣ также явился результатомъ одного изверженія, происшедшаго въ 1759 г. Неудивительно поэтому, что при вѣковой дѣятельности вулкана можетъ скопиться огромное количество продуктовъ изверженія и вулканическая Г. можетъ достичь грандіозныхъ размѣровъ. Самый высокій изъ европейскихъ вулкановъ—Этна въ Сициліи имѣетъ высоту въ 3.274 м. Окружность ея подошвы равна 130 км. Г. *эрозіонныя* образуются при размывѣ равнинной поверхности. Когда долины размыва врѣзываются глубоко въ такую страну и, расширяясь, захватываютъ большую часть площади, оставляя нетронутыми лишь отдѣльные участки, то послѣдніе являются передъ нами въ видѣ возвышенностей. Если вершина ихъ имѣетъ ровную поверхность, то онѣ получаютъ названіе *столовыхъ* Г. Столовыя Г. развиваются по краямъ высокихъ плато. Въ пустыняхъ въ образованіи ихъ весьма дѣятельное участіе принимаютъ процессы развѣванія. Насыпныя и эрозіонныя Г. въ рельефѣ земной поверхности играютъ незначительную роль.

Г. *тектоническія*, въ противоположность насыпнымъ и эрозіоннымъ, образуютъ крупныя формы земной поверхности, встрѣчаясь не отдѣльными холмами, а поясами и хребтами. Среди нихъ отличаютъ два основныхъ типа: *глыбовыя* и *складчатыя* Г. Глыбовыя Г. представляютъ возвышенные участки земной коры, ограниченные трещинами, по которымъ сосѣдняя мѣстность опустилась книзу. Онѣ нерѣдко въ видѣ возвышеннаго плато занимаютъ значительныя площади, въ другихъ же случаяхъ возвышаются въ видѣ глыбовыхъ массъ небольшихъ размѣровъ. Сложены онѣ горизонтальными или слабо наклоненными слоями. Глыбовыя Г. встрѣчаются на всѣхъ континентахъ. Но классической страной ихъ развитія является С. Америка. Здѣсь на западѣ въ штатахъ Утахъ, Аризона, Колорадо большая часть возвышенностей представляетъ глыбовыя Г. Типичными представителями *складчатыхъ* Г. служатъ геологически новыя горныя системы, къ которымъ относятся Альпы, Апеннины, Кавказъ и т. д. Онѣ сложены изъ слоистыхъ горныхъ породъ, собранныхъ въ складки. Рельефъ ихъ находится въ прямой зависимости отъ ихъ строенія. Обособленныя складки являются предъ нами въ видѣ отдѣльныхъ хребтовъ. Складчатыя Г. состоятъ изъ ряда параллельныхъ хребтовъ, представляющаго комплексъ складокъ, тѣсно связанныхъ въ систему общностью процесса ихъ происхожденія. Среднія части такихъ системъ обычно состоятъ изъ наиболѣе приподнятыхъ складокъ, которыми выведены на поверхность древнѣйшія горныя породы—гнейсы и кристаллическіе сланцы. Послѣдніе составляютъ кристаллическую ось горной системы. Многіе горные хребты лишены кристаллической оси. Тамъ, гдѣ она присутствуетъ, по ея сторонамъ располагаются складки изъ породъ убывающей древности. Такъ, центральная зона Кавказа сложена палеозойскими сланцами и отчасти гнейсомъ. Къ с. и ю. отъ нея идутъ складки мезозоя (тріаса, юры, мѣла на с., юры и мѣла на ю.), а затѣмъ третичныхъ слоевъ. Получается въ общихъ чертахъ симметричное строеніе. Однако, нерѣдки горныя системы съ несимметричнымъ строеніемъ своихъ сторонъ. Строеніе отдѣльныхъ складокъ довольно разнообразно. Рѣдко онѣ бываютъ симметричны съ одинаковыми крыльями. Болѣе обычно ихъ крылья характеризуются разными углами паденія. Часто одно крыло сильно надвигается на другое, такъ что образуются косыя, лежачія и опрокинутыя складки. Въ опрокинутыхъ толщахъ слои пріобрѣтаютъ новый порядокъ залеганія, обратный первоначальному. Слоистыя толщи при надвиганіи складокъ иногда заходятъ далеко отъ своего первоначальнаго мѣстонахожденія. Такъ, въ Швейцарскихъ Альпахъ слои юрскаго известняка при такой опрокинутой складчатости продвинуты мѣстами болѣе, чѣмъ на 50

км. къ с. отъ своего коренного мѣстонахожденія. Иногда слои сильно сжимаются въ нижнихъ частяхъ и кверху расходятся вѣерообразно. При собираніи горныхъ породъ въ складки возникаютъ трещины какъ продольныя, такъ и поперечныя, обусловливающія возникновеніе сбросовъ, что сильно осложняетъ строеніе складчатыхъ Г. Очень интересно распространеніе новѣйшихъ горныхъ хребтовъ. Они въ видѣ пояса протягиваются черезъ всѣ континенты. Начинаясь отъ Атлантическаго океана на Пиринейскомъ полуостровѣ, они тянутся къ в. черезъ всю южную Евразію, доходятъ до Бирмы. Отъ Бирмы горный поясъ поворачиваетъ къ ю., захватывая Зондскіе о-ва. Здѣсь онъ дѣлится на двѣ вѣтви: южная—огибаетъ Австралію и проходитъ черезъ Н. Гвинею къ Н. Зеландіи, а сѣверная—направляется вдоль восточнаго берега Азіи къ Камчаткѣ. На этомъ протяженіи она сложена непрерывнымъ рядомъ острововъ, сопровождающихъ восточно-азіатскій берегъ. Отъ Камчатки горный поясъ черезъ Алеутскіе о-ва и Аляску продолжается въ С. Америку, проходитъ вдоль западнаго ея берега и передъ переходомъ въ Ю. Америку отклоняется къ в. большой дугой, захватывающей цѣпь Антильскихъ острововъ и уже отсюда переходящей черезъ Венецуэлу и Колумбію къ западной береговой полосѣ Ю. Америки, по которой этотъ поясъ доходитъ до южной оконечности материка. Новѣйшія складчатыя Г. отъ типичныхъ глыбовыхъ Г. отличаются рѣзко, но между ними существуютъ переходы. Связующимъ звеномъ служатъ складчатыя Г. геологически древняго происхожденія, носящія названіе массивныхъ Г. (Massengebirge, а также Rumpfgebirge нѣмецкихъ авторовъ). Онѣ сложены слоистыми толщами, собранными въ крутыя, часто опрокинутыя складки. Однако, наружное очертаніе этихъ Г. обыкновенно не зависитъ отъ ихъ складчатости. Ихъ длинная ось въ большинствѣ случаевъ не совпадаетъ съ простираніемъ складокъ. Ихъ направленіе, главнымъ образомъ, обусловливается сбросами. Такъ что массивныя Г. представляютъ области древнихъ складчатыхъ Г., уничтоженныхъ денудаціей и разбитыхъ сбросами. Въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ представляютъ лишь остовы когда-то высоко поднимавшихся, широко распространенныхъ складчатыхъ Г. Къ массивнымъ Г. въ Европѣ относятся Рудныя Г., Вогезы, Чешскій массивъ и др. Глыбовыя и массивныя Г. образованы сбросами. Онѣ ограничены трещинами, по которымъ произошло передвиженіе участковъ земной коры въ вертикальномъ направленіи. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ сила тяжести, подъ ея вліяніемъ должны происходить опусканія. Такого рода опусканія въ сбросовыхъ участкахъ земной коры во многихъ случаяхъ возможно установить точно. Опустившаяся полоса, ограниченная выступами не измѣнившихъ своего положенія сосѣднихъ частей поверхности, называется *грабеномъ*, или *сбросовой впадиной*. Части поверхности, выступающей надъ опустившимися прилежащими частями, носятъ названіе *сбросовыхъ выступовъ*, или *горстовъ*. По воззрѣніямъ Зюсса, горсты отнюдь не представляютъ поднявшіяся части земной коры, они являются лишь сохранившими свое положеніе, или мало, въ сравненіи съ прилежащею мѣстностью, опустившимися участками. Высокій уровень сбросовыхъ областей на западѣ С. Америки, особенно въ области Скалистыхъ Г., приводился для опроверженія такого взгляда. Именно, указывалось, что при объясненіи происхожденія высокаго С.-Американскаго сбросоваго плоскогорія согласно идеямъ Зюсса пришлось бы допустить опусканіе прилегающей мѣстности въ послѣ-эоценовую эпоху на 10 км., что заставляло бы предположить соотвѣтствующее сокращеніе земного радіуса. Однако, это противорѣчіе легко устраняется принятіемъ воззрѣнія Левля и др., по которому сначала произошелъ подъемъ въ видѣ сводообразнаго вздутія, обусловленнаго боковымъ давленіемъ, а затѣмъ уже наступили сбросовыя опусканія. Опусканія различныхъ участковъ земной коры—явленіе весьма распространенное. Области опусканія разсѣяны повсюду. Въ средней Европѣ примѣръ такой области представляетъ мѣстность къ с. отъ Дунайскаго сброса, имѣющая треугольное

очертаніе. Въ южной Европѣ областью опусканія является равнина рѣки По. Многія части Средиземнаго моря также представляютъ наглядные примѣры опусканій, происшедшихъ въ самое новѣйшее геологическое время. Такъ, область Эгейскаго моря опустилась въ дилювіальный періодъ. Еще во время пліоцена здѣсь простиралась суша, связывавшая въ одно цѣлое Балканскій полуостровъ и М. Азію. Типичный, обширный грабенъ представляетъ Красное море. Сѣвернымъ, узкимъ отрогомъ этого грабена служатъ долина Іордана и Мертвое море.

Сбросовыя Г. и сбросовыя впадины являются, такимъ образомъ, результатомъ опусканія различныхъ участковъ земной коры. Возникновеніе *складчатыхъ Г.* раскрываетъ передъ нами процессы нѣсколько иного рода. Образованіе опрокинутыхъ складокъ, надвиганіе крыльевъ одно на другое, столь обычныя для складчатыхъ горъ, могутъ быть объяснены лишь дѣйствіемъ силъ, направленныхъ горизонтально. Эти силы, производя боковое давленіе на слоистыя толщи, вызываютъ собираніе ихъ въ складки. Складчатость представляетъ явленіе еще болѣе распространенное, чѣмъ сбросы. Выше мы очертили полосу складокъ, геологически новыхъ, опоясывающихъ континенты. Внѣ этой полосы весьма обычны складки болѣе древняго возраста. Залеганіе палеозойскихъ толщъ въ большинствѣ случаевъ сильно нарушено процессами складкообразованія. А наиболѣе древнія, и въ то же время наиболѣе распространенныя породы архейскія и альгонскія всюду несутъ на себѣ слѣды энергичнаго складкообразованія. Но складки свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи площади, какую складчатыя толщи занимали до складкообразованія. Значитъ, ихъ распространенность указываетъ на процессъ сокращенія площади земной поверхности, длящійся черезъ всѣ геологическіе періоды. Болѣе подробное разсмотрѣніе складокъ позволяетъ ближе очертить этотъ процессъ. Складкообразованіе одновременно захватываетъ обширныя области. Общее направленіе возникающихъ складокъ удерживается на значительномъ протяженіи. Такъ, нельзя не видѣть, что новѣйшія складки въ областяхъ Средиземно-морской и Понто-Каспійской въ общемъ удерживаютъ одинаковое направленіе, хотя въ частностяхъ встрѣчаются и большія отклоненія. Съ тѣмъ же общимъ направленіемъ протягивается этотъ складчатый поясъ далѣе къ в. черезъ всю южную Азію. Для отдѣльныхъ большихъ областей складкообразованіе въ общемъ довольно однообразно повторяется въ различные геологическіе періоды. Въ Европѣ, по Зюссу, можно установить 4 разновременныхъ системы складокъ. 1. Древнѣйшая, *гебридская* система образовалась въ доальгонское время. Она обнаруживается на складчатости гнейсовъ Гебридскихъ о-вовъ у с.-з. Шотландіи и о-вовъ Лофотенъ у с.-з-ныхъ береговъ Скандинавіи. 2. *Каледонскія* складки возникли въ додевонское время, ими захвачены силурійскіе и болѣе древніе слои Ирландіи, Уэльса, Шотландіи и с.-запада материка. 3. *Герцинская* складчатая система распространилась по средней Европѣ въ верхне-каменноугольное время. Наконецъ, 4—*альпійская* система захватила южную Европу. Возникла она въ неогеновое время. Такимъ образомъ, мы видимъ, что къ древнимъ складкамъ съ юга послѣдовательно присоединяются все болѣе и болѣе юныя. При этомъ всѣ указанныя системы складокъ вызваны давленіемъ, направленнымъ по преимуществу съ ю. Получается впечатлѣніе, что возникновеніе первыхъ гебридскихъ складокъ опредѣлило путь всего дальнѣйшаго процесса складкообразованія. Бросается также въ глаза задерживающая роль древнихъ горныхъ массивовъ. Складки передъ ними сближаются, сгруживаются, измѣняютъ свое направленіе. Для восточныхъ Альповъ роль такого задерживающаго буфера играетъ Чешскій массивъ, а для сѣверной Юры массивныя горы Шварцвальда и Вогезъ. При такихъ условіяхъ складки получаютъ дугообразную форму. Ихъ внутренняя, вогнутая сторона обычно примыкаетъ къ сбросовымъ областямъ. Складчатость, какъ указано выше, явленіе для земной поверхности общераспространенное. Однако, въ земной корѣ встрѣчаются части, не захваты-

ваемыя складкообразованіемъ въ теченіе многихъ геологическихъ періодовъ. Большая часть Европейской Россіи является такимъ спокойнымъ участкомъ земной коры отъ начала палеозойской эры.

Объясненіе явленій горообразованія большинство геологовъ видитъ въ процессѣ остыванія земли. По этимъ воззрѣніямъ образованіе складокъ, возникновеніе сбросовъ, областей опусканія, даже развитіе такихъ неровностей на земной поверхности, какъ континенты и океаническія впадины, представляютъ явленія, тѣсно связанныя другъ съ другомъ. Внутреннія части земли, обладающія высокой температурой, продолжаютъ остывать, въ силу чего непрерывно сокращаются въ объемѣ. Наружная кора подъ вліяніемъ силы тяжести должна слѣдовать за уменьшающимся въ объемѣ внутреннимъ ядромъ. При этомъ она должна расположиться на меньшемъ пространствѣ, что возможно только при собираніи ея въ складки, при ея сморщиваніи. Неоднородность строенія земной коры осложняетъ процессъ сморщиванія. Въ мѣстахъ наименьшаго сопротивленія образуются трещины. Ограниченныя послѣдними глыбы начинаютъ опускаться. При опусканіи онѣ сдавливаютъ сосѣднія массы. Возникающее при этомъ боковое давленіе можетъ вызвать образованіе складокъ. Эта теорія разработана Дана, Геймомъ и особенно Зюссомъ.

Изъ другихъ теорій, пытающихся объяснить явленія горообразованія, укажемъ на 1) *теорію скольженія*, разработанную Рейеромъ. Согласно этой теоріи осадки, отложившіеся на покатомъ днѣ воднаго бассейна, по достиженіи извѣстной мощности вслѣдствіе собственной тяжести начинаютъ скользить по наклонной плоскости своего ложа, что приводитъ къ возникновенію складчатости. Во-2) на *теорію равновѣсія* Дёттона. Дёттонъ представляетъ себѣ твердую земную кору погруженною въ пластическую магму и какъ бы плавающею на ней. При этомъ части болѣе легкія должны быть приподняты надъ тяжелѣйшими. Между тѣми и другими устанавливается равновѣсіе, которое, однако, непрерывно нарушается двумя процессами: отложеніемъ осадковъ, увеличивающимъ нагрузку соотвѣтствующихъ частей земной коры, и денудаціей, дѣйствующей въ противуположномъ направленіи. Участки отяжелѣвшіе глубже погружаются въ магму, а участки, сдѣлавшіеся болѣе легкими, выступаютъ изъ магмы, приподнимаются. Такимъ образомъ, нарушеніе равновѣсія вызываетъ передвиженіе соотвѣтствующихъ массъ, которое при благопріятныхъ условіяхъ приводитъ къ возникновенію складчатости. По Дёттону въ пользу этой теоріи говорятъ: 1) тотъ фактъ, что континенты, по сравненію съ океаническими впадинами, сложены болѣе легкими массами; 2) частое накопленіе мощныхъ осадковъ (свыше 1.000 м.) въ мелководныхъ бассейнахъ, что указываетъ на постепенное опусканіе дна бассейна по мѣрѣ отложенія на немъ осадковъ; 3) расположеніе возникающихъ горныхъ хребтовъ по окраинамъ континентовъ. Литературу см. на отдѣльномъ листкѣ при словѣ *географія*. *А. Нечаевъ.*

Горы, въ греч. миѳологіи, богини временъ года и порядка въ природѣ; у Гезіода онѣ являются дочерьми Зевса и Ѳемиды и называются Дике (право), Эйрене (миръ) и Эвномія (закономѣрность). Но количество ихъ непостоянно: въ Аттикѣ знали только двухъ (весеннюю и лѣтнюю Г.), позднѣе ихъ считалось больше, и онѣ стали считаться олицетвореніемъ часовъ. Изображались въ видѣ молодыхъ дѣвушекъ съ соотв. эмблемами (цвѣтами, плодами и пр.).

Горынь, р., прав. прит. Припяти, беретъ начало въ кременецк. у. Волынск. губ., пересѣкаетъ всю губернію съ ю. на сѣв. и впадаетъ въ мозырск. у. Минск. губ. въ р. Припять, послѣ 529 в. теченія. Сплавъ производится на протяженіи 363 в. (отъ устья). Достигая мѣстами (въ средн. теченіи) до 7 саж. глубины и 40 саж. шир., Г. тѣмъ не менѣе несудоходна благодаря обилію мелей, перекатовъ и корчей, за исключеніемъ 10 в. отъ устья до Давидъ-городка.

Горынь, р. Примор. обл., см. *Горинъ*.

Горькая соль (*эпсомитъ*), см. *англійская соль*, III, 60/61.

Горькій, Максимъ (псевд. Алексѣя

М. Горькій (род. въ 1869 г.).

Съ портрета, писаннаго художникомъ Шленнымъ.

Съ разрѣшенія художника

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

Максимовича *Пѣшкова*), современный беллетристъ, род. 14 марта 1869 г. въ Нижн.-Новгородѣ, въ семьѣ красильщика и былъ зачисленъ въ малярный цехъ. Послѣ смерти отца и матери, обученный дѣдомъ грамотѣ, мальчикъ былъ на 9-мъ году отданъ въ магазинъ обуви. Отсюда онъ вскорѣ бѣжалъ, поступилъ въ ученики къ чертежнику, вновь бѣжалъ; обучался затѣмъ въ иконописной мастерской, потомъ на пароходѣ у повара, у садовника и т. д. На 15-мъ году Г. сталъ серьезно учиться, готовясь къ поступленію въ учебное заведеніе въ Казани. Въ учебное заведеніе поступить ему не удалось, и Г. вновь мѣнялъ одно ремесло на другое, дѣлался то булочникомъ, то продавцомъ кваса, то занимался поденной работой на пристаняхъ, близко сходясь съ босяками и рабочими. Затѣмъ ему удалось пристроиться въ Нижн.-Новгородѣ письмоводителемъ у присяжнаго повѣреннаго, который сильно повліялъ на образованіе Г. Проработавъ у него нѣсколько лѣтъ, Г., однако, вновь вернулся къ изученію бродячей и босой Россіи. Результатомъ этихъ наблюденій былъ первый, напечатанный въ 1892 г. въ газетѣ „Кавказъ“, разсказъ „Макаръ Чудра“. Въ 1893 г. Г. познакомился съ В. Г. Короленко, который, по словамъ самаго Г., имѣлъ на него большое вліяніе. Первымъ изъ разсказовъ, обратившимъ на Г. вниманіе читателей, былъ „Челкашъ“, помѣщенный въ „Русскомъ Богатствѣ“. Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ разсказахъ („Мальва“, „Бывшіе люди“, „Коноваловъ“, „Дѣло съ застежками“) Г. является не бытописателемъ, но поэтомъ босяцкаго міра. Среда оборванныхъ, безпріютныхъ, бродяжничающихъ посѣтителей ночлежныхъ домовъ и другихъ притоновъ находитъ въ немъ своего восторженнаго и талантливаго пѣвца. Прибѣгая къ пріему прежнихъ романтиковъ, Г. почти всегда изображаетъ контрастъ между грязной внѣшностью и благородными или геройскими душевными свойствами своихъ дѣйствующихъ лицъ. Вся внѣшняя непригляднность жизни этихъ людей,—пьянство, развратъ, озорство, кражи,—является только отраженіемъ протеста противъ неудовлетворяющихъ ихъ формъ современнаго общежитія. Всѣ они, по выраженію одного изъ героевъ, имѣютъ „душу не по тѣлу“, т. е. у всѣхъ или почти у всѣхъ внѣшнія безобразныя черты представляютъ рѣзкій контрастъ съ порой нѣжной, часто благородной и во всякомъ случаѣ сильной душой. Эта сила особенно рѣзко проявляется при сопоставленіи людей босяцкаго міра съ обитателями деревни („Челкашъ“, „Мальва“ и др.). Узкому кругозору, корыстнымъ побужденіямъ, трусливой натурѣ послѣднихъ противопоставляется широкій размахъ босяка, его смѣлость, великодушіе, способность къ подвигу такъ же, какъ къ преступленію, неудовлетворенное стремленіе къ чему-то возвышенному, уносящему далеко отъ мелочныхъ интересовъ, обыденной морали. Подобно романтикамъ, Г. создаетъ культъ героевъ, которыми въ большинствѣ мелкихъ разсказовъ являются босяки. Личность противопоставляется обществу и въ болѣе крупныхъ по размѣрамъ вещахъ, какъ напр., „Ѳома Гордѣевъ“, или начатые и неоконченные очерки, носящіе названіе „Мужикъ“. Въ первой повѣсти изображается купеческій міръ, уничтожающій своего сочлена, осмѣлившагося возстать противъ него и тщетно ищущаго настоящихъ жизненныхъ путей. Въ „Мужикѣ“ среди прочихъ мелкихъ, составляющихъ общество, людей выдвигается недосягаемая по величинѣ фигура интеллигента изъ простого народа. Какъ въ мелкихъ, наиболѣе удачныхъ разсказахъ, такъ и въ болѣе крупныхъ по размѣрамъ, но значительно менѣе интересныхъ вещахъ, Г. обнаруживаетъ обычные достоинства и недостатки романтиковъ: вдохновеніе, силу протеста, сочувствіе къ обездоленнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ склонность къ преувеличеніямъ, къ контрастнымъ эффектамъ, къ идеализаціи героевъ, къ удаленію отъ дѣйствительной жизни. Рѣзкія подчеркиванія особенно замѣтны въ повѣсти „Варенька Олесова“, гдѣ дряблость и неустойчивость интеллигента противопоставляются непосредственности и силѣ героини, фигурирующей въ качествѣ прямого продукта природы. Образность

языка и большое описательное дарованіе Г—аго скрашиваютъ, однако, самыя слабыя произведенія перваго періода, когда авторъ выбиралъ для своихъ произведеній форму разсказа и повѣсти. Второй періодъ начался съ драматическихъ произведеній. „Мѣщане“ (1901) имѣли сравнительно малый успѣхъ на сценѣ, но слѣдующая пьеса „На днѣ“ (1902), изображавшая жителей ночлежнаго дома, прошла съ головокружительнымъ успѣхомъ не только въ Россіи, но и въ Германіи. Популярность Г. въ это время уже принимала размѣры міровой славы. Около этого времени Г. былъ избранъ почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности. Но для нѣкоторыхъ круговъ это избраніе показалось скандаломъ, и въ „Прав. Вѣст.“ появилась замѣтка, гласившая: „въ виду обстоятельствъ, кот. не были извѣстны соединенному собранію отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ, выборы почетнаго академика Алексѣя Максимовича Пѣшкова (псевдонимъ—Максимъ Горькій), привлеченнаго къ дознанію по 1035 ст. уст. угол. суд., объявляются недѣйствительными“. „Привлеченіе“ не привело къ судебному разбирательству, но избраніе возстановлено не было. Протестуя противъ исключенія Г., Короленко и Чеховъ вернули свои почетные акад. дипломы. Послѣ этого случая Г. мало-по-малу втягивается въ общ. жизнь. Въ янв. 1905 г. онъ вмѣстѣ съ др. представителями петерб. интеллигенціи участвовалъ въ депутаціи къ министру внутр. дѣлъ, былъ арестованъ и долго просидѣлъ въ тюрьмѣ. Тутъ обнаружились огромные размѣры популярности Г. въ Европѣ. Почти не осталось страны, въ которой не было бы митинга или собранія, съ требованіемъ освобожденія Г. Популярнаго писателя освободили, но Г. вышелъ изъ тюрьмы съ надломленнымъ здоровьемъ. Послѣ революціонныхъ дней Г. совершилъ путешествіе по Соедин. Штатамъ, результатомъ котораго было нѣсколько горячихъ, но крайне поверхностныхъ очерковъ, направленныхъ противъ американской культуры. Вернувшись въ Европу, проживъ нѣкоторое время въ Парижѣ, Г. окончательно поселился на о. Капри, не порывая связи съ русскими друзьями и не переставая интересоваться русскими дѣлами.

Съ произведеніями, послѣдовавшими за „На днѣ“ начинается постепенное, но рѣшительное паденіе славы Г. Пьесы „Дачники“, „Враги“, „Дѣти солнца“, „Варвары“ отчасти повторяли прежніе мотивы о дряблости интеллигенціи, отчасти обнаруживали въ авторѣ начинающуюся тенденцію къ сантиментализму, къ фальшивому изображенію характеровъ и отношеній въ той средѣ, которую онъ противопоставлялъ буржуазіи. Эта тенденціозная слащавость особенно рѣзко обнаруживается въ длинной повѣсти „Мать“, въ повѣсти „Лѣто“, даже въ лучшемъ изъ произведеній послѣдняго періода, „Исповѣдь“.

Библіографію *см.* XI, 632.

И. Игнатовъ.

Горькій шпатъ, подъ этимъ именемъ разумѣютъ минералы доломитъ и магнезитъ (*см*).

Горькія воды, см. *минеральныя воды.*

Горькія средства (amara), такъ наз. въ фармакологіи рядъ веществъ растит. происхожденія — настои трилистника (Folia Trifolii fibrini), горечавки (Gentianae), золототысячника (Centaurii), квассіи, коломбы и др., кот. содержатъ горечи и назначаются при диспепсіи съ цѣлью вызвать путемъ раздраженія усиленное отдѣленіе желудочнаго сока („улучшить аппетитъ“), поднять тонусъ слизистой оболочки желудочно-кишечн. тракта и вегетативн. процессовъ въ организмѣ.

Горькое озеро, названіе двухъ горько-соленыхъ озеръ на югѣ барнаул. уѣзда Том. губ.; одно окружностью ок. 50 в., черезъ него протекаетъ р. Барнаулка, впадающая въ Обь у Барнаула; другое—къ с. отъ предыдущаго, въ басс. р. Касмалы, текущей параллельно Барнаулкѣ, дл. 45 в.

Горькоземъ, *окись магнія,* см. *магнезія.*

Горькоминдальное масло, *бензойный альдегидъ,* C_6H_5COH, образуется окисленіемъ бензиловаго алкоголя $C_6H_5CH_2OH$ или перегонкой смѣси

бензойнокислаго и муравьинокислаго кальція. Названіе дано по старому способу полученія изъ горькихъ миндалей, въ которыхъ имѣется глюкозидъ амигдалинъ, разлагающійся подъ вліяніемъ фермента эмульсина на Г. м., глюкозу и синильную кислоту. Въ настоящее время Г. м. получаютъ изъ хлористаго бензилидена $C_6H_5CHCl_2$ нагрѣваніемъ его съ слабой сѣрной кислотой или известковымъ молокомъ, а также изъ хлористаго бензила $C_6H_5CH_2Cl$ кипяченіемъ его съ водой въ присутствіи азотнокислаго свинца или мѣди. Г. м.—жидкость съ пріятнымъ горькоминдальнымъ запахомъ, мало растворимая въ водѣ, кип. при 179°, уд. в. $1{,}_{05}$ при 15°, легко окисляется уже кислородомъ воздуха (на солнечномъ свѣту), образуетъ серебряное зеркало съ амміачно-серебрянымъ растворомъ, реагируетъ съ фенилгидразиномъ, гидроксиламиномъ и пр.

Горько-соленыя озера, см. *соленыя озера.*

Горѣлая гора *(Куку-Оба, Синяя гора)*, самый значит. изъ грязевыхъ вулкановъ Таманск. полуострова, къ сѣв. отъ Таманск. лимана, около 250 фут. выс., правильной конической формы. Первое извѣстное изверженіе происходило 27 февр. 1794 г. и продолжалось 1 ч. 20 м., въ 1832 г. происходило изверженіе побочнаго кратера Г. г.

Горѣлая сопка, см. *Авачинская губа.*

Горѣлки. Хотя названіе Г. примѣняется чаще по отношенію къ приборамъ, въ которыхъ происходитъ сожиганіе газа, а названіе лампы по отношенію къ тѣмъ, въ которыхъ происходитъ сожиганіе жидкихъ минеральныхъ и органическихъ маслъ, тѣмъ не менѣе въ общежитіи эти названія строго не разграничиваются.

Газовыя Г. примѣняются для сожиганія газа (свѣтильнаго, карбурированнаго водянаго, воздушнаго, природнаго, ацетилена, нефтянаго) въ цѣляхъ полученія свѣта, и, конечно, въ зависимости отъ того, какой газъ въ нихъ сожигается, бываютъ различн. конструкціи. Такъ какъ хорошій свѣтильный газъ обладаетъ значительною свѣтовою силою (16—18 свѣчей при расходѣ 150 литровъ въ часъ въ разрѣзной Г. стараго типа), то при вытеканіи его изъ узкаго отверстія зажженный онъ горитъ пламенемъ съ сильнымъ свѣтомъ. Въ зависимости отъ положенія и формы отверстія мѣняется и форма пламени; отъ формы же пламени въ значительной степени зависитъ сила свѣта, развиваемая однимъ и тѣмъ же количествомъ газа. Въ виду того, что существуетъ всегда наивыгоднѣйшее отношеніе между количествомъ сожигаемаго газа и количествомъ воздуха, необходимаго для горѣнія, а регулировать притокъ воздуха весьма трудно, то обыкновенно, чтобы установить правильное горѣніе, регулируютъ притокъ газа къ Г. Давно уже, кромѣ того, установлено, что одинъ и тотъ же газъ въ Г. различнаго устройства даетъ различную силу свѣта.

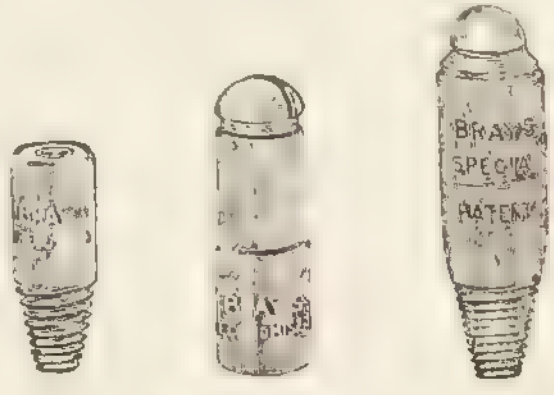


Рис. 1

Непрерывное улучшеніе и удешевленіе газоваго освѣщенія находится въ прямой зависимости отъ улучшенія и усовершенствованія конструкціи Г. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что, хотя уже много сдѣлано въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе остается сдѣлать еще больше, такъ какъ крупнымъ недостаткомъ всѣхъ нынѣ существующихъ освѣтительныхъ приборовъ является то обстоятельство, что при сожиганіи въ нихъ газа или жидкаго освѣтительнаго масла, только незначительная часть содержащейся въ указанныхъ матеріалахъ потенціальной энергіи превращается въ свѣтъ; въ наиб. совершенныхъ, ауэровскихъ, горѣлкахъ, не болѣе 10%, а 90% безполезно тратится, превращаясь въ теплоту. Идеальный же освѣтительный приборъ долженъ былъ бы скорѣе удовлетворять обрат-

ному положенію, т. е. давать 90% свѣта и не болѣе 10% тепла.

Простѣйшія, теперь уже почти вышедшія или выходящія изъ употребленія, Г. дѣлаются изъ металла или жировика (стеатита). Эти Г. (рис. 1) бываютъ съ однимъ отверстіемъ по серединѣ, и тогда пламя, подобно обыкновенному свѣчному, съ двумя отверстіями, расположенными подъ прямымъ угломъ, при чемъ пламя имѣетъ форму рыбьяго хвоста, наконецъ, съ узкимъ щелевиднымъ отверстіемъ, обыкновенно не болѣе 0,2 м/м. шириной и 4—6 м/м. длиной, пламя которой имѣетъ видъ раскрытаго вѣера или крыла летучей мыши. Эти простѣйшія Г. расходуютъ сравнительно много газа и даютъ мало свѣта. Шагъ впередъ въ конструкціи Г. представила *аргандова* Г. (рис. 2), первоначальный типъ которой былъ изобрѣтенъ Аргандомъ для масляныхъ лампъ въ концѣ XVIII стол. Особенностью ея является то, что воздухъ въ нее притекаетъ и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, вслѣдствіе чего горѣніе въ ней гораздо болѣе совершенно. Основной принципъ *регенеративныхъ* Г. Сименса, дающихъ при томъ же расходѣ значительно большій свѣтовой эффектъ, состоитъ въ томъ, что теплота, выдѣляющаяся при горѣніи газа, использовывается на нагрѣваніе входящаго въ горѣлку воздуха. Венгэмъ усовершенствовалъ лампы Сименса въ томъ смыслѣ, что въ его лампахъ (рис. 3) теплота, выдѣляющаяся при горѣніи газа, утилизируется не только на подогрѣваніе воздуха, но также и для вентиляціи помѣщенія. Производительность этихъ лампъ (Сименса, Венгэма и другихъ, построенныхъ на этомъ принципѣ) въ смыслѣ даваемаго ими свѣтового эфекта въ три-четыре раза больше, чѣмъ обыкновенныхъ Г., но онѣ стоятъ довольно дорого и, для правильнаго функціонированія, требуютъ тщательнаго ухода.

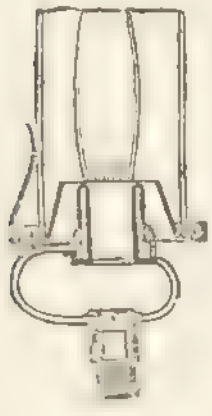


Рис. 2.

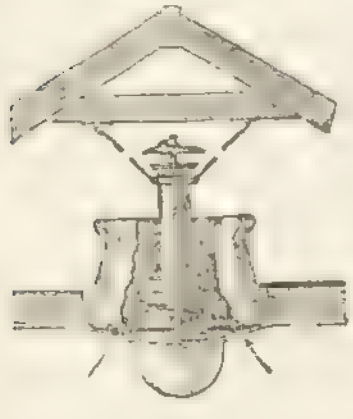


Рис. 3.

Въ настоящее время преимущественное, если не исключительное, значеніе пріобрѣли *Г. Ауэра фонъ Вельсбаха*, которыя даютъ при сравнительно незначительномъ расходѣ газа очень значительную силу свѣта и, такимъ образомъ, удешевили стоимость газоваго освѣщенія не менѣе какъ на 300—400%. Особенность этихъ Г. (рис. 4) та, что безцвѣтное пламя обыкнов. бунзеновской Г. накаливаетъ остовъ ткани (чулочекъ) изъ огнестойкихъ окисловъ, недавно еще бывшихъ рѣдкими, металловъ, чаще всего окиси торія и церія, а иногда и другихъ входящихъ въ эту группу, напримѣръ: лантана, иттрія, цирконія и др. Чаще всего для приготовленія чулочка употребляется смѣсь изъ 99% азотнокислаго торія и 1% азотнокислаго церія. Для полученія такого огнестойкаго каркаса чулочекъ, сплетенный изъ хлопчатобумажной пряжи или въ послѣднее время часто изъ искусственнаго шелка, пропитывается растворами означенныхъ солей (флюидомъ), затѣмъ, по высушиваніи и обжиганіи, чтобы уничтожить органическія вещества, еще разъ растворомъ коллодіума, послѣ чего высохшій колпачекъ обладаетъ достаточной стойкостью для пересылки. Минеральный остовъ и является источникомъ свѣта, накаливаясь до очень высокой температуры. Повидимому, причина значительнаго выдѣленія свѣта этою Г. кроется въ способности указанныхъ окисловъ аккумулировать тепло, что всего лучше доказывается тѣмъ, что, при горѣніи водорода въ

Рис. 4.

хлорѣ, въ обыкновенныхъ условіяхъ происходящемъ безъ выдѣленія свѣта, но сопровождающемся выдѣленіемъ значительнаго количества тепла, въ Г. съ колпачкомъ Ауэра тоже происходитъ значительное выдѣленіе свѣта. Не безъинтересно, что указанныя выше отношенія торія и церія являются наивыгоднѣйшими, какъ это многократно провѣрено практикой.

По даннымъ Фогеля въ ауэровской Г. 4 куб. фута каменноугольнаго газа даютъ ту же силу свѣта, что и 15 куб. футовъ въ обыкновенной Г. („рыбій хвостъ"), т. е. расходъ газа въ ней на единицу свѣта въ 4 раза меньше. Весьма важнымъ обстоятельствомъ является также и гигіеническая сторона дѣла; если расходъ газа меньше въ 4 раза, то соотвѣтственно въ 4 раза меньше получается и продуктовъ сгоранія газа, т. е. воздухъ освѣщаемаго помѣщенія остается въ 4 раза лучшимъ.

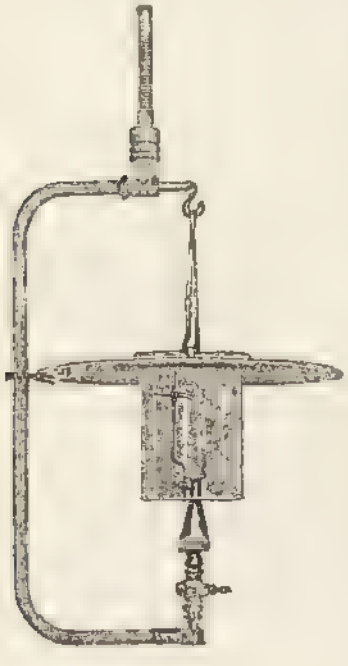


Рис. 5.

Ауэровскія Г. дѣлаются въ настоящее время трехъ различныхъ типовъ:

1. Первый (рис. 5), наиб. распространенный, съ цилиндрическимъ пламенемъ, обращеннымъ вверхъ, имѣющій много конструктивныхъ модификацій.

2. Г. съ пламенемъ, обращеннымъ внизъ (инвертированныя горѣлки, рис. 6).

3. Г., въ которыхъ воздухъ или газъ входитъ подъ увеличеннымъ давленіемъ.

Въ Г. перваго и второго типа газъ горитъ подъ давленіемъ $1^1/_2$—2 дюймовъ водяного столба; въ Г. третьяго типа давленіе доходитъ до 15 и даже 50 дюймовъ. Г. послѣдняго типа сложнѣе въ конструкціи; но зато сила свѣта на 1 куб. футъ расходуемаго газа доходитъ до 40 свѣчей, тогда какъ въ Г. первыхъ двухъ типовъ не превышаетъ 18—20 свѣчей.

Газъ употребляется не только для освѣщенія, но также и для нагрѣванія, и понятно, что Г., предназначенныя для этой цѣли, имѣютъ уже совершенно другую конструкцію. Простѣйшая и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе совершенная Г. изобрѣтена знаменитымъ химикомъ *Бунзеномъ;* она представляетъ наиболѣе употребительный обогрѣвательный газовый приборъ въ лабораторіяхъ. Эти Г. дѣлаются изъ металла, стекла или фарфора; металлическія снабжаются приспособленіемъ для регулированія интенсивности пламени.

Газъ, какъ топливо въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, школахъ, отеляхъ и т. п., получилъ за границей огромное распространеніе. Нагрѣваніе и отопленіе газомъ представляетъ то большое преимущество, что, пользуясь газомъ (для этой цѣли наряду съ каменноугольнымъ употребляется также нефтяной газъ и ацетиленъ, а также болѣе дешевые генераторный и водяной газы), можно быстро поднять t^0 до желаемой высоты и легко регулировать ее, что въ обыкновенныхъ топкахъ съ твердымъ и даже жидкимъ топливомъ представляется очень затруднительнымъ. Кромѣ того, при сгораніи газъ не даетъ золы, не требуетъ растопки и не обусловливаетъ никакого загрязненія въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Отопленіе заводскихъ печей газомъ тоже получило теперь очень большое практическое значеніе. Несомнѣнно, что ключъ къ рѣшенію важной въ санитарномъ отношеніи задачи—улучшенія воздуха въ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ—лежитъ въ возможно широкомъ примѣненіи газоваго отопленія, такъ какъ бездымное горѣніе топлива всего легче достигается съ газовыми топками. Преимущества газоваго ото-

Рис. 6

пленія настолько очевидны, что въ Америкѣ, гдѣ очень много для отопленія расходуется, кромѣ генераторнаго и водянаго газа, также и природнаго, добываемаго изъ нѣдръ земли, газа, единица вѣса углерода въ газообразномъ состояніи, въ видѣ горючихъ газовъ, расцѣнивается въ 4 раза дороже единицы вѣса твердаго углерода въ каменныхъ углякъ.

При сожиганіи въ топкахъ твердаго топлива необходимый и достаточный для полнаго сожиганія горючаго матеріала избытокъ воздуха колеблется обычно въ предѣлахъ около 50—85%; при сожиганіи газообразнаго топлива не болѣе 10—20%. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе потому, что такимъ путемъ, при газовомъ отопленіи, уменьшается непроизводительная трата теплоты на нагрѣваніе этого лишняго по существу и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимаго въ обыкн. топкахъ воздуха, а въ связи съ этимъ температуру при горѣніи можно получить значительно болѣе высокую, что въ особенности имѣетъ большое значеніе при различныхъ металлургическихъ процессахъ. Газовые кухонные очаги, камины, комнатныя печи, ванны, газовые приборы для жаренія кофе, обогрѣванія утюговъ, парикмахерскихъ принадлежностей и т. п. дѣлаются самыхъ разнообразныхъ конструкцій. Въ большихъ городахъ Англіи существуютъ уличные автоматы—гейзеры, обогрѣваемые газомъ, изъ которыхъ въ любое время дня и ночи можно имѣть, опустивъ въ нихъ опредѣленную монету, опредѣленное количество кипятка. Насколько значителенъ расходъ газа въ большихъ отеляхъ, клубахъ и т. п. общественныхъ учрежденіяхъ Лондона, можно судить по тому, что плата за газъ (который днемъ, такъ называемый „денной“, для указанной цѣли продается дешевле вечерняго) доходитъ въ нѣкоторыхъ клубахъ Лондона до нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Существуетъ также много фабрикъ и заводовъ, въ которыхъ отопленіе всѣхъ котловъ, заводскихъ печей и аппаратовъ производится газомъ. Какъ на примѣръ фабричнаго предпріятія, ведущаго всѣ процессы, требующіе нагрѣванія, на газѣ, въ литературѣ указывается на шоколадную фабрику Ванъ-Гутенъ, въ Голландіи. Газовый заводъ ея, состоящій изъ 8 газогенераторовъ, работающихъ на антрацитѣ, даетъ 128.000 куб. футовъ генераторнаго газа въ часъ; этотъ газъ съ завода направляется на фабрику по трубопроводу въ два фута діаметромъ. Въ смѣси съ кислородомъ, въ спеціально приспособленныхъ Г. достигается при сожиганіи газа очень высокая температура, и этотъ пріемъ примѣняется при газовомъ паяніи и рѣзаніи металловъ. *А. Лидовъ.*

Горѣлый островъ, самый западный изъ Андреяновской группы Алеутскихъ острововъ, около 30 в. въ окружности, представляетъ громадную вулканическую вершину (9.840 фт. выс.), покрытую вѣчнымъ снѣгомъ.

Горѣніе, химическое явленіе сопровождающееся выдѣленіемъ свѣта и тепла. Въ болѣе узкомъ смыслѣ Г. называютъ явленіе соединенія различныхъ веществъ съ кислородомъ, сопровождающееся выдѣленіемъ свѣта и тепла. Для того, чтобы какое-либо вещество начало горѣть, нужно нагрѣть его до нѣкоторой опредѣленной температуры, — до его температуры воспламененія. Темп. воспламененія различныхъ веществъ различна; такъ, напр., желтый фосфоръ загорается при нагрѣваніи всего лишь до 60^0 Ц., магній — при нагрѣваніи до 800^0 и т. д. Накаленный уголь, опущенный въ кислородъ, загорается и продолжаетъ горѣть. Слѣдовательно, при процессѣ его Г. откуда-то берется теплота, нагрѣвающая его до температуры, при которой онъ можетъ горѣть. Теплота эта получается изъ химической энергіи угля и кислорода; при Г. угля, т. е. при процессѣ его соединенія съ кислородомъ, часть запаса химической энергіи этихъ обоихъ веществъ превращается въ теплоту, которая и поддерживаетъ дальнѣйшее Г. При Г. какого-либо вещества въ чистомъ кислородѣ выдѣляется столько же тепла, сколько и при Г. такого же вѣсового количества этого вещества на воздухѣ. Однако, въ первомъ случаѣ накаливаніе и свѣченіе будетъ сильнѣе. Это происходитъ оттого, что при Г. въ воздухѣ выдѣляемая теплота тра-

тится на нагрѣваніе не только горящихъ веществъ и продуктовъ горѣнія, но и на нагрѣваніе не участвующаго въ Г. азота, кромѣ того при Г. на воздухѣ въ единицу времени къ горящему веществу притекаетъ меньше кислорода, такъ какъ въ воздухѣ послѣдній разбавленъ азотомъ. Какъ Г. веществъ на воздухѣ или въ чистомъ кислородѣ, т. е. быстрое ихъ окисленіе, такъ и медленное окисленіе (т. е. соединеніе съ кислородомъ при обыкновенной температурѣ) сопровождается выдѣленіемъ тепла. При медленномъ окисленіи какого-либо вещества выдѣляется ровно столько же теплоты, сколько при Г. такого же вѣсового количества того же самаго вещества. Но такъ какъ въ первомъ случаѣ процессъ протекаетъ медленно, то теплота выдѣляется понемногу, небольшими порціями, успѣваетъ большей частью разсѣяться въ окружающей средѣ и не можетъ, поэтому, нагрѣть окисляющееся вещество до его t^0 воспламененія. Однако, иногда медленно окисляющіяся на воздухѣ вещества сами собою воспламеняются. Это самовозгораніе происходитъ тогда, когда куски вещества такъ сложены въ кучу, что выдѣляющаяся при ихъ медленномъ окисленіи теплота задерживается въ нихъ. Такъ, хлопчатая бумага, смоченная масломъ и лежащая въ большихъ кучахъ, часто сама собою воспламеняется.

Рис. 1.

Твердыя вещества горятъ безъ пламени. Только при Г. газовъ получается пламя. Когда мы зажигаемъ свѣчу, то вещество ея плавится, впитывается фитилемъ, превращается въ газообразное состояніе и тогда уже загорается пламенемъ.

Въ пламени свѣчи легко различить три части (рис. 1). Внутри около фитиля (*a*) находится *темный конусъ* (*b*) пламени; его окружаетъ *свѣтящійся конусъ* (*c*), и наконецъ оба эти конуса окружены внѣшнимъ *несвѣтящимся конусомъ* (*d*). Во внутреннемъ темномъ конусѣ находятся еще не сгорѣвшіе газы. Доказать это можно, внося во внутренній конусъ одинъ конецъ изогнутой стеклянной трубки (рис. 2). Тогда газы поднимутся по трубкѣ и могутъ быть зажжены у ея верхняго конца. Газы эти, полученные при разложеніи стеарина подъ вліяніемъ тепла, состоятъ главнымъ образомъ изъ углеводородовъ. Температура темнаго конуса настолько невысока, что быстро внесенная туда головка шведской спички долгое время не загорается.

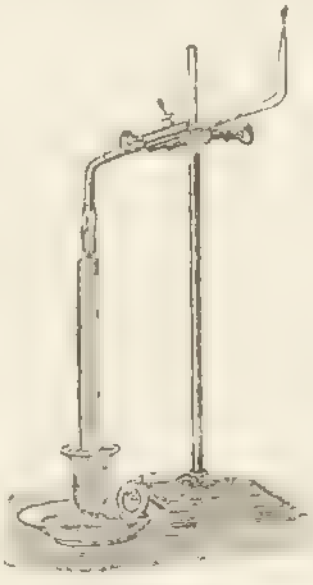


Рис. 2.

Рис. 3.

Въ свѣтящемся конусѣ углеводороды разлагаются съ выдѣленіемъ сво-

боднаго углерода, частички котораго накаливаются и, излучая при этомъ свѣтъ, обусловливаютъ собою свѣченіе пламени. Сгораніе этихъ раскаленныхъ частичекъ происходитъ во внѣшнемъ синеватомъ (несвѣтящемся) конусѣ пламени на счетъ кислорода окружающаго воздуха.

Газы, способные горѣть на воздухѣ, называются *горючими*. Мы говоримъ, что водородъ или свѣтильный газъ способенъ горѣть на воздухѣ и въ кислородѣ; но можно устроить такъ, что кислородъ или воздухъ будутъ горѣть въ свѣтильномъ газѣ. Чтобы показать Г. воздуха въ свѣтильномъ газѣ, поступаютъ такъ. Черезъ трубку (*c*) впускаютъ въ стеклянный цилиндръ (рис. 3), открывъ раньше крышечку (*d*), свѣтильный газъ до полнаго вытѣсненія воздуха; закрываютъ отверстіе (*b*) крышечкой (*d*) и зажигаютъ выходящій изъ трубки (*a*) свѣтильный газъ (широкое пламя внизу трубки), если открыть теперь отверстіе (*b*), то пламя при (*a*) становится меньше, подымается по трубкѣ (*a*) и, дойдя до верхняго конца ея, выворачивается остріемъ вверхъ; получается, что входящій внутрь цилиндра по трубкѣ (*a*) воздухъ горитъ (пламенемъ на концѣ ея) въ атмосферѣ свѣтильнаго газа.—Если бы наша атмосфера состояла изъ свѣтильнаго газа, то мы называли бы воздухъ и кислородъ горюч. газами. Г. прекращается при пониженіи температуры горящаго вещества. Если мы будемъ держать проволочную сѣтку надъ газовой горѣлкой, изъ которой вытекаетъ газъ (рис. 4), и зажжемъ газъ надъ сѣткой, то внизу подъ сѣткой пламени не будетъ; сѣтка настолько охлаждаетъ смѣсь газовъ, что Г. не распространяется внизъ. На этомъ охлаждающемъ дѣйствіи металлической сѣтки основано устройство рудничной предохранительной лампы Дэви (рис. 5). Пламя этой лампы окружено проволочной сѣткой. Если внутрь сѣтки проникнетъ взрывчатая смѣсь рудничнаго газа съ воздухомъ, то тамъ произойдетъ небольшой взрывъ, но сѣтка не дастъ теплотѣ, выдѣлившейся при взрывѣ, нагрѣть смѣсь, окружающую лампу извнѣ, до t° воспламененія. При Г. различныхъ веществъ выдѣляются различныя количества тепла. При сгораніи водорода, на каждые 18 граммъ образовавшагося водяного пара выдѣляется около 57.000 малыхъ калорій тепла. Поэтому температура водороднаго пламени очень высока, при Г. водорода въ чистомъ кислородѣ она больше 2.000°.

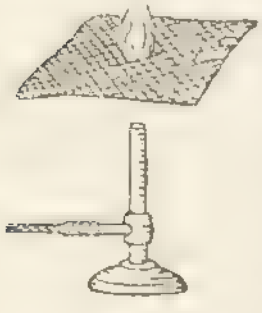


Рис. 4.

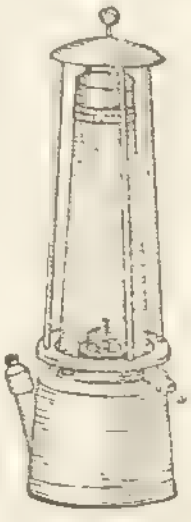


Рис. 5.

Сущность явленій Г. и вообще окисленія была разъяснена Лавуазье (1774 г.). До него эти явленія объяснялись при помощи теор. флогистона (Сталь, 1723 г.). По этой теоріи всякое вещество состоитъ изъ т. наз. „извести“ и невѣсом. огневого вещества—флогистона. Известка каждаго вещества отлична отъ извести другихъ веществъ. Вещества, неспособныя горѣть и вообще окисляться, не содержатъ флогистона. Окисленіе и Г. состоитъ въ разложеніи вещества на известку и улетучивающійся при этомъ флогистонъ.

Съ этой точки зрѣнія ржавл. желѣза представл. собою процессъ разложенія сложнаго вещества—желѣза—на ржавчину (известку желѣза) и флогистонъ. Лавуазье разъяснилъ, что явленія окисленія и Г. представляютъ собою процессы соединенія съ кислородомъ. При Г. на воздухѣ или въ кислородѣ получаются соединенія съ кислородомъ—*окислы*. Напр., при Г. угля получается окисель углерода, при Г. металла натрія—окисель натрія и т. д. *Л. Писаржевскій.*

Горюнъ, р. Новг. губ., лѣвый притокъ Чагодощи, подъ названіемъ Г. течетъ отъ оз. Вожанскаго до Чагодощи (около 15 в.), составляя важную часть Тихвинской системы (*см.*); верхнее теченіе рѣки извѣстно подъ именемъ р. *Валчины* до оз. Соймино, и р. *Сойминой* до оз. Вожанскаго; какъ Г., такъ и Соймина шлюзованы.

Горючіе сланцы, глинистые сланцы, пропитанные смолистыми веществами и, вслѣдствіе этого, часто имѣющіе черный цвѣтъ. Употребляются какъ топливо и для добыванія асфальта и горнаго масла. Въ Россіи встрѣчаются въ отложеніяхъ силурійской системы въ Эстляндіи и въ сызранскомъ уѣздѣ Симб. губ.

Горюшкинъ, Захарій Аникіевичъ, русскій юристъ, род. въ 1748 г., не получилъ никакого систематическаго образованія. Его извѣстность, какъ юриста практика, доставила ему каѳедру въ московскомъ университетѣ (1786—1811). Ум. въ 1821 г. Значеніе Г. въ наукѣ основано на его трудѣ: „Руководство къ познанію россійскаго законоискусства“ (1811—1816, 4 части), въ кот. онъ еще до Савиньи высказывалъ, хотя и въ смутной формѣ, нѣкоторыя положенія исторической школы.

Горячая гора, горный гребень около 1 вер. длин., отдѣляющійся отъ горы *Машукъ* близъ г. Пятигорска; на склонахъ Г. г. извѣстные минеральные источники курорта.

Горячеводская, станица пятигорск. отд. Терск. обл., въ 18 в. отъ Грознаго, 7.779 жит.; близъ Г. 2 группы горяч. сѣрно-соляно-щелочн. минер. источн. (22 ист.), t^0 отъ 62,7^0 до 89^0 Ц.

Горячеводскъ, или *Туркинскія воды,* сибирскій курортъ на восточномъ берегу Байкальскаго оз.; живописная мѣстность, горяч. сѣрн. источники (45^0—48^0 Ц.) даютъ отъ 40 до 80 тыс. вед. въ сутки.

Горячка, общеупотребительное названіе разныхъ заболѣваній, протекающихъ при повышенной температурѣ, преимущественно, впрочемъ, присвоенное нѣкоторымъ болѣзненнымъ формамъ: такъ, говорятъ о родильной Г., тифозныхъ Г., возвратной Г. и проч. Въ общемъ же Г. является синонимомъ лихорадки (*см.*).

Гославскій, Маврикій, польскій поэтъ, род. въ 1802 г., въ 1828 г. выпустилъ свои первыя стихотворенія. Въ 1830 г. принималъ участіе въ повстаніи, былъ взятъ въ плѣнъ русскимъ отрядомъ, но бѣжалъ за границу; въ 1833 г. явился въ качествѣ эмиссара въ Галицію, былъ узнанъ, схваченъ и ум. въ тюрьмѣ (1834). Его лучшія стихотворенія, написанныя въ разгарѣ борьбы съ Россіей, сдѣлались боевыми пѣснями повстанцевъ и изданы впослѣдствіи подъ заглавіемъ: „Стихотворенія польскаго улана“. См. „Poezje M. G.“ (1864).

Госларъ (Goslar), городъ въ южной части прусск. пров. Ганноверъ, на зап. склонѣ Верхняго Гарца, у подножія г. Раммельсбергъ; 18.909 жит. Одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Германіи (осн. ок. 920 г.), бывшая столица салическихъ королей.

Госпиталь (лат.), больница, преимущественно больница военнаго вѣдомства, *см.* VI, 251/4.

Госпитальеры, см. *іоанниты.*

Госпицій (лат. hospitium, фр. hospice), убѣжище; первоначально названіе небольшихъ домовъ, устроенныхъ монахами для доставленія крова путешествующимъ членамъ ордена; затѣмъ пристанища, устроенныя тоже монахами въ необитаемыхъ мѣстахъ, преимущественно на высокихъ альпійскихъ перевалахъ (С. Бернаръ, С. Готардъ, Монъ-Сени и Симплонъ, Гримзель): они даютъ путникамъ пріютъ и разыскиваютъ заблудившихся во время снѣжныхъ мятелей.

Госпичъ (Gospič), гор. въ венгерск. комит. Лика-Крбава, 10.799 жит., гл. обр. хорватовъ.

Господарь, титулъ прежнихъ князей Молдавіи и Валахіи, вмѣсто котораго нынѣшній король Румыніи носитъ соотвѣтствующій румынскій титулъ Domnu или Domnitor.

Госпортъ (Gosport and Alverstoke), укрѣпленная гавань при входѣ въ Портсмутскую бухту, противъ Портсмута; 28.884 жит.

Госсекъ (Gossec), Франсуа Жозефъ, французскій композиторъ, род. въ 1734 г., организовалъ въ Парижѣ извѣстные „Concerts des amateurs“ (1770 г.) и „Concerts spirituels“, былъ директоромъ большой оперы (Académie de musique), основалъ „Ecole royale de chant“ (1784 г.), изъ которой, при республикѣ (въ 1795 г.), образовалась консерваторія. Написалъ множество сочиненій во всѣхъ родахъ композиціи, изъ которыхъ многія имѣли въ свое время крупный успѣхъ (Requiem, симфоніи, опера „Les pêcheurs“ и др.). Г. много писалъ спеціально для

мѣднаго оркестра. Г. былъ горячимъ сторонникомъ революціи и считается какъ бы офиціальнымъ композиторомъ первой республики, для которой имъ написаны были многія кантаты, гимны и т. п.: „A l'être suprême“, „A la nature“, „A la liberté“, революціонная пѣсня, разные марши и (для сцены) „Offrande à la patrie“ (1792 г.) и „Le camp de Grand-Pré“ (1793 г.). Ум. въ 1829 г. *Ю. Э.*

Госсенъ, Германъ Генрихъ, нѣмецкій экономистъ, род. въ 1810 г. Несмотря на сильное влеченіе къ математикѣ, долженъ былъ по желанію отца пройти карьеру юриста. Изучая въ Боннѣ и Берлинѣ государственныя науки, не переставалъ, однако, заниматься своей любимой наукой, которая впослѣдствіи сыграла такую крупную роль въ его экономическихъ изслѣдованіяхъ. Въ 1847 г. Г. пытался основать крупное страховое дѣло, которое должно было обнимать всѣ виды страхованія, но предпріятіе не удалось. Умеръ Г. въ 1858 г. Изучая математику и размышляя надъ явленіями экономич. жизни, Г. послѣ 20-лѣтняго труда создалъ оригинальную теорію цѣнности, которой принадлежитъ крупная роль въ исторіи экономич. ученій. Теорія эта, изложенная въ сочиненіи „Entwickelung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und die daraus fliessenden Regeln für menschliches Handeln“, основана на законахъ психофизическихъ явленій и на математич. методѣ.—Высота цѣнности предметовъ внѣшняго міра опредѣляется по Г. величиною наслажденія (Lebensgenuss), которое они доставляютъ. Г. раздѣляетъ всѣ блага на три класса: блага, служащія удовлетворенію потребностей въ силу своихъ индивидуальныхъ качествъ; цѣнность этихъ благъ опредѣляется ихъ собственной полезностью; блага, удовлетворяющія потребности только въ соединеніи съ другими благами; цѣнность этихъ благъ опредѣляется цѣнностью той группы, къ которой они принадлежатъ; и, наконецъ, блага, служащія производству; цѣнность ихъ опредѣляется цѣнностью производимыхъ ими продуктовъ. Цѣнность всѣхъ 3-хъ классовъ благъ измѣняется въ зависимости отъ степени уравненія величины удовольствія съ величиной напряженія; это уравненіе есть предѣлъ измѣренія полезности, а, слѣдовательно, и цѣнности блага; отсюда—въ основѣ цѣнности лежитъ предѣльная полезность блага. Значеніе открытаго имъ закона цѣнности Г. сравниваетъ съ открытіемъ Коперника. Но книга Г. во время своего появленія прошла незамѣченной, и лишь 20 лѣтъ спустя Джевонсъ, Менгеръ и Вальра одновременно создали теорію цѣнности, сходную съ ученіемъ Г. (см. *цѣнность*).

С. Загорскій.

Госслеръ (Gossler), Густавъ, фонъ, прусскій государственный дѣятель, род. въ 1838 г., въ 1877 г. сдѣлался депутатомъ рейхстага (консерв.), въ 1881 г. короткое время состоялъ президентомъ рейхстага и въ томъ же году былъ назначенъ прусскимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Отмѣной нѣсколькихъ майскихъ законовъ онъ закончилъ культуркампфъ, но почти противъ воли долженъ былъ пойти на реформу средней школы. Благодаря несогласіямъ съ императоромъ по этому вопросу вышелъ въ отставку (мартъ 1891 г.) и вскорѣ былъ назначенъ оберъ-президентомъ Зап. Пруссіи. Ум. въ 1902 г.

Госснеръ (Gossner), Іоганнъ Евангелиста, нѣм. піетистъ, род. въ 1773 г., былъ сначала катол. священникомъ, пытался создать въ Баваріи мистическую общину, но въ 1817 г. клерикальная реакція заставила его удалиться сначала въ Пруссію, затѣмъ въ Россію; въ Петербургѣ онъ былъ выбранъ однимъ изъ директоровъ библейскаго общества (1820) и пріобрѣлъ большую популярность своими проповѣдями, но когда онъ сталъ печатать свою книгу „Geist des Lebens aus der Lehre Jesu“, которую его послѣдователи тутъ же стали переводить на русскій языкъ, то по настоянію партіи Магницкаго былъ высланъ изъ Россіи; книгу его постановлено было сжечь (1824). Поселившись снова въ Германіи, онъ вскорѣ перешелъ въ протестантство и сдѣлался проповѣдникомъ въ Берлинѣ. Ум. въ 1858 г.

Госсонвиль (Haussonville), см. *Оссонвиль.*

Госсъ (Gosse), Эдмондъ, англ. писатель, род. въ 1849 г., служилъ въ библіотекахъ Британскаго Музея и палаты лордовъ, дебютировалъ беллетристическими произведеніями и рядомъ работъ по исторіи скандинавской и голландской литературъ. Его главныя сочиненія посвящены исторіи англ. литературы и отличаются яснымъ критическимъ взглядомъ, мѣткими сужденіями и блестящимъ языкомъ и дѣлаютъ его едва ли не наиб. выдающимся совр. англ. критикомъ. Между ними выдаются: „XVII Century studies“ (1883), „A history of XVIII Cent. Literature“ (1889), „The Jacobean Poets“ (1894), „History of modern English Literature“ (1897), „Father and son“ (1907), семейн. воспом., издан. анонимно. Имъ написаны III и IV томъ изданія „Illustrated Record of English Literature“ (1903—1904).

Гостиная сотня, сословная купеческая организація, установленная московск. правительствомъ при Іоаннѣ Грозномъ съ исключительно фискальной цѣлью, для болѣе успѣшнаго взысканія таможенныхъ и другихъ торговыхъ пошлинъ. Одновременно съ Г. с. возникаетъ въ Москвѣ и „Суконная с.“ съ совершенно подобнымъ же характеромъ. Члены этихъ двухъ сотенъ набирались правительствомъ въ Москвѣ и по городамъ изъ лучшихъ (т. е. болѣе состоятельныхъ) людей черныхъ сотенъ и слободъ. При этомъ число 100, отъ котораго заимствовано названіе этой организаціи, разумѣется, было лишь приблизительнымъ числомъ ея членовъ. Назначеніемъ послѣднихъ было, по свидѣтельству Котошихина, быть „на Москвѣ и въ городѣхъ у зборовъ царскіе казны, въ цѣловальникахъ“, а также „торговать торги своими и всякими промыслами промышлять“. Тяжелая служба въ должностяхъ цѣловальниковъ и головъ на кружечныхъ и таможенныхъ дворахъ по разнымъ уѣзднымъ городамъ должна была вознаграждаться тѣми привилегіями, кот. давались правительствомъ членамъ Г. и суконной сотенъ. Послѣдніе пользовались подобно гостямъ, не входившимъ, однако, въ составъ сотни, правомъ безъявочнаго держанія „питья про себя“, исключит. подсудностью одному царю „или его казначею“ и повышенной противъ простыхъ людей платой за безчестье, которая, смотря по статьѣ того или другого члена с., колебалась отъ 20 до 10 руб. (за безчестье крестьянина „пашеннаго і непашеннаго“ по Уложенію, какъ и по Судебнику, полагается 1 руб.). Но въ отличіе отъ гостей, члены сотенъ не могли владѣть вотчинами; по свидѣтельству Котошихина, имъ запрещалось „крестьянъ купити и держати“. Особенно усердная служба казнѣ открывала члену сотни возможность служебнаго повышенія: царской грамотой онъ могъ быть возведенъ въ чинъ гостя, пожалованъ „Г-ымъ именемъ“(см. *гость*).

Гостиное, пошлина, уплачивавшаяся въ древней Руси за право торговли на Г-ыхъ дворахъ.

Гостинополье, пристань на р. Волховѣ, въ новоладожскомъ у. С.-Петерб. губ., близъ начала Волховск. пороговъ, нѣкогда важный пунктъ новгородской торговли съ Ганзой; близъ Г. древняя Никольская церковь съ сохранившимися фресками.

Гостинскій, Отакаръ, выдающійся чешскій эстетикъ и ученый, род. въ 1847 г., съ 1883 г. профессоръ эстетики въ пражскомъ университетѣ; воспитанникъ мюнхенскаго университета; находясь всецѣло подъ вліяніемъ нѣмецкой эстетики (особ. Гербарта), Г. былъ однимъ изъ первыхъ поклонниковъ Рих. Вагнера, вліяніе котораго онъ распространилъ въ Чехіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Г. много сдѣлалъ для поднятія чешской народной пѣсни, для изученія и популяризаціи за границей чешской музыки. Особенно интересны его „Четыре очерка“ (объ искусствѣ), вышедшіе въ 1894 г. Ум. въ 1910 г. *А. П.*

Гостиный дворъ, древне-русское названіе помѣщеній преимущественно для оптовой торговли, отводившихся въ городахъ первоначально только для иностранныхъ или, вообще, пріѣзжихъ купцовъ-гостей. Образцами для нихъ служили однородныя учрежденія на Западѣ (fondaco, Kaufhäuser и проч., см. *торговля*). Подобные дворы существовали въ Новгородѣ (старый—готскій и новый—нѣмецкій), въ Псковѣ, въ Москвѣ, въ Астрахани. Въ Москвѣ были дворы англійскій, греческій, швед-

скій, армянскій, персидскій, литовскій. Особенностью Г. д., тоже заимствованной съ запада, было то, что купцы не только торговали въ немъ, но въ немъ же и жили; так. обр., онъ получалъ характеръ какъ бы иностранной колоніи, пользовавшейся обыкновенно (напр., въ Новгородѣ) полной внутренней автономіей относительно русскихъ властей. Въ позднѣйшее время Г. д. утратили свое первоначальное значеніе и превратились просто въ центральные городскіе рынки, въ торговые ряды, открытые для всякаго рода купцовъ и обыкновенно лишенные какой бы то ни было автономной организаціи (въ Петербургѣ такая организація существуетъ). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Г. д. продожаютъ существовать и въ настоящее время во многихъ городахъ Россіи, при чемъ любопытнымъ пережиткомъ старины являются часто встрѣчающіяся крѣпостныя права торговцевъ на ту часть зданія, кот. занята ихъ лавкой. *Я. Г.*

Гостіи (лат. hostia—жертва), иначе *облатки*, небольшія, круглыя лепешки изъ пшеничной муки съ изображеніемъ агнца или распятія, употребляемыя при причастіи въ католич. (съ XII в.) и лютеранской церкви вмѣсто хлѣба.

Гостомыслъ, легендарный славяно-русскій князь (или старѣйшина, а по одному варіанту первый новгор. посадникъ), по преданію сравнительно очень поздняго происхожденія (XVI в.) основавшій Великій Новгородъ и правившій въ немъ до призванія варяговъ; самое призваніе Рюрика съ братьями состоялось, какъ гласитъ легенда, по указанію Г.

Гостынинъ, уѣздн. гор. Варшавской губ. на р. Скрвѣ. 6.757 ж.; въ бывш. здѣсь замкѣ ум. Василій Шуйскій (1612).

Гостынскій уѣздъ находится въ сѣв.-зап. части Варшавск. губ., граничитъ съ Плоцкой губ. Занимаетъ пространство въ 1.053,7 кв. в. Мѣстность ровная, орошается р. Вислой. Къ началу 1911 г. населенія считалось 105,6 т. чел. (100,2 чел. на 1 кв. в.), въ т. ч. 18,1 т. чел. городск., а по переписи 1897 г.—81,3 т. чел. Главное населеніе—поляки (77,9%), значительную часть составляютъ нѣмцы (14,4%) и евреи (6,9%); русскіе—1,4%. Грамотное населеніе—26,2%. Главное занятіе насел.—землед., фабрично-заводская промышленность развита довольно значительно, побочные промыслы—слабо. Надѣльное землевладѣніе составляетъ около 40% всей площади уѣзда, частное землевлад.—около $^1/_2$ всей площади.

Гость, древнерусскій терминъ, употреблявшійся (уже въ X в.) для обозначенія купца, иностранца или своего, торговавшаго въ разъѣздъ—странствующаго купца („гостить"—торговать, пріѣзжать для торговли; „гостьба" — торговля; особенно интересно значеніе производнаго термина отъ того же корня—„погостъ", *см.*). Въ извѣстныхъ случаяхъ поэтому памятники безразлично упоминаютъ наряду „купцовъ" и „гостей". Съ конца XVI в. начинается обособленіе высшаго слоя торговаго класса — Г. Чинъ Г., „гостинное имя" (съ грамотой за красной печатью), жалуется московскимъ правительствомъ этого времени за усердную службу торговыхъ людей по сборамъ въ таможенныхъ и кружечныхъ дворахъ (кабакахъ) и у соболиной казны; въ царскомъ Судебникѣ „гостемъ болшимъ" за безчестье полагается „50 рублевъ" противъ другихъ торговыхъ людей „середнихъ", которымъ положено за то же лишь „5 рублевъ". По отношенію къ землевладѣнію Г. приравниваются къ служилымъ людямъ и такъ же, какъ они, имѣютъ право владѣть вотчинами (но съ 1666 г. они не могли покупать вотчинъ и брать ихъ въ закладъ безъ разрѣшенія государя); наконецъ, жалованными грамотами могли даваться и другія привилегіи Г., — въ видѣ свободы отъ постоя, исключит. подсудности царю „или кому повелитъ судить" и проч. Подобныя привилегіи являлись, однако, лишь очень слабой компенсаціей за ту тяжелую службу, которая стала съ этого же времени налагаться моск. правительствомъ на Г. Они являлись передъ правительствомъ лицами, отвѣтственными за правильность поступленія казенныхъ доходовъ, а такая отвѣтственность не только препятствовала благополучному веденію ихъ собствен-

ныхъ торговыхъ дѣлъ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ могла угрожать имъ даже полнымъ разореніемъ. — Названіе Г., какъ особаго чина торговыхъ людей, исчезаетъ съ осуществленіемъ реорганизаціи торгово-промышленнаго населенія городовъ при Петрѣ I.

Государственная, станица Терской обл., пятигорск. отд., 5.810 ж.

Государственная власть представляетъ собой, наряду съ понятіемъ населенія и территоріи, одно изъ важнѣйшихъ политическихъ понятій, входящихъ въ составъ идеи государства. Какъ всякое идеологическое понятіе, созданное въ цѣляхъ организаціи человѣческаго общежитія, Г. в. не представляетъ собой чего-нибудь твердаго и неизмѣннаго. И будемъ ли мы опредѣлять Г. в. какъ идею, которая еще только подлежитъ осуществленію на практикѣ въ массовомъ поведеніи людей, или какъ норму, которая, будучи уже на дѣлѣ примѣнена, обнаружила, т. обр., свое существованіе въ коллективномъ дѣйствіи людей, мы должны притти къ одинаковымъ результатамъ: во всякомъ государствѣ Г. в. совершенно иначе сознается и проводится на практикѣ спеціалистами государственнаго дѣла, юристами и политиками, и массой населенія; каждое особое направленіе въ наукѣ понимаетъ Г. в. иначе, чѣмъ другое; каждая политическая партія и соціальная группа населенія склонна вкладывать въ понятіе Г. в. разное содержаніе, и даже одна и та же соціальная группа въ разное время способна понимать Г. в., формулировать ее въ теоріи и проводить на практикѣ различно, смотря по практическимъ потребностямъ времени и мѣста. Само собою разумѣется, что, будучи лишь организаціонной идеей политическаго поведенія людей, Г. в. не только обусловлена чувствами, настроеніями, убѣжденіями и стремленіями людей, но черезъ посредство коллективной психики той или иной группы является необходимымъ результатомъ хозяйственныхъ условій среды и особенно ея классовыхъ отношеній. Въ историческомъ развитіи Г. в. можно различить нѣсколько ея особенно устойчивыхъ типовъ, которые имѣютъ свое выраженіе не только въ исторіи политическихъ ученій, но и въ практической дѣятельности исторически извѣстныхъ общественныхъ группъ. Таковыхъ можно различить четыре основныхъ вида: 1) Г. в. теократическаго типа, 2) Г. в. феодально-романтическаго типа, 3) Г. в. раціоналистическаго типа и 4) Г. в. трудового типа.

1. *Г. в. теократическаго типа* встрѣчается весьма рано и повсемѣстно въ исторіи и основывается на представленіи объ отношеніяхъ человѣка къ божеству или богамъ. Такого рода представленія свойственны всякой отсталой средѣ, находящейся въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, гдѣ человѣкъ не только не имѣетъ никакой власти надъ природой, но, наоборотъ, является игрушкой ея стихійныхъ силъ. Изолированное сознаніе отдѣльныхъ человѣческихъ группъ, подверженныхъ всѣмъ случайностямъ естественныхъ условій, олицетворяетъ силы природы и пробуетъ вліять на нихъ при помощи мистическаго чувства и магическихъ средствъ. Жизненные интересы человѣка требуютъ отвращенія злыхъ вліяній боговъ и привлеченія помощи и поддержки добрыхъ. Это своего рода мистическая техника, которая должна обезпечить человѣку здоровье, жизнь, удачу на охотѣ и въ промыслахъ, хорошую погоду, урожай и т. п. Отсюда появленіе функцій жреца, который умилостивляетъ боговъ при помощи поста, молитвъ и жертвъ; мага или волшебника, чудотворца, обладающаго знаніями т. называемой тайной науки, умѣющаго покорить себѣ бога или противоставить одного бога другому; пророка и прорицателя, ясновидца, предвидящаго будущее и способнаго всегда навѣрное сказать, будетъ ли удачно то или иное предпріятіе. Всѣ эти функціи иногда совпадаютъ въ одномъ лицѣ, иногда же имѣютъ отдѣльныхъ представителей.

По отношенію къ такому лицу естественно развивается страхъ и почтеніе, желаніе его умилостивить или пріобрѣсти его помощь и поддержку. Это почтеніе заставляетъ приписывать боговдохновенному лицу власть, которая въ идеѣ не имѣетъ земного происхожденія. Такая власть называется религіозной; она до настоящаго времени

принадлежитъ въ глазахъ вѣрующихъ жрецамъ и священникамъ различныхъ религій. Но въ обоснованіи Г. в. религія впервые тогда достигаетъ рѣшающаго значенія, когда она сама принимаетъ соціальную программу и становится идеологіей борющихся классовъ. Съ начала своей тысячелѣтней исторіи крестьянскія массы въ силу самыхъ условій своего быта всегда были особенно склонны къ религіозному выраженію своихъ требованій. Естественно поэтому, что, когда въ той или иной странѣ положеніе крестьянства ухудшалось подъ вліяніемъ эксплуатаціи, особенно же при паденіи стараго родового быта и общиннаго хозяйства, и возникали возстанія крестьянъ, аграрные бунты и погромы ростовщиковъ, то соціальная программа принимала характеръ религіознаго ученія. Такое явленіе мы встрѣчаемъ, напр., въ древней Іудеѣ въ эпоху царей, когда появленіе денежнаго капитала разложило старыя патріархальныя отношенія племеннаго землевладѣнія, повело къ образованію крупнаго землевладѣнія и создало невыносимый гнетъ задолженности и долгового рабства. То же мы находимъ въ древней Элладѣ въ VII в. до Р. Хр., когда переходъ евпатридовъ къ денежному хозяйству сопровождался крупными столкновеніями, перешедшими впослѣдствіи въ классовую борьбу демоса и олигархіи. Подобнымъ же характеромъ отмѣчено аграрное движеніе Рима, выразившееся не только въ движеніи Гракховъ, но и легшее въ основу всей первоначальной борьбы патриціевъ съ плебеями, а впослѣдствіи—соціальной политики цезарей. Вездѣ почти въ этихъ случаяхъ, какъ это впослѣдствіи повторилось въ христіанской Европѣ при великихъ и малыхъ крестьянскихъ войнахъ и бунтахъ въ Италіи, Франціи, Англіи и Германіи,—возстаніе крестьянъ сопровождалось и воскрешеніемъ религіозно-мессіанской идеи, основанной на представленіи потеряннаго золотого вѣка, пришествія Мессіи на землю и возстановленія на землѣ особаго царства Божія, которое должно воплотить въ себѣ всѣ чаянія, всѣ мечты обездоленнаго крестьянскаго люда.

Идея золотого вѣка или потеряннаго рая является излюбленной миѳологической формой для соціальныхъ требованій крестьянства, смотрящаго больше назадъ, чѣмъ впередъ. Уже у древнихъ евреевъ находимъ мы живое преданіе о потерянномъ раѣ, гдѣ не было ни собственности, ни труда, ни власти, ни государства, но свободные люди пользовались безмятежнымъ счастьемъ среди щедро дарящей природы. У древнихъ эллиновъ эта идея принимаетъ форму сказаній о царствѣ Кроноса, когда властвовала на землѣ Дѣва-Правда, былъ невозмутимый миръ, а природа сама приносила человѣку все нужное въ изобиліи. Это царство характеризуется также отсутствіемъ государства и собственности. Римляне не только создали преданіе о Сатурновомъ вѣкѣ, гдѣ человѣкъ пользовался полнѣйшимъ равенствомъ, свободой и довольствомъ при совершенномъ отсутствіи государства, но и праздновали т. н. сатурналіи, дни, во время которыхъ прекращалось дѣйствіе власти, и даже рабы считались равными господамъ. Мечта о потерянномъ и возвращенномъ раѣ была воспринята и христіанствомъ, при чемъ такимъ раемъ должно было быть царство Божіе на землѣ, а нѣкоторыя секты согласно еврейскимъ преданіямъ ожидали, что передъ вторымъ пришествіемъ Спасителя должно еще въ теченіе тысячи лѣтъ цвѣсти на землѣ райское блаженство. Идея такого райскаго состоянія, опираясь еще на германскую миѳологію, укрѣпилась чрезвычайно сильно среди народныхъ массъ, и рай сталъ сопровождающей идеей всѣхъ крупныхъ міровыхъ религій, которыя желали быть выраженіемъ стремленій трудовыхъ массъ. И если религіи стали однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ организаціи Г. в., то какъ разъ идея соціальнаго рая стала основаніемъ для развитія ея различныхъ формъ. Въ этомъ отношеніи можно различать теократическую общину, теократическую аристократію, или іерократію, и мессіанское царство, или теократическую деспотію.

Идеологія *общинной теократіи* получила развитіе у евреевъ такъ же, какъ у христіанскихъ сектантовъ и протестантовъ какъ мистическаго, такъ и раціоналистическаго типа. Такая идео-

логія выходитъ изъ признанія непосредственной связи между вѣрующими и Богомъ. Эта связь ослаблена благодаря грѣху, но всегда можетъ быть возстановлена посредствомъ вѣры и мистическаго сліянія съ Богомъ или посредствомъ разумнаго постиженія и соблюденія закона. Достиженіе царства Божія на землѣ и установленіе на ней рая сводится, такимъ образомъ, къ коллективному дѣйствію самихъ людей; при этомъ предполагается, что стоитъ лишь людямъ дѣйствительно захотѣть въ своей душѣ стать праведными, и они это могутъ немедленно осуществить путемъ отказа отъ собственности и государства съ замѣною существующаго строя братской религіозной общиной на основахъ коммунистическаго хозяйства. Такой характеръ имѣли организаціи ессеевъ среди еврейскихъ сектъ, а также христіанскія секты коммунистическаго типа, начиная съ самыхъ раннихъ и кончая современнымъ толстовствомъ. Болѣе умѣреннаго типа были организаціи религіозной демократіи, признающей существованіе собственности. Таковы были общины англійскаго революціоннаго сектантства, объединеннаго подъ знаменемъ Кромвеля, перенесенныя впослѣдствіи въ Сѣверную Америку; таковы были и религіозныя демократіи Кальвина и Цвингли у швейцарскихъ, а затѣмъ у нѣмецкихъ, голландскихъ, чешскихъ и шотландскихъ протестантовъ. У господствующей церкви римскаго и греческаго типа общинный характеръ былъ свойственъ лишь самой первоначальной организаціи, до появленія привилегированныхъ епископата и священства, устранившихъ изъ общины господство свободнаго пророчества такъ же, какъ идею всеобщаго священства. Г. в., основанная на представленіи религіозной демократіи, отличается той особенностью, что здѣсь въ каждомъ актѣ общины видятъ не актъ большинства согласныхъ между собой индивидуальныхъ воль, но выраженіе единой воли самой общины, которая, въ свою очередь, является лишь избраннымъ сосудомъ божества. Такимъ образомъ, происходитъ мистическое превращеніе воли большинства въ волю самого Бога, а каждый членъ самой общины, въ особенности же ея выборныя должностныя лица, оказываются дѣйствующими не по своей волѣ или волѣ уполномочившаго ихъ большинства, но непосредственными носителями божественной воли и ея слугами. Вполнѣ естественно, далѣе, что права каждаго вѣрующаго въ составѣ общины получаютъ также неотчуждаемый мистическій характеръ и потому не подлежатъ чужому произвольному распоряженію или ограниченію. Основнымъ закономъ мистической или религіозной демократіи такъ же, какъ источникомъ ея Г. в., обыкновенно является писанный откровенный законъ, величайшимъ образцомъ коего является Св. Писаніе, сыгравшее роль писанной конституціи не только для еврейскаго государства, но и для христіанскихъ республикъ протестантской эпохи. Идеи мистической демократіи для своего пониманія и осуществленія требовали довольно высокаго уровня нравственнаго и политическаго развитія и поэтому обыкновенно находили особенно благопріятную почву или среди болѣе состоятельныхъ крестьянскихъ круговъ общиннаго уклада, среди горныхъ крестьянъ-старателей, или же среди городского населенія той старой эпохи, когда города еще въ значительной степени состояли изъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, чуждыхъ требованіямъ и жизни широкаго и свободнаго торговаго рынка. Главными носителями идеи Г. в., основанной на идеѣ народа Божьяго, республики святыхъ или избраннаго народа, были послѣ древнихъ евреевъ—съ ихъ интенсивнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ — виноградари, собственники маслинъ и полей южной Франціи и сѣверной Италіи, шерстобиты и ткачи Голландіи, рудокопы, крестьяне и ремесленники Саксоніи, Вестфаліи, Чехіи и т. д. Въ Россіи свободное развитіе мистическаго и особенно раціоналистическаго сектантства несетъ съ собой и необходимое распространеніе идей духовнаго братства и народа Божьяго, какъ носителя Г. в.

Однако, господствующимъ среди широкихъ народныхъ массъ оказалось не это теченіе, требующее для своего расцвѣта высокой культурной подго-

товки. Въ исторіи духовная демократія оказалась почти вездѣ вытѣсненной *идеей Г. в., основанной на привилегіи жречества и священства.* Обосновывается эта идея слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, признается существованіе первоначальнаго рая; но этотъ рай не долженъ возродиться въ своемъ земномъ видѣ; его долженъ смѣнить рай высшій, лучшій, устроенный на небесахъ; магометанство представляетъ его себѣ въ видѣ улучшеннаго чувственнаго рая; такъ же представляло его себѣ средневѣковое христіанство, такимъ же его рисуютъ себѣ наиболѣе отсталые круги современнаго общества. Во всякомъ случаѣ рай изображается какъ состояніе вѣчнаго, ничѣмъ не возмутимаго, блаженнаго состоянія на небесахъ. Входъ въ рай, однако, доступенъ не всякому вѣрующему. Въ рай допускаются лишь тѣ умершіе, которые на землѣ обезпечиваютъ себѣ доступъ къ небесному блаженству. Это послѣднее пріобрѣтается только отчасти личными заслугами вѣрующаго, т. к. грѣхъ прародителей признается переходящимъ на послѣдующія поколѣнія и требующимъ для спасенія непремѣнно еще особаго чуднаго воздѣйствія. Но если люди были изгнаны изъ рая вслѣдствіе грѣхопаденія, то самъ Богъ послалъ имъ искупителя; идея искупленія грѣха или наказанія одного, лучшаго и высшаго, вмѣсто другого, грѣшнаго и худшаго, свойственна одинаково всѣмъ миѳологіямъ. У древнихъ грековъ такимъ искупителемъ является сначала Гераклъ, а затѣмъ дельфійскій Аполлонъ, у германцевъ—Зигфридъ и т. д.; жертва, принесенная искупителемъ, затѣмъ поступаетъ въ распоряженіе жрецовъ, которыхъ искупитель снабжаетъ особой, чудесной, только имъ присущей силой прощенія грѣховъ. У древнихъ евреевъ искупительной жертвой были первенцы людей, которыхъ замѣнили животныя. Въ христіанствѣ идея искупленія достигла величайшаго развитія, и здѣсь въ особомъ таинствѣ Евхаристіи каждодневно приносится жертва за все грѣшное человѣчество. Какъ разъ при помощи Евхаристіи выдвинулось въ христіанствѣ особое сословіе священниковъ и епископовъ, которымъ дарованы исключительные дары благодати и право распоряженія тѣломъ и кровью Искупителя; только священники обладаютъ правомъ связывать и разрѣшать, иначе—допускать людей въ рай и осуждать ихъ на безконечныя посмертныя муки. Отсюда и различеніе закона естественной добродѣтели и особыхъ подвиговъ, жертвъ, обрядовъ, молитвъ и тѣлодвиженій, которыя спеціально нужны для полученія при помощи священниковъ очищенія отъ первороднаго грѣха и права доступа въ небесное райское царство. Природа и спасеніе, тѣло и духъ, естественное и святое противополагаются и доходятъ до полнаго взаимнаго отрицанія. Но чѣмъ меньше нужна для спасенія естественная добродѣтель, а на первый планъ выдвигается самоумерщвленіе и аскеза, тѣмъ больше возрастаетъ сила и власть священства, которая заканчивается установленіемъ *іерократіи*, или *теократической аристократіи.* Такой процессъ образованія жреческаго государства мы можемъ прослѣдить въ особенности на исторіи римскаго католичества и папскаго государства. Г. в. производится здѣсь непосредственно отъ Бога, передается по преемству отъ Христа и апостоловъ, при чемъ именно священству присвояется и духовная, и свѣтская власть, которая сосредоточивается въ рукахъ выборнаго монарха, папы, какъ намѣстника Бога на землѣ, и уже папой передается въ своей свѣтской части мірскимъ властямъ. Стоящіе внѣ клира міряне признаются лишь подданными монарха-папы и пассивными членами церкви. Только путемъ крупныхъ матеріальныхъ и моральныхъ жертвъ въ пользу клира міряне получаютъ доступъ въ царство небесное. Писанная конституція Библіи, бывшая единственной основой всей организаціи духовной демократіи, здѣсь смѣняется совмѣстнымъ признаніемъ и церковнаго преданія, и Св. Писанія въ качествѣ источниковъ догмы и дисциплины. Другими словами, въ качествѣ нормы фигурируютъ рядомъ съ Библіей обычай и обычное право. Клиръ принимаетъ на себя осуществленіе ряда соціальныхъ задачъ, которыя еще до

наступленія царства небеснаго должны приблизить людей къ блаженному состоянію и облегчить имъ земную жизнь. При помощи молитвъ и чудесъ, совершаемыхъ чудотворными мощами, иконами и другими предметами, клиръ излѣчиваетъ болѣзни, предотвращаетъ эпидеміи и стихійныя бѣдствія и прекращаетъ ихъ. Молитвами клира оказывается помощь воюющимъ сторонамъ, и сверхъестественныя силы даютъ побѣду освященному оружію, чудотворнымъ знаменіямъ и крестамъ. Наконецъ, по молитвамъ клира свыше посылается преуспѣяніе посѣвамъ и начинаніямъ, земледѣлію и промысламъ, при его помощи распредѣляется милостыня и облегчается нужда, поддерживаются слабые, въ особенности же сироты, старцы и вдовы. Такая дѣятельность клира выдвигаетъ его на первый планъ политической жизни не одного средневѣковья, и мы даже въ наше время видимъ, какъ громадно вліяніе духовенства въ широкихъ кругахъ европейскаго крестьянства, какъ мощны еще политическія партіи клерикализма и сильны его соціальныя организаціи въ родѣ крестьянскихъ союзовъ, профессіональныхъ рабочихъ организацій и всевозможныхъ ассоціацій на просвѣтительной и экономической почвѣ.

Неудивительно поэтому, что именно у духовенства, у папы и его Г. в. искали обоснованія своей власти и свѣтскіе монархи древней и новой Европы. У монархическаго принципа было, впрочемъ, и самостоятельное теократическое обоснованіе. Такимъ надо считать идею мессіанства. Уже на древнемъ Востокѣ царь являлся въ видѣ божественнаго посланника, одареннаго волшебной силой, который долженъ водворить на землѣ господство правды и счастья, защитить обездоленныхъ, насытить алчущихъ, исцѣлить страждущихъ, утѣшить плачущихъ. Въ кодексѣ вавилонскаго царя Гаммураби мы находимъ за 23 вѣка до Р. Х. именно такой образъ „царя правды“. Неудивительно, что древніе евреи съ особенной любовью обращались къ образу мессіи во времена соціальнаго разложенія подъ гнетомъ хищнаго денежнаго капитала или въ эпохи чужеземнаго нашествія и порабощенія. Пророки, бывшіе вождями народныхъ еврейскихъ массъ, съ особенной яркостью провозгласили пришествіе великаго царя, который уничтожитъ всякую неправду на землѣ, освободитъ порабощенныхъ, накормитъ голодныхъ, накажетъ угнетателей и по завоеваніи всего міра сдѣлаетъ свой народъ властителемъ вселенной. И тогда опять настанетъ вѣчный миръ на землѣ и невозмутимое счастье. Сама природа станетъ какъ въ раю и дастъ человѣку безъ труда всѣ свои лучшіе дары. И такія мессіанскія ожиданія были свойственны далеко не однимъ евреямъ.

При заключеніи компромисса между церковью и римской имперіей однимъ изъ условій, на которомъ состоялось соглашеніе, было освященіе языческой власти кесарей при помощи христіанскаго помазанія. По византійскому церковному пониманію императоры входили въ составъ церкви въ качествѣ первенствующаго члена съ особыми дарами благодати, которые сообщали имъ нѣчто въ родѣ апостольскаго или евангельскаго духа и дѣлали ихъ своего рода уполномоченными и посланниками небеснаго помазанника (Христосъ и значитъ помазанникъ). Съ этихъ поръ свѣтская власть старается всѣми силами опереться на божественное освященіе, принимаетъ епископскую формулу „Божіей милостью“ и домогается церковныхъ титуловъ въ родѣ „защитникъ вѣры“, „христіаннѣйшій“, „апостольскій“, „весьма католическій“ и т. п. Нѣкоторымъ королямъ приписывается даже даръ чудотворенія, и до послѣднихъ временъ и французскій, и англійскій короли совершали исцѣленія отъ золотухи при помощи возложенія рукъ. Разгорѣвшаяся между римскимъ папствомъ и германской имперіей борьба за власть точно также произошла на почвѣ спора о томъ, кто обладаетъ властью по непосредственному божескому произволенію—императоры или только одни папы? И подобное же развитіе мы находимъ въ странахъ нехристіанскихъ: у арабовъ и турокъ, гдѣ политическая власть приняла характеръ спеціальнаго посланничества со стороны Аллаха и его пророка Ма-

гомета, и на дальнемъ Востокѣ, гдѣ въ Китаѣ богдыханъ сталъ сыномъ неба, а въ Японіи—потомкомъ богини Аматерасу, при чемъ и у японцевъ мы находимъ аналогичную западной борьбу между свѣтской властью шогуна и духовной—микадо—также наподобіе борьбы императоровъ и папъ. Понятно отсюда, что, когда національные короли Запада стали впервые самостоятельными, они не только захватили власть надъ церковью, находящейся въ ихъ предѣлахъ, но и обосновали свою новую абсолютную власть—суверенитетъ—особыми божественными полномочіями, провозгласили себя земными богами, а повиновеніе Богу замѣнили повиновеніемъ ихъ собственной самодержавной власти. Только такимъ путемъ абсолютные государи новой эпохи могли оправдать свою безграничную власть надъ своими подданными. И если государи нарушили всѣ старыя пріобрѣтенныя подданными вольности и права, отвергли дѣдовскіе обычаи, наложили руку безъ согласія подданныхъ на ихъ имущество, честь и самую жизнь, то позволить себѣ это они могли только въ виду велѣній всемогущаго Провидѣнія и ради столь высокихъ цѣлей, какъ спасеніе души и земное блаженство врученныхъ имъ Богомъ людей. Громадность власти соотвѣтствуетъ здѣсь величію задачъ. И только передъ Богомъ чувствуютъ свою отвѣтственность самодержцы и Его законъ считаютъ для себя обязательнымъ. Земное же законодательство переходитъ цѣликомъ въ руки абсолютныхъ правителей и при томъ безразлично въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Сама церковь подчиняется свѣтской власти и входитъ въ составъ общаго полицейскаго режима. Вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтскіе правители поддерживаютъ всѣми силами принужденія единство государственной религіи. Такъ создается Г. в. теократической монархіи и воплощается въ правовѣрномъ царствѣ мессіанскій идеалъ.

Важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ этого процесса является понятіе *суверенитета*, которое затѣмъ принимаетъ свѣтскій характеръ и переносится послѣдовательно съ особы монарха на понятіе государства, націи или даже народа. Идея Г. в. какъ верховной, единой и нераздѣльной воли, проникающей сверху до низу всю организацію государства, сосредоточенной въ одномъ какомъ-нибудь высшемъ органѣ, есть не больше и не меньше какъ перенесеніе понятія божественной воли, выражающейся въ церкви и ея органахъ, на государство, на его волю и его органы. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторые писатели справедливо говорятъ о мистицизмѣ даже современной государственности. Ученіе о неограниченномъ, абсолютномъ характерѣ государственнаго суверенитета цѣликомъ проникнуто такимъ мистицизмомъ и проповѣдуетъ вслѣдствіе того непреодолимость Г. в. и полную беззащитность подданнаго противъ велѣній государственнаго чудовища. Однако, теократическое воззрѣніе на государство выработало и противоядіе противъ обожанія Г. в. Когда духовная демократія сектантства столкнулась съ іерократіей Рима и съ духовной полиціей „христіаннѣйшаго“ царства, то она выставила противъ божественной власти папъ и королей свое, столь же божественное, неотчуждаемое и абсолютное право, а именно—право свободы вѣроисповѣданія. Это право, будучи само священнаго происхожденія, одно могло въ дѣйствительности и принципіально ограничить не власть одного какого-нибудь госуд. органа, но власть государства, какъ такового, съ его священными и верховными правами. Съ другой стороны, и церковь, опираясь на свое небесное происхожденіе и на волю своего божественнаго Основателя, не могла подчиниться государству, какъ сосредоточію высшей власти на землѣ. Для католической церкви, во всякомъ случаѣ, остался навсегда обязательнымъ завѣтъ служить Богу больше, чѣмъ человѣку. Отсюда для абсолютной Г. в. вытекло новое ограниченіе и необходимость нѣкотораго компромисса.

Такимъ образомъ, Г. в. теократическаго типа оказалась ограниченной съ двухъ сторонъ, со стороны автономной церкви и религіозной совѣсти. Этимъ путемъ произошло нарушеніе прин-

ципа государственнаго верховенства, при чемъ его единство и общеобязательность были спасены лишь тѣмъ, что государство формально сдѣлало соотвѣтственныя уступки, принявъ фикцію добровольнаго самоограниченія во имя своихъ собственныхъ началъ. Это, однако, привело къ противорѣчію, т. к. божественный авторитетъ оказался противопоставленнымъ таковому же авторитету церкви и вѣрующей личности. Разрѣшается этотъ идейный конфликтъ въ пониманіи государства только съ отказомъ отъ теократической теоріи, къ которой принадлежитъ и теорія абсолютнаго суверенитета монарха, государства или народа.

2. *Г. в. феодально-романтическаго* типа имѣетъ нѣсколько основныхъ формъ. Въ идеологическомъ смыслѣ у нихъ есть то общее, что власть основывается здѣсь не на божественномъ полномочіи, а на личныхъ свойствахъ властвующаго класса. Античные мыслители опредѣляли такую Г. в. какъ основанную на „достоинствѣ", что совершенно вѣрно характеризуетъ ея идеологическій смыслъ. Подобное достоинство есть вмѣстѣ съ тѣмъ признакъ соціальнаго вѣса и общественной полезности властвующихъ. И если Г. в. теократическаго характера оправдываетъ свое существованіе своей ролью въ дѣлѣ установленія крестьянскаго рая, то феодально-вотчинное „достоинство" должно быть средствомъ для защиты подданныхъ, обезпеченія имъ вольностей и правъ, охраны ихъ безопасности и хозяйственнаго владѣнія; моральный характеръ Г. в. придаетъ здѣсь добродѣтель и доблесть властвующихъ, такъ что, служа своимъ господамъ и властителямъ, каждый рабъ, крѣпостной, слуга или низшій служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшему проявленію человѣческаго духа, воплощеннаго въ господахъ, содѣйствуетъ красотѣ и силѣ, совершенству и утонченности высшей человѣческой породы. Такое „достоинство" можетъ, прежде всего, опредѣляться старшинствомъ, возрастомъ и съ ними связанными мудростью и опытомъ. Развитіе патріархальной семьи вмѣстѣ съ переходомъ къ скотоводству даетъ типичную организацію *старѣйшинства*. Скотоводство требуетъ единства въ руководствѣ трудомъ многочисленныхъ родственниковъ, развиваетъ дисциплину коллективнаго дѣйствія, развиваетъ ловкость, мужество и силу. Положеніе вожака и предводителя стадъ получаетъ громадное хозяйственное значеніе, размноженіе стадъ и отдача ихъ въ наемъ изъ приплода открываютъ возможность чрезвычайнаго накопленія богатства, многоженство и рабство умножаютъ число подвластныхъ родовому владыкѣ людей. При переходѣ къ земледѣлію и образованіи сначала родовой, а затѣмъ и земледѣльческой общины остается не только родовая власть, но и аристократія крупныхъ и сильныхъ владѣльцевъ. Каждый родъ со своимъ очагомъ и патріархомъ образуетъ органическое цѣлое, въ основѣ котораго лежитъ не только общее владѣніе имуществомъ, но и родовая связь, дополненная пріемышами, кліентами и рабами. Власть принадлежитъ „отцамъ", имѣетъ семейный характеръ и выражается въ распоряженіи не только имуществомъ и трудомъ домочадцевъ, но и ихъ личностью и жизнью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на старшемъ лежитъ обязанность опеки, попеченія, помощи и защиты по отношенію къ младшимъ. Когда происходитъ раздѣленіе лучшихъ, наиболѣе властныхъ и богатыхъ родовъ, а съ другой стороны, среднихъ и худшихъ, бѣднѣйшихъ и слабѣйшихъ, то отношенія зависимости между ними опять-таки принимаютъ характеръ родовой власти, при чемъ сильнѣйшіе занимаютъ мѣсто отцовъ, лучшихъ и достойнѣйшихъ, а слабѣйшіе нисходятъ на положеніе подопечныхъ, дѣтей или кліентовъ, обязанныхъ отцамъ не только почтеніемъ, но также и работой, приношеніями и дарами. Такъ отношенія экономической зависимости получаютъ видъ и форму родовой, патріархальной связи, образуется іерархія родовъ, а иногда во главѣ ихъ всѣхъ становится какой-нибудь особенно выдающійся родъ, глава котораго и присваиваетъ себѣ права и власть всеобщаго и самаго старшаго патріарха, царя и отца. Такъ Г. в. получаетъ отеческій родовой характеръ, и связи сыновняго послушанія, любви и вѣрности объеди-

няютъ ея носителя съ подвластными въ особый организмъ, который проникнутъ семейной моралью и сплачиваетъ своихъ сочленовъ узами родственной близости и братства.

Такой родовой и вмѣстѣ патріархальный строй мы находимъ у всѣхъ народовъ въ періодъ ихъ кочевого быта и начальной стадіи быта земледѣльческаго (общиннаго). Патріарховъ Библія изображаетъ и у древнихъ евреевъ. У древнихъ грековъ мы видимъ, съ одной стороны, роды благородные—евпатридовъ и спартіатовъ, а съ другой—подвластные имъ роды свободныхъ, а иногда и неполноправныхъ метойковъ и періойковъ. У римлянъ рано выступаетъ противоположность отцовъ, или патриціевъ, и плебеевъ, связанныхъ тѣмъ не менѣе въ одинъ организмъ. У кельтовъ, германцевъ, арабовъ, японцевъ и славянъ находимъ мы ту же противоположность лучшихъ и худшихъ людей, при чемъ послѣдніе относятся къ первымъ какъ къ отцамъ, старѣйшимъ и высшимъ и находятся у нихъ въ зависимости и подчиненіи. Изъ трехъ элементовъ родовой организаціи—собранія всѣхъ родственниковъ, или членовъ родовой общины, совѣта старѣйшинъ и патріархальной власти главы старшаго рода—обыкновенно преобладаніе получаетъ второй и придаетъ родовой организаціи аристократическій характеръ, дополняемый чрезвычайнымъ развитіемъ традиціи и обычнаго права. Жреческія, военныя и особенно судебныя функціи становятся наслѣдственной привилегіей старшихъ родовъ, и они же монополизируютъ въ своихъ рукахъ познаніе и толкованіе таинственныхъ формулъ культа и права. Наслѣдственность передачи общественнаго положенія и политическихъ функцій ведетъ къ мысли о наслѣдственности доблести и дарованій, мудрости и опыта. Недаромъ въ Индіи маленькій браминъ считается отцомъ взрослаго члена касты воиновъ или кшатріи. Отсюда естественный выводъ о различіи породъ и крови у властвующихъ и подвластныхъ такъ же, какъ и прирожденной способности властвованія и подчиненности. Такъ образуются, между прочимъ, и наслѣдственныя дворянскія права, и династическія привилегіи въ владѣтельныхъ семьяхъ; достоинство старѣйшинства и мудрости, связанной съ лѣтами, становится достоинствомъ крови, а вмѣстѣ съ ней расы и породы. Этимъ обосновывается въ особенности наслѣдственная монархія опредѣленнаго царствующаго рода (династіи) и ея Г. в. И въ настоящее время, несмотря на паденіе родового начала въ среднихъ и низшихъ общественныхъ слояхъ, династіи и высшее дворянство придерживаются строгой родовой и патріархальной организаціи. Самъ государь почитается отцомъ своихъ подданныхъ, и этимъ объясняются такія явленія, какъ участіе подданныхъ во всѣхъ семейныхъ происшествіяхъ въ царствующемъ домѣ, при чемъ подданнымъ сообщается о нихъ особыми манифестами. Династическій родъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится внѣ другихъ государственныхъ органовъ и надъ ними. Семейные или фамильные законы издаются большей частью автономной династіей въ лицѣ главы семьи или общаго собранія родственниковъ. Сама Г. в. при этомъ почитается пріобрѣтенной отъ перваго родоначальника, какъ перваго ея обладателя. Само собой разумѣется, что обоснованіе Г. в. и подданства путемъ искусственнаго распространенія чувствъ родственной любви и преданности, такъ же какъ отеческаго благоволенія, на широкія народныя массы исходитъ не отъ народа, а отъ властвующихъ круговъ и съ этой точки зрѣнія можетъ быть признано идеологіей родовой аристократіи.

Однако, не одинъ романтизмъ семейной связи даетъ идеологію власти родовой знати. Другимъ идеологическимъ элементомъ здѣсь является достоинство рыцаря или воина, стража (этотъ терминъ одинаково употребляется и въ Библіи, и у Платона, и у японцевъ), который мечемъ пріобрѣтаетъ себѣ и власть, и благосостояніе, и славу. Рядомъ съ родовой организаціей, поэтому, надо поставить военную среду какъ источникъ построенія Г. в. Военная среда, особенно того времени, когда личная храбрость, ловкость и сила были рѣшающимъ моментомъ въ битвѣ, отличается слѣдующими чер-

тами: общностью потребленія средствъ продовольствія и общимъ дѣлежомъ добычи сообразно заслугамъ каждаго; доступностью каждому высшихъ военныхъ степеней и отличій, т. к. воинская доблесть дѣлаетъ благороднымъ; договорнымъ характеромъ отношеній другъ къ другу такъ же, какъ къ предводителямъ, ибо всякій владѣющій мечомъ считается свободнымъ и только путемъ свободнаго соглашенія можетъ налагать на себя обязанности и ограниченія; идеализаціей силы и права меча такъ же, какъ военной борьбы,—идеализаціей, проявляющейся въ томъ, что сила почитается признакомъ и показателемъ истинной доблести, побѣда — знакомъ превосходства, а право—тогда лишь дѣйствительнымъ, когда за нимъ стоитъ сила.

Такъ выдвигается личность не какъ всегда себѣ равный естественный индивидъ, но какъ носительница различнаго достоинства, которое изъ каждой личности дѣлаетъ нѣчто оригинальное и своеобразное, имѣющее право на свое мѣсто въ мірѣ и обществѣ. Внѣшнимъ выраженіемъ такого достоинства является честь, что на нѣкоторыхъ языкахъ равнозначно имени или доброму имени; эта честь признается высшимъ сокровищемъ воина, потерять ее значитъ потерять и самую жизнь; отсюда дуэль и какъ Божій судъ, и какъ средство отмстить за поруганную честь; отсюда же и самоубійство опозореннаго; добровольно принятый на себя долгъ и вѣрность службы—становятся единственнымъ источникомъ іерархической связи. Къ доблести сильнаго очень рано присоединяется добродѣтель жалости и милосердія къ слабымъ, особая миссія въ дѣлѣ искорененія зла и насилія, защиты безпомощныхъ, увѣчныхъ и слабыхъ. Уже у древнихъ евреевъ встрѣчаемъ мы образъ воина, сильнаго и великодушнаго защитника. Въ эллинскомъ сознаніи этотъ образъ особенно идеализированъ Платономъ, который имѣлъ передъ собой не только критскіе и спартанскіе, но и персидскіе образцы. Арабская культура связала идею рыцарства съ посланничествомъ Ислама и дала обширнѣйшую организацію военнаго братства, провозгласившаго своей заповѣдью воздержаніе, отреченіе отъ поземельной собственности, доблесть, вѣрность и честь.

Европейскій феодализмъ создалъ институтъ рыцарства, самымъ позднимъ отраженіемъ котораго на дальнемъ Востокѣ являются японскіе самураи. Съ осѣданіемъ такого военнаго братства на территоріи завоеванной страны устанавливается т. н. феодальная система, которая состоитъ въ томъ, что основныя отношенія рыцарской вѣрности и службы начинаютъ охватывать всѣ стороны жизни. Владѣніе землей устанавливается какъ фондъ должностного вознагражденія; принципъ должности переносится на всѣ профессіи, все населеніе распредѣляется на братскія ассоціаціи съ особой честью въ составѣ общей іерархіи; всѣ отношенія устанавливаются договорами, подкрѣпляются мечемъ, и все общество проникается элементомъ безпрерывной борьбы. Такъ создается Г. в. феодальнаго періода, которая есть не что иное, какъ свободный авторитетъ высшаго достоинства или высшей чести, основанный на силѣ, связанный договорами и кулачнымъ правомъ, авторитетъ, который принадлежитъ лишь первому среди равныхъ; все общество—іерархическая пирамида „вполнѣ свободныхъ“, „свободныхъ“, „несвободныхъ“ и разнымъ образомъ связанныхъ людей и ихъ корпорацій и братствъ. И Г. в. здѣсь принадлежитъ каждой корпораціи и каждой личности, и постольку, поскольку у нея хватаетъ доблести и силы, чтобы завоевать себѣ свою „свободу“, свои вольности и права. Въ феодальномъ обществѣ Г. в. распыляется и дробится. Здѣсь каждый себѣ господинъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь Г. в. совершенно лишена абсолютнаго характера. И если Г. в. патріархальнаго типа связана отеческой моралью, то здѣсь она ограничена договоромъ и основанными на немъ вольностями подвластныхъ сюзерену вассаловъ. Такъ складывается Г. в. военно-романтическаго уклада, вполнѣ возможная тамъ, гдѣ страна разбита на самостоятельные хозяйственные центры, мало связанные другъ съ другомъ. Въ та-

кой странѣ ограниченная и связанная власть сюзерена-завоевателя можетъ быть первымъ звеномъ, соединяющимъ въ нѣчто цѣльное пестрый и разрозненный комплексъ общинъ, городовъ, профессіональныхъ и родовыхъ корпорацій, свободныхъ братствъ, отдѣльныхъ вотновъ съ ихъ дружинами и т. д. Съ другой стороны, каждая отдѣльная корпорація повторяетъ въ своей структурѣ военную организацію съ ея младшей дружиной и вѣчемъ, старшей дружиной и совѣтомъ начальниковъ и выборнымъ по общему правилу предводителемъ, являющимся лишь органомъ цѣлаго.

Феодализмъ далъ весьма много элементовъ для послѣдующаго развитія Г. в.; именно благодаря ему она получила характеръ власти надъ свободными людьми; власти, ограниченной чужими правами; власти, дѣйствующей чрезъ посредство самостоятельныхъ и независимыхъ должностей и самоуправляющихся, автономныхъ общинъ и корпорацій; именно феодализмъ узаконилъ право возстанія и революціи, право самозащиты населенія противъ тирановъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ Г. в. того рокового, мистическаго характера, которымъ она отличалась во многихъ восточныхъ деспотіяхъ. Самая сущность военно-феодальнаго строя дѣлала монархію весьма неустойчивой, и власть даже великихъ военныхъ завоевателей оказывалась эфемерной, разъ только „воинство“ не садилось на землю и не укоренялось въ качествѣ землевладѣльцевъ. Только вотчинный типъ Г. в. далъ очень крѣпкое и сильное положеніе „достоинству“ и „добродѣтели“ „лучшихъ“, которые при помощи именно такой идеологіи и закрѣпили свое классовое господство. Вотчинная идеологія въ основу личнаго достоинства полагаетъ поземельный, нетрудовой доходъ, который почитается единственно благороднымъ. Расцвѣтъ такой идеологіи приходится именно на то время, когда землевладѣлецъ, постепенно сокращая свое собственное хозяйство, переходитъ на оброкъ, доставляемый ему въ изобиліи зависимыми отъ него свободными и крѣпостными людьми. При условіяхъ натуральнаго хозяйства и ограниченнаго обмѣна поставляемые вотчиннику продукты даютъ ему возможность изобильной и богатой жизни безъ особеннаго напряженія крестьянскихъ силъ, и вотчинникъ переноситъ центръ тяжести въ свои судейскія, военныя или жреческія функціи. Благодаря богатству и досугу, особенно послѣ хотя бы временнаго пребыванія въ городѣ, такой владѣлецъ становится представителемъ своеобразной вотчинной культуры, воспринимаетъ рыцарскія черты, становится бариномъ, джентльменомъ, аристократомъ. Земля, какъ фондъ для питанія такой культуры, получаетъ особый характеръ, идеализируется, становится центромъ, къ которому примыкаетъ, которымъ опредѣляется и общественная полезность, и достоинство, и политическая власть, и подданство. И подобно тому, какъ къ землѣ прикрѣпляется честь и доблесть барина, точно такъ же прикрѣпляется къ ней и трудъ крестьянина, который закрѣпощается первоначально не личности барина, но именно его землѣ. При дальнѣйшемъ ходѣ экономической эволюціи отношенія между крѣпостнымъ и бариномъ измѣняются. Ростъ потребностей и денежное хозяйство сокращаютъ помощь и поддержку, которую оказываетъ крестьянину баринъ, и, наоборотъ, увеличиваютъ запросы барина къ труду и личности крестьянина. Вотчинное хозяйство изъ оброчнаго становится барщиннымъ и крѣпостническимъ; тамъ же, гдѣ оно благодаря своимъ размѣрамъ остается оброчнымъ, оно старается пріобрѣсти государственный, суверенный характеръ. Среди многихъ вотчинниковъ выдвигается одинъ крупный, который подавляетъ всѣхъ остальныхъ и старается захватить Г. в. въ то время, какъ остальные сосредоточиваютъ свои силы на все возрастающей эксплуатаціи своей собственности и прикрѣпленныхъ къ ней рабочихъ силъ. Такъ водворяется соглашеніе между всей массой вотчинныхъ владѣльцевъ, крѣпостниковъ, и главнымъ вотчинникомъ, или территоріальнымъ княземъ. Г. в. дѣлится между княжеской половиной, или опричниной, и вотчинной, или земщиной. Смотря по соотношенію силъ побѣждаетъ то земщина, то

опричнина, пока вотчинному князю не удастся сломить окончательно вотчинниковъ и обратить ихъ въ своихъ подданныхъ. Показателемъ силы массы вотчинниковъ служитъ значеніе ихъ представительства на сеймахъ, штатахъ или чинахъ, въ которыхъ и сосредоточивается управленіе земщины, пока она не превращается въ совѣщательный органъ при территоріальномъ государѣ, который свою патримоніальную, вотчинную власть превращаетъ въ самодержавную власть собственника надъ крѣпостными, холопами и рабами, на положеніе которыхъ нисходятъ всѣ остальные вотчинники. Дворъ государя, его конюшня, его спальня, его амбары становятся источниками госуд. учрежденій, его приказчики и слуги пріобрѣтаютъ госуд. характеръ, а крѣпость государю получаетъ видъ частной зависимости отъ его вотчинной власти. Такова Г. в. громадной вотчины, въ которую превращается государство, и она не чужда особой идеологіи. На первый планъ здѣсь выступаетъ понятіе хозяйства и державнаго хозяина, территоріи, какъ государевой собственности, холопской вѣрности слугъ и соблюденія княжескаго интереса. Единственной конституціей, которая связываетъ такую патримоніальную деспотію, является крѣпостничество, т. к. только цѣной поддержанія, сохраненія и расширенія крѣпостного права въ пользу частныхъ владѣльцевъ вотчинный государь пріобрѣтаетъ ихъ покорность и признаніе своихъ правъ. Разумѣется, Г. в. вотчинной монархіи простирается лишь на тѣхъ подданныхъ, которые не находятся въ чьемъ-либо частномъ владѣніи. Этимъ путемъ вся масса крѣпостного крестьянства за исключеніемъ государевыхъ крестьянъ остается внѣ непосредственнаго вѣдѣнія Г. в., которую для нихъ почти цѣликомъ замѣняетъ власть крѣпостниковъ-землевладѣльцевъ.

Типъ вотчинной монархіи и патримоніальной Г. в., болѣе или менѣе ограниченной сословнымъ представительствомъ „земли“, знакомъ не только всей западной и восточной Европѣ, но и значительной части азіатскихъ госуд. образованій. Будучи законнымъ преемникомъ феодальнаго порядка, вотчинный строй существовалъ вездѣ, гдѣ существовалъ и феодализмъ, начиная съ южной Европы и кончая Японіей. Заслугой вотчинной Г. в. является хозяйственное, финансовое и административное объединеніе государства и созданіе крѣпкой центральной власти. Ея порокомъ должно считать внѣгосударственное положеніе крестьянства, смѣшеніе частно- и публично-хозяйственныхъ интересовъ и крайне деспотическій характеръ Г. в., основанной на поземельной собственности. Понятіе госуд. территоріи создано вотчинной монархіей такъ же, какъ равенство подданныхъ въ ихъ общемъ закрѣпощеніи государю. Сводя воедино всѣ формы Г. в., основанной на „достоинствѣ“, мы видимъ, что онѣ допускаютъ смѣшеніе еще въ большей степени, чѣмъ формы теократическія. Между ними нѣтъ такого абсолютнаго противорѣчія, какъ это мы видѣли выше. Будучи всѣ произведеніемъ властвующихъ, привилегированныхъ круговъ и оправданіемъ ихъ господства надъ массами трудового народа, патріархальная, феодальная и вотчинная формы, несмотря на нѣкоторыя противорѣчія, все же хорошо мирились другъ съ другомъ. Нельзя не видѣть, что родовой и патріархальный строй болѣе мирится съ общиннымъ порядкомъ, чѣмъ феодализмъ. Послѣдній является специфической организаціей мелкаго и средняго воинства, тогда какъ вотчина исторически связана съ крупнымъ владѣніемъ. Сочетаніе же этихъ формъ даетъ систему Г. в., которая въ общемъ носитъ умѣренный характеръ. И патріархальное пониманіе власти надъ народомъ въ связи съ договорными отношеніями къ воинству и корпораціямъ (городамъ) можетъ значительно смягчить остроту и тяжесть вотчинной деспотіи.

3. *Г. в. раціоналистическаго типа* основывается на идеологіи, создаваемой спеціально городскими классами, вовлеченными въ торговый оборотъ, съ денежнымъ обмѣномъ, съ частной собственностью и хотя бы примитивнымъ кредитомъ. Городская среда впервые освобождаетъ человѣка отъ постояннаго страха передъ стихіей

и вооруженнымъ грабителемъ, дѣлаетъ его творцомъ искусственной обстановки, заставляетъ его довѣрять разуму и человѣческимъ силамъ. Точно также лишь въ городѣ человѣкъ впервые начинаетъ наблюдать массовыя проявленія человѣческой природы, обобщать ихъ и охватывать соціальнымъ закономъ. И неизбѣжный въ торговлѣ счетъ, пользованіе не категоріей качества, а количества—мѣры, вѣса и числа—становится главнѣйшей логической категоріей, при помощи коей человѣкъ опредѣляетъ элементы окружающей среды и свое отношеніе къ ней. Отсюда неизбѣжный раціонализмъ городской идеологіи, которая исходитъ не изъ понятія оригинальной личности, а шаблонной, нормальной, средней или естественной единицы или такъ называемаго индивида. Источникомъ познанія такого индивида, его естественной воли, разума и чувствъ оказывается самонаблюденіе и наблюденіе окружающаго. Результатомъ познанія оказывается естественный законъ, а средствомъ вліянія разумнаго индивида на среду произвольное и сознательное примѣненіе или пользованіе естественнымъ закономъ въ цѣляхъ созданія общественной организаціи, наилучше соотвѣтствующей и цѣлямъ человѣка, и находящимся въ его рукахъ средствамъ. Теоретическое построеніе Г. в. раціоналистическаго типа можетъ происходить различными путями. Индивидъ можетъ быть, прежде всего, абстрагированъ отъ того матеріала, который порождается хищническимъ капиталомъ въ видѣ ростовщичества, грабежа, пиратства, колоніальной эксплуатаціи, работорговли и т. п. Въ такомъ случаѣ индивидъ изображается человѣкомъ-звѣремъ съ волчьей психологіей, который неистовствуетъ среди ему подобныхъ; человѣческая душа представляется вмѣстилищемъ естественныхъ страстей, не знающихъ никакого удержа въ своемъ нормальномъ состояніи. Такъ разгорается „война всѣхъ противъ всѣхъ“, пока сильнѣйшій не захватываетъ власти и не обуздываетъ человѣческое стадо, которое охотно подчиняется могучему деспоту или даже само устанавливаетъ его власть путемъ всеобщаго договора, такъ что только подъ желѣзной властью тирана люди впервые вкушаютъ миръ и безопасность и, вмѣсто взаимнаго истребленія, начинаютъ, благодаря политической дисциплинѣ, содѣйствовать всеобщему благу. Такъ создается идея естественной диктатуры во имя общаго блага, при чемъ самъ деспотъ оказывается только орудіемъ естественнаго закона, ведущаго людей къ ихъ собственному благополучію. Подобную диктатуру мы и въ дѣйствительности встрѣчаемъ вездѣ, гдѣ ожесточенная борьба богатыхъ и бѣдныхъ, этихъ основныхъ городскихъ классовъ, въ концѣ концовъ, останавливается на компромиссѣ, и изъ среды крупнаго и хищнаго капитала выдѣляется одинъ, который принимаетъ на себя миссію проведенія соціальныхъ реформъ, требуемыхъ городской бѣднотою, и обузданіе чрезмѣрныхъ притязаній со стороны плутократовъ, оптиматовъ и т. п. богачей. Подобную диктатуру находимъ мы еще въ городскихъ республикахъ древней Эллады, гдѣ уже нѣкоторые софисты положили въ основу построенія Г. в. понятіе силы, созданной во имя защиты слабыхъ противъ сильныхъ. Такую роль игралъ родъ тирановъ въ Аѳинахъ и другихъ городахъ, которые обыкновенно погибали во время реакціонныхъ движеній властвующаго капитала. Римъ возвелъ понятіе диктатуры въ особый чрезвычайный государственный институтъ, а римскій цезаризмъ по своему происхожденію является постоянной диктатурой, т. е. чрезвычайной властью, направленной къ защитѣ народа отъ необычныхъ опасностей, происходящихъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе войнъ и междуусобій. Въ итальянскихъ городскихъ республикахъ эпохи Возрожденія весьма часто сильный банкиръ, предводитель наемныхъ войскъ или демагогъ становился вождемъ среднихъ и мелкихъ городскихъ классовъ противъ эксплуатаціи и политическаго гнета со стороны капиталистовъ и добивался диктатуры, которая подчасъ была способна основать цѣлую династію. Подобный же диктаторскій характеръ власти, установленной народомъ и для народа, власти, имѣющей спеціальной

цѣлью широкое благосостояніе городского, т. н. буржуазнаго класса, имѣла и та власть, которая была создана французской революціей сначала въ видѣ комитета общественнаго спасенія, а затѣмъ и наполеоновскаго цезаризма. Всеобщее народное голосованіе, или плебисцитъ, путемъ котораго Людовикъ-Наполеонъ III установилъ свою власть, такъ же, какъ принятая имъ формула объ отвѣтственности его передъ народомъ,—рѣзкія выраженія диктаторскаго характера его Г. в. Такъ обосновывается и складывается естественная диктатура разума—эта Г. в. героическаго періода рожденія денежнаго капитала, сознавшаго свою революціонную роль въ области хозяйства.

Само собою разумѣется, что въ эпохи мирнаго соперничества и гармоническаго сожительства городскихъ классовъ такъ же, какъ въ кругахъ средняго класса, занимающаго роль посредника между крупнымъ капиталомъ и городской бѣднотой, большій успѣхъ должна была имѣть идея сложной Г. в., являющейся равнодѣйствующей отъ сложенія различныхъ госуд. и соціальныхъ элементовъ. Для обоснованія такой Г. в. строится теорія, представляющая естественнаго человѣка среднимъ существомъ, у котораго есть и дурныя, и хорошія стороны, но въ душѣ котораго господствуетъ не злоба и ненависть, а общительность и склонность къ компромиссу. Такой человѣкъ, придерживаясь золотой середины во всемъ, создаетъ общежитіе путемъ соглашенія и устраиваетъ политическій механизмъ такъ, что въ немъ соціальныя силы занимаютъ мѣсто разновѣсовъ, которые, взаимно уравновѣшивая другъ друга, никогда не даютъ всей машинѣ слишкомъ перетянуть власть въ одну сторону и этимъ погубить ея законный, умѣренный характеръ. Борьба обществ. силъ здѣсь не только признается естественной, но она организовывается при помощи правовой регламентаціи, превращается въ постоянную, мирную борьбу партій, силъ и учрежденій и полагается во главу угла. Г. в. распредѣляется не только между демократическимъ, аристократическимъ и монархическимъ элементами въ видѣ народнаго представительства, палаты магнатовъ и короля, но и между отдѣльными другъ друга сдерживающими властями въ лицѣ законодательства, суда и управленія. Такъ образуется неустойчивое равновѣсіе политическихъ силъ, которыя только этимъ путемъ защищаютъ и гражданина, и его собственность, и свободу отъ деспотическихъ посягательствъ одной изъ властей. Г. в. въ этой системѣ представляется равнодѣйствующей обществ. силъ, а ея дѣятельность регуляторомъ сталкивающихся между собою общихъ и частныхъ интересовъ. Госуд. учрежденія здѣсь лишь органы того обществ. цѣлаго, въ которомъ преобладающую роль играетъ средній классъ, придающій государству умѣренный и гармоническій характеръ. Именно такого типа Г. в. находимъ мы въ городскихъ республикахъ древней Эллады, въ организаціи республиканскаго Рима, въ цѣломъ рядѣ итальянскихъ городскихъ республикъ времени Возрожденія и особенно въ учрежденіяхъ Венеціи, бывшей до XVIII в. образцомъ умѣреннаго правленія. Тотъ же типъ Г. в. былъ воспринятъ и англійскими установленіями конституціонной эпохи и будучи воспринятъ нѣкоторыми изъ французскихъ послѣреволюціонныхъ конституцій обошелъ вмѣстѣ съ институтомъ раздѣленія властей по теоріи Локка-Монтескье конституціонную Европу.

Умѣренно-правовое государство, будучи программой и идеаломъ среднихъ городскихъ классовъ, болѣе или менѣе обезпеченныхъ въ своемъ существованіи, никогда не могло удовлетворить городской мелкоты, которая постоянно находилась между голодомъ и рабствомъ. А между тѣмъ бѣднякъ былъ не менѣе индивидъ, чѣмъ среднеобезпеченный горожанинъ, его потребности были столь же естественными, какъ и у всѣхъ другихъ индивидовъ; и если благо всѣхъ было съ самаго начала провозглашено раціонализмомъ какъ цѣль государства, то и городской бѣднякъ желалъ имѣть свою часть этого блага. Съ другой стороны, количественный принципъ, принятый вообще городской идеологіей въ видѣ рѣшающаго момента, говорилъ какъ

разъ въ пользу бѣдняковъ, т. к. именно они составляли большинство, а слѣдовательно и были большею частью всего „народа“. Экономическая и политическая зависимость однихъ естественныхъ индивидовъ отъ другихъ, въ то время какъ всѣ по природѣ были сотворены равными и свободными, представлялась поэтому вопіющимъ нарушеніемъ закона природы, забвеніемъ прирожденныхъ правъ, искаженіемъ разумной сущности человѣка. Отсюда цѣлый рядъ требованій къ Г. в.: она сама должна быть лишь осуществленіемъ воли каждаго; суверенитетъ есть лишь общая воля всѣхъ; каждый лишь настолько повинуется, насколько самъ повелѣваетъ; законъ есть лишь велѣніе суверенныхъ гражданъ; исполнительная или административная власть—это лишь приказчикъ коллективнаго суверена; такимъ путемъ обезпечиваются и личныя естественныя права индивидовъ, имѣющихъ прирожденныя права на жизнь, свободу духовнаго развитія, на необходимое пропитаніе и т. д. Г. в. такого типа, какъ извѣстно, выразилась во время развитія демократіи въ Аѳинахъ, гдѣ граждане не только захватили всю власть въ свои руки, но и обратили ее въ средство для обезпеченія своего благополучія. Путемъ назначенія особой платы за отправленіе госуд. должностей и поголовнаго участія гражданъ въ ихъ отправленіи каждому члену державнаго народа было обезпечено содержаніе на казенный счетъ и достаточный досугъ для участія въ обществ. жизни. Въ Римской республикѣ требованія плебса были осуществлены лишь отчасти; политическая власть никогда не переходила цѣликомъ въ его руки, она выразилась, главнымъ образомъ, въ учрежденіи трибуната и признаніи силы закона за плебисцитомъ или голосованіемъ народнаго собранія; соціальныя же требованія плебеевъ получили удовлетвореніе въ видѣ государственной благотворительности, раздачи дешеваго, а затѣмъ дарового хлѣба, обезпеченія даровыхъ или дешевыхъ зрѣлищъ, общественныхъ бань и т. д. Въ Италіи въ XIV—XVI в.в., несмотря на рядъ возстаній народа противъ богачей, ему не удалось гдѣ-нибудь прочно установить свое владычество, и лишь въ XVIII в. сначала американскія колоніальныя демократіи, швейцарскіе кантоны, а послѣ ряда революцій и Франція установили у себя народовластіе. Г. в. получила здѣсь народный общественный характеръ, а высшее свое завершеніе нашла въ т. н. народномъ референдумѣ или всенародномъ голосованіи, которое не привилось лишь во Франціи. Этимъ заканчиваются раціоналистическія формы Г. в. Въ ихъ историческомъ развитіи мы видимъ цѣлый рядъ модификацій основного механическаго начала, которое все же остается опредѣляющимъ общимъ принципомъ. Это обстоятельство, вполнѣ соотвѣтствующее общности воззрѣній и порождающей ихъ обстановкѣ городского класса, дѣлаетъ особенно легкимъ переходъ изъ одной формы въ другую,—переходъ, являющійся результатомъ преобладанія то крупнаго, то средняго капитала, то городской бѣдноты. Точно также единство хозяйственной среды и психики городскихъ классовъ дѣлаетъ очень легкимъ и смѣшеніе отдѣльныхъ раціоналистическихъ идеологій, а съ нею и формъ Г. в.

4. Идея *Г. в. трудового типа* родилась въ средѣ массоваго, организованнаго труда. Еще во время примѣненія рабскаго труда среди трудящихся развилась дисциплина и способность къ дружнымъ общимъ выступленіямъ. Уже тогда среди трудящихся было замѣтно тѣсное товарищество и вѣрность трудовому братству. Но въ то время мускульный трудъ, примѣнявшійся самымъ непроизводительнымъ образомъ, былъ въ презрѣніи, и только трудъ свободнаго артиста и мыслителя, политика и воина почитался достойнымъ полноправнаго гражданина. Только со времени христіанства трудъ получилъ высшее освященіе и въ то же время пріобрѣлъ корпоративную организацію. Въ средніе вѣка громадное большинство трудовыхъ профессій получили полное признаніе своихъ правъ въ составѣ городского общества, а возстанія рабовъ античнаго времени смѣнились экономической и политической борьбой мастеровъ и подмастерьевъ, низшихъ и высшихъ цеховъ. И древнія черты

трудовой среды получили въ это время дальнѣйшее развитіе. Братство труда, хоть и разбитое на рядъ болѣе или менѣе привилегированныхъ цеховъ, укрѣпило и свою техническую подготовку, и моральную силу дисциплинированной и согласной общественной группы. Со времени господства свободнаго наемнаго труда, примѣняемаго при наличности пользованія силами природы и техническимъ прогрессомъ, трудовыя массы не только закалились въ борьбѣ съ капиталомъ, но и сознали всю громадную творческую роль труда въ современномъ производствѣ. Г. в. трудового типа, правда, не представляетъ собой идеологіи, которая была бы уже примѣнена на практикѣ. Будучи выраженіемъ и міросозерцанія, и тѣхъ реальныхъ условій, въ которыхъ находятся народныя массы, трудовое возрѣніе на Г. в. въ значительной степени представляетъ собой программу будущаго общественнаго строя. Основнымъ пунктомъ здѣсь является признаніе труда, какъ важнѣйшаго творческаго начала жизни. Трудъ создаетъ всѣ тѣ блага, цѣнности и богатства, которыми опредѣляется вся культура. Отсюда трудъ долженъ быть не только свободенъ, но онъ обосновываетъ общія права пользованія трудящагося на все, что создано при помощи его труда. Болѣе того, лишь одинъ трудящійся есть истинный господинъ жизни, ея творецъ и создатель. Всякая иная власть представляется ничѣмъ инымъ, какъ лишеніемъ трудящагося плодовъ его труда и присвоеніемъ ихъ при помощи хозяйственной эксплуатаціи, юридическаго института частной собственности и существующей Г. в. Трудящимся или работникамъ противоположны классы нетрудящіеся, собственники орудій труда и земли, капиталисты, съ паденіемъ господства которыхъ долженъ наступить новый общественный строй на основахъ коллективной собственности, всеобщаго труда и полнаго обезпеченія трудящихся всѣми благами матеріальной и духовной культуры. Такъ обосновывается идея Г. в. въ трудовомъ государствѣ, которое, будучи лишено характера классоваго господства, многими идеологами труда даже не почитается вслѣдствіе этого государствомъ. Организація государства будущаго предполагается на широкихъ началахъ народнаго самоуправленія, при чемъ основными функціями администраціи являются функціи исключительно технико-экономическія, непосредственно связанныя съ производствомъ и потребленіемъ народныхъ трудовыхъ массъ. Движеніе въ пользу освобожденія труда и установленія соціалистическаго порядка имѣетъ большую древность. Но лишь съ организаціей милліоновъ промышленныхъ рабочихъ подъ знаменемъ соціализма государство будущаго получило реальное значеніе, какъ политическая идея, и вызвало къ жизни соціальныя реформы современности. Этимъ путемъ и существующая Г. в. приняла нѣкоторый соціальный оттѣнокъ, который выражается въ томъ, что Г. в. стала средствомъ для активнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь страны, въ частности—въ отношенія работниковъ и хозяевъ, или предпринимателей. Во всякомъ случаѣ Г. в. трудового типа существуетъ пока какъ идея могучаго рабочаго класса.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ, что каждая идеологія Г. в. создается въ чистомъ видѣ отдѣльной средой раздѣленнаго на классы государства. Каждая соціальная группа при этомъ необходимо пользуется тѣми методами воспріятія и выраженія, которые обусловлены групповой психикой, при чемъ эта послѣдняя въ свою очередь опредѣляется реальной средой хозяйственныхъ условій, въ которой находится данная группа. Идеологія каждой группы направлена къ тому, чтобы именно въ интересахъ группы организовать Г. в., эту важнѣйшую составную часть всего (*идеологическаго*) аппарата, охватывающаго міръ отношеній между властвующими и подвластными. Но каждая группа, каждый общественный классъ встрѣчаетъ соперниковъ на своемъ пути къ господству и вступаетъ съ ними въ борьбу. Крестьянство создаетъ свою мистическую идеологію въ борьбѣ съ вотчинной эксплуатаціей и гнетомъ капитала; городскіе состоятельные классы конкурируютъ въ борьбѣ за власть съ патріархальной и родовой знатью; неимущіе го-

родскіе классы борются противъ имущихъ и т. д. Но такъ какъ въ своей борьбѣ противъ эксплуатируемыхъ народныхъ массъ всѣ классы имущихъ оказываются солидарными, то сообразно съ преобладаніемъ того или иного класса устанавливается компромиссъ, который и опредѣляетъ окончательную конструкцію Г. в. въ томъ или иномъ государствѣ. Понятіе Г. в. поэтому напередъ должно признать—за рѣдкими исключеніями — не логической, а исторической категоріей, которая при помощи смѣшанной или сложной идеологіи организуетъ совмѣстное властвованіе тѣхъ или иныхъ господствующихъ группъ, заключившихъ между собою компромиссъ. Образцы такихъ компромиссовъ весьма многочисленны. Въ древне-восточныхъ монархіяхъ мы находимъ Г. в. образованной при помощи элементовъ теократическихъ, патріархальныхъ и частью раціоналистическихъ; связывается этотъ конгломератъ такимъ образомъ, что царь патріархальнаго типа соединяется съ духовной аристократіей и часто съ торговой плутократіей. Въ античномъ мірѣ мы встрѣчаемъ не менѣе неожиданныя и противорѣчивыя сочетанія: начала возраста и старѣйшинства переплетаются съ имущественнымъ цензомъ и демократическимъ полновластіемъ. Любая форма Г. в. средневѣковья такъ же, какъ новыхъ временъ, можетъ быть съ неменьшимъ удобствомъ разложена на обрывки классовыхъ идеологій, которыя, будучи результатомъ политической борьбы и послѣдовавшаго компромисса, сочетаются въ самыхъ причудливыхъ и подчасъ нелѣпыхъ формахъ. Такъ, современная Англія образуетъ свою Г. в. изъ королевскаго суверенитета Божіей милостью, народнаго полновластія и феодально-вотчинной аристократіи. При всѣхъ такихъ сочетаніяхъ, однако, надо имѣть въ виду одно. Идеологія побѣдившаго въ концѣ концовъ класса все же занимаетъ господствующее мѣсто среди другихъ соединенныхъ съ нею и къ ней прибавленныхъ идей. Такъ, въ той же Англіи народовластіе и его раціоналистическая идеологія неотчуждаемыхъ правъ, народной воли и отвѣтственности управленія передъ народомъ—все же представляетъ собой главную основную норму коллективнаго поведенія, которое лишь во второстепенныхъ вещахъ слѣдуетъ теократическому или феодальному идеалу. Съ такой точки зрѣнія можно различить только смѣшанныя конструкціи, съ преобладаніемъ какого-нибудь одного элемента, который и пытается придать то или иное единство общему понятію Г. в. Примѣромъ можетъ послужить хотя бы современное пониманіе Г. в. нѣмецкихъ конституціонныхъ монарховъ. Такъ, въ Пруссіи въ понятіе Г. в. суверена входятъ: 1) представленіе о божественной миссіи монарха, являющагося еще сверхъ того высшимъ епископомъ протестантскихъ прусскихъ церквей; 2) идея монарха, какъ отца подданныхъ по патріархальному образцу; 3) представленіе о немъ, какъ о державномъ вождѣ, рыцарѣ и военачальникѣ; 4) образъ его, какъ высшаго по достоинству вотчинника и наслѣдственнаго обладателя всей прусской территоріи; 5) призваніе его, какъ слуги народа, поставленнаго съ цѣлью доставленія подданнымъ общаго блага; 6) конституціоннаго главы исполнительной власти и т. д. Конечно, нѣтъ никакой возможности соединить божественное призваніе и конституціонныя ограниченія, вотчинныя права и положеніе народнаго слуги; госуд. наука поэтому, слѣдуя идеологическимъ тенденціямъ, искусственно отбрасываетъ одни изъ элементовъ Г. в. прусскаго монарха и выдвигаетъ другіе; консерваторы и ихъ идеологи признаютъ одно существующимъ, а другое—нѣтъ, либералы поступаютъ наоборотъ. Но тѣмъ не менѣе въ этой Г. в. остается одинъ элементъ, на которомъ сходятся всѣ партіи, стоящія на точкѣ зрѣнія современной государственности, а именно, что монархъ и его власть есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ той организаціи, которая охраняетъ собственность, порядокъ и миръ въ классовомъ государствѣ, особенно же защищаетъ имущихъ противъ нападенія со стороны неимущихъ, отдающихъ свою жизнь и силу властвующимъ классамъ.

Въ своей внутренней конструкціи Г. в. въ настоящее время предста-

вляетъ слѣдующіе на практикѣ осуществленные типы: 1. Г. в. представляется какъ особая духовная сила, какъ высшая воля, стоящая надъ человѣкомъ, при чемъ велѣнія этой воли признаются обладающими абсолютнымъ значеніемъ. Такая сила признается по своимъ свойствамъ единой, одухотворяющей все государство, непреодолимой и недѣлимой; первымъ ея органомъ, въ которомъ она проявляется, бываетъ то монархъ, то опредѣленная коллегія, то собраніе всѣхъ гражданъ; ея источникомъ почитается или Богъ, или нація, или народъ, или какое-нибудь другое существо, которое, однако, само непосредственно никогда не выступаетъ, но дѣйствуетъ исключительно при помощи даннаго органа. Отъ главнаго, высшаго, непосредственнаго органа Г. в. истекаетъ подобно церковной благодати на низшіе органы, которые тоже признаются получившими духовную силу Г. в. Это придаетъ имъ особое значеніе и выдѣляетъ людей, образующихъ такіе органы, изъ разряда обыкновенныхъ гражданъ. Такимъ служащимъ, чиновникамъ, должностнымъ лицамъ приписывается особая близость къ Г. в., этой особой волѣ, одухотворяющей государство, а въ силу этого особая способность понимать и осуществлять госуд. задачи. Отсюда вытекаетъ способность такихъ носителей Г. в. дѣйствовать внѣ строгаго соблюденія одной исполнительной функціи, такъ же, какъ способность получать отъ главнаго источника Г. в. функціи скрытыя, или секретныя, которыя не могутъ быть обнаружены лицомъ, непричастнымъ къ Г. в. вообще. Со стороны подданныхъ носители Г. в. получаютъ право на особое почтеніе, послушаніе и повиновеніе, при чемъ подданные передъ Г. в. теряютъ право законной самозащиты, а часто даже право провѣрки законности или незаконности распоряженія. И если даже устанавливается порядокъ обжалованія распоряженій Г. в., то само распоряженіе,—разъ оно исходитъ отъ органа Г. в.,—должно быть исполнено подъ угрозой суровыхъ наказаній. Единство такой Г. в. поддерживается тѣмъ, что всѣ учрежденія и органы государства предполагаются дѣйствующими отъ имени единой Г. в., они почитаются лишенными субъективныхъ правъ, но во всѣхъ нихъ сосредоточиваются не права, а лишь функціи Г. в. Права, пріобрѣтаемыя органами Г. в., принадлежатъ не имъ, но самой Г. в., какъ единственному субъекту всѣхъ госуд. правъ. Какъ очевидно, такая конструкція Г. в. совершенно несовмѣстима съ какими-нибудь существенными ея ограниченіями. Ограниченія Г. в. такого типа можетъ наложить на себя лишь сама, до тѣхъ поръ пока этого пожелаетъ. Другими словами, здѣсь возможно лишь самоограниченіе власти по типу добровольнаго моральнаго акта. Въ противномъ случаѣ, если бы это самоограниченіе порождало субъективныя права подданныхъ, то у подданныхъ этимъ самымъ явилось бы право противъ Г. в., и эта послѣдняя перестала бы быть „верховной“ властью, стоящею не рядомъ съ подданнымъ, но надъ нимъ, требующей по своему принципу абсолютнаго повиновенія. Еще болѣе такое представленіе о Г. в. оказывается несостоятельнымъ тамъ, гдѣ мы находимъ рядъ учрежденій, вступающихъ другъ съ другомъ въ споръ или борьбу, какъ это иногда бываетъ при конфликтахъ между правительствомъ и парламентомъ. Здѣсь для спасенія идеи единства Г. в. приходится предполагать, что парламентъ такъ же, какъ правительство, есть органъ Г. в., и такимъ образомъ одна и та же Г. в. въ двухъ органахъ выступаетъ въ двухъ различныхъ видахъ съ разною волей, раздвояется и направляется сама противъ себя. Точно также оказывается непримиримымъ съ понятіемъ единства Г. в. и такое новое явленіе современной полит. жизни, какъ образованіе сложныхъ или союзныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое, обладая самостоятельнымъ источникомъ Г. в., въ то же время входитъ въ составъ общаго государства съ его Г. в. Такъ, въ союзномъ государствѣ оказывается столько Г. властей, сколько государствъ-членовъ + союзное государство само. 2. Рядомъ съ такимъ типомъ Г. в., особенно принятымъ въ централизованныхъ государствахъ, имѣется и другой типъ

Г. в. Онъ конструируется такимъ образомъ, что Г. в., подданные и земля почитаются въ разныхъ комбинаціяхъ предметомъ сдѣлокъ между различными юридическими субъектами, каковыми являются то одинъ монархъ, то монархъ и подданные, то государство, какъ юридическое лицо, то различныя корпораціи въ родѣ церкви, областей, городовъ, общинъ и т. д. Такова конструкція Г. в. феодально-вотчиннаго типа, которая до настоящаго времени существуетъ и примѣняется рядомъ и вопреки первой теоріи. Отсюда институты наслѣдованія не только частныхъ имуществъ, но и Г. в. въ наслѣдственныхъ монархіяхъ, гдѣ верховная власть надъ народомъ переходитъ помимо его рѣшенія отъ одного обладателя къ другому на основаніи только династическаго фамильнаго права; при этомъ обладатель Г. в. оказывается часто неспособнымъ къ ея осуществленію, и тогда выступаетъ институтъ опеки и попечительства подъ названіемъ регентства. Такъ же наслѣдуются права законодательства вмѣстѣ съ имуществомъ многими членами европейскихъ верхнихъ камеръ, палатъ лордовъ, магнатовъ, господъ и т. п. Вмѣстѣ съ имуществомъ пріобрѣтаются и наслѣдуются права выборовъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ установленъ имущественный цензъ для участія въ выборахъ въ парламентъ и органы мѣстнаго самоуправленія. На личной связи главы государства съ подданными основываются связи личной преданности и вѣрности монарху его подданныхъ, слугъ, состоящихъ на госуд. службѣ лицъ и особенно солдатъ, офицеровъ и генераловъ. Наконецъ, сама Г. в. выступаетъ въ области частнаго права, какъ субъектъ гражданскихъ сдѣлокъ, какъ собственникъ, наниматель, арендаторъ, покупщикъ, продавецъ и т. д.; и здѣсь Г. в. становится совершенно на одинъ уровень съ другими частными лицами и даже подлежитъ суду тѣхъ самыхъ судей, которые дѣйствуютъ отъ имени той же самой Г. в. Такъ государство становится юридическимъ лицомъ и вступаетъ въ договоры, отчуждаетъ свою Г. в., территорію и подданныхъ другимъ государствамъ, обмѣниваетъ съ ними свою территорію вмѣстѣ съ подданными, вступаетъ съ этими подданными въ законныя сдѣлки. Новѣйшимъ явленіемъ въ этой области является аренда (особенно на Дальнемъ Востокѣ) чужихъ государственныхъ областей вмѣстѣ съ жителями ихъ или даже договоры о томъ, что одно государство принимаетъ на себя по порученію другого управленіе нѣкот. его областями или всей его территоріей отъ имени этого другого. Такъ первоначально единая Г. в. становится совершенно аналогичной частной власти и разбиваетъ государство на массу другъ другу противостоящихъ субъектовъ права, превращаетъ первоначальное единство въ настоящій хаосъ взаимно переплетающихся правоотношеній, даже сама становится предметомъ сдѣлокъ, договоровъ, купли-продажи и т. п. Для спасенія теоріи единства Г. в. въ этихъ случаяхъ дѣлаются искусственныя разграниченія, которыя состоятъ въ томъ, что предполагаются особыя области права, частнаго, международнаго, церковнаго, муниципальнаго и т. п., и принимается, что единая Г. в., сохраняющая будто бы свое единство въ сферѣ государственнаго права, совершенно иначе способна дѣйствовать въ другихъ областяхъ права, при томъ не мѣняя своей основной сущности. 3. Но имѣется и еще одинъ типъ Г. в., который опять таки весьма мало согласуется съ предыдущими. Это—власть, какъ средство для достиженія общаго блага людей, для удовлетворенія ихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей. Съ этой точки зрѣнія Г. в. есть не болѣе и не менѣе какъ порученіе гражданъ, соединенныхъ въ политическую корпорацію, данное уполномоченнымъ, приказчикамъ и управляющимъ, которыхъ корпорація выбираетъ и назначаетъ для веденія своихъ собственныхъ дѣлъ. Но совершенно ясно, что въ такомъ случаѣ о Г. в., какъ таковой, не можетъ быть и рѣчи, власть тутъ принадлежитъ не монархамъ, президентамъ или министрамъ, но самимъ гражданамъ, которые и принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы исполнители ихъ велѣній дѣйствительно хорошо и добросовѣстно

исполняли порученное имъ дѣло. Съ этой точки зрѣнія объясняется логично народное представительство, всеобщее голосованіе народа, всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, судебный и финансовый контроль, политическая и судебная отвѣтственность властей такъ же, какъ неприкосновенность жизни, чести и трудового достоянія гражданина, его правъ на существованіе и духовное развитіе, но совершенно необъяснимъ такъ назыв. суверенитетъ, осадныя, военныя и чрезвычайныя положенія въ мирное время такъ же, какъ всякая безотвѣтственная власть надъ народомъ, привилегированное положеніе чиновниковъ, выборный цензъ и т. п. И опять таки для примиренія непримиримаго юристы изобрѣтаютъ конструкціи, при которыхъ монархъ становится носителемъ общаго блага, безотвѣтственнымъ и властнымъ органомъ народной воли, наслѣдственные магнаты и лорды превращаются въ членовъ народнаго представительства, а вооруженный народъ въ лицѣ арміи является обязаннымъ клятвою вѣрности монарху, какъ наслѣдственному обладателю Г. в.

Таковы идеологическія формы Г. в., создавшія громадную политическую и юридическую литературу, съ одной стороны, въ цѣляхъ пропаганды одного опредѣленнаго типа построенія Г. в., а съ другой, въ цѣляхъ примиренія логически непримиримыхъ и взаимно другъ друга отрицающихъ идей и понятій. Противорѣчія, заложенныя въ основѣ всего хозяйственнаго и соціальнаго процесса, неминуемо должны были привести къ противорѣчіямъ и въ самой политической организаціи общества, и эти противорѣчія неустранимы до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена борьба классовъ.

Литература: *Jellinek*, „Das Recht des modernen Staates", I Bd.: „Allgemeine Staatslehre" (1905, рус. пер.); *R. Schmidt*, B. I, „Die gemeinsamen Grundlagen des politischen Lebens" (1901); Bd. II, III— „Die verschiedenen Formen des Staatsbildung" (1903); *Seydel*, „Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre" (1873); *его же*, „Vorträge aus dem allgemeinen Staatsrecht" (1903); *Rehm*, „Allgemeine Staatslehre" (1899); *его же*, „Allgemeine Staatslehre" (Sammlung Göschen); *Lingg*, „Empirische Untersuchungen zur allgemeinen Staatslehre" (1890); *Affolter*, „Studien zum Staatsbegriffe" (Archiv für öffentl. Recht, Bd. 17, 1902); *его же*, „Staat und Recht" (Annalen des Deutschen Reichs, 1903); *Loening*, ст. „Staat" въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (1901); *Gumplovicz*, „Allgemeines Staatsrecht" (1907); *F. Oppenheimer*, „Der Staat" (Die Gesellschaft, Sammlung sozialpsych. Monographien); *Duguit*, „L'état, les gouvernants et les agents" (1903); *Berolzheimer*, „Philosophie des Staates samt den Grundzügen der Politik" (1906); *Roscher*, „Politik" (1893); *Treitschke*, „Politik" (1898); *Schollnberger*, „Politik in systematischer Darstellung" (1903). Переводы: *Еллинека*, „Право современнаго государства"; *Аффольтера*, „Основныя черты общаго государственнаго права"; *Дюги*, „Конституціонное право", „Общее ученіе о государствѣ"; *Гумпловича*, „Общее ученіе о государствѣ"; *Штиръ - Зомло*, „Политика": *Вильсона*, „Государство" (1905); *Лоуэлля*, „Правительство и политическія партіи"; *Антона Менгера*, „Новое ученіе о государствѣ" (1905); „Народная политика" (1907); а также *Рейснеръ*, „Теорія государства въ ученіи марксизма" (въ сборникѣ „Теорія Петражицкаго, марксизмъ и соціальная идеологія") и общія части учебниковъ русскаго государственнаго права Коркунова, В. Ивановскаго и Кокошкина.

М. Рейснеръ.

Государственная Дума, представительное учрежденіе, создавшееся въ Россіи въ результатѣ общественнаго движенія, ознаменовавшаго собою первые годы XX столѣтія. Характеръ, составъ и права этого учрежденія сложились, однако, не сразу. Они опредѣлялись постепенно, и при томъ въ разное время различно, въ зависимости отъ того, вынуждено ли было правительство въ данный моментъ итти на уступки народному движенію, или же чувствовало себя достаточно сильнымъ для отобранія сдѣланныхъ ранѣе уступокъ. Соотвѣтственно этому Г. Дума, какъ представительное учрежденіе, съ момента изданія перваго закона, установившаго ея существова-

ніе, и до настоящаго времени пережила въ своей организаціи рядъ серьезныхъ метаморфозъ. Законосовѣщательное учрежденіе, составляемое путемъ выборовъ отъ нѣкоторыхъ лишь группъ населенія, затѣмъ законодательное учрежденіе, построенное вдобавокъ на болѣе широкомъ представительствѣ, наконецъ, учрежденіе, въ теоріи продолжающее сохранять характеръ необходимаго органа законодательной власти, но на практикѣ совершенно безсильное, и при томъ въ лицѣ подавляющаго большинства своихъ членовъ отражающее интересы лишь верхнихъ слоевъ общества,—таковы были фазисы развитія Г. Думы, послѣдовательно пройденные ею въ промежутокъ времени съ 1905 г. по 1912 г. Правда, первый изъ этихъ фазисовъ выразился лишь въ законѣ, которому не суждено было найти себѣ примѣненія на практикѣ. Практическое осуществленіе получили, такимъ образомъ, исключительно два послѣдніе фазиса, но тѣмъ не менѣе въ исторіи Г. Думы нельзя обойти и первый ея этапъ, во многихъ отношеніяхъ имѣвшій существенное значеніе для дальнѣйшаго ея развитія.

Среди требованій, выдвинутыхъ революціоннымъ движеніемъ начала XX столѣтія, центральное мѣсто занимало требованіе политическихъ свободъ и созыва учредительнаго собранія, избраннаго путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. На этомъ требованіи объединились наиболѣе популярныя политическія партіи и организаціи, существовавшія въ ту пору въ Россіи, при чемъ немалое число ихъ вступило даже по этому поводу въ спеціальное соглашеніе между собою. Чѣмъ выше поднималась революціонная волна, тѣмъ чаще, рѣшительнѣе и громче раздавалось и требованіе созыва народныхъ представителей. Въ послѣдніе мѣсяцы 1904 г. необходимость народнаго представительства открыто обсуждалась уже въ легальной прессѣ, хотя органы печати, близкіе къ правительственнымъ и дворянскимъ кругамъ, и пытались свести эту необходимость къ созданію законосовѣщательнаго учрежденія, всецѣло построеннаго при томъ на представительствѣ отъ сословныхъ группъ населенія. Правительство, захваченное врасплохъ необычайно быстрымъ ростомъ броженія въ странѣ, колебалось, и хотя продолжало практиковать мѣры суровой репрессіи, но эти мѣры, какъ ясно было для него самого, уже не производили прежняго впечатлѣнія ни на общество, ни на народныя массы, все болѣе вовлекавшіяся въ движеніе. Разыгравшееся въ началѣ января 1905 г. въ Петербургѣ грандіозное движеніе заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, во главѣ котораго сталъ священникъ Георгій Гапонъ и однимъ изъ основныхъ требованій котораго явилось введеніе народнаго представительства, было безъ всякаго видимаго повода подавлено военной силой и залито кровью. Но вслѣдъ за этимъ „усмиреніемъ“ петербургскихъ рабочихъ и въ непосредственной связи съ нимъ во всѣхъ почти крупныхъ городахъ имперіи вспыхнули серьезныя волненія и стачки рабочихъ. Одновременно съ этимъ усилились и другія проявленія революціоннаго движенія, и колебанія правительства еще болѣе увеличились. Въ манифестѣ, изданномъ 18 февраля 1905 г., оно провозгласило своей цѣлью „вящее укрѣпленіе истиннаго самодержавія“, и соотвѣтственно этому названный манифестъ призывалъ „благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствіи“ монарху „словомъ и дѣломъ въ святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи... крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней“. Но въ тотъ же день, 18 февраля, былъ подписанъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, рескриптъ, въ которомъ заявлялось о рѣшеніи отнынѣ привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній. И хотя рескриптъ, повелѣвая учредить для обсужденія „путей осуществленія“ предположеннаго преобразованія особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ

дѣлъ А. Г. Булыгина, оговаривался, что это преобразованіе должно быть проведено въ жизнь „при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи“, противорѣчіе двухъ правительственныхъ актовъ, изданныхъ въ одинъ и тотъ же день, било въ глаза, свидѣтельствуя о рѣзкихъ колебаніяхъ правительственной политики. Такія колебанія продолжались и послѣ того, и работы учрежденнаго рескриптомъ 18 февраля особаго совѣщанія долгое время шли весьма медленнымъ темпомъ. Тѣмъ временемъ революціонное движеніе непрерывно разрасталось и вширь, и вглубь. Въ городахъ все усиливались противоправительственныя манифестаціи; среди городской и сельской интеллигенціи явочнымъ порядкомъ образовался рядъ союзовъ, выставившихъ требованіе созыва учредительнаго собранія; промышленники обращались къ правительству съ настойчивыми указаніями на связь рабочихъ волненій съ общими условіями политической жизни страны и на необходимость народнаго представительства; наконецъ, въ деревняхъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи съ весны 1905 г. разгорѣлось грандіозное аграрное движеніе, которое при всей неорганизованности его участниковъ и при всей разрозненности ихъ дѣйствій представляло собою какъ нельзя болѣе серьезную угрозу для помѣстнаго дворянства. Все это въ концѣ концовъ оказало воздѣйствіе на правительство и положило предѣлъ его колебаніямъ, заставивъ его ускорить работы особаго совѣщанія. 6 іюня 1905 г. на аудіенціи, данной депутаціи отъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, ей было заявлено о непреклонности намѣренія созвать выборныхъ отъ населенія, а 6 августа спеціальный манифестъ возвѣстилъ объ учрежденіи въ Россіи Государственной Думы. „Нынѣ—говорилось въ этомъ манифестѣ—настало время призвать выборныхъ людей отъ всей земли русской къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое законосовѣщательное установленіе, которому предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ“.

Создававшаяся закономъ 6 августа Г. Дума являлась, такимъ образомъ, лишь законосовѣщательнымъ учрежденіемъ. Больше того—и въ этой роли ея компетенція распространялась лишь на тѣ законопроекты, которые должны были проходить черезъ Государственный Совѣтъ. И хотя Г. Думѣ предоставлялось „возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи существующихъ и изданіи новыхъ законовъ“, но предположенія эти не должны были „касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными“. Иначе говоря, законы и впредь могли издаваться, не подвергаясь даже предварительному обсужденію въ Г. Думѣ, и послѣдняя не могла предлагать измѣненія такого порядка. Въ дѣлахъ, входящихъ въ компетенцію Г. Думы, постановленіе большинства ея членовъ должно было доводиться до свѣдѣнія верховной власти вмѣстѣ съ мнѣніемъ или мнѣніями Гос. Совѣта; однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда Г. Дума сильно замедлила бы своимъ заключеніемъ, Г. Совѣтъ могъ разсматривать дѣло и безъ этого заключенія. Дѣла законодательнаго характера могли возникать въ Г. Думѣ двоякимъ путемъ—по иниціативѣ министровъ или самой Думы. Законопроекты, внесенные министрами, не должны были восходить на усмотрѣніе верховной власти только въ томъ случаѣ, если бы они были отклонены большинствомъ двухъ третей голосовъ и въ Г. Думѣ, и въ Г. Совѣтѣ. Въ случаѣ разногласія между Думой и Совѣтомъ должна была образовываться особая комиссія изъ членовъ обоихъ этихъ учрежденій, которая вырабатывала бы „согласительное заключеніе“, передаваемое на разсмотрѣніе Думы и Совѣта, а если бы подобное согласительное заключеніе не было выработано, дѣло должно было возвратиться въ общее собраніе Гос. Совѣта. По иниціативѣ самой Думы вопросъ законодательнаго характера могъ возникнуть въ ней только въ

томъ случаѣ, если бы въ нее было внесено заявленіе объ этомъ за подписью, по крайней мѣрѣ, тридцати ея членовъ. Если бы большинство Думы присоединилось къ этому заявленію и соотвѣтствующій министръ согласился съ ея постановленіемъ, вопросъ долженъ былъ получить дальнѣйшій ходъ. Но, если бы министръ не согласился съ постановленіемъ Думы, возбужденный въ ней вопросъ могъ перейти на разсмотрѣніе Г. Совѣта и на усмотрѣніе верховной власти только въ томъ случаѣ, если рѣшеніе Думы состоялось большинствомъ двухъ третей голосовъ. Въ сферѣ надзора за управленіемъ законъ 6 августа предоставлялъ Г. Думѣ право наблюдать за законностью дѣйствій администраціи путемъ запроса министровъ, но и это право было обставлено такимъ образомъ, что являлось въ весьма значительной мѣрѣ проблематическимъ. Думѣ предоставлялось обсуждать необходимость запроса того или иного министра лишь въ томъ случаѣ, когда заявленіе о такой необходимости, съ точнымъ указаніемъ нарушеннаго закона, было бы внесено, по меньшей мѣрѣ, тридцатью членами Думы. Если бы послѣдняя большинствомъ голосовъ приняла запросъ, министръ обязывался въ теченіе мѣсячнаго срока или представить ей объясненія, или сообщить о причинахъ, по которымъ не можетъ этого сдѣлать. Если бы послѣ того большинство двухъ третей голосовъ общаго собранія Думы не признало возможнымъ удовлетвориться отвѣтомъ министра, то дѣло должно было перейти черезъ Г. Совѣтъ „на высочайшее благовоззрѣніе“, и на этомъ роль Думы кончалась.

Таковы были права, предоставлявшіяся закономъ 6 августа Думѣ въ ея цѣломъ, какъ новому государственному учрежденію. До извѣстной степени въ соотвѣтствіи съ этими правами стоялъ и способъ пополненія состава Думы. Она должна была явиться выборнымъ учрежденіемъ, но установленная для нея избирательная система отличалась чрезвычайной сложностью и запутанностью. Эта система не давала населенію ни всеобщаго, ни равнаго, ни прямого избирательнаго права. Отъ выборовъ въ Думу отстранялось, прежде всего, все женское населеніе страны, а для населенія мужского устанавливался сравнительно высокій возрастной цензъ въ 25 лѣтъ. Помимо того, право участія въ выборахъ было обусловлено имущественнымъ цензомъ; лица, снабженныя такимъ правомъ, были раздѣлены на нѣсколько избирательныхъ классовъ, поставленныхъ въ неодинаковое положеніе, и самые выборы были сдѣланы многостепенными. Выборы въ Думу устанавливались двоякаго рода: по городамъ и по губерніямъ. Двадцать шесть городовъ имперіи выдѣлялись въ особые избирательные округа, и въ нихъ устанавливалась двухстепенная система, при которой избиратели, обладающіе цензомъ, должны были избрать выборщиковъ (160—въ столицахъ и 80—въ прочихъ городахъ), а послѣдніе уже членовъ Думы. При этомъ цензъ устанавливался настолько высокій, что въ Петербургѣ съ его $1^1/_2$ милліонами населенія оказывалось около $9^1/_2$ тысячъ цензовиковъ, въ Москвѣ при 1.050 тыс. населенія—около 11 тысячъ, въ Одессѣ при 405 тыс. населенія—около 7 тысячъ и т. д. Иной, болѣе сложный порядокъ былъ намѣченъ для губерній. Въ нихъ закономъ 6 августа создавались губернскія избирательныя собранія, составленныя изъ выборщиковъ, избранныхъ трояkаго рода съѣздами: городскихъ избирателей, уѣздныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ. Первый изъ этихъ съѣздовъ долженъ былъ состоять непосредственно изъ лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ цензомъ, и такимъ образомъ для городскихъ избирателей и въ губернскихъ выборахъ оставалась въ силѣ двухстепенная система. Такая же система сохранялась для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ, а для землевладѣльцевъ мелкихъ и владѣющаго церковною землею духовенства устанавливалась трехстепенная. Именно, съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ долженъ былъ составиться изъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ землей въ количествѣ отъ 100 до 800 десятинъ, или инымъ недвижимымъ, но не торгово-промышленнымъ, имуществомъ стоимостью не ниже 15.000 р., и изъ

уполномоченныхъ отъ лицъ, владѣющихъ имуществомъ, не достигающимъ этого ценза, но не меньшимъ десятой его части, равно какъ отъ владѣющаго церковной землей въ уѣздѣ духовенства; эти уполномоченные должны были избираться на особомъ съѣздѣ представляемыхъ ими лицъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждый полный цензъ былъ избранъ одинъ уполномоченный. Наконецъ, для крестьянства устанавливалась четырехстепенная система выборовъ: первою степенью являлся сельскій сходъ, второю—волостной сходъ, третьей—съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ, по два отъ каждаго, и четвертой—выборщики, избранные этимъ съѣздомъ въ губернское избирательное собраніе, при чемъ число такихъ выборщиковъ не соотвѣтствовало ни сравнительной численности крестьянства, ни даже размѣру площади его землевладѣнія. Въ губернскомъ собраніи сперва выборщики изъ крестьянъ должны были изъ своей среды избрать одного члена Думы, а затѣмъ уже все собраніе въ полномъ своемъ составѣ должно было выбрать остальное число членовъ Думы, назначенное для данной губерніи. Устанавливая столь сложную систему выборовъ въ Г. Думу и допуская къ этимъ выборамъ лишь нѣкоторыя общественныя группы, законъ 6 августа вмѣстѣ съ тѣмъ не создавалъ и условій, благопріятныхъ для вліянія на выборы со стороны болѣе широкихъ круговъ общества и даже для выработки большей сознательности въ средѣ самихъ избирателей. О возможности сколько-нибудь широкой предвыборной агитаціи въ деревняхъ законъ просто умалчивалъ. Въ городахъ онъ разрѣшалъ за мѣсяцъ до начала выборовъ собранія избирателей по участкамъ для сговора о кандидатахъ въ выборщики, но на этихъ собраніяхъ могли быть только избиратели даннаго участка, и самыя собранія могли происходить лишь съ вѣдома полиціи и въ присутствіи ея представителя, которому предоставлялось прерывать и закрывать собраніе.

Избираемая въ такихъ условіяхъ Г. Дума созывалась на пять лѣтъ, но могла быть высочайшимъ указомъ распущена и раньше, при чемъ тѣмъ же указомъ должны были быть назначены новые выборы, срокъ производства которыхъ, однако, не оговаривался въ законѣ. Засѣданія Думы должны были быть непубличными, и предсѣдателю ея предоставлялось лишь разрѣшать присутствовать на нихъ представителямъ періодической печати, съ тѣмъ, однако, чтобы отчеты объ этихъ засѣданіяхъ допускались въ печать только съ одобренія предсѣдателя Думы. Но, кромѣ того, сама Дума, ея предсѣдатель или, наконецъ, министръ, находившій, что разсматриваемое Думой и относящееся къ его вѣдомству дѣло должно составлять государственную тайну, могли обращать засѣданія Г. Думы въ совершенно закрытыя, и тогда оглашаться въ печати могли только тѣ части отчетовъ о засѣданіи, опубликованіе которыхъ нашелъ бы возможнымъ въ первыхъ двухъ случаяхъ предсѣдатель Думы, въ третьемъ—министръ, требовавшій закрытія засѣданія. Такимъ образомъ, не только исходъ работъ Думы, но даже и бо́льшая или меньшая гласность этихъ работъ были поставлены въ полную зависимость отъ бюрократическихъ учрежденій, получавшихъ ничѣмъ не ограниченную возможность въ любую минуту стать между Думой и населеніемъ.

Въ конечномъ счетѣ создававшуюся закономъ 6 августа Г. Думу трудно было бы причислить къ народно-представительнымъ учрежденіямъ. И по способу выбора ея членовъ, и по характеру отведенныхъ для нея дѣлъ, и по размѣру предоставленныхъ ей правъ она являлась въ сущности лишь составленной путемъ выборовъ отъ нѣкоторыхъ группъ населенія законосовѣщательной комиссіей при Госуд. Совѣтѣ, т. е. при бюрократической коллегіи, исполняющей тѣ же задачи, но пользующейся бо́льшими правами. Со стороны правительства это была, несомнѣнно, уступка народному движенію, но уступка ничтожная, больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ; права верховной власти оставались нисколько не затронутыми учрежденіемъ Г. Думы; сама Дума въ томъ видѣ, въ какомъ она создавалась закономъ 6 августа, очевидно, не могла играть сколько-ни-

будь серьезной роли въ русской государственной жизни. Тѣмъ не менѣе, и этой уступки оказалось достаточно для того, чтобы внести расколъ въ общественное движеніе, до той поры сохранявшее извѣстное единство. Въ то время какъ соціалистическія партіи, широкіе круги радикально настроенной интеллигенціи, массы городскихъ рабочихъ и даже часть вовлекшагося въ борьбу крестьянства, не увидавъ въ законѣ 6 августа никакого, даже частичнаго, удовлетворенія выставленныхъ ими требованій, сохранили и послѣ выхода этого закона свое непримиримо-боевое настроеніе и соотвѣтственно этому приняли лозунгъ „бойкота“ Думы 6 августа, умѣренно-либеральные круги русскаго общества, и въ томъ числѣ, прежде всего, большинство либеральныхъ земскихъ дѣятелей, послѣ недолгихъ колебаній рѣшили вопросъ объ участіи въ выборахъ въ предположенную Думу въ положительномъ смыслѣ, и споръ въ этихъ кругахъ шелъ лишь о томъ, слѣдуетъ ли воспользоваться Думой для повторенія требованій коренного политическаго преобразованія или же, войдя въ нее, надо прямо приниматься за „органическую работу“ исправленія отдѣльныхъ частей государственнаго механизма. Этому спору не пришлось, однако, долго тянуться. Раньше, чѣмъ онъ успѣлъ вполнѣ развернуться и найти себѣ въ той средѣ, въ какой онъ возникъ, то или иное окончательное рѣшеніе, новыя событія уничтожили самую почву, на которой онъ первоначально создался, и радикально видоизмѣнили физіономію предположенной Г. Думы, вызвавъ новыя, и при томъ уже болѣе серьезныя, уступки со стороны правительства. Грандіозная октябрьская всероссійская забастовка, начавшаяся съ желѣзныхъ дорогъ, перекинувшаяся на фабрики и заводы и вовлекшая въ себя, помимо рабочихъ, также и широкіе слои интеллигентныхъ тружениковъ, вынудила правительство попытаться перейти къ болѣе сложнымъ, чѣмъ ранѣе, пріемамъ воздѣйствія на народное движеніе. Къ власти былъ призванъ гр. Витте, и 17 октября 1905 г. былъ подписанъ манифестъ, возлагавшій на обязанность правительства: „1) даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ; 2) не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Г. Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и 3) установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Г. Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій властей“.

Такимъ образомъ, законосовѣщательная Дума, провозглашенная 6 августа, не успѣвъ еще осуществиться на практикѣ, была замѣнена по манифесту 17 октября законодательной Думой, а вмѣстѣ съ тѣмъ населенію были обѣщаны личныя свободы и расширеніе избирательнаго права. Такое расширеніе избирательнаго права и было осуществлено закономъ 11 декабря 1905 г., который, не измѣняя основъ избирательной системы, установленной 6 августа, сдѣлалъ къ ней нѣкоторыя дополненія, давъ право участія въ выборахъ общественнымъ группамъ, которыя ранѣе были его лишены,—промышленнымъ рабочимъ и демократическимъ слоямъ городского населенія. Рабочіе этимъ закономъ выдѣлялись въ особый разрядъ избирателей, параллельный ранѣе установленнымъ разрядамъ—крестьянскому, землевладѣльческому и городскому. Выборщиковъ отъ рабочихъ въ губернское избирательное собраніе, въ заранѣе опредѣленномъ на каждую губернію числѣ, долженъ былъ выбирать изъ своей среды губернскій съѣздъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ, а этихъ уполномоченныхъ должны были избирать изъ своей среды рабочіе отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ. При этомъ въ выборахъ уполномоченныхъ могли уча-

ствовать рабочіе только тѣхъ фабрикъ, заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ которыхъ общее число рабочихъ-мужчинъ было не менѣе 50, и рабочіе каждаго такого завода, фабрики или мастерской получали право выбирать одного уполномоченнаго на каждую полную тысячу человѣкъ, а промышленныя заведенія, насчитывающія отъ 50 до 2.000 чел. рабочихъ, могли выбирать одного уполномоченнаго на каждое. Такимъ путемъ для рабочихъ устанавливалась трехстепенная избирательная система, имѣвшая вдобавокъ то отличіе, что благодаря ей на первый планъ выдвигались мелкія промышленныя заведенія, и меньшинство рабочихъ могло получить на выборахъ перевѣсъ надъ большинствомъ. Та же самая система должна была примѣняться для рабочихъ и въ 19-ти изъ 26 городовъ, которые составляли особые избирательные округа. Что касается городскихъ избирателей какъ въ этихъ 26 городахъ, такъ и въ уѣздахъ, то въ ихъ число были теперь включены, помимо лицъ, не менѣе года уплачивающихъ государственный налогъ, городской сборъ или сборъ на земскія повинности съ недвижимаго имущества въ городѣ, владѣющихъ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства, уплачивающихъ квартирный налогъ или основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія, получающихъ жалованье или пенсію по службѣ государственной или въ земскихъ, городскихъ либо сословныхъ учрежденіяхъ, или на желѣзныхъ дорогахъ, еще и лица, не менѣе года занимающія въ городѣ квартиру на свое имя.

Эти частныя поправки и дополненія въ установленной для Г. Думы избирательной системѣ не вели за собою измѣненія общаго характера послѣдней. Избиратели оставались раздѣленными на обособленные другъ отъ друга и поставленные не въ одинаковыя условія разряды, сливавшіеся, да и то не вполнѣ, только въ моментъ выбора депутатовъ, и распредѣленіе голосовъ между этими разрядами было таково, что главныя массы трудового населенія—крестьянство и промышленные рабочіе — оказывались въ неблагопріятномъ положеніи сравнительно съ другими классами общества. Такъ, въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ пятидесяти одной губерніи Европейской Россіи должно было быть, не считая выборщиковъ отъ рабочихъ, 5.831 выборщикъ, въ томъ числѣ 2.421 выборщикъ отъ крестьянъ, 1.958 выборщиковъ отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, 1.341 выборщикъ отъ горожанъ и 111 выборщиковъ отъ казаковъ. Иначе говоря, крестьяне, составляющіе въ этихъ губерніяхъ 82% населенія, получали всего 41% голосовъ, а частные землевладѣльцы, по своей численности едва ли равнявшіеся и десятой части населенія, при выборѣ депутатовъ должны были имѣть 33% голосовъ. Еще менѣе благопріятное положеніе складывалось для рабочихъ. Въ 45 губернскихъ и 19 городскихъ избирательныхъ собраніяхъ, въ которыхъ предполагались выборщики отъ рабочихъ, такихъ выборщиковъ было назначено всего 236. Наибольшее сравнительно количество выборщиковъ отъ рабочихъ было допущено въ столичныхъ городахъ и губерніяхъ, но и здѣсь они терялись среди выборщиковъ отъ другихъ общественныхъ группъ. Въ московскомъ городскомъ и московскомъ губернскомъ избирательныхъ собраніяхъ выборщиковъ отъ рабочихъ было назначено 35, тогда какъ выборщиковъ другихъ разрядовъ въ Москвѣ было 160, а въ Московской губерніи 92; въ петербургскомъ городскомъ избирательномъ собраніи выборщиковъ отъ рабочихъ должно было быть 15, а выборщиковъ другихъ разрядовъ 160, въ петербургскомъ губернскомъ собраніи выборщиковъ отъ рабочихъ—9, а отъ другихъ разрядовъ—47. Въ остальныхъ же городахъ и губерніяхъ на долю рабочихъ было назначено уже совсѣмъ ничтожное количество выборщиковъ, не дававшее имъ возможности серьезно вліять на выборъ членовъ Думы.

Отчасти характеръ этой избирательной системы, какъ нельзя болѣе рѣзко противорѣчившій широко распространившемуся требованію всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, отчасти неопредѣленность и недостаточность возвѣщенныхъ правъ Г. Думы,

отчасти, наконецъ, — и, быть можетъ, всего болѣе,—образъ дѣйствій правительства, и послѣ манифеста 17 октября не отказывавшагося отъ политики суровыхъ репрессій по отношенію къ народному движенію, повели къ тому, что партіи и организаціи, принявшія лозунгъ „бойкота“ по отношенію къ законосовѣщательной Думѣ 6 августа, остались при томъ же лозунгѣ и по отношенію къ законодательной Думѣ, провозглашенной манифестомъ 17 октября, разсчитывая одержать новыя побѣды и добиться дальнѣйшихъ уступокъ. Революціонное движеніе, дѣйствительно, продолжалось въ странѣ и принимало все болѣе острыя формы, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя силы, раньше относившіяся къ нему сочувственно или даже участвовавшія въ немъ, теперь стали отходить отъ него. Промышленники, раньше обнаруживавшіе извѣстную готовность поддерживать политическія требованія рабочихъ, перемѣнили свою позицію, когда сплотившійся пролетаріатъ, отчасти подъ вліяніемъ пропаганды соціалистическихъ партій, выступилъ съ рядомъ настойчивыхъ требованій, и подошли ближе къ правительству. Еще тѣснѣе сошлось вокругъ правительства громадное большинство помѣстнаго дворянства, и раньше въ сущности бывшее на его сторонѣ, но теперь особенно возбужденное и напуганное аграрнымъ движеніемъ крестьянства. Одновременно съ этимъ тотъ расколъ, который сказался въ рядахъ общественнаго движенія уже послѣ закона 6 августа, съизданіемъ манифеста 17 октября выступилъ еще болѣе явственно и рѣзко. Либеральная оппозиція, успѣвшая за осенніе и зимніе мѣсяцы 1905 г. сорганизоваться въ нѣсколько партій, среди которыхъ наиболѣе видное и вліятельное положеніе заняла партія конституціонно-демократическая, считала, что съ провозглашеніемъ политической свободы и учрежденіемъ законодательной Г. Думы основная задача революціи достигнута, и всѣ дальнѣйшія надежды возлагала на парламентскую борьбу. Соотвѣтственно этому либеральныя партіи все свое вниманіе обратили на подготовку выборовъ въ Думу, и если даже первоначально у нихъ и были нѣкоторыя сомнѣнія въ прочности достигнутыхъ успѣховъ, то въ дальнѣйшемъ, постепенно увлекаясь борьбой съ „бойкотистами“, онѣ все болѣе убѣждали себя и другихъ въ безусловной невозможности роспуска Думы и возврата къ старому порядку.

Съ своей стороны, правительство, стремясь возстановить свой кредитъ на Западѣ, совсѣмъ было подорванный неудачной войной и послѣдовавшей за ней революціей, также было озабочено осуществленіемъ созыва Думы, который, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ сторонникъ наблюдателей, долженъ былъ знаменовать собою примиреніе его съ населеніемъ и вступленіе Россіи на путь спокойнаго и нормальнаго развитія. Поэтому, подавивъ въ концѣ 1905 года путемъ карательныхъ экспедицій и другихъ репрессій аграрныя волненія въ прибалтійскихъ, центральныхъ и южныхъ губерніяхъ, обрушивъ рядъ суровыхъ репрессій на волновавшихся рабочихъ и, прежде всего, на объединявшія ихъ организаціи и жестоко усмиривъ попытки возстанія, предпринятыя въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, правительство съ начала 1906 года стало принимать энергичныя мѣры къ созыву Думы, стараясь парализовать агитацію „бойкотистовъ“. Указомъ сенату отъ 12 февр. 1906 г. срокъ созыва Думы былъ назначенъ на 27 апрѣля. Другимъ указомъ, изданнымъ 20 февраля, законный составъ Думы временно опредѣлялся всего въ 150 человѣкъ, хотя общее число ея членовъ должно было превышать 500 человѣкъ. 8 марта были изданы спеціальныя правила, направленныя противъ бойкота выборовъ, правила, которыя даже „возбужденіе къ массовому воздержанію отъ участія въ выборахъ“ объявляли преступленіемъ и предлагали карать тюремнымъ заключеніемъ на срокъ отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ. Но, принимая мѣры къ тому, чтобы обезпечить созывъ Думы, правительство одновременно принимало мѣры и къ тому, чтобы обезпечить себя отъ Думы и обезвредить эту послѣднюю. Закономъ 20 февраля наряду съ Г. Думою былъ поставленъ, въ качествѣ верхней палаты, Г. Совѣтъ,

который впредь долженъ былъ составляться наполовину изъ членовъ по назначенію отъ короны, наполовину изъ выборныхъ отъ помѣстныхъ дворянъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, крупныхъ промышленниковъ, высшаго духовенства, университетовъ и академіи наукъ. Права Г. Совѣта вполнѣ приравнивались къ правамъ Думы, и манифестъ 20 февраля, оставляя дѣло утвержденія законовъ всецѣло въ рукахъ монарха, вмѣстѣ съ тѣмъ постановлялъ „общимъ правиломъ, что, со времени созыва Г. Совѣта и Г. Думы, законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы". Однако, изъ этого правила допускались и исключенія. Если бы во время прекращенія занятій Г. Думы чрезвычайныя обстоятельства вызвали необходимость въ законодательной мѣрѣ, такая мѣра могла быть принята монархомъ по представленію совѣта министровъ, съ тѣмъ лишь, чтобы она не вносила измѣненій ни въ основные законы, ни въ учрежденія Г. Совѣта и Г. Думы, ни въ порядокъ выбора послѣднихъ. Дѣйствіе такой мѣры должно было прекратиться, если бы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы въ нее не былъ внесенъ соотвѣтствующій этой мѣрѣ законопроектъ, или Г. Дума либо Г. Совѣтъ не приняли такого законопроекта. Въ то же время созывъ Думы, ея досрочное распущеніе, продолжительность ежегодныхъ занятій и сроки ихъ перерыва опредѣлялись указами монарха, и, стало быть, правительство сохраняло возможность въ любую минуту избавиться отъ Думы и создать условія для внѣдумскаго законодательства. Не менѣе важное значеніе имѣлъ и другой законъ, изданный 8 марта и касавшійся правъ Думы въ области бюджета. Согласно этому закону, въ названной области вовсе не должны были подлежать обсужденію Думы кредиты на расходы по министерству двора въ суммахъ, не превышающихъ тѣхъ, какія назначены на эти расходы росписью на 1906 годъ, и такія измѣненія этихъ кредитовъ, которыя „обусловливаются постановленіями учрежденія объ императорской фамиліи, соотвѣтственно происшедшимъ въ ней перемѣнамъ". Точно также не подлежали обсужденію Думы и кредиты на расходы собственной Его Величества канцеляріи и канцеляріи по принятію прошеній и на непредусмотрѣнные смѣтами расходы на экстренныя надобности, разъ эти кредиты назначаются въ суммахъ, не превышающихъ соотвѣтственныхъ суммъ росписи 1906 г. Остальныя статьи росписи Дума могла обсуждать, но мало что могла въ нихъ измѣнять. Назначенія на платежи по государственнымъ долгамъ и другимъ принятымъ на себя государствомъ обязательствамъ не подлежали сокращенію. „При обсужденіи проекта государственной росписи—говорилъ далѣе законъ—не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ". Въ случаѣ неутвержденія росписи къ началу смѣтнаго періода должна была оставаться въ силѣ роспись предыдущаго года, лишь съ измѣненіями, вносимыми въ нее исполненіемъ вновь принятыхъ законовъ, и совѣту министровъ предоставлялось открывать отдѣльнымъ вѣдомствамъ временные кредиты, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они въ своей совокупности не превышали въ мѣсяцъ одной двѣнадцатой части общаго итога расходовъ по росписи. Непредусмотрѣнные росписью экстренные расходы на неотложныя надобности должны были по общему правилу производиться лишь съ утвержденія Думы. Но и это правило было снабжено исключеніемъ. Если получить утвержденіе Думы по краткости времени представлялось невозможнымъ, то необходимый кредитъ могъ быть открытъ и постановленіемъ совѣта министровъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи—не позже двухъ мѣсяцевъ послѣ начала новой сессіи Думы — о такомъ постановленіи было внесено въ Думу особое представленіе, при чемъ о кредитахъ, требующихъ тайны, представленія должны были вноситься въ Думу „по миновании необходимости въ сохраненіи тайны". Всѣми этими постановленіями, забро-

нировывавшими почти весь бюджетъ отъ воздѣйствія на него со стороны Думы, права послѣдней въ сферѣ государственнаго хозяйства были сведены до минимума, какъ законъ 20 февраля свелъ ихъ до минимума въ области законодательства и надзора за управленіемъ. Въ то же время правительство издало рядъ „временныхъ правилъ", существенно ограничивавшихъ данныя въ манифестѣ 17 октября обѣщанія свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Наконецъ, всего за нѣсколько дней до открытія засѣданій Г. Думы, 23 апрѣля, былъ опубликованъ вновь составленный сводъ основныхъ государственныхъ законовъ, причемъ въ число этихъ основныхъ государственныхъ законовъ, на которые не должна была распространяться инициатива Г. Думы, были включены всѣ важнѣйшія ограниченія правъ Думы, установленныя актами 20 февраля и 8 марта. Такимъ образомъ, хотя Дума и оставалась въ теоріи законодательнымъ учрежденіемъ, правительство могло считать себя гарантированнымъ отъ всякихъ аттакъ съ ея стороны и въ сущности сохраняло за собою полную свободу дѣйствій. Помимо всего этого оно постаралось заранѣе обезпечить себя и въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ и, воспользовавшись какъ бы наступившимъ въ странѣ во время выборовъ успокоеніемъ, успѣло заключить за границей, на крайне тяжелыхъ для страны условіяхъ, громадный заемъ въ 850 милл. р. Вслѣдъ затѣмъ, почти передъ самымъ открытіемъ думскихъ засѣданій, произошла перемѣна и въ личномъ составѣ правительства: гр. Витте на посту предсѣдателя совѣта министровъ замѣнилъ г. Горемыкинъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ вмѣсто П. Н. Дурново бывшій саратовскій губернаторъ, П. А. Столыпинъ.

При такихъ условіяхъ состоялись выборы въ первую Г. Думу. Правительство пустило въ ходъ всю силу административнаго воздѣйствія, находившуюся въ его распоряженіи, чтобы произвести давленіе на выборъ депутатовъ, и не останавливалось въ этомъ давленіи ни передъ какими крайними мѣрами. Но такъ велико было народное возбужденіе и такъ мало оказалось въ странѣ сторонниковъ стараго порядка, что ни это административное давленіе, ни уродливая избирательная система не помѣшали выборамъ принять яркій оппозиціонный характеръ. Соціалистическія партіи, агитировавшія противъ выборовъ, не приняли участія въ нихъ, и если нѣкоторые члены этихъ партій и вошли въ Думу, то не въ качествѣ представителей своихъ партійныхъ организацій. Исключеніемъ въ этомъ случаѣ явились лишь нѣкоторыя мѣстныя организаціи соціалъ-демократовъ, въ послѣдній моментъ измѣнившія свой лозунгъ и успѣвшія выставить и провести своихъ кандидатовъ. Но число такихъ исключеній было крайне невелико, а въ общемъ объ соціалистическія партіи (соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ), существовавшія въ то время, послѣдовательно провели лозунгъ бойкота выборовъ, увлекши за собою на этотъ путь и промышленный пролетаріатъ большей части крупныхъ городовъ. И тѣмъ не менѣе составъ Думы, когда она собралась, оказался чуть не сплошь оппозиціоннымъ. Наиболѣе видное мѣсто въ ней заняла конституціонно-демократическая партія, къ которой принадлежало около 180 депутатовъ. За нею слѣдовала стоявшая лѣвѣе ея, особенно въ аграрномъ вопросѣ, трудовая группа, сорганизовавшаяся, главнымъ образомъ, изъ депутатовъ-крестьянъ, передъ самымъ открытіемъ Думы, продолжавшая свою организацію во время думскихъ работъ и насчитывавшая въ своихъ рядахъ 94 депутата. Еще лѣвѣе стояла небольшая группа соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ 17 человѣкъ, образовавшаяся съ пріѣздомъ въ Думу въ іюнѣ партійныхъ соціалъ-демократовъ съ Кавказа. Оппозиціонный, хотя гораздо болѣе умѣренный, характеръ носилъ и образовавшійся уже въ самой Думѣ союзъ автономистовъ, насчитывавшій въ себѣ 120 депутатовъ, изъ которыхъ, однако, только 63 не принадлежали одновременно и къ другимъ партіямъ. Очень близко къ к.-д. партіи стояла, а временами проявляла даже большую сравнительно съ ней рѣши-

тельность, небольшая группа депутатовъ (6 чел.), принадлежавшихъ къ партіи демократическихъ реформъ. На крайнемъ правомъ крылѣ оппозиціи стояли 30 депутатовъ польскаго кола, принадлежавшихъ къ польской національ-демократіи, и 13 октябристовъ; однако, наиболѣе видные руководители этой послѣдней группы уже очень скоро вышли изъ союза 17 октября, который въ лицѣ своихъ внѣдумскихъ дѣятелей стремился возможно ближе подойти къ правительству, и образовали въ самой Думѣ новую организацію подъ названіемъ партіи мирнаго обновленія. Откровенныхъ правыхъ среди членовъ Думы было очень мало, и они совсѣмъ терялись въ сплошной массѣ оппозиціи. Правительство попыталось было организовать подъ руководительствомъ деп. Ерогина правую крестьянскую партію, но эта попытка окончилась плачевной неудачей. Быстро таяло въ Думѣ и число безпартійныхъ депутатовъ: въ началѣ дѣятельности Думы ихъ было 105, къ моменту же ея роспуска безпартійныхъ насчитывалось всего 45.

При всей своей оппозиціонности громадное большинство членовъ первой Г. Думы пришло въ нее съ намѣреніемъ заниматься мирной законодательной работой, направленной къ коренному переустройству условій русской жизни, и съ твердой увѣренностью, что такая работа будетъ вполнѣ возможна, а если на ея почвѣ и разыграется конфликтъ съ реакціонными силами правительства, то этотъ конфликтъ разрѣшится вполнѣ благополучно, такъ какъ правительство не найдетъ въ себѣ мужества распустить Думу. Особенно сильна была такая увѣренность въ рядахъ наиболѣе многочисленной, сплоченной и организованной и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе богатой интеллигентными силами партіи въ Думѣ—партіи конституціонно-демократической. Изъ ея среды былъ выбранъ предсѣдатель Думы въ лицѣ С. А. Муромцева и два товарища предсѣдателя—кн. Петръ Дм. Долгоруковъ и В. А. Гредескулъ. Въ ея рукахъ естественно сосредоточилось и главное руководство думскими работами, хотя до извѣстной степени ей, какъ не имѣвшей своего большинства въ Думѣ, и приходилось считаться со своими сосѣдями, особенно съ трудовой группой, которая не располагала еще, правда, собственной прочной организаціей въ странѣ, но зато въ нѣкоторой мѣрѣ отражала въ своихъ дѣйствіяхъ настроенія лѣвыхъ партій и радикальныхъ общественныхъ элементовъ, не вошедшихъ въ Думу. Во всякомъ случаѣ, преобладающимъ вліяніемъ въ Думѣ было вліяніе конституціоналистовъ-демократовъ, а преобладающимъ стремленіемъ среди послѣднихъ—стремленіе путемъ энергичной, но мирной парламентской работы обратить Думу въ центръ организованной власти для страны. Но это стремленіе сразу же столкнулось съ противоположными тенденціями правительства. Вѣрное своей политикѣ оттягиванія, правительство сперва предполагало, послѣ выполненія Думою первыхъ формальностей, распустить ее до осени, и въ этомъ смыслѣ поведены были переговоры съ предсѣдателемъ Думы. Когда выяснилось, что Дума рѣшительно воспротивится такому плану, оказалось, что правительству нечѣмъ занять ея досугъ, и въ концѣ концовъ на ея разсмотрѣніе былъ предложенъ вопросъ о постройкѣ прачешной и оранжерей въ юрьевскомъ университетѣ. Дума, рвавшаяся къ реформаторской работѣ, могла увидѣть въ этомъ предложеніи только насмѣшку и поторопилась сама обратиться къ наиболѣе общимъ и жгучимъ вопросамъ русской жизни. На почвѣ этихъ вопросовъ конфликтъ былъ неминуемъ, и онъ намѣтился съ первыхъ же дней думскихъ засѣданій.

Первымъ словомъ, раздавшимся изъ устъ депутатовъ въ Таврическомъ дворцѣ, отведенномъ для засѣданій Думы, было заявленіе о необходимости амнистіи по религіознымъ, политическимъ и аграрнымъ преступленіямъ, но это заявленіе осталось совершенно безрезультатнымъ. Когда Дума въ отвѣтъ на тронную рѣчь выработала адресъ, въ которомъ изложила свою программу реформаторскихъ работъ, правительство 13 мая устами предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина отвѣтило декларацiей, въ

которой заявило, что высказанныя Думой пожеланія частью выходятъ за предѣлы ея компетенціи, частью не раздѣляются правительствомъ, и, въ частности, аграрная реформа на тѣхъ началахъ, на какихъ она была предположена Думой, съ принудительнымъ отчужденіемъ частновладѣльческихъ земель, является „безусловно недопустимой". Эта министерская декларація вызвала въ Думѣ бурю негодованія, закончившуюся выраженіемъ „полнаго недовѣрія" министерству и пожеланіемъ „немедленнаго выхода его въ отставку и замѣны министерствомъ, пользующимся довѣріемъ народныхъ представителей". Министерство Горемыкина выслушало эту чуть не единогласно принятую резолюцію и осталось на мѣстѣ. Съ этого дня отношенія правительства и Думы окончательно выяснились и пріобрѣли вполнѣ опредѣленный характеръ. Правительство вело себя такъ, какъ будто съ созывомъ Думы ничего не измѣнилось и не должно было измѣниться въ ходѣ русской государственной жизни, и Думѣ все острѣе приходилось чувствовать свое полное безсиліе. Засыпаемая жалобами населенія, она обращалась къ министрамъ съ запросами по поводу незаконныхъ дѣйствій агентовъ власти, указывая на случаи грубыхъ насилій, беззаконныхъ арестовъ, подстрекательствъ къ погромамъ и смертныхъ казней. Министры упорно отвѣчали, что во всѣхъ этихъ случаяхъ они не видятъ ничего незаконнѣрнаго. Дума попыталась стать на другой путь и возбудила вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни въ законодательномъ порядкѣ. Правительство выждало полностью мѣсячный срокъ, который предоставлялся ему Учрежденіемъ Думы въ случаяхъ проявленія думской законодательной иниціативы, и тогда отвѣтило, что оно считаетъ подобную отмѣну несвоевременной. И хотя Дума послѣ этого въ одномъ засѣданіи (19 іюня) выработала и единогласно провела законопроектъ о полной отмѣнѣ смертной казни, было очевидно, что у этого законопроекта нѣтъ никакихъ шансовъ стать закономъ, и смертныя казни попрежнему продолжали совершаться въ странѣ. Вынужденная сама находить матеріалъ для своей работы, Дума занялась выработкою ряда законопроектовъ, направленныхъ къ установленію гражданскихъ и политическихъ правъ населенія Россіи, и предварительнымъ обсужденіемъ основныхъ положеній проекта разрѣшенія земельнаго вопроса (такихъ проектовъ было внесено въ Думу и передано ею въ спеціальную комиссію два: одинъ, за подписью 44 депутатовъ, отъ к.-д. партіи, другой, за подписью 104 депутатовъ, отъ трудовой группы; былъ внесенъ въ Думу, за подписью 33 депутатовъ, и третій проектъ, близкій къ программѣ партіи с.-р., но Дума отказалась передать его въ комиссію). Чѣмъ дальше подвигалась, однако, эта работа, то и дѣло перемежавшаяся обсужденіемъ обращенныхъ къ правительству запросовъ, тѣмъ болѣе выяснялась полная ея практическая безплодность въ данныхъ условіяхъ. Дума собиралась установить новый свободный государственный строй, а вокругъ нея въ жизни царилъ ничѣмъ не ограниченный произволъ, и она безсильна была справиться со всякимъ конкретнымъ его проявленіемъ. Когда 1 іюня въ Бѣлостокѣ разразился грандіозный еврейскій погромъ, Дума, разслѣдовавъ его черезъ уполномоченныхъ ею депутатовъ, констатировала участіе въ немъ чиновъ мѣстной администраціи и полиціи и войскъ мѣстнаго гарнизона, но правительство и послѣ этого оставило неприкосновенной всю администрацію Бѣлостока и объявило благодарность войскамъ тамошняго гарнизона за ихъ образцовое поведеніе. Не ставъ центромъ власти, Дума при такихъ условіяхъ постепенно стала лишь центромъ народныхъ жалобъ, стекавшихся въ нее со всѣхъ концовъ и находившихъ свое отраженіе въ рѣчахъ думскихъ ораторовъ. Но и въ этой своей роли Дума представлялась неудобной, и правительство, сперва еще державшееся по отношенію къ ней осторожно, рѣшило перейти въ наступленіе. Почвою, на которой разыгралось окончательное столкновеніе, послужилъ аграрный вопросъ. Дебаты по нему начались въ Думѣ еще съ 15 мая, и правительство первоначально принимало уча-

стіе въ нихъ, разсчитывая привлечь на свою сторону крестьянъ. Но когда эта попытка окончилась полной неудачей и выяснилось, что значительное большинство членовъ Думы стоитъ за обращеніе на народныя нужды казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ и монастырскихъ земель и за принудительное отчужденіе для той же цѣли земель частновладѣльческихъ, правительство перешло къ другимъ пріемамъ и 20 іюня опубликовало особое „правительственное сообщеніе“, указывавшее населенію, что земельная реформа такого рода ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть осуществлена. Это сообщеніе, полагавшее явственный предѣлъ законодательной работѣ Думы, вызвало въ послѣдней большое негодованіе, и въ засѣданіи 26 іюня по предложенію деп. Кузьмина-Караваева (партіи дем. реформъ), поддержанному деп. Мухановымъ (к.-д. партіи), Дума рѣшила, въ противовѣсъ правительственному сообщенію, обратиться къ населенію съ особымъ разъясненіемъ, въ которомъ указывались бы характеръ и направленіе работъ Думы въ области земельнаго вопроса и давался бы совѣтъ спокойно выжидать результата этихъ работъ. Въ засѣданіи 6 іюля деп. Петрункевичъ (к.-д.) внесъ новую редакцію разъясненія, въ которой еще болѣе настоятельно подчеркивалась необходимость для населенія соблюдать спокойствіе и вѣрить въ успѣхъ думскихъ работъ. Противъ этого предложенія дѣлались съ разныхъ сторонъ и возраженія. Правые находили, что проектируемое разъясненіе вообще ненужно и что Дума, обращаясь къ населенію, выходитъ за предѣлы своей компетенціи; польское коло требовало оговорки, что предположенное большинствомъ Думы разрѣшеніе земельнаго вопроса не будетъ распространено на польскія губерніи; съ своей стороны, трудовики и соціалъ-демократы считали ненужнымъ призывать населеніе къ спокойствію, не вѣря въ возможность для Думы провести аграрную реформу своими силами, безъ активной поддержки народа. Въ концѣ концовъ при голосованіи 6 іюля послѣдней редакціи проектированнаго разъясненія правые и соціалъ-демократы (всего 53 голоса) голосовали противъ него, трудовики и польское коло (всего 101 голосъ) воздержались отъ голосованія, и предложеніе опубликовать разъясненіе было принято голосами лишь 124 депутатовъ, принадлежавшихъ, главнымъ образомъ, къ к.-д. партіи. Но опубликовать это разъясненіе отъ лица Думы уже не пришлось, такъ какъ самое принятіе его послужило послѣднимъ толчкомъ къ осуществленію давно назрѣвавшаго у правительства рѣшенія избавиться отъ непокорной Думы.

Это рѣшеніе было принято не безъ нѣкоторыхъ опасеній и колебаній. Одно время эти колебанія доходили даже до такихъ размѣровъ, что отдѣльныя лица изъ правительственныхъ сферъ находили нужнымъ частнымъ образомъ справляться о томъ, на какихъ условіяхъ согласились бы вступить въ составъ министерства нѣкоторые дѣятели к.-д. партіи. Но по мѣрѣ того, какъ отчетливѣе выяснялись соціальныя тенденціи думскаго большинства, все непримиримѣе и враждебнѣе становилось и отношеніе къ Думѣ со стороны помѣстнаго дворянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ рядахъ правительства созрѣвала рѣшимость перейти отъ политики оттягиванія и выжиданія къ болѣе прямымъ дѣйствіямъ. Постановленіе Думы оповѣстить населеніе о своихъ планахъ въ области аграрнаго вопроса дало поводъ для такихъ дѣйствій, и роспускъ Думы послѣ этого былъ окончательно рѣшенъ. Съ этимъ рѣшеніемъ совпала и новая перемѣна въ составѣ правительства: Горемыкинъ удаленъ былъ отъ дѣлъ, и его мѣсто въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ занялъ Столыпинъ, сохранившій за собою и должность министра внутреннихъ дѣлъ. Одновременно съ этимъ былъ принятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы подавить всякій протестъ противъ дѣйствій правительства и по возможности затруднить самую организацію такого протеста. Въ Петербургѣ были закрыты всѣ соціалистическія газеты и запечатаны ихъ типографіи, были произведены массовые аресты подозрительныхъ въ глазахъ администраціи лицъ, и, наконецъ, въ городъ было стянуто значи-

тельное количество войскъ. Провинціальнымъ властямъ Столыпинымъ 7 іюля была разослана секретная телеграмма, въ которой имъ рекомендовалось озаботиться охраной правительственныхъ и желѣзнодорожныхъ сооруженій, телеграфовъ, банковъ, тюремъ, складовъ оружія и взрывчатыхъ веществъ, немедленно распорядиться обысками руководителей революціонныхъ и желѣзнодорожныхъ, а также боевыхъ организацій, агитаторовъ среди войскъ и хранителей оружія или бомбъ и, помимо всего этого, принять дѣйствительныя и твердыя мѣры къ обузданію печати. 8 іюля былъ подписанъ Высочайшій указъ о роспускѣ первой Г. Думы и о созывѣ второй черезъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ, къ 20 февраля 1907 г.; въ ночь съ 8 на 9 іюля Таврическій дворецъ былъ занятъ войсками, и утромъ 9 іюля члены первой Думы узнали о совершившемся фактѣ ихъ роспуска.

Для членовъ Думы, предсѣдателя которой Столыпинъ 7 іюля извѣстилъ о своемъ желаніи 10 іюля дать отвѣтъ на запросъ о бѣлостокскомъ погромѣ, закрытіе собранія явилось совершенно неожиданнымъ. Среди воцарившейся общей растерянности члены к.-д. партіи предложили немедленно ѣхать въ Выборгъ и тамъ устроить совѣщаніе членовъ Думы, которое могло бы пройти совершенно свободно и безъ помѣхъ. Въ тотъ же день значительное количество депутатовъ, дѣйствительно, выѣхало въ Выборгъ, и здѣсь, въ гостиницѣ „Бельведеръ“, 9 и 10 іюля состоялось совѣщаніе бывшихъ членовъ Думы, закончившееся составленіемъ т. н. „выборгскаго воззванія“, которое было подписано 180 депутатами, главнымъ образомъ, изъ среды конституціоналистовъ - демократовъ, трудовиковъ и соціалъ-демократовъ. Сообщая о фактѣ роспуска Думы и его основной причинѣ — разногласіи Думы съ правительствомъ въ земельномъ вопросѣ, — воззваніе далѣе утверждало, что „правительство не имѣетъ права безъ согласія народнаго представительства ни собирать налоги съ народа, ни призывать народъ на военную службу“, и убѣждало населеніе до созыва народнаго представительства не давать солдатъ и не платить налоговъ. Немедленно же распространенное по Россіи въ большомъ числѣ экземпляровъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ воззваніе, дѣйствительно, вызвало со стороны крестьянъ отказъ платить подати, но за такимъ отказомъ повсюду сейчасъ же слѣдовали суровыя репрессіи. Въ общемъ, условія русской жизни всего менѣе благопріятствовали такому средству борьбы, какъ податная и рекрутская забастовка, и послѣдняя вовсе не осуществилась, а первая не получила особенно широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что даже партіи, члены которыхъ подписали выборгское воззваніе, не считали для себя обязательнымъ активное проведеніе его лозунговъ въ жизнь, какъ, впрочемъ, не считали это обязательнымъ и многіе изъ подписавшихъ самое воззваніе. Не разгорѣлось въ результатѣ роспуска Думы среди оставшихся безъ авторитетнаго руководительства массъ и общихъ открытыхъ безпорядковъ, которыхъ опасалось правительство и ожидала часть общества. Въ Свеаборгѣ, Ревелѣ, Кронштадтѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ произошли, правда, попытки военныхъ возстаній, но все это были отдѣльныя и розрозненныя вспышки, которыя правительству удалось быстро подавить. Въ свою очередь, промышленная забастовка, начатая было по предложенію с.-д. партіи въ Петербургѣ и Москвѣ, не встрѣтила большого сочувствія даже въ рабочихъ массахъ этихъ городовъ и скоро прекратилась. Осложнивъ и обострившъ затяжной процессъ развивавшагося въ странѣ броженія, роспускъ Думы не вызвалъ, однако, какого-либо общаго выступленія, которое могло бы сразу рѣшить дѣло въ ту или другую сторону.

За 72 днями существованія первой Г. Думы послѣдовало $7^1/_2$ мѣсяцевъ междудумья, во время которыхъ правительство принимало самыя энергичныя мѣры для усмиренія страны, широко использовавъ, между прочимъ, для этого право внѣдумскаго законодательства, оговоренное за нимъ закономъ 20 февраля и затѣмъ закрѣпленное 87 статьею основныхъ зако-

новъ. Не довольствуясь проведеніемъ въ порядкѣ этой статьи такихъ мѣръ уголовной репрессіи, какъ учрежденіе военно-полевыхъ судовъ, оно въ томъ же порядкѣ провело и нѣкоторыя мѣры соціальнаго характера, разсчитанныя на то, чтобы отвлечь вниманіе крестьянства отъ помѣщичьихъ земель, разжечь въ немъ собственническіе инстинкты и тѣмъ самымъ ослабить вліяніе соціалистической пропаганды. Съ такими цѣлями былъ изданъ законъ 9 ноября 1906 г., направленный къ насильственному разрушенію общины и явившійся наиболѣе крупнымъ и характернымъ актомъ соціальной политики правительства Столыпина. Когда же, наконецъ, подошелъ срокъ выборовъ въ Думу, правительство съ еще большей энергіей, чѣмъ при выборахъ первой Думы, пустило въ ходъ съ цѣлью давленія на избирателей всѣ мѣры административнаго воздѣйствія, находившіяся въ его распоряженіи. Въ частности, значительное количество избирателей, принадлежавшихъ къ наиболѣе демократическимъ слоямъ общества, было устранено отъ выборовъ при помощи сената, давшаго ограничительныя разъясненія цѣлому ряду статей закона 11 декабря. И тѣмъ не менѣе въ конечномъ итогѣ выборовъ составъ второй Думы получился еще болѣе оппозиціонный, чѣмъ составъ первой.

На этотъ разъ и соціалистическія партіи не уклонились отъ выборовъ, рѣшивъ, что теперь, послѣ всего пережитого, ихъ участіе въ выборахъ не можетъ уже способствовать укрѣпленію въ народныхъ массахъ вредныхъ для дѣла освободительной борьбы конституціонныхъ иллюзій. Правда, ни одной изъ соціалистическихъ и вообще лѣвыхъ группъ не удалось провести въ Думу никого изъ своихъ главныхъ руководителей—всѣ они или не имѣли возможности открыто выступать на выборахъ, или же были заблаговременно такъ или иначе „разъяснены“,—но при всемъ томъ въ Думѣ образовались довольно многочисленныя фракціи трудовиковъ, соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Даже молодая, сорганизовавшаяся только послѣ роспуска первой Думы, партія народныхъ соціалистовъ насчитывала во второй Думѣ 18 депутатовъ, входившихъ въ ея партійную фракцію или примыкавшихъ къ ней. Зато конституціоналисты-демократы прошли во вторую Думу въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ первую, частью потому, что и ихъ коснулась „разъяснительная“ политика правительства (въ частности, всѣ лица, подписавшія выборгское воззваніе, были привлечены къ суду по 1 п. 129 ст. Угол. Уложенія и тѣмъ самымъ лишены избирательныхъ правъ), частью вслѣдствіе появленія и успѣха на выборахъ болѣе лѣвыхъ кандидатуръ. Изъ партіи демократическихъ реформъ во вторую Думу прошелъ одинъ депутатъ (Кузьминъ-Караваевъ), изъ партіи мирнаго обновленія—два. Сравнительно близко къ к.-д. партіи стояла еще небольшая мусульманская группа, въ которую, впрочемъ, входило и нѣсколько болѣе лѣвыхъ депутатовъ. Правый флангъ Думы составляли польское коло, сохранившее прежнюю свою численность и прежнюю позицію, и замѣтно увеличившіеся въ числѣ, благодаря энергичной поддержкѣ, оказанной имъ на выборахъ правительствомъ, октябристы и крайніе правые. Въ общемъ распредѣленіе партій въ Думѣ на этотъ разъ было таково, что думскій центръ, образуемый к.-д. партіей и близкими къ ней группами, могъ пріобрѣсти большинство, только опираясь на лѣвое или правое крыло Думы.

20 февраля 1907 г. вторая Г. Дума открыла свои засѣданія, выбравъ своимъ предсѣдателемъ конст.-демократа Ф. А. Головина, а его товарищами трудовика М. Е. Березина и безпартійнаго лѣваго Н. Н. Познанскаго. На этотъ разъ правительство подготовилось къ созыву Думы и внесло въ нее немалое количество законопроектовъ, частью повторявшихъ и развивавшихъ законы, изданные имъ во время междудумья, частью проектировавшихъ нѣкоторыя передѣлки въ отдѣльныхъ частяхъ государственнаго механизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, правительство сразу же заняло вполнѣ опредѣленную боевую позицію по отношенію къ Думѣ. Между тѣмъ внутри думской оппозиціи дѣйствовали противорѣчивыя тенден-

ціи. К.-д. партія, запуганная угрозами правительства, заранѣе рѣшила „беречь Думу“ и въ виду этого старательно избѣгала особенно рѣзкихъ конфликтовъ, стремясь придать думской работѣ возможно болѣе будничный характеръ. Стараясь избѣжать конфликтовъ, к-д. фракція вотировала за утвержденіе бюджета и затребованнаго правительствомъ контингента арміи, и это же стараніе заставило ее оттягивать разсмотрѣніе земельныхъ законопроектовъ правительства, соотвѣтствовавшихъ закону 9 ноября 1906 г., который въ случаѣ неутвержденія Думою этихъ законопроектовъ долженъ былъ потерять свою силу. И вообще по мѣрѣ того, какъ шли впередъ думскія засѣданія, к.-д. фракція въ своемъ стремленіи „сберечь Думу“ все чаще соединялась съ правыми ея фракціями противъ лѣвыхъ. Эти послѣднія группы проявляли несравненно больше послѣдовательности въ своей оппозиціи правительству, но все же и онѣ, не чувствуя за собою достаточно сильной поддержки внѣ Думы, подчасъ поддавались опасеніямъ думскаго центра и, если сами не уклонялись отъ конфликта, то не развивали и достаточной энергіи, чтобы повести за собою большинство Думы навстрѣчу ему. Но уже одинъ фактъ присутствія въ Думѣ лѣвыхъ и соціалистическихъ группъ, пользовавшихся депутатской неприкосновенностью и дѣятельно развивавшихъ свою пропаганду, раздражалъ правительство и стоявшіе за нимъ дворянскіе круги, какъ раздражала ихъ и невозможность добиться полной покорности со стороны Думы. И при всемъ желаніи думскаго большинства избѣжать конфликта онъ разразился довольно быстро, и при томъ по самому неожиданному поводу и въ самой грубой формѣ. 1 іюня Думѣ было предъявлено предсѣдателемъ совѣта министровъ требованіе немедленно устранить изъ своего состава всю соціалъ-демократическую фракцію, какъ обвиняемую по 1 ч. 102 ст. Угол. Уложенія, въ заговорѣ противъ государства и царской власти, и дать согласіе на арестъ 16 депутатовъ изъ среды этой фракціи. Когда же думское большинство, составившееся изъ конституціоналистовъ-демократовъ и лѣвыхъ, не согласилось немедленно исполнить это требованіе, а предварительно передало его для провѣрки степени его основательности въ спеціальную комиссію, въ которой такая основательность была сильно заподозрѣна, то былъ нанесенъ и окончательный ударъ. 3 іюня состоялся указъ о роспускѣ второй Г. Думы и созывѣ третьей—къ 1 ноября 1907 г. Но на этотъ разъ дѣло не окончилось однимъ роспускомъ Г. Думы. Правительство достаточно убѣдилось въ томъ, что на почвѣ созданной имъ избирательной системы оно можетъ получить только оппозиціонную Думу, въ частности убѣдилось и въ оппозиціонномъ настроеніи крестьянскихъ массъ, въ которыхъ оно, проектируя Думу 6 августа, еще разсчитывало найти оплотъ консерватизма. И въ результатѣ настояній помѣстнаго дворянства, не взирая на то, что, согласно основнымъ законамъ, законъ о порядкѣ выборовъ въ Думу могъ быть измѣненъ только съ согласія самой Думы, одновременно съ указомъ о роспускѣ второй Думы былъ опубликованъ и новый избирательный законъ—Положеніе 3 іюня.

Это Положеніе, прежде всего, совершенно лишило права представительства въ Думѣ рядъ окраинъ—среднеазіатскія владѣнія Россіи и области Акмолинскую, Семипалатинскую, Тургайскую, Уральскую и Якутскую. Для другихъ окраинъ это право подверглось существеннымъ ограниченіямъ: всей Азіатской Россіи теперь было предоставлено избирать только 15 депутатовъ; Кавказъ, вмѣсто прежнихъ 29 депутатовъ, долженъ былъ посылать въ Думу только 10, Царство Польское, вмѣсто прежнихъ 37, только 14. Вдобавокъ, изъ этихъ 14 депутатовъ два были назначены на Варшаву, раньше посылавшую одного депутата, но изъ этихъ двухъ одного должны были теперь избирать выборщики, избранные „проживающими въ Варшавѣ лицами русскаго происхожденія, имѣющими право участія въ выборахъ въ Г. Думу“, при чемъ „ближайшее опредѣленіе того, кто именно долженъ быть признаваемъ лицомъ русскаго происхожденія“, предоставлялось варшавскому генералъ-губернатору. Подобный же порядокъ

устанавливался для Виленской и Ковенской губерній, гдѣ „русскому населенію“ предоставлялось „отдѣльно отъ прочаго населенія избирать изъ общаго числа членовъ Г. Думы, положеннаго на данныя губерніи, двухъ членовъ Думы по Виленской губерніи и одного по Ковенской“, при чемъ лицами русскаго происхожденія здѣсь должны были считаться православные, старообрядцы и лютеране, а „ближайшее опредѣленіе“ русскаго происхожденія въ отдѣльныхъ случаяхъ передавалось въ безапелляціонное вѣдѣніе виленскаго генералъ-губернатора.

Наряду съ представительствомъ окраинъ сокращенію подверглось и самостоятельное представительство городовъ. Изъ 26 городовъ, имѣвшихъ раньше право посылать въ Думу депутатовъ отдѣльно отъ населенія своихъ губерній, Положеніе 3 іюня сохранило это право только за семью. Изъ нихъ въ двухъ—Варшавѣ и Лодзи—была сохранена двухстепенная система выборовъ. Въ остальныхъ же пяти—Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Ригѣ и Одессѣ—двухстепенные выборы замѣнены прямыми, но при этомъ избиратели раздѣлены на двѣ куріи, изъ которыхъ каждая выбираетъ одинаковое количество депутатовъ; Петербургу и Москвѣ оставлялось старое количество депутатовъ — 6 и 4, Кіеву, Одессѣ, и Ригѣ, раньше посылавшимъ по одному депутату, теперь назначалось по два. Самыя куріи городскихъ избирателей были построены на началѣ имущественнаго ценза. Въ первую курію входили: „1) лица, владѣющія въ предѣлахъ города на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія не менѣе года недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по оцѣнкѣ, опредѣленной для взиманія городского сбора: въ столицахъ—не менѣе 3.000 р., а въ остальныхъ городахъ 1.500 р.; 2) лица, владѣющія въ предѣлахъ города не менѣе года требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово - промышленнымъ предпріятіемъ: а) въ столицахъ—торговымъ перваго разряда, промышленнымъ одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ, или пароходнымъ, по содержанію котораго уплачивается не менѣе 500 р. въ годъ основного промысловаго налога, б) въ прочихъ городахъ—торговымъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ одного изъ первыхъ пяти разрядовъ, или пароходнымъ, по содержанію котораго уплачивается не менѣе 50 р. въ годъ основного промысловаго налога“. Ко второй же куріи были отнесены мелкіе собственники, промышленники и торговцы, лица, имѣющія цензъ по своимъ личнымъ промысловымъ занятіямъ либо по государственной или общественной службѣ, плательщики квартирнаго налога и вообще квартиронаниматели. Такимъ образомъ, половина представительства отъ названныхъ пяти городовъ была отдана въ руки количественно немногочисленной крупной буржуазіи, и въ пользу этой послѣдней было существенно ограничено избирательное право другихъ слоевъ городского населенія.

Еще болѣе круто и рѣшительно былъ измѣненъ характеръ губернскаго представительства. Въ губерніяхъ Положеніемъ 3 іюня была сохранена и прежняя система многостепенныхъ выборовъ, и прежнее дѣленіе избирателей на разряды съ соотвѣтствующими съѣздами—крестьянъ, землевладѣльцевъ, горожанъ и рабочихъ, при чемъ избранные этими съѣздами выборщики объединяются только въ губернскомъ избирательномъ собраніи. Но въ двухъ губерніяхъ (Астраханской и Оренбургской) и въ Области Войска Донского къ этимъ разрядамъ былъ прибавленъ еще одинъ въ видѣ самостоятельныхъ выборныхъ отъ казачьихъ станицъ. Кромѣ того, разрядъ горожанъ былъ разбитъ теперь на два разряда, имѣющіе особые съѣзды, при чемъ въ первый разрядъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано на самостоятельныхъ городскихъ выборахъ, были выдѣлены избиратели, принадлежащіе къ крупной буржуазіи, а во второй—всѣ остальные. Въ дальнѣйшемъ всѣ эти разряды избирателей были обращены въ особыя избирательныя куріи. Тогда какъ раньше одни только крестьяне располагали правомъ посылать въ Думу особаго депутата, избраннаго изъ состава ихъ выборщиковъ, теперь такое право было распространено на всѣ разряды избирателей въ губерніяхъ. Крестьянамъ и землевладѣльцамъ такое право было предоста-

влено во всѣхъ губерніяхъ, казакамъ—въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской и въ Области Войска Донского, рабочимъ—въ шести губерніяхъ. Что касается горожанъ, то въ 25 губерніяхъ долженъ былъ выбираться одинъ депутатъ отъ обоихъ разрядовъ городскихъ избирателей, а въ остальныхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему учрежденію, кромѣ Ставропольской, и въ Области Войска Донского — по одному депутату отъ каждаго разряда. Въ основу выборовъ полагался, такимъ образомъ, принципъ сословнаго и классоваго представительства, но въ сущности и онъ не былъ проведенъ съ полной послѣдовательностью, и въ послѣдній моментъ выборовъ одинъ классъ получалъ безусловный перевѣсъ почти надъ всѣми другими. Тогда какъ при прежнемъ порядкѣ выборовъ особый депутатъ отъ крестьянъ каждой губерніи и выбирался исключительно крестьянскими выборщиками, теперь депутаты отъ отдѣльныхъ разрядовъ избирателей, хотя и должны были выбираться изъ числа выборщиковъ своего разряда, но выбирать ихъ должны были не одни только эти выборщики, а все губернское избирательное собраніе. Послѣднее, по Положенію 3 іюня, въ полномъ своемъ составѣ сперва выбираетъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ разрядовъ, а затѣмъ и извѣстное количество общихъ депутатовъ, назначенное на данную губернію. Такимъ образомъ, большинство выборщиковъ въ губернскомъ собраніи получало возможность выбрать депутатовъ и отъ всей губерніи, и отъ отдѣльныхъ разрядовъ ея населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ этому большинству былъ придань вполнѣ опредѣленный классовой характеръ. Въ 51 губерніяхъ Европейской Россіи, безъ Кавказа и Царства Польскаго, и въ двухъ сибирскихъ (Тобольской и Томской) по старому росписанію крестьянскіе выборщики составляли 43% всего числа выборщиковъ въ губерніяхъ, по новому имъ принадлежало лишь 22% этого числа. Зато выборщики отъ землевладѣльцевъ, по старому росписанію составлявшіе 31% общаго числа выборщиковъ, теперь составляли 50,4% этого числа. Одновременно съ этимъ количество выборщиковъ въ губерніяхъ отъ рабочихъ было сокращено почти вдвое, съ 211 до 112, а въ средѣ горожанъ первому разряду, куріи крупной буржуазіи, въ тѣхъ же 53 губерніяхъ было предоставлено 745 выборщиковъ, тогда какъ второму—всего 590. При дѣйствіи прежняго избирательнаго закона крестьянскіе выборщики имѣли на своей сторонѣ большинство въ 16 губерніяхъ, выборщики отъ землевладѣльцевъ—только въ двухъ губерніяхъ изъ 53-хъ. По новому росписанію крестьянскіе выборщики не получили большинства ни въ одной изъ этихъ 53 губерній, зато выборщики отъ землевладѣльцевъ получили абсолютное преобладаніе надъ всѣми остальными въ 28 губерніяхъ и въ 4 губерніяхъ составили ровно половину всего числа выборщиковъ; наконецъ, во всѣхъ 53 губерніяхъ выборщики отъ землевладѣльцевъ и отъ перваго разряда городскихъ избирателей, взятые вмѣстѣ, составили рѣшительное большинство надъ выборщиками всѣхъ остальныхъ группъ. Въ конечномъ итогѣ въ представительствѣ отъ губерній Положеніе 3 іюня отдало безусловно главенствующую роль въ руки частныхъ землевладѣльцевъ и крупной буржуазіи, а въ большинствѣ губерній—даже однихъ землевладѣльцевъ. Эти группы не только получали теперь прочное большинство, позволявшее имъ безпрепятственно проводить своихъ кандидатовъ на общихъ выборахъ, но могли еще оказывать сильное вліяніе и на выборы спеціальныхъ представителей отъ другихъ группъ, подбирая среди послѣднихъ наиболѣе желательныхъ для себя кандидатовъ. Помимо всего этого Положеніе 3 іюня установило еще рядъ болѣе мелкихъ, но все же существенныхъ ограниченій крестьянскаго и рабочаго представительства и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечило администраціи широкую возможность оказывать путемъ различныхъ ухищреній избирательной техники самое непосредственное вліяніе на выборы среди всѣхъ безъ исключенія разрядовъ избирателей.

Измученное борьбою населеніе встрѣтило роспускъ второй Думы и переворотъ, произведенный закономъ 3 іюня,

безъ какихъ-либо попытокъ открытаго сопротивленія. Осенью 1907 года безпрепятственно начались выборы въ третью Думу, и въ результатѣ этихъ выборовъ, въ свою очередь сопровождавшихся разнообразнымъ давленіемъ на избирателей, правительство получило, наконецъ, послушную Думу, вполнѣ пригодную для той декоративной роли, какую оно съ самаго начала назначало для этого учрежденія. Изъ лѣвыхъ партій соціалисты-революціонеры вовсе уклонились отъ участія въ выборахъ, вернувшись къ старой тактикѣ бойкота Думы. Соціалъ-демократы, народные соціалисты и трудовики приняли участіе въ выборахъ, но изъ этихъ трехъ группъ только первая и третья успѣли провести въ депутаты небольшое количество своихъ членовъ. Либеральная оппозиція, въ лицѣ к.-д. партіи, смогла провести въ Думу нѣсколько большее, но все же незначительное, количество своихъ представителей. Главная масса депутатскихъ полномочій досталась на долю октябристовъ, окончательно превратившихся къ этому времени въ правительственную партію, и крайнихъ правыхъ разныхъ наименованій. Первоначально конст.-демократы разсчитывали было образовать совмѣстно съ октябристами думскій центръ, который занялъ бы по отношенію къ правительству положеніе умѣренной оппозиціи. Но для октябристовъ, руководившихся исключительно классовыми интересами помѣщиковъ и крупной буржуазіи, гораздо болѣе естественнымъ оказался союзъ съ крайними правыми. Такой союзъ былъ заключенъ въ первые же дни третьей Думы, при выборѣ ея президіума, и продержался всѣ пять лѣтъ ея существованія, тогда какъ конституціонно-демократическая фракція, несмотря на все ея противодѣйствіе, оказалась отброшенной къ рядамъ лѣвой оппозиціи. Предсѣдателемъ третьей Думы при ея открытіи былъ избранъ октябристъ Н. А. Хомяковъ, а остальныя мѣста въ президіумѣ были подѣлены между октябристами и крайними правыми. Сотрудничество этихъ же группъ—октябристовъ и крайнихъ правыхъ—всецѣло опредѣлило собою и всю дальнѣйшую работу третьей Думы, направленную исключительно къ поддержанію реакціонной политики правительства, начиная съ усиленныхъ полицейскихъ репрессій и кончая разрушающимъ общину аграрнымъ законодательствомъ, къ охранѣ помѣщичьихъ интересовъ внутри Россіи и развитію воинствующаго націонализма на ея окраинахъ. При этомъ, стремясь угодить правительству и итти съ нимъ нога въ ногу, думское большинство годъ отъ году мѣняло свои позиціи на болѣе правыя, и это характернымъ образомъ отразилось въ самыхъ личностяхъ предсѣдателей третьей Думы: лѣваго октябриста Хомякова въ 1910 г. на предсѣдательскомъ посту смѣнилъ представитель октябристскаго центра А. И. Гучковъ, а за отказомъ послѣдняго въ 1911 г. предсѣдателемъ былъ избранъ правый октябристъ Родзянко. Но, старательно угождая правительству, третья Дума не добилась этимъ какого-либо признанія своихъ правъ съ его стороны. Наоборотъ, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ съ большимъ пренебреженіемъ относилось къ этимъ правамъ правительство и тѣмъ откровеннѣе выказывало оно свое нежеланіе считаться съ ними. Одновременно съ этимъ роль третьей Думы, какъ простой прислужницы правительства, постепенно свела до послѣдняго минимума не только ея авторитетъ, но и простой интересъ къ ней въ странѣ, и это совершилось тѣмъ легче и скорѣе, что въ стѣнахъ Думы, переполненной представителями помѣстнаго дворянства, прочно водворились нравы и обычаи, чуждые самаго элементарнаго приличія. Въ настоящее время, въ итогѣ всей пережитой до сихъ поръ эволюціи, Г. Дума представляетъ собою своеобразное учрежденіе, въ теоріи ограничивающее монарха и раздѣляющее съ нимъ законодательную власть, въ практикѣ же государственной жизни совершенно безсильное и являющееся лишь простой декораціей, прикрывающей дѣйствія безотвѣтственной и самодержавной бюрократіи. *В. Мякотинъ.*

Государственная измѣна (Landesverrat, treason, trahison). Уголовныя законодательства, давая различныя

опредѣленія Г. и., относятъ ее въ раздѣлъ государственныхъ преступленій, направленныхъ на внѣшнюю безопасность государства. Такое мѣсто занимаетъ это преступленіе въ уголовныхъ уложеніяхъ Франціи, Португаліи, Голландіи, Даніи, Италіи, Бельгіи и др.; кодексы нѣмецкой семьи (общегерманское уложеніе и австрійское) отводятъ этому преступленію спеціальный раздѣлъ (Landesverrat—герм. ул., Spionerie — австр.). Такъ же поступаетъ и русское Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 г., четвертая глава котораго носитъ названіе „о государственной измѣнѣ“ (ст. ст. 108—119). Г. и. можетъ быть опредѣлена, какъ посягательство на внѣшнюю безопасность и положеніе государства среди другихъ государствъ. Разнообразныя по ихъ содержанію дѣйствія подводятся различными кодексами подъ понятіе Г. и. Наше Угол. Ул. даетъ, съ одной стороны, общую формулу этого преступленія („способствованіе или благопріятствованіе россійскимъ подданнымъ непріятелю въ его военныхъ или иныхъ враждебныхъ противъ Россіи дѣйствіяхъ“), съ другой—общее положеніе о болѣе тяжкихъ видахъ измѣны („если такое способствованіе или благопріятствованіе оказало существенное содѣйствіе непріятелю или было совершено съ измѣнническою цѣлью убійство“) и, въ-третьихъ, перечисляетъ особые случаи Г. и. Нормальнымъ наказаніемъ за Г. и. Уголовное Уложеніе считаетъ срочную каторгу, но караетъ смертью очень многіе ея случаи (108 ст. 1—6 п.п.): преданіе или покушеніе на преданіе непріятелю арміи или флота, отряда войска и пр.; склоненіе или подговоръ отряда войска, отдѣльной части или команды или начальствующаго надъ ними лица къ переходу на сторону непріятеля; насильственное сопротивленіе россійскимъ военнымъ силамъ или нападеніе на нихъ; убійство начальствующаго арміею, штабомъ, отрядомъ войска, отдѣльною частью или командою, укрѣпленнымъ мѣстомъ, военнымъ портомъ, эскадрою или военнымъ судномъ, или лица, завѣдомо исполняющаго важныя военныя порученіе или обязанность; преданіе кого-нибудь изъ этихъ лицъ въ руки непріятеля; истребленіе складовъ средствъ нападенія или защиты отъ непріятеля или предметовъ довольствія; приведеніе въ негодность сухопутныхъ или водяныхъ путей сообщенія, телеграфовъ, телефоновъ, или иныхъ средствъ сообщенія различныхъ частей арміи; шпіонство. Всѣ эти наиболѣе тяжко наказуемые случаи Г. и. обнимаются именемъ *военной измѣны*. Субъектомъ преступленія согласно 119 ст. У. У. можетъ быть не только русскій подданный, но также иностранецъ, пребывающій въ Россіи, и военно-плѣнный, если они не подлежатъ отвѣтственности по военнымъ законамъ; преступное же дѣяніе можетъ быть направлено и противъ союзнаго съ Россіей по оружію иностраннаго государства. Въ понятіе военной измѣны входятъ и многія другія дѣйствія: вступленіе россійскаго подданнаго въ войско завѣдомо непріятельское или невыбытіе изъ него (109 ст.), обѣщаніе, прежде войны, иностранному правительству, за себя или за другихъ, содѣйствовать его военнымъ противъ Россіи дѣйствіямъ (110 ст.) и пр. Кромѣ указаннаго случая шпіонства во время войны, караемаго смертью, Угол. Улож., дополненное и измѣненное закономъ 5 іюля 1912 г., знаетъ и другіе случаи *шпіонства:* опубликованіе или сообщеніе другому лицу въ интересахъ иностраннаго государства долженствующихъ сохраняться въ тайнѣ свѣдѣній или предметовъ, касающихся внѣшней безопасности Россіи, плана, рисунка, документа, копіи съ нихъ (111[1] ст.). Въ цѣляхъ болѣе тщательнаго охраненія государственной безопасности одно снятіе плановъ и составленіе рисунковъ, напримѣръ, корабля и пролетъ на летательномъ аппаратѣ тамъ, гдѣ это запрещено, независимо отъ побужденій виновнаго, влечетъ наказаніе тюрьмою (112 и 113[1] ст.). Точно также карается и посѣщеніе корабля, укрѣпленнаго мѣста и пр. безъ надлежащаго разрѣшенія, если при этомъ были употреблены какія-нибудь „уловки“ (113 ст.). По закону 5 іюля 1912 г. (ст. 111[2] У. У.) одно вступленіе въ соглашеніе съ правительствомъ или агентомъ иностраннаго государства относительно шпіонства уже составляетъ

преступленіе. Наказанія повышаются, если субъектъ преступленія—должностное лицо (ст. 111[3]), или если дѣяніе совершено во время войны (118[1] ст.). Кромѣ военной измѣны, различается еще *дипломатическая измѣна*. Субъектомъ этого преступленія можетъ быть: 1) уполномоченный Россіи, виновный въ дѣйствіяхъ, направленныхъ при заключеніи договора съ иностраннымъ правительствомъ или при переговорахъ съ нимъ завѣдомо во вредъ Россіи; 2) состоящій при такомъ уполномоченномъ служащій, сообщившій ему завѣдомо ложныя свѣдѣнія или совершившій другое нарушеніе служебныхъ обязанностей. Угол. Улож. включаетъ въ главу о Г. и. пріемъ, сдачу, предъявленіе и заготовленіе завѣдомо негодныхъ для употребленія средствъ нападенія или защиты и сдачу и пріемъ въ военное время завѣдомо вредныхъ для здоровья или негодныхъ для употребленія предметовъ довольствія. Эта статья не обращаетъ вниманія на побужденія преступника, но если было намѣреніе оказать прямое содѣйствіе непріятелю, то поступокъ подходитъ подъ общее понятіе измѣны. Постановленія объ измѣнѣ содержатся также и въ военныхъ кодексахъ. При сравненіи нашего Угол. Ул. 1903 г. съ иностранными уложеніями выясняется особенная суровость его наказаній за Г. и. Въ то время какъ 108 ст. Уг. Ул. караетъ болѣе тяжкіе случаи Г. и. смертною казнью, германское уложеніе назначаетъ пожизненную каторгу, голландское—заточеніе пожизненно или даже на срокъ 15 лѣтъ (97 ст.), датское — на-ряду со смертною казнью также каторжныя работы; итальянское и португальское уложенія, не знающія наказанія смертью, караютъ наиболѣе тяжкіе случаи измѣны пожизненными каторжными работами (Италія) или другими менѣе тяжкими наказаніями (Португалія). Оригинальною особенностью нѣкоторыхъ кодексовъ (герм., итальян. улож.) является назначеніе за нѣкоторые виды измѣны, кромѣ наказанія лишеніемъ свободы, еще высокихъ денежныхъ штрафовъ.

Преступленія государственной измѣны не принадлежатъ къ числу часто совершаемыхъ. Такъ, въ Германіи за шесть лѣтъ 1899—1904 было осуждено всего 13 челов., во Франціи въ 1903 г. разбиралось судомъ присяжныхъ только одно такое дѣло, въ Австріи въ 1907 г. два дѣла, въ Россіи за 1908 г. ни одного. Только *шпіонство* (выдача тайнъ, снятіе плановъ) составляетъ исключеніе и совершается чаще другихъ преступленій разсматриваемой группы (такъ, всѣ указанные выше 13 осужденныхъ въ Германіи были приговорены за шпіонство на основ. зак. 3 іюля 1893 г.): ростъ милитаризма, изобрѣтеніе смертоносныхъ средствъ истребленія непріятеля и пр. приводятъ правительства къ организаціи шпіонажа, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти же правительства не останавливаются передъ энергичной репрессивной борьбой со шпіонажемъ другихъ государствъ. Такъ, новый англійскій законъ 1911 г. о шпіонствѣ одинаково съ совершеніемъ этого преступленія караетъ покушеніе на него, пособничество и даже неудавшееся подстрекательство (§ 4). Этотъ же законъ расширяетъ право предварительнаго ареста и обысковъ. См. Объяснит. записки къ проекту Угол. Улож. 2 т. 1895 г., 49—108 стр. *Epstein*, „Der Landesverrat“ (1898); *Schwartze*, „Landesverrat und Kriegsverrat“ (1897); *Galker*, „Hochverrat und Landesverrat“ (Vergleichende Darstellung des Deutsch. u. ausländ. Strafr. I B. 1907); *Le Comte*, „Des complots et attentats contre la sûreté de l'état“ (1903); *Köhler*, „Hochverrat und Landesverrat“ (Arch. f. Strafr. und Strafprozess, Jahrg. 51, 1904).

М. Гернетъ.

Государственная канцелярія, см. *Государственный Совѣтъ*, XVI, 271/2.

Государственная роспись, см. *бюджетъ*.

Государственная служба. Исторія Г. с. на Западѣ и въ Россіи показываетъ, что она пережила рядъ глубокихъ превращеній, измѣнившихъ и преобразившихъ ея юридическую и политическую природу. Господствующій *выборный* характеръ всѣхъ общественныхъ должностей на зарѣ государственности—смѣняется *договорнымъ* началомъ, опредѣляющимъ отношенія между государемъ и его слугами (см.

бояре). Договоръ имѣетъ *частно-правовой* характеръ, и Г. с. является юридически-свободной службой по соглашенію между частными лицами. Съ усиленіемъ абсолютизма и съ закрѣпощеніемъ общества, устраненнаго отъ власти и разбитаго на сословія, Г. с. принимаетъ все болѣе и болѣе принудительный характеръ госуд. *обязанности* (см. *дворянство*), отправленію коей предшествуетъ актъ *назначенія* на должность; вмѣстѣ съ тѣмъ вытравляется частно-владѣльческій характеръ службы *лицу государя* и замѣняется *публично-правовой* формулой службы *благу государства*, въ согласіи съ тѣмъ началомъ развитаго абсолютизма, по которому и самъ государь есть, прежде всего, защитникъ и хранитель не личной своей выгоды, а общественнаго блага или даже только „первый слуга государства“ (Фридрихъ Великій). Конституціонный строй еще болѣе развиваетъ и укрѣпляетъ публично-правовые элементы Г. с., ставя предъ чиновникомъ на мѣсто неограниченной воли главы государства (или приказа начальства) и неопредѣленнаго принципа общаго блага—*законъ*, повиновеніе которому является первой и главнѣйшей обязанностью чиновника. Служба „дѣлу, а не лицамъ“, лишь на словахъ провозглашаемая какъ общій принципъ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, юридически обосновывается и пускаетъ корни въ жизнь лишь въ правовомъ государствѣ. Здѣсь же находитъ новую силу и развитіе начала *необязательности* незаконныхъ распоряженій начальства и уголовно-гражданская *отвѣтственность* чиновника, исполнившаго незаконный приказъ,—принципы, особенно развитые и послѣдовательно проведенные въ англійскомъ правѣ; въ континентальныхъ государствахъ судебная отвѣтственность чиновниковъ дополняется отвѣтственностью ихъ передъ органами *административной юстиціи* (*см.*). Дѣйствующее законодательство о Г. с. и статистику ея см. въ *приложеніи*.

Государственная тайна, см. *государственная измѣна*, XVI, 212.

Государственное банкротство. Понятіемъ Г. б. обнимаются, во-1-хъ, такія дѣйствія государственной власти, которыми нарушаются или уничтожаются права государственныхъ кредиторовъ, вытекающія изъ договоровъ о публичномъ займѣ; во-2-хъ, такія состоянія гос. хозяйства, когда оно лишается фактической возможности выполнить принятыя на себя обязательства по публичнымъ займамъ. Въ эпоху публичнаго хозяйства между понятіемъ Г. б. и частнаго б. существуетъ лишь неполная аналогія. Полное тождество этихъ понятій наблюдалось въ эпоху личнаго королевскаго кредита, когда король заключалъ займы отъ своего имени и дѣйствовалъ при этомъ на основѣ частнаго права. Въ ту эпоху Г. б. было самымъ обыденнымъ явленіемъ. Наслѣдникъ престола отказывался отъ долговъ умершаго короля; отказывались отъ долговъ при перемѣнѣ династіи, формы правленія; отказывались отъ долговъ на основаніи средневѣковаго ученія о ростѣ. Чаще же всего въ старую эпоху Г. б. было случаемъ выйти изъ затруднительнаго финансоваго положенія. Кредиторы рѣдко надѣялись на исправность платежей со стороны короля, и поэтому королевскій кредитъ носилъ ростовщическій характеръ. При Г. б. выигрывалъ тотъ, кто былъ независимѣе и вліятельнѣе: или король, объявившій б., или пострадавшіе банкиры.

Г. б. старой эпохи было одной изъ причинъ, ускорявшихъ превращеніе королевскаго кредита въ государственный, такъ какъ кредиторы, опасаясь частыхъ Г. б., требовали при заключеніи новыхъ займовъ обезпеченія своихъ правъ госуд. землями, налогами и согласіемъ представителей земли. Въ эпоху публичнаго кредита Г. б. было особенно частымъ въ переходное время между двумя фазами въ развитіи г. хозяйства: доменіальной и податной. Это было временемъ королевскаго абсолютизма. Финансовыя системы были неустроены, гос. расходы росли чрезвычайно быстро. Исторію г. долга Франціи этой эпохи называютъ „исторіей Г. б.“. Писатели той эпохи были склонны оправдывать Г. б., называя его „выигрышемъ націи“. Врядъ ли можно указать такое государство, которое въ той или другой формѣ не практиковало бы Г. б.

Государственная служба (дѣйствующее законодательство и статистика).

A. Государственная служба по русскому дѣйствующему праву.

Гражданская служба [1]). Въ силу того общаго всѣмъ монархіямъ правила, что монарху принадлежитъ вся правительственная власть,—Государю принадлежитъ „власть управленія во всемъ ея объемѣ"; Государь можетъ осуществлять эту власть либо самолично („въ порядкѣ верховнаго управленія" или „непосредственно"), либо („въ дѣлахъ управленія подчиненнаго") „опредѣленная степень власти вѣрчется отъ него, согласно закону", подлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ, выступающимъ отъ его имени и дѣйствующимъ по его приказу (ст. 10 Осн. Зак.). Эти-то лица, связанныя присягой на вѣрность Государю и назначаемыя на службу по его волѣ или отъ его имени,—и суть госуд. служащіе. Два замѣчанія къ ст. 10: во-1-хъ, въ ней сохранились элементы стараго взгляда на чиновника, какъ на *личнаго слугу* монарха; во-2-хъ, власть управленія, кромѣ Государя, принадлежитъ также органамъ самоуправленія (иногда съ правами государствен. службы) и учрежденіямъ административной юстиціи (И. Лазаревскій). Въ силу Осн. Законовъ, Государю принадлежитъ право назначать и увольнять, награждать и карать должностныхъ лицъ; онъ наблюдаетъ за ихъ дѣятельностью, измѣняетъ и отмѣняетъ ихъ распоряженія, предписываетъ имъ опредѣленныя дѣйствія, разъясняетъ смыслъ закона, не выходя за его предѣлы, и т. д. „Государь Императоръ *назначаетъ и увольняетъ* предсѣдателя совѣта министровъ, министровъ и главноуправляющихъ отд. частями, а также прочихъ должн. лицъ, если для послѣднихъ не установлено закономъ иного порядка назначенія и увольненія"; по силѣ ст. 18, „Государь Императоръ, въ порядкѣ верх. управленія, устанавливаетъ въ отношеніи служащихъ ограниченія, вызываемыя требованіями госуд. службы"; наконецъ, на основаніи ст. 19, „Государь Императоръ жалуетъ титула, ордена и другія госуд. отличія, а также права состоянія. Имъ же непосредственно опредѣляются условія и порядокъ пожалованія титуловъ, орденовъ и отличій". Необходимо отмѣтить, по поводу ст. 17, что фактически Государь назначаетъ только на всѣ должности первыхъ 4 классовъ и на нѣкот. должности 5-го кл., и то обычно по представленіямъ подлежащаго министра или главноуправляющаго; такъ, сенаторы назначаются изъ особъ первыхъ трехъ классовъ, по представленіямъ министра юстиціи. Точно такъ же и награды назначаются по представленіямъ министровъ, кромѣ тѣхъ немногихъ, кои жалуются Государемъ по непосредств. усмотрѣнію.

Условія вступленія на Г. с. Согласно ст. 3 Уст. о Служ. по опред. отъ Правит. (кн. I, т. III Св. Зак.), при опредѣленіи въ гражд. службу принимаются во вниман. 1) состояніе лица или его происхожденіе; 2) возрастъ; 3) познанія. 1. До 1906 г. полныя права Г. с. имѣли только лица двор. сословія, при чемъ польскіе и финляндскіе дворяне сравнены были въ этомъ отношеніи съ русскими (ст. 21 Уст. Сл. Правит.); для прочихъ сословій былъ установленъ рядъ ограниченій и изъятій. Въ силу Выс. указа 5 октября 1906 г., повелѣно было „предоставить всѣмъ рос. подданнымъ, безразлично отъ ихъ происхожденія, за исключеніемъ инородцевъ, одинаковыя въ отношеніи Г. с. права, примѣнительно къ таковымъ правамъ лицъ двор. сословія, съ упраздненіемъ всѣхъ особыхъ преимуществъ на занятіе по опред. отъ Правит. нѣкот. должностей въ зависимости отъ сослов. происхожденія"; при этомъ лица податныхъ состояній не должны, какъ раньше, выходить изъ общества, напр., при поступленіи на гражд. службу, при полученіи чиновъ, орденовъ, отличій, вообще—при пріобрѣтеніи ими высшихъ правъ состоянія (п. I, III). О происхожденіи лица общая норма ст. 4 Уст. гово[рит], что „различіе вѣроисповѣданія или племени не препятствуетъ опредѣленію въ службу"; но на ряду съ нею дѣйствуетъ и ст. 9, запрещающая принимать евреевъ въ гражд. службу (изъятія для лицъ съ высш. образ. указаны въ ст. 40, 48 и 49), и на практикѣ евреи, за единичными исключеніями, вовсе устранены отъ Г. с., а права поляковъ ограничены въ западныхъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ. Иностранцы на службу вообще не принимаются, но изъ этого правила сдѣланъ рядъ изъятій (ст. 41—46 Уст.). Женщины медленно и понемногу допускаются на службу во многихъ вѣдомствахъ (ст. 157 по прод. 1906).—2. Что касается возраста, то недостигшій 14-лѣтняго возраста не можетъ быть причисленъ ни къ какому гражд. вѣдомству. Начало дѣйствит. службы считается лишь съ того времени, когда служащему минетъ 16 лѣтъ (ст. 14).—3. Наконецъ, въ отношеніи познаній установлено, что лица съ высш. и сред. образованіемъ принимаются въ гражд. службу по своимъ аттестатамъ (ст. 18). Если же вступающій на службу обучался только въ низшемъ уч. завед. или вовсе не имѣетъ аттестата уч. зав., то онъ долженъ на предварит. испытаніи доказать, что онъ не только умѣетъ правильно читать и писать, но и знаетъ основанія ариѳметики и грамматики, безъ чего никто въ службу принятъ быть не можетъ (ст. 17). Испытаніе производится въ томъ мѣстѣ, куда желаетъ опредѣлиться вступающій (ст. 19). Предоставленіе правъ Г. с. лицамъ, по происхожденію и образованію не имѣющимъ права поступленія въ оную, можетъ быть испрашиваемо только тѣмъ изъ нихъ, которыя имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи образованія не ниже курса уѣзд. училища или о выдержаніи испытанія въ объемѣ сего курса (ст. 703 по прод. 1906). Лица, окончившія высшее учеб. заведеніе, поступая на службу, могутъ получить чинъ XII—X кл. и пользуются другими преимуществами, различными для отдѣльныхъ вѣдомствъ (ст. 16, 50 и 51—132[1] Уст.). Желающій вступить въ службу заявляетъ объ этомъ въ формѣ прошенія на Высоч. имя, и по вступленіи—приводится къ присягѣ на вѣрность службѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ служитъ.—Должности 5 и 6 кл. замѣщаются Высоч. приказами по представленіямъ министровъ, „отвѣтственныхъ за правильность выбора должностныхъ лицъ" (170, 171); опредѣленіе и перемѣщеніе по должностямъ отъ 14-го до 7-го кл. включ. предоставлено самимъ департаментамъ министерствъ и равнымъ имъ учрежденіямъ, а въ губерніяхъ—самимъ губерн. учрежденіямъ (174).

Обязанности служащихъ изложены въ ст. 705—791 Устава. Чиновникъ обязанъ охранять права и преимущества, принадлежащія Государю (706), исполнять свои обязанности въ согласіи съ закономъ и распоряженіями начальства; ему вмѣняется въ „непремѣнную обязанность вѣдать всѣ уставы и законы государства и содержать ихъ въ ненарушимой сохранности" (708); никто изъ служащихъ „не долженъ смотрѣть ни на какое лицо, ни на какія предложенія, а тѣмъ менѣе на партикулярныя письма, хотя бы отъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ; но обязанъ исправлять свое дѣло по точной силѣ и словамъ законовъ" (711); „если же данное отъ начальства повелѣніе кто сочтетъ незаконнымъ или противнымъ интересу Е. И. В., тотъ обязанъ неупустительно исполнить то, что на подобные случаи въ учрежденіи занимаемой имъ должности предписано" (712), т.-е. въ опредѣленныхъ случаяхъ пріостановить исполненіе; напр., для всѣхъ вообще органовъ мѣстнаго управленія (губернскихъ, уѣздн. и город. присутствій) имѣетъ силу правило: „Если кто получитъ отъ предсѣдателя (присутствія) противозаконное приказаніе, то обязанъ, не исполнивъ онаго, объявить ему тайно, что оно противно законамъ; а когда предсѣдатель симъ не убѣдится, тогда уже донести о томъ высшему начальству; «если же и съ сей стороны усмотрѣно имъ будетъ несообразное съ законами распоряженіе, то представить начальству, а, наконецъ, въ случаѣ надобности, донести и до Высочайшаго свѣдѣнія" (ст. 76 Общ. Учр. Губ., Св. Зак., т. II, 1). Помимо того: „Начальникъ, который прикажетъ или же угрозами, или обольщеніями, или инымъ образомъ склонитъ или побудитъ подчиненнаго сдѣлать въ кругѣ дѣйствія его по службѣ что-либо противное законамъ, подвергается за сіе высшей мѣрѣ опредѣленныхъ за то противозаконное дѣянію наказаній. Подчиненный, исполнившій такое приказаніе или желаніе начальника, зная, что сіе противно законамъ, хотя и подвергается тому же наказанію, но въ меньшей мѣрѣ" (ст. 408 Улож. Нак.).—Кромѣ указанныхъ обязанностей чиновниковъ, необходимо упомянуть обязанность хранить тайну, связанную со службой и пользой Государя (709), наблюдать за службой и поведеніемъ подчиненныхъ, съ правомъ, сохранившимся со времени Петра

[1]) Подробныя и точныя свѣдѣнія о распредѣленіи должностныхъ лицъ Имперіи по вѣдомствамъ, въ центральныхъ и мѣстныхъ установленіяхъ, а также данныя для сужденія о количествѣ названныхъ лицъ указаны въ „Общей росписи начальствующихъ и прочихъ должн. лицъ по всѣмъ управленіямъ въ Рос. Имперіи на 1910 г. Адресъ-календарь, изд. Инспект. отдѣломъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи". Число лицъ, здѣсь указанныхъ, превышаетъ 60.000.

(1720 г.)—„удерживать ихъ отъ безбожнаго житія, пьянства, лжи и обмана" (716), но не имѣя права „позволять себѣ жестокое и неприличное обращеніе" съ ними (715); всѣ вообще служащіе должны пребывать между собою въ соединеніи и чинить другъ другу всякое въ службѣ вспоможеніе (717). Что же касается права объединенія чиновниковъ внѣ службы, нормируемаго и допускаемаго, напр., французскимъ правомъ, то опредѣленія нашего права либо касаются узкихъ областей коалиціоннаго права, либо крайне его ограничиваютъ; лицамъ, находящимся на Г. с., запрещается принадлежать къ противоправительственнымъ и крайнимъ правымъ партіямъ (циркуляры 1906—1908 гг., а также опредѣл. Правит. Сената 30 апр. 1908 г.). Помимо только-что упомянутаго ограниченія правъ чиновниковъ, существуютъ и другія ограниченія, установленныя закономъ.1) Служащимъ запрещается участвовать въ пріобрѣтеніи имуществъ, продажа коихъ препоручена имъ отъ правительства (721); 2) они не имѣютъ права входить въ подряды и поставки или быть залогодателями при подрядахъ и поставкахъ на мѣстахъ своей службы, какъ лично, такъ и черезъ женъ или подставныхъ лицъ (722—3.; 3) запрещается имъ также входить въ долговыя обязательства съ подрядчиками и поставщиками (724); 4) не могутъ чиновники быть повѣренными въ мѣстахъ своей службы, а внѣ ея—лишь съ существенными ограниченіями (726); 5) донынѣ сохраняетъ свою юрид. силу ст. 727, по силѣ коей „служащимъ чиновникамъ запрещается издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ что-либо, касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній Россійскаго государства, безъ дозволенія своихъ начальствъ"; 6) всѣмъ вообще тамож. чиновникамъ воспрещается участвовать въ публичныхъ торгахъ при таможнѣ, а также имѣть участіе въ торговлѣ, какъ привозной, такъ и отпускной (по покупкѣ, комиссіи или довѣренности, ст. 82 и 573 Уст. Тамож.); 7) состояніе въ цѣломъ рядѣ высшихъ должностей Г. с., перечисл. въ ст. 734 и въ спискѣ, приложенномъ къ ст. 736, несовмѣстимо, по общему правилу, съ участіемъ въ торг. и промышл. товариществахъ и компаніяхъ, а также въ обществ. и частныхъ кредитныхъ установленіяхъ; министры и главноуправляющіе могутъ распространить этотъ запретъ и на другія должности, не вошедшія въ упомянутый списокъ, всѣ же вообще обязаны немедленно увѣдомлять письменно свое начальство объ участіи въ указанныхъ предпріятіяхъ (733—746). Спеціальныя ограниченія правъ чиновниковъ изложены въ Уставахъ объ акцизныхъ сборахъ, пробирномъ, врачебномъ, горномъ, таможенномъ и другихъ по принадлежности.

Должностныя преступленія караются согласно нормамъ разд. V о престуи. и прост по службѣ государств. и общественной (Улож. Нак., ст. 329 — 505). Независимо отъ этого, преступленія и проступки чиновниковъ, влекущіе за собою ущербъ въ имущественныхъ и личныхъ правахъ населенія, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ не одну только судебную или административную кару, но и гражданскую отвѣтственность виновнаго. Такъ, виновные въ превышеніи или противозаконномъ бездѣйствіи власти не только караются отрѣшеніемъ отъ должности или даже лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ со ссылкой на житье въ Сибирь, но и привлекаются къ отвѣту предъ особыми *присутствіями смѣшаннаго состава* (см. *административная юстиція*, I, 440). Эти присутствія рѣшаютъ, согл. ст. 1316 Уст. Гражд. Суд., вопросъ „о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные неправдѣніемъ, неосмотрительностью или медленностью должн. лицъ гражд. вѣдомства" (толкованія сената создали такую же отвѣтственность и за превышеніе власти); вознагражденіе это отыскивается по общимъ правиламъ гражд. судопр., съ нѣкоторыми изъятіями. Гражданскій искъ къ должн. лицу можетъ быть слѣдствіемъ дѣянія 1) преступнаго (ст 667 Зак. Гражд.) или 2) непреступнаго (ст 684 Зак. Гражд.); въ первомъ случаѣ искъ допускается лишь послѣ приговора уголовнаго суда о виновности чиновника; во второмъ—потерпѣвшій вправѣ прямо предъявить искъ (Рѣш Гражд. Касс. Д та Сената 1871 г. № 941) Срокъ для предъявленія иска—3 или 6 мѣс. (ст. 1318 Уст. Гражд Суд.). Иски предъявляются въ особое присут окр. суда (къ чиновникамъ до 9 кл.), судеб ой палаты (до 5 кл.) и касс. деп. сената (выше 5 кл.); на рѣшенія присутствій принимаются апелл. жалобы въ теченіе 4 мѣс. (1317, 1326—29 Уст. Гр. Суд.). Порядокъ взысканія убытковъ съ чиновъ судебнаго вѣдомства (судей, прокуроровъ, нотаріусовъ) опредѣляется въ ст. 1331—1338 Уст. Гр. Суд.—Указанные иски предъявлявшіеся у насъ особ. часто въ періодъ 1904—1910 г (бездѣйствіе власти во время погромовъ, превышеніе власти), обычно, однако, оставлялись безъ удовлетворенія; помимо политическихъ причинъ этого факта, существенное значеніе здѣсь имѣетъ и чисто-юридическая его сторона: это—неопредѣленная формулировка должностныхъ обязанностей и ихъ нарушеній: неисполненіе такихъ, напр., „обязанностей" (ст. 705 Уст. Сл. Прав.), какъ „усердіе къ общему добру" или „покровительство невинному и скорбящему" или „человѣколюбіе"—не наказуемо, а такія должностныя преступленія, какъ „разглашеніе тайнъ", „неуваженіе къ начальству" или „превышеніе власти", хотя и караются, но, во-1-хъ, точно не опредѣлены, во-2-хъ, не исчерпываютъ всѣхъ должностныхъ законопарушеній (А. Бардскій). Необходимо имѣть въ виду, что чиновникъ отвѣтствененъ въ этомъ порядкѣ только за свои личныя неправомѣрныя дѣйствія, какъ органа *госуд. власти*; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ дѣйствуетъ, какъ представитель и защитникъ *имущественныхъ интересовъ казны*,—за него, какъ за своего уполномоченнаго, отвѣчаетъ сама казна, по силѣ ст. 687 ч. I т. X и согласно Рѣш. Гражд. Касс. Д-та 1878, 162. Сходное разграниченіе принято и во французскомъ правѣ. Существенно замѣтить еще двѣ особенности: съ одной стороны, преступленія и проступки по отношенію къ должностнымъ лицамъ обложены усиленными каратель ными нормами (ст. 262—288 Улож. Нак.), съ другой—преступленія и проступки самихъ должн. лицъ защищены т. н. *административной гарантіей*: прокуратура *не можетъ* начать преслѣдованія виновнаго чиновника безъ требованія его начальства (*пассивная зависимость прокуратуры*), а разъ такое требованіе начальствомъ заявлено—прокуроръ *обязанъ* начать уголовное преслѣдованіе (активная зависимость прокуратуры). Порядокъ преслѣд. изложенъ въ ст. 1066—1123 Уст. Угол. Суд.

Права государственныхъ служащихъ: 1. Всѣ гражданскіе *чины* раздѣляются на 14 классовъ (ст. 244 Уст. Сл. Правит.); чины жалуются: *a*) за усердную службу и *b*) за особыя сверхъ обязанностей службы отличія (246); сообразно съ этимъ установлены два типа сроковъ для *выслуги* лѣтъ (248), при чемъ никто не можетъ быть производимъ черезъ чинъ или, минуя чины низшіе, прямо въ высшіе (250). Для производства въ чины изъ 14-го въ высшіе, до 5 го кл. включит., постановлены одинаков. сроки для всѣхъ служащихъ, а именно, для представленія къ производ. за обыкн. выслугу въ чины (см. ниже, стб. 5, *Табель о рангахъ*): изъ 14-го въ 12 й кл.—3 года; изъ 12-го въ 10-й—3 года; изъ 10 го въ 9-й—3 года: изъ 9-го въ 8-й—3 года; изъ 8-го въ 7-й—4 года; изъ 7-го въ 6-й—4 года и изъ 6-го въ 5 й - 4 года (326); въ дѣйств. ст. сов могутъ быть произведены лишь лица, прослужившія въ чинѣ ст. сов. не менѣе 5 лѣтъ и занимающія должность не ниже 5 кл., а въ чинъ тайн. сов.—лица, прослуж. въ чинѣ д. ст. сов. не менѣе 10 лѣтъ и занимающія должн. не ниже 4 кл. Сокращеніе этихъ сроковъ допуск. лишь при отличіяхъ, но даже и за отличія нельзя представлять къ чину д. ст. сов. лица, прослуж. менѣе 20 лѣтъ въ классныхъ чинахъ (прим. къ ст. 328 по прод. 1906 г.). Изъятія изъ излож. общихъ правилъ чинопроизводства для отд. вѣдомствъ нормируются ст. 338—516 Уст. Сл. Прав. Дѣла по производству въ чины сосредоточиваются въ Канцеляріи Е. И. В. по инспекторскому отдѣлу; министерства вносятъ сюда свои представленія въ три срока (1 февр., 1 мая, 1 окт.), а сами принимаютъ представленія отъ подчиненныхъ имъ учрежденій не позже, какъ за 2 мѣс. до сихъ сроковъ (279—280).—Каковы *права*, съ чинами сопряженныя (517—540)? Вообще говоря, всѣ права связываются *съ чиномъ, а не съ должностью*; эти права сохраняются и по выходѣ въ отставку и по увольненіи отъ службы (518), при чемъ никто изъ служащихъ не можетъ быть лишенъ класси. чиновъ, службой пріобрѣтенныхъ, безъ представленія судебн. приговора на усмотрѣніе Е И. Величества (519). Лица, производимыя на службѣ военной въ оберъ-офицерскій чинъ (Уст. Воин Повинн., ст. 203, 462), и въ гражд. службѣ—въ чинъ 8-го кл.,—получаютъ *личное дворянство* (Св.Зак., т. IX, кн. 1, Зак. о Сост., ст. 47). *Потомств. дворянство* за служебное отличіе пріобрѣтается лицами, получившими на дѣйствит. службѣ, а не при отставкѣ, чинъ дѣйствит. стат. сов.(4-й кл.), полковника или капит. 1 ранга (ст. 20 Зак. о Сост.); такое лицо признается пот. дворяниномъ ipso jure, т -е. безъ особливаго его утвержденія въ семъ состояніи (ст. 23 Зак. о Сост). Личное дворянство сообщается женѣ, но ни дѣтямъ, ни потомству (ст. 51 Зак. о Сост.). Личнаго *почет. гражданства* удостаиваются: „... 2) поступившіе

Табель о рангахъ.

Сравнительная табель чиновъ гражданскихъ съ чинами военными, морскими и придворными (прил. къ ст. 244 Уст. Сл. Правит.).

Классы	Гражданскіе чины.	Военные.	Морскіе.	Придворные.
1	Канцлеръ.	Генералъ-Фельдмаршалъ.	Генералъ-Адмиралъ.	—
2	Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ.	Генералъ отъ Кавалеріи, отъ Инфантеріи и отъ Артиллеріи.	Адмиралъ.	Оберъ-Камергеръ; Оберъ-Гофмаршалъ; Оберъ-Штальмейстеръ; Оберъ Егермейстеръ; Оберъ Гофмейстеръ; Оберъ-Шенкъ; Оберъ-Церемоніймейстеръ *); Оберъ-Форшнейдеръ*).
3	Тайный Совѣтникъ.	Генералъ-Лейтенантъ.	Вице-Адмиралъ.	Гофмаршалъ; Штальмейстеръ. Егермейстеръ, Гофмейстеръ; Оберъ-Церемоніймейстеръ; Оберъ-Форшнейдеръ.
4	Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ; Оберъ-Прокуроръ; Герольдмейстеръ.	Генералъ Маіоръ.	Контръ-Адмиралъ.	—
5	Статскій Совѣтникъ.	—	—	Церемоніймейстеръ.
6	Коллежскій Совѣтникъ; Военный Совѣтникъ.	Полковникъ.	Капитанъ 1-го ранга.	—
7	Надворный Совѣтникъ.	Подполковникъ	Капитанъ 2-го ранга.	—
8	Коллежскій Асессоръ.	Капитанъ и Ротмистръ.	—	—
9	Титулярный Совѣтникъ.	Штабсъ-Капитанъ и Штабсъ-Ротмистръ.	Лейтенантъ.	—
10	Коллежскій Секретарь.	Поручикъ.	Мичманъ.	—
11	Корабельный Секретарь.	—	—	—
12	Губернскій Секретарь.	Подпоручикъ и Корнетъ.	—	—
13	Провинціальный Секретарь; Сенатскій Регистраторъ; Синодскій Регистраторъ; Кабинетскій Регистраторъ.	Прапорщикъ.	—	—
14	Коллежскій Регистраторъ.	—	—	—

*) Если лицо, носящее сіе званіе, имѣетъ чинъ второго класса.

на гражд. службу—при производствѣ на оной въ чинъ 14-го кл.; 3) уволенные отъ службы съ чиномъ 14-го кл.; 4) получившіе чинъ оберъ-офицерскій при отставкѣ изъ военной службы или при переходѣ изъ оной въ гражданскую" (ст. 515 Зак. о Сост.). Дѣти и потомство чиновъ 1—4 классовъ признаются „на вѣчныя времена равными съ лучшимъ стариннымъ дворянствомъ во всѣхъ правахъ и преимуществахъ, несмотря на происхожденіе ихъ отцовъ" (ст. 540 Уст. Сл. Правит.) —2. Чиновники получаютъ *содержаніе* въ видѣ: 1) жалованья, 2) столовыхъ денегъ, 3) квартир. денегъ или квартиры въ натурѣ (ст. 541 Уст. Сл. Прав.). Содержаніе опредѣляется: 1) по чинамъ, или 2) по *должностямъ*, или 3) по Высоч. назначеніямъ, или 4) по особеннымъ распоряженіямъ и штатамъ (543). Никому не дозволяется занимать двѣ и болѣе должности съ полученіемъ по онымъ жалованья или друг. окладовъ, если должности тѣ состоятъ одна отъ другой въ какой-либо зависимости или подчиненности (566), но въ другихъ случаяхъ соединеніе должностей допускается (568), и тогда соединяются для выдачи одному лицу присвоенныя симъ должностямъ жалованье и столовыя деньги, но не квартирныя (569).—3 Чинамъ, командируемымъ по дѣламъ службы, опредѣляются *пособія*, состоящія: 1) въ прогонныхъ деньгахъ; 2) въ безденеж. выдачѣ загран. паспортовъ; 3) въ пособіи на подъемъ и на путевыя издержки; 4) въ суточныхъ деньгахъ; 5) въ квартирныхъ деньгахъ (ст. 606). Прогонныя выдаются въ оба пути и на всякое разстояніе чинамъ первыхъ 5-ти кл. на 6 лошадей, чинамъ 6, 7 и 8 кл.—на 3 лош., чинамъ оберъ-офиц.—на 2 лош., а прочимъ—на одну (изъятія: ст. 613—622). Подъем. и путевыя деньги опредѣл. по усм. министровъ и, въ зависим отъ чина, колеблются между 30—60 руб. и 150—300 руб.; суммы эти „при особыхъ уваженіяхъ" могутъ быть удвоены (627). Суточныя деньги выдаются отъ 1 р. 80 к. до 45 к. въ день (III—XIV кл.), а квартирныя составляютъ $^1/_2$ суточныхъ (630, 658).—4. Жалуемыя за отличія Высоч. *награды* суть: 1) Объявленія Высочайшихъ Е. И. В. благодарности и благоволенія (по неопр. усм. Государя); 2) чины, 3) ордена; 4) назначеніе арендъ (отъ 4 до 12 лѣтъ; допуск. денежн. замѣна); 5) подарки отъ Е. И. В. имени (иногда допуск. денежн. замѣна равноцѣнностью подарка); 6) единоврем. денеж. выдачи (не выше одного годового оклада содержанія); 7) званія личн. или пот. почет. гражданства; 8) медали (съ возм. денеж. замѣны); 9) кафтаны; 10) зачеты въ службу времени, обычно не зачитываемаго; 11) пре ставл. правъ Г. с. лицамъ, этими правами не пользующимся, и 12) несчитаніе судимости препятствіемъ къ наградамъ и другимъ преимущ. по службѣ (664, 689, 693, 700, 704). Представленія о наградахъ вносятся министрами или тѣми начальниками, коимъ сіе Высочайше дозволено, въ Комитетъ о службѣ чиновъ граж. вѣдомства и о наградахъ (669; см. Св. Зак., т. I, ч. 2, кн. VII). О пожалованіи орденами, см. ст. *ордена*. Кромѣ орденовъ, жалуются „знаки отличія за безпорочную службу" въ теч. 40 лѣтъ, иногда не снимаемые; пенсія чиновника, выслужившаго этотъ знакъ, выдается, въ случаѣ его смерти, женѣ его въ теч. года.—5. Чиновники, выслужившіе безпорочно извѣстное число лѣтъ, а также въ случаѣ ихъ смерти ихъ вдовы и дѣти получаютъ право на *пенсію* (см. *пенсія* и *эмеритура*).—6. Состоящіе на службѣ имѣютъ право *отпуска* на 2 мѣс., но не чаще раза въ 2 года (765 Уст. Сл. Прав.); болѣе 4 мѣс. отпуски вообще не разрѣшаются (757); отлучка же безъ вѣдома и дозволенія начальства карается по ст. 412—414 Ул. о Нак. (вычетъ изъ жалованья или удов. отъ должности).

Прекращеніе службы. Чиновникъ увольняется отъ службы: 1) согласно собственному его прошенію, непремѣнно мотивированному и на Высоч. имя приносимому (776, 784); 2) вслѣдствіе убѣжденія его начальства въ неспособности чиновника или въ его неблагонадежности или въ совершеніи вины, извѣстной его начальству, но не поддающейся доказательству фактами (ст. 788 и такъ наз. *„третій пунктъ"*, т.-е. п. 3 ст. 838 Уст. Сл. Правит.); 3) по приговору суда за прес. зак. и проступки и 4) въ случаѣ несостоятельности по торг. дѣламъ, самимъ служащимъ объявленной или судомъ признанной (790). Необходимо замѣтить, что законъ проводитъ рѣзкую границу между мотивированнымъ и простымъ увольненіемъ чиновника: въ первомъ случаѣ, въ случ. увольненія за прест. или прост. съ указаніемъ на вину, какъ на причину увольненія, чиновникъ мож. обжаловать свое увольненіе и просить суда; но при увольненіи безъ всякой мотивировки жалоба чиновника не только оставляется безъ всякаго дѣйствія и движенія, но даже ни въ сенатѣ ни въ канцеляріи Е. И. В. по принятію прошеній на Выс. имя не должна быть вовсе принимаема къ разсмотрѣнію (789). Законъ далѣе различаетъ 4 формы увольн. безъ прошенія (ст. 65 Ул. Нак. и 838 Уст. Сл. Прав.): 1) *исключеніе изъ службы*, налагаемое лишь судомъ и отнимающее право снова поступить на Гос. службу, избираться и быть из-

бираемымъ въ должности по назн. дворянства, земства, городовъ и селеній (ст. 66 Ул. Нак.), 2) *отрѣшеніе отъ должн.*, налагаемое также лишь по суду и лишающее права въ теч. 3 лѣтъ со дня отрѣш. поступать на гос. и общества. службу (67 Ул. Нак.); 3) *удаленіе отъ должн.*, налаг. какъ по суду, такъ и распоряж. начальства (ст. 69, прим. Ул. Нак., ст. 1066 Уст. Уг. Суд.); 4) *увольненіе отъ службы*, безъ означенія причинъ и порядка его увольн., слѣдуетъ только по усмотр. начальства на осн. ст. 788 Уст. Сл. Правит.—Любопытно сопоставить съ этимъ безправнымъ положеніемъ русскаго чиновничества практику Запада. Уже въ нач. XIX в. въ *Баваріи* признано, что должность чиновника есть публ.-правовое учрежденіе, независимое отъ части. соглаш. государства съ чиновникомъ, но рангъ чиновника и его жалованье не могутъ быть у него отняты иначе, какъ по суд. приговору; согласно закону 1844 г., въ Пруссіи чиновникъ могъ быть уволенъ только по указаннымъ въ законѣ причинамъ; въ настоящее время въ *германскихъ государствахъ* положеніе таково, что чиновн. какъ бы врастаетъ въ свою должность: если онъ непріятенъ, но безупреченъ, то единств. путь его увольнить—это упразднить его должность; но и въ этомъ случаѣ ему обязаны выдавать либо пенсію, либо особое жалованіе за то, что онъ какъ бы остается въ распоряженіи начальства и только ждетъ новаго назначенія (т. н. *Wartegeld*). Замѣчательной чертой мѣстныхъ учрежденій *Англіи* всегда являлось почти полное отсутствіе оплачиваемыхъ гос. чиновниковъ: Г. с. весла мѣстная земельная, а потомъ и промышленная аристократія безвозмездно; назначенные изъ ея среды короной мировые судьи исполняли одноврем. и судебныя, и полицейск., и фискальныя обязанности; назначаемые на годъ *шерифы* и пожизненные *лорды-лейтенанты* и донынѣ выбираются короной изъ той же среды и являются безвозмездными и почетными должностями. Понятно, что такія должн. лица не могли быть и прежде такъ легко и по произволу устраняемы отъ службы, какъ зависимые континент. чиновники; въ наст. время, по отношенію къ чин. примѣняется общее правило: увольненіе возможно только послѣ судебн. разбирательства, разъ его требуетъ самъ обвиняемый. Это правило, однако, колеблется въ Англіи, какъ и въ другихъ парламентарныхъ странахъ, обычаемъ побѣдившей на выборахъ партіи ставить на гос. должности своихъ людей (въ *Соед. Штатахъ С. А.* это расхищеніе гос. должностей носитъ характерное названіе *Spoils-System*, „система трофеевъ"). Во *Франціи* право начальства смѣщать чиновниковъ хотя и ограничено закономъ, но оно шире, чѣмъ въ терм. государствахъ; зато *несмѣняемость* чиновъ суд. вѣдомства установлена во Франціи такъ же прочно, какъ и почти всюду на Западѣ. Начало несмѣняемости судей было однако пріостановлено франц. правительствомъ на три мѣсяца въ 1883 г., чтобы устранить многочисл. судей-монархистовъ: Вальдекъ-Руссо при этомъ ссылался на народн. суверенитетъ, отъ имени котораго онъ будто бы дѣйствовалъ. Въ Англіи судья остается на службѣ, „пока добропорядочно ведетъ себя" („*during good behaviour*"), т.-е. пожизненно, если служба его безпорочна; онъ мож. быть устраненъ только по суду или по требованію обѣихъ палатъ парламента. Въ Россіи несмѣняемость судей, въ значительной мѣрѣ проведенная Судебными Уставами 1864 г., глубоко поколеблена законами и новеллами 1885 и 89 гг.

Источники. I. *Законы*: Уст. о Сл. Правит. и Уст. о Пенс. (т. III Св. Зак.); Общ. Учр. Губерн. (т. II); Зак. о Сост. (т. IX); Улож. о Нак. (т. XV); Уст Угол. и Уст. Гражд. Суд. (т. XVI); Осн. Зак., Учр. Министр. и Учрежд. Орд. (т. I). II. *Литература*: *Н. Павловъ-Сильванскій*, „Государевы служилые люди" (1898). „Феодализмъ въ древней Руси" (1907); *М. Дьяконовъ*, „Очерки общ. и госуд. строя древней Руси" (1908). *В. Сергѣевича*, „Рус. Юрид. Древности" (1900); *А. Алексѣевъ*, „Рус. госуд. право" (1907); *И. Дювернуа*, „Лекціи" (т. I, Конституц. право) (1908); *G. Jellinek*, „System der Subject. öff. Rechte" (1892); *L. Duprez*, „Les ministres dans les principaux pays d'Europe et d'Amérique" (1892); *E. Laferrière*, „Traité de la jurid. administrative" (1896); *J. Hatschek*, „Englisches Staatsrecht" (II, Die Verwaltung) (1906); *М. Ковалевскій*, „Обществ. строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ" (1880); *Р. Гнейстъ*, „Исторія госуд. учр. Англіи" (1885); *W. Anson*, „The law and custom of the Constitution" (1907); *Н. Нелидовъ*, „Юрид. и полит. основанія гос. службы" (1874); *И. Лазаревскій*, „Лекціи" (т. II, Органы управленія) (1906); *его же*, „Отвѣтственность за убытки, причин. должн. лицами" (1905); *И. Куплеваскій*, „Госуд. служба въ теоріи и иностр. правѣ" (1888;) *А. Бардзкій*, „Объ отвѣтств. должн. лицъ суд. вѣдомства" (1884);—*А. Нюрнберга*, „Уст. о Сл. по опред. отъ правит., исправл. по проц. 1906 и 1908 гг., съ разъясн. Сената", 1910.

Я. Магазинеръ.

---

2. *Военная служба*—особый видъ государственной службы, цѣль и назначеніе которой содѣйствовать оборонѣ страны. Агенты этого рода службы раздѣляются на двѣ группы, рѣзко различающіяся какъ по численности, такъ и по способу зачисленія на службу: нижніе чины и офицеры. Первые, въ главной массѣ своей, являются военнообязанными, т.-е. обязаны отбывать воинскую повинность по достиженіи опредѣленнаго возраста (даже вольноопредѣляющіеся являются, въ сущности, военнообязанными, ибо если молодые люди не воспользуются льготой поступить вольноопредѣляющимися, то они будутъ призваны для вынутія жребія). Вторая группа—офицеры, которые служатъ добровольно, пройдя извѣстную подготовительную школу до своего производства (см Военно-учебныя заведенія). Въ каждой изъ этихъ группъ военнослужащихъ имѣется своя іерархія. Званія нижнихъ чиновъ въ восходящемъ порядкѣ старшинства слѣдующія: 1) рядовой, стрѣлокъ, саперъ, канониръ (артиллерія), казакъ; 2) ефрейторъ, бомбардиръ (артиллерія), приказный (казачьи войска); 3) младшій унтеръ-офицеръ, младшій фейерверкеръ (артиллерія), младшій урядникъ (казачьи войска); 4) взводный унтеръ-офицеръ, фейерверкеръ, урядникъ; наконецъ, 5) фельдфебель, вахмистръ (конница, конная артиллерія). Первыя два званія—рядовыя, послѣднія три—унтеръ-офицерскія. Офицерскіе чины слѣдующіе: 1) оберъ-офицеры: прапорщикъ (только запаса), подпоручикъ, корнетъ (кавалерія), хорунжій (казачьи войска), поручикъ, сотникъ (казачьи войска), штабсъ-капитанъ, штабсъ-ротмистръ (кавалерія), подъесаулъ (казачьи войска), капитанъ, ротмистръ (кавалерія), есаулъ (казачьи войска); 2) штабъ-офицеры: подполковникъ, войсковой старшина (казачьи войска), полковникъ; 3) генералы: генералъ-маіоръ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, кавалеріи, артиллеріи, инженеръ-генералъ, генералъ-фельдмаршалъ. Производство въ высшія званія нижнихъ чиновъ составляетъ право начальника части; производство въ первые офицерскіе чины совершается Высочайшей властью и отдается въ Высочайшихъ приказахъ. Опредѣленные офицерскіе чины вовсе не сопряжены съ исполненіемъ какихъ-либо опредѣленныхъ обязанностей и занятіемъ опредѣленныхъ должностей. Такъ, даже ротные командиры, преимущественно капитаны, имѣются и въ чинѣ подполковника и полковника (отдѣльныя понтонныя, некровныя, воздухоплавательныя, обозныя роты) и даже генерала (роты дворцовыхъ гренадеръ). Командиры баталіоновъ—подполковники и полковники; были недавно и генералы (гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ). Командиры полковъ—полковники и генералы (гвардейскіе полки). Въ управленіяхъ, особенно центральныхъ, даже незначительныя должности дѣлопроизводителей исполняются полковниками и даже генералами.

Для производства въ офицерскій чинъ дѣйствительной службы нужно выдержать опредѣленный экзаменъ по программѣ военныхъ училищъ. Для дальнѣйшаго служебнаго движенія, до чина капитана включительно, производство совершается за выслугу 4 лѣтъ въ предыдущемъ чинѣ, при наличности благопріятной аттестаціи непосредственнаго начальника, утвержденной аттестаціонной комиссіей. Для производства въ первый штабъ-офицерскій чинъ существуетъ два пути—или въ порядкѣ старшинства—по линіи, или въ наградномъ порядкѣ—за отличіе по службѣ. Производство въ полковники совершается или по линіи, т.-е. по старшинству, или за отличіе. Производство по линіи имѣетъ мѣсто только въ гвардіи. Производство въ генералъ-маіоры и выше не подчиняется никакимъ правиламъ, а зависитъ единственно отъ личныхъ заслугъ каждаго по Высочайшему усмотрѣнію. Въ законѣ указаны только наименьшіе сроки выслуги въ предыдущемъ чинѣ. Назначеніе офицеровъ на должности совершается или властью войсковыхъ начальниковъ, или, начиная съ командировъ полковъ (отдѣльныхъ ротъ въ инженерныхъ войскахъ и батарей въ артиллеріи), Высочайшими приказами и по разсмотрѣніи аттестацій въ аттестаціонной комиссіи. Для опредѣленія пригодности къ назначенію на должность, начиная отъ

командира отдѣльной бригады, учреждена особая *высшая аттестаціонная комиссія*, состоящая изъ военнаго министра, начальника генеральнаго штаба, генералъ-инспекторовъ различныхъ родовъ оружія, начальника главнаго штаба. Могутъ привлекаться и командующіе войсками въ округахъ.

Какъ это ни странно, но глава о правахъ военнослужащихъ, какъ она изложена въ курсѣ военной администраціи, начинается съ цѣлаго ряда „воспрещается". Военнослужащимъ воспрещается входить въ составъ союзовъ, партій, группъ и т. п., образуемыхъ съ политической цѣлью, присутствовать на собраніяхъ, обсуждающихъ политическіе вопросы, принимать участіе въ манифестаціяхъ и т. п., принимать участіе въ выборахъ въ Государственную Думу, произносить рѣчи на политическія темы, участвовать въ торговыхъ и промышленныхъ товариществахъ и т. п., безъ разрѣшенія своего начальства принимать участіе въ какихъ-либо честновзніяхъ, имѣющихъ публичный характеръ. Участіе въ печати принимать они могутъ, но если подписываютъ свои статьи псевдонимами, то псевдонимы должны быть извѣстны начальству.

Но рядомъ съ этими существенными ограниченіями правъ имѣются и нѣкоторыя права и преимущества. Такъ, производство въ первый офицерскій чинъ даетъ право личнаго дворянства, за исключеніемъ офицеровъ, произведенныхъ изъ вольноопредѣляющихся второго разряда, которые получаютъ право личнаго дворянства лишь по прослуженіи 3 лѣтъ въ офицерскомъ чинѣ. Награжденіе орденами св. Георгія и св. Владиміра первыхъ трехъ степеней, а также полученіе чина полковника даетъ права потомственнаго дворянства. Кромѣ того, офицеры пользуются правомъ льготнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ—въ высшихъ классахъ съ билетомъ классовъ низшихъ, правомъ льготнаго посѣщенія императорскихъ театровъ въ Петербургѣ и Москвѣ и т. п. Что касается вступленія въ бракъ, то таковое возможно только съ разрѣшенія начальства, опредѣляющаго пристойность брака для офицера, а также при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. Военнослужащіе не подвергаются личному задержанію при производствѣ взысканій по долговымъ обязательствамъ.

Кромѣ награжденія чинами офицеры могутъ быть награждаемы орденами, а также полученіемъ Высочайшихъ благоволеній и благодарностей и Высочайшихъ подарковъ. Всѣ награды жалуются не иначе, какъ по представленію прямого начальства. Награды бываютъ за обыкновенныя отличія—по нормѣ, и за отличія выдающіяся—внѣ нормы. Междунаградной срокъ—три года. Въ мирное время ордена даются офицерамъ въ чинѣ не ниже поручика, при чемъ соблюдается порядокъ старшинства орденовъ. За каждый полученный орденъ взимается опредѣленная сумма въ капиталъ орденовъ. Различаются награды за отличія мирнаго времени и боевыя; для послѣднихъ существуютъ награды и ордена, не выдаваемые въ мирное время; напр. орденъ св. Анны 4-й ст., орденъ св. Георгія, золотое оружіе. Получающіе ордена за боевыя отличія не подвергаются вычетамъ и награждаются ими безъ ограниченія чинами и должностями. Бываютъ случаи, когда офицерамъ обязательно выдаются извѣстные ордена „по статуту"; къ такимъ относится, напр., право на полученіе ордена св. Владиміра 4-й ст. за выслугу 25 лѣтъ бывшимъ хотя бы въ одномъ сраженіи и за выслугу 35 лѣтъ всѣмъ остальнымъ.

Награды для нижнихъ чиновъ слѣдующія. За сверхсрочную службу: шевроны, медали за усердіе и т. п. За боевыя отличія—производство въ первый офицерскій чинъ и знакъ отличія военнаго ордена (Георгіевскій орденъ); за особую храбрость, оказанную въ стычкахъ мирнаго времени, — четыре степени и медали съ надписью „за храбрость" на георгіевской лентѣ; за сверхсрочную службу и заслуги небоевыя—знакъ отличія св. Анны. Награды пенсіями.

Офицерскіе чины, по прослуженіи 25 или 35 лѣтъ, при выходѣ въ отставку получаютъ *пенсію*, частью изъ суммъ государственнаго казначейства, частью изъ суммъ эмеритальной кассы. Для чиновъ строеваго состава арміи временно существуютъ особыя правила исчисленія пенсій, нѣсколько повышенныхъ сравнительно съ нестроевыми. При увольненіи въ отставку офицеры могутъ сохранить право ношенія мундира въ отставкѣ, но и отставные, уже будучи въ отставкѣ, могутъ быть лишены мундира. Для отставныхъ нижнихъ чиновъ существуютъ пенсіи, но незначительныя, для потерявшихъ трудоспособность во время военныхъ дѣйствій; въ настоящее время внесенъ законопроектъ о пенсіяхъ нижнимъ чинамъ, лишившимся трудоспособности вслѣдствіе условій службы въ мирное время.

Военная іерархія и многія привилегіи военной службы распространены также и на числящійся въ мин. внутр. дѣлъ отдѣльный корпусъ жандармовъ, служба котораго ничего общаго съ военной службой не имѣетъ; точно также на нѣкоторыхъ чиновъ полиціи.

Отдѣльный корпусъ пограничной стражи, состоящій въ министерствѣ финансовъ, имѣетъ военную организацію, военную іерархію и въ военное время несетъ всецѣло военную службу, наравнѣ съ прочими войсками.

См. *П. Л. Лобко*, „Записки военной администраціи", переработанныя И. Даниловымъ и В. Даровскимъ; „Уставъ внутренней службы", высочайше утвержденный 23 марта 1910 г.; „Краткое расписаніе сухопутныхъ войскъ".

К. Оберучевъ.

В. Статистика государственной службы.

Статист. Г. с. представ. громад. интересъ не только съ научной, но и съ обществ. точки зрѣнія. До какихъ размѣр. достигло въ данной странѣ и въ данный историческій моментъ развитіе чиновничества, бюрократіи, низшей и въ особенности высшей,—командуемой и командующей? Во что обходится ея содержаніе государственному казначейству и народу, народному хозяйству? Какъ и въ какомъ видѣ распредѣляются казенныя и народныя издержки на ея содержаніе между различными слоями чиновничества? Каковъ соціальный составъ его; иначе говоря, изъ какихъ общественныхъ классовъ чиновничество вербуется? Какъ измѣняются его численность и экономическое положеніе съ теченіемъ времени? Въ какой странѣ бюрократія достигла наибольшаго своего развитія? Таковы лишь главнѣйшіе вопросы, на которые могла бы и должна бы дать отвѣты статистика государственной службы,—и эти отвѣты явились бы наилучшимъ комментаріемъ для оцѣнки существующаго политическаго строя. Къ сожалѣнію, статистика государственной службы не только съ научной (соціальной и исторической), но и съ элементарной, оффиціальной точки зрѣнія совершенно не разработана. Бюрократія лишь въ исключительныхъ случаяхъ собираетъ и публикуетъ свѣдѣнія о самой себѣ; и это наблюдается почти во всѣхъ странахъ, не только въ Россіи. Распредѣленія ея по ея доходамъ тоже не дѣлается. Спеціальныхъ статистическихъ обслѣдованій чиновничества до сихъ поръ никто никогда не производилъ. Еще большія трудности представляетъ сравнительное изученіе чиновничества въ разныхъ странахъ, такъ какъ въ каждомъ государствѣ слово „чиновникъ" имѣетъ далеко не одинаковое значеніе, и подъ это понятіе въ однѣхъ странахъ подводятся такія профессіи, которыя въ другихъ—сюда не относятся (напр., служащіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, которые то разсматриваются какъ состоящіе на государственной службѣ, то какъ состоящіе на общественной службѣ, учителя, желѣзнодорожные служащіе и т. д.). Такъ какъ общихъ статистическихъ наслѣдованій о государственной службѣ не существуетъ, то и здѣсь мы имѣемъ возможность дать лишь далеко не полные отвѣты на намѣченные вопросы,—прежде всего о чиновничествѣ русскомъ, затѣмъ о западноевропейскомъ и американскомъ.

1. *Статистика русскаго чиновничества.* Понимая, согласно проф. Коркунову, подъ государственной службой „особое публично-правовое отношеніе служащаго къ государству, основанное на *подчиненіи* и имѣющее своимъ содержаніемъ *обязательную* дѣятельность, совершаемую отъ лица государства и направленную къ осуществленію *опредѣленной* задачи государственной дѣятельности",—мы вводимъ въ нашъ подсчетъ всѣхъ тѣхъ служащихъ, кто на свою должность назначается или въ ней утверждается и кто получаетъ это свое назначеніе или утвержденіе или отъ главы правительства, или отъ того лица, „которому верховная власть делегировала это право", и кто самъ „осуществляетъ одно изъ правъ государственнаго верховенства" (А. Градовскій). Подъ это опредѣленіе подходятъ не только всѣ чиновники и служащіе въ государственныхъ учрежденіяхъ (кромѣ сторожей), но и всѣ учащіе (за исключеніемъ учащихъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ). Такимъ образомъ, по переписи 1897 года, число чиновниковъ въ Рос. имперіи (кромѣ Финляндіи) и ихъ распредѣленіе по разнымъ категоріямъ выражалось слѣдующими цифрами:

	Мужч.	Женщ.
Чины администрат. и судеб. вѣдом.	42.034	—
Чины межевого вѣдомства	6.612	—
Служ. въ канцеляріяхъ администр. и судеб. вѣд.	44.481	1 972
Придворные чины и вообще служащіе при дворцахъ	4.070	420
Иностр. послы и служ. въ посольст. и миссіяхъ	380	12
Офицерскіе чины жандарм. и полиціи	10.425	—
Нижніе чины жандарм. и полиціи, городск. и сельской	94.150	—
Станичные атаманы, гминные войты, волост. старш., сел. старосты и т. п.	8.369	—
Военные топографы	559	—
Граждан. чины воен. вѣд.	4.112	—
Служ. въ канцеляріяхъ воен. вѣд.	2.283	10
Гражд. чины морск. вѣд.	551	—
Служ. въ канц. морск. вѣд.	757	8
Гражд. чины корп. погран. стражи	320	—
Служ. въ канцел. корпуса погран. стражи	131	—
Портовая и рѣчная администр. и т. п.	4.635	16
Начальники станцій, начал. службъ движенія, тяги, поѣздные контрол., кассиры и т. п. служ. на лин. ж. д.	15.038	206
Кондуктора, дорожн. мастера, конторщики и т. п.	66.028	1 531
Служ. высш. разряда на почтѣ, телеграфѣ и телефонѣ	12.749	78
Телеграфисты, телеграфистки, телефонистки и почтал.	25.730	2.374
Начал. и учащіе въ учеб. заведен.	50.560	28.922
Прочіе (кромѣ начальниковъ и учащихъ) чины уч. зав.	2.198	2.193
Служ. въ канцел. уч. заведеній	1.614	331
Итого	397.736	38.082

Число это, несмотря на свои внушительные размѣры, несомнѣнно *ниже* дѣйствительности, такъ какъ въ него не вошли чиновники-инженеры, врачи и ветеринары, чиновное духовенство, служащіе въ казенныхъ музеяхъ, театрахъ, въ казенныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ и т. п. учрежденіяхъ; врачи арміи и флота, наконецъ, чиновники, живущіе пенсіей, служащіе по выборамъ, числящіеся послѣ реформы 1890 и 1892 года на государственной службѣ, сотскіе и десятскіе (замѣненные стражниками лишь при Плеве).

Къ чиновникамъ же должна быть отнесена добрая половина общаго числа военныхъ генераловъ и адмираловъ и значительный процентъ офицеровъ, чиновники военнаго и морского министерства, чиновники филеры и „агенты". Оффиціальное изданіе всеобщей франц. переписи 1901 года опредѣляетъ число чиновниковъ для одной только Европ. Россіи (1899-1901 гг.) въ 575.980 чел. Во всякомъ случаѣ, это число для всей Рос. имперіи, даже для 1897 г. было несомнѣнно выше 435.000, а за послѣднія 15 лѣтъ, подъ вліяніемъ реакціонныхъ вѣяній и общаго усложненія жизни, сильно повысилось (особенно по вѣдомству Министерст. Внутрен. Дѣлъ, точнѣе говоря — по полиціи) и въ наст. время врядъ ли слишкомъ далеко отъ 576 тысячъ. По даннымъ же переписи 1897 г. и принимая во вниманіе *не только Европ. Россію*, на 1 чиновника приходилось по 292,3 обывателя не-чиновника; но если принимать въ разсчетъ лишь мужское населеніе отъ 16 до 69 лѣтъ — то 89 обывателей. Сопоставляя число русскихъ чиновниковъ съ грамотнымъ населеніемъ, отъ 16 до 69 лѣтъ, находимъ, что изъ 34 человѣкъ грамотѣевъ 1 непремѣнно чиновникъ, — фактъ, чрезвыч. характер. самъ по себѣ. Переходя теперь къ распредѣл. чиновнич. по имперіи, находимъ, что среднимъ числомъ на 1-го чиновника приходится въ имперіи 43,5 кв. версты; а въ отдѣльныхъ частяхъ ея: въ Сибири, — 643,5 кв. в., въ Сред. Азіи — 275 кв. в., на Кавказѣ — 13,9 кв. в., Европ. Россіи — 13,5, въ Царствѣ Польскомъ — 3,5. Такимъ образомъ это послѣднее насыщено русскимъ чиновничествомъ почти въ 4 раза больше, чѣмъ Евр. Россія и Кавказъ. Распредѣленіе чиновничества по городамъ и уѣздамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Одинъ чиновникъ приходится на слѣдующее число жителей.	въ городахъ.	въ уѣздахъ.
Европейская Россія	55	664
Царство Польское	105,1	600
Кавказъ	54,1	800
Сибирь	45,6	750,1
Средняя Азія	117,8	2112,4
Всего въ Имперіи	60	707

Такимъ образомъ наибольшая густота чиновничества наблюдается по отношенію къ городамъ — въ Сибири, а по отношенію къ уѣздамъ — въ Польшѣ.

Особенный интересъ для Россіи несомнѣнно представляетъ *статистика высшей бюрократіи*, понимая подъ этимъ словомъ чиновниковъ первыхъ 4-хъ классовъ, и прежде всего — бюрократіи гражданской, занимающей доминирующее положеніе въ странѣ и руководящей какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой. Существенныя свѣдѣнія о ней даютъ оффиціальные „Списки гражданскимъ чинамъ первыхъ 4-хъ классовъ", ежегодно издаваемые сенатской типографіей въ двоякомъ видѣ (съ указаніемъ и безъ указанія свѣдѣній о получаемомъ содержаніи и земельномъ имуществѣ). Полные списки не предназначаются для публики. Статистическое изслѣдованіе этихъ списковъ, а также другихъ оффиціальныхъ источниковъ, показываетъ, съ одной стороны, относительную малочисленность правящей бюрократіи, сравнительно съ общимъ числомъ русскаго чиновничества, и съ другой — ея цвѣтущее матеріальное положеніе въ связи съ ея классовымъ составомъ. Тѣ же „Списки" констатируютъ быстрое нарастаніе вышей бюрократіи во второй половинѣ XIX и началѣ XX столѣтія. Въ 1910 году на полъ-милліона рус. чиновниковъ приходилось 4528 чиновъ первыхъ 4-хъ классовъ гражданскаго вѣдомства. Причисляя къ этому 1673 военныхъ генерала, 75 адмираловъ*) и 67 представителей высшаго духовенства, мы опредѣляемъ количественный составъ правящей бюрократіи не болѣе, какъ въ 6343 человѣка, въ рукахъ которыхъ и сосредоточивается руководительство судьбами Россіи. Этими цифрами до нѣкоторой степени опредѣляется и сила реакціи 1907-912 года, исполнительными органами которой является остальное чиновничество. Опредѣляющее значеніе для характеристики высшей бюрократіи имѣетъ статистика поземельной собственности, сосредоточенной въ ея рукахъ въ настоящее время. Изслѣдованіе „Списковъ гражд. чинамъ", сдѣланное поименно, показываетъ, что русская правящая бюрократія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и крупная земельная аристократія. Такъ, по свѣдѣніямъ 1903 г., во владѣніи 50 дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ находилось не меньше 284.008 дес. земли (по 5680 дес. на человѣка), во владѣніи 194 тайныхъ совѣтниковъ — 3.103.579 дес. (по 20.829 дес. на каждаго). Изъ этихъ цифръ видно, что тѣ и другіе принадлежатъ къ числу крупныхъ земледѣльцевъ. Въ это имущество ихъ входитъ земля какъ родовая (2 843.254 дес.), такъ и благопріобрѣтенная за время службы (544.333 дес., въ томъ числѣ записанное на жену — 125 872 дес.). Сопоставляя вышеприведенныя цифры съ наличностью всѣхъ чиновъ 2-го и 3-го классовъ, — находимъ, что на каждаго сановника приходится на кругъ по 4387,1 дес., полученныхъ по наслѣдству, и по 840 дес. благопріобрѣтенныхъ (въ томъ числѣ по 194,3 дес. на жену). Эти цифры показываютъ, что земельное владѣніе высшей бюрократіи, даже при упадкѣ дворянскаго землевладѣнія вообще, не только не уменьшалось, но увеличивалось вплоть до 1905 6 гг. когда, подъ вліяніемъ аграрнаго движенія крестьянъ, и въ правящей бюрократіи проявилась замѣтная тенденція превращать при помощи крестьянскаго и дворянскаго земельныхъ банковъ и вообще правительственныхъ учрежденій свои земельныя владѣнія въ денежный капиталъ по максимальной расцѣнкѣ. Исторія дворянскаго землевладѣнія въ свою очередь подтверждаетъ тѣснѣйшую связь высшей бюрократіи съ земельнымъ дворянствомъ: пожалованіе земельныхъ угодій издавна было однимъ изъ самыхъ обычныхъ способовъ вознагражденія служилыхъ людей. Съ другой стороны, лица, получавшія эти пожалованія, обыкновенно принимали ближайшее участіе въ государственныхъ дѣлахъ, доступъ къ которымъ ихъ же домены и открывали имъ. Переходя къ цифровой характеристикѣ государственной

*) Данныя 1905 г.

службы съ экономической стороны, прежде всего мы должны констатировать, по отношенію къ Россіи, крайне неравномѣрную оплату чиновничьяго труда,—ничтожные оклады громадной арміи низшихъ служащихъ и роскошное содержаніе высшихъ чиновъ, что видно изъ нижеслѣдующей таблицы (см. „Опытъ исчисленія народнаго дохода въ Россіи", 1906 г., изд. М. финансовъ):

Размѣръ содерж.	Число лицъ.	% ихъ къ общ. чис.	Содержаніе отъ казны.	%
Отъ 1.000 до 2.000 р	65.775	72,1	26.610.792	53,5
„ 2.000 „ 5.000 „	23.116	25,3	65.772 866	36,3
„ 5 000 „ 10.000 „	1.951	2,2	12.807.818	7,1
„ 10.000 „ 20 000 „	282	0,3	3.747.837	2,1
„ 20.000 „ 50.000 „	40	0,04	1.135.735	0,6
Свыше 50.000 р. .	10	0,01	670 075	0,4
Итого .	91.204	100,0	180.745.123	100,0

Лишь 91.204 чиновника (изъ полумилліона) получаетъ болѣе 1000 р. въ годъ. Содержаніе же остальныхъ ниже этой цифры. Какъ извѣстно, есть чиновники, получающіе по 7 и по 16 р. въ мѣсяцъ. Такого неравномѣрнаго распредѣленія не наблюдается ни въ какой другой культурной странѣ Европы. Но цифры этой таблицы еще отнюдь не выражаютъ экономической обезпеченности высшей бюрократіи во всей полнотѣ, такъ какъ сюда не входитъ цѣлый рядъ получекъ, связанныхъ съ самымъ родомъ службы (квартирныя, столовыя, фуражныя, прогонныя, „за засѣданія", аренды, награды, пенсіи, за ордена, „добавочныя", „прибавочныя" и т. д.). Судя по „Списку" 1903 г., содержаніе 100 дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ обходилось государству въ 1.597.851 р. (по 15 978 р. 51 к. на человѣка, или 43 р. 78 к. въ день), содержаніе тайныхъ—4.038.448 р. (по 7319 р. 43 к., или по 20 р. 05 к. въ день). По Р. Кауфману содержаніе общаго управленія обходится въ Россіи дороже, чѣмъ гдѣ-либо (13% государственнаго бюджета въ годъ). Проф. Ходскій констатируетъ, что до 1890 года по 1900 г. расходы на высшія государственныя учрежденія выросли на 40% (съ 2.210.000 р. до 3.191.000 р.). Съ 1901 года по 1910 г. ростъ этихъ расходовъ выразился еще болѣе крупными цифрами: въ 1901 г.—3.155.401 р., въ 1903 г —3.210.449 р., въ 1904 г.—3.541 111 р., 1906 г.—5.545.656 р.*), 1907 г.—6.984.953 р., 1908 г.—8.460 194., 1909 г.—8.385.621 р., 1910 г.—9 129.117 р (*И. Покровскій*, „Государственный бюджетъ Россіи 1901—1910 гг." Спб. 1911 г.). Наиболѣе быстрый ростъ этихъ расходовъ совпадаетъ такимъ образомъ съ годами реакціи. Отчеты Государственнаго Контроля показываютъ, что главное *возрастаніе* государственныхъ расходовъ за послѣдніе годы объясняется прежде всего увеличеніемъ штатовъ и расходами на администрацію, которая и поглощаетъ въ настоящее время значительную часть государственнаго бюджета. Но, какъ показываютъ судебные отчеты послѣднихъ 10 лѣтъ и сенаторскія ревизіи, нѣкоторые представители высшей бюрократіи обходятся государственному казначейству и народному хозяйству во много разъ дороже, чѣмъ сколько указано въ „Спискахъ". Что касается до того, во сколько обходится хозяйничанье высшей бюрократіи въ странѣ, объ этомъ особаго изслѣдованія, къ сожалѣнію, не имѣется. Объ этомъ хозяйничаньи много о цѣнныхъ и фактически-достовѣрныхъ данныхъ приводитъ проф. *И. Озеровъ* въ своихъ многочисленныхъ книгахъ, всегда богатыхъ фактами: „Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги", „Горные заводы Урала", „Экономическая Россія", „Политика по рабочему вопросу", „Финансовое право"; см. также: *В. И. Семевскій*, „Пожалованіе населен. имѣній"; *А. Шепелевъ*, „Экономическая политика самодержавія". *К. Карновичъ*, „Русск. чиновники прежде и теперь"; *И. Рубакинъ*, „Много ли въ Россіи чиновниковъ?" („Вѣстникъ Европы", 1910 г. № 1); *его же*, „Наша правящая бюрократія въ цифрахъ" (статистика тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ") („Сынъ Отечества" 20 апрѣля 1905 г № 54); *его же*, „Архивъ госуд. мудрости" (Государственный Совѣтъ въ цифрахъ, Спб 906); *его же*, „Военная бюрократія въ цифрахъ" (статистика генераловъ и адмираловъ, „Русская Мысль", 1907 г. №№ 1, 2, 3, 5); заслужив. вниманія журн. „Спутникъ чиновника", изд. Мирецкимъ въ Кіевѣ и дающій много бытов. и статист фактовъ о рус. бюрократіи, гл. обр. низшей.

Статистика Г. с. въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ. Классической страной съ наиболѣе развитымъ чиновничествомъ издавна считается *Франція* (см. ѣдкую сатиру *Э. Лабуле* на французскую централизацію, „Принцъ Собачка"). Жюль Симонъ въ свое время отмѣтилъ, что „зло бѣда Франціи въ томъ, что она управляется слишкомъ большимъ числомъ слишкомъ маленькихъ чиновниковъ". Еще въ 1778 году Montionъ писалъ: „врядъ ли есть другая страна, гдѣ бы администрація была столь же многочисленна, какъ во Франціи („Recherches et conditions sur la population de la France", 1778) Неккеръ приблизительно вычислилъ цифру чиновниковъ въ 250.000 чел. („L'administration des finances de la France", 1784 г.). Значит. развитія достигло чиновнич. во Франціи въ началѣ XIX в. и еще большаго послѣ 1870 г. (Taudière). Съ 1905 г. всѣ министерства обязаны по закону представлять вмѣстѣ съ проектомъ бюджета „Списокъ должностей, оплачиваемыхъ какъ казной, т. къ и департамент. и коммунами". Наиболѣе точное понятіе о числѣ чиновниковъ во Франціи въ началѣ XX ст. даетъ слѣдующая таблица, составленная Ф. Форомъ на основаніи этихъ официальныхъ данныхъ и ихъ критической оцѣнки. Въ эту таблицу входятъ всѣ гражданскія должностныя лица, получающія содержаніе какъ отъ казны, такъ и отъ департаментовъ и отъ коммунъ, какъ состоящія на службѣ, такъ и находящіяся въ отставкѣ (не получающія пенсію).

Число чиновниковъ.

По министерству	На 1 янв. 1906 г.		На 1 янв. 1907 г.		На 1 янв. 1908 г.		На 1 янв. 1909 г.	
	Получающихъ содержаніе отъ							
	Казны.	Деп. и ком.	Казны.	Деп. и ком.	Казны.	Деп. и ком.	Казны.	Деп. и ком.
Финансовъ	132.312	326	133.421	326	134.001	311	133 603	310
Юстиціи	12.303	1.067	12.331	1.067	12.306	1.067	12.335	1.067
Вѣроисповѣданій (cultes)	36	—	36	—	36	—	40	—
Иностранныхъ дѣлъ	952	—	918	—	—	—	—	—
Внутреннихъ дѣлъ	5.432	218.812	5.432	218.812	6.815	228 031	6.971	238.052
Военному	37.066	—	30.204	—	28 537	—	28.993	—
Морскому	30.678	—	30 007	—	28.958	—	28 891	—
Народн. просвѣщ. народ. просв.	127.0 6	13.118	129.187	13.410	129 798	13.719	131 420	13 849
Народн. просвѣщ. изящн. искус.	1.523	—	1.579	—	1 590	—	1.578	—
Торговли	2.376	—	2.698	—	2.718	—	3.272	—
Труда	327	—	405	—	433	—	444	—
К доній	1 093	—	1.262	—	1 263	—	1 242	—
Земледѣлія	7.149	3.390	7.380	3.598	7 581	3 490	7.605	3.490
Общ. работъ общ. работъ	20.7 3	1.076	20.362	1.082	20.0>9	1.008	19 435	1.060
Общ. работъ почтъ, телегр., телеф.	94 105	11.706	102.518	11 775	104.838	12 6>3	108 872	13.172
Итого .	453.101	249.495	477.724	250.070	479.9.9	260.301	486.676	271.002
	702.596		727.794		740.290		757.678	

*) Скачекъ объясняется учрежденіемъ Гос Думы и новыми штатами Гос. Совѣта.

Изъ этой таблицы, составленной весьма осторожнымъ и солиднымъ изслѣдователемъ, видно, что Франція отнюдь не такая многочиновная страна, какъ о ней принято думать; что число чиновниковъ кажется въ ней большимъ въ значительной степени отъ того, что въ него входитъ цѣлая армія учителей, почти въ 3 раза болѣе многочисленная, чѣмъ въ Россіи. Изъ таблички же видно, что чиновная армія во Франціи изъ года въ годъ нарастаетъ. Преувеличенныя цифры другихъ изслѣдователей, насчитывавшихъ во Франціи больше милліона чиновниковъ, объясняются тѣмъ, что они ввели въ свои итоги такія профессіи, которыя врядъ ли сюда относятся, напр. военныхъ, отслужившихъ свой срокъ и продолжающихъ служить по вольному найму, сельскихъ пожарныхъ (sapeurs pompiers) и т. п. Далѣе, сильно развитая общественная жизнь Франціи несомнѣнно требуетъ для себя и большаго числа слугъ.

Условія чиновничьей службы, матеріальной, не говоря уже о духовной, во Франціи гораздо лучше, чѣмъ въ Россіи. Оплата труда низшихъ служащихъ выше, а высшихъ ниже. Вообще распредѣленіе гонорара равномѣрнѣе. Такъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, приводимымъ Taudière'омъ, 608 511 служащихъ стоили государству въ годъ 630 милліоновъ франковъ. Впрочемъ, во Франціи разница въ вознагражденіи низшихъ и высшихъ служащихъ все-таки болѣе значительна, чѣмъ въ другихъ странахъ.

О статистикѣ французскаго чиновничества см.: *F. Faure*, „Les fonctionnaires français" въ „Revue politique et parlementaire" (1910 г. май); *V. Turquan*, „Essai de recensement des employés et fonctionnaires de l'Etat" (1899; оттискъ изъ „Réforme Sociale"); *H. Chardon*, „L'administration de la France. Les fonctionnaires" (1908); *G. Cahen*, „Les fonctionnaires. Leurs actions corporatives" (изъ серіи „Le mouvement social contemporain" 1911); *Dareste*, „Hist. de l'administration en France"; *Chernel*, „Hist. de l'administration monarchique en France"; *Faure*, „Rapport sur la statistique des fonctionnaires" („Congrès des sciences administratives"); *Taudière*, „Conditions des fonctionnaires en Angleterre, en Allemagne, en France" („Correspondant", 25 mai 1910); *Arenil*, „Réforme administrative".

Англія. „Англія, говоритъ Фовилль, пользуется сравнительно малымъ числомъ чиновниковъ, но хорошо оплачиваетъ ихъ трудъ, тогда какъ Франція поступаетъ какъ разъ обратно; чиновниковъ въ ней много, но трудъ ихъ оплачивается скуднѣе". По переписи 1901 г. въ Англіи и Уэльсѣ числилось:

	Мужч.	Женщ.	Всего
Въ national governement и civil service	100.339	16.074	116.413
Въ муниципальныхъ и другихъ мѣстныхъ управлен. .	26.444	10.426	36.870
По полиціи	44.904	—	44.904
Прокуроровъ и адвокатовъ .	20.998	—	20 998
Канцеляристовъ (Law-Clerks)	34.066	—	34.066
Въ телеграфн. и телеф. учр	13.563	9 256	22 819
Учащихъ	58.675	171.670	230,345

Статистика отмѣчаетъ несомнѣнное нарастаніе бюрократіи въ Англіи. Такъ напр., число мѣстныхъ служащихъ увеличилось съ 1891 г. на 47,9% (33,8% для мужчинъ и 101,9% для женщинъ), число служащихъ national governement и civil service на 46,5% (44,7% для мужчинъ и 62,8% для женщинъ), число служащихъ на телеграф и телеф.—на 52,6% (Fauville въ ж „Economiste français" 1908—9 г.). Особенно ускореннымъ темпомъ въ Англіи нарастаніе бюрократіи пошло за послѣднее время. Такъ, напр., въ 1905 г было учреждено 1.154 новыхъ должностей на сумму 130.212 ф. ст., не считая прогонныхъ, добавочныхъ и т. п. Организація Labour Exchange въ 1906 г. создала 600 новыхъ должностей (64 344 ф. ст.). Переходъ телефоновъ къ государству вызвалъ увеличеніе чиновничества Англіи на 250.000 челов. Этотъ фактъ показываетъ, въ какую сторону направляется нарастаніе чиновничества въ странѣ, пользующейся благами гражданской свободы.

Австрія. Кромѣ Россіи, быстрѣе всего нарастаетъ бюрократія, повидимому, въ Австріи. Объ этомъ ея нарастаніи, равно какъ объ увеличеніи расходовъ на нее, даетъ понятіе нижеслѣдующая таблица, составлен. Ольшевскимъ.

	Число должностныхъ лицъ разн. категорій.			Ихъ содержаніе въ кронахъ.	
	1874 г.	1891 г.	1900 г.	1891 г	1900 г.
Рейхсратъ. Имперскій судъ. Министерскій совѣтъ. Административный судъ	32	60	106	366.166	663.684
Минист. внутрен. дѣлъ	3.191	3.464	4.736	8.918.164	14.619.986
Министер. военное	57	123	214	377 460	670 200
Министер. исповѣданій и просвѣщенія . .	2 904	5 081	6.650	14.602.804	27 724 907
Министер. финансовъ	8.057	8.712	15.409	18.318.490	36.504.782
Министер. торговли	4.970	10.512	11.439	19.944.764	26.068.624
Министер. путей сообщенія	—	—	14.494	—	25.880.890
Министер. земледѣлія	772	824	1.022	2.151.172	3 345.702
Министер. юстиціи	6.843	6.991	11.103	18 379.140	32.639 274
Государ. контроль Oberster Rechurungshof	39	46	51	191 000	251.000
Управленіе государственными долгами . . .	94	85	191	200.988	522.832
Итого . .	26.906	35.903	65.415	83.462.148	168.991.881

Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты. Съ 1890 г. начальники департаментовъ обязаны по закону ежегодно доставлять доклады о числѣ служащихъ и давать свѣдѣнія о получаемыхъ ими жалованьяхъ. Изъ нихъ видно, до какой степени медленно нарастаетъ въ С.-А. Штатахъ бюрократія, несмотря на быстрое развитіе общественной жизни. По переписямъ 1890, 1900 г. насчитывалось въ континентальной части Соед. Штатовъ:

	Въ 1890 г.			Въ 1900 г.		
	Мужч.	Женщ.	Всего.	Мужч.	Женщ.	Всего.
Государственныхъ служащихъ, національныхъ, мѣстныхъ	77.115	4.875	82.590	78.488	8.119	86.607

Въ этотъ подсчетъ не входятъ писаря, стенографы, переписчики, также учителя (въ 1903 г ихъ было 117.003 мужчинъ и 332.252 женщинъ). Въ этой таблицѣ обращаетъ на себя вниманіе ничтожный приростъ служащихъ (около 4.000 за цѣлыхъ 10 лѣтъ). Тѣмъ не менѣе въ „странѣ свободы" чиновничья служба постоянно привлекаетъ сотни тысячъ желающихъ получить ее. Въ 1903 г. было 112.624 чел., желавшихъ поступить на государственную службу. Изъ нихъ поступило 40.423 чел.

Литература. Кромѣ книгъ и статей, указанныхъ выше, см. *Ольшевскій* „Бюрократія" (906); *Mulhal*, „Dictionary of statistics"; *Pfeifenrober*, „Preussische Beamtengesetzgebung" (изъ Collection Gutentag, 1905); *Leon Cahen*, ст. въ „Bulletin mensuel de legislation comparee" (февраль 1912 г., о нѣмецкихъ чиновникахъ); *Cammerer*, „Fonctions publiques en Allemagne" (1899); *Pacinot*, „L'impiegio nelle publiche amministrazione" (1907, Ruoli organici degli impiegate civile et militare dello stata, 1911).

Н. Рубакинъ.

Въ наше время Г. б.—удѣлъ бѣдныхъ и обнищавшихъ странъ. Изъ прежнихъ причинъ Г. б. — нежеланія платить и невозможности — осталась одна: невозможность выполнить принятыя на себя кредитныя обязательства. Г. б. обыкновенно случается въ странахъ, переобремененныхъ внѣшними долгами. Иногда эксплуатируемыя европейскимъ капиталомъ страны умышленно приводятся къ Г. б. (Египетъ, Тунисъ). Современное Г. б., кромѣ несчастія, ничего не приноситъ государству, такъ какъ обанкротившаяся страна губитъ свой кредитъ, безъ котораго въ наше время немыслимо вести г. хозяйство, и вызываетъ иностранное вмѣшательство во внутреннія дѣла.

Различаютъ нѣсколько формъ Г. б. Оно можетъ быть явнымъ, когда государство объявляетъ о своемъ намѣреніи нарушить кредитныя обязательства, и тайнымъ, когда Г. б. маскируется въ форму финансовыхъ мѣропріятій, нарушающихъ права кредиторовъ (введеніе высокихъ налоговъ на гос. фонды, принудительная конверсія, уплата процентовъ и капитала, вмѣсто договорной валюты, бумажными деньгами). Г. б. будетъ полнымъ, если государство откажется платить и капиталъ, и проценты. Оно будетъ частичнымъ, если практикуется замаскированная форма Г. б. Наконецъ, Г. б. будетъ окончательнымъ, когда государство, пріостанавливая платежи, не обѣщаетъ выполнить нарушенныя права и въ будущемъ; временнымъ—когда при объявленіи Г. б. указывается, что съ улучшеніемъ финансовъ обязательства будутъ выполнены (обычная форма современнаго Г. б.). Изъ государствъ, допустившихъ Г. б. въ XIX в., отмѣтимъ Испанію (4 случая), Португалію, Грецію, Сербію, Турцію, Тунисъ, Египетъ, Мексику, цѣлый рядъ сѣв.-амер. штатовъ. Наиболѣе пострадали кредиторы, живущіе во Франціи и Германіи.

Въ наиболѣе безпомощномъ положеніи оказываются тѣ кредиторы, которые являются подданными обанкротившагося государства. Иностранные кредиторы принимаютъ цѣлый рядъ мѣръ по обезпеченію своихъ интересовъ. Инціатива обезпеченія исходитъ отъ самихъ кредиторовъ, которые обращаются къ содѣйствію своихъ правительствъ. Частые случаи Г. б. заставили иностранныхъ кредиторовъ образовать довольно вліятельные союзы, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить: Corporation of foreign bondholders въ Лондонѣ (при ея участіи Г. б. Египта привело его къ политическому подчиненію Англіи; публикуетъ „черный списокъ“ неисправныхъ должниковъ); бельгійская L'Association pour la défense des détenteurs de fonds publics и французская L'Association nationale des porteurs français de valeurs étrangères. Эти организаціи преслѣдуютъ двойную цѣль: добиться репрессій по отношенію къ неисправнымъ должникамъ и по возможности предупредить Г. б. информированіемъ своихъ членовъ, публики и правительства ежегодными обзорами финансоваго положенія странъ, склонныхъ къ Г. б. Дѣятельность этихъ организацій вызывала рѣзкую критику, такъ какъ онѣ узурпировали права всѣхъ кредиторовъ и вступали въ сдѣлки съ иностранными государствами, не имѣя должныхъ полномочій.

Мѣропріятія, которыя практикуютъ государства по обезпеченію правъ своихъ подданныхъ, разнообразны. Иногда дѣло ограничивается дипломатическими переговорами, иногда—блокадой и лишеніемъ государства - банкрота политической самостоятельности. Часто учреждается финансовый международный контроль надъ неисправнымъ должникомъ, на подобіе частноправового конкурса. Этотъ контроль можетъ быть полнымъ, когда иностранный комитетъ беретъ въ свои руки завѣдываніе всѣми финансами несчастной страны; онъ можетъ быть частичнымъ, когда въ управленіе берутъ только часть доходовъ, служащихъ къ удовлетворенію иностранныхъ кредиторовъ. Въ настоящее время подъ частичнымъ контролемъ находятся Греція, Турція, Китай. Политическія репрессіи возможны въ тѣхъ случаяхъ, когда руководящія державы находятъ возможнымъ допустить такую форму воздѣйствія. Слѣдов., охрана правъ кредиторовъ зависитъ отъ политиче-

скихъ комбинацій. Поэтому въ послѣднее время родилось теченіе въ пользу развитія *частнаго* международнаго права, которое должно охранять интересы кредиторовъ. Эту идею пропагандируетъ извѣстный статистикъ Нейкаркъ. Помимо репрессивныхъ мѣръ, практикуютъ и превентивныя, которыя заключаются въ томъ, что отъ экономически слабыхъ странъ при заключеніи займовъ требуютъ спеціальнаго обезпеченія. Допущеніе внѣшнихъ займовъ на тотъ или иной рынокъ проходитъ стадію предварительнаго изслѣдованія и требуетъ особаго правительственнаго или биржевого разрѣшенія. Лондонская фондовая биржа въ своемъ статутѣ имѣетъ опредѣленіе, что она не допуститъ новыхъ бумагъ такого государства, которое нарушило обязательства старыхъ займовъ и не восполнило ихъ впослѣдствіи.

Литература: *Алексѣенко*, „Государственный кредитъ“ (1872); *Орловъ*, „О государственномъ кредитѣ“ (1833); *Боголѣповъ*, „Госуд. долгъ“ (1910. Стр. 269—279); *его же*, „Финансы, правительство и обществ. интересы“ (1907. Глава о политическомъ значеніи госуд. кредита); *Collas*, „Der Staatsbankrott u. seine Abwicklung“ (1904); *Drago*, „Les emprunts d'Etat et leurs rapports avec la politique internationale“ (1907); *Drucker*, „Die Gefährlichkeit gewisser neuen finanziellen Theorien zur Beherzigung der Besitzer ausländischer Staatspapiere in Deutschland“ (1882); *Ehrenberg*, „Das Zeitalter der Fugger“ (2. Bde. 1896); *Freund*, „Die Rechtsverhältnisse der öffentlichen Anleihen“ (1907, Kapitel XXIII); *Lewandowski*, „De la protection des capitaux empruntés en France“ (1896); *Körner*, „Staatsschuldentilgung u. Staatsbankerott“ (1893); *Meili*, „Der Staatsbankerott und die moderne Rechtswissenschaft“ (1895); *Pflug*, „Staatsbankerrot und internationales Recht“ (1898); *Politis*, „Les emprunts d'Etat en droit international“ (1894). *М. Боголѣповъ.*

Государственное вмѣшательство, см. *экономическая политика.*

Государственное ополченіе, см. *воинская повинность*, XI, 29.

Государственное право, см. *право государственное.*

Государственные долги. Въ настоящее время одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ всякаго государственнаго хозяйства является наличность Г. д. Государства разной культуры, различныхъ формъ правленія, мирныя и военныя, старыя и новыя, великія и малыя, всѣ имѣютъ общій знаменатель—задолженность, часто достигающую огромныхъ размѣровъ. Г. д. прочной цѣпью соединяютъ настоящее съ далекимъ прошлымъ и въ значительной мѣрѣ предопредѣляютъ развитіе г. хозяйства въ будущемъ. Если мы обратимъ вниманіе на составъ задолженности любого государства, то замѣтимъ другую не менѣе характерную черту: задолженность явилась результатомъ частаго, во многихъ странахъ чуть-ли не ежегоднаго, обращенія государства на путь кредита. Можно говорить о постоянномъ ростѣ Г. д., какъ закономѣрномъ процессѣ. Государство обращалось на путь займовъ во всѣ эпохи, но тѣ Г. д., которые обременяютъ бюджеты въ наше время, появились въ новѣйшую эпоху. Они являются результатомъ обращенія государства на путь *публичнаго* кредита, т. е. они накоплены государствомъ, а не государемъ. Кромѣ того, современные Г. д. отмѣчаютъ дѣйствіе *системы* г. кредита, въ то время какъ въ старыя эпохи королевскіе займы были случайнымъ явленіемъ. Въ старую эпоху заемъ былъ однимъ изъ многихъ чрезвычайныхъ средствъ добыть нужныя деньги; въ новое время заемъ является одной изъ двухъ основныхъ формъ обращенія государства къ народному хозяйству. Заемъ и налогъ—вотъ формула современныхъ отношеній государства и народнаго хозяйства. Собственные доходы государственнаго хозяйства, игравшіе исключительную роль въ доменіальную эпоху, теперь давно уже заняли скромную бюджетную позицію. Долги государства имѣютъ еще ту особенность по сравненію съ долгами короля, что они въ своей массѣ долгосрочны, въ наиболѣе устроенныхъ странахъ—безсрочны, вѣчны. Краткосрочные долги, этотъ основной типъ займовъ старой эпохи, въ наше время или являются техническимъ средствомъ пользованія текущими средствами казначейства,

или служатъ подготовкой долгосрочныхъ займовъ. Вѣчная рента—основная форма Г. д. современнаго могущественнаго государства; долгосрочный заемъ—форма долга всѣхъ другихъ государствъ.

Всеобщность Г. д. и ихъ постоянный ростъ предполагаетъ наличность общихъ и мѣстныхъ причинъ. Одной изъ общихъ причинъ систематическаго роста Г. д. является война и приготовленіе къ ней. Для нѣкоторыхъ странъ, какъ Англія, Германія, отчасти Франція, эта причина является исключительной. Война и въ былыя эпохи вызывала займы, но только въ наше время война органически связана съ ростомъ Г. д. Боевая организація современнаго государства и веденіе войны съ экономической точки зрѣнія представляютъ изъ себя затрату огромныхъ массъ капиталовъ. Можно говорить о капиталѣ г. обороны и нападенія, можно говорить о военной „индустріи“. Стратегическія ж. дороги, крѣпости, броненосцы, дорогія орудія, другіе техническіе элементы военнаго дѣла, все это—основной капиталъ обороны, исчисляемый во многихъ странахъ милліардными цифрами. Этотъ капиталъ, обыкновенно, добывается займами. Вотъ почему Германія, до сихъ поръ еще не ведшая ни одной крупной войны, имѣетъ огромный Г. д., обязанный своимъ происхожденіемъ заботамъ о боевой готовности. Война, въ былыя времена являвшаяся поединкомъ мужчинъ, въ наше время общимъ строемъ народнаго хозяйства превращена въ борьбу машинъ и капиталовъ. „Основной“ капиталъ военной организаціи предполагаетъ наличность въ соотвѣтствующей пропорціи „оборотнаго“ капитала. Вотъ почему въ большинствѣ современныхъ бюджетовъ около 50% всѣхъ средствъ уходитъ на ежегодные расходы по войску и на оплату военныхъ займовъ, т. е. половина всѣхъ бюджетовъ уходитъ на оплату старыхъ и будущихъ войнъ.

Другой всеобщей причиной роста Г. д. является предпринимательская дѣятельность современнаго государства. Въ составѣ Г. д. такихъ странъ, какъ Россія, Канада, Пруссія, Швейцарія, имѣются долги, которымъ присвоено не особенно точное названіе *производительныхъ*. Иногда эти Г. д. называютъ рентабельными, такъ какъ занятыя суммы потрачены на предпріятія, способныя приносить доходъ. Государство съ давнихъ поръ было энергичнымъ предпринимателемъ, оно учреждало различныя предпріятія, заводило свои промыслы, накапливало промысловый капиталъ. Особенно кипучая промысловая дѣятельность государства наблюдалась въ переходную эпоху, когда доменіальный доходъ переставъ удовлетворять быстро растущіе г. расходы, а податная система только что зарождалась (эпоха регалій). Но въ это время еще не были извѣстны производительные Г. д., хотя публичный кредитъ существовалъ. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что г. предпріятія старой эпохи были мелкими промыслами, часто въ видѣ монополій, отдававшихся на откупъ. И только въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства государственныя предпріятія потребовали затраты капиталовъ, добытыхъ займами. Государство сокращаетъ объемъ своей промысловой дѣятельности, оставляя въ своихъ рукахъ немногія монополіи и желѣзныя дороги. Но это немногое приводитъ къ стремительному росту Г. д. Г. предпріятія по существу дѣла должны быть крупными предпріятіями. И если въ условіяхъ нашего времени всякое крупное предпріятіе является результатомъ затраты капитала, то и г. предпріятія въ этомъ отношеніи не только не составляютъ исключенія, но являются наиболѣе показательными. Государство беретъ въ свои руки такія предпріятія, гдѣ по природѣ вещей преобладаетъ основной капиталъ (ж. дороги), или гдѣ приходится выкупать частныя права и имущества (фискальныя монополіи). Поэтому гос. облигація часто играетъ роль промышленной акціи.

Къ этимъ двумъ основнымъ причинамъ роста Г. д. присоединяются другія, порожденныя въ условіяхъ нашего же времени, но проявляющія свою силу съ меньшей интенсивностью. Г. хозяйство и г. дѣятельность въ старыя эпохи развивались въ медленно измѣнявшихся условіяхъ экономическаго

быта и соціальной среды. Назрѣвавшія противорѣчія разрѣшались силою обстоятельствъ, иногда облекаясь въ форму стихійныхъ революцій. Въ наше время государство слѣдитъ за быстрымъ темпомъ жизни и выступаетъ въ роли реформатора. Реформами ускоряются естественные процессы экономической и политической жизни, архаическіе остатки и болѣзненные наросты удаляются безъ крови, при помощи денегъ (выкупъ), деньгами укрѣпляются молодые побѣги жизни. Экономическая реформа, всегда имѣющая соціальную подкладку, въ условіяхъ новаго времени часто, помимо изданія закона, нуждается въ затратѣ большихъ денегъ. Можно указать на милліардные размѣры операціи по выкупу частныхъ ж. дорогъ, на колоссальные размѣры выкупа при русской крестьянской реформѣ. Молодая Японія была вынуждена заключать займы для ликвидаціи феодальнаго строя. Старая Англія колоссальнымъ займомъ рѣшаетъ аграрный вопросъ въ Ирландіи. Рядъ экономическихъ реформъ въ такихъ странахъ, какъ Канада, Баварія, Венгрія и т. д., могли быть проведены только при помощи занятыхъ денегъ. На ряду съ этой причиной накопленія Г. д. необходимо указать и другую, коренящуюся въ условіяхъ и существѣ дѣятельности новаго государства. Современное государство обыкновенно выступаетъ съ помощью при различныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ, какъ, напр., голодъ, наводненіе, обширныя землетрясенія. Иногда эти бѣдствія, въ старину лѣчившіяся временемъ, въ наше время вызываютъ колоссальныя затраты денегъ, легко приводящія государство на путь займовъ.

Иногда причина накопленія Г. д. лежитъ внѣ предѣловъ г. хозяйства. Въ странахъ, бѣдныхъ капиталами и поэтому нуждающихся въ постоянномъ притокѣ иностранныхъ капиталовъ, г. займы служатъ однимъ изъ главныхъ средствъ такого привлеченія. Въ странахъ, гдѣ помѣщеніе иностраннаго капитала не считается особенно прочнымъ, гарантія, присущая г. займу, является необходимымъ условіемъ обильнаго притока чужихъ капиталовъ. Кромѣ того, г. заемъ въ качествѣ средства привлеченія иностранныхъ капиталовъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда считаютъ полезнымъ привлечь капиталъ не туда, куда онъ идетъ по собственной иниціативѣ капиталистовъ, руководящихся несомнѣнными выгодами, а туда, гдѣ этотъ притокъ, не обѣщая особыхъ выгодъ, тѣмъ не менѣе полезенъ для страны и народнаго хозяйства. Эти общія причины всегда преломляются въ призмѣ мѣстныхъ условій.

Такимъ образомъ, основныя причины накопленія огромной массы Г. д. лежатъ въ общихъ условіяхъ развитія г. хозяйства, т. е. главнымъ образомъ въ условіяхъ народнохозяйственной эволюціи. Проявляясь въ обстановкѣ г. хозяйства, эти причины получаютъ форму такъ называемыхъ *бюджетныхъ дефицитовъ*. Г. хозяйство нашего времени имѣетъ бюджетную форму, несоотвѣтствіе между доходами и расходами въ сторону превышенія послѣднихъ называется дефицитомъ. Дефициты могутъ покрываться займами и налогами. Опытъ XIX вѣка показалъ, что займы играли огромную роль въ борьбѣ съ дефицитами. Но отсюда врядъ ли можно сдѣлать тотъ выводъ, что дефициты являются причинами накопленія Г. д. Это—только поводы обращенія государства на путь займа, такъ какъ самъ дефицитъ обусловленъ болѣе глубокими и общими причинами: или войной, приготовленіемъ къ войнѣ, или необходимостью затратъ на организацію государственныхъ предпріятій, реформъ, продовольственной и иной помощи. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда бюджетный дефицитъ появляется безъ участія указанныхъ причинъ, когда естественный ростъ расходовъ опережаетъ ростъ доходовъ, можно говорить о дефицитѣ, какъ самостоятельной причинѣ накопленія Г. д. Но дефицитъ этого порядка вызываетъ различныя послѣдствія: или введеніе новыхъ налоговъ, или сокращеніе расходовъ, или усиленіе существующихъ налоговъ. Если же эти мѣры не дѣйствуютъ на бюджетъ и онъ продолжаетъ страдать дефицитомъ указаннаго характера, то покрытіе его займами ведетъ къ финансовому разстройству и можетъ привести къ г. банкротству. Но въ концѣ концовъ и этотъ дефицитъ,

финансовый по своему существу, въ большинствѣ случаевъ имѣетъ соціально-экономическія основанія: онъ порождается народною бѣдностью, нежеланіемъ состоятельныхъ классовъ взять на себя часть податного бремени, несоотвѣтствіемъ финансовой системы и общаго уклада хозяйственной жизни народа.

Дѣйствіе указанныхъ причинъ къ нашему времени сказалось въ томъ, что всѣ страны имѣютъ задолженность, въ нѣсколько разъ превышающую размѣры годовыхъ бюджетовъ и отнимающую значительную часть годового дохода на уплату процентовъ по займамъ и погашеніе. Цифры, въ которыхъ опредѣляется къ данному моменту капиталъ г. задолженности, не даютъ представленія о всѣхъ Г. д., такъ какъ многіе займы были уже погашены и исключены со счетовъ. Моментъ, съ котораго въ каждой странѣ начинается исторія Г. д., обыкновенно выбранъ совершенно случайно, и для многихъ странъ первыя страницы исторіи Г. д. остаются или неясными, или спорными. Въ Россіи исторія Г. д. обыкновенно начинается съ перваго внѣшняго займа, заключеннаго Екатериною II въ 1769 г. Въ Англіи отправнымъ пунктомъ для исторіи Г. д. считаютъ годъ основанія Bank of England (1694 г.). Но и въ Россіи, и въ Англіи это—совершенно условныя даты.

Не разъ предпринимались попытки опредѣлить размѣръ Г. д. во всемъ мірѣ. Но въ виду рѣзкихъ различій въ валютѣ и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе несовершенства матеріала для международной финансовой статистики, эти попытки приводили къ спорнымъ результатамъ. Но нѣкоторое представленіе о ростѣ міровой публичной задолженности эти попытки все-таки даютъ. Въ 1825 г. міровую задолженность опредѣляли въ 38 милліардовъ фр., въ 1850 г.—47 м., 1860 г.—56 м., въ 1867 г.—66 м., въ 1885 г.—108 м., 1895 г.—136 м., въ началѣ XX вѣка—250 милліардовъ фр. О ростѣ публичной задолженности въ мірѣ нѣкоторое представленіе можно получить изъ эмиссіонной статистики. Каждый годъ изъ общей массы выпускаемыхъ на рынокъ новыхъ бумажныхъ цѣнностей значительная часть приходится на государственные займы. За послѣдніе годы цифра ежегодныхъ эмиссій опредѣляется въ колоссальныхъ размѣрахъ: отъ 14 до 26 милліардовъ фр. Изъ этихъ массъ около 40% приходится, обыкновенно, на публичные займы. Иногда г. займы поглощали до 87% всей эмиссіи (1894 г.).

Финансовая литература богата различными оцѣнками Г. д. Въ большинствѣ случаевъ эти оцѣнки слишкомъ случайны и субъективны. Господствуютъ два направленія: оптимистическое и пессимистическое. Одни думаютъ, что Г. д. являются показателемъ силы націи и государства, другіе утверждаютъ, что всякій Г. д. таитъ въ себѣ величайшую угрозу экономической и политической самостоятельности націи. Такъ какъ исторія Г. д. слишкомъ богата фактами самаго разнообразнаго содержанія, то сторонники обоихъ діаметрально противоположныхъ мнѣній могутъ привести въ свою защиту какое угодно количество фактическихъ аргументовъ. При оцѣнкѣ факта г. задолженности необходимо опираться на цѣлый рядъ показателей, которые могутъ привести къ правильнымъ выводамъ. Прежде всего необходимо имѣть въ виду относительное значеніе Г. д. Страна, имѣющая громадный Г. д., можетъ процвѣтать, и наоборотъ—страна съ небольшимъ Г. д. можетъ испытывать отъ него вслѣдствіе мѣстныхъ условій величайшія неудобства. Часто къ оцѣнкѣ значенія Г. д. идутъ путемъ международнаго сравненія и при этомъ упускаютъ изъ виду относительное значеніе Г. д. Поэтому размѣръ капитала г. задолженности самъ по себѣ не можетъ служить основаніемъ оцѣнки значенія накопленныхъ долговъ. Если въ одной странѣ займы заключались по 3%, въ другой—по 6%, то, при равныхъ размѣрахъ капитала задолженности, тяжесть во второй странѣ Г. д. будетъ вдвое больше. Въ одной странѣ Г. д. можетъ имѣть рентную форму, т. е. онъ погашается тогда, когда у государства имѣются свободныя средства, въ другой—форму срочныхъ облигацій. Вслѣдствіе этого тяжесть капитальной задолженности будетъ совершенно различной. Для опредѣленія бюджетной

тяжести Г. д. необходимо учитывать ежегодный расходъ по системѣ г. кредита. Но это—далеко не единственный критерій. При оцѣнкѣ ежегоднаго расхода нужно обращать вниманіе на слѣдующее: какое мѣсто этотъ расходъ занимаетъ въ общей системѣ расходнаго бюджета, не вліяетъ ли онъ на удовлетвореніе другихъ неотложныхъ нуждъ государства. Кромѣ того, ежегодный расходъ по системѣ г. кредита можетъ состоять изъ двухъ частей: одна часть идетъ на уплату процентовъ, другая на погашеніе долга. Для бюджетной оцѣнки важно оцѣнить соотношеніе этихъ двухъ частей. Усиленіе второй части облегчаетъ бюджетъ, такъ какъ сокращаетъ первую часть. Бюджетное и экономическое значеніе этихъ расходовъ будетъ неодинаково при одинаковыхъ размѣрахъ въ странахъ съ внутреннею задолженностью и въ странахъ съ внѣшнимъ Г. д., такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ расходы будутъ производиться за границей.

Для оцѣнки Г. д. полезно установить его соотношеніе съ общимъ размѣромъ г. бюджета и развитіе этого соотношенія. Размѣръ Г. д. можетъ въ нѣсколько разъ превышать размѣръ бюджета (въ Россіи, напр., въ 3 раза), но съ теченіемъ времени нормальный ростъ бюджета превыситъ наростаніе Г. д., и соотношеніе будетъ измѣняться въ благопріятную сторону. Нѣкоторымъ показателемъ можетъ служить отношеніе Г. д. къ размѣру г. имуществъ; это показаніе цѣнно особенно въ томъ случаѣ, если часть г. имуществъ, напр., ж. дороги, получилась въ результатѣ затратъ занятыхъ суммъ. Напр., въ Пруссіи Г. долгъ имѣетъ солидное экономическое покрытіе. При анализѣ этого показателя необходимо учитывать бюджетное положеніе г. имуществъ и предпріятій, организованныхъ на занятыя деньги. Въ одной странѣ такія предпріятія могутъ быть источникомъ доходовъ, покрывающихъ расходы по занятому капиталу, въ другой—источникомъ расходовъ, вызывающимъ необходимость напряженія податныхъ силъ (русскія казенныя ж. дороги). Весьма важно установить характеръ размѣщенія Г. д. Не говоримъ уже о томъ, что для страны крайне важно, находится ли Г. д. за границей, или внутри страны. Важно и то, находится ли Г. д. въ твердыхъ рукахъ или въ рукахъ биржевой спекуляціи. Въ послѣднемъ случаѣ неизбѣжны постоянныя и рѣзкія колебанія биржевой цѣны Г. д., что наноситъ вредъ держателямъ бумагъ и государству, которому все время приходится обращаться на рынокъ за новыми капиталами. Если государство активной кредитной политикой создастъ своимъ фондамъ исключительное положеніе на рынкѣ, то этимъ оно можетъ нанести серьезный ущербъ промышленности, которая обращается на тотъ же рынокъ. Важно опредѣлить, особенно въ случаѣ преобладанія внутреннихъ займовъ, не исчерпана ли емкость фондоваго рынка. Если эта емкость исчерпана, то Г. д., небольшой по размѣрамъ, можетъ имѣть болѣе вредное значеніе, нежели колоссальный Г. д., но не исчерпывающій емкости рынка. Поэтому въ нѣкоторыхъ случаяхъ внѣшній заемъ будетъ имѣть огромныя преимущества передъ внутреннимъ.

Однимъ словомъ, оцѣнка Г. д. каждой страны и сравненіе задолженности различныхъ странъ не можетъ устанавливаться по готовымъ шаблонамъ и формуламъ, она неизбѣжно предполагаетъ тщательное обслѣдованіе каждаго даннаго случая и требуетъ точной формулировки задачи оцѣнки: съ точки зрѣнія чьихъ интересовъ производится оцѣнка? Оцѣнивать Г. д. можно съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства, въ такомъ случаѣ производится бюджетная оцѣнка. Оцѣнка можетъ быть произведена съ точки зрѣнія общихъ интересовъ народнаго хозяйства, при чемъ дѣлается экономическій анализъ задолженности, напр., вліяніе Г. д. на разсчетный балансъ. Наконецъ, оцѣнка Г. д. можетъ быть произведена съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Здѣсь часто вопросъ сводится къ рѣшенію важнѣйшей проблемы: налогъ или заемъ? Однимъ классамъ выгодно введеніе новыхъ налоговъ, другимъ — заключеніе займа. Здѣсь ярко обрисовывается соціальное значеніе Г. д. При помощи займовъ высшіе классы долгое время въ податномъ отношеніи мо-

гутъ быть польготенными. Оцѣнка Г. д. съ разныхъ точекъ зрѣнія предполагаетъ различные методы и можетъ привести къ различнымъ выводамъ.

Г. д. въ различныхъ странахъ имѣетъ различныя формы и разнообразный составъ. Исторія Г. д. начинается съ удивительнаго разнообразія въ его составѣ. Въ нѣкоторыхъ странахъ въ былое время (напр., въ Австріи) Г. д. состоялъ изъ цѣлой сотни отдѣльныхъ формъ. Затѣмъ началась консолидація и унификація этой разнообразной массы. Въ каждой странѣ стремятся выработать основную форму Г. д. Въ Англіи такой формой является консоль, во Франціи—рента и т. д. Унификація долга имѣетъ огромныя преимущества: она облегчаетъ управленіе Г. д. и его размѣщеніе на рынкѣ, она удобна и держателямъ фондовъ. Но эта унификація достижима при внутреннемъ Г. д. Если же страна имѣетъ внѣшній Г. д., то его форма зависитъ часто не отъ воли государства-должника, а отъ желаній кредиторовъ. Поэтому Г. д. тѣхъ странъ, которыя до сихъ поръ опираются на внѣшній кредитъ, и теперь поражаютъ еще своимъ разнообразіемъ. Г. д. Англіи на 31/III. 1911 г.:

фундированный	610.315	тыс.	ф. ст.
аннюитеты	34.417	„	„ „
нефундированный	40.500	„	„ „
др. обязательства	47.840	„	„ „
Всего. . .	733.072	„	„ „

Г. д. Франціи къ 1/I. 1910 г.:

3% вѣчная рента	21.923	милл. фр.
3% погаш. рента	3.538	„ „

Въ 1912 г. Франція создала новый типъ Г. д.—4% госуд. желѣзнодорожныя облигаціи (на 300 милл.).

Если мы обратимся къ Г. д. Россіи, то здѣсь уже не встрѣтимъ такого однообразія въ составѣ г. задолженности. На 1 янв. 1911 г. русскій Г. д. состоялъ изъ 69 отдѣльныхъ займовъ, самый старый изъ которыхъ былъ заключенъ въ 1817—18 г. Къ этимъ займамъ нужно присоединить четыре категоріи (5%, 4½%, 4%, 3½%) вѣчныхъ вкладовъ и три категоріи (4%, 3,6%, 3%) билетовъ Г. Казначейства. Общая сумма задолженности опредѣлялась въ 9.014.141.796 руб. Всѣ 69 займовъ по высотѣ процента дѣлятся на семь разрядовъ:

1. Два займа по 6%	38.451.341	руб. —	0,4%
2. 14 займовъ по 5%	1.661.755.984	„ —	18,5%
3. 4 займа по 4½%	776.887.812	„ —	8,6%
4. 40 займовъ по 4%	5.506.236.258	„ —	61,2%
5. 1 заемъ по 3⅜%	82.979.400	„ —	0,9%
6. 1 заемъ по 3½%	143.156.250	„ —	1,5%
7. 8 займовъ по 3%	492.049.360	„ —	5,4%
Вѣчныхъ вкладовъ на	62.109.391	„ —	0,7%
Билетовъ Г. Казначейства на. . .	250.516.000	„ —	2,8%
	9.014.141.796	„ —	100%

Такимъ образомъ, въ Россіи основнымъ типомъ Г. д. является заемъ въ 4%-ной формѣ. Вслѣдствіе этого руководящей бумагой на биржѣ является 4% г. рента, размѣщенная въ Россіи, и 4%-ные золотые займы, размѣщенные на внѣшнихъ рынкахъ. Но тѣмъ не менѣе по отношенію къ русскому Г. д. нельзя сказать того, что онъ унифицированъ въ 7 или 9 типовъ и формъ, такъ какъ каждый типъ состоитъ изъ нѣсколькихъ займовъ, заключенныхъ на разнообразныхъ условіяхъ. Нѣкоторые займы заключены въ русской валютѣ, другіе въ иностранной, третьи—въ нѣсколькихъ валютахъ. Одни займы имѣютъ срочные тиражи, часть долга въ вѣчной рентѣ. Одни допущены на десятокъ биржъ, другіе—котируются только на русскихъ биржахъ. Одни имѣютъ облигаціи съ купонными листами, другіе—безъ купоновъ, именныя. Часть займовъ подлежитъ налогу на денежный капиталъ, другая часть имѣетъ податную привилегію и т. д., и т. д. Словомъ, въ Россіи составъ Г. д. отличается крайнимъ разнообразіемъ, и задачей будущаго яв-

ляется унификація нашего огромнаго Г. д.

Къ общей массѣ русскаго Г. д. слѣдуетъ причислить акціонерные и облигаціонные займы обществъ русскихъ ж. дорогъ, гарантированные правительствомъ. Такихъ гарантій на 1/I. 1911 г. было выдано (капиталъ) на 1.553.490.433 руб. Затѣмъ необходимо причислить 17 займовъ Г. Дворянскаго Земельнаго Банка на 741.285.300 руб. и 23 займа Крестьянскаго Поземельнаго Банка на 1.095.953.880 руб. Такимъ образомъ, общая сумма русской г. задолженности опредѣлится къ 1/I. 1911 г. въ 12.404.871.409 руб. Кромѣ этого, долгомъ государства будутъ вклады наличными въ г. сберегательныя кассы, г. банки, казенные ломбарды и ссудныя казны.

Вся эта масса задолженности, выраставшая въ теченіе цѣлаго вѣка, образовалась, главнымъ образомъ, въ послѣднія 50 лѣтъ, такъ какъ къ моменту крестьянской реформы русскій Г. д. равнялся всего только 1.264 милл. Если принять во вниманіе основной Г. д., исчисляемый въ настоящее время въ 9 милліардовъ руб., то окажется, что 81% этой суммы было занято на общегосударственныя потребности и 19%—долги по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ.

Значительная масса нашего Г. д. размѣщена за границей. Точному учету эта часть Г. д. не поддается. Но есть данныя, позволяющія судить о величинѣ ея. По системѣ г. кредита Россія расходовала:

	Всего.	Въ томъ числѣ за-границей.	
1893 г.	263.158.153 руб.	33.700.183 руб., или	12,8%
1903 „	288.713.825 „	130.339.203 „ „	45 %
1907 „	374.266.000 „	190.590.000 „ „	50,9%
1909 „	394.914.834 „	180.517.395 „ „	45,7%

Слѣд., послѣднее 10-лѣтіе XIX вѣка характеризуется необычайнымъ ростомъ внѣшняго русскаго Г. д. На 1912 г. по системѣ г. кредита назначено обыкновенныхъ расходовъ 404,5 милл. руб., что составитъ 15,1% обыкн. расходовъ. Изъ этой суммы 375 милл. назначено на уплату процентовъ и около 28 милл. на уплату капитала. Кромѣ того, по чрезвычайному бюджету проводятъ 100 милл. на уплату капитала по 4% билетамъ Г. Казначейства. Далѣе, къ расходамъ этого же рода относится свыше 30 милл., назначенныхъ въ 1912 г. на расходы по гарантіямъ платежей обществъ ж. дорогъ и крестьянскаго поземельнаго банка.

Въ наше время масса процентныхъ бумагъ, находящихся въ частныхъ рукахъ, поступаетъ на управленіе, храненіе и по другимъ поводамъ въ банки и др. кредитныя учрежденія. Эти бумаги поддаются учету, который даетъ интересные результаты. Вотъ данныя на 1/I. 1911 г.

Общая масса представ. рус. Г. д.	% бум., На учетѣ въ предѣлахъ Россіи.
12.068.606.014 р.	5.504.763.284, или 45,6%.

Такъ какъ подобныя свѣдѣнія имѣются о каждомъ видѣ Г. д., то отсюда можно сдѣлать выводъ, какіе займы размѣщены за границей и какіе въ Россіи. Въ Россіи размѣщена главнымъ образомъ г. рента 1894 г., внутреннія выигрышные займы и внутренніе займы 1905 и 1908 г. Главная масса процентныхъ бумагъ находится въ двухъ столичныхъ губерніяхъ: 66,5% всѣхъ учтенныхъ бумагъ. На остальные районы Россіи приходится на каждый отъ 4 до 0,5% всѣхъ бумагъ. Русскіе фонды котируются на 5 русскихъ биржахъ и на всѣхъ главныхъ биржахъ Западной Европы и Америки. Нѣкоторые займы котируются на двухъ-трехъ биржахъ, нѣкоторые, напр., заемъ 1889 г., на всѣхъ главныхъ биржахъ (на 16 биржахъ).

Наличность во всѣхъ государствахъ огромной задолженности создаетъ необходимость проведенія цѣлаго ряда мѣръ по управленію Г. д. Для этого управленія имѣются особыя учрежденія и институты. Напр., въ Россіи имѣется „особенная канцелярія по кредитной части“, „комиссія погашенія долговъ“. Во многихъ странахъ имѣет-

ся „великая книга Г. д.“, куда вписываются на различныхъ основаніяхъ и съ различными цѣлями Г. д. Кредитная политика каждаго государства преслѣдуетъ двѣ основныхъ цѣли: подготовку условій и почвы для будущихъ займовъ и управленіе накопленными Г. д. Что касается второй задачи, то содержаніе кредитной политики сводится къ слѣдующему: правительство заботится о конверсіи и консолидаціи Г. д., о его погашеніи, о размѣщеніи г. фондовъ въ твердыхъ рукахъ, о поддержаніи курсовъ г. фондовъ, о переводѣ долга внутрь страны, о созданіи г. фондамъ привилегированнаго положенія на фондовомъ рынкѣ, о принудительномъ размѣщеніи г. фондовъ въ кассы различныхъ учрежденій, въ сиротскія деньги и т. д. Всѣ эти задачи вызываютъ необходимость весьма сложной системы различныхъ мѣропріятій.

Литература: *Боголѣповъ*, „Государственный долгъ“ (1910); *его же*, „Основныя причины нарастанія Г. д.“ (1910); *Мигулинъ*, „Русскій г. кредитъ“ (Три тома. 1899—1904); *Adams*, „Public debts“ (1888); *Dietzel*, „Das System der Staatsanleihen im Zusammenhang der Volkswirtschaft betrachtet“ (1855). Полная библіографія нѣмецкой литературы дана *проф. Шанцемъ* въ его журналѣ „Finanz-Archiv“, XXVI, 444; *Vührer*, „Histoire de la dette publique en France“ (1866. 2 t.); *Кауфманъ*, „Государственный долгъ Англіи“ (1893); *Tivaroni*, „Storia del debito pubblico del regno d'Italia“ (1910. 2 vol.). Богатѣйшія статистическія данныя о Г. д. различныхъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи: „Denkschriftenband zur Begründung des Entwurfs eines Gesetzes betreffend Änderungen im Finanzwesen“. Theil IV (1908). Спеціально для Россіи ежегодное изданіе кредитной канцеляріи: „Справочная книжка для держателей русскихъ государственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ“. *М. Боголѣповъ.*

Государственные крестьяне, см. *крестьяне въ Россіи.*

Государственные чины, см. *Генеральные штаты.*

Государственные экзамены, см. *экзамены.*

Государственный банкъ. Г. б. является въ настоящее время центральнымъ эмиссіоннымъ учрежденіемъ въ Россіи, которому принадлежитъ исключительное право выпуска банковыхъ билетовъ, носящихъ у насъ старое (съ 1843 г.) названіе „государственныхъ кредитныхъ билетовъ“. При своемъ учрежденіи (Уставъ Г. б. былъ утвержденъ 31 мая 1860 г., дѣятельность началась 2-го іюля 1860 г.) Г. б. не получилъ права эмиссіи: хотя на его обязанности лежалъ обмѣнъ билетовъ ветхихъ на новые, крупныхъ на мелкіе и обратно, а также размѣнъ на звонкую монету, но кредитные билеты выпускались за счетъ государственнаго казначейства, и вся ихъ сумма разсматривалась какъ долгъ казны банку, покрытый въ незначительной части размѣннымъ фондомъ (на 704.904.927 р. кредитными билетами—92.533.777 металла); выпуски кредитныхъ билетовъ значились въ особомъ отдѣлѣ баланса Г. банка. Правда, иногда дѣлались выпуски билетовъ для коммерческихъ цѣлей, но они совершались не самопроизвольнымъ актомъ банковой администраціи, а по особымъ указамъ. Впервые Г. б. получаетъ эмиссіонное право во время денежной реформы Витте, по указу 29 авг. 1897 г., при чемъ, однако, названіе денежныхъ знаковъ измѣнено не было, и не состоялось внесенія соотвѣтствующей статьи въ дѣйствующій (съ 1894 г.) уставъ Г. б.

Г. б. былъ учрежденъ въ процессѣ ликвидаціи старыхъ казенныхъ кредитныхъ установленій Россіи (см. *кредитныя учрежденія*), явившись — ближайшимъ образомъ—замѣстителемъ Коммерческаго банка. По мысли законодателя, Г. б. долженъ былъ преслѣдовать двоякую цѣль—„оживлять торговые обороты“ и „упрочивать денежную кредитную систему“. О разрѣшеніи второй задачи не приходилось серьезно думать: Г. б. въ этомъ отношеніи, самъ по себѣ, былъ совершенно безсиленъ, не обладая ни большимъ размѣннымъ фондомъ, ни правомъ эмиссіи. На этой почвѣ Г. б. могъ быть только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, пытающагося время отъ времени ликвидировать бумажную валюту (объ этихъ попыткахъ см. *бумажныя деньги*, VII, 129/39). Съ другой сторо-

ны, Г. б. не могъ посвятить себя надлежащимъ образомъ и коммерческой дѣятельности. Прежде всего, ему на долю выпало тяжелое наслѣдіе—ликвидація казенныхъ кредитныхъ учрежденій: въ пассивъ Б. было зачтено вкладовъ и процентовъ по нимъ на сумму 484,6 м. р., а въ активъ—всего 256,2 м. р.; при этомъ, вклады носили большею частью краткосрочный характеръ, между тѣмъ какъ 232,9 м. р. изъ нихъ было помѣщено въ долгосрочныя ссуды (ипотечныя). Г. б. долженъ былъ, по дѣламъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій, принимать платежи по ссудамъ и возвращать вклады, перечисляя казенныя позаимствованія изъ нихъ въ общій долгъ казначейства. Помимо этого, Г. б. былъ привлеченъ къ веденію выкупной операціи: сначала—въ 1861 г. — по выпуску выкупныхъ свидѣтельствъ и билетовъ, а съ 1865 г. ему было передано наблюденіе за поступленіемъ выкупныхъ платежей въ казначейства и составленіе годовыхъ отчетовъ по выкупной операціи. Насколько интенсивна была дѣятельность Г. б. въ этомъ отношеніи, можно судить по цифрѣ ссудъ (по 1 янв. 1885 г.)—85.333 ссуды на 892,1 милл. р. Съ 1885 г. суммы выкупной операціи присоединяются къ общебюджетнымъ средствамъ казны, и Г. б. освобождается отъ завѣдыванія выкупной операціей.

Помимо всего сказаннаго, собственные капиталы Г. б. не были значительны (15 м. р.—основной, 1 м. р.—запасный), такъ что развитіе коммерческой его дѣятельности стояло въ зависимости отъ расширенія вкладной операціи; лишь къ 1879 г. сумма капиталовъ достигла цифры 28 м. р.

По первоначальному уставу Г. б. предоставлено было производить слѣдующія операціи: учетъ векселей и другихъ срочныхъ бумагъ, покупка и продажа благородныхъ металловъ, выдача ссудъ, покупка и продажа государственныхъ бумагъ, комиссіонная и за свой счетъ, но лишь въ предѣлахъ собственныхъ капиталовъ, полученіе платежей по векселямъ и пр. срочнымъ документамъ за счетъ довѣрителей. Во главѣ Г. б. стояло правленіе, состоящее изъ управляющаго, его товарищей, шести директоровъ и трехъ депутатовъ (два отъ спб. дворянства и отъ купечества, а одинъ отъ госуд. контроля). Высшій надзоръ принадлежалъ Мин. фин. и Совѣту госуд. кр. установленій, основанному еще въ 1817 г. Въ Совѣтъ Г. б. отправлялъ и ежегодные свои отчеты. Въ 1894 г., при министрѣ Витте, уставъ Г. б. подвергся значительнымъ измѣненіямъ, которыя будутъ указаны ниже.

Представленіе о развитіи коммерческихъ операцій Г. б. даетъ слѣдующая таблица:

Балансовые остатки на 1 янв. соотв. года (въ милліон. р.).

	1861 г.	1865 г.	1870 г.	1875 г.	1880 г.	1885 г.	1890 г.
I. Учетно-ссудныя операціи.							
Вексельн. операція..	32	23	51	71	97	105	153
Ссуды и спец. тек. сч. подъ %% бум..	11	17	45	35	155	92	69
Ссуды товарныя...	3	3	2	1	5	4	12
II. Вклады и текущ. сч.							
Вклады безсрочн..	22	101	80	66	100	126	120
Вклады срочные..	10	60	41	27	25	28	41
Тек. сч...	—	3,6	78	132	99	136	63
Средства казны	30	40	63	30	42	66	162

Темпъ развитія дѣятельности Г. б. ускоряется лишь съ 80-хъ годовъ, когда учетно-ссудныя операціи начинаютъ по своей суммѣ вдвое превышать цифры 70-хъ г. Измѣненіе устава въ 1894 г., имѣвшее цѣлью поставить Г. б. въ болѣе тѣсную зависимость отъ министра финансовъ и облегчить послѣднему выполненіе задуманнаго имъ плана оживленія русской торговли и промышленности, дало сильный толчокъ расширенію учетно-ссудныхъ операцій. Основная идея реформы находитъ ясное выраженіе въ слѣдующихъ строкахъ

официальной записки: „Во все время своего существованія банкъ содѣйствовалъ преимущественно развитію торговаго кредита, но не кредита промышленнаго въ широкомъ смыслѣ слова, включая сюда и кредитъ сельско-хозяйственный... Банкъ, по мѣрѣ возможности, облегчалъ кредитъ для торговыхъ оборотовъ съ готовыми цѣнностями, но не ставилъ своей задачей облегченіе кредита для производства новыхъ цѣнностей. Ссуды промышленнымъ предпріятіямъ, для улучшеній въ производствѣ и для снабженія сихъ предпріятій оборотными средствами, вовсе не допускаемыя по Уставу Банка, имѣли всегда исключительный характеръ и разрѣшались съ особыхъ Высочайшихъ соизволеній... Что касается собственно торговаго кредита, то онъ получилъ также одностороннее направленіе, выражаясь почти исключительно въ формѣ учета торговыхъ векселей. Другая весьма важная операція—ссуды подъ товары—не превышаетъ нѣсколькихъ милліоновъ р. въ годъ". Дѣло шло, такимъ образомъ, о привлеченіи Г. б. къ широкому финансированію промышленности, гдѣ ссуды „сами себя обезпечивали" („валюта честности и ума", по выраженію горячаго поборника новаго Устава, тов. м. ф. Антоновича).

Измѣненія въ организаціи Г. б. сводятся къ дальнѣйшему усиленію его зависимости отъ министра финансовъ. По ст. 25—„м. ф. принадлежитъ высшее руководство дѣятельностью Б.", „который ему непосредственно подчиняется" (ст. 24). Вмѣсто правленія, организованъ Совѣтъ Банка, состоящій, подъ предсѣдательствомъ управляющаго, изъ членовъ отъ мин. фин., Гос. контроля, директора кред. канцеляріи, трехъ высшихъ чиновъ банковой администраціи и членовъ отъ дворянства и купечества. Совѣтъ, съ одной стороны, является высшей распорядительной инстанціей, разрѣшающей дѣла, превышающія компетенцію управляющаго банкомъ, а съ другой—совѣщательнымъ органомъ при министрѣ ф. по вопросамъ банковой политики. Г. б. былъ изъятъ изъ-подъ надзора Совѣта гос. кред. уст., который вскорѣ былъ упраздненъ. Высшее наблюденіе за Г. б. было возложено на Гос. контроль, куда и вносятся ежегодные отчеты. Ближайшимъ начальникомъ Г. б. является управляющій. Мѣстными учрежденіями Г. б. являются конторы (въ болѣе крупныхъ торгово-промышленныхъ центрахъ) и отдѣленія. Въ 1910 г. Г. б. имѣлъ 9 конторъ и 106 постоянныхъ отдѣленій и 7 временныхъ. Для развитія банковой дѣятельности по Уставу 1894 г. предположено было еще устройство агентствъ—упрощенный типъ мѣстныхъ учрежденій, но предположеніе это не было осуществлено, такъ какъ въ 1896 г. къ банковой дѣятельности были привлечены уѣздныя казначейства, при чемъ кругъ поручаемыхъ имъ банковыхъ операцій расширялся: помимо нѣкоторыхъ операцій съ цѣнными бумагами (оплата купоновъ и т. п.), переводовъ, операцій сберегательныхъ кассъ, въ 1898 г. на казначейства возложено инкассированіе векселей, покупка и продажа госуд. ренты и др. Въ 1910 г. главнѣйшія банковыя операціи производились въ 748 казначействахъ; суммы ихъ фигурируютъ въ балансѣ Г. б.

Основной капиталъ Г. б. былъ въ 1894 году увеличенъ до 50 м. р., а запасный до 5 м. р. въ 1900 г. При той громадной роли, какую играетъ Г. б. въ нашемъ денежномъ обращеніи, нельзя не признать этотъ капиталъ небольшимъ. Чтобы оцѣнить дѣятельность Г. б., слѣдуетъ разсмотрѣть ее съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ учрежденія эмиссіоннаго и какъ банка коммерческаго. Въ Уставѣ Г. б., утвержденномъ еще до денежной реформы, не могла быть упомянута *эмиссіонная операція*; о ней говоритъ ст. 1 III раздѣла Кред. Устава: „Г. кр. билеты выпускаются Г. б. въ размѣрѣ, строго ограниченномъ настоятельными потребностями денежнаго обращенія, подъ обезпеченіе золотомъ; сумма золота, обезпечивающаго билеты, должна быть не менѣе половины общей суммы выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ, когда послѣдняя не превышаетъ шестисотъ милл. руб. Кр. билеты, находящіеся въ обращеніи свыше 600 м. р., должны быть обезпечены золотомъ по крайней мѣрѣ рубль за рубль, такъ чтобы каждымъ 15 руб. кредитн. б. соотвѣтствовало обезпеченіе золотомъ на

сумму не менѣе одного имперіала." С. Ю. Витте планировалъ сумму непокрытыхъ металломъ билетовъ въ 500 м. р.; въ результатѣ, эмиссіонное право Г. б. опредѣлилось 300 м. р. Легко видѣть, что въ основаніе нашего эмиссіоннаго закона положенъ ошибочный принципъ банковаго акта Р. Пиля („денежный принципъ"), ставящій выпуски банкнотъ въ зависимость отъ металлическаго резерва, а не вексельнаго портфеля Б., какъ во фр. банкѣ. Причины усвоенія ложнаго начала—тѣ же, что и въ Англіи: боязнь водворенія бумажной валюты. Гос. кр. билеты размѣнны на золото безъ ограниченія суммы. Въ то же время они обладаютъ легальнымъ курсомъ (ст. 4—„имѣютъ хожденіе во всей Имперіи наравнѣ съ золотою монетою"), который, въ случаѣ прекращенія размѣна, автоматически превращается въ принудительный.

Хотя сообщеніемъ банкнотѣ легальнаго курса въ принципѣ нѣсколько нарушается золотая валюта, но въ нормальное время никакихъ неудобствъ этимъ не причиняется (теперь законнымъ орудіемъ платежа являются банкноты и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи). Насколько суровъ русскій эмиссіонный законъ съ точки зрѣнія условій металлическаго покрытія, настолько же онъ снисходителенъ въ опредѣленіи банковаго покрытія Г. кр. билетовъ. У насъ нѣтъ единственно раціональнаго постановленія, имѣющагося, напр., въ уставѣ Рейхсбанка, Швейцарскаго Нац. Банка и др., что банковымъ покрытіемъ билетовъ могутъ быть лишь краткосрочные (до 3-хъ мѣс.) надежные торговые векселя и чеки; въ Россіи мыслимо использованіе эмиссіоннаго права по всѣмъ активнымъ операціямъ, дозволеннымъ Г. б. въ 1894 г., а нѣкоторыя изъ нихъ возбуждаютъ серьезное сомнѣніе въ ихъ цѣлесообразности не только для эмиссіоннаго, но и центральнаго резервнаго банка, какимъ также является Г. б. Обратимся къ кругу активныхъ операцій, предоставленныхъ Г. б. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить *учетъ векселей*, наиболѣе свойственный какъ эмиссіонному учрежденію, такъ и банку коммерческаго кредита. Солидная учетная операція должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: векселя должны быть по возможности краткосрочны, съ благонадежными подписями и основаны на состоявшихся торговыхъ сдѣлкахъ, ибо лишь такимъ образомъ банковый билетъ вызывается потребностями торговаго оборота. Уставъ 1894 г. грѣшитъ въ этомъ основномъ пунктѣ: ст. 77 допускаетъ къ учету векселя, „какъ основанные на торговыхъ сдѣлкахъ, такъ и выданные для торгово-промышленныхъ цѣлей". Такимъ образомъ, принципъ финансированія промышленности провозглашается и для учетной операціи. Затѣмъ, срокъ векселей у насъ по уставу простирается до шести мѣсяцевъ, при чемъ въ особыхъ случаяхъ допускаются и двѣнадцатимѣсячные векселя. Все это заставляетъ сомнѣваться въ устойчивости и оборотливости вексельнаго портфеля Г. б. Облегченія учетной операціи, введенныя уставомъ 1894 г., конечно, способствовали ея расширенію, какъ видно изъ нижеслѣдующаго:

Средній учетъ по пятилѣтіямъ въ м. р.

1890—1894	286,7
1895—1899	558,1
1900—1904	813,9
1905—1909	722,8

Средняя валюта векселя безпрерывно понижается, что нельзя не считать признакомъ благопріятнымъ: съ 1.071 р. въ пятилѣтіе съ 1885 по 1889 она спустилась до 428 р. въ 1905—1909 г. Степень участія въ общемъ учетномъ оборотѣ, а слѣдовательно—и степень вліянія на денежный рынокъ Г. б. опредѣляется такими цифрами: чистый учетъ Г. б. составлялъ къ 1910 г. 24% общаго учета кредитныхъ учрежденій, а вмѣстѣ съ переучетомъ и спец. текущимъ счетомъ, обезпеченнымъ векселями, 42% (19% общаго вексельнаго оборота). Урожаи 1909 г. и 1910 г. дали сильный толчекъ развитію учетно-ссудныхъ операцій Г. б. Къ учету кромѣ векселей, принимаются также и другія „основанныя на личномъ кредитѣ срочныя обязательства".

Слѣдующей по важности операціей является *выдача ссудъ*. Уставъ 1894 г. узаконилъ нѣкоторые виды ссудъ и

расширилъ область ихъ примѣненія. Соловексельная операція для снабженія землевладѣльцевъ оборотными средствами была введена еще въ 1884 г., но не получила значительнаго развитія; были выдаваемы и промышленныя ссуды, но по особымъ распоряженіямъ. Нынѣ же Г. б. снабжаетъ оборотными капиталами и необходимымъ инвентаремъ: 1) сельское хозяйство, 2) промышленныя предпріятія, 3) ремесленниковъ и кустарей и 4) мелкихъ торговцевъ. Ссуды выдаются подъ соло-векселя и обезпечиваются: 1) залогомъ недвижимаго имущества; 2) закладомъ сельско-хозяйственнаго или фабрично-заводскаго инвентаря; 3) поручительствомъ и 4) другими благонадежными обезпеченіями, по указанію мин. ф. (ст. 89 и 90). Размѣръ ссуды не долженъ превышать для промышленнаго предпріятія 500.000 р., для мелкаго торговца—600 р.

Ссуды, обезпечиваемыя недвижимымъ имуществомъ, могутъ быть выдаваемы на годъ; а для обезпеченія инвентаремъ—даже на три года, при чемъ допускаются отсрочки и разсрочки уплаты. Ясно, что такія операціи совершенно недопустимы для эмиссіоннаго банка: соло-вексель, не обозначающій расширеннаго товарообмѣна, не можетъ служить покрытіемъ банкноты. Но и коммерческій банкъ не долженъ заниматься такими рискованными дѣлами: для этого нужны особыя организаціи промышленнаго кредита. Западно-европ. и американская жизнь вырабатываетъ для этой цѣли особыя учрежденія—трестъ-компаніи, финансирующія общества и т. п. Независимо отъ этого, Г. б. съ 1899 г., на почвѣ кризиса широко развилъ операцію промышленныхъ ссудъ внѣуставнаго (т. н. незаконнаго) характера. Итоги противоуставныхъ ссудъ, по свѣдѣніямъ г. контролера, были:

Къ началу.		М. р.
1900 г. . . .	около	41
1901 „ . . .	„	65
1902 „ . . .	„	100
1903 „ . . .	„	73
1904 „ . . .	„	66
1905 „ . . .	„	63
1906 „ . . .	„	54

Въ настоящее время Г. б. старается освободить себя отъ „ссудъ на особыхъ основаніяхъ“, и остатки ихъ непрерывно уменьшаются: къ концу 1910 г. оставалось всего на 8.680 тыс. р.

Уменьшается и вообще количество выдачъ промышленнымъ предпріятіямъ: съ 50 м. р. въ 1906 г. до 17,6 м. р. въ 1910 г. Сумма кредитовъ сельскимъ хозяевамъ въ послѣднее пятилѣтіе довольно стаціонарна — остатки къ концу года около 13 м. р. Кредиты кустарямъ и мелкимъ торговцамъ носятъ въ балансѣ Г. б. декоративный характеръ.

Ст. 108 уполномачиваетъ Г. б. выдавать ссуды „подъ закладъ неподверженныхъ легкой порчѣ товаровъ отечественнаго производства, а равно подъ документы на сіи товары, находящіеся на складѣ или въ пути“... Совѣтъ Г. б. утверждаетъ особую роспись товаровъ. Хотя подтоварныя ссуды (особенно подъ товарорасп. бумаги) допускаются и иностранными эмиссіонными банками, но тамъ опасность этой операціи, съ точки зрѣнія эмиссіонной, по большей части устраняется требованіемъ векселын. покрытія банкноты.

За отсутствіемъ у насъ такой нормы, приходится и подтоварныя ссуды принципіально подвергнуть сомнѣнію. Съ другой стороны, развитіе такихъ ссудъ, да еще въ прямой формѣ, ставитъ Г. б. въ несоотвѣтствующее ему положеніе торговаго агента. „Воспособленіе“ торговлѣ со стороны центральнаго банка вполнѣ достаточно въ формѣ учета торговыхъ векселей. Въ послѣдніе годы особенное развитіе получили ссуды подъ залогъ хлѣба и побудили Г. б. приступить къ устройству собственныхъ зернохранилищъ, а также субсидировать ихъ устройство другими учрежденіями.

Всего было выдано ссудъ товарнаго характера въ 1906 г. на сумму 158½ м. р., въ 1910 г. — 244,3 м. р., въ 1911 г. на 299,2 м. р. Ст. 127-ая даетъ Г. б. право оказывать ссуды подъ закладъ цѣнныхъ бумагъ, государственныхъ, общественныхъ и частныхъ, по указаніямъ Совѣта б. Разрѣшается Г. б. также открывать спеціальные текущіе счета подъ обезпече-

ніе векселями и другими цѣнностями. О развитіи за послѣднія шесть лѣтъ спеціальныхъ текущихъ счетовъ даетъ представленіе таблички выдачъ въ м. р.:

	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Спец. тек. счета подъ векселя. . .	821,5	930,7	683,9	601,9	1.346,2	2.000,1
„ „ „ „ обезп. % бум.	314,1	310,6	262,6	222,6	422,6	884,0

Еще слѣдуетъ упомянуть о двухъ видахъ ссудъ, почтенныхъ самихъ по себѣ, но не соотвѣтствующихъ, по своему болѣе долгосрочному характеру, эмиссіонному банку: открытіе кредитовъ земствамъ и городамъ (ст. 138), открытіе кредитовъ учрежденіямъ мелкаго кредита и ссуды кредитнымъ товариществамъ. Для этого слѣдовало бы выдѣлить особый фондъ, хотя бы въ видѣ аванса правительству, какъ это имѣетъ мѣсто въ Франц. банкѣ. По ссудамъ учрежденіямъ мелкаго кредита остатки къ концу годовъ были (въ тыс. руб.) такіе:

	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
По ссудамъ на основн. капиталы.	2.944	4.128	5.401	6.324	6.108
„ „ краткосрочнымъ . .	4.743	7.131	7.572	10.156	17.987
По спеціальному кредиту для выдачи ссудъ подъ хлѣбъ . . .	303	357	735	2.292	2.273
Итого	7.990	11.616	13.708	18.772	26.368

Г. б. обладаетъ также правомъ производить за свой счетъ покупку и продажу цѣнностей—благородныхъ металловъ, векселей, траттъ и чековъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Этимъ путемъ Г. б. уполномачивается вести весьма важную въ валютномъ отношеніи девизную политику. Въ извѣстные періоды Г. б. со времени своего учрежденія совершалъ крупные обороты съ иностранной валютой. Для болѣе успѣшнаго выполненія задачи Г. б. держитъ значительное количество своего золота за границей (1910 г. — 11 городовъ, 45 банковъ): къ 1-му янв. каждаго года оставалось м. р.:

1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
216,5	140,4	239,9	216,6	173,2

Сама по себѣ, такая политика, если бы она была достаточно гласной и несомнѣнной въ солидности помѣщенія средствъ за границей, не вызывала бы возраженій; но совершенно неправильно разсматривать „золото за границей", какъ часть металлическаго покрытія билетовъ Г. б. Между тѣмъ, такъ поступали русскіе министры финансовъ, чтобы скрыть превышеніе контингента гос. кр. билетовъ въ $190^5/_6$ г. Что касается ст. 168, уполномачивающей Г. б., по ближайшимъ указаніямъ мин. фин., пріобрѣтать и продавать за свой счетъ цѣнныя бумаги, она можетъ быть очень вредной, искусно прикрывая авансы казначейству, биржевую игру въ цѣляхъ поддержанія госуд. бумагъ и, до нѣкоторой степени, финансированіе частныхъ предпріятій. Во всякомъ случаѣ, выпуски билетовъ для этой цѣли—совершенно недопустимы. Насколько велики обороты (въ тыс. руб.) съ цѣнными бумагами, видно изъ таблички:

	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Поступило	417.519	601.271	752.471	510.628	565.177
Остается къ концу года	97.946	100.948	70.746	84.813	115.933
Средній баланс. остатокъ. . . .	91.260	92.308	75.565	75.404	112.326

Средства для производства подавляющей части своихъ операцій Г. б. черпаетъ не изъ своего эмиссіоннаго права, которое въ послѣдніе годы немного утилизируется лишь въ осенніе мѣсяцы. Наши гос. кр. билеты обыкновенно почти покрыты золотомъ, а если принять въ разсчетъ и золото за границей, то перепокрыты. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя:

	Въ милл. р. къ 1-му января				
	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Золото Г. б. внутри страны . . .	948,5	1.079,0	1.173,6	1.231,6	1.259,3
„ „ „ за границей. . . .	219,8	141,0	240,9	218,7	176,9
Общая сумма золота.	1.168,3	1.220,0	1.414,5	1.450,3	1.436,2
Кредитные билеты въ обращеніи	1.154,7	1.087,1	1.173,8	1.234,5	1.326,5

Рессурсы для дѣятельности Г. б. даются, кромѣ небольшихъ собственныхъ капиталовъ (55 м. р.), прочими пассивными операціями — вкладами и текущими счетами. Общій оборотъ по этимъ операціямъ — колоссаленъ: въ 1910 г. въ теченіе года было внесено и истребовано по 17½ милліард. р. Балансовые остатки на 1 янв. 1912 г. составляли: тек. счета разныхъ лицъ и учрежденій — 186 м. р., вкладовъ срочныхъ и безср.—39 м. р., спеціальныхъ средствъ и депозитовъ—302 м. р. и суммъ департамента г. казн.—554 м. р. Легко видѣть, что крупнѣйшимъ вкладчикомъ является казна, и ея-то средствами и питается обильно Г. б. Съ одной стороны, это выгодно, т. к. этимъ путемъ утилизируются въ хозяйствѣ громадныя суммы, проходящія черезъ руки казны; но чрезвычайная зависимость Г. б. отъ нея опасна, потому что на регулированіи денежнаго рынка отзывается всякое затрудненіе казначейства (какъ было во время русско-японской войны). Большое значеніе имѣютъ условные текущіе счета, открываемые Г. б. съ 1895 г., по которымъ онъ беретъ на себя веденіе кассы кліентовъ. О степени развитія этой важной операціи, способствующей экономіи въ денежныхъ знакахъ, можно судить по тому, что въ 1896 г. обороты исчислялись 130 м. р., а въ 1911 г. безъ казн. 15.888,7 милл. р. Этой же цѣли облегченія разсчетовъ служатъ введенные съ 1898 г. „Разсчетные отдѣлы“ (Clearing-House), число которыхъ непрерывно увеличивалось и достигло въ 1912 г. 32. Въ 1911 г. было предъявлено требованій во всѣхъ отдѣлахъ на сумму 15.409,2 м. р., изъ которыхъ зачтено было встрѣчными требованіями 70,0%.

Что касается операцій Г. б. за счетъ госуд. казначейства (ст. 178—180), то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ (снабженіе средствами ссудныхъ казенъ, исполненіе обязанностей по ликвидаціи бывшихъ кред. установленій), онѣ тождественны съ такими же въ западн. центральныхъ банкахъ: держаніе на безпроцентномъ текущемъ счету суммъ казначейства, техническая помощь въ дѣлѣ полученія сборовъ, размѣщенія и оплаты госуд. бумагъ. Не эти статьи опасны для самостоятельности. Г. б. даже совершенно свободенъ въ смыслѣ распоряженія собственными капиталами (въ противовѣсъ Англійскому и Франц. Банкамъ), не обязанъ выдавать правительству авансовъ; но выдача послѣднихъ можетъ состояться подъ различными видами, напр., путемъ покупки госуд. бумагъ. Для этой цѣли мыслимо даже дѣлать выпуски кр. билетовъ, что равносильно выпуску бум. денегъ. Напр., въ 1905—6 г. заемщикомъ Г. б. по ссудамъ подъ процентныя бумаги явились госуд. сбер. кассы, въ виду крайняго отлива у нихъ вкладовъ: долгъ ихъ къ 31 дек. 1905 г. достигъ 82,4 м. р. Неудивительно, что русскіе министры фин. склонны были смотрѣть на 300-м. эмиссіонное право Г. б., какъ на казначейскій рессурсъ. Помимо общихъ причинъ, этому способствуетъ и сохраненіе стараго названія бум. денежныхъ знаковъ (вмѣсто „билеты Г. б.“), и неясная формулировка задачъ Г. б. (ст. 1).

Норма учетнаго % у насъ до послѣдняго времени стояла высоко (6 — 7%, къ 1910 г. 4½) какъ въ силу общехозяйственныхъ причинъ (дороговизна ден. капиталовъ), такъ и вслѣдствіе односторонняго учитыванія Г. б. фискальныхъ интересовъ (поднятіе учетнаго % въ концѣ 1905 г. до небывалой высоты и одновременная скупка цѣнныхъ бумагъ). Коммерческій эффектъ дѣятельности Г. б.—значителенъ: въ 1911 г. валовая прибыль составляла свыше 56.902 тысячъ р.; но и убытки

(„расходы и убытки") велики—свыше 30.459 т. р., такъ что чистая прибыль равнялась 26.442 т. р.

Роль, которую играетъ нашъ Г. б. въ денежномъ оборотѣ, несомнѣнно велика. Хотя доля его участія въ общемъ учетномъ оборотѣ относительно падаетъ (что характерно также и для Англійск., и для Фр. банковъ), но не нужно забывать, что Г. б. является до извѣстной степени „банкомъ банковъ", открывая частнымъ учрежденіямъ кредиты на сотни милл. р. Г. б. мобилизировалъ громадную золотую наличность, съ которой можетъ конкурировать только золото Фр. банка; этимъ создаются благопріятныя условія для валютной политики Россіи. Но, съ другой стороны, вся дѣятельность Г. б. поставлена ненормально: для приданія ему истиннаго характера эмиссіоннаго банка необходима переработка Устава, соотвѣтственно принципамъ золотой валюты. Г. б. долженъ быть выдѣленъ въ совершенно самостоятельное учрежденіе, право высшаго надзора и контроля надъ которымъ принадлежало бы народному представительству. Г. б. должны быть воспрещены всѣ операціи промышленно-кредитнаго характера. Для спеціальныхъ видовъ подтоварныхъ ссудъ (хлѣбъ) желательно устройство особыхъ банковъ. Кред. билеты должны измѣнить свое названіе, и въ качествѣ банковаго покрытія должны быть допущены только торговые векселя и чеки. Покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ должны быть поставлены въ узкія и строго опредѣленныя рамки. Замѣна стараго Устава Г. б. новымъ есть одна изъ наиболѣе насущныхъ задачъ настоящаго.

Литература. Монографич. литература о русс. Г. б. весьма бѣдна. Въ сущности, всего одна—уже устарѣвшая работа—*В. Судейкинъ*, „Государственный банкъ" (1891); *Д. Шихно*, „Коммерч. операціи Г. б." (1876). Затѣмъ имѣется матеріалъ въ работахъ: *П. Мигулинъ*, „Русскій гос. кредитъ", особ. „Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышленный кризисъ" (1902); *его же*, „Наша банковая политика" (1901); *Л. Н. Яснопольскій*, „Гос. банкъ" въ „Вопросахъ гос. хозяйства и бюджетнаго права" (1907); *Ю. Жуковскій*, „Деньги и банки" (1906); *С. Ю. Витте*, „Конспектъ лекцій о нар. и госуд. хозяйствѣ" (1912); см. также литературу къ статьѣ *бумажныя деньги*. Изъ иностр. работъ заслуживаютъ вниманія: *Ch. Conant*, въ „A History of modern Banks of issue" (4 ed., 1909), и *R.-G. Lévy*, въ „Banques d'émission et trésors publics" (1911). Матеріалы—въ „Отчетахъ Г. Б." и „Отчетахъ Гос. Контролера". Для выясненія основъ Устава 1894 г.—„Журналы Выс. Утверж. Комиссіи по пересмотру Устава Г. Б." Сводка за 50 лѣтъ — „Госуд. Банкъ" — юбил. изданіе (1910). *М. Бернацкій.*

Государственный гербъ, внѣшній символъ госуд. могущества или какой-либо религіозной идеи или того и другого вмѣстѣ. Основные элементы нашего Г. г.—московскій гербъ—св. Георгій, поражающій змѣя,—извѣстный съ 1424 г., и византійскій двуглавый орелъ, ведущій свое начало еще изъ Вавилона. Византійскій гербъ принятъ Іоанномъ III послѣ брака его съ Софьей Палеологъ. До Ѳеодора I оба герба изображались раздѣльно, на двухъ сторонахъ печати, при Ѳеодорѣ I всадникъ сталъ изображаться на груди орла. Послѣ разныхъ перемѣнъ въ теченіе XVIII в. окончательная форма Г. г. установлена въ 1857 г., при чемъ прототипомъ ея послужила печать царя Алексѣя, и Высочайше утверждена 3 ноября 1882 года. Основными чертами Г. г. теперь признаны у насъ: черный двуглавый орелъ съ поднятыми вверхъ крыльями на золотомъ щитѣ; главы орла украшены императорскими коронами; надъ ними изображена третья большая съ двумя развѣвающимися концами андреевской ленты; въ когтяхъ правой ноги орла императ. золотой скипетръ; въ когтяхъ лѣвой—золотая держава. На груди орла гербъ московскій: въ червленомъ съ золотыми краями щитѣ изображенъ св. Георгій въ серебряномъ вооруженіи и на серебряномъ конѣ, золотымъ копьемъ поражающій золотого дракона съ зелеными крыльями. Къ этимъ основнымъ изображеніямъ присоединяются другія (шлемъ, сѣнь, хоругвь, щитодержатели, гербы царствъ и великихъ княжествъ и родовой им-

перат., состоящій изъ соединеннаго герба Романовыхъ и гольштейнъ-готторпскаго); по количеству ихъ различаются гос. гербы *большой, средній* (тотъ же, что и большой, но безъ гос. хоругви и шести надъ сѣнью гербовъ) и *малый* (тотъ же, что средній, но безъ сѣни, изображеній святыхъ и родового герба императора). *С. Ш.*

Государственный канцлеръ, см. *канцлеръ.*

Государственный контроль принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ учрежденій, назначенныхъ къ обслуживанію публичнаго хозяйства. Такъ какъ г. хозяйство представляетъ изъ себя организацію экономическихъ и политическихъ средствъ, то и отдѣльные г.-хозяйственные институты характеризуются двойственностью своей природы и цѣли. Первыя попытки ввести контроль въ г. хозяйствѣ относятся къ далекому прошлому, къ эпохѣ королевскаго хозяйства. Эти попытки были продиктованы прежде всего интересами самого короля, какъ хозяина, владѣвшаго обширнымъ хозяйствомъ и по большей части располагавшаго своевольными и корыстными слугами. Тогдашній контроль былъ домашнимъ дѣломъ короля и былъ совершенно лишенъ всякаго публичнаго значенія. Публичный элементъ внѣдряется въ контрольное дѣло съ появленіемъ сословнаго государства, когда право короля взимать налоги было обусловлено согласіемъ на это сословій. Сословія давали свое согласіе на налоги подъ условіемъ ихъ контроля надъ собираніемъ налоговъ и расходованіемъ собранной суммы. Такъ какъ въ эпоху сословнаго государства податной доходъ составлялъ лишь незначительную часть королевскихъ доходовъ, то контрольныя права сословій были очень ограниченными. Кромѣ того, сословіямъ никогда не удавалось ввести планомѣрный контроль даже надъ тѣми суммами, которыя были собраны съ ихъ согласія. Абсолютное государство, выступившее на смѣну сословнаго режима, создавало условія для развитія лишь хозяйственнаго контроля, лишеннаго публичнаго элемента. Необходимость контроля диктовалась возроставшими размѣрами хозяйства. Всякая власть нуждается въ упорядоченныхъ финансахъ. Эту нужду особенно сильно ощущало старое государство, такъ какъ ростъ его расходовъ опережалъ развитіе доходныхъ источниковъ, а недостатокъ въ средствахъ часто былъ результатомъ финансоваго неустройства. Въ поискахъ средствъ предпринимали различныя финансовыя реформы, среди которыхъ видное мѣсто занимали реформы бюджетно-контрольнаго содержанія. Какъ правило, финансы абсолютнаго государства обыкновенно находились въ безпорядочномъ состояніи. Казнокрадство и расхищеніе государственной собственности принимало чудовищные размѣры. Старое государство не смогло организовать правильнаго Г. к. и пыталось замѣнить систему планомѣрнаго контроля системой уголовныхъ репрессій. Во Франціи, при королякъ, „когда министры финансовъ плохо справлялись съ дѣломъ, съ ними раздѣлывались очень легко: имъ или рубили голову, или ихъ ссылали. Отъ Ангерана де-Мариньи до Неккера насчитывается 37 колесованныхъ, повѣшенныхъ или сосланныхъ министровъ“—такъ вспоминали во фр. сенатѣ въ 1889 г.—Г. к. получаетъ свое развитіе съ момента развитія публичнаго хозяйства, т. е. вмѣстѣ съ появленіемъ конституціоннаго государства. Конституціонное государство создавалось на почвѣ недовольства старымъ режимомъ, при этомъ финансовый факторъ сыгралъ крупную историческую роль. Поэтому на страницахъ конституціонныхъ хартій отчетливо были записаны права народнаго представительства на контролированіе публичныхъ средствъ. Политическій контроль парламентовъ послужилъ исходнымъ пунктомъ въ организаціи административнаго контроля; послѣдній въ своемъ развитіи былъ связанъ съ общей эволюціей системы управленія. Кромѣ конституціоннаго фактора въ развитіи Г. к. значительную роль сыграли возраставшіе размѣры публичнаго хозяйства. Удачно замѣтилъ Лассаль: „патріархальнаго абсолютизма было достаточно для прежнихъ патріархально-ограниченныхъ отношеній, для бюджета въ 55 милл., изъ которыхъ притомъ больше пятой части доставлялось

съ коронныхъ имуществъ; но бюджетъ въ 144 милл. уже нельзя взыскивать простымъ указомъ". Здѣсь подчеркивается политическая роль бюджетнаго законодательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ можно добавить, что большое хозяйство нельзя вести безъ провѣрки, безъ тщательнаго надзора. Въ тѣхъ странахъ, которыя въ новое время обзавелись большимъ внѣшнимъ долгомъ, введеніе дѣйствительнаго Г. к. было отвѣтомъ на требованія государствен. кредиторовъ или въ интересахъ публичнаго кредита. Этотъ мотивъ сквозитъ въ исторіи русскаго Г. к. Тѣ страны, которыя задолжались на внѣшнихъ рынкахъ и по состоянію своей государственности не смогли организовать настоящаго Г. к., были вынуждены подчиниться иноземному контролю. Повсюду условіемъ успѣшности развитія контрольнаго дѣла было развитіе бюджетной техники: многія бюджетныя формальности главнымъ образомъ направлены къ облегченію дѣйствительнаго контроля надъ государств. хозяйствомъ и финансовымъ управленіемъ.

Задача Г. к. заключается въ томъ, чтобы прослѣдить за осуществленіемъ въ публичномъ хозяйствѣ принциповъ законности и цѣлесообразности. Для осуществленія этой задачи Г. к. долженъ обладать извѣстной совокупностью пріемовъ и учрежденій. Въ каждой странѣ система Г. к. слагается въ обстановкѣ мѣстныхъ условій, поэтому въ организаціи контрольныхъ учрежденій отдѣльныхъ странъ имѣются рѣзкія особенности. Въ Англіи и Бельгіи, напр., приходованіе и расходованіе казенныхъ суммъ находится въ рукахъ частнаго банка, въ другихъ странахъ—въ рукахъ казенныхъ учрежденій. Эта различная система управленія текущими рессурсами государства отражается и на устройствѣ Г. к. Но основные принципы современнаго Г. к. въ общемъ сходны во всѣхъ конституціонныхъ странахъ. Главнѣйшимъ требованіемъ, предъявляемымъ къ современному контролю, является его *независимость*, вполнѣ самостоятельное положеніе въ ряду другихъ государств. учрежденій. Эта независимость достигается двоякимъ путемъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ высшимъ контрольнымъ учрежденіемъ является *счетная палата* (cour des comptes), организуемая по принципу высшаго суда. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ бюджетное право народнаго представительства получаетъ наиболѣе яркое проявленіе, счетная палата является органомъ парламента: члены счетн. палаты назначаются парламентомъ (Бельгія). Такой системой достигается наиболѣе чистый типъ контроля, которому приходится контролировать не парламентскія, а правительственныя учрежденія. Въ другихъ странахъ счетн. палаты организованы были въ такіе моменты, когда народное представительство не обладало полнотою бюджетныхъ правъ. Поэтому въ этихъ странахъ составъ счетн. палаты опредѣляется волею главы государства (Франція, Пруссія). Но вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ палатамъ даются необходимыя гарантіи, прежде всего несмѣняемость и полная независимость отъ другихъ вѣдомствъ. Вторымъ требованіемъ современнаго Г. к. является его *публичность*, достигаемая тѣмъ, что отчеты контроля дѣлаются общимъ достояніемъ. Наконецъ, третьимъ основнымъ требованіемъ является *документальность*, что выражается въ необходимости обосновывать каждое дѣйствіе власти, связанное съ бюджетомъ, надлежащими документами и ссылками на соотвѣтствующій законъ. Г. к. долгое время былъ послѣдующимъ, т. е. онъ оцѣнивалъ бюджетные факты послѣ того, какъ они были уже совершены. Примат послѣдующаго контроля объясняется тѣмъ, что въ былое время вся система управленія покоилась на репрессивномъ принципѣ. Правительство было заинтересовано въ томъ, чтобы узнать, какъ дѣйствовали его подчиненные органы. Парламенты интересовались тѣмъ, какъ выполненъ установленный ими бюджетный законъ. Такая организація контроля оказалась неудовлетворительной потому, что она не могла воспрепятствовать нарушенію закона. Необходимо было ввести предупрежденіе нарушенія закона (*превентивная система*), что и выразилось въ учрежденіи предварительнаго Г. к. Расходованіе казенной суммы предваряется согласіемъ контроля, провѣря-

ющаго формальныя и матеріальныя основанія расхода. Контроль при этомъ анализируетъ легальный титулъ расхода и цѣлесообразность его. Эта система въ значительной степени связываетъ исполнительную власть, такъ какъ она лишаетъ возможности пользоваться распространенной повсюду системой превышенія разрѣшенныхъ кредитовъ. Наиболѣе полно идея предварительнаго Г. к. выражена въ Англіи и Бельгіи. Во Франціи и другихъ странахъ главенствуетъ послѣдующій Г. к. съ уступками въ сторону предварительнаго. Идея предварительнаго Г. к. хорошо освѣщена однимъ итальянскимъ авторомъ въ слѣд. словахъ: „послѣдующаго контроля достаточно для подъотчетныхъ чиновниковъ, потому что они вносятъ залогъ. Но министры не даютъ залога, который обезпечилъ бы государству ущербъ, причиненный ими. Необходима, слѣдов., гарантія, которая во-время приводила бы въ дѣйствіе ихъ отвѣтственность". Въ Россіи, гдѣ чиновники вообще не вносятъ залоговъ, предварительный Г. к. былъ бы особенно умѣстенъ.

Въ конституціонныхъ странахъ отчеты Г. к. подлежатъ утвержденію законодательныхъ учрежденій. Утверждая отчетъ, парламенты даютъ правительству „absolutorium", такъ сказать, окончательный отпускъ по бюджету даннаго года. Дефектомъ самыхъ совершенныхъ системъ современнаго Г. к. является то, что контрольные отчеты слишкомъ поздно восходятъ на утвержденіе народныхъ представителей; это ослабляетъ интересъ къ нимъ. Если въ культурныхъ странахъ случаи грубаго казнокрадства сдѣлались исключеніемъ, то общимъ правиломъ сдѣлались случаи формальнаго нарушенія бюджетнаго закона: превышеніе кредитовъ. Бюджетъ, утвержденный парламентомъ, и бюджетъ исполненный—часто несравнимыя величины. Это ведетъ къ накопленію текучаго долга и къ непрочности бюджетнаго баланса. Г. к. почти безсиленъ бороться съ этимъ зломъ, такъ какъ формальныя нарушенія часто диктуются не произволомъ распорядителей кредитами, а необходимостью. Устраненіе этихъ случаевъ зависитъ отъ радикальныхъ перемѣнъ въ бюджетной структурѣ и техникѣ. Въ настоящее время на Западѣ постепенно нарастаетъ крупная проблема реформы бюджета и контроля въ цѣляхъ ихъ упрощенія и приданія большей цѣлесообразности тому, что иронически называютъ „la navette budgetaire".

Въ Россіи впервые введенъ Г. к. въ 1811 г. Вѣковое его существованіе до сихъ поръ не увѣнчалось положительнымъ успѣхомъ. До сихъ поръ русскій Г. к. страдаетъ существенными недостатками. До 1862 г. вѣдомства контролировали сами себя. Такой автоконтроль былъ тождественъ отсутствію всякаго контроля. Реформа 1862 г., положившая начало современному устройству Г. к., была въ существѣ дѣла усвоеніемъ внѣшнихъ формъ контроля, выработанныхъ на Западѣ для совершенно иной политической и юридической обстановки. Въ Россіи имѣется особое высшее учрежденіе Г. к., во главѣ котораго стоитъ г. контролеръ съ правами министра. Независимость Г. к. въ Россіи была основана только лишь на вѣдомственной обособленности, которая потерпѣла существенный ущербъ съ учрежденія совѣта министровъ, куда вошелъ, на правахъ министра, и г. контролеръ. Въ настоящее время независимость Г. к. основана на томъ, что мѣстныя учрежденія Г. к.—губ. контрольныя палаты—непосредственно подчинены г. контролеру, внѣ всякой зависимости отъ общихъ губернскихъ учрежденій. Законъ 1862 г. ввелъ послѣдующій и документальный контроль, съ правомъ внезапныхъ кассовыхъ и фактическихъ ревизій. Идея предварительнаго Г. к. не получила признанія въ законѣ, ей сдѣланы были только нѣкоторыя уступки, напр., подчиненіемъ расходовъ по постройкѣ ж. дорогъ, казармъ, портовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и другія отдѣльныя постройки за счетъ казны, въ видѣ исключенія, подвергаются предварительному Г. к. Дѣйствіе Г. к. не распространяется на рядъ учрежденій: министерство И. Двора и удѣловъ, собственную Е. И. В. Канцелярію по учрежденіямъ Имп. Маріи, гос. кредитныя учрежденія, иностранное отдѣленіе особенной канцеляріи

м. финансовъ по кредитной части (по заграничнымъ операціямъ), хозяйственное управленіе при С. Синодѣ относительно спеціальныхъ средствъ дух. вѣдомства и казенныхъ ассигнованій на дух.-уч. заведенія, всѣ министерства по отдѣлу ассигнованій, тайнѣ подлежащихъ и на извѣстное Его Величеству употребленіе. Кромѣ того, время отъ времени рядъ расходовъ освобождался отъ контроля: напр., расходъ на общественныя работы, руководившіяся ген. Анненковымъ во время голода 1891 г., постройка восточно-китайской ж. дороги.

Г. контролеръ ежегодно составляетъ отчетъ, который преподносится Государю Императору и опубликованію не подлежитъ, онъ не сообщается даже Г. Думѣ. Затѣмъ публикуется ежегодный отчетъ Г. к. съ прибавленіями; въ послѣднихъ сообщаются свѣдѣнія о спеціальныхъ капиталахъ, о географическомъ распредѣленіи доходовъ и расходовъ, дается ежегодный обзоръ крупныхъ казенныхъ предпріятій—казенныхъ горныхъ заводовъ, винной монополіи, интендантскихъ закупокъ хлѣба. По закону отчетъ Г. к. долженъ быть представленъ въ законодательныя учрежденія къ 1 октября, а приложенія—не позже 1 ноября. Ш Г. Дума разсмотрѣла отчетъ Г. к. за 1908 г. въ январѣ 1912 г. Докладчикъ комиссіи по исполненію г. росписи далъ слѣд. характеристику контрольнаго отчета, впервые обсуждавшагося въ Думѣ: „отчетъ представляетъ собою сводку цифръ бухгалтерскаго характера... неокончательный отчетъ: расходы не провѣрены Г. контролемъ по существу; равнымъ образомъ и правильность отнесенія выданныхъ суммъ на тѣ кредиты, которые назначены по г. росписи, вслѣдствіе еще необревизованія Г. контролемъ на мѣстахъ этихъ расходовъ, отчетомъ не удостовѣряются. Точно также и незакономѣрность отдѣльныхъ дѣйствій того или другого учрежденія не можетъ быть констатирована". Затѣмъ въ докладѣ было указано, что 1) даже по этому совершенно формальному отчету ясны значительныя нарушенія бюджетнаго закона и 2) что отдѣльныя вѣдомства нарушали бюджетный законъ, несмотря на протестъ Г. контроля. То и другое положеніе въ докладѣ были иллюстрированы многочисленными фактами.

Такъ какъ русскій Г. к. до сихъ поръ организованъ по чисто административному принципу и во время изданія закона 1862 г. онъ былъ назначенъ для нуждъ самой администраціи, то естественно, что онъ остался совершенно несогласованнымъ съ новѣйшимъ бюджетнымъ законодательствомъ, по которому бюджетъ утверждается законодательными палатами. Ни ст. 109 Осн. Зак., ни 31 ст. Пол. Гос. Думы не предусматриваютъ вопроса о томъ, что будетъ, если Дума откажетъ въ утвержденіи контрольнаго отчета. Съ др. стороны, такъ какъ русскій Г. к. очень далекъ отъ усвоенія судебнаго принципа, то въ отчетѣ контроля нѣтъ никакихъ сужденій относительно контролируемыхъ фактовъ. Г. к. въ своемъ отчетѣ относительно фактовъ, имъ необревизованныхъ, является только въ роли простого статистика. Слѣд., тѣ факты, которые Г. к. можетъ обнаружить въ теченіе года и относительно которыхъ онъ ведетъ свое дѣлопроизводство, эти факты не могутъ быть ни достояніемъ гласности, ни объектомъ сужденія Думы, которая ограничена разсмотрѣніемъ лишь бухгалтерскаго отчета. Г. Дума сдѣлала въ 1912 г. попытку собрать свѣдѣнія относительно условій выполненія бюджетнаго закона 1908 г. Эта попытка дала интересный матеріалъ. Но здѣсь палата вступила на безнадежный путь, такъ какъ въ ея рукахъ нѣтъ средствъ полнаго приближенія къ финансовому хозяйству. Дѣлая эту попытку, Дума тѣмъ самымъ возмѣщала отсутствіе необходимой согласованности между своими бюджетными и контрольными правами. Но при отсутствіи надлежащихъ законовъ и соотвѣтствующей организаціи контрольныхъ учрежденій эти попытки никогда не могутъ дать положительныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, въ Россіи Г. к. не удовлетворяетъ требованіямъ независимости и публичности. Въ то же время онъ совершенно изолированъ отъ законодательныхъ учрежденій. Данныя контрольныхъ ревизій не подлежатъ вѣдѣнію Думы, такъ какъ они не вклю-

чаются въ отчетъ контроля. Такъ какъ законъ нигдѣ не опредѣляетъ ни формы, ни состава отчетовъ Г. к., то отъ желанія вѣдомствъ зависитъ объемъ контрольныхъ правъ Г. Думы. Предварительный Г. к., поскольку онъ существуетъ въ Россіи, совершенно ускользаетъ отъ вѣдѣнія Думы, такъ какъ данныя этого контроля ни въ какіе отчеты не включаются.

Дефекты русскаго Г. к. ощущаются не только народнымъ представительствомъ, которое при утвержденіи бюджета лишено увѣренности въ осуществленіи закона, не только обществомъ, которое въ утвержденіи бюджета и въ его контролѣ видитъ основныя гарантіи своихъ конституціонныхъ правъ, не только массой налогоплательщиковъ по понятнымъ соображеніямъ, но и самимъ правительствомъ. Правительство совершенно не увѣрено въ закономѣрности дѣйствій своихъ подчиненныхъ органовъ по отношенію къ казеннымъ суммамъ и вынуждается время отъ времени назначать такъ называемыя сенаторскія ревизіи. Эти сенаторскія ревизіи особенно участились за послѣднее время и играютъ роль чрезвычайнаго Г. к. въ Россіи. Сенаторскія ревизіи обнаружили не только вопіющія нарушенія интересовъ казны, но, что особенно важно,—массовый характеръ этихъ нарушеній. Это еще болѣе подтвердило безконтрольность русскаго г. хозяйства и необходимость коренной реформы Г. к., которая сдѣлаетъ ненужными и чрезвычайныя ревизіи.

По смѣтѣ на 1912 г. Г. к. обходится государству въ 11 милл. руб.

Литература: *Штурмъ*, „Бюджетъ“. Перев. (1907, часть 4-ая); *Heckel*, „Das Budget“ (1898, III Abschnitt); *Бунге*, „Госуд. счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи“ (1890); *Бессонъ*, „Бюджетный контроль во Франціи и за границей“ (1901); *Татариновъ*, „Госуд. отчетность въ Бельгіи“ (вып. I), въ Пруссіи (вып. II.), во Франціи (вып. III) (2-ое изд. подъ редакціей проф. Кауфмана. 1881, 1882, 1884. Офиціальные отчеты о командировкахъ); *Саковичъ*, „Г. к. въ Россіи, его исторія и современное устройство, съ изложеніемъ смѣтной системы, кассоваго порядка и устройства госуд. отчетности“. Двѣ части (1898 г.—2-ое изд. 1-ой части 1897); *Халютинъ*, „Г. к. и его обвинители“ (1905); *Евзлинъ*, „Бюджетный контроль и система гос. отчетности при конституціонномъ образѣ правленія“ (1907); *Шясецкій*, „Счетная палата и система гос. отчетности Итальянскаго королевства“ (Отчетъ объ офиц. командировкѣ, 1884); *Sarette*, „Etude sur le controle du budget de l'état en France, en Angleterre et en Italie“ (1902); *Foucrière*, „Notre budget. Etude critique et plan de réorganisation de notre système financier“ (1908). Много фактическихъ подробностей для характеристики русскаго Г. к.: *Озеровъ*, „Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги?“ (1908, 2-ое изд. По архивнымъ документамъ). См. также стенограф. отчетъ о засѣданіяхъ Г. Думы: Третій созывъ. Сессія 5. Часть II. Засѣд. 51 и 53.

М. Боголѣповъ.

Государственный секретарь, см. *Государственный Совѣтъ*, XVI, 272.

Государственный Совѣтъ *на Западѣ* (Conseil d'Etat, Staatsrat), коллегія, примыкающая къ главѣ верховной власти и содѣйствующая ей въ вопросахъ, подлежащихъ ея самостоятельному разрѣшенію. Поэтому роль Г. С. бываетъ значительна въ абсолютныхъ и мнимоконституціонныхъ монархіяхъ и ничтожна—въ строго-конституціонныхъ. Въ двухъ странахъ учрежденіе, носившее названіе Г. С., играло особенно знач. роль (извѣстны однородныя учрежденія и подъ другими названіями): во Франціи въ эпоху консульства и имперіи, когда Г. С. не только подготовлялъ законопроекты для Зак. Корпуса и Трибуната, но и принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ управленія, контролируя порою министровъ. Его значеніе, упавшее послѣ крушенія имперіи, возстановилось при Наполеонѣ III. Въ Пруссіи въ эпоху реакціи (1815—1848) Г. С. былъ самымъ виднымъ органомъ законодательства и управленія. Въ настоящее время учрежденіе сохранилось и во Франціи и въ Пруссіи, но не играетъ сколько-нибудь важной роли, такъ же, какъ и въ Италіи, Голландіи, Португаліи, Швеціи, Греціи и нѣк. нѣм. государствахъ, гдѣ Г. С. существуетъ.

Государственный Совѣтъ *въ Россіи* былъ учрежденъ въ 1810 г., и его созданіе стояло въ тѣсной связи съ другими преобразованіями, намѣчавшимися и частью производившимися въ это время въ центральныхъ учрежденіяхъ имперіи имп. Александромъ I въ сотрудничествѣ со Сперанскимъ. Но само по себѣ образованіе Г. С. не было такой реформой, которая вносила бы съ собой въ русскій государственный механизмъ что-либо существенно новое. Наоборотъ, по характеру тѣхъ задачъ, какія были поставлены Гос. Совѣту при его возникновеніи, онъ въ значительной мѣрѣ являлся преемникомъ цѣлаго ряда учрежденій, возникавшихъ въ Россіи одно за другимъ въ теченіе всего почти XVIII столѣтія и первыхъ лѣтъ XIX вѣка и отвѣчавшихъ одной и той же потребности—имѣть при носителяхъ верховной власти совѣщательный органъ для обсужденія какъ законодательныхъ вопросовъ, такъ и важнѣйшихъ дѣлъ внутренняго управленія и внѣшней политики. Мысль о созданіи такого органа подсказывалась уже Петру I тѣми его иностранными совѣтниками, указаніями которыхъ онъ въ значительной степени руководился въ административныхъ реформахъ второй половины своего царствованія. Но при Петрѣ I эта мысль не получила сколько-нибудь законченнаго практическаго осуществленія, и въ результатѣ его реформъ его преемникамъ досталась въ наслѣдство въ сферѣ центральнаго управленія довольно хаотическая масса мало связанныхъ между собою учрежденій и лицъ, въ которой лишь весьма слабо обрисовывались черты нѣкотораго общаго плана. Только постепенно, по мѣрѣ дальнѣйшей эволюціи унаслѣдованныхъ отъ Петровской эпохи учрежденій, эти черты получили болѣе опредѣленное развитіе и выступили болѣе ярко. Въ частности, при преемникахъ Петра I нашла себѣ осуществленіе и мысль о созданіи верховнаго органа управленія, стоящаго надъ сенатомъ и помогающаго носителю верховной власти въ обсужденіи важнѣйшихъ законодательныхъ и правительственныхъ актовъ. Уже при Екатеринѣ I въ качествѣ такого органа былъ созданъ Верховный Тайный Совѣтъ. Съ воцареніемъ Анны Ивановны онъ былъ уничтоженъ, но вслѣдъ затѣмъ былъ образованъ Кабинетъ Министровъ, нѣсколько отличавшійся отъ В. Т. Совѣта въ своей организаціи, но въ существѣ дѣла исполнявшій тѣ же функціи и преслѣдовавшій тѣ же цѣли. Онъ оказался нѣсколько долговѣчнѣе своего предшественника и просуществовалъ до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, когда въ свою очередь былъ уничтоженъ. Дѣла, входившія въ его компетенцію, были переданы первоначально Сенату, который занялъ теперь гораздо болѣе авторитетное и высокое положеніе сравнительно съ тѣмъ, какое онъ занималъ при Петрѣ I, но затѣмъ и при Елизаветѣ возникло учрежденіе, аналогичное В. Т. Совѣту и Кабинету Министровъ. Это была Конференція при дворѣ Ея И. В-ва, первоначально учрежденная для завѣдыванія важнѣйшими дѣлами внѣшней политики, но постепенно стянувшая къ себѣ и другіе вопросы первостепенной важности въ государственной жизни. Въ кратковременное царствованіе Петра III Конференція была замѣнена Совѣтомъ, которому, однако, почти не пришлось функціонировать. Всѣ перечисленныя учрежденія въ сущности плохо справлялись съ сознанной и нашедшей себѣ выраженіе въ ихъ образованіи потребностью въ объединеніи администраціи и упорядоченіи законодательства. Этому мѣшали и существенные недостатки въ организаціи самыхъ названныхъ учрежденій, и—въ гораздо большей еще степени—общій характеръ государственной жизни, въ которой власть случайныхъ фаворитовъ и временщиковъ постоянно перевѣшивала силу учрежденій. Объ эти причины не укрылись отъ вниманія болѣе наблюдательныхъ современниковъ. Въ началѣ царствованія Екатерины II Н. И. Панинъ, говоря о царившихъ до того непорядкахъ въ области верховнаго управленія и законодательства, замѣчалъ: „таковыя государству вредныя приключенія происходили, несомнѣнно, частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же

и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его твердую форму сохранять могли". Сообразно этому Панинъ для устраненія отмѣченныхъ имъ непорядковъ и предлагалъ Екатеринѣ II, вскорѣ послѣ ея восшествія на престолъ, проектъ учрежденія Императорскаго Совѣта, который, имѣя твердо установленную организацію, явился бы „верховнымъ мѣстомъ лежислаціи, или законоданія", а вмѣстѣ послужилъ бы и органомъ, объединяющимъ дѣйствія центральной администраціи. Проектъ Панина, не чуждый олигархической тенденціи, въ концѣ концовъ не былъ утвержденъ Екатериной, но черезъ нѣкоторое время ею былъ образованъ Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ, служившій для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ законодательства, внутренняго управленія и внѣшней политики. Но многія важныя дѣла продолжали вершиться помимо этого Совѣта, не имѣвшаго, вдобавокъ, ни точно опредѣленной компетенціи, ни строгой внутренней организаціи и остававшагося, въ сущности, такимъ же „партикулярнымъ мѣстомъ", какъ и другія подобныя ему учрежденія XVIII вѣка. Въ царствованіе Павла I Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ былъ замѣненъ Высочайшимъ Совѣтомъ, носившимъ тотъ же самый по существу характеръ. При Александрѣ I этому совѣту было возвращено прежнее его названіе, но вскорѣ затѣмъ онъ былъ упраздненъ, какъ учрежденіе временное, „рѣдко занимавшееся предметами существенными" и не имѣвшее „ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя". На мѣсто его указомъ 30 марта 1801 г. былъ образованъ въ качествѣ постояннаго учрежденія новый совѣтъ, названный въ указѣ „непремѣннымъ, не въ лицахъ, его составляющихъ, но въ его установленіи". Этотъ Непремѣнный Совѣтъ, согласно своему „Наказу", былъ „мѣстомъ, учрежденнымъ при особѣ государя для разсужденія и уваженія дѣлъ государственныхъ". „Поручаемое ему отъ Насъ дѣло—говорилось въ томъ же „Наказѣ" — относится только къ части законодательной". Не имѣя права издавать „отъ себя и своего имени никакихъ указовъ", Непр. Совѣтъ долженъ былъ заниматься обсужденіемъ „государственныхъ постановленій", какъ „коренныхъ или непреложныхъ", такъ и „временныхъ", и при этомъ „никогда не упускать изъ виду высшаго своего предустановленія, которое состоитъ въ томъ, чтобы постановить силу имперіи россійской на незыблемомъ основаніи закона". Кромѣ обсужденія и рѣшенія обыкновенныхъ дѣлъ, Непрем. Совѣту давалось право, если бы онъ нашелъ нужнымъ „привести въ ясность коренныя части государственнаго управленія", представлять государю о составленіи особыхъ комиссій, которыя въ своей дѣятельности подчинялись бы контролю совѣта; послѣднему поручалось также истребовать отъ всѣхъ учрежденій „подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ частей управленія" и на основаніи этихъ свѣдѣній „положить удобнѣйшія и легчайшія средства къ поправленію и усовершенствованію всего управленія". Иначе говоря, Непрем. Совѣту какъ бы предоставлялась роль ближайшаго помощника императора въ осуществленіи его реформаторскихъ плановъ, направленныхъ къ преобразованію государственныхъ учрежденій Россіи. На дѣлѣ, однако, эта роль досталась „неоффиціальному комитету", составленному изъ личныхъ друзей Александра I, а Непрем. Совѣтъ, въ составъ котораго на первыхъ порахъ вошли почти исключительно старые сановники двухъ предыдущихъ царствованій, не получилъ большого значенія въ практикѣ государственной жизни. Не удержалось за нимъ и значеніе исключительно или хотя бы преимущественно законосовѣщательнаго учрежденія. Съ одной стороны, уже очень скоро послѣ его образованія вопросы законодательнаго характера стали рѣшаться и помимо него, черезъ комитетъ министровъ и даже по докладамъ отдѣльныхъ министровъ, съ другой—въ вѣдѣніе совѣта постепенно перешло большое количество судебныхъ и административныхъ дѣлъ. Съ такимъ неопредѣленнымъ характеромъ просуществовалъ Непр. Совѣтъ вплоть до 1810 г., когда онъ былъ преобразованъ, по плану Сперанскаго, въ Государственный Совѣтъ.

Въ „Проектѣ уложенія государственныхъ законовъ“, составленномъ Сперанскимъ въ 1809 г., преобразованіе совѣта являлось лишь небольшою и сравнительно второстепенной частью предположенной реформы. Цѣлью проекта было коренное преобразованіе всего государственнаго строя Россіи, превращеніе послѣдней въ конституціонную монархію и соотвѣтствующая реформа всѣхъ государственныхъ учрежденій на основѣ строго проведеннаго принципа раздѣленія властей. Законодательную власть монархъ долженъ былъ осуществлять въ сотрудничествѣ съ составленной изъ выборныхъ представителей имущихъ классовъ Государственной Думой, во главѣ управленія ставились министерства, во главѣ судебной части—сенатъ, а посредствующимъ звеномъ между всѣми этими учрежденіями и монархомъ долженъ былъ явиться Гос. Совѣтъ. „Въ порядкѣ государственныхъ установленій—говорилось въ „Проектѣ“—Совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ основаніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются. Посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первыхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ Г. Совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію въ порядкѣ законодательномъ, судномъ и исполнительномъ“. Но Александръ I не рѣшился исполнить весь планъ Сперанскаго сразу, и послѣдній попытался осуществить этотъ планъ по частямъ. Въ этихъ видахъ онъ, между прочимъ, подалъ государю особую „Записку о необходимости учрежденія Гос. Совѣта“, въ которой доказывалъ, что и само по себѣ образованіе Г. Совѣта можетъ принести большую пользу, содѣйствуя водворенію въ Россіи господства „закона твердаго и постояннаго“ и изгнанію произвола и непрерывнаго безпорядка изъ сферы верховнаго управленія. Кромѣ того, Сперанскій указывалъ, что только путемъ „отдѣленія части управленія и назначенія ей особеннаго порядка“ можетъ быть устранено смѣшеніе управленія и суда въ сенатѣ, которое „дошло уже до такого безпорядка, что, независимо отъ общаго преобразованія, нельзя болѣе отлагать нужныя мѣры исправленія“. Наконецъ, въ качествѣ вѣскаго аргумента въ пользу созданія Г. Совѣта, Сперанскій отмѣчалъ и тогдашнее положеніе государственныхъ финансовъ, требовавшее назначенія новыхъ налоговъ. „Налоги тягостны бываютъ—утверждалъ онъ — особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностью и подробностью доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно, очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, но точною необходимостью, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ власть державная охранитъ себя отъ всѣхъ неправыхъ нареканій, заградитъ уста злонамѣренности и злословію и самые налоги не будутъ казаться столь тягостными съ минуты, какъ признаны будутъ свободными“. Всѣ эти аргументы подѣйствовали на колебавшагося Александра, и учрежденіе Г. Совѣта было рѣшено. Въ большой тайнѣ было выработано положеніе о немъ, и до самаго открытія Совѣта лишь немногіе были посвящены въ эту тайну. 1 января 1810 г. 35 сановниковъ, назначенныхъ членами Совѣта, собраны были во дворецъ, и императоръ самъ открылъ новое учрежденіе.

Внутренняя организація этого учрежденія осталась такою же, какая намѣчалась для него и въ первоначальномъ проектѣ Сперанскаго. Въ Г. Совѣтѣ предсѣдательствовалъ императоръ или лицо, имъ назначенное; императоръ же назначалъ и членовъ Совѣта, при чемъ министры входили въ число послѣднихъ по своему званію. Совѣтъ раздѣлялся на четыре департамента: департаментъ законовъ, департаментъ дѣлъ военныхъ (фактически довольно скоро уничтожившійся), департаментъ дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и департаментъ государственной экономіи (позднѣе, въ 1832 г., кромѣ этихъ четырехъ департаментовъ, былъ образованъ еще особый депр-

таментъ дѣлъ Царства Польскаго, но въ 1862 г. онъ былъ закрытъ). Общее собраніе Г. Совѣта составлялось изъ членовъ всѣхъ департаментовъ и особо назначенныхъ лицъ, присутствовавшихъ только въ общемъ собраніи. При Совѣтѣ была учреждена государственная канцелярія, во главѣ которой былъ поставленъ государственный секретарь (первымъ эту должность занялъ Сперанскій). Дѣла, подготовленныя гос. канцеляріей, восходили въ департаменты Г. Совѣта или въ общее его собраніе и рѣшались здѣсь по большинству голосовъ, но при этомъ членамъ, несогласнымъ съ принятымъ рѣшеніемъ, предоставлялось подавать особыя мнѣнія, и послѣднія могли дать поводъ къ пересмотру дѣла въ общемъ собраніи, если бы на это послѣдовало высочайшее повелѣніе. Рѣшенія общаго собранія Г. Совѣта (а въ нѣкоторыхъ особо оговоренныхъ случаяхъ и рѣшенія его департаментовъ, помимо общаго собранія) восходили на высочайшее утвержденіе. При этомъ утвержденіе новыхъ законовъ, уставовъ и учрежденій, равно какъ дополненій къ старымъ актамъ такого рода, должно было совершаться по слѣдующей формулѣ: „внявъ мнѣнію Г. Совѣта, постановляемъ“. Нѣкоторые изъ современниковъ Сперанскаго видѣли въ установленіи имъ этой формулы попытку ограничить самодержавіе государя въ сферѣ законодательства мнѣніемъ большинства Г. Совѣта. Впослѣдствіи тотъ же взглядъ на значеніе этой формулы не разъ высказывался и въ русской исторіографіи. Въ дѣйствительности, однако, роль ограничивающаго законодательную власть монарха учрежденія въ планахъ Сперанскаго отводилась не Г. Совѣту, а неосуществившейся Гос. Думѣ. И во всякомъ случаѣ, на практикѣ мнѣніе большинства Г. Совѣта не пріобрѣло никакой обязательности для монарха, и наряду съ мнѣніями большинства нерѣдко утверждались и мнѣнія меньшинства, а то даже и мнѣнія отдѣльныхъ членовъ Совѣта. Самая формула „внявъ мнѣнію Г. Совѣта“ сравнительно часто употреблялась лишь въ первые три года послѣ образованія Совѣта; послѣ 1812 г. она встрѣчалась при Александрѣ I уже очень рѣдко (послѣдній разъ въ 1824 г.), при Николаѣ I не употреблялась вовсе и, наконецъ, совершенно исчезла въ новомъ „Учрежденіи Г. Совѣта“ 15 апрѣля 1842 г. Еще до этого, 12 іюня 1827 г., высочайше утвержденной запиской предсѣдателя Г. Совѣта были установлены спеціальныя формы на случай утвержденія мнѣнія меньшинства или постановленія особой резолюціи.

Не пріобрѣтя того значенія, какое намѣчалось для него въ первоначальномъ планѣ Сперанскаго, такъ и не осуществившемся полностью, не сдѣлавшись органомъ, объединяющимъ всю дѣятельность правительства и, прежде всего, занимающимъ мѣсто посредника между монархомъ и законодательнымъ учрежденіемъ, Г. Совѣтъ могъ содѣйствовать лишь внесенію нѣсколько большаго порядка въ ходъ правительственной работы. Кое-какіе результаты и были, дѣйствительно, достигнуты въ этомъ направленіи путемъ образованія Г. Совѣта, но нельзя сказать, чтобы эти результаты были особенно значительны. Компетенція Г. Совѣта съ самаго начала была довольно широка. На его предварительное разсмотрѣніе должны были поступать вопросы объ установленіи новыхъ и отмѣнѣ прежнихъ законовъ, о частныхъ измѣненіяхъ въ законахъ и о толкованіи послѣднихъ, общія мѣры и распоряженія, принимаемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій, чрезвычайныя общія внутреннія мѣры, объявленіе войны и заключеніе мира, ежегодные государственные бюджеты и чрезвычайныя финансовыя мѣры, всѣ дѣла объ отчужденіи въ частное владѣніе государственныхъ доходовъ или имуществъ и о вознагражденіи частныхъ лицъ за имущество, употребляемое на государственныя нужды, и, наконецъ, отчеты всѣхъ министерствъ. Съ теченіемъ времени предметы вѣдѣнія Г. Совѣта еще болѣе увеличились въ числѣ — между прочимъ, онъ былъ привлеченъ и къ отправленію судебныхъ функцій въ судебныхъ дѣлахъ, подлежащихъ разрѣше-

нію высочайшей власти,—но широта его компетенціи не обезпечила ему большого значенія. Въ частности, даже въ сферѣ законодательства ему не удалось удержать за собою и того значенія единственнаго мѣста разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ, какое первоначально предполагалось придать ему при его образованіи. Уже Учрежденіе министерствъ 1811 г. допустило нѣкоторыя отступленія отъ того порядка, согласно которому никакой законопроектъ не могъ быть представленъ государю помимо Г. Совѣта и утвержденъ безъ обсужденія въ послѣднемъ. Въ дальнѣйшемъ такія отступленія становились все болѣе частыми и многочисленными. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше утрачивалъ Г. Совѣтъ свое центральное положеніе и тѣмъ чаще важные вопросы законодательства и управленія рѣшались помимо него, черезъ комитетъ министровъ или даже по докладамъ отдѣльныхъ министровъ. При такихъ условіяхъ работа Г. Совѣта мало могла способствовать водворенію сколько-нибудь твердаго порядка въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, и само это учрежденіе постепенно обратилось въ своего рода убѣжище для старыхъ сановниковъ, отошедшихъ или отстраненныхъ отъ активной дѣятельности. Въ такомъ видѣ, съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями въ своей внутренней организаціи, Г. Совѣтъ просуществовалъ до 1906 г.—года созыва первой Государственной Думы.

Указомъ 27 августа 1905 г. предсѣдатель Г. Совѣта былъ сдѣланъ по своей должности членомъ совѣта и комитета министровъ, но совершившееся вскорѣ упраздненіе ком. министровъ и измѣненіе роли самого Г. С. лишили эту мѣру всякаго значенія. Рѣзко измѣнилось положеніе Г. Совѣта послѣ манифеста 17 октября 1905 г., объявившаго Г. Думу законодательнымъ учрежденіемъ. Уже во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте, опубликованномъ съ высочайшей помѣткой: „принять къ руководству“ одновременно съ манифестомъ 17 октября, говорилось, что „весьма важно сдѣлать реформу Г. Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и Г. Думой“. Однако, предположенная реформа затянулась и была выполнена только уже въ слѣдующемъ году. Манифестъ 20 февраля 1906 г. возвѣстилъ, что „къ участію въ законодательной дѣятельности Г. Совѣта призываются въ равномъ числѣ съ членами, присутствующими въ немъ по назначенію, выборные члены отъ духовенства господствующей въ Россіи православной церкви, отъ дворянства и земства, а также представители науки, торговли и промышленности“ и что „въ семъ обновленномъ составѣ Г. Совѣту предоставляются въ дѣлахъ законодательства равныя съ Государственною Думою права“. Сообразно этому, обѣщаніе манифеста 17 октября „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Г. Думы“, было въ манифестѣ 20 февраля замѣнено „общимъ правиломъ, что со времени созыва Г. Совѣта и Г. Думы, законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы“. Законопроектъ, не принятый Думой или Совѣтомъ, долженъ былъ признаваться отклоненнымъ. Совѣту предоставлялось право законодательной иниціативы въ такомъ же объемѣ и на такихъ же условіяхъ, какъ и Думѣ, равно какъ предоставлялось, подобно этой послѣдней, обращаться съ запросами къ министрамъ по поводу незаконномѣрныхъ дѣйствій властей. Подобно Думѣ. Совѣтъ долженъ былъ впредь ежегодно созываться и распускаться именными указами монарха и, подобно ей же, долженъ былъ самъ провѣрять полномочія своихъ выборныхъ членовъ. Одновременно съ этими измѣненіями въ положеніи Г. Совѣта именнымъ указомъ того же 20 февраля 1906 г. было совершено преобразованіе личнаго состава этого учрежденія на указанныхъ въ манифестѣ началахъ, а двумя мѣсяцами позднѣе, 24 апрѣля, состоялось и утвержденіе выработаннаго въ особомъ совѣщаніи новаго Учрежденія Гос. Совѣта.

Согласно этимъ двумъ послѣднимъ актамъ, составъ Г. Совѣта и роль его въ дѣлѣ законодательства и управленія

опредѣлялись въ слѣдующихъ чертахъ. Число назначенныхъ членовъ Совѣта, призываемыхъ къ участію въ его засѣданіяхъ, не должно превышать общаго числа членовъ Совѣта по выборамъ, при этомъ назначенные члены Совѣта увольняются только по ихъ просьбамъ. Составъ присутствующихъ въ Совѣтѣ членовъ по назначенію, равно какъ составъ его членовъ по выборамъ, ежегодно публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Выборные члены Совѣта избираются: отъ духовенства православной церкви, отъ губернскихъ земскихъ собраній, отъ дворянскихъ обществъ, отъ академіи наукъ и университетовъ, отъ совѣта торговли и мануфактуръ, московскаго его отдѣленія, мѣстныхъ комитетовъ торговли и мануфактуръ, биржевыхъ комитетовъ и купеческихъ управъ. Представители духовенства избираются синодомъ въ числѣ трехъ монашествующихъ изъ кандидатовъ, указанныхъ епархіальными епископами, и трехъ священниковъ изъ кандидатовъ, намѣченныхъ бѣлымъ духовенствомъ на благочинническихъ съѣздахъ. Представители отъ земствъ избираются по одному отъ каждаго губернскаго земскаго собранія. Дворянскія общества въ губерніяхъ и областяхъ, въ которыхъ производятся дворянскіе выборы, избираютъ изъ своей среды по два выборщика каждое, а на съѣздѣ этихъ выборщиковъ въ Петербургѣ они избираютъ изъ своей среды 18 членовъ Г. Совѣта. Академія Наукъ и совѣты университетовъ выбираютъ по три выборщика, первая изъ числа ординарныхъ академиковъ, вторые—изъ ординарныхъ профессоровъ; съѣздъ этихъ выборщиковъ, собирающійся также въ Петербургѣ, избираетъ изъ своей среды 6 членовъ Г. Совѣта. Наконецъ, въ качествѣ представителей купечества и промышленниковъ избираются 12 членовъ Г. Совѣта (6 отъ торговли и 6 отъ промышленности) на съѣздѣ, составленномъ изъ выборщиковъ отъ совѣта торговли и мануфактуръ, московскаго его отдѣленія, мѣстныхъ комитетовъ торговли и мануфактуръ, биржевыхъ комитетовъ и купеческихъ управъ. Всѣ эти выборные члены Г. Совѣта избираются на девятилѣтній срокъ, при чемъ черезъ каждые три года треть каждаго разряда этихъ членовъ по очереди выбываетъ изъ Совѣта, и на ихъ мѣста производятся новые выборы, на которыхъ могутъ быть вновь избраны и выбывшіе. Не могутъ быть избираемы въ члены совѣта: женщины, лица, не достигшія 40-лѣтняго возраста, не окончившія курса хотя бы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или не выдержавшія соотвѣтствующаго испытанія, иностранные подданные и лица, подпавшія подъ дѣйствіе условій, лишающихъ права на участіе въ выборахъ въ Г. Думу. Такимъ образомъ, „обновленіе“ состава Г. Совѣта свелось къ тому, что къ назначеннымъ изъ среды бюрократіи членамъ было прибавлено такое же количество выборныхъ членовъ, въ большинствѣ своемъ являющихся представителями крупнаго, по преимуществу дворянскаго землевладѣнія и крупной буржуазіи, и созданная этимъ путемъ сословно-бюрократическая коллегія была обращена въ верхнюю палату, равноправную въ дѣлѣ законодательства съ Г. Думой.

Наряду съ общимъ собраніемъ Совѣта, которому предназначена была эта роль, новое „Учрежденіе Г. Совѣта“ сохранило въ послѣднемъ и департаменты въ числѣ двухъ. Департаменты эти образуются изъ предсѣдателей и членовъ, опредѣляемыхъ высочайшею властью изъ числа членовъ Г. Совѣта по назначенію, и вѣдаютъ административныя, финансовыя и судебныя дѣла, оставшіяся въ компетенціи Г. Совѣта. Вѣдѣнію перваго департамента подлежатъ: дѣла объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній, дѣла объ утвержденіи въ почетныхъ достоинствахъ и о передачѣ дворянами фамилій, гербовъ и титуловъ; дѣла, поступающія изъ общихъ собраній сената; дѣла объ отвѣтственности за преступленія, совершенныя членами Г. Совѣта и Г. Думы при исполненіи ихъ обязанностей, а также объ отвѣтственности за нарушеніе долга службы высшими чинами администраціи; дѣла объ употребленіи имуществъ, которыя были пожертвованы казнѣ, органамъ самоуправленія или какому-либо учрежденію на опредѣленную цѣль, но дальнѣйшее употребленіе которыхъ

на эту цѣль стало невозможнымъ. Вѣдѣнію второго департамента подлежатъ: кассовый отчетъ министра финансовъ, годовые отчеты Госуд. банка и сберегательныхъ кассъ, годовые отчеты Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ, отчеты петербургской и московской Ссудной казны въ случаѣ разногласія между министромъ финансовъ и госуд. контролеромъ, годовой отчетъ по операціи выдачи ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія, дѣла о разрѣшеніи постройки частныхъ желѣзныхъ дорогъ безъ ассигновки средствъ изъ казны и объ устройствѣ подъѣздныхъ путей, когда для этого требуется высочайшее разрѣшеніе, дѣла о способахъ удовлетворенія претензій правительства къ желѣзнымъ дорогамъ, принятымъ въ казенное завѣдываніе отъ несостоятельныхъ обществъ, и, наконецъ, дѣла объ отводѣ, продажѣ и отдачѣ въ потомственное пользованіе участковъ казенной земли въ нѣкоторыхъ особо оговоренныхъ случаяхъ. Сверхъ того вѣдѣнію департаментовъ Г. Совѣта подлежатъ также дѣла, вносимыя въ нихъ на основаніи особыхъ узаконеній, равно какъ по особеннымъ высочайшимъ повелѣніямъ. Рѣшенія департаментовъ представляются въ меморіяхъ на высочайшее усмотрѣніе, а исполненіе по дѣламъ департаментовъ совершается либо именными указами, либо объявляемыми предсѣдателями департаментовъ высочайшими повелѣніями. Кромѣ департаментовъ, при Г. Совѣтѣ имѣются еще два учрежденія: особое присутствіе по дѣламъ о принудительномъ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ и вознагражденіи ихъ владѣльцевъ, составленное изъ опредѣляемыхъ въ него высочайшей властью четырехъ членовъ Г. Совѣта по назначенію, и особое присутствіе для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія департаментовъ сената, состоящее изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ, опредѣляемыхъ высочайшей властью изъ числа членовъ Г. Совѣта по назначенію и сенаторовъ. Наконецъ, при Г. Совѣтѣ имѣется еще государственная канцелярія, главное управленіе которой принадлежитъ государственному секретарю. Помимо дѣлопроизводства въ Г. Совѣтѣ, его департаментахъ и особыхъ присутствіяхъ, государственная канцелярія вѣдаетъ также, подъ наблюденіемъ государственнаго секретаря, разработку и изданіе Свода Законовъ и мѣстныхъ узаконеній, Продолженія къ Своду и Полнаго Собранія Законовъ.

Въ общемъ значеніе Г. Совѣта въ административныхъ дѣлахъ съ реформою 1906 г. уменьшилось. Что же касается его роли въ сферѣ законодательства, то здѣсь онъ былъ предназначенъ, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы служить противовѣсомъ и тормозомъ для Гос. Думы. Такъ его роль и была понята въ широкихъ кругахъ общества. Первая Дума собиралась поэтому бороться съ Г. Совѣтомъ и уже въ своемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь отмѣтила, что „народъ только тогда съ истинною силою и воодушевленіемъ, съ истинною вѣрою въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и престоломъ не будетъ стоять Г. Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія“. Однако, ни первой, ни второй Думѣ не пришлось вступать въ непосредственные конфликты съ Г. Совѣтомъ, такъ какъ раньше, чѣмъ могли состояться такіе конфликты, обѣ эти Думы были распущены правительствомъ, спѣшившимъ скорѣе раздѣлаться съ ними и потому не пожелавшимъ дожидаться дѣйствія заранѣе заготовленнаго тормоза, который способенъ былъ свести на нѣтъ всѣ результаты законодательной работы Думы, но не могъ уничтожить ея агитаціоннаго значенія. Свою роль тормоза Г. Совѣту пришлось исполнить уже по отношенію къ третьей Думѣ, въ тѣ рѣдкіе моменты ея дѣятельности, когда третьедумское большинство позволяло себѣ кое-какія либеральныя увлеченія. Такъ, Г. Совѣтомъ былъ отвергнутъ въ виду его сравнительнаго либерализма принятый третьей Думой вѣроисповѣдный законопроектъ и точно также были отвергнуты Совѣтомъ и нѣкоторые другіе законопроекты, прошедшіе въ третьей Думѣ. Подчасъ

Совѣтъ отвергалъ даже такіе законопроекты, которые въ Думѣ находили себѣ защиту со стороны членовъ правительства, и правительство, само неуклонно шедшее все дальше по пути реакціи, видѣло въ этихъ дѣйствіяхъ Совѣта лишь своего рода услугу. Но, принимая такого рода услуги, оно наряду съ этимъ вовсе не думало сколько-нибудь серьезно смотрѣть на законодательныя права Г. Совѣта и при первомъ же случаѣ самымъ наглядным образомъ показало, какъ оно относится въ дѣйствительности къ этимъ правамъ. Когда въ мартѣ 1911 г. большинство Г. Совѣта отвергло проводившійся предсѣдателемъ совѣта министровъ Столыпинымъ и принятый Думой законопроектъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ, занятія Думы и Совѣта были прерваны на три дня, и за это время спорный законопроектъ былъ превращенъ правительствомъ въ законъ на основаніи 87 ст. Основныхъ Законовъ, позволяющей правительству принимать экстренныя законодательныя мѣры въ то время, когда нѣтъ занятій Г. Думы. Трудно было яснѣе показать всю иллюзорность законодательныхъ правъ Г. Совѣта, вполнѣ приравнивающагося въ этомъ отношеніи къ Государственной Думѣ и наравнѣ съ ней предназначеннаго служить лишь декоративнымъ прикрытіемъ дѣйствительнаго характера современнаго русскаго государственнаго строя.

Для исторіи Г. Совѣта до 1905 г. см. *В. Г. Щегловъ*, „Государственный Совѣтъ въ Россіи“, т. I (1892); т. II, вып. 1 (1895). *В. Мякотинъ.*

Государственный соціализмъ, см. *экономическая политика.*

Государственныя имущества (*домены*), терминъ, употребляемый въ трехъ или даже четырехъ различныхъ значеніяхъ. Въ самомъ широкомъ смыслѣ слова къ Государственнымъ имуществамъ относятъ (какъ во Франціи) и такъ называемое domaine public—имущества, служащія для непосредственнаго достиженія государственныхъ цѣлей, не отчуждаемыя и не подлежащія дѣйствію давности,—дороги, порты, крѣпости, зданія присутственныхъ мѣстъ, музеи и пр. Въ другомъ, болѣе обычномъ смыслѣ Г. и.—лишь тѣ имущества, которыя служатъ средствомъ для извлеченія дохода въ пользу государства на общихъ частноправныхъ основаніяхъ, какъ правило отчуждаемыя и дѣйствію давности подлежащія. Иногда къ Г. и. въ этомъ смыслѣ относятъ всякаго рода приносящее доходъ имущество государства (во всякомъ случаѣ за исключеніемъ регалій), включая горные промыслы, всякаго рода промышленныя предпріятія, даже денежные капиталы. Чаще къ Г. и. относятъ одну только земельную недвижимость (съ составляющими ея принадлежность сооруженіями), при чемъ, напр., у насъ, въ Россіи, къ Г. и. относятся земли и частью воды, служащія для всякаго рода цѣлей, въ Германіи — только тѣ, которыя служатъ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей; въ этомъ послѣднемъ, самомъ тѣсномъ смыслѣ въ составъ Г. и. не включаются даже и лѣса, которые въ такомъ случаѣ разсматриваются какъ особая категорія государственнаго достоянія. Возникновеніе понятія Г. и. относится къ самой глубокой древности,—особенно важнымъ было ихъ значеніе въ древнемъ Римѣ, гдѣ Г. и. являлись крупнѣйшимъ источникомъ государственныхъ доходовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, играли огромную соціально-политическую роль—такъ наз. ager publicus, за счетъ котораго производилось надѣленіе землею пролетаріата. Въ Римѣ же впервые установилось различіе между и. государственнымъ и государевымъ (императорскимъ).

Очень значительную роль въ числѣ источниковъ государственнаго дохода домены продолжали играть и въ средніе вѣка. Въ средніе же вѣка возникла и идея принципіальной неотчуждаемости Г. и., которая, однако, не помѣшала тому, что отчужденіе доменъ уже и въ тѣ времена происходило въ весьма широкихъ размѣрахъ. Источники возникновенія Г. и. были чрезвычайно разнообразны: простая оккупація—признаніе „государственными“ всѣхъ пустопорожнихъ и даже состоявшихъ въ пользованіи населенія земель, поскольку таковыя оказывались непринадлежащими кому-либо въ частную собственность; это—главный способъ возникно-

венія Г. и. въ Россіи. Затѣмъ—прямое завоеваніе, давшее главную массу Г. и. въ Римѣ, въ Англіи, и конфискація владѣльческихъ земель; послѣдняя въ особенно широкихъ размѣрахъ произведена была во Франціи въ эпоху революціи; у насъ этимъ путемъ возникла значительная часть Г. и. Царства Польскаго и Западнаго края; заслуживаетъ упоминанія конфискація владѣльческихъ и монастырскихъ земель Новгородской области въ XV вѣкѣ, при покореніи ея Москвою. Далѣе — секуляризація земель, принадлежавшихъ духовенству, въ особенности монастырямъ; особенно крупныя секуляризаціи были у насъ въ царств. Екатерины II, на Западѣ — по преимуществу въ эпоху реформаціи. Наконецъ, въ самое послѣднее время Г. и. начинаютъ возникать путемъ покупки частновладѣльческихъ земель; сравнительно широко это дѣлается въ Германіи, по преимуществу изъ соображеній аграрной политики и лѣсного хозяйства. Весьма значительныя въ былое время Г. и. растрачивались самымъ нерасчетливымъ образомъ, частью подъ вліяніемъ финансовой нужды, частью въ интересахъ служилаго сословія, частью подъ вліяніемъ теорій, принципіально отрицавшихъ цѣлесообразность существованія Г. и., частью, наконецъ, въ аграрно-политическихъ цѣляхъ—для созданія самостоятельнаго крестьянства и для удовлетворенія земельной нужды извѣстныхъ элементовъ населенія.

Такъ, во Франціи за 1790—1830 гг. было распродано конфискованныхъ земель на 4631 милл. франковъ, по большей части за безцѣнокъ; въ Англіи государственныя имущества почти совершенно исчезли уже къ концу XVII вѣка; въ Австріи и Пруссіи систематическая распродажа Г. и. производилась въ теченіе всего XIX столѣтія. Въ XX в. въ Пруссіи на ряду съ усиленной распродажей Г. и. идетъ и покупка новыхъ Г. и. Въ Россіи, въ Московскій періодъ, Г. и. въ огромныхъ размѣрахъ раздавались служилымъ людямъ въ помѣстья; въ императорскій періодъ особенно обширная раздача населенныхъ имѣній производилась при Екатеринѣ II и при Павлѣ. Въ новѣйшее время главными поводами для сокращенія ихъ площади являлось надѣленіе бывшихъ государственныхъ крестьянъ и отводъ земель переселенцамъ; временами, въ незначительныхъ, въ общемъ, размѣрахъ, часть Г. и. расходовалась для образованія среднихъ и крупныхъ частныхъ владѣній; въ настоящее время (1912) использованіе казенныхъ земель (въ частности въ Сибири и Туркестанѣ) для образованія частныхъ владѣній имѣется въ виду поставить на болѣе широкихъ началахъ. Такимъ образомъ, политика правительствъ по отношенію къ Г. и. была весьма мало послѣдовательна и мало выдержана. Далеко не установились и теоретическіе взгляды на желательность и цѣлесообразность существованія Г. и. Индивидуалистическія теоріи конца XVIII и начала XIX вѣка видѣли въ нихъ лишь тормозъ для частной иниціативы и предпріимчивости. Въ настоящее время приводятся весьма разнообразные доводы и за, и противъ Г. и. Въ частности, признававшіеся ранѣе рѣшающими доводы въ пользу накопленія и сохраненія Г. и., какъ главной опоры госуд. финансовъ и базиса, на кот. опирается сила и авторитетъ государств. власти, въ наст. время утратили значеніе въ виду ничтожной роли, какую теперь играютъ Г. и. въ гос. бюджетѣ. Не имѣютъ рѣшающаго значенія и доводы экономическаго, въ частности производственнаго характера: необходимость сохраненія и частью даже расширенія Г. и. можетъ считаться установленной лишь по отнош. къ лѣсовладѣнію, т. к. госуд. владѣніе и хозяйство можетъ лучше обезпечить сохраненіе и улучшеніе лѣсовъ, нежели частное; по отнош. къ с.-хоз. землямъ распространено мнѣніе, что гос. хозяйствованіе не можетъ давать такихъ благопріятныхъ результатовъ, какъ частное; мнѣніе это, однако, опровергается примѣромъ Пруссіи, гдѣ арендаторское сел. хоз. на доменахъ ведется, подъ наблюденіемъ государства, не хуже, а лучше, чѣмъ въ частн. имѣніяхъ. Рѣшающее значеніе признается теперь за доводами аграрно-политическаго характера: Г. и. разсматриваются какъ земельный фондъ, могущій служить для прочнаго устройства на землѣ

нуждающихся элементовъ сельскаго и частью городского населенія. Въ этомъ смыслѣ госуд. землевладѣніе имѣетъ, очевидно, преходящій характеръ, и государство, расходуя для данной цѣли наличные земельные запасы, должно вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться и объ образованіи новыхъ, для удовлетворенія будущихъ потребностей: такой смыслъ имѣютъ покупки земель въ Пруссіи, а у насъ — дѣятельность Крестьянскаго банка. Характеръ эксплуатаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и администраціи Г. и., какъ лѣсныхъ такъ и земельныхъ, весьма разнообразенъ. На западѣ, гдѣ въ казен. имѣніяхъ, ведется по преимущ. экономическое хоз-во, веденіе его непосредственно органами казен. управленія признается нецѣлесообразнымъ, такъ какъ эти органы матеріально мало заинтересованы и не располагаютъ свободою распоряженія. Неудовлетворительною признается и система „администраціи съ поручительствомъ“, при кот. администраторъ или арендаторъ, располагая свободою веденія хозяйства, обязанъ отдавать въ казну опредѣлен. минимумъ дохода, въ свою же пользу получаетъ опредѣл. долю излишка: арендаторъ полностью несетъ убытки и получаетъ лишь ограниченную долю прибылей и въ то же время долженъ подчиняться стѣснит. казен. контролю. На Западѣ наилучшимъ способомъ эксплуатаціи Г. земельныхъ имуществъ признается система крупной капиталистической аренды, открывающая наибольшій просторъ иниціативѣ и предпріимчивости руководителя хозяйства, при условіи долгосрочности договоровъ и гарантій противъ хищническаго веденія хозяйства. У насъ капиталистическая аренда играетъ второстепенную и съ теченіемъ времени убывающую роль (см. ниже); нормальнымъ типомъ эксплуатаціи земельныхъ Г. и. является сдача въ аренду, на краткіе и средніе сроки, мелкимъ хозяевамъ— крестьянамъ и т. п., при чемъ раздача въ аренду и контроль за пользованіемъ остаются въ непосредственномъ вѣдѣніи органовъ казен. управленія.

Въ настоящее время сравнит. значительныя площади Г. и. сохранились въ европейскихъ странахъ: изъ германскихъ государствъ — прежде всего въ Пруссіи; здѣсь къ 1907 г. было 1.429 отдѣльныхъ имѣній, общею площадью 430 тыс. гект., изъ нихъ 88% въ 7 восточныхъ провинціяхъ. Въ Австріи государств. землевладѣніе общею площадью значит. больше — 1.141.121 гект.; но главную массу его составл. лѣса; сверхъ того въ завѣдываніи государства церковный фондъ въ 395 тыс. гект. Въ Венгріи въ томъ же 1908 г. состояло еще 105 тыс. гект. Изъ другихъ зап.-европ. государствъ выдѣляется только Швеція. По разсчету на окладныя единицы—мантали— каз. земли составляютъ здѣсь около 8,2% всѣхъ видовъ землевлад. страны.

Количество Г. и. въ Россіи опредѣлить чрезвычайно трудно, потому что въ составъ ихъ входятъ огромныя пространства, гдѣ государственное землевладѣніе такъ или иначе комбинируется съ пользованіемъ населенія; таковы весь сѣверъ Сибири, многія мѣстности ея культурной полосы, гдѣ населеніе еще не получило надѣловъ, значительная часть лѣсовъ сѣвера Европейской Россіи, киргизская степь. Точно опредѣлить возможно лишь количество лѣсовъ и земель единственнаго владѣнія казны — лѣсныя дачи перваго разряда и казенныя оброчныя статьи. На 1 января 1909 года общая площадь земель казеннаго лѣсного вѣдомства опредѣлялась въ 353.744.799 дес., въ томъ числѣ въ дачахъ единственнаго владѣнія казны 174.649.464 дес.; по главнѣйшимъ районамъ эти общія цифры распредѣляются такъ: въ Европейской Россіи всего „земель казеннаго лѣсного вѣдомства“ 105,9 милл., изъ нихъ единственнаго владѣнія казны 61,8 милл. дес., въ томъ числѣ въ 5 сѣв. губерніяхъ 91,6 и 48,6 милл., во всѣхъ остальныхъ 14,3 и 13,2 милл. дес.; затѣмъ состоитъ на Кавказѣ 5,0 и 3,0 милл. дес., въ Азіатской Россіи 242,9 и 110 милл. дес. Изъ этой обширной площади устроенныхъ и изслѣдованныхъ лѣсовъ числится всего: въ Европейской Россіи 44 милл. дес., на Кавказѣ—0,3, въ Сибири—8,8. Лѣсной доходъ со второй половины XIX в. сталъ замѣтно подниматься. Не превышая въ серединѣ

XIX в. милліона рублей въ годъ, доходъ этотъ въ 1863 г. достигалъ 3,6, въ 1882 г. 14,5 милл. руб. За десятилѣтіе 1900—1909 гг. валовой доходъ возросъ съ 56,0 до 66,5 милл. рублей; чистый доходъ въ 1909 г. выразился въ 45,9 милл. рублей. Земельныя имущества казны состоятъ изъ оброчныхъ статей, къ которымъ надо присоединить такъ называемыя статьи лѣсного вѣдомства и кавказскія лѣтнія и зимнія пастбища. Общая площадь казенныхъ оброчныхъ статей достигала къ концу 1908 г. 7.110.815 дес., изъ нихъ удобной 5.618.524 дес.; къ 1 янв. 1912 г., за состоявшимися сокращеніями (см. ниже), общая площадь статей уменьшилась до 6.898 тыс. дес. Изъ общей площади 1908 г. приходилось на 47 губ. Европейской Россіи 3.992 тыс., на Сибирь 2.494, Кавказъ 448, прибалтійскія и привислянскія губерніи 136 и на Туркестанъ 44 тыс. десятинъ. Общая сумма дохода отъ оброчныхъ статей въ 1908 г. выразилась въ 8.304.559 руб., въ 1911 г. въ 8.970 т. руб., изъ которыхъ 7.495 тыс. руб. приходилось на 49 губерній коренной Россіи; средняя подесятинная доходность опредѣлялась здѣсь въ 1 руб. 83 коп., въ прибалтійскихъ въ 3 р. 85 к., въ привислянскихъ 2 р. 46 к., на Кавказѣ 45 к., въ Туркестанѣ 1 р. 84 к., въ Сибири 08 к., въ среднемъ по имперіи 1 р. 17 к. Неземельныя оброчныя статьи въ 1908 г. дали дохода 1.107.781 руб., въ 1911 г. 1.315 т. р.; наибольшую часть этого дохода дали торговыя помѣщенія, мельницы, рыбныя ловли, торфяники и пр., общее же число видовъ неземельныхъ статей достигаетъ 122. Оброчныя статьи лѣсного вѣдомства занимаютъ 2.146.544 дес., въ томъ числѣ въ Европейской Россіи 1.400 тыс., на Кавказѣ 434 тыс. и въ Азіатской Россіи 311 тыс. дес. Изъ общей по имперіи площади 1.286 тыс. дес. приходятся на долю права охоты, 603 тыс. дес. на земельныя статьи, остальное на статьи разныхъ другихъ видовъ. Доходъ отъ статей лѣсного вѣдомства въ 1909 г. былъ 1.134.034 р. Площадь кавказскихъ пастбищъ въ точности не опредѣлена; на учетѣ у казеннаго управленія состоитъ 2.454 тыс. дес., въ томъ числѣ лѣтнихъ, горныхъ—1.252 тыс. и зимнихъ, степныхъ—1.202 тыс. дес.; дохода съ нихъ въ 1908 г. получено 343.628 руб., въ томъ числѣ отъ лѣтнихъ 201 и отъ зимнихъ 143 тыс. руб. Способы эксплуатаціи оброчныхъ статей съ теченіемъ времени измѣнялись. До конца 1906 г. онѣ эксплуатировались исключительно путемъ сдачи въ аренду. Арендное хозяйство до 1884 г. велось всецѣло на основаніяхъ, указанныхъ въ оброчномъ Уставѣ, который ставилъ задачею исключительно извлеченіе возможно большаго дохода. Правда, какъ этотъ Уставъ, такъ и нѣкоторыя дополнительныя къ нему узаконенія установляли льготную сдачу оброчныхъ статей съ торговъ же крестьянскимъ обществамъ, но такая сдача была обставлена столь стѣснительными условіями, что фактически почти совершенно не могла практиковаться. Законы 1881 и 1884 гг. предоставили крестьянамъ право арендовать казенныя земли подъ обезпеченіе мірскимъ приговоромъ и допустили сдачу крестьянамъ смежныхъ казенныхъ земель безъ торговъ. Послѣдняя вначалѣ не получила значительнаго развитія—на 1 янв. 1887 г. безъ торговъ было сдано всего 106 тыс. десятинъ. Законъ 5 іюня 1900 г. значительно расширилъ права крестьянъ по арендованію безъ торговъ: крестьянскимъ обществамъ и товариществамъ такое право предоставлено независимо отъ мѣстонахожденія статей и на сроки до 24 лѣтъ, отдѣльнымъ крестьянамъ—въ разстояніи до 20 верстъ отъ ихъ жительства, на сроки до 12 лѣтъ; разрѣшеніе дѣлъ о такого рода сдачѣ предоставлено губернскимъ присутствіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе ряда послѣдующихъ лѣтъ вѣдомство государственныхъ имуществъ развило довольно энергичную дѣятельность въ смыслѣ разбивки крупныхъ статей на болѣе мелкіе участки и, вообще, приведенія статей въ видъ, удобный для арендованія менѣе состоятельными элементами крестьянства. Однако, и законъ 1900 г. разсматриваетъ сдачу безъ торговъ какъ исключеніе, и такая сдача и при дѣйствіи этого закона не получила полнаго развитія: еще въ 1905 г. до 65% общей площа-

ди статей продолжало сдаваться съ торговъ. Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи государственныхъ земель долженъ былъ явиться вызванный событіями революціоннаго времени указъ 27 авг. 1906 г., изданный въ порядкѣ ст. 87 Осн. Закон. По этому указу, какъ оброчныя статьи, такъ и земельныя площади, какія окажется возможнымъ выдѣлить изъ состава лѣсныхъ дачъ (предполагалось до 3½ милл. дес.), предназначались „для обезпеченія нуждающихся въ землѣ крестьянъ“ путемъ продажи имъ земли на льготныхъ основаніяхъ, при чемъ право на покупку продаваемыхъ земель обусловливалось единственно недостаткомъ земли до подлежащей установленію, для каждой отдѣльной мѣстности, нормы; лишь въ видѣ исключенія допускалось сохраненіе оброчныхъ статей въ арендномъ пользованіи мѣстнаго населенія. Завѣдываніе продажей и сдачею въ аренду возложено на землеустроительныя комиссіи. Такимъ образомъ, указъ 27 августа исходилъ единственно изъ задачи расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Задача эта первоначально понималась весьма широко, вѣдомство въ своихъ разъяснительныхъ циркулярахъ проявляло заботливость о томъ, чтобы исполненіе указа устраняло возможность даже видимости „отступленія отъ первоначальныхъ предположеній“ (цирк. 19 янв. 1907 г.). Весьма скоро, однако, на сцену выступили новыя землеустроительныя задачи (см. *землеустройство*), и заботы о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія отошли на задній планъ. Циркулярами 13 іюня 1907 г. и особенно 21 марта 1908 г. цѣлью продажи казенныхъ земель по указу 1906 г. было провозглашено „насажденіе прочныхъ крестьянскихъ хозяйствъ“, рѣшительно подчеркнута недопустимость перехода земель къ крестьянамъ „на такихъ же невыгодныхъ для веденія хозяйства условіяхъ“, какія сложились на надѣльной землѣ, и предписано при распродажѣ „прежде всего итти отъ земли“, иначе сказать, отъ землеустроительныхъ задачъ, и „не поступиться этими соображеніями во вниманіе къ наличности тѣхъ или иныхъ покупщиковъ, заявившихъ ходатайства“; на первый планъ выдвинуто образованіе единоличныхъ владѣній, по возможности въ формѣ хуторовъ, на тѣхъ же техническихъ основаніяхъ, какія уже ранѣе были установлены для ликвидаціи земель крестьянскаго банка. Въ еще болѣе категорической формѣ тѣ же принципы проведены въ утвержденномъ 19 мая 1912 г. новомъ наказѣ по продажѣ и сдачѣ въ аренду каз. земель, по котор. продажа допускается исключ. отрубами и хуторами, при томъ подъ условіемъ подчиненія покупщиковъ опредѣленному улучшенному сѣвообороту; покупщиками могутъ быть лишь мѣстные крестьяне, и только въ губ. Самарской и Астраханской допущена продажа части земель иногубернскимъ переселенцамъ. Результатъ понятенъ. Въ то время, какъ въ первое время по изданіи указа 27 августа 1906 г. можно было опасаться чрезмѣрно быстрой распродажи крестьянамъ казенныхъ земель, въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ измѣнившагося направленія земельной политики, операція эта получила ничтожное развитіе: за пятилѣтіе 1907—1911 гг. отграничено для продажи всего 530 тыс. дес., продано 329 тыс. дес.; въ 1907 г. 9.664 дес., въ слѣдующіе четыре года 45,2; 139,4; 86,5 и 48 тыс. дес., при чемъ изъ общаго числа 329 тыс. запроданныхъ десятинъ продано хуторами и отрубами 305 тыс., или 92,7% общей площади. Общее число покупщиковъ достигаетъ 57.293, изъ которыхъ однако лишь 17.521—покупатели хуторскихъ и отрубныхъ участковъ, что даетъ средній размѣръ единоличной покупки 17,4 дес.; 37.061 домохоз. купили землю въ составѣ сельск. обществъ, ими куплено всего 16,5 т. дес., въ средн. 0,44 дес. на домохозяина, почти исключительно черезполосныхъ съ надѣльными участками. Главная масса единоличныхъ покупщиковъ—безземельные и малоземельные: въ итогѣ за послѣд. 5 лѣтъ безземельныхъ — 42%, имѣвшихъ земли менѣе 3 дес. на дворъ — 28%, съ надѣломъ болѣе 9 десятинъ — всего 3,4%. Цѣна запроданной земли въ погодныхъ среднихъ 119, 103.

108, 90, 71 руб. По количеству запроданной земли на первыхъ пяти мѣстахъ стоятъ губерніи Самарская (125 т. дес.), Таврическая (49), Херсонская (43), Тамбовская (20) и Екатеринославская (21 т. дес.). За малымъ развитіемъ продажи, громадное большинство освобождавшихся отъ дѣйствовавшихъ арендныхъ договоровъ земель вновь распредѣлялось комиссіями въ аренду; всего за 5 лѣтъ комиссіями распредѣлено въ аренду 4,5 милл. десятинъ, въ томъ числѣ въ 1907 г. 853 тыс., въ слѣдующіе четыре года 745, 888, 1.287 и 757 тыс. дес. Характеръ аренды, однако, въ значительной степени измѣнился: дѣйствующія инструкціи выдвигаютъ на первый планъ сдачу крестьянамъ безъ торговъ, сдачу же съ торговъ допускаютъ лишь по отношенію къ землямъ непригоднымъ для крестьянскаго хозяйства или при отсутствіи покупателей-крестьянъ; въ соотвѣтствіи съ этимъ за послѣднія 5 лѣтъ сдано было съ торговъ всего 10% общаго количества распредѣленныхъ въ аренду земель, преимущественно въ губ. Самарской, Астраханской и Уфимской, гдѣ сосредоточивается главная масса земель малоудобныхъ для крестьянскаго хозяйства. Сданная безъ торговъ и хозяйственнымъ способомъ распредѣляется такъ: отдѣльнымъ крестьянамъ сдано 568 т. дес., товариществамъ 1.679, обществамъ 1.775, „лицамъ прочихъ сословій“ всего 38 тыс. дес.; въ среднемъ на каждый участвующій въ арендѣ дворъ сдано отдѣльнымъ крестьянамъ по 44 дес., въ составѣ товариществъ по 12,6, въ составѣ обществъ 2,7, лицамъ прочихъ сословій 19 дес.

Литература: гл. обр. курсы финансовой науки. Въ сжатомъ и полномъ видѣ, какъ теорія Г. и., такъ и фактическія данныя относительно зап.-европ. государствъ см. въ 3-мъ изданіи Handwörterbuch der Staatswissenschaften, слово Domänen. Свѣдѣнія по Россіи, главн. обр., въ годичныхъ „обзорахъ“ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, въ смѣтныхъ запискахъ этого вѣдомства и въ „Ежегодникахъ“ лѣсного д-та; см. также издаваемые вѣдомствомъ „Сборники законовъ и распоряженій по землеустройству“, а также изданія „Землеустройство 1907—1910 гг.“ и „Обзоръ дѣят. з.-устр. комиссій 1907—1911 гг.“.

А. Кауфманъ.

Государственныя преступленія, см. *преступленія политическія.*

Государственныя процентныя бумаги, см. *процентныя бумаги.*

Государство. Что такое Г.? Вопросъ этотъ ставился еще въ глубокой древности и все же онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ.

Является ли Г. союзомъ большаго или меньшаго числа людей, объединенныхъ общностью власти и права, или оно представляетъ форму владычества правящаго класса съ единоличнымъ или многоголовымъ руководительствомъ, класса, признающаго свои себялюбивыя велѣнія за законы, или общеобязательныя нормы для подвластныхъ? Вопросъ этотъ доселѣ раздѣляетъ писателей по государственному праву и политикѣ, а между тѣмъ онъ былъ поставленъ еще Платономъ въ его сочиненіи „О республикѣ или справедливости“. Пререкаясь съ Сократомъ, софистъ Тразимахъ даетъ въ этомъ сочиненіи слѣдующее опредѣленіе справедливости: „Справедливость, говоритъ онъ, польза сильнѣйшаго“. Поясняя свою мысль, Тразимахъ заявляетъ далѣе: „При единоличномъ правленіи, какъ при народномъ или дворянскомъ, иначе говоря, равно въ монархіи, демократіи и аристократіи, правящему элементу принадлежитъ сила. Онъ пользуется ею для того, чтобы издавать законы, отвѣчающіе его выгодѣ. Вотъ почему, когда правитъ народъ, мы имѣемъ демократическіе законы, а единоличный правитель даетъ народу законы монархическіе. То, что отвѣчаетъ ихъ выгодѣ, властители называютъ правомъ; ему подчиненные должны повиноваться. Нарушителей этихъ обязательныхъ нормъ они подвергаютъ наказаніямъ. Изъ всего сказаннаго, пріятель, говоритъ Тразимахъ въ своемъ обращеніи къ Сократу, ты можешь заключить, что всѣ Г. связываютъ со справедливостью одинаковыя понятія—пользу или выгоду тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится государственная власть“.

Это ученіе Сократъ и пытается раз-

бить, пользуясь при этомъ характернымъ для него діалектическимъ пріемомъ. Платонъ заставляетъ Тразимаха, скрѣпя сердце, согласиться въ концѣ концовъ съ выводами Сократа и признать, что правитель имѣетъ въ виду при обнародованіи своихъ велѣній не собственную выгоду, а пользу управляемыхъ. Къ этой пользѣ направлено все, что правитель говоритъ и дѣлаетъ.

Обращаясь къ аналогіямъ съ медициной и архитектурой, Сократъ старается доказать, что правители, подобно врачамъ или строителямъ, имѣютъ въ виду пользу своихъ кліентовъ. Никакое правительство, полагаетъ Сократъ, не можетъ обойтись безъ заботы объ управляемыхъ. Въ своихъ мѣропріятіяхъ оно имѣетъ въ виду пользу не сильныхъ, а слабыхъ. Такъ какъ правящіе не служатъ своей выгодѣ, то не мудрено, если дворяне, какъ утверждаетъ устами Сократа Платонъ, не прочь устранить себя отъ власти, такъ что приходится принуждать ихъ страхомъ наказанія къ занятію связанныхъ съ властью должностей. Они соглашаются принять на себя функціи правителей не потому, что ждутъ отъ этого выгоды или удовольствія для себя, а только потому, что не находятъ людей равныхъ себѣ, а тѣмъ болѣе лучшихъ, способныхъ осуществить эту власть къ общей пользѣ.

Такимъ образомъ, еще въ IV столѣтіи до Р. Хр. (Платонъ жилъ между 427 и 347 годомъ до Р. Хр.) были выражены основныя положенія двухъ взаимно исключающихъ и все еще не восторжествовавшихъ другъ надъ другомъ доктринъ, тѣсно связанныхъ съ вопросомъ о природѣ Г. и права и ихъ взаимоотношеніи.

Если отъ этихъ древнѣйшихъ попытокъ формулировать два все еще непримиримыхъ ученія мы обратимся къ новѣйшей ихъ разработкѣ, то мы отмѣтимъ у такихъ писателей, какъ, напримѣръ, Гумпловичъ или Дюги, точку зрѣнія, во многомъ близкую къ той, за высказываніе которой такъ сильно достается Тразимаху отъ Сократа.

Для Гумпловича не возникаетъ сомнѣнія въ томъ, что Г. для своего зарожденія нуждается въ подчиненіи одной расой или національностью другой. Съ помощью историческаго экскурса не мудрено доказать, что не одно англійское государство, возникшее путемъ завоеванія сперва саксами бриттовъ, а затѣмъ норманами саксовъ, создано было благодаря покоренію одной народностью другихъ. Изъ новой исторіи можно привести, однако, примѣръ, опровергающій взглядъ Гумпловича на происхожденіе Г. Наши предки, по свидѣтельству лѣтописца, болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ рѣшились призвать къ себѣ иноземцевъ и вручить имъ бразды правленія, руководствуясь тѣмъ, что „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ“.

Если провѣрить мнѣніе Гумпловича примѣромъ возникновенія такихъ государствъ, какъ Вавилонія, Ассирія, Іудея, Англія и т. д. и т. д., то будетъ основаніе считать его правильнымъ, а слѣдовательно, и признать, что Г. возникаютъ путемъ подчиненія одной расой или національностью другихъ, при чемъ покорители заводятъ въ завоеванной странѣ порядки, обезпечивающіе ихъ интересы.

Этотъ свой взглядъ Гумпловичъ развилъ въ извѣстномъ сочиненіи „Rassenkampf“ (Борьба расъ), переведенномъ на большинство европейскихъ языковъ, а также въ „Соціологіи и политикѣ“, курсахъ австрійскаго и общаго государственнаго права. Гумпловичъ былъ полякъ и уроженецъ Австріи, населеніе которой распадается на значительное число національностей, между которыми издавна ведется ожесточенная и упорная борьба. Вотъ почему во всѣхъ его сочиненіяхъ красной нитью проходитъ идея борьбы національностей.

Гумпловичу можно возразить, что въ современномъ государствѣ идетъ, по преимуществу, классовая борьба трудящихся массъ съ собственниками земли и капитала; эту борьбу ни въ коемъ случаѣ нельзя считать расовой. Независимо отъ національнаго состава даннаго Г. въ немъ происходитъ такая борьба. Она накладываетъ свою печать на весь строй экономической и политической жизни. Гумпловичъ, однако, не считаетъ это обстоятельство опровергающимъ его теорію. Онъ думаетъ, что классовая борьба

возникаетъ на почвѣ борьбы расъ, такъ какъ побѣдители образуютъ въ созданномъ ими Г. аристократію землевладѣнія и капитала, а покоренное населеніе страны — низшіе классы сельскихъ и городскихъ тружениковъ.

Изъ другихъ ученыхъ, баденскій статистикъ Аммонъ [1]), напримѣръ, идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше Гумпловича и доказываетъ, что расовыя различія отдѣльныхъ общественныхъ классовъ проявляются въ самомъ строеніи черепа: представители высшихъ классовъ обладаютъ черепомъ, продольный діаметръ котораго длиннѣе, чѣмъ поперечный; это—длинноголовые, или долихоцефалы, а низшіе классы относятся къ категоріи брахицефаловъ, или круглоголовыхъ. Такъ, англійскіе аристократы—долихоцефалы, а низшіе классы Англіи—брахицефалы; нѣмецкая нація—долихоцефалы, а менѣе развитые славяне—брахицефалы. Долихоцефалы, по мнѣнію Аммона, имѣютъ право на руководящую роль въ государственной жизни, но брахицефалы, къ великому его сожалѣнію, хотя и отличаются меньшимъ воображеніемъ, склонны къ большему упорству.

Современные антропологи считаютъ, что мнѣніе Гумпловича и тѣмъ болѣе теорія Аммона не имѣютъ научнаго основанія. Можно ли говорить въ настоящее время о чистыхъ расахъ? Несомнѣнно нѣтъ. Тѣ три вѣтви, о которыхъ упоминается въ Библіи, потомки Сима, Хама и Іафета, перемѣшались между собой, такъ что съ большой долей вѣроятности можно утверждать, что, напримѣръ, въ населеніи Апеннинскаго полуострова имѣется значительная примѣсь племени Хама. Одинъ извѣстный антропологъ Серджи доказываетъ, что у итальянцевъ наблюдается много чертъ черной расы. А если такъ, если нельзя говорить о чистыхъ расахъ, то вполнѣ ясно, что это понятіе нельзя класть въ основу изученія природы государства.

Буквальное опредѣленіе Г., даваемое Гумпловичемъ, таково: „Г.—естественно развившаяся организація господства, съ помощью или при посредствѣ поддержанія господствующими извѣстнаго правового порядка, очевидно отвѣчающаго цѣли сохраненія этого господства“. Но въ этомъ опредѣленіи не особенно ясно понятіе „естественнаго развитія“. Что такое это естественное развитіе? Что было естественнаго въ томъ, что Наполеонъ былъ разбитъ при Ватерлоо? Что было бы, если бы часть арміи Наполеона не попала въ оврагъ? Гумпловичъ указываетъ, что Г. позволяетъ господствующимъ организовать правовой порядокъ, отвѣчающій ихъ цѣлямъ. Такія же положенія высказывалъ и софистъ Тразимахъ, полагавшій, что Г. есть организація господства, а право—средство поддержанія этого господства. Между Гумпловичемъ и Тразимахомъ замѣчается, такимъ образомъ, большое сходство.

Если теперь мы перейдемъ отъ австрійскаго публициста къ автору извѣстнаго французскаго трактата объ общемъ государственномъ и конституціонномъ правѣ, къ бордосскому профессору Дюги, то увидимъ, что сходныя положенія высказываются и имъ. Свой взглядъ на Г. Дюги излагаетъ въ книгѣ „Государство“ (1900 г.) и въ первой главѣ „Конституціоннаго права“ (1907 г.). Кромѣ того, Дюги популяризовалъ его въ своихъ лекціяхъ въ Школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ въ присутствіи ученыхъ, литераторовъ и политиковъ.

Что же онъ намъ говоритъ о природѣ Г.? „Мы доказали, пишетъ въ предисловіи къ русскому изданію своей книги Дюги, что въ дѣйствительности Г.—не что иное, какъ результатъ дифференціаціи слабыхъ и сильныхъ“. Опредѣленіе, которое бордосскій профессоръ даетъ, поэтому, Г. гласитъ: „Для насъ Г.—это человѣкъ или группа людей, которые въ своей совокупности матеріально сильнѣе другихъ“. Въ самомъ текстѣ книги на стр. 25 Дюги говоритъ: „Г.—это всякое человѣческое общество, въ которомъ существуетъ политическая дифференціація между правящими и управляемыми, однимъ словомъ, политическая власть. Лица, дающія приказы, продолжаетъ онъ, являются управителями; лица, которымъ они приказыва-

---

[1]) *Ammon*, „Die gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen“ (1900).

ютъ, являются управляемыми. Такимъ образомъ, и для Дюги Г.—союзъ правящихъ и подвластныхъ. Его точка зрѣнія тѣмъ отличается отъ точки зрѣнія Гумпловича, что онъ считаетъ право не продуктомъ Г., а явленіемъ, развившимся изъ факта человѣческой солидарности и проводимымъ въ жизнь политической властью, которая настолько правомѣрна, насколько признаетъ обязательнымъ для себя это независимо отъ нея возникшее право. Въ предисловіи къ русскому изданію Дюги формулируетъ свою точку зрѣнія, говоря: „Мысль основная, руководящая нами при всѣхъ нашихъ изслѣдованіяхъ по публичному праву, та, что всякій, кто обладаетъ политической властью, будетъ ли то отдѣльный человѣкъ, классъ или численное большинство жителей страны, владѣетъ ею фактически, а не по праву; дѣйствія, которыя онъ производитъ, приказы, которые онъ отдаетъ, законны и обязательны для подвластныхъ только въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ верховной нормѣ права, равно обязательной для правящихъ и управляемыхъ. Каково основаніе самой этой нормы права? Мы ищемъ его въ общественной солидарности. Для насъ норма права, обязательная для всѣхъ и въ частности для правителей, заключается въ томъ, чтобы отдавать силу, которой они располагаютъ, на пользу упроченія обществ. солидарности; это значитъ: не только не дѣлать ничего, что противорѣчитъ этой солидарности, но еще дѣлать все возможное для ея увеличенія и развитія“. При такомъ отношеніи Г. къ нормѣ права Дюги считаетъ нужнымъ признать его силой, отданной на служеніе праву.

Какъ ни отлична отъ только что изложенныхъ мною ученій соціалистическая доктрина о Г., какъ о политическомъ владычествѣ господствующаго экономическаго класса, но и эта доктрина, очевидно, сходится съ предыдущими въ томъ, что пріурочиваетъ Г. къ понятію союза правящихъ и подвластныхъ. Она даже въ большей степени, чѣмъ точка зрѣнія Дюги, приближается къ той, какую Платонъ приписываетъ софисту Тразимаху, такъ какъ признаетъ законъ или положительное право приказомъ экономически господствующаго и потому правящаго класса. Для соціалистовъ законъ—приказъ болѣе сильнаго менѣе сильному, положеніе, которое можно встрѣтить и въ сочиненіи далеко не сочувствующаго соціализму англійскаго судьи Стивена. Если мы зададимся вопросомъ, въ какой мѣрѣ нова эта доктрина, то упоминаніе о ней въ трактатѣ Платона способно породить сомнѣніе въ томъ, чтобы въ ней мы имѣли дѣло съ послѣднимъ продуктомъ политическаго мышленія.

И у сторонниковъ неограниченнаго образа правленія, какимъ, напр., является Гоббсъ (*см.*), мы въ сущности находимъ то же ученіе. Г., возникающее путемъ добровольнаго отказа входящихъ въ составъ его лицъ отъ всякой свободы самоопредѣленія и перенесеніемъ всѣхъ своихъ правъ на одного человѣка, на властителя—монарха, отъ котораго, по ученію Гоббса, одного зависитъ опредѣлять отнынѣ, что—право и что—не право, очевидно, является не чѣмъ инымъ, какъ организаціей властванія. Если прибавить, что современникъ Гоббса Гаррингтонъ (*см.*) въсвоей „Океанѣ“ ставилъ въ связь форму политическаго властванія съ порядкомъ распредѣленія собственности вообще и въ частности важнѣйшаго въ то время орудія производства—земли, то намъ не мудрено будетъ прійти къ заключенію, что то обоснованіе, какое въ наши дни ученіе о Г., какъ о союзѣ правящихъ и подвластныхъ, находитъ въ доктринѣ экономическаго матеріализма, далеко не было чуждо ему и въ половинѣ XVII столѣтія, когда впервые появился трактатъ Гаррингтона.

Не одни радикалы или соціалисты продолжаютъ видѣть въ Г. организацію властванія экономически господствующаго класса. И современные консерваторы не разъ высказываются въ томъ же смыслѣ. Ихъ сѣтованія на то, что соціалисты одни не признаютъ въ государствѣ ничего, кромѣ организаціи властванія, потому уже не обоснованы, что точно такое же ученіе высказываютъ и люди весьма умѣреннаго образа мыслей, напримѣръ,

Зейдель,—авторъ извѣстнаго трактата о государственномъ правѣ Баваріи, и Борнгакъ, которому принадлежитъ не менѣе извѣстное сочиненіе по прусскому государственному праву и другое по общей теоріи государства. Зейдель на стр. 13-ой своего „Общаго государственнаго права“ говоритъ: у Г. не существуетъ отличной отъ властителя личности. Тотъ, кто по собственному, а не производному праву, осуществляетъ государственную власть, и есть само Г. Слѣдовательно, для Зейделя германское Г. это—германскій императоръ, австрійская монархія для него такимъ же образомъ тождественна съ австрійскимъ императоромъ. Воззрѣніе на Г., какъ на организацію властвованія, принимаетъ у Зейделя форму отождествленія Г. съ личностью властителя. Всего далѣе, въ этомъ же направленіи пошелъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія нѣмецкій публицистъ Людвигъ Галлеръ (*см.*) въ своемъ сочиненіи „Возрожденіе государственныхъ наукъ“ (Restauration der Staatswissenschaften). Нѣмцы полагали, что государственныя науки въ первой части XIX вѣка пришли въ упадокъ благодаря французскому вліянію, революціи и наполеоновскому режиму, явившемуся во многихъ отношеніяхъ ея продолженіемъ. Согласно съ этимъ, когда наступила реакція, они стали утверждать, что политическая реставрація принесла съ собой и возрожденіе государственныхъ наукъ. И нѣмцы во главѣ съ Л. Галлеромъ признали то положеніе, что государь даже во времени предшествуетъ Г.; самъ народъ есть, какъ выражается Галлеръ, созданіе государя. Въ наши дни вышеупомянутый нами Зейдель не менѣе рѣзко отождествляетъ Г. съ властвованіемъ.

„Г. не имѣетъ своей воли, говоритъ онъ, а надъ Г. царитъ воля властителя; подчиненіе ей даетъ и землѣ, и людямъ природу Г.“. „Территорію и людей, ее населяющихъ, называютъ Г. тогда, когда они находятся подъ чьимъ-либо властвованіемъ, подобно тому, какъ вещь признается собственностью, когда у нея есть господинъ“. Эта теорія въ сущности не отличается отъ взглядовъ Тразимаха. Зейдель признаетъ свое опредѣленіе Г. единственно научнымъ и очень враждуетъ съ тѣми писателями, которые держатся иныхъ точекъ зрѣнія. „Не научно разсуждаютъ тѣ, пишетъ онъ, которые думаютъ, что у Г. есть своя воля, помимо воли властителя. Г. и властитель—это одно и то же“. Далѣе итти въ этомъ направленіи некуда. Что касается до Борнгака, то, признавая, что природу Г. составляетъ властвованіе, онъ въ отличіе отъ Зейделя считаетъ, что оно осуществляется не кѣмъ инымъ, какъ самимъ Г. Оно для него поэтому не объектъ, а субъектъ [1]).

Итакъ, несмотря на чрезвычайное различіе политическихъ точекъ зрѣнія отдѣльныхъ мыслителей у разныхъ народовъ и въ разное время, опредѣленіе государства, какъ союза властвующихъ и подвластныхъ, какъ организаціи властвованія, продолжаетъ держаться на разстояніи многихъ столѣтій, начиная съ IV вѣка до Рождества Христова и вплоть до нашихъ дней.

Переходимъ теперь къ другимъ опредѣленіямъ Г.: всѣ они сходятся въ томъ, что не считаютъ возможнымъ сводить Г. къ одной организаціи политической власти. При его опредѣленіи они принимаютъ въ равной мѣрѣ во вниманіе и властвующихъ, и подвластныхъ; при чемъ одни объявляютъ, что „Г. есть соціальный организмъ“, или не просто организмъ, а „суперъ-организмъ“; другіе видятъ въ Г. „осуществленіе нравственнаго закона“, третьи—опредѣляютъ его какъ „форму общежительнаго союза“, и, наконецъ, четвертые видятъ въ Г. юридическое отношеніе.

Къ этимъ главнѣйшимъ группамъ сводится классификація различныхъ опредѣленій Г., даваемая, въ частности, Іеллинекомъ въ трактатѣ „Общее ученіе о Г.“ Іеллинекъ, повидимому, не прочь думать, что къ одному изъ только что указанныхъ четырехъ пониманій природы Г. могутъ быть сведены всѣ разнообразныя опредѣленія.

---

1) *Bornhak*, „Allgemeine Staatslehre“. 2 изд. Берлинъ, 1909 г., стр. 9. „Der Staat ist Herrschaft... Der Staat — Subject der Herrschaft“.

какія только давались Г. на всемъ протяженіи исторіи. Кромѣ того, Іеллинекъ думаетъ, что каждое изъ этихъ пониманій природы Г. имѣетъ свой raison d'être, свое достаточное основаніе. Слѣдовательно, для него Г. можетъ быть одновременно и соціальнымъ организмомъ, и осуществленіемъ нравственнаго закона, и формой общежительнаго союза и т. д.

Критикуя этотъ взглядъ, я, вслѣдъ за французскимъ писателемъ Дюги, думаю, что Г. прежде всего есть фактъ, реальность. „Мы не можемъ понять, справедливо пишетъ Дюги, чтобы одинъ и тотъ же предметъ имѣлъ различную природу въ зависимости отъ той или иной точки зрѣнія, съ которой мы стали бы его разсматривать. Г. есть соціальный фактъ, всегда остающійся тождественнымъ съ самимъ собой. Всякая юридическая теорія, не вполнѣ отвѣчающая этому признанію его фактомъ, уже по тому самому не имѣетъ научнаго значенія". Что такая точка зрѣнія не присуща исключительно французскимъ критикамъ господствующей доктрины, но что она раздѣляется и нѣкоторыми нѣмецкими государствовѣдами, доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что въ книгѣ Бирлинга (Bierling) „Юридическіе принципы" (Juristische Principienlehre) мы встрѣчаемъ слѣдующія слова: „Возможны, говоритъ Бирлингъ, многіе несовершенные и невѣрные отвѣты на вопросъ, что такое Г. Но правильно рѣшаешь его, только ставъ на ту точку зрѣнія, что Г. — реальность. Г., прежде всего, общежительный союзъ и притомъ постоянный, а не временный".

Такое опредѣленіе государства далъ еще въ древности Цицеронъ. Онъ говоритъ о Г., что это „coetus hominum", т. е. союзъ людей, союзъ постоянный, имѣющій тотъ существенный признакъ, что въ немъ люди объединены единствомъ власти и единствомъ права. Это значитъ, что люди, входящіе въ составъ такого союза, признаютъ надъ собой общую власть и регулируютъ свои отношенія на основаніи общаго права. Послѣднее, впрочемъ, не всегда является существеннымъ и необходимымъ признакомъ Г. Россійская Имперія не перестаетъ быть единымъ Г. отъ того, что въ Царствѣ Польскомъ дѣйствуетъ Кодексъ Наполеона, а въ Остзейскомъ краѣ свое мѣстное право. Единство русскаго Г. не рушится и отъ того, что инородцы и крестьяне призваны руководствоваться въ своихъ взаимоотношеніяхъ своимъ племеннымъ или мѣстнымъ обычнымъ правомъ. Осетинъ судится по своему обычному праву, житель Дагестана по своему и т. д. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Осетія или Дагестанъ не входитъ въ составъ Россіи. Точно также не мѣшало существованію прусскаго Г. то обстоятельство, что прирейнскія провинціи съ 1806 г. стали придерживаться Кодекса Наполеона. То же самое нужно сказать и о Франціи Стараго Порядка. Въ ней каждая провинція имѣла свой „кодексъ кутюмовъ", при чемъ въ обычномъ правѣ одной провинціи преобладали нормы римскаго права, въ обычномъ же правѣ другихъ—нормы германскаго права. И эти различія въ „кутюмахъ" отдѣльныхъ частей Франціи не мѣшали Людовику XIV оставаться монархомъ единаго Г. Значитъ, элементъ единства права можетъ и отсутствовать въ опредѣленіи понятія Г.

Давая свое толкованіе Г., Цицеронъ настаивалъ на томъ, что если Римъ объединилъ подъ своей властью и римскихъ гражданъ, и „союзниковъ" латинскихъ и италійскихъ, то въ этомъ значительную роль играло сознаніе принадлежности всѣхъ ихъ къ единому союзу. Но и этотъ признакъ Г. едва ли существенъ. Кто рѣшится утверждать, напримѣръ, что у эльзасцевъ или поляковъ живо сознаніе принадлежности ихъ къ Германской или Россійской Имперіи?

Итакъ, отъ опредѣленія, даннаго Цицерономъ, остается только одно, а именно, что Г. есть общежительный союзъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что, прибавивъ къ этому существенному признаку еще нѣсколько другихъ, мы получимъ наиболѣе правильное съ нашей точки зрѣнія опредѣленіе Г.

Въ новѣйшее время, по утвержденію нѣмецкихъ писателей, въ томъ числѣ Іеллинека, профессоромъ Гирке много сдѣлано для выясненія „союзнаго характера" Г. Іеллинекъ употребляетъ вы-

раженіе „коллективное единство"; но дѣло, разумѣется, не въ названіи. По существу же рѣчь идетъ о Г., какъ объ общежительномъ союзѣ. По определенію Гирке, Г. является союзомъ, объединеннымъ прочной организаціей и длящейся цѣлью. И то, и другое вѣрно. Но это же говорилъ еще Цицеронъ, называя Г. союзомъ постояннымъ. Г., пишетъ Гирке, отличается отъ индивида своимъ характеромъ коллективной единицы. Но эта коллективность фактически проявляется въ существованіи въ немъ множества индивидовъ. Это же самое разумѣлъ и Цицеронъ, объявляя, что Г. является не всякое соединеніе людей, а только то, которое вѣчно или разсчитано на вѣчное существованіе и объединено единствомъ власти.

Нѣкоторые писатели полагаютъ, что при опредѣленіи Г. надо поставить на первый планъ его психическую природу. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, Гегель, который видитъ въ Г. осуществленіе нравственнаго закона: „Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee". Но это скорѣе пожеланіе, чѣмъ опредѣленіе дѣйствительнаго существа Г. Во всякомъ случаѣ, такое опредѣленіе далеко не всегда оправдывается въ дѣйствительности.

Есть писатели, которые признаютъ въ Г. біологическое явленіе, организмъ. *Органическая теорія* Г. въ своей основѣ имѣетъ несомнѣнно вѣрную, высказанную еще Огюстомъ Контомъ мысль, что Г. не есть искусственное механическое явленіе, а такое же естественное, нѣмцы сказали бы naturwüchsig, какъ всякое живое существо. Эта вѣрная мысль Огюста Конта подверглась такимъ преувеличеніямъ и искаженіямъ, что совершенно основательнымъ является то довольно критическое отношеніе къ ней, какое мы находимъ одинаково и въ средѣ соціологовъ и въ средѣ юристовъ. На одномъ изъ конгрессовъ Международнаго Соціологическаго Института большинство засѣданій было посвящено критикѣ этой теоріи. Въ настоящее время органическая доктрина Г., благодаря трудамъ Летурно, Тарда, Штейнмеца и другихъ соціологовъ, считается не выдерживающей критики. Хотя нужно сказать, что и сейчасъ имѣется еще нарядное число сторонниковъ этого ученія.

Органическая теорія отожествляетъ государственное общество или Г. съ организмомъ, она считаетъ организмами не только цѣлыя Г., но даже отдѣльныя провинціи или губерніи. Разбирая органическую теорію, нельзя обойти молчаніемъ цѣлый рядъ юристовъ, критиковавшихъ это ученіе. Необходимо въ частности принять во вниманіе мнѣніе Зейдлера по этому вопросу. Послѣдній справедливо говоритъ [1]): „При развитіи того положенія, что государственное общество—организмъ, Спенсеръ, а за нимъ Лиліенфельдъ, Шеффле, Вормсъ поставлены въ необходимость сойти съ реальной, естественно-научной точки зрѣнія. Чтобы получить въ Г. совершенное подобіе живому организму, они вводятъ въ понятіе его не только людей, его составляющихъ, но и созданные ими вещественные продукты, „междуклѣточную субстанцію", по выраженію Лиліенфельда. Съ естественно-научной точки зрѣнія кажется страннымъ отождествлять съ физіологическимъ актомъ кровообращенія, происходящимъ внутри человѣка, денежное обращеніе, совершающееся извнѣ между людьми, сближать нервную систему съ телеграфами, артеріи и вены со средствами сообщенія, сердце съ биржей, волосы и ногти съ крѣпостными стѣнами и т. д. Такъ какъ безъ включенія этихъ вещественныхъ продуктовъ человѣческой дѣятельности въ число составныхъ частей государственнаго организма нельзя получить и самаго представленія о немъ, то приходится прійти къ заключенію, что его на самомъ дѣлѣ и нѣтъ на лицо".

Рядъ основательныхъ возраженій противъ теоріи Г.-организма приводитъ Іеллинекъ. Органическая, или органологическая гипотеза, говоритъ онъ, переноситъ опредѣленные признаки естественныхъ организмовъ на Г. и народъ, полагая, что этимъ она дѣлаетъ болѣе понятной ихъ природу. Такими признаками являются для нея

[1]) *Gustav Seidler*, „Das Juristische Kriterium des Staates", стр. 33—34.

единство въ разнообразіи, въ силу котораго Г. и его народъ остаются неизмѣнными, несмотря на смѣну ихъ членовъ; далѣе, медленное преобразованіе Г. и народа на пути историческаго развитія; затѣмъ такого рода взаимодѣйствіе членовъ цѣлаго другъ на друга и всѣхъ вмѣстѣ на цѣлое, что цѣлое всегда кажется существующимъ ради отдѣльныхъ членовъ, а послѣдніе въ свою очередь въ интересахъ цѣлаго; наконецъ, признакомъ организма считается безсознательный, такъ называемый естественный ростъ государственныхъ учрежденій, который будто бы нельзя приписать сознательной и разумной волѣ индивидовъ, а надо считать результатомъ дѣйствія непреодолимыхъ силъ; человѣческое усмотрѣніе можетъ внести въ учрежденія лишь самыя незначительныя измѣненія [1]).

Опредѣливъ, такимъ образомъ, то, что считаютъ существенными признаками государственнаго организма, Іеллинекъ приступаетъ затѣмъ къ провѣркѣ правильности подчеркиваемыхъ аналогій. Онъ справедливо указываетъ на то, что, рядомъ съ безсознательнымъ образованіемъ государственныхъ учрежденій, мы постоянно имѣемъ дѣло и съ сознательнымъ ихъ установленіемъ.

Въ подтвержденіе этого положенія можно привести цѣлый рядъ историческихъ фактовъ. Такъ, нѣмцы въ эпоху Возрожденія переходятъ отъ своего мѣстнаго права къ рецепированному ими римскому. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ выборомъ. Нѣмецкое общественное развитіе того времени находилось въ періодѣ перехода отъ натуральнаго, или самодовлѣющаго, хозяйства къ мѣновому, или денежному. Римское право являлось правомъ, отвѣчающимъ условіямъ мѣнового хозяйства. Поэтому, вмѣсто того, чтобы вырабатывать новое право на смѣну праву, болѣе пріуроченному къ условіямъ самодовлѣющаго хозяйства, существовавшаго въ Германіи въ средніе вѣка, нѣмцы предпочли заимствовать чужое право, соотвѣтствовавшее новымъ условіямъ ихъ хозяйственной жизни. Свободный выборъ здѣсь, очевидно, былъ. Свободный выборъ имѣлъ мѣсто и тогда, когда, напримѣръ, грузинскіе цари включали нормы римскаго права въ свои постановленія и обнародовали подъ именемъ „Законовъ царя Вахтанга“ кодексъ, въ которомъ двѣ трети нормъ были заимствованы изъ римскаго права.

Приверженцы органической теоріи говорятъ, что Г. растетъ какъ ребенокъ. Подобно тому, какъ ростъ ребенка не обусловливается его доброй волей, точно также и развитіе Г. якобы происходитъ совершенно независимо отъ воли лицъ, въ составъ его входящихъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности Г. развиваются и совершенствуются не естественнымъ путемъ, а при самомъ дѣятельномъ участіи людей, ихъ составляющихъ.

Строй Г. можетъ испытывать коренныя преобразованія подъ вліяніемъ сознательной дѣятельности людей. Хотя, разумѣется, Петровская реформа и была результатомъ военной и финансовой необходимости, но если бы царскій престолъ занималъ не Петръ Великій, а, скажемъ, царь Ѳеодоръ, то, по всей вѣроятности, великой реформы не послѣдовало бы. Нельзя поэтому говорить исключительно объ естественномъ ростѣ и самопроизвольномъ развитіи государственныхъ учрежденій, устраняя тѣмъ самымъ всякую возможность ихъ преднамѣреннаго измѣненія.

Подъ вліяніемъ органической теоріи Г. у историковъ учрежденій сложились нѣкоторые предразсудки. Такъ, одни утверждаютъ, что всѣ Г. пройдутъ необходимо стадію конституціоннаго устройства и что, слѣдовательно, рано или поздно и въ Тибетѣ и у зулусовъ водворится парламентъ и солидарное, отвѣтственное передъ представителями народа, правительство. Такъ будетъ потому, что конституціонные порядки утвердились въ Англіи, Франціи и въ другихъ европейскихъ Г. Эта точка зрѣнія несомнѣнно складывается подъ вліяніемъ принятія на вѣру того положенія, что учрежденія развиваются сами собой, что человѣческая дѣятельность тутъ не при чемъ, что хотятъ ли того люди

[1]) *Іеллинекъ*, „Общее ученіе о государствѣ“. Изд. 1903 г., стр. 97 и сл.

или не хотятъ, а извѣстныя учрежденія все-таки появятся въ ихъ средѣ. Но ничто въ государственной жизни само собой не дѣлается, для всякаго измѣненія нуженъ волевой актъ.

Мысль эта настолько проста, что нѣтъ надобности долго останавливаться на ней. Французское общество въ 1789 году несомнѣнно созрѣло для политическаго переворота. Но если бы не было такихъ людей, какъ Мирабо, Сійесъ и многихъ другихъ замѣчательныхъ дѣятелей великой революціи, если бы не было сознательныхъ актовъ съ ихъ стороны, то завоеванія ея не были бы такъ обширны и успѣхъ ея былъ бы несомнѣнно не столь быстръ, вѣренъ и значителенъ. Исторія народовъ не представляетъ всегда удачныхъ переворотовъ, особенно когда общество не было подготовлено къ нимъ своимъ предшествующимъ развитіемъ, и неудачи особенно часты тогда, когда оказывается недостатокъ въ живыхъ силахъ для проведенія въ жизнь новыхъ порядковъ. Сравните англійское общество эпохи двухъ революцій XVII вѣка и французское въ эпоху Фронды. Въ Англіи происходитъ радикальный переворотъ, сопровождаемый созданіемъ кратковременной республики и протектората Кромвеля, а затѣмъ реставраціей, которая сохраняетъ тѣмъ не менѣе многія рѣшенія, намѣченныя или проведенныя ранѣе революціей. Когда же новое правительство Іакова II отказывается итти тѣмъ же путемъ, происходитъ новая революція, послѣ которой обезпечено торжество обновленнаго строя. Одновременно съ англійской революціей, во Франціи происходитъ движеніе, слывущее подъ названіемъ Фронды (fronde— дѣтская игрушка), и послѣдствіемъ его является усиленіе абсолютизма въ правленіе короля-солнца.

Имѣя передъ глазами конкретные историческіе факты, необходимо приходишь къ заключенію, что одного естественнаго роста не достаточно для развитія Г.; нужны еще люди, нужна человѣческая воля. И вотъ эту-то мысль и высказываютъ, когда говорятъ, что органическая теорія съ ея однимъ самопроизвольнымъ развитіемъ не выдерживаетъ критики.

Опять-таки совершенно правильно Іеллинекъ замѣчаетъ, что органическая теорія заблуждается, когда думаетъ, что человѣчество въ своемъ развитіи неизбѣжно подчинено законамъ прогресса и законамъ регресса. Сопоставляя Г. съ индивидомъ, признаютъ, что жизнь Г. распадается на нѣсколько періодовъ: періодъ дѣтства, періодъ отрочества, зрѣлости и, наконецъ, старости. Но о старикахъ говорятъ, что они впадаютъ въ дѣтство. Очень возможно, что нѣкоторыя Г. возвращаются къ уже пройденнымъ стадіямъ развитія; но сказать, что всѣ Г. должны перейти къ старости, нельзя. Еще недавно французы говорили намъ, что у насъ удивительно дѣтскія учрежденія. Лѣтъ пять тому назадъ мы не могли бы сказать, къ чему намъ предстоитъ перейти отъ возраста дѣтства: къ возрасту ли юности или возрасту зрѣлости; точно такъ же мы не можемъ рѣшить и теперь, переживаемъ ли мы въ данный моментъ состояніе старческой дряхлости или какое иное. Что представляетъ собою Персія въ настоящее время? Залогъ роста или начало одряхленія, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ нѣтъ неизбѣжности наступленія этого послѣдняго состоянія.

Изображать возникновеніе новыхъ Г., какъ результатъ воспроизведенія ими себѣ подобныхъ, нѣчто въ родѣ почкованія растеній и низшихъ животныхъ организмовъ, невозможно. А между тѣмъ, когда мы говоримъ, что Г. есть живой организмъ, то мы должны признать и такой путь ихъ возникновенія. Представители органической теоріи хотѣли найти аналогію между организмомъ и Г. и въ этомъ отношеніи; они говорили, что, подобно человѣку, Г. можетъ стать отцомъ. Есть Г.-метрополіи, и есть Г.-колоніи. Эти послѣднія якобы и возникаютъ путемъ воспроизведенія первыми себѣ подобныхъ. Но такое разсужденіе не можетъ быть признано правильнымъ: во-первыхъ, не всѣ Г. имѣютъ колоніи, а во-вторыхъ, со временемъ, когда весь земной шаръ будетъ заселенъ, должна будетъ прекратиться, очевидно, и колонизаціонная дѣятельность. А что касается до прошлаго, то возникаетъ вопросъ: занимались

ли воспроизведеніемъ себѣ подобныхъ Римъ, постепенно обнявшій собою весь міръ, и Россія, населившая Сибирь и завоевавшая Туркестанъ, или же они только расширяли свое собственное тѣло? Думаю, что послѣднее ближе отвѣчаетъ дѣйствительности.

Разумѣется, еще болѣе произвольно проведеніе аналогій между различными функціями Г. съ соотвѣтствующими имъ учрежденіями и жизненными функціями, пріуроченными къ различнымъ органамъ тѣла. Говорить о путяхъ сообщенія, какъ о нервахъ, о биржѣ, какъ о сердцѣ, и т. д., и т. д., очевидно, пріемъ, который не можетъ быть оправданъ и не заслуживаетъ квалификаціи „научнаго".

Меньшей критикѣ подвергаютъ опредѣленіе Г., къ которому прибѣгаетъ Спенсеръ: Г., говоритъ онъ, есть суперъ-организмъ. Но такъ какъ другого суперъ-организма, помимо государства, мы не знаемъ, то что оно изъ себя представляетъ, этого мы изъ такого опредѣленія вывести не можемъ. При такомъ положеніи дѣла, въ понятіе Г.— суперъ-организма можетъ быть введено много чертъ, отличныхъ отъ обыкновеннаго организма.

Критиковать органическую теорію Г. дѣйствительно не трудно. Критикуютъ ее соціологи, критикуютъ ее юристы. Въ настоящее время можно сказать, что отъ органической теоріи отказываются даже тѣ, кто особенно ею увлекался. Кто теперь повторитъ, вслѣдъ за Блунчли, что Г. не только организмъ, но еще мужской организмъ, тогда какъ церковь—женскій? А между тѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ имя Блунчли было несомнѣнно болѣе популярно, чѣмъ имя Іеллинека или Эсмена въ наше время.

Блунчли написалъ цѣлое сочиненіе, посвященное вопросу объ отношеніяхъ между мужской особью—Г. и женскою—церковью: „Психологическое отношеніе Государства и Церкви". Въ немъ можно встрѣтить часто вышучиваемую фразу: „Die Kirche hat in sich etwas weibliches". Такое уподобленіе Г. мужчинѣ, а церкви—женщинѣ, очевидно, должно быть признано совершенно дѣтскимъ. Были и другія попытки наполовину признать, наполовину отвергнуть, утверждать и отрицать въ одно и то же время сходство Г. съ организмомъ. Современный французскій философъ Фуллье написалъ рядъ статей, изданныхъ затѣмъ отдѣльной книгой, въ которыхъ онъ признаетъ Г. какимъ-то „контрактуальнымъ", т. е. договорнымъ, организмомъ. Стоитъ только представить себѣ то противорѣчіе, какое существуетъ между организмомъ естественнымъ и организмомъ, якобы созданнымъ путемъ соглашенія (?), чтобы признать эту попытку совершенно неудачной. Назвать Г. договорнымъ организмомъ, это значитъ сказать, что оно, съ одной стороны—не организмъ, а съ другой—и не договоръ. Съ представленіемъ объ организмѣ съ трудомъ связывается мысль о соглашеніи, необходимо лежащемъ въ основѣ всякаго договора.

Что же остается отъ органической теоріи, что въ ней цѣннаго? Заслугой этой доктрины является то, что она доказала неправильность представленія о Г., какъ о чемъ-то возникающемъ путемъ одного свободнаго согл. людей.

Дѣйствительно, во всей исторіи мы знаемъ только одинъ случай созданія Г. путемъ договора. Жестокія преслѣдованія со стороны англиканской государственной церкви людей, не раздѣлявшихъ ея ученія, побудили часть ихъ покинуть свое отечество и искать болѣе благопріятной жизненной обстановки. Къ этому способу защиты своей совѣсти вынуждены были прибѣгнуть т. наз. пуритане (англійскіе раскольники). Они снарядили корабль „Майскій цвѣтокъ" и отплыли отъ береговъ своего отечества по направленію къ Америкѣ. Во время этого плаванія они договорнымъ порядкомъ положили основаніе сѣверо-американской гражданственности. Плывшіе условились, что, когда ихъ корабль достигнетъ берега, они постараются пріобрѣсти землю покупкою у индѣйцевъ или присвоятъ ее захватнымъ способомъ и заложатъ на ней основы новаго Г. Задумано, сдѣлано. Новое Г. долгое время слыло подъ именемъ „колоніи Массачусетской Бухты", а затѣмъ сдѣлалось штатомъ Массачусетсъ и приняло самое дѣятельное участіе въ организаціи Сѣверо-Американской федераціи.

Это единственный примѣръ прямого возникновенія Г. путемъ договора, но что соглашеніе предшествовало соединенію родовъ и племенъ, кладущему основаніе Г., это, разумѣется, также внѣ спора. Различныя этрусскія и латинскія племена, поселившіяся бокъ о бокъ, разъ у нихъ оказались общіе интересы, очевидно, не могли обойтись безъ уговора въ моментъ созданія Рима. Въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ можно говорить о договорномъ происхожденіи Г. Но утверждать, какъ это дѣлалось въ XVII и XVIII вѣкахъ Гуго Гроціемъ, Гоббсомъ, Пуфендорфомъ, Локкомъ, Руссо и др., что Г. возникаютъ путемъ договора, помимо всякаго насилія и принужденія извнѣ, очевидно невозможно. Отъ всей органической теоріи несомнѣнно уцѣлѣетъ въ будущемъ представленіе о Г., какъ о чемъ-то, возникающемъ независимо отъ договора людей, разлагающемся и исчезающемъ также помимо ихъ соглашенія.

Вопреки Іеллинеку, который настаиваетъ на мысли о безсмертности Г., иллюстрируя ее тѣмъ, что Германія, несмотря на гибель Священной Римской Имперіи и исчезновеніе многихъ составлявшихъ ее княжествъ, независимо также отъ смѣны союзовъ Рейнскаго Германскимъ, а послѣдняго сперва союзами Сѣверо-Германскимъ и Южно-Германскимъ, а затѣмъ Имперіей, продолжаетъ оставаться все той же Германіей, я склоненъ думать, что она не разъ умирала и возрождалась снова. Германское Г. временъ Тацита не имѣетъ ничего общаго съ Германскимъ Г. позднѣйшихъ вѣковъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Священная Римская Имперія отошла въ область исторіи въ 1806 году, когда Наполеонъ I приказалъ императору Францу не величать себя германскимъ императоромъ и не вмѣшиваться въ дѣла имперіи, а удовольствоваться титуломъ австрійскаго императора и управленіемъ наслѣдственными землями Габсбургскаго дома. Съ этого года Священная Римская Имперія исчезла настолько, что Рейнскій союзъ, образованный изъ значительной части ея, поступилъ подъ протекторатъ французскаго императора. Рейнскій союзъ умиралъ въ 1815 году, когда возникаетъ новое Г.—Германскій союзъ, который гибнетъ въ свою очередь послѣ битвы подъ Садовой, когда подъ протекторатомъ Пруссіи организуется союзъ сперва Сѣверо-Германскій, а затѣмъ и Южно-Германскій. И теперешняя Германская имперія есть новое Г.; нѣтъ никакой связи между современными ея учрежденіями и древнегерманскими. Въ организаціи Германской имперіи нашихъ дней имѣется гораздо большее сходство съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, нежели съ той имперіей, которая была основана Карломъ Великимъ и снова вызвана къ жизни Генрихомъ Птицеловомъ, а позднѣе Гогенштауфенами. Такимъ образомъ, въ исторіи Германіи приходится отмѣтить не только рядъ фактовъ возникновенія и развитія, но и случаевъ разложенія тѣхъ или иныхъ политическихъ тѣлъ, начиная со всей имперіи и кончая ея составными частями. Г. растутъ и умираютъ. Монтескье былъ болѣе правъ, нежели Іеллинекъ, когда говорилъ, что если Карѳагенъ и Римъ умерли, то нѣтъ никакихъ основаній думать, что современныя Г. будутъ вѣчны. И его пророчество исполнилось, потому что многія Г., существовавшія въ его время, теперь уже исчезли; цѣлый рядъ Г. перешелъ въ зависимость отъ другихъ,—на положеніе провинцій, и, наоборотъ, возникли новыя Г. Во время Монтескье не было болгарскаго царства, и въ современной Болгаріи нельзя видѣть продолженіе существовавшаго нѣкогда также болгарскаго царства. Точно также было бы совершеннымъ заблужденіемъ отождествлять современную Россійскую Имперію съ Кіевскимъ или Владимирскимъ великокняженіями.

Сказать, поэтому, вслѣдъ за Іеллинекомъ, что органическая теорія потому уже не имѣетъ смысла, что Г. не подчинены законамъ развитія и регресса, едва ли можетъ быть признано убѣдительнымъ.

Во всякомъ случаѣ воззрѣніе на Г., какъ на своего рода организмъ, имѣло уже то желательное дѣйствіе на ходъ развитія государственной науки, что имъ положенъ былъ конецъ *договорной теоріи* происхожденія Г., весьма

распространенной въ XVII и XVIII вѣкахъ. Такъ, въ серединѣ XVII столѣтія Гоббсъ въ своихъ „Elementa philosophica de cive“ отъ 1642 г. опредѣлялъ государство такимъ образомъ: Civitas est persona una, cujus voluntas ex pactis plurium hominum pro voluntate habenda est ipsorum hominum, ut singulorum viribus et facultatibus uti possint ad pacem et defensionem communem, т. е. Г. есть единая личность, возникающая путемъ договора, въ которомъ высказывается воля многихъ людей; оно призвано къ жизни для того, чтобы соединенными усиліями содѣйствовать упроченію мира и созданію общей защиты“. Эта доктрина еще ярче выступаетъ въ знаменитомъ „Общественномъ договорѣ“ (Contrat social) Ж. Ж. Руссо, предполагающемъ добровольное перенесеніе всѣми и каждымъ своихъ правъ на всю совокупность.

Подъ вліяніемъ *исторической школы* правовѣдѣнія впервые сложилось представленіе о томъ, что Г. не есть искусственно вызванный къ жизни союзъ, а политическая организація народа-племени. Исторической школой до нѣкоторой степени подготовлена была дорога къ тѣмъ попыткамъ открыть въ Г. черты естественнаго организма, которыя связаны съ именами Шеффле и Лиліенфельда въ большей степени даже, чѣмъ съ именемъ Герберта Спенсера.

Я лично не могу пойти за сторонниками органической теоріи Г. и, отрицая въ то же время договорный источникъ его происхожденія, не прочь видѣть въ немъ одну и далеко не первичную форму общежительнаго союза, при которомъ народъ-племя находитъ возможность политическаго самоопредѣленія подъ властью признаваемаго имъ общаго правительства. Г., понимаемое въ этомъ смыслѣ, не можетъ считаться первымъ по времени общежительнымъ союзомъ, такъ какъ ему предшествовали союзы, опиравшіеся на представленіе дѣйствительнаго или мнимаго родства входящихъ въ составъ ихъ семей. Говоря это, я имѣю въ виду столько же тотэмистическіе союзы австралійскихъ или американскихъ дикарей, сколько материнскіе и патріархальные роды. Изъ соединенія родовъ возникаетъ племя, какъ изъ соединенія племенъ—Г. Степенью близости ихъ общенія обусловливается его федеративный или, наоборотъ, централистическій характеръ. Но когда господствующее племя, этнографическая чистота котораго постоянно нарушается присоединеніемъ къ нему все новыхъ и новыхъ группъ, силою имъ подчиненныхъ или добровольно ему передавшихся, получитъ общее руководительство въ лицѣ хотя бы выборнаго на первыхъ порахъ военнаго руководителя или судьи-посредника, тогда и только тогда мы имѣемъ дѣло съ зарожденіемъ Г.

Когда политически организованное племя достаточно численно, чтобы положить основаніе городу-республикѣ, тогда Г. возникаетъ въ формѣ древне-греческой πόλις или латинской „civitas“, итальянской коммуны или вѣчевого русскаго княжества-города. Но племя путемъ естественнаго или искусственнаго роста, порождаемаго союзами и завоеваніями, можетъ принять размѣры настолько значительные, чтобы своими развѣтвленіями занять рядъ поселеній, и тогда Г. возникаетъ въ формѣ не города, а земли (Land—по выраженію германскихъ средневѣковыхъ источниковъ, въ латинской передачѣ—terra). Этотъ терминъ, говоритъ Іеллинекъ, до сихъ поръ еще не потерялъ своего значенія. Въ Германіи недавно говорили и все еще говорятъ о земскихъ законахъ — Landgesetze — и земскихъ чинахъ—Landstände. Въ „Политическомъ трактатѣ“ Спинозы, написанномъ въ 1670 г., еще противополагается ходячему представленію о городѣ-республикѣ, типическимъ образцомъ котораго авторъ считаетъ Венецію, Г.-„земля“, образцомъ которой Спиноза приводитъ Голландію. Но и раньше Спинозы, Альтузію въ его трактатѣ „О политикѣ“ 1600 г. уже приходилось имѣть дѣло съ такимъ Г., состоящимъ изъ ряда городовъ и селъ и, слѣдовательно, далеко вышедшимъ за предѣлы древне-греческой πόλις или римской „civitas“. Это—Г. въ современномъ смыслѣ этого слова. Оно можетъ войти составною частью въ бо-

лѣе обширный политическій конгломератъ, сдѣлаться членомъ союзнаго политическаго тѣла. Въ Ахейской и Этолійской лигѣ классическая древность представила намъ первые образцы такихъ сложныхъ политическихъ организацій. Къ нимъ присоединились съ XIV вѣка союзъ трехъ деревенскихъ кантоновъ Швейцаріи съ городскими республиками Берна, Цюриха и Люцерна, а со времени реформаціи и унія свободныхъ Нидерландовъ. Къ тому же моменту можно пріурочить обращеніе никогда единой и централизованной Римско-Германской имперіи въ сложное Г. Современный типъ федераціи возникаетъ, однако, не ранѣе принятія штатами Сѣверной Америки конституціи 1787 г. Къ Соединеннымъ Штатамъ постепенно присоединились съ 1848 г. Швейцарія, съ 1867 г. Австро-Венгрія, а со времени Франко-Прусской войны—Германская имперія и, наконецъ, рядъ союзовъ англійскихъ владѣній, какъ-то: Dominion of Canada, т. е. федерація сѣверо-американскихъ англійскихъ колоній, затѣмъ федерація австралійскихъ колоній, наконецъ, возникшая за послѣдніе годы южно-африканская федерація.

Какъ извѣстно, *федеральное Г.* отличается отъ обыкновенной уніи или лиги Г. тѣмъ, что въ немъ, рядомъ съ органами законодательства и исполненія, существующими въ границахъ каждаго изъ отдѣльныхъ членовъ союза, имѣется законодательный и исполнительный органы всего союза. Въ наше время союзное Г. является широко распространеннымъ типомъ, и мы пріобрѣли возможность говорить о Г. простыхъ и сложныхъ.

Изъ всего сказаннаго не мудрено прійти къ тому заключенію, что природа Г. была измѣнчива и что, оставаясь всегда общежительнымъ союзомъ множества людей, занимающихъ опредѣленную территорію и подчиненныхъ общей политической власти, Г. въ то же время сперва сливалось съ понятіемъ народа-племени, а затѣмъ съ понятіемъ опредѣленной земли, наконецъ, оно вышло за эти предѣлы, становясь составною частью сложнаго политическаго тѣла, построеннаго на дѣйствительномъ договорѣ. Но несмотря на эту измѣнчивость природы Г., послѣднее въ своемъ вѣковомъ существованіи все же оставалось и остается опредѣленной формой человѣческаго общежитія, коллективнымъ и организованнымъ единствомъ большаго или меньшаго числа людей, признающихъ руководительство опредѣленной политической власти. Это можно сказать и о тѣхъ деспотіяхъ, которыя съ древнѣйшихъ временъ возникли благодаря факту порабощенія одной національностью другихъ и принимали, поэтому, характеръ обширныхъ имперій при одной господствующей племенной группѣ. Это можно сказать одинаково о всѣхъ Г. Востока, начиная отъ Вавилоно-Ассирійскаго царства и кончая Имперіей Великаго Могола, современной Персіей и Турціей до ихъ недавняго политическаго переворота.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію очень распространенной въ настоящее время теоріи о правовой природѣ Г. Это ученіе обнимаетъ собою вопросы о томъ, можно ли видѣть въ Г. юридическое отношеніе, его объектъ, или же, наоборотъ, субъектъ.

Я уже сказалъ раньше, что съ моей точки зрѣнія, раздѣляемой, впрочемъ, и большинствомъ писателей по государствовѣдѣнію одинаково во Франціи и Англіи, Г. есть, прежде всего, фактъ, есть реальное явленіе; всякое объясненіе его природы должно отправляться отъ этого признанія.

Нужно сказать, что нѣмецкіе теоретики, не отрицая этого, въ то же время желали бы привлечь вниманіе на то обстоятельство, что Г., упорядочиваемое правомъ, хранитель и двигатель права, необходимо должно занимать опредѣленное положеніе въ правовой системѣ,—а потому „должно существовать, говоритъ Іеллинекъ, и правовое понятіе Г.“. „Юридическое пониманіе его, пишетъ тотъ же авторъ, стремится не къ выясненію реальнаго существа Г., а къ тому, чтобы сдѣлать его юридически мыслимымъ. Познаніе реальнаго бытія Г. должно быть положено въ основу юридическаго понятія его, но не должно быть съ нимъ отождествляемо“. За этимъ слѣдуютъ у Іеллинека длинныя раз-

сужденія по поводу того, можно ли говорить, что Г. есть: 1) правоотношеніе, 2) объектъ или 3) субъектъ его.

Іеллинекъ развиваетъ тотъ взглядъ, что послѣдовательно провести конструкцію Г., какъ правоотношенія, невозможно, потому что такая конструкція была бы не согласна съ идеей единства Г. Отношеніе можетъ существовать между двумя сторонами или частями. Если говорить о Г., какъ правоотношеніи, то нужно предположить, что Г. состоитъ изъ правящихъ и подвластныхъ, и ихъ взаимными отношеніями исчерпывается, повидимому, все то, что мы называемъ Г. Такой смыслъ имѣетъ формула, что Г. есть правоотношеніе. „Но если конструировать Г. какъ отношеніе властвованія, говоритъ Іеллинекъ, то признаніе единства и вѣчности этого отношенія означаетъ уже уклоненіе отъ эмпирическаго базиса. Г. являетъ собою не одно, а безчисленныя отношенія властвованія. Сколько подвластныхъ, столько же отношеній властвованія. Всякій новый властитель является новымъ даннымъ пропорціи. Всякая перемѣна формы властвованія должна была бы разрушить Г. и замѣнить его новымъ. То же возраженіе относится и къ попыткамъ разложить всѣ юридическія отношенія Г. на индивидуальныя отношенія государственныхъ органовъ между собой и къ отдѣльнымъ индивидамъ. Ни одна изъ этихъ теорій не объясняетъ, откуда возникаетъ руководящая Г. воля“. Допустить, что Г. есть правоотношеніе, таковъ выводъ Іеллинека, значитъ допустить, что Г. не имѣетъ цѣлости и единства. Но это шло бы вразрѣзъ съ явленіями дѣйствительной жизни.

Г., по мнѣнію Іеллинека, не можетъ быть объектомъ права, потому что, разъ мы предполагаемъ, что оно таково, то мы необходимо должны допустить рядомъ съ нимъ существованіе субъекта, и этимъ субъектомъ могутъ быть лишь руководящіе Г. люди. Ученіе о Г. какъ объ объектѣ создается, слѣдовательно, такимъ образомъ, что Г. разрывается на части, и самому Г. противополагается одинъ изъ его существенныхъ элементовъ—„властитель“. Въ эпоху абсолютизма это еще можно было допустить. Когда Людовикъ говорилъ: „l'état — c'est moi“, то онъ этимъ выражалъ ту мысль, что Г.— его достояніе, что онъ есть субъектъ власти, а Г.—объектъ, надъ которымъ онъ властвуетъ. Но мы уже далеко отошли отъ этой эпохи, и допустить существованіе, рядомъ съ Г.—объектомъ права, субъекта права, т. е. людей, въ единственномъ или множественномъ числѣ, смотря по тому, имѣемъ ли мы дѣло съ монархіей или аристократической формой правленія, это все равно, что допустить, что Г. можетъ не имѣть въ себѣ цѣлости, а это немыслимо.

Разъ Г. не можетъ быть ни правоотношеніемъ, ни объектомъ права, то ему остается только быть его субъектомъ. Если, разсуждаетъ Іеллинекъ, Г. есть союзъ, представляющій коллективное единство, то оно не менѣе способно быть субъектомъ права, чѣмъ отдѣльный человѣческій индивидъ. Только при взглядѣ на Г. какъ на субъектъ права можетъ быть юридически построена идея единства Г., единства его организаціи и воли. Никогда юристы не считали признаннымъ, что субъектомъ права можетъ быть только индивидъ. Никто не отрицалъ и не отрицаетъ того, что субъектомъ права является и юридическое лицо: напримѣръ, монастырь, какъ корпорація, учебное заведеніе, университетъ или политехникумъ, тоже какъ корпорація. Почему же и Г. не быть субъектомъ права, разъ оно является юридическимъ лицомъ?

Вся эта юридическая метафизика, къ которой, повидимому, склонны, главнымъ образомъ, нѣмецкіе писатели (Іеллинекъ, перечисляя сторонниковъ такого взгляда на природу государства, не приводитъ ни одного имени француза или англичанина), мало выясняетъ, какъ мнѣ кажется, дѣйствительную природу Г. Очевидно, что субъектомъ права могутъ быть и коллективныя единицы, наравнѣ съ индивидами, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и Г., наравнѣ съ частнымъ лицомъ и частной корпораціей, выступаетъ въ юридическомъ отношеніи, какъ субъектъ права; но отъ этого Г. не перестаетъ быть реальнымъ фактомъ, орга-

низованнымъ общежительнымъ союзомъ людей съ общей для всѣхъ его членовъ властью, признаваемой на протяженіи всего занимаемаго имъ пространства, властью, возвышающейся надъ всей массой его населенія. Сказавши это, мы дали всѣ существенные и необходимые признаки Г., а это одно и требуется при опредѣленіи природы того или иного явленія. Мы, разумѣется, совершенно отказываемся отъ мысли познать сущность Г. и его конечную цѣль. Мы имѣемъ дѣло только съ явленіемъ, а перечня его существенныхъ признаковъ, по которымъ оно можетъ быть опознано, вполнѣ достаточно для научнаго опредѣленія этого явленія.

Мы скажемъ, поэтому, что всюду, гдѣ множество людей, называемое народомъ, сидя на опредѣленной территоріи, подчиняется руководительству общей политической власти, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ плохо ли, хорошо ли организованнымъ общежительнымъ союзомъ, который слыветъ подъ названіемъ Г.

Самый терминъ Г. въ томъ пониманіи, какое дается ему въ настоящее время, недавняго происхожденія. Въ интересномъ экскурсѣ, какой Іеллинекъ посвятилъ названію Г., мы находимъ, что слово „stato“, первоначально присоединяемое къ названію города (stato di Firenze и т. д.), пріобрѣтаетъ со временемъ значеніе отвлеченнаго термина, примѣняемаго ко всякому Г. безъ различія формы правленія и состава его. Историкъ „Возрожденія“ Іаковъ Буркгардтъ полагаетъ, что первоначально „lo stato“ назывались въ Италіи правители вмѣстѣ съ ихъ приближенными; только впослѣдствіи это названіе было примѣнено къ Г., какъ къ цѣлому, другими словами, терминъ, которымъ мы въ настоящее время обозначаемъ Г., служилъ первоначально для выраженія понятія его правительства. Такъ было одинаково и въ Аррагоніи, гдѣ терминъ „estado“ обозначалъ первоначально совокупность властвующихъ и только затѣмъ былъ распространенъ на союзъ властвующихъ и подвластныхъ. Терминъ „lo stato“ или „estado“, подобно латинскому слову status, отъ котораго онъ происходитъ, уже въ началѣ XVI столѣтія является общеупотребительнымъ для обозначенія всякаго вообще Г., другими словами, съ зарожденіемъ современн. Г. найдено и соотвѣтствующее ему слово. Уже въ трактатѣ „О князѣ“ (Il principe) Макіавелли встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующаго: Tutti gli stati, tutti i domini che hanno avuto e hanno imperio sopra gli uomini, sono stati e sono, o republiche, o principati, т. е. „всѣ Г., всѣ владычества, которыя имѣли или имѣютъ власть надъ людьми, были и состоятъ и по настоящій день—одни республиками, а другія княжествами“. Здѣсь уже весьма опредѣленно употреблено слово stato для обозначенія Г., при чемъ, такъ какъ Макіавелли пускаетъ въ обращеніе терминъ еще совершенно новый, то онъ для поясненія своей мысли считаетъ нужнымъ прибавить къ словамъ: „всѣ Г.“—„ tutti gli stati“—слова: „всѣ владычества надъ людьми“ — „tutti i domini“.

Въ теченіе XVI и XVII столѣтій этотъ терминъ проникаетъ затѣмъ во французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Во Франціи Бодэнъ (1576 г.), авторъ знаменитаго труда „Six livres de la république“, употребляетъ слово état для обозначенія формы государственной организаціи. Такъ, для него Г. монархическое — estat monarchique, аристократическое — estat aristocratique, а народное—estat populaire. Но что Бодэнъ, давая такое употребленіе слову Г., является еще своего рода новаторомъ, это видно изъ того, что другой французскій писатель Loyseau (Луазо), писавшій нѣсколькими десятками лѣтъ позже Бодэна, связываетъ еще со словомъ état не всегда то значеніе, что Бодэнъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе XVI и XVII столѣтій постепенно вырабатывается во Франціи привычка употреблять терминъ l'état въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ итальянцы употребляютъ терминъ „lo stato“, т. е. для обозначенія Г.

И въ Англіи въ эпоху Елизаветы, т. е. въ концѣ XVI и въ самомъ началѣ XVII вѣка, Шекспиръ уже пользуется словомъ state для обозначенія Г. По мѣрѣ того, какъ складывается Г.,—а это раньше всего было въ Италіи,—появляется и новый терминъ для

обозначенія Г., терминъ „lo stato“; на разстояніи немногихъ десятилѣтій появляются термины, однокоренные съ итальянскимъ: въ Англіи—state, во Франціи—l'état. Раньше терминъ état употребляемъ былъ только для обозначенія сословій, позднѣе это слово начинаетъ служить для обозначенія всего государства, какъ союза властвующихъ и подвластныхъ. По мѣрѣ того, какъ Г. перестаетъ быть организаціей властвованія, приходится придумывать новый терминъ или же употреблять старый, вливая въ него новое содержаніе.

Въ Германіи, гдѣ всего позднѣе зародилось современное Г., терминъ Staat служитъ для обозначенія Г. только въ XVIII вѣкѣ. Но и въ это время тотъ же терминъ употребляется для обозначенія любой области, надѣленной сколько-нибудь самостоятельнымъ устройствомъ. Поэтому и въ Пруссіи, и въ Австріи, въ законодательныхъ актахъ, мы встрѣчаемъ выраженіе Staaten въ примѣненіи ко всѣмъ землямъ, Länder, Г. или имперіи. Еще и теперь прусскіе законы обнародуются въ „Собраніи узаконеній королевско-прусскихъ земель“ (Gesetz-Sammlung für die königlichen Preussischen Staaten). Еще не вполнѣ пріуроченнымъ къ обозначенію исключительно Г. слово Staat остается и въ XIX столѣтіи. Но если не говорить объ официальной терминологіи, то терминъ „Staat“ въ нѣмецко-юридической литературѣ означаетъ то же, что англійское „state“, французское „l'état“, итальянское „lo stato“ и испанское „estado“, т. е. Г.

М. Ковалевскій.

Гота (Gotha), гл. гор. герцогства Саксенъ-Кобургъ-Гота (*см.*), поочередно съ г. Кобургомъ служитъ резиденціей герцога; лежитъ на Лейнск. каналѣ (Leinakanal); изъ городск. зданій заслуж. наиб. вниманія замокъ Фриденштейнъ (пол. XVII *в.*), въ кот. хранится цѣнная библіотека въ 200.000 том. съ рѣдкими рукописями и нумизмат. кабинетомъ; Новый Музей (ст. ренессансъ) съ богатыми научными и художеств. коллекціями; нѣсколько памятниковъ; жит. 39.553. Довольно знач. промышленность. Знам. своими картографич. изданіями географ. институтъ Юстуса Пертесъ. Въ исторіи Г. впервые упоминается ок. 930 г., къ 1200 г. она была уже городомъ; съ 1640 г. столица герцогства Гота, объединившагося въ 1825 г., вслѣдствіе прекращенія династіи, съ Кобургомъ.

Готардъ, см. *Альпы,* II, 370.

Готгельфъ (Gotthelf), Іеремія̀съ, псевдонимъ Альберта *Бицiуса* (Bitzius), нѣмец. (швейцар.) писатель, род. въ 1797 г., сынъ священника, съ 1832 г. до самой смерти (1854) былъ пасторомъ. За литературу принялся поздно (40 лѣтъ), пользуясь ею въ значит. степени, какъ средствомъ обществ. воспитанія, какъ каѳедрой для проповѣди, обращая вниманіе своихъ соотечественниковъ на изъяны въ постановкѣ народнаго образованія („Leiden u. Freuden eines Schulmeisters“, 1838 — исторія деревенскаго парня, кот. становится учителемъ и другомъ бѣдныхъ), на вредъ алкоголизма („Fünf Mädchen“, 39) и др. темныя стороны родной жизни. Прекрасный знатокъ крестьянской жизни и психики, Г. создалъ въ романахъ „Uli der Knecht“ (41) и „Uli der Pachter“ (46) классическую эпопею швейц. деревни со всѣми ея бытовыми, соціальными и моральными особенностями (исторія батрака, постепенно переходящаго въ ряды собственниковъ). Г. былъ однимъ изъ первыхъ нѣмец. писателей, освѣщавшимъ въ беллетристикѣ соціальныя отношенія и конфликты (въ деревенской обстановкѣ) и предвидѣвшимъ важность соціальной проблемы. Проповѣдническая тенденція его творчества не мѣшала Г. сдѣлаться однимъ изъ предтечей натурализма. Избѣгая всего романическаго и выдуманнаго, выводя не героевъ, а обыкновенныхъ людей, обращая огромное вниманіе на описаніе среды, въ которой дѣйствуютъ люди, Г. не останавливался и передъ изображеніемъ безобразныхъ и грязныхъ сторонъ жизни.

В. Фр.

Готенборгская система, см. *алкоголизмъ,* II, 267.

Готенбургъ, см. *Гетеборгъ.*

Готическій стиль. Съ половины XII вѣка въ жизни западно-европейскихъ народовъ происходитъ замѣтная перемѣна. Съ пробужденіемъ національнаго чувства въ сложившихся государствахъ

воскресаютъ національные языки, подавленные въ начальную эпоху средневѣковья латынью монаховъ, бодро начинаетъ работать умъ, искусившійся въ утонченной схоластикѣ, появляется новая, свѣтская поэзія, воспѣвающая устами трубадуровъ новыя чувства. Религіозное настроеніе становится интенсивнѣе и теряетъ мрачность, которая отличала его въ первую половину среднихъ вѣковъ. Церковь, главенствовавшая ранѣе, отходитъ на второй планъ, выдвигается рыцарство и горожане. Сообразно съ этимъ искусство изъ рукъ монаховъ переходитъ въ руки мірянъ, и центрами развитія его становятся города, гдѣ въ теченіе XII—XIV в. создается искусство особаго стиля. Это новое искусство, сложившееся среди своеобразныхъ условій жизни, настроеній и вкусовъ средне-

Рис. 1. Остроконечная форма стрѣльчатыхъ арокъ.

вѣкового западнаго общества, было основано на совершенно иныхъ принципахъ, чѣмъ искусство античное. Итальянцы XV в., преклонявшіеся передъ классическими памятниками, не находя въ немъ античныхъ элементовъ, дали ему презрительное названіе *готическаго*, т. е. варварскаго. Если итальянцы вѣрно отмѣтили несходство новаго стиля съ античнымъ, его самобытность, то совершенно несправедливо они оцѣнили его художественныя достоинства. Г. с. въ области архитектуры по цѣльности и самостоятельности системы можетъ безъ ущерба выдержать сравненіе съ античнымъ. Однимъ изъ характерныхъ элементовъ Г. с. является *стрѣльчатая дуга*, по которой иногда и стиль называютъ *стрѣльчатымъ*. Стрѣльчатая дуга была извѣстна давно. Ее можно встрѣтить и въ древней Персіи, и въ арабской архитектурѣ Египта, и въ Арменіи, и въ постройкахъ норманновъ въ Сициліи. Но до XII в. эта дуга всюду имѣла значеніе исключительно декоративное. Въ готическомъ зодчествѣ она впервые получила важное конструктивное значеніе и въ соединеніи съ *провислыми арками* и *опорными столбами* способствовала образованію оригинальной архитектурной системы. Господствовавшее въ эпоху романскаго стиля тяжелое полукруглое покрытіе годилось только для четыреугольныхъ пространствъ и, чтобы быть прочнымъ, должно было опираться на массивную стѣну. Стрѣльчатая арка, разгибаемая или сгибаемая, могла служить для покрытія пространствъ различной формы (треугольника, четыреугольника, трапеціи), и это давало свободу въ разработкѣ плана. Нуждаясь не въ цѣлой стѣнѣ, а въ нѣсколькихъ точкахъ опоры, стрѣльчатая арка могла опереться на однѣ колонны, и благодаря этому открывалась возможность облегчить массивность стѣнъ. При этомъ, опираясь на высокія колонны, стрѣльчатая арка давила ихъ не столько сверху, сколько наискось. Чтобы избѣжать распаденія, были примѣнены опорные столбы и провислыя арки, столь же характерные элементы готической системы, какъ и стрѣльчатая арка. Опорные столбы ставили у стѣнъ, чтобы они на себя принимали часть тяжести сводовъ. Если и они не могли выдержать давленія, то излишекъ тяжести черезъ провислыя арки, идущія отъ столбовъ, передавался на новые опорные столбы, поставленные снаружи за стѣнами зданія. Благодаря такому соединенію стрѣльчатыхъ и провислыхъ арокъ и опорныхъ столбовъ готическія зданія получили самостоятельную чрезвычайно систематическую конструкцію, которая позволила придать легкость постройкѣ, впустить внутрь массу свѣта и вытянуть зданіе въ высоту. Благодаря этой системѣ и получилась возможность въ готическихъ храмахъ воплотить такъ ясно спиритуализмъ средневѣкового западнаго христіанства XII—XIII в., его свѣтлое настроеніе и мягкій характеръ.—Въ основѣ плана готическаго храма остался продолговатый латинскій крестъ съ тремя или пятью кораблями, какой былъ и въ

Готическій стиль.

Соборъ Парижской Богоматери (XII—XIII в.).

По фотографіи, съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

романскую эпоху. Такъ же, какъ и раньше, восточный конецъ креста занятъ былъ алтаремъ и хоромъ. Но и въ этихъ старыхъ частяхъ стремленіе къ болѣе мягкимъ формамъ и свѣту сказалось въ уничтоженіи мрачной криптьі и въ устройствѣ на мѣстѣ тяжелой полукруглой абсиды болѣе легкой полигонной со множествомъ свѣтлыхъ часовенъ. Колонны, поддерживающія стрѣльчатые своды, стали легче и выше. Каждая изъ нихъ представляетъ цѣлый пукъ полуколонокъ съ общею капителью, украшенною туземной листвой. Окна получили громадные размѣры и открыли доступъ обильному свѣту. Храмъ сталъ свѣтлѣе и поднялся выше. Насколько тяжелое романское зодчество приковывало храмъ къ землѣ, удерживая его въ стремленіи подняться, настолько Г. с. влечетъ его вверхъ. Все въ храмѣ тянется въ высоту. Тянутся внутри его длинныя узкія колонны и переходятъ въ рядъ длинныхъ стрѣльчатыхъ арокъ, тянутся тонкія колонки въ окнахъ, играющихъ яркими цвѣтными стеклами, повторяютъ то же движеніе и подъ окнами небольшія колонки трифорій (галлереекъ). То же движеніе вверхъ наблюдается и снаружи въ опорныхъ столбахъ, крутыхъ крышахъ, высокихъ башняхъ, увѣнчанныхъ остроконечнымъ покрытіемъ и фіаломъ, и въ треугольныхъ удлиненныхъ вимбергахъ надъ окнами и дверями. Въ этомъ движеніи храма вверхъ нашелъ себѣ отраженіе въ архитектурѣ тотъ порывъ отъ земли къ небу, который пережили средневѣковые народы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Соборы—главные памятники Г. архитектуры. Изъ памятниковъ свѣтскаго зодчества самыми видными являются ратуши (въ Брюгге, Брюсселѣ, Левелѣ), биржи, гильдейскіе дома, на возведеніе которыхъ, какъ и на постройку соборовъ, не жалѣли средствъ разбогатѣвшіе и усилившіеся горожане. Указанная система Г. с. создалась не сразу. На выработку ея изъ романскаго стиля пошло болѣе вѣка, и въ теченіе своего господства съ XII по XV в. Г. с., оставаясь въ существенныхъ чертахъ неизмѣннымъ, въ деталяхъ претерпѣвалъ измѣненія. Эти измѣненія можно стянуть къ тремъ главнымъ періодамъ. Въ первый періодъ—отъ зарожденія до половины XIII в.—совершается постепенный переходъ отъ тяжести романскаго стиля къ большей легкости, происходитъ развитіе Г. системы, и къ концу періода достигается значительная гармонія и соразмѣрность частей. Вторую половину XIII в. и XIV в. обнимаетъ второй періодъ. Это эпоха полнаго расцвѣта готики. Великолѣпныя зданія ея, блестяще разработанной и строго проведенной системой отличаются благородствомъ, красотой, значительной легкостью и умѣренностью пропорцій и украшеній. Такое равновѣсіе теряется въ XV в.—въ третій періодъ,—когда наступаетъ упадокъ, появляется чрезмѣрное усиленіе украшеній, линіи начинаютъ слишкомъ вытягиваться и изгибаться и чувствуется стремленіе

Рис. 2. Система готическихъ построекъ (Амьенскій соборъ). *a*—опорный столбъ; *b*—фіалъ; *c*—откосная подпорка; *d*—Triforium; *e*—крестовый сводъ.

къ вычурности. Классической страной, гдѣ готика получила начало и органически развивалась, проходя послѣдовательно всѣ главные періоды, была Франція. Г. с. зародился и сдѣлалъ первые шаги въ XII в. въ сѣверной Франціи, въ королевскихъ областяхъ, гдѣ къ этому времени города достигли значительной степени процвѣтанія и началась энергическая строительная дѣятельность. Зачатки Г. с. впервые встрѣчаются въ церкви аббатства С.-Дени, построенной аббатомъ Сугеріемъ въ 1144 г. За этимъ слѣдуетъ рядъ церквей, въ которыхъ Г. система развивается полнѣе, но остается еще примѣсь элементовъ романскихъ. Таковы соборы въ Санѣ, Сенлѣ, въ Ланѣ, въ Парижѣ (Парижской Богоматери, 1163—1208). Соборъ въ Суассонѣ, заложенный въ 1175 г., показываетъ переходъ къ расцвѣту, который во Франціи наступаетъ въ XIII в. Сильное развитіе строительной практики приводитъ къ совершенному устраненію романскихъ элементовъ и полному господству элементовъ готическихъ. Величественные и гармоничные, строгіе и красивые соборы воздвигаютъ горожане въ Шартрѣ (1195—1260), въ Амьенѣ (1220—1288) и въ Реймсѣ (1212—1295). Въ Парижѣ Людовикъ Святой строитъ Св. Капеллу (1243—1251). За этою напряженною строительною дѣятельностью наступаетъ затишье. Въ XIV в. построекъ возводится меньше, стиль дѣлается менѣе строгъ, еще болѣе легокъ, еще болѣе элегантенъ, пропорціи удлиняются. Нормальной постройкой этого періода можетъ быть признана заложенная въ 1318 г. церковь аббатства Св. Уэна въ Руанѣ. Начало XV в. приноситъ съ собой новый подъемъ, французская архитектура зацвѣтаетъ вторично, развивается богатая поздняя готика съ чрезмѣрною декораціею, съ дугами, изогнутыми въ видѣ шпоры. Этотъ поздній стиль носитъ названіе *пламенѣющаго* по формѣ украшеній, напоминающихъ колеблющееся пламя свѣчи. Церковь св. Мадлены въ Труа (1506)—характерный образецъ этого пламенѣющаго стиля. Изъ Франціи въ теченіе XII—XIV в. Г. с. распространяется по всей католической Европѣ, заходитъ даже въ Азію. Ранѣе всего, въ XII в., французскіе зодчіе переносятъ готику изъ сѣверной Франціи въ Англію. Часть Кентерберійскаго собора въ XII в. и церковь Вестминстерскаго аббатства въ Лондонѣ въ XIII в. были воздвигнуты подъ непосредственнымъ французскимъ вліяніемъ. Но въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи готика въ Англіи получаетъ своеобразныя черты. Въ концѣ XII в. появляется переход-

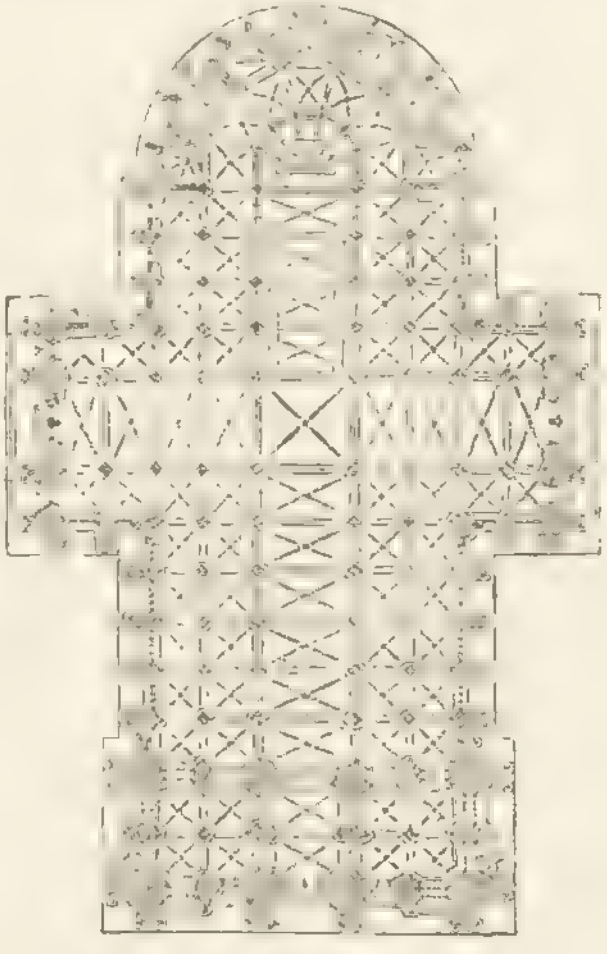


Рис. 3. Планъ Кёльнскаго собора.

ный стиль, и въ XIII в. уже складывается совершенно *англо-готическій* стиль, отличающійся отъ готики континента. Ранне-готическій стиль XIII в. представленъ въ соборѣ въ Сольсбери, богатый декоративный стиль XIV в.—въ соборѣ въ Іоркѣ. Преобладавшій въ XV и XVI в. перпендикулярный стиль съ пристрастіемъ къ прямолинейности виденъ въ соборѣ въ Винчестерѣ. Гораздо позднѣе, въ XIII в., готика изъ Франціи направилась на востокъ въ Германію. Первыя готиче-

Готическій стиль.

Амьенскій соборъ (XIII—XVI в.).

По фотографіи, съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

скія нѣмецкія церкви слѣдуютъ французскимъ образцамъ, особенно въ сосѣднихъ съ Франціей прирейнскихъ странахъ. Чрезвычайно пышнаго развитія здѣсь достигаетъ нѣмецкая готика въ соборахъ Фрейбургскомъ (XIII—XIV), Страсбургскомъ (XII—XV) и Кёльнскомъ (XIII—XVI, оконченъ въ 1880). Болѣе просты церкви южной Германіи, среди которыхъ первенство принадлежитъ собору Св. Стефана въ Вѣнѣ (XIV—XV). Еще болѣе упрощается конструкція въ кирпичныхъ церквахъ сѣверной Германіи. Одновременно съ Германіей въ XIII в. получаетъ готику Италія. Здѣсь Г. с. вступаетъ въ соединеніе съ туземными элементами зодчества и образуетъ своеобразный типъ, въ которомъ вертикальная линія не играетъ той роли, какая ей принадлежала въ сѣверныхъ странахъ. Соборы въ Сіенѣ, въ Орвіето, во Флоренціи и въ Миланѣ—главныя готическія церковныя постройки Италіи. Въ томъ же XIII в. сѣверная французская готика переходитъ безъ значительныхъ измѣненій въ Испанію (соборъ въ Толедо), въ Португалію, въ Нидерланды, въ Бельгію (соборъ въ Антверпенѣ) и Скандинавскія земли (соборъ въ Упсалѣ). Подъемъ духовной жизни, вызвавшій въ XII—XIV вв. такое творческое оживленіе въ зодчествѣ, отразился и на пластикѣ. Постепенно переходя отъ грубыхъ созданій къ болѣе совершеннымъ, *скульптура* Г. соборовъ къ XIII в. получила новый характеръ. Прежняя аскетическая строгость выраженія исчезла, и вмѣсто нея появилась своеобразная мягкая улыбка. Позы стали свободнѣе и естественнѣе, фигуры правильнѣе и стройнѣе, одежды легли болѣе глубокими и красивыми складками, изогнутыя линіи фигуръ пріобрѣли изящество и грацію. Господство традиціи и вліяніе церкви сократилось. Скульпторъ почувствовалъ природу, взглянулъ на міръ радостнымъ и смѣлымъ взоромъ и то, что подмѣтилъ, передалъ жизненно и свѣжо. Новая пробудившаяся жизнь въ скульптурѣ проявилась ранѣе всего въ той же сѣверной Франціи, гдѣ расцвѣла и Г. архитектура. И въ дальнѣйшемъ развитіи Г. скульптуры Франція сохранила за собой первенство. Здѣсь, во Франціи, Г. ваяніе развивалось особенно послѣдовательно и успѣшно. По цѣлому ряду памятниковъ можно прослѣдить ростъ французской пластики отъ схематическихъ и грубоватыхъ скульптуръ храма въ Везелѣ до полныхъ жизни и красоты фигуръ XIII в. на порталахъ и фасадахъ соборовъ Шартра, Амьена и Реймса. Пониманіе натуры, чувство стиля, красота и достоинство отличаютъ эти статуи XIII в. Въ слѣдующемъ вѣкѣ во Франціи наступаетъ въ области пластики упадокъ, появляется манерность. Подобный же процессъ можно прослѣдить въ Германіи (лучшія скульптурныя произведенія въ Фрейбургскомъ и Страсбургскомъ соборѣ)

Рис. 4. Капители пилястровъ (Амьенскій соборъ).

и въ Англіи (надгробная и портретная скульптура). Иначе движется развитіе ваянія въ Нидерландахъ и Италіи. Въ первой странѣ въ XIV в. скульптура достигаетъ значительнаго успѣха подъ вліяніемъ Кло Слутера; во второй независ. и крупный шагъ впередъ въ изученіи антиковъ и природы дѣлаетъ скульпт. подъ воздѣйствіемъ Николо Пизано. Что касается до *живописи* Г. періода, то и она обнаруживаетъ жизнь и создаетъ новое теченіе, но нѣсколько позднѣе, чѣмъ архитектура и скульптура. Только съ половины XIV в. ясно выступаетъ новое настроеніе во Франціи и переходитъ въ Нидерланды, Англію и Германію, стоящія и въ живописи подъ вліяніемъ Франціи. Около того же времени въ Германіи особен-

но дѣлается замѣтнымъ оживленіе и проявляется даже самостоятельность въ области станковыхъ картинъ. Эта самостоятельность болѣе всего развивается въ школахъ Праги, Нюренберга и Кёльна. Нѣсколько ранѣе, во второй половинѣ XIII в., совершенно самостоятельно зарождается сильное движеніе въ Италіи. Чимабуэ и Джотто начинаютъ здѣсь вводить новыя начала и даютъ блестящее ихъ примѣненіе. При всемъ различіи школъ и странъ, всюду въ живопись этой эпохи проникаетъ одна общая черта. Въ роспися̀хъ оконъ и стѣнъ, въ миніатюрахъ и станковыхъ картинахъ видно одно и то же освобожденіе отъ гнета преданій, наблюденіе природы и болѣе или менѣе удачныя попытки передать окружающую жизнь и возможно правдивѣе и тоньше выразить настроеніе человѣка. Ср., кромѣ того, статьи: *англійское* (III, 64, 65), *испанское, итальянское, нѣмецкое* (XIV, 326), *французское искусство*.

Литература: *Schnaase*, „Geschichte der bildenden Künste“, 2 Aufl. (1865—78), т. IV; *Kugler*, „Geschichte der Baukunst“ (1856); *Viollet le Duc, E.*, „Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XI au XVI siècle“, 10 т. (1875); *Reber*, „Kunstgeschichte des Mittelalters“; *Springer, A.*, „Handbuch der Kunstgeschichte“, т. II; *Corroyer*, „L'architecture gothique“ (1891); *Gonse*, „L'art gothique“ (1890); *Корелинъ*, „Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы“ (1895); *Dehio und Bezold*, „Die Kirchliche Baukunst des Abendlands“, I—III (1892—1901); *Michel, A.*, „Histoire de l'art“, II (1910); *Вёрманъ, К.*, „Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ“, т. II (1911); *Тарасовъ, Н.*, „Готическій стиль“, въ „Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“ подъ ред. проф. Виноградова, 4 изд. (1912); *Флетчеръ*, „Исторія архитектуры“, в. II (1912). *Н. Тарасовъ.*

Готическій шрифтъ, обычный нѣмецкій шрифтъ, отличающійся отъ латинскаго (Antiqua) узорчатостью и вычурностью; развился изъ книжнаго письма XIII—XV вв.

Готландія (швед. Götaland, Götarike), по старому историческому дѣленію южная изъ трехъ главныхъ частей Швеціи.

Готландъ (Gotland), шведск. о-въ на Балтійск. морѣ, въ 70 км. отъ ближайш. берега Швеціи; вмѣстѣ съ небольшими прилежащими островами (Farö, Gottska Sandö и др.) составляетъ *лэнъ Г.*, или *Висби*, 3.158 кв. км. съ 55.219 жит. (1910). Островъ представляетъ изъ себя сплошную известковую скалу отъ 20 до 30 м. средн. высоты (высшая точка—77 м.), съ изрѣзанными, образующими нѣсколько прекрасн. естеств. гаваней берегами. Большая часть Г. покрыта слоемъ плодородной земли, поросшей гл. обр. лѣсомъ (1/2 всей площади); пахотн. поля и пастбища занимаютъ ок. 1/4 пов. Климатъ очень мягкій и ровный. Главн. занятія жит.—земледѣліе, скотоводство и рыболовство. Главн. и единств. гор. *Висби* (*см.*). Въ виду крупн. стратегич. значенія Г. на Балтійск. морѣ, островъ сильно укрѣпленъ.

Готманъ, или *Готоманъ* (Hotman или Hotomannus), Франсуа, знам. франц. юристъ, род. въ 1524 г. въ Парижѣ и уже 22 лѣтъ сталъ тамъ же читать римское право, въ 1547 г. онъ перешелъ въ протестантизмъ и сдѣлался преподавателемъ въ Лозаннѣ, въ 1550 г. приглашенъ профессоромъ въ Страсбургъ, принималъ участіе въ подготовкѣ Амбуазскаго заговора, потомъ онъ профессорствовалъ въ разныхъ городахъ, пока Варѳоломеевская ночь не заставила его бѣжать въ Женеву, а оттуда въ Базель. Ум. въ 1590 г.—Изъ его сочиненій замѣчательны: „Observationes juris romani“; „Antitribonianus“; сатира на Сикста V: „Papae Sixti V fulmen brutum in Henricum, regem Navarrae“ (1586) и знам. „Franco-Gallia, sive tractatus de regimine regum Galliae“ (1573). Послѣднее сочиненіе представляетъ глубокій интересъ, „Франко-Галлія“—это трактатъ о французскомъ королевствѣ и о его законахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это политическій памфлетъ, въ кот. изложена программа цѣлой партіи. Г. былъ типичнымъ идеологомъ гугенотскаго аристократизма, онъ одинъ изъ первыхъ публицистовъ реформаціи покинулъ абсолютистскую точку зрѣнія, отстаивая избирательную монархію и представит. правленіе. См. *R. Dareste* (1877), *Blocaille* (1902). *А. Дж.*

Готическій стиль.

Миланскій соборъ (XIV—XV в.).

По фотографіи, съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

Готовальня, ящикъ съ чертежными инструментами (простой циркуль, вставной циркуль съ принадлежностями, прямолинейное перо, малый и микрометрич. циркуль, транспортиръ и др.).

Готорнъ (Hawthorne), Натаніэль, америк. писатель, родился въ 1804 г., учился въ унив., въ концѣ 20 гг. выступилъ на литерат. поприще, какъ авторъ разсказовъ, въ 1841 г. сдѣлался членомъ колоніи интеллигентовъ-опрощенцевъ, устроившихъ недалеко отъ Бостона ферму, гдѣ въ основу жизни было положено соединеніе умственнаго и физическаго труда служилъ таможеннымъ чиновникомъ, въ 1853 г. былъ назначенъ америк. консуломъ въ Ливерпулѣ (до 1860 г.), посѣтилъ Францію и Италію (впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этихъ путешествій, легли въ основу Note Books и романа: The Marble Faun, кот. благодаря вставленнымъ въ него описаніямъ художеств. памятниковъ еще и теперь служитъ англ. и амер. туристамъ въ качествѣ путеводителя), ум. въ 1864 г. Какъ разсказы, такъ и романы Г-а представляютъ своеобразную смѣсь пуританскихъ настроеній (Г. вышелъ изъ старой пурит. семьи) и романтическихъ концепцій. Господствующей темой творчества Г-а является мысль о пагубномъ вліяніи на душу человѣка совершеннаго имъ преступленія или грѣха, при чемъ потомству часто приходится расплачиваться за злодѣяніе предковъ. Это пуританское настроеніе соединяется у Г. съ пристрастіемъ къ фантастикѣ, къ темѣ о таинственномъ жизненномъ элексирѣ въ духѣ Годвина и Гофмана, къ жуткимъ и страшнымъ сюжетамъ, къ демоническимъ персонажамъ, къ „символамъ“ и „эмблемамъ“ (эти слова то и дѣло повторяются въ его разсказахъ), при чемъ онъ обнаруживалъ въ этомъ отношеніи значительную изобрѣтательность. Сквозь эти пуританскія и романтическія настроенія пробиваются порой яркія юмористическія нотки. Общественные взгляды Г. лучше всего вырисовываются въ его аллегорическомъ разсказѣ The Great Stone Face, гдѣ, исходя изъ легендарнаго сюжета, Г. доказываетъ, что милліонеръ, солдатъ и политикъ—эти три идола воцарявшагося буржуазнаго общества—не являются высшими типами человѣка, что выше и лучше ихъ тотъ, кто всю жизнь, никогда не удовлетворяясь и успокаиваясь, ожидаетъ осуществленія на землѣ болѣе прекраснаго идеала, при чемъ самое содержаніе этого идеала, однако, точнѣе не опредѣлено авторомъ. Для юношества Г. написалъ рядъ разсказовъ изъ амер. исторіи (Grandfather's Chair). *В. Фр.*

Готофредъ (Gothofredus, латинизированное Godefroy), Денн, франц. юристъ, род. въ 1549 г., перешелъ въ протестантство и въ 1579 г. бѣжалъ въ Женеву, гдѣ сдѣлался профессоромъ. При Генрихѣ IV вернулся во Францію, но потомъ переселился окончательно въ Гейдельбергъ, ум. въ 1622 г. Ему принадлежитъ изданіе римск. юридич. сборниковъ, кот. онъ первый далъ названіе Corpus Juris Civilis.

Готофредъ, Жакъ, сынъ предыдущаго, род. въ 1587 г., учился во Франціи и вернулся въ родную Женеву, гдѣ сдѣлался профессоромъ и исполнялъ различныя госуд. должности. Ум. въ 1652 г. Его эрудиція была колоссальна. Работы его касаются доюстиніановой эпохи римскаго права. Онъ одинъ изъ первыхъ занялся изученіемъ Двѣнадцати таблицъ и далъ исчерпывающее, теперь еще неоцѣнимое для историка и юриста изданіе Codex Theodosianus.

Готскій языкъ, см. *германскіе языки*, XIV, 355, 357/358.

Готтентоты, народность, занимавшая южную и юго-западную часть южной Африки (ср. *Африка*, IV, 321), именно большую часть Капской колоніи, южную часть германской юго-западной Африки и прилежащія мѣстности британскаго Бечуаналэнда и колоніи Оранжевой рѣки. Раскинувшись на такомъ громадномъ пространствѣ, Г. никогда не представляли одного цѣлаго въ политическомъ отношеніи; они дробились на множество отдѣльныхъ племенъ и оказали очень слабое сопротивленіе европейскимъ колонистамъ. Они частью вымирали въ неравной борьбѣ, частью отступали на сѣверъ, частью оставались среди колонистовъ на положеніи рабочихъ и

*

воспринимали ихъ культуру. Въ настоящее время Г., сохранившихся въ сколько-нибудь чистомъ видѣ, очень мало. Вопросъ о происхожденіи ихъ до настоящаго времени не вполнѣ выясненъ. И антропологически, и лингвистически они очень рѣзко отличаются отъ племенъ банту, составляющихъ главную массу населенія Африки къ югу отъ экватора, такъ что тутъ исключается возможность какого бы то ни было родства. Съ ихъ сосѣдями бушменами Г. сближаютъ нѣкот. физическіе признаки (сравнительно свѣтлый цвѣтъ кожи, форма волосъ, стеатопигія) и наличность въ языкѣ щелкающихъ звуковъ, но Г. гораздо выше, чѣмъ бушмены, и отличаются отъ послѣднихъ совершенно своеобразной, имъ только свойственной формой лица. Строеніе Г. языка имѣетъ значительныя черты сходства съ хамитскими языками и, если объяснить появленіе щелкающихъ звуковъ въ первомъ заимствованіями, то наиболѣе естественнымъ будетъ сближеніе Г. съ хамитами. Лингвистически Г., впрочемъ, не представляютъ одного цѣлаго, и въ Г. языкѣ различаютъ 4 нарѣчія: южное, или нарѣчіе т. наз. „колоніальныхъ Г.“ (имѣется въ виду Капская колонія), западное, или нарѣчіе Нама, нарѣчіе Кора и восточное. Помимо щелкающихъ звуковъ, точному произношенію кот. удавалось научиться лишь отдѣльнымъ лицамъ изъ европейцевъ, большія трудности представляетъ изученіе Г. языка также вслѣдствіе измѣненія смысла словъ въ зависимости отъ различной интонаціи ихъ. Г., когда съ ними впервые познакомились европейцы, были пастушескимъ народомъ, жившимъ небольшими разрозненными общинами безъ правильно организованной политической власти; семья у нихъ носила строго патріархальный характеръ, но положеніе женщины было гораздо лучше, чѣмъ у племенъ банту; полигамія была позволена, но встрѣчалась не часто. У женщинъ очень часто (хотя рѣже, чѣмъ у бушменокъ) встрѣчается такъ называемый „готтентотскій передникъ“ (tablier des hottentotes), т. е. гипертрофія labia minora, которыя, достигая длины 15—18 см., дѣйствительно спускаются въ видѣ небольшого фартука; прежде это явленіе склонны были объяснять искусственнымъ раздраженіемъ labia minora, но, повидимому, оно представляетъ расовую анатомическую особенность. Занимаясь разведеніемъ крупнаго рогатаго скота, Г. жили въ легко переносимыхъ съ мѣста на мѣсто хижинахъ куполообразной формы, сооруженіе кот. было преимущественно дѣломъ женщины. До прихода европейцевъ они не знали никакихъ другихъ матерьяловъ для одежды, кромѣ шкуръ животныхъ; посуда у нихъ была, гл. обр., деревянная, хотя были и грубыя гончарныя издѣлія; съ металлами они уже были знакомы, по крайней мѣрѣ въ нѣкот. степени, еще до прибытія европейцевъ; у нихъ были знахари и колдуны, но настоящее жреческое сословіе отсутствовало. Въ общемъ культура Г. была низкой, но ихъ нельзя причислить къ наиболѣе первобытнымъ племенамъ земного шара; если мнѣніе о такой исключительной первобытности ихъ укоренилось у широкой публики, и выраженіе „готтентотская мораль“ вошло какъ бы въ поговорку, то, повидимому, поводъ къ этому дали нѣкоторые дѣйствительно нелѣпые и въ то же время непристойные обряды, которые сами по себѣ не могутъ быть показателями высоты культуры. Ср.: *P. Kolben*, „Caput bonae spei hodiernum“; *Th. Hahn*, „Die Nama-Hottentoten“ (Globus, 1867); *Th. Hahn*, „Beiträge zur Kunde der Hottentoten“ (VI und VII Jahresbericht des Vereins für Erdkunde zu Dresden, 1870); *G. Fritsch*, „Die Eingeborenen Süd-Afrikas“ (1873); *Dr. L. Schultze*, „Aus Namaland und Kalahari“. *А. Мкс.*

Готфридъ Бородатый, сынъ герцога Лотарингскаго; утративъ свои владѣнія, пріобрѣлъ (въ 1054 г.) въ приданое за женой маркграфство Тоскану, а въ 1057 г.—герц-во Сполето и сдѣлался, так. обр., однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей Италіи, поддержкой котор. особенно дорожили папы. Ум. въ 1069 г.

Готфридъ Бульонскій, одинъ изъ вождей перваго крестоваго похода, былъ сыномъ Евстахія II, графа Бульонскаго, сначала владѣлъ только Бульонск. графствомъ съ Верденомъ

воспринимали ихъ культуру. Въ настоящее время Г., сохранившихся въ сколько-нибудь чистомъ видѣ, очень мало. Вопросъ о происхожденіи ихъ до настоящаго времени не вполнѣ выясненъ. И антропологически, и лингвистическ они очень рѣзко отличаются отъ племенъ банту, составляющихъ главную массу населенія Африки къ югу отъ экватора, такъ что тутъ исключается возможность какого бы то ни было родства. Съ ихъ сосѣдями бушменами Г. сближаютъ нѣкот. физическіе признаки (сравнительно свѣтлый цвѣтъ кожи, форма волосъ, стеатопигія) и наличность въ языкѣ щелкающихъ звуковъ, но Г. гораздо выше, чѣмъ бушмены, и отличаются отъ послѣднихъ совершенно своеобразной, имъ только свойственной формой лица. Строеніе Г. языка имѣетъ значительныя черты сходства съ хамитскими языками и, если объяснить появленіе щелкающихъ звуковъ въ первомъ заимствованіями, то наиболѣе естественнымъ будетъ сближеніе Г. съ хамитами. Лингвистически Г., впрочемъ, не представляютъ одного цѣлаго, и въ Г. языкѣ различаютъ 4 нарѣчія: южное, или нарѣчіе т. наз. „колоніальныхъ Г.“ (имѣется въ виду Капская колонія), западное, или нарѣчіе Нама, нарѣчіе Кора и восточное. Помимо щелкающихъ звуковъ, точному произношенію кот. удавалось научиться лишь отдѣльнымъ лицамъ изъ европейцевъ, большія трудности представляетъ изученіе Г. языка также вслѣдствіе измѣненія смысла словъ въ зависимости отъ различной интонаціи ихъ. Г., когда съ ними впервые познакомились европейцы, были пастушескимъ народомъ, жившимъ небольшими разрозненными общинами безъ правильно организованной политической власти; семья у нихъ носила строго патріархальный характеръ, но положеніе женщины было гораздо лучше, чѣмъ у племенъ банту; полигамія была позволена, но встрѣчалась не часто. У женщинъ очень часто (хотя рѣже, чѣмъ у бушменокъ) встрѣчается такъ называемый „готтентотскій передникъ“ (tablier des hottentotes), т. е. гипертрофія labia minora, которыя, достигая длины 15—18 см., дѣйствительно спускаются въ видѣ небольшого фартука; прежде это явленіе склонны были объяснять искусственнымъ раздраженіемъ labia minora, но, повидимому, оно представляетъ расовую анатомическую особенность. Занимаясь разведеніемъ крупнаго рогатаго скота, Г. жили въ легко переносимыхъ съ мѣста на мѣсто хижинахъ куполообразной формы, сооруженіе кот. было преимущественно дѣломъ женщины. До прихода европейцевъ они не знали никакихъ другихъ матерьяловъ для одежды, кромѣ шкуръ животныхъ; посуда у нихъ была, гл. обр., деревянная, хотя были и грубыя гончарныя издѣлія; съ металлами они уже были знакомы, по крайней мѣрѣ въ нѣкот. степени, еще до прибытія европейцевъ; у нихъ были знахари и колдуны, но настоящее жреческое сословіе отсутствовало. Въ общемъ культура Г. была низкой, но ихъ нельзя причислить къ наиболѣе первобытнымъ племенамъ земного шара; если мнѣніе о такой исключительной первобытности ихъ укоренилось у широкой публики, и выраженіе „готтентотская мораль“ вошло какъ бы въ поговорку, то, повидимому, поводъ къ этому дали нѣкоторые дѣйствительно нелѣпые и въ то же время непристойные обряды, которые сами по себѣ не могутъ быть показателями высоты культуры. Ср.: *P. Kolben*, „Caput bonae spei hodiernum“; *Th. Hahn*, „Die Nama-Hottentoten“ (Globus, 1867); *Th. Hahn*, „Beiträge zur Kunde der Hottentoten“ (VI und VII Jahresbericht des Vereins für Erdkunde zu Dresden, 1870); *G. Fritsch*, „Die Eingeborenen Süd-Afrikas“ (1873); *Dr. L. Schultze*, „Aus Namaland und Kalahari“. *А. Мкс.*

Готфридъ Бородатый, сынъ герцога Лотарингскаго; утративъ свои владѣнія, пріобрѣлъ (въ 1054 г.) въ приданое за женой маркграфство Тоскану, а въ 1057 г.—герц-во Сполето и сдѣлался, так. обр., однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей Италіи, поддержкой котор. особенно дорожили папы. Ум. въ 1069 г.

Готфридъ Бульонскій, одинъ изъ вождей перваго крестоваго похода, былъ сыномъ Евстахія II, графа Бульонскаго, сначала владѣлъ только Бульонск. графствомъ съ Верденомъ

Готическій стиль.

Страсбургскій соборъ (XIII—XV в.).

По фотографіи, съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

и Антверпенской маркой, а когда въ споръ Генриха IV съ папой сталъ на сторону императора, тотъ далъ ему въ 1089 г. Нижн. Лотарингію и титулъ герцога. Въ 1096 г. онъ взялъ крестъ и пошелъ освобождать гробъ Господень. Подъ Іерусалимомъ Г. выказалъ большую храбрость и былъ избранъ въ короли, но принялъ только титулъ „защитника гроба Господня“ (1099); затѣмъ онъ разбилъ египет. визиря у Аскалона. Во внутр. дѣлахъ онъ проявлялъ большую уступчивость духовенству. Ум. Г. въ 1100 г. О приписываемыхъ ему ассизахъ см. *Ассизы іерусалимскіе*. Какъ первый правитель Іерусалима, Г. сильно идеализированъ въ позднѣйшихъ разсказахъ, сдѣлавшихъ изъ него главнаго вождя перваго крест. похода.

Готфридъ изъ Витербо (ок. 1120—1196), нѣмецк. средневѣков. хронистъ, капелланъ и секретарь Фридриха Барбароссы, сопровождавшій его въ походахъ. Написалъ (въ стихахъ и прозѣ) изложеніе всеобщ. исторіи — „Memoria seculorum“, часть котор.—„Gesta Frederici“—имѣетъ значеніе первоисточника, изд. въ „Monum. Germ. Hist.“

Готфридъ Страсбургскій, нѣм. среднев. поэтъ, жилъ въ концѣ XII и нач. XIII в., прославился своей (написанной на основаніи франц. прообраза) поэмой „Тристанъ и Изольда“, изображающей любовь между женой короля Марке и рыцаремъ Тристаномъ, кот. долженъ, въ концѣ концовъ, покинуть страну, встрѣчаетъ другую Изольду и переживаетъ душевную борьбу между этими двумя привязанностями. На этомъ поэма Г. обрывается. Она была закончена У. фонъ-Тюргеймъ (около серед. XIII в.) и Г. фонъ-Фрейбергъ (около 1300 г.). Поэма Г. знаменуетъ собой разложеніе рыцарскаго общества, моментъ, когда индивидуальная страсть торжествуетъ надъ кодексомъ рыц. морали. См. *нѣмецк. литература*, XIV, 252/3. *В. Фр.*

Готшаль (Gottschall), Рудольфъ, нѣмец. писатель, род. въ 1823 г., въ 40-хъ гг. участвовалъ въ бюргерскомъ движеніи (въ Кенигсбергѣ), слагалъ революціонныя пѣсни („Barrikadenlieder“), впослѣдствіи писалъ истор. трагедіи въ духѣ Шиллера („Mazeppa“, „Katharina Howard“ и др.), истор. комедіи въ стилѣ Скриба („Pitt und Fox“), романы („Im Banne des schwarzen Adlers“ и др.) и занимался исторіей и теоріей литературы („Deutsche Nationallitteratur in d. ersten Hälfte d. XIX J.“, 1853, 7-е изд. 1901 — 1902; „Poetik“, 1858, 6-е изд. 1903); написалъ свою автобіографію („Aus meiner Jugend“, 1898). Ум. въ 1909 г.

Готшалькъ, *Годескалькъ*, см. IV, 551.

Готшедъ (Gottsched), Іоганнъ Христофъ, нѣм. писатель, род. въ 1700 г., былъ въ Лейпцигѣ профессоромъ эстетики, издавалъ (въ духѣ Аддисона) нравоучительные журналы „Vernünftige Tadlerinnen“ (1725—26) и „Biedermann“, потомъ сдѣлался главнымъ теоретикомъ придворно-дворянской поэзіи, основы кот. изложилъ, главн. обр., въ „Versuch einer kritischen Dichtkunst für die Deutschen“ (1730), гдѣ доказывалъ, что трагедія и поэма, высшія формы поэзіи, должны изображать исключительно „людей знатнаго происхожденія, выдающихся по своему положенію, имени и наружности“, „королей, героевъ и великихъ госуд. людей“. Свою теорію аристократ. (или ложно-классической) трагедіи Г. иллюстрировалъ трагедіей „Der sterbende Cato“ (1732). Ум. Г. въ 1766 г. *В. Фр.*

Готы, германское племя, жившее въ I в. у южныхъ береговъ Балтійскаго моря. Туда они переселились, какъ гласитъ мало достовѣрное преданіе, изъ Скандіи, т. е. Скандинавіи, а ко II в. по Р. Х. ихъ полчища, вынужденныя недостаткомъ средствъ къ существованію въ убогихъ сѣверныхъ стоянкахъ, двинулись на югъ, къ Карпатамъ и къ Дунаю. Здѣсь они основали свою державу, которой должно было подчиниться большинство сосѣднихъ германскихъ и сарматскихъ племенъ. Отсюда съ начала III в. Г. предпринимали набѣги какъ морскіе, такъ и сухопутные на римскія области, въ 251 г. захватили Ѳракію и Мизію и нанесли жестокое пораженіе имп. Децію; ихъ отряды появились и у Аѳинъ и въ Малой Азіи. Пораженіе, нанесенное готамъ въ 270 году императоромъ Клавдіемъ II, и уступка имъ Даціи Авреліаномъ нѣсколько мѣняетъ характеръ ихъ отношеній къ имперіи.

Ихъ набѣги становятся рѣже, и въ 336 г. Константинъ заключилъ съ ними миръ. За это время развивается могущество готскаго царства Германриха (*см.*), которое охватывало не только позднѣйшія поселенія готовъ, но и первоначальную ихъ территорію по Вислѣ. Оно въ 370 г. было сокрушено гуннами. Племенныя дѣленія, намѣчавшіяся въ средѣ Г. еще раньше, послѣ паденія державы Г. приводятъ къ распаденію. Часть народа, остготы, остается подъ властью Аттилы, а другая (вестготы) движется на югъ и съ разрѣшенія римскаго императора переходитъ Дунай. О дальнѣйшемъ см. *вестготы* и *остготы*. См. *F. Dahn*, „Die Könige d. Germanen“ (1861—09); *Wietersheim*, „Gesch. d. Völkerwanderung“ (1880—1881).

Готье (Gautier), Леонъ, франц. ученый, род. въ 1832 г., съ 1871 г. професс. палеографіи въ Ecole des chartes, ум. въ 1897 г. Его изслѣдованія касаются гл. обр. средневѣковья, религіозныя и соціальныя идеи котораго нашли въ его лицѣ горячаго защитника. Главн. произв.: „Les épopées françaises“ (2 изд. 1878—97, 5 тт.), „La Chevalerie“ (2 изд. 1890), изд. „Chanson de Roland“ (1874).

Готье (Gautier), Теофиль, франц. поэтъ, принадлежалъ къ школѣ т. н. „романтиковъ“, род. въ 1811 г., молодость провелъ среди артистической и литературной богемы и до конца жизни остался вѣренъ духу этой среды, щеголяя ненавистью къ обывателямъ—буржуа, выражая эту ненависть, однако, лишь внѣшнимъ образомъ, въ мелочахъ, въ необычайномъ костюмѣ, въ образѣ жизни, въ увлеченіи рѣдкими словами или непризнанными писателями („Les grotesques“, 44). Чуждый общественныхъ интересовъ, Г. дебютировалъ въ самый разгаръ іюльской революціи сборникомъ стиховъ, воспѣвавшихъ молодость, красоту, любовь. Стремясь освободить поэзію отъ всякихъ моральныхъ и политич. тенденцій, Г. придумалъ для обозначенія такого отрѣшеннаго отъ жизни искусства извѣстную формулу „L'art pour l'art“. Безукоризненность внѣшней формы была для него важнѣе жизненнаго содержанія, и своими „Émaux et camées“ (52) онъ подготовилъ почву для поэзіи формалистовъ, Л. де Лилля и парнасцевъ. Отдавъ дань модными среди романтиковъ темамъ ужасовъ и кошмаровъ („Albertus“, „La comédie de la mort“), Г. въ романѣ „Mademoiselle de Maupin“ (36), въ повѣсти „Fortunio“ (38) становится поэтомъ языческаго наслажденія жизнью, влюбленнымъ въ тѣлесную красоту и пластическія формы. За этой видимой красивой внѣшностью для него исчезала душа человѣка, и какъ въ его лучшемъ романѣ „Le capitaine Fracasse“ (63), исторіи странствующей труппы комедіантовъ эпохи Людовика XIII, такъ и въ его многочисленныхъ путевыхъ очеркахъ (напр., „Tra los montes“; Г. былъ и въ Россіи—„Voyage en Russie“, 1866) чувствуется перо писателя, кот. когда-то мечталъ стать художникомъ, кот. превосходно передаетъ все живописное и пластическое, не умѣя заглядывать въ психическій міръ людей. Широкая публика знала Г. главнымъ образомъ какъ сотрудника „La Presse“, „Moniteur officiel“, какъ худ. и театр. критика, усматривавшаго, впрочемъ, свое назначеніе въ томъ, чтобы снисходительно и равнодушно всѣхъ хвалить, чтобы никого не обидѣть. Большую цѣнность для знакомства съ современными Г. литературными теченіями представляютъ его двѣ книги „Les jeune-France“ и „L'Histoire du Romantisme“. Ум. въ 1872. О Г. кромѣ общихъ соч. по франц. романтизму см. *M. du Camp*, „Th. G.“ (1898). *В. Фр.*

Готье, Юрій Владимір., русск. историкъ, род. въ 1873 г., въ 1895 г. окончилъ московск. у-тъ, съ 1903 г. прив.-доц. Въ 1906 г. защитилъ магистерск. диссертацію: „Замосковный край въ XVII в.“, въ кот. на основ. новыхъ данныхъ далъ оригинальное освѣщеніе цѣлому ряду вопросовъ соц.-экон. исторіи Московской Руси.

Гоу (Howe), Ричардъ, графъ, брит. адмиралъ, род. въ 1725 г., въ 1758 г., командуя небольшой эскадрой, разрушилъ укрѣпленія Шербурга, въ 1776 г. начальствовалъ надъ эскадрой въ сѣверо-америк. водахъ, но не предпринималъ никакихъ значит. операцій. Въ 1782 г. ему удалось снабдить провіан-

томъ осажденный Гибралтаръ и принудитъ соединенный испанско-франц. флотъ отступить къ Кадиксу, въ 1783—88 г. Г. былъ первымъ лордомъ адмиралтейства, въ 1794 г. разбилъ франц. флотъ близъ о. Уэссана. Ум. въ 1799 г.

Гоуда (Gouda, также Ter Gouwe), городъ въ нидерландской пров. Юж. Голландія, 24.574 жит.

Гоуикъ (Hawick), фабричн. гор. въ южн. Шотландіи, 17.303 жит., на р. Тевіотъ.

Гоусманъ, см. *англійская литература*, III, 58.

Гоустонъ (Houston), гор. сѣв.-амер. штата Техасъ, на доступн. для морск. судовъ р. Бёффало Бею (Buffalo Bayou), 78.800 жит.

Гоуэллсъ (Howells), Уильямъ, амер. писатель, род. въ 1837 г., во время гражданской войны былъ амер. консуломъ въ Венеціи (Venetian Life, Italian Journeys), въ 70 гг. редактировалъ журналъ Atlantic Monthly и дебютировалъ рядомъ повѣстей. Лучшіе романы Г. относятся къ категоріи психологическихъ (Undiscovered Country—исторія врача-спирита, въ которомъ борются шарлатанъ и правдолюбецъ; A Modern Instance—исторія гибели талантливой, но безхарактерной личности), при чемъ иногда психологическая тема развивается на фонѣ опредѣленныхъ соціальныхъ отношеній (The Rise of Silas Lapham, гдѣ исторія нравственнаго возрожденія героя вставлена въ рамку завоеванія общества богатыми parvenus). Г. написалъ также рядъ шутливыхъ одноактныхъ пьесъ (Sleeping Car, Parlor Car и др.), издалъ нѣсколько книгъ, посвященныхъ литер. вопросамъ (My Literary Passions, Heroines of Fiction, II т.). О своей жизни и литер. знакомствахъ Г. повѣдалъ въ Literary Friends and Acquaintance.

Гоуэръ (Gower), Джонъ, англ. поэтъ, современникъ и другъ Чосера, ум. въ 1408 г. Извѣстенъ своими „Cinquante ballades“, написанными на фр. яз., сатирой „Vox clamantis“ (ок. 1381 г.) и, особенно, англ. поэмой „Confessio amantis“ (1390 г.). Въ 1895 г. была найдена считавшаяся пропавшей поэма Г. „Mirour de l'omme“ на фр. яз.

Гофбургъ, императорск. резиденція въ Вѣнѣ (*см.* XII, 140/41).

Гофгерихтъ, см. *Финляндія—управленіе и судоустройство.*

Гоферъ (Hofer), Андрей, глава тирольскаго патріот. народн. возстанія 1809 г., род. въ 1767 г., трактирщикъ по профессіи (отсюда прозв. „Landwirt“), еще въ 1796 г. водилъ тирольцевъ противъ французовъ. Въ 1809 г. Г. сталъ во главѣ своихъ земляковъ и побѣдоносными стычками при Штерцингѣ, Инсбрукѣ и Галлѣ освободилъ сѣверный и средній Тироль отъ баварцевъ и французовъ (11 апр.—30 мая), черезъ два мѣсяца снова поднялся на враговъ, въ августѣ выгналъ Лефевра изъ Тироля и до Вѣнскаго мира (14 окт.) управлялъ страной. Когда по условіямъ мира Тироль остался за Баваріей, Г. снова поднялся, но на этотъ разъ счастье его покинуло, онъ бѣжалъ въ горы, былъ схваченъ благодаря предательству одного земляка и въ Мантуѣ разстрѣлянъ (20 февр. 1810).

Гофкригсратъ (Hofkriegsrat), собств. придворный военный совѣтъ, высшее учрежденіе въ Австріи, основанное въ 1556 г. и преобразованное въ 1848 г. въ военное министерство.

Гофмана фіолетъ (*іодфіолетъ*), открытая въ 1863 г. Гофманомъ краска изъ каменноугольнаго дегтя—соли триметил- и триэтил-розанилина, голубоватаго тона (*далія*) и красноватаго (*примула, ротфіолетъ* 5R экстра); шерсть и шелкъ окрашиваетъ непосредственно, хлопокъ — по протравѣ. Краска эта вытѣсняется болѣе дешевой—метилфіолетомъ.

Гофмансвальдау (Hofmannswaldau), Христіанъ Гофманъ, фонъ, одинъ изъ вождей такъ наз. второй силезской школы поэзіи (см. *нѣмецкая литература*, XIV, 270), род. въ 1617 г., заним. муниципал. и госуд. должности. Ум. въ 1679 г.—Въ своихъ стихотвореніяхъ („Gelegenheitsgedichte“, „Heldenbriefe“ и др.) Г. является представителемъ *маринизма* въ Германіи.

Гофманскія капли (Spiritus aethereus, Liquor anodynus mineralis Hoffmannii), медицинское средство, состоящее изъ одной части эфира и трехъ частей алкоголя, назначается для усиленія сердечн. дѣятельности (больше, впрочемъ, въ случаяхъ неправильн. и

неравномѣрн. дѣятельности его), для успокоенія судорожн. возбужденій, особенно нервическихъ, для прекращенія рвотъ и пр. Обыч. пріемъ 10—20 кап.

Гофмансталь (Hofmannsthal), Гуго, фонъ, австр. поэтъ, род. въ Вѣнѣ, въ 1874 г., первыя пьесы печаталъ въ журналѣ „Blätter für Kunst“ подъ псевдонимами „Morren“ и „Loris“, яркій представитель новѣйшаго „эстетизма“. Въ пьесѣ „Gestern“ (92) Г. вывелъ типъ эстета-гурмана, на все смотрящаго, какъ на матеріалъ для новыхъ ощущеній, въ пьесѣ „Der Thor u. der Tod“ (94) изобразилъ трагедію этого типа, которому его эстетизмъ мѣшаетъ реально наслаждаться и кот. уповаетъ на смерть, какъ на источникъ истинной жизни. Г. уходитъ въ своей поэзіи какъ можно дальше отъ современности въ міръ искусства („Der Tod des Tizian“, 92), или въ царство мечты („Die Hochzeit der Sobeide“), или въ прошлое, особенно въ эпоху рококо, въ Венецію XVIII в. („Der Abenteurer u. die Sängerin“, „Das gerettete Venedig“). Герои Г., пассивные и мечтательные, часто находятся во власти загадочныхъ лицъ („Der Kaiser u. die Hexe“, 1900), или таинственныхъ силъ („Das Bergwerk von Falun“), или рока (передѣлка Софокловыхъ трагедій: „Elektra“, 03, „Oedipus u. die Sphynx“, 06, „Oedipus der König“, 07). Античные сюжеты значительно модернизированы Г. (Электра—истеричка; въ отношеніяхъ Эдипа и Іокасты сильно подчеркнутъ сексуальный моментъ). Г. принадлежитъ и сборникъ стиховъ, въ стилѣ Георге („Ausgewählte Gedichte“, 03), а также рядъ прозаическихъ разсказовъ („Das Märchen der 672 Nacht“, 05. „Prosaische Schriften“, 07). *В. Фр.*

Гофманъ (Hofmann), Августъ Вильгельмъ, знам. нѣм. химикъ, род. въ Гиссенѣ въ 1818 г. Сначала онъ посвятилъ себя изученію философіи и права, но подъ вліяніемъ Либиха, ассистентомъ кот. онъ потомъ сдѣлался, обратился къ химическимъ изслѣдованіямъ. Первую свою работу надъ летучими основаніями каменноугольнаго дегтя, въ которомъ онъ доказалъ присутствіе анилина и хинолина, Г. опубликовалъ въ 1841 г. Въ 1845 г. онъ началъ читать лекціи сельскохозяйств. химіи въ Боннѣ, но скоро былъ приглашенъ въ Лондонскій College of Chemistry, гдѣ устроилъ лабораторію по образцу Либиховской. Въ 1856 г. Г. принялъ постъ начальника монетнаго двора. Въ 1861 году сдѣлался президентомъ Лондонскаго химическаго общества. Въ этотъ періодъ дѣятельности Г. произведены его наиболѣе замѣчательныя изслѣдованія. Въ 1864 году онъ переселился въ Боннъ, а въ 1865 г. въ Берлинъ въ качествѣ замѣстителя Мичерлиха, основалъ здѣсь химич. общество и произвелъ массу важныхъ изслѣдованій. Ум. 1892 г. Вліяніе Г., какъ преподавателя и ученаго, было огромно. Организаторскій талантъ его проявился въ устройствѣ образцовыхъ лабораторій въ Боннѣ и Берлинѣ. Подъ его руководствомъ учился химіи цѣлый рядъ будущихъ выдающихся ученыхъ, и изъ его лабораторіи вышли многочисленныя и важныя работы. Его „Einleitung in die moderne Chemie“ (1866) было выдающимся явленіемъ въ химич. литературѣ по ясности и наглядности изложенія химич. фактовъ и основанныхъ на нихъ ученій. Его обстоятельные, задушевные некрологи Либиха, Вёлера и др. корифеевъ науки полны глубокаго интереса. Въ области органич. химіи вообще изслѣдованія Г. встрѣчаются на каждомъ шагу, а въ области органическихъ азотистыхъ соединеній Г. сдѣлалъ болѣе другихъ изслѣдователей. Классическія изслѣдованія Г. надъ органич. производными амміака и аммоніевыми основаніями, однѣ изъ первыхъ его работъ, способствовали обоснованію „теоріи типовъ“ Лорана и Жерара. Полученіе ассистентомъ Г., Перкинымъ, въ 1856 г. первой анилиновой краски (мовеина) обратило вниманіе Г. на изученіе анилина и его производныхъ, и въ результатѣ его изслѣдованій, а за нимъ и другихъ, развилась огромная анилиново-красочная промышленность. Далѣе послѣдовали работы надъ фосфинами и фосфоніевыми основаніями, усовершенствованіе способа опредѣленія плотности паровъ Гей-Люссака и пр. Въ берлинск. періодъ дѣятельности Г. произвелъ важныя изслѣдова-

нія надъ горчичными маслами, открылъ способъ ихъ полученія, выяснилъ отношеніе ихъ къ аминамъ и установилъ ихъ строеніе. Далѣе Г. изучилъ формальдегидъ, сульфоновыя кислоты, открылъ аллиловый спиртъ, гидробензолъ, произвелъ изслѣдованія надъ пиридиномъ и выяснилъ его отношеніе къ алкалоидамъ (напр., конію) и т. д. Въ Berichten der Deutsch. chem. Gesell. напечатано свыше 150 работъ Г., большинство др. статей въ „Annalen der Chemie". *М. Н.*

Гофманъ, Іосифъ, извѣстный современный піанистъ, род. въ 1876 г. въ Краковѣ, гдѣ отецъ его былъ капельмейстеромъ въ опереткѣ. Уже въ раннемъ дѣтствѣ Г. обнаружилъ блестящія музыкальныя способности; учился игрѣ на ф.-п. у отца и мальчикомъ концертировалъ въ Германіи и Америкѣ. Благодаря щедрой поддержкѣ одного богатаго американца, Г. могъ бросить на время концертныя путешествія и серьезно заняться музыкой. Онъ поселился въ Берлинѣ и бралъ уроки у Урбана (теорія музыки) и Мошковскаго (ф.-п.); свое музыкальное образованіе онъ завершилъ у А. Рубинштейна. 19 лѣтъ Г. предпринялъ снова концертное путешествіе по Америкѣ, затѣмъ по Европѣ и всюду съ огромнымъ успѣхомъ. Въ Россіи успѣхъ Г. особенно великъ. Помимо поразительной техники, которая одинаково отличается какъ отчетливостью и бѣглостью, такъ и бравурнымъ блескомъ, игра Г. привлекаетъ прежде всего своей внутренней одухотворенностью, увлеченіемъ, умѣньемъ рядомъ съ главной музыкальной мыслью сочиненія выдѣлить и изящно оттѣнить всѣ его интересныя детали. Г. также написалъ фортепіанный концертъ и рядъ мелкихъ пьесъ для ф.-п. *Ю. Э.*

Гофманъ (Hoffman), Карлъ-Александръ, польскій юристъ, историкъ и публицистъ аристокр. лагеря, критикъ республик. теоріи Лелевеля и его школы, род. въ 1798 г. Гл. соч. Г. „Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski" (1847—49), „Historya reform polityczn. w dawnej Polsce" (1867), „Przyczyny podziału monarchii polskiej po Boleslawie Krzywoustym" (1872) написаны въ духѣ монарх. традицій; въ ослабленіи монархизма и въ отсутствіи сильнаго городского сословія, кот. могло бы притти на помощь королямъ противъ притязаній шляхты, Г. видитъ гл. причины паденія Польши. Ум. въ 1875 г.

Гофманъ, Францъ, нѣмец. писатель для юношества, род. въ 1814 г., въ 1846 г. основалъ дѣтскій журналъ „Neuer deutsche Jugendfreund". Ум. въ 1882 г. Его многочисленныя произведенія переведены на всѣ языки.

Гофманъ, Фридрихъ, выдающійся врачъ и химикъ, род. въ 1660 г., получилъ обширныя знанія по медицинѣ, математикѣ и естеств. наукамъ, былъ сначала врачемъ, затѣмъ проф. медицины въ Галле, затѣмъ въ Берлинѣ. Ум. въ 1742 г. Написалъ рядъ цѣнныхъ трудовъ по медицинѣ, фармаціи и аналитич. химіи. Его взгляды на горѣніе походили на взгляды творца теоріи флогистона Сталя, но взгляды его на процессы „возстановленія" и обжиганіе „известей" во многомъ походили на современные. По его мнѣнію, при возстановленіи удалялась изъ металлич. известей sal acidum. Г. изучилъ большое количество минеральныхъ источниковъ и указалъ происхожденіе и способы опредѣленія углекислоты, желѣза, поваренной соли, известковыхъ и магнезіальныхъ солей, а также характерные признаки щелочныхъ и сѣрныхъ водъ. Онъ часто пользовался кристаллич. формами, какъ отличительнымъ признакомъ многихъ солей. По его имени названы гофманскія капли.

Гофманъ (Hoffmann), Эрнстъ Теодоръ Вильгельмъ, нѣм. писатель (въ честь Моцарта называлъ себя Амедеемъ), род. въ 1776 г., изучалъ въ Кенигсбергѣ право, сначала посвятилъ себя музыкѣ, много писалъ о ней, былъ капельмейстеромъ въ Бамбергѣ и Дрезденѣ (1807—1814), выступалъ, какъ композиторъ („Singspiel", опера „Ундина"), какъ предшественникъ Вагнера, въ 1814 г. дебютировалъ, какъ писатель („Phantasiestücke in Callots Manier"), съ 1816 г. состоялъ членомъ каммергерихта, въ процессахъ противъ „демагоговъ" неукоснительно стоялъ на стражѣ законности, свобод-

ное время посвящалъ литературѣ, ночи проводилъ въ винныхъ погребкахъ, злоупотребляя виномъ (отсюда чрезмѣрно мрачный характеръ большинства его произведеній; повѣсти въ родѣ „Des Vetters Eckfester“, написанныя въ періодъ болѣзни, передъ смертью, когда онъ не пилъ, значительно свѣтлѣе), ум. въ 1822 г. Раздѣляя съ нѣм. романтиками ихъ симпатіи къ отживавшимъ формамъ соц.-экон. жизни (идеализація средневѣк. ремесла въ „Meister Martin“), ихъ любовь къ природѣ за счетъ города (напр., „Die Genesung“, хотя самъ онъ всю жизнь провелъ въ городѣ), ихъ увлеченіе музыкой („Ritter Gluck“, „Don Juan“, „Kleisleriana“), ихъ тяготѣніе ко всему таинственному и ужасному (въ его разсказахъ дѣйствуютъ дьяволъ, вѣдьмы, привидѣнія, таинственные незнакомцы, магнетизеры, автоматы, двойники), Г. въ отличіе отъ нихъ былъ тонкимъ наблюдателемъ окружающей дѣйствительности, бытописателемъ города и мѣщанства и нѣкоторыми разсказами („Meister Martin“, „Doge und Dogaresse“ и др.) уже шелъ навстрѣчу реализму. Чувствуя себя удрученнымъ міромъ мѣщанъ-обывателей, Г., въ отличіе отъ романтиковъ, не отворачивался отъ него, а превозмогалъ его, предусматривая надъ нимъ другой міръ, болѣе прекрасный и идеальный. Герои Г. часто являются заодно обывателями-мѣщанами и сказочными существами, или же міръ представляется имъ одновременно обывательскимъ и фантастическимъ („Der goldene Topf“, „Klein Zaches“, „Das fremde Kind“ и др.). Въ этомъ переплетеніи двухъ міровъ, въ этомъ врастаніи одного міра въ другой, въ этомъ сочетаніи обыденности и необычайности—главная оригинальность Г. Подъ вліяніемъ уродства мѣщанской жизни и злоупотребленія алкоголемъ жизнь все болѣе превращалась въ его глазахъ въ тяжелый кошмаръ случайностей и ужасовъ, въ царство дьявола („Die Elixiere des Teufels“ и др.). Фантастическіе разсказы Г. оказали большое вліяніе на франц. романтиковъ и пользовались въ 30 и 40 гг. большой популярностью и у насъ (Бѣлинскій, Герценъ, Одоевскій). Въ настоящее время Г. снова входитъ въ моду и въ Германіи. Его произведенія оказали большое вліяніе на „страшные“ разсказы Г. Г. Эверса, по образцу „Serapionsbrüder“ создалъ Вассерманъ свой послѣдній романъ „Золотое зеркало“. О Г. см. *A. Barine*, „Poètes et neurosés“; *Sackheim*, „Hoffmann. Studien zu seinem Leben u. seinem Werken“; *P. Margis*, „Hoffmann. Eine psychographische Individualanalyse“. *В. Фриче.*

Гофманъ, *Танская*, Клементина, польская писательница, род. въ 1798 г. и очень рано выступила на литературн. поприще. Первое ея сочиненіе „Pamiątka po dobrej matce“ появилось въ 1819 г. и не забыто до сихъ поръ. На родинѣ ее считаютъ самой выдающейся польской писательницей первой половины XIX в.; но она отличалась не столько литературнымъ талантомъ, сколько глубокой, восторженной преданностью общественнымъ идеаламъ и, въ частности, культурнымъ интересамъ женщины. Она взывала къ патріотизму и гражданскимъ добродѣтелямъ женщины, чтобы поднять ее на болѣе высокую ступень. Ея слова: „Неужели я, какъ женщина, нуль, получающій цѣнность лишь отъ стоящей подлѣ него цифры?“ переходили изъ устъ въ уста и стали боевымъ аргументомъ. Для поднятія женскаго самосознанія Г. сдѣлала очень много. Даже послѣ ея смерти вліяніе ея не ослабѣло; по свидѣтельству Э. Ожешко, ея сочиненія были Библіей польскихъ женщинъ. Г. ум. въ 1845 г. и похоронена въ польскомъ пантеонѣ—въ Краковскомъ Соборѣ. *М. Р.*

Гофманъ Доннеръ, Генрихъ, нѣм. поэтъ и писатель для юношества, род. въ 1809 г., былъ врачемъ въ франкфуртскомъ госпиталѣ для умалишенныхъ, ум. въ 1894 г. Изъ его стихотвореній особенно популярны баллады и сатиры; но славу его создалъ „Степка-растрепка“ („Der Struwwelpeter“, 1847, почти 200 изд.), знакомый каждому ребенку и вызвавшій массу подражаній.

Гофманъ фонъ Фаллерслебенъ, Августъ Генрихъ, нѣм. поэтъ и лингвистъ, род. въ 1798 г., рано началъ изучать нѣмецкую литературу, въ 1830 г. сдѣлался проф. нѣм. языка

В. Гофмейстеръ (1824—1877).

въ Бреславлѣ, въ 1842 г. уволенъ за свободомысліе, въ 1860 г. сталъ библіот. герцога Ратибора въ замкѣ Корвей. Ум. въ 1874 г. Слава Г., какъ поэта, основана на его пѣсняхъ, въ кот. онъ сумѣлъ такъ хорошо выдержать духъ народной лирики, что многія изъ нихъ сдѣлались достояніемъ народа. Лучшія изъ нихъ его патріотическія и политическія пѣсни („Unpolitische Lieder", 1840—41, 2 тт.).

Гофмаршалъ, придворн. чинъ III класса, вѣдающій довольствіе Высочайшаго двора и вѣдающій устройство пріемовъ и путешествій Высочайшихъ особъ (*Гофмаршальская часть*). Старшій Г., *оберъ-гофмаршалъ*, — чинъ II класса.

Гофмейстеръ (нѣм.), придворный чинъ; по табели о рангахъ Г. состоятъ въ 3-мъ классѣ и приравнены къ тайнымъ совѣтникамъ.

Гофмейстеръ, Вильгельмъ, знаменитый германскій ботаникъ (р. въ 1824 г., ум. въ 1877 г.). Современные ученые не задумываются называть его великимъ (Д. Скоттъ, 1912), а главный результатъ его изслѣдованій—величайшимъ морфологическимъ открытіемъ XIX вѣка (Тимирязевъ, 1897). Саксъ въ своей исторіи ботаники отводилъ ему мѣсто предшественника Дарвина, осуществившаго до него на дѣлѣ то, что Геккель позднѣе назвалъ *филогенезисомъ* (*см.*) всего растительнаго міра. Слава Г., несмотря на то, что со времени появленія его главнаго труда „Vergleichende Untersuchungen der Keimung, Entfaltung und Fruchtbildung höherer Kryptogamen und der Samenbildung der Coniferen" (1851) прошло болѣе полу-вѣка, только растетъ, и его воззрѣнія и блестящія пророческія предсказанія получаютъ все новыя подтвержденія. Личность Г. сверхъ того представляетъ тотъ глубокій интересъ, что являетъ яркій примѣръ *дилеттанта*, не получившаго ни университетскаго, ни гимназическаго образованія и съ перваго своего изслѣдованія занявшаго мѣсто въ первомъ ряду ученыхъ своего времени.

Отецъ его былъ владѣльцемъ крупной лейпцигской книжной и нотной фирмы. Начальное образованіе Г. получилъ въ частной школѣ, директоръ которой, талантливый педагогъ, считалъ признакомъ успѣшной школы—развитіе въ учащихся самостоятельнаго мышленія, что въ свою очередь достижимо только при очень ограниченномъ числѣ учащихся. Тѣ годы, которые молодые люди проводятъ въ университетахъ или высшихъ спеціальныхъ училищахъ, Г. провелъ за прилавкомъ въ магазинѣ отца и здѣсь же сдѣлалъ доставившія ему знаменитость научныя изслѣдованія. Отецъ, любитель ботаники, обладавшій прекраснымъ гербаріемъ и маленькимъ ботаническимъ садомъ, хотѣлъ привить ему свои ботаническіе вкусы и тѣмъ только отбилъ у него охоту къ изученію систематики растеній.—Молодой Г. увлекался энтомологіей и музыкой, а изъ школьныхъ предметовъ его особенно привлекали физика, химія и математика. Первый толчекъ къ ботаническимъ занятіямъ дало ему чтеніе замѣчательной книги Шлейдена „Основы научной ботаники". Онъ нашелъ свое истинное призваніе въ изученіи той исторіи развитія растительныхъ организмовъ, въ которой Шлейденъ видѣлъ главную задачу современной ему ботаники. Къ тому же его природный недостатокъ—близорукость (мѣшавшій ему гербаризировать) явился ему здѣсь на помощь. Кто видѣлъ его за работой, помнитъ, какъ онъ могъ схватывать едва видимый объектъ между перстомъ и указательнымъ пальцемъ и, держа его почти подъ носомъ, разрѣзать бритвой на тончайшіе препараты, никогда не нуждаясь въ препаровальномъ микроскопѣ или лупѣ. Но критическій умъ молодого ученаго вскорѣ выразился въ предпочтеніи строго научнаго скептика Г. фонъ Моля (*см.*) блестящему, но часто увлекавшемуся Шлейдену. Въ 1845 г. онъ предпринялъ поѣздку въ южную Баварію и Тироль, въ первый разъ поразившій его красотами альпійской природы. Въ 1847 г. онъ женился и поселился въ большомъ домѣ, который его отецъ построилъ среди своего ботаническаго сада, собравъ, какъ онъ выражался, подъ „сѣнью этого шатра ветхозавѣтнаго патріарха" всю свою многочисленную семью. У молодого Вильгельма появились вскорѣ и свои

пять человѣкъ дѣтей. Его окружала не только большая семья, но и кругъ избранныхъ друзей, между которыми были историкъ Трейчке и физіологъ Функе. Такъ прожилъ онъ 16 лѣтъ—это была самая продуктивная пора его научной дѣятельности. Въ 1847 г. появилась его первая работа. Въ 1849 г. вторая, обратившая на него вниманіе всего ученаго міра, а въ 1851 г.—тотъ изумительный трудъ, который навсегда обезсмертилъ его имя. Все на протяженіи четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ одно наслѣдованіе 1851 г., съ его безчисленными рисунками, производитъ впечатлѣніе труда десятковъ людей въ теченіе десятковъ лѣтъ. Эта неимовѣрная кипучая дѣятельность, результатомъ которой было одно изъ самыхъ широкихъ научныхъ обобщеній, не могла не обратить на себя всеобщаго вниманія. Еще въ томъ же 1851 г. ростокскій университетъ, на основаніи отзыва Гуго фонъ Моля, что „Г. сразу занялъ въ наукѣ не только почетное, но прямо такое выдающееся положеніе“, призналъ его докторомъ „honoris causa“. Такимъ образомъ, талантъ и трудъ восполнили отсутствіе аттестата зрѣлости и другихъ дипломовъ, и передъ Г. открылась возможность предаться исключительно научной дѣятельности. Его друзья давно этого желали, боясь, что, продолжая, несмотря на свою лихорадочную научную дѣятельность, помогать отцу въ его торговой дѣятельности, онъ надорветъ свои силы. Самъ Г. никогда не стыдился этой дѣятельности; свой главный трудъ онъ посвятилъ „дорогому отцу, книгопродавцу въ Лейпцигѣ“, а о себѣ, уже ставъ знаменитостью, говорилъ съ гордостью: „я сынъ и внукъ книгопродавца“. Тѣмъ не менѣе, когда въ 1863 г. либеральное баденское правительство предложило гейдельбергскому университету избрать прямо ординарнымъ профессоромъ „человѣка, обнаружившаго геніальныя способности и заявившаго о своемъ согласіи занять академическую каѳедру“, онъ принялъ это лестное избраніе. Такъ совершился этотъ переходъ прямо изъ-за прилавка на одну изъ самыхъ видныхъ каѳедръ въ странѣ. Несмотря на убогую съ современной точки зрѣнія обстановку, появленіе Г. на каѳедрѣ привлекло къ нему ученыхъ не только изъ Германіи, но и изъ другихъ странъ (Н. Мюллеръ, Фицеръ, Аскенази Мильярде, Розановъ, Крутицкій, Тимирязевъ, Гёбель, Захаріасъ и др.). Съ переходомъ въ Гейдельбергъ Г. болѣе сосредоточился на начавшихъ его занимать съ конца шестидесятыхъ годовъ физіологическихъ вопросахъ. Здѣсь же онъ приступилъ къ осуществленію еще въ Лейпцигѣ задуманнаго имъ плана совмѣстнаго съ самыми выдающимися его современниками (Де-Бари, Саксомъ, Принсгеймомъ и др.) изданія „Руководства физіологической ботаники“. Г. была предоставлена общая редакція; имъ самимъ были составлены богатые оригинальными мыслями два тома: „Ученія о клѣточкѣ“ и „Общей морфологіи“. До этого времени вся жизнь его была рядомъ блестящихъ успѣховъ и протекала въ атмосферѣ счастливой семьи, тѣснаго круга друзей и всеобщаго уваженія. Съ начала семидесятыхъ годовъ это была повѣсть Іова многострадальнаго, окончившаяся преждевременною смертью въ возрастѣ 53 лѣтъ, когда онъ могъ бы еще столько сдѣлать для науки. Начались неудачи съ разлада въ профессорской средѣ, вызваннаго событіями 1870 года. Успѣхи Пруссіи были далеко не симпатичны тѣмъ баденцамъ, которые еще живо помнили крутую расправу 1848 г. Другъ и землякъ Г., Трейчке, саксонецъ родомъ, но болѣе пруссакъ, чѣмъ сами пруссаки, втянулъ Г. въ борьбу съ баденскимъ большинствомъ профессоровъ, во главѣ котораго стояли Бунзенъ и Кирхгофъ. Положеніе обострилось до того, что Г. пришлось искать другого университета, и въ 1872 г. онъ съ радостью принялъ приглашеніе въ Тюбингенъ, занявъ каѳедру, которую занималъ до той поры знаменитый Гуго фонъ Моль. Около этого же времени начали появляться критики на его работы. Особенно раздражала его критика Страсбургера, дѣятельность котораго, конечно, была ничтожна въ сравненіи съ дѣятельностью Г. Одновременно съ этимъ послѣдовалъ рядъ семейныхъ несчастій: въ 1870 г. умерла жена, въ 1871—дочь, въ 1875, на разстояніи двухъ дней, его гордость и надежда—два сына въ возрастѣ 23 и

25 лѣтъ—всѣ четверо отъ чахотки. Силы его были надломлены; въ 1876 году его сразилъ ударъ паралича, лишившій его рѣчи и способности къ движенію, что, при его живомъ характерѣ и обычной подвижности, было для него особенно тяжело. Въ 1877 г. смерть принесла ему избавленіе отъ страданій. Его нѣмецкіе коллеги отнеслись съ непонятной холодностью къ этой потерѣ: вѣроятно, все еще не могли простить выскочкѣ затмившіе ихъ успѣхи. Первая его біографія появилась черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти, а къ этому времени труды японскихъ и американскихъ морфологовъ и англійскихъ палеонтологовъ выяснили все значеніе его блестящихъ обобщеній и предсказаній.

Переходя къ оцѣнкѣ научной дѣятельности Г., прежде всего должно отмѣтить, что наука обязана ему самыми основными положеніями морфологіи и нѣкоторыми важными положеніями физіологіи. Важнѣйшіе его труды можно группировать вокругъ трехъ главныхъ пунктовъ: 1) онъ установилъ современное воззрѣніе на процессъ полового размноженія высшихъ растеній; 2) онъ основалъ современное воззрѣніе на единство всего растительнаго міра, доказавъ существованіе перехода отъ высшихъ споровыхъ растеній къ низшимъ сѣмяннымъ; 3) онъ указалъ на необходимость, для дополненія ученія Дарвина, изучить зависимость измѣнчивости организмовъ отъ внѣшнихъ условій, т. е. указалъ на необходимость разработки той области, которая позднѣе получила названіе экспериментальной морфологіи (*см.*).

I. *Оплодотвореніе цвѣтковыхъ растеній.* Къ концу первой половины XIX вѣка Шлейденъ авторитетомъ своего имени и силою своего полемическаго таланта пытался подорвать уже въ теченіе почти двухъ вѣковъ успѣвшее укорениться убѣжденіе въ существованіи полового процесса у цвѣтковыхъ растеній. Онъ утверждалъ, что все это ученіе основано на ложной аналогіи съ животными и что, напротивъ того, у растеній существуетъ только безполое размноженіе—спорами у высшихъ споровыхъ (папоротниковъ, хвощей, плауновъ и т. д.) и такими же спорами, именуемыми цвѣтнемъ, или пыльцею, у сѣмянныхъ растеній, только у первыхъ спора прорастаетъ на почвѣ, а у вторыхъ въ особыхъ вмѣстилищахъ цвѣтка (янчкахъ или сѣмянопочкахъ), ложно считаемыхъ за женскій половой органъ. Этотъ блестящій парадоксъ (заключавшій ядро не вполнѣ понятой истины) производилъ впечатлѣніе строгой и глубокой критики существующаго ученія и привлекъ Шлейдену многочисленныхъ сторонниковъ, особенно Шахта, въ Россіи Желѣзнова. Рядомъ съ этимъ, открытые у цѣлаго ряда споровыхъ растеній антерозоиды, поразительно схожіе съ сперматозоидами, единогласно признавались за животныхъ. Такимъ образомъ, около 1847 г. всему ученію о существованіи половъ у растеній, казалось, былъ нанесенъ окончательный ударъ: оно просто отрицалось, признавалось за грубое заблужденіе, основанное на поверхностной аналогіи. Противъ этого-то блестящаго разрушительнаго ученія выступилъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, не получившій даже университетскаго образованія купеческій приказчикъ. Черезъ какихъ-нибудь три года картина совершенно измѣнилась—теорія Шлейдена оказалась разбитой, а имя неизвѣстнаго ботаника Гофмейстера было у всѣхъ на устахъ.

II. Гомологія споровыхъ и сѣмянныхъ растеній. Въ 1848 г., въ самый разгаръ революціи, появилась брошюра („Zur Entwicklungsgeschichte der Farnkräuter") другого дилетанта, молодого польскаго графа Лещика-Суминскаго, имя котораго до той поры и позже не появлялось въ ботанической литературѣ. Хотя авторъ очень осторожно излагалъ наблюдаемые имъ факты, чтобы не притти въ столкновеніе съ модньмъ ученіемъ, его работа была отвергнута ходячими авторитетами (особенно презрительной критикѣ подвергъ ее Вигандъ, позднѣе прославившійся своимъ неудачнымъ походомъ противъ Дарвина). Но первый „дилеттантъ" смѣло выступилъ на защиту второго. Въ краткой замѣткѣ (1849 г.) Г. указалъ, какіе широкіе горизонты открываетъ эта брошюра; онъ смѣло высказалъ, что органы на зароткѣ папоротника несомнѣнно половые, а „спи-

ральныя нити"—оплодотворяющія начала, указывалъ на гомологію между мхами и папоротниками и т. д. Словомъ, развивалъ программу своего главнаго труда, тѣхъ знаменитыхъ „Vergleichende Untersuchungen", которыя могутъ считаться однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній XIX вѣка въ области морфологіи. Молодой ботаникъ, едва окончившій свой капитальный трудъ по оплодотворенію цвѣтковыхъ растеній, задался ни болѣе ни менѣе какъ изученіемъ полной исторіи развитія представителей главнѣйшихъ типовъ растительнаго царства, начиная со мховъ и кончая цвѣтковыми, отправляясь каждый разъ со споры и доводя весь циклъ развитія до появленія споръ слѣдующаго поколѣнія. Въ основу всего изслѣдованія была положена мысль, что полный циклъ развитія всякой растительной формы (начиная со мховъ и доходя до цвѣтковыхъ) представляетъ чередованіе двухъ поколѣній—полового и безполаго. Самымъ типическимъ представителемъ принятъ былъ папоротникъ. Руководясь этой идеей, Г. установилъ гомологію всѣхъ представителей растеній, начиная со мховъ. Для того, чтобы, какъ онъ выразился, „перебросить мостъ" отъ споровыхъ къ цвѣтковымъ, Г. призналъ корпускулу голосѣменныхъ за архегоній, а пыльцу за мужскую спору и предсказалъ, что въ пыльцевой трубкѣ будутъ найдены антерозоиды. Пророчество это оправдалось черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти и является блестящимъ, чуть не единственнымъ примѣромъ въ области морфологіи одного изъ тѣхъ предсказаній, которыя составляютъ гордость болѣе точныхъ наукъ—астрономіи, физики, химіи. Еще болѣе разительнымъ подтвержденіемъ вѣрности гомологіи между споровыми и сѣмянными растеніями явилось открытіе ископаемыхъ папоротниковъ съ ясными сѣменами.—III) *Экспериментальная морфологія.* Третьей важной заслугой Г. была его основная точка зрѣнія на процессъ эволюціи. Выступивъ убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи естественнаго отбора, онъ указалъ, что дальнѣйшее развитіе эволюціоннаго ученія должно быть направлено не въ сторону выдвинутаго Негели ученія о внутреннемъ стремленіи организмовъ къ совершенству, а въ сторону изученія перваго изъ трехъ основныхъ факторовъ эволюціи — измѣнчивости, въ ея зависимости отъ внѣшнихъ условій существованія. Въ этомъ смыслѣ Г. долженъ быть разсматриваемъ какъ предвозвѣстникъ одного изъ самыхъ плодотворныхъ направленій современной ботаники—*экспериментальной морфологіи* (*см.*). Величайшій изъ новѣйшихъ ботаниковъ-морфологовъ, Г. оставилъ глубокіе слѣды своей дѣятельности и въ экспериментальной физіологіи своими изслѣдованіями надъ движеніемъ соковъ (*см.*), дѣятельностью корня и напряженіемъ тканей; работы эти, особенно о движеніи соковъ, отличаются ясными физическими представленіями автора, чего нельзя сказать о работахъ въ той же области его современника спеціалиста-физіолога Сакса.

Единственная біографія Г. составлена его ученикомъ, профессоромъ *Фицеромъ*: „Wilhelm Hofmeister" von *Ernst Pfitzer* (Heidelberg, 1903). Главнѣйшія произведенія Г.: „Die Entstehung des Embryos der Phanerogamen" (1849. Процессъ оплодотворенія и образованія зародыша у 40 растеній изъ 19 различныхъ семействъ); „Neuere Beobachtungen über Embryobildung der Phanerogamen" (1858; Pringsheims Jahrb.; охватываетъ развитіе 180 родовъ р.); „Vergleichende Untersuchungen der Keimung, Entfaltung und Fruchtbildung höherer Kryptogamen und der Samenbildung der Coniferen" (1851). Позднѣе это капитальное произведеніе Г. вышло значительно дополненнымъ англійскимъ издателемъ „On the Development etc. of the higher Cryptogamae", London (Ray Society, 1862 г.; 68 таблицъ); „Die Lehre von der Pflanzenzelle" (1867); „Allgemeine Morphologie der Gewächse" (1868). Физіологическіе труды Г. разбросаны въ многочисленныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ и отчасти сведенныхъ въ послѣднихъ двухъ указанныхъ томахъ. *К. Тимирязевъ.*

Гофферъ, Geomys bursarius, видъ грызуновъ изъ сем. мѣшетчатыхъ крысъ, длиной до 35 см., изъ кот.

6,5 приходится на хвостъ; тѣло неуклюжее, голова толстая, почти безъ ушей, глаза маленькіе, переднія ноги вооружены сильными когтями, шерсть густая и мягкая, голубовато-сѣраго цвѣта при корнѣ, на спинѣ красноватая, на брюхѣ свѣтлѣе; на внѣшней поверхности щекъ открываются обширные защечные мѣшки. Г. водится въ С. Америкѣ между Скалистыми горами и Миссисипи, по образу жизни напоминаетъ крота, вырываетъ длинные ходы, гдѣ помѣщается гнѣздо и кладовыя для помѣщенія запасовъ. Г. обдираетъ корни цѣнныхъ деревьевъ, портитъ корнеплоды.

Гофъ (Hof), фабричн. городъ въ Баваріи на р. Верхн. Заалѣ, 41.126 ж.

Гофъ-маклеръ, см. *биржа*, V, 580.

Гохландъ (швед. Hogland), высокій (до 74 саж.), скалист. островъ на Финск. зал., площ. 20,6 кв. км., 836 жит., 3 маяка. Съ 1743 г., по Абосскому миру, Г. принадлеж. Россіи (Выборг. губ.). При Г. 6 іюля 1788 г. произошло морское *сраженіе* между русск. подъ командой адм. Грейга и шведами.

Гохмейстеръ (Hochmeister), одно изъ назв. главы Тевтонск. ордена (*см.*).

Гохштедтъ, гор. въ Баваріи. Въ 1704 г. побѣда англичанъ и австрійцевъ надъ французами и баварцами.

Гоцатль, аулъ въ Дагестанѣ на р. Койсу, одно изъ самыхъ сильныхъ гнѣздъ дагест. горцевъ (аварцевъ); взятъ русскимъ отрядомъ въ 1834 г.

Гоцци (Gozzi), Гаспаро, гр., итал. писатель, род. въ 1713 г. въ Венеціи, въ обѣднѣвшей аристократ. семьѣ, въ 1739 г. женился на писательницѣ Луизѣ Бергалли, очень плохой хозяйкѣ, въ 1758 г. арендовалъ театръ, кот. прогорѣлъ, открылъ школу (1756—62), кот. дохода не приносила, ради заработка переводилъ (вмѣстѣ съ женой) съ франц. романы, драмы, философ. и истор. произведенія, въ 1762 г. былъ назначенъ цензоромъ, въ 1774 г.—инспекторомъ школъ, въ 1777 г. покушался на самоубійство, ум. въ 1786 г. Г. одинъ изъ піонеровъ итальянск. журналистики, издавалъ въ 1760—61 г. „Gazzetta Veneta“ (два раза въ недѣлю), съ интересной хроникой венец. жизни, съ 1762 г. (въ подражаніе Аддисону) журналъ „L'Osservatore Veneto“, обсуждавшій моральные, литер. и философ. вопросы. Своими сатирами (Sermoni), въ кот. Г. высмѣивалъ разные недостатки современной жизни (франтовъ, мѣщанокъ, подражающихъ обычаямъ аристократіи, и т. д.), онъ проложилъ дорогу сатирѣ Парини. Большой патріотъ (пьесы „Marco Polo“ и „Isaccio“), чуждавшійся политики, Г. не примыкалъ ни къ одной изъ боровшихся въ Венеціи партій, ни къ сторонникамъ прошлаго, ни къ новаторамъ-философамъ, и потому не сыгралъ въ умственной жизни родного города особенно крупной роли. Къ числу его заслугъ необходимо отнести, что онъ понялъ и защищалъ театральную реформу Гольдони. О немъ см. *Malmignati*, „G. G. ei suoi tempi“ (1889); *Tommaseo*, „La storia civile nella letteratura“; *Monnier*, „Venise au XVIII siècle“. *В. Фр.*

Гоцци, Карло, братъ предыдущаго, итал. писатель, род. въ 1722 г. въ Венеціи, противникъ новой реально-бытовой, соціальной и сентимент. драмы Гольдони и Кьяри, напалъ на нихъ во имя упраздненной ими Commedia dell'arte (импровизированной, „народной“) въ памфлетѣ „Tartana degli influssi per l'anno bisestile“ (1757), потомъ перенесъ борьбу на подмостки, противополагая ихъ драмамъ свои „сказки“ (fiabe), имѣвшія цѣлью возродить импровизир. комедію. Первая изъ нихъ („L'amore delle tre melarancie, 1761), въ кот. въ комич. видѣ выведены Гольдони и Кьяри, воскрешавшая старыя „маски“ и только частью написанная, имѣла такой успѣхъ, что Гольдони покинулъ Венецію. Слѣдующія „сказки“ Г. („Il corvo“, „Il re cervo“, „Turandot“, перевед. Шиллеромъ, „La donna serpente“ и др.) имѣли лишь очень мало общаго съ той Commedia dell'arte, кот. были призваны возродить, и когда умеръ „послѣдній великій арлекинъ“ Сакки, на плечахъ кот. покоился репертуаръ Г., послѣдній понялъ, что прошлаго не вернешь. Какъ по своимъ литературнымъ вкусамъ, такъ и по своимъ обществ. идеаламъ Г. былъ сторонникомъ прошлаго, вооружаясь противъ франц. вольнодумцевъ и энциклопедистовъ, противъ стремленій демократіи къ равенству, что не помѣшало ему объ-

явить себя демократомъ, когда въ Венеціи была учреждена демокр. республика. Исторію своей жизни Г. разсказалъ въ своихъ „Memorie inutili“ (1797). Ум. въ 1806 г. Пьесы его, быстро забытыя въ Италіи, пользовались большой популярностью среди романтиковъ (особенно нѣмецкихъ). О немъ см. предисловіе *E. Masi* къ его изданію „Fiabe“ (1884). *В. Фр.*

Гоццо (Gozzo), принадлеж. Англіи гористый островъ на Средиземномъ морѣ, къ с.-з. отъ Мальты, 67 кв. кил., съ 20.003 жит.. Гл. гор. Рабато.

Гоццоли (Gozzoli), Беноццо, собственно *Беноццо ди Лезе*, флорентійскій живописецъ, р. въ 1420 г., былъ сотрудникомъ Фіезоле въ Римѣ и въ Орвіето и отъ него усвоилъ свѣтлый, ясный колоритъ. Онъ работалъ много, быстро и легко, не особенно углубляясь. Въ изученіи природы и въ теоретическомъ отношеніи онъ уступаетъ своимъ великимъ современникамъ. Но богатство фантазіи, жизненность, свѣжесть изображеній, свѣтлое настроеніе, разлитыя въ картинахъ Г., имѣютъ притягательную силу и дѣлаютъ его замѣтнымъ художникомъ XV вѣка. Главныя произведенія его: „Шествіе трехъ царей въ Виѳлеемъ“ на 3-хъ стѣнахъ капеллы Медичи въ палаццо Риккарди во Флоренціи, фрески изъ жизни св. Августина въ Санджиминіанской церкви имени этого святого и особ. 24 стѣнныхъ фрески въ Кампо Санто въ Пизѣ, обнимающія событія Ветхаго завѣта отъ Ноя до Моисея. Эти библейскіе сюжеты превращены Г. въ картины итальянской жизни эпохи возрожденія. Въ нихъ Г. очень живо изобразилъ пейзажъ, архитектуру и жизнь Тосканы его времени и далъ много портретовъ современной ему флорентійской знати. Въ этомъ отношеніи фрески Г.—оцнѣ изъ самыхъ интересныхъ. Ум. въ 1498 г. *Н. Т.*

Гоцъ, Михаилъ Рафаиловичъ, род. въ 1866 г., въ 1885 г. поступилъ въ московскій университетъ, но въ 1886 г. былъ арест. по обвин. въ принадлежности къ „Нар. Волѣ“ и въ устройствѣ тайной типографіи и, послѣ 1½ лѣтъ заключенія, былъ администрат. высланъ на 8 л. въ Якут. обл. При вооруж. сопротивленіи политич. ссыльныхъ въ Якутскѣ 22 марта 1889 г. Г. былъ раненъ въ грудь пулей навылетъ, былъ судимъ и осужденъ на безсрочную каторгу, кот. отбывалъ въ Акатуѣ и Зерентуѣ. Въ 1895 г., по манифесту, былъ переведенъ на житье въ г. Курганъ, въ 1898 г. вернулся въ Россію подъ гласный надзоръ полиціи и въ 1900 г. получилъ, по болѣзни, разрѣшеніе на выѣздъ за границу. Оставшись за границей, Г. участвовалъ, вмѣстѣ съ нѣкот. др. эмигрантами, въ редактированіи „Вѣстника русск. рев.“, помѣщая въ немъ свои статьи подъ псевдон. „А. Левицкій“, былъ однимъ изъ основателей партіи с.-р. и членомъ редакціи „Револ. Россіи“. Весною 1903 г. Г. былъ арест., по требованію русскаго правительства, въ Неаполѣ. Выдать Г. итал. правительство, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, однако, отказалось, и черезъ мѣсяцъ онъ былъ выпущенъ на свободу. Вскорѣ у Г. открылась опухоль на спинномъ мозгу, вслѣдствіе чего онъ въ теченіе двухъ лѣтъ былъ прикованъ къ постели. 8 сент. 1906 г. Г. умеръ. Еще въ Сибири Г. сталъ сотрудничать въ „Восточн. Обозрѣніи“ и въ „Степномъ Краѣ“. Затѣмъ, въ 1897—1900 г. Г., подъ псевдонимомъ „М. Рафаиловъ“, участвовалъ въ „Мірѣ Бож.“, „Рус. Бог.“ и напечат. въ сборн. „На славномъ посту“ статью „Система правды и наши общественныя отношенія“, и въ „Быломъ“ (IX, 1906 г.), подъ своей фамиліей, „С. Н. Зубатовъ“. Отдѣльно были изданы въ 1906 г. „О критикѣ, догмѣ, теоріи и практикѣ (бѣглыя замѣтки)“ и „Система правды и наши общественныя отношенія“.

О. Б-въ.

Гошенъ, или *Гёшенъ* (Goschen или Göschen), Джорджъ Іоахимъ, англ. госуд. дѣятель, род. въ 1831 г., сынъ лондон. банкира нѣмец. происхожденія, занимался сначала банковымъ дѣломъ и написалъ изв. книгу о векс. курсахъ „Theory of foreign exchanges“ (1863), выдержавшую много изданій и перевед. на нѣск. языковъ, въ томъ числѣ на русск. (Спб. 1867 и М. 1890). Въ томъ же 1863 г. онъ былъ выбранъ въ нижнюю палату отъ Лонд. Сити и примкнулъ тамъ къ либераламъ; въ 1865—66 и въ 1868—74 г. онъ занималъ различные министерскіе посты

въ кабинетахъ Росселя и Гладстона. Посланный въ 1876 г. въ Египетъ для проведенія конверсіи египет. госуд. долга и отстаиванія интересовъ англ. кредиторовъ, Г. добился у хедива согласія на подчиненіе египет. финансовъ англ.-франц. контролю. Будучи противникомъ расширенія избират. права, онъ въ 1880 г. не могъ войти въ либерал. кабинетъ Гладстона и нѣкот. время занималъ постъ спец. посла въ Константинополѣ, а затѣмъ совершенно разошелся съ прежними единомышленниками изъ-за ирланд. гомруля и занялъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ среди либераловъ—уніонистовъ. Въ 1887—92 г. Г. былъ канцлеромъ казначейства въ министерствѣ Сольсбери и провелъ конверсію консолей на 500 милл. ф. ст. (новые $2^3/_4$% консоли получили названіе „консолей Гошена"), съ 1895—1900 г. занималъ должность перваго лорда адмиралтейства. Когда въ 1903 г. движеніе въ пользу тарифной реформы достигло значительнаго развитія, Г. явился однимъ изъ лидеровъ фритредеровъ и однимъ изъ основателей „Free foodleague". Ум. въ 1907 г.

Гошъ (Hoche), Лазарь, одинъ изъ выдающихся генераловъ франц. революціи, род. въ 1768 г. въ семьѣ бѣднаго пивовара, въ 16 лѣтъ поступилъ рядовымъ на военную службу, при чемъ за ростъ и красоту былъ зачисленъ въ гвардію. Богато одаренный, онъ чтеніемъ пріобрѣлъ большія познанія, выдвинувшія его среди товарищей. Онъ былъ сержантомъ, когда вспыхнула революція, и безъ революціи онъ, вѣроятно, ушелъ бы сержантомъ. Впервые выдвинула его защита Дюнкирхена (сен. 1793), куда онъ вошелъ простымъ начальникомъ баталіона и откуда вышелъ генераломъ. Вскорѣ онъ уже становится во главѣ мозельской арміи, а потомъ соединенной мозельской и рейнской и блестящей побѣдой при Вейссенбургѣ (дек. 1793) очищаетъ Эльзасъ отъ австрійцевъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря навѣтамъ Сенъ-Жюста Г. былъ взятъ подъ подозрѣніе и посаженъ въ тюрьму. Отъ гильотины его спасло 9 Термидора. Въ 1795 г. Г. былъ поставленъ во главѣ арміи, усмирявшей Вандею, и то, что не удавалось его предшественникамъ, онъ выполнилъ въ короткій срокъ, проявляя блестящій военный талантъ и больш. политич. мудрость. Въ концѣ 1796 г. онъ получилъ командованіе надъ арміей, готовившей высадку въ Ирландію. Буря помѣшала экспедиціи, отъ кот. вообще пришлось отказаться. Тогда онъ б. назначенъ главнокомандующимъ Самбръ-Мааской арміей, только что отступившей за Рейнъ подъ начальствомъ Журдана. Картина сразу перемѣнилась: удары посыпались на австрійцевъ одинъ тяжелѣе другого: Нейвидъ, Укератъ, Альтенкирхенъ. Въ пять дней Г. былъ уже въ виду Франкфурта и готовился соединиться съ Моро, чтобы итти на Вѣну, когда получилъ извѣстіе о подписаніи Леобенскихъ прелиминарій. Онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ недолго былъ военнымъ министромъ, потомъ вернулся снова къ командованію своей арміей. Но болѣзнь его разрослась, и онъ умеръ въ сентябрѣ 1797 г. Смерть его освободила Бонапарта отъ единственнаго конкурента, равнаго ему по генію. См. *A. Sorel*, „Bonaparte et H. en 1797 г." (1896).

Гощинскій, Северинъ, польскій поэтъ украинской школы, род. въ 1803 г., 17 лѣтъ дебютировалъ лирическими стихотвореніями и въ 1828 г. поднялъ цѣлую бурю восторговъ среди романтиковъ своей поэмой „Zamek Kaniowski". Въ 1830 принялъ дѣятельное участіе въ повстаньѣ, кот. горячо привѣтствовалъ пѣснями; послѣ неудачи бѣжалъ, жилъ одно время въ Галиціи, гдѣ сумѣлъ собрать вокругъ себя тайное общество, потомъ пробрался во Францію, проникся мистицизмомъ Товянскаго и съ начала 40-хъ годовъ почти пересталъ писать. Ум. въ 1876 г. Друг. его произв.: поэма „Sobótka", повѣсть „Anna z Nadbrzeża" и посланіе къ Польшѣ „Do Polski". Дѣятельность Г. совпала съ тѣмъ моментомъ, когда польскій романтизмъ поставилъ себѣ задачею воспроизведеніе природы и ея жизни въ духѣ народнаго міросозерцанія. Богатая фантазія Г. умѣла придать художественную реальность всѣмъ созданіямъ наивнаго народнаго творчества и суевѣрія. Но наряду съ упырями, вѣдьмами и некрещенными душами въ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ и историч. правду.

Гоэнвартъ, см. *Гогенвартъ.*

Говолія, см. *Аталія.*

Грааль, см. *Граль.*

Граафъ (Graaf), Регье де, анатомъ, род. въ 1641 г., изучалъ медицину въ Левенѣ, Утрехтѣ и Лейденѣ и практиковалъ затѣмъ въ Парижѣ и Дельфтѣ, гдѣ и ум. въ 1673 г. Г. извѣстенъ своими анатомическими изслѣдованіями: онъ открылъ названный его именемъ Г—овъ пузырекъ (см. *яичникъ*).

Грабарь, Игорь Эммануиловичъ, живописецъ и историкъ искусства, р. 1872 г. Окончивъ курсъ университета, онъ много лѣтъ употребилъ на упорное изученіе живописи въ Мюнхенѣ и Парижѣ. Вернувшись въ Россію, Г. отдался сначала изображенію опустѣлыхъ дворянскихъ усадебъ, затѣмъ перешелъ къ пейзажамъ тонкихъ настроеній. Картины Г. написаны съ большими мастерствомъ и вкусомъ. Въ послѣднее время Г. ушелъ весь въ изслѣдовательскую и редакціонную работу по изданію „Исторіи Русскаго Искусства", охватывающую архитектуру, скульптуру, живопись и декоративное и прикладное искусства. *Н. Т.*

Граббе, Павелъ Христофоровичъ, общест. и военн. дѣятель, род. въ 1789 г., воспитывался въ Сухопутномъ кадет. корпусѣ, по окончаніи кот. въ 1805 г. вступилъ въ дѣйствующую армію. О войнахъ съ французами (въ томъ числѣ и объ „Отечественной") онъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, изд. въ 1873 г. („Изъ памятныхъ записокъ 1805—37 г. гр. П. Х. Г."). Послѣ заграничныхъ походовъ Г. принималъ близкое участіе въ либеральныхъ кружкахъ воен. молодежи, гдѣ большое вліяніе на него имѣлъ Якушкинъ, былъ принятъ въ союзъ Благоденствія М. А. Фонъ-Визинымъ и участвовалъ въ 1821 г. на московскомъ съѣздѣ его членовъ. Въ доносѣ, представленномъ въ этомъ году Бенкендорфомъ имп. Александру, онъ былъ названъ „готовымъ на все". Въ 1823 г. Г. былъ удаленъ со службы, но черезъ годъ вновь принятъ. Онъ былъ привлеченъ къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ, но не судился верховнымъ уголовнымъ судомъ; однако, за рѣзкіе отвѣты въ слѣдственной комиссіи вслѣдствіе недостойныхъ пріемовъ одного изъ слѣдователей, Чернышева (котораго Г. презиралъ, такъ какъ Чернышевъ въ 1814 г. въ одномъ сраженіи не пожелалъ раздѣлить съ нимъ опасность), былъ по волѣ государя заключенъ на 4 мѣсяца въ Динаминдскую крѣпость. Турецкая кампанія 1828—29 г., во время кот. Г. проявилъ „чудеса храбрости", вновь выдвинула его, и имп. Николай сказалъ ему: „теперь все забыто". Г. участвовалъ въ подавленіи польск. возстанія 1831 г., въ кавказскихъ экспедиціяхъ (въ качествѣ командующаго войсками) въ 1838—42 гг., въ Венгерской кампаніи и Крымской войнѣ. Человѣкъ образованный и гуманный, мало походившій на генераловъ Николаевскаго времени, Г. сохранилъ во многомъ свои старыя симпатіи. Онъ горячо привѣтствовалъ 19 февраля 1861 г., а еще ранѣе дружески отнесся къ своему товарищу по заключенію передъ допросомъ бар. Розену, и на Кавказѣ и по возвращеніи его оттуда. Въ 1865 г. Г. былъ назначенъ атаманомъ Донского казачьяго войска, черезъ годъ возведенъ въ графское достоинство и сдѣланъ членомъ Гос. Сов. Ум. въ 1875 г. *С. М.*

Граббе (Grabbe), Христіанъ Дитрихъ, нѣм. драматургъ, род. въ 1801 г., долгіе годы научныхъ занятій не могли выработать въ немъ нравственной выдержки, благодаря крайне безпорядочно веденному воспитанію. Попытки найти себѣ опредѣленное занятіе не приводили ни къ чему. Г. не уживался нигдѣ и въ 1836 г. онъ ум., физически и духовно разбитый жизнью, полной всевозможныхъ излишествъ. Лучш. драмы Г.: „Herzog Theodor von Gotland", „Marius und Sulla", „Scherz, Satire, Ironie und tiefere Bedeutung", „Don Juan und Faust" (1829), „Napoleon" (1831), „Hannibal" (1835), „Die Hermannsschlacht" (посм. 1838) и нѣк. др. — Въ своихъ драмахъ Г. занятъ, главнымъ обр., воспроизведеніемъ характеровъ, и его типы порою достигаютъ высокой художественности; мѣстами поэтъ обнаруживаетъ истинную геніальность; но недостатковъ у Г. несравненно больше, чѣмъ достоинствъ. Его драмы совершенно непригодны для сцены, длинны, растянуты, необработаны. Та мощь, которая била черезъ край въ богато одаренной натурѣ Г.

и выливалась въ его произведеніяхъ, останется однимъ изъ памятниковъ поэтич. дѣятельности молодой Германіи и какъ бы символизируетъ полное юношескихъ силъ, но мало дисциплинированное общественное движеніе.

Грабежъ принадлежитъ къ числу имущественныхъ преступленій. Большинство современныхъ законодательствъ не знаютъ его. При значительной казуистичности постановленій нашего Уложенія о Наказаніяхъ, въ понятіе Г. входитъ открытое похищеніе чужого движимаго имущества безъ насилія или съ насиліемъ или съ угрозами, если онѣ и насиліе не представляютъ опасности для жизни, здоровья или свободы (ст. 1637). Отличіемъ Г. отъ кражи служитъ присущій ему моментъ насилія или явности похищенія, въ то время какъ отличительный признакъ кражи—тайность похищенія. Отъ разбоя Г. отличается свойствомъ насилія и характеромъ угрозъ. Такъ, согласно 1627 ст. Улож. о Нак., разбоемъ признается всякое на кого-либо нападеніе, совершенное съ цѣлью похищенія имущества открытою силою, съ оружіемъ или безъ оружія, но сопровождавшееся убійствомъ, или покушеніемъ на него, или нанесеніемъ увѣчья, ранъ, побоевъ или другихъ тѣлесныхъ истязаній или такими дѣйствіями и угрозами, которыя представляли явную опасность для жизни, здоровья или свободы подвергшихся нападенію. Уголовное Уложеніе 22 марта 1903 года не знаетъ преступленія Г., относя открытое похищеніе съ насиліемъ или безъ него къ воровству или разбою (ст. ст. 581 и 589). Такъ же или сходно поступаютъ Германское Уложеніе (§ 242), Австрійское (§ 174), Венгерское (§ 336). Французскій кодексъ обнимаетъ именемъ воровства въ ст. 382 между другими и такія дѣйствія, которыя по Улож. о нак. входятъ въ понятія Г. или даже разбоя.

Среди другихъ имущественныхъ преступленій Г., по числу случаевъ его совершенія, не занимаетъ выдающагося мѣста. Въ Россіи обвиненіе въ Г. было предъявлено въ общихъ судахъ въ 1906 г. къ 4.246 лицамъ и въ 1907 г. къ 5.772. Уголовно-антропологическая школа въ лицѣ нѣкот. изъ своихъ представителей высказала мнѣніе, что преступленія, для совершенія кот. требуется насиліе и открытая дерзость и въ число кот. входитъ Г., постепенно уменьшаются, уступая свое мѣсто увеличивающемуся числу мошенничествъ, подлоговъ, кражъ. Однако, тенденція къ уменьшенію Г. сказывается не вездѣ.

Улож. о Нак. назначаетъ наказаніемъ за Г. отдачу на болѣе или менѣе продолжительные сроки въ исправительныя арестантскія отдѣленія или чаще ссылку въ каторжныя работы. Наиболѣе тяжкіе виды Г.: въ церкви безъ святотатства и оскорбленія святыни шайкою (каторга 12—15 лѣтъ, ст. 1638), нападеніе шайкою на обитаемое мѣсто (каторга 8—12 лѣтъ, ст. 1639), во время пожара, наводненія и пр. (каторга 6—8 лѣтъ, 1640 ст.); къ преступленіямъ Г. Улож. о Нак. относитъ и тѣ случаи, когда преступникъ былъ вооруженъ, но не употреблялъ оружія даже для угрозъ. Г. безъ насилія физическаго и психическаго влечетъ за собою заключеніе въ исправительныя арестантскія отдѣленія на срокъ отъ двухъ съ половиною до трехъ лѣтъ; отягчающими вину обстоятельствами являются учиненіе преступленія на путяхъ сообщенія, ночью, или нѣсколькими лицами и когда объектомъ преступленія является лошадь. Эти наказанія за Г. признаются русскими теоретиками и практиками-юристами чрезмѣрно суровыми. Судъ присяжныхъ, не желая подвергать преступниковъ такимъ карамъ, предпочитаетъ ихъ оправдывать или признавать виновными лишь въ простой кражѣ. Упраздненіе Г. Уголовнымъ Уложеніемъ отвѣчаетъ требованіямъ современной теоріи. *М. Г.*

Грабенскій, Владиславъ, см. *Смоленскій.*

Грабенъ, см. *горы,* XVI, 108.

Грабли *ручныя,* сельскохоз. орудіе съ зубьями, служатъ для уборки сѣна и культ. растеній, иногда также для обработки почвы. *Г. конныя* предназначены прежде всего для собиранія ускользнувшихъ при уборкѣ колосьевъ хлѣба, потерянныхъ машинами или людьми. Г. к. незамѣнимы, подбираютъ колосья даже коротко срѣзанные. Тѣми же Г. выполняется сгребаніе

сѣна изъ рядовъ въ валы (движеніемъ поперекъ рядовъ) на травяныхъ поляхъ и ровныхъ лугахъ. Если пустить затѣмъ Г. вдоль вала, то ими же можно намѣтить будущія копны, которыя руками придется только оправить. При сѣменной культурѣ травъ Г. также съ успѣхомъ примѣняются для собиранія урожая. На озимыхъ весной Г. частью могутъ употребляться взамѣнъ бороны, значительно превосходя ее своей производительностью. Г. бываютъ здѣсь умѣстны при особенно густыхъ зеленяхъ, когда полезно раздергивать ихъ. Г. пытаются употреблять также для поднятія рано (задолго до колошенія) вылегшихъ круговинъ хлѣба. Нѣкоторыми заводами изготовляются сѣяльные ящики къ Г. (для подвѣшиванія къ рамѣ), что особенно удобно для высѣва травъ.

И. Я.

Грабовецъ, посадъ грубешовскаго уѣзда, Люблинской губ., 4.485 ж.

Грабовскій, Михаилъ, польск. писатель, род. въ 1805 (?) г. Критикъ украинской школы, „диктаторъ литературной Рѣчи Посполитой“ („Literatura i krytyka“, 1836—40, 4 т., „Korrespondencya literacka“, 1847—48, 2 т.), былъ авторомъ историч. повѣстей въ духѣ Вальтеръ-Скотта („Koliszczyzna i stepy“—о гайдамакахъ, 1838 г., „Tajkury“ — жизнь волынск. шляхтича въ XVII в., 1845—46 г., издалъ совмѣстно съ Малиновскимъ и Пржездзецкимъ 1-ый томъ „Источниковъ польской исторіи“ (1843 г.) и изслѣдовалъ курганы и другіе памятники древней Украины (Ukraina dawna i teraźniejsza, 1850 г.). Какъ политикъ, Г. примыкалъ къ консерват.-католическому лагерю и, подобно Вѣлёпольскому (*см.*), стремился къ примиренію поляковъ съ русскимъ правительствомъ на началахъ взаимныхъ уступокъ. Ум. въ 1863 г.

Грабовскій, Павелъ Арсеньевичъ, украинскій поэтъ, сынъ пономаря Харьковской губ., род. въ 1864 г. Десяти лѣтъ Г. поступилъ въ бурсу, по окончаніи которой перешелъ въ харьковскую семинарію. Въ 1886 г. арестованъ въ Оренбургѣ за принадлежность къ партіи „Чернаго Передѣла“ и въ 1888 г. административно сосланъ на 5 лѣтъ въ Иркутскую губ. За участіе въ протестѣ противъ извѣстной „якутской исторіи“ 1889 г., послѣ $3^1/_2$ лѣтъ тюремнаго заключенія, сосланъ въ Вилюй, гдѣ и пробылъ 6 лѣтъ. Послѣдніе годы своей жизни Г. прожилъ въ Тобольскѣ. Ум. въ 1902 г. Начало литературной дѣятельности Г. относится къ началу 90-хъ годовъ. Подъ многочисленными псевдонимами (Граб. Панько, Харько Воля, Павло Журба и др.) онъ помѣщалъ свои оригинальныя и переводныя произведенія въ галицкихъ украинскихъ изданіяхъ; въ Галиціи же выходятъ, начиная съ 1894 г., и отдѣльныя изданія его произведеній. Тяжелая жизнь Г. отразилась и на его литературномъ наслѣдіи, почти сплошь посвященномъ тяжкой долѣ угнетеннаго народа, пламенному протесту противъ всякаго насилія, борьбѣ за свободу и за демократическіе идеалы. Для переводовъ Г. избиралъ родственныхъ ему по духу авторовъ: Томаса Гуда, Лонгфелло, Байрона, Роб. Бернса, Аду Негри, Ленау, Шамиссо и др. *М. С.*

Грабовъ (Grabow), до 1900 г. городъ, потомъ предмѣстіе Штеттина, верфи.

Грабъ, Carpinus Betulus, дерево изъ сем. плюсконосныхъ, до 2 метр. высоты, съ свѣтло-сѣрой гладкой корой, очередными яйцевидными зубчатыми листьями и однодомными цвѣтками, собранными въ сережки. Мужской цвѣтокъ состоитъ изъ прицвѣтника и 4—12 тычинокъ, женскій—изъ двухгнѣздной завязи съ 2 рыльцами и трехлопастнаго прицвѣтника. Плодъ —мелкій ребристый орѣшекъ. Г. встрѣчается въ Южн. и Сред. Европѣ и Азіи, въ Россіи растетъ только на юго-западѣ, въ Крыму и на Кавказѣ. Достигаетъ возраста 200—300 лѣтъ. Бѣлая древесина, весьма высокаго качества, даетъ прекрасное топливо и цѣнный подѣлочный лѣсъ. Г. растетъ очень медленно и мало пригоденъ для высокоствольнаго хозяйства; способность сильно вѣтвиться позволяетъ употреблять Г. для устройства бесѣдокъ, крытыхъ аллей и т. п.

Грабянка, Григорій, гадячскій полковой судья, въ 1723 г. ѣздилъ вмѣстѣ съ другими старшинами въ Петербургъ, въ 1734 г. принималъ участіе въ походѣ противъ татаръ, во время котораго погибъ. Г. извѣстенъ какъ авторъ

лѣтописи, въ кот. описано прошлое казаковъ, а особенно подробно эпоха Хмельницкаго. Для своей лѣтописи авторъ пользовался, помимо устн. преданій, также рукописн. источниками. Она оканчивается 1708 г. Лѣтопись Г-и изд. въ 1854 г. въ Кіевѣ.

Гравезанде (собств. Storm van s'Gravesande), Вильгельмъ Яковъ, голландскій физикъ и математикъ, род. въ 1688 г. Былъ профессоромъ въ Лейденѣ. Извѣстенъ изобрѣтеніемъ ряда физическихъ приборовъ (въ томъ числѣ геліостата), а также тѣмъ, что явился первымъ послѣдователемъ физическихъ воззрѣній Ньютона среди континентальныхъ физиковъ. Ум. въ 1742 г.

Гравезендъ (Gravesend), см. *Гревсендъ*.

Гравело (Gravelot), подъ этимъ псевдонимомъ извѣстенъ Гюберъ-Франсуа *Бургиньонъ*, французскій рисовальщикъ. Онъ р. въ 1699 г., ум. 1773 г., долго велъ жизнь, исполненную треволненій, и 30 лѣтъ отдался искусству. Г. работалъ съ увлеченіемъ, добиваясь возможнаго совершенства. Имъ исполнены многочисленныя иллюстраціи къ трагедіямъ Корнеля и Расина, къ сочиненіямъ Вольтера, къ „Новой Элоизѣ“ Руссо, къ „Декамерону“ Боккаччьо, къ „Освобожденному Іерусалиму“ Тассо. Г. прекрасный рисовальщикъ. Иллюстраціи его всегда скомпонованы умно и красиво, разнообразно и со вкусомъ.

Гравелотъ, село въ Лотарингіи, недалеко отъ Меца. Извѣстно по кровопролитному сраженію 18 авг. 1870 г., въ которомъ нѣмцы заставили отступить французскую армію.

Гравилатъ, Geum, родъ растеній изъ сем. розоцвѣтныхъ, многолѣтнія травы съ перистораздѣльными листьями и одиночными цвѣтами; цвѣтоложе цилиндрическое, сухое, плодниковъ много, столбики, по отцвѣтеніи, удлиняются въ длинный, на верхушкѣ крючковидно загнутый клювъ. Около 30 видовъ. Въ Россіи встрѣч. часто: Г. *городской*, G. urbanum, Г. *прямой*, G. strictum—оба съ желтыми цвѣтами, и Г. *рѣчной*, G. rivale, по сырымъ мѣстамъ, съ рыжеватобѣлыми лепестками съ красноватыми жилками; всѣ цвѣтутъ въ іюнѣ—іюлѣ.

Гравина (Gravina in Puglia), гор. въ Италіи (Апулія), 18.685 жит., на р. Гравина. Старинн. замокъ, каѳедральн. соборъ XV в. Раньше—*герцогство Г.*

Гравированіе. 1) *Гравированіе на деревѣ* (*ксилографія*) производится на особыхъ доскахъ. Болѣе всего пригодны для этого буксъ и груша, какъ имѣющіе крѣпкую и твердую древесину. Поверхность доски тщательно выглаживаютъ и покрываютъ мѣломъ. На ней рисуютъ карандашемъ, перомъ, кистью или на нее переводятъ рисунокъ фотографическимъ способомъ. Задача гравера — вынуть дерево тамъ, гдѣ нужны свѣта, и оставить выпуклыми тѣ мѣста, гдѣ находятся очертанія или тѣни. При печатаніи, послѣ наложенія краски на деревяшку, съ выпуклыхъ частей краска перейдетъ на бумагу, а вынутыя мѣста не оставятъ никакого слѣда. Для гравированія употреблялся сначала ножъ-рѣзецъ, а теперь пользуются граштихелемъ, стальной палочкой, заостренной на концѣ и вставленной въ деревянную ручку. Если рисунокъ штриховой, то вынимается дерево между штрихами. Сложнѣе работа гравера, когда даны на деревяшкѣ не штрихи, а пятна, какъ это бываетъ при рисованіи карандашемъ, тушью или въ фотографіи. Тогда отъ гравера требуется много технической находчивости и умѣнья, чтобы передать впечатлѣніе характера рисунка и свѣтотѣни. Для гравированія параллельныхъ линій существуютъ особыя приспособленія, ускоряющія и облегчающія работу, въ видѣ машины. Съ гравированной деревяшки можно получить до 10.000, а, если рисунокъ не очень тонокъ, то и 100.000 оттисковъ. Чтобы еще увеличить ихъ число, дѣлаютъ съ доски гипсовый слѣпокъ, а съ этого слѣпка изъ металла клише.

2) *Г. на стали.* Посредствомъ особаго химическаго процесса изъ стальной доски выдѣляютъ углеродъ, вслѣдствіе чего доска дѣлается мягкою, что облегчаетъ вырѣзываніе на ней рисунка вглубь. Когда рисунокъ выгравированъ, стальной доскѣ снова сообщаютъ углеродъ, и она снова дѣлается твердою. Приготовивъ мягкій стальной цилиндръ, проводятъ имъ, сильно нажимая, по стальной отвердѣлой до-

скѣ и, такимъ образомъ, получаютъ на мягкой поверхности стальнаго цилиндра точный оттискъ съ награвированной доски; только при этомъ выпуклыя части доски будутъ углубленіями въ цилиндрѣ. Снова сдѣлавъ цилиндръ твердымъ, прокатываютъ его по мягкимъ стальнымъ доскамъ и изготовляютъ нѣсколько экземпляровъ досокъ-копій, съ которыхъ, послѣ того какъ онѣ будутъ приведены въ твердое состояніе, можно печатать множество оттисковъ на бумагѣ. Г. на ст. не можетъ быть поставлено на ряду съ гравюрой на мѣди, такъ какъ при оттискахъ на бумагѣ всегда получается слѣдъ жесткости металла.

3) *Гравированіе на мѣди* производится при помощи разныхъ рѣжущихъ, царапающихъ и гладящихъ инструментовъ и вытравливающихъ жидкостей. Процессъ Г. начинается съ того, что гладкую поверхность доски изъ красной мѣди покрываютъ лакомъ, по которому процарапываютъ рисунокъ длинной заостренной стальной палочкою—„иглой“. Послѣ этого опускаютъ доску на непродолжительное время въ слабый растворъ азотной кислоты (крѣпкую водку). Азотная кислота растворяетъ мѣдь на нацарапанныхъ мѣстахъ, и получается слабо вытравленный рисунокъ. На изготовленной такимъ образомъ доскѣ Г. можетъ производиться различными манерами. Главныя изъ нихъ—линейная, пунктирная, черная, офортъ и акватинта. Наиболѣе употребительная и самая старая манера, ведущая свое начало съ XV в., *манера линейная*. Инструментомъ для Г. этой манерой служитъ рѣзецъ (бюренъ, грабштихель)—четырехгранная стальная палочка, срѣзанная на концѣ наискось съ ребра. Нажимая рѣзецъ сильнѣе или слабѣе, граверъ можетъ получить линіи широкія и тонкія и расположить ихъ параллельно или пересѣченно, проводить ихъ прямо или волнообразно. Нѣсколько холодная, гравюра рѣзцомъ отличается законченностью и правильностью линій. Она мало подходитъ для пейзажей, но очень идетъ для передачи тѣла и одеждъ. Способъ Г. рѣзцомъ довольно медлителенъ и требуетъ большой твердости рисунка, и потому гравюры на мѣди цѣнятся дорого. Въ цѣляхъ ускоренія работы употребляется машина, которая проводитъ параллельныя линіи одинаковой толщины. Но и при этомъ гравюра рѣзцомъ не можетъ удовлетворить потребности быстраго и дешеваго воспроизведенія и въ настоящее время не пользуется широкимъ примѣненіемъ. Позднѣе, въ XVI вѣкѣ, возникла *манера пунктирная*, при которой мѣдная доска прорѣзывается не линіями, а точками посредствомъ удара или нажима инструмента. Сгущая и утолщая точки въ одномъ мѣстѣ, утончая ихъ и увеличивая разстоянія между ними въ другомъ, получаютъ игру свѣта и тѣни.—Еще позднѣе, въ XVII вѣкѣ, появилась такъ называемая *черная манера* (manier noire или *mezzotinto*). Этотъ способъ Г. состоитъ въ томъ, что, сдѣлавъ при помощи гранильника или качалки (иначе кобылки, берсо) всю поверхность мѣдной доски одинаково шероховатой, проводятъ по ней стальнымъ инструментомъ—планиромъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долженъ быть свѣтъ. При печатаніи шероховатыя части поверхности доски на бумагѣ дадутъ бархатистыя тѣневыя мѣста, выглаженныя планиромъ—свѣтлыя. Г. черной манерой даетъ гравюры съ нѣжными тѣнями и свѣтами, съ неясными очертаніями, напоминающія рисунки кистью и тушью. Г., производимое при помощи травленія, см. *офортъ* и *акватинта*.—Когда мѣдная доска приготовлена, она поступаетъ къ печатнику. Нѣсколько подогрѣтую пластинку онъ покрываетъ краской, заполняя ею всѣ углубленія, сдѣланныя рѣзцомъ или травленіемъ, и стирая краску съ возвышенныхъ частей. Приправленное такимъ образомъ клише кладется на доску награвированной стороной вверхъ. На нее кладутъ слегка влажный листъ бумаги и на него 3—4 ряда суконныхъ полосъ. Все это пропускаютъ затѣмъ между двухъ валовъ особаго печатнаго станка съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы бумага вдавилась въ углубленія клише и изъ нихъ пристала бы къ ней краска: углубленныя мѣста клише будутъ на бумагѣ черныя, возвышенныя—бѣлыя. Такъ изготовляется одинъ экземпляръ гравюры. Передъ каждымъ новымъ тисненіемъ нужно

Основные моменты исторіи гравернаго искусства.

Ранѣе всего гравированіе на деревѣ вошло въ употребленіе въ Азіи. Въ концѣ VI в. по Р. Хр. въ Китаѣ появилась углубленная рѣзьба по дереву въ цѣляхъ полученія отпечатковъ на бумагѣ. Въ XVII столѣтіи китайская гравюра стала многоцвѣтной и поднялась на значительную высоту. Въ Европѣ Г. на д. возникло на 8 вѣковъ позже—въ XIV столѣтіи. Прежде высказывалось предположеніе, что Г. на д. пошло отъ живописи на стеклѣ. Въ настоящее время изслѣдованіями установлено, что Г. на д. имѣетъ близкую связь съ набивнымъ дѣломъ. Когда въ XIV в., отвѣчая на значительный спросъ со стороны паломниковъ, жѣлавшихъ покупать изображенія чудотворныхъ иконъ и наиболѣе чтимыхъ святыхъ, монастыри стали печатать на бумагѣ грубыя изображенія съ деревянныхъ досокъ, то технику изготовленія они взяли отъ набивной практики. Какъ при посредствѣ рѣзныхъ деревянныхъ досокъ переносили рисунки на тканыя стѣнныя завѣсы, такъ стали теперь съ выпукло вырѣзанныхъ досокъ оттискивать рисунки на бумагѣ. Исполненіе этихъ первыхъ гравюръ на деревѣ соотвѣтствовало непритязательности покупателей. Гравюры расходились хорошо на ярмаркахъ и на церковныхъ праздникахъ. Скоро печатаніе такихъ гравюръ стало предметомъ промышленности и перешло изъ монастырей въ города. Въ торговлѣ гравюрами на деревѣ особенно выдвинулся въ концѣ XIV вѣка южно-нѣмецкій городъ Ульмъ. Новый способъ изготовленія рисунковъ благодаря своей дешевизнѣ, развивался, сильно подорвалъ миніатюру. Въ первой половинѣ XV в. умножилось не только количество отдѣльныхъ гравюръ на деревѣ, но даже писцы и рисовальщики, чтобы избавить себя отъ труда рисовать картинки, стали вставлять въ рукописи гравированные листы, покрывая ихъ красками, или гравированную картину окружали писанымъ текстомъ. Послѣ введенія книгопечатанія гравюры на деревѣ стали помѣщать въ книгахъ рядомъ съ печатнымъ текстомъ. Этотъ союзъ книгопечатанія съ гравюрой оказалъ значительное и благотворное вліяніе на послѣднюю какъ въ художественномъ отношеніи, потому что для иллюстрацій издатели привлекали лучшія художественныя силы, такъ и въ отношеніи содержанія, такъ какъ разнообразіе издаваемыхъ книгъ содѣйствовало расширенію круга изображеній. Нидерландскія гравюры въ „Библіи для бѣдныхъ“, въ „Пѣсни пѣсней“, въ „Зерцалѣ спасенія“ замѣтно живѣе, выразительнѣе и болѣе отражаютъ духъ и характеръ формы хорошихъ мастеровъ того времени, чѣмъ гравюры на отдѣльныхъ листахъ. Хорошіе образцы просто и наглядно нарисованныхъ гравюръ даютъ французскіе молитвенники XV в. и базельскія гравюры „Зерцала человѣческихъ хранилищъ“. До XVI в. Базель былъ въ отношеніи иллюстративной гравюры руководящимъ нѣмецкимъ городомъ. На нижнемъ Рейнѣ важную роль въ развитіи книжной гравюры игралъ Кельнъ. Самую обширную дѣятельность сохранилъ Ульмъ и развилъ Аугсбургъ. Позднѣе присоединился Нюрнбергъ, гдѣ появилась въ концѣ XV в. „Всемірная хроника“ Шеделя, въ которой было помѣщено свыше 2.000 гравюръ пейзажныхъ и историческихъ, исполненныхъ по рисункамъ художниковъ Михаила Вольгемута (1434—1519) и Вильгельма Плейфенвурфа (ум. 1495). На протяженіи XV столѣтія Г. на д. дѣлало все время небыстрые, но постоянные успѣхи. Въ началѣ вѣка гравюры давали грубые, суровые, угловатые контурные рисунки, разсчитанные исключ. почти на раскраску. Въ концѣ стол. появились болѣе тонкія, закругленныя очертанія, зачатки штриховки тѣней, начало душевнаго выраженія. Все это подготовило почву для расцвѣта Г. на д. въ XVI вѣкѣ. Въ это время, особенно въ Германіи, Г. на д. получило очень широкое распространеніе, стало пользоваться особеннымъ сочувствіемъ, и ему начали удѣлять много вниманія крупные художники. Гравюра теперь охватила и духовную и свѣтскую область и особенно ярко отражала настроенія и мысли эпохи. Въ листахъ Альбрехта Дюрера (1471—1528) и Ганса Гольбейна Младшаго (1497—1543) гравюра сдѣлалась очень тонкой по рѣзцу, чистой и увѣренной. Въ ней передавались не только очертанія, но и углублялись планы, вводилась воздушная перспектива и живописные эффекты. Гравюра пріобрѣла и глубину содержанія и выразительность композиціи и поднялась на высоту самостоятельнаго художественнаго произведенія. За расцвѣтомъ скоро наступила эпоха упадка. Съ одной стороны, въ XVII в. быстро развившееся гравированіе на мѣди притянуло къ себѣ почти всѣ крупныя силы. Съ другой стороны, Германія, гдѣ особенно процвѣтало Г. на д., въ XVII и XVIII в. переживала духовное и экономическое оскудѣніе. Только въ концѣ XVIII в. началось возрожденіе Г. на д. и на этотъ разъ въ Англіи. Тамъ Томасъ Бьюикъ (1753—1828) замѣнилъ старый пріемъ рѣзьбы новымъ, болѣе приближающимся къ рѣзьбѣ по металлу, и усилилъ живописный элементъ. Но эти усовершенствованія Г. на д., использованы болѣе для развитія въ ширину, чѣмъ въ глубину.

Съ 30 годовъ XIX в. распространеніе иллюстрированныхъ изданій и журналовъ вызвало потребность въ Г. на д. Для удовлетворенія этой потребности не хватало единичныхъ силъ, и граверы создавали цѣлыя хеліографическія заведенія, гдѣ исполнялись срочные и большіе заказы. Но выходившія оттуда работы были ремесленны. Если и дѣлала гравюра, какъ средство передачи, успѣхи, то, какъ средство художественнаго выраженія настроеній и образовъ художника, гравюра замерла. Подъему этой стороны Г. на д. во второй половинѣ XIX. в. содѣйствовала Японія. Получивъ изъ Китая зачатки искусства, она въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ развила Г. на д. до широкихъ размѣровъ и подняла его высоко, такъ какъ самые выдающіеся художники охотно посвящали свои силы этому виду искусства и изготовляли для книгъ разнообразныя иллюстраціи. Гокусаи (1740—1840), Утагава Тойокуни (1772—1828), Утагава Тойогиро (ум. 1828), Гирошиге (1797—1858), пользуясь громаднымъ числомъ красокъ, даже золотомъ и серебромъ, создали высокіе образцы Г. на д. Знакомство Европы съ японской цвѣтной гравюрой и новое декоративное и колористическое движеніе вернуло къ жизни Г. на д., какъ самостоятельную отрасль художественнаго творчества. Валлотонъ во Франціи съ удивительной простотой противопоставленіемъ бѣлаго черному достигаетъ художественнаго впечатлѣнія. Никольсонъ—въ Англіи, Экманъ и Орликъ—въ Германіи пробуютъ привить цвѣтную гравюру.

Въ Россіи гравюра на деревѣ появилась съ Запада одновременно съ книгопечатаніемъ во вторую половину XVI в. Первыя гравюры на деревѣ были типографскими украшеніями книгъ и рѣзались часто самими типографщиками. Въ противоположность богатой изобрѣтательности западной гравюры, гравюра русская, находившая себѣ мѣсто, главнымъ образомъ, въ церковно-религіозныхъ книгахъ, будучи связана твердо установленнымъ тономъ, освященнымъ преданіемъ и церковью, не создавала ничего новаго и жила почти исключительно копированіемъ. При такихъ условіяхъ Г. на д. въ Россіи въ первый періодъ своего существованія, длившійся 150 лѣтъ (отъ второй половины XVI в. до конца первой четверти XVIII в.), не обнаружила значительнаго развитія и усовершенствованія. Въ XVI в. Г. на д. появилось въ Кіевѣ, Львовѣ и въ Москвѣ. Въ кіево-львовской школѣ, подчинившейся западному вліянію, граверы подражали западнымъ образцамъ, повторяли фонъ, архитектурные аксессуары и костюмы и копировали цѣликомъ гравюры и картины западныхъ художниковъ (иногда даже Рафаэля и Дюрера), не только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія. Гравюры московской школы, наоборотъ, были чисто духовнаго содержанія и отличались большею самобытностью, строже сохраняя византійско-русскій пошибъ и ближе держась древнихъ образцовъ. Но и онѣ не чужды были иногда заимствованія съ Запада, какъ

показываетъ первая московская гравюра, изображающая евангелиста Луку въ очеркахъ безъ тѣней. Что касается граверной техники, то какъ въ первой гравюрѣ, такъ и въ послѣдующихъ видна крайняя неумѣлость въ обращеніи съ граверными инструментами, нетвердость руки, неотчетливость линій. Эти недостатки раздѣляютъ и граверы XVII в., подписывавшіе свои имена, напр. Захарія и Василій Корень, награвировавшіе лицевыя изображенія книги Бытія и Апокалипсиса, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1696 г. Ихъ гравюры не поднимаются выше ремесленныхъ и, повторяя иностранные образцы, часто обезображиваютъ хорошіе оригиналы. Не лучше было положеніе русской гравюры на деревѣ и въ первую половину XVIII в. Сосредоточившись попрежнему при типографіи, она продолжала свое безцвѣтное существованіе. Работы московскихъ сподвальныхъ граверовъ сдѣланы пасмѣхъ, рисунокъ въ нихъ плохъ, тушевка—въ одну черту. Еще слабѣе была гравюра, перешедшая въ народъ: она замерла въ первыхъ грубыхъ формахъ. Лубочныя картины представляютъ крайне слабыя въ художественномъ отношеніи произведенія съ неправильнымъ рисункомъ, отсутствіемъ пропорцій и перспективы и съ примитивною композиціей. Причины такого незначительнаго развитія гравюры на деревѣ въ Россіи нужно искать въ небольшой потребности, невысокомъ общемъ уровнѣ эстетическаго развитія и въ недостаткѣ школъ граверовъ. Первая попытка создать правильно подготовленныхъ русскихъ ксилографовъ была сдѣлана въ Москвѣ во второй половинѣ XVIII в. съ учрежденіемъ граверной школы подъ наблюденіемъ генерала-фельдцейхмейстера Брюса. Но пока попрежнему потребность въ Г. на д. была слаба, эта отрасль Г. была въ пренебреженіи. Въ открытомъ при академіи наукъ во второй половинѣ XVIII в. классѣ гравировальнаго искусства большее вниманіе было обращено на Г. на мѣди, чѣмъ на Г. на деревѣ. Не было особеннаго класса ксилографіи и при академіи художествъ. Въ такомъ же пренебреженіи было Г. на д. и въ первую треть XIX в. Но когда въ Россіи стали въ бо́льшемъ количествѣ появляться иллюстрированные журналы и изданія, когда создалась потребность въ наиболѣе скоромъ и дешевомъ способѣ производства иллюстрацій, тогда Г. на д. получило болѣе широкое развитіе. Первымъ откликнувшимся на эту потребность былъ баронъ Л. Майдель, приготовлявшій по собственнымъ рисункамъ очень взятыя композиціи для изданій въ своей мастерской въ Дерптѣ. Нѣсколько позднѣе основалъ въ Петербургѣ подобную же мастерскую баронъ К. Клодтъ, талантливо передававшій характеръ оригинала. Изъ мастерской Клодта вышелъ Бернадскій, открывшій тоже въ Петербургѣ мастерскую, въ которой воспитался Д. Сѣряковъ, создавшій рядъ ксилографій, замѣчательныхъ по выразительности и тщательности отдѣлки, по самостоятельности творчества и необыкновенной жизненности, и рядъ отличныхъ учениковъ. Въ настоящее время пользуются извѣстностью И. Матюшинъ, И. Зубчаниновъ, В. Матта и Остроумова.

Гравированіе на мѣди въ Западной Европѣ получило начало въ XV в. Первые граверы вышли изъ мастеровъ-ювелировъ. Тонкость ювелирной работы пріучила ихъ руки къ тщательности исполненія, почему эти мастера, перейдя къ новому дѣлу, сразу выказали довольно высокую технику, и Г. на м. двинулось довольно быстро. Въ XV в. эту отрасль искусства культивировали, главнымъ образомъ, Германія и Италія. Въ первой половинѣ этого столѣтія замѣтное участіе въ развитіи Г. на м. приняли верхнерейнскія земли. Тамъ ранѣе 1446 г. работалъ древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ граверовъ на мѣди „мастеръ игральныхъ картъ“, изготовляя карты для игры и религіозныя изображенія. Въ своихъ гравюрахъ онъ довольствовался одними очерками, не примѣняя перекрестныхъ штриховъ. На этомъ мастерѣ воспитался „мастеръ 1466 года“, который впервые указалъ путь, по которому гравюра на мѣди могла достичь полной художественной выразительности. Въ своихъ послѣднихъ работахъ онъ ввелъ перекрещивающуюся штриховку. Еще болѣе крупный шагъ сдѣлалъ Мартинъ Шонгауэръ (ок. 1445—1491). Онъ окончательно перешелъ къ перекрестному штриху, и изъ-подъ его руки впервые вышла гравюра съ такими живописными эффектами, о какихъ раньше и не подозрѣвали. Въ послѣднюю четверть XV в. и въ началѣ XVI в. выступили среднерейнскія земли. „Мастеръ домостроя“ характеризуетъ то, что было сдѣлано къ этому времени тамъ. Въ своихъ гравюрахъ вмѣстѣ съ рѣзцомъ, которымъ проводились контуры и получались самыя темныя тѣни путемъ перекрещиванія штриховъ, онъ ввелъ для болѣе нѣжнаго исполненія гранильную иглу и благодаря этому получилъ болѣе тонкіе переходы отъ свѣта къ тѣни и болѣе живописное общее впечатлѣніе. Въ то же время онъ расширилъ и область сюжетовъ. До него сюжеты черпались изъ Библіи и житій святыхъ. „Мастеръ домостроя“ далъ много свѣтскихъ сценъ и аллегорій. Почти въ то же время, какъ въ Германіи, стало входить въ жизнь Г. на м. и въ Италіи. Какъ подготовительную ступень къ итальянскому Г. на м. можно разсматривать тѣ металлическія пластинки, въ которыхъ углубленный награвированный рисунокъ заполнялся вплавленной чернью (*niello*) Эти рисунки, однако, не предназначались для отпечатыванія, и оттиски съ нихъ ювелиры стали дѣлать уже послѣ того, какъ имъ показали примѣръ граверы на мѣди. Поэтому нѣтъ основаній считать изобрѣтателемъ гравированія на мѣди въ Италіи флорентійскаго главнаго мастера niello Мазо Финигерру (р. 1426), какъ утверждаетъ это Вазари. Именъ древнѣйшихъ итальянскихъ граверовъ на мѣди мы не знаемъ. До насъ дошли только ихъ работы—гравюры, изготовленныя во Флоренціи въ промежутокъ между 1440 и 1450 годами. Онѣ исполнены легкой параллельной штриховкой и свидѣтельствуютъ о ловкости рисунка и строгости стиля. Къ 70 годамъ XV столѣтія появился болѣе зрѣлый живописный стиль. Самымъ раннимъ мастеромъ зрѣлой флорентійской гравюры признается Баччіо-Бальдини, которому приписываютъ гравюры съ рисунковъ Боттичелли къ „Божественной комедіи“ Данте, въ изданіи 1482 года. Самый крупный вкладъ въ итальянское Г. на м. XV вѣка сдѣлалъ Андреа Мантенья (1431—1506), который создалъ образцовыя по силѣ, движенію и выраженію произведенія, показавшія, чего можно достичь при помощи простой параллельной штриховки. Онъ имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей, которые повторяли его пріемы, но не внесли ничего новаго. Новое было дано въ XVI в. въ Германіи Альбрехтомъ Дюреромъ (1471—1528) и въ Италіи—Марко Антоніо Раймонди (ум. ок. 1534). Дюреръ вступилъ на путь передачи колорита и свѣтотѣни и выразилъ свои образы и настроенія въ самостоятельныхъ гравюрахъ, сильныхъ, увѣренныхъ и характерныхъ. Марко Антоніо, поставивъ себѣ цѣлью воспроизводить творенія другихъ мастеровъ, сталъ отцомъ репродукціоннаго гравированія и изящно, утонченно передалъ грацію рафаэлевскихъ созданій. Дѣло, начатое Марко Антоніо въ Римѣ, продолжалось позднѣе въ Верхней Италіи. Тамъ въ техникѣ гравированія были сдѣланы усовершенствованія Джорджіо Гизи (1520—1580), примѣнившимъ пунктиръ для полутоновъ, и Энса Вико, добившимся живописнаго впечатлѣнія сужденіемъ между штрихами. У Дюрера и Марко Антоніо было много учениковъ и послѣдователей. Благодаря этому оба мастера оказали большое вліяніе не только на свои родныя страны, но и на Францію и на Нидерланды. Въ Нидерланды въ первой половинѣ XVI в. перенесъ передачу свѣтотѣни и колорита воспитавшійся на Дюрерѣ Лука Лейденскій (1494—1533). Въ своихъ характерныхъ гравюрахъ онъ впервые здѣсь ввелъ игру свѣта и воздушную перспективу, соединивъ это съ хорошимъ рисункомъ. Эти качества надолго сохранили граверныя школы Нидерландовъ и Фландріи, и на этой почвѣ произошло развитіе и блестящее завершеніе колористическаго направленія, кото-

рое составляетъ заслугу Петра Павла Рубенса (1577—1640). Его гравюры и гравюры его учениковъ Питера Сутмана (1580—1643), Луки Ворстермана (р. 1584) и Павла Понтіуса (1603—1658) довели передачу свѣтотѣни и колорита до небывалой высоты. Соотвѣтственно съ задачей живописности школа Рубенса выдвинула и наиболѣе удобный для этого способъ Г. крѣпкою водкой—*офортъ*. Новый способъ нашелъ широкое распространеніе и въ Италіи въ работахъ Агостино Карраччи (1558—1602), и въ Испаніи въ работахъ Джузеппе Рибэры (1588—1652), и въ Бельгіи въ работахъ Ванъ Дейка (1599—1641). Но никто изъ художниковъ XVII и начала XVIII в. не выдерживаетъ сравненія съ Рембрандтомъ (1606—1669), съ его офортами, пронизанными свѣтомъ и тѣнью, полными блеска, силы и исключительной индивидуальности. Средина XVII вѣка—эпоха Рембрандта—самый блестящій моментъ Г. на м. въ Голландіи. Съ половины XVII вѣка не только выдвинулась, но и стала пріобрѣтать первенство Франція. Незначительныя и подражательныя гравюры на мѣди, которыми пробавлялась Франція въ началѣ XVII в., ко второй четверти замѣнились самобытными произведеніями національныхъ мастеровъ. Въ это время поразилъ своими батальными и жанровыми композиціями-офортами Жанъ Кало (1592—1635), развернувшій оригинальную смѣлость творчества и техники. Покровительство Людовика XIV, заботливость Лебрена, создавшаго особую школу, гдѣ образовывались искусные граверы, широкая потребность въ гравюрѣ, развившаяся въ обществѣ, все это содѣйствовало тому, что французское Г. на м. въ XVIII в. завоевало себѣ вполнѣ самостоятельное положеніе и привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ началѣ XVIII в. господствовалъ въ гравюрѣ строгій, холодный стиль Лебрена. Въ половинѣ столѣтія появилось теченіе, которое склонилось къ игривому и пріятному. Одни граверы передавали свои композиціи, другіе истолковывали произведенія другихъ мастеровъ, наконецъ, многочисленная группа исполняла книжныя иллюстраціи и украшенія, выказывая и здѣсь утонченность и изящество. На ряду съ этимъ шло исканіе новыхъ пріемовъ. Дебланъ (1667—1741) ввелъ въ употребленіе красочную гравюру, которую усовершенствовалъ Луи Филибертъ Дебюкуръ (1755—1832). Франсуа Филиппъ Шарпантье (1734—1817) примѣнилъ карандашную манеру. Жанъ Батистъ Леприсъ (1733—1781) изобрѣлъ акватинту, а Франсуа Жанине (1752—1813) далъ ея превосходные образцы въ краскахъ. При такой напряженности и высокомъ уровнѣ работы естественно, что Парижъ и въ XVIII в. занималъ первенствующее положеніе и былъ центромъ, куда стекались отовсюду учиться и откуда въ разные концы Европы разносились господствовавшія во Франціи направленія. Среди граверовъ другихъ странъ въ XVIII в. наиболѣе оригинальны два англійскихъ живописца—Джозуа Рейнольдсъ (1723—1792) и Вильямъ Гогартъ (1697—1764), изъ которыхъ первый способствовалъ развитію т. н. *черной манеры* и создалъ черную школу, второй положилъ начало англійской сатирической гравюрѣ, испанецъ Франсиско Гойя (1746—1828), давшій серіи жгучихъ гравюръ изъ національной жизни, и Даніель Ходовецкій (1726—1801), основатель новой берлинской школы. Въ первой половинѣ XIX в. почти всюду въ Западной Европѣ преобладала старая линейная манера. Она наиболѣе соотвѣтствовала вкусамъ классицизма и романтизма. Игривость и нѣжность рококо теперь была отброшена, и обратились къ строгой отчетливой линіи, даже къ чистому абстрактному контуру. Ясную опредѣленность линіи отстаивалъ во Франціи Анривель Дюпонъ (1797—1892). За нимъ слѣдовало молодое поколѣніе, тоже не допускавшее живописной свѣтотѣни. Въ Германіи это теченіе поддерживалось въ Вѣнѣ и Люссельдорфѣ, гдѣ работали и преподавали Іозефъ Келлеръ (1811—1873) и Эдуардъ Мандель (1810—1882). Ученикъ послѣдняго Луи Якоби (р. 1829) и Густавъ Эйгерсъ (р. 1834) принадлежатъ къ послѣднимъ представителямъ этой группы. Къ серединѣ столѣтія Г. на м. линейной манерой стало отходить на второй планъ; начиналось увлеченіе гравированіемъ *на сталь*, развившимся въ Англіи въ первой четверти XIX в., и старымъ офортомъ. Гравюра на сталь не была опасной соперницей въ художественномъ отношеніи, такъ какъ она въ значительной степени служила интересамъ практическимъ, позволяя благодаря своей прочности получать бо́льшое количество оттисковъ. Ея сухость не давала возможности передать нѣжную колоритность, къ чему стала стремиться въ связи съ колористическимъ теченіемъ живописи гравюра второй половины столѣтія. Этимъ требованіямъ и потребности въ наиболѣе податливомъ способѣ передавать собственные образы отвѣчалъ вполнѣ *офортъ*. Онъ и завоевалъ себѣ широкое распространеніе. Сначала офортъ нашелъ себѣ примѣненіе въ области воспроизведенія старыхъ мастеровъ. Съ этою цѣлью Вильямъ Унгеръ (р. 1837) образовалъ въ Вѣнѣ цѣлую школу. Подлѣ него работали Петръ Гольмъ (р. 1854) и Карль Кеппингъ (р. 1848). Во Франціи въ половинѣ XIX в. выдвинулся портретистъ Фердинандъ Гальяръ (1834—1887) и Жюль Жакмаръ (1837—1880), передававшій прекрасно старую и новую живопись. Но одной репродукціей граверы не удовлетворялись, и во второй половинѣ XIX в. значительно проявилось и самостоятельное творчество. Въ Германіи Карлъ Штауферъ Бернъ (1857—1891) выказалъ блестящую ровную технику, и его ученикъ Максъ Клингеръ (р. 1857 г.) далъ цѣлый циклъ сложныхъ и цвѣтистыхъ композицій. Во Франціи Шарль Меріонъ (1821—1868) въ рядѣ листовъ запечатлѣлъ характерную красоту стараго Парижа, Луи Огюстъ Ленеръ (р. 1849) увлеченъ жизнью новаго Парижа, Франсискъ Жакъ Рафаэлли (р. 1850 г.) обратился къ цвѣтному офорту. Бельгіецъ Ферисомъ Роппсъ (1845—1898) выпустилъ рядъ серій гравюръ, полныхъ фантастики и выразительности. Въ Англіи характеризуютъ новое Г. на м. парижанинъ Альфонсъ Легро (род. 1837)—реалистъ и фантастъ, Уистлеръ (1834—1903), чарующій удивительной нѣжностью и простотой, Сеймуръ Гэденъ (р. 1818), примкнувшій къ Рембрандту, и Вильямъ Странгъ (р. 1857), погрузившійся въ религіозную непосредственность.

Въ Россіи гравированіе на мѣди появилось 200 л. спустя послѣ изобрѣтенія его на Западѣ. Тамъ Г. возникло отъ выработавшейся потребности, и поэтому, удовлетворяя ее, оно развивалось постепенно, самостоятельно, съ успѣхомъ. У насъ оно перенесено было на мало подготовленную почву царскимъ указомъ и долго требовало заботливаго ухода, пока не сдѣлалось необходимымъ. Первый памятникъ гравированія на мѣди, напечатанный въ Москвѣ въ 1647 г. въ книгѣ „Ученіе и хитрость строенія пѣхотныхъ людей", сдѣланъ мастерскимъ рядомъ съ соблюденіемъ перспективы и эффектовъ освѣщенія, можетъ быть, рукою голландскаго мастера. Въ теченіе XVII и первой четверти XVIII в. нельзя найти ему равнаго по достоинству. Несомнѣнно русскаго происхожденія гравюры на мѣди появляются позднѣе, въ концѣ XVII в. Первыми гравернымъ мастерами были знаменщики или рисовальщики серебряной палаты, составлявшей отдѣленіе Оружейной. Здѣсь подъ руководствомъ иностранныхъ мастеровъ они вырѣзывали „травы", украшенія и надписи на царской посудѣ. Изъ этихъ первыхъ московскихъ граверовъ выдвинулись А. Трухменскій, его ученикъ В. Андреевъ и Л. Бунинъ. Ихъ гравюры, исполненныя въ 1670—80 г. для Синодика, показываютъ, что образцами для нашихъ первыхъ граверовъ служили голландцы, и они ихъ передавали тонко и красиво. Выше московскихъ мастеровъ поднялись граверы кіевскіе и черниговскіе. Принадлежавшій къ кіевской граверной школѣ Л. Тарасевичъ былъ, безспорно, лучшій русскій граверъ на мѣди конца XVII и начала XVIII в., мало уступавшій лучшимъ голландскимъ граверамъ того времени. Ниже стояли его современники Щирскій, Голаховскій, Стржльбицкій и Самойловичъ, работавшіе въ томъ же стилѣ. Но эти хорошіе зачатки въ юго-западной Руси заглохли, и дальнѣйшее развитіе Г. сосредоточилось въ Москвѣ, а позд-

нѣе въ Петербургѣ. При вступленіи на престолъ Петра I Г. на м. въ Москвѣ было въ упадкѣ. Царь, интересовавшійся этой отраслью искусства, для поднятія ея вызвалъ въ Россію изъ Амстердама граверовъ А. Схонебека и П. Пикарта. Оба они были граверами средней руки, оба были слабы въ рисункѣ, работали не особенно тщательно и оставили посредственныхъ учениковъ-ремесленниковъ, не пошедшихъ далѣе копированія. Плохой рисунокъ, непріятная замаранность, грубый штрихъ, плоскость, отсутствіе колорита и свѣтовыхъ эффектовъ отличаютъ гравюры Схонебековой школы. Эта школа просуществовала до смерти Екатерины I, но уже въ послѣдніе годы жизни Петра I чувствовался недостатокъ въ хорошихъ граверахъ и приходилось обращаться къ мастерамъ иностраннымъ. Поэтому въ царствованіе Петра II былъ вызванъ изъ Касселя въ академію наукъ А. Вортманъ. Появленіе его составило эпоху въ исторіи русскаго Г. на м. Онъ образовалъ рядъ первостепенныхъ русскихъ граверовъ: И. Соколова, Качалова, Грекова и много граверовъ второстепенныхъ. Созданная имъ при академіи наукъ школа граверовъ была много выше Схонебековой. Школа Вортмана отличалась чистымъ и довольно блестящимъ рѣзцомъ и тщательностью въ отдѣлкѣ деталей, но все-таки продолжала хромать въ рисункѣ. Движеніе, начатое Вортманомъ поддерживалъ его ученикъ и преемникъ въ академіи наукъ—И. Соколовъ, превзошедшій блескомъ рѣзца своего учителя. Онъ былъ, несомнѣнно, лучшій изъ граверовъ первой половины XVIII в. Талантъ Соколова привлекъ въ классы академіи много учениковъ, и изъ нихъ образовалось много хорошихъ граверовъ. Со смертью Соколова въ 1756 г. оканчивается традиція Вортмановской школы послѣ 30-лѣтняго непрерывнаго существованія. Памятникомъ работъ многочисленныхъ учениковъ этой школы служитъ множество портретовъ, видовъ, книжныхъ рисунковъ и цѣлыхъ гравированныхъ коллекцій, изъ которыхъ „Описаніе палаты академіи наукъ“ и „Описаніе коронаціи имп. Елизаветы Петровны“ не уступаютъ первокласснымъ европейскимъ изданіямъ подобнаго рода. Продолжателемъ Соколова былъ извѣстный берлинскій граверъ Г. Ф. Шмидтъ, приглашенный сначала въ академію наукъ, а затѣмъ въ граверный классъ вновь открытой академіи художествъ. Но Шмидтъ, слишкомъ занятый заказами, мало отдавалъ времени преподаванію. Въ помощь ему для обученія учениковъ выписали изъ Вѣны Тейхера, которому въ академіи художествъ дали въ помощники еще Е. Чемесова. При такихъ условіяхъ вліяніе Шмидта, какъ педагога, было очень ограничено, но пятилѣтнее его пребываніе въ Петербургѣ не прошло совершенно безслѣдно. Своими работами, исполненными блестящимъ, краснымъ и легкимъ рѣзцомъ, онъ оказалъ значит. вліяніе на повышеніе уровня гравюры и на усовершенствованіе нѣкоторыхъ учениковъ Соколова и своихъ. Изъ послѣднихъ лучше всего усвоилъ его манеру Чемесовъ, лучшій портретный граверъ XVIII в. Послѣ отъѣзда Шмидта Чемесовъ занялъ его мѣсто въ гравернома классѣ академіи художествъ, а въ академію наукъ былъ приглашенъ парижскій граверъ Роднигъ. Послѣ смерти Чемесова, когда завѣдываніе граверными классомъ академіи художествъ перешло къ малоспособному С. Иванову, а даровитый Роднигъ въ академіи наукъ лѣнивo занимался обученіемъ, число учениковъ и граверовъ сильно сократилось. За все царствованіе Екатерины II вышли всего два выдающихся гравера: недолго работавшій Берсеневъ и давшій образцовыя произведенія пунктирной манерой Скородумовъ. Гравюра падала и нужно было снова ее поддержать. Съ этою цѣлью былъ приглашенъ изъ Германіи И. Клауберъ. Уступавшій въ дарованіи Шмидту, какъ художникъ, Клауберъ, какъ педагогъ, былъ неизмѣримо выше его. Добросовѣстно ведя дѣло въ академіи художествъ, онъ скоро собралъ въ свой классъ множество граверовъ и поднялъ ихъ мастерство на такую высоту, до которой никогда не поднималась еще русская гравюра на мѣди. Благодаря энергичной дѣятельности Клаубера, въ царствованіе Александра I у насъ появился рядъ искусныхъ граверовъ: Е. Скотниковъ, П. Масловскій, И. Иларіоновъ, С. Галактіоновъ, А. Ухтомскій, братья К. и И. Чесскіе, И. Уткинъ. Первое мѣсто среди нихъ занялъ И. Уткинъ, закончившій свое образованіе въ Парижѣ у Бервика. Своими сильными и полными вкуса портретами-гравюрами и 35-лѣтнею педагогической дѣятельностью въ академіи художествъ Уткинъ оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи русскаго Г. на м. Изъ многочисленныхъ его учениковъ наиболѣе талантливыми были Асанасьевъ, первый нашъ граверъ на сталь, Д. Андрузскій, А. Пищалкинъ и Ѳ. Іордановъ. Послѣдній по смерти Уткина занялъ въ гравернома классѣ академіи художествъ мѣсто своего учителя. Свободно владѣя тонкимъ, но нѣсколько сухимъ рѣзцомъ, Іордановъ обогатилъ русскую гравюру на мѣди нѣсколькими очень хорошими произведеніями, но въ дѣлѣ подготовки продолжателей Г. сдѣлалъ немного. Изъ его класса вышли только два даровитыхъ гравера на мѣди—И. Пожалостинъ и И. Константиновъ. Возродившаяся ксилографія, а затѣмъ примѣненіе болѣе дешевыхъ и быстрыхъ фото-механическихъ способовъ воспроизведенія сильно подорвали развитіе дорого стоющей и медленно изготовляемой гравюры на мѣди. Конкуренція заставила граверовъ ускорять и удешевлять производство введеніемъ машинъ, но это мало помогло, и гравюра на мѣди, какъ средство къ популяризаціи изображеній, отступила на второй планъ. По ей остается одна безспорно ей принадлежащая область—воспроизведеніе рисунковъ самимъ художникомъ. Лучшимъ средствомъ для этого является офортъ. Не требуя спеціальной сложной подготовки, онъ даетъ возможность художнику легко и свободно непосредственно передавать свой замыселъ. Въ силу такихъ особенностей офортъ въ послѣднее время нашелъ не мало сторонниковъ. Изъ офортистовъ наиболѣе извѣстны Т. Шевченко, Л. Жемчужниковъ, Н. Мосоловъ, Н. Шишкинъ, Н. Крамской, В. Бобровъ, В. Маттэ.

Литература. I. О гравированіи на *деревѣ*. *Essenwein, A.*, „Die Holzschnitte des XIV u. XV Jahrhunderts im Germanischen Museum“ (1874); *Woodberry*, „History of wood engraving“ (1883); *Linton*, „Wood engraving“ (1884); *Muther*, „Die älteste deutsche Bilderbibeln“ (1885); *Zeidler*, „Geschichte der japanischen Farben Holzschnitts“ (1897). *Грабарь*, „Японская цвѣтная гравюра“; *Schreiber*, „Manuel de l'amateur de la gravure sur bois au XV siècle“, I—IV (1891—1902); *Bouchot*, „Les 200 incunables xilographiques du departement des Estampes“ (1903); *Kristeller*, „Kupferstich und Holzschnitt in vier Jahrhunderten“ (1911); *Worringer*, „Die Altdeutsche Buchillustration“ (1912); *Rosenthal*, „La gravure“ (1909); *Гассельблатъ*, *Ю.*, „Гравированіе на деревѣ въ Россіи“, Вѣстн. Изящ. Искусствъ, 1887, 6; *Ровинскій, Д.*, „Русскіе граверы“, 1870, и *то же*, „Русскія народныя картинки“, 1881. II. О гравированіи на *мѣди*. *Barésch*, „Le peintre graveur“, 21 vol. (1817—1867); *Duplessis*, „Histoire de la gravure“ (1879); *Hymans*, „Histoire de la gravure dans l'école de Rubence“ (1879); *Roger Portalis et Henri Beraldi*, „Les gravures du XVIII siècle“ (1880); *H. Beraldi*, „Les gravures du XIX siècle“ (1885); *Delaborde*, „La gravure en Italie avant Marc Antoine“ (1883); *Wessely*, „Geschichte der graphischen Künste“ (1891); *Appel*, „Handbuch für Kupferstechsammler, Lexicon der Kupferstecher des XIX Jahrhunderts“ (1880); *Singer*, „Geschichte des Kupferstichs“ (1895); *Lippmann*, „Kupferstiche und Holzschnitte alter Meister“ (1896—1899). *Kristeller*, „Kupferstich und Holzschnitt in vier Jahrhunderten“ (1905); *Andresen*, „Die deutsche peintres-graveurs“, I—V (1872—78); *Hind*, „A short history of engraving and etching“ (1908). *Ровинскій, Д.*, „Русскіе граверы съ 1564 г. до основанія академіи художествъ и ихъ произведенія“, 1870; *то же*, „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“ (1872); *то же*, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, 1886—1889. Также см. статьи *В. Стасова*, въ „Собраніи сочиненій“.

Н. Тарасовъ.

опять нагрѣть пластинку и снова покрыть краской. Печатаніе идетъ медленно, и при большихъ доскахъ трудно сдѣлать въ день болѣе 20—25 оттисковъ. Хорошее клише, исполненное линейной манерой, выдерживаетъ 1000 хорошихъ и 1500 посредственныхъ оттисковъ. Черная манера, акватинта и офортъ—гораздо меньше. Чтобы получить возможно больше оттисковъ безъ порчи награвированной мѣдной доски, покрываютъ ее при помощи гальванопластики слоемъ желѣза. Когда желѣзо начинаетъ стираться при продолжительномъ печатаніи, то его растворяютъ и доску безъ всякаго вреда покрываютъ снова желѣзомъ. Иногда дѣлаютъ прямо нѣсколько гальванопластическихъ копій и съ нихъ печатаютъ, не пуская самаго оригинала. Первые 100—200 оттисковъ печатаются обыкновенно безъ подписи и называются avant la lettre (до подписи) въ отличіе отъ дальнѣйшихъ оттисковъ, полученныхъ съ доски, гдѣ награвирована уже подпись. Эти послѣдніе оттиски называются après или avec la lettre (послѣ или съ подписью). Такъ какъ первые оттиски печатаются съ клише, не успѣвшаго еще стереться, и съ большею тщательностью, то они цѣнятся дороже и выше, чѣмъ оттиски съ подписью. Для поднятія цѣны иногда послѣ отпечатанія нѣсколькихъ оттисковъ по подпискѣ уничтожаютъ клише. На гравюрахъ ставятъ латинскія слова: для обозначенія автора гравюры pinx. (pinxit) или inv. (invenit), для обозначенія рисовавшаго — del. (delineavit), для обозначенія гравера—sc. (sculpsit), для обозначенія печатника—imp. (impressit) или exc. (excudit). Краткій очеркъ развитія гравернаго искусства см. въ *приложеніи*. *И. Тарасовъ.*

Гравій, въ геологіи, *см.* XV, 615; о примѣненіи Г. при фильтраціи воды *см.* X, 508, 569; о значеніи его въ бетонномъ производствѣ *см.* V, 520—23.

Гравюра, см. *гравированіе.*

Градениго, знатный венеціан. родъ, давшій республикѣ нѣсколькихъ дожей. Наиболѣе изв. *Пьетро Г.* (1249—1311), проведшій реформу 1297 г., избр. въ дожи въ 1289 г. См. *Венеція,* IX, 481.

Градижскъ, безуѣздн. гор. кременчугскаго у., Полтавск. губ., на Днѣпрѣ, 13.306 ж., значит. хлѣбная торговля.

Градирня, см. *соль.*

Градіентъ, разность метеорологическаго элемента (атмосфернаго давленія, температуры и др.) на единицу разстоянія по кратчайшему пути отъ бо́льшихъ величинъ къ меньшимъ, т. е. по направленію, перпендикулярному къ линіямъ или къ поверхностямъ равныхъ величинъ этого элемента. Различаютъ Г. или по элементамъ — барическіе, термическіе, геотермическіе,—или по направленію — горизонтальные и вертикальные. Особенное значеніе имѣетъ горизонтальный барическій Г.; отъ него зависитъ скорость движенія воздуха, потому что воздухъ передвигается вслѣдствіе разности атмосфернаго давленія, какъ вода въ рѣкахъ течетъ отъ истока къ устью вслѣдствіе наклона русла. Англ. ученый XVII в. Галлей вывелъ законъ: вѣтеръ всегда стремится изъ странъ, имѣющихъ высокое барометр. давленіе, въ тѣ страны, гдѣ оно ниже. Въ XIX в. законъ Галлея былъ дополненъ Бейсъ-Баллотомъ, установившимъ направленіе, и Стевенсономъ, установившимъ скорость этого движенія въ зависимости отъ Г. Барическій Г. есть движущая сила для массъ воздуха, пропорціональная синусу угла наклона поверхностей равныхъ давленій къ поверхности уровня, т. е. горизонтальной; она же пропорціональна паденію барометрическаго давленія на единицу длины. За единицу длины въ метеорологической практикѣ принимается одинъ градусъ широты, равный 111,2 километр. или 60 морскимъ милямъ, а разность давленія воздуха выражается въ миллиметрахъ и въ англійской литературѣ въ сотыхъ доляхъ дюйма. Умножая въ умѣренныхъ широтахъ Г. въ миллиметрахъ въ среднемъ на 3,7, получаемъ скорость вѣтра въ метрахъ въ секунду; однако, этотъ множитель 3,7 измѣняется въ теченіе сутокъ, въ теченіе года, въ зависимости отъ направленія вѣтра, отъ географической широты, отъ морского и континентальнаго положенія мѣста, отъ высоты надъ уровнемъ моря, отъ топографическихъ условій и пр. Днемъ, лѣтомъ, на морѣ, на большой высотѣ

и между тропиками этотъ коэфиціентъ больше, чѣмъ ночью, зимою, на континентѣ, въ нижнихъ слояхъ атмосферы и въ умѣренныхъ и высшихъ географическихъ широтахъ. При одномъ и томъ же Г. въ болѣе теплое время года и сутокъ и въ болѣе теплыхъ мѣстахъ, а также на морѣ, сила вѣтра больше, чѣмъ на сушѣ и въ холодныхъ мѣстахъ и холодное время сутокъ и года. Такая разница объясняется усиленными вертикальными теченіями, а на морѣ малымъ треніемъ воздуха о поверхность воды. Въ зависимости отъ географической широты одна и та же разность барометрическаго давленія вызываетъ въ широтѣ 20^0 силу вѣтра въ два раза больше, чѣмъ въ широтѣ Москвы. На Нѣмецкомъ морѣ упомянутый множитель при сѣверныхъ и восточныхъ вѣтрахъ равенъ 4,2, а при южныхъ и западныхъ — 3,2. При тропическихъ циклонахъ (ураганахъ, тайфунахъ) Г., слѣдовательно, и сила вѣтра, очень велики; во время циклона у острововъ Фиджи наблюдали отъ 24 до 29 мм., а въ Аравійскомъ морѣ до 38 мм. Вертикальный барическій Г. выражаетъ степень неравновѣсія атмосферы. Строго говоря, вертикальный и горизонтальный Г. представляютъ собою слагающіе направленія Г.

Вертикальный термическій Г. въ атмосферѣ выражается потенціальною температурою, а въ случаѣ возможнаго сгущенія водяныхъ паровъ — эквивалентно-потенціальною. Вертикальный термическій Г. ниже поверхности земли называется *геотермическимъ* Г. и выражается числомъ метровъ, углубляясь на которое получимъ повышеніе годовой средней температуры на 1^0. Для глубинъ до 5 метровъ получается около 4 метровъ на 1^0 Ц.; для бо́льшихъ глубинъ геотермич. Г. увеличивается, до 1.000 метровъ глубины онъ равенъ приблизительно 30 метрамъ, а глубже 1.000 метровъ онъ еще больше возрастаетъ. Глубже 1 километра имѣется очень мало наблюденій, и максимальная глубина, до которой дошли буровыя скважины, 2 километра. Вычислять при помощи геотермич. Г. температуру внутри земного шара, радіусъ кот. 6.377 км., нельзя. *Э. Лейстъ.*

Градо (Grado), городъ въ испанск. провинціи Овіедо (Астурія), 17.125 жит.; близъ Г. (соед. ж. д.)—пушечные и оружейные заводы *Трубія* (Trubia).

Градовскій, Александръ Дмитріевичъ, профессоръ и публицистъ, сынъ помѣщика Воронежской губерніи, родился 13 декабря 1841 г. Послѣ хорошаго домашняго воспитанія выдержалъ въ 1858 г. вступительный экзаменъ въ харьковскій университетъ, который и окончилъ въ октябрѣ 1862 г. со степенью кандидата правъ. Послѣ кратковременной службы по вѣдомству внутреннихъ дѣлъ сначала въ Харьковѣ, а затѣмъ въ Воронежѣ, Г. выдержалъ въ 1866 г. магистерскій экзаменъ по государственному праву при петербургскомъ университетѣ и въ томъ же году защитилъ магистерскую диссертацію на тему: „Высшая администрація Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры“. Еще до защиты диссертаціи былъ приглашенъ временнымъ преподавателемъ государственнаго права въ петербургскій университетъ, а послѣ ея защиты—штатнымъ доцентомъ съ 1867 г. Въ 1868 г. онъ былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора Александровскаго лицея, съ 1869 г. былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора университета, а въ концѣ того же года былъ ординарнымъ профессоромъ обоихъ учебныхъ заведеній. Докторской диссертаціей Г. было изслѣдованіе: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“; эта диссертація была защищена Г. въ 1868 г. Ученыя заслуги Г. чрезвычайно велики; онъ является на ряду съ П. Е. Андреевскимъ создателемъ науки русскаго государственнаго права. Первая система этой науки дана Г. въ его „Началахъ русскаго госуд. права“. Первый изъ русскихъ ученыхъ онъ далъ также систематическое изложеніе конституціоннаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Въ методологическомъ отношеніи Г. положилъ начало той русской школѣ государствовѣдовъ, которая удачно соединила въ своихъ изслѣдованіяхъ историческій и догматическій методы и этимъ избѣжала односторонностей чисто-юридическаго и догматическаго положенія. Въ смыслѣ широкаго историческаго обоснованія

работы Г. и до сихъ поръ не потеряли своего высокаго значенія. Съ другой стороны, Г. и въ томъ отношеніи былъ учителемъ и родоначальникомъ спеціально русской школы государствовѣдѣнія, что онъ приводилъ въ необходимую связь дѣйствующее право и политику и, такимъ образомъ, способствовалъ въ высокой степени той цѣли, которую онъ поставилъ себѣ съ самаго начала, а именно воспитанію „русскаго гражданина". Къ недостаткамъ научнаго метода Г. относится нѣкоторое игнорированіе политическаго значенія соціально-экономическаго фактора, несмотря на то, что не только мысль эта была принята въ современной ему нѣмецкой наукѣ (Л. ф.-Штейнъ), но и дѣлалась предметомъ ожесточенной полемики въ современномъ ему русскомъ обществѣ (соціализмъ). Другимъ недостаткомъ ученій Г. является чрезмѣрная идеализація русскаго государственнаго строя, въ частности же неограниченнаго самодержавія; это послѣднее, по теоріи Г., оказывается совмѣстимымъ со строгой законностью, съ правовой организаціей должности, съ самоуправленіемъ и даже свободой гражданъ (свободой прессы и свободой вѣроисповѣданія прежде всего). Подъ вліяніемъ такой же идеализаціи ученикъ Г. проф. Н. М. Коркуновъ заимствовалъ свою систему изложенія русскаго государственнаго права у западно-европейскаго конституціоннаго, при чемъ русскія установленія и учрежденія, несмотря на свое полное отрицаніе идеи правового порядка, насильственно втискивались въ рубрики послѣдняго, отчего получались курьезы. Такъ, дореформенный государственный совѣтъ пріобрѣлъ совершенно ему несвойственный обликъ „законодательной" палаты, а русскія положенія о цензурѣ или о гласномъ надзорѣ полиціи подведены были подъ рубрику „личной свободы" или „личныхъ правъ". Какъ публицистъ, Г. пережилъ три періода въ своей дѣятельности. Въ первомъ періодѣ онъ явился представителемъ національно-либеральной идеи въ ея наиболѣе консервативномъ, „охранительномъ" видѣ. Въ этомъ смыслѣ самъ Г. называлъ свое направленіе „преобразовательно-охранительнымъ". Статьи въ этомъ духѣ были впослѣдствіи имъ нѣсколько передѣланы и собраны въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Политика, исторія и администрація". Эти статьи являются вѣрнымъ отраженіемъ чувствъ и идей тѣхъ слоевъ русскаго общества 1868—1871 гг., которые ожидали отъ правительства новыхъ реформъ и стремились къ укрѣпленію своей позиціи при новыхъ учрежденіяхъ. Въ началѣ 70 годовъ въ міровоззрѣніи Г. происходитъ переломъ. Мѣсто охранительной идеи занимаетъ національная, впервые получившая полное выраженіе въ его сборникѣ: „Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ" (1873). Вмѣстѣ съ тѣмъ Г. входитъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ газеты Краевскаго „Голосъ", гдѣ и занимаетъ одну изъ руководящихъ ролей. Во время балканскихъ событій Г. особенно сближается съ славянофилами кружка „Бесѣды" и поддерживаетъ нашу политику на востокѣ, приведшую къ русско-турецкой войнѣ; это приводитъ къ охлажденію его отношеній къ „Голосу". Къ 70 годамъ относится рядъ статей Г. по разнымъ отраслямъ административной реформы, которая представлялась еще не только возможной, но и весьма вѣроятной. Съ 1878—1880 г. наступаютъ для Г. „трудные годы" наступающей реакціи. Въ это время Г. особенно сближается съ „Голосомъ" и ведетъ борьбу на два фронта—съ одной стороны, съ реакціей, съ другой—съ революціей или „нигилизмомъ"; оба эти теченія по убѣжденію Г. вытекали изъ одного общаго источника: дикости и грубости крѣпостническаго общества; самъ Г. становится рѣшительно на сторону „средняго человѣка", который является типичнымъ явленіемъ либеральной буржуазіи или „средняго" городского класса. И въ эту эпоху Г. еще вѣритъ въ либеральный абсолютизмъ и вступаетъ въ непосредственныя связи съ Абазой, Бунге и Лорисъ-Меликовымъ, даже вырабатываетъ программу реформъ, которыя, ни въ чемъ не ограничивая самодержавія, въ то же время должны преобразовать абсолютизмъ въ правовое государство. Вѣнцомъ этихъ

реформъ было бы образованіе особой совѣщательной камеры изъ представителей губернскихъ земствъ при Государственномъ Совѣтѣ наряду съ отвѣтственностью министровъ передъ первымъ департаментомъ Правительствующаго Сената. Этимъ мечтамъ скоро настало время погибнуть, а Г. долженъ былъ еще разъ пересмотрѣть свои національно-либеральныя убѣжденія. 1881 годъ настолько ярко обнаружилъ черты новой истинно-русской „народности“, а послѣдующія событія, особенно еврейскіе погромы, дали такую иллюстрацію „народной политики“ гр. Игнатьева, а затѣмъ политики „твердой власти“ гр. Толстого, что Г. совершенно покинулъ національную программу и перешелъ на сторону опредѣленно оппозиціонной и освободительной группы. Однако, въ это время поле дѣятельности Г. чрезвычайно сузилось. „Голосъ“ въ 1884 г. былъ окончательно закрытъ, а вмѣстѣ съ нимъ прекратилась дѣятельность Г., какъ публициста. Съ этихъ поръ Г. цѣликомъ ушелъ въ научную и преподавательскую дѣятельность, которой и посвятилъ послѣднія 5 лѣтъ своей жизни. Умеръ онъ 6 ноября 1889 г. въ Петербургѣ въ эпоху торжества самой мрачной реакціи. Будучи отцомъ науки русскаго государственнаго права, Г. несомнѣнно является однимъ изъ основоположниковъ русскаго либерализма въ его наиболѣе умѣренной формѣ. Подробная литература о А. Д. Г. указана въ изданномъ въ 1899—1904 гг. собраніи сочиненій Г. въ девяти томахъ, гдѣ приложена и обстоятельная его біографія (т. IX). Въ это собраніе однако не включены многія изъ его выдающихся сочиненій. *М. Рейснеръ.*

Градовскій, Григорій Константиновичъ, *см.* XI, 633.

Градоначальникъ, должностное лицо, стоящее во главѣ города, выдѣленнаго изъ состава губерніи въ самостоятельную административную единицу, вслѣдствіе его особаго значенія или географическаго положенія. Въ настоящее время градоначальства существуютъ въ обѣихъ столицахъ, Одессѣ, Севастополѣ, Керчь - Еникале, Николаевѣ и въ Ростовѣ - на - Дону (вмѣстѣ съ Нахичеванью). При Г. состоятъ: канцелярія, чиновники особыхъ порученій и лица, исполняющія техническія обязанности — техники, городскіе землемѣры и др. Въ Одессѣ къ нимъ присоединяется еще ученый еврей (ст. 994 II т. Св. Зак.). При Г. образованы: присутствія совѣщательное и по врачебно-санитарной части, врачебно - полицейскій комитетъ, адресный столъ и рядъ другихъ учрежденій полицейскаго характера. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ Г. имѣетъ 2 помощниковъ. Въ СПБ. старшій въ чинѣ помощникъ замѣщаетъ Г. во время его отсутствія или болѣзни, „если Государю Императору не угодно будетъ назначить для сего особое лицо“. Г. назначается въ столицахъ по непосредственному усмотрѣнію Государя, въ другихъ городахъ такъ же, какъ и губернаторъ, т. е. Государемъ по представленію министра вн. дѣлъ. Въ общемъ, права и обязанности Г. по отношенію къ городу, во главѣ кот. онъ стоитъ, тѣ же, что и у губернатора по отношенію къ губерніи и къ городамъ, въ кот. не введено градоначальство. На него возлагается завѣдываніе полиціей, надзоръ за городск. самоуправленіемъ, управленіе статистической частью, надзоръ за иностранными консулами (чтобы они „не присваивали себѣ ничего выходящаго изъ предѣловъ ихъ должности“) и др. Въ частности, Г., подобно губернатору, предоставлено право издавать обязательныя постановленія и призывать войска для охраны порядка, когда полицейской силы окажется недостаточно (ст. 999 и 1000). Бо́льшая часть вопросовъ рѣшается Г-омъ собственной властью, нѣкоторые по большинству голосовъ въ совѣщательномъ присутствіи.

А. Н.

Градуированіе, раздѣленіе физич. приборовъ — сосудовъ и трубокъ—на части равныя по объему.

Градусная сѣть, см. *картографія.*

Градусныя измѣренія имѣютъ цѣлью узнать форму и размѣры земли. Что земля имѣетъ шарообразную форму, было хорошо извѣстно уже *Аристотелю* (384—322 до Р. Х.); въ своей книгѣ „О небѣ“ онъ сообщаетъ, что окружность земного шара равна 400.000 стадіямъ; откуда и какъ получилъ

Аристотель свои свѣдѣнія, неизвѣстно. Первое научное Г. и. было произведено около 230 г. до Р. Х. александрійскимъ ученымъ *Эратосѳеномъ*. При своихъ изысканіяхъ онъ исходилъ изъ того же принципа, какимъ пользуются и нынѣ: опредѣляютъ линейную длину любой дуги на поверхности земли, а затѣмъ — астрономическое положеніе конечныхъ пунктовъ этой дуги (иначе говоря, опредѣляютъ угловую величину дуги); отсюда нетрудно вычислить градусъ меридіана или параллели. Дѣло значительно облегчается, если измѣреніе дуги дѣлать по меридіану; такой именно случай мы имѣемъ въ измѣреніяхъ Эратосѳена. Изъ разсказовъ купцовъ онъ зналъ, что путь между Александріей и Сіеной (нынѣ Асуанъ, на Нилѣ) идетъ въ направленіи полуденной тѣни, т. е. по меридіану, и что разстояніе между Александріей и Сіеной равно 5.000 стадіямъ. Съ другой стороны, Эратосѳену было извѣстно, что въ Сіенѣ во время лѣтняго солнцестоянія, въ полдень, можно видѣть изображеніе солнца въ самыхъ глубокихъ колодцахъ, т. е. что высота солнца равна 90^0 (или—солнце въ зенитѣ); между тѣмъ, въ Александріи въ тотъ же моментъ солнце отстояло отъ зенита на $7^012'$. Такимъ образомъ, разность широтъ Сіены и Александріи получалась непосредственно $7^012'$; длина дуги меридіана въ $7^012'$ оказывалась равной 5.000 стадіямъ, отсюда окружность земли (360^0) получается 250.000 стадій, а радіусъ земли 39.789 стадій. Къ сожалѣнію, истинная длина египетской стадіи съ точностью неизвѣстна; если принять ее равной 157,5 метрамъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, то окружность земли получится равной ок. 39.700 км., величина, близко подходящая къ дѣйствительной (около 40.000 км.). Такой счастливый результатъ обязанъ, однако, случайности, потому что истинная разность широтъ Александріи и Сіены составляетъ не $7^012'$, а $7^07'$, а кромѣ того оба города лежатъ не на одномъ меридіанѣ, но Сіена почти на 3^0 восточнѣе Александріи.—Слѣдующее измѣреніе принадлежитъ *Посидонію* (135—50 до Р. Х.); принявъ, что Александрія и о-въ Родосъ лежатъ на одномъ меридіанѣ и что разстояніе между ними равно 5.000 стадій, и зная, что звѣзда Канопусъ въ Александріи подымается до высоты въ $7^1/_2{}^0$, а на Родосѣ едва показывается на горизонтѣ (т. е., высота ея здѣсь$=0^0$), Посидоній получилъ окружность земли въ 240.000 стадій. Это опредѣленіе менѣе точно, чѣмъ выводъ Эратосѳена.—*Птоломей* (87—165 по Р. Х.) принималъ окружность земли въ 180.000 стадій.—Въ 827 г. *арабскіе астрономы*, по порученію халифа Альмамуна, измѣрили дугу меридіана на равнинѣ Синджаръ, лежащей къ зап. отъ р. Тигра и отъ г. Мосула. Выйдя изъ точки, лежавшей приблиз. подъ 35^0 с. ш., астрономы отправились одинъ на с., другой на ю. и шли такъ, пока разстояніе между ними, измѣрявшееся все время арабскими локтями, не стало равнымъ 1^0, считая по меридіану. Опредѣленія производились по высотамъ звѣздъ угломѣрными инструментами. Величина градуса меридіана получилась равной $56^2/_3$ арабскимъ милямъ (каждая по 4.000 локтей); такъ какъ арабская миля равна 925 саж. (1.973 м.), то градусъ меридіана подъ 35^0 с. ш. оказался равнымъ 104,8 версты, что очень близко подходитъ къ дѣйствительной величинѣ.—Слѣдующее Г. и. произведено только въ 1528 г. близъ Парижа врачемъ *Фернелемъ* по угловымъ высотамъ солнца, при чемъ длина градуса меридіана получилась равной 103,6 вер.—Болѣе точное измѣреніе градуса стало возможнымъ лишь по изобрѣтеніи голландскимъ ученымъ *Снелліусомъ* (нач. XVII в.) тріангуляціи (*см.* XIII, 258), давшей способъ весьма точно измѣрять разстояніе между конечными точками Г. и. Составивъ въ 1614—1616 г. между городами Бергеномъ и Алкмаромъ (Голландія) цѣпь изъ 32 треугольниковъ, Снелліусъ нашелъ для 1^0 меридіана подъ 52^0 с. ш. величину въ 100,6 в.—Дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ метода тріангуляціи является опредѣленіе градуса во Франціи, сдѣланное *Пикаромъ* въ 1669—70 годахъ; градусъ меридіана на широтѣ Парижъ—Аміенъ получился равнымъ 104,2 вер. Вскорѣ послѣ изслѣдованій Пикара *Ньютонъ* (1687) на

основаніи теоретическихъ разсужденій показалъ, что земля должна имѣть форму не правильнаго шара, а *сфероида вращенія*, т. е., что земля сплющена у полюсовъ; это практически доказывалось наблюденіями *Рише* въ Кайеннѣ (подъ 5° с. ш.), изъ данныхъ котораго вытекало, что въ тропикахъ сила тяжести уменьшается. Ньютонъ опредѣлилъ и *сжатіе* земли, т. е. отношеніе разности экваторіальной и полярной полуосей къ экваторіальной полуоси; это отношеніе, по Ньютону, равно 1 : 230; по Гюйгенсу же (1690)— 1 : 578.

Открытіе сжатія земли значительно измѣняло постановку вопроса о Г. и.: при допущеніи шарообразности земли, ея величину можно было получить изъ одного градуснаго измѣренія, изъ величины градуса подъ любой широтой; предполагая же, что земля сплющена у полюсовъ, необходимо имѣть, по крайней мѣрѣ, два градусныхъ измѣренія: одно—вблизи экватора, другое—вблизи полюсовъ. Для окончательнаго рѣшенія вопроса о формѣ земли Парижская Академія Наукъ, послѣ неудачныхъ измѣреній *Кассини* (1718, 1733), снарядила двѣ экспедиціи, одну—на экваторъ, въ Перу, другую—въ полярныя страны, въ Лапландію. Перувіанская экспедиція въ составѣ *Буге, Ламондамина* и *Годена* покинула Францію въ 1735 г.; въ долинѣ Кито (Quito) было измѣрено два базиса длиной 6.272 и 5.259 туазовъ и составлена цѣпь треугольниковъ между $0^0 2^1/_2'$ с. ш. и $3^0 4^1/_2'$ с. ш. Для длины дуги меридіана въ 1^0 подъ экваторомъ получилось число 56.767 туазовъ, а по приведеніи къ уровню океана—56.748 туазовъ. Лапландская экспедиція въ составѣ *Мопертюи, Клеро, Камюза, Лемонье и Утье* оставила Парижъ въ 1736 г. Въ Стокгольмѣ къ нимъ присоединился шведскій физикъ *Цельзій*. Базисъ пролагался по льду р. Торнео. Длина 1^0 меридіана подъ полярнымъ кругомъ оказалась равной 57.422 туазамъ, т. е. значительно болѣе, чѣмъ подъ экваторомъ. Теорія сжатія земли у полюсовъ была, такимъ образомъ, блестяще доказана. Одновременно *Ж. Кассини* провѣрилъ длину 1^0 меридіана подъ широтою Парижа и получилъ 57.084 туаза. Въ 1792 году *Мешень* и *Деламбръ*, по порученію законодательнаго собранія Франціи, предприняли новое Г. и. по меридіану отъ Дюнкирхена до Барселоны. Имѣлось въ виду получить основаніе для новой международной единицы длины-метра. Работа, произведенная въ 1792—98 гг., описана въ трудѣ „Base du système métrique décimal“. Сжатіе земли, принимая во вниманіе данныя перувіанской экспедиціи, получилось равнымъ 1:334. Работы Мешеня и Деламбра продолжали *Араго, Біо* и *Перрье*; послѣдній связалъ французское измѣреніе въ Испаніи съ Алжиромъ (1879).— Изъ англійскихъ градусныхъ измѣреній замѣчательна тріангуляція Великобританіи и Ирландіи, произведенная съ 1791 по 1858 г. и обработанная *Кларкомъ* (1858). Въ Индіи измѣрена дуга меридіана въ $23^0 50'$; въ Африкѣ ведется тріангуляція отъ Капской колоніи до Египта, при чемъ у Питерсбурга измѣренъ базисъ почти въ 34 км. Въ Сѣв. Америкѣ измѣрена дуга по 39^0 параллели, простирающаяся по долготѣ на $48^0 46'$ (описаніе издано въ 1900 г.).—Изъ германскихъ работъ замѣчательно измѣреніе дуги между Мемелемъ и Трунцомъ, сдѣланное *Бесселемъ* и *Байеромъ* въ 1831—34 гг.— Въ Россіи первыя Г. и. произведены въ прибалт. губерніяхъ *В. Я. Струве* въ 1821—1831 гг. Въ слѣдующіе годы эта тріангуляція была продолжена на с. до Финмаркена, а на ю. до Бессарабіи (1844—1852 гг.); вся русско-скандинавская дуга обнимаетъ $25^0 20'$ по широтѣ. Работа эта описана Струве въ трудѣ: „Дуга меридіана между Дунаемъ и Ледовитымъ моремъ“ (Спб. 1861). Въ Россіи же произведено два большихъ Г. и. по параллелямъ: одно въ 1848—56 гг. (*Вронченко* и *Васильевъ*) отъ Бессарабіи до Астрахани вдоль $47^1/_2{}^0$ с. ш. (см. XLIX и L ч. „Записокъ Военно-Топогр. Отд. Глав. Штаба“, 1893), другое—по 52^0 с. ш., связанное съ работами въ Зап. Европѣ; оно начинается въ Англіи и тянется до Орска; общая длина этой дуги $63^0 41'$, изъ конхъ на долю Россіи падаетъ $39^0 24'$. Работы закончены въ 1872 г. и опубликованы въ XLVI и XLVII чч. „Зап. Военно Топогр. Отд. Глав. Штаба“,

1891. Въ 1899—1901 гг. русско-шведской экспедиціей произведено Г. и. на Шпицбергенѣ между $76^1/_2{}^0$ и $80^1/_2{}^0$ с. ш. Особенно облегчились Г. и. въ послѣднее время, когда для измѣренія базисовъ стали употреблять проволоки изъ инвара, допускающія точность до 1 : 5.000.000 длины.

Въ результатѣ Г. и. получились слѣд. элементы земного сфероида (въ метрахъ):

Вычислитель и годъ.		Больш. полуось.	Малая полуось.	Сжатіе.	Длина $^1/_4$ меридіана.
Деламбръ	1800	6.375.653	6.356.564	1:334,0	10.000.000
Бессель	1841	6.377.397	6.356.079	1:299.2	10.000.856
Кларкъ	1880	6.378.249	6.356.515	1:293,5	10.001.868
Бонсдорфъ	1888	6.378.345	6.356.982	1:298,6	10.002.309
Хэйфордъ	1906	6.378.283	6.356.868	1:297,8	10.002.166
„	1909	6.378.388	6.356.909	1:297,0	—

Если бы земля была правильнымъ сфероидомъ, то истинные размѣры ея можно было бы вывести изъ двухъ градусныхъ измѣреній. Приведенные только что результаты показываютъ, однако, различныя величины для различныхъ широтъ и долготъ; разницы эти далеко выходятъ за предѣлы возможныхъ ошибокъ. Отсюда пришли къ выводу, что истинный видъ земли выражается фигурой сфероида не точно. Болѣе приближается къ фигурѣ земли *трехосный эллипсоидъ*, т. е. тѣло, у коего всѣ три взаимно перпендикулярныя оси различны и всѣ сѣченія коего плоскостью суть эллипсы. *Кларкъ* (1878) вычислилъ элементы такого эллипсоида:

Больш. полуось экват. . .	6.378.380	м.
Малая „ „ . .	6.377.916	„
Полярная полуось	6.356.388	„
Сжатіе экватора	1 : 137,00	„
„ наибол. мерид. . .	1 : 290	„
„ наимен. „ . .	1 : 296	„
Положеніе наибол. меридіана.	8°15′ W отъ Грин.	
Положеніе наимен. меридіана.	81°45′ E отъ Грин.	

Но скоро убѣдились, что и трехосный эллипсоидъ является неудовлетворительнымъ изображеніемъ фигуры земли. Вообще, послѣдняя не имѣетъ правильной, математической формы, представляя неправильное тѣло, которое принято теперь называть *геоидомъ*.

Въ 1861 г. по почину прусскаго геодезиста *Байера* образовалась въ Берлинѣ Комиссія „Средне-Европейскаго Г. и.“, въ 1867 г. переименованная въ „Европейскую“, а въ 1886 въ Международную (Internationale Erdmessung). При комиссіи каждые 3 года собираются съѣзды. Комиссія издаетъ ежегодно „Verhandlungen der Internationalen Erdmessung“ („Comptes Rendus de l'Association géodésique internationale“). Въ Россіи Г. и. занимается Военно-Топографическое Управленіе Генеральнаго Штаба, во Франціи Service Géographique de l'Armée, въ Соед. Шт. Coast and Geodetic Survey. — Подробности о Г. и. см. въ курсахъ высшей геодезіи. По-рус., напр., *В. Витковскій*, „Практическая Геодезія (1911). *Л. Бергъ.*

Градусъ 1) единица мѣры для измѣренія дугъ окружности и угловъ; дуга въ одинъ градусъ (1^0) есть одна 360-ая доля всей окружности; уголъ въ 1^0 есть центральный уголъ, между сторонами котораго заключается дуга въ 1^0; онъ равенъ одной 90-ой долѣ прямого угла; Г. дѣлится на 60 *минутъ* (′); минута—на 60 *секундъ* (″). 2) Г., единица дѣленій на шкалахъ различныхъ термометровъ (Реомюра, R; Цельсія, C., и Фаренгейта, F); $1^0\,R = {}^5/_4{}^0\,C = {}^9/_4{}^0F$; $1^0C = {}^4/_5{}^0R = {}^9/_5{}^0\,F$; $1^0F = {}^4/_9{}^0\,R = {}^5/_9{}^0C$. 3) Въ географіи. Г. долготы есть $^1/_{360}$ часть экватора и параллельныхъ ему круговъ и Г. широты—$^1/_{360}$ часть меридіана. Ср. *градусныя измѣренія.*

Градчинъ, одна изъ составныхъ частей Праги, столицы Чехіи.

Градъ, спутникъ или частный случай грозы — обыкновенно сопровождается сильными порывами вѣтра, своеобразными колебаніями барометра и обильнымъ дождемъ. Въ лѣтописяхъ Николаевской Глав. Физич. Обсерва-

торіи печатаются наблюденія надъ Г. въ Россіи, при чемъ, „Г. обозначаются осадки замерзшей воды въ тѣхъ случаяхъ, когда зерна такъ велики, что могутъ принести вредъ сельскому хозяйству". Такое опредѣленіе включаетъ въ статистику Г. въ Россіи ледяной дождь, который бываетъ безъ грозы и выпадаетъ осенью, зимою и весною, и исключаетъ мелкій Г. по усмотрѣнію наблюдателя. Вслѣдствіе этого результаты статистики Г. въ Россіи несравнимы съ таковыми другихъ странъ. — Въ общемъ, суточный ходъ Г. приблизительно тотъ же, что ходъ грозъ, но съ тою разницею, что Г. еще рѣже бываетъ ночью и утромъ, чѣмъ гроза. Годовой ходъ Г. также сходенъ съ годовымъ ходомъ грозъ, только въ концѣ весны и раннимъ лѣтомъ бываетъ относительно болѣе градобитій, чѣмъ въ концѣ лѣта и осенью. Причина та, что слои воздуха, гдѣ преимущественно образуется Г., нагрѣваются и охлаждаются медленнѣе, чѣмъ нижніе, и поэтому холодные слои атмосферы, гдѣ температура ниже 0°, весною ближе къ поверхности земли, чѣмъ осенью. Въ мѣстахъ, гдѣ преобладаютъ хлѣбныя поля, испареніе ихъ сильнѣе раннимъ лѣтомъ, когда они еще зелены и влажность воздуха меньше, чѣмъ позже, когда они желтѣютъ, и поэтому испареніе съ поверхности материка или приходъ водяныхъ паровъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы лѣтомъ значительно уменьшается, между тѣмъ болѣе высокая въ это время температура требуетъ большаго количества воды для насыщенія.—Г. зачастую побиваетъ всю растительность на поляхъ, а при большомъ размѣрѣ градинъ (вѣсъ доходитъ до одного килограмма) убиваетъ не только мелкихъ животныхъ, но и людей (въ Индіи 1-го мая 1888 г. семь человѣкъ), избиваетъ до крови рогатый скотъ и пр. Обыкновенно Г. идетъ полосами шириною отъ нѣсколькихъ метр. до 10 и болѣе кмт., со скоростью до 40 кмт. въ часъ, вмѣстѣ съ грозой. Вслѣдствіе большой скорости Г. проходитъ въ короткое время. Длина полосъ Г. нѣсколько кмт., но наблюдали и до 200 кмт. Выпадаетъ иногда огромное количество льда, и убытки считаются милліонами рублей. Въ 1884 г. въ Индіи Г. покрылъ землю слоемъ льда толщиною отъ 4 до 6 футовъ и остался нерастаявшимъ нѣсколько дней. 13 іюня 1788 г. во Франціи выпалъ Г. въ двухъ полосахъ шириною отъ 9—18 кмт. и длиною до 800 кмт., а между полосами разстояніе было около 22 кмт. „Но что значитъ знаменитое градобитіе 1788 г.", пишетъ К. С. Веселовскій по даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: „въ сравненіи съ огромною площадью, на которой Г. свирѣпствовалъ въ предѣлахъ Россіи 27 мая 1843 г. Знаменитость градобитія 1788 г. должна померкнуть передъ этою величественною грозою..." Градовыя низверженія въ этотъ день простерлись отъ Чернаго моря до Балтійскаго и отъ Днѣстра и Нѣмана до Волги.

Г. выпадаетъ вездѣ, на сѣверѣ рѣдко, больше всего въ субтропическихъ странахъ, и къ экватору число градобитій опять уменьшается. Г. наблюдается, хотя рѣже, также на высокихъ горахъ и на океанахъ. Въ обсерваторіи на горѣ Пайксъ-Пикѣ (выс. надъ ур. моря 4.308 м.) выпали градины до 5 см. въ діаметрѣ. Г. выпадаетъ даже въ пустыняхъ, но рѣдко. По коммерческой статистикѣ страховыхъ отъ градобитій обществъ вывели заключенія, что въ лѣсахъ Г. бываетъ рѣдко, но научная статистика оставляетъ этотъ вопросъ пока открытымъ, какъ и другія указанія упомянутыхъ обществъ. Въ Россіи Г. выпадаетъ въ средн. многолѣтнемъ выводѣ одинъ разъ въ годъ въ сѣверныхъ губ., два раза въ центральныхъ губ. и въ Сибири, въ южныхъ до трехъ разъ. На берегахъ Каспійскаго моря и въ Туркестанѣ Г. рѣдкое явленіе, а на Кавказѣ, особенно въ юж. и зап. частяхъ, бываетъ до 6—7 разъ въ годъ. Въ Зап. Европѣ число градобитій уменьшается отъ зап. къ вост. и отъ юга къ сѣв.

Величина градинъ измѣняется отъ мелкихъ шариковъ до куринаго яйца и апельсина; иногда наблюдаются очень крупныя градины, вѣсомъ до 10 фунтовъ, но онѣ имѣютъ неправильную форму и, вѣроятно, происходятъ отъ смерзанія нѣсколькихъ отдѣльныхъ градинъ въ одну общую массу. Статистика градинъ въ Индіи показываетъ, что 27%

всѣхъ градинъ имѣли размѣры горошины или менѣе, 51% отъ горошины до лимона и 22% больше, чѣмъ лимонъ. Форма градинъ крайне разнообразна: болѣе или менѣе правильные шарики, конусы, грушеобразныя, эллипсоиды, плоскія круглыя пластинки, неправильно смерзшіеся куски льда изъ тетраэдровъ, октаэдровъ, призмъ, дисковъ съ утолщеннымъ краемъ, шарики съ разными выступами, остроконечіями и т. д. На поверхности градинъ часто находятся сростки кристаллической формы, вросшіе въ центральное тѣло градины, преимущественно по радіальному направленію, а эти разнообразные сростки кристалловъ придаютъ градинамъ такую причудливую форму, которая трудно поддается описанію. Строеніе градинъ большею частью концентрическое, луковичное, слоистое. Въ центрѣ ядро изъ снѣговидной матовой бѣлой массы, какъ крупа; вокругъ ядра полупрозрачныя, ледяныя оболочки различной твердости и часто содержащія пузырьки воздуха. Подъ микроскопомъ видно множество мелкихъ смерзшихся частицъ льда, между кот. пузырьки воздуха. Повидимому, онѣ образовались изъ переохлажденной воды, и присутствіе между ними воздуха указываетъ, что процессъ замерзанія происходилъ быстро. Переохлажденныя жидкія капли наблюдались на воздушныхъ шарахъ на высотѣ около 6000 м., хотя температура упала до —10° и —15°, капли воды оставались жидкими. Сталкиваясь съ крупою или снѣговидной массой, переохлажденныя капли превращаются отчасти въ ледяныя частицы и образуютъ ледяную оболочку, но какимъ образомъ замерзаетъ остальная часть воды, температура которой подымается до 0°, этотъ вопросъ въ теоріи Г. остается открытымъ. Большею частью наблюдается больше одного ледяного слоя, и слои льда чередуются съ уплотненными снѣговыми, что указываетъ, что градины находились нѣсколько разъ въ условіяхъ для образованія снѣговидной массы, изъ которой состоитъ ядро, и въ условіяхъ замерзанія переохлажденной воды въ капляхъ. Какимъ образомъ градины изъ однихъ условій (изъ одной высоты) попадаютъ въ другія (на другую высоту), этотъ вопросъ тоже не имѣетъ удовлетворительнаго объясненія, хотя предложено не мало теорій. Электрическая пляска градинъ между облаками, наэлектризованными положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ, какъ это предполагалъ Вольта, въ настоящее время не можетъ объяснить дѣло. Скорѣе можно согласиться съ Феррелемъ, приписывающимъ значительную величину градинъ вихревому движенію, сопровождающему Г. и задерживающему паденіе градинъ. При вихревомъ движеніи, особенно если ось вихря не вертикальна, ледяные кристаллы могутъ придти въ соприкосновеніе съ переохлажденными каплями, при чемъ образуется ледяная оболочка; при вихревомъ движеніи готовая градина снова можетъ попасть въ болѣе высокіе слои перистыхъ облаковъ, гдѣ образуется снѣжная оболочка, и такъ далѣе. Так. обр. можно объяснить чередованіе ледяныхъ оболочекъ съ снѣжными и полное замерзаніе переохлажденныхъ частицъ воды. Нѣкоторые авторы предполагаютъ даже вихри съ горизонтальной осью. Если скорость вертикальнаго тока 13 мт. въ сек., тогда онъ въ состояніи поднять градины, имѣющія 10 мм. въ діаметрѣ. Затвердѣваніе переохлажденныхъ массъ воды и соединеніе ихъ съ находящимися въ верхнихъ слояхъ кристаллами льда можетъ пойти такъ быстро и такъ причудливо, что этимъ путемъ могутъ возникнуть самыя странныя и разнообразныя формы градинъ.

Гроза при выпаданіи Г. принимаетъ характерный оттѣнокъ: удары грома слабы, молніи очень многочисленны, сверкаютъ часто, почти безъ перерыва; разряды молніи имѣютъ обыкновенно расплывчатую форму и происходятъ высоко между облаками. Безпрерывныя молніи помогаютъ слитію мельчайшихъ капель въ крупныя. Лордъ Рейлей въ 1879 г. замѣтилъ, что приближеніе къ фонтану наэлектризованныхъ предметовъ вызываетъ слитіе водяныхъ капель, и поэтому, можно полагать, что электричество въ верхнихъ слояхъ можетъ содѣйствовать образованію

крупныхъ капель изъ элементовъ облаковъ и грозовыхъ тучъ.

Громадные убытки отъ градобитій вызвали разнообразные способы борьбы съ Г. Электрическіе способы предлагались въ видѣ различныхъ градоотводовъ, имѣющихъ цѣлью, какъ и громоотводы, нейтрализацію электричества облаковъ. Въ 1820 г. Бертолонъ первый подалъ мысль ставить на поляхъ желѣзные шесты длиною въ 25 фут. Другіе предлагали деревянные шесты, съ канатомъ изъ соломы, изъ сѣна, изъ металлической проволоки и просто обожженные деревянные шесты безъ каната и проволоки. Эти способы вслѣдствіе безполезности были совершенно оставлены, но въ 80-хъ г. г. вопросъ о соломенныхъ градоотводахъ Наркевичемъ-Іодко вновь поднятъ въ Метеор. Комиссіи Имп. Рус. Географ. Об. въ Петербургѣ. Опыты оказались неудачными. Предлагалось также употребленіе змѣевъ съ проволокою, соединенною съ землею, для отвода электричества облаковъ, однако такой, способъ непримѣнимъ, такъ какъ разность потенціаловъ слишкомъ велика во время грозъ, и проволока расплавляется.

Въ древности предполагали, что Г. или наказаніе отъ Бога или дѣло рукъ враждебныхъ человѣчеству силъ высшаго порядка, а средство борьбы—молитва и жертвоприношеніе. Въ древней Греціи (Seneca, Questiones naturales, IV) борьба съ Г. была поручена государствомъ отвѣтственнымъ лицамъ, обязанности которыхъ состояли въ томъ, чтобы направить градовыя тучи по безвредному направленію, а если это имъ не удавалось, то ихъ наказывали. Въ средніе вѣка борьба велась и молитвою, и волшебными заклинаніями, церковными процессіями, колокольнымъ звономъ и стрѣльбою. Начиная со временъ Карла Великаго законами многократно запрещалось примѣнять суевѣрныя средства и колокольный звонъ, а со временъ Маріи Терезіи и стрѣльбу изъ ружей и пушекъ. Законы оказались безсильными, и пальба и звонъ колоколовъ примѣнялись, несмотря на штрафы. Пальба изъ мортиръ особенно распространялась начиная съ 1896 г., послѣ опытовъ въ Штиріи, которые оказались удачными. Образовались международные конгрессы по этому вопросу, появилась обширная литература, начались лабораторные опыты, составлялись новыя теоріи о Г. и борьбѣ съ нимъ, провѣрялись старыя теоріи и т. д. Въ пальбѣ изъ большихъ мортиръ длиною до 4 метровъ и въ ракетахъ, разрывающихся въ верхнихъ слояхъ атмосферы, признали механическое и акустическое дѣйствіе и даже электрическое. Утверждали, что выстрѣлы, сопровождаемые дымомъ, способствуютъ уравненію электрическихъ зарядовъ облаковъ и земли, а разность этихъ зарядовъ лежитъ въ основѣ образованія Г. Механическое дѣйствіе заключается въ дѣйствіи вихревыхъ колецъ, образующихся при выстрѣлахъ изъ мортиръ, и возможно, что вихревыя кольца, доходя до градовыхъ вихрей, разрушаютъ послѣдніе механически. Акустическое дѣйствіе какъ пальбы изъ пушекъ, мортиръ и ружей, такъ и колокольнаго звона видѣли въ томъ, что акустическія волны производятъ сотрясеніе переохлажденныхъ капель, превращаютъ мелкія капли въ маленькія градины, и въ такомъ случаѣ крупнаго Г. не будетъ. Замѣчательно, что во время Г. громъ слабый, и въ этомъ видятъ причину образованія Г. Если сильный громъ, тогда звуковыя волны отъ грома производятъ необходимое сотрясеніе переохлажденныхъ капель, а если этихъ волнъ нѣтъ, тогда капли осаждаются на зернахъ крупы. Съ другой стороны, указывали на изверженія вулкана Стромболи, сопровождающіяся, несмотря на сильныя детонаціи, выпаденіемъ Г. Чтобы рѣшить вопросъ о пользѣ пальбы, итальянское и австрійское правительства отъ 1902 по 1906 г. производили опыты въ большихъ размѣрахъ въ Кастельфранко-Венето и Штиріи съ различными зарядами пороха и ацетилена, изъ различной величины мортиръ, длиною до 14 метровъ. Въ 1906 г. было пущено 250 петардъ и 68 бомбъ, содержащихъ 8 килограммъ пороху, поднимаемыхъ ракетами до высоты 1200 м., гдѣ онѣ взрывались. Эти опыты показали, что такая форма борьбы съ Г. механическимъ и акустическимъ дѣйствіемъ безуспѣшна, и дальнѣйшіе опыты и субсидіи для по-

добныхъ изслѣдованій со стороны итальянскаго и австрійскаго правительства были прекращены. Недостатокъ способовъ борьбы съ Г. состоитъ въ томъ, что судили по качественнымъ дѣйствіямъ средствъ и не обращали вниманія на количественное. *Э. Лейстъ.*

Градъ, курортъ, см. *Вельдесъ.*

Граево, посадъ щучинскаго у., Ломжинской губ., на прусск. границѣ, 8.281 ж.; таможня 1-го класса; грузы направляются въ Германію и къ нѣм. портамъ Балт. моря; гл. предм. вывоза—хлѣбъ.

Гражданинъ (cives, citoyen, cittadino, citizen, Staatsbürger); такъ обозначается лицо, пользующееся всѣми политическими правами, установленными публичнымъ правомъ свободнаго государства. При опредѣленіи понятія Г., однако, не столь важна юридическая сторона его, какъ извѣстныя соціальныя, политическія и психологическія предпосылки, дающія самое содержаніе указанному понятію. Отмѣтимъ прежде всего соціальныя предпосылки. Онѣ коренятся въ признаніи между опредѣленной массой лицъ общаго хозяйственнаго сотрудничества на началахъ нѣкоторой свободы и равенства. На этомъ основаніи изъ числа Г. необходимо исключаются тѣ классы и слои населенія, котор. обязаны подневольнымъ трудомъ или прикрѣплены къ извѣстной профессіи. На такомъ положеніи находятся рабы и холопы, поскольку они являются пассивнымъ элементомъ хозяйственной жизни и юридически почитаются не лицами, а вещами или принадлежностью вещи (крѣпостные, прикрѣпленные къ землѣ). Не могутъ считаться Г. и такія группы населенія, котор. наслѣдственно прикрѣплены къ опредѣленной профессіи, какъ напр., члены различныхъ кастъ въ Египтѣ, Индіи и т. п. На такомъ же положеніи находились и тѣ неполноправные жители древнихъ Аѳинъ, Спарты и Рима, кот. принадлежали къ покореннымъ народностямъ, обладали нѣкоторыми правами въ области имущественнаго оборота, занимались промышленностью и торговлей, но были лишены права пріобрѣтать землю и нуждались для дѣйствительности своихъ сдѣлокъ въ содѣйствіи особаго патрона или протата изъ среды полноправныхъ гражданъ. Состояніе личной несвободы было всегда обстоятельствомъ, исключающимъ права гражданства, и въ Россіи до освобожденія крестьянъ цѣлые милліоны крѣпостного населенія даже не приводились къ присягѣ на вѣрность государству, т. к. хозяйственная власть господина дѣлала невозможной какую-либо непосредственную связь между ними и публичной властью. Состояніе личной свободы и частно-правового равенства является, такимъ образомъ, предпосылкой понятія Г. Въ античномъ и средневѣковомъ городѣ особенно ярко сказалась эта связь между правами Г. и соціальнымъ равенствомъ: борьба за политическое равноправіе здѣсь почти всегда сплетается съ борьбой за хозяйственные и соціальные интересы, во главѣ которыхъ стоитъ пріобрѣтеніе всѣхъ частныхъ правъ въ области экономическаго оборота. Отсюда и тѣсная связь между понятіемъ Г. и „гражданскимъ“ или частнымъ правомъ (cives—jus civile), ибо полнота частныхъ правъ въ области имущественной и семейственной съ древнихъ временъ почитается непремѣннымъ свойствомъ Г. Однако, наличность „гражданскихъ“ (частныхъ, цивильныхъ) правъ еще не даетъ правъ Г. Для этого необходимо осуществленіе еще ряда предпосылокъ уже политическаго, а не соціальнаго характера. И въ самомъ дѣлѣ. Подданные абсолютнаго государя могутъ пользоваться весьма обширными частными правами, но въ то же время могутъ быть совершенно лишены публичныхъ правъ, свойственныхъ Г. Особенно это должно отмѣтить относительно патріархальныхъ, вотчинныхъ и теократическихъ деспотій, гдѣ подданный по отношенію къ царю становится на положеніе не то раба, не то крѣпостного. Неудивительно, что въ старой Россіи до XIX в. держалась формула присяги на подданство слѣдующаго вида: „хощу и долженъ... вѣрнымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быти“ или „вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и вѣчно-подданнымъ со своею фамиліею быть“. Такая рабская формула въ болѣе раннія времена была еще болѣе уничижительна для подданныхъ. При московскихъ ца-

ряхъ даже высшіе классы именовались „холопами“, а когда малороссы пробовали назвать себя „вольными подданными“, то это вызвало взрывъ негодованія со стороны московскаго правительства. Такой же характеръ несвободнаго положенія имѣлъ и терминъ „sujet“ — подданный во французскомъ политическомъ сознаніи. Французская революція торжественно отвергаетъ слово подданный, ибо, какъ говорили Жозефъ Шенье и Бенжаменъ Констанъ, „пять милліоновъ французовъ умерли для того, чтобы не быть подданными“. Названіе „подданный“ впослѣдствіи отвергается и замѣняется словомъ Г. по двумъ основаніямъ: 1. слово подданный носитъ феодальный характеръ и обозначаетъ состояніе личной несвободы (рабства или крѣпостничества); 2. этотъ терминъ противорѣчитъ началамъ раздѣленія властей и народнаго суверенитета, т. к. въ свободномъ государствѣ прекращается всякое личное подданство, кромѣ подданства закону. Отрицательное отношеніе къ термину подданный нашло живѣйшій откликъ и въ Германіи, гдѣ также были убѣждены, что это слово „пахнетъ крѣпостнымъ правомъ“. Однако, здѣсь въ виду сильной монархической власти терминъ Г. не получилъ распространенія, и въ конституціяхъ принято обозначеніе по національностямъ: баденецъ, баварецъ, пруссакъ и т. д. Впослѣдствіи нѣмецкая юриспруденція приняла терминологію „членъ государства“ (Staatsangehörige). Въ другихъ европейскихъ государствахъ былъ принятъ терминъ—Г. Такъ, въ Италіи слово „sudditi“—подданные—при ревизіи Codice Albertino замѣнено — cittadino, а въ Швеціи вмѣсто стараго слова Undersate теперь говорится Statsborger или Svensk Man — шведъ. Въ высшей степени характерно, что современное русское госуд. право совершенно не знаетъ термина Г. И хотя въ госуд. актахъ упоминается съ одной стороны „гражданская свобода“, а съ другой „русское общество“, однако, „населеніе“ вездѣ именуется „подданными“, а не Г. Нельзя, однако, связывать отсутствіе правъ Г. исключительно съ абсолютнымъ строемъ. Свободныя государства, республики и конституціонныя монархіи, могутъ въ своемъ составѣ совмѣщать наличность не только Г., но и подданныхъ. Такими лишенными политическихъ правъ подданными свободныхъ государствъ были въ древности метэки и періэки (побѣжденные туземцы въ Греціи), на такомъ же положеніи находились въ римской республикѣ покоренные латиняне, въ средніе вѣка—завоеванные германцами славяне, а въ городахъ—неполноправные цехи, и даже въ наше время въ Англіи Г. метрополіи рѣзко отличаются по своему положенію отъ различныхъ колоніальныхъ подданныхъ британской имперіи, которые (напр., въ Индіи) управляются при помощи абсолютной власти. Подобное положеніе вещей мы находимъ и въ современныхъ демократіяхъ; во Франціи въ отличіе отъ гражданъ республики туземцы ея колоній (напр., алжирскіе арабы) не пользуются политическими правами, а въ Сѣверной Америкѣ остатки краснокожихъ индѣйцевъ состоятъ лишь подданными государства, но не гражданами его. На такомъ различеніи выясняется уже важность третьяго рода предпосылокъ морально-психологическаго характера, т. к. если не всѣ подданные даже свободнаго государства считаются его Г., то это происходитъ лишь оттого, что, какъ предполагается, не все населеніе страны обладаетъ достаточными духовными и физическими данными для того, чтобы надлежащимъ образомъ осуществить права и обязанности Г. Самымъ общимъ препятствіемъ къ пользованію правами Г. по общему правилу въ свободныхъ государствахъ почитается политическая недѣеспособность, которая связывается съ самыми различными признаками (несовершеннолѣтіе, пользованіе общественнымъ призрѣніемъ и т. д.), но особенно охотно съ поломъ, возрастомъ, имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Для насъ важны здѣсь предпосылки, кот. обусловливаютъ самое установленіе понятія полит. дѣеспособности въ свободномъ государствѣ. Таковой является прежде всего наличность въ членахъ государства интереса къ государственнымъ дѣламъ и способность установить связь между личнымъ и общимъ благомъ. Этимъ устанавливается предпосылка внутрен-

ней, психической связи между Г. и государствомъ, при чемъ Г. считаетъ дѣло родины своимъ, себѣ близкимъ, его живо касающимся; такая связь между интересами личности и государства тѣмъ интенсивнѣе и шире, чѣмъ обширнѣе кругъ лицъ, пользующихся правами Г., и чѣмъ важнѣе и значительнѣе блага, которыя гарантируетъ государство Г. На этой почвѣ вырастаетъ особый гражданскій патріотизмъ, достигающій порой очень высокаго напряженія, который основанъ на сознаніи, что родина предоставляетъ Г. наиболѣе высокія блага свободы и общественной справедливости, какія только въ данный моментъ можно пожелать. Такъ возникаетъ порой даже особая гордость Г. по отношенію къ другимъ народамъ, не пользующимся благами свободы, и вслѣдствіе этого менѣе сильнымъ и славнымъ. Такъ, съ гордостью называлъ себя римлянинъ: „civis Romanus sum“—римскимъ Г., а сейчасъ съ такой же гордостью именуетъ себя Г. англичанинъ, сѣверный американецъ или французъ. Къ такому чувству и сознанію естественно неспособно населеніе, которое находится во власти нищеты духовной и матеріальной, а долговременнымъ рабствомъ пріучено къ полной пассивности и отчужденію отъ общественнаго интереса. Въ такой средѣ, напротивъ, развивается до крайности безразличное отношеніе къ государственнымъ дѣламъ или политическій индифферентизмъ, представляющій лучшую почву для всякой деспотіи. Другой духовной предпосылкой понятія Г. является извѣстная интеллигентность лица и способность раціонально мыслить. Это предполагаетъ извѣстную умственную свободу отъ навязанныхъ извнѣ идей и предразсудковъ, способныхъ поработить сознаніе лица. Принудительное подчиненіе члена государства одной какой-нибудь догмѣ или символу вѣры, требующее абсолютнаго послушанія тому или иному авторитету, уничтожаетъ совершенно внутреннюю свободу Г. и тѣмъ самымъ дѣлаетъ его рабомъ. Отсюда понятно стремленіе революціонныхъ проповѣдниковъ конца XVIII в. устранить владычество церковной догмы надъ умами современниковъ, дабы создать изъ нихъ достойныхъ своего имени Г. Съ другой стороны, чѣмъ ниже уровень умственнаго развитія населенія, тѣмъ болѣе подвержено оно деспотизму различныхъ партійныхъ вожаковъ и демагоговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣмъ скорѣе оно теряетъ свои качества и свойства Г. Третьимъ духовнымъ предположеніемъ понятія Г. является, наконецъ, извѣстная самостоятельность и самодѣятельность, способность не только устанавливать планы, средства и цѣли общественной жизни, но и планомѣрно проводить ихъ на практикѣ путемъ активной и послѣдовательной работы. Понятіе Г. и самодѣятельности, самоуправленія, моральной независимости и вмѣстѣ отвѣтственности — нераздѣлимы. Съ понятіемъ Г. здѣсь совпадаетъ понятіе цѣлостной и морально-организованной личности, поскольку послѣдняя входитъ какъ дѣятельный факторъ въ область политической жизни. Такъ рождается понятіе особой „цивической“ или „гражданской“ доблести, состоящей въ томъ, что Г., связавъ себя морально съ государствомъ, не только подчиняетъ свою дѣятельность нуждамъ и пользамъ цѣлаго, но и приноситъ себя въ жертву общему интересу. Добродѣтель Г. слѣдуетъ отличать отъ т. н. политической или полицейской благонадежности: первая принимается и осуществляется въ жизни свободно, вторая—по чужому приказу или желанію; содержаніе первой преимущественно положительное,—она требуетъ активнаго вмѣшательства Г.,—второй—отрицательное, т. к. благонадежность состоитъ главнымъ образомъ въ воздержаніи отъ вредныхъ данному режиму поступковъ; наконецъ, контроль за осуществленіемъ первой принадлежитъ самому Г., вторая же провѣряется органами административнаго и полицейскаго надзора, въ частности политической или государственной полиціи. Сводя теперь воедино необходимыя предпосылки понятія Г., мы видимъ, что онѣ коренятся: 1. въ хозяйственной свободѣ и частно - правовомъ равенствѣ; 2. въ политической свободѣ; 3. въ моральной связи съ государствомъ и моральной свободѣ. Тамъ, гдѣ эти предпосылки не осуществлены, не можетъ быть и рѣчи о Г. Въ настоящее время эти требованія еще повышаются

*

въ томъ смыслѣ, что современная частно-правовая свобода почитается недостаточной потому, что она при существующихъ условіяхъ товарно-капиталистическаго производства необходимо приводитъ къ тяжелой экономической зависимости одной части населенія (труда) отъ другой (капитала) и этимъ путемъ приводитъ какъ бы къ новой крѣпостнической зависимости рабочихъ массъ отъ собственниковъ земли и капитала. Въ виду этого нарушается необходимая предпосылка самаго понятія Г.: рабочіе перестаютъ считать государство своимъ, ослабляется ихъ привязанность къ политической организаціи. Самое понятіе Г. теряетъ свое значеніе, и на первый планъ выступаетъ начало не государственнаго, а трудового союза, рабочаго товарищества, а съ нимъ и понятіе „товарища“ (Camarade, Kamrad etc.).

Jellinek, „System der subjectiven öffentlichen Rechte“, Tübingen 1905; *В. М. Гессенъ*, „Подданство, его установленіе и прекращеніе“, Т. 1, СПБ. 1909; *Рейснеръ*, „Государство“, ч. 3.

М. Рейснеръ.

Гражданская служба, см. *государственная служба.*

Гражданская смерть, см. *лишеніе правъ.*

Гражданскій бракъ, см. *бракъ*, VI, 450 и сл.

Гражданскій искъ въ уголовномъ судѣ. Кромѣ нарушенія общественныхъ интересовъ, преступленіе можетъ причинить ущербъ интересамъ отдѣльнаго физическаго или юридическаго лица. Если, по свойству этого ущерба, онъ можетъ быть возмѣщенъ извѣстнымъ имущественнымъ эквивалентомъ, то преступленіе служитъ основаніемъ не только для уголовнаго, но и для Г. и. Съ точки зрѣнія взаимнаго отношенія между гражданскимъ и уголовнымъ исками, вытекающими изъ преступленія, можно различать въ положительномъ правѣ три процессуальныхъ порядка. Въ древнемъ правѣ Г. и. сливается съ уголовнымъ, не отличается отъ него уже потому, что въ это время не существуетъ различія между гражданской неправдой и преступленіемъ, между гражданской и уголовной отвѣтственностью. Этому порядку или системѣ нераздѣльности гражданскаго и уголовнаго исковъ противополагается порядокъ раздѣленія ихъ, нашедшій себѣ наиболѣе полное осуществленіе въ англо-американскомъ правѣ, гдѣ допускается предъявленіе Г. и. только въ гражданскомъ судѣ и при томъ какъ раньше, такъ и во время или послѣ разсмотрѣнія въ уголовномъ судѣ дѣла о преступленіи, причинившемъ потерпѣвшему убытки. Промежуточное мѣсто между этими двумя порядками занимаетъ порядокъ зависимости Г. и. отъ уголовнаго. Эта зависимость проявляется въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, Г. и., вытекающій изъ преступленія, если онъ предъявленъ въ гражданскомъ судѣ, можетъ быть разсмотрѣнъ только послѣ того, какъ состоится рѣшеніе уголовнаго суда по дѣлу о томъ же преступленіи, причемъ приговоръ уголовнаго суда, признающій или отвергающій учиненіе обвиняемымъ дѣянія, причинившаго ущербъ, получаетъ для гражданскаго суда значеніе безспорнаго доказательства; во-вторыхъ, Г. и. о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ, можетъ быть предъявленъ не только въ гражданскомъ судѣ, но и въ судѣ уголовномъ для разсмотрѣнія его совмѣстно съ уголовнымъ искомъ. Въ послѣднемъ случаѣ и говорятъ о Г. и. въ уголовномъ судѣ или о „соединенномъ процессѣ“ (Adhaesionsprozess).

Большинство сторонниковъ „соединеннаго процесса“ защищаютъ его указаніемъ на цѣлый рядъ практически важныхъ результатовъ, которые достигаются присоединеніемъ Г. и. къ уголовному. Путемъ „соединеннаго процесса“ для лица, пострадавшаго отъ преступнаго дѣянія, облегчается возмѣщеніе вреда и убытка, причиненныхъ преступленіемъ: потерпѣвшій не тратитъ напрасно времени на веденіе болѣе сложнаго гражданскаго процесса, не дѣлаетъ тѣхъ расходовъ, съ которыми соединено предъявленіе иска въ гражданскомъ судѣ; онъ не связанъ въ доказываніи своего притязанія формальными требованіями гражданскаго процесса; онъ, наконецъ, находитъ авторитетнаго союзника въ лицѣ государственнаго обвинителя,

который, поддерживая обвиненіе, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ признанію за потерпѣвшимъ права на удовлетвореніе иска. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря одновременному разсмотрѣнію гражданскаго и уголовнаго исковъ, возвышается авторитетъ уголовнаго суда, который проигрывалъ бы въ глазахъ общества, если бы потерпѣвшій не находилъ въ немъ того, въ чемъ нерѣдко онъ больше всего заинтересованъ, т. е. матеріальнаго удовлетворенія за понесенныя имъ потери. Не послѣднею по своему значенію является и та экономія средствъ юстиціи, которая достигается присоединеніемъ Г. и. къ уголовному вмѣсто разновременнаго разсмотрѣнія этихъ исковъ различными судами. Къ этимъ практическимъ доводамъ нѣкоторые процессуалисты (напр., Берлингъ, Цитовичъ) присоединяютъ и соображенія принципіальнаго характера: по ихъ мнѣнію, распредѣленіе труда между судами различнаго типа основано не столько на различіи требованій, къ нимъ предъявляемыхъ, сколько на „различіи фактическаго содержанія тѣхъ правонарушеній, изъ которыхъ вытекаетъ то или другое требованіе“ (Берлингъ); для разсмотрѣнія уголовнаго правонарушенія—все равно, служитъ ли оно основаніемъ для наложенія наказанія или для требованія вознагражденія — нужно именно уголовное судопроизводство съ его свободой отъ формализма и со свойственными ему способами доказыванія; поэтому, Г. и., по самой своей природѣ, „тянется туда, гдѣ разсматривается его близнецъ по происхожденію— въ судъ уголовный“ (Цитовичъ). Въ то время, какъ процессуалисты, оправдывающіе „соединенный процессъ“ соображеніями практическаго удобства, только допускаютъ предъявленіе Г. и. въ уголовномъ судѣ, оставляя за потерпѣвшимъ право предъявить его и въ гражданскій судъ, процессуалисты, отстаивающіе этотъ же процессъ *по принципу*, естественно приходятъ къ требованію обязательнаго предъявленія иска, вытекающаго изъ преступленія, именно въ судѣ уголовномъ.

„Соединенный процессъ“ допускается далеко не всѣми законодательствами. Его не знаетъ, напримѣръ, англо-американское право. Въ Германіи этотъ процессъ, созданный первоначально судебною практикою отчасти подъ вліяніемъ доктрины итальянскихъ криминалистовъ, просуществовалъ до изданія нынѣдѣйствующаго устава угол.судопр. 1877 г., при окончательной редакціи котораго восторжествовало мнѣніе противниковъ „соединеннаго процесса“. Поэтому, Г. и. въ уголовномъ судѣ допускается въ Германіи лишь по исключенію. Присоединеніе Г. и. къ уголовному не допускается вслѣдствіе различія пріемовъ и средствъ гражданской и уголовной юстиціи: предоставляя потерпѣвшему, истцу, по его усмотрѣнію, обращаться къ средствамъ гражданской или уголовной юстиціи и отказывая въ такомъ выборѣ обвиняемому, отвѣтчику, законодатель нарушаетъ принципъ равенства сторонъ.

Въ противуположность германскому процессуальному законодат., французскій Code d'instruction criminelle допускаетъ предъявленіе Г. и. потерпѣвшимъ отъ преступленія какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ судѣ (art. 3). Свободный выборъ суда для предъявленія въ немъ иска практика ограничиваетъ, однако, издавна признаннымъ правиломъ, обычно выражаемымъ латинскимъ афоризмомъ: electa una via non datur recursus ad alteram. Согласно этому правилу, тотъ, кто обратился со своимъ искомъ въ гражданскій судъ, не можетъ уже обратиться къ суду уголовному (но не наоборотъ).

Наши Судебные Уставы послѣдовали примѣру французскаго права. Въ силу ст. ст. 6 и 7 Уст. Угол. Судопр., лицо, потерпѣвшее отъ преступленія или проступка, *можетъ* заявить уголовному суду искъ о вознагражденіи до открытія судебнаго засѣданія по уголовному дѣлу, но можетъ предъявить этотъ искъ и въ гражданскомъ судѣ. Теоретически интереснымъ и практически важнымъ представляется слѣдующій вопросъ: устраняется ли Г. и. *изъ уголовнаго суда* въ томъ случаѣ, если присяжные засѣдатели признаютъ фактъ преступленія, но оправдаютъ его предполагаемаго виновника? Сенаторъ А. Ф. Кони въ извѣстномъ заключеніи по дѣлу Акимова пришелъ

къ утвердительному рѣшенію этого вопроса. Съ нимъ согласился и сенатъ.

Литература. *Schwarze*, „Von der Adhaesion des Beschädigten in Strafverfahren", въ „Archiv des Criminalrechts" (1852); *H. Ortloff*, „Der Adhaesionsprozess" (1864); *M. Manguin*, „Traité de l'action publique et de l'action civile en matière criminelle" (1876); *Garraud*, „Traité théorique et pratique d'instr. criminelle" (1907), т. I; *Л. Берлинъ*, „Гражданскій искъ потерпѣвшаго отъ наказуемаго правонарушенія" (1888); *А. Ф. Кони*, „Кассаціонное заключеніе по дѣлу о злостномъ банкротствѣ купца Акимова", въ сборникѣ „За послѣдніе годы" (1898); *Д. Г. Тальбергъ*, „Г. и. въ уголовномъ судѣ" (1888); *Б. М. Овчинниковъ*, „Г. и. потерпѣвшаго отъ преступленія", въ Журн. Мин. Юст., 1909 г., № 5; „Объяснит. записка къ проекту новой редакціи Уст. Угол. Судопр.", 1900 г., т. I, гл. IV. *Н. Полянскій.*

Гражданскій процессъ, см. *судопроизводство гражданское.*

Гражданскій шрифтъ, современный русскій шрифтъ, введенный въ 1708 г. Петромъ Великимъ вмѣсто стараго церковно-славянскаго, кирилловскаго шрифта, сохраненнаго только для книгъ богослужебныхъ. Еще въ 1699 г. въ Голландіи была отпечатана книга Петра Копьевича „Поверстаніе круговъ небесныхъ" новымъ русскимъ шрифтомъ, близкимъ къ современному, а за ней послѣдовало изданіе еще нѣсколькихъ книгъ въ открытой Копьевичемъ въ 1700 г. въ Амстердамѣ русской типографіи. По мнѣнію Грота, именно изданія Копьевича и понудили Петра ввести новый, упрощенный алфавитъ, для печатанія свѣтскихъ книгъ. Въ 1707 г. заказанный царемъ въ Голландіи „гражданскій" шрифтъ былъ отлитъ и доставленъ въ Россію. Упрощенія, кромѣ самаго рисунка литеръ, сводились къ исключенію восьми славянскихъ буквъ, уничтоженію титлъ и ударенія (силъ), изображенію звука „и" одной буквой і (безъ точки). Въ 1708 г. этимъ шрифтомъ были отпечатаны въ Москвѣ первыя книги: „Геометрія славенски землемѣріе іздадеся новотипографскимъ тісненіемъ", „Пріклады како пишутся куплементы" и „Книга о способахъ творящихъ водохожденіе рѣкъ свободное". Но уже въ томъ же году начались измѣненія и приспособленія шрифта къ русскому правописанію, были введены буквы *э* и *и*, возстановлена буква *з*, замѣненная было латинскимъ *s*, и т. д., стали снова появляться нѣкоторыя славянскія буквы, ударенія, двѣ точки надъ і (ї) и т. д. Только во второй половинѣ XVIII в. установился окончательно алфавитъ, почти тождественный съ современнымъ. Ср. *Гротъ*, „Филологическія изысканія", т. II (1885), „Азбука съ исправленіями имп. Петра Вел. и указомъ его о введеніи въ употребленіе Г. шрифта" (1877).

Гражданское право. I. *Терминологія и опредѣленіе.* Названіе „гражданское право" есть буквальный переводъ римскаго термина *jus civile*, означавшаго право, по которому живетъ каждый самостоятельный народъ. Поэтому, и *jus civile* было правомъ, принадлежащимъ римскимъ гражданамъ, правомъ Квиритовъ, jus Quiritium. Кромѣ того, оно не было ограничено въ своемъ предметѣ и обнимало всѣ государственныя, общественныя и частныя отношенія римскихъ гражданъ. Его видѣли, главнымъ образомъ, въ законахъ, вмѣстѣ съ толкованіями къ нимъ юристовъ, и противополагали: во-1) неопредѣленному понятію „естественнаго права", *jus naturale*, которому природа, по мнѣнію римлянъ, обучила не только людей, но и животныхъ; во-2) праву, устанавливаемому призванными къ тому должностными лицами, *jus honorarium*; и въ-3) такъ назыв. „общенародному праву", *jus gentium*, которое сначала было правомъ однихъ иностранцевъ, а потомъ стало общимъ для нихъ и римскихъ гражданъ. Современное гражданское право, съ одной стороны, ýже, съ другой—шире этого *jus civile*. Оно ýже тѣмъ, что не соединяетъ въ одно цѣлое нормъ индивидуальной и государственной жизни, а напротивъ, выдѣляетъ изъ себя какъ всѣ государственныя, такъ и нѣкоторыя другія отношенія, отмѣченныя своими особыми признаками. Оно шире римскаго *jus civile* тѣмъ, что включаетъ въ себя рядомъ съ правомъ гражданъ

и право не-гражданъ, напр., женщинъ, дѣтей, иностранцевъ, и рядомъ съ національнымъ и интернаціональное, т. е. общее многимъ народамъ право, квалифицируясь, такимъ образомъ, не связанностью съ правомъ гражданства и не принадлежностью тому или другому народу, а иными признаками, которые берутся изъ формы и содержанія права. Поэтому, мы не противополагаемъ болѣе гражд. права ни „естественному“, ни „общенародному“, входящимъ составными элементами, въ предѣлахъ своего признанія законодательствомъ и судебной практикой, какъ въ современное гражданское, такъ и въ другія отрасли права. Но мы противополагаемъ гражданское право уголовному, торговому, промышленному и, особенно, публичному праву, заимствуя изъ видовыхъ и либо предметныхъ, либо формальныхъ различій этихъ отраслей права другъ отъ друга все то, что, при единствѣ идей, цѣли и другихъ родовыхъ признаковъ, можетъ различать эти отрасли права, очевидно, лишь видовыми чертами. Надо еще замѣтить, что гражданскимъ правомъ въ исторіи европейской юриспруденціи называлось также и одно римское право, въ противоположность праву новыхъ народовъ, и общее гражданское право, въ противоположность особенному, мѣстному или исключительному праву. И лишь послѣ того, какъ процессъ рецепціи римскаго права въ Западной Европѣ обнаружилъ непригодность въ условіяхъ жизни новыхъ народовъ римскаго публичнаго права, направивъ все вниманіе европейскихъ юристовъ на одно римское частное право, выраженіе „гражданское право“ стало употребляться въ современномъ смыслѣ противоположенія его публичному праву. Въ этомъ смыслѣ гражданское право называютъ также „частнымъ“ и различаютъ въ этомъ послѣднемъ, не взирая на его единство, три самостоятельныя части: гражданское право въ собственномъ смыслѣ, торговое право вмѣстѣ съ промышленнымъ и нѣкоторыми другими спеціальными отраслями частнаго права и, наконецъ, гражданское судопроизводство, или гражданскій процессъ.

Гражданское право въ собственномъ смыслѣ обнимаетъ собой большую часть содержанія частнаго права, почему то и другое понятіе почти покрываются, хотя подъ гражданскимъ правомъ въ собственномъ смыслѣ разумѣютъ обыкновенно только дѣйствующее въ этой области *общее право*, т. е. такое, которое распространяется на *всѣ* субъекты и объекты, способные стоять въ отношеніяхъ частнаго права. Напротивъ, торговое право вмѣстѣ съ промышленнымъ правомъ отдѣльныхъ сословій, правомъ на особые виды имуществъ, напр., рудники, лѣса, фидеикомиссы, лены и т. д., имѣетъ дѣло лишь съ *извѣстными* категоріями субъектовъ и объектовъ права, почему и различіе всѣхъ этихъ отраслей права отъ гражданскаго права сводится на дѣлѣ къ различію между *общимъ* и *особеннымъ* гражданскимъ правомъ. Что касается отношенія между гражданскимъ правомъ и гражданскимъ судопроизводствомъ, то оно состоитъ въ томъ, что первое имѣетъ дѣло съ правомъ въ состояніи покоя, въ условіяхъ его возникновенія, продолженія и прекращенія, а второе—съ правомъ въ его дѣятельномъ состояніи или практическомъ осуществленіи. Первое безъ второго было бы лишено санкціи и необходимой гарантіи; второе безъ перваго—оставлено безъ масштаба и обращено въ форму, оголенную отъ содержанія. Отсюда—тѣсная связь и между этими отраслями правовѣдѣнія, объясняющая, съ одной стороны, первоначальную нераздѣльность, съ другой—существованіе и послѣ раздѣленія этихъ отраслей права другъ отъ друга множества нормъ процессуальнаго права въ кодексахъ гражданскаго права и множества нормъ гражданскаго права въ кодексахъ гражданскаго судопроизводства.

Повидимому, наиболѣе рѣзко исчерпываетъ всю область права противоположеніе гражданскаго права публичному. Но оно вызываетъ до сихъ поръ большія разногласія и не можетъ считаться установленнымъ. Господствующее теперь ученіе слѣдуетъ римскому праву и сводитъ все различіе между гражданскимъ и публичнымъ правомъ къ различію цѣли того и

другого права; тамъ—защита частныхъ, здѣсь—общихъ интересовъ. Но противъ раздѣленія и изолированія частныхъ и общихъ интересовъ въ той и другой области права подымаются возраженія, указывающія во-1) на невозможность найти критерій для отнесенія той или другой юридической нормы къ частному или общему интересу; во-2) на присутствіе общаго интереса въ огромномъ большинствѣ нормъ не только публичнаго, но и гражданскаго права; въ-3) на необходимую соотносительность понятій общаго и частнаго интереса въ области права, представляющей намъ синтезъ того и другого интереса. Такъ, напр., потребность въ извѣстной организаціи семьи и въ обезпеченномъ исполненіи обязательствъ основана на общемъ интересѣ, хотя отсюда вытекаютъ и чисто гражданскія права, тогда какъ титулы, ордена и другія почетныя отличія даютъ мѣсто отношеніямъ публичнаго права—несмотря на то, что они стоятъ гораздо ближе къ индивидуальному интересу, чѣмъ вопросы, связанные съ организаціей семьи и обязательственнаго права. Поэтому установленіе нормы на почвѣ общаго интереса не мѣшаетъ возникновенію изъ нея гражданскихъ правъ, точно такъ же, какъ направленіе нормы на частные интересы можетъ совмѣщаться съ принадлежностью ея и къ публичному праву — безъ того, чтобы носители такихъ интересовъ получали какое бы то ни было гражданское право: случай послѣдняго рода мы имѣемъ, напр., въ таможенномъ законѣ. Точно такъ же не выдерживаетъ критики и разграниченіе публичнаго и гражданскаго права, опирающееся на различіе лицъ, къ которымъ обращаются тѣ или другія юридическія нормы. Если говорятъ, что нормы гражданскаго права обращены къ частнымъ лицамъ, а нормы публичнаго права—къ представителямъ государственной власти, то противъ этого можно сейчасъ же замѣтить, что не всѣ нормы, обязывающія частное лицо, устанавливаютъ гражданское право—такъ же, какъ и не всѣ нормы, обязывающія представителей государственной организаціи, устанавливаютъ публичное право. Положенія о воинской повинности и объ исполненіи обязательствъ касаются однихъ и тѣхъ же лицъ, хотя первое изъ этихъ положеній относится къ публичному, а второе—къ гражданскому праву. Качество субъекта права, вступающаго въ юридическое отношеніе то въ роли государства, общины или иной публичной корпораціи, то въ роли отдѣльнаго лица, не можетъ имѣть значенія для юридической квалификаціи нормы. Между государствомъ и отдѣльнымъ лицомъ возможны отношенія какъ публичнаго, такъ и гражданскаго права, и какъ отдѣльное лицо, такъ и государство, имѣютъ и гражданскія, и публичныя права и обязанности. Различіе тѣхъ и другихъ зависитъ не отъ гражданскаго или публичнаго характера ихъ субъектовъ, а отъ содержанія тѣхъ *юридическихъ отношеній*, въ которыя они вступаютъ и въ которыхъ лежитъ настоящій ключъ къ разграниченію публичнаго и гражданскаго права. Но предварительно слѣдуетъ охарактеризовать еще двѣ довольно распространенныя теоріи по тому же пограничному спору между публичнымъ и гражданскимъ правомъ. Одна изъ этихъ теорій отождествляетъ гражданское право въ объективномъ смыслѣ съ имущественнымъ правомъ или признаетъ гражданское право, по крайней мѣрѣ, въ субъективномъ смыслѣ вездѣ, гдѣ находитъ юридически защищенный *имущественный интересъ* (Зомъ, Кавелинъ). То и другое—одинаково неправильно, такъ какъ во-1) многіе институты семейнаго права, права личности, вещнаго права и даже обязательствъ принадлежатъ, несомнѣнно, гражданскому праву, безъ того, чтобы элементъ имущества игралъ въ нихъ существенную роль; часто онъ даже совсѣмъ отсутствуетъ; во-2) весьма многочисленны и такіе случаи, гдѣ наличность имущественнаго интереса не препятствуетъ регулированію принадлежащихъ къ нимъ отношеній нормами не гражданскаго, а публичнаго права, что́ можно видѣть на примѣрахъ таможенныхъ пошлинъ, законовъ о бюджетѣ, о налоговомъ обложеніи, о конфискаціяхъ и т. д. Имущество даетъ хозяйственную сторону только тѣхъ гражданскихъ правъ, ко-

торыя мы называемъ имущественными и которыми не исчерпывается область гражданскаго права, точно такъ же, какъ имущество не можетъ не служить, наравнѣ съ гражданскимъ, и цѣлямъ публичнаго права. Поэтому-то свойства объекта, какъ и свойства субъекта и интереса, не даютъ признака отличія публичнаго и гражданскаго права: въ томъ и другомъ мы встрѣчаемся одинаково какъ съ имущественными, такъ и съ неимущественными объектами.— Другая теорія разграниченія публичнаго и гражданскаго права, проводимая съ особенной настойчивостью въ нѣмецкой литературѣ Тѣномъ, сводитъ различіе между обѣими отраслями права на одну *форму* или *способы защиты*, принятые тамъ и здѣсь. Граница между публичнымъ и гражданскимъ правомъ представляется тогда въ слѣдующемъ видѣ: юридическая норма устанавливаетъ гражданское право въ тѣхъ случаяхъ, когда она предоставляетъ въ распоряженіе лица, интересы котораго она защищаетъ, и средство устранить нарушеніе этой нормы; отличительнымъ признакомъ гражданскаго права будетъ *гражданскій искъ*; всѣ прочія нормы, осуществляемыя не искомъ, а непосредственной дѣятельностью государственной власти, будутъ нормами публичнаго права. Эта теорія даетъ мѣсто слѣдующимъ возраженіямъ. Во-1) когда утверждаютъ, что гражданское право есть такое право, которое защищается гражданскимъ искомъ, то этимъ не опредѣляютъ, а только повторяютъ понятіе, подлежащее опредѣленію (petitio principii). Во-2) если критеріемъ гражданскаго права ставить гражданскій искъ, то это поведетъ къ смѣшенію понятій какъ гражданскаго права, такъ и гражданскаго иска съ болѣе широкимъ понятіемъ субъективнаго права, которое, дѣйствительно, характеризуется постановкой защиты права въ зависимость отъ воли обладающаго имъ лица и распространяется какъ на гражданское, такъ и на публичное право. Что́ различало бы въ такомъ случаѣ субъективное гражданское право отъ субъективнаго публичнаго права? Въ-3) характеризуя право послѣдствіями его нарушенія, не считаются съ тѣмъ, что какъ гражданское, такъ и публичное право существуютъ несомнѣнно и до нарушенія, въ состояніи ненарушимости. Правильная характеристика права требуетъ указанія не только на тѣ признаки, которые выступаютъ послѣ нарушенія права, но и на тѣ, которые предшествуютъ его нарушенію. Въ-4) упускается изъ виду, что чисто формальное, отправляющееся отъ однихъ способовъ защиты различіе между публичнымъ и гражданскимъ правомъ можетъ въ лучшемъ случаѣ ограничить удовлетворительно область примѣненія того и другого, но никогда не отвѣтитъ на вопросъ: *какія именно отношенія* и *почему* тѣ, а не другія отношенія защищаются въ порядкѣ гражданскаго, а не публичнаго права, и наоборотъ. Отвѣтъ на поставленный вопросъ безпокоилъ, очевидно, и главнаго представителя настоящей теоріи, Тѣна, такъ какъ, независимо отъ принятаго имъ формальнаго признака, онъ доискивался и матеріальнаго критерія для разграниченія гражданскаго права отъ публичнаго и находилъ его въ *направленіи* защищаемыхъ въ томъ и другомъ правѣ интересовъ. Если это направленіе представляется *защитой отдѣльнаго интереса противъ такого же отдѣльнаго интереса*, то получается отношеніе гражданскаго права; въ противномъ случаѣ, т. е. если это направленіе *идетъ отъ отдѣльнаго интереса къ государственной власти*, и обратно, слѣдуетъ говорить о публичномъ правѣ. Этотъ дополнительный критерій отличается несомнѣнными преимуществами не только передъ формальной, но и передъ господствующей матеріальной теоріей разграниченія публичнаго и гражданскаго права по существу защищаемыхъ тамъ и здѣсь интересовъ. На мѣсто традиціоннаго противоположенія интересовъ въ ихъ существѣ ставится противоположеніе въ одномъ лишь направленіи этихъ интересовъ, и различіе между публичнымъ и гражданскимъ правомъ переводится отъ не выдерживающаго критики различія въ нормахъ, которыя характеризуются всегда одной и той же юридической природой, *на различіе въ юридическихъ отношеніяхъ*, возникающихъ при дѣйствіи этихъ нормъ. Если отсюда слѣдуетъ заключить, что рѣ-

шающее значеніе при разграниченіи публичнаго и гражданскаго права должно принадлежать не формамъ защиты права, а направленію участвующихъ въ этой защитѣ интересовъ, то формальной теоріи этого разграниченія надо сдѣлать, тѣмъ не менѣе, слѣдующую уступку. Содержаніе гражданскихъ правъ и направленіе интересовъ, требующихъ защиты, стоятъ вовсе *не индифферентно* къ формамъ этой защиты. Сущности гражданскихъ правъ соотвѣтствуютъ извѣстныя формы защиты въ большей мѣрѣ, чѣмъ другія. Ей соотвѣтствуетъ, прежде всего, то, чтобы управомоченное лицо, насколько оно, по крайней мѣрѣ, дѣеспособно, получало рѣшающее вліяніе на осуществленіе предоставленной ему защиты. А между всевозможными формами участія заинтересованнаго лица въ осуществленіи его права форма гражданскаго иска, т. е. непосредственное обращеніе заинтересованнаго къ судебной защитѣ, находится въ наибольшемъ соотвѣтствіи съ природой гражданскаго права. Преобладаніе этой формы въ области отношеній гражданскаго права есть не случайность и имѣетъ свое основаніе въ особомъ направленіи интересовъ, защищаемыхъ въ своемъ отношеніи другъ къ другу—именно въ исковой, а не въ какой-либо иной формѣ. Вотъ почему искъ, какъ способъ защиты, характеризуемый личнымъ участіемъ заинтересованнаго лица въ осуществленіи своего права, связанъ такъ тѣсно съ охраняемымъ имъ юридическимъ отношеніемъ, что, въ виду удобства и быстроты анализа, мы пользуемся вѣрнымъ и всегда очевиднымъ *симптомомъ* вмѣсто сложнаго и поэтому уже трудно распознаваемаго явленія. На этомъ основаніи и со сдѣланными оговорками формальное разграниченіе публичнаго и гражданскаго права можетъ быть допущено, и опредѣленіе послѣдняго, какъ *порядка отношеній, которыхъ защита предоставлена иниціативѣ и усмотрѣнію заинтересованныхъ лицъ*, признано наиболѣе соотвѣтствующимъ современному состоянію юридическихъ знаній. Необходимо только помнить, что предоставленіе защиты права иниціативѣ заинтересованнаго лица или государственной власти имѣетъ лишь симптоматическое значеніе и, при отсутствіи законодательныхъ опредѣленій, не можетъ быть установлено иначе, какъ изслѣдованіемъ спорнаго юридическаго отношенія въ направленіи участвующихъ въ немъ интересовъ.

II. *Историческое и догматическое соотношеніе между гражданскимъ и публичнымъ правомъ.*

Отношеніе между публичнымъ и гражданскимъ правомъ не слѣдуетъ представлять себѣ ни исторически, ни догматически, какъ отношеніе причинной связи или пріоритета одного изъ этихъ видовъ права передъ другимъ.

А. *Исторически* было бы одинаково неправильно утверждать, что „сначала все право было публичнымъ“, какъ и то, что „сначала все право было гражданскимъ“. Сначала не было ни публичнаго, ни гражданскаго права, а было *одно* право, въ смыслѣ условія существованія той или другой общественной группы, развитіе которой вело къ постепенному обособленію какъ гражданскаго, такъ и публичнаго права. Въ раннія стадіи развитія всѣ институты права представляютъ одинаково смѣшеніе элементовъ публичнаго и гражданскаго права. Такъ, напр., отношенія лица къ лицу и лица къ имуществу, составляющія по нашимъ современнымъ понятіямъ простѣйшія отношенія гражданскаго права, опредѣляются въ древнемъ правѣ яснѣе и, можетъ быть, ранѣе всѣхъ другихъ соотношеній—нормами, отражающими на себѣ сильнѣйшее вліяніе того или другого союзнаго момента, напр., племени, рода, общины и т. д. Все это, въ силу тѣхъ же современныхъ намъ представленій, принадлежитъ, несомнѣнно, области публичнаго права. Равнымъ образомъ, и такія отношенія публичнаго права, какъ, напр., верховенство, престолонаслѣдіе, судебная власть, публичныя должности и т. п., регулировались въ теченіе продолжительнаго времени нормами, которыя заключали въ себѣ элементы отношеній, причисляемыхъ теперь къ гражданскому праву. Классическій примѣръ такого смѣшенія публичнаго и гражданскаго права мы имѣемъ въ средневѣковой феодальной системѣ, строившей всѣ права верховной власти на имущественныхъ принципахъ граждан-

скаго права. Отсюда уже видно, что историческое соотношеніе между гражданскимъ и публичнымъ правомъ должно быть охарактеризовано какъ состояніе первоначальной слитности того и другого. Изъ этого состоянія слитности публичное и гражданское право выходятъ лишь постепенно, путемъ медленнаго историч. процесса. Для гражданскаго права существенными моментами этого процесса обособленія его отъ публичнаго права являются: 1) освобожденіе личности отъ узъ рода, семьи, цеха и другихъ общественныхъ союзовъ, сковывавшихъ до того ея развитіе; 2) усиленіе государственной власти и сосредоточеніе въ ея рукахъ функцій публичнаго права, отдѣляемыхъ eo ipso отъ функцій права гражданскаго, и 3) переходъ натуральнаго хозяйства въ денежное. На счетъ послѣдняго изъ этихъ моментовъ должны быть отнесены радикальныя измѣненія въ имущественныхъ институтахъ гражданскаго права, стоящихъ въ ближайшей зависимости отъ условій хозяйства. Вліянію двухъ другихъ моментовъ, соединяющихъ въ себѣ вмѣстѣ съ хозяйственными и всѣ другія условія общественной жизни, слѣдуетъ приписать не только новыя формы правоспособности, правъ личности и разнообразныхъ союзныхъ отношеній новаго времени, но и два слѣдующихъ явленія. Это—съ одной стороны, рѣзко обнаруживающееся въ современномъ гражданскомъ правѣ стремленіе къ ничѣмъ, кромѣ себя, не сдерживаемому индивидуализму, и съ другой—не менѣе отчетливо пробивающаяся тенденція къ подчиненію этого индивидуализма требованіямъ общественной солидарности.

1. Въ процессѣ *освобожденія личности* отъ связывающихъ ее союзовъ надо указать, прежде всего, на семейные союзы, основанные первоначально на одномъ кровномъ родствѣ (Sippschaften, наша „малая семья“) и распространенные впослѣдствіи на болѣе широкіе круги лицъ (Sippen, наша „большая семья“). Они исполняютъ въ теченіе продолжительнаго періода развитія функціи не только гражданскаго, но и публичнаго права и при томъ—не только во внутреннихъ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ этихъ союзовъ какъ другъ къ другу, такъ и къ охватывающей ихъ политической организаціи. Такими публичными функціями семейныхъ союзовъ являются: право и обязанность кровной мести, взысканіе и платежъ композицій, соприсяжничество, возстановленіе мира въ случаѣ его нарушенія внутри союза и т. д. Утрата семейными союзами этихъ публичныхъ функцій, вызванная преобразованіемъ семейной общины въ сосѣдскую, появленіемъ первыхъ государственныхъ наказаній, установленіемъ феодальнаго государства и другими вліяніями, которыя здѣсь не могутъ быть разсмотрѣны, не препятствуетъ сохраненію семейными союзами ихъ значенія въ области отношеній гражданскаго права и далеко за предѣлами среднихъ вѣковъ. Это значеніе выступаетъ въ смѣнившихъ прежнюю связь членовъ семейнаго союза по кровной мести и композиціямъ обязанностяхъ ихъ къ взаимной поддержкѣ, — обязанностяхъ, хотя и ограничиваемыхъ постоянно все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ родственниковъ, но удерживающихъ и понынѣ свой юридическій характеръ; далѣе—въ ограниченіяхъ права распоряженія собственностью на извѣстныя имущества согласіемъ на эти распоряженія наслѣдниковъ (Beispruchsrecht); въ разнообразныхъ и перешедшихъ даже въ современное право формахъ опеки родственниковъ; наконецъ—въ правѣ наслѣдованія по закону, которое показываетъ во всей его полнотѣ и силѣ вліяніе семейнаго союза и кровнаго родства на отношенія гражданскаго права и въ настоящее время. Измѣненія въ строеніи семьи и ея юридическихъ отношеніяхъ состоятъ въ томъ, что она теряетъ постепенно свое прежнее единство и переходитъ цѣликомъ въ гражданское право. Здѣсь она базируется уже не на единой волѣ и власти главы семейства, а на соображеніи интересовъ всѣхъ входящихъ въ ея составъ лицъ; и все, что сохраняется теперь отъ бывшаго единства, не имѣетъ юридическаго значенія или влачитъ существованіе, какъ переживаніе прошлаго (напр., германская Gemeinderschaft). Но семья была не единственнымъ союзомъ, связывавшимъ личность въ средніе вѣка. Рядомъ съ нею и часто мо-

гучѣе ея выступали другіе общественные союзы: общины, цехи, корпораціи и всѣ вообще общественныя соединенія, обнимаемыя нѣмецкимъ словомъ *Genossenschaft*. Семья была основана на кровной связи и власти главы семейнаго союза. Genossenschaft опиралась на общеніе интересовъ независимо отъ принадлежности ея членовъ къ той или другой семьѣ. Крестьяне, горожане, рыцари, ремесленники, объединенные общими условіями жизни, составляли союзы, изъ которыхъ каждый, вслѣдствіе недостатка сознанія объ общемъ для всѣхъ правѣ, жилъ своимъ особымъ правомъ, тѣсно сплачивавшимъ всѣхъ членовъ этихъ союзовъ. Внѣ права семьи и королевской власти это было единственное въ средніе вѣка право, за предѣлами котораго не существовало и правоспособности. Только путемъ медленной эволюціи, параллельной освобожденію личности отъ нераздѣльной семьи, совершилось освобожденіе личности и изъ-подъ власти этихъ союзовъ, у которыхъ государство отобрало и перенесло на себя функціи публичнаго права. Но переставъ служить, подобно семьѣ, источниками правового порядка и публичнаго права, эти союзы перешли въ гражданское право, занявъ въ немъ мѣсто рядомъ съ товариществами, корпораціями новаго права и другими совокупными отношеніями, основанными на идеѣ солидарности. И если средневѣковыя союзныя формы почти исключали юридическую категорію личности, то послѣдующее развитіе этихъ же формъ ставитъ въ ихъ центрѣ именно эту категорію и стремится въ этихъ формахъ болѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ, приблизиться къ идеалу соціальнаго права.

Изъ сказаннаго видно, что исходной точкой развитія права, по крайней мѣрѣ, въ европейскіе средн. вѣка, является не личность, а племя, родъ, семья, сословіе, корпорація и другіе общественные союзы, поглощающіе собою личность и склоняющіеся къ установленію не общаго правопорядка, а цѣлаго ряда правопорядковъ для различныхъ круговъ лицъ, на которые расчленяется средневѣковое общество. Не удается подняться даже надъ противоположеніемъ отдѣльныхъ племенныхъ правъ, и средневѣковое право все болѣе и болѣе расщепляется по территоріямъ, городамъ, деревнямъ, сословіямъ, промысламъ, видамъ имущества и т. д. Разложеніе этого порядка на Западѣ Европы идетъ быстрыми шагами уже съ XIII вѣка. Измѣняющіяся условія хозяйственной жизни, многообразныя сношенія, развитіе рынковъ, городовъ, торговли и т. д. ведутъ къ разложенію старыхъ общественныхъ союзовъ и ставятъ на ихъ мѣсто новые, болѣе свободные. Пробужденіе духа индивидуальной свободы вызываетъ важныя измѣненія какъ въ условіяхъ правоспособности, такъ и въ другихъ построеніяхъ права. Ограниченный оборотъ, въ связи съ закрѣпленіемъ личности къ семейному и другимъ союзамъ, устранялъ необходимость для нея особой юридической защиты. Глава семейства, если и не былъ представителемъ подвластныхъ ему лицъ, имѣлъ пользованіе и управленіе ихъ имуществомъ, равно какъ и право дѣйствовать самостоятельно во всемъ, что касалось не только этого имущества, но и всей судьбы его фактическихъ носителей. Изъ-подъ власти домовладыки дѣти и подопекаемые выходили лишь тогда, когда это было угодно отцу или опекуну, или когда, достигнувъ совершеннолѣтія, они сами выходили изъ семьи. Но такъ какъ число такихъ „выходцевъ“ изъ семьи было очень незначительно, какъ незначительна была и сфера, въ которой они вращались, то возрастъ совершеннолѣтія могъ опредѣляться чрезвычайно низко, что̀ мы дѣйствительно и видимъ, напр., у франковъ и швабовъ, устанавливавшихъ этотъ возрастъ въ 12, и у бургундовъ—въ 14 лѣтъ. Съ разложеніемъ древней семьи, ростомъ личности и развитіемъ оборота, возрастъ совершеннолѣтія возвышается отъ 12 и 14 до 16, 18, 20 и даже 25 лѣтъ. Одновременно происходятъ преобразованія и въ институтѣ опеки: устанавливаются отчетность и отвѣтственность за неосторожность, вводятся новыя основанія для опеки и развивается, напр., опека по безвѣстному отсутствію, бывшая въ зачаточномъ состояніи въ то время, когда забота

объ отсутствующихъ лежала на семьѣ и другихъ союзахъ. Отпадаютъ постепенно и различныя ограниченія правоспособности, какъ, напр., имѣвшее оправданіе при связанности личности семьей и утратившее теперь это оправданіе, — требованіе физическаго здоровья или силы, сословныя вліянія, безчестье, обусловленное нѣкоторыми родами занятій, незаконнымъ рожденіемъ, и т. д. Болѣе всего затрудненій, вслѣдствіе упорства въ отжившихъ вѣрованіяхъ, встрѣчало и встрѣчаетъ отчасти до сихъ поръ устраненіе тѣхъ ограниченій правоспособности, которыя вытекаютъ изъ различія вѣроисповѣданія, пола и внѣбрачнаго рожденія. Но, въ общемъ, правоспособность уравнена теперь, въ отличіе отъ прежняго времени, для всѣхъ людей: она признана за каждой человѣческой личностью, какъ таковой, независимо отъ всѣхъ физическихъ и общественныхъ условій ея существованія. И эта индивидуалистическая тенденція въ отношеніи къ правоспособности отражается въ отдѣльныхъ институтахъ гражданскаго права расширеніемъ предоставляемой индивиду сферы дѣятельности и содержанія его правъ. Для примѣра можно указать на отмѣну или ограничение съ отмѣной стѣсненіе правъ выкупа и предпочтительной покупки, расширеніе права распоряженія собственностью — особенно по сдѣлкамъ на случай смерти, которыми можно лишить наслѣдства или оставить его однимъ дѣтямъ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ другимъ, — запрещеніе связывать себя на продолжительное время общеніемъ въ имуществѣ, исключеніе или ограниченіе субституцій, ограниченія власти главы семейства въ отношеніи его жены и дѣтей и т. д. Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, касающихся преобразованій въ уже существующихъ институтахъ, можно сослаться еще на другіе, которые показываютъ, что индивидуалистическое теченіе достаточно сильно, чтобы произвести и новые институты, надѣляющіе личность вовсе неизвѣстными прежде правами. Сюда слѣдуетъ отнести распространенную далеко за прежніе предѣлы защиту личности, искъ объ убыткахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможности доказать эти убытки, защиту труда, имени, званія и, въ особенности, авторское право, право на изобрѣтенія и проч. Если теперь принять въ соображеніе, что съ ростомъ субъективныхъ правъ личности идетъ и усиленіе ея отвѣтственности, какъ это нетрудно увидѣть, напр., на институтахъ современнаго оборотнаго права и рабочаго законодательства, то станетъ понятнымъ, почему расширенію защиты личности соотвѣтствуетъ такое же расширеніе и обязанностей ея въ отношеніи къ юридической сферѣ другихъ, и такая личная отвѣтственность, которая предполагаетъ возмѣщеніе за всякое—все равно, виновное или невиновное—нарушеніе чужого права. Предъявляя къ личности усиленныя требованія и налагая на нее новыя обязанности, современное гражданское право какъ бы расплачивается за свои индивидуалистическія тенденціи и позволяетъ видѣть въ себѣ такое же преходящее явленіе, какимъ была и прежняя связанность личности въ семьѣ и средневѣковыхъ корпораціяхъ. Въ симптомахъ, угрожающихъ личности въ будущемъ, можетъ быть, еще бо́льшими стѣсненіями, чѣмъ всѣ тѣ, которымъ она подвергалась въ прошломъ, нѣтъ недостатка. Не относя къ этимъ симптомамъ усиленной отвѣтственности въ отношеніяхъ обязательственнаго права, можно вспомнить о многочисленныхъ случаяхъ вмѣшательства государства въ существующій порядокъ юридическихъ отношеній, о жертвахъ, которыя несутъ въ его пользу отдѣльныя лица и корпораціи, о новыхъ ограниченіяхъ права распоряженія частной собственностью, о завѣщательныхъ ограниченіяхъ, дѣйствующихъ даже при отсутствіи законныхъ наслѣдниковъ, о нормахъ, регулирующихъ рабочій договоръ, фабричную промышленность и т. д. Эти примѣры нетрудно было бы умножить, если бы не было само собою ясно, что современное индивидуалистическое гражданское право не можетъ быть концомъ развитія. Если нельзя думать о возвращеніи къ прежнимъ стѣсненіямъ личности въ семейномъ и общественныхъ союзахъ, то многое заставляетъ ждать, въ противность крайнимъ послѣдстві-

ямъ индивидуалистическаго принципа, такой организаціи гражданскаго права въ будущемъ, которая будетъ основана на соображеніи не однихъ индивидуальныхъ и классовыхъ, но и всенародныхъ интересовъ.

2. Развитіе государственной власти приводитъ постепенно, если не къ сосредоточенію въ рукахъ государства всѣхъ функцій права, то къ его монополіи въ области отправленія правосудія. Судебная власть обращается въ его исключительную прерогативу, сначала смѣшанную со всѣми другими правами верховной власти, но потомъ делегируемую ею особому судебному сословію, дѣйствующему отъ ея имени, но въ то же время самостоятельно и независимо отъ всѣхъ прочихъ органовъ государственной власти. Область защиты права поступаетъ цѣликомъ въ вѣдѣніе государства и, поэтому, все, что касается судовъ и судебнаго производства, иначе — все такъ назыв. процессуальное право, — безразлично отъ того, къ какимъ бы дѣламъ, гражданскимъ, торговымъ, уголовнымъ или административнымъ, оно ни относилось,—отмежевывается рѣзко отъ права, предоставленнаго въ распоряженіе отдѣльныхъ лицъ или совокупностей этихъ лицъ, не надѣленныхъ государственными функціями. Но такому обособленію всего процессуальнаго права въ спеціальную отрасль того права, которое мы называемъ теперь публичнымъ, предшествуетъ государство, преслѣдующее преимущественно военныя цѣли, и правосудіе, осуществляемое не государственной властью, а личной расправой управомоченаго субъекта съ нарушителемъ его права. Это — такъ назыв. *система самоуправства*, состоящая въ одностороннемъ осуществленіи каждымъ отдѣльнымъ лицомъ или каждой представляющей его группой лицъ исключительно своего представленія о правѣ. Неудобства этой системы заключаются въ томъ, что она во-1) не даетъ возможности различить настоящаго управомоченаго отъ того, кто только выдаетъ себя за такового, прибѣгая къ разбою и убійству, и во-2) служитъ источникомъ постояннаго безпорядка и междоусобицы въ обществѣ. Сознаніе этихъ неудобствъ и усиленіе государственной власти ведутъ къ контролю этой послѣдней надъ самовольнымъ осуществленіемъ права,—контролю, который сначала только слѣдуетъ за самоуправствомъ, а потомъ и предшествуетъ ему, ставя отправленіе этого исконнаго права въ зависимость отъ предварительнаго согласія на него государственной власти. Сюда надо отнести римскую in manus injectio, допускаемую только по предварительному судебному рѣшенію, наши древнія обязательства о закупахъ, опредѣленія о выставкѣ должника на площади, объ его кормленіи, мягкомъ съ нимъ обращеніи и т. п. Черезъ подобныя опредѣленія самоуправство дѣлается предметомъ попеченія и вѣдѣнія государства, но все еще остается такимъ осуществленіемъ права подъ контролемъ государства, которое опирается на собственныя силы и средства заинтересованнаго въ немъ лица. Государственные способы осуществленія права не сразу вытѣсняютъ самоуправство и въ теченіе продолжительнаго періода развитія примѣняются параллельно или одновременно съ самоуправствомъ; исполненіе судебныхъ рѣшеній остается особенно долго въ рукахъ заинтересованныхъ лицъ. Полному торжеству государственнаго правосудія предшествуетъ и не прекращающаяся до сихъ поръ практика посредническихъ судовъ, представляющихъ собой переходъ отъ самоуправства къ государственнымъ судамъ, на развитіе которыхъ изъ посредническихъ судовъ указываетъ уже тотъ фактъ, что первые отражаютъ на себѣ и теперь формы и особенности послѣднихъ. Наконецъ, за періодомъ самоуправства и посредническихъ судовъ, контролируемыхъ государственной властью, наступаетъ современный намъ порядокъ государственнаго отправленія правосудія, не исключающій, однако, и примѣненія самоуправства, особенно въ области международнаго и государственнаго права. Но по огромному большинству гражданскихъ, торговыхъ, уголовныхъ и административныхъ дѣлъ государственная защита составляетъ теперь общее правило, а примѣненіе самоуправства—исключеніе, оправдываемое лишь данными конкретными условіями

и спеціальными опредѣленіями закона. Поэтому въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія ни въ обще-государственномъ характерѣ отправленія правосудія, ни въ обусловливаемой этимъ характеромъ принадлежности всего процессуальнаго права къ области публичнаго, ни въ достаточной яркости границы, отдѣляющей, по крайней мѣрѣ, эту отрасль публичнаго права отъ гражданскаго.

3. *Переходъ натуральнаго хозяйства въ денежное.* Хозяйственная жизнь составляетъ содержаніе оборота, въ которомъ совершается движеніе семьи, союзовъ и индивида, какъ субъектовъ права, и таково уже вліяніе содержанія на форму, что различнымъ состояніямъ хозяйства соотвѣтствуютъ необходимо и различныя формы,—по крайней мѣрѣ, оборотнаго права. Рѣдкость въ первую половину среднихъ вѣковъ монеты, какъ общепризнаннаго мѣрила цѣнности, и господство натуральнаго хозяйства, въ которомъ значеніе для права каждой вещи опредѣляется и исчерпывается ея природными качествами, обусловливаютъ слѣдующія черты гражданскаго права. Все оно тяготѣетъ къ владѣнію и преимущественно земельному, которое не обмѣнивается, не отчуждается и осуждено на неподвижность. Интереса въ мѣновомъ оборотѣ не существуетъ, и все сводится къ неизмѣнному обладанію или пользованію одними и тѣми же благами. Это—*деревенское* или земское гражданское право (Landrecht), предназначенное для крестьянъ и землевладѣльцевъ и весьма отличное отъ *городского* или оборотнаго гражданскаго права, соотвѣтствующаго системѣ денежнаго хозяйства и обращеннаго не столько къ земледѣлію, сколько къ промышленности и торговлѣ. Это городское гражданское право, въ противоположность деревенскому, тяготѣетъ къ мѣновому обороту и ищетъ единства въ правѣ. Партикуляризмы, или различія въ правѣ различныхъ мѣстностей, стѣсняютъ имущественный обмѣнъ, и купецъ, какъ естественный носитель интересовъ этого обмѣна, дѣлается въ то же время и носителемъ идеи единства въ правѣ. Напротивъ, деревенское гражданское право не заинтересовано, вслѣдствіе своей замкнутости, въ единствѣ права: оно расчитано на потребности данной мѣстности и исполнено поэтому партикуляризмовъ. Тѣмъ не менѣе, общностью исходной точки натуральнаго хозяйства вызываются и болѣе или менѣе общія повсюду явленія гражданскаго права. Прежде всего, собственность на движимость: украшенія, оружіе, домашнюю утварь, а позднѣе и на недвижимость, представляетъ собой и при господствѣ натуральнаго хозяйства въ средніе вѣка высшее право на вещь, которое нельзя считать простымъ пользованіемъ уже потому, что лицо, обладающее этимъ правомъ, можетъ не только пользоваться его предметомъ, но и потреблять его и обмѣнивать и, въ извѣстномъ смыслѣ, даже продавать. Не надо только упускать изъ виду, что вещь имѣетъ здѣсь для ея обладателя не объективную, а лишь субъективную цѣнность, которую, примѣняясь къ современнымъ понятіямъ, можно называть аффекціонной. Что́ можетъ стоить оружіе въ рукахъ того, кто неспособенъ носить его, или домашняя утварь въ рукахъ постоянно передвигающагося воина, если ни тотъ, ни другой не могутъ получить за эти вещи никакого эквивалента? Поэтому, и отдавая свою вещь внаймы, собственникъ передаетъ на нее при дѣйствіи натуральнаго хозяйства свое право на время найма совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ это происходитъ въ настоящее время. Наниматель становится къ этой вещи въ положеніе до того близкое къ положенію собственника, его господство надъ ней такъ похоже на господство собственника, что то и другое считается одинаково вещнымъ правомъ и защищается однимъ и тѣмъ же искомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Gewere*. Точно такъ же и залогъ для того, чтобы служить обезпеченіемъ кредитора, долженъ соединяться съ владѣніемъ заложенной вещью и употребленіемъ ея со стороны кредитора для себя: иначе онъ не имѣлъ бы для него цѣнности и не могъ бы обезпечивать его права требованія. Отсюда — всеобщая распространенность залога въ формѣ передачи кредитору пользованія заложенной вещью и даже собственности на нее съ правомъ обрат-

наго пріобрѣтенія ея должникомъ при удовлетвореніи кредитора. Въ наслѣдственномъ правѣ послѣдствія натуральнаго хозяйства выражались въ томъ, что наслѣдуемые предметы переходили лишь къ тѣмъ наслѣдникамъ, которые могли пользоваться ими. Оружіе шло къ сыновьямъ, утварь — къ дочерямъ, а стада, остававшіяся, по весьма вѣроятному предположенію, въ общемъ обладаніи и по пріуроченіи ихъ къ хозяйству на отдѣльныхъ земельныхъ участкахъ, поступали вмѣстѣ съ этими послѣдними къ тѣмъ же сыновьямъ. На равномъ основаніи и приданое, насколько оно заключалось въ платьѣ, украшеніяхъ, утвари, оставалось за женой, въ остальныхъ же частяхъ не выходило изъ семейнаго имущества. Такимъ образомъ, собственность связывалась съ лицомъ, которое могло ею пользоваться, и участки земли, распредѣлявшіеся общиной между своими членами, служили только этимъ послѣднимъ вкупѣ съ ихъ семьями. Дворъ и принадлежавшая къ нему земля составляли достояніе семьи, и это положеніе удержалось въ силѣ даже тогда, когда дворъ и земля превратились въ частную собственность. Ее вовсе нельзя было отчуждать или можно было впослѣдствіи отчуждать лишь съ согласія членовъ семьи, какъ ближайшихъ наслѣдниковъ. Даже кредиторы, если они не ссылались на особую сдѣлку съ наслѣдниками, не могли обратить свои взысканія на такое имущество, и владѣлецъ его, при отсутствіи другого имущества, все равно объявлялся несостоятельнымъ должникомъ, хотя бы цѣнность его недвижимости и покрывала въ нѣсколько разъ сумму лежавшихъ на немъ долговъ. Отсюда — слѣдующее, поразительное съ точки зрѣнія современныхъ понятій, положеніе имущества. Собственникъ распоряжается свободно одной движимостью и расплачивается ею со своими кредиторами или потому, что эта движимость составляетъ его личную собственность, или потому, что она принадлежитъ лицамъ, стоящимъ подъ его властью. Недвижимость, напротивъ, изъята какъ изъ распоряженія собственника, такъ и власти кредиторовъ, претензіи которыхъ могутъ быть удовлетворены только изъ одной и, при томъ, вовсе не наиболѣе цѣнной части имущества должника. Съ такимъ положеніемъ дѣла связываются два существенно важныхъ послѣдствія. Во-1) никто въ подобныхъ условіяхъ не можетъ пользоваться личнымъ кредитомъ, или этотъ личный кредитъ, во всякомъ случаѣ, весьма ограниченъ. Вступая въ обязательныя отношенія, нельзя разсчитывать на удовлетвореніе изъ наиболѣе цѣннаго недвижимаго имущества должника, а движимости представляютъ въ это время слишкомъ мало цѣнности для того, чтобы гарантировать какія бы то ни было обязательства. Поэтому, кредитъ въ данныхъ условіяхъ можетъ быть только реальный, и онъ устанавливается добровольными соглашеніями съ наслѣдниками по обладанію той или другой недвижимостью и залоговыми сдѣлками по той же недвижимости. До установленія собственности на землю въ современномъ смыслѣ этого понятія указываемый пробѣлъ пополняется совокупнымъ поручительствомъ по тѣмъ или другимъ обязательствамъ всѣхъ или нѣкоторыхъ членовъ того общественнаго союза, которому принадлежитъ обязывающееся лицо. Во-2) личные долги, не обезпеченные опредѣленнымъ имуществомъ или поручительствомъ, обязываютъ только лицъ, ихъ заключающихъ, и не переходятъ на наслѣдниковъ. Наслѣдованія въ римскомъ и современномъ смыслѣ универсальнаго преемства не существуетъ. Таково въ общихъ чертахъ древне-германское гражданское право, которое повторяется въ своихъ крупнѣйшихъ штрихахъ и въ правѣ славянскихъ народовъ, и можетъ, по всей справедливости, называться гражданскимъ правомъ системы натуральнаго хозяйства. Смѣняющая эту послѣднюю система денежнаго хозяйства слагается подъ вліяніемъ скопленія запасовъ денегъ, расширенія оборота, роста личности, рецепціи римскаго права и другихъ историческихъ факторовъ, анализъ которыхъ не можетъ войти въ составъ настоящей статьи. Довольно будетъ сказать, что система денежнаго хозяйства отправляется отъ противоположнаго натуральному хозяйству прин-

ципа. Объектъ права, или вещь, имѣетъ здѣсь значеніе не только для того, кто ее потребляетъ, но и для всего оборота; превратимость въ деньги дѣлаетъ изъ нея какъ бы звонкую монету. Поэтому и власть собственника надъ его вещью въ хозяйственномъ смыслѣ распространяется, а въ юридическомъ — разнообразится. Ссуда, наемъ, залогъ развиваются свободнѣе и разностороннѣе. Эманципированная личность проявляетъ въ оборотѣ несравненно больше силы и инициативы: она постоянно покупаетъ, продаетъ, заключаетъ займы и спекулируетъ какъ своимъ, такъ и чужимъ имуществомъ. На мѣсто связаннаго реальнаго кредита вступаетъ свободный личный кредитъ; имущество обращается въ единство, котораго активъ служитъ для покрытія пассива, и наслѣдственное право развивается въ преемство, охватывающее всю совокупность правъ и обязанностей наслѣдодателя. Къ этому присоединяется еще чрезвычайное развитіе договорнаго права и освобожденіе обязательства отъ неразрывной прежде связи его съ личностью управомоченнаго субъекта. Такъ какъ дѣло идетъ объ оборотной цѣнности, то не все ли равно для должника, кому онъ заплатитъ по своему обязательству? Въ своей оборотной функціи обязательство остается неизмѣннымъ какъ при одномъ, такъ и при другомъ управомоченномъ субъектѣ. Поэтому нѣтъ болѣе рѣчи и объ ограниченіяхъ цессіи, или перехода правъ по имущественнымъ обязательствамъ, кромѣ совсѣмъ особыхъ отношеній, какими являются, напр., права мужа въ имуществѣ жены. Нѣтъ также основаній ограничивать и прямое представительство, почему новыя законодательства вводятъ его безъ колебанія въ институты обязательственнаго права и подвергаютъ ихъ этимъ значительнымъ измѣненіямъ. Затрагивается, наконецъ, и послѣдній оплотъ натуральнаго хозяйства — недвижимая собственность, подвергающаяся путемъ ипотекъ и закладныхъ листовъ столь усиленной мобилизаціи, что въ этомъ отношеніи она почти сравнивается съ собственностью на денежные капиталы.

Изъ всего сказаннаго нельзя не усмотрѣть близкой связи между вліяніемъ на строй гражданскаго права системъ натуральнаго и денежнаго хозяйства, съ одной стороны, и очерченныхъ выше процессовъ освобожденія личности и развитія государственной власти, съ другой. Скопленіе запасовъ оборотнаго имущества и укрѣпленіе личнаго кредита окрыляютъ стремленіе къ свободѣ и развиваютъ дѣятельность государства для регулированія этой свободы. Освобожденная личность и пришедшее къ сознанію своихъ задачъ государство требуютъ учрежденій и нормъ, обезпечивающихъ безпрепятственное развитіе вновь возникающихъ формъ хозяйства и участіе личности какъ въ имущественномъ оборотѣ, такъ и въ другихъ сферахъ правовой жизни. Въ результатѣ всѣхъ трехъ процессовъ получается обособленіе гражданскаго права отъ публичнаго и идущая все далѣе и далѣе дифференціація институтовъ того и другого права.

Б. *Догматически* публичное и гражданское право связаны между собою такъ тѣсно, что не можетъ быть и вопроса о различіи того и другого въ правѣ вообще или въ общей системѣ права. Вопросъ объ этомъ различіи можетъ ставиться только для той или другой или группы близкихъ между собою системъ права, изъ которыхъ каждая можетъ разрѣшать его по своему и, при томъ, не одинаково на различныхъ ступеняхъ своего развитія, но всегда въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ представленій объ общей пользѣ, государственномъ вмѣшательствѣ, свободѣ личности и другихъ чисто матеріальныхъ условій исторической жизни. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи до конца прошлаго вѣка существовали, а въ Испаніи существуютъ еще до настоящаго времени частныя ассоціаціи, преслѣдующія чисто полицейскія цѣли, точно такъ же, какъ интересы народнаго и высшаго образованія охраняются и теперь въ однѣхъ странахъ въ формахъ организаціи публичнаго права, а въ другихъ — предоставлены вполнѣ или отчасти на произволъ личной инициативы. Множество преступленій, относимыхъ прежде къ гражданскому праву, пре-

вращаются теперь въ преступленія публичнаго права, тогда какъ вознагражденіе за ущербъ, наносимый этими послѣдними, отыскивается потерпѣвшими лицами въ томъ же судѣ, который разбираетъ эти преступленія, и удерживаетъ характеръ гражданскаго права. Существуютъ, наконецъ, институты, сплетенные изъ элементовъ публичнаго и гражданскаго права и стоящіе какъ бы на рубежѣ того и другого: таковы, напр., римскія actiones populares, наше промышленное, общинное, сословное право и т. д. Такая тѣсная связь между публичнымъ и гражданскимъ правомъ опирается, съ одной стороны, на общность предмета или матеріаловъ публичнаго и гражданскаго права, и съ другой—на взаимное отношеніе между индивидомъ и обществомъ. Экономическій и культурный элементы, предполагаемые правомъ, не принадлежатъ односторонне ни одной изъ его областей и составляютъ общій предметъ какъ публичнаго, такъ и гражданскаго права. Надъ тѣмъ и другимъ возвышается „*право*“, единое въ своемъ основаніи, охватывающее всю соціальную жизнь и дающее содержаніе какъ публичному, такъ и гражданскому праву. Поэтому и различіе того и другого есть не болѣе, какъ условное и формальное различіе, дѣлаемое исключительно въ учебныхъ цѣляхъ, разсчитанныхъ на то, чтобы достигнуть возможной обозримости огромнаго матеріала, представляемаго совокупностью права и подчиненнаго въ своемъ цѣломъ единой закономѣрности. Этимъ объясняется какъ постоянное заимствованіе публичнымъ правомъ понятій гражданскаго и обратно, такъ и непрерывное передвиженіе юридическихъ нормъ, принадлежащихъ тому и другому праву, изъ одной области въ другую. Напр., теорія гражданскаго права не перестаетъ оперировать понятіями нормы, власти, господства, компетенціи и т. п., не взирая на то, что эти понятія принадлежатъ публичному праву. Она привлекаетъ въ свою систему институты, составляющіе достояніе публичнаго права, напр., ипотечныя учрежденія и экспропріацію—въ свое ученіе о собственности, правительственную опеку—въ ученіе объ опекѣ, сооруженія противъ разрушительнаго дѣйствія воды—въ водное право и т. д. Англійск. система Common law заключаетъ въ себѣ до сихъ поръ не только нормы о моемъ и твоемъ, объ отношеніяхъ между супругами, родителями и дѣтьми и т. д., но и нормы о различныхъ отношеніяхъ государственной жизни, представляя, такимъ образомъ, разительный примѣръ удержанія на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, тысячелѣтія сознанія объ единствѣ всего права. Если на континентѣ Европы это сознаніе, подъ вліяніемъ рецепціи римскаго права, индивидуалистическаго теченія въ юриспруденціи и господства формальной методы, было нѣкоторое время затемнено, то теперь оно несомнѣнно возвращается. Двухчленное дѣленіе права—на публичное и гражданское — есть со времени рецепціи римскаго права фактъ, съ которымъ приходится считаться. Но признаніе за этимъ фактомъ одного практическаго и дидактическаго значенія, обусловленнаго соображеніями о подсудности и выгодами раздѣленія труда, дѣлается все распространеннѣе, и болѣе точная оцѣнка отношенія между индивидомъ и обществомъ играетъ въ этомъ признаніи не послѣднюю роль. Не индивидъ для общества и не общество для индивида, а индивидъ и общество, какъ соотносительныя величины, другъ для друга,—вотъ положеніе, которымъ опредѣляется и единство всего права, и условность соотношенія между его частями. Публичное и гражданское право теперь раздѣляются, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объединяются. Публичное право исходитъ отъ государственной власти, но признаетъ и за индивидами, и за соединеніями индивидовъ самостоятельныя права, обезпеченіе кот. спеціально противъ нарушающихъ ихъ органовъ государственной власти даетъ понятіе „правового государства“. Гражд. право исходитъ отъ индивида и его свободы, но не только не отрываетъ индивида отъ общества, а скорѣе подчеркиваетъ связь того и другого, отрицая этимъ самымъ чисто индивидуалистическое построеніе своихъ институтовъ. Право распоряженія собственника его имуществомъ и свобода вступленія въ до-

говоры находятъ свои границы въ соображеніи жизненныхъ интересовъ общества, и ни одно право, вопреки противоположному взгляду римскихъ юристовъ, не должно извращаться въ злоупотребленіе имъ, клонящееся ко вреду другого. Отсюда не слѣдуетъ, однако, дѣлать заключенія о пріоритетѣ ни публичнаго права передъ гражданскимъ, ни наоборотъ—гражданскаго права передъ публичнымъ. Первое заключеніе, формулированное еще Бэкономъ въ словахъ: jus privatum sub tutela juris publici latet—ведетъ къ деспотизму и забвенію юридической категоріи лица; второе—къ индивидуализму, разлагающему собою не только гражданское, но и публичное право. То и другое стоитъ одинаково въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, представляющей намъ публичное и гражданское право въ отношеніи взаимной зависимости и соподчиненія, а не самостоятельности или поглощенія одного другимъ.

B. *Роль гражданскаго права въ общемъ процессѣ культурнаго развитія.* На гражданское право опирается соціальное существованіе каждаго прогрессирующаго общества. Появленіе его равносильно появленію индивида въ исторіи, т. е. личной энергіи, освобожденной отъ крѣпости къ стадной жизни, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ грубой борьбы за существованіе и деспотизма союзныхъ формъ. Освобожденіе отъ этой стадной жизни есть необходимое условіе прогресса, и въ немъ лежитъ ключъ къ пониманію гражданскаго права. Оно создаетъ почву, на которой индивидъ свободно двигается, достигаетъ полноты развитія и дѣлается главнымъ агентомъ культуры. И чѣмъ полнѣе свобода индивида, питаемая и укрѣпляемая гражданскимъ правомъ, тѣмъ выше и эта культура. Такимъ образомъ, гражданское право имѣетъ значеніе такого же необходимаго условія и элемента культуры, какъ и индивидуальная свобода. Объяснить это тѣмъ легче, что, и независимо отъ внутренней связи съ индивидуальной свободой, гражданское право имѣетъ дѣло съ важнѣйшими и наиболѣе общими цѣлями человѣческой жизни. Сюда принадлежитъ, напр., сохраненіе и развитіе индивидуальнаго бытія, продолженіе рода, удовлетвореніе общихъ всѣмъ людямъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей, благоустроенная семейная жизнь, права личности и т. д. И если какіе-нибудь интересы заслуживаютъ названія общихъ или „публичныхъ“, это, конечно,—упомянутые сейчасъ интересы, по сравненію съ которыми все, что называютъ теперь „публичнымъ интересомъ“, т. е. то, что относится къ традиціонной государственной жизни, само собой отступаетъ на задній планъ. На этомъ основаніи недавно умершій австрійскій юристъ Менгеръ и утверждалъ, что публичное право служитъ только средствомъ для достиженія несравненно болѣе важныхъ цѣлей гражданскаго права, и противъ этого утвержденія можно было бы не возражать, если бы изъ него, согласно соціалистическому идеалу, не дѣлалось заключенія о передачѣ всѣхъ функцій гражданскаго права въ руки государства. Это заключеніе равносильно упраздненію гражданскаго права и возвращенію къ государственному абсолютизму, который далъ уже въ исторіи свою отрицательную пробу и отъ котораго мы и въ будущемъ не можемъ ждать ничего равноцѣннаго свободѣ.

III. *Область и система гражданскаго права.* Въ область гражданскаго права входятъ *личныя, семейныя и имущественныя отношенія.* Поэтому, гражданское право и опредѣляется нерѣдко, особенно во французской литературѣ, какъ такая часть дѣйствующаго законодательства, которая занимается семейными и имущественными отношеніями. Нѣкоторые юристы еще болѣе ограничиваютъ область гражданскаго права, закрѣпляя за ней одни имущественныя отношенія, и суживаютъ даже эти послѣднія, указывая на собственность и обязательства, какъ на спеціальный предметъ гражданскаго права. Это само собой исключаетъ изъ его области какъ права личности, такъ и семейныя отношенія, не допускающія подчиненія себя нормамъ одного имущественнаго права. Но всѣ подобные казуистическіе пріемы опредѣленія области гражданскаго права

слѣдуетъ считать неправильными, такъ какъ содержаніе его отношеній постоянно измѣняется не только во времени и пространствѣ, но и въ составѣ одного и того же законодательства, и не ограничивается, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ ни имуществомъ, ни семьей.

По тѣмъ же основаніямъ приходится возражать и противъ господствующей теперь даже въ новыхъ законодательныхъ сборникахъ такъ наз. *пандектной системы* изложенія гражданскаго права. Исходя изъ усматриваемаго въ юридическихъ отношеніяхъ различія по ихъ объектамъ, она систематизируетъ весь матеріалъ гражданскаго права по четыремъ основнымъ институтамъ: вещнаго, обязательственнаго, семейнаго и наслѣдственнаго права — и предпосылаетъ изложенію этихъ институтовъ такъ наз. *общую часть*, заключающую въ себѣ общее ученіе о правѣ и его защитѣ. Эта система замѣнила собою прежде принятыя, такъ наз. *легальную* и *институціонную системы*, изъ которыхъ первая слѣдовала механически порядку изложенія Юстиніановыхъ законодательныхъ сборниковъ, а вторая опиралась на извѣстное обобщеніе римскаго юриста Гая о присутствіи въ правѣ трехъ элементовъ: лица, вещи и иска. Пандектная система, сложившаяся вполнѣ съ начала прошлаго столѣтія, выходила также изъ наблюденія надъ матеріаломъ одного римскаго права Юстиніановой эпохи, и потому, считаясь даже съ присущими каждой системѣ несовершенствами въ дѣлѣ обобщенія такого разнообразія явленій жизни, какое дается матеріалами гражданскаго права, пандектную систему, при ея испытанныхъ преимуществахъ передъ другими системами, можно полагать въ основаніе изученія гражданскаго права не иначе, какъ помня ея условное значеніе и неизбѣжную неполноту. Въ случаѣ появленія въ жизни новыхъ отношеній и новыхъ формъ права, не подводимыхъ или подводимыхъ лишь съ натяжками подъ принятыя въ системѣ рубрики, эти послѣднія должны быть расширены или восполнены новыми рубриками. Такъ, въ систему гражданскаго права входятъ теперь новые институты, отсутствовавшіе или не получившіе развитія ни въ римскомъ правѣ, ни въ построенной на немъ пандектной системѣ, напр., права личности, институты бумагъ на предъявителя, общественнаго обладанія и т. д. Точно также, въ виду особенностей объекта и другихъ соображеній цѣлесообразности, изъ общей системы гражданскаго права выдѣляются и дѣлаются предметомъ особаго изученія такія дисциплины, какъ, напр., торговое, вексельное, промышленное, морское, горное, водное, лѣсное право и т. д. Исчерпывающей и объединяющей всѣ институты гражданскаго права системы нѣтъ и не можетъ быть уже вслѣдствіе постояннаго вымиранія старыхъ и нарожденія новыхъ институтовъ, не говоря уже о вынуждающихъ спеціальную регламентацію нѣкоторыхъ изъ этихъ институтовъ.

IV. *Изученіе гражданскаго права и отношеніе между его отдѣльными отраслями.* Изученіе гражданскаго права тѣсно связано съ судьбами римскаго права въ Западной Европѣ. Уже въ средніе вѣка и задолго до того, какъ можно было говорить о научной разработкѣ туземнаго права европейскихъ народовъ, римское право вступило существеннымъ элементомъ въ европейскую культуру, и гражданское правовѣдѣніе стало ничѣмъ инымъ, какъ знаніемъ римскаго права. Римскому генію приписывается не безъ основанія даже честь открытія гражданскаго права, въ смыслѣ признанія за личностью самостоятельныхъ субъективныхъ правъ, поставленныхъ независимо отъ элементовъ публичнаго права, и въ этомъ именно признаніи нѣкоторые писатели видятъ уже не безъ преувеличенія и объясненіе всемірно-исторической роли римскаго права. Достовѣрно можно утверждать только то, что всемірно-историческое значеніе римскаго права заключается не въ его абсолютной цѣнности для всѣхъ народовъ, какъ это не разъ утверждалось многими юристами, усматривавшими въ немъ такъ назыв. „писанный разумъ“ (ratio scripta), а въ томъ, что, указавъ на существеннѣйшій моментъ въ понятіи всякаго права, его коренное отношеніе къ инди-

виду, римское право дало такое развитіе этому моменту, что именно это обстоятельство и сдѣлало его не только образцомъ и предметомъ подражанія для всѣхъ культурныхъ народовъ, но и показателемъ освобожденія отъ средневѣковыхъ формъ мышленія и подавленія личности. Оживленная обработка римскаго права въ Болонской школѣ глоссаторовъ, въ трудахъ позднѣйшихъ комментаторовъ и такъ назыв. „практиковъ“, вмѣстѣ съ рецепціей этого права какъ въ судахъ, такъ и путемъ законодательства, шли параллельно процессу освобожденія личности и смѣны натуральнаго хозяйства денежнымъ,—процессу, въ которомъ обработка римскаго права и его рецепція играли роль могучаго средства достиженія его цѣли. Это объясняетъ и чисто практическое направленіе работы по изученію римскаго права, — работы, которая преслѣдовала не столько цѣли объективнаго изученія римскаго права, сколько цѣли его примѣненія въ судахъ подъ покровительствомъ государственной власти, утверждавшей на немъ и свои абсолютистическія тенденціи. Но рядомъ съ этими практическими цѣлями, проникавшими всю средневѣковую и отчасти новую юриспруденцію, не умиралъ и духъ научнаго изслѣдованія, не чуждый уже философамъ древней Греціи и постоянно съ эпохи Возрожденія обнаруживавшійся и въ области изученія права—въ трудахъ французской школы юристовъ XVI в., продолжателей ихъ, въ лицѣ такъ наз. „элегантныхъ юристовъ“ голландской школы, въ раннихъ еще работахъ по исторіи германскаго права, въ исторической школѣ Савиньи и, наконецъ, въ современномъ историко - сравнительномъ правовѣдѣніи. Главные результаты многовѣковой и особенно напряженной въ теченіе второй половины прошлаго столѣтія работы научной мысли, въ ея направленіи на изученіе права вообще и гражданскаго въ частности, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ. Такъ какъ гражданское право, какъ и всякое другое, образуется изъ прошлаго, дѣйствуетъ въ настоящемъ и развивается для будущаго, то изученіе его происходитъ или *исторически*, въ причинной связи его явленій въ прошломъ, или *догматически*, въ состояніи настоящаго и логической связи его понятій какъ съ прошлымъ, такъ и съ будущимъ (иначе не было бы объекта для научнаго изученія), или *политически*, въ его идеальныхъ цѣляхъ и преимущественномъ направленіи на будущее. Два послѣднихъ способа изученія гражданскаго права, т. е. его догма и политика, сливаются естественно въ одинъ, такъ какъ общность предмета, цѣли и всего научнаго матеріала догмы и политики дѣлаютъ соединеніе той и другой въ одну дисциплину цѣлесообразнѣе, чѣмъ ихъ разъединеніе. Это разъединеніе, принятое современной юриспруденціей, неправильно уже потому, что въ этомъ случаѣ приходилось бы повторять въ политикѣ то, что изучается въ догмѣ, и лишать догму того, что служитъ для нея существеннымъ подспорьемъ и путеводной звѣздой. Поэтому, догма гражданскаго права и занимается, съ одной стороны, систематическимъ изложеніемъ дѣйствующаго права, а съ другой—критикой послѣдняго и подготовленіемъ новаго права, что̀ дѣлаетъ изъ нея чисто прикладную отрасль знанія, рѣзко отличную отъ исторіи права, которая имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что̀ было, и не задается мыслью о томъ, что̀ должно быть. Такъ же рѣзко по своей задачѣ отличается догма права и отъ третьей юридической дисциплины, стоящей какъ надъ ней, такъ и надъ исторіей права каждаго отдѣльнаго народа. Эта юридическая дисциплина, называющая себя то всеобщей исторіей права, то историко-сравнительнымъ изученіемъ права, то исторіей развитія права (Entwicklungsgeschichte des Rechts), задается изученіемъ права въ причинной связи его явленій не у одного какого-нибудь народа, а у всѣхъ народовъ или, по крайней мѣрѣ, значительной группы народовъ. Средствомъ для разрѣшенія этой задачи служитъ ей историко-сравнительный методъ, ставящій ее въ близкую связь какъ съ отдѣльными общественными науками, напр., этнографіей, исторіей языка, нравовъ, религіи, хозяйства и т. д., такъ и съ общей наукой объ обществѣ, или со-

ціологіей, которая предполагаетъ знаніе права, но и сама предполагается этимъ знаніемъ вслѣдствіе солидарности, связывающей всѣ общественныя явленія и всѣ общественныя науки въ одно цѣлое. Признаніе этой связи и взаимо-зависимости всѣхъ отраслей правовѣдѣнія и другихъ общественныхъ наукъ какъ между собою, такъ и съ соціологіей—составляетъ существеннѣйшее завоеваніе современнаго правовѣдѣнія, имѣющаго въ немъ вѣрное ручательство за свое дальнѣйшее и болѣе плодотворное, чѣмъ въ прошломъ, развитіе. *Ю. Гамбаровъ.*

Гражданство почетное, см. *почетное гражданство.*

Грайворонскій уѣздъ находится въ юго-зап. части Курской губ. Занимаетъ пространство въ 2.693,2 кв. в. Мѣстность по преимуществу возвышенная, холмистая, орошаемая р. Ворсклой, съ прит. Ворсклицей и мелкими притоками р. Пѣны. На зап. и юго-зап. лежатъ низины. Почва представляетъ большею частью очень хорошій черноземъ (особенно по теченію р. Ворсклы), въ нѣкот. мѣст. глин.-песчан. Подъ лѣс. ок. 13% всей площади уѣзда. Къ началу 1911 г. населеніе составляло 236,3 тыс. челов. (87,7 чел. на 1 кв. в.), въ т. ч. 13,1 т. чел. гор., а по переписи 1897 г.—177,5 т. чел. Большую часть составляли малороссы—58,9%, великоруссы—40,9%. Главное занятіе жителей—земледѣліе. За мѣстнымъ потребленіемъ остается избытокъ хлѣба, который вывозится. Фабрично-заводская пром. довольно значительно развита, больше всего по губерніи. Въ кустарныхъ пром. занято около ²/₃ земледѣльч. насел. Изъ нихъ наиболѣе развиты столярный, валяльный, производство кіотовъ, сапожн., гончарный и производство вѣялокъ. Надѣльное землевладѣніе составл. 64%, средн. разм. над. на дв. 6,2 дес. Частное землевлад. составл. 33,7% и сосредоточено, главн. обр., у дворянъ (42,9%). Незначит. часть всѣхъ земель уѣзда (2,3%) принадлежитъ госуд. и учрежд.

Грайворонъ, уѣздн. городъ Курской губ., на р. Ворсклѣ, 8.231 ж., женская прогимназія.

Грайскіе альпы, см. *Альпы,* II, 370.

Гракхи, братья—вожди и организаторы оппозиціонной партіи въ Римѣ конца II в. до Р. Х. Характеръ оппозиціоннаго движенія этой эпохи опредѣляется тѣми измѣненіями, которыя произошли въ теченіе II в. въ соціально-экономическомъ строѣ Италіи. Быстрый ростъ крупныхъ капиталовъ, приложеніе ихъ къ земледѣльческому и скотоводческому хозяйству, усиленный приливъ въ Италію дешевыхъ рабочихъ-рабовъ, обезземеленіе значительной массы крестьянства въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, вытѣсненіе свободнаго, наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ рабскимъ, невозможность для большинства обезземеленныхъ найти заработокъ въ городѣ— все это должно было поставить на первую очередь вопросъ аграрный, вопросъ о дополнительномъ надѣленіи землей нуждающихся гражданъ. Именно потребность въ земельной реформѣ и послужила первымъ толчкомъ къ организаціи демократической партіи. Въ 134 г. въ трибуны на слѣдующій годъ былъ избранъ молодой человѣкъ, уже пользовавшійся большой популярностью въ виду своихъ военныхъ заслугъ, *Тиберій Гракхъ* (163—133). Онъ происходилъ изъ знатной семьи, былъ въ родствѣ съ самыми видными представителями римской аристократіи, но съ первыхъ своихъ шаговъ въ должности трибуна заявилъ себя рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ сторонникомъ аграрной реформы въ демократическомъ духѣ. Предложенный имъ законопроектъ совершенно не носилъ революціоннаго характера. Не касаясь земель, принадлежавшихъ крупнымъ землевладѣльцамъ на правахъ частной собственности, Г. обратилъ вниманіе на тотъ фондъ, который въ прежнія времена служилъ для цѣлей дополнительнаго надѣленія,—на государственныя земли (ager publicus). Этотъ фондъ, правда, былъ благодаря попустительству правящей аристократической корпораціи—сената почти весь захваченъ крупными владѣльцами, но принципіально право такъ или иначе распоряжаться общественной землей, разумѣется, оставалось за государствомъ. Предложеніе Г. сводилось къ слѣдующему: 1) размѣръ

оккупированнаго ager publicus не долженъ превышать 500 югеровъ (югеръ = 1/4 десятины) на отца семейства; на каждаго сына разрѣшается оставить еще по 250 югеровъ съ тѣмъ, чтобы на всю семью приходилось не болѣе 1000 югеровъ, 2) лишняя земля возвращается государству съ уплатой владѣльцу извѣстнаго вознагражденія, 3) оставленная владѣльцу земля становится его частной собственностью, 4) отобранная земля разбивается на участки по 30 югеровъ и раздается въ наслѣдственную неотчуждаемую аренду (какъ гражданамъ, такъ и союзникамъ) и 5) для выполненія всего изложеннаго назначается особая комиссія изъ трехъ лицъ, избираемыхъ народомъ. Несмотря на ожесточенное противодѣйствіе со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ и ихъ естественнаго оплота—сената, на отклоненіе проекта народнымъ собраніемъ, на которое сошлись въ громадномъ количествѣ заинтересованные въ дѣлѣ крестьяне, расчитывать было нельзя. Послѣ тщетнаго протеста одного изъ трибуновъ—сторонника сенатской партіи и незаконнаго лишенія его трибунской власти, законъ былъ принятъ. Немедленно же была избрана и комиссія для раздачи земель, въ которую вошли самъ Тиберій, его братъ Гай и тесть Аппій Клавдій. Въ своей дѣятельности комиссія тотчасъ же наткнулась на два затрудненія: во-первыхъ, благодаря многолѣтней оккупаціи, границы ager publicus и частной земли стали очень неясны; во-вторыхъ, у лицъ, получившихъ новые надѣлы, часто не было никакихъ средствъ для первоначальнаго обзаведенія. Чтобы выйти изъ перваго затрудненія, по предложенію Г. къ его закону было сдѣлано дополненіе, которымъ право рѣшать вопросъ, какой участокъ составляетъ частную собственность, какой общественную, было передано все той же комиссіи. Чтобы снабдить капиталами новыхъ колонистовъ, Г. собирался раздѣлить между ними казну пергамскаго царства, только что завѣщанную царемъ Атталомъ римскому народу. О дальнѣйшихъ планахъ Г. извѣстно очень мало. Вполнѣ достовѣрно то, что онъ вопреки традиціи выставилъ вторично свою кандидатуру на должность трибуна. Получить трибунатъ было важно для него какъ въ интересахъ личной безопасности, такъ и въ интересахъ начатаго имъ дѣла. Несмотря на отсутствіе крестьянъ на этихъ выборахъ (дѣло происходило во время полевыхъ работъ), побѣда Г. была почти обезпечена. Тогда, чтобы избавиться отъ опаснаго врага, сенатская партія (собственно не вся, а лишь ея крайняя группа) рѣшилась прибѣгнуть къ насилію. Руководимая Сципіономъ Назикой толпа знати бросилась на форумъ, народъ не захотѣлъ или не смогъ защитить Г., и онъ былъ убитъ съ 300 своихъ сторонниковъ. Дѣятельность комиссіи по надѣленію землей продолжалась и послѣ смерти Тиберія. Ее отнюдь нельзя признать безрезультатной. Число годныхъ для военной службы гражданъ, съ 159 г. непрерывно понижавшееся, съ 132 до 125 г. повысилось на 76.000 челов. Это повышеніе можно приписать только созданію новыхъ кадровъ мелкаго крестьянства. За десятилѣтіе, послѣдовавшее за смертью Тиберія Г., въ составѣ римской оппозиціи произошло существенное измѣненіе. Во-первыхъ, къ ней примкнуло сословіе всадниковъ (представителей крупнаго торговаго и ростовщическаго капитала), находившее, что его доля въ эксплуатаціи провинцій недостаточно велика сравнительно съ долей сенатской аристократіи, и стремившееся повысить свое политическое значеніе пропорціонально своему экономическому вѣсу. Съ другой стороны, въ низахъ городского населенія возрастали нужда и недовольство вслѣдствіе чрезмѣрнаго прилива населенія какъ изъ обѣднѣвшей италійской деревни, такъ и съ недавно завоеваннаго востока. Наконецъ, въ массахъ италійскаго крестьянства, не имѣвшихъ правъ римскаго гражданства (союзники и латины), зрѣло сознаніе того, что для улучшенія ихъ экономическаго положенія необходимо прежде всего добиться политическихъ правъ. Программа оппозиціи сдѣлалась болѣе сложной, и аграрный вопросъ какъ будто отодвинулся на задній планъ. Въ 123 г. въ трибуны былъ

избранъ младшій братъ Тиберія Г.—*Гай Гракхъ* (153 — 121), извѣстный своей дѣятельностью въ качествѣ члена аграрной комиссіи и затѣмъ квестора въ Сардиніи. Въ его лицѣ демократическая партія нашла дальновиднаго и рѣшительнаго вождя. Въ первый годъ своего трибуната онъ провелъ всего одинъ законъ, имѣвшій въ виду интересы городского плебса (lex frumentaria). По этому закону каждый гражданинъ пріобрѣталъ право получать изъ казенныхъ магазиновъ ежемѣсячно 5 модіевъ пшеницы по цѣнѣ въ $6^1/_3$ асса за модій(модій — $^1/_3$ чт-ка; $6^1/_3$ асса—около 13 к.). Только будучи избранъ на второй годъ (въ 131 г. Папирій Карбонъ провелъ законъ, разрѣшающій вторичные выборы въ трибуны одного и того же лица), Гай развилъ свою программу болѣе полно. Первое мѣсто по значительности слѣдуетъ отвести предложенію о дарованіи гражданскихъ правъ союзникамъ (lex de civitate sociis danda). Этотъ проектъ долженъ былъ, если бы онъ прошелъ, существеннымъ образомъ измѣнить составъ народнаго собранія, при томъ измѣнить въ пользу крестьянскаго населенія Италіи. Возможно, что затѣмъ имѣлась въ виду крупная аграрная реформа. Далѣе, идетъ судебная реформа, отнимающая у сенаторовъ право участвовать въ судебныхъ комиссіяхъ и передающая его всадникамъ (*см.* XI, 491). Главнымъ образомъ, въ интересахъ того же класса всадниковъ были предложены Г. законы о проведеніи новыхъ дорогъ (lex de viis muniendis) и объ устройствѣ новыхъ колоній (lex de coloniis deducendis); при этомъ колоніи должны были представлять собою не столько новыя земледѣльческія общины, сколько новые торговые центры. Еще болѣе существенное значеніе, чѣмъ всѣ эти законопроекты, имѣло для римскихъ капиталистовъ введеніе Г. новаго способа финансовой эксплуатаціи провинцій. До Г. только сборы съ ager publicus и косвенные налоги въ провинціяхъ сдавались на откупъ, прямые же налоги собирались самими провинціальными общинами и вносились непосредственно римской администраціи. По предложенію Г. народное собраніе постановило, что всѣ подати съ новой провинціи Азіи должны сдаваться на откупъ и при томъ въ самомъ Римѣ, а не на мѣстахъ. Это рѣшеніе отдало богатѣйшую провинцію всецѣло на разграбленіе римскимъ откупщикамъ. Поддержка капиталистовъ дала римской демократіи еще никогда небывалую силу. Эпоха Гая Г.—пора ея наивысшаго расцвѣта. Хотя Г. и не провелъ общей конституціонной реформы, но фактически римская конституція при немъ существенно измѣнила свой обликъ по сравненію хотя бы съ серединой II в. Аристократическій сенатъ былъ лишенъ почти всѣхъ своихъ административныхъ функцій; народное собраніе, наоборотъ, превратилось въ полновластнаго хозяина Рима. Соотвѣтственное измѣненіе произошло и въ положеніи должностныхъ лицъ: значеніе консуловъ пало, значеніе трибуновъ необыкновенно возросло. Законы о раздачахъ хлѣба, о проведеніи дорогъ, о выведеніи колоній сосредоточили въ рукахъ Г. весьма обширныя полномочія чисто административнаго свойства. Подобное перераспредѣленіе политическаго могущества не могло, конечно, не вызвать самаго энергичнаго сопротивленія со стороны аристократіи. Но демократія была уже настолько сильна, что вступить въ открытую борьбу сенатъ не рѣшился. Прежде чѣмъ выступить противъ Г., нужно было постараться отвлечь отъ него часть его сторонниковъ. Сенатская партія воспользовалась при этомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ программѣ Г. рѣшеніе аграрнаго вопроса было отодвинуто на болѣе или менѣе отдаленное будущее. По соглашенію съ сенатомъ одинъ изъ трибуновъ—Ливій Друзъ внесъ предложеніе объ основаніи 12 колоній для бѣдныхъ гражданъ въ предѣлахъ Италіи съ надѣленіемъ ихъ землей на правахъ полной собственности—планъ, явно разсчитанный на то, чтобы отвлечь отъ Г. крестьянскіе голоса. Демагогическій ходъ сената увѣнчался полнымъ успѣхомъ: на выборахъ 121 г. Г., выставившій въ третій разъ свою кандидатуру въ трибуны, былъ на этотъ разъ забаллотированъ. Кажется, на этотъ разъ Г. измѣнили и всадники. Та часть его программы,

которая отвѣчала ихъ интересамъ, была уже осуществлена, а наиболѣе радикальный его проектъ — о дарованіи правъ гражданства союзникамъ—былъ для нихъ вовсе не такъ пріятенъ, ибо грозилъ слишкомъ усилить значеніе крестьянства въ римскомъ народномъ собраніи. Реакція, вслѣдствіе этого раскола въ рядахъ оппозиціи, могла торжествовать довольно легкую побѣду. Изъ всей недавней власти Г. у него оставалось лишь участіе въ комиссіи по выводу колоній. Когда сенатъ подъ предлогомъ дурныхъ предзнаменованій предложилъ ликвидировать колонизаціонную дѣятельность, то оставшіеся вѣрными вождю демократы, повидимому, рѣшили сдѣлать попытку вооруженнаго возстанія. Они собрались и укрѣпились на Авентинѣ; число ихъ было очень не велико. Всадники открыто стали на сторону сената. Всѣ старанія уладить дѣло путемъ какого-либо компромисса не увѣнчались успѣхомъ: увѣренный въ побѣдѣ сенатъ явно стремился потопить въ крови уже ослабленную демократію. Когда дѣло дошло, наконецъ, до вооруженнаго столкновенія, то предводительствуемое консуломъ Опиліемъ сенатское войско, дѣйствительно, очень быстро заняло плохо укрѣпленную гору и истребило всѣхъ ея защитниковъ. Г. удалось бѣжать за Тибръ, гдѣ и нашли потомъ его трупъ. Разумѣется, послѣ этой рѣшительной побѣды сенатская партія немедленно забыла о всякихъ проектахъ аграрной реформы. Наоборотъ, она поспѣшила воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы провести два весьма важныхъ для крупныхъ землевладѣльцевъ закона: во-первыхъ, была отмѣнена неотчуждаемость надѣловъ, выданныхъ на основаніи закона Тиберія Г., что открыло возможность ихъ быстрой концентраціи въ рукахъ скупщиковъ, во-вторыхъ, оккупированная казенная земля была объявлена частной собственностью владѣльцевъ, чѣмъ былъ отрѣзанъ путь новымъ проектамъ въ гракховскомъ духѣ. Болѣе прочное значеніе имѣли тѣ мѣропріятія Г., которыя были проведены въ интересахъ всадниковъ: все возрастающее богатство и вліяніе капиталистовъ заставляло аристократію считаться съ ними даже во время ея полнаго торжества надъ оппозиціей. Изъ обширной литературы о Г-ахъ слѣдуетъ отмѣтить: *Nitzsch*, „Die Gracchen und ihre Vorgänger“ и *Eduard Meyer*, „Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen“ (перепечатано въ „Kleine Schriften“ съ нѣкотор. измѣненіями). На русскомъ языкѣ имѣется изслѣдованіе *Фельсберга*, „Братья Гракхи“ (1908). *В. Волгинъ.*

Граль, чаша, изъ которой, по средневѣковой легендѣ, ѣлъ Христосъ во время Тайной Вечери и въ которую Іосифъ Аримаѳейскій собралъ кровь распятаго Спасителя. Она была сдѣлана изъ цѣльнаго смарагда и обладала многочисленными чудодѣйственными свойствами. Іосифъ Аримаѳейскій принесъ чашу въ Британію, гдѣ предокъ Персиваля Титурель выстроилъ для нея храмъ, и сосудъ охранялся тамъ коллегіей избранныхъ мужей. — Сага, по всей вѣроятности, возникла изъ смѣшенія восточныхъ и христіанскихъ элементовъ въ Испаніи и южн. Франціи въ началѣ XII в. На франц. почвѣ сага была соединена съ легендой о Персивалѣ. Сюда относится неоконченная поэма Кретьена де Труа „Le conte del Gral“ (до 1190 г.). Легенда о Іосифѣ Аримаѳейск. фигурируетъ въ римов.: „Roman du S. Gral“. Мотивы поэмы воспроизводятся также и въ англійской и нѣмецкой среднев. литературѣ.

Грамматика. Г. есть наука правильно писать и говорить—такъ опредѣляли Г. въ старое время. Этимъ опредѣленіемъ обозначается и содержаніе этой „науки“: раздѣленіе и измѣненіе частей рѣчи, частей предложенія употребленіе тѣхъ или другихъ буквъ въ словѣ, взаимоотношеніе, т. е. сочиненіе или подчиненіе предложеній,—составляютъ до сихъ поръ содержаніе Г. Слово можетъ разсматриваться само по себѣ какъ часть, какъ составной элементъ извѣстнаго языка; оно является въ такомъ случаѣ частью рѣчи; какъ часть рѣчи, слово можетъ измѣняться въ формѣ склоненія или спряженія, но его собственное значеніе, какъ слова, отъ этого не измѣняется. Ученіе о частяхъ рѣчи, т. е. словахъ, взятыхъ независимо одно

отъ другого, называется *этимологіей*. Въ составъ ея входитъ также ученіе о правильномъ написаніи того или другого слова, суффикса, окончанія и т. д., или *правописаніе* (орѳографія). Разумѣется, эта правильность орѳографіи устанавливается искусственно: иногда она основывается на историческомъ принципѣ (какъ наше написаніе *дóбраго*, заимствованное изъ церковнослав. языка, но чуждое даже древнерусскому), иногда на требованіяхъ произношенія (*злóго*, *святóго*, по Гроту, хотя въ великорус. яз. слышится не *злóго*, *святóго*, а *злóва*, *святóва*), иногда на соображеніяхъ о происхожденіи слова (по Гроту *стклянка* отъ *сткло*, стекло и т. п.). Поэтому, правописаніе никогда не является чѣмъ-нибудь окончательнымъ и общепризнаннымъ, и въ самомъ „Руководствѣ“ акад. Грота не мало колебаній между разными изданіями. Слово въ его отношеніяхъ къ другимъ словамъ того же предложенія является частью предложенія; въ зависимости отъ того, покоится ли на немъ главное содержаніе предложенія, или же имъ выражается лишь побочная мысль, дается ближайшее опредѣленіе предмета или указывается на обстоятельства, сопровождающія дѣйствія и т. п., части предложенія раздѣляются на главныя и второстепенныя. Вслѣдствіе этого, слово, какъ часть предложенія, неизмѣнно. Ученіе о предложеніи составляетъ *синтаксисъ*. Кромѣ правилъ о частяхъ предложенія, въ область синтаксиса входитъ также ученіе о взаимоотношеніи предложеній: о развитіи основной мысли съ помощью предложеній подчиненныхъ, составляющихъ какъ бы разросшіяся части рѣчи, или о соединеніи нѣсколькихъ самостоятельныхъ предложеній по способу сочиненія. Правила о разстановкѣ знаковъ препинанія выводятся изъ синтаксическаго ученія о взаимоотношеніи подчиненныхъ или сочиненныхъ предложеній: такъ, запятой отдѣляется главное предложеніе отъ придаточнаго, двоеточіе указываетъ на причинную связь между предложеніями и т. д. Однако, въ этой области, какъ и въ правописаніи словъ, чрезвычайно много спорнаго и искусственнаго. Такъ, напр., различіе въ употребленіи двоеточія и точки съ запятой совсѣмъ невыяснено нашими грамматиками.

Какъ этимологія, такъ и синтаксисъ пытаются исходить въ опредѣленіи своихъ правилъ изъ наблюденій надъ живой рѣчью, но, въ общемъ, всегда вынуждены расходиться съ ней, такъ какъ живой языкъ развивается не по правиламъ Г., а по собственнымъ законамъ аналогіи, сліянія нѣсколькихъ формъ (контаминаціи) и т. под. Отсюда *исключенія* изъ правилъ, столь обычныя во всякой Г. Но, устанавливая однообразную схему спряженія, склоненія, сокращенія придаточныхъ предложеній и т. д., Г. создаетъ единство литературнаго языка. Даже искусственныя, никогда не жившія въ народной рѣчи категоріи ея входятъ черезъ посредство школы въ общій литератур. языкъ: таково, напр., многими произносимое *ея* (для род. пад., т. е. ц-слав. *ѥѧ* = *jejẹ*, соотвѣтствующее древ.-рус. *ѥѣ*, нынѣ *ее*, вин. пад. ед. ч.). Въ прежнее время полагали также, что Г. учитъ правильно мыслить. Дѣйствительно, если преподаваніе синтаксиса основывается на точномъ разграниченіи частей предложенія и взаимоотношеніи главнаго и придаточныхъ предложеній, то оно пріучаетъ разбираться въ логической связи мыслей. Но изученіе Г. мертвыхъ языковъ, которому посвящается большая часть школьнаго времени, воспитываетъ привычку мыслить заученными, чуждыми формами и формулами, а вслѣдствіе этого представляетъ прямой вредъ для учащихся, которые должны знакомиться съ языкомъ, какъ съ живымъ, вѣчно измѣняющимся организмомъ, имѣющимъ свои, не школьно-грамматическія правила. Т. обр., въ современной школѣ Г. все болѣе стушевывается передъ изученіемъ живой рѣчи учащимися. А въ наукѣ она вытѣсняется *лингвистикой*, *сравнительнымъ языкознаніемъ*, философіей языка, сравнительной Г., которыя не создаютъ законовъ для развитія языка, но лишь выводятъ ихъ на основаніи изученія живой рѣчи или памятниковъ письменности.

Только въ древней Индіи и въ Греціи Г. получила самостоятельное возникновеніе. Въ этихъ странахъ съ развитымъ философскимъ интересомъ

образовались школы, изучавшія языкъ и составившія Г. Индійскіе грамматики чрезвычайно тонко разложили слово на его составныя части и изучили функціи каждой изъ этихъ частей; они выяснили, что корень слова состоитъ, по большей части, изъ одного слога, что этотъ корень получаетъ различные оттѣнки значенія отъ суффиксовъ и префиксовъ; они изслѣдовали съ замѣчательной точностью систему флексіи въ санскритскомъ языкѣ и опредѣлили законы измѣненія звуковъ. Изученіе Г. основывалось на ведійскихъ гимнахъ и началось съ раздѣленія ихъ на отдѣльныя слова (внѣ обычной звуковой зависимости ихъ одно отъ другого) и съ составленія къ нимъ толкованій, *глоссъ*, такъ какъ уже въ V в. до Р. Х. ведійскіе тексты становились непонятны браминамъ. Уже въ V в. жилъ знаменитый санскритскій грамматикъ Яска, составившій грамматическое объясненіе ведъ, но самымъ знаменитымъ индійскимъ грамматикомъ былъ Панини (въ IV в. до Р. Х.), составившій руководство санскритскаго языка изъ 4.000 правилъ, изложенныхъ въ видѣ коротенькихъ формулъ (грамматика Панини издана въ нѣмец. переводѣ съ коммент. Бетлингка въ 1886—87 г.). И послѣ Панини вплоть до поздняго средневѣковья не прекращалась грамматическая дѣятельность индійскихъ ученыхъ (см. *T. Benfey*, „Geschichte der Sprachwissenschaft“, 1869; другая литература у *L. Schröder*, „Indiens Literatur und Kultur in historischer Entwicklung“, 1887). Изъ Индіи изученіе Г. перешло вмѣстѣ съ буддизмомъ въ Китай, гдѣ, однако, не расцвѣло вслѣдствіе изолирующаго характера китайскаго языка, не знающаго спряженія и склоненія. Однако, китайцы внимательно изучали свои діалекты и сосѣдніе языки (монгольскій, манчжурскій) и составили громадные словари китайскаго языка, обнимающіе сотни томовъ. Наша европейская Г. основывается на греческой, которая была разработана (по словамъ *Штейнталя*, „Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern“, 1863) „съ той пластикой, которая бросается въ глаза повсюду въ умственномъ развитіи грековъ“. Начатки грамматическихъ изученій замѣчаются у предшественниковъ Аристотеля (у софистовъ, у Платона), но философское ученіе о языкѣ въ его отношеніи къ мысли было разработано Аристотелемъ (IV в. до Р. Х.) и его послѣдователями. Блестящая эпоха развитія грамматическихъ трудовъ въ Греціи приходится на послѣдніе 2 вѣка до Р. Х. и первые 2 в. по Р.Х., при чемъ центромъ грамматическихъ изученій была Александрія. Историческія условія, паденіе старой Греціи и стремленіе сохранить въ неприкосновенности ея литературу и языкъ, благопріятствовали развитію Г. и литературы комментаріевъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ народѣ и среди многихъ инородческихъ племенъ, которыя восприняли эллинизмъ, греч. языкъ подвергался всевозможнымъ искаженіямъ. Въ Александріи же было сосредоточено изученіе эллинскихъ классиковъ, и прежде всего Гомера, языкъ котораго становился уже малопонятнымъ. Зенодотъ, Аристофанъ, Аристархъ возстановляли правильный гомеровскій текстъ и изучали его грамматику, придерживаясь принципа аналогій. Противъ этого принципа возстала школа противника Аристарха Кратеса, которая доказывала, что возстановлять грамматическія формы путемъ аналогіи неправильно, ибо въ языкѣ много исключеній. Этотъ споръ, принявшій характеръ ожесточенной партійной борьбы, былъ очень полезенъ для науки, заставивъ самымъ внимательнымъ образомъ вникнуть въ строй языка. Ученикъ Аристарха Діонисій Θракійскій составилъ уже руководство, которое названо „грамматикой“ (отъ греч. γράμμα, письменность), и въ 25 параграфахъ развиваетъ ученіе о Г. Оно содержитъ этимологію (фонетику, раздѣленіе на части рѣчи, глаголъ, имя) и представляетъ основаніе для дальнѣйшаго развитія, которое Г. получила въ Греціи и Римѣ. Діонисію не хватало общаго плана и схематичности. Аполлоній Дисколъ восполнилъ эти недостатки въ своемъ „Синтаксисѣ“ и, вообще, былъ основателемъ схематической этимологіи и синтаксиса въ греческой литературѣ. Въ Римѣ Г.

получила дальнѣйшее развитіе послѣ 189 г. до Р. Х. Варронъ, Элій и Квинтилліанъ разрабатывали ее въ зависимости отъ александрійскихъ школъ. Подъ вліяніемъ греческой Г. возникли восточныя: сначала *сирійская* (Іосифъ Хузистанскій VI в., Ананъ Ишо VII в., Іаковъ Эдесскій VII—VIII в. и др.) (*Merks*, „Historia artis grammaticalis apud Syros", 1889; *K. Duval*, „La littérature Syriaque", 1907); потомъ *арабская* (*Flügel*, „Die grammatischen Schulen der Araber", 1862). Изученіе грамматикъ народныхъ европейскихъ языковъ началось со временъ гуманизма, когда литература обратилась къ народнымъ нарѣчіямъ. А у славянъ православныхъ первые грамматическіе труды возникли подъ вліяніемъ Византіи (ср. *В. Ягичъ*, „Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ" въ „Изслѣдованіяхъ по русскому языку", т. I и *С. Буличъ*, „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи до 1825 г.", 1904). Въ концѣ XVIII в. возникаетъ сравнительная Г. индо-европейскихъ языковъ, которая съ начала XIX в. въ трудахъ Боппа принимаетъ вполнѣ научное направленіе, создавъ нѣсколько школъ въ сравнительномъ языкознаніи. Сравнительный методъ настолько утвердился въ Г., что начинаетъ входить съ большой пользой для дѣла уже въ школьные учебники. Другой методъ, который также далъ научный характеръ грамматикѣ,—историческій. И онъ возникъ въ XIX в. (*Я. Гриммъ* въ „Исторической грамматикѣ нѣмецкаго языка", у насъ Буслаевъ). Лишь въ самое послѣднее время на научную почву стала *философская* или *психологическая Г.*, которая въ старыхъ трудахъ Вильгельма Гумбольдта, Штейнталя и мн. др. слишкомъ часто вдавалась въ метафизику (таково было, напр., ученіе о формѣ и матеріи въ словѣ). Этимъ научнымъ своимъ направл. она обязана Вундту, Дельбрюку, Ванъ-Гиннекену и др. *А. Погодинъ.*

Грамматитъ, тотъ же *тремолитъ* (*см.*).

Граммикеле (Grammichele), г. въ Сициліи; 15.075 жит.

Граммонъ (Grammont, Geeraardsbergen), гор. въ бельг. пров. Вост. Фландрія, на р. Дендеръ, 12.947 жит.

Граммофонъ, см. *фонографъ*.

Граммъ, *см.* XII, 646, II б).

Граммъ (Gramme), Зенобъ Теофиль, знаменитый бельг. электротехникъ, род. въ 1826 г., поступилъ работникомъ на фабрику „Alliance" въ Парижѣ и здѣсь, а также въ мастерскихъ Румкорфа изучалъ свойства электрическихъ токовъ и въ 1870 г. устроилъ свое знаменитое „кольцо", получившее его имя и давшее громадный толчекъ развитію электротехники и примѣненію электрической энергіи къ разнообразнымъ нуждамъ промышленности. Ум. въ 1901 г.

Грамонъ (Gramont), Аженоръ, герцогъ, министръ Наполеона III, род. въ 1819 г.; послѣ 1848 г. сблизился съ принцемъ Луи Наполеономъ, который, сдѣлавшись императоромъ, сталъ возлагать на него самыя отвѣтственныя диплом. порученія. Въ 1857 г. онъ сдѣлался посломъ въ Римѣ, въ 1861 г.—въ Вѣнѣ, а въ маѣ 1870 г. былъ призванъ на постъ министра иностр. дѣлъ въ кабинетъ Оливье и немедленно принялся осуществлять „реваншъ за Садову". Какъ извѣстно, это привело къ франко-прусской войнѣ и къ крушенію второй имперіи. Г. безуспѣшно пытался потомъ оправдать свое поведеніе въ памфл. „La Fr.et la Prusse av. la guerre" (1872). Ум. въ 1880 г.

Грамота (отъ греческаго „γράμματα"—письмо, письмена, письменный документъ). Терминъ этотъ переходитъ къ намъ изъ Греціи при первыхъ же нашихъ сношеніяхъ съ нею и до XV в. обозначаетъ всякаго рода письменные документы, законодательные, административные, процессуальные и частноправовые (по имуществамъ и обязательствамъ). Позднѣе на ряду съ терминомъ Г. для частныхъ актовъ появляются термины „запись", „крѣпость", „память", для правительственныхъ же „память", „выпись", въ XVIII в. „указъ". Въ настоящее время называются Г-ми акты, данные отъ государя на чинъ, титулъ, нѣкот. званія, орденъ, по случаю юбилея лица или учрежденія и т. д. Первой Г-той на Руси является упоминаемая въ Лавр. лѣт. подъ 6504 г. Г. Владиміра церкви Св. Богородицы на десятину, первая же подлинная дошедшая до насъ Г. дана въ 1128—1132 г. г.

Мстиславомъ Владиміровичемъ Новгородскому Юрьеву монастырю. До половины XIV в. въ ходу пергаментныя Г., позже онѣ появляются только въ видѣ исключенія, а вообще пишутся на тряпичной бумагѣ, начиная съ новгородской купчей 1359 г. Писались иногда Г. и на доскахъ, лубѣ и берестѣ. Помѣты княжескаго титула и имени встрѣчаются на правит. актахъ съ XV в. Въ частныхъ актахъ (древнѣйшихъ) и въ правит. (всегда) находимъ и печати: свинцовыя, серебряныя, но чаще всего восковыя (красныя на Г. съ элементомъ привилегіи, черныя на Г. съ элементомъ обязанности, иногда желтыя). Чаще всего онѣ прикладываются къ самому акту (иногда въ XVII в. на оборотѣ), иногда же (гл. обр., у жалов. Г.) висятъ на шелковыхъ шнуркахъ. Хронологическія даты отъ Р. Хр. встрѣчаются въ ганзейскихъ актахъ съ XIII в. и Литовск. Руси. Въ Московской Руси хронологическія даты входятъ въ употребленіе съ XIV в. и при томъ лишь отъ сотв. міра, а общимъ правиломъ дѣлаются лишь съ XVI в. Счетъ лѣтъ отъ Р. Хр. начинается съ Петра В. Изъ изданій Г. приходится прежде всего отмѣтить изданія: Академіи Наукъ. Археографич. Экспедиціи и Комиссій С.-Петербургской, Кіевской и Виленской, „Чтеній Моск. Общ. Ист. и Др.“, разныхъ архивныхъ комиссій (особенно Тверской и Вятской) и другихъ ученыхъ обществъ, изъ изданій же отдѣльныхъ лицъ—Дьякопова, Лихачева, Шумакова, Ѳедотова-Чеховскаго, Юшкова и т. д. *С. Шумаковъ.*

Грамотинъ, Иванъ Тарасьевичъ, моск. дипломатъ въ смутн. время. Изворотливый, хитрый, и корыстолюбивый, онъ послѣдов. служилъ Лжедимитрію, Шуйскому, Тушинск. самозванцу и Сигизмунду; въ Варшавѣ онъ, повидимому, сблизился съ Филаретомъ. По возвращеніи въ Москву Г. является въ прежнемъ званіи думн. дьяка, но въ 1626 г. онъ былъ сосланъ въ Алатырь и лишь въ 1634 г. возвращенъ въ Москву; затѣмъ Г. до смерти (1638) участвовалъ во всѣхъ переговор. Москвы съ иностр. державами.

Грамотность, см. *народн. образованіе.*

Грампіенскія горы, см. *Великобританія,* VIII, 182.

Гранада, мавританское королевство, выдѣлившееся въ 1238 г. изъ состава Кордовскаго калифата въ южн. Испаніи, охватывавшее теперешнія провинціи Верхн. Андалузіи—Альмерію, Гранаду и Малагу. Плодородная, густо населенная (до 3.000.000 жит.) трудолюбивыми маврами, Г. въ XIII—XV в. в. представляла цвѣтущее государство съ множествомъ городовъ (32 большихъ и 97 малыхъ), значительной промышленностью (шелковыя и металлич. издѣлія, фрукты, оливковое масло и пр.) и торговлей (гл. обр., съ Италіей) и высокой мавританской культурой, центромъ котор. являлся городъ Г. Уже съ 1246 г. короли Г. вынуждены были платить дань Кастиліи; отказъ Мулай Абулъ Гашима платить дань (1476 г.) и взятіе имъ андалузскаго города (1483) вызвали упорную войну съ Фердинандомъ и Изабеллой кастильскими, а въ 1492 г. послѣдній мавританскій король Боабдилъ (*см.*) былъ разбитъ, и испанскія войска заняли Г. Страна была опустошена, культура уничтожена: такъ, въ 1498 г. на площади Г. по приказанію кардинала Хименеса было сожжено около 80.000 найденныхъ въ городѣ арабскихъ книгъ. Изгнаніе мавровъ надолго превратило богатѣйшую часть Испаніи въ страну монаховъ и нищихъ. Ср. *M. J. Müller,* „Die letzten Zeiten von G.“ (1863).

Гранада, испанск. пров., занимающая центр. часть Верхн. Андалузіи и на югѣ, между пров. Альмерія и Малага, выходящая къ Средиземному морю. Площ. 12.529 кв. км., 503.898 жит. (1910). Сплошь гористая, Г.—одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей Европы, въ особенности на юго-зап., гдѣ проходитъ цѣпь снѣговыхъ вершинъ Сьерра Морены. Мягкій климатъ, хорошее орошеніе притоками Гвадалквивира и плодородная почва превратили долины Г. въ цвѣтущій садъ, гдѣ свободно культивируются пальмы, сахарн. тростникъ, апельсинныя и лимонныя деревья, виноградъ и пр. Главн. занятіе жителей — земледѣліе и садоводство, промышленность и торговля незначительны. Главн. городъ—Гранада.

Гранада (Granada), бывшая столица мавританск. государства Г., нѣкогда имѣвшая до 400 тыс. жит., арабскіе

дворцы, мечети, библіотеки, множество учебн. заведеній и болѣе 1000 башенъ на окружавшей городъ стѣнѣ; теперь главн. гор. одноим. испанск. пров., при впаденіи р. Дарро въ Хениль (Genil), съ 77.425 жит. (1910). Г. расположена въ живописнѣйшей холмистой мѣстности, на выс. 669 м., въ виду снѣговыхъ вершинъ Сіерра Невады, среди садовъ и виноградниковъ цвѣтущей долины—La vega de Granada. Городъ въ общемъ сохранилъ мавританскій характеръ скученныхъ домовъ почти безъ оконъ на улицу, съ внутренними двориками и фонтанами, и узкихъ извилистыхъ улицъ. Главн. достопримѣчательности Г.—мавританскіе дворцы Альгамбры (*см.* II, 339—343) и лѣтней резиденціи—Хенералифе (Generalife), готич. каѳедральн. соборъ (1529—1639) съ гробницами испанск. королей, основ. въ 1531 г. университетъ (около 1000 студ.).

Граната, см. *снаряды.*

Гранатовое дерево, Punica Granatum, видъ изъ сем. гранатовыхъ, небольшое деревцо (до 4 м. высоты) или кустарникъ съ богатымъ вѣтвленіемъ; листья 5—7 см. длиной сидятъ на концахъ вѣтвей; цвѣты крупные, шарлаховокрасные; завязь нижняя съ гнѣздами, расположенными въ 2—3 этажа, со множествомъ мелкихъ сѣмяпочекъ, чашечка и вѣнчикъ съ 5—8 надрѣзами; тычинки многочисленныя. Плодъ похожъ на крупное яблоко съ кожистой красной или зеленоватой, затѣмъ бурѣющей оболочкой, съ розово-красными сѣменами и стекловиднымъ сладкимъ прохладительнымъ сокомъ. Г. д. въ дикомъ состояніи встрѣчается въ Персіи, Афганистанѣ и Белуджистанѣ, но уже съ незапамятныхъ временъ культивируется въ средиземно-морскихъ странахъ; легко разводится черенками и отводками. Въ настоящее время Г. д. имѣетъ чрезвычайно обширное распространеніе въ субтропическихъ и тропическихъ странахъ, а въ Капландѣ, Абиссиніи, Чили и Греціи успѣло одичать и нерѣдко образуетъ густыя заросли. Небольшіе морозы оно переноситъ довольно хорошо и выдерживаетъ зиму въ Брюсселѣ и на югѣ Англіи. Гранатовая кора (особенно корней) считается однимъ изъ вѣрнѣйшихъ глистогонныхъ средствъ, кожура богата дубильными веществами, а плотная древесина идетъ на подѣлки. *М. Н.*

Гранатъ (Grenat soluble), нынѣ устарѣвшая искусств. краска — каліевая или амміачная соль кресилпурпурной кислоты; прежде часто примѣнялась для окраш. шерсти, шелка и бумаги въ коричневый цвѣтъ.

Гранаты представляютъ группу минераловъ, принадлежащую къ алюмосиликатамъ, имѣющимъ общую формулу $R''_3R'''_2Si_3O_{12}$, гдѣ двухатомнымъ металломъ R является Ca, Mg, Fe, Mn, а трехатомнымъ R—Al, Fe, Cr (рѣже участвуютъ Y, Ce, Ti). Г. можно разсматривать, какъ тѣла, состоящія изъ алюмосиликата и ортосиликата, напр., апортита — $CaAl_2Si_2O_8$ и кальціеваго оливина—Ca_2SiO_4, при чемъ реакція $CaAl_2Si_2O_8 + Ca_2SiO_4 = Ca_3Al_2Si_3O_{12}$ обратима въ зависимости отъ условій (въ направленіи слѣва направо она идетъ при пониженіи температуры и повышеніи давленія, въ противоположномъ направленіи — при повышеніи температуры и атмосферномъ давленіи). Указанные выше двухатомные и трехатомные металлы замѣщаютъ другъ друга; Г. представляютъ собою изоморфную смѣсь, при чемъ обычно въ ихъ составѣ господствуютъ какіе-либо опредѣленные изъ ранѣе названныхъ металловъ. Получается большое разнообразіе представителей группы Г., изъ которыхъ наиболѣе важны слѣдующіе. 1) *Глиноземистые* Г.: $Ca_3Al_2Si_3O_{12}$—гроссуляръ, гессонитъ, $Mg_3Al_2Si_3O_{12}$—пиропъ, $Fe_3Al_2Si_3O_{12}$—альмандинъ, $Mn_3Al_2Si_3O_{12}$—спессартинъ. 2) *Желѣзист.* Г.: $Ca_3Fe_2Si_3O_{12}$—андрадитъ, обыкновенный Г., вениса, меланитъ. 3) *Хромист.* Г.: $Ca_3Cr_2Si_3O_{12}$—уваровитъ. Соотвѣтственно измѣненію

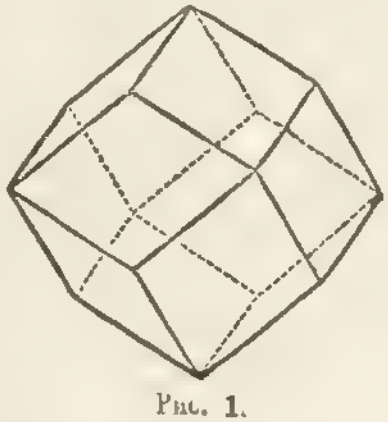


Рис. 1.

въ своемъ составѣ Г. рѣзко отличаются по своему цвѣту: гроссуляръ—желтовато-бѣлый или свѣтлозеленый, пиропъ—темнокрасный, альмандинъ—буровато-красный, меланитъ—черный, уваровитъ—изумруднозеленый. Болѣе красивыя разности Г. употребляются въ качествѣ драгоцѣнныхъ камней II порядка. Г. кристаллизуются въ правильной системѣ и встрѣчаются въ земной корѣ въ видѣ прекрасно образованныхъ кристалловъ, достигающихъ иногда весьма крупныхъ размѣровъ, преимущественно въ формѣ (110) ромбическаго додекаэдра (гранатоэдра), рис. 1, и (211) трапецоэдра, рис. 2. Весьма интересно, что въ зависимости отъ условій образованія въ многогранникахъ роста Г. господствуетъ то одна, то другая форма. Въ большинствѣ случаевъ Г. не бываютъ оптически анизотропны; они обнаруживаютъ различныя оптическія аномаліи. Г. встрѣчаются довольно часто въ кристаллическихъ сланцахъ — гнейсѣ, слюдяномъ, хлоритовомъ, роговообманковомъ сланцѣ (преимущественно альмандинъ), рѣже въ изверженныхъ породахъ, гл. обр., кислыхъ гранитахъ, кварцевыхъ порфирахъ (преимущ.—обыкновенный гранатъ). Обыченъ Г. среди контактовыхъ минераловъ въ зернистомъ известнякѣ (преимущ. гроссуляръ). Встрѣчается Г. также въ рудныхъ мѣсторожденіяхъ. Въ Россіи извѣстны в. многочисленныя мѣсторожденія Г. на Уралѣ: въ различныхъ пунктахъ встрѣчаются разнообразные представители группы Г., нерѣдко въ превосходно выраженныхъ образцахъ, на побережьѣ Бѣлаго моря, въ Забайкальѣ, Финляндіи. Подъ вліяніемъ процесса вывѣтриванія Г. сравнительно легко измѣняются на земной поверхности и превращаются въ другіе минералы, по преимуществу въ глины, отчасти—эпидоты, хлориты. Извѣстны многочисленныя псевдоморфозы различн. минераловъ по Г. *Я. Самойловъ.*

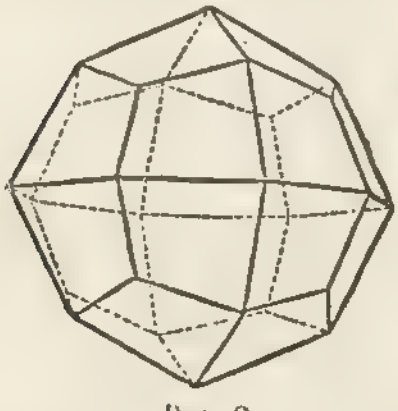


Рис. 2.

Гранвелла (Granvella), Антуанъ Перрено де, кардиналъ, министръ Карла V и Филиппа II испанскаго, род. въ 1517 г., обучался въ Падуѣ юрид. наукамъ, уже 23 лѣтъ былъ назначенъ епископомъ, участвовалъ въ Вормсскомъ и Регенсбургскомъ сеймахъ и въ Тридентскомъ соборѣ, исполнялъ въ 1545—50 г. подъ руководствомъ своего отца Николая де Г., министра Карла V, разл. дипломат. порученія, при чемъ близко познакомился съ глав. теченіями европ. политики. Въ 1550 г. онъ смѣнилъ отца въ должности министра, кот. сохранилъ и при Филиппѣ II. Подъ руководящимъ его вліяніемъ находилась, однако, только испанская политика въ Нидерландахъ. Г. велъ переговоры съ Франціей, предшествовавшіе Като-Камбрезійскому миру 1559 г.; назначенный въ томъ же году министромъ Нидерландовъ при регентшѣ Маргаритѣ Пармской, онъ въ награду за свою репрессивную политику былъ возведенъ сначала въ архіеп., а затѣмъ въ кардиналы (1561), но въ 1564 г. долженъ былъ оставить свой постъ изъ-за несогласій съ Маргаритой Пармской и крайней ненависти населенія. Г. исполнялъ еще потомъ много дипломат. порученій Филиппа. Ум. въ 1586 г.

Гранвилль (Granville), Джорджъ Ливсонъ-Гоуэръ, графъ, англ. госуд. дѣятель, род. въ 1815 г., вступилъ въ палату общинъ въ 1836 г., былъ послѣдоват. либераломъ и фритредеромъ, въ 1846 г. перешелъ въ верхн. палату, 5 лѣтъ спустя занялъ въ кабинетѣ Росселя постъ министра иностранныхъ дѣлъ и затѣмъ входилъ въ составъ всѣхъ либер. министерствъ, завѣдывалъ въ 1870—74 и 1880—85 гг. иностр. дѣлами въ духѣ миролюбія и уступчивости, отличавшихъ внѣшнюю политику Гладстона. Въ 1875 г., послѣ ухода Гладстона, Г. взялъ на себя временно лидерство либер. партіей; въ палатѣ лордовъ онъ былъ вождемъ либ. оппозиціи до 1880 г. Въ вопросѣ о гомрулѣ для Ирландіи (1886) Г. сталъ на сторону Гладстона. Покинувъ въ 1886 г. полит. поприще, Г. ум. въ 1891 г.

Гранвиль (Granville), портовый городъ во Франціи, въ департ. Ламаншъ, при устьѣ р. Боскъ. Жителей 11.940.

Гранвиль (Granville), псевд. знам. франц. каррикатуриста *Жерара* (*см.*).

Грандъ, Сара, см. *англійская литература*, III, 56.

Грандъ-Рапидсъ (Grand-Rapids), гор. въ сѣв.-амер. шт. Мичиганъ, на судоходн. отъ него до оз. Мичиганъ (65 км.) р. Грандъ-Риверъ, 112.571 жит.

Гранды (исп.), съ XIII в. названіе высшаго дворянства въ кастильскомъ королевствѣ. Званіе Г. было наслѣдственно. Получая лены отъ короля, Г. обязаны были выставлять ему опредѣленное количество вооруженныхъ людей и сами помогать ему въ его войнахъ; они были свободны отъ налоговъ, являлись кандидатами на всѣ высшія государств. должности, не могли быть привлекаемы безъ особаго повелѣнія короля ни къ какому суду, могли переходить на службу къ иностр. государямъ, даже если тѣ вели войну съ Кастиліей, имѣли право оставаться въ присутствіи короля съ покрытою головой и т. д. При Фердинандѣ Католикѣ и Изабеллѣ Г. были лишены большей части своихъ привилегій, а Карлъ V привелъ ихъ въ положеніе придворной знати, зависимой всецѣло отъ короны. При Жозефѣ Бонапартѣ званіе Г. было уничтожено, но послѣ реставраціи возстановлено. Вторично оно было упразднено во время республики и возстановлено королемъ Альфонсомъ. Теперь Г. входятъ по собств. праву въ исп. сенатъ, если обладаютъ год. доходомъ въ 60 тыс. песетъ.

Граненіе (*гранильное дѣло*), шлифовка драгоцѣнныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней, для сообщенія имъ красиваго вида, блеска и игры. При шлифовкѣ камни покрываются или округленными поверхностями или плоскими гранями (фасетками). Грани должны такъ располагаться другъ относительно друга, чтобы, отражая и преломляя лучи свѣта, онѣ сообщали камню наибольшій блескъ и игру радужными цвѣтами. Прозрачные камни шлифуются обыкновенно плоскими гранями; непрозрачнымъ камнямъ придаютъ при шлифовкѣ округлую форму. Для шлифовки камни прикрѣпляются при посредствѣ особой мастики (по-нѣмецки Kitt), составленной изъ шеллака и толченнаго кирпича, къ палочкѣ (кититокъ), которую гранильщикъ держитъ въ рукѣ и прижимаетъ къ вращающемуся свинцовому кружку, смазанному наждаковой мазью (наждакъ съ водою). Кружекъ сидитъ на оси гранильнаго станка, представляющаго столъ, черезъ верхнюю доску котораго проходитъ вертикальная ось, и на ней сверху помѣщается свинцовый кружекъ, а подъ столомъ маховое колесо. Очень твердые камни шлифуются мастикой, составленной изъ алмазной пыли, смѣшанной съ деревяннымъ масломъ. Въ послѣднее время для шлифовки стали примѣнять искусственный наждакъ—корундъ, обладающій большой твердостью. Отшлифованную грань подвергаютъ полировкѣ при помощи трепела или крокуса. *А. Г.*

Граникъ, древн. названіе рѣки въ Малой Азіи, берущей начало на сѣв. склонѣ Иды и впадающей въ Мраморное море; на ея берегахъ Александръ Македонскій разбилъ перс. въ 334 г. до Р. Х.

Гранитъ, одно изъ семействъ вулканическихъ глубинныхъ горныхъ породъ (см. *горныя породы*, XV, 610/11). Г-ы состоятъ изъ кварца, щелочнаго полевого шпата, плагіоклаза и изъ одного или нѣсколькихъ темныхъ минераловъ — біотита, амфибола, пироксена, иногда также изъ мусковита. Въ качествѣ несущественныхъ частей наиболѣе обычны: гранатъ, магнетитъ, апатитъ, цирконъ, титанитъ, турмалинъ, кордіеритъ и др. Изъ полевыхъ шпатовъ въ Г. присутствуютъ ортоклазъ съ микроклиномъ, затѣмъ альбитъ и кислый плагіоклазъ, чаще всего олигоклазъ. Количество первыхъ двухъ меньше количества послѣднихъ. Изъ амфиболовъ наичаще присутствуетъ обыкновенная роговая обманка, изъ пироксеновъ—авгитъ. Лейкократовые минералы въ составѣ Г. сильно преобладаютъ надъ меланократовыми. Въ среднемъ біотитовый Г. слагается изъ 60% полев. шпатовъ, 30% кварца, 8% біотита и 2% второстепенныхъ минераловъ. Составъ полевыхъ шпатовъ, слагающихъ Г., въ среднемъ таковъ: 41,5% ортоклаза съ микроклі-

номъ и 58,5% альбита съ плагіоклазомъ. По химическому характеру гранитовыя магмы дѣлятся на двѣ группы: магмы, въ которыхъ щелочи сильно преобладаютъ надъ кальціемъ, и магмы, въ которыхъ щелочи и кальцій находятся въ большемъ равновѣсіи. Эта разница минералогически сказывается въ томъ, что изъ магмъ первой группы образуются Г. съ ортоклазомъ, микроклиномъ и альбитомъ, при отсутствіи плагіоклаза. Изъ темныхъ минераловъ въ такихъ Г. часто выдѣляются натровые амфиболы (рибекитъ, арфведсонитъ) и пироксены (эгиринъ). Изъ магмъ же второй категоріи получаются Г., въ которыхъ вмѣстѣ съ каліевыми полевыми шпатами присутствуютъ и плагіоклазы. На этомъ основаніи различаютъ Г. *щелочные* и Г. *щелочно-кальціевые* или *нормальные*. Первые встрѣчаются сравнительно рѣдко, а вторые имѣютъ весьма широкое распространеніе. Дальнѣйшее дѣленіе среди той и другой группы проводится на основаніи меланократоваго минерала. *Нормальные* Г. подраздѣляютъ на: 1) *Біотитовый* Г. (или *гранититъ*); изъ темныхъ минераловъ присутствуетъ только біотитъ. Самый распространенный членъ гранитовой семьи. 2) *Двуслюдистый* Г.—съ біотитомъ и мусковитомъ. Его распространенность значительно меньшая. 3) *Мусковитовый* Г. съ однимъ мусковитомъ. Встрѣчается рѣдко и обыкновенно въ видѣ небольшихъ жилъ. 4) *Роговообманково-біотитовый* Г. Къ этой группѣ относится распространенная въ Финляндіи и на югѣ Россіи разность *раппакиви*. Онъ состоитъ изъ крупныхъ порфировидно-выдѣлившихся зеренъ красноватаго микроклина, окруженнаго оболочкой зеленоватаго олигоклаза; промежутки между этими выдѣленіями выполнены кварцемъ, тѣни же—микроклиномъ съ олигоклазомъ, слюдой и роговой обманкой. 5) *Роговообманковый* Г. рѣдокъ. 6) *Пироксеново-біотитовый* Г. и 7) *пироксеновый* Г. также мало распространены. Среди *щелочныхъ* Г. извѣстны аналогичные же члены: *біотитовый, эгириновый, рибекитовый* Г. и др. Въ Евр. Россіи Г. пользуются большимъ развитіемъ на сѣв.-западѣ—въ Финляндіи, въ Олонецкой и Архангельской губ.; на югѣ—по побережью Азовскаго моря и въ губ. Херсонской, Полтавской, Кіевской и Волынской; на востокѣ—на Уралѣ. Въ Сибири Г. широко развиты въ Забайкальѣ, въ Саянахъ на Алтаѣ.

Форма залеганія Г.—преимущественно штоки значительной величины, рѣже жилы. Горныя породы, соприкасающіяся съ Г., въ контактахъ претерпѣваютъ значительныя измѣненія. Известняки переходятъ въ мраморы. Въ мергелистыхъ известнякахъ возникаетъ рядъ т. н. *контактныхъ минераловъ*—гранаты, везувіанъ, эпидотъ. Особенно сильныя измѣненія претерпѣваютъ въ контактѣ съ Г. глинистые сланцы, часто превращающіеся въ гнейсовидные и слюдяные сланцы. Пневматолитическіе процессы нерѣдко производятъ въ Г. глубокія измѣненія, въ нихъ появляются новые минералы—турмалинъ, лепидолитъ и др., составныя части Г. преобразуются. Подъ вліяніемъ атмосферныхъ агентовъ Г. разрушается,—его полевые шпаты и слюда переходятъ въ каолинъ. Неизмѣненнымъ остается лишь кварцъ.

Возрастъ Г. различенъ. Наиболѣе обычны Г. архейскаго возраста (примѣры: Финляндія, Канада), встрѣчаются альгонскіе (Финляндія), древнепалеозойскіе (Баварія, Шварцвальдъ); Г. мезозойскіе рѣдки (Карпаты, Пиринеи), исключительно рѣдки Г. кайнозойскіе (Анды Ю. Америки). Для характеристики химическаго состава Г. приводимъ нѣсколько анализовъ.

	I.	II.	III.	IV.	V.
SiO_2 (кремнезем)	73,43	68,23	72,93	71,23	77,61
TiO_2 (ок. титана)	—	0,20	0,50	—	—
Al_2O_3 (глиноземъ)	13,87	16,42	13,87	14,59	11,94
Fe_2O_3 (ок. желѣза)	1,94	2,67	1,94	1,98	0,55
FeO (закись жел.)	0,79	2,06	0,79	0,65	0,87
MnO (ок. марганц.)	—	—	0,14	—	—
MgO (ок. магнія)	0,51	0,35	0,51	0,16	сл.
CaO (ок. кальція)	0,74	1,25	0,74	1,20	0,31
Na_2O (ок. натрія)	3,69	3,62	3,68	3,85	3,80
K_2O (окись калія)	3,74	3,34	3,74	6,49	84,9
H_2O (вода)	1,18	0,86	1,18	0,47	0,23

I. Біотитовый Г. съ р. Днѣстра. II. Біотитовый Г. съ р. Садона на Кавказѣ. III. Раппакиви Швеціи. IV.

Авгитовый Г. изъ Средней Азіи. V. Рибекитовый Г. изъ Массачусетса.

А. Нечаевъ.

Граница, мѣст. бендинск. у., Петрок. губ., при одноименн. станц. варш.-вѣнск. ж. д. и ивангородо-домбровск. участ. привисл. ж. д., 1.270 ж., пограничн. пунктъ съ Австріей, первоклассн. таможня.

Гранка, см. *книгопечатаніе.*

Гранкомбъ (Grand'Combe), гор. во Франціи, Гардскаго деп. Жителей 11.292.

Грановитая палата, см. *Москва.*

Грановскій, Тимофей Николаевичъ, историкъ, род. въ зажиточной помѣщичьей семьѣ 9 марта 1813 г. въ г. Орлѣ, гдѣ служилъ его отецъ; въ дѣтствѣ получилъ обычное въ то время домашнее образованіе подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ, довольно несистематическое, но давшее ему знаніе иностранныхъ языковъ; въ 1831 г. поселился въ Петербургѣ, гдѣ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ службы въ министерствѣ ин. дѣлъ самостоятельно подготовился къ университету и поступилъ на юридическій факультетъ; въ университетскіе годы сильно бѣдствовалъ; сотрудничалъ для заработка въ „Библіотекѣ для Чтенія“, гдѣ помѣстилъ, между прочимъ, историческую работу: „Судьбы еврейскаго народа отъ паденія Маккавеевъ по нынѣшнее время“ (1835 г.). По окончаніи университета (1835 г.) и нѣсколькихъ мѣсяцевъ службы въ морскомъ министерствѣ Г. отправленъ былъ въ заграничную командировку для приготовленія къ каѳедрѣ по всемірной исторіи. Большую часть командировки (1837—39 г.) онъ пробылъ въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ Ранке, Савиньи, Риттера и др. Въ Берлинѣ онъ сблизился съ Н. В. Станкевичемъ, съ которымъ былъ знакомъ уже раньше и который имѣлъ на него большое вліяніе. Съ 1839 г. до конца жизни Г. былъ профессоромъ всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ; кромѣ того, онъ три раза (въ 1843—44, 1845—46 и 1851 г.г.) читалъ публичные курсы: по исторіи среднихъ вѣковъ, сравнительную исторію Англіи и Франціи, четыре характеристики: Тимуръ, Александръ Великій, Людовикъ IX, Бэконъ. Въ 1845 г. вышла его магистерская диссертація: „Волинъ, Іомсбургъ и Винета“, въ 1849 г. докторская: „Аббатъ Сугерій“. Писалъ (если не считать времени студенчества) Г. очень мало; неоконченная біографія Нибура (1850); „Чтенія Нибура о древней исторіи“ (1853—56); „Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ“ (1851); „О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ“ (1855); переводъ съ очень цѣнными примѣчаніями Г. статьи Эдварса „О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ“; затѣмъ значительное число рецензій и статей по поводу вышедшихъ русскихъ и иностранныхъ книгъ по всемірной исторіи — вотъ и все написанное Г. для печати. Къ этому нужно прибавить актовую рѣчь Г. (1852) „О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи“ и названныя выше 4 характеристики, напечатанныя самимъ Г-мъ, небольшую лекцію „Объ Океаніи и ея жителяхъ“, записанную однимъ изъ слушателей и просмотрѣнную самимъ Г., но напечатанную только послѣ его смерти. Незадолго до смерти онъ началъ работать надъ учебникомъ всеобщей исторіи, но закончить его не успѣлъ. Работы Г. свидѣтельствуютъ о широтѣ историческихъ интересовъ автора и вмѣстѣ съ тѣмъ о разносторонности и глубинѣ его знаній; и то, и другое онъ обнаруживаетъ не только въ своихъ самостоятельныхъ работахъ, но и въ отзывахъ о вышедшихъ книгахъ. Тѣмъ не менѣе, значеніе Г. не въ его печатныхъ работахъ, а въ его лекціяхъ, университетскихъ и публичныхъ. По своимъ личнымъ связямъ, Г. принадлежалъ къ кружку, центромъ котораго былъ Н. В. Станкевичъ (*см.*) и къ которому принадлежали Бѣлинскій, Бакунинъ, В. Боткинъ, Катковъ и др., а также къ кружку Герцена и Огарева; на каѳедрѣ, въ жизни, въ печати Г. былъ выразителемъ стремленій этихъ кружковъ. Чисто внѣшнихъ данныхъ, создающихъ великихъ ораторовъ, у Г. не было; его рѣчь не отличалась плавностью, онъ слегка пришептывалъ, голосъ его былъ тихъ; но эти дефекты искупались богатствомъ содержанія и высокой художественностью формы. Студенты его боготворили, что же касается его публичныхъ лекцій, то о нихъ Герценъ говоритъ: „Лекціи Г.

Т. Н. Грановскій (1813—1855).

Съ портрета, писаннаго П. З. Захаровымъ (1816—1852).

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°°.

имѣютъ историческое значеніе. Г. сдѣлалъ изъ аудиторіи гостиную, мѣсто свиданій, встрѣчи beau mond'a. Для этого онъ не нарядилъ исторіи въ кружева и блонды, совсѣмъ напротивъ, его рѣчь была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смѣлости и поэзіи, которыя мощно потрясали слушателей, будили ихъ. Смѣлость его сходила ему съ рукъ не отъ уступокъ, а отъ кротости выраженій, которая ему была такъ естественна. Излагая событія, художественно группируя ихъ, онъ говорилъ ими"... „А вѣдь Г. не былъ ни поэтъ, какъ Бѣлинскій, ни діалектикъ, какъ Бакунинъ. Его сила была не въ рѣзкой полемикѣ, не въ смѣломъ отрицаніи, а именно въ положительномъ нравственномъ вліяніи, безусловномъ довѣріи, которое онъ вселялъ, въ художественности его натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ, глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка въ Россіи. Не только слова его дѣйствовали, но и его молчаніе; мысль его, не имѣя права высказаться, проступала такъ ярко въ чертахъ его лица, что ее трудно было не прочесть, особенно въ той странѣ, гдѣ узкое самовластіе научило догадываться и понимать затаенное слово". Историческое міросозерцаніе Г. выработалось отчасти подъ вліяніемъ французскихъ историковъ О. Тьерри, Мишле, Гизо, но въ гораздо большей степени подъ вліяніемъ философіи Гегеля и нѣмецкой исторической школы Нибура, Савиньи, Ранке. Въ особенности въ первый періодъ его дѣятельности его зависимость отъ Гегеля и отъ названныхъ историковъ была чрезвычайно велика. Его интересовало развитіе политическихъ формъ и учрежденій гораздо болѣе, чѣмъ культуры. Онъ осуждалъ теорію прогресса XVIII в., для которой человѣкъ являлся простымъ матеріаломъ, получающимъ свою форму извнѣ подъ вліяніемъ климата и природы вообще, и противупоставлялъ ей „признаніе индивидуальныхъ особенностей народнаго характера, источникъ которыхъ—живая, по внутреннему закону развивающаяся сила"; эта сила есть „народный духъ, который отражается во всемъ и удерживаетъ общее направленіе"; развитіе народнаго духа и составляетъ истинное содержаніе исторіи.

Изучая исторію народа въ его цѣломъ, Г. не считалъ возможнымъ игнорировать самостоятельную роль отдѣльной человѣческой личности. Отрицаніе этой роли, по его мнѣнію, возможно лишь при поверхностномъ взглядѣ на исторію. „Но тотъ, говоритъ онъ, для кого она является не мертвою буквою, ...тотъ видитъ въ великихъ людяхъ избранниковъ Провидѣнія, призванныхъ на землю совершить то, что лежитъ въ потребностяхъ данной эпохи, въ вѣрованіяхъ и желаніяхъ даннаго времени, даннаго народа. Народъ есть нѣчто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны, для обнаруженія себя, претвориться въ мысль и волю одного, одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ лица. Такія лица облекаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія и желанія своихъ соотечественниковъ или современниковъ". Приводя прошлое въ тѣсную связь съ современностью, видя въ исторіи учительницу жизни, Г. не только признавалъ право историка на моральный судъ надъ историческими лицами, но считалъ его къ этому обязаннымъ. „Исторія, говоритъ Г. въ предисловіи къ „Аббату Сугерію", можетъ быть равнодушна къ орудіямъ, которыми она дѣйствуетъ, но человѣкъ не имѣетъ права на такое безстрастіе. Съ его стороны оно было бы признакомъ умственнаго или душевнаго безсилія... Приговоръ долженъ быть основанъ на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла. Онъ произносится не съ цѣлью тревожить могильный сонъ подсудимаго, а для того, чтобы укрѣпить подверженное безчисленнымъ искушеніямъ нравственное чувство живыхъ". Если въ началѣ своего профессорства Г., въ качествѣ гегельянца, былъ сторонникомъ идеалистическаго монизма, то позднѣе онъ перешелъ къ дуализму духа и матеріи, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ мистицизма. На этой почвѣ произошло временное охлажде-

*

ніе его съ Герценомъ (около 1846—47 г.), который отъ гегелевскаго идеализма перешелъ къ фейербаховскому матеріализму и настаивалъ на признаніи своей точки зрѣнія единственно научной. Хотя дуализмъ Г. былъ далекъ отъ официальной религіи, но и къ этой послѣдней Г. относился съ большою терпимостью; зато въ области политической Г. до конца сохранилъ тѣ убѣжденія, съ которыми онъ выступилъ. Онъ относился отрицательно къ тогдашнему русскому государственному и общественному строю съ его крѣпостнымъ правомъ, стѣсненіями мысли и совѣсти. Преклоняясь передъ культурнымъ развитіемъ Запада, Г. былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ и послѣдовательныхъ представителей западничества 40-хъ и 50-хъ годовъ, но западничества въ духѣ либерализма, а не соціализма. На этой почвѣ выросла вражда къ Г. славянофиловъ, въ особенности праваго крыла: Шевырева и другихъ; напротивъ, К. Аксаковъ относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей. Въ эпоху крайней реакціи послѣ 1848 г., нисколько не поступаясь своими убѣжденіями, Г. сумѣлъ сохранить каѳедру, несмотря на репутацію человѣка неблагонамѣреннаго, на подозрительность, даже враждебность къ нему моск. генералъ-губ. Закревскаго (въ связи съ дѣломъ Петрашевскаго Г. былъ отданъ подъ строжайшій секретный надзоръ); это объясняется все же большею умѣренностью воззрѣній Г., чѣмъ его друзей, Герцена, Бѣлинскаго и Бакунина, чрезвычайною мягкостью его характера и глубокимъ личнымъ уваженіемъ, которое онъ умѣлъ внушать даже людямъ противныхъ убѣжденій. Тѣмъ не менѣе, вопросъ объ оставленіи имъ каѳедры нѣсколько разъ возбуждался. Съ началомъ новаго царствованія (1855) положеніе Г. окрѣпло; онъ былъ даже избранъ деканомъ историко-фил. факультета. Но въ томъ же году (4 окт. 1855 г.) Г. умеръ. Непосредственными учениками Г. были историки Соловьевъ, Кудрявцевъ, Ешевскій, юристъ Чичеринъ, экономистъ и историкъ Бабстъ и мн. др.

„Сочиненія Т. Н. Г—аго“ изданы въ 1856 г. П. Кудрявцевымъ (4-ое изд. 1900; сюда вошли и нѣкоторыя посмертныя работы, въ томъ числѣ начало названнаго выше учебника исторіи). Лучшая біографія—*А. В. Станкевичъ*, „Т. Н. Г. и его переписка“ (изд. 2-ое; т. I—біографическій очеркъ, т. II—переписка; 1897); *Ч. Вѣтринскій*, „Т. Н. Г. и его время“ (1897); *Н. Карѣевъ*, „Историческое міросозерцаніе Т. Н. Г.“ (3-е изд. 1905); *П. Н. Милюковъ*, „Университетскій курсъ Г.“ (въ сборникѣ „Изъ исторіи русской интеллигенціи“ 1902); *В. А. Мякотинъ*, „Профессоръ 40-хъ годовъ“ (въ сборникѣ статей „Изъ исторіи русскаго общества“, 2-ое изд. 1906); *П. Виноградовъ*, „Т. Н. Г.“ (въ „Сборникѣ въ пользу воскресныхъ школъ“, 1894). Кромѣ того, въ „Быломъ и Думахъ“ *Герцена*, въ „Замѣчательномъ десятилѣтіи“ *Анненкова* и т. д. Подробная библіографія у *С. Венгерова* во 2 томѣ „Источниковъ словаря русскихъ писателей“ (1910).

В. Водовозовъ.

Грановъ, мѣст. гайсинскаго уѣзда, Подол. губ., 6.850 жит., при рр. Вербичѣ и Бурлакѣ.

Грансонъ (Grandson), городъ въ швейцарск. кантонѣ Ваадъ, на Невшательскомъ озерѣ, 1771 жит. Здѣсь герцогъ Бургундіи Карлъ Смѣлый потерпѣлъ первое пораженіе отъ швейцарцевъ въ 1476 году.

Грантамъ (Grantham), гор. въ англ. графствѣ Линкольнъ, на судоходн. рѣкѣ Уитамъ (Witham), 17.593 жит.

Грантъ, Джемсъ Августъ, англ. офицеръ и путешественникъ, род. въ 1827 г., въ 1846 г. вступилъ на службу въ войска Ость-Индской компаніи, сражался съ индусами, въ 1858 г. вышелъ въ отставку; въ 1860—63 гг. сопровождалъ Спика въ его экспедиціи, доказавшей, что Нилъ вытекаетъ изъ озера Викторія; эта эксп. описана Г-омъ въ „A walk across Africa“; въ 1867—68 гг. Г. участвовалъ въ абиссинскомъ походѣ лорда Непира. Ум. въ 1892 г.

Грантъ, Улисъ Симпсонъ, 18-ый президентъ Сѣв.-Ам. Соед. Штатовъ, род. въ 1822 г., въ юности помогалъ своему отцу на фермѣ, затѣмъ учился въ Вестъ-Пойнтской воен. академіи, участвовалъ въ мексик. войнѣ. Въ 1854 г. бросилъ военную службу и

жилъ нѣсколько лѣтъ крайне скуднымъ доходомъ отъ торговыхъ дѣлъ. Когда въ 1861 г. началась междоусобная война, Г. сталъ во главѣ отряда и вскорѣ обнаружилъ блестящія стратегическія способности; путемъ цѣлаго ряда побѣдъ возвысился до положенія главнокомандующаго всей арміей конгресса; въ апр. 1865 г. Г. принудилъ генерала Ли съ арміей южанъ къ сдачѣ и тѣмъ закончилъ войну. Въ 1868 г. Г. былъ избранъ президентомъ Союза, какъ кандидатъ республиканской партіи. О его управленіи см. *Соединенные Штаты, исторія*. Несмотря на заслуги Г., недовольство республиканской партіей быстро росло въ странѣ отчасти изъ-за неурядицъ въ южныхъ штатахъ, отчасти изъ-за колоссальнаго казнокрадства въ Вашингтонѣ, въ которомъ были замѣшаны близкія къ президенту лица, пользовавшіяся для своихъ цѣлей его крайней довѣрчивостью. Удалившись въ 1877 г. отъ дѣлъ, Г. предпринялъ путешествіе въ Старый Свѣтъ, потомъ вступилъ пайщикомъ въ одно банковое дѣло и потерялъ все свое состояніе. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ жилъ исключительно пенсіей, сохраненной ему конгрессомъ, и гонораромъ за написанныя имъ для журнала „Century Magazine“ „Personal Memoirs“ (1885). Ум. въ 1885 г.

Грантъ-Алленъ, см. *Алленъ*.

Гранулеза, см. *крахмалъ*.

Гранулемы, или *грануляціонныя опухоли*, образующіяся при хроническихъ инфекціонныхъ заболѣваніяхъ (туберкулезѣ, сифилисѣ, проказѣ, сапѣ, актиномикозѣ), въ мѣстахъ нахожденія инфекціоннаго начала въ тканяхъ, скопленія молодыхъ соединительнотканныхъ (грануляціонныхъ) клѣтокъ, какъ результатъ вызваннаго инфекціей хроническаго воспаленія тканей.

Гранулированіе, превращеніе плавкихъ тѣлъ въ зернистый порошокъ. Достигается это различными способами. Можно, напр., расплавленный металлъ лить тонкой струйкой въ холодную воду, постоянно помѣшивая ее; легко плавящіеся металлы, какъ, напр., цинкъ, для измельченія выливаютъ въ ящикъ, стѣнки котораго изнутри густо покрыты мѣломъ, и, плотно закрывъ его, встряхиваютъ ящикъ, при чемъ отдѣльныя капли металла покрываются мѣловой пылью, которая и предохраняетъ ихъ отъ сливанія въ большіе куски при остываніи. Большія массы гранулируются во вращающемся барабанѣ, покрытомъ изнутри известью. Г. фосфора производится потряхиваніемъ его въ закрытой бутылкѣ, на половину наполненной теплой водой. Для Г. тугоплавкихъ тѣлъ, какъ, напр., желѣза, на расплавленную металлическую струю пускаютъ сильную струю пара высокаго напряженія или холодной воды. Точно такъ же гранулируется шлакъ, получаемый изъ доменныхъ печей, при чемъ шлакъ обращается въ порошокъ, который идетъ для удобренія.

Гранулитъ, сложная горная порода, имѣетъ ровный сланцеватый расколъ и состоитъ изъ тонкозернистой смѣси свѣтло-красноватаго, желтаго или бѣлаго полевого шпата (альбита, плагіоклаза, рѣдко ортоклаза) съ кварцевыми зернами или тонкими кварцевыми пластинками, расположенными параллельно слоистости породы. Въ эту смѣсь обыкновенно включенъ въ видѣ мелкихъ красныхъ зеренъ гранатъ; кромѣ того, въ Г. встрѣчаются турмалинъ, кіанитъ, біотитъ и т. д. Видоизмѣненіе этого Г. составляетъ *авгитовый* Г., черная, тонкозернистая, иногда даже плотная порода, которая состоитъ, главн. обр., изъ авгита, плагіоклаза, кварца, граната, біотита, магнитнаго колчедана, въ смѣси съ роговой обманкой, магнитнымъ желѣзнякомъ и нѣк. др. Г. встрѣчается обыкновенно въ архейскихъ образованіяхъ очень правильными слоями, иногда чередующимися съ различными видоизмѣненіями гнейса, и развитъ въ Финляндіи, Богеміи, Баваріи, въ Рудныхъ горахъ (саксонская Г—овая область), Вогезахъ и т. д. *М. Н.*

Грануляціи, или *грануляціонная ткань*, — молодая или зародышевая соединительная ткань, состоящая изъ молодыхъ соединительнотканныхъ клѣтокъ и мелкихъ, т. наз. капиллярныхъ кровеносныхъ сосудовъ, въ большомъ количествѣ заложенныхъ между клѣтками. Составляя нормальное и постоянное образованіе въ зародышевомъ организмѣ, грануляціонная ткань во взрос-

ломъ организмѣ появляется временно во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуется замѣщеніе какого-либо дефекта въ тканяхъ, образовавшагося подъ вліяніемъ того или другого патологическаго процесса, напр., при воспаленіи съ омертвѣніемъ ткани, при гнойникѣ и т. д. Но удобнѣе всего наблюдать образованіе грануляціонной ткани на ранѣ, заживающей вторымъ натяженіемъ, т. е. въ ранахъ, края которыхъ не могутъ быть приведены во взаимное соприкосновеніе и гдѣ, такимъ образомъ, остается открытый дефектъ ткани. На такихъ ранахъ можно видѣть, какъ поверхность ея, спустя нѣсколько дней, покрывается равномѣрнымъ слоемъ яркокрасной или розовой, слегка зернистой на видъ ткани, которая постепенно выполняетъ всю рану, а затѣмъ превращается въ рубецъ. Эта яркокрасная или розовая зернистая ткань и есть грануляціонная ткань, образовавшаяся, благодаря размноженію соединительнотканныхъ клѣтокъ въ сосѣдствѣ раны и продвиганію этихъ молодыхъ соединительнотканныхъ клѣтокъ на поверхность раны; вмѣстѣ съ клѣтками продвигаются сюда и новообразованныя вѣтки кровеносныхъ сосудовъ. Въ дальнѣйшемъ соединительнотканныя грануляціонныя клѣтки, слѣдуя нормальному ходу своего развитія, начинаютъ превращаться въ волокна, и молодая соединительная или грануляціонная ткань превращается въ развитую, волокнистую соединительную ткань, которая затѣмъ, путемъ болѣе плотнаго сдвиганія волоконъ и запустѣванія части кровеносныхъ сосудовъ, переходитъ въ бѣлую или свѣтлорозовую рубцовую ткань, или рубецъ. *Ѳ. Рейнъ.*

Гранъ, мѣра вѣса = 1/12 карата (*см.*) золота и 1/4 карата драгоц. камн.; въ вѣсѣ аптекарскомъ = 1/20 скрупула = 0,0622 грамма.

Гранъ (Gran, Esztergom), мадьярск. *Эстергомъ*, венгерск. комитатъ лѣваго берега Дуная, къ сѣв.-зап. отъ Будапешта, 1.077 кв. км., 90.536 жит. (1910). Гл. гор. *Гранъ*.

Гранъ, главн. городъ одноим. комитата, при впаденіи р. Гранъ въ Дунай, 17.881 жит. (1910), резиденція князя-примаса (архіепископа) Венгріи. Древн. городъ, съ 1000 до 1241 г. бывшій резиденціей венгерскихъ королей; съ 1543 по 1683 г. Г. находился подъ властью турокъ.

Гранъ (Gran, венгерск. Garam), лѣв. притокъ Дуная, беретъ начало въ Нижн. Татрахъ, 269 км. длины, не судоходенъ.

Гранъ-Канарія (Gran Canaria), второй по величинѣ изъ Канарскихъ о-вовъ, 1.667 кв. клм. съ 127.471 жит. (1900). Почва вулканическая, плодородная, развито земледѣліе, скотоводство, рыболовство. Значит. вывозъ кошенили. Главн. гор. *Лась-Пальмасъ*.

Гранъ Сассо д'Италія, см. *Абруццы-Молизе*, I, 60.

Гранъ-Чако (Gran Chaco), общее названіе обширной равнины въ Южн. Америкѣ, простирающейся отъ Кордильеровъ до р. Парагвай, между 20—29° южн. шир., и занимающ. около 800.000 кв. клм. Большая часть равнины покрыта степями (особ. на югѣ), болотами, тропическими зарослями (джунглями) и лѣсами (на сѣв.), изобилующ. разнообр. породами пальмъ и друг. цѣнн. деревьевъ. Населеніе состоитъ, главн. образ., изъ кочующихъ индѣйцевъ (*см.* II, 450) и отчасти изъ осѣдлыхъ колонистовъ. Г.-Ч. принадлежитъ частью къ Аргентинѣ (*см.* III, 393/4, 396), частью къ Боливіи и Парагваю.

Гранье-де-Кассаньякъ (Granier de Cassagnac), Адольфъ, франц. публицистъ, род. въ 1806 г., сотрудничалъ въ газетахъ самыхъ разнообразныхъ направленій; до 1848 г. былъ ярымъ сторонникомъ Орлеанской династіи, а послѣ паденія ея сдѣлался страстнымъ бонапартистомъ; послѣ паденія Наполеона онъ принималъ дѣятельное участіе въ бонапартистскихъ интригахъ; рѣзкая полемика его въ ультра-консервативныхъ органахъ, цѣлый рядъ процессовъ и дуэлей пріобрѣли ему скандальную извѣстность. Г.-де-К. умеръ въ 1880 г. Кромѣ журнальныхъ статей, онъ оставилъ рядъ историческихъ импровизацій, написанныхъ живымъ, образнымъ языкомъ, но основанныхъ на недостаточно провѣренныхъ источникахъ: „Histoire des classes ouvrières et des classes bourgeoises“ (1837), „Histoire des causes de la Révo-

lution française“ (1856, 3 т.), „Histoire du Directoire“ (1851—63, 3 т.) и др.

Граньяно (Gragnano), гор. въ итал. провинціи Неаполь, жит. съ пригородами 14.099.

Граптолиты, сем. вымершихъ животныхъ кембрійскаго и силурійск. періодовъ, образуютъ мѣстами огромн. залежи известняка; продолговатыя, болѣе или менѣе сплюснутыя животныя, съ зубчатыми полыми выступами на одной (Monograptus) или на обѣихъ сторонахъ (Diplograptus); выступы соединены продольными каналами. Систематическое положеніе Г. остается загадочнымъ; ихъ относятъ либо къ коралловымъ полипамъ, либо къ гидромедузамъ. Встрѣчаются въ Скандинавіи, въ зап. Россіи, на Уралѣ, въ средн. Европѣ, Португаліи, Испаніи, Сѣв. и Южн. Америкѣ и др.

Грасіа (Gracia), густо населенное предмѣстье Барселоны, соединено съ гор. ж. д. и трамваями, много фабрикъ.

Грасіанъ (Gracian-y-Morales), Бальтасаръ, испан. писатель, род. въ 1601 г., былъ іезуитомъ и ректоромъ таррагонской коллегіи, ум. въ 1658 г. Г. является теоретикомъ т. наз. conceptismo, т. е. стремленія излагать свои мысли въ формѣ двусмысленныхъ и прямо темныхъ выраженій. Теорія эта изложена въ его сочиненіи „La agudeza, y arte de ingenio“ (1648), книгѣ, остававшейся въ теченіе почти всего XVII в. кодексомъ моднаго литературнаго стиля и оказавшей вліяніе въ Италіи, Франціи и Германіи. Теорія Г. пришлась какъ нельзя болѣе кстати въ вѣкъ господства т. наз. *гонгоризма.* Но самъ Г. слѣдовалъ своей собственной теоріи далеко не слѣпо. Его произведенія, правда, вычурны и риторичны, но въ этомъ отношеніи они уступаютъ другимъ современнымъ произведеніямъ и выгодно отличаются отъ нихъ богатствомъ содержанія и остроуміемъ; изъ нихъ лучшее „El criticon“ (1650—57, 3 тт.), аллегорич. изображеніе человѣческой жизни въ формѣ романа. Пессимистъ и женоненавистникъ по своему міровоззрѣнію, Г. былъ однимъ изъ любимцевъ Шопенгауера, кот. перевелъ на нѣм. яз. его сборникъ афоризмовъ Oráculo manual. О Г. см. *Borinski,* „B. Gracian u. die Hofliteratur in Deutschland“ (94); *Narciso José Liñan y Heredia,* „B. G.“ (1902).

Граслицъ (Graslitz), городъ въ с.-з. Богеміи, 11.802 жит.

Грассированіе (фр. grasseyement), гортанное произношеніе буквы *р,* является особенностью нѣкоторыхъ мѣстностей Франціи (особ. Парижа) и вообще очень распространеннымъ недостаткомъ рѣчи.

Грассманъ, Германъ (1809—1877), одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ германскихъ математиковъ истекшаго столѣтія. Г. готовилъ себя къ духовному званію и сообразно этому поступилъ на теологическій факультетъ (1827); но уже въ университетѣ онъ охладѣлъ къ теологіи и усиленно занимался филологическими науками. По выходѣ изъ университета онъ окончательно отказался отъ духовной карьеры и сталъ готовиться къ государственному экзамену на званіе учителя гимназіи по филологическимъ наукамъ и математикѣ. Выдержавъ этотъ экзаменъ, Г. получилъ мѣсто учителя реальнаго училища въ Штетинѣ и на этомъ скромномъ посту провелъ всю свою дѣятельность. Работа, которую онъ долженъ былъ представить при учительскомъ экзаменѣ, дала направленіе всей его научной дѣятельности. Имѣя въ виду обработать ученіе о приливахъ и отливахъ, онъ примѣняетъ для этого методы, составляющіе основу современнаго векторіальнаго анализа (*см.*). Развитіе этихъ идей привело Г. къ исчисленію чрезвычайно большой общности; эти идеи онъ изложилъ въ обширномъ сочиненіи „Die Ausdehnungslehre“ (1844), представляющемъ попытку создать ученіе, охватывающее современную геометрію и анализъ, какъ частный случай. Замѣчательныя идеи, вложенныя въ это сочиненіе, получили, однако, такое туманное выраженіе, что онѣ совершенно не были поняты. Рядъ работъ, которыя Г, опубликовалъ съ цѣлью показать приложеніе своихъ идей къ различнымъ отдѣламъ механики и теоретической физики, остался также почти незамѣченнымъ. Только работа „Geometrische Analyse“, содержащая развитіе идеи Лейбница построить своеобразную аналитическую геоме-

трію путемъ операцій не надъ числами, а непосредственно надъ геометрическими образами, получила признаніе и была премирована Кор. Яблоновскимъ обществомъ. Видя, что главный его трудъ остался непонятымъ, Г. подвергъ его коренной переработкѣ и въ 1862 г. выпустилъ такъ называемую *вторую* „Ausdehnungslehre“. По существу, это совершенно новое сочиненіе, содержащее теорію высшихъ комплексныхъ чиселъ. Судьба этого сочиненія оказалась столь же печальной: оно долго не встрѣчало признанія. Лишь послѣ того, какъ получили распространеніе работы Гамильтона о кватерніонахъ, постепенно стали обращаться къ работамъ Г., у котораго тѣ же идеи были развиты глубже, потому что вся постановка вопроса у Г. отличается гораздо большею общностью: въ то время, какъ кватерніоны Гамильтона въ векторіальной части (см. *векторіальный анализъ*) составлены изъ трехъ независимыхъ единицъ, Г. изучаетъ количества, составленныя изъ любого числа независимыхъ единицъ. Однако, Г. не дожилъ до признанія своихъ заслугъ. Отчаявшись найти сочувствіе у математиковъ, Г. посвятилъ послѣдніе годы своей жизни филологіи.

Значеніе Г. заключается, такимъ образомъ, прежде всего въ томъ, что онъ положилъ начало векторіальнаго анализа и обосновалъ ученіе о высшихъ комплексныхъ числахъ. Но съ философской стороны врядъ ли не большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что онъ явился родоначальникомъ строго формальнаго направленія въ математикѣ, какъ таковое понимаютъ въ настоящее время. Помимо названныхъ уже сочиненій это направленіе получило отчетливое выраженіе въ небольшой книгѣ „Lehrbuch der Arithmetik“, которая согласно признается первой строго научной ариѳметикой.

В. Каганъ.

Грассъ (Grasse), гор. во Франціи въ деп. Приморскихъ-Альпъ. Жителей 20.305. Зимній курортъ. Въ городѣ развито парфюмерное производство.

Gratis (лат.), безвозмездно.

Граттанъ (Grattan), Генри, знаменитый ирландскій политическій дѣятель и ораторъ, род. въ 1746 г. въ протестантской семьѣ, учился въ дублинскомъ университетѣ, былъ адвокатомъ и съ 1775 г. членомъ ирландскаго парламента, во главѣ лояльной оппозиціи отстаивалъ его независимость отъ англійскаго, добился въ 1779 г. отмѣны нѣкоторыхъ губившихъ Ирландію ограниченій ея внѣшней торговли, а въ 1782 г.—отмѣны акта 1720 г., ограничившаго автономію Ирландіи въ законодательной сферѣ; за это ирландскій парламентъ вотировалъ ему подарокъ въ 50.000 ф. ст. Еще до возстанія 1798 г., которое онъ тщетно старался предупредить, Г. оставилъ парламентскую дѣятельность, но въ 1800 г. вернулся къ ней, чтобы противодѣйствовать уніи. Когда она все-таки состоялась, Г. вступилъ въ англ. парламентъ, гдѣ защищалъ интересы Ирландіи и дѣятельно агитировалъ за эмансипацію католиковъ. Ум. въ 1820 г. Г. былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ англ. парлам. ораторовъ.

Граубюнденъ (нѣм. Graubünden, фр. Grisons, итал. le Grigioni), самый большой изъ швейцарскихъ кантоновъ, граничитъ съ Австріей, Италіей и кантонами Тессинъ, Ури, Гларусъ и С.-Галленъ, занимаетъ площ. въ 7.133 кв. клм. съ 118.262 жит. (1910 г.). Весь Г. представляетъ высокую горную страну Гларнскихъ и Ретійскихъ Альповъ съ массивомъ Бернина на ю. (см. *Альпы*, II, 371 / 373), пересѣкаемую нѣсколькими долинами (верхн. Рейна съ его притоками, рѣки Иннъ и др.). Климатъ Г., за исключеніемъ болѣе низкой и теплой рейнской долины,—горный, прохладный и сухой. Особенно славятся сухимъ, здоровымъ климатомъ высокія горныя долины Энгадинъ (1.000—1.400 м.) и Давосъ (1.300—1.600 м.) съ многочисленн. санаторіями для туберкулезныхъ. Населеніе состоитъ гл. обр. изъ нѣмцевъ (46,6%), ретороматовъ (34,8%) и итальянцевъ (16,7%); ретороманы, говорящіе на романскомъ, образовавшемся изъ латинскаго, языкѣ преобладаютъ въ Энгадинѣ; 52,7% населенія—протестанты, 47,1%—католики. Главн. занятія жителей скотоводство, альпійское молочное хозяйство и, гдѣ возможно,—земледѣліе. Значительн. источникъ дохода представляютъ иностран-

ные туристы и больные, посѣщающіе курорты и многочисленные минеральные источники Г. (Давосъ, Дизентисъ, Тузисъ, С. Морицъ, Понтрезина, Тараспъ и др.). Въ рейнской долинѣ, близъ Кура, разводится виноградъ и выдѣлываются вина. Промышленность и торговля незначительны. Конституція кантона (пересмотр. 2 окт. 1892 г.) чисто демократическая, законодательн. власть принадлежитъ Большому Совѣту (1 представит. на 1.300 жит.), исполнительная—Малому Совѣту изъ 5-ти членовъ. Гл. гор. *Куръ* (Chur, франц. Coire). Во времена римскаго владычества Г. составлялъ часть покоренной при имп. Августѣ Реціи и подвергся сильному вліянію римской культуры и языка. Подпавшая въ VI в. подъ власть франковъ Реція въ 807 г. вошла въ составъ имперіи Карла Великаго, а съ 916 составляла владѣніе герцоговъ алеманскихъ. Уже въ XIV—XV ст. населеніе объединилось въ три вліятельные союза горныхъ клановъ, одинъ изъ которыхъ, der Graue Bund (осн. въ 1395 г.), далъ впослѣдствіи свое имя всей странѣ. Въ XVI—XVII в. союзъ велъ упорную борьбу съ австрійскими Габсбургами за южн. Г. и завоеванныя горцами еще въ 1512 г. области сѣверн. Ломбардіи (Кьявенну, Вальтеллину и Борміо), отнятыя у нихъ только въ 1797 г. Бонапартомъ. Въ 1799—1800 г. Г. былъ театромъ столкновеній между австро-русскими и французскими войсками, и только въ 1803 г. окончательно вошелъ въ составъ кантоновъ швейцарскаго союза.

Грауденцъ, гор. пров. Зап. Пруссія, на Вислѣ, 40.325 жит.; желѣзолитейные и машиностроительные зав. Крѣпость.

Графикъ, 1) въ статистикѣ, см. *статистика;* 2) Г. въ желѣзно-дор. службѣ—чертежъ, служащій для нагляднаго изображенія хода поѣздовъ и выясненія пропускной способности жел.-дорож. линій, обгона и встрѣчи поѣздовъ и т. д. На ординатахъ отмѣчаются разстоянія между станціями, а на абсциссахъ—линіи.

Графитъ представляетъ послѣднюю ступень многовѣковой естественной карбонизаціи органическихъ веществъ, по химическому составу—болѣе или менѣе чистый углеродъ, нерѣдко встрѣчающійся въ кристаллическомъ (въ видѣ шестиугольныхъ пластинокъ гексагональной системы) видѣ. Раньше этотъ минералъ принимался за молибденовую руду, и только Шееле въ 1779 г. выяснилъ, что природный Г. въ главной массѣ состоитъ изъ кристаллическаго углерода, такъ какъ сгораетъ въ углекислоту. Г. дов. распространенъ въ природѣ, но обыкновенно онъ сопровождается значительнымъ количествомъ примѣсей, чаще всего: окисей желѣза, алюминія, хрома, кальція и кремнекислоты; чистыя же графитовыя руды встрѣчаются сравнительно рѣдко. Г. высокаго достоинства встрѣчается въ Сибири (Тункинскихъ горахъ, Нижней Тунгузкѣ), въ Финляндіи (Паргасъ), на Уралѣ, на островѣ Цейлонѣ, въ Англіи (Кумберлэндъ), въ Баваріи (Пассау), въ Соединен. Шт. и Канадѣ.

Хорошія сорта Г. содержатъ отъ 80 до 90% углерода, 1—5% летучихъ веществъ и отъ 7 до 15% золы. Названіе Г. получилъ отъ греческаго слова γράφω (пишу), такъ какъ онъ обладаетъ способностью чертить бумагу, въ виду чего онъ и употребляется для производства *карандашей.* Для этой цѣли онъ тщательно измельчается, отмучивается, очищается кипяченіемъ съ сѣрной и азотной кислотами, смѣшивается въ опредѣленной пропорціи, по промывкѣ и высушиваніи, въ зависимости отъ качества Г., съ чистой глиной, и эта смѣсь превращается въ твердую массу подъ большимъ давленіемъ въ гидравлическихъ прессахъ. Твердая масса распиливается сообразно надобности. Въ значительныхъ количествахъ Г. употребляется для производства *огнестойкихъ* плавильныхъ тиглей, которые употребляются въ металлургіи, а также ретортъ, трубъ и т. п. Съ этою цѣлью измельченный и очищенный, какъ выше указано, Г. смѣшивается съ огнеупорною глиною, шамотомъ (сильно прокаленная огнеупорная глина или измельченныя битыя отработавшія огнеупорныя глиняныя издѣлія) и водой въ однородное тѣсто, изъ котораго затѣмъ уже и формуются тѣ или другія издѣлія. Нерѣдко передъ замачиваніемъ сухіе матеріалы перемѣшиваются въ

вращающемся барабанѣ и просѣиваются; съ другой стороны, вымѣшанному тѣсту даютъ вылежаться 2—3 недѣли въ закрытомъ ящикѣ и часто переминаютъ деревянными колотушками. Изъ подготовленной графитовой массы на прессахъ выдавливается тигель, который затѣмъ поступаетъ въ сушку, которая сперва производится при температурѣ не выше 15°—20° С, а затѣмъ уже высохшихъ тиглей—при температурѣ до 85° С. Дов. больш. значеніе имѣетъ Г., какъ *смазочный* матеріалъ, въ особенности для тяжелыхъ механизмовъ или машинъ съ большой нагрузкой; тщательно измельченный Г. для этой цѣли смѣшивается съ какимъ-нибудь твердымъ жиромъ или масломъ. Въ смѣси съ олифой онъ употребляется какъ краска, въ чистомъ видѣ порошокъ Г. служитъ полировочнымъ матеріаломъ и находитъ примѣненіе въ гальванопластикѣ, для производства электродовъ и т. п. Въ послѣднее время наряду съ ест. Г. получилъ значеніе также и *искусственный* Г., который готовится въ большихъ количествахъ въ электрическихъ печахъ. Какъ побочный продуктъ онъ получается при производствѣ карборунда (карбида кремнія, соединенія углерода съ кремніемъ, SiC_2). Способъ полученія искусств. Г. былъ разработанъ Ачессономъ въ Америкѣ. Исходнымъ матеріаломъ является нефтяной коксъ (для высшихъ сортовъ) или антрацитъ; подъ вліяніемъ высокой температуры электрической печи происходитъ метаморфозъ аморфнаго углерода въ Г.

Углеродъ чугуна тоже находится частью въ видѣ Г.; этотъ послѣдній входитъ также въ составъ продажныхъ сортовъ Г. Заслуживаетъ вниманія способъ фабрикаціи Г. чисто химическимъ путемъ, исходя изъ карбида и окиси углерода; при этомъ согласно реакціи: $CaC_2 + CO = CaO + C_3$, углеродъ какъ карбида, такъ и окиси углерода выдѣляется въ графитообразномъ состояніи. Удѣльный вѣсъ Г. 2,1—2,3. Онъ отличается выдающейся стойкостью по отношенію почти ко всѣмъ химическимъ реагентамъ; только совмѣстнымъ воздѣйствіемъ нагрѣтой смѣси (до 60°—70° С) азотной кислоты съ бертолетовой солью удалось Броди окислить его, при чемъ получается графитовая кислота, кристаллизующаяся въ ярко-желтыхъ листкахъ, трудно растворимыхъ въ водѣ и разлагающихся съ выдѣленіемъ большого количества газовъ и угля. *А. Лидовъ.*

Графическія искусства, общее названіе для всѣхъ способовъ воспроизведенія знаковъ и рисунковъ на бумагѣ, полотнѣ и т. п.

Графологія (греч.), искусство опредѣлять характеръ человѣка по его почерку. Первыя попытки въ этомъ направленіи сдѣлалъ еще въ XVII в. болонскій проф. Бальдо. Вслѣдъ за нимъ Г. занимались такіе мыслители, какъ Лейбницъ, Лафатеръ и Гете. Первую практическую систему Г. далъ Генце, а научное обоснованіе—аббатъ Мишонъ („Système de G.“, 10 изд. 1891 г.) и физіологъ Швидландъ („Die G., Geschichte, Theorie u. Begründung“, 1883). Они полагаютъ, что въ каждомъ движеніи человѣка проявляется извѣстное психическое, т. е. индивидуально-характерное состояніе; а такъ какъ на письмѣ эти движенія, такъ сказать, закрѣпляются, то по письму легче всего прослѣдить психику человѣка. Мишонъ идетъ еще дальше и утверждаетъ, что опредѣленной чертѣ характера въ любомъ почеркѣ всегда соотвѣтствуетъ опредѣленный штрихъ; подмѣченные имъ типичные штрихи онъ и сводитъ въ систему въ своемъ курсѣ Г. При теперешнемъ, еще крайне несовершенномъ состояніи Г. чрезвычайно трудно опредѣлить, насколько правильно теоретическое обоснованіе ея, и можетъ ли она имѣть практич. примѣн., напр., въ судебной экспертизѣ.

Графоманія, болѣзненная страсть къ сочинительству.

Графофонъ, см. *фонографъ.*

Графство (comitatus; Grafschaft; shire, county), первоначально область, во главѣ которой стоитъ въ качествѣ судьи графъ (*см.*). Г. появились во второй половинѣ V в. и на континентѣ, и въ Англіи; затѣмъ Г. утратили свой административный характеръ и превратились въ феодальныя владѣнія. Въ настоящее время въ Англіи Г. представляютъ судебно-административныя и фискальныя территоріальныя дѣленія, въ которыхъ представителями

короны являются лордъ-лейтенантъ и шерифъ. Главный исполнит. органъ Г. — совѣтъ графства. Г. дѣлятся на „административныя“ (administrative counties) и „города - Г.“ (county boroughs),—города, выдѣленные въ качествѣ особыхъ административныхъ единицъ. (Главнѣйшіе моменты эволюціи въ строѣ англ. Г. *см.* VIII, 376/80; IX, 106/15; 204; 334). По образцу англ. Г. созданы Г. въ Соед. Штатахъ и нѣкот. англ. колоніяхъ.

Графтонъ (Grafton), Августъ Генри Фицрой, англ. полит. дѣятель, род. въ 1735 г., выступилъ на полит. поприще, какъ вигъ, и въ каб. Рокингема получилъ должность статсъ-секретаря (1765). Когда Питтъ Старшій сдѣлался премьеромъ, Г. былъ назначенъ первымъ лордомъ казначейства, но за болѣзнью Питта правилъ дѣлами какъ глава кабинета (1767—1770). Потомъ онъ перешелъ въ лагерь придворной партіи и занималъ должности въ кабинетѣ Норта. Его безпринципность вызвала рѣзкое выступленіе противъ него Питта, а безнравственный образъ жизни далъ поводъ къ ряду саркастическихъ выходокъ въ „Письмахъ Юніуса“. Ум. въ 1811 г.

Граффито, см. *сграффитовая живопись.*

Графъ (лат. comes, фр. comte, нѣм. Graf, англ.-сакс. shire-gerefa—шерифъ, англ. count, earl), въ средневѣк. варварскихъ государствахъ королевскій чиновникъ, стоявшій во главѣ области (pagus, Gau). Должность встрѣчается уже въ Римѣ при имперіи и въ Византіи (κόμης), но политическое значеніе она пріобрѣтаетъ только въ меровингскую эпоху. Именно въ это время Г. постепенно вытѣсняетъ выборныхъ народныхъ судей, присваиваетъ себѣ военныя функціи прежнихъ племенныхъ начальниковъ и полицейскую власть племенной общины. Вначалѣ Г. назначается и смѣщается королемъ; сословное положеніе лица при этомъ не играетъ большой роли; извѣстны случаи назначенія на должность Г. отпущенныхъ на свободу сервовъ. За убійство Г. полагается тройной вергельдъ. Вознагражденіемъ ему служитъ часть судебной пени (обыкновенно треть) и другихъ (земельныхъ и проч.) доходовъ общественной власти. Но мало-по-малу начиная съ VII в. устанавливается обычай назначенія Г. изъ мѣстной землевладѣльческой знати; Г. превращается въ наслѣдственнаго чиновника, все болѣе и болѣе тѣсно связаннаго съ землею; а когда развитіе феодальныхъ отношеній подрываетъ бюрократическую систему каролингской монархіи, принципъ служенія пріобрѣтаетъ иной характеръ, и Г. дѣлается феодальнымъ владѣтелемъ той области, гдѣ его предшественники были простыми королевскими чиновниками. Въ территоріальномъ отношеніи владѣнія позднѣйшихъ графовъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно не совпадали съ первоначальными областями. Еще позднѣе званіе Г. во Франціи стало даваться нѣкоторымъ крупнымъ феодаламъ вообще, примѣненіе его теряетъ юридическую опредѣленность и начиная съ XV в. уже дѣлается простымъ почетнымъ титуломъ.—Въ Германіи, гдѣ эволюція была та же, что и во Франціи, къ серединѣ XII в. Г. сдѣлался территоріальнымъ владѣтелемъ, и было заложено начало его суверенитету (Landeshoheit). Какъ непосредственный имперскій чинъ, Г. засѣдалъ въ сеймѣ и донесъ свой суверенитетъ до эпохи медіатизаціи (1803—1806).—Въ Англіи Г. появляются вмѣстѣ съ датчанами (jarl, eorl) и занимаютъ мѣсто саксонск. эльдорменовъ. До завоеванія англійскій эрлъ—крупный королевскій чиновникъ, который можетъ быть поставленъ надъ нѣсколькими графствами. Завоеваніе приближаетъ эту форму къ континентальной: должность пріурочивается къ одному графству и съ самаго начала норманскаго періода она обнаруживаетъ неискоренимую тенденцію сдѣлаться наслѣдственной. Въ XII в. корона создаетъ наслѣдственныхъ графовъ путемъ пожалованія (первый случай—назначеніе Стефаномъ Джофрэ Мандевиля графомъ Эссекскимъ). Въ XIV в. создаются графства подъ условіемъ маіоратнаго владѣнія землею.—Въ Италіи должность Г. исчезла очень скоро вслѣдствіе произведенной городами дефеодализаціи, и въ XVII—XVIII вв. титулъ Г.

могъ даже не предполагать дворянства, какъ необходимаго предварительнаго условія. *А. Дж.*

Графъ (въ Россіи). Въ Россіи титулъ Г. введенъ Петромъ В., пожалов. его въ 1706 г. Б. П. Шереметеву. Нынѣ Г-ское достоинство является наслѣдств.; случаи дарованія личнаго Г-ства чрезвыч. рѣдки. Вновь пріобрѣтается титулъ Г. возведеніемъ въ это достоинство Высочайшей властью, признаніемъ титула, дарованнаго иностраннымъ государствомъ, и присоединеніемъ съ Высочайшаго соизволенія къ угасающему Г-ому роду. Туземные Г-скіе роды (131) занесены въ V ч. дворянской родословной книги, по другимъ частямъ этой книги разнесены 150 иностранныхъ графскихъ родовъ, состоящихъ въ русск. подданствѣ.

Графъ, Артуро, итал. поэтъ-пессимистъ (Medusa, Le Danaidi, Dopo il tramonto, Rime della selva), род. въ 1848 г., авторъ романа Il Riscatto, читалъ лекціи по литературѣ въ туринскомъ университетѣ, съ 1883 г. редакторъ журналъ Giornale Storico della letteratura italiana, выпустилъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по истор.-культурнымъ (Il Diavolo) и истор.-литер. вопросамъ (Attraverso il cinquecento; Foscolo, Manzoni e Leopardi).

Грахама земля (Graham Land), см. *Грегема земля.*

Грахамстаунъ (Graham's Town), см. *Грегемстаунъ.*

Граціанъ, Августъ, римск. императоръ, старш. сынъ Валентиніана I, род. въ 359 г., наслѣдовалъ отцу въ западн. половинѣ имперіи въ 375 г.; оставивъ Италію младш. брату Валентиніану II, онъ взялъ себѣ Заальпійскія области и велъ въ 378 г. удачную войну съ алеманнами, надъ кот. одержалъ побѣду при Аргентаріи (близъ нын. Кольмара). Г. сложилъ съ себя титулъ верхов. жреца (pontifex maximus) и прекратилъ субсидію языч. культу. Палъ отъ руки убійцы во время похода противъ узурпатора Максима, вторгшагося во главѣ большой арміи изъ Британіи въ Галлію (383).

Граціанъ, Францискъ, бенедиктинскій монахъ изъ Болоньи, положившій начало западному каноническому праву какъ особой научн. дисциплинѣ; ок. 1150 г. закончилъ составленіе сборника канон. предписаній, назв. по его имени *Decretum Gratiani* (лучш. изд. въ Corpus juris canonici, 1879). Ср. *канонич. право.*

Граціи (лат., греч. *хариты*), въ классич. миѳологіи богини прелести и изящества; по Гезіоду ихъ было трое: Аглая, Талія и Эвфросина; въ Спартѣ и Аѳинахъ знали только двухъ Г. Онѣ живутъ вмѣстѣ съ музами на Олимпѣ и являются спутницами Афродиты; имъ были посвящены розы и мирты.

Граціусъ (собственно de Graes), Ортуинъ, противникъ гуманист. движенія въ Германіи, особ. Рейхлина, род. ок. 1491 г., былъ проф. въ Кельнѣ, ум. въ 1542 г.; напис. блѣдныя „Lamentationes obscurorum virorum" (1518) въ отвѣтъ на направленныя по его адресу знам. „Epistolae obscurorum virorum".

Грацъ (Graz), главн. гор. Штиріи, на р. Муръ и ж. д. Вѣна — Тріестъ, 151.668 жит. (1910), почти исключит. нѣмцевъ (католик.). Древній городъ, бывшая резиденція штирійской линіи Габсбурговъ. Старый университетъ (осн. въ 1585 г.), въ 1909/10 уч. году — 2.074 студ. (200 женщ.), библіотека съ 150 тыс. т., многочисл. ученые и учебно-вспомог. институты. Высшее технич. училище (Technische Hochschule), основ. въ 1814 г., съ машиностр., технологич. и архитектурн. отд. (725 студ.). Главн. отрасли промышл.: металлургія (ж.-д. мосты, вагоны, оси и т. п.) и текстильн. производство.

Грачевскій, Михаилъ Федоровичъ, сынъ дьякона, род. въ 1849 г. въ Саратовской губ. Учился въ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ саратовской гимназіи, но курса не кончилъ, былъ сельскимъ учителемъ и работалъ слесаремъ и машинистомъ на желѣзной дорогѣ. Принялъ участіе въ революціонномъ движеніи того времени, въ 1875 г. былъ арестованъ и послѣ $3^1/_2$ лѣтъ предварительнаго заключенія преданъ суду по процессу 193-хъ, при чемъ былъ присужденъ только къ 3 мѣсяцамъ ареста за храненіе запрещенныхъ книгъ съ ходатайствомъ предъ государемъ о вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго заключенія. Въ янв. 1878 г. былъ освобожденъ, но вскорѣ административно высланъ въ Архан-

гельскую губернію, откуда въ 1879 г. бѣжалъ и принялъ дѣятельное участіе въ террористическихъ предпріятіяхъ „Народной Воли“. Весной 1882 г. былъ арестованъ въ Петербургѣ и судомъ особаго присутствія Правительствующаго Сената въ 1883 г., по процессу 17-ти народовольцевъ, приговоренъ къ смертной казни, замѣненной безсрочными каторжными работами. Находясь въ заключеніи въ Шлиссельбургской крѣпости, кончилъ жизнь самоубійствомъ въ октябрѣ 1887 г. (облилъ себя керосиномъ изъ лампы и зажегъ).

С. Б—въ.

Грачъ, см. *вороньи*, XI, 294.

Грeаръ (Gréard), Октавъ, знам. франц. педагогъ, род. въ 1828 г., былъ преподавателемъ, въ 1865 г., въ кач. инспектора парижскаго округа, получилъ завѣдываніе начальн. городскими школами, въ 1872 г. получилъ въ свое управленіе всю отрасль начальнаго обученія, а въ 1879 г. сталъ во главѣ парижскаго учебн. округа и сдѣлалъ очень много для развитія народнаго образованія во Франціи. Его заслуги въ этой области снискали ему кресло академика. Ум. въ 1904 г. Ему принадлежитъ рядъ работъ, главн. обр., въ сферѣ педагогики.

Гребенка (*Гребінка*), Евгеній Павловичъ, русскій и украинскій писатель, сынъ небогатаго помѣщика Полтавской губ., род. въ 1812 г., учился въ нѣжинской гимназіи, послѣ чего служилъ въ военной службѣ, въ духовномъ вѣдомствѣ, учителемъ русскаго языка и словесности въ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ум. въ 1848 г. Какъ русскій писатель, Г. принадлежитъ къ забытымъ авторамъ, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ его произведеній (ром. „Чайковскій“) удостоились похвалы Бѣлинскаго. Какъ украинскій поэтъ, Г. занимаетъ скромное, но почетное мѣсто въ ряду писателей 40-хъ годовъ. Еще студентомъ, Г. перевелъ Пушкинскую „Полтаву“ на украинскій языкъ (1831 г.); въ 1841 г. онъ издаетъ сборникъ „Ластівку“, въ которомъ кромѣ его собственныхъ стихотвореній помѣщены и произведенія лучшихъ тогдашнихъ украинскихъ писателей, въ томъ числѣ и Шевченка. Извѣстность Г. въ украинской литературѣ покоится на его „Приказкахъ“ (изд. 1834 г.), — 26 басняхъ, написанныхъ превосходнымъ языкомъ, поэтическихъ и сочувственно рисующихъ тяжелую жизнь украинскаго крѣпостного крестьянина. Красивы и поэтичны также и немногочисленныя лирическія стихотворенія Г. Собраніе украинскихъ произведеній Г. изданы подъ заглавіемъ „Пирятинська Ластівка“ въ Кіевѣ въ 1878 г. и во Львовѣ въ 1904 г. *М. С.*

Гребенскіе казаки произошли отъ донскихъ к-овъ, часть которыхъ въ XVI и XVII вв. поселилась въ ущельяхъ Кавказскихъ горъ (Гребни), откуда они въ 1685 г. перешли ближе къ Тереку. Г. к. участвовали въ Хивинск. походѣ (1717 г.), персидск. (1722—23 г.) и турецк. войнѣ (1736 г.). Въ 1721 г. Г. к. подчинены были военной коллегіи, затѣмъ кизлярскому коменданту, а въ 1832 г. вошли въ составъ кавказ. линейн. казач. войска.

Гребешокъ морской (Pecten), родъ пластинчато-жаберныхъ моллюсковъ, имѣетъ одинъ (задній) мускулъ, бахромчатый край мантіи обыкновенно съ 2 рядами блестящихъ изумрудно-зеленыхъ глазковъ и небольшую ногу; раковина отличается б. ч. равными створками съ прямыми бороздками, расходящимися отъ вершины. Живутъ во всѣхъ моряхъ, быстро плаваютъ; нѣкоторые виды употребляются въ пищу.

Гребневики, или *ктенофоры*, Ctenophorae, классъ кишечнополостныхъ, свободно живущія животныя съ явственно двусторонне-симметричнымъ тѣломъ (хотя нѣкоторые органы и располагаются радіально), часто совершенно прозрачныя, круглой, продолговатой, рѣже лентообразной формы (см. *Венеринъ поясъ*). Тѣло мягкое, студенистое, пронизанное во всѣхъ направленіяхъ соединительно-тканными и мускульными волокнами. Вдоль всего тѣла проходятъ 8 реберъ, усаженныхъ каждое рядомъ мерцательныхъ пластинокъ, которыя находятся въ постоянномъ движеніи и переливаютъ всѣми цвѣтами радуги. Ротовое отверстіе то широкое, то узкое, окружено большими студенистыми лопастями и ведетъ въ желудочную полость, которая узкимъ отверстіемъ сообщается съ другой по-

лостью, т. наз. воронкой, открывающейся на верхней сторонѣ тѣла. На концѣ туловища, противоположномъ ротовому отверстію, расположенъ органъ чувствъ, имѣющій сходство съ органомъ слуха (слуховымъ пузырькомъ). При помощи полосокъ мерцательнаго эпителія этотъ органъ соединенъ съ мерцательными пластинками. Нѣкоторые Г. снабжены парой втяжныхъ щупалецъ, которые покрыты клейкими хватат. нитями; къ нимъ пристаютъ мелкія животныя, служащія пищей Г. Всѣ Г. гермафродиты; живутъ исключительно въ моряхъ, нерѣдко появляются многочисленными стаями. Въ систем. отношеніи классъ Г. дѣлится на 2 отряда: 1) Tentaculata, обладающихъ щупальцами; къ нимъ принадлежитъ сем. Cydippidae, повидимому, заключающее исходныя формы для другихъ Г., и лентообразный Венеринъ поясъ, и 2) Nuda, безъ щупалецъ, съ мѣшковиднымъ тѣломъ и широкимъ ротовымъ отверстіемъ; изъ нихъ представители рода Beroë совершенно прозрачны въ молодомъ состояніи и яркокраснаго цвѣта во взрослом. Найденные недавно мелкіе ползающіе Г., Coeloplana Metschnikowii и Ctenoplana Kowalewskii, принимаются за переходныя формы къ рѣсничнымъ червямъ (турбелляріямъ). *М. Н.*

Гребнежаберные, см. *брюхоногіе*, VII, 28.

Гребной винтъ. Представляя собой самую распространенную форму движущато аппарата для судовъ, Г. в., подъ болѣе общимъ названіемъ *пропеллера*, получилъ широкое распространеніе въ воздухоплаваніи. Въ обоихъ случаяхъ на Г. в. возлагается одинаковая задача: опираясь своей винтовой поверхностью, или поверхностями, если ихъ нѣсколько, на воду или воздухъ, развить вдоль оси винта усиліе, необходимое для перемѣщенія судна или воздухоплавательнаго аппарата. См. *приложеніе*.

Греви (Grévy), Жюль, франц. госуд. дѣятель, род. въ 1807 г., занимался адвокатурой въ Парижѣ и часто выступалъ защитникомъ въ процессахъ противъ республиканцевъ. Въ 1848 г. былъ выбранъ въ учредит. собраніе. Въ 1849 г. въ Законод. Собраніи Г. былъ однимъ изъ главныхъ противниковъ роялистской коалиціи и политики президента Луи Наполеона. Послѣ переворота 2 дек. 1851 г. Г. всецѣло ушелъ въ свою адвокатскую дѣятельность. Въ 1868 г. онъ, какъ кандидатъ демокр. оппозиціи, былъ выбранъ членомъ Законодательнаго корпуса, гдѣ оставался непримиримымъ противникомъ имперіи. Въ 1871 г. избранъ въ Національное собраніе, гдѣ до 1873 г. занималъ постъ президента. Послѣ паденія Тьера Г. напечаталъ брошюру „Le gouvernement nécessaire“, направленную противъ происковъ монархистовъ. Въ 1876 г. былъ избранъ през. палаты депутатовъ, а въ 1879 г., послѣ отставки Макъ-Магона, выбранъ въ президенты республики. Чрезвычайно корректный конституц. президентъ, хотя и не особенно популярный изъ-за своей скупости, Г. былъ въ 1885 г. переизбранъ на второе семилѣтіе. Однако, уже въ 1887 г. Г. пришлось выйти въ отставку вслѣдствіе неблаговидныхъ аферъ его зятя Вильсона, который, пользуясь своей близостью къ главѣ государства, торговалъ орденами. Ум. въ 1891 г.

Гревсендъ (Gravesend), укрѣпленн. портов. гор. на южн. бер. Темзы въ 24 мил. (38 км.) ниже Лондона, 27.196 ж., лоцманская станція.

Гревская площадь (Place de Grève), до 1806 г. названіе площади передъ парижской ратушей (теперь Place de l'Hôtel-de-Ville), на которой раньше, особенно во время Великой Революціи, совершались казни.

Гревсъ, Иванъ Михайловичъ, историкъ, род. въ 1860 г., учился въ спб. универс., гдѣ наибольшее вліяніе на него имѣлъ проф. В. Г. Васильевскій. По окончаніи курса преподавалъ въ средн. учеб. завед., а съ 1889 г. началъ читать въ унив. лекціи по всеобщей, главн. обр., средневѣковой исторіи. Профессорская дѣятельность Г. съ нѣкот. перерывами—по независящимъ обстоятельствамъ—продолжается и понынѣ. Читаетъ онъ также и на высшихъ женскихъ курсахъ. Какъ профессоръ, Г. пользуется необыкновенной популярностью у слушателей и слушательницъ. Его лекціи, всегда исполненныя увлеченія, образныя и содержатель-

Гребной винтъ.

По внѣшнему виду пароходный Г. в. (фиг. 1—4) представляетъ узкіе секторы (вырѣзки) винтовыхъ поверхностей, соединенные въ одно цѣлое центральной втулкой, сажаемой на конецъ вала двигателя, за кормой судна. Число отдѣльныхъ секторовъ или лопастей зависитъ отъ числа витковъ, размѣщаемыхъ на одномъ шагѣ винтовой линіи (см. *винтъ*). Очертаніе лопастей (крыльевъ) на винтовыхъ поверхностяхъ выполняется на основаніи опыта

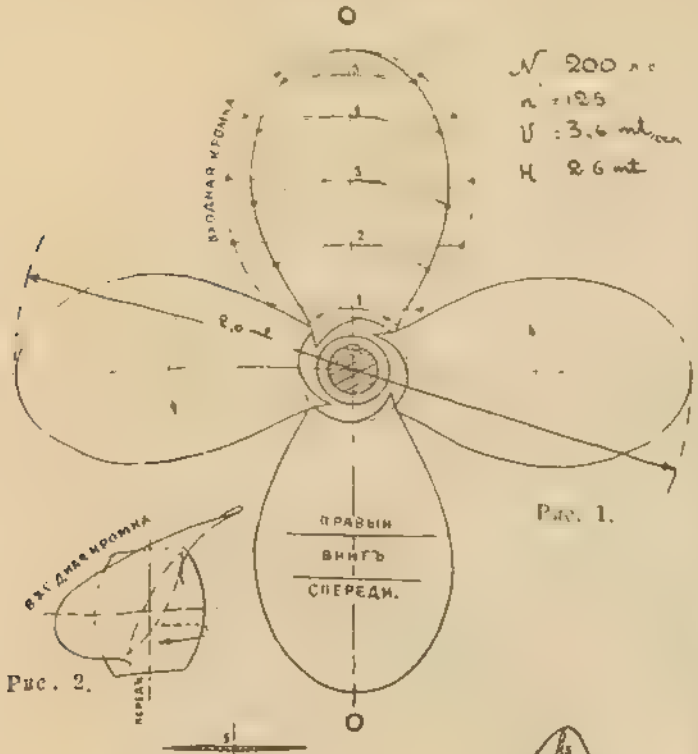


Рис. 1.

Рис. 2.

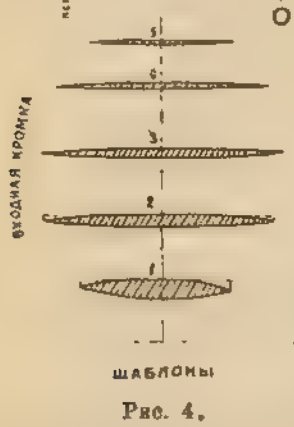


Рис. 4.

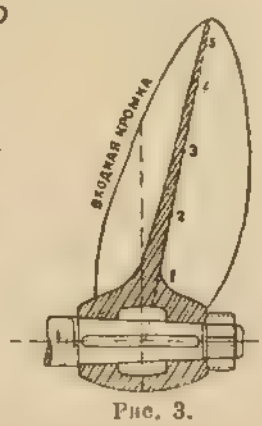


Рис. 3.

съ различными формами. Характеризующими Г. в. элементами служатъ: шагъ винта—H въ mt который можетъ быть постояннымъ или перемѣннымъ для отдѣльныхъ элементовъ лопастей, взятыхъ на разныхъ радіусахъ; проектированная поверхность лопастей, видимая на фиг. 1, и ихъ развернутая поверхность, указанная тамъ же пунктиромъ для одного верхняго крыла. Для полученія послѣдней кольцевые элементы лопасти слѣдуетъ повернуть около средней линіи O—O до совмѣщенія съ плоскостью бумаги и спримить ихъ въ полосы, отмѣченныя на пунктирномъ изображеніи развернутой поверхности крыла. Подборъ этихъ величинъ указывается въ справочникахъ судовыхъ машинъ. Наиболѣе распространены въ судостроеніи трехъ- и четырехъ-лопастные В. В. съ двумя лопастями, выгодный по работѣ и широко примѣняемый въ воздухоплаваніи, на судахъ встрѣчается какъ исключеніе на небольшихъ рѣчныхъ пароходахъ и моторныхъ лодкахъ. Для морскихъ судовъ эта форма В. мало пригодна вслѣдствіе безпокойной работы и рѣзкаго измѣненія нагрузки двигателя въ моменты выхода одного крыла изъ воды при волнахъ или малой осадкѣ судна (безъ груза). Число В. на суднѣ варьируетъ отъ одного до четырехъ въ зависимости отъ размѣровъ, назначенія судна и формы русла, по которому судно совершаетъ рейсы. На торговыхъ морскихъ пароходахъ встрѣчается обычно 1—2 В., на крупныхъ почтовыхъ пароходахъ и судахъ военнаго флота число ихъ доводится до четырехъ. Рѣчные пароходы строятся одновинтовыми, если малая глубина русла не требуетъ уменьшенія полученныхъ разсчетомъ размѣровъ В. и уменьшенія осадки всего судна. При наличности такого требованія, часто встрѣчающагося при плаваніи судна по каналамъ, вмѣсто одного В. большого діаметра, въ рамѣ между рулемъ и корпусомъ, помѣщаютъ два В. меньшихъ размѣровъ подъ боковыми обводами кормовой части по обѣ стороны отъ руля. Размѣщеніе В. подъ кормой судна хорошо видно на фотографіи (фиг. 5), снятой съ двухвинтового океанскаго парохода передъ спускомъ на воду.

Валъ, несущій на заднемъ своемъ концѣ В., располагается горизонтально или ему придаютъ незначительный уклонъ назадъ. Боковое расположеніе В., отодвигая ихъ отъ стѣнокъ корпуса, обезпечиваетъ лучшій подводъ воды по сравненію съ однимъ центральнымъ В. и уменьшаетъ нарушеніе ими функцій руля. Наибольшее распространеніе получила форма В. съ слегка отогнутыми назадъ крыльями, вырѣзанными изъ винтовыхъ поверхностей съ наклонной образующей. Къ этой категоріи относится и В. буксирнаго парохода на фиг. 1—4 съ машиной въ 200 лошадиныхъ силъ. Уклонъ образующей виденъ на фиг. 3. Поверхность крыльевъ и въ особенности профиль рѣжущей воду кромки тщательно обрабатываются по шаблонамъ, представляющимъ собой сѣченіе крыла (фиг. 4) на различныхъ разстояніяхъ отъ оси вала. Ступицѣ придается удлиненная форма, способствующая болѣе плавному обтеканію ея водою. Съ этой же цѣлью гайка, закрѣпляющая втулку на валу, получаетъ форму вытянутаго конуса.

Въ В. діаметромъ до 2 — 2,2 mt втулка и лопасти составляютъ одно цѣлое; въ болѣе крупныхъ модѣляхъ, діаметръ которыхъ нерѣдко переходитъ за 3,5 mt, крылья изготовляются отдѣльно и крѣпятся къ полой втулкѣ болтами. Въ моторныхъ лодкахъ съ двухлопастными В. встрѣчается особая конструкція поворотныхъ лопатокъ, позволяющая мѣнять направленіе тяги В. (силы по оси) безъ измѣненія направленія вращенія вала. Матеріаломъ

Рис. 5.

для судовыхъ В. служатъ чугунъ, твердые сорта бронзы и стальное литье. Въ большихъ моделяхъ съ привернутыми крыльями втулка изготовляется изъ чугуна или стали, а крылья отливаются изъ бронзы или вырѣзаются иногда изъ стальныхъ листовъ и приклепываются къ втулкѣ. В. изъ чугуна примѣняются на буксирныхъ пароходахъ и судахъ торговаго флота, гдѣ дешевизна изготовленія играетъ главную роль. Матеріалъ крыльевъ на рѣжущей кромкѣ и въ мѣстахъ соединенія ихъ со втулкой, гдѣ вихревыя явленія особенно интенсивны, подвергается энергичному разъѣданію. Наименѣе выносливы въ этомъ отношеніи В. изъ стальнаго литья. Толщина крыльевъ устанавливается разсчетомъ ихъ на изгибъ и растяженіе подъ дѣйствіемъ давленія отбрасываемой крыльями воды и центробѣжной силы ихъ матеріала. Болѣе нагруженными, а потому и болѣе толстыми являются сѣченія лопастей у втулки.

В., примѣняемые *въ воздухоплаваніи*, работаютъ въ менѣе плотной средѣ и изготовляются изъ болѣе легкихъ

матеріаловъ—дерева, алюминія или особой плотной ткани, пропитанной масломъ. Деревянный В., изображенный на фиг. 6, во избѣжаніе коробленія, готовится изъ ряда тонкихъ плапокъ, повернутыхъ на оси относительно другъ друга для образованія косой поверхности лопастей и хорошо проклеенныхъ въ мѣстахъ соприкосновенія. Выступающія ребра плапокъ при дальнѣйшей обработкѣ спиливаются и даютъ гладкую рабочую поверхность к ыла. Въ В. изъ алюминіевыхъ листовъ или ткани каркасомъ служатъ тянут. стальн. трубки, примѣняемыя въ велосипед.

Рис. 6.

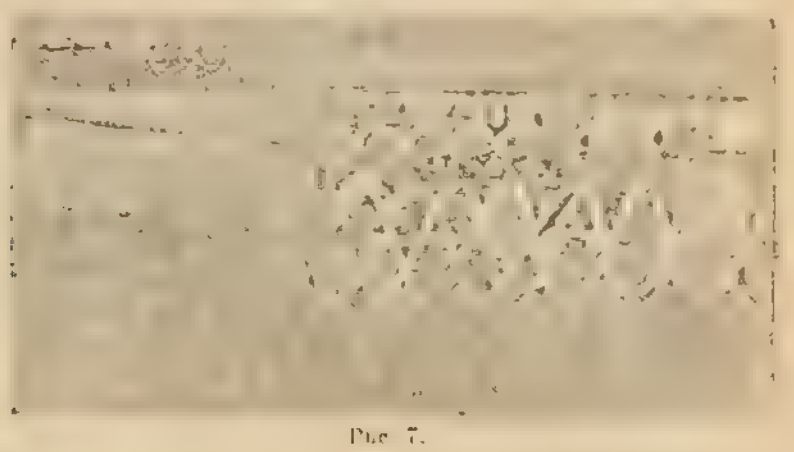


Рис. 7.

Дѣйствіе Г. в., результатомъ котораго является поступательное движеніе судна, состоитъ въ слѣдующемъ. Поглощая при вращеніи работу, доставляемую двигателемъ, В. тратитъ ее на приведеніе въ движеніе массы воды (или воздуха), захватываемой при вращеніи его лопастями. Вода (или воздухъ), попавшая въ сферу дѣйствія В., отбрасывается имъ назадъ съ нѣкоторой средней скоростью c mt/ск. относительно судна и закручивается въ направленіи вращенія его крыльевъ. Образовавшійся такимъ образомъ вихревой потокъ за В. расширяется и, захватывая въ себя новыя частицы окружающей среды, мало-по-малу затухаетъ.

Движущей судно силой будетъ реакція на винтъ отбрасываемой имъ въ одну секунду назадъ массы воды (или воздуха). Обозначивъ эту массу черезъ M и зная ея скорость c относительно судна, имѣемъ для силы вдоль вала винта, толкающей судно впередъ, такое выраженіе:

$$P = M.c \quad \ldots \quad \ldots \quad \ldots \quad 1$$

гдѣ P сила тяги въ kg, передаваемая съ вала на корпусъ судна, M масса, захватываемая винтомъ въ одну секунду въ $\frac{\text{kg. ск}}{\text{mt}}$.

Работа этой силы при скорости судна W mt/ск и коэффиціентѣ полезнаго дѣйствія В. η_i, выраженная въ лошадиныхъ силахъ, представится тогда слѣдующей формулой:

$$N_i = \frac{P.W}{75.\eta_i} = \frac{Mc.W}{75.\eta_i} \text{ лош. силъ} \quad \ldots \quad \ldots \quad 2$$

Закручиваніе воды, какъ видно изъ формулы 1 и 2, представляетъ чистую потерю, и въ послѣднее время дѣлаются попытки, помощью неподвижныхъ лопатокъ за В., перевести тангенціальную скорость въ осевую, увеличивая этимъ коэффиціентъ отдачи В. Величина этого коэффиціента, представляющаго отношеніе работы, даваемой В. (N_e), къ работѣ, затрачиваемой машиной на его вращеніе, колеблется въ судовыхъ В. отъ 40 до 70%. Постановка направляющихъ лопатокъ повышаетъ эти значенія на 7—10%. Меньшія значенія относятся къ быстроходнымъ В. небольшихъ пароходовъ и судовъ съ турбинными двигателями; число оборотовъ такихъ В. доходитъ до 500 въ минуту. Высшія значенія имѣютъ мѣсто въ крупныхъ тихоходныхъ В. океанскихъ пароходовъ, дѣлающихъ отъ 150 до 180 оборотовъ въ минуту. Быстроходный В. получаетъ, сравнительно съ тихоходнымъ, меньшій шагъ, что, какъ извѣстно изъ теоріи винта въ жесткой гайкѣ (см. *винтъ*), ухудшаетъ его отдачу.

Прилагаемая фотографія, фиг. 7, изъ серіи опытовъ проф. Фламма съ моделями судовыхъ В. даетъ наглядную картину путей, описываемыхъ лопастями В. при движеніи его въ водѣ, границы вихревого потока и понпженіе свободной поверхности воды надъ В. вслѣдствіе всасывающаго дѣйствія В. на находящуюся передъ нимъ воду. При незначительномъ погруженіи модели В. въ опытахъ, облегчавшемъ прорывъ къ В. воздуха, границы потока и образованіе центральнаго разрѣженнаго вихревого жгута за втулкой выступаютъ особенно рѣзко. Благодаря удобоподвижности среды, въ которую производится ввинчиваніе, поступательное перемѣщеніе В. за оборотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и судна, становится меньше его шага, что позволяетъ, между прочимъ, выполнить переменный шагъ. Такое отставаніе или скольженіе (англійское—slip) Г. в., обнаруживаемое при каждомъ опытѣ, представляетъ существенный пунктъ при разсчетѣ винтовъ по эмпирическимъ формуламъ. Различаютъ кажущееся и дѣйствительное скольженіе; первое характеризуется отношеніемъ разности скорости ввинчиванія лопастей В. въ неподвижную среду—$C = \frac{H.n}{60}$ mt/ск. (n — число оборотовъ въ минуту) и поступательной скорости судна W къ скорости C; второе даетъ аналогичное соотношеніе при условіи, что окружающая судно среда увлекается имъ съ нѣкоторой скоростью u и скорость судна относительно воды уменьшается до $W-u$. Такимъ образомъ дѣйствительное отставаніе $= \frac{C-(W-u)}{C}$ бываетъ нѣсколько больше кажущагося. Для судовыхъ В. скорость u, сообщаемая окружающей водѣ корпусомъ, составляетъ отъ 5 до 30% скорости судна—W. Бо́льшія значенія относятся къ судамъ съ полными обводами кормовой части и размѣщеніемъ В. близко къ стѣнкамъ корпуса. Числовое значеніе скольженія колеб. отъ 10 до 30%.

Вліяніе указанныхъ факторовъ и затруднительность точной оцѣнки массы воды, захватываемой винтомъ, заставляютъ, однако, при разсчетѣ судовыхъ В. предпочитать эмпирическія формулы, съ рядомъ опытныхъ коэффиціентовъ, вмѣсто простыхъ соотношеній уравненій 1 и 2. Величина шага при такихъ разсчетахъ намѣчается предварительно въ зависимости отъ діаметра проектируемаго В., скорости судна и ожидаемаго скольженія.

Для опредѣленія діаметра пользуются формулой вида:

$$D = K_1 \sqrt[5]{\frac{N_e}{\left(\frac{n.H}{100}\right)^3}},$$

гдѣ N_e—индикаторная мощность машины въ лошадиныхъ силахъ, n - число оборотовъ вала В. въ минуту, K_1 опытный коэффиціентъ, величина котораго колеблется отъ 0,8 до 1,35 въ зависимости отъ очертанія подводной части корпуса, размѣровъ и быстроходности судна и числа оборотовъ вала В. Если діаметръ В. выходитъ слишкомъ великъ, то увеличиваютъ число В., измѣняютъ ихъ быстроходность и повторяютъ разсчетъ.

Подробныя свѣдѣнія по гребнымъ судовымъ винтамъ можно найти въ курсѣ *Попова*, „Судовые движители", въ справочникахъ морскихъ машинъ *Остона* или *Баузера* и у *Barnaby*, „Marine propellers"; данныя по возушнымъ винтамъ имѣются у *Wellner* в книжкѣ „Die Flugmaschinen", въ аэродинамикѣ *Lanchester'a* на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а также въ литографированномъ курсѣ проф. *Жуковскаго*—„Аэродинамика".

Н. Куколевскій

ный, его практическія занятія, гдѣ онъ стремится сообщить ученикамъ основы строго аналитическаго метода, выдвигаютъ его мало-по-малу на положеніе главы опредѣленной школы. Какъ ученый, Г. ближе всего примыкаетъ къ Фюстель-де-Куланжу (*см.*) и меньше другихъ русскихъ ученыхъ испыталъ на себѣ вліяніе нѣмецкой историч. науки. Его главное сочиненіе „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія, преим. въ эпоху имперіи“ (т. I, 1899; т. II печатался отрывками въ Ж. М. Н. П.) представляетъ образцовое изслѣдованіе, разъяснившее многіе темные вопросы римской соціальной и аграрной исторіи. Въ „Науч. Словѣ“ начали печ. блестящіе „Очерки изъ исторіи Флоренціи“. *А. Дж.*

Грегарины (Gregarinae), названіе отряда изъ класса споровиковъ (Sporozoa) изъ типа простѣйшихъ (Protozoa). Величина Г. колеблется отъ 10 микроновъ до 16 миллим. Форма тѣла овальная или болѣе или менѣе сильно вытянутая въ длину. Большинство видовъ имѣютъ опредѣленную, неизмѣнчивую форму тѣла съ плотнымъ наружнымъ слоемъ. Амебовидныхъ движеній не существуетъ, никакихъ органовъ передвиженія нѣтъ. Болѣе просто устроенныя формы имѣютъ тѣло нераздѣленное на отдѣлы, другія имѣютъ подраздѣленіе на передній и задній отдѣлы (прото- и дейтомеритъ). Границей служитъ перегородка, происшедшая путемъ вростанія внутрь тѣла наружнаго его слоя (эктоплазмы). Одиночное ядро всегда лежитъ въ заднемъ отдѣлѣ тѣла. У нѣкоторыхъ формъ развивается особый передній отдѣлъ (эпимеритъ), снабженный разнообразными выростами, крючками, зацѣпками и т. п. Энтоплазма, т. е. внутренній слой, обыкновенно весьма плотна, крупнозерниста, мало прозрачна. Нѣтъ сократительныхъ вакуолей. Всѣ Г. являются внутренними паразитами (кишечникъ, полость тѣла, кровеносная система) у иглокожихъ, червей, моллюсковъ, оболочниковъ, чаще же всего у членистоногихъ и кольчатыхъ червей. У позвоночныхъ онѣ пока неизвѣстны. Питаются Г. осмотически. Своимъ „хозяевамъ“ Г. не причиняютъ замѣтнаго вреда и не являются возбудителями болѣзней, подобно многимъ другимъ споровикамъ. Ихъ отношеніе къ тканямъ „хозяина“ разнообразно, представляя различные переходы отъ поверхностнаго прикрѣпленія къ клѣткамъ до полнаго внутриклѣточнаго паразитизма. Размноженіе сопровождается заключеніемъ двухъ особей въ общую оболочку (цисту), при чемъ происходитъ процессъ оплодотворенія, сопровождающійся сложными измѣненіями ядра. При этомъ тѣла двухъ соединившихся Г. не сливаются въ одно цѣлое. Изъ первоначальныхъ ядеръ двухъ соединившихся Г. образуются путемъ сложныхъ процессовъ мелкія ядра размноженія, вокругъ которыхъ собирается плазма, образуя тѣльца оплодотворенія, т. наз. *гаметы*. Послѣ сліянія гаметъ (оплодотвореніе) получается, какъ и у другихъ простѣйшихъ, *зигота*, которая развивается въ спору. Такимъ образомъ, къ концу размноженія циста, облекшая двѣ соединившіяся особи, оказывается наполненной многочисленными спорами, а часть тѣлъ первоначальныхъ особей остается въ видѣ т. наз. „остаточнаго тѣла“. Споры освобождаются изъ цисты или путемъ ея разрыва или черезъ особыя трубочки и даютъ начало новымъ особямъ. Г. дѣлятъ на три подотряда, изъ которыхъ первый, *Eugregarinaria*, заключаетъ въ себѣ большинство формъ. Наиболѣе обычны: Monocystis, паразитъ сѣменныхъ мѣшковъ дождеваго червя, Gregarina blattarum—паразитъ кишечника чернаго таракана. Второй подотрядъ, *Schizogregarinaria*, замѣчателенъ способностью размножаться дѣленіемъ, что вообще Г. не свойственно. Ophryocystis, паразитъ жуковъ сем. Tenebrionidae. Третій подотр. *Aggregataria* заключаетъ въ себѣ формы, сильно уклоняющіяся отъ другихъ Г., которыя, быть можетъ, надо даже выдѣлить изъ предѣловъ этого отряда. У нихъ есть не только размноженіе дѣленіемъ, но и смѣна хозяевъ, что вообще не свойственно Г. Aggregata—паразитъ десятиногихъ раковъ. См. *Doflein F.*, „Lehrbuch der Protozoenkunde“ (1911). *Г. Кожевниковъ.*

Грегема земля (Graham Land), выступающій далеко на сѣв., по на-

правл. къ Огненной землѣ, полуостровъ Антарктическаго материка, между 65°—67° южн. шир.; Г. з. откр. въ 1832 г. капит. Биско (Biscoe), изслѣдована экспедиціями Долльмана (1874), Ларсена (1894), Норденшёльда (1902) и др.

Грегемстаунъ (Graham's Town), главн. гор. дивизіи Олбэни (Albany) въ брит. Капской колоніи, 13.877 ж.

Грегемъ (Graham), сэръ Джемсъ Робертъ Джорджъ, англ. госуд. дѣятель, род. въ 1792 г., въ 1818 г. выбранъ въ палату общинъ, какъ вигъ, считался передовымъ либераломъ, въ 1830 г. назн. первымъ лордомъ адмиралтейства въ кабинетѣ Грея, энергично защищалъ билль о реформѣ, изъ-за разногласій по вопросу объ ирланд. церкви выступилъ изъ кабинета въ 1834 г. и, въ концѣ концовъ, примкнулъ къ консерват. партіи. Въ 1841—46 г. былъ мин. внутр. дѣлъ въ кабинетѣ Пиля. Въ 1844 г. онъ распорядился, чтобы письма изв. итальян. революціонера Мадзини вскрывались на почтѣ и содержаніе ихъ передавалось австрійскому послу; эта постыдная мѣра возбудила противъ него бурю негодованія въ обществѣ. Послѣ смерти Пиля (1850) Г. сталъ лидеромъ „пилитовъ" въ ниж. палатѣ и былъ еще дважды министромъ въ 1852—55 г. Ум. въ 1861 г.

Грегемъ (Graham), Томасъ, англ. химикъ, род. въ 1805 г. въ Глэсго; въ 1830 г. избранъ проф. химіи Andersonian Institution въ Глэсго, въ 1837 г. занялъ ту же каѳедру въ University College въ Лондонѣ, въ 1855 г. назнач. директоромъ монетнаго двора. Ум. въ 1869 г. Г. принадлежатъ многочисленныя и важныя изслѣдованія о диффузіи газовъ и жидкостей, о различіи между коллоидами и кристаллоидами, о раздѣленіи тѣлъ діализомъ, о свойствахъ трехъ фосфорныхъ кислотъ. Онъ подалъ мысль денатурировать винный спиртъ древеснымъ (метиловымъ) спиртомъ и пр.

Грегори, Іоганнъ Готфридъ, нѣмецкій пасторъ, съ именемъ котораго связано возникновеніе перваго театра въ Москвѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка онъ, уже раньше бывшій въ Москвѣ, затѣмъ уѣхавшій изъ-за происковъ враговъ, былъ младшимъ пасторомъ при офицерской церкви въ Нѣмецкой слободѣ, завелъ при ней безплатную школу. Но вскорѣ происки враговъ, пустившихъ про него рядъ злостныхъ сплетенъ, заставили его оставить это мѣсто. Какъ разъ въ это время думный дворянинъ Артамонъ Матвѣевъ былъ озабоченъ исполненіемъ желанія Алексѣя Михайловича—завести въ Москвѣ театральныя представленія и рѣшилъ искать человѣка, который могъ бы ихъ осуществить, въ самой Москвѣ, конечно — прежде всего—въ Нѣмецкой слободѣ. Выборъ его остановился на Г., вѣроятно, потому, что Г. ставилъ со своими учениками школьные спектакли. 4-го іюня 1672 г. былъ изданъ приказъ, которымъ Г. поручалось „учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есфирь, и для того дѣйства устроить хоромину вновь" въ селѣ Преображенскомъ. Стали строить „комедійную хоромину", а Г. тѣмъ временемъ набралъ около 70 дѣтей разныхъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ и сталъ съ ними упражняться въ декламаціи на нѣмецкомъ и славянскомъ языкахъ. Помогали ему въ этомъ дѣлѣ иноземецъ Лаврентій Рингуберъ и учитель Юрій Михайловъ. Съ помощью перваго Г. написалъ и пьесу для перваго спектакля, объ Эсфири и Артаксерксѣ. 17-го октября того же года спектакль былъ сыгранъ въ присутствіи царя. Царь былъ въ восторгѣ отъ спектакля, смотрѣлъ его въ продолженіе десяти часовъ, не вставая съ мѣста. Всѣ устроители и участники спектакля были обласканы и затѣмъ щедро вознаграждены. Дѣло новаго театра старались обставить возможно лучше и надежнѣе. Въ половинѣ 1673 г. Г. было поручено набрать въ „его царскаго величества комедіанты" 26 человѣкъ дѣтей мѣщанъ и подъячихъ, и образовалась такимъ образомъ правильная театральная школа. Въ началѣ іюня 1675 г. Г. скончался, это замѣтно отразилось на жизни заведеннаго имъ театра. Онъ немного пережилъ своего основателя. Приблизительно черезъ полгода, 30 января 1676 г., скончался Алексѣй Михайловичъ, Матвѣевъ попалъ въ опалу,—и комедійной хоромине пришелъ конецъ. Царскимъ ука

зомъ театръ уничтоженъ, зданію его дано иное назначеніе, а все театральное имущество, декораціи, органы, вывезены. *Н. Э.*

Грегоровіусъ, Фердинандъ, нѣм. историкъ, род. въ 1821 г., рано посвятилъ себя литературѣ и съ 1841 г. выпустилъ цѣлый рядъ беллетристическихъ произведеній, долго странствовалъ по Италіи и Греціи; ум. въ 1891 г. Главная заслуга его—историческія работы. Главныя изъ нихъ: „Gesch. d. Stadt Rom im Mittelalter" (8 т. 1859—73, 5 изд. 1903 и слѣд., превосход. итальянск. изд. съ иллюстр., русск. пер. I—IV тт.), „Kaiser Hadrian und seine Zeit" (1851), „Lucrezia Borgia" (1874, 2 т., 4 изд. 1906), „Gesch. d. Stadt Athen im Mittelalter" (2 т. 1889). Работы Г. при большихъ научно-критическихъ достоинствахъ написаны необычайно увлекательно, изобилуютъ яркими картинами и характеристиками и всегда умѣютъ перенести читателя въ среду и духовную атмосферу изображаемой эпохи. Художественный талантъ, который не родилъ ни одной крупной вещи по беллетристикѣ, вооружилъ сверкающими красками руку историка. Этимъ объясняется огромный успѣхъ многотомныхъ трудовъ Г. въ широкой публикѣ. *А. Дж.*

Грегуаръ (Grégoire), Анри, изв. дѣятель франц. революціи, род. въ 1750 г. Вступивъ въ духовное званіе, Г. былъ священникомъ въ Лотарингіи. Въ 1789 г. онъ былъ выбранъ духовенствомъ Нанси въ генер. штаты и въ учредительномъ собраніи ратовалъ за уничтоженіе привилегій дворянства, за дарованіе гражд. правъ евреямъ, а также неграмъ и мулатамъ, рожденнымъ отъ свободныхъ родителей. Выбранный епископомъ блуаскимъ, онъ первый принесъ присягу новому гражданскому устройству духовенства. Въ конвентѣ Г. внесъ рядъ предложеній о развитіи народнаго образованія; во время террора онъ энергично возставалъ противъ разрушенія памятниковъ искусства и отреченія отъ христіанства. Во время директоріи Г. былъ членомъ совѣта пятисотъ, послѣ 18 брюмера—законодат. корпуса, а съ 1801 г. былъ сенаторомъ. Вынужденный послѣ конкордата отказаться отъ епископства и удостоенный въ 1808 г. графскаго званія, Г. послѣдняго титула почти не носилъ, продолжая считать себя законнымъ епископомъ. Въ 1814 г. Г. напечаталъ брош. „De la constitution française de l'an 1814", въ которой указывалъ на недостатки конституціонной хартіи. Въ послѣдніе годы своей жизни Г. подвергался преслѣдованіямъ со стороны правительства и особенно духовенства. Удостоенный въ 1814 г. званія почетнаго члена Казанск. унив., Г. въ 1821 г. по предложенію Магницкаго лишенъ былъ этого званія. Ум. въ 1831 г. Г. написалъ нѣск. соч. по церк. исторіи; его „Mémoires" изданы Карно въ 1831 г.

Грегуаръ (Grégoir), Эдуардъ, бельг. композиторъ (1822—1890). Ученикъ Руммеля, Г. рано выступилъ на виртуозное поприще, какъ піанистъ; но затѣмъ посвятилъ себя музыкальной педагогикѣ, композиціи и музыкально-литературнымъ изслѣдованіямъ. Имъ написано множество оперъ, поставленныхъ въ Брюсселѣ и Антверпенѣ, симфоніи, ораторіи, увертюры, мелкія піесы для пѣнія и инструментовъ; но особенное значеніе имѣютъ его работы по исторіи музыки (главнымъ образомъ, въ Бельгіи, Нидерландахъ и Франціи). Гл. пр.: „Documents historiques relatifs à l'art musical et aux artistes-musiciens" (4 том. 1872—76), „Panthéon musical populaire" (1876—1877, 6 том.).

Гредескулъ, Николай Андреевичъ, см. приложеніе: *біографіи членовъ Гос. Думы.*

Гредосъ (Sierra de Gredos), ю.-зап. продолженіе горъ Гвадарама въ центр. Испаніи, гл. верш. (Plaza de Almanzor)—2661 м. выс.

Греефъ, см. *Де-Греефъ.*

Грезъ (Greuze), Жанъ Батистъ, франц. живописецъ, род. въ 1725 г. въ Турню, въ рабочей семьѣ. Отецъ его былъ кровельщикомъ. Предназначивъ сына въ архитекторы, онъ долго боролся съ наклонностью мальчика къ рисованію, пока способности, ясно выразившіяся у Г., не склонили отца измѣнить свое рѣшеніе. Г. былъ отправленъ учиться въ Ліонъ. Школа, въ которую попалъ Г., была мастерской, гдѣ изготовлялись картины на про-

дажу. Здѣсь Г. усвоилъ умѣнье рисовать, разбираться въ краскахъ и пріобрѣлъ поверхностность и искусственность въ обработкѣ сюжетовъ. Двадцати лѣтъ Г. переселился въ Парижъ. Въ теченіе десяти лѣтъ Г. боролся съ нуждой и учился въ академіи. Въ 1755 году Г., наконецъ, обратилъ на себя вниманіе картиной „Отецъ читаетъ библію своимъ дѣтямъ“. Въ ней онъ далъ характерный уголокъ, простую семью и благочестивое настроеніе домашняго очага. Картина внесла освѣжающую струю въ атмосферу легкомысленной и слащавой современной живописи. Простая жизнь добродѣтельныхъ крестьянъ особенно нравилась въ силу противоположности порочной жизни высшихъ слоевъ общества. Это создало большой успѣхъ у публики картинѣ Г. Г. былъ избранъ „академикомъ“. Вторая картина „Деревенская невѣста“ или „Отецъ, дающій приданое дочери“, снова говорила о прелести семейной жизни, добродѣтели и счастьи простолюдиновъ и снова вызвала восхищеніе и шумъ вокругъ Г. Это опредѣлило окончательно путь, по которому пошелъ Г. Онъ сталъ изображать жизнь третьяго сословія, но не ради правды и красоты, а съ цѣлями нравоученія. Слѣдуя завѣтамъ Дидро, Г. поставилъ цѣлью въ своихъ картинахъ выставлять великія душевныя качества, прекрасную нравственность и показывать, какъ привлекательна добродѣтель и отвратителенъ порокъ. Сообразно съ такою задачей Г. и подбиралъ сюжеты для картинъ. Онъ рисовалъ отца-паралитика, за которымъ съ трогательною заботливостью ухаживала семья, мать, окруженную любящими дѣтьми, молодыхъ родителей, нѣжно обнимающихся, и спящаго ихъ ребенка. Какъ контрастъ этому безмятежному счастью и царству добродѣтели онъ изображалъ тяжесть и гибельность порока. На ряду съ этими картинами Г. писалъ портреты и много дѣтскихъ и дѣвичьихъ полуфигуръ и головокъ съ невинными и кокетливыми личиками, съ полуоткрытыми губками, то въ задумчивости, то въ сантиментальной горести передъ разбитой кружкой, мертвой птичкой или смятыми цвѣтами. Популярность Г. быстро росла. Воспроизводимыя въ гравюрахъ картины Г. расходились тысячами не только по Франціи, но и по всей Европѣ. Г. пользовался широкимъ вниманіемъ и зарабатывалъ громадныя суммы. Такъ длилось до 1785 г. Въ этомъ году Г. пришлось пережить семейную передрягу. Въ 1789 году Г. потерялъ свои сбереженія и королевскую пенсію. Оставалась надежда на живопись, но и кисть перестала давать славу и средства. Мода на Г. прошла. Ни картины его обычнаго типа, ни картины на классическіе сюжеты, отвѣчавшія новымъ теченіямъ, не шли. Забытый всѣми, въ нищетѣ Г. скончался въ 1805 г. Г. былъ живописцемъ, отразившимъ въ своихъ картинахъ характерныя теченія своего времени. Онъ былъ поверхностенъ, мало углублялся въ душу, бралъ внѣшнюю оболочку. Онъ не любилъ изучать природу, передавать правду. Онъ не писалъ крестьянъ такими, какими они были. Его крестьяне не знаютъ тяжелаго и чернаго труда, его крестьянки вылощены, причесаны къ лицу, вымыты, кокетливо одѣты и болѣе похожи на горничныхъ-субретокъ. Г. однообразенъ въ типахъ, искусственъ въ позахъ, театраленъ въ движеніяхъ и компоновкѣ. Но нельзя отказать Г. и во многомъ хорошемъ. Картины его иногда проникнуты подкупающей искренностью. Онъ часто даетъ хорошую композицію, ясно опредѣляющую роль дѣйствующихъ лицъ, выказываетъ умѣнье выразить настроеніе и показать тонкую градацію психическихъ переживаній. Онъ—хорошій живописецъ, съ сочнымъ мазкомъ, съ своеобразной граціей и изяществомъ, съ прекраснымъ колоритомъ, особенно въ лицахъ миловидныхъ дѣтей и дѣвушекъ. Въ головкахъ и полуфигуркахъ Г. поднимается до высокаго искусства. Въ исторіи французской живописи Г. занимаетъ мѣсто, какъ основатель нравственно-назидательной живописи съ литературнымъ оттѣнкомъ, и имѣетъ заслугу въ томъ, что въ эпоху Ватто и Буше онъ открылъ новый уголокъ французской жизни и былъ изобразителемъ жизни третьяго сословія. См. *Normand.* „Jean B. G“ (1892); *Mauclaire et Marcel*, „J. B. G.“ (1909);

Грёзъ (1725—1805).

Разбитый кувшинъ.

(Парижъ. Лувръ.)

Маклинъ, „Г." (Художеств. библіот. 1909). *Н. Тарасовъ.*

Грей (Grey), Генри, графъ, англ. госуд. дѣятель, род. въ 1802 г., сынъ Чарльза Г., въ 1835—39 г. былъ военнымъ министромъ, въ 1846—52 г. министр. колоній, при чемъ проводилъ либеральную политику по отношенію къ колоніямъ (самоуправленіе, свобода торговли). Въ послѣдующіе годы Г. не участвовалъ больше ни въ одномъ министерствѣ, но часто отзывался на полит. злобы дня въ період. печати (Times'ѣ) и въ книгахъ; будучи вигомъ стараго покроя, онъ возставалъ противъ парлам. реформы, противъ ирландскаго гомруля и т. д. Ум. въ 1894 г.

Грей (Grey), сэръ Джорджъ, англ. полит. дѣятель, род. въ 1812 г., въ 1837—38 гг. совершилъ путешествіе по Австраліи, описанное имъ въ „Journal of two Expeditions in north-western and western Australia" (1840). Книга доставила ему постъ губернатора Южной Австраліи (1841). Съ этого началась его карьера. Въ 1846 г. онъ сдѣлался губернат. Нов. Зеландіи, изучилъ маорійскій языкъ и личными сношеніями съ вождями содѣйствовалъ успокоенію далеко не замиренной провинціи. Въ 1854—61 гг. онъ былъ губернаторомъ Капской колоніи, въ 1861 — 67 гг. — снова Новой Зеландіи, куда его призвали, чтобы справиться съ возстаніемъ туземцевъ; Г. выполнилъ эту задачу. Позднѣе много разъ былъ премьеромъ Нов. Зеландіи. Въ 1894 г. вернулся въ Англію. Ум. въ 1898 г.

Грей (Gray), Іоанна (Жанна, Дженъ), род. въ 1537 г., въ 1553 г. королева Англіи, въ 1554 г. казнена. См. *Великобританія*, VIII, 512/513.

Грей (Gray), Томасъ, англійскій поэтъ, род. въ 1716 г., съ 1768 г. проф. новой исторіи въ Кембриджѣ, ум. въ 1771 г. Особенно прославился своей „Elegy written in a country churchyard", переведенной на всѣ европейск. языки (на русск. подъ заглавіемъ „Сельское кладбище").

Грей (Grey), Чарльзъ, графъ, англ. полит. дѣятель, род. въ 1764 г., въ 1786 г. вступилъ въ нижнюю палату, примкнулъ къ вигамъ, былъ до смерти Фокса его вѣрнымъ приверженцемъ, смѣнилъ его затѣмъ на посту лидера виговъ; въ 1806—7 гг. былъ въ кабинетѣ Гренвиля первымъ лордомъ адмиралтейства, затѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1807 г. онъ перешелъ въ палату лордовъ. Въ процессѣ королевы Каролины (1820) Г. взялъ на себя ея защиту. Въ 1830 — 34 гг. онъ стоялъ во главѣ министерства, прославившагося проведеніемъ *билля о реформѣ*. Ум. въ 1845 г.

Грей (Grey), сэръ Эдуардъ, англ. полит. дѣятель, род. въ 1862 г., учился въ оксфордскомъ университетѣ и въ 1885 г. вступилъ въ палату общинъ, какъ членъ либер. партіи. Благодаря близости съ Розбери онъ получилъ постъ товарища статсъ-секретаря по иностр. дѣламъ въ его кабинетѣ (1892—95) и вскорѣ пріобрѣлъ репутацію прямого политика и человѣка, непоколебимо преданнаго интересамъ своей родины. За нимъ, какъ и за Аскитомъ, упрочилась репутація даровитѣйшаго представителя имперіалистской идеи. Въ министерствѣ Кэмпбеля-Баннермана онъ получилъ (1905) поэтому портфель иностранныхъ дѣлъ, который удержалъ и въ кабинетѣ Аскита.

Грейгъ, Алексѣй Самуиловичъ, адмиралъ, сынъ С. К. Г., род. въ 1775 г.; въ 1804—1805 г. сражался въ Средиземн. морѣ съ француз. и турками, въ 1805 г. овладѣлъ остр. Лемносомъ; съ 1816 г.—главный командиръ черноморскаго флота; въ 1828—29 г. участвовалъ при взятіи Анапы и Варны. Ум. въ 1845 г.

Грейгъ, Самуилъ Алексѣевичъ, русскій госуд. дѣятель, сынъ А. С. Г., род. въ 1827 г., въ 1854 г. участвовалъ въ оборонѣ Севастополя; въ 1866 г. назнач. товарищемъ министра финансовъ, въ 1874 г.—государств. контролеромъ, въ 1878 г.—министромъ финансовъ; увеличивая существовавшіе налоги и вводя новые, Г. не сумѣлъ привести въ равновѣсіе госуд. доходы и расходы. Въ 1880 г. уволенъ. Ум. въ 1887 г.

Грейгъ, Самуилъ Карловичъ, русскій адмиралъ, род. въ 1736 г. въ Шотландіи; въ 1764 г. поступилъ на русскую службу, отличился при уничтоженіи турецкаго флота при Чесмѣ

(1770 г.), въ 1788 г. одержалъ побѣду надъ шведск. флотомъ при Гохландѣ. Ум. въ 1788 г.

Грейстёррокъ, см. *Грэсъ-Тэррокъ*.

Грейфсвальдъ (Greifswald), городъ въ прусск. пров. Померанiи, на судоходн. р. Рикъ, въ 4 км. отъ впаденiя ея въ *Грейфсвальдскую бухту*, 24.679 жит. Старый университетъ (съ 1456 г.) съ богатой библiотекой.

Грейцъ (Greiz), главн. городъ княжества Рейссъ Старш. линiи, 23.245 жит.; производство шерстян. товаровъ.

Греко, Эль, подъ этимъ именемъ извѣстенъ Доменикино *Теотокопули*, испан. живописецъ, архитекторъ и скульпторъ, по нацiональности грекъ. Онъ род. около 1548 г., юношею пріѣхалъ въ Венецiю и тамъ развивался подъ вліянiемъ Тицiана и Тинторетто, какъ показываютъ произведенiя этого перiода „Исцѣленiе слѣпого“ и портретъ Клавiо. Около 1575 г. Г. переселился въ Толедо. Первоначально и здѣсь Г. не порывалъ связи съ венецiанской школой, сохраняя широту трактовки и красочность. Но потомъ онъ сталъ отходить отъ усвоеннаго. Въ картинѣ „Раздѣлъ ризы Спасителя между воинами“ видны новыя черты въ ликѣ Христа, обращенномъ къ небу со слезами и въ группировкѣ фигуръ по византiйскому пріему. Въ дальнѣйшихъ картинахъ еще болѣе выступаетъ своеобразное настроенiе Г. Онъ отказывается отъ реалистической передачи, фигуры пріобрѣтаютъ характеръ видѣнiй, удлиняются, въ краскахъ преобладаетъ холодный старый тонъ. Къ 1584 г. это направленiе окончательно опредѣляется. Фигуры не только вытягиваются, но и искривляются. Краски упрощаются и сводятся къ тремъ—сѣрой, голубой и желтой. Таковы „Погребенiе графа Оргаза“, „Св. Маврикiй“, „Видѣнiе Филиппа II“, „Св. Iосифъ“, „Св. Мартинъ“, „Богоматерь со святыми“. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе усиливаются крайности, группировка усваиваетъ монументальный характеръ и чувствуется нервозность письма. Особенно характерны въ послѣднемъ отношенiи „Крещенiе Господне“, „Распятiе“, „Воскресенiе“, „Св. Францискъ“ и полное вдохновенiя „Сошествiе св. Духа“. Одновременно съ этими картинами религiознаго содержанiя Г. писалъ во множествѣ портреты. Въ нихъ онъ давалъ своеобразно одухотворенныя лица, не столько индивидуальныя, сколько *типичныя* и также обвѣянныя настроенiемъ, приближающимъ ихъ къ видѣнiямъ. Въ послѣднее время Г. привлекъ къ себѣ сильное вниманiе, и около него создалось нѣчто вродѣ культа. Есть склонность поставить его выше Веласкеса. Если такое стремленiе можно считать нѣсколько преувеличивающимъ силу Г., то нельзя сомнѣваться въ его крупномъ и своеобразномъ талантѣ, въ его значительномъ вліянiи на испанскую живопись. Своеобразiе Г. выдѣляетъ его сильно изъ ряда современниковъ. Г. является смѣлымъ новаторомъ, въ извѣстномъ отношенiи предтечею Веласкеса и родоначальникомъ современнаго импрессiонизма. Г. былъ новаторомъ и въ области архитектуры, создателемъ перваго элiпсическаго плана храма въ стилѣ барокко на испанской почвѣ. Ум. Г. въ 1614 г. О Г. см. *Cossio*, „El G.“ (1908); *Calvert*, „El G.“ (1909); *Barres*, „El G. et le secret de Toledo“ (1912). *Н. Тарасовъ.*

Грековъ, Димитрiй, болг. полит. дѣятель, род. въ 1847 г., участвовалъ въ Тарновскомъ народн. собранiи 1879 г., въ 1879 и 1881—83 былъ мин. юстицiи; въ каб. Стамбулова, къ которому онъ примкнулъ, занималъ нѣкот. время (1890—94) портфель иностр. дѣлъ, державъ сторону Австрiи. Послѣ паденiя Стоилова недолго (1899) стоялъ во главѣ министерства. Ум. въ 1901 г.

Греко-персидскія войны. До VI вѣка греческiя племена, поселившiяся на югѣ Балканскаго полуострова и въ М. Азiи, развивались самостоятельно, подвергаясь извнѣ почти исключительно мирнымъ культурнымъ вліянiямъ и не испытывая сколько-нибудь значительнаго насильственнаго воздѣйствiя со стороны иноземцевъ. Такое спокойное развитiе было возможно лишь потому, что по сосѣдству съ греческими поселенiями не было значительныхъ государственныхъ соединенiй, которыя могли бы быть для нихъ опасными. Положенiе начинаетъ мѣняться въ VI вѣкѣ. Къ этому времени лидiйское государство, образовавшееся еще

въ началѣ VII вѣка, настолько усилилось, что къ серединѣ VI в. (при Крезѣ) оно подчинило себѣ значительную часть малоазійскихъ греческихъ общинъ. Однако, условія подчиненія были мягки. Дѣло измѣнилось для грековъ къ худшему, когда вскорѣ лидяне были покорены персами. Огромное персидское государство, располагавшее большими доходами и крупными военными силами, постепенно сдѣлало зависимость малоазійскихъ грековъ болѣе значительной, чѣмъ это имѣло мѣсто при лидянахъ: начиная съ Дарія I (ок. 520 г.), персы стали поддерживать въ м.-азійскихъ городахъ тираннію, так. обр. подавляя даже внутреннюю независимость городовъ. Результатомъ этого было сначала неопредѣленное броженіе въ греческихъ поселеніяхъ М. Азіи, а когда персы ок. 513 г. потерпѣли тяжкое пораженіе въ скиѳскомъ походѣ (на югѣ Россіи),— броженіе усилилось и, наконецъ, около 500 г. вылилось въ форму возстанія, во главѣ котораго сталъ городъ Милетъ. Тиранны повсюду были низложены. Малоазійскіе греки стали просить помощи у своихъ европейскихъ соплеменниковъ. На призывъ откликнулись только аѳиняне, приславшіе 20 тріэръ, и эретрійцы (на Эвбеѣ), доставившіе 5 тріэръ. Какъ ни упорно защищались возставшіе, но слабая помощь, оказанная метрополіей, повела къ тому, что флотъ возставшихъ былъ уничтоженъ при островѣ Ладѣ, и Милетъ былъ взятъ (ок. 495 г.). Возставшіе должны были покориться персамъ.

Въ интересахъ безопасности своихъ владѣній персы должны были подумать и о европейскихъ грекахъ: помощь, оказанная аѳинянами и эретрійцами возставшимъ малоазійцамъ, сдѣлала яснымъ для персовъ, что, пока островные и европейскіе греки не будутъ подчинены, персидское владычество въ М. Азіи не будетъ прочнымъ. Да и растущее богатство городовъ по европейскому берегу Эгейскаго моря дѣлало ихъ весьма привлекательной добычей для персовъ.

Первое выступленіе персовъ противъ грековъ въ 492 г., когда ихъ войска подъ предводительствомъ Мардонія, зятя царя Дарія, перешли черезъ Геллеспонтъ, а ихъ большой флотъ двинулся вдоль сѣвернаго побережья Эгейскаго моря, кончилось неудачей: персидскій флотъ потерпѣлъ крушеніе при Аѳонѣ, а сухопутное войско пострадало отъ воинственныхъ ѳракійцевъ. Мардоній укрѣпился во Ѳракіи и Македоніи, оставивъ здѣсь гарнизоны, главная же часть войска вернулась въ Персію.

Слѣдующая экспедиція была предпринята въ 490 г. Персидское войско было переправлено на корабляхъ въ Аттику и высадилось у Мараѳона. Греки потомъ сильно преувеличивали количество этого персидскаго десанта. Самый фактъ перевозки персидскаго войска на корабляхъ показываетъ, что оно не могло быть такъ велико, въ виду несовершенства тогдашнихъ перевозочныхъ средствъ. Врядъ ли персы имѣли большой численный перевѣсъ надъ греками. Морская переправа была для нихъ неудобна и въ томъ отношеніи, что они не могли переправить въ Грецію въ большомъ количествѣ лучшую часть своего войска — конницу: она была представлена здѣсь слабо. Пѣхотное войско, состоявшее изъ воиновъ разныхъ національностей, оказалось менѣе приспособленнымъ къ бою, чѣмъ сплоченный строй аѳинскихъ гоплитовъ. Умѣлый тактическій пріемъ Мильтіада привелъ къ побѣдѣ надъ персами. Причинами пораженія персидскаго войска при Мараѳонѣ являются, так. обр., малое количество конницы и превосходство аѳинской пѣхоты. Немалое значеніе имѣлъ, конечно, и національный подъемъ аѳинскихъ солдатъ, сознававшихъ, что дѣло идетъ о самомъ политическомъ существованіи ихъ родины.

Персы стали готовиться къ новому походу, но смерть царя Дарія (486 г.) и возстаніе въ Египтѣ, отвлекшее его преемника Ксеркса, не дали имъ возможности предпринять рѣшительные шаги до 480 г. За эти 10 лѣтъ аѳиняне, руководимые Ѳемистокломъ, сумѣли создать значительный флотъ, необходимость котораго выяснилась во время предшествующихъ столкновеній съ персами, двигавшимися со стороны моря (о внутренней жизни Аѳинъ въ это время см. *Греція—исторія*).

Въ 480 г. персидское войско, съ самимъ Ксерксомъ во главѣ, двинулось

инымъ путемъ, чѣмъ въ предшествующій разъ. Морская переправа, въ виду необходимости сокращать при ней численность войска, была признана неудобной. Войско переправляется теперь окружнымъ путемъ сначала черезъ Геллеспонтъ, а потомъ по сушѣ, по Ѳракійскому побережью, флотъ же двигался вдоль берега. Назначеніемъ флота было, гл. обр., поддержаніе сношеній войска съ родиной и доставленіе ему провіанта, когда проходимая войскомъ страна оказывалась не въ состояніи прокормить его. Какова была численность персидскаго войска? Геродотъ (VII, 186) говоритъ, что общая численность его вмѣстѣ съ экипажемъ флота, обозомъ и проч. доходила до 5 милліоновъ. Ю. Белохъ очень остроумно замѣчаетъ, что, если бы эта цифра была вѣрна, то получилась бы такая картина: въ то время, какъ авангардъ приближался къ Ѳермопиламъ, арьергардъ долженъ былъ только выступить изъ Сардъ: явная нелѣпость! По осторожнымъ вычисленіямъ Белоха количество персидскихъ воиновъ могло достигать 100,000 человѣкъ.

Какъ извѣстно, цѣлый рядъ горныхъ цѣпей служитъ защитой Греціи съ сѣвера. Камбунійскій хребетъ съ Олимпомъ защищаетъ Ѳессалію, Отрисъ и Эта съ Ѳермопильскимъ проходомъ—Среднюю Грецію, Киѳеронъ и Парнесъ — Аттику, Геранія (на Коринѳ. перешейкѣ)—Пелопоннесъ. Аѳины, Спарта и нѣкоторыя другія государства Греціи, заключившія союзъ въ виду выступленія персовъ, не рѣшились защищать Ѳессалію и сосредоточили часть своихъ силъ подъ командой спартанскаго царя Леонида у Ѳермопилъ. Причину этого нужно искать въ ненадежности ѳессалійцевъ, въ виду подозрительнаго поведенія ихъ аристократическаго правительства. Впослѣдствіи это подозрѣніе оправдалось: ѳессалійцы открыто перешли на сторону персовъ. Мы видимъ, что въ теченіе войны болѣе отсталыя въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ аристократическо-землевладѣльческія общины Ѳессаліи, Беотіи, Фокиды и Локриды не оказываютъ сопротивленія персамъ и даже переходятъ на ихъ сторону, торговыя же общины борются активно. Причины этого интереснаго явленія заключаются, повидимому, въ томъ, что означенныя землевладѣльческія государства не имѣли такихъ интересовъ на морѣ, какіе имѣли торгово-промышленныя греческія общины, и поэтому упорная борьба съ персами не имѣла почвы въ жизненныхъ интересахъ обществъ первой категоріи. Кромѣ того, господствовавшая здѣсь аристократія могла надѣяться найти въ персахъ опору для своего владычества. Что же касается земледѣльческой Спарты, то эта община слишкомъ дорожила своей независимостью, чтобы стать на сторону Персіи, за Спартой же слѣдовалъ союзъ большинства пелопоннесскихъ государей.

Такова была въ общихъ чертахъ группировка греческихъ государствъ по отношенію къ персамъ.—Греческіе отряды у Ѳермопилъ, несмотря на упорное сопротивленіе, были разбиты. Греческій флотъ, несмотря на успѣшныя схватки при Артемисіи, долженъ былъ отступить къ югу. Беотія перешла на сторону персовъ, а персидское войско вторглось въ Аттику. Населеніе этой страны вмѣстѣ съ имуществомъ переправляется на Саламинъ; способные носить оружіе граждане садятся на корабли. Аѳиняне, обладающіе теперь значительнымъ флотомъ, желаютъ морского сраженія. Но, если до сихъ поръ интересы союзниковъ, боровшихся противъ персовъ, были солидарны, то теперь они расходятся: аѳиняне и островитяне стоятъ за то, чтобы дать персамъ бой у Саламина, пелопоннесцы же, съ лакедемонянами во главѣ, защищаютъ ту точку зрѣнія, что сопротивленіе врагу слѣдуетъ оказать только на перешейкѣ (Истмѣ). Вполнѣ понятно, что пелопоннесцы настаиваютъ именно на этомъ планѣ, такъ какъ для нихъ важно не допустить персовъ вторгнуться въ Пелопоннесъ. Верхъ одерживаетъ политика аѳинянъ. У острова Саламина въ проливѣ произошла морская битва, которая окончилась побѣдой небольшихъ подвижныхъ греческихъ кораблей надъ огромными неповоротливыми судами персовъ, неприспособленными для битвы въ тѣсномъ пространствѣ. Послѣ этого пораженія Ксеркъ покинулъ

армію и вернулся въ Персію. Персидскій флотъ отошелъ къ Геллеспонту, а сухопутное войско съ Мардоніемъ во главѣ отступило въ Θессалію на зимнія квартиры. Въ слѣдующемъ 479 г. персы вновь опустошили Аттику, но вскорѣ при Платеѣ были разгромлены соединеннымъ эллинскимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ спартанецъ Павсаній. Мардоній былъ убитъ. Остатки персидскаго войска удалились въ Азію.—Между тѣмъ греческій флотъ былъ занятъ освобожденіемъ отъ персовъ греческихъ острововъ Эгейскаго моря. Недалеко отъ Милета, у мыса Микале, былъ въ томъ же 479 г. разгромленъ персидскій флотъ. Греки занялись освобожденіемъ отъ персовъ греческихъ поселеній по Геллеспонту (478 г.). Так. обр., борьба съ персами съ суши перешла на море, и руководство ею изъ рукъ спартанцевъ постепенно перешло въ руки морской державы,—Аѳинъ. Около Аѳинъ стали группироваться въ союзъ для борьбы съ персами почти всѣ островныя и многія побережныя государства (*Делосскій*, позднѣе *Первый Аѳинскій союзъ*, см. *Грецiя—исторiя*). Постепенно аѳиняне овладѣли рядомъ важныхъ пунктовъ на сѣверномъ (Θракійскомъ) берегу Эгейскаго моря и у Геллеспонта. Когда персы позднѣе попытались вновь остановить движеніе аѳинскаго союзнаго флота, этотъ послѣдній подъ предводительствомъ Кимона нанесъ персамъ тяжкое пораженіе у южныхъ береговъ М. Азіи при устьѣ рѣки Эвримедонта (около 470 г.). Тогда довольно скоро и западное побережье М. Азіи примкнуло къ Аѳинамъ. Аѳиняне дѣлали даже попытки утвердиться на Кипрѣ, хотя безъ прочнаго успѣха. Спорадическія столкновенія съ персами имѣли мѣсто и въ 60-хъ и въ 50-хъ годахъ V вѣка. Ок. 460 г. аѳиняне попытались уязвить персовъ въ очень чувствительное мѣсто: они отправили 200 кораблей на помощь египтянамъ, возставшимъ противъ персовъ подъ предводительствомъ ливійца Инара. Но какъ возставшіе, такъ и аѳиняне въ 456—454 г. потерпѣли здѣсь тяжелое пораженіе. Эта неудача очень подорвала международный престижъ аѳинянъ (см. *Грецiя—исторiя*) и заставила ихъ прекратить дальнѣйшую борьбу съ персами, несмотря на то, что у береговъ Кипра (ок. города Саламина) они одержали еще разъ блестящую побѣду надъ персид. флотомъ. Былъ ли заключенъ въ 449 г. формальный миръ (такъ наз. Кимоновъ миръ),—неизвѣстно. Послѣдствія удачной борьбы съ Персіей для грековъ были весьма существенны: экономическій и культурный расцвѣтъ восточныхъ грековъ (на Эгейскомъ морѣ) пошелъ быстро впередъ. Но сила Персіи сломлена не была: въ концѣ V и въ первой половинѣ IV в. Персія не разъ выступаетъ въ роли рѣшительницы столкновеній между греческими государствами (о слѣдствіяхъ греко-персидскихъ войнъ и о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Греціи и Персіи см. *Грецiя—исторiя*).

Литература. Труды по исторіи Греціи *Бузольта*, *Белоха*, *Эд. Мейера*, *Пёльмана* и др., указанные въ статьѣ *Грецiя — исторiя*. Кромѣ того, *Hans Delbrück*, „Die Perserkriege und die Burgunderkriege“ (1887); *Wecklein*, „Die Tradition der Perserkriege“ въ „Sitz.-Berichte d. Bayr. Akad.“, phil.-hist. Kl., 1876. *М. Хвостовъ.*

Греми, селеніе телавск. у., Тифлисск. губ., 1.973 жит. (б. ч. грузины), располож. на р. Инцоба или Гремисъ-Цхали (прит. р. Алазанъ), въ 20 в. къ сѣв.-вост. отъ Телава. Въ окрестностяхъ обширныя *развалины* древн. города *Греми*, бывш. въ XV в. столицей Кахетіи и въ 1617 г. разрушеннаго персидск. шахомъ Аббасомъ.

Гремучая кислота, $C_2H_2N_2O_2$, принимаемая за оксимъ окиси углерода $C{=}NOH$ съ структурной формулой $\|$, весьма непрочное летучее соединеніе, напоминаетъ синильную кислоту и обладаетъ весьма ядовитыми свойствами. Соли ея, особенно ртутная и серебряная, обладаютъ сильно взрывчатыми свойствами и находятъ, особенно первая, широкое примѣненіе. Если растворъ 1 вѣсов. части ртути въ 12 вѣс. ч. азотной кислоты приливать къ 10 в. ч. спирта, то сейчасъ же начинается бурная реакція и выдѣляется бѣлое кристаллическое вещество *Г. ртуть*, $Hg(CNO)_2$; при иныхъ способахъ приго-

товленія получается сѣрая масса, заключающая нѣкоторое количество металлической ртути. Г. ртуть представляетъ игольчатые кристаллы, уд. в. 4,42, металлич. вкуса, ядовита, нерастворима въ холодной водѣ, растворяется въ 150 ч. кипящей воды, а также въ растворѣ ціанист. калія, въ соляной кислотѣ, амміакѣ и пр.; отъ нагрѣванія, удара, тренія, дѣйствія электрической искры, соприкосновенія съ крѣпкой сѣрн. и азотной кислотами и пр., она взрываетъ; во влажн. состояніи (30% воды) она не взрывается совсѣмъ, при 5% влажн. взрывъ происходитъ только въ мѣстѣ соприкосновенія и далѣе не распространяется. Сухая Г. ртуть очень легко взрываетъ отъ тренія и легкаго удара между желѣзн. поверхностями и совсѣмъ не взрываетъ между деревянн. поверхностями. Сравнительная безопасность въ обращеніи, способность взрываться отъ умѣр. удара, образованіе массы газовъ при взрывѣ и слѣд. мгновенное развитіе огромнаго давленія, вызывающаго детонацію др. взрывчатыхъ веществъ, обусловливаютъ широкое примѣненіе Г. ртути для наполненія взрывчатыхъ капсулей и приготовленія запаловъ. Еще болѣе взрывчатыми свойствами обладаетъ *Г. серебро*, $Ag_2C_2N_2O_2$, получаемое растворе́ніемъ 1 вѣс. части серебра въ 20 в. ч. азотной кислоты (уд. в. 1,36) и прибавленіемъ въ два пріема 54 в. ч. 86% спирта. Г. серебро представляетъ бѣлыя шелковистыя иглы, довольно хорошо растворимыя въ горячей водѣ (1 вѣс. часть соли въ 36 ч. воды); оно взрываетъ даже во влажномъ состояніи, напр., при растираніи стеклянной палочкой подъ водой. Дѣйствіе взрыва, однако, довольно ограниченное; напр., брошенное въ колбу, наполненную хлоромъ, грем. серебро взрывается еще не упавъ на дно, а колба не разбивается. *М. Н.*

Гремучая ртуть, см. *гремучая кислота.*

Гремучее серебро, см. *гремучая кислота.*

Гремучій газъ, смѣсь изъ 2 объемныхъ частей водорода и 1 части кислорода; зажженная электрической искрой или пламенемъ, производитъ сильный взрывъ, образуя воду. Скорость распространенія взрыва свыше 2.800 метровъ въ секунду. Удобнѣе всего получать Г. г. разложеніемъ слабаго раствора сѣрн. кислоты электр. токомъ въ особомъ приборѣ. Для безопаснаго наблюденія взрыва Г. г. можно наполнять имъ мыльные пузыри и взрывать ихъ зажженною лучиной. Если заставить горѣть водородъ въ кислородѣ въ особыхъ приборахъ, гдѣ смѣшиваніе происходитъ въ концѣ трубокъ, проводящихъ одна кислородъ, другая водородъ, то горѣніе происходитъ спокойно, но температура пламени дѣлается такъ высока, что плавится платина, песокъ или горный хрусталь, а мѣлъ и известь раскаляются до бѣла, распространяя очень интенсивный т. наз. *друммондовъ свѣтъ*, ранѣе употреблявшійся въ маякахъ и въ волшебныхъ фонаряхъ.

Гремучія змѣи, см. *гремучники.*

Гремучники, Crotalidae, сем. трубчатозубыхъ змѣй, характеризуется присутствіемъ глубокой ямки между глазомъ и носовымъ отверстіемъ (поэтому также *ямкоголовыя зм.*). Сюда относятся около 60 видовъ наиболѣе ядовитыхъ змѣй, живущихъ въ Америкѣ и Ю. Азіи. Настоящіе Г., или *гремучія змѣи*, Crotalus, на концѣ хвоста имѣютъ трещотку, составленную изъ ряда роговыхъ колецъ, вложенныхъ одно въ другое и представляющихъ видоизмѣненіе концевыхъ чешуй хвоста; она поддерживается 6—8 послѣдними позвонками, спаянными другъ съ другомъ. Изъ нихъ *обыкновенная Г. з.*, C. durissus, до 1,6 м. длины, сверху сѣробураго цвѣта съ неправильными черными полосками, снизу желтовато-бѣлая; встрѣчается въ Сѣв. Америкѣ отъ Мексикан. зал. до 46° с. ш., живетъ б. ч. въ норахъ грызуновъ; на человѣка сама не нападаетъ. *Алмазная з.*, C. adamanteus, свыше 2 м. длины, зеленовато- или золотистобураго цвѣта съ темными пятнами, водится въ средней и въ южн. частяхъ Сѣв. Америки. *Каскавелла*, C. horridus, свыше 1,5 м. длины, похожа на предыд. видъ, встрѣчается въ бол. части Юж. Америки. *Суруку*, C. mutus, свыше 2,5 м., спина красновато-желтая съ продольнымъ рядомъ большихъ чернобурыхъ ромбовъ, самая

опасная змѣя Ю. Америки и особенно Гвіаны. У рода Trigonocephalus голова треугольная, широкая, покрыта большими щитами, конецъ хвоста острый, роговой. Изъ видовъ ея въ юж. частяхъ Соед. Штатовъ водится *мокасиновая змѣя*, T. contortrix, до 1 м. длины, красиваго мѣдно-бураго цвѣта съ болѣе темными поперечными полосами; очень подвижная и поэтому очень опасная змѣя. Для воздѣлывающихъ рисовыя поля крайне опасенъ *водяной копьеголовъ*, T. piscivorus, до 1,5 м., бол. част. зеленовато-сѣраго цвѣта съ неправильными темными полосами, живущій въ болотист. мѣстахъ Сѣв. Америки. Между Волгой и Ураломъ, въ арало каспійск. степяхъ и въ Монголіи встрѣчается T. halys. Къ Г. относится также родъ *куфія*.

Гремячъ, мст. новгор.-сѣверск. у. Черниг. губ., на р. Судости, 3.278 жит., ярмарки, торговля.

Гренада, см. *Гранада*.

Гренада, одинъ изъ южн. Мал. Антильскихъ о-вовъ (брит.) вулканич. происхожденія, съ потухшими кратерами и горой св. Екатерины (S-te Catharine Mount)—1.143 м. выс. Площ. 430 кв. км. съ 72.988 жит. (1908). Плантаціи какао, сахарн. тростн. и хлопчатника. Гл. гор. и портъ *Сенъ-Джоржъ* (St. George), мѣстопребываніе губернатора и законодат. совѣта. Къ сѣв. отъ Г. къ о. С. Винценту тянется цѣпь мелкихъ скалистыхъ о-вовъ (до 600), такъ наз. *Гренадины* (Grenadines), съ общ. площ. въ 34 кв. км., наиболѣе значит. изъ нихъ *Карріаку* (Carriacou) съ 7.660 жит. О-въ Г. открытъ Колумбомъ въ 1498 г. Въ XVII и первой полов. XVIII в. принадлежалъ французамъ, въ 1762 захваченъ англичанами, окончательно упрочившимися на немъ въ 1783 г.

Гренадеры (Grenadiers), первоначально солдаты, назначенные для бросанія ручныхъ гранатъ; впослѣдствіи это названіе присвоено отборнымъ частямъ войска. Роты Г. составлены впервые въ Россіи при Петрѣ I. Кромѣ нѣкоторыхъ полковъ, именуемыхъ нынѣ г-скими, въ Россіи въ 1827 г. учреждена рота дворцовыхъ Г., комплектуемая ветеранами арміи. Въ настоящее время гренадерскіе полки по существу ничѣмъ не отличаются отъ армейскихъ. У насъ имѣется 4 гренадерскія дивизіи; при нихъ 4 гренадерскія артиллерійскія бригады.

Гренвилль (Grenville), Джорджъ, англ. госуд. дѣятель, род. въ 1712 г., ум. въ 1770 г.; см. *Великобританія*, IX, 145/146.

Гренвилль (Grenville), Уильямъ Уиндгемъ, лордъ, англ. госуд. дѣятель, сынъ предыд., род. въ 1759 г., съ 1782 г. членъ палаты общинъ, въ 1783 г. былъ назначенъ своимъ двоюр. братомъ, Питтомъ младшимъ, на постъ глав. казначея арміи, въ 1790 г. сталъ министромъ внутр. дѣлъ и перешелъ въ палату лордовъ, въ 1791 г. получилъ портфель мин. иностр. дѣлъ. Вмѣстѣ съ Питтомъ вышелъ въ отставку въ 1801 г., когда Георгъ III отказался дать свое согласіе на билль объ эмансипаціи католиковъ. Послѣ смерти Питта (1806) онъ сталъ номинальнымъ главою министерства „всѣхъ талантовъ“, проведшаго законъ объ уничтоженіи работорговли, но уже въ 1807 г. вышелъ въ отставку, когда король потребовалъ отъ него обѣщанія не вносить въ парламентъ проектовъ въ пользу католиковъ. Послѣ этого Г. продолжалъ быть однимъ изъ глав. защитниковъ эмансипаціи католиковъ и голосовалъ б. ч. съ вигами. Г. умеръ въ 1834 г.

Гренгуаръ, см. *Грингоръ*.

Гренландія, величайшій островъ на землѣ, занимающій по площади (2,1 милл. кв. км.) среднее положеніе между наименьшимъ материкомъ, Австраліей, и наибольшимъ слѣдующимъ островомъ, Новой Гвинеей, и находящійся на сѣверо-востокѣ Сѣв. Америки, составляя самый крайній восточный изъ ея полярныхъ острововъ. На югѣ Г. касается 60-ой параллели, но на сѣверъ она уходитъ за 83° с. ш., выдвигаясь, такимъ образомъ, далѣе всѣхъ острововъ Ледовитаго океана по направленію къ сѣв. полюсу. Представляя въ большей своей сѣверной части очертанія неправильнаго четыреугольника, Г. суживается на югѣ въ видѣ треугольника и, наконецъ, заостряется угломъ, вершина котораго заканчивается нѣсколькими скалистыми островками, изъ коихъ одинъ выдается къ Ю. мы-

сомъ Фэруэль (Farewell—англ., Farvel—норв.). Съ сѣвера Г. омывается Ледовитымъ океаномъ, съ востока Атлантическимъ, части котораго носятъ названія: между Г. и Шпицбергеномъ—Гренландскаго моря, далѣе къ Ю.—Европейскаго Сѣвернаго моря, а между Г. и Исландіей—Датскаго пролива. Съ запада Г. отдѣлена отъ другихъ острововъ (Баффиновой земли, Сѣв. Девона и земли, носящей въ разныхъ ея частяхъ, съ Ю. на С., названія — Линкольнъ - Эллесмеръ - Гриннель-Грантъ-Ленд) Дэвисовымъ проливомъ, Баффиновымъ заливомъ, проливомъ Смита (онъ называется тоже заливомъ—Smith Sund), бассейномъ Кэна и проливомъ Кеннеди. Долгое время крайній сѣверъ и сѣверо-востокъ Г. оставались недоступными, и только путешествія Пири, а затѣмъ въ 1906—8 гг. датская экспедиція Миліуса - Эриксена окончательно доказали островной характеръ Г. и дополнили очертанія ея береговъ на сѣверо-востокѣ. Берега Гренландіи мѣстами образуютъ длинные, внѣдряющіеся въ сушу фіорды или, наоборотъ, образуютъ выступы (полуострова); около фіордовъ въ довольно значительномъ количествѣ разсѣяны острова, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и довольно большіе, какъ островъ Диско у западнаго берега Гренландіи. Побережья Гренландіи являются, въ сущности, единственными извѣстными ея частями, понимая подъ побережьемъ полосу, имѣющую то нѣсколько десятковъ, то до ста и болѣе километровъ въ ширину; вся же внутренность Гренландіи остается почти неизвѣстной, такъ какъ она была перейдена только въ двухъ мѣстахъ (Нансеномъ и Пири), да еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣланы были попытки къ проникновенію въ нее. Впрочемъ, и берега Г. далеко не вездѣ доступны; наиболѣе доступенъ западный берегъ въ южной его половинѣ, да и то только лѣтомъ, но далѣе къ сѣверу и здѣсь доступъ бываетъ часто затрудненъ льдами; вдоль восточнаго же берега идетъ съ С. полярное теченіе, увлекающее массы льда, пробиваться черезъ которыя судамъ трудно. Вся внутренность Г. покрыта льдомъ и представляетъ изъ себя громадный ледяной покровъ, высота котораго увеличивается тѣмъ, что Г.—страна горная, повышающаяся по средней продольной оси до 2.000 и болѣе метровъ. Мѣстами, на окраинахъ этого ледяного покрова выдаются скалистыя вершины, но вообще страна представляетъ, повидимому, сглаженное плоскогорье (плато́), на которомъ только кое-гдѣ уцѣлѣли хребты; что касается толщины ледяного покрова, то она составляетъ, вѣроятно, многія сотни метровъ; высота ледяного плато доходитъ уже на югѣ до 2.700 м. надъ ур. моря, а сѣвернѣе, вѣроятно, еще выше. Этотъ ледяной покровъ образуетъ, повидимому, выпуклый щитъ, спускающійся какъ къ З. и В., такъ и къ С. и Ю. Поверхность его ровная, гладкая, бѣлая, безъ камней, даже безъ пыли; какъ показали примѣры Нансена и Пири, по ней можно свободно итти на лыжахъ или ѣхать на собачьихъ нартахъ; только съ приближеніемъ къ окраинамъ увеличивается число торчащихъ изъ льда скалъ (нунатаковъ), появляются трещины, усиливается склонъ и движеніе становится болѣе труднымъ. Впрочемъ, такова ли поверхность льда въ широкой части Гренландіи, еще неизвѣстно; Нансенъ перешелъ ее въ южной, узкой части, гдѣ ширина острова имѣетъ только около одной тысячи километровъ, а Пири — въ сѣверной части, гдѣ онъ шелъ болѣе вдоль берега. Ледяной покровъ Гренландіи, какъ и всякій глетчеръ, имѣетъ движеніе, хотя здѣсь, въ виду громадной, занятой ледянымъ покровомъ площади и различныхъ условій окраинъ острова, движеніе это въ разныхъ мѣстахъ проявляется различно. По окраинамъ ледъ вообще таетъ лѣтомъ, но на западномъ берегу, въ южной его половинѣ, онъ только въ немногихъ, сравнительно, мѣстахъ доходитъ по фіордамъ до моря въ видѣ долинныхъ ледниковъ, отличающихся отъ альпійскихъ только своей большей мощностью (10—15 км. ширины) и скоростью движенія (до 30 и болѣе метровъ въ сутки). Вообще же лѣтомъ болѣе или менѣе широкая полоса западнаго побережья остается свободною отъ снѣга. Къ сѣверу, однако, мощность ледниковъ увеличивается; въ бухтѣ Мельвилль ледъ вы-

двигается къ морю почти безъ перерывовъ на протяженіи около 350 км. вдоль берега, а еще сѣвернѣе ледникъ Гумбольдта имѣетъ до 100 км. ширины. Отъ всѣхъ этихъ ледниковъ откалываются при спускѣ ихъ въ море громадныя глыбы, которыя часто при этомъ перевертываются, вызывая сильное волненіе, а затѣмъ плывутъ къ югу, въ видѣ „ледяныхъ горъ“, уносимыхъ Лабрадорскимъ теченіемъ далеко къ Ю., до широты Ньюфаундлэнда, гдѣ большая часть ихъ застрѣваетъ на меляхъ, но иныя доходятъ дальше на Ю., даже до широты Азорскихъ острововъ, гдѣ, впрочемъ, быстро таютъ, попадая въ теплыя теченія. На восточномъ берегу, въ южной половинѣ, также встрѣчаются отдѣльные, широкіе, спускающіеся къ морю ледяные потоки, но любопытно, что далѣе къ С. за 70° с. ш. ледъ въ общемъ отступаетъ отъ берега, на 200 и болѣе километровъ, и только мѣстами, гдѣ въ сушу вдаются громадные фіорды (Скорезби-зундъ, фіорды короля Оскара и Франца-Іосифа), спускается въ видѣ ледниковъ къ ихъ внутреннимъ концамъ. На лишенной льда прибрежной полосѣ выступаютъ мѣстами нагорья съ острыми вершинами до 1.200—2.000 м. высотой, а въ другихъ мѣстахъ болѣе ровныя плато, спускающіяся террасами. Особенно величественны горные ландшафты вокругъ голубыхъ фіордовъ Франца-Іосифа и короля Оскара, гдѣ слои горныхъ породъ силурійскаго и девонскаго періодовъ поражаютъ своей разнообразной окраской—желтой, зеленой, фіолетовой, яркокрасной, бѣлой. Еще замѣчательнѣе такъ наз. земля Джемесона, къ с. отъ Скорезби-зунда; здѣсь на пространствѣ болѣе 5.000 кв. км. нѣтъ ни одного ледника, и страна напоминаетъ вересковую степь, а на небольшихъ плато (около 900 м. надъ ур. моря) покрыта пескомъ съ округленной галькой, который едва ли можно приписывать морю, ибо трудно себѣ вообразить, чтобы уровень моря поднимался здѣсь еще недавно столь высоко, а вѣроятнѣе — глетчернымъ потокамъ, обладавшимъ, можетъ быть, большей силой въ извѣстные періоды ускореннаго таянія. Въ такихъ мѣстностяхъ, остающихся свободными отъ льда и покрытыхъ растительностью, водятся крупныя травоядныя животныя, находящія себѣ достаточно корма даже въ теченіе зимы.—Различіе ландшафтовъ Г. обусловливается въ значительной степени образующими ее горными породами. Преобладаютъ среди нихъ первозданныя кристаллическія, граниты и гнейсы, но мѣстами онѣ были пробиты вулканическими изверженіями, которыя вывели на поверхность базальтовыя лавы, разлившіяся на болѣе или менѣе обширныхъ пространствахъ. Такое же сложеніе, съ такими же слѣдами вулканической дѣятельности, представляютъ и другіе сѣверные острова—Исландія, Шпицбергенъ, Янъ-Майэнъ и т. д., съ тѣмъ только различіемъ, что въ Исландіи вулканическія силы проявляютъ себя мощно еще и теперь, на Янъ-Майэнѣ былъ еще недавно дѣйствовавшій вулканъ, а въ Гренландіи вулкановъ нѣтъ, не найдено даже потухшихъ, хотя около выходовъ базальта и встрѣчаются горячіе ключи съ температурой $+38^0$ Ц. По восточному берегу имѣются также выходы палеозойскихъ породъ силурійскаго и девонскаго возрастовъ, а кое-гдѣ на западѣ и болѣе позднихъ, юрскаго, мѣлового и третичнаго.—Климатъ Г. полярный, но въ южной части онъ сравнительно умѣренный зимою (Годтхабъ, январь,—10,0 въ среднемъ) и холодный лѣтомъ (тамъ же въ сам. теплый мѣсяцъ, средняя $t^0 = +6{,}8^0$); въ сѣверной же части холодный и зимою, такъ что подъ 82^0 средняя годовая $t^0 = -20^0$. На внутреннемъ плато температура должна быть еще холоднѣе, и полагаютъ, что тамъ находится центръ холода (подобный имѣющемуся въ вост. Сибири, около Верхоянска), очерченный годовой изотермой—40^0 Ц. По берегамъ климатъ отличается измѣнчивостью; наблюдали иногда зимою, что въ теченіе часа температура повышалась на 24^0, съ—20^0 до $+4^0$. Такое быстрое повышеніе обусловливается теплыми и сухими вѣтрами, дующими часто съ внутренняго высокаго плато и соотвѣтствующими альпійск. сухимъ вѣтрамъ, т. наз. фёнамъ. Воздухъ, падая съ выс. плато внизъ, нагрѣвается, осушается и пріі-

обрѣтаетъ большую скорость, вслѣдствіе чего и является сильнымъ, сухимъ и теплымъ вѣтромъ. Г., однако, не всегда имѣла такой климатъ, какъ теперь. Въ третичную эру она не представляла такого ледяного покрова, а на берегахъ ея господствовалъ почти субтропическій климатъ, какъ о томъ можно судить по отпечаткамъ листьевъ растеній, найденныхъ въ третичныхъ отложеніяхъ на о-вѣ Диско; въ числѣ этихъ растеній оказались остатки дубовъ, вязовъ, кленовъ, тополей, лавровъ, плюща, виноградн. лозы, секвой (растущихъ теперь только въ Калифорніи) и т. д. Всѣ эти растенія указываютъ на климатъ съ средней годовой t^0 около $+12^0$. Ранѣе, въ мѣловой и юрскій періоды, климатъ здѣсь долженъ былъ имѣть еще болѣе высокую среднюю годовую температуру, около $+20^0$, такъ какъ найдены отпечатки цикадовыхъ, древовидныхъ папоротниковъ и другихъ формъ тропическаго характера. Въ настоящее время растительность въ Г. скудная; лѣсовъ нѣтъ, только въ южной части встрѣчаются рѣдкія деревья въ 2—3 м. высотой, а далѣе на сѣверъ идутъ только кустарники, карликовыя и ползучія древесныя породы, травы и мхи; всего насчитывается болѣе 400 видовъ явнобрачныхъ, не считая нѣсколькихъ сотенъ видовъ мховъ и лишаевъ; мѣстами, особенно на сѣверѣ, встрѣчаются обширные луга съ довольно обильной травянистой растительностью, дающей возможность существованія нѣсколькимъ видамъ животныхъ. Здѣсь, именно на сѣверѣ Г., водится овцебыкъ (или мускусный быкъ), съ рогами, напоминающими нѣсколько барана, и съ густой длинной шерстью; онъ встрѣчается небольшими стадами и не особенно боится человѣка, вслѣдствіе чего истребленіе его идетъ довольно быстро. Затѣмъ водится еще сѣверн. олень, ставшій тоже рѣдкимъ, песецъ, полярный заяцъ, наконецъ, волкъ, распространившійся сюда вслѣдъ за сѣв. оленемъ. У сам. берега встрѣч. тюлени, бѣлые медвѣди, а лѣтомъ берега посѣщаются массами птицъ.—Коренное человѣческое населеніе Г. составляютъ эскимосы, типичное полярное племя; по типу они сходны отчасти съ нѣкоторыми племенами индѣйцевъ, отчасти съ племенами крайняго сѣверо-востока Азіи. Они смуглаго цвѣта кожи, имѣютъ прямые черные волосы, темные глаза; роста средняго, или ниже средняго (попадаются и болѣе высокіе), сложенія большей частью коренастаго, съ широкою грудью, съ скуластымъ, плосковатымъ лицомъ, узковатыми глазами, длиннымъ или средней длины черепомъ. Языкъ ихъ полисинтетическій, какъ и всѣ американскіе. Сравнительно еще недавно они сохраняли многія черты примитивной культуры каменнаго вѣка, да и теперь, хотя и знакомы уже съ желѣзомъ, съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и съ нѣкоторыми другими продуктами европейской промышленности, продолжаютъ еще держаться своего образа жизни. Эскимосы выработали себѣ прекрасно приспособленный къ полярному климату типъ костюма (изъ мѣховыхъ шкуръ, также птичьихъ шкурокъ, кишекъ), обуви, жилища (сложеннаго изъ камней и дерна, или льда и снѣга, лѣтомъ—родъ чума, на западѣ юрта—землянка), лодокъ (легкій, на деревянномъ остовѣ, обшитый кожами каякъ или болѣе вмѣстительный, т. наз. женскій ботъ), саней, лыжъ, охотничьихъ орудій (гарпуны и др.) и т. д. Они не лишены извѣстныхъ художественныхъ талантовъ: схватываютъ типы различныхъ животныхъ и воспроизводятъ охотничьи и другія сцены—рѣзьбой по кости и мягкому камню, любятъ узоры и орнаментъ на различныхъ издѣліяхъ, поясахъ, женскомъ костюмѣ, имѣютъ пѣсни, мелодіи, былины, сказки. Питаются они почти исключительно животной пищей—мясомъ и жиромъ добываемыхъ охотою животныхъ, также рыбой, отчасти нѣкоторыми ягодами, кореньями, наконецъ, получаемою отъ европейцевъ мукой и другими продуктами. Всего ихъ числилось въ датскихъ владѣніяхъ Г. въ началѣ нынѣшняго столѣтія около 11.000, но эскимосы живутъ не въ одной Г., они населяютъ также берега земли Гриннеля, полуострова Лабрадоръ, Баффинову землю и нѣкоторые другіе острова къ западу отъ

нея, а на материкѣ—западный берегъ Гудзонова залива, часть канадской провинціи Кіуотинъ и далѣе на западъ все побережье Ледовитаго океана, западный берегъ территоріи Аляски, о-въ св. Лаврентія, а въ отдѣльныхъ колоніяхъ и побережье Чукотскаго полуострова, наконецъ (какъ алеуты) полуостровъ Аляску и Алеутскіе острова. Полярные путешественники могли, однако, убѣдиться, что слѣды пребыванія эскимосовъ (въ видѣ оставленныхъ ими жилищъ, отбросовъ и т. д.) встрѣчаются и въ такихъ мѣстностяхъ (какъ земля Банкса или восточный берегъ Г. въ сѣверной его половинѣ), гдѣ теперь уже этотъ народъ не живетъ. Изъ этого думали вывести заключеніе, что прежде эскимосовъ было больше и жили они на болѣе обширной площади, но это едва ли вѣрно; живя охотой, эскимосы вынуждены сообразоваться съ условіями охотничьяго промысла и временами переселяться въ болѣе добычливыя мѣста. Есть основаніе думать, что на Гренландію они перешли черезъ проливъ Смита, съ западныхъ острововъ, и распространились по всему западному берегу, а затѣмъ перешли и на восточный, гдѣ остались, однако, только въ извѣстной его части, покинувъ свои жилища на сѣверѣ побережья. Родиной эскимосовъ одни считаютъ среднюю часть сѣверо-американской сѣверной окраины, а другіе—Аляску; по мнѣнію Гамберга и Нансена, послѣднее предположеніе болѣе вѣроятно, тѣмъ болѣе, что здѣсь, на западѣ, они могли кое-что заимствовать (въ томъ числѣ и ѣздовыхъ собакъ) отъ инородцевъ сѣверо-восточной Сибири.

Въ настоящее время эскимосы, живущіе въ датскихъ владѣніяхъ Г., всѣ считаются христіанами, имѣютъ школы и находятся подъ опекой датскаго правительства, но датскія владѣнія идутъ по западному берегу только до 73° с. ш., до колоніи Упернивикъ, а по восточному берегу только въ южной его части (колоніи Ангмагсаликъ). По характеру эскимосы — народъ выносливый, смѣлый, сроднившійся съ своей природой, по своему честный, мирный, гостепріимный, веселый, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ грязный, грубый, обжорливый, упрямый. Полярные путешественники на сѣверѣ Америки много были обязаны эскимосамъ въ своихъ путешествіяхъ по материковому и морскому льду и вынуждены были въ своемъ костюмѣ, пищѣ, жильѣ, способахъ передвиженія слѣдовать ихъ примѣру. Кромѣ эскимосовъ въ Г. живутъ еще европейцы, почти исключительно датчане и потомки ихъ отъ браковъ съ эскимосками; число ихъ не превышаетъ 150.—Г. была открыта норманнами и исландцами въ концѣ X вѣка, когда тамъ основались двѣ колоніи, существовавшія, повидимому, въ теченіе четырехъ столѣтій, но трудность сношеній съ ними и разныя другія обстоятельства повели къ тому, что о нихъ наконецъ забыли, и только черезъ два слишкомъ вѣка Г. вновь была открыта англійскими мореплавателями, по слѣдамъ которыхъ явились и датчане, основавшіе въ 1720 г. колонію Годтхабъ. Иниціаторомъ этого предпріятія былъ норвежскій пасторъ Гансъ Эгеде, который задумалъ отыскать тамъ остатки древнихъ норманскихъ колоній и внести къ нимъ свѣтъ христіанства. Но остатковъ норманновъ онъ не нашелъ; они исчезли и, повидимому, отчасти вымерли, отчасти смѣшались съ эскимосами. (Въ разное время, между прочимъ и въ 1912 г., появлялись извѣстія о существованіи на нѣкоторыхъ о-вахъ полярной Америки бѣлыхъ, бѣлокурыхъ или рыжихъ эскимосовъ, можетъ быть, отдаленныхъ потомковъ древнихъ европейскихъ колонистовъ). Тогда онъ сталъ обращать эскимосовъ, а на смѣну ему въ 1733 г. явились другіе миссіонеры изъ секты моравскихъ братьевъ. Въ настоящее время датское правительство управляетъ своими владѣніями въ Г. на принципѣ торговой монополіи. Западный берегъ раздѣленъ на двѣ провинціи, Сѣверную и Южную Гренландію, каждая подъ управленіемъ инспектора; центръ южной Г.—Годтхабъ, центръ сѣверной—Годхавнъ на южн. берегу о-ва Диско, всего же имѣется 12 колоній на западномъ берегу, да двѣ на восточномъ. Въ каждой колоніи находится управитель, онъ же и завѣдующій лавкой, принадлежащей королев-

ской Гренландской торговлѣ; у него есть помощникъ—ассистентъ. Эти чиновники-торговцы снабжаютъ жителей всѣмъ необходимымъ и получаютъ отъ нихъ всѣ продукты промысловъ—оленьи шкуры (до 200 тыс. ежегодно), сало, рыбій жиръ, гагачій пухъ, шкуры бѣлыхъ медвѣдей, песцовые мѣха и т. д., которые не могутъ быть уступаемы никому кромѣ королевской Гренландской компаніи. Никто помимо ея агентовъ не можетъ вступать въ торговыя сношенія съ эскимосами; ввозъ же спирта совершенно запрещенъ. Хотя эта опека лишаетъ эскимосовъ свободы, но съ другой стороны, она предохраняетъ ихъ отъ пьянства и занесенія заразныхъ болѣзней, и по общему отзыву колоніальное датское управленіе является наилучшимъ изъ европейскихъ. Туземцамъ не навязываются европейскія привычки, они сохраняютъ свой образъ жизни, для нихъ устроены церкви или часовни, школы (даже семинарія), лавки, запасные магазины, но имъ приходится для полученія необходимаго сбывать продукты своего промысла единственнымъ торговцамъ, агентамъ датскаго правительства. Впрочемъ, промыслы постепенно падаютъ, звѣря становится меньше, что отражается и на благосостояніи эскимосовъ; датскому же правительству управленіе Г—ією приноситъ болѣе убытковъ, чѣмъ пользы.

Въ послѣднее время Г. стала предметомъ усиленныхъ изслѣдованій со стороны датскихъ ученыхъ. Въ 1906—8 годахъ въ сѣверной части восточнаго берега дѣйствовала экспедиція Міліуса-Эриксена, существенно пополнившая свѣдѣнія объ этомъ берегѣ, причемъ самъ онъ погибъ жертвою своей преданности наукѣ. Снятая имъ карта берега и оставленныя имъ и его двумя спутниками записки были найдены отправившейся на розыски экспедиціей Миккельсена и Иверсена, которые сами едва не погибли, вынужденные жить болѣе года на прибрежныхъ островахъ, питаясь только продуктами охоты. Въ наст. время бывшіе спутники М. Эриксена, Кохъ, Вегенеръ, продолжаютъ задачи прежней экспедиціи—изслѣдованіемъ внутренней Г. Новая экспедиція отправилась на пароходѣ въ іюлѣ 1912 г. изъ Исландіи, взявъ оттуда 16 лошадей и около 20 тыс. килогр. разныхъ припасовъ, высадилась на восточномъ берегу, въ Датской гавани (Danmark havn), а затѣмъ поднялась на плато, на находящуюся здѣсь землю Королевы Луизы, гдѣ имѣлось въ виду устроить зимнюю стоянку, съ тѣмъ, чтобы въ маѣ 1913 г. начать переходъ черезъ внутренній ледниковый покровъ. Ранѣе, однако, въ 1912 г., такой переходъ черезъ внутреннюю Гренландію совершенъ швейцарцемъ Де-Кэрвеномъ (de Quervain), съ 3 спутниками и 29 собаками, въ теченіе 6 недѣль, съ западнаго берега на восточный, отъ бухты противъ о-ва Диско, на ю.-в. къ Ангмагсалику. Еще одна экспедиція снаряжается американцами и имѣетъ цѣлью пройти моремъ по Баффинову заливу и проливу Смита до земли Эллесмеръ, пересѣчь ее, выйти въ Ледовитый океанъ и отыскать тамъ землю, видѣнную Пири издали съ юга и названную землей Крокера; по возвращеніи оттуда предположено перейти черезъ проливъ Смита въ Г., подняться на ея плато и дойти, насколько будетъ возможно, до средней его части. Всѣ эти экспедиціи должны значительно расширить наши свѣдѣнія о внутреннемъ ледяномъ покровѣ Г., который представляетъ интересъ какъ самъ по себѣ, такъ и по своему сходству съ тѣмъ великимъ оледенѣніемъ, которое въ предшествовавшій современному геологическій періодъ (т. наз. ледниковый)—охватывало большую часть Европы и Сѣв. Америки и оказало громадное вліяніе на измѣненіе рельефа поверхности, а также флоры и фауны въ соотвѣтств. странахъ. *Д. Анучинъ.*

Гренландское море, см. *Гренландія.*

Гренобль (Grenoble), гл. гор. франц. деп. Изеръ, располож. въ широкой, живописной долинѣ р. Изеръ, значит. ж.-д. узелъ, 73.022 жит., сильная крѣпость (съ 1825 г.), оживленн. центръ умственной жизни и торгово-промышл. дѣятельности юго-вост. Франціи. Осн. въ 1339 г. университетъ (въ 1910 г.—1156 студ.) имѣетъ 3 факульт. (droit, sciences, lettres), постоянные (зим. и лѣтомъ) курсы французск. яз. для иностранцевъ, устраиваемые „обществомъ попеченія о студентахъ иностранцахъ“ („Comité de patronage des

étudiants étrangers"), и рядъ научн. институтовъ, одинъ изъ котор. (для изученія исторіи и искусства Италіи) находится во Флоренціи, при у-тѣ состоитъ высш. медико-фармацевтическая школа („Ecole préparatoire de Médecine et de Pharmacie"); электротехническ. институтъ (1910 — 208 студ.), нѣск. спеціальн. и средн. учебн. завед., университетск. и городская библіотеки, послѣдняя (болѣе 400 тыс. том.)—одна изъ замѣчательнѣйшихъ библіотекъ Франціи и проч. Промышленность и торговля очень значительны: цементные заводы, фабрикація перчатокъ, красокъ, экипажей, льнопряденіе, въ окрестностяхъ садоводство, приготовленіе ликеровъ (знаменит. „шартрезъ"). Бывшая столица Дофинэ, Г. въ 1349 г. былъ присоединенъ къ владѣніямъ французской короны.

Гретри (Grétry), Андре Эрнестъ Модестъ, франц. композиторъ (1741 — 1813 г.); музык. образованіе получилъ въ Римѣ у Казали, затѣмъ отправился въ Парижъ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе комическ. операми „Le Huron" и „Lucile", за кот. послѣдовалъ рядъ другихъ. Въ 1795 г. онъ получилъ мѣсто инспектора въ консерваторіи. Г. создалъ эпоху въ исторіи комической оперы. Въ изданныхъ имъ очень интересныхъ „Мемуарахъ" (1796 г., 3 тома) онъ, между прочимъ, ясно и рѣшительно высказалъ свои взгляды на драматическую музыку; въ этомъ отношеніи онъ во многомъ сходенъ съ Глюкомъ, но идетъ еще дальше послѣдняго, придавая въ оперѣ не столько значенія собственно пѣнію, сколько общему драматизму музыкальной ситуаціи; речитативъ при этомъ выступаетъ у него на первый планъ. Г. написалъ всего 52 оперы; лучшія изъ нихъ „Le tableau parlant" (1769 г.), „Zémire et Azor" (1771 г.), „Richard Coeur-de-Lion" (1784 г.). Послѣдняя и въ наше время ставится еще во Франціи. Г. имѣлъ сильное вліяніе на всѣхъ послѣдующихъ франц. композиторовъ комич. оперы. *Ю. Э.*

Гретцъ (Grätz), Генрихъ, историкъ евреевъ, род. въ 1817 г. въ Познани, въ семьѣ раввина, образованіе получилъ въ бреславльск. унив. и съ открытіемъ въ Бреславлѣ еврейск. семинаріи занялъ тамъ въ 1854 г. мѣсто преподавателя еврейск. исторіи и литературы. Съ 1870 г. состоялъ также профессоромъ бресл. унив. по каѳедрѣ исторіи и восточ. языковъ. Ум. въ 1891 г. Главное сочиненіе Г.— „Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart" (1853 — 75, 11 т.), классическій трудъ, хотя и устарѣвшій по точкамъ зрѣнія, но впервые собравшій изъ самыхъ разнообразн. источниковъ обширный матеріалъ по исторіи евреевъ (кончая 1848 г.). Русск. полн. переводъ: „Исторія евреевъ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго", т. I—XII.

Гретъ-Канава (Great Kanawha), лѣв. прит. р. Огайо (Ohio), 644 км. длин., въ верхн. теченіи носитъ назв. *Нью-Риверъ*, судоход. на 150 км. отъ устья.

Грефе (Gräfe), Альбрехтъ, фонъ, знам. нѣм. окулистъ, род. въ 1828 г. въ Берлинѣ, гдѣ съ 1858 г. былъ проф. унив. Г. ввелъ въ употребленіе глазное зеркало, опубликовалъ свой методъ операціи катаракты, предложилъ лѣченіе глаукомы иридектоміей. Ум. въ 1870 г. Труды Г. помѣщались въ „Archiv für Ophthalmologie".

Грецiя (*королевство*), занимаетъ южную часть Балканскаго полуострова съ окружающими её островами и въ географическомъ отношеніи можетъ быть раздѣлена на Г. материковую и островную. Материковая Г., съ своей стороны, и исторически, и до извѣстной степени естественно, дѣлится на три части: сѣверную Г., заключающую въ себѣ Ѳессалію и часть Эпира; среднюю Г.— древнюю Элладу, и Пелопоннесъ или Морею. Сѣверная граница материковой Г. представляетъ искусственную линію, начинающуюся на западѣ отъ залива Арта, идущую затѣмъ по рѣкѣ того же имени, а далѣе по горамъ, образуя выпуклую къ сѣверу дугу, а потомъ извилистую линію, проходящую южнѣе высокой горной группы Олимпа (нын. Элимбосъ, 2970 м.) и оканчивающуюся у Салоникскаго залива. Большую часть сѣверной Г. занимаетъ Ѳессалія, ограниченная кругомъ горами равнина, наибольшая во всей Г. Средняя Г. можетъ быть ограничена на сѣверѣ извилистой линіей, идущей

отъ залива Арта къ заливу Воло, и болѣе естественно выраженной на востокѣ горною цѣпью Отрисъ, отдѣляющею её отъ Θессалiи; на югѣ же её естественно ограничиваютъ заливы Коринѳскiй и Эгинскiй, раздѣляемые только узкимъ (6 клм.) и низкимъ (79 м.) Коринѳскимъ перешейкомъ, черезъ который уже въ древности перетаскивались суда, а теперь имѣется каналъ. Перешеекъ этотъ связываетъ среднюю Г. съ Пелопоннесомъ, который можно считать островомъ, отдѣлившимся отъ материка образованiемъ ложбинъ, занятыхъ потомъ моремъ (Коринѳскiй и Эгинскiй заливы), и еще позже, съ пониженiемъ уровня моря, причленившимся въ видѣ—полуострова. Характерная форма Пелопоннеса съ его конечными выступами-полуостровами уже древнихъ наводила на сравненiе съ лопастнымъ листомъ въ родѣ кленоваго. Острова Г. представляютъ двѣ главныхъ группы: западную, въ Iоническомъ морѣ—Iонические острова (Корфу, С. Маура, Итака, Кефалонiя, Занте и многiе мелкiе) и восточную, въ которую входятъ Циклады и сѣверные Спорады. Особое положенiе занимаетъ большой и длинный островъ Эвбея, вытянутый вдоль сѣверо-восточнаго берега средней Грецiи и отдѣленный отъ нея длиннымъ заливомъ (Эвбейскiй, нынѣ Аталанти), продолжающимся въ проливъ Эврипъ, который въ самой узкой части имѣетъ только 60 м. ширины, такъ что здѣсь легко могъ быть построенъ мостъ. Къ с. и с.-в. отъ Эвбеи находится группа острововъ (Скiато, Скопело, Скиро и др.), называемыхъ обыкновенно Сѣверными Спорадами. Другая группа — Циклады расположена на продолженiи (въ юго-восточномъ направленiи) Эвбеи и полуо-ва Аттики. Продолженiемъ Эвбеи служатъ острова: Андросъ (Андро), Тѐносъ (Тино), Ми́коносъ (Миконо), Наксосъ (Наксiя), Аморгосъ (Амурго) и др.; продолженiемъ Аттики—расположенные въ нѣсколько рядовъ: Кеосъ (Цiя), Сиросъ (Сира), Паросъ (Паро), Iосъ (Нiо), Китносъ (Термiя), Серифосъ (Серфо), Сифносъ (Сифона), Мелосъ (Мило), Сѝкиносъ (Сикино), Санторини (Тера) и др.

Наиболѣе характерную географическую черту Г. представляетъ ея расчлененность, выраженная въ обилiи острововъ и въ изрѣзанности береговъ, образующихъ многочисленные, болѣе или менѣе глубоко вдающiеся въ сушу заливы и выступающiе полуострова. По извилистости береговой линiи Г. занимаетъ первое мѣсто на землѣ; если бы собрать всѣ ея острова и полуострова въ одну компактную массу въ видѣ круга, то длина окружности этого круга въ отношенiи къ дѣйствительной длинѣ береговъ Г. равнялась бы $1 : 3^1/_2$, тогда какъ то же отношенiе, примѣненное, напр., къ Iталiи, не дало бы и 1 : 2. Расчлененность береговъ несомнѣнно способствовала раннему развитiю здѣсь мореплаванiя. Обилiе заливовъ и гаваней, особенно на восточной сторонѣ, а также острововъ, видныхъ съ берега и, затѣмъ, одинъ съ другого и манившихъ далѣе въ море, должно было облегчать первыя попытки мореходства и благопрiятствовать его развитiю. И дѣйствительно, греки рано разселились по всѣмъ берегамъ и островамъ Эгейскаго моря, предпринимали уже за тысячу лѣтъ до нашей эры далекiя морскiя экспедицiи, а затѣмъ основали рядъ колонiй по берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей и вели долгое время оживленныя торговыя сношенiя не только въ области Средиземья, но также и въ Красномъ морѣ и въ Индiйскомъ океанѣ, пока въ средне вѣка первенство въ морскомъ дѣлѣ не перешло къ итальянцамъ, а затѣмъ и къ другимъ нацiямъ.

Другую географическую особенность Г. составляетъ ея гористость. Приблизительно $^4/_5$ ея поверхности покрыто горами, не очень высокими, не превышающими 2500 м., но часто скалистыми, изрѣзанными глубокими ущельями и подраздѣляющими страну на естественно обособленныя долины, котловины и плоскогорья, что благопрiятствовало въ древнiя времена распаденiю на отдѣльныя народности, а въ болѣе близкую къ намъ эпоху — борьбѣ за независимость. Горы Г. являются на сѣверѣ продолженiемъ системы Пинда и болѣе или менѣе параллельныхъ ему хребтовъ, которые тянутся въ направленiи преимущественно отъ с.-с.-з. на ю.-ю.-в. или съ

с.-з. на ю.-в. То же направленіе преобладаетъ и на Эвбеѣ, въ рядахъ Цикладъ и въ горныхъ цѣпяхъ Пелопоннеса, но мѣстами оно смѣняется и другими, напр., съ с.-в. на ю.-з. въ хребтѣ Олоносъ (древ. Эриманеъ), въ сѣверо-западной части Пелопоннеса, и съ з. на в. — въ бо́льшей восточной части средней Г. Къ югу отъ Олимпа возвышаются: Киссавосъ (древ. Осса, 1950 м.), между которымъ и Олимпомъ врѣзалась живописная Темпейская долина рѣки Салавріасъ (Пеней), а еще южнѣе Плессиди (др. Пеліонъ, 1620 м.). Пиндъ, входя въ предѣлы Г., образуетъ въ средней ея части дикую горную область, въ которой выдѣляются нѣсколько высокихъ горныхъ группъ: Бѣлуки (др. Тимфрестъ, 2320 м.), Катавотра (др. Эта, 2160 м.), Бардусія (др. Кораксъ, 2350 м.) и др. Изъ горныхъ хребтовъ, идущихъ болѣе или менѣе въ широтномъ направленіи, слѣдуетъ отмѣтить Отрисъ, образующій южную границу Θессаліи и водораздѣлъ между рр. Пенеемъ и Сперхеемъ, и—продолженіе Эты, хребетъ Саромати (др. Каллидромъ, 1375 м.), сѣверный склонъ котораго къ Ламійскому заливу образовывалъ знаменитыя Θермопилы, узкій проходъ, въ которомъ нѣкогда Леонидъ съ горстью спартанцевъ могъ задержать цѣлую персидскую армію; съ тѣхъ поръ р. Сперхей заполнила своими наносами ближайшую часть залива и превратила узкій проходъ въ широкую прибрежную равнину. Хребты Саромади и Спартія (др. Кмемисъ) съ сѣвера и Ліакура (др. Парнасъ, 2460 м.) и Палэя Буно (др. Геликонъ, 1750 м.) съ юга ограничиваютъ долину р. Мавронеро (др. Кефисъ), впадающаго въ Эвбейскій заливъ. Хребетъ Геликонъ отдѣленъ глубокой долиной отъ идущаго южнѣе и восточнѣе Элатеасъ (др. Киѳеронъ, 1410 м.) и его продолженія Озеи (др. Парнесъ, 1415 м.), за которымъ слѣдуетъ Мендели (др. Брилессосъ или Пентеликонъ, 1110 м.), знаменитый своимъ мраморомъ. Отдѣльно возвышаются, къ ю.-з. отъ Аѳинъ: Треловуни (др. Гиметтъ, 1030 м.), славившійся своимъ медомъ, на южномъ концѣ Аттики — Лауріонъ, невысокій (260 м.), но изобиловавшій серебро-свинцовою рудою, и на западѣ — Геранійскія горы, съ вершиною Макриплаги, 1370 м. Пелопоннесъ тоже пересѣченъ многими горными хребтами, идущими въ направленіи съ с.-з. на ю.-в., а въ сѣверной части также съ с.-в. на ю.-з. (Олоносъ) и съ з. на в. (Зирія, др. Киллене, 2375 м. и др.). Средина Пелопоннеса занята плоскогорьемъ Аркадіи, окаймленнымъ съ з. и в. горными цѣпями и продолжающимся къ ю. хребтомъ Меналомъ (высшая точка Хагіосъ-Иліасъ — 1980 м.). Восточная цѣпь Аркад. плоскогорья имѣетъ продолженіе въ Малевосѣ (др. Парнонъ, 1960 м.), отроги котораго тянутся по восточному изъ трехъ южныхъ выступовъ Пелопоннеса до мыса Малія (др. Малея). Непосредственно Аркад. плоскогорье продолжается къ ю. высокою цѣпью Тайгета (нынѣ Пентадактилонъ), переходящею на средній полуостровъ Пелопоннеса, имѣющею высшую точку въ горѣ св. Ильи (2409 м.) и послѣдній отрогъ которой оканчивается мысомъ Матапанъ (др. Тенаронъ). Горы идутъ также въ разныхъ направленіяхъ по западному Мессенскому полуострову и по полуострову Арголидѣ (высоч. вершина здѣсь также носитъ названіе горы св. Ильи, 1200 м.). Вершины греческихъ горъ не достигаютъ границы вѣчнаго снѣга, тѣмъ не менѣе на Парнасѣ снѣгъ лежитъ обыкновенно до мая, а на Тайгетѣ иногда даже до іюля.

Обиліе Г. горами, а также ея большая расчлененность свидѣтельствуютъ о томъ, что поверхность ея была ареной значительныхъ геологическихъ преобразованій, что здѣсь проявили себя мощныя подземныя тектоническія силы, собравшія слои земной коры въ складки и разбившія её рядомъ трещинъ на отдѣльныя глыбы, многія изъ коихъ опустились, уступили мѣсто покрывшему ихъ морю, а другія остались или даже поднялись въ видѣ острововъ или частей материка. Начиная съ средины третичнаго періода, съ міоценовой эпохи, черезъ пліоценовую до непосредственно предшествовавшей современной четвертичной или дилювіальной эпохи продолжались здѣсь колебательныя движенія земной коры, при чемъ массы суши то поднимались, то опускались, пространство

моря то уменьшалось, то расширялось, и очертанія суши испытывали многоразличныя измѣненія. Въ міоценовую эпоху восточнаго Средиземнаго моря еще не было, да и западный его бассейнъ только начиналъ еще формироваться вслѣдствіе происходившихъ здѣсь большихъ проваловъ суши, заполнявшихся постепенно моремъ. Еще въ началѣ пліоценовой эпохи поверхность нынѣшней Г. была связана съ Малой Азіей и Африкой въ общій материкъ, напоминавшій по климату, растительности и животному міру современный тропическій Суданъ. Ископаемые остатки, найденные у Пикерми въ Аттикѣ и на островѣ Самосѣ, показываютъ, что здѣсь водились тогда стада антилопъ, жирафовъ, гипаріоновъ (предшественниковъ лошадей), жили носороги, мастодонты, обезьяны, хищники и т. д., и мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что здѣсь разстилались тогда обширныя травянистыя степи или саванны, съ разсѣянными по нимъ небольшими рощами. Въ этотъ континентальный періодъ здѣсь должны были выпадать обильные дожди, питавшіе мощныя рѣки, которыя вымывали себѣ глубокія долины. Но затѣмъ суша стала уступать мѣсто морю, которое въ эпоху средняго пліоцена начало повышать свой уровень, затоплять низменности, проникать по долинамъ глубоко въ материкъ. Въ теченіе верхняго пліоцена наступило обратное колебаніе, море стало отступать, суша повышаться. Какихъ размѣровъ достигали эти колебанія, показываетъ высота, на которой оказываются среднепліоценовыя отложенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Г.; въ Пелопоннесѣ, напр., они встрѣчаются на высотѣ до 1800 м. надъ современнымъ уровнемъ моря. Что подобныя же поднятія происходили и позже, въ четвертичную эпоху, свидѣтельствуютъ верхнепліоценовыя отложенія, поднятыя мѣстами въ Греціи до 500 м. надъ ур. моря. Но затѣмъ наступилъ (уже въ четвертичную эпоху) новый періодъ опусканія, при чемъ проникшее съ запада Средиземное море залило область нынѣшняго Эгейскаго моря, превративъ его сушу въ архипелагъ острововъ, проникло затѣмъ въ опустившуюся котловину Мраморнаго моря и проложило себѣ, наконецъ, путь по бывшей нѣкогда рѣчной долинѣ Босфора въ бассейнъ Чернаго моря, установивъ, такимъ образомъ, связь между всѣми этими бассейнами. Съ этихъ поръ поверхность Г. пріобрѣтаетъ приблизительно тѣ же очертанія, что и теперь, съ тѣмъ лишь различіемъ, что кое-гдѣ наносы рѣкъ заполнили озера и мелкіе заливы, выдвинули въ море дельты и, такимъ образомъ, нѣсколько увеличили сушу насчетъ моря.

Въ то время, какъ въ теченіе длиннаго ряда тысячелѣтій происходили указанныя колебанія земной коры въ восточной части Средиземнаго моря, доставляя преобладаніе то сушѣ, то морю, на самой сушѣ тоже происходили измѣненія, вызывавшіяся, съ одной стороны, дѣйствіемъ силъ тектоническихъ, горообразовательныхъ, сбиравшихъ различные участки земной коры въ складки или опускавшихъ одни относительно другихъ сбросами, а съ другой стороны работою силъ наземныхъ, — вывѣтриванія, эрозіи, смыва, преобразовывавшихъ постепенно рельефъ поверхности. Мѣстами въ этой преобразующей дѣятельности принимали участіе и силы вулканическія, производившія изверженія и выводившія на поверхность лавы и рыхлые продукты. Впрочемъ, вулканы, какъ древніе—третичные и четвертичные, такъ и современные, пріурочены въ Г. только къ одной линіи (или полосѣ), которая идетъ отъ Коринѳскаго перешейка черезъ Эгинскій заливъ (полуостровъ Метана, о—въ Эгина) къ о—ву Паросу, о—вамъ Милосу и Санторину и далѣе къ Малой Азіи (о—ва Косъ и Низиросъ). Въ историческую эпоху были изверженія на полуостровѣ Метана (3 в. до Р. Х.), на о-вѣ Низиросѣ и въ особенности на Санторинѣ (Тера); этотъ послѣдній островъ еще тысячи за двѣ лѣтъ до нашей эры былъ превращенъ вулканическими взрывами въ кольцо острововъ, при чемъ была разрушена вся его средняя часть. Изъ внутренняго глубокаго залива поднялись нѣсколько острововъ, т. наз. Каймени („Сожженные“), сложенные изъ лавы и бурокрасныхъ конусовъ пепла и пред-

ставляющіе вершины новаго подводнаго вулкана, образовавшагося уже въ истор. время. Послѣд. изверженіе происходило здѣсь въ 1866—71 гг. и имѣло въ результатѣ появленіе во внутреннемъ заливѣ двухъ островковъ Георгіосъ и Афроэсса, скоро слившихся съ о—вомъ Неа-Каймени, который поднялся еще въ 1707—12 гг. На вулканическую дѣятельность указываютъ въ Г. также сольфатары, мѣста истеченія сѣроводороднаго газа, и моффеты—мѣста выхода углекислоты, а равно часто встрѣчающіеся горячіе ключи, особенно сѣрные. Проявленіе тектоническихъ силъ связываютъ обыкновенно съ землетрясеніями, при которыхъ, какъ извѣстно, происходятъ образованія трещинъ, сдвиги и сбросы, хотя въ настоящее время и далеко не въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, въ какихъ они, повидимому, происходили въ прежнія геологическія эпохи. Г. принадлежитъ къ классическимъ областямъ землетрясеній, которыя (въ слабой степени, конечно) происходятъ здѣсь почти ежедневно, а иногда проявляютъ себя и большими разрушеніями. Городъ Коринѳъ, напр., былъ разрушенъ землетрясеніями три раза въ 77, 522 и 1858 гг.; землетрясеніе, бывшее въ 551 г., при Юстиніанѣ и имѣвшее эпицентромъ Парнасъ, разрушило восемь городовъ; Спарта въ Пелопоннесѣ подверглась страшному разрушенію въ 464 г. до Р. Х.; за послѣднія десятилѣтія было также нѣсколько сильныхъ землетрясеній на Іоническихъ островахъ и въ другихъ частяхъ Г., разрушавшихъ города, селенія и производившихъ громадные обвалы скалъ въ горахъ. Землетрясенія сопровождаются иногда приливомъ моря и оползнями, усиливающими бѣдствіе; т. напр., въ 373 г. до Р. Х. погибъ городъ Гелике у Коринѳскаго залива, сползшій въ море со всѣмъ его населеніемъ. Древнимъ грекамъ хорошо была извѣстна связь землетрясеній съ образованіемъ трещинъ и приливами моря, и они объясняли даже образованіе Цикладъ дѣломъ бога моря Посейдона, разбившаго материкъ ударами своего трезубца.

Въ геологическомъ отношеніи Г. заключаетъ въ себѣ отложенія почти всѣхъ эръ, но многія формаціи представлены въ ней скудно. На западѣ преобладаютъ эоценовыя и мѣловыя породы, на востокѣ—кристаллическія; на Оссѣ, Пеліонѣ—встрѣчаются филлиты и кристаллическіе известняки, на востокѣ Пелопоннеса кристаллическіе сланцы, въ Аттикѣ, на Эвбеѣ кое-гдѣ выступаютъ граниты; нерѣдки также выходы болѣе юныхъ третичныхъ отложеній, коралловыхъ известняковъ, верхнихъ міоценовыхъ и пліоценовыхъ. Известняки вообще широко распространены въ Г., съ чѣмъ стоитъ въ связи преобладаніе во многихъ мѣстностяхъ известковой почвы и т. наз. карстоваго ландшафта, съ пещерами, пропастями, воронками, куда уходитъ съ поверхности вода, съ періодически исчезающими озерами, подземными рѣчками и т. д. На западномъ берегу о—ва Кефалоніи, на сѣверномъ концѣ полуострова Аргастоли вода изъ моря вливается въ трещины береговыхъ известняковъ ежедневно въ количествѣ около 58.000 куб. м., что даетъ возможность приводить здѣсь въ движеніе нѣсколько мельницъ. Озеро Тополіасъ (др. Копаида) въ Бэотіи занимало поверхность болѣе 200 кв. клм., но каждое лѣто въ большей своей части оно уходило, давая возможность окрестнымъ поселянамъ превращать его дно въ засѣянныя поля, хотя иногда уходъ воды задерживался къ ущербу населенія, пока, наконецъ, озеро не было, въ большей своей части, искусственно осушено. Подобныя же, перемежающіяся озера и болота были и въ Пелопоннесѣ (Фенея, Стимфалъ), нынѣ частью также осушенныя. Изъ другихъ озеръ въ Г. заслуживаетъ вниманія большое озеро Карла (др. Боэбе) въ Ѳессаліи.

Рѣки Г. берутъ начало съ горъ и потому отличаются быстрымъ теченіемъ, но скоро мелѣютъ и высыхаютъ. Для судоходства пригодны только немногія изъ нихъ, да и то лишь на протяженіи нѣсколькихъ километровъ отъ устья. Самая значительная рѣка—Мегдова (др. Ахелой), берущая начало съ Пинда и впадающая въ Іоническое море; въ нижнемъ теченіи она носитъ названіе Аспропотамосъ. Своею дельтою она выдвинулась далеко въ море, причле-

*

нивъ къ сушѣ нѣсколько скалистыхъ острововъ и образовавъ сѣть болотистыхъ лагунъ. Съ восточныхъ склоновъ Пинда беретъ начало Салавріасъ (др. Пеней), орошающій Ѳессалію. Главная рѣка Бэотіи—Кефисъ (нын. Мавронеро), протекающая черезъ Копаидское озеро, лѣтомъ высыхаетъ, а въ самомъ нижнемъ теченіи исчезаетъ подъ землей и вливается въ Эвбейскій заливъ. Главныя рѣки Пелопоннеса: Руфіасъ (др. Алфей), впадающій въ Іоническое море, и Пирнаца (др. Памиссъ), изливающая свои воды въ Мессенскій заливъ.

Климатъ Г. въ среднемъ нѣсколько холоднѣе, чѣмъ въ западномъ Средиземьѣ и съ большими колебаніями температуры между самымъ жаркимъ и самымъ холоднымъ мѣсяцами, но также характеризуется жаркимъ и сухимъ лѣтомъ и дождливою зимою (а въ сѣв. Греціи дождливою весною и осенью). Впрочемъ, западное и восточное побережья, внутреннія части страны и острова представляютъ многія различія въ климатическомъ отношеніи. Такъ, напр., западное побережье и Іоническіе острова получаютъ вдвое, а мѣстами даже втрое болѣе осадковъ, чѣмъ восточныя части средней Г., Циклады и восточный Пелопоннесъ (на Корфу, напр., выпадаетъ въ годъ 148 сант. дождя, а въ Аѳинахъ 34, на Санторинѣ 30 сант.). Лѣто на островахъ не такъ жарко, а зима, особенно на Іоническихъ островахъ, много мягче, чѣмъ во внутреннихъ частяхъ Г., въ горныхъ долинахъ и на плоскогорьяхъ, гдѣ лѣтомъ бываютъ жары до 45°, а зимой морозы до—12°; въ Аѳинахъ средняя температура года 17,3° Ц., средняя іюля 27,0°, средняя января 8,8°. Лѣтомъ бываютъ дни, когда температура воздуха достигаетъ 40°, а зимою бываетъ нѣсколько дней (10—15) съ морозами, не превышающими, впрочемъ, никогда—7°. Осадковъ выпадаетъ мало, большей частью короткими ливнями и въ зимнюю половину года, а лѣтомъ часто по два мѣсяца и болѣе не бываетъ ни капли дождя, ни даже росы. Влажность воздуха вообще малая, облачность еще меньше, 179 дней въ году вполнѣ безоблачныхъ, да и зимой рѣдко бываетъ день, когда бы не показывалось солнце; въ связи съ этимъ воздухъ очень прозраченъ, цвѣта, контуры горъ выдѣляются рѣзко, небо ярко голубое. На Корфу при той же средней годовой температурѣ, лѣто на 1° прохладнѣе, а зима на 2° теплѣе; морозовъ часто совсѣмъ не бываетъ, или самое большее—2—3°. Не выпадаетъ почти никогда и снѣга, тогда какъ въ Аѳинахъ, въ среднемъ, ежегодно бываетъ 6 дней съ снѣгомъ, который впрочемъ скоро таетъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ остается на 1—2 дня. Преобладающими вѣтрами являются въ восточной Г. сѣверо-восточные (этезіи), холодные и сухіе, дующіе особенно лѣтомъ, а въ западной Г. сѣверные и сѣверо-западные; зимою часто юго-западные и юго-восточные; западный вѣтеръ (зефиръ древнихъ)—мягкій, теплый, приноситъ ясную погоду, южный (широкко, др. Euros)—знойный, сухой. Кромѣ того, разнымъ мѣстностямъ свойственны мѣстные вѣтры: береговые бризы съ моря, падающіе вѣтры съ горъ и др. Филиппсонъ такъ описываетъ смѣну временъ года въ южной Г. „Іюль и августъ—самые жаркіе и сухіе мѣсяцы; сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры дуютъ въ это время въ Эгейскомъ морѣ часто съ силою бури, подымая на сушѣ тучи пыли. Изрѣдка выпадаютъ короткіе ливни, но вода тотчасъ же испаряется. Температура въ тѣни доходитъ до 35—40°, песокъ нагрѣвается до 70°. Нагрѣтый воздухъ дрожитъ надъ раскаленной почвой. Рѣки большей частью изсякаютъ, травы засыхаютъ, хлѣбъ на поляхъ уже сжатъ. Истрескавшаяся почва лежитъ обнаженной, и только виноградники, поля маиса и искусственно орошаемые сады сохраняютъ свою зелень. Благодаря сухости воздуха жара впрочемъ выносима для человѣка; зной палящій, но не удушливый, къ тому же онъ умѣряется этезіями или бризами. Въ горныхъ долинахъ и котловинахъ жара много томительнѣе, чѣмъ на берегахъ, а ночью съ горъ спадаютъ часто порывы холоднаго вѣтра. Вообще же по берегамъ ночи теплыя, и нѣтъ ничего прекраснѣе лѣтней ночи на греческомъ побережьи, когда тихій вѣтерокъ съ суши приноситъ мягкій бальзамическій воздухъ,

а звѣзды сверкаютъ часто невиданнымъ въ нашихъ широтахъ блескомъ". Въ серединѣ сентября наступаютъ грозы и ливни, но осень вообще прекрасна; въ октябрѣ дожди учащаются, но температура еще высока и воздухъ томительно душенъ. Природа пробуждается къ новой жизни, стада переходятъ съ горъ въ низменности, гдѣ появляется трава, ручьи и рѣки наполняются водой. Въ ноябрѣ и декабрѣ дожди достигаютъ своего максимума; бурные южные вѣтры чередуются съ рѣзкими пронизывающими сѣверными; рѣки становятся полноводными; сношенія по сушѣ и морю затрудняются. Въ это время сѣютъ хлѣбъ, который быстро всходитъ; наоборотъ, сбрасывающія листву деревья теряютъ свои листья. Въ январѣ осадки убываютъ, температура нѣсколько падаетъ; преобладаютъ холодные сѣверные вѣтры, приносящіе иногда снѣгъ. Послѣдній выпадаетъ иногда и въ февралѣ, когда ясные солнечные прохладные дни смѣняются болѣе пасмурными, но теплыми. Въ мартѣ бываютъ ливни и бури съ юга; въ промежуткахъ между ними стоитъ восхитительная весенняя, пріятно свѣжая погода при ясной прозрачной атмосферѣ. Начинается опять ростъ травъ; на деревьяхъ, потерявшихъ листву, распускаются новые листья. Въ апрѣлѣ температура быстро повышается, случаются уже жары (до 30°), но бываютъ и холода (до 2—3°). Хотя дожди становятся рѣже, но ручьи и рѣчки несутъ еще много воды, растительность быстро развивается, поля и макисы покрываются цвѣтами, и ландшафтъ становится наиболѣе похожимъ на среднеевропейскій въ іюнѣ. Въ маѣ дожди почти прекращаются, рѣки мелѣютъ, почва сохнетъ, ландшафтъ начинаетъ принимать лѣтній, желтоватый, пыльный оттѣнокъ. Въ іюнѣ сухое время года уже достигаетъ въ низменностяхъ полнаго развитія, средняя температура (въ Аѳинахъ) доходитъ до 25,5°; хлѣбъ убирается съ полей уже въ началѣ мѣсяца; пастбища и кустарники высыхаютъ, только макисы еще покрыты цвѣтами, да вдоль ручьевъ вѣчно зеленыя растенія и цвѣтущіе олеандры разнообразятъ ландшафтъ. Рѣчки начинаютъ пересыхать, стада еще къ началу мѣсяца угоняются въ горы.

Растительность въ Г., вслѣдствіе сухого климата и значительныхъ пространствъ, занятыхъ скалистыми горами и известковой почвой, не особенно обильна. Человѣкъ еще содѣйствовалъ оголенію горъ, вырубая лѣса и тѣмъ облегчая ливнямъ смывъ почвы, а также пастьбою скота (овецъ и козъ), уничтожающаго молодые побѣги деревьевъ. Лѣса занимаютъ въ Г. около 10 % всей площади; они лучше сохранились въ гористыхъ частяхъ западной Г. Лѣса состоятъ изъ особыхъ породъ сосны (алепской, черной) и ели (Аполлоновой), изъ дубовъ и буковъ; отдѣльными рощами и деревьями встрѣчаются пиніи, платаны, кипарисы, кедры, тиссы, тополя и т. д. Характерны для Г., какъ и вообще для средиземноморской области, вѣчнозеленыя формы; вѣчнозеленые кустарники (т. наз. *макисы*, logyos по-гречески) занимаютъ обыкновенно площади срубленныхъ лѣсовъ и въ настоящее время мѣстами очень распространились, особенно по холмамъ и горнымъ склонамъ. Въ составъ ихъ входятъ лавры, мирты, фисташковое, земляничное дерево, колючіе кустарники, розы, можжевельникъ и др. Весной, когда эти растенія цвѣтутъ, макисы привлекаютъ своей красотой и благоуханіемъ. Вдоль ручьевъ нерѣдко встрѣчаются олеандры, тополя, платаны, тамарискъ. На сухихъ безплодныхъ склонахъ и въ каменистыхъ равнинахъ макисы смѣняются т. наз. *фриганами*,—рѣдкими, большей частью колючими, одеревенѣлыми полукустарниками, не выше аршина, сѣраго или желтоватаго цвѣта, съ ароматическимъ запахомъ (астрагалы, дроки, шалфей, лаванда, тимьянъ, верески и мн. др.), дающими хорошій кормъ для пчелъ и служащими для топлива. На лучшей почвѣ фриганы смѣняются высыхающими лѣтомъ степями, съ преобладаніемъ жесткихъ травъ. Кое-гдѣ среди макисовъ и фриганъ поднимаются отдѣльныя деревья — пиніи, дубы, дикія маслины, дикія груши, скипидарное дерево и др., а мѣстами встрѣчаются и занесенныя сюда издалека—американскія агавы и

индійскія опунціи. Въ горахъ лѣса идутъ до уровня 2.000 м., но зона альпійскихъ луговъ развита слабо. До 500 м. высоты разводятся, особенно на солнечной сторонѣ, многія культурныя растенія; поля хлѣбныхъ злаковъ, пшеницы и ячменя идутъ въ горахъ до 1.500 м., мѣстами и виноградъ созрѣваетъ еще на высотѣ до 1.200 м. Разводится преимущественно мелкій сортъ винограда, дающій въ сушеномъ видѣ „коринку“ (отъ Коринѳа), но также и болѣе крупные, дающіе изюмъ и идущіе на приготовленіе вина (не отличающагося особымъ вкусомъ, тѣмъ болѣе, что, по мѣстному обычаю, къ нему прибавляютъ древесную смолу). Довольно часты рощи маслинъ, но оливковое масло, плохо приготовляемое, также не выдерживаетъ конкуренціи съ французскимъ и итальянскимъ. Въ мѣстахъ, гдѣ растетъ маслина, разводятъ еще рожковое дерево (каррубе) и смоквы (фиги). Многія культурныя растенія, однако, могутъ произрастать только при искусственномъ орошеніи; таковы кукуруза, рисъ, сорго, хлопчатникъ, табакъ, сахарный тростникъ, кунжутъ. Искусственное орошеніе требуется и для садовъ. Плодородной почвы не такъ-то много, и на нѣкоторыхъ плотно населенныхъ островахъ населеніе съ давнихъ поръ старалось использовать крутые склоны, укрѣпляя землю каменными стѣнами и располагая виноградники и поля террасами. Обработанная почва въ Г. составляетъ всего около 19% общей площади, 37% считается подъ лугами и пастбищами, а 35% признается негодной, но несомнѣнно при усиленной культурѣ часть этой негодной почвы могла бы быть подвергнута обработкѣ; въ Испаніи количество такихъ негодныхъ земель уменьшилось уже до 20, а въ Италіи даже до 13%.

Дикими животными Г. не богата. Въ историческое еще время здѣсь водился левъ, встрѣчались часто кабаны, олени, лани, но левъ уже давно истребленъ, да и кабаны и олени почти вывелись. Кое-гдѣ въ горахъ еще встрѣчаются медвѣди, а въ горахъ сѣв. Г. серны; изъ хищныхъ водятся еще шакалъ, на сѣверѣ волкъ. Въ горахъ острововъ встрѣчаются еще дикія козы. Почти всюду водится заяцъ, на югѣ иногда приносятъ вредъ посѣвамъ полевыя мыши. Птицъ бываетъ особенно много весною и осенью во время ихъ перелета; тогда ловятъ массами перепеловъ и другую дичь. Обычны мѣстами куропатки, удоды, сизоворонки, красные сокола, грифы; встрѣчаются пеликаны, ибисы, фламинго. Обыкновенны ящерицы и на югѣ—черепахи, изъ змѣй встрѣчается одна (Elaphis), имѣющая до сажени въ длину. Море, а отчасти рѣки доставляютъ населенію рыбу; у о-вовъ Эгинскаго залива (Эгины, Гидры) добываютъ губокъ. Изъ насѣкомыхъ наибольшее значеніе для населенія имѣютъ шелковичный червь (шелководство, впрочемъ, падаетъ, хотя ежегодно вывозится еще до 200 тысячъ килогр. коконовъ) и пчелы (медъ и воскъ составляютъ небольшой предметъ вывоза). Мухи, комары, москиты, а также клопы и блохи составляютъ одну изъ темныхъ сторонъ Г. Нерѣдко производитъ опустошенія саранча, а въ лѣтнюю жару рощи и сады оживляются трещаньемъ цикадъ. — Изъ домашнихъ животныхъ особенно распространены овцы (около $2^1/_2$ милл.) и козы (2 милл.), тогда какъ крупный рогатый скотъ встрѣчается рѣже (преимущественно рабочій, и мѣстами привозный). Ослы и мулы держатся въ большемъ числѣ, чѣмъ лошади (распространенныя болѣе на сѣверѣ въ Ѳессаліи); мѣстами пользуются также буйволами. Свиней не много; въ деревняхъ и при стадахъ пастуховъ обычны большія, косматыя, полудикія собаки.

Населеніе Г. составляетъ около $2^1/_2$ милліоновъ, распредѣленныхъ неравномѣрно; на Іоническихъ островахъ плотность населенія достигаетъ 100 на 1 клм., въ Средней Греціи—30, а мѣстами еще меньше; въ среднемъ 38 чел. на клм. Въ древней Г. къ началу персидскихъ войнъ, какъ полагаютъ, было до 3 милл. населенія, но впослѣдствіи оно сильно порѣдѣло, и во времена Плутарха вся Г. могла выставить не болѣе 3.000 гоплитовъ (воиновъ). Въ средніе вѣка, въ 5—6 вѣкахъ Г-ію наводнили славяне, проникшіе до Пелопоннеса и оставившіе слѣды сво-

его пребыванія во многихъ названіяхъ горъ, озеръ, селеній и т. д. Позже въ Г. вторгались готы, франки, венеціанцы, наконецъ, турки, долго владычествовавшіе въ странѣ. Начиная съ 14 вѣка въ средней Греціи и отчасти Пелопоннесѣ стали разселяться албанцы (*см.*), а позже сюда зашла еще вѣтвь румынъ, т. наз. куцовлахи или цинзары. Изъ $2^1/_2$ милл. населенія грековъ насчитывается около 2 милл.; албанцы (шкипетары, arbanitai) составляютъ, вѣроятно, около 250 тыс. (въ Аттикѣ, Беотіи, Ахайѣ, Коринѳѣ и т. д. и на островахъ Эвбеѣ, Гидрѣ, Эгинѣ, Паросѣ и др.); часть ихъ еще сохранила свой языкъ, но многіе уже эллинизировались, хотя и греки испытали извѣст. вліян. со стороны албанцевъ (напр., въ національн. костюмѣ). Связавъ свою судьбу съ греками, албанцы принимали дѣятельное участіе въ общей борьбѣ съ турками. Занимаются они, главнымъ образомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Куцовлахи называются греками „aromani“ (римляне); живутъ они преимущественно въ долинахъ Пинда, въ горныхъ частяхъ Ѳессаліи, Бэотіи, Акарнаніи, отчасти на Эвбеѣ и въ другихъ мѣстахъ; главное ихъ занятіе скотоводство, и они считаются наименѣе культурной народностью страны. Кромѣ того, въ предѣлахъ королевства живутъ турки, евреи, итальянцы (на Іоническихъ о-вахъ) и др. По отношенію къ самимъ грекамъ (названіе это, происходящее, какъ думаютъ, изъ иллирійскаго языка, было дано римлянами прежде всего тѣмъ эллинамъ, которые поселились въ южной Италіи и Сициліи) было высказано мнѣніе, что въ ихъ жилахъ осталось мало эллинской крови и что они представляютъ, главнымъ образомъ, огречившихся славянъ, албанцевъ и другихъ инородцевъ. Но такое мнѣніе, несомнѣнно, преувеличено; греки обладали значительной ассимилирующей силой; уже въ 15 столѣтіи славянскій элементъ въ Г. исчезъ; новогреческій языкъ, при всѣхъ его отличіяхъ отъ древняго, усвоилъ себѣ не болѣе сотни-другой славянскихъ, турецкихъ, албанскихъ словъ. Физическій типъ также сохранилъ свои особенности; черепа изъ древнихъ могилъ, правда, отличаются преобладаніемъ длинноголовости (долихоцефаліи), тогда какъ современные греки по преимуществу широкоголовы, но подобное же измѣненіе въ формѣ черепа, въ теченіе исторической эпохи, испытали и славяне, и германцы. При томъ, если среди древнихъ грековъ и преобладала долихоцефалія, которую выказываютъ и художественные типы большинства греческихъ боговъ и героевъ, то встрѣчалась и короткоголовость, воспроизводившаяся, между прочимъ, художниками въ нѣкоторыхъ типахъ Зевса, типахъ Геракла, Сократа и др.; съ другой стороны, длинноголовость встрѣчается иногда и теперь. Принадлежа по типу къ т. наз. средиземноморской расѣ, греки выказываютъ, въ среднемъ, невысокій ростъ и темную комплексію (темноволосость и темноглазость) при значительномъ часто развитіи волосяного покрова на тѣлѣ, но изрѣдка встрѣчаются и представители бѣлокурыхъ типовъ. Сохранили греки и традиціонныя черты своего характера, какъ лучшія—любовь къ родинѣ, къ свободѣ, вѣжливость, гостепріимство, щедрость со стороны богачей на пользу своего народа, такъ и худшія—наклонность къ обманамъ и лжи (fides graeca!), тщеславіе, подозрительность, поверхностность и т. п. Въ общемъ Г. — страна бѣдная; масса населенія живетъ земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыбной ловлей; питается хлѣбомъ, плодами, лукомъ, сыромъ, соленой рыбой. Опасности, такъ долго грозившія ихъ странѣ въ средніе вѣка и позже, побуждали грековъ строиться на возвышенностяхъ, часто трудно доступныхъ, откуда они сходили внизъ для обработки полей и садовъ. Здѣсь имъ приходилось оставаться недѣлями и мѣсяцами, живя въ легкихъ хижинахъ, которыя составили мало-по-малу цѣлыя селенія, какъ бы выселки горныхъ. Съ упроченіемъ безопасности горныя селенія стали мѣстами покидаться или ими пользуются теперь только лѣтомъ, во время, свободное отъ полевыхъ работъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ скотоводство, извѣстная часть населенія перекочевываетъ въ началѣ лѣта въ горы и сходитъ въ низменности осенью. Во

времена турецкаго владычества и приморскіе города опустѣли, и главнымъ городомъ стала Триполица на аркадскомъ плоскогорьи, но съ освобожденіемъ страны снова возродились Аѳины, ставшія стотысячнымъ европейскимъ городомъ, а также расцвѣли торговые пункты: Пирей, Гермуполисъ (на о-вѣ Сирѣ), Патрэ, Корфу, Казаколонъ, Навплія и др.

Подобно древнимъ и современные греки выказываютъ особенную склонность къ торговлѣ и охотно переселяются съ этою цѣлью за предѣлы родины, гдѣ многіе изъ нихъ составили себѣ крупныя состоянія, стали банкирами и т. д. Богатые константинопольскіе греки (фанаріоты) значительно содѣйствовали своими капиталами дѣлу освобожденія Г. Крупныхъ греческихъ коммерсантовъ можно встрѣтить и въ Малой Азіи, и въ Египтѣ, и въ Россіи, и въ Зап. Европѣ. За послѣднія десятилѣтія греки стали эмигрировать и въ Америку. Со времени освобожденія Г. стала проявлять усиленное стремленіе къ народному образованію, ввела обязательное обученіе, умножаетъ школы, основала въ Аѳинахъ (въ прекрасномъ зданіи) университетъ, имѣетъ литературныя и ученыя общества, но недостатокъ средствъ тормозитъ дѣло просвѣщенія, и до 30% новобранцевъ все еще оказываются неграмотными. Между тѣмъ распространеніе образованія влечетъ многихъ въ города, умножаетъ число чиновниковъ и лицъ свободныхъ профессій, которые часто съ трудомъ поддерживаютъ свое существованіе. Склонность къ политикѣ отличаетъ и современныхъ грековъ, хотя борьба партій сводится часто къ борьбѣ за лицъ и личные интересы. Въ королевствѣ издается болѣе 150 ежедневныхъ газетъ, изъ коихъ около 70 въ Аѳинахъ. Въ городахъ уже почти исчезъ національный мужской костюмъ изъ расшитой куртки, короткой юбки, узкихъ гамашъ, красныхъ съ острыми носками башмаковъ. Громадное большинство населенія исповѣдуетъ православіе; Г. образуетъ самостоятельную церковь, управляемую синодомъ, имѣющимъ во главѣ аѳинскаго митрополита и трехъ епископовъ; въ странѣ имѣется около 200 монастырей, располагающихъ значительными владѣніями и расположенныхъ часто въ красивыхъ мѣстностяхъ. Главный предметъ вывозной торговли Г. составляетъ коринка; ежегодно ея вывозится болѣе чѣмъ на 50 милл. драхмъ (франковъ). Вторыми по значенію продуктами являются горные: серебро изъ Лауріума (руда разрабатывается иностранными компаніями), мѣдь—изъ Эвбеи, свинецъ, наждакъ, мраморъ (пентеликскій, парокскій и др.), цвѣтные мраморы (черный, красный, зеленоватый) и т. д. Кромѣ того, предметами вывоза служатъ изюмъ, фиги, желуди, оливковое масло, шелковые коконы, табакъ, медъ и воскъ, стручки, шерсть, губки, лѣсъ и т. д. Одинъ изъ главныхъ предметовъ ввоза—хлѣбъ (крупчатка изъ Россіи, на 33 милл. др.), мануфактуры, рабочій скотъ, всего на 140 милл. драхмъ при вывозѣ на 85 милл. Собственная обрабатывающая промышленность только начинаетъ развиваться. Удобству сообщеній въ Г. благопріятствуетъ море и развитое судоходство, но на сушѣ во многихъ мѣстностяхъ имѣются только вьючныя тропы. За послѣднія 60—70 лѣтъ въ странѣ проложено болѣе 4000 клм. ѣздовыхъ дорогъ, около 1100 кил. желѣзнодорожныхъ путей и около 6½ тыс. клм. телеграфныхъ линій. *Д. Анучинъ.*

Исторія древней Греціи. I. Греческая исторіографія. а) Древнее время. Интереса къ своему прошлому не существуетъ у совершенно примитивныхъ народовъ; зарожденіе этого интереса есть всегда показатель значительной культурности. Первые проблески исторической мысли у грековъ можно видѣть въ греческихъ миѳахъ и сагахъ: здѣсь мы видимъ попытки объяснить происхожденіе различныхъ племенъ, родовъ и поселеній по большей части путемъ установленія связи ихъ возникновенія съ тѣми или другими богами и героями. Въ эпоху греческаго средневѣковья, при господствѣ аристократіи, особенно развиваются генеалогическія сказанія, въ которыхъ аристократическіе роды связываютъ себя со своими мнимыми божественными предками. Въ греческомъ эпосѣ: въ гомеровскихъ поэмахъ, въ поэмахъ

Гесіода и др.—эти миѳы и саги о происхожденіи племенъ, родовъ и поселеній отразились въ весьма широкихъ размѣрахъ. Кромѣ того, древніе миѳы и саги дошли до насъ, часто въ очень измѣненномъ видѣ, въ произведеніяхъ позднѣйшихъ греческихъ поэтовъ, историковъ и др. писателей. Приблизительно съ VIII вѣка рядомъ съ этой областью народнаго и отчасти индивидуальнаго творчества, гдѣ работала болѣе народная фантазія, чѣмъ народное размышленіе,—является и другая историіографическая струя, вызванная практическими государственными потребностями: въ болѣе культурныхъ государствахъ Греціи появляются списки высшихъ должностныхъ лицъ, смѣнявшихся ежегодно; при отсутствіи опредѣленной эры такіе списки были вызваны необходимостью: только путемъ обозначенія именъ должностныхъ лицъ даннаго года можно было датировать документы международнаго, государственнаго и частнаго права. Такъ, въ Спартѣ около 754 г. появляются списки эфоровъ, въ Аѳинахъ около 682 г.—списки архонтовъ и т. п. На празднествахъ въ Олимпіи и другихъ мѣстахъ съ VIII вѣка (въ Олимпіи съ 776 г.) ведутся списки побѣдителей на играхъ. Эти списки послужили впослѣдствіи хронологической основой для позднѣйшей историіографіи. Но въ то время, какъ въ Ассиріи, Римѣ, въ средне-вѣковыхъ обществахъ изъ погодныхъ списковъ, составлявшихся для тѣхъ или другихъ цѣлей, развились лѣтописи,—въ Греціи въ болѣе древнее время этого, повидимому, не случилось.

Настоящими родоначальниками греческой историіографіи являются такъ называемые *логографы*. Такъ принято называть въ современной наукѣ писателей VI и V вв. до Р. Х., впервые занявшихся систематической обработкой сказаній о прошломъ греческихъ племенъ. Это направленіе получило свое начало въ греческихъ (іонійскихъ) поселеніяхъ М. Азіи, гдѣ вообще зародилась греческая наука въ связи съ быстрымъ экономическимъ и культурнымъ ростомъ этой области. Сочиненія логографовъ извѣстны намъ лишь въ отрывкахъ. Логографы, комбинируя миѳы и саги, стремились возстановить прошлое греческихъ племенъ и городовъ, допуская сверхъестественный элементъ въ своемъ изложеніи, хотя нѣкоторые изъ нихъ (Гекатей Милетскій) пытались раціонализировать,—истолковать миѳы болѣе правдоподобнымъ образомъ, но настоящая историческая критика у нихъ отсутствуетъ. У болѣе позднихъ логографовъ (напр., у Гелланика Лесбосскаго во 2-й половинѣ V вѣка) можно констатировать уже въ болѣе значительномъ объемѣ настоящій историческій матеріалъ: это тамъ, гдѣ они изображали недавнее прошлое городовъ и племенъ (Гелланикъ изобразилъ исторію Аѳинъ въ своей „Аттидѣ“, исторію Аргоса—въ „Жрицахъ Геры“); въ позднѣйшей логографіи замѣтно стремленіе къ болѣе точной хронологіи, основанной на спискахъ должностныхъ лицъ и т. п. (такъ, Гелланикъ въ исторіи Аргоса пользуется списками жрицъ Геры, а въ исторіи Аѳинъ—списками архонтовъ). Однако, главнымъ образомъ, свой матеріалъ логографы черпали изъ устной традиціи. Устная традиція является основнымъ источникомъ и для *Геродота*, который вообще находится въ тѣсной связи съ логографіей. Этотъ писатель, жившій около 485 — 425 г., описалъ первые годы греко-персидскихъ войнъ съ обширнымъ введеніемъ, содержащимъ изображеніе предшествующихъ судебъ Востока и Греціи; у него очень силенъ миѳическій элементъ и очень мало критики собраннаго матеріала (онъ не идетъ далѣе довольно наивнаго раціонализированія). Но Геродотъ отличается даже отъ позднихъ логографовъ (Гелланикъ писалъ нѣсколько позднѣе его), во-первыхъ, тѣмъ, что его интересъ сосредоточивается по преимуществу на болѣе близкихъ къ его времени, а, слѣдовательно, и болѣе достовѣрныхъ событіяхъ; во-вторыхъ, Геродотъ задался болѣе широкой цѣлью, чѣмъ логографы: въ извѣстномъ смыслѣ слова его можно назвать первымъ всемірнымъ историкомъ, ибо онъ, желая изобразить борьбу грековъ съ варварами, дѣлаетъ обзоръ предшествующей исторіи Персіи, Вавилоніи и Ассиріи, Египта и греческихъ государствъ. Далѣе, у Геродота

мы видимъ уже и извѣстную философiю исторiи: по его представленiю, все подчинено судьбѣ и Немесидѣ, которыя карaютъ чрезмѣрно возвысившихся или совершившихъ злодѣянiя. Сверхъестественное вмѣшательство въ историческiя событiя Геродотъ допускаетъ вполнѣ.

Громадный шагъ впередъ сдѣлала греческая историческая мысль въ лицѣ *Ѳукидида*, описавшаго исторiю Пелопоннесской войны до 411 г. Онъ лишь на одно поколѣнiе моложе Геродота (ок. 456—396 г. до Р. Х.), но его историческое мiросозерцанiе рѣзко отличается отъ мiросозерцанiя Геродота. Причина такого различiя заключается не только въ индивидуальныхъ особенностяхъ ума Ѳукидида, но, главнымъ образомъ, въ томъ переворотѣ въ культурной жизни грековъ, какой имѣлъ мѣсто послѣ греко-персидскихъ войнъ. Ѳукидидъ является *основателемъ научной исторiографiи*: мы видимъ у него осторожность въ выборѣ источниковъ (пользованiе свидѣтельствами очевидцевъ, документами), въ значительной степени—критическое отношенiе къ нимъ, устраненiе сверхъестественнаго элемента въ объясненiи событiй и сознательное стремленiе къ установленiю причинной связи между ними. Ѳукидидъ *критиченъ, реаленъ и прагматиченъ*.

Послѣ Ѳукидида греческая исторiографiя въ общемъ движется по руслу, проложенному этимъ геніальнымъ человѣкомъ. Но въ ней появляются и нѣкоторыя новыя теченiя.

Конецъ V вѣка и начало слѣдующаго внесли въ греческую исторiографiю новую струю,—именно, *политическiя тенденцiи*, которыя у Геродота и Ѳукидида сказывались въ болѣе слабой степени. Конечно, тенденцiозностью отличаются не всѣ историческiя произведенiя этого времени. Но въ весьма многихъ отражается политическая борьба эпохи. Дѣло въ томъ, что съ конца Пелопоннесской войны во многихъ государствахъ Грецiи, въ особенности въ Аѳинахъ, а также и въ Спартѣ, обострилась борьба изъ-за формы государственнаго строя, тѣсно связанная съ соцiальной борьбой. При этомъ стало появляться много памфлетовъ, отстаивающихъ партiйныя точки зрѣнiя. Къ этой литературѣ относится, напр., памфлетъ о государственномъ устройствѣ Аѳинъ, неправильно приписываемый Ксенофонту. Къ этому же литературному теченiю въ извѣстной мѣрѣ принадлежалъ публицистъ и профессоръ *Исократъ*, подъ вліянiемъ котораго находились многiе историческiе писатели. Соцiально-политическая литература оказала значительное воздѣйствiе на исторiографiю: слѣды этого воздѣйствiя мы находимъ у историка Эфора (ученика Исократа), у Аристотеля и др.

Крупнѣйшими историками, писавшими въ IV в., являются Ксенофонтъ, Ѳеопомпъ и Эфоръ. *Ксенофонтъ* въ своей „Греческой исторiи“ продолжаетъ Ѳукидида, начиная изложенiе съ 411 года, на которомъ остановился этотъ послѣдній. Будучи менѣе талантливымъ, менѣе образованнымъ и болѣе узкимъ по мiросозерцанiю, чѣмъ Ѳукидидъ, онъ слабѣе послѣдняго и въ области критики и въ области причиннаго истолкованiя событiй. Въ его сочиненiяхъ рѣзко пробиваются его политическiя симпатiи. Въ значительной части своей „Греческой Исторiи“ и въ „Анабасисѣ“ онъ болѣе *мемуаристъ*, чѣмъ историкъ. Другимъ продолжателемъ Ѳукидида былъ *Ѳеопомпъ* въ „Исторiи Грецiи“ (тоже съ 411 г.); его „Филиппики“ давали очень подробн. разсказъ о событiяхъ эпохи Филиппа Македонскаго. И Ѳеопомпъ тенденцiозенъ: его аристократич. симпатiи были замѣтны въ его сочиненiяхъ. Къ сожалѣнiю, послѣднiя извѣстны намъ лишь въ отрывкахъ (недавно найденъ въ Египтѣ большой отрывокъ историческаго сочиненiя, въ которомъ большинство изслѣдователей признаетъ часть „Греческой исторiи“ Ѳеопомпа).

Эфоръ является первымъ греческимъ историкомъ, написавшимъ *общую исторiю грековъ*; его сочиненiе оказало весьма сильное вліянiе на послѣдующую исторiографiю, но, къ сожалѣнiю, и отъ него имѣются лишь отрывки.

Особую группу среди историковъ этой эпохи представляютъ такъ наз. *аттидографы*, — составители Аттидъ, т. е. хроникъ Аттики. Древнѣйшая Аттида, сколько намъ извѣстно, была составлена въ концѣ V в. до Р. Х. ло-

графомъ Гелланикомъ Лесбосскимъ. Этотъ родъ историческихъ произведенiй получилъ особенное развитiе въ IV и III вѣкахъ (Андротiонъ, Филохоръ, Истръ и др.). Аттиды были, повидимому, расположены по годамъ (согласно списку архонтовъ) и содержали очень много свѣдѣнiй по исторiи аѳинскихъ учрежденiй.

Очень видное мѣсто въ развитiи греческой исторической мысли, какъ и въ развитiи греческой науки вообще, занимаетъ *Аристотель*. Этотъ мыслитель, между прочимъ, задался цѣлью изучить типы существующихъ государственныхъ организацiй и условiя ихъ измѣненiй. Партiйныя политическiя построенiя первой половины IV вѣка или утопiи въ духѣ Платона (*см.*) его не удовлетворяли; онъ пожелалъ поставить науку о человѣческомъ обществѣ и государствѣ на эмпирическую почву. Для этой цѣли онъ собралъ свѣдѣнiя не менѣе, чѣмъ о 158 греческихъ и отчасти варварскихъ государствахъ: это—такъ называемыя „Политiи“. Отъ нихъ дошли отрывки. Но одна „Политiя“, а именно „Аѳинская“, т. е. сочиненiе „О государственномъ строѣ Аѳинъ“, около 20 лѣтъ тому назадъ открыта почти въ полномъ видѣ въ Египтѣ въ свиткахъ папируса и въ 1891 г. опубликована Кенiономъ. Это въ высшей степени важный памятникъ для изученiя исторiи Аѳинъ. Первая половина его представляетъ исторiю аѳинскихъ государственныхъ учрежденiй съ древнѣйшихъ временъ до возстановленiя демократiи послѣ окончанiя Пелопоннесской войны, а вторая—изображаетъ государственный строй Аѳинъ въ эпоху Аристотеля. Аристотель пользуется сочиненiями предшествующихъ историковъ (Геродота, Ѳукидида), включая и аттидографовъ, и болѣе, чѣмъ слѣдуетъ,—политическими памфлетами конца V и первой половины IV вѣка; кромѣ того, Аристотель пользуется археологическими памятниками и косвенными методами (напр., переживанiями). Употребляя съ извѣстными ограниченiями современный терминъ, можно сказать, что „Аѳинская политiя“ Аристотеля—это первая исторiя Аѳинъ съ соцiологической точки зрѣнiя.—Другой важный для историка трудъ Аристотеля—„Политика“. Это сообщенiе тѣхъ фактическихъ данныхъ, которыя собраны въ „Политiяхъ“. Здѣсь Аристотель выясняетъ понятiе о государствѣ, классифицируетъ государственныя формы, изслѣдуетъ условiя ихъ измѣненiй и строитъ въ значительной степени на эмпирическихъ основанiяхъ планъ идеальнаго государства. Помимо массы фактическаго матерiала, сочиненiя Аристотеля сыграли важную роль въ дальнѣйшей исторiографiи, внеся новые принципы въ изученiе измѣненiя государственныхъ формъ (вліяніе Аристотеля замѣтно не только на его ближайшихъ ученикахъ, но и на позднѣйшихъ историкахъ, напр., на Полибiи).

Эпоха Александра Македонскаго весьма расширила *этнографическiй* кругозоръ грековъ. Если уже у Геродота и Эфора замѣтенъ интересъ къ негреческимъ народностямъ, если въ началѣ IV в. греческiй врачъ при персидскомъ дворѣ *Ктесiй* пишетъ исторiю Персiи, то тѣмъ болѣе растетъ этотъ интересъ послѣ походовъ Александра. Эти событiя вызвали къ жизни богатую историческую литературу.

Перiодъ послѣ Александра (эллинистическiй) характеризуется пышнымъ расцвѣтомъ самыхъ разнообразныхъ отраслей научнаго знанiя. Научнымъ центромъ дѣлается Александрiя. Въ это время появляется рядъ *хронологическихъ работъ* (Димитрiя Фалерскаго въ концѣ IV вѣка, Эратосѳена въ первой половинѣ III вѣка и др.).

Греческая исторiографiя въ эллинистическiй перiодъ выходитъ, такимъ образомъ, изъ предѣловъ стараго греческаго мiра. Въ частности, она пышно расцвѣтаетъ въ *Сицилiи* (*Тимей* во 2-й половинѣ IV и первой половинѣ III в.).

Эта эпоха очень богата и *мемуарной* литературой: мемуары царя Пирра, ахейскаго стратега Арата и др. Чрезвычайно богатая историческая литература III вѣка давала массу фактическаго матерiала, хронологически и литературно, почти беллетристически (напр., у Филарха, историка III в., описывавшаго современныя ему событiя) обработаннаго, но особенно крупныхъ—съ точки зрѣнiя развитiя историче-

ской мысли—произведеній въ III вѣкѣ не появлялось.

Такое произведеніе является во II в.: это—сочиненіе *Полибія*, жившаго около 205—125 г. до Р. Х. Изъ извѣстныхъ намъ греческихъ историковъ онъ ближе всѣхъ подходитъ къ Ѳукидиду. Замѣтно на немъ и вліяніе Аристотеля. Но тѣ методы критическаго отношенія къ матеріалу, какіе мы видимъ у Ѳукидида и въ меньшей степени у Аристотеля, тѣ пріемы реконструкціи фактовъ прошлаго и ихъ причиннаго истолкованія, какіе были выработаны обоими этими писателями,—Полибій примѣнилъ къ гораздо болѣе широкой темѣ, чѣмъ его предшественники: онъ поставилъ себѣ задачей написать исторію завоеванія побережья Средиземнаго моря римлянами, захватывая своимъ изложеніемъ (въ 40 книгъ) событія съ I-й Пунической войны до покоренія Греціи и Карѳагена. Это—строго прагматическое изложеніе, основанное на обширномъ,—въ общемъ объективно представленномъ—матеріалѣ.

Греческая историографія послѣ Полибія развивается въ предѣлахъ Римскаго государства. Въ общемъ ея представители сохраняютъ широту географическаго и историческаго кругозора, отмѣчающую уже Полибія. Это вполнѣ гармонируетъ съ тою историческою обстановкою, которая ихъ окружала: Римское государство поглощало въ себя все болѣе и болѣе народовъ, окружавшихъ бассейнъ Средиземнаго моря; знакомство съ этими народами расширялось. Широту кругозора сохранили продолжатели Полибія: Посидоній (стоическій философъ, родившійся около 135 г.) и Страбонъ (географъ, современникъ Августа), доведшіе изложеніе всемірной исторіи (конечно, въ тогдашнемъ узкомъ смыслѣ слова), первый—до диктатуры Суллы, а второй—до 30 г. до Р. Х. Универсальностью отличаются и менѣе даровитые всемірные историки I в. до Р. Х. [1]), ведшіе свое изложеніе съ древнѣйшихъ временъ,—*Николай Дамасскій* и *Діодоръ Сицилійскій*. Близко къ нимъ подходитъ и всемірный историкъ, жившій при Августѣ, *Трогъ Помпей*, писавшій на латинскомъ языкѣ и дошедшій до насъ въ сокращеніи *Юстина*.

Существенную роль для возстановленія фактовъ греческой исторіи, главнымъ образомъ потому, что сочиненія этого писателя основаны на многихъ, нынѣ утерянныхъ историческихъ сочиненіяхъ,—играетъ біографическій писатель и философъ *Плутархъ*, жившій около 46—130 г. по Р. Х. (ср. также біографіи *Корнелія Непота* въ I в. до Р. Х.).

Изъ болѣе поздней исторической литературы эпохи Римской имперіи слѣдуетъ отмѣтить *хронографы*. Этотъ родъ историческихъ произведеній начинаетъ развиваться съ III в. по Р. Х., примыкая, впрочемъ, къ работамъ такого же типа эллинистической эпохи (Эратосѳенъ и др.). Изъ хронографовъ эпохи Римской имперіи слѣдуетъ здѣсь отмѣтить *С. Юлія Африкана* (III в. по Р. Х.) и церковнаго историка *Евсевія Кесарійскаго*, жившаго въ IV в. по Р. Х.

б) Изученіе исторіи Греціи въ средніе вѣка. Въ средніе вѣка интересъ къ греческой исторіи на Западѣ Европы почти исчезаетъ. Даже въ Византіи, гдѣ работа въ области древней исторіи продолжалась, интересъ сосредоточивался болѣе на исторіи Римскаго государства, близкаго византійцамъ по его непосредственной исторической связи съ ихъ государствомъ. Таковы, напр., хроника *Георгія Синкелла* IX в. по Р. Х., очеркъ всемірной исторіи *Зонары* (XI в.) и многіе другіе труды. Зато много цѣннаго матеріала по исторіи Г. содержатъ, съ одной стороны, справочные словари византійскаго времени (труды такъ называемыхъ *лексикографовъ*, напримѣръ, словари патріарха *Фотія* (IX в.), *Свиды* (X в.) и др.), съ другой—сборники извлеченій изъ древнихъ писателей, при чемъ и изъ такихъ, которые до насъ не дошли; такова такъ называемая „Библіотека“ патріарха Фотія, гдѣ сохранились извлеченія изъ утраченныхъ книгъ Ктесія, Діодора Сицилійскаго и многихъ другихъ, такова энциклопедія, составленная въ X в. по повелѣнію императора Константина VII Порфиророднаго (здѣсь отрывки изъ Полибія, Діодора и др.) и проч.

---

[1]) Являвшіеся въ значительной мѣрѣ компиляторами.

Самостоятельной изслѣдовательской работы въ области греческой исторіи не только на Западѣ Европы, но даже и на Востокѣ въ эпоху среднихъ вѣковъ не наблюдается: византійскіе труды имѣютъ въ общемъ компилятивный характеръ.

в) Изученіе исторіи Греціи въ новое время. Такъ какъ существующее нынѣ въ исторической наукѣ представленіе объ исторіи греческихъ обществъ древняго времени сложилось постепенно, и доселѣ по отношенію ко многимъ вопросамъ нѣтъ единства мнѣній среди ученыхъ, то для сознательнаго представленія о современномъ положеніи науки греческой исторіи нужно имѣть понятіе о томъ, какъ эта наука развивалась въ ближайшія къ намъ столѣтія и какъ она постепенно пришла къ современному состоянію, другими словами, очерку греческой исторіи долженъ предшествовать хотя бы краткій очеркъ *изученія греческой исторіи въ новое время.*

Съ эпохи Возрожденія, въ связи съ пробужденіемъ интереса къ древней философіи, литературѣ и искусству, естественно, пробуждается интересъ и къ греческой исторіи. Развитіе греческой историографіи съ эпохи Возрожденія до нашего времени можно раздѣлить на три періода: 1) съ эпохи гуманизма до послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка, 2) съ этого времени до 80-хъ годовъ XIX в. и 3) съ 80-хъ годовъ XIX вѣка до нашего времени.

Начиная съ работъ первыхъ гуманистовъ (біографическія работы Петрарки и Боккачіо), первый періодъ можно охарактеризовать, какъ періодъ *узко-филологическаго* отношенія къ источникамъ, чисто *описательнаго* изложенія и *идеализаціи* классической древности. Дальше стремленія понять памятники древности въ смыслѣ языка, истолковать ихъ филологически и передать ихъ содержаніе большинство писателей этого времени не идетъ. Историческая критика крайне слаба. Лишь кое у кого проглядываютъ зачатки критики (напр., у Лоренцо Валлы въ XV в., Бентли и П. Бейля въ XVII, Вико въ началѣ XVIII). Типичнымъ для этого времени является обширное собраніе работъ разныхъ авторовъ XVII вѣка, сдѣланное филологомъ *Гроновіемъ* въ 13 фоліантахъ подъ заглавіемъ: Thesaurus graecarum antiquitatum (1697 — 1702). Въ помѣщенныхъ здѣсь очеркахъ греческой исторіи Убо Эммія и Іоанна Меурсія мы вовсе не видимъ критической работы надъ источниками. Историки этого времени идеализируютъ классическую древность: греки рисуются не простыми людьми, а героями и т. п. Однако, этотъ періодъ имѣлъ и положительное значеніе въ развитіи историографіи: 1) отыскано было много рукописей греческихъ и римскихъ писателей, положена основа собиранію надписей (*Чиріако-Анконскій* въ XV в.) и археологическихъ памятниковъ (преимущественно въ Италіи), 2) положены хронологическія основы греческой исторіи (особенно, работы Скалигера, 1540—1609 г.).

Съ послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка начинается новый періодъ въ историографіи древней Греціи. Извѣстную роль въ этомъ отношеніи сыграли событія французской революціи, какъ извѣстно, вообще поднявшія въ Европѣ интересъ къ изученію прошлаго; это, конечно, отразилось и на изученіи древней исторіи. Основными особенностями второго періода новой историографіи въ области греческой исторіи можно считать:

1) *Увеличеніе матеріала источниковъ*, 2) развитіе *критическаго* отношенія къ этому матеріалу, 3) *прагматическое* направленіе (изслѣдованіе причинной связи событій) и 4) сравнительно большій *реализмъ* въ изображеніи античнаго міра (хотя идеализація классическаго міра встрѣчается еще во многихъ трудахъ). 1) Только въ этотъ періодъ столь важный историческій источникъ, какъ надписи, сталъ эксплуатироваться въ полной степени: началось систематическое разыскиваніе греческихъ надписей, ихъ систематическое истолкованіе и изданіе (появленіе собранія греческихъ надписей: „Corpus inscriptionum graecarum“, изданнаго Берлинской Академіей Наукъ, главнымъ образомъ, по почину *Бёка* (Böckh), который далъ и одну изъ первыхъ систематическихъ работъ по экономической исторіи древности, написанную преимущественно на осно-

ваніи надписей: „Государственное хозяйство аѳинянъ“, 1817). 2) Не меньшее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что въ этотъ періодъ греческой исторіографіи источники начинаютъ подвергаться строгой критикѣ для опредѣленія степени ихъ достовѣрности; появляется множество работъ, стремящихся опредѣлить первоисточники (часто не дошедшіе до насъ) дошедшихъ до насъ древнихъ писателей; тщательно собираются фрагменты сочиненій писателей, которыя полностью до насъ не дошли („Fragmenta historicorum graecorum“ *Мюллера*); возстанавливаются въ главныхъ чертахъ литературная и научная физіономія историковъ, какъ дошедшихъ до насъ, такъ даже и тѣхъ, отъ сочиненія которыхъ сохранились только отрывки. Въ развитіи исторической критики отправными точками послужило появленіе такихъ работъ, какъ изслѣдованіе о происхожденіи гомеровскихъ поэмъ *Вольфа* (Prolegomena ad Homerum“ 1795 г.) и работы въ области древней (главнымъ образомъ, римской) исторіи *Г. Б. Нибура*; методы, установленные Нибуромъ для римской исторіи, не могли не отразиться и на изученіи исторіи греческой. 3) Въ связи съ общимъ характеромъ исторіографіи XIX вѣка и въ области греческой исторіи усматривается стремленіе, не ограничиваясь простымъ описаніемъ прошлаго, по возможности найти причинное соотношеніе событій, другими словами, вносится *прагматическая* точка зрѣнія въ историческое изложеніе въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ прежде. 4) Привлеченіе болѣе широкаго матеріала источниковъ, болѣе критическое отношеніе къ нимъ, сравнительно большее вниманіе изслѣдователей къ явленіямъ соціальной и экономической жизни грековъ, въ связи съ общимъ болѣе реальнымъ характеромъ міросозерцанія европейскихъ обществъ второй половины XIX вѣка (развитіе естественныхъ наукъ),—все это повело къ тому, что прежняя идеализація классической старины постепенно стала уступать мѣсто *реализму* въ изображеніи ея: въ трудахъ этого времени освѣщаются реально мотивы, направлявшіе политическія партіи и ихъ вождей, вызывавшіе столкновенія государствъ и т. п. Однако, все еще преобладаетъ интересъ къ политической и культурной исторіи, явленія же экономическія и соціальныя мало изучаются. Изъ крупнѣйшихъ трудовъ этого періода нужно назвать работы *К. О. Мюллера* по исторіи греческихъ племенъ (1820—24 г.); далѣе, общее обширное изложеніе политической исторіи грековъ до Александра Македонскаго, основанное на критическомъ изученіи источниковъ, вышедшее изъ-подъ пера англичанина *Дж. Грота* (1846—56); „Исторію Греціи“ нѣмца *Эрнста Курціуса* (1857—1867), цѣнную въ силу хорошаго знакомства автора съ природой Греціи и дающую прекрасные очерки культурной исторіи, но слабую въ изображеніи политической жизни и страдающую въ значительной степени прежней идеализаціей грековъ (переведена по-русски 1880—83); наконецъ, томы (5—9), относящіеся къ грекамъ, „Исторіи древности“ *Дункера* (1856—1886; изложеніе доведено до конца эпохи Перикла), дающіе детальный очеркъ преимущественно политической исторіи и представляющіе сводку громаднаго матеріала, но грѣшащіе нѣкоторымъ субъективизмомъ въ выборѣ источниковъ и научныхъ теорій.

Послѣдній періодъ греческой исторіографіи, начало которому можно вести съ 80-хъ годовъ, характеризируется: 1) дальнѣйшимъ расширеніемъ матеріала источниковъ, 2) господствомъ исторической *критики*, для развитія которой много уже было сдѣлано въ предшествующій періодъ, 3) расширеніемъ кругозора историковъ, 4) укрѣпленіемъ *реализма* и полнымъ устраненіемъ идеализаціи въ изображеніи древне-греческой исторіи. 1) Въ этомъ періодѣ исторіографіи производятся систематическія раскопки въ различныхъ областяхъ греческаго міра: въ европейской Греціи, на островахъ Архипелага и Адріатики, въ М. Азіи, въ Южной Италіи и проч. Раскопки *Шлимана*, производившіяся на рубежѣ двухъ періодовъ исторіографіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, открыли цѣлый новый циклъ ранней греческой исторіи, о существованіи котораго прежде можно было только подо-

зрѣвать на основаніи гомеровскихъ поэмъ. Дополненіемъ къ этимъ даннымъ послужили раскопки, ведшіяся уже въ началѣ 20-го вѣка англичанами и итальянцами на *Критѣ*. Почти всѣ культурныя націи производили въ послѣднія десятилѣтія раскопки въ разныхъ мѣстахъ греческаго міра: нѣмцы (Олимпія, Пергамъ и проч.), французы (Дельфы, о. Делосъ), австрійцы (Эфесъ и др. мѣстности М. Азіи), итальянцы (Критъ), англичане (о. Мелосъ, Критъ и проч.), русскіе (греческія колоніи въ южной Россіи), американцы, греки. Раскопки дали обширный археологическій матеріалъ и множество цѣнныхъ надписей. Для изученія эллинистическаго періода громадное значеніе сыграли раскопки въ Египтѣ, производившіяся преимущественно англичанами (особенно *Гренфеллемъ* и *Хентомъ*), а также нѣмцами и французами. Эти раскопки дали множество греческихъ *папирусовъ*, освѣщающихъ исторію эллинистическаго государства Птолемеевъ, создавшагося въ Египтѣ, и, кромѣ того, предоставившихъ ученому міру рядъ произведеній древне-греческой литературы, которыя до того времени были утрачены („Аѳинская политія“ *Аристотеля*). 2) и 3) Работа надъ анализомъ источниковъ продолжается и въ этотъ періодъ, переходя иногда въ чрезмѣрный скептицизмъ (Белохъ), но по большей части не идя далѣе здороваго *критицизма*. Но, что особенно важно, то это — необыкновенное расширеніе кругозора историковъ. Кругозоръ расширяется въ разныхъ направленіяхъ: а) въ трудахъ по исторіи Греціи все болѣе замѣтна *обще-историческая точка зрѣнія*: исторія Греціи разсматривается не изолированно, а въ тѣсной связи съ исторіей остального древняго міра, особенно въ связи съ древнимъ Востокомъ (во 2-мъ періодѣ труды, трактовавшіе исторію Греціи съ этой точки зрѣнія, напр., трудъ Дункера, были исключеніемъ); кромѣ того, для пониманія явленій греческой исторіи большую роль начинаетъ играть сопоставленіе явленій греческой исторіи съ явленіями исторіи средневѣковой и ранней новой; б) расширяется кругозоръ историковъ и въ *этнографическомъ* отношеніи: все болѣе начинаютъ изучать исторію второстепенныхъ греческихъ племенъ, не сосредоточиваясь исключительно на исторіи крупныхъ государствъ (Аѳинъ, Спарты); в) и въ *хронологическомъ* отношеніи область греческой исторіи расширяется: начинаетъ интенсивно изучаться греческая исторія послѣ македонскаго завоеванія: работы *Керста*, *Магаффи*, *Белоха*, *Буше-Леклерка*, *Вилькена* и др. замѣняютъ устарѣвшее сочиненіе *Дройзена* по исторіи эллинизма, явившееся еще въ предшествующемъ періодѣ; г) *соціологическое* расширеніе кругозора историковъ, въ значительной степени вызванное наблюденіемъ надъ крупными экономическими и культурными перемѣнами на континентѣ Европы во 2-ю половину XIX вѣка, сказывается въ томъ, что въ настоящее время интересъ уже не концентрируется на политической исторіи и исторіи духовной культуры, но изслѣдованія по греческой исторіи охватываютъ равномѣрно географическую среду (работа *Неймана* и *Парча*), экономическія, соціальныя, политическія и культурныя явленія. Всѣ эти особенности новѣйшей исторіографіи отразились ярче всего въ работахъ: *Эд. Мейера* (*Ed. Meyer*, „Geschichte des Altertums“ 1884—1902, 5 т.; 2-е изд. I тома 1909); *Ю. Белоха* (*Beloch*, „Исторія Греціи“, томы I—III 1893—1904; 2 изд. I т. 1912), первые два тома переведены по-русски (1897—99); *Р. Пельмана* (*Pöhlmann*, „Очеркъ греческой исторіи и источниковѣдѣнія“, 4-е изд. 1909 и „Исторія античнаго коммунизма и соціализма“, 1893—1901, 2 т.; нов. изд. 1912; оба сочиненія переведены); *В. П. Бузескула*, „Исторія аѳинской демократіи“ (1909); менѣе — въ работѣ *Бузольта* (*Busolt*, „Griechische Geschichte“), цѣнной, главнымъ образомъ, полнотою собраннаго матеріала источниковъ и детальностью библіографіи (I т. 2-е изд. 1893; II т. 2 изд. 1895; III т. 1 часть 1897 и 2 часть 1904).

II. *Періоды древне-греческой исторіи.* Исторію древней Греціи можно раздѣлить на слѣдующіе 5 періодовъ: 1) *Эпоха Эгейской культуры*, когда на европейскомъ и азіатскомъ побережьѣ и островахъ Эгейскаго моря впервые развивается значительная культура;

строго говоря, эта эпоха представляетъ изъ себя рядъ историческихъ процессовъ, въ которыхъ играетъ роль не только греческое, но, вѣроятно, и догреческое населеніе данной географической области; эту эпоху можно считать до извѣстной степени *до-исторической*, ибо познаемъ мы ее по преимуществу на основаніи археологическаго матеріала; поскольку можно судить по косвеннымъ указаніямъ, эта эпоха начинается приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. Х. и тянется до конца 2-го тысячелѣтія до Р. Х. 2) *Греческое средневѣковье*; собственно въ этотъ періодъ начинается греческая исторія, освѣщенная памятниками языка; періодъ въ новѣйшей исторіографіи получилъ такое названіе, ибо основныя явленія въ общественномъ и государственномъ укладѣ его во многомъ напоминаютъ строй средневѣковой Европы (преобладаніе натуральнаго хозяйства; феодализмъ, господство землевладѣльческой знати, зависимое положеніе значительной части низшихъ классовъ; религіозная окраска духовной культуры); періодъ этотъ охватываетъ приблизительно эпоху съ XI до VII в. до Р. Х. 3) *Періодъ классической или городской Греціи* (господство *полиса*, какъ формы соціальной жизни). Этотъ періодъ начинается экономическимъ и связаннымъ съ нимъ соціальнымъ переворотомъ, охватившимъ значительную часть греческихъ поселеній и уничтожившимъ здѣсь постепенно старые феодальные порядки; характерной особенностью этого періода является интенсивное развитіе городскихъ центровъ. Государство-городъ (πόλις)— типическая форма общественной организаціи этого времени. Въ культурномъ отношеніи этотъ періодъ характеризируется разложеніемъ древнихъ религіозныхъ представленій, появленіемъ „свѣтской“ науки и философіи, пышнымъ расцвѣтомъ разныхъ видовъ искусства въ городскихъ центрахъ. Однако, развитіе городовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи совершалось неодинаково быстро: въ то время, какъ побережье и острова Эгейскаго моря, равно какъ большинство греческихъ заморскихъ колоній, были рано (съ конца VIII в.) захвачены этимъ переворотомъ, другія области (особенно, на сѣверѣ и западѣ Европейской Греціи) сохраняли средневѣковой строй почти въ теченіе всего даннаго періода. Хронологически этотъ періодъ охватываетъ время приблизительно съ VII по вторую половину IV вѣка до Р. Х. Его можно раздѣлить на два отдѣла: а) первый отдѣлъ (приблизительно VII—VI вѣка)—крушеніе средневѣковыхъ порядковъ и развитіе городского строя, б) второй отдѣлъ (прибл. V и первая пол. IV в.)—расцвѣтъ город. строя, когда, однако, начинаютъ намѣчаться и болѣе сложные типы государственной организаціи. 4) *Эллинистическій періодъ* есть время, когда появляются болѣе сложныя формы экономической жизни (широкое развитіе обмѣна); *полисъ*, какъ государственная форма, разлагается, и его мѣсто заступаютъ новыя государственныя организаціи, зачатки которыхъ имѣлись, впрочемъ, уже въ предшествующемъ періодѣ: это по преимуществу или федеральныя республики или болѣе или менѣе значительныя монархіи. Въ культурномъ отношеніи этотъ періодъ характеризируется, главнымъ образомъ, широкимъ распространеніемъ греческой культуры за предѣлы классической Греціи, развитіемъ спеціальныхъ наукъ. Хронологически этотъ періодъ охватываетъ приблизительно время съ конца IV по начало II в. до Р. Х. 5) *Періодъ римскаго владычества*, являющійся, въ сущности, завершеніемъ эллинистическаго періода: развитіе обмѣна въ сферѣ экономической жизни тѣсно связываетъ прямо или косвенно область Эгейскаго моря съ остальнымъ бассейномъ Средиземнаго моря, включая и западную его часть; одновременно съ этимъ экономическимъ объединеніемъ происходитъ и объединеніе политическое, которое въ результатѣ ряда сложныхъ историческихъ процессовъ завершается включеніемъ греческихъ обществъ въ составъ Римскаго государства. Эллинская культура прочно утверждается на Западѣ. Хронологически этотъ періодъ начинается съ начала II в. до Р. Х. (греческія государства на югѣ Италіи и въ Сициліи перешли въ руки римлянъ еще въ III в. до Р. Х.). Съ этихъ поръ судьбы

Греціи тѣсно связаны съ судьбами поздней Римской республики, а затѣмъ Римской имперіи.

III. *Вліяніе природы Греціи на ея историческое развитіе.* а) *Климатъ и почва.* Расположенная въ теплой части умѣреннаго пояса, Европ. Грецiя обладала климатическими условіями, которыя способствовали быстрому росту культуры: умѣренная зима въ значительной части Греціи (въ Аѳинахъ ср. температура января 6,4° по Цельзію) и умѣренно знойное лѣто (въ Аѳинахъ въ іюлѣ ср. темпер. 27° Ц.) дѣлали для населенія условія существованія довольно благопріятными на раннихъ ступеняхъ культуры. Но въ то же время малоплодородная почва въ значительной части Греціи и недостаточность орошенія требовали затраты труда для поддержанія существованія. Так. обр., природныя условія въ Греціи требовали отъ человѣка борьбы за существованіе, но дѣлали эту борьбу посильной. Кромѣ того, малое плодородіе почвы во многихъ мѣстностяхъ рано заставило населеніе этихъ мѣстностей обратиться къ промышленности и торговлѣ. б) *Орографія.* Многочисленность горныхъ хребтовъ въ Европ. Греціи способствовала развитію мѣстной обособленности, дробя Грецію на мелкія области. Однако, горные хребты въ то же время служили и прекрасной защитой Греціи съ сѣверной стороны,—единственной, гдѣ она соприкасалась съ сушей; такое защищенное положеніе Европейской Греціи было немаловажнымъ условіемъ для непрерывнаго развитія культуры. Но въ виду того, что въ Греціи было пять защитительныхъ линій въ видѣ горныхъ хребтовъ (Камбунійскія горы съ Олимпомъ, Оѳрисъ, Эта, Киѳеронъ съ Парнесомъ, Геранія на Коринѳскомъ перешейкѣ), греческія племена обычно обороняли эти линіи вразбродъ, не соединяясь вмѣстѣ, что, вѣроятно, произошло бы, если бы защитительная линія съ сѣвера была одна; такимъ обр., многочисленность оборонительныхъ линій также косвенно поддерживала сепаратизмъ грековъ. в) *Вліяніе моря (береговая линія) и воздушныхъ теченій.* Грецiя имѣетъ весьма развитую береговую линію: если бы то количество суши, которое приходится на Грецію, включая Эпиръ, Ѳессалію, Іоническіе острова и острова Цикладскіе, но безъ Крита, — всего ок. 82.000 кв. килом.,—имѣло форму круга, то береговая линія равнялась бы только 950 километрамъ; на самомъ дѣлѣ это количество суши имѣетъ крайне неправильную форму, вслѣдствіе чего береговая линія равна 3.100 килом., т. е. почти въ $3^1/_4$ раза болѣе, чѣмъ она была бы при правильной формѣ того же количества суши. Такая изрѣзанность береговой линіи (множество заливовъ, острововъ) способствовала раннему развитію морскихъ сношеній. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовало благопріятное распредѣленіе воздушныхъ теченій (періодическіе вѣтры въ іюлѣ и августѣ, дувшіе съ сѣвера и облегчавшіе обратное плаваніе съ сѣверныхъ береговъ Эгейскаго и съ Чернаго моря). Так. обр., развитіе береговой линіи и благопріятныя воздушныя теченія рано стали вліять на развитіе морскихъ сношеній, къ которымъ малое плодородіе почвы многихъ мѣстностей стало толкать населеніе. г) *Вліяніе разнообразія географическихъ условій, существовавшихъ въ европейской Греціи.* Климатическія и почвенныя условія въ Греціи весьма различны. Довольно рѣзко отличается востокъ Греціи отъ запада и сѣвера: западъ лучше орошенъ, чѣмъ востокъ (въ Аѳинахъ въ среднемъ 73 дождливыхъ дня, между тѣмъ какъ на о. Корфу—104); западная Грецiя имѣетъ болѣе плодородныхъ мѣстностей, чѣмъ восточная. На сѣверѣ (равно, какъ въ центрѣ Пелопоннеса) климатъ суровѣе, чѣмъ въ прибрежныхъ областяхъ. Береговая линія на востокѣ гораздо болѣе изрѣзана, чѣмъ на западѣ. Разнообразіе климатическихъ и почвенныхъ условій, различное вліяніе моря на различныя мѣстности въ совокупности съ нѣкоторою разобщенностью областей (благодаря горамъ), — все это вмѣстѣ повело къ тому, что въ Греціи выработались разнообразные типы культуры, которые, вліяя другъ на друга (ибо горы создавали нѣкоторую, а не полную разобщенность), этимъ также способствовали быстрому росту

греческой цивилизаціи. Въ общемъ западъ Греціи, пребывая долѣе, благодаря лучшей почвѣ и лучшему орошенію, а также вслѣдствіе меньшей изрѣзанности береговой линіи, въ чисто-земледѣльческомъ быту, въ общемъ развитіи культуры отставалъ отъ востока.

IV. *Эпоха эгейской культуры.* Эта эпоха изучается, гл. обр., на основаніи археологическихъ данныхъ. Лишь поздніе стадіи ея нѣсколько освѣщаются гомеровскими поэмами. Нѣкоторый свѣтъ, преимущественно тоже на болѣе поздніе стадіи, проливаютъ египетскіе документы. Начало ознакомленію съ этимъ періодомъ положили въ 1870—80-хъ годахъ раскопки Шлимана въ Троѣ, Микенахъ, Тиринѳѣ, Орхоменѣ и пр. Позднѣе данныя, добытыя Шлиманомъ въ Троѣ, пополнились новыми раскопками, произведенными Дерпфельдомъ. Изъ другихъ послѣ-шлимановскихъ раскопокъ особенно важны раскопки англичанъ (Evans) и итальянцевъ (Halbherr) на Критѣ. На Критѣ найдено немало письменныхъ памятниковъ, но ни шрифтъ ихъ, ни языкъ пока еще не поддаются изслѣдованію. Какъ мы уже упомянули выше, строго говоря, періодъ эгейской культуры представляетъ изъ себя рядъ историческихъ процессовъ, тянувшихся въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ тысячелѣтій (прибл. 3.000—1.100 г. до Р. Х.). Объединить эти процессы въ одинъ періодъ можно лишь очень условно, основываясь 1) на томъ, что во многихъ мѣстностяхъ (напр., на Критѣ, отчасти въ Троѣ) можно видѣть нѣкоторую непрерывность въ развитіи культуры, 2) на чисто внѣшнемъ методологическомъ сходствѣ; для всего этого періода источникомъ познанія служитъ почти исключительно археологическій матеріалъ. Въ этотъ періодъ можно намѣтить въ бассейнѣ Эгейскаго моря по меньшей мѣрѣ двѣ культурныхъ области: съ одной стороны, островъ Критъ, съ другой — остальное побережье Эгейскаго моря, включая острова; но многіе изслѣдователи справедливо намѣчаютъ и большее число культурныхъ районовъ: довольно рельефно выдѣляются 1) Критъ, 2) Троя, 3) континентальная Грецiя (Микены, Тиринѳъ, Аттика, Орхоменъ и проч.), 4) острова Эгейскаго моря (такіе районы намѣчаетъ, напр., фонъ Лихтенбергъ).

Критъ имѣлъ свое самостоятельное развитіе. Здѣшнюю культуру мы узнаемъ, уже начиная съ новокаменнаго (неолитическаго) періода. Здѣсь въ древнѣйшихъ слояхъ (въ Кноссѣ глубиною до 7—8 метровъ) металлическія орудія отсутствуютъ, а имѣются только каменныя, костяныя и т. п., нѣтъ каменныхъ построекъ, орнаментъ на глиняныхъ сосудахъ, сдѣланныхъ безъ гончарнаго колеса, выцарапанъ, а не нарисованъ; только въ самыхъ верхнихъ слояхъ начинаютъ попадаться расписные сосуды съ весьма простымъ орнаментомъ. Послѣдующіе слои культуры Эвансъ раздѣлилъ на 3 эпохи: древне-миносская, средне-миносская и поздне-миносская, при чемъ каждую изъ этихъ эпохъ въ свою очередь подраздѣлилъ на 3 періода: 1, 2, 3 ранне-миносскій и т. д. Это — эпоха мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій. Во второй періодъ средне-миносской эпохи создаются уже большіе дворцы въ Кноссѣ и Фестѣ, которые потомъ возобновляются и перестраиваются: въ Кноссѣ — въ 3-й средне-миносскій періодъ, а въ Фестѣ—въ 1 поздне-миносскій; въ это же время выстроенъ дворецъ въ Агіа Тріада. Во 2-й поздне-миносскій періодъ дворецъ въ Кноссѣ былъ еще разъ перестроенъ. Наиболѣе цѣнныя указанія на періоды культурнаго развитія даетъ *керамика* (глиняныя издѣлія). Въ 1-й ранне-миносскій періодъ появляются здѣсь сосуды съ очень простымъ, но, однако, уже не выцарапаннымъ, а нарисованнымъ орнаментомъ; сосуды сдѣланы безъ гончарнаго колеса. Это послѣднее входитъ въ употребленіе во 2-й или 3-й ранне-миносскій періодъ. Въ 1-й средне-миносскій періодъ появляются сосуды съ весьма сложной росписью разноцвѣтными красками. Эти пестрые расписные сосуды достигаютъ высокаго совершенства въ такъ называемыхъ сосудахъ *„камаресскаго“* типа (орнаментъ состоитъ по преимуществу изъ кривыхъ линій, розетокъ, растеній), получившихъ свое названіе по мѣст-

ности, гдѣ были найдены первые типичные образцы ихъ; сосуды подобнаго типа появляются уже въ 1-й, а, гл. обр., распространяются во 2-й средне-миносскій періодъ. Позднѣе орнаментъ на сосудахъ дѣлается менѣе пестрымъ, но очень натуралистичнымъ (изображеніе растеній и животныхъ), чтобы еще позднѣе, во 2-й поздне-миносскій періодъ, перейти въ стилизованный растительный орнаментъ, такъ назыв. „дворцоваго стиля", названнаго такъ Эвансомъ, п. ч. такой характеръ имѣетъ стѣнная живопись позднѣйшихъ дворцовыхъ построекъ въ Кноссѣ. Еще позднѣе на Критѣ появляется желѣзо (послѣ 3-го поздне-миносскаго періода).—Таковы главные моменты въ развитіи матеріальной культуры на о. Критѣ. Это развитіе представляется довольно послѣдовательнымъ, безъ рѣзкихъ скачковъ. Что касается *остальной Греціи, помимо Крита*, то здѣсь мы имѣемъ лишь въ Троѣ мѣстность, гдѣ много археологич. пластовъ находится одинъ надъ другимъ (какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Крита), и имѣется, так. обр., возможность изучать послѣдовательную смѣну культурныхъ стадій. Здѣсь найдены остатки 9 поселеній, возникавшихъ въ теченіе вѣковъ одно надъ другимъ. Такъ какъ 1-й городъ былъ изслѣдованъ Шлиманомъ довольно поверхностно, то остается неяснымъ, принадлежитъ ли это поселеніе къ неолитической эпохѣ, или оно относится уже къ бронзовому вѣку (найденные тамъ немногіе металлическіе предметы могли попасть при небрежности раскопокъ изъ болѣе верхнихъ слоевъ; преобладаютъ тамъ орудія изъ камня и кости). Уже этотъ городъ былъ защищенъ грубо выстроенной толстой стѣной изъ небольшихъ камней. 2-й городъ относится къ вполнѣ развитой бронзовой культурѣ. Здѣсь имѣется значительный дворецъ, окруженный стѣной съ большими воротами. Постройки изъ необожженнаго кирпича, но на каменномъ фундаментѣ. Много бронзовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей; попадаются, однако, и каменныя орудія. Глиняные сосуды—причудливой формы съ выцарапаннымъ или выдѣланнымъ орнаментомъ: сосуды въ видѣ животныхъ, съ изображеніемъ человѣческаго лица, сосуды съ длиннымъ горлышкомъ, оканчивающимся какъ бы клювомъ (Schnabelkannen). Эта культура имѣетъ много общаго съ „цикладской культурой", съ одной стороны, и съ ранней культурой Средней Европы,—съ другой. Во второмъ городѣ видны слѣды большого пожара, что заставило Шлимана ошибочно отождествить его съ гомеровской Троей. 3—5 города въ Троѣ суть незначительные поселки бронзоваго вѣка. 6-й городъ относится уже къ эпохѣ „микенской" культуры; здѣсь былъ большой городъ съ дворцомъ, но большая часть этого поселенія была срыта въ эпоху Римской имперіи при производствѣ построекъ; этотъ 6-й городъ и былъ отождествленъ Дерпфельдомъ на основаніи вѣскихъ данныхъ съ гомеровской Троей. 7-й городъ — незначительное поселеніе; 8-й и 9-й относятся къ эллинистической и римской эпохамъ.

Въ большинствѣ областей Греціи археологическія данныя даютъ возможность изучать то ту, то другую стадію культуры въ извѣстной мѣстности, между тѣмъ какъ остатки другихъ стадій въ большинствѣ мѣстъ уничтожились въ теченіе времени, и ихъ характеръ приходится нерѣдко опредѣлять по аналогіи съ тѣми мѣстностями, гдѣ сохранились остатки какъ разъ этихъ стадій.

Остатки *неолитической культуры*, при томъ болѣе высокой стадіи и другого типа, чѣмъ древнѣйшіе критскіе слои, сохранились преимущественно въ болѣе сѣверныхъ областяхъ (въ такъ наз. 1-мъ городѣ въ Троѣ, въ Θессаліи, Фокидѣ, Беотіи, на о. Кефалліи); въ самое послѣднее время подобные остатки найдены, впрочемъ, въ Олимпіи и Тиринѳѣ. Здѣсь имѣются уже расписныя вазы съ простымъ орнаментомъ и каменныя постройки. Важно то обстоятельство, что установлено сходство этой культуры съ неолитической культурой сѣвера Балканскаго полуостр., Седмиградіи, Галиціи и Южн. Россіи (проф. *Э. Р. ф. Штернома*, „Доисторическая греч. культура на югѣ Россіи" въ Трудахъ XIII Археологич. съѣзда т. I). Съ критской неолитической культурой здѣшняя не сродна.

*

Ранняя бронзовая культура на Эгейскомъ морѣ (помимо Крита) представлена такъ наз. культурой *цикладскаго* типа на Цикладскихъ островахъ и въ болѣе глубокихъ пластахъ Орхомена. Здѣсь мы видимъ бронзовые предметы, глиняные сосуды сдѣланы отъ руки, съ выцарапаннымъ, а не рисованнымъ орнаментомъ. Находки въ другихъ мѣстахъ (напр., въ Афиднѣ въ сѣверной Аттикѣ) показываютъ уже болѣе высокую бронзовую культуру съ расписными глиняными вазами, покрытыми орнаментомъ изъ прямыхъ, ломаныхъ и, рѣже, кривыхъ линій (по б. ч. матовый черный или красный орнаментъ на свѣтломъ фонѣ). Лучше всего смѣна культурныхъ типовъ и постепенный переходъ къ болѣе поздней бронзовой, такъ называемой „микенской“ культурѣ отразились въ трехъ послѣдовательныхъ поселеніяхъ, открытыхъ въ *Филакопи* на о. Мелосѣ; мы видимъ, какъ здѣсь постепенно совершенствуются каменныя постройки и глиняныя издѣлія, украшенныя въ первомъ поселеніи выцарапаннымъ, а позднѣе нарисованнымъ простымъ геометрическимъ орнаментомъ, а во второмъ и третьемъ поселеніяхъ—представляющія уже болѣе сложный рисованный орнаментъ; въ этихъ слояхъ находятся и привозныя вазы, съ Крита, *камарескаго* типа и съ континента Греціи—микенскаго типа.

Послѣдующую стадію бронзовой культуры представляетъ такъ называемая *„микенская“ культура*, названная такъ по мѣсту открытія (Шлиманомъ) первыхъ типичныхъ ея образцовъ. Эта культурная стадія характеризуется широкимъ употребленіемъ металловъ (мѣдь, бронза, золото и серебро), очень сложной глиняной техникой (красивыя расписныя вазы разныхъ типовъ, съ очень разнообразнымъ орнаментомъ), обширными постройками (дворцы въ *Микенахъ*, *Тиринѳѣ*, *Орхоменѣ*, въ 6-мъ городѣ *Трои* и проч.) и богатыми гробницами, шахтообразными, а позднѣе, надземными, съ внутреннимъ обширнымъ помѣщеніемъ, увѣнчаннымъ такъ называемымъ ложнымъ куполомъ. Эта культура была распространена по всему Эгейскому морю; главные центры ея были: Микены и Тиринѳъ въ Арголидѣ, Аѳины въ Аттикѣ, Орхоменъ въ Беотіи, Троя (6-й городъ) на с.-з. М. Азіи. По времени микенская культура совпадаетъ съ поздне-миносскими періодами критской культуры. Теперь принято дѣлить микенскую культуру на періоды: ранній, средній и поздній.

Таковы главныя стадіи въ развитіи культуры на берегахъ Эгейскаго моря въ такъ наз. эгейскую эпоху. Эти археологическія данныя вызываютъ два вопроса, весьма важные для историка: 1) вопросъ *хронологическій*, 2) вопросъ *этнографическій*.

Первый вопросъ подвигается къ удовлетворительному разрѣшенію (особенно цѣнна нѣмецкая работа *Фиммена* 1909 г.). Здѣсь руководящія указанія даютъ, съ одн. стор., егип. древности, найденныя въ различныхъ пластахъ эгейской культуры, съ другой стороны—продукты этой культуры, найденные въ Египтѣ. Для древнѣйшихъ эпохъ выводы, основанные на этихъ данныхъ, конечно, представляются еще во многомъ спорными, во-первыхъ, въ силу того, что и египетская хронологія древнѣйшихъ эпохъ еще возбуждаетъ въ рядѣ пунктовъ сомнѣнія среди ученыхъ, а также и потому, что нельзя признать несомнѣнно эгейскими предметы, находимые въ египетскихъ пластахъ такъ наз. Древняго Царства и признаваемые за таковые нѣкоторыми изслѣдователями. Но для болѣе позднихъ періодовъ Эгейской культуры теперь установлена преимущественно на основаніи египтологическихъ данныхъ довольно точная хронологія. Приблизительное хронологическое соотношеніе культуръ представлено на слѣдующей таблицѣ (въ основу ея положены таблицы Фиммена и Лихтенберга) (см. таблицу столб. 553—554).

Изъ этой таблицы мы видимъ, что ранне-миносской эпохѣ соотвѣтствуютъ по времени древній періодъ цикладской культуры и 2-й городъ въ Троѣ, средне-миносской культурѣ соотвѣтствуютъ поздніе періоды цикладской культуры и соотвѣтствующая по типу культура на материкѣ Греціи (Афидна); наконецъ, поздне-миносской культурѣ соотвѣтствуетъ микенская культура на материкѣ Греціи, на островахъ и въ 6-мъ городѣ Трои.

Эпоха.	*Критъ.*	*Троя.*	*Остр. Эгейск. м.*	*Европ. Грецiя.*
до 3000 г. до Р. Х.	Неолитическіе слои.	1-й городъ.		Неолитическая культура въ Фессалiи, Фокидѣ, Беотiи, въ древнѣйшихъ пластахъ въ Тиринѳѣ и Олимпiи.
3-е тысяч. до Р. Х.	1, 2, 3 ранне-миносскіе періоды.	2-й городъ	Древняя эпоха цикладской культуры.	Древніе слои въ Орхоменѣ и Тиринѳѣ.
2000—1700 до Р. Х.	1, 2 средне-миносскіе періоды (древніе дворцы въ Кноссѣ и Фестѣ, Камарес. вазы).		Болѣе поздняя эпоха цикладской культуры (1-е и 2-е поселенiя въ Филакопи).	Аѳины въ Сѣвер. Аттикѣ.
1700—1550 до Р. Х.	3-й средне-миносск. періодъ (2-й дворецъ въ Кноссѣ). 1-й поздне-миносскій періодъ (2-й дворецъ въ Фестѣ).	3-е, 4-е и 5-е поселенiя въ Троѣ.	2-е поселенiе въ Филакопи.	Ранне-микенскій періодъ (шахтообразныя гробницы въ Микенахъ).
1550—1400.	2-й поздне-миносск. періодъ (дворцовый стиль).		3-е поселенiе въ Филакопи.	Средне-микенскій періодъ (дворцы въ Микенахъ и Тиринѳѣ).
1400—1250.	Разрушенiе дворцовъ въ Кноссѣ и Фестѣ. 3-й поздне-миносскій періодъ.	6-й городъ.	3-е поселенiе въ Филакопи.	Поздне-микенскій періодъ (дворцы въ Микенахъ и Тиринѳѣ).
	Распространенiе желѣза.			
1250—1100.				Геометрическій и Дипилонскій стиль глиняныхъ сосудовъ.

Менѣе выясненной до сей поры представляется *этнографическая* проблема, сводящаяся, гл. обр., къ вопросу: *поскольку критская и эгейская культуры суть греческія и поскольку онѣ принадлежатъ до-греческому населенiю этихъ мѣстностей.*

Шлиманъ не сомнѣвался въ томъ, что онъ открылъ греческую культуру гомеровскаго времени. Но уже скоро противъ этого мнѣнiя стали раздаваться возраженiя: нѣкоторые спецiалисты указывали на существенныя различiя между гомеровской культурой и микенской, напр., на то, что гомеровскiе греки сжигаютъ покойниковъ, а носители микенской культуры—погребаютъ; народъ микенской культуры въ тѣсныхъ сношенiяхъ съ Египтомъ, у Гомера—слѣды такихъ сношенiй незначительны. Было выставлено мнѣнiе, что носители микенской культуры — это до-греческое населенiе Эгейскаго моря—*карiйцы*, о которыхъ говорятъ Геродотъ (I, 171) и Ѳукидидъ (I, 4 и I, 8, 1). Одно время карiйцы образовывали значительное государство, центромъ котораго былъ Критъ (легенда о царѣ Миносѣ). Въ настоящее время есть сторонники и эллинской и до-эллинской теорiй происхожденiя микенской культуры (въ самыхъ новѣйшихъ трудахъ Дюссо́ стоитъ на точкѣ зрѣнiя до-греческаго происхожденiя эгейск. культуры, Лихтенбергъ, напротивъ,—арiйско-греческой). Эд. Мейеръ въ новомъ изданiи I тома „Исторiи древности“ совершенно правильно находитъ нужнымъ вопросъ о происхожденiи культуры въ разныхъ областяхъ Эгейскаго моря расчленить. Во всякомъ случаѣ, этнографическiй вопросъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованiй. Въ настоящее время большей вѣроятностью обладаютъ слѣдующiя предположенiя. Несходство неолитической культуры Крита и болѣе сѣверныхъ областей Грецiи дѣлаетъ вѣроятнымъ предположенiе, что критское населенiе 3-го тысячелѣтiя до

Р. Х. отличалось отъ населенiя континентальной Грецiи; а такъ какъ, судя по археологическимъ даннымъ, развитiе критской культуры шло безъ перерывовъ (здѣшняя бронзовая культура есть непосредственное развитiе неолитической), то можно думать, что то же населенiе оставалось здѣсь, во всякомъ случаѣ, и въ первые перiоды миносской культуры. Это до-греческое населенiе Крита могло принадлежать отчасти и къ карiйскому племени, и, быть можетъ, относилось къ *малоазiйской расѣ*, населявшей нѣкогда значительную часть М. Азiи и не принадлежавшей ни къ семитамъ, ни къ арiйцамъ. Эд. Мейеръ полагаетъ, что первоначальное населенiе Крита принадлежало къ мало-азiйской расѣ, но что сюда еще до грековъ вторглись иныя племена неизвѣстнаго происхожденiя (напр., этеокритяне). Населенiе Крита очень рано вошло въ сношенiя съ Египтомъ, можетъ быть, еще въ 3-емъ тысячелѣтiи до Р. Х. (критскiе предметы въ Негадэ, Абидосѣ и др. мѣстахъ Египта) и, во всякомъ случаѣ, во 2-мъ тысячелѣтiи (камаресскiя вазы въ Кахунѣ и Абидосѣ въ остаткахъ эпохи 12-й династiи). Что касается вопроса о населенiи *континентальной* Грецiи, то обращаетъ на себя вниманiе то обстоятельство, что здѣшняя поздняя неолитическая культура весьма родственна неолитической культурѣ сѣвера Балканскаго полуострова, Венгрiи, Галицiи, Южной Россiи и даже нѣкоторыхъ болѣе сѣверныхъ областей Средней Европы (сходство въ формѣ сосудовъ и орнаментѣ; особенно характерный орнаментъ въ формѣ *спирали* и т. п.). Можно думать, что носители поздне-неолитической культуры континентальной Грецiи пришли сюда съ сѣвера. Если это такъ, то есть нѣкоторая вѣроятность въ предположенiи, что это и были *греческiя племена* (въ числѣ ихъ *ахейцы*), отдѣлившiяся отъ общаго индо-европейскаго пранарода, родину котораго многiе (особ., О. Шрадеръ) ищутъ теперь въ области между Карпатами и Каспiйскимъ моремъ (нѣк. изслѣдователи, впрочемъ,—въ Сред. и и даже Сѣв. Европѣ, а иные—въ Азiи). Появленiе грековъ съ сѣвера подтверждается также и тѣмъ, что у грековъ сохранились преданiя объ этомъ движенiи съ сѣвера, и въ этомъ смыслѣ говорятъ нѣкоторыя географическiя названiя и религiозныя данныя (напр., одно изъ древнѣйшихъ нацiональныхъ святилищъ грековъ находилось въ Эпирѣ, въ Додонѣ). Что касается ранней бронзовой культуры въ *Троѣ*, то устанавливается и ея родство съ древней культурой Средней Европы и особенно тѣсныя отношенiя къ древней культурѣ сѣвера Балканскаго полуострова. Отсюда дѣлаютъ выводъ, что въ троянской культурѣ можно предполагать довольно рано участiе индо-европейцевъ, однако, принадлежащихъ къ другой вѣтви народовъ, чѣмъ греки, а именно, къ такъ наз. *трояно-фригiйскому племени*. Такимъ обр., можно думать, что часть индо-европейцевъ, двигаясь на югъ, приблизительно на сѣверѣ Балканскаго полуострова раздѣлилась: одна группа перешла Дарданелы и проникла въ М. Азiю, а другая, двигаясь по сушѣ, постепенно достигла Грецiи. Въ началѣ бронзовой эпохи въ Грецiи можно предполагать уже наличность греческихъ племенъ (3-е тысячелѣтiе до Р. Х.). Однако, такая конструкцiя древней этнографiи эгейскаго мiра не представляется общепринятой: напр., Эд. Мейеръ считаетъ древне-троянскую культуру принадлежащей не грекамъ, а племени мало-азiйскому („Gesch. des Altert.“, I т., 2-е изд. 1909 г.).

Когда проникли греки на *Критъ*, остается неяснымъ. Отсутствiе перерывовъ въ развитiи критской культуры заставляетъ думать, что рѣзкихъ смѣнъ населенiя тамъ не было, и что греки проникали туда постепенно, сравнительно небольшими группами, при чемъ усваивали, по крайней мѣрѣ въ основѣ, мѣстную культуру. Въ этомъ смыслѣ говоритъ и то обстоятельство, что у Гомера населенiе Крита изображено очень разноплеменнымъ (Одиссея, XIX, 176—9). Можетъ быть, разрушенiе дворцовъ въ Кноссѣ и Фестѣ (прибл. въ XIV в. до Р. Х.) стоитъ въ связи съ проникновенiемъ первыхъ волнъ греческихъ племенъ на Критъ (ахейцевъ).

Позднѣе, въ концѣ 2-го тысячелѣтiя до Р. Х., имѣли мѣсто новыя передви-

женія племенъ. Объ этомъ говорятъ намъ прежде всего египетскіе документы, сообщающіе, что при 19-й династіи (царь Мернепта) Египетъ тѣснили *заморскіе народы*; и при 20-й династіи набѣги этихъ народовъ не прекратились; въ числѣ этихъ народовъ упоминаются племена, которыя большинство ученыхъ, какъ эллинистовъ, такъ и египтологовъ отождествляетъ съ греками (Акаиваша — ахейцы, Данауна—данайцы). Нѣсколько позднѣе (XII в. до Р. Х.) въ Палестинѣ и Сиріи появляется народъ филистимляне (Пуласата египетскихъ памятниковъ), которыхъ многіе ученые послѣдняго времени на основаніи довольно убѣдительныхъ данныхъ отождествляютъ съ тогдашнимъ населеніемъ Крита. Это движеніе племенъ на югъ, за море, было вызвано, какъ можно предполагать, продолжавшимся долгое время притокомъ съ сѣвера новыхъ массъ грековъ: въ числѣ послѣднихъ волнъ этого потока сѣверныхъ племенъ было малокультурное и воинственное дорійское племя. Ок. XI в. до Р. Х. доряне проникли въ Пелопоннесъ, а затѣмъ и на Критъ. Объ этомъ движеніи дорянъ сохранились многочисленныя греческія преданія (гипотеза Белоха, будто дорійскаго завоеванія не было и будто оно измышленіе позднѣйшихъ греческихъ историковъ,—несостоятельна и не принята въ наукѣ). *Дорійское завоеваніе нѣсколько понизило культуру и положило конецъ эпохѣ культуры микенской.* Послѣдствія этого завоеванія сравниваютъ съ послѣдствіями нашествія германцевъ въ Римскую Имперію, но, конечно, пониженіе культуры въ Греціи было менѣе значительнымъ, чѣмъ въ V—VI вѣкахъ по Р. Х. въ Западной Европѣ.

Около этого времени начинается и движеніе отдѣльныхъ группъ греческихъ племенъ въ Малую Азію (эолійцевъ, іонійцевъ и позднѣе дорійцевъ). Начало этого движенія рѣшительно невозможно возстановить, равно какъ и ходъ его. Несомнѣнно лишь, что историческая эпоха застаетъ уже на мало-азійскомъ побережьѣ Эгейскаго моря цѣпь греческихъ колоній (Смирна, Милетъ, Эфесъ, Фокея и проч.). Борьба греческихъ царей поздняго микенскаго времени съ сѣверо-западными мало-азійцами была почвой для развитія сагъ о троянской войнѣ.

Таковы болѣе вѣроятные выводы о времени появленія грековъ на югѣ Балканскаго полуострова и на островахъ Эгейскаго моря; однако, выводы эти, конечно, гипотетичны и не общепризнаны. Если эти выводы правильны, то микенскую и отчасти даже цикладскую культуру нужно признать греческими, а не до-греческими. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что эти культуры и особенно микенская развивались подъ сильнымъ вліяніемъ критской культуры, созданной, какъ указано выше, вѣроятно, еще до-греческимъ населеніемъ Крита.

Такимъ образомъ, греки, попавши на Балканскій полуостровъ, должны были вступить въ соприкосновеніе съ болѣе высокой культурой *Крита*. Но они должны были испытать на себѣ и другія *культурныя воздѣйствія сосѣдей*. Самъ Критъ, какъ мы видѣли, очень рано вступилъ во взаимныя сношенія съ *Египтомъ*, и, несомнѣнно, высокая египетская культура вліяла на него, равно какъ, впрочемъ, и обратно—Критъ оказывалъ извѣстное вліяніе на Египетъ. Народъ Кефтіу, съ которымъ ученые на основаніи серьезныхъ данныхъ отождествляютъ критянъ, часто фигурируетъ въ египетскихъ памятникахъ 18-й династіи, а археологическія находки даютъ возможность предполагать существованіе сношеній между Критомъ и Египтомъ въ еще болѣе раннее время. Точно также съ эпохи 18-й династіи (во всякомъ случаѣ, въ 15—14 вѣкахъ) существовали несомнѣнныя сношенія Египта съ областью микенской культуры (на континентѣ и островахъ), какъ это видно изъ археологическихъ находокъ (предметы съ именами позднѣйшихъ царей 18-й династіи въ Микенахъ, на Родосѣ и проч. и микенскіе предметы въ Египтѣ). Эти сношенія продолжались и при 19 и 20 династіяхъ (вторженіе заморскихъ народовъ въ Египетъ, см. выше). Дорійское нашествіе и смуты, наступившія въ Египтѣ послѣ 20-й династіи, ослабили на довольно долгое время сношенія эгейскаго міра съ Египтомъ.

Можно предполагать, что родственная грекамъ вѣтвь индо-европейцевъ, поселившаяся въ М. Азіи, находилась подъ воздѣйствіемъ до-греческой мало-азійской культуры (типичнѣйшею отраслью которой является *хеттитская* культура).

Позднѣе посредниками между эгейскимъ міромъ и восточными цивилизаціями дѣлаются *финикіяне*. Прежде преувеличивали роль финикіянъ въ развитіи греческой культуры (взгляды Моверса, Э. Курціуса и др.); большое ихъ вліяніе на раннюю культуру невозможно уже потому, что они сами, какъ теперь доказано, начали играть роль на морѣ не ранѣе X и во всякомъ случаѣ XI вѣка до Р. Х. Но съ этого времени они появляются на берегахъ и островахъ Эгейскаго моря, на что указываютъ нѣкоторыя географическія названія и упоминанія греческихъ писателей о существованіи финикійскихъ культовъ въ Коринѳѣ, на о. Киѳерѣ и проч. На Кипрѣ существовали финикійскія поселенія въ X в. и позднѣе. Однако, вліяніе ихъ было не глубоко, ибо финикіяне всюду ограничивались основаніемъ небольшихъ торговыхъ факторій.

Что касается *соціальнаго* и *политическаго* строя народовъ эгейской культуры, то въ этой области возможны только нѣкоторыя косвенныя заключенія, основанныя на археологическихъ данныхъ и относящіяся къ сравнительно болѣе позднимъ стадіямъ развитія. Дворцы на Критѣ, а позднѣе въ Микенахъ, Тиринѳѣ, въ Филакопи на о. Мелосѣ (3-е поселеніе) и проч. указываютъ на то, что на Критѣ и въ Троадѣ еще въ 1-ую половину 2-го тысячелѣтія до Р. Х., а на восточномъ берегу Эгейскаго моря—во 2-ю половину того же тысячелѣтія (XVI—XII вѣка) появились значительныя для того времени государственныя образованія съ царями во главѣ. Огромность дворцовъ и куполообразныхъ гробницъ указываетъ на то, что цари располагали очень значительными рабочими силами,—повидимому, держали въ весьма зависимомъ положеніи *низшіе слои населенія*. Напротивъ, наверху общества создавалась *аристократія*. Маленькіе дворцы, раскопанные въ ближайшихъ окрестностяхъ Кносса, заставляютъ думать, что это жилища знати, окружавшей царя. Подобный же дворецъ мѣстнаго аристократа найденъ въ Гурніи на Критѣ среди остатковъ древней деревни. Часть микенскихъ воиновъ сражается на колесницахъ, что тоже указываетъ на существованіе аристократовъ, ибо только имъ было подъ силу держать колесницы и коней. Вооруженіе микенскаго пѣхотинца не могло быть доступно крестьянину, а лишь зажиточному слою. Такимъ образомъ, приходится думать, что микенское общество было монархическимъ, но съ значительною классовою дифференціаціей и съ аристократіей наверху.

Однако, необходимо считаться съ тѣмъ, что высокая культура микенской эпохи сосредоточивалась на восточномъ побережьѣ континентальной Греціи и на островахъ. Эти общества перестали быть исключительно земледѣльческими: они были вовлечены въ торговый обмѣнъ съ культурными сосѣдями; здѣсь развилась и своя промышленность. Въ глубинѣ страны и на западномъ побережьи вліяніе морскихъ сношеній уже въ силу географическихъ условій было незначительно; ближайшіе сосѣди съ запада стояли не на высокомъ культурномъ уровнѣ; поэтому, эти общества должны были пребывать въ примитивномъ земледѣльческомъ или пастушескомъ быту.

V. *Греческое средневѣковье*. а) *Общая характеристика*. Нашествіе сѣверныхъ племенъ въ XI вѣкѣ до Р. Х. нѣсколько понизило культуру даже въ восточной Греціи и на Критѣ. Начинается какъ бы новый историческій процессъ: образуются и развиваются новыя греческія государства, создавшіяся въ результатѣ вышеотмѣченной перетасовки племенъ. Это *греческое средневѣковье* въ раннихъ своихъ стадіяхъ освѣщено *гомеровскими поэмами*, которыя въ теченіе XIX вѣка были подвергнуты тщательному филологическому и историко-критическому анализу, толчекъ которому далъ Вольфъ; теперь можно считать вполнѣ установленнымъ, что эти поэтическія произведенія пережили очень долгій процессъ развитія, пока не приняли того вида, въ ко-

торомъ мы ихъ имѣемъ. Нынѣ большинство изслѣдователей держится того мнѣнія, что въ основѣ поэмъ лежатъ народныя былины, сюжетъ которыхъ связанъ еще съ эпохой микенской культуры, т. е. эпохой микенскаго и тиринѳскаго дворцовъ и 6-го города Трои; сказанія о троянской войнѣ, вѣроятно, связаны съ движеніемъ ахейскихъ племенъ микенской эпохи въ Малую Азію. Эти народныя былины подвергались долгой искусственной переработкѣ со стороны профессіональныхъ пѣвцовъ эпохи греческаго средневѣковья. Изъ множества былинъ эти пѣвцы выдѣляли особенно нѣкоторыя: о гнѣвѣ Ахиллеса, о паденіи Трои, о странствованіяхъ греческихъ вождей, въ частности Одиссея, о приключеніяхъ Телемаха и т. п. Позднѣе нѣкоторые поэты стали объединять мелкія поэмы въ болѣе значительныя, группируя ихъ около двухъ поэмъ: о гнѣвѣ Ахиллеса („Ахиллеида“) и о странствованіяхъ Одиссея („Первоначальная Одиссея“), присоединяя къ этимъ двумъ основнымъ сюжетамъ многіе другіе. Тотъ въ общемъ стройный видъ, какой теперь имѣютъ „Иліада“ и „Одиссея“, придали имъ позднѣйшіе поэты,—вѣроятнѣе, числомъ два. *Гомера*, на основаніи наиболѣе древнихъ показаній, можно считать историческою личностью,—авторомъ современной формы „Иліады“. „Одиссея“ въ современномъ видѣ—моложе „Иліады“ (однако, и нынѣ есть сторонники мнѣнія, что Гомеръ—авторъ обѣихъ поэмъ). Авторы Иліады и Одиссеи—не простые компиляторы: они вложили въ поэмы много своего. По разнымъ даннымъ можно полагать, что окончательно сложились эти поэмы въ концѣ VIII и въ VII вѣкахъ до Р. Х. Отражая въ основныхъ сюжетахъ эпоху микенскую, онѣ, однако, изображаютъ преимущественно бытъ болѣе позднихъ вѣковъ, современныхъ поэтамъ-творцамъ ихъ (VIII — VII вѣка). Однако, и въ изображаемомъ поэтами бытѣ можно различать и болѣе раннія и болѣе поздніе черты.—Обращаясь къ характеру гомеровскаго общества, мы можемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ констатировать даже прогрессъ сравнительно съ микенской эпохой: уже „Иліада“ знаетъ желѣзо (отношеніе упоминаній о желѣзѣ къ упоминаніямъ о мѣди равно прибл. 1: 14), а въ „Одиссеѣ“ желѣзо встрѣчается довольно часто (прибл. 1: 4). Но, вообще говоря, въ гомеровскихъ поэмахъ констатировать можно скорѣе пониженіе культуры, сравнительно съ микенскимъ временемъ, что вполнѣ гармонируетъ съ нашимъ представленіемъ о послѣдствіяхъ дорійскаго завоеванія. Напр., тѣхъ оживленныхъ морскихъ сношеній съ Египтомъ, которыя замѣтны на Критѣ, особенно въ поздне-миносскіе періоды, а на континентѣ Греціи и на островахъ—въ микенское время,—гомеровскія поэмы не знаютъ. Посредниками въ торговлѣ съ Востокомъ въ Иліадѣ и въ еще большей степени въ Одиссеѣ являются финикіяне. На Эгейскомъ морѣ и сами греки поддерживаютъ оживленное мореплаваніе. Сношенія съ Западомъ рисуются въ поэмахъ не отчетливо; только въ болѣе позднихъ частяхъ Одиссеи (XX, 383; XXIV, 211, 307) фигурируетъ Сицилія.

Гомеровскіе греки живутъ земледѣліемъ и въ не меньшей, если не большей, мѣрѣ скотоводствомъ. Однако, гомеровское земледѣліе отнюдь не примитивное: извѣстно унаваживаніе почвы, искусственное орошеніе; кромѣ хлѣбопашества, знаютъ греки въ это время и виноградарство и т. п. Земля находится не въ общинной, а семейной собственности. Мы видимъ земельные участки частныхъ лицъ (κλῆρος). Однако, общины сохраняютъ еще и не раздѣленныя земли, изъ которыхъ по желанію общины могутъ быть выдѣлены участки пришельцамъ (τέμενος Ил. VI, 194; IX, 578; XX, 184). И въ другихъ отношеніяхъ хозяйственная жизнь гомеровскихъ грековъ является не примитивной. Существуетъ уже значительное раздѣленіе труда; вполнѣ замкнутаго домашняго хозяйства, удовлетворяющаго самостоятельно всѣмъ своимъ потребностямъ, нѣтъ уже даже въ эту эпоху. Правда, мы видимъ свинопаса въ большомъ хозяйствѣ, который самъ готовитъ для себя кожаныя сандаліи (Од. XIX, 23), видимъ женщинъ, принадлежащихъ къ составу семьи хозяина, и рабынь, занимающихся въ большомъ хозяйствѣ пряденіемъ и тканьемъ

(напр., Ил. I, 31; III, 125, 387; XXII, 441; Одис. I, 352; VII, 234); но съ другой стороны, мы видимъ самостоятельныхъ спеціалистовъ-ремесленниковъ (напр., Ил. V, 59; VI, 314; VII, 220), которые работаютъ на заказчиковъ у себя дома (кузнецы, IV, 141), а иногда ихъ, вѣроятно, приглашаютъ заказчики къ себѣ (Одис. XIX, 384; ср. III, 425). Подобными спеціалистами у Гомера являются плотники, горшечники, кожевники, кузнецы, золотыхъ дѣлъ мастера и др. Они принадлежатъ къ особой общественной группѣ гомеровскаго общества демiурговъ (см. ниже). Металлургическая, столярная и другая техника, описываемая въ поэмахъ, настолько сложна, что требовала, конечно, значительнаго раздѣленія труда. Видимъ мы и пряху, работающую за плату (Ил. XII, 433).

Гомеровская семья въ принципѣ моногамна, но допускается наложничество, при чемъ дѣти наложницъ иногда почитаются на ряду съ законными дѣтьми. Въ Троѣ мы видимъ и слѣды старой родовой общины: вмѣстѣ съ Пріамомъ живутъ его многочисленные женатые сыновья и дочери съ ихъ мужьями (Ил. VI, 243).

Болѣе значительныя соединенія, чѣмъ семьи,—это филы и фратріи (Ил. II, 362 и IX, 63). Изъ объясненій происхожденія *древнихъ филъ* — наиболѣе вѣроятнымъ является то, по которому филы—суть отдѣльныя племена, соединившіяся въ одинъ народъ, но сохранившія внутри этого народа болѣе тѣсную связь своихъ членовъ. Происхожденіе фратрій менѣе ясно; по своей сущности это соединеніе нѣсколькихъ родовъ внутри филъ. Эти соединенія крайне важны: только внутри своего рода и фратріи человѣкъ находитъ защиту личности и имущества: если онъ отъ нихъ отобьется,—онъ беззащитенъ.

Гомеровское общество по своему составу весьма неоднородно: на верху его стоитъ землевладѣльческая, военная *аристократія*, существовавшая, какъ мы видѣли, и въ микенское время. Аристократы представляютъ изъ себя правящій классъ; они сражаются на колесницахъ; высшіе изъ нихъ именуются царями (βασιλεῖς); на Итакѣ и у феаковъ не только главный вождь именуется такъ, а и много другихъ. Выдающіеся воины изъ знати собираютъ около себя *дружину* (ἑταῖροι) изъ знатной молодежи. Знать въ своихъ хозяйствахъ имѣетъ *рабовъ* (особенно много рабынь). Это или военноплѣнные, или похищенные и проданные въ неволю люди, или родившееся въ домѣ потомство рабовъ. Масса же населенія—это свободные простые люди (λαός, λαοί); изъ нихъ состоитъ пѣхотное войско подъ Троей. Они по большей части земледѣльцы, владѣющіе своимъ участкомъ (клеромъ). Но среди массы свободныхъ, въ свою очередь замѣтно разслоеніе. Одни сосредоточили въ своихъ рукахъ много участковъ земли—стали *поликлерами* (Од. XIV, 211), другіе—лишились своего клера, — стали *аклерами* (Одис. XI, 490, гдѣ, впрочемъ, имѣется въ виду не безземельный, а малоземельный крестьянинъ; ср. Ил. IX, 268). Разныя причины могли повести къ такому нарушенію соціальнаго равновѣсія въ средѣ земледѣльческаго населенія: неурожай, падежъ скота, непріятельскій набѣгъ, чрезмѣрный ростъ семьи (дробленіе участка) — все это могло разорить однихъ, а хозяйственныя удачи, скопленіе участковъ по наслѣдству, пріобрѣтеніе ихъ отъ неисправныхъ должниковъ—вело къ обогащенію другихъ. Безземельный превращался въ *θета* (θῆτες): наемника, работающаго въ чужомъ хозяйствѣ за кровъ, одежду и пропитаніе (см. особенно Одис. XVIII, 357 сл.). Гомеровскія поэмы, изображающія по преимуществу бытъ аристократіи, даютъ намъ мало матеріала для характеристики свободнаго крестьянства. Больше мы можемъ почерпнуть изъ поэмы Гесіода „Труды и дни“, относящейся почти къ тому же времени, когда гомеровскія поэмы принимали свою законченную форму (ок. 700 г. до Р. Х.). Гесіодъ изображаетъ бытъ крестьянъ Беотіи, гдѣ, благодаря плодородію почвы, свободное крестьянство было не такъ подавлено нуждой, какъ, напр., въ Аттикѣ, и въ большемъ числѣ сохранило свою самостоятельность. Мы видимъ, что пахотная земля здѣсь раздѣлена на клеры, а лѣсъ остается въ общей собственности: здѣсь крестьянинъ добываетъ себѣ дерево и здѣсь пасутся

его коровы. Болѣе зажиточные крестьяне имѣютъ даже рабовъ. Такъ какъ право первородства не существуетъ, то въ большихъ семьяхъ клеръ дробится; поэтому, Гесіодъ совѣтуетъ крестьянину имѣть только одного сына (ст. 376). Однако, и положеніе беотійскаго крестьянина далеко не безмятежно: чуть явятся хозяйственныя неудачи,— его ждетъ нужда, голодъ, задолженность (394, 404, 478, 497, 647 и проч.).

Изъ среды свободнаго простого народа вышли и извѣстные уже намъ *демiурги*, къ которымъ, кромѣ ремесленниковъ (см. выше), причислялись также врачи, герольды, прорицатели и пѣвцы (Од. XVII, 383; XIX, 135).— Особую группу въ гомеровскомъ обществѣ представляютъ *метанасты* (Ил. IX, 648): люди, отбившіеся отъ своего рода, беззащитные, вынужденные искать покровительства у чужихъ.

Во главѣ гомеровскаго *государства* стоитъ знать. Тѣхъ могущественныхъ монархій, какія существовали въ микенскую эпоху по западному побережью Эгейскаго моря, въ Троѣ и на Критѣ,— въ гомеровское время уже нѣтъ: знать восторжествовала надъ царской властью. Правда, и на Итакѣ, и у феаковъ мы видимъ среди многихъ царей—царей главныхъ (Одиссей, Алкиной), но дворцы ихъ не идутъ въ сравненіе съ грандіозными сооруженіями микенской и миносской эпохи. Только кое-гдѣ въ поэмахъ можно встрѣтить отголоски воспоминаній о былой патріархальной сильной царской власти, производившей себя отъ Зевса (напр., Ил. II, 100 и 194; IX, 37 и 98 и проч.). Гомеровскій царь во всѣхъ отношеніяхъ ограниченъ знатью, онъ ничего не предпринимаетъ, не посовѣтовавшись съ совѣтомъ старѣйшинъ (*геронтовъ*). Въ рукахъ знати и судъ; судъ творится въ присутствіи всей общины (Ил. XVIII, 497). Въ экстренныхъ случаяхъ созывается *народное собраніе*, въ которомъ участвуютъ всѣ свободные, но оно мало активно: имъ руководитъ знать.

Духовная жизнь грековъ въ эпоху средневѣковья была тѣсно связана съ религіей (см. *религіи греко-римскаго міра*).

Первыя болѣе прочныя соглашенія греческихъ государствъ между собою возникаютъ ок. VIII в. на религіозной почвѣ для защиты святилищъ (см. *Амфиктіонiи*).

б) *Аѳины въ эпоху средневѣковья.* Хотя и не великъ нашъ матеріалъ источниковъ для ранней исторіи Аѳинъ, тѣмъ не менѣе, онъ даетъ намъ возможность возстановить въ основныхъ чертахъ состояніе аѳинскаго общества въ средневѣковую эпоху. Здѣсь приходится опираться на преданія и переживанія, сохраненныя намъ, главнымъ образомъ, Аристотелемъ въ его „Аѳинской политіи", Геродотомъ и Ѳукидидомъ, а также Плутархомъ, который въ написанныхъ имъ біографіяхъ Тезея и Солона использовалъ многихъ болѣе раннихъ, нынѣ утраченныхъ историковъ. Изъ числа утраченныхъ древнихъ историческихъ произведеній, которыми, однако, въ той или въ другой мѣрѣ пользовались нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ авторовъ, особенно важны *аттидографы* (см. выше очеркъ *исторіографіи*).

Аттика обладала однороднымъ въ племенномъ отношеніи населеніемъ, принадлежавшимъ къ іонійскому племени. Если и были здѣсь инородные элементы, то количество ихъ врядъ ли было сколько-нибудь значительно.

Аттическое преданіе согласно утверждало, что единое государство въ Аттикѣ возникло путемъ такъ называемаго *синойкисма* (συνοικισμός), т. е. слiянія мелкихъ общинъ въ одно политическое цѣлое. Преданіе о томъ, что нѣкогда въ Аттикѣ существовало много мелкихъ государственныхъ соединеній, находитъ себѣ подтвержденіе въ рядѣ косвенныхъ указаній: въ Аѳинахъ въ историческое время справлялся праздникъ Синойкій (Συνοικέσια или Συνοίκια) въ воспоминаніе объ этомъ событіи; долго держались слѣды сепаратизма нѣкоторыхъ общинъ (напр., между жителями общинъ Паллены и Гагна не заключалось браковъ; Элевсинъ даже въ V в. сохранялъ извѣстную обособленность). Есть нѣкоторыя основанія думать, что объединеніе Аттики совершилось въ два и даже болѣе пріемовъ: сначала объединилось нѣсколько общинъ въ городъ Аѳины, а затѣмъ около этого города объединились остальныя аттическія общины; Элевсинъ, вѣ-

роятно, примкнулъ къ Аѳинамъ еще позднѣе. Объединеніе, вѣроятно, совершилось около VIII вѣка, а Элевсинъ, быть можетъ, примкнулъ къ Аѳинамъ лишь въ VII в. Такимъ образомъ, до VIII и даже VII в. нельзя предполагать существованія въ Аттикѣ единаго государства: мы должны рисовать себѣ древнѣйшую Аттику, какъ значительное количество мелкихъ общинъ.

Древнѣйшій соціально-экономическій строй Аттики въ основныхъ чертахъ совпадалъ съ вышеохарактеризованнымъ строемъ гомеровскихъ поэмъ. Преобладающимъ экономически и политически элементомъ были здѣсь болѣе крупные землевладѣльцы-эвпатриды („благороднорожденные“). Крестьянство частью было обезземелено и находилось въ положеніи гомеровскихъ батраковъ (θῆτες καὶ πελάται); частью же оно, хотя и сохраняло землю, но значительную часть урожая отдавало эвпатридамъ. Такое зависимое положеніе крестьянства создалось разными путями. Или при хозяйственныхъ неудачахъ (неурожай, падежъ скота) крестьянинъ долженъ былъ эвпатриду, и, такъ какъ земля признавалась не личной, а семейной собственностью, онъ сохранялъ землю, но значительную часть урожая долженъ былъ отдавать кредитору за долги; или самъ крупный землевладѣлецъ давалъ участокъ безземельному крестьянину съ тѣмъ, чтобы тотъ часть урожая доставлялъ землевладѣльцу (такіе крестьяне назывались гектеморы, — родъ половниковъ). Количество самостоятельныхъ крестьянъ-собственниковъ (зевгитовъ) было невелико.

Населеніе группировалось въ роды, фратріи и 4 іонійскихъ филы. Господство аристократіи наложило рѣзкій отпечатокъ и на эти общественныя соединенія. Маломочные элементы общества—крестьяне, конечно, держались своихъ родовыхъ связей лишь до тѣхъ поръ, пока жили вмѣстѣ: батрачество, разселеніе—все это подрывало сплоченность родовыхъ соединеній въ низшихъ слояхъ населенія. Иначе обстояло дѣло въ кругахъ аристократіи: здѣсь, напротивъ, родовыя связи крѣпли, ибо въ интересахъ каждаго родича было поддерживать связь съ вліятельнымъ и богатымъ родомъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени маломочные роды разлагаются, а, напротивъ, могущественные аристократическіе—сплачиваются, консолидируются. Эти роды занимаютъ руководящее положеніе и въ филѣ, и въ фратріи: входящіе въ эти организаціи простые люди, будучи слабыми экономически и разрозненными, являются совершенно пассивными передъ богатыми и сплоченными аристократическими родами.

„Гомеровскій“ характеръ имѣетъ и древне-аттическая государственная организація. Синойкисмъ привелъ къ тому, что, какъ говоритъ Ѳукидидъ (II, 15), совѣты и должностныя лица въ отдѣльныхъ общинахъ были уничтожены, и всѣ были соединены въ одномъ городѣ, гдѣ были учреждены общія помѣщенія для совѣта и для должностныхъ лицъ. Эти обще-аѳинскія учрежденія имѣли ясно-выраженный аристократическій характеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что преданіе право, когда оно утверждаетъ, что во главѣ государства сталъ единый царь (βασιλεύς), но этотъ царь, какъ и всѣ цари греческаго средневѣковья, ограничивается могущественной аристократіей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше росла мощь аристократіи на счетъ царя. Ограниченія царской власти сводились къ переходу отъ наслѣдственной и пожизненной монархіи къ срочной (10-лѣтней, а затѣмъ годичной) магистратурѣ и къ дробленію функцій царя между новыми выборными (на срокъ) должностными лицами. Функціи военачальника отходятъ къ полемарху, функція судьи по вопросамъ семейнаго права (при родовомъ строѣ и семейной собственности эти вопросы наиболѣе часто возникали)—къ особому архонту, прочія судебныя дѣла отошли къ 6 ѳесмоѳетамъ; за царемъ (басилевсомъ) въ концѣ этого процесса дробленія функцій остаются лишь жреческія обязанности, да руководство судопроизводствомъ по дѣламъ объ убійствѣ въ виду религіознаго значенія пролитія крови. Даже счетъ годовъ сталъ вестись не по именамъ царей, а по именамъ архонтовъ, получившихъ, поэтому, названіе эпонимовъ, („дающихъ имя“). Царь сталъ, такимъ образомъ, однимъ изъ 9

одногодичныхъ должностныхъ лицъ, которыя всѣ стали впослѣдствiи называться *архонтами*. Замѣщались эти должности лишь членами эвпатридскихъ родовъ. Въ этомъ дробленiи функцiй нельзя, впрочемъ, видѣть исключительно результаты борьбы аристократiи съ монархiей: несомнѣнно, важную роль въ этомъ процессѣ сыграло и усложненiе государственной жизни съ ростомъ населенiя, культуры и государственности; явилась потребность въ большемъ числѣ лицъ, отправлявшихъ административныя и судебныя обязанности, и въ большей спецiализацiи. — Какъ въ старину царь, такъ позднѣе архонты должны были въ своей дѣятельности постоянно считаться съ аристократическимъ совѣтомъ, собиравшимся для засѣданiй на холмѣ, посвященномъ богу Аресу (отсюда—названiе совѣта: ареопагъ); въ этомъ совѣтѣ, вѣроятно, первоначально присутствовали главы эвпатридскихъ родовъ; съ теченiемъ времени вошло въ обычай, что мѣста въ совѣтѣ стали замѣщаться бывшими архонтами. — О роли народнаго вѣча въ этотъ перiодъ мы ничего не знаемъ; несомнѣнно, что оно не могло играть сколько-нибудь значительной роли.—Въ эвпатридскiй перiодъ создается уже и извѣстная организацiя государственныхъ финансовъ, если это выраженiе примѣнять и къ натуральнымъ повинностямъ: мы имѣемъ свѣдѣнiя о сборщикахъ натуральныхъ взносовъ (колакретахъ и навкрарахъ).

VI. *Перiодъ классической или городской Грецiи (развитiе государствъ - городовъ).*

А. *Первый отдѣлъ этого перiода: разложенiе средневѣковыхъ отношенiй и развитiе городского строя (VII—VI вѣка).*

а) *Колонизацiя VII—VI вѣковъ и экономическiй переворотъ въ Грецiи въ эту эпоху. Развитiе городовъ.* Желая создать себѣ вполнѣ реальное представленiе о явленiяхъ греческой исторiи до Александра Македонскаго, мы, изучая ее, ни на минуту не должны упускать изъ виду, что районъ ея былъ пространственно весьма не великъ. Достаточно сказать, что пространство, занимаемое древней Грецiей на континентѣ Европы, т. е. область отъ мыса Тенара на югѣ Пелопоннеса до сѣверныхъ границъ Эпира и Θессалiи, равнялось лишь ок. 72 тысячъ кв. километровъ, т. е. было лишь въ два неполныхъ раза больше нынѣшней Швейцарiи и почти равно нашей Волынской губернiи. Въ частности, это обстоятельство весьма важно имѣть въ виду для яснаго представленiя объ эволюцiи греческихъ обществъ въ концѣ средневѣковой эпохи. Если принять во вниманiе благопрiятныя климатическiя условiя Грецiи и посильныя даже для малокультурнаго человѣка условiя борьбы за существованiе, то станетъ яснымъ, что естественный приростъ населенiя въ Грецiи долженъ былъ быть значительнымъ. При увеличенiи населенiя въ любой странѣ, когда количество средствъ существованiя въ данной мѣстности дѣлается недостаточнымъ, возможны два выхода: или населенiе переходитъ къ болѣе высокой системѣ хозяйства, дающей возможность изъ прежней земельной площади извлекать больше дохода, или избытокъ населенiя долженъ искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенiя. Малокультурные народы очень медленно отказываются отъ привычной хозяйственной системы и приспособляются къ новой; чаще всего этотъ переходъ совершается подъ извѣстнымъ вліянiемъ болѣе культурныхъ сосѣдей и при томъ весьма медленно. Поэтому, разъ для избытка населенiя есть возможность найти новыя земли для поселенiя, то этотъ избытокъ на раннихъ ступеняхъ культуры устремится скорѣе по линiи наименьшаго сопротивленiя на новыя земельные участки, чѣмъ перейдетъ къ болѣе сложнымъ системамъ хозяйства. Именно такъ мы должны представлять себѣ, по аналогiи съ соотвѣтствующими явленiями у другихъ болѣе намъ извѣстныхъ народовъ, основныя причины греческой колонизацiи въ эпоху средневѣковья. Когда же въ VII и VI вѣкахъ въ средѣ греческихъ обществъ стала развиваться классовая борьба, то и она послужила стимуломъ къ колонизацiи: побѣжденныя группы часто вынуждены были покидать родину и искать новыхъ мѣстъ для поселенiя. Рядъ данныхъ говоритъ за то, что уже въ послѣднiя десятилѣтiя VIII вѣка начинается греческая колонизацiя на Iонiйскомъ (ны-

нѣ Адріатическомъ) морѣ. Главную роль здѣсь играютъ іоняне изъ города Халкиды на Эвбеѣ и доряне изъ Коринѳа. Послѣдніе основываютъ Коркиру на островѣ того же имени и Сиракузы въ Сициліи, первые—Катану и Леонтины въ Сициліи. Греческая колонизація проникаетъ въ томъ же вѣкѣ и въ южную Италію (основаніе ахейскихъ колоній Сибариса и Кротона на югѣ Италіи; іонійск. Кумы—въ Кампаніи). Въ VII в. колонизація на Іонійскомъ морѣ въ Сициліи и Италіи развивается дальше (Эпидамнъ въ Иллиріи; Тарентъ и прочіе города на югѣ Италіи). Ок. 600 г. іонійское торговое поселеніе возникаетъ даже на югѣ нынѣшней Франціи на мѣстѣ Марселя (колонія Массалія), на о. Корсикѣ и т. д.

Въ VIII—VI вѣкахъ умножались греческія колоніи на сѣверныхъ берегахъ Эгейскаго моря, на Пропонтидѣ (Мраморномъ морѣ) и Черномъ морѣ. Въ выводѣ этихъ колоній особенную роль играютъ города на Коринѳскомъ перешейкѣ Коринѳъ и Мегары, эвбейскій городъ Халкида и особенно іонійскій городъ въ М. Азіи Милетъ. Недостатокъ земли для мало-азійскихъ грековъ былъ не менѣе чувствителенъ, чѣмъ для европейскихъ. Греческія поселенія, основавшіяся здѣсь еще въ эпоху эгейской культуры, обладали лишь прибрежной полосой земли, не проникая въ глубь страны, занятой туземными племенами. Милетъ распространяетъ свои колоніи до сѣверныхъ береговъ Чернаго моря (Ольвія, Ѳеодосія, Пантикапей, и проч.). Въ VI в. изъ Гераклеи Понтійской выводится колонія Херсонесъ. Въ томъ же вѣкѣ развивается греческая колонія въ Египтѣ—Навкратисъ.

Хотя, какъ мы увидимъ ниже, заморскія колоніи основывались по преимуществу тѣми городами, которые рано перешли отъ земледѣлія къ торговлѣ и промышленности (Коринѳъ, Мегары, Халкида, Милетъ и проч.), однако, большинство колоній при ихъ возникновеніи были земледѣльческими поселеніями: „искали плодородныхъ земель, а были ли вблизи хорошія гавани,—это имѣло второстепенное значеніе“ (Белохъ). Что переселенія происходили преимущественно изъ торговыхъ городовъ, объясняется какъ тѣмъ, что здѣсь особенно быстро росло населеніе и не хватало земли, такъ и тѣмъ, что эти города, ведшіе болѣе значительныя морскія сношенія, легче организовывали заморскія переселенія. Съ теченіемъ времени очень многія колоніи дѣлались торговыми и промышленными центрами, такъ какъ онѣ были удобными пунктами для торговыхъ сношеній съ метрополіею и для сбыта произведеній метрополіи и своихъ собственныхъ окружающему населенію.

Однако, если греки, чтобы устранить избытокъ населенія, обратились прежде всего къ переселенческой дѣятельности, то это не значитъ, что измѣненія въ системѣ хозяйства у нихъ не имѣли мѣста. Хотя и сравнительно медленнно, нѣкоторыя мѣстности Греціи стали превращаться изъ земледѣльческихъ странъ въ торгово-промышленныя. Это были по преимуществу мѣстности малоплодородныя и плохо орошаемыя (напр., большая часть Аттики, Мегары) или поселенія, не обладавшія сколько-нибудь значительной территоріей (Коринѳъ). Мѣстное населеніе ранѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, должно было искать себѣ занятій помимо земледѣлія: здѣсь развивались ремесла, продукты которыхъ сбывались первоначально ближайшимъ сосѣдямъ, а затѣмъ и въ болѣе отдаленныя мѣстности. Особенно успѣшно развивались промышленность и торговля, если данная мѣстность была богата какими-либо цѣнными сырыми продуктами (мѣдь около Халкиды на Эвбеѣ; шерсть милетскихъ овецъ; глина въ Коринѳѣ и Аттикѣ; соль, мраморъ, серебро — въ Аттикѣ). Распространеніе греческихъ колоній, усиливая морскую торговлю, способствовало развитію промышленности, какъ въ метрополіяхъ, такъ и въ колоніяхъ. Вотъ почему въ VII и VI вѣкахъ въ весьма многихъ областяхъ Греціи, преимущественно по побережью Эгейскаго моря, прежнія земледѣльческія поселенія превращаются въ болѣе или менѣе значительные торгово-промышленные центры.

Сначала торговое развитіе (уже въ VIII в.) концентрируется на іонійскомъ побережіи М. Азіи (особ. Милетъ), на о. Эвбеѣ (города Халкида и Эретрія)

и на Коринѳскомъ перешейкѣ въ *Мегарахъ*. Скоро у Мегаръ является конкуррентъ *Коринѳъ*, а затѣмъ въ концѣ VII в. этотъ расцвѣтъ торговли начинаетъ захватывать Аѳины. Позднѣе все болѣе и болѣе греческихъ поселеній переживаютъ такой экономическій переворотъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ политическихъ послѣдствій описаннаго экономическаго переворота было *развитіе городскихъ центровъ* въ областяхъ, захваченныхъ переворотомъ. Центры эти возникали или около древнихъ крѣпостей (кремлей, акрополей), существовавшихъ иногда еще въ эпоху эгейской культуры (напр., Аѳины), или въ мѣстахъ, удобныхъ по ихъ торговому положенію (Коринѳъ). Были поселенія, которыя развивались потому, что они по тѣмъ или инымъ причинамъ дѣлались политическимъ центромъ страны (Спарта, Аргосъ). Можно думать, что и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ нѣкоторые изъ городовъ образовались путемъ сліянія нѣсколькихъ поселковъ въ одно политическое цѣлое (синойкизмъ). Мы видѣли выше, что такъ, вѣроятно, образовался городъ Аѳины; такъ, можетъ быть, образовалась и Спарта.—Возвысившійся городской центръ сплошь да рядомъ съ теченіемъ времени становился и во главѣ сравнительно *болѣе значительной области*. Такое объединеніе могло произойти или тоже путемъ добровольнаго синойкизма общинъ данной области (такъ мирно объединилась большая часть Аттики), или путемъ принужденія со стороны крупнѣйшаго городского центра (объединеніе Лаконіи). Однако, эти—все же весьма небольшія—области съ точки зрѣнія государственнаго права продолжали оставаться *государствами - городами*, ибо свои политическія права жители такой территоріи осуществляли, какъ граждане главнаго города, а многія изъ этихъ правъ они могли осуществить, только явившись въ городъ (въ народное собраніе или иное учрежденіе). Такая связь политическихъ правъ съ городскимъ центромъ, гдѣ таковой возникъ, наблюдается и въ греческихъ демократіяхъ, и въ олигархіяхъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ первыхъ всѣ свободные или большинство ихъ имѣли политическія права, а во вторыхъ—меньшинство. Связь государственной организаціи этого періода съ городскими центрами и явилась причиною того, что греческое государство этого времени принято нынѣ называть *государствомъ-городомъ*, и уже въ греческомъ языкѣ этой эпохи слово: *полисъ* стало обозначать и городъ, и государство. Такое государство-городъ, какъ недавно показалъ Рицлеръ, даже въ хозяйственной своей политикѣ стремилось къ замкнутости, независимости отъ сосѣдей, но естественная экономическая эволюція, какъ его, „такъ и сосѣдей“, сдѣлала такую изолированность невозможной.

Подобное развитіе городскихъ центровъ на извѣстной стадіи экономической эволюціи не является въ исторіи человѣчества исключительнымъ явленіемъ: такъ, еще до развитія греческихъ городовъ существовали финикійскія городскія общины; ростъ городскихъ центровъ наблюдается и въ Западной Европѣ во вторую половину среднихъ вѣковъ; весьма многіе изъ этихъ городовъ пользуются также немалой политической независимостью, хотя чаще они входятъ въ составъ болѣе значительныхъ политическихъ соединеній. Очень большое сходство съ древне-греческими полисами можно констатировать въ городахъ средневѣковой Италіи, гдѣ сложились городскія государства, во многомъ напоминающія греческія государства-города.

Однако, нужно имѣть въ виду, что государство-городъ отнюдь не сдѣлалось исключительной государственной формой въ Греціи разсматриваемаго періода. Съ одной стороны, какъ мы сейчасъ увидимъ, во многихъ мѣстностяхъ долго держались *старыя средневѣковыя формы* съ преобладаніемъ деревень, съ другой — начали уже съ V вѣка развиваться болѣе сложныя формы болѣе обширнаго, чѣмъ полисъ, *федеративнаго государства* (напр., Аѳинская держава въ V вѣкѣ).

б) *Судьба средневѣковыхъ отношеній въ различныхъ греческихъ государствахъ* была очень не одинакова. Въ бассейнѣ Эгейскаго моря, т. е. на восточномъ побережьѣ Европейской Греціи, на

островахъ этого моря и въ мало-азiйскихъ поселенiяхъ вышеописанное развитiе обмѣна стало разрушительно дѣйствовать на средневѣковыя формы. Напротивъ, области сѣверной и западной Грецiи, равно какъ области, расположенныя въ центрѣ странъ, удаленныхъ отъ моря, долго сохраняли не только средневѣковой строй, но даже черты и болѣе примитивныхъ отношенiй. Такъ, въ *Θессалiи* еще въ V вѣкѣ господствуетъ аристократiя. Сельское населенiе (пенесты) находилось въ крѣпостномъ состоянiи. Отдѣльные θессалiйскiе города (весьма незначительные), правда, довольно рано объединились въ союзъ, но лишь для совмѣстныхъ дѣйствiй въ военное время: для этой цѣли выбирался особый вождь (ταγός) съ диктаторскими полномочiями. Въ *Эпирѣ* еще въ V вѣкѣ находимъ патрiархальную царскую власть во главѣ отдѣльныхъ племенъ, населявшихъ эту мѣстность; въ эпоху Пелопоннесской войны во главѣ нѣкоторыхъ племенъ (напр., хаоновъ) аристократiя устранила царей и замѣнила ихъ выбираемыми на годъ начальниками. Только послѣ Пелопоннесской войны большая часть Эпира объединилась подъ властью царей изъ племени молоссовъ. Сколько-нибудь значительныхъ городовъ здѣсь не возникало все это время.—На западѣ Средней Грецiи *Акарнанiя* еще въ эпоху Пелопоннесской войны остается раздробленной; здѣсь не имѣется городовъ, а лишь мелкiя деревни; сохраняется древняя царская власть. Только въ IV в. здѣсь происходитъ нѣкоторое объединенiе. *Этоляне* тоже еще въ концѣ V в. сохраняютъ крайне примитивныя общественныя формы. Θукидидъ сообщаетъ, что „этолiйскiй народъ великъ и воинственъ, но живетъ по деревнямъ, не защищеннымъ стѣнами, раздѣленнымъ большими разстоянiями и носитъ легкое вооруженiе...; говорятъ этоляне языкомъ непонятнымъ и, какъ разсказываютъ, употребляютъ въ пищу сырое мясо“. Сходный бытъ въ ту же эпоху мы находимъ въ *Озолiйской Локридѣ*, гдѣ гнѣздится разбойничье племя. Въ *Опунтiйской Локридѣ* господствуетъ военная землевладѣльческая аристократiя. Кажется, аристократическiй строй держался и въ *фокидскихъ* городахъ, рано объединившихся въ союзъ. И въ западныхъ частяхъ Пелопоннеса долго держится старинный аристократическiй строй. Полное объединенiе *Элиды* завершилось лишь въ первой половинѣ V вѣка (южная часть области была до тѣхъ поръ почти независимой). Въ Элидѣ долго господствовала аристократiя, а покоренные земледѣльческiе элементы населенiя платили дань, поскольку можно судить по имѣющимся у насъ отрывочнымъ даннымъ. *Аркадiя*, лежавшая въ центрѣ Пелопоннеса и отрѣзанная горами отъ болѣе культурныхъ сосѣдей, остается раздробленной до 371 г., когда произошло ея объединенiе подъ главенствомъ Мегалополя; ранѣе же здѣсь было немного городовъ; большинство населенiя жило въ деревняхъ, господство принадлежало въ большинствѣ поселенiй аристократiи.

Иную судьбу имѣли тѣ области, гдѣ рано развился торговый обмѣнъ и промышленная жизнь, гдѣ возникли болѣе значительные городскiе центры. Таковы были многiе мало-азiйскiе города (Милетъ), Аттика, Мегары, Коринѳъ, города Ахайи. Здѣсь или уже въ VI вѣкѣ господство аристократiи было поколеблено (Аѳины), или же съ VII и VI вѣковъ наблюдается ведущаяся съ перемѣннымъ счастiемъ борьба между старыми аристократическими родами и растущими новыми активными элементами общества (Мегары, Коринѳъ, города Эвбеи, города Ахайи и проч.). Чѣмъ болѣе данная мѣстность была захвачена торговымъ обмѣномъ, тѣмъ болѣе здѣсь росла буржуазiя, становившаяся въ оппозицiю къ старой знати. Эта буржуазная оппозицiя колебала патрiархальныя отношенiя крестьянства къ землевладѣльческой знати; авторитетъ стараго аристократическаго режима былъ потрясенъ. Торжествовала въ этой борьбѣ или новая буржуазiя, устанавливая свое классовое господство (разные виды олигархiи), или же въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Аѳины) восторжествовали болѣе широкiе демократическiе круги. И въ мѣстностяхъ, въ меньшей степени захваченныхъ хозяйственнымъ переворотомъ, но все же затронутыхъ

имъ (Арголида, города Беотіи), возникаетъ демократическая оппозиція, но она долго не имѣетъ успѣха: аристократія, дѣлая нѣкоторыя уступки, все же удерживается у власти до V вѣка и позднѣе временно возвращаетъ себѣ господство (особенно упорно боролась олигархія въ беотійскихъ городахъ).

На почвѣ классовой борьбы во многихъ городахъ появляется *тираннія*. Въ эту эпоху тираннами именовались лица, которыя захватывали власть, ища опоры въ низшихъ слояхъ населенія. При неорганизованности этой массы она легко становилась на сторону энергичнаго человѣка, обѣщавшаго ей облегченіе ея положенія. По большей части тираннъ этой эпохи не становились всецѣло ни на сторону старой аристократіи,ни на сторону буржуазіи, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы видимъ колебанія и въ ту, и въ другую сторону. Уже во второй половинѣ VII и въ нач. VI вѣка мы находимъ тирановъ въ торговыхъ центрахъ мало-азійской Іоніи (Ѳрасибулъ въ *Милетѣ*, Пиѳагоръ и Пиндаръ въ *Эфесѣ* и проч.). Въ VII вѣкѣ утверждается тираннія въ *Коринѳѣ*. Здѣсь господствовалъ аристократическій родъ Бакхіадовъ, значеніе котораго было не столько въ землевладѣніи—земли у коринѳянъ было вообще немного,—сколько въ торговомъ капиталѣ. Ок. средины VII вѣка во главѣ народной массы становится нѣкто Кипселъ, утвердившій здѣсь свою власть и основавшій цѣлую династію тирановъ (Періандръ и Псамметихъ). Эта династія держалась довольно мягкихъ принциповъ во внутреннемъ управленіи и вела широкую колоніальную политику (подчиненіе Коркиры). Однако, коринѳское купечество около 580 г. свергло тирановъ и надолго установило здѣсь свое господство, имѣвшее узко-классовый характеръ. И въ *Сикіонѣ* въ нач. VII вѣка установилась тираннія изъ дома Орѳагоридовъ, остававшаяся у власти прибл. до сред. VI вѣка; особенно характерной фигурой среди Орѳагоридовъ является Клисѳенъ, ведшій борьбу противъ 3 дорійскихъ филъ, бывшихъ оплотомъ мѣстной аристократіи. Въ началѣ VI в. мы находимъ тиранна Питтака на о. *Лесбосѣ*, провозглашеннаго народомъ въ качествѣ умиротворителя (айсимнета);нѣсколько позднѣе—тиранна Поликрата на о. *Самосѣ* и т. д. Колоніальная Грецiя переживала соціальную борьбу въ не меньшей степени, чѣмъ метрополія. Быстрый экономическій ростъ большей части колоній вызвалъ здѣсь тоже антагонизмъ классовъ. И тираннія имѣла мѣсто во многихъ колоніяхъ (въ Леонтинахъ въ Сициліи уже въ концѣ VII в., въ Акрагантѣ въ срединѣ VI, въ Сиракузахъ съ нач. V вѣка).

Тираннія рѣдко гдѣ оказывалась прочной. Какъ обычно бываетъ съ нелегитимными правителями, авторитетъ тирановъ рѣдко держался далѣе перваго поколѣнія: оппозиція, существовавшая всегда уже противъ основателя династіи, крѣпла при его преемникахъ, которые ее еще болѣе усиливали, принимая для борьбы съ нею суровыя мѣры. Экономическій подъемъ, являвшійся обычно послѣ низложенія средневѣковой аристократіи и обусловленный отчасти и мѣропріятіями тирановъ, направленными къ поднятію промышленности и торговли, тоже подтачивалъ фундаментъ, на которомъ держалась тираннія, а именно ослаблялъ неорганизованность массы: растущій торгово-промышленный классъ являлся той организующей силой, которая и низвергала тирановъ.

Тираннія имѣла весьма существенныя послѣдствія для эволюціи государствъ, гдѣ она возникала: почти всюду періоды тиранніи были періодами, когда гибъ старый режимъ средне-вѣковой аристократіи, когда греческія племена впервые получали болѣе правильную государственную организацію, когда создавалась *сознательная* соціально-экономическая политика и когда, вслѣдствіе укрѣпленія государственнаго начала, дававшаго болѣе прочную защиту торговлѣ и промышленности, чѣмъ это было возможно ранѣе, и расширявшаго международныя отношенія,—росла буржуазія, которой было по большей части суждено смѣнить старую аристократію на верху общества. И въ культурной жизни Гре-

ція эпоха тиранніи не прошла безслѣдно: тираннъ привлекали къ своимъ дворамъ поэтовъ и художниковъ: впервые въ Греціи возникли правительства, располагавшія матеріальными средствами, достаточными для поощренія чисто-культурной дѣятельности.

в) *Разложеніе средне-вѣковыхъ отношеній въ Аттикѣ.* На паденіе средневѣковыхъ отношеній въ Аттикѣ приходится обратить особенное вниманіе, какъ въ виду той роли, какую впослѣдствіи суждено было играть этой странѣ въ исторіи Греціи, такъ и въ виду того, что соціально-политическая эволюція Аттики весьма типична. Въ Аттикѣ, какъ мы видѣли, рано возникъ городской центръ, объединившій около себя всю область.

Уже во второй половинѣ VII вѣка явились симптомы колебанія эвпатридскаго господства. Мы видимъ борьбу въ средѣ самихъ эвпатридскихъ родовъ, выразившуюся въ неудачной попыткѣ молодого аристократа *Килона* захватить власть въ свои руки; во главѣ противниковъ Килона стоялъ тоже аристократическій родъ Алкмеонидовъ, который, впрочемъ, по своимъ матеріальнымъ интересамъ рано сталъ сближаться съ аѳинскимъ торгово-промышленнымъ классомъ.

Этотъ классъ сталъ развиваться, потому что тотъ хозяйственный переворотъ, который мы охарактеризовали выше, въ теченіе VII вѣка захватилъ и Аттику. Рядъ данныхъ и археологическихъ, и литературныхъ (напр., элегіи Солона) говоритъ о развитіи торговли въ Аттикѣ. Минеральныя богатства Аттики вызываютъ здѣсь къ жизни рядъ отраслей промышленности: здѣсь развивается гончарное дѣло (съ этихъ поръ аттическія расписныя вазы начинаютъ получать широкое распространеніе); мраморъ Аттики способствовалъ развитію здѣсь скульптуры. Кромѣ того, пріобрѣтаютъ славу аттическія оливки и оливковое масло; развивается овцеводство и обработка шерсти. Торгово-промышленный классъ сосредоточивается преимущественно въ прибрежной области на югѣ Аттики, почему партія, вышедшая позднѣе изъ этого класса, стала назыв. „паралiей“ (прибрежной).

Появленіе такого экономически сильнаго класса сказалось очень скоро въ томъ, что противъ эвпатридовъ стала создаваться демократическая оппозиція,—конечно, сначала довольно безформенная, неорганизованная. Недовольство своимъ положеніемъ аттическаго крестьянства было той почвой, на которой растущая буржуазія могла дѣйствовать противъ эвпатридовъ. Однако, уже около 621 г. до Р. Х. успѣхъ этой оппозиціи выразился въ томъ, что появилось писанное законодательство, составленное уполномоченнымъ на это лицомъ *Драконом*ъ. Хотя содержащееся въ „Аѳинской политіи“ Аристотеля извѣстіе о томъ, что Драконъ не только записалъ обычаи для руководства судей, но явился и политическимъ реформаторомъ, невѣрно, однако, уже самый фактъ появленія писанныхъ законовъ очень ограничивалъ произволъ эвпатридскихъ судей

Черезъ четверть вѣка оппозиція эвпатридскому режиму настолько возросла, что для прекращенія непрерывныхъ смутъ въ 594 г. эвпатридамъ пришлось сдѣлать уступку оппозиціи; былъ избранъ архонтомъ и посредникомъ для разрѣшенія распрей (съ диктаторскими полномочіями) человѣкъ эвпатридскаго сословія, но прикосновенный къ интересамъ торгово-промышленнаго класса—*Солонъ*. Первыя мѣропріятія его были направлены на успокоеніе крестьянской массы; его шаги въ эту сторону съ юридической точки зрѣнія имѣли отчасти революціонный характеръ: именно, онъ призналъ недѣйствительными совершенныя до того момента долговыя обязательства,—по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которыя были сдѣланы подъ залогъ земли или личности кредитора; кромѣ того, личная кабала за долги была отмѣнена и на будущее время. Эти мѣропріятія, несомнѣнно, облегчили положеніе аттическаго крестьянства и ослабили его экономическую зависимость отъ эвпатридовъ. Въ извѣстномъ смыслѣ эти мѣропріятія Солона, получившія названіе *сисахѳіи* („снятіе бремени“), можно назвать освобожденіемъ аттическаго крестьянства, хотя не слѣдуетъ злоупотреблять аналогіей съ подобными явленіями въ Европѣ

въ концѣ среднихъ вѣковъ и, тѣмъ болѣе, въ новое время. Другія мѣропріятія Солона имѣли главною цѣлью установить политическій компромиссъ между старой аристократіей и растущей буржуазіей. Основнымъ изъ этихъ мѣропріятій является предоставленіе участія въ органахъ государственной власти гражданамъ соотвѣтственно ихъ имущественному положенію, опредѣлявшему и ихъ военную дѣеспособность (такъ наз. *тимократія*): къ архонтату были, кажется, допущены всѣ лица, могущія нести службу на конѣ (всадники, ἱππεῖς); лица этого класса имѣли дохода со своихъ земельныхъ участковъ не менѣе 300 медимновъ ячменя, вина и масла; лица, могшія идти въ походъ въ полномъ вооруженіи пѣхотинца (зевгиты, ζευγῖται), получили доступъ во вновь учрежденный Солономъ совѣтъ 400. Изъ класса всадниковъ выдѣлялась группа наиболѣе богатыхъ, имѣвшихъ доходу со своихъ земель не менѣе 500 медимновъ (πεντακοσιομέδιμνοι); эти лица имѣли доступъ не только къ архонтату, но и къ должности государственнаго казначея (нѣкоторые ученые, впрочемъ, думаютъ, что и архонтатъ былъ доступенъ лишь этому высшему классу, а всадники, какъ и зевгиты, въ эпоху Солона входили лишь въ совѣтъ 400). Бѣднѣйшіе граждане, получившіе названіе θетовъ, имѣли участіе только въ народномъ собраніи и въ судахъ присяжныхъ. Так. обр., Солонъ не создалъ имущественныхъ классовъ, а воспользовался естественно существовавшими имущественными дѣленіями въ обществѣ, внося сюда лишь извѣстную систематичность (опредѣленіе ценза). Описанный порядокъ замѣщенія должностей, введенный Солономъ, является компромиссомъ между интересами землевладѣльческой знати и буржуазіи: если буржуа пріобрѣталъ земельный цензъ, онъ получалъ доступъ къ высшимъ должностямъ, а знать сохранила все же фактическій перевѣсъ въ государственномъ управленіи, такъ какъ цензъ опредѣлялся доходомъ съ земли. Созданіе новаго *совѣта* 400, въ который перешло обсужденіе всѣхъ текущихъ дѣлъ, нѣсколько ослабило значеніе стараго совѣта (ареопага), который, однако, сохраняетъ авторитетъ и послѣ этой реформы, какъ контрольный органъ, наблюдающій за исполненіемъ законовъ всѣми, вплоть до высшихъ должностныхъ лицъ, и какъ высшій уголовный судъ. При выборахъ архонтовъ со времени Солона вводится жеребьевка изъ 40 кандидатовъ, выбранныхъ подачей голосовъ по 4 филамъ (жеребьевка въ эпоху Солона, видимо, имѣла цѣлью устранить соперничество филъ при замѣщеніи должностей архонтовъ). Народное собраніе и при Солонѣ играетъ, повидимому, пассивную роль, но зато Солонъ вводитъ суды присяжныхъ (дикастеріи) демократическаго состава. Рядъ мѣропріятій Солона былъ направленъ на поднятіе промышленности и торговли. Такимъ образомъ, реформа Солона была проведена по, несомнѣнно, строго обдуманному плану, имѣвшему цѣлью установить извѣстный компромиссъ между борющимися группами. Однако, этотъ компромиссъ внесъ удовлетвореніе на очень короткое время: знать была раздражена сисахѳіей, поведшей къ утратѣ дворянскихъ капиталовъ, данныхъ взаймы крестьянамъ, къ утратѣ крестьянскихъ земель, бывшихъ въ залогѣ и къ утратѣ труда кабальныхъ; крестьянство, не имѣя дешеваго кредита, продолжало должать и разоряться; буржуазія стремилась къ увеличенію своихъ правъ. Уже въ 80-хъ годахъ VI вѣка началась борьба партій, концентрируясь, главнымъ образомъ, около вопроса о замѣщеніи мѣстъ архонтовъ. Въ это время сформировались три партіи: аристократическая педіэя, буржуазная паралія и крестьянская діакрія, къ которой примкнули многія лица, пострадавшія отъ аграрной реформы Солона, и разные демократическіе элементы населенія. Попытки соглашеній оказались неудачными, и дѣло кончилось торжествомъ вождя діакріи *Писистрата*, захватившаго власть въ свои руки при поддержкѣ народной массы и сдѣлавшагося аѳинскимъ *тиранномъ* (560 г.). Писистратъ былъ дважды изгоняемъ параліей и педіэей и вновь захватывалъ власть. Онъ оставилъ въ силѣ законы Солона, отмѣнивъ лишь жеребьевку архонтовъ, вѣ-

роятно, для того, чтобы имѣть больше возможности оказывать давленіе на выборы. Однако, онъ даже подчеркивалъ свое уваженіе къ суду. Главныя его мѣропріятія были направлены на поднятіе благосостоянія крестьянства. Введеніе дешеваго кредита изъ казны для крестьянъ завершило солонову сисахѳію, укрѣпивъ крестьянство. Писистратъ приблизилъ судъ къ населенію, создавъ разъѣзжихъ судей. Далѣе, Писистратъ является организаторомъ аѳинскихъ финансовъ (подоходный налогъ). Онъ впервые вводитъ Аѳины въ русло широкой международной политики, въ основѣ которой лежитъ, гл. обр., стремленіе защитить и расширить экономическіе интересы Аѳинъ. Продолжительное правленіе Писистрата укрѣпило экономически аѳинскій демосъ и развило аѳинскую торговлю. По смерти его (527 г.) правленіе перешло къ его сыновьямъ Гиппарху и Гиппію, которые, однако, своимъ произволомъ вызвали сначала заговоръ, жертвою котораго палъ Гиппархъ (514 г.), а затѣмъ широкое народное возстаніе, во главѣ котораго стали вожди параліи изъ рода Алкмеонидовъ. Они нашли поддержку въ Спартѣ, повидимому, мечтавшей утвердить свое вліяніе въ Аттикѣ путемъ вмѣшательства въ аттическія междоусобія. Гиппій былъ низложенъ въ 510 г.

Аѳинская знать (вождь Исагоръ) попыталась произвести реставрацію эвпатридскаго режима, пользуясь поддержкой Спарты, но народная партія съ алкмеонидомъ *Клисѳеномъ* во главѣ взяла верхъ: спартанцы капитулировали.

Клисѳенъ провелъ рядъ реформъ (508—7 г.), окончательно уничтожившихъ остатки средневѣковыхъ отношеній въ Аттикѣ (юридическія основанія власти Клисѳена неизвѣстны). Существеннѣйшей изъ этихъ реформъ была замѣна старыхъ племенныхъ іонійскихъ филъ *новыми 10 филами*, основанными на территоріальномъ принципѣ. Главная цѣль этой реформы сводилась къ устраненію вліянія на политику эвпатридскихъ родовъ, стоявшихъ во главѣ старыхъ племенныхъ филъ; въ новыхъ филахъ, кромѣ того, Клисѳенъ добился и устраненія мѣстнаго сепаратизма отдѣльныхъ частей Аттики, формируя каждую филу не изъ сплошной территоріи, а изъ трехъ „триттій“ (третей), расположенныхъ въ разныхъ частяхъ Аттики, а именно, изъ 30 триттій десять были расположены въ области города Аѳинъ (центръ аттической аристократіи), десять—въ прибрежной полосѣ на югѣ (центръ буржуазіи) и десять—на сѣверѣ Аттики (центръ крестьянства). Так. обр., въ каждую клисѳенову филу входили жители трехъ разныхъ частей Аттики, привыкшіе до сей поры дѣйствовать разрозненно. Формируя новыя филы, Клисѳенъ получилъ также возможность включить въ нихъ много иноземцевъ, давно уже жившихъ въ Аттикѣ, и вольноотпущенниковъ (не принадлежа къ филѣ, нельзя было быть аѳинскимъ гражданиномъ). Новыя филы стали основой государственной организаціи: по филамъ производились выборы членовъ совѣта, число которыхъ Клисѳенъ увеличилъ съ 400 до 500; позднѣе (съ 487 г.) по новымъ филамъ стали выбирать и кандидатовъ въ архонты. 4 старыя филы сохранили лишь религіозное значеніе. Реформу Клисѳена сравниваютъ съ разрушеніемъ древнихъ, органически сложившихся областей, произведеннымъ Національнымъ собраніемъ во Франціи, и созданіемъ на ихъ мѣсто искусственныхъ дѣленій (департаментовъ). Весьма важной реформой Клисѳена была также организація мѣстнаго самоуправленія: Клисѳенъ предоставилъ опредѣленнымъ аттическимъ городкамъ и поселкамъ (демамъ) завѣдываніе ихъ мѣстными (преимущественно хозяйственными) дѣлами и веденіе списковъ гражданъ. Собраніе каждаго дема избирало на годъ главу дема (демарха); демъ имѣлъ свою кассу; члены совѣта 500 избирались пропорціонально количеству населенія дема. Военная власть была передана коллегіи 10 стратеговъ. Для борьбы со сторонниками тирановъ создается своеобразный институтъ: *остракизмъ* (отъ слова „остраконъ“—черепокъ), состоявшій въ томъ, что народное собраніе ежегодно могло сдѣлать постановленіе путемъ подачи

голосовъ на черепкахъ объ изгнаніи кого-либо изъ гражданъ. Если сначала остракизмъ примѣнялся къ сторонникамъ тираніи, то потомъ онъ сталъ орудіемъ партійной борьбы, будучи примѣняемъ къ вождямъ партій, оставшимся въ меньшинствѣ.

Реформа Клисѳена окончательно сокрушила средневѣковые порядки въ Аттикѣ и явилась той почвой, на которой развилась въ V вѣкѣ аѳинская демократія.

г) *Военная община въ Спартѣ.* Особнякомъ стоитъ среди греческихъ обществъ въ отношеніи государственнаго строя — Спарта. Спартанскій строй нельзя разсматривать, какъ строй чистаго средневѣковаго типа, подобно тому, какой мы видимъ на западѣ и сѣверѣ Греціи, но это, съ другой стороны, — и не эволюціонирующее на почвѣ классовой борьбы государство-городъ, какое мы наблюдали на востокѣ Греціи, въ М. Азіи и во многихъ колоніяхъ. Въ Спартѣ образовалась *военная община*, которую греческіе писатели именовали „государствомъ-лагеремъ". Подвергаясь очень медленной эволюціи, подобно государствамъ запада и сѣвера, Спарта, однако, не сохранила и того средневѣковаго облика, который такъ характеренъ для первыхъ.

Вопросъ о происхожденіи спартанскихъ учрежденій въ подробностяхъ очень неясенъ. Легенды о Ликургѣ, мнимомъ основателѣ ихъ, какъ теперь доказано, возникли въ значительной части очень поздно: въ IV—III в. до Р. Х. Даже такъ наз. „ликургова ретра", передающая въ нѣсколькихъ фразахъ сущность древняго спартанскаго строя, видными учеными (напр., Эд. Мейеромъ) считается,—кажется, не совсѣмъ основательно—поздней фальсификаціей. Поэтому, о происхожденіи этихъ учрежденій приходится говорить гипотетически, сопоставляя дошедшія до насъ свѣдѣнія полулегендарнаго характера съ заключеніями отъ явленій болѣе поздняго времени, которыя можно считать въ своей основѣ древними (такія заключенія весьма часто основательны въ виду консервативности спартанскаго строя).

Одинъ фактъ въ ранней исторіи Спарты не подлежитъ сомнѣнію: это—то, что происхожденіе соціальнаго и политическаго строя Спарты обусловлено *завоеваніемъ*. Лаконія, имѣвшая ахейское населеніе, была завоевана дорянами въ эпоху, которая не поддается сколько-нибудь точному опредѣленію, но, во всякомъ случаѣ, до VIII в. до Р. Х. Произошло ли завоеваніе Лаконіи быстро, или это былъ медленный захватъ страны дорянами, утвердившимися въ городѣ Спартѣ,—во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что завоеватели поставили въ зависимость отъ себя туземное населеніе. Лучшая земля (долина Эврота была извѣстна своимъ плодородіемъ) была раздѣлена на участки (*клеры*) между семьями дорянъ-завоевателей, поселившихся въ городѣ Спартѣ и впослѣдствіи получившихъ имя *спартіатовъ*. Клеры были недѣлимы и неотчуждаемы. Туземное сельское населеніе было превращено въ крѣпостныхъ (*гелотовъ*, εἵ ωτες), которые должны были платить строго опредѣленный оброкъ завоевателямъ; отпустить на волю гелота могла лишь вся община спартіатовъ,—отдѣльный спартіатъ этого права не имѣлъ. Жители городковъ Лаконіи (*періеки*) сохранили свободу, потому что крѣпостной трудъ имѣлъ смыслъ только въ сельскомъ хозяйствѣ, а не въ торгово-промышленномъ оборотѣ; они были обложены данью въ пользу спартанской общины, но въ составъ этой общины не допущены. Сами спартіаты сорганизовались въ строго дисциплинированную *военную* общину: иначе быть не могло, ибо завоеватели со всѣхъ сторонъ были окружены подавленнымъ и враждебнымъ туземнымъ населеніемъ. Военный характеръ общины сказывался уже въ томъ, что государство рѣшало относительно каждаго новорожденнаго, пригоденъ ли онъ по своей физической комплекціи къ военной службѣ, и слѣдуетъ ли ему сохранить жизнь. *Воспитаніе* мальчиковъ велось внѣ семьи въ строго военномъ духѣ. Взрослые спартіаты имѣли общіе обѣды (*сисситіи*) тоже внѣ семьи сообразно съ казарменнымъ укладомъ всей жизни. Община стремилась къ поддержанію *наивозможно большаго имущественнаго равенства* среди спартіатовъ, стараясь обезпечить

каждому обладаніе земельнымъ участкомъ, чтобы каждый могъ нести на свой счетъ военную службу. Спартіатъ былъ полноправнымъ гражданиномъ, лишь пока онъ былъ настолько имущественно обезпеченъ, что могъ дѣлать установленный взносъ въ сисситію. Эта военная организанія остановила развитіе аристократіи, которая, несомнѣнно, существовала среди дорянъ—завоевателей (это доказалъ Г. Гильбертъ): дорійская аристократія должна была пойти на всевозможныя уступки дорійскому демосу. Однако, какъ мы видимъ изъ Аристотеля, спартанскій совѣтъ (герусія) надолго сохранилъ аристократическій составъ, несмотря на то, что члены его выбирались народнымъ собраніемъ (*апелла*), игравшимъ въ общемъ роль органа, утверждавшаго или отвергавшаго предложенія учрежденій, ведшихъ текущія дѣла. Таковыми были *герусія* изъ 28 членовъ и *два царя*. Происхожденіе двойной царской власти въ Спартѣ очень неясно: можетъ быть, она — результатъ сліянія (синойкизма) двухъ общинъ въ одинъ городъ Спарту (два рода, стоявшихъ во главѣ этихъ общинъ сохранили власть); можетъ быть, спартанскіе царскіе роды суть потомки двухъ вождей дорянъ-завоевателей; наконецъ, быть можетъ, двойная царская власть явилась въ результатѣ ограниченія монархіи аристократіей (ослабленіе монархическаго принципа).

Земельное равенство между спартіатами могло держаться лишь до тѣхъ поръ, пока существовалъ запасъ нераздѣленныхъ земель: до этой поры каждый мальчикъ могъ получать земельный участокъ, если онъ не былъ наслѣдникомъ участка отца. Но ростъ населенія уже въ VIII вѣкѣ привелъ къ истощенію этого запаса. Стало чувствоваться малоземеліе: семьи, въ которыхъ было болѣе одного сына, не могли обезпечить потомство землею. Повидимому, въ этотъ моментъ спартанская артистократія подняла голову и попыталась ограничить роль спартанскаго демоса, отнявъ у народнаго собранія право окончательныхъ рѣшеній: эти рѣшенія были поставлены подъ контроль герусіи и царей. Однако, потребность въ землѣ все же необходимо было удовлетворить. Въ результатѣ является движеніе спартіатовъ во второй половинѣ VIII вѣка въ сосѣднюю плодородную Мессенію (такъ назыв. 1-я *Мессенская война*). Послѣ очень продолжительной борьбы Мессенія была завоевана, земля раздѣлена на клеры, а сельское населеніе превращено въ крѣпостныхъ. Попытка мессенцевъ въ концѣ VII вѣка (2-я *Мессен. война*) вернуть себѣ свободу была, опять-таки послѣ долгой борьбы, подавлена, и Мессенія до IV вѣка оставалась подъ властью Спарты. Послѣ покоренія Мессеніи спартанская община надолго была обезпечена запасомъ земельныхъ участковъ.

Такимъ обр., спартанскій демосъ могъ поддерживать свою военную и связанную съ нимъ политическую дѣеспособность. Спартанская аристократія не могла уже добиваться дальнѣйшаго перевѣса надъ экономически окрѣпшимъ демосомъ, тѣмъ болѣе, что вышеописанное „осадное“ положеніе спартанской общины, окруженной врагами, заставляло аристократію отнюдь не обострять внутренней борьбы. Съ этой эпохи и начинаетъ развиваться глубоко демократическій институтъ въ Спартѣ: эфоратъ. Весьма возможно, что должность 5 эфоровъ, избиравшихся по числу 5 территоріальныхъ филъ на 1 годъ, существовала издревле (существованіе списка эфоровъ можно предполагать со средины VIII в. до Р. Х.), но эфоры лишь послѣ мессенскихъ войнъ начинаютъ играть важную политическую роль (ранѣе они были, вѣроятно, судьями въ гражданскихъ дѣлахъ). Сначала они, повидимому, лишь въ отсутствіе царей, являвшихся военачальниками, выступали въ качествѣ руководителей внутренней жизни государства, а затѣмъ въ силу обычныхъ раздоровъ между царями они заняли положеніе высшаго исполнительнаго и контролирующаго органа государства, какъ въ дѣлахъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Подъ ихъ контролемъ находились даже цари, на долю которыхъ остались почти исключительно религіозныя и военныя функціи. Эфоратъ былъ демократическимъ учрежденіемъ, и. ч. избираемъ въ эту должность могъ быть каждый

спартіатъ (въ противоположность герусіи). Такъ создалось спартанское государство. Поскольку рѣчь идетъ о Лаконіи въ цѣломъ, это государство—аристократическое, ибо спартанская община править здѣсь покоренным населеніемъ, но сама спартанская община—демократична.

Окрѣпшая послѣ мессенскихъ войнъ спартанская военная община ведетъ въ VII—VI вѣкахъ борьбу съ Аргосомъ и завоевываетъ ближайшія къ Лаконіи области. Но аркадскій городъ Тегею Спартѣ не удалось покорить, несмотря на долгую борьбу. Спарта заключаетъ съ ней во вторую пол. VI вѣка *союзъ*. Позднѣе Спарта уже не гонится за завоеваніями, но, являясь единственнымъ вполнѣ консолидированнымъ государствомъ Пелопоннеса, она въ теченіе VI вѣка становится во главѣ союза большей части пелопоннесскихъ государствъ. *Этотъ Пелопоннесскій союзъ* отнюдь не является единымъ государствомъ: это чисто международное соглашеніе для военныхъ цѣлей. Однако, въ политическомъ развитіи Греціи онъ важенъ потому, что онъ является здѣсь первымъ по времени значительнымъ политическимъ соединеніемъ. Мы видѣли, что Спарта въ концѣ VI в. можетъ уже вмѣшиваться во внутреннія дѣла Аѳинъ.

Б. *Второй отдѣлъ третьяго періода: расцвѣтъ городского строя и первыя попытки образованія большихъ государствъ въ Греціи* (съ нач. V до второй половины IV вѣка до Р. Х.).

а) *Борьба съ сосѣдними государствами (греко-персидскія войны на востокѣ и сицилійско-карѳагенская война на западѣ). Аѳинская держава и расцвѣтъ демократіи въ Аѳинахъ.*

До VI вѣка греческія поселенія въ бассейнѣ Эгейскаго моря развивались безъ серьезныхъ враждебныхъ столкновеній съ негреческими государствами. Это было одной изъ главныхъ причинъ того, что культурное развитіе Греціи шло столь быстро. И западныя колоніи грековъ въ Сициліи и Италіи имѣли столкновенія лишь съ неорганизованными туземными племенами.

Положеніе мѣняется въ VI вѣкѣ: на востокѣ сначала растетъ (съ VII вѣка) Лидійское царство, а затѣмъ образуется (съ 560 г.) обширная Персидская монархія. Греческія поселенія въ М. Азіи постепенно должны были покориться уже лидянамъ (къ сред. VI вѣка), но эта зависимость была болѣе номинальная: лидяне ограничивались требованіемъ небольшой дани. Однако, весьма скоро дѣло измѣнилось: въ 40-хъ годахъ VI вѣка Лидія была завоевана персидскимъ царемъ Киромъ, а вслѣдъ за этимъ подъ власть Кира подпали и греческіе города М. Азіи. Персы уже не довольствовались простымъ требованіемъ дани, а стали вмѣшиваться во внутреннія дѣла грековъ, поддерживая здѣсь тираннію. Результатомъ этого положенія было вспыхнувшее около 500 г. возстаніе мало-азійскихъ грековъ, усмиренное персами черезъ 4—5 лѣтъ. Еще до этого возстанія персы дѣлали попытку утвердиться на островахъ Эгейскаго моря (экспедиція противъ Наксоса): для громадной монархіи было такъ естественно стремиться къ господству надъ столь близкими, цвѣтущими греческими поселеніями. Теперь, послѣ возстанія, въ которомъ приняли нѣкоторое участіе и два государства Европ. Греціи (Аѳины и Эретрія), со стороны персовъ было естественнымъ шагомъ утвердить свое господство по ту сторону Эгейскаго моря. Результатомъ такого стремленія были *греко-персидскія войны* (*см.*), занявшія всю первую половину V вѣка и кончившіяся тѣмъ, что европейскимъ грекамъ удалось отстоять свою независимость, гл. обр., благодаря трудности для персовъ вести заморскую войну, а также благодаря недостаточной сорганизованности разноплеменныхъ персидскихъ полковъ и благодаря упорству значительной части грековъ въ отстаиваніи своей независимости. Не нужно, однако, преувеличивать значеніе побѣды грековъ: *Персія и послѣ этой побѣды осталась сильнымъ государствомъ*, которое еще не разъ въ V и IV вѣкахъ выступало вершителемъ греческихъ дѣлъ. Борьба съ персами имѣла, тѣмъ не менѣе, весьма существенныя *послѣдствія* какъ для политической, такъ и для экономической жизни грековъ.

Въ началѣ борьбы съ персами ру-

ководящее положеніе въ Греціи занимала, естественно, Спарта: какъ мы видѣли, къ началу V в. это было единственное сильное государство, стоявшее во главѣ значительнаго Пелопоннесскаго союза. Но съ 480 г. борьба перемѣстилась на море, и это обстоятельство выдвинуло на первый планъ Аѳины. Это государство до той поры было все еще по преимуществу земледѣльческимъ и не играло роли на континентѣ. Нашествіе персовъ на Аттику въ 490 г. (Марафон. битва) выдвинуло въ Аѳинахъ вопросъ о необходимости имѣть флотъ для защиты береговъ. Въ Аѳинахъ образовались двѣ партіи: морская съ Ѳемистокломъ во главѣ, стоявшая за вооруженіе военнаго флота, и земледѣльческая съ вождемъ Аристидомъ,—стоявшая за сохраненіе стараго земледѣльческаго порядка. Въ этой борьбѣ, по всей вѣроятности, большую роль играла противоположность интересовъ торгово-промышленной и земледѣльческой части населенія. Восторжествовалъ Ѳемистоклъ (Аристидъ былъ изгнанъ остракизмомъ). Доходы недавно открытыхъ лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ были истрачены на построеніе флота, и создана новая гавань Пирей. Съ этихъ поръ *Аѳины дѣлаются морской державой*. Второе нашествіе персовъ (480—479) и особенно побѣда надъ персами при Саламинѣ (480 г.) еще болѣе выдвинули значеніе Аѳинъ въ морскомъ отношеніи: около Аѳинъ начинаютъ группироваться всѣ государства, интересы которыхъ тяготѣли къ морю. Это были въ первую очередь островныя государства Эгейскаго моря. Образовался *1-й Аѳинскій союзъ*. Спарта не могла противиться этому какъ потому, что, будучи государствомъ земледѣльческимъ, не могла создать столь больш. флота, такъ и вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ въ государствѣ (процессъ Павсанія).

Къ началу 60-хъ годовъ V вѣка около Аѳинъ объединились греческія поселенія на сѣверномъ побережьи Эгейскаго моря и Пропонтиды, все западное побережье М. Азіи и острова Эгейскаго моря, кромѣ Ѳеры, Мелоса, Эгины и очень немногихъ другихъ пунктовъ (всего въ составъ союза входило около 200 городовъ). Сначала это былъ союзъ, основанный на свободномъ соглашеніи и преслѣдовавшій цѣли борьбы съ персами. Аѳинамъ принадлежало лишь руководительство въ дѣлахъ союза. Всѣ члены союза обязаны были выставлять опредѣленное количество кораблей вмѣстѣ съ экипажемъ и солдатами. Эту повинность вначалѣ несли всѣ члены союза, но скоро многія государства стали замѣнять поставку кораблей извѣстнымъ денежнымъ взносомъ въ союзную кассу, хранившуюся на о. Делосѣ. Къ серединѣ V вѣка только Хіосъ, Лесбосъ и Самосъ (Самосъ до 440 г.) сохранили право выставлять корабли, всѣ же остальные члены союза перешли на денежные взносы въ общую казну, которая въ 454 г. была перенесена якобы для вящшей безопасности съ Делоса въ Аѳины; съ этихъ поръ послѣднія сдѣлались фактически полновластнымъ хозяиномъ этихъ денегъ. Аѳины однѣ обладали значительнымъ флотомъ и денежными средствами, въ силу чего другіе члены союза стали превращаться изъ союзниковъ въ подданныхъ, а самый союзъ въ *Аѳинскую державу* (ἀρχή), т. е. изъ международнаго соглашенія создалось федеративное государство, члены котораго были неравноправны, ибо Аѳины заняли здѣсь господствующее положеніе. Попытки сопротивленія аѳиняне сурово наказывали (возстаніе Наксоса и Ѳасоса въ 460-хъ годахъ, Самоса и Византіи въ 440-хъ гг.). Аѳинская держава была организована слѣдующимъ образомъ. Союзникамъ сохранено было самоуправленіе, но не полное. Наибольшею независимостью пользовались упомянутые выше Хіосъ, Лесбосъ и Самосъ. Что же касается прочихъ, то всѣ они платили Аѳинамъ дань (φόρος), размѣръ которой опредѣлялъ аѳинскій совѣтъ, а въ случаѣ споровъ—аѳинскій судъ присяжныхъ. Въ податномъ отношеніи Аѳинская держава была раздѣлена на 5 округовъ (карійскій, іонійскій, геллеспонтскій, ѳракійскій и островной). Аѳиняне вмѣшивались и во внутреннія дѣла союзниковъ, въ разныхъ мѣстностяхъ — въ разной степени, обычно основываясь на договорахъ. Вмѣшательство это вы

ражалось во временной посылкѣ надзирателей въ союзные города, въ посылкѣ гарнизоновъ и колонистовъ и, гл. обр., въ подсудности союзниковъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ аѳинскимъ судамъ. Аѳиняне въ союзныхъ городахъ стремились поддерживать демократію. Союзники приняли аѳинскую монетную систему, мѣры и вѣсъ.

Итакъ, весьма важнымъ политическимъ слѣдствіемъ грекоперсидскихъ войнъ было образованіе впервые въ Греціи значительнаго государственнаго соединенія.

Но кромѣ *политическихъ слѣдствій греко-персидскія войны имѣли существенныя послѣдствія и въ хозяйственной жизни грековъ.* Освобожденіе іонійскихъ колоній въ М. Азіи установило болѣе тѣсный торговый обмѣнъ между восточнымъ и западнымъ побережьемъ Эгейскаго моря. Далѣе, война ослабила значеніе персидскихъ подданныхъ — финикіянъ на морѣ и усилила значеніе грековъ. Наконецъ, образованіе могущественной Аѳинской державы, обладавшей сильнымъ военнымъ флотомъ, обезпечило свободный торговый обмѣнъ на Эгейскомъ морѣ и даже за его предѣлами. Но не всѣ греки одинаково выиграли отъ этихъ результатовъ войны: политически отрѣзанные отъ внутреннихъ областей М. Азіи іонійскіе города утратили прежнее значеніе. Напротивъ, европейская Грецiя (Аѳины, Эгина, Коринѳъ) выиграла благодаря развитію своихъ морскихъ силъ и въ отношеніи торговли (большую роль сыграло и то обстоятельство, что какъ разъ въ V вѣкѣ начинаютъ особенно быстро развиваться западныя колоніи, отъ оживленія торговыхъ сношеній съ которыми выигрываетъ именно европейская Грецiя). *Лишь съ этихъ поръ Аѳины вполнѣ превращаются изъ земледѣльческаго въ торгово-промышленное государство.* Хлѣбъ Аѳины и другіе торгово-промышленные центры получаютъ теперь съ нынѣшняго юга Россіи, изъ Сициліи и даже изъ Египта. Таковы перемѣны въ жизни греческихъ государствъ послѣ греко-персидскихъ войнъ.

Экономическая жизнь греческаго полиса V и IV вѣковъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ развились городскіе центры, сельское хозяйство не исчезло, но стало играть второстепенную роль, ибо эти области жили въ значительной мѣрѣ привознымъ хлѣбомъ. Мы имѣемъ указанія, что въ IV в. капиталы отливали изъ сельскаго хозяйства въ торговыя и кредитныя предпріятія. Что касается промышленности, то преобладающей ея формой является ремесло. Этотъ періодъ греческаго хозяйства не знаетъ крупныхъ предпріятій въ настоящемъ смыслѣ слова. Въ ремеслѣ большую роль играетъ *свободный трудъ*: города наполнены множествомъ свободныхъ ремесленниковъ. Но съ теченіемъ времени мы видимъ появленіе сравнительно болѣе значительныхъ мануфактуръ, гдѣ уже примѣняется и *рабскій трудъ* въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Мы знаемъ о мастерскихъ IV вѣка, гдѣ было занято 10, 20, 30 и даже 120 рабочихъ, преимущественно рабовъ. Однако, главной основой хозяйства рабскій трудъ не сталъ даже въ это время. Приходится думать, что въ торговыя предпріятія, поддерживавшія обмѣнъ моремъ, были вложены сравнительно бо́льшіе капиталы, чѣмъ въ промышленность. Особенно развились съ конца V вѣка хлѣбная торговля и хлѣбныя спекуляціи. Капиталы помѣщались и въ откупа государственныхъ налоговъ. Въ IV в. уже значительно развито и банковое дѣло, какъ это явствуетъ изъ рѣчей Исократа, Демосѳена и др. Существуютъ значительные банкирскіе дома въ родѣ дома Пасіона. Большимъ тормазомъ для правильнаго развитія экономической жизни этого времени является отсутствіе правильно организованнаго и дешеваго кредита: малѣйшія хозяйственныя затрудненія губили и сельскихъ хозяевъ, и промышленниковъ, и торговцевъ, затягивая ихъ въ долги. Вотъ почему долговой вопросъ въ IV вѣкѣ и позднѣе занимаетъ центральное мѣсто въ хозяйственной и соціальной жизни греческихъ государствъ-городовъ. Говоря вообще, *капитализмъ въ Греціи V и IV вѣковъ находится еще въ первоначальной стадіи развитія.*

Внутренняя жизнь Аѳинъ во время „пятидесятилѣтія“. Періодъ времени между нашествіемъ Ксеркса (480—479 г.) и началомъ Пелопоннесской

войны (431) получилъ названіе „пятидесятилѣтія“ (πεντηκονταετία). Превращеніе аѳинскаго городского государства въ значительную морскую державу и изъ земледѣльческой страны въ торгово-промышленную не могло не отразиться на внутренней жизни Аттики. Первымъ и важнѣйшимъ послѣдствіемъ была утрата землевладѣльческой аристократіей и того небольшого значенія, какимъ она могла пользоваться послѣ Клисѳена. Аѳинское государство быстро идетъ по пути демократизаціи. Въ 487 г. возстанавливается избраніе архонтовъ по жребію, отмѣненное при Писистратѣ. Въ 60-хъ годахъ демократическая партія, во главѣ которой стоялъ *Эфіальтъ*, одержавшій верхъ надъ вождемъ консервативной партіи *Кимономъ*, добивается реформы ареопага, который, въ виду того, что члены его были пожизненными, стоялъ въ противорѣчіи съ новыми демократическими принципами государственной жизни. Въ эпоху войнъ ареопагъ пріобрѣлъ особенный авторитетъ, такъ какъ война потребовала большой централизаціи власти. Теперь при Эфіальтѣ у ареопага были отняты контрольныя функціи по отношенію къ законодательству и къ исполненію законовъ должностными лицами; ареопагъ превратился въ простой уголовный судъ. Контрольныя функціи перешли къ суду присяжныхъ (геліеѣ), созданному еще Солономъ, но лишь въ эту эпоху занявшему положеніе среди высшихъ государственныхъ органовъ. Въ 457 г. къ архонтату допущенъ третій имущественный классъ—зевгиты (что касается ѳетовъ, то они по закону никогда не получали доступа къ архонтату, но фактически ихъ въ послѣдующія десятилѣтія стали допускать къ этой должности). Къ 453 г. возстановлены „судьи по демамъ“, нѣкогда введенные Писистратомъ, но потомъ исчезнувшіе (эта реформа приблизила судъ къ сельскому населенію и удешевила его).

Съ 50-хъ годовъ успѣхи аѳинская демократія дѣлаетъ подъ руководствомъ *Перикла* (*см.*), смѣнившаго въ этомъ дѣлѣ Эфіальта (убитаго политическими врагами) и позднѣе восторжествовавшаго надъ вождемъ консервативной партіи Ѳукидидомъ, сыномъ Милесія (не историкомъ). Вліяніе Перикла обусловливалось 1) тѣмъ, что онъ многократно переизбирался стратегомъ, а *стратегія* въ эту эпоху была уже не только военной должностью, но предоставляла носителямъ ея широкія функціи въ области финансовъ (военные расходы были существеннымъ элементомъ въ государственномъ хозяйствѣ) и международныхъ отношеній, 2) тѣмъ, что онъ, благодаря своей проницательности и краснорѣчію, пріобрѣлъ первенствующее положеніе въ народномъ собраніи. Главными мѣропріятіями Перикла, направленными къ развитію демократіи, были: 1) введеніе жалованія за участіе въ судѣ присяжныхъ и, вѣроятно, въ совѣтѣ, что дало бѣднѣйшимъ гражданамъ фактическую возможность употреблять рабочее время для отправленія государственныхъ функцій; 2) выводъ колоній (клерухій), какъ въ союзныя государства, такъ и за предѣлы Аѳинской державы (Ѳуріи въ Южн. Италіи въ 443 г.), что давало выходъ избытку населенія Аттики и облегчало матеріальное положеніе оставшихся; 3) обширныя постройки, украсившія Аѳины и дававшія заработокъ пролетаріату.—Средства для всѣхъ этихъ весьма дорого стоившихъ мѣропріятій (особенно много средствъ поглощало жалованіе геліастамъ и др.) Периклъ черпалъ какъ изъ доходовъ съ аѳинскихъ гражданъ, матеріальное благосостояніе коихъ послѣ войнъ возросло по вышеуказаннымъ экономическимъ причинамъ, такъ особенно изъ дани союзниковъ.

Общая характеристика аѳинской демократіи этой эпохи. Хотя аѳинская демократія второй пол. V в. считалась въ Греціи полной демократіей, однако, она не была таковой съ нашей современной точки зрѣнія. По подсчету одного изъ современныхъ изслѣдователей число жителей Аттики обоего пола въ эту эпоху равнялось около 350 тысячъ, а только 170 тысячъ имѣли права гражданства (40 тысячъ было свободныхъ иностранцевъ—метековъ и 100—150 тысячъ рабовъ). Слѣдовательно, полными правами пользовалось не болѣе половины жителей. Граждане очень ревниво оберегали выгоды своего

положенiя отъ постороннихъ элементовъ: такъ, въ эпоху Перикла въ 445 г. было постановлено, что аѳинскими гражданами считаются лишь тѣ, кто происходитъ отъ отца и матери—аѳинскихъ гражданъ. Тѣмъ не менѣе, аѳинская демократiя считалась писателями древняго, а отчасти и новаго времени полной демократiей, 1) п. ч. всѣ граждане имѣли право участвовать въ законодательствѣ, администрацiи и судѣ, 2) п. ч. при замѣщенiи должностей широко примѣнялся жребiй и 3) п. ч. существовало вознагражденiе за исправленiе ихъ (съ 395 г. было введено вознагражденiе и за посѣщенiе народнаго собранiя; уже при Периклѣ введено вознагражденiе за военную службу), вслѣдствiе чего всѣ граждане, не исключая и бѣднѣйшихъ, имѣли возможность дѣйствительно отправлять государственныя функцiи. Кромѣ жалованiя, граждане получали просто подачки изъ госуд. казны: такъ, кажется, уже въ V в. появляются раздачи денегъ на посѣщенiе зрѣлищъ (θεωρικόν).

Главнымъ органомъ аѳинскаго народовластiя было народное собранiе (*экклесiя*), имѣвшая сначала 10, а потомъ 40 очередныхъ собранiй въ годъ и неопредѣленное количество экстренныхъ. Экклесiя рѣшала 1) дѣла о войнѣ и мирѣ и о международныхъ договорахъ, 2) вотировала бюджетъ и налоги, 3) даровала права гражданства, 4) избирала тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя не избирались по жребiю, 5) разбирала особо важныя судебныя дѣла и проч.

Однако, постановленiе народнаго собранiя (ψήφισμα) еще не было закономъ (νόμος). Для законодательства въ Аѳинахъ установилась очень сложная процедура, гарантировавшая государство отъ легкомысленнаго и поспѣшнаго измѣненiя законовъ: каждый новый законъ обсуждался въ экклесiи, затѣмъ въ совѣтѣ, далѣе вновь въ экклесiи и, наконецъ, въ комиссiи номоѳетовъ, избиравшейся изъ числа очередныхъ присяжныхъ (членовъ геliэи). И даже послѣ принятiя закона противъ инiцiаторовъ его можно было возбудить судебное преслѣдованiе (γραφὴ παρανόμων), если бы оказалось, что инiцiаторъ закона впалъ въ противорѣчiе съ какимъ-либо ранѣе существовавшимъ закономъ, не проведя отмѣну его черезъ соотвѣтственныя инстанцiи одновременно съ новымъ закономъ.

Дѣла для народнаго собранiя подготовляетъ совѣтъ 500 (βουλή); онъ же наблюдалъ и за исполненiемъ постановленiй экклесiи. Совѣтъ дѣлился на 10 *пританiй*, чередовавшихся въ отправленiи своихъ обязанностей.

Текущiя дѣла вели должностныя лица, изъ которыхъ въ эпоху пентеконтаэтiи важнѣйшими стали 10 *стратеговъ* (στρατηγοί), являвшихся главнымъ военнымъ органомъ, а также игравшихъ большую роль въ международныхъ дѣлахъ и въ финансовомъ управленiи. Стратеги выбирались не жребiемъ, а подачей голосовъ, что поднимало ихъ авторитетъ. *Архонты* въ эту эпоху вѣдали не столь важныя дѣла.

Судебныя функцiи отправлялись, главн. обр., судомъ присяжныхъ (ἡλιαία) изъ 5000 очередныхъ и 1000 запасныхъ, которые дѣлились на 10 дикастерiй по 500 человѣкъ. Геliэя играла роль и въ законодательствѣ. Кромѣ того, судебныя функцiи имѣли ареопагъ, судъ эфетовъ, архонты и проч.

Культурный расцвѣтъ въ эпоху „пятидесятилѣтiя“. Поэзiя и философско-научная мысль зародились въ VII и VI вѣкахъ болѣе въ мало-азiйскихъ поселенiяхъ грековъ, чѣмъ въ Европейской Грецiи, ибо вообще мало-азiйское побережiе развивалось въ ту пору быстрѣе. Но теперь, вмѣстѣ съ перемѣщенiемъ экономическихъ центровъ, и культурные передвинулись къ западу, въ Европейскую Грецiю: только при накопленiи матерiальныхъ богатствъ здѣсь явились общественные круги, не всецѣло поглощенные борьбою за существованiе и имѣвшiе достаточный досугъ для культурной работы. Каждое слѣдующее поколѣнiе V вѣка въ смыслѣ интенсивности культурныхъ интересовъ превосходило предшествующее. Главными центрами философiи, литературы и изобразительныхъ искусствъ сдѣлались Аѳины и—на западѣ—Сиракузы. Вѣкъ Перикла въ Аѳинахъ является эпохой культурнаго расцвѣта, но и во время Пелоп. войны духовная жизнь не изсякла, хотя, конечно, столь интенсивнаго прогресса, какъ до войны,

не было; замѣчаются даже нѣкоторые признаки пониженія культурнаго уровня аѳинской массы (процессы Анаксагора, Фидія, Сократа). Однако, не нужно забывать, что какъ разъ во время войны въ Аѳинахъ ставили трагедіи Эврипида и комедіи Аристофана. Послѣ же войны, въ IV в., культурное развитіе Аѳинъ вновь пошло быстрымъ темпомъ впередъ. Въ очеркѣ соціальной и политической исторіи необходимо обратить вниманіе на измѣненіе въ общемъ міросозерцаніи значительной части греческаго культурнаго общества. Подъ вліяніемъ усложненія культуры старое религіозное міропониманіе (см. *религіи греко-римскаго міра*) стало колебаться и уступать мѣсто новому, сложившемуся подъ вліяніемъ философскихъ системъ. Весьма рельефнымъ примѣромъ этого перелома представляется сравненіе міросозерцанія Геродота и Ѳукидида, раздѣленныхъ лишь однимъ поколѣніемъ. Особенно сильное вліяніе на современниковъ Перикла и поколѣніе, развившееся въ эпоху Пелоп. войны, оказала софистика; скептицизмъ софистовъ не остался безъ вліянія на тѣ политическіе перевороты, которые имѣли мѣсто во время войны. Теорія права сильнаго стала играть особую роль въ политической жизни. Но скоро возникла и реакція противъ скептицизма въ лицѣ Сократа и его ученика Платона, которые стали искать положительныхъ основъ для новаго міросозерцанія и для новаго моральнаго уклада.

Греческій міръ запада. Въ то время, какъ въ восточной части греческаго міра слагалась значительная Аѳинская держава, среди греческихъ поселеній запада, въ Сициліи, стали слагаться тоже значительныя *Сиракузское и Акрагантское* государства. Особенно важную роль въ первыя 10-тилѣтія V в. стали играть сиракузскіе тираны (Гелонъ и Гіеронъ). И подобно тому, какъ восточнымъ грекамъ пришлось вступить въ борьбу съ сосѣднимъ сильнымъ негреч. государствомъ — Персіей, такъ Сиракузамъ и Акраганту пришлось выдержать борьбу съ обширной финикійской колоніальной державой,—*Карѳагеномъ* и могущественнымъ племенемъ Средн. Италіи,—*этрусками*. Борьба съ карѳагенянами была столь же успѣшна, какъ и борьба съ Персіей (побѣда при Гимерѣ въ 480 г.). Сиракузы распространили свою власть и на многіе города Южной Италіи, и въ 474 г. Гіеронъ сиракузскій нанесъ пораженіе въ Кампаніи этрускамъ. Послѣ паденія тираніи и торжества демократіи (60-е года V вѣка), Сиракузы на время потеряли господствующее положеніе на островѣ. Но попытка возстанія туземцевъ подъ предводительствомъ Дукетія (460—440 г.) не имѣла устойчиваго успѣха, а затѣмъ, когда демократія въ Сиракузахъ окрѣпла, Сиракузы опять вернули себѣ господство. Часть греческихъ колоній стала уже въ срединѣ V вѣка искать поддержки противъ Сиракузъ у Аѳинъ, вступивъ въ союзъ съ послѣдними.

б) *Борьба греческ. государствъ за преобладаніе (гегемонію) во второй половинѣ V в.* Образованіе обширной Аѳинской державы должно было рано или поздно вызвать столкновеніе со Спартой и ея союзниками: слишкомъ великъ былъ антагонизмъ интересовъ между этими политическими группами! Съ одной стороны, существовалъ соціально-политическій антагонизмъ: аѳинская демократія, естественно, поддерживала въ большинствѣ случаевъ демократическія партіи въ другихъ государствахъ, которыя въ свою очередь тяготѣли къ Аѳинамъ, какъ къ опорѣ противъ мѣстныхъ олигарховъ; напротивъ, Спарта и олигархическія партіи имѣли тоже взаимное тяготѣніе. Съ другой стороны, очень серьезное значеніе имѣло соперничество между морскими государствами Аѳинской федераціи и тѣми изъ морскихъ державъ, которыя, будучи торговыми конкуррентами Аѳинъ, не вошли въ Аѳинскій союзъ, а примкнули къ Пелопоннесскому. Таковы были Коринѳъ и Мегары, отпавшіе въ 446 г. отъ Аѳинъ и примкнувшіе къ пелопоннесцамъ. Вопросъ о рынкахъ для сбыта товаровъ и еще болѣе вопросъ о господствѣ въ странахъ, снабжавшихъ промышленные центры Греціи хлѣбомъ (Черноморское побережье, Сицилія и Египетъ),—раздѣляли интересы этихъ двухъ группъ морскихъ державъ. Соперничество Аѳинъ съ Коринѳомъ захваты-

вало очень широкій районъ: оно простиралось и на сѣверъ Эгейскаго моря (Потидея) и на Іонійское море (Коркира). И даже въ предѣлы Сициліи проникло соперничество Аѳинъ и Спарты: когда греческія колоніи въ Сициліи, враждебныя Сиракузамъ, стали искать поддержки у Аѳинъ,—естественно, что Сиракузы склонились къ Спартѣ. И по отношенію къ Сициліи соперничество не ограничилось столкновеніемъ политическихъ интересовъ,—вопросомъ о томъ, чье вліяніе будетъ преобладать въ сицилійской политикѣ. Здѣсь тоже существенную роль игралъ вопросъ экономическій: о сицилійскихъ и италійскихъ рынкахъ и о подвозѣ хлѣба. И мы видѣли, что уже со средины V вѣка Аѳины устанавливаютъ связь съ западомъ (союзъ съ сицилійскими городами, основаніе Ѳурій).

Когда опасность со стороны Персіи миновала, соперничество интересовъ между Аѳинскимъ союзомъ, съ одной стороны, и Спартой съ ея союзниками, съ другой—не замедлило проявиться. Правда, пока на аѳинскую внѣшнюю политику вліялъ аристократъ Кимонъ со своей партіей, разрыва между Спартой и Аѳинами не наступало; но эта политика привела къ тому, что въ 462 г. Аѳины пришли на помощь Спартѣ во время опаснаго для послѣдней возстанія гелотовъ и мессенцевъ; Спарта обнаружила по отношенію къ Аѳинамъ обидное недовѣріе. Это привело къ паденію Кимона. Однако, и Периклъ, ставши руководителемъ аѳинской политики, первое время старался избѣжать столкновеній со Спартой и мечталъ даже о большомъ союзѣ греч. государствъ противъ Персіи. Но всѣ эти попытки соединить несоединимое не увѣнчались успѣхомъ. Съ начала 50-хъ годовъ имѣютъ уже мѣсто военныя столкновенія Аѳинъ съ пелопоннесцами. Крушеніе рискованной экспедиціи аѳинянъ на помощь египетскимъ инсургентамъ, возставшимъ противъ персовъ, кончившееся гибелью аѳинскаго флота (454 г.), было тяжелымъ ударомъ для Аѳинъ. Оно ослабило ихъ мощь, повело къ утратѣ Аѳинами въ 40-хъ годахъ нѣсколькихъ союзниковъ и заставило ихъ быть уступчивѣе. Но въ 30-хъ годахъ столкновенія съ пелопоннесцами возобновились и привели въ 431 г. къ ряду войнъ, получившихъ названіе *Пелопоннесск. войны* (*см.*).

Первая 10-лѣтняя война (431—421) уже весьма тяжело отозвалась на обѣихъ враждующихъ сторонахъ, т. к. сопровождалась ужаснымъ кровопролитіемъ, экономическимъ разстройствомъ и проявленіями духовнаго одичанія (факты безчеловѣчной расправы съ врагами). Аѳины уже въ этотъ періодъ войны должны были перенести отпаденіе группы союзниковъ, отягощенныхъ чрезмѣрными поборами. 6-лѣтнее перемиріе Аѳинъ со Спартой (421—415) не привело къ миру въ Греціи, ибо въ Пелопоннесѣ вспыхнули раздоры между Спартой и ея союзниками, въ которые немедленно вмѣшались и Аѳины, а съ 414 г. война возобновилась съ полной силой въ связи съ походомъ аѳинянъ въ Сицилію (съ 415 г.), кончившимся въ 413 г. полнымъ разгромомъ аѳинскаго флота и войска (см. *Алкивіадъ*). Послѣ этого событія борьба все болѣе и болѣе стала принимать поворотъ противъ Аѳинъ, ибо Аѳины начали терять своихъ подданныхъ, раздраженныхъ тяжелою данью, размѣръ которой во время войны былъ увеличенъ, и суровою расправою аѳинянъ съ непослушными. Кромѣ того, Спартѣ стала оказывать денежную поддержку Персія, жаждавшая распаденія Аѳинскаго союза. Въ 404 г. война кончилась взятіемъ Аѳинъ спартанцами.

Главнымъ послѣдствіемъ войны было *распаденіе Аѳинской державы, усиленіе Пелопоннесскаго союза и торжество олигархическихъ партій* въ большинствѣ государствъ, благодаря поддержкѣ Спарты, которая во многихъ мѣстахъ стала держать даже свои гарнизоны.

в) *Внутренній кризисъ въ государствахъ-городахъ* (классовая борьба) и *попытки новыхъ государственныхъ образованій.*

Внутреннее состояніе Аѳинъ во время пелопоннесской войны. Очень серьезное потрясеніе пережило Аѳинское государство вслѣдствіе неудачъ войны и въ своемъ внутреннемъ строѣ. Въ на-

чалѣ пелопоннесской войны въ Аѳинахъ можно констатировать 4 общественныя группы, которыя значительно расходились въ отношеніи какъ вопросовъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Двѣ изъ этихъ группъ принадлежали, гл. обр., къ сельскому населенію и двѣ къ городскому. Это—сравнительно крупные землевладѣльцы и крестьяне, съ одной стороны, городская буржуазія и пролетаріатъ,—съ другой. Крестьянство въ общемъ стояло далеко отъ политики; лишь особенно острые вопросы могли всколыхнуть его и заставить явиться со своихъ полей въ Аѳины, въ народное собраніе; это—консервативная масса, не любящая перемѣнъ, недовольная эксцессами городского демоса, но и не противящаяся демократическому строю. Во внѣшней политикѣ она стоитъ за миръ, ибо вторженія пелопоннесцевъ въ Аттику разоряютъ ее. Городской демосъ и мелкая городская буржуазія представляютъ изъ себя наиболѣе радикальные элементы демократіи, способные на самыя неожиданныя рѣшенія и падкіе на всякія новшества. Они стоятъ за войну, потому что ждутъ отъ нея расширенія аѳинскаго могущества и новыхъ рессурсовъ для государственной казны, которая ихъ кормитъ, давая имъ жалованіе за несеніе разныхъ видовъ государственной службы. Во главѣ этой группы стояли кожевникъ Клеонъ, изготовитель лампъ Гиперболъ, музыкальный мастеръ Клеофонъ. Крупная и отчасти средняя буржуазія—много умѣреннѣе; эти группы выступаютъ противъ эксцессовъ массы демоса; впослѣдствіи, во время войны, онѣ выступаютъ за реформу государственнаго строя въ смыслѣ ограниченія полит. правъ имущ. цензомъ. Онѣ стоятъ за войну лишь постольку, поскольку она дѣйствительно необходима для защиты аѳинскихъ торговыхъ и политическихъ интересовъ: онѣ идутъ на всякій разумный компромиссъ съ врагами. Вождями этихъ группъ во время войны являются Никій и Ѳераменъ. Главные враги демократіи сосредоточиваются въ рядахъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, среди которыхъ сохранились и представители старыхъ аристократическихъ родовъ. Они стоятъ за уничтоженіе демократіи и установленіе олигархіи, они желаютъ мира со Спартой, ища въ ней опоры для своихъ олигархическихъ замысловъ. Вождями этой партіи были Антифонъ, Фринихъ, Критій.

При жизни Перикла (ум. въ 429 г.), разумно руководившаго демосомъ, и въ первую половину войны враги демократіи не выступали открыто. Но крушеніе сицилійской экспедиціи дало возможность этимъ партіямъ поднять голову. Въ 413 г. онѣ добиваются учрежденія коллегіи изъ 10 пробуловъ, на которыхъ было возложено предварительное обсужденіе государственныхъ дѣлъ до поступленія ихъ въ совѣтъ. Дальнѣйшія неудачи Аѳинъ въ международной политикѣ вызвали полный упадокъ духа среди демократическихъ группъ и дали возможность партіямъ переворота добиться дальнѣйшихъ уступокъ со стороны аѳинскаго государства въ пользу ограниченія демократіи (411—410 г.). Характерными особенностями проектовъ ограниченія демократіи были слѣдующіе пункты: 1) участіе въ осуществленіи верховной власти должно быть предоставлено лишь лицамъ, имѣвшимъ имущественный цензъ (такихъ лицъ насчитывали до 5.000); граждане, не удовлетворявшіе этому требованію, сохраняли за собою только гражданскія права, теряя права политическія; изъ числа 5.000 долженъ быть выбираемъ совѣтъ 400 и лица для замѣщенія различныхъ должностей. 2) Второе ограниченіе демократіи сводилось къ наивозможно большему сокращенію платныхъ должностей (жалованіе сохранено лишь за архонтами и очередными членами совѣта). 3) Третье ограниченіе заключалось въ устраненіи (или значительномъ ограниченіи) жеребьевки при замѣщеніи должностей. Партіи переворота, защищая свои предположенія, доказывали, что онѣ возстанавливаютъ „отеческій строй“ (такъ сказать, „истинно-аѳинскій“), строй временъ Солона или Клисѳена.—Деморализированная неудачами демократія соглашается на учрежденіе временнаго пра-

вительства изъ 400 лицъ, которое должно осуществить планъ реформъ. До этого момента партіи олигархическая и цензовая-демократическая дѣйствовали солидарно. Но затѣмъ олигархи стали тормозить осуществленіе плана реформъ, стремясь сохранить управленіе за совѣтомъ 400, и здѣсь натолкнулись на сопротивленіе партіи цензовой демократіи съ Ѳераменомъ во главѣ. Эти партійные раздоры, равно какъ и продолжающіяся военныя неудачи колеблютъ авторитетъ партій переворота. Воздѣйствіе со стороны аѳинскаго флота, стоявшаго у о. Самоса, ведетъ къ полному возстановленію демократіи (410).

Однако, черезъ 6 лѣтъ олигархи получили возможность вновь выступить противъ демократіи: полная побѣда спартанцевъ надъ аѳинянами въ 404 г. сдѣлала Спарту на время вершительницею судебъ Аѳинъ. Спартанскій полководецъ Лисандръ оказываетъ поддержку олигархіи. Подавленный событіями народъ соглашается на передачу власти временному правительству „*тридцати*“, — комиссіи, составленной въ ея большей части безъ участія народнаго собранія. Большинство этой комиссіи съ *Критіемъ* во главѣ состояло изъ крайнихъ олигарховъ. Вождь умѣренныхъ Ѳераменъ былъ казненъ. „Тридцать“ примѣняли террористическія мѣры противъ своихъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе, имъ удалось удержаться у власти лишь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ: реакція противъ спартанскаго режима въ Греціи, распри въ самой Спартѣ (царь Павсаній и полководецъ Лисандръ) дали возможность *демократической партіи вернуть власть* (вождь демократической партіи Ѳрасибулъ).

Внутреннее состояніе Спарты въ эпоху Пелопоннесской войны и послѣ нея. Если Аѳины въ концѣ V в. переживали тяжелый внутренній кризисъ, то и положеніе дѣлъ въ Спартѣ было не лучше. Военная спартанская община зиждилась на матеріальной обезпеченности гражданъ-воиновъ. Поддержаніе такой обезпеченности зависѣло отъ наличности запаса земель, изъ котораго можно было образовать земельные участки для избытка населенія. Но съ VI вѣка государства, окружавшія Спарту, настолько консолидировались, что дѣлать земельныя пріобрѣтенія стало невозможно. Приблизительное имущественное равенство въ средѣ спартіатовъ стало нарушаться: неравный ростъ отдѣльныхъ семей и хозяйственныя неудачи, постигавшія ихъ, вели къ подрыву матеріальнаго благосостоянія у части спартіатовъ. Развивается задолженность разоряющихся спартіатовъ по отношенію къ болѣе состоятельнымъ. Неотчуждаемость земельныхъ участковъ превращается въ фикцію: участокъ юридически продолжалъ считаться собственностью должника, но доходъ съ него переходилъ къ кредитору. Съ IV в. нѣкоторыя формы отчужденія земель были допущены и закономъ (законъ эфора Эпитадея). Такимъ образомъ, постепенно въ рукахъ небольшого числа спартіатовъ фактически стало сосредоточиваться много земельныхъ участковъ, прочіе же граждане теряли участки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращая свои взносы въ сисситіи, теряли и гражданскія права. Во второй половинѣ IV вѣка осталось лишь 1.000 полноправныхъ спартіатовъ, а въ III вѣкѣ ихъ число доходило лишь до 700. Такъ спартанская военная община постепенно стала превращаться въ узкую олигархію. Это отразилось и на внѣшней политикѣ Спарты: прежде это государство стремилось къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ; съ V вѣка правящая группа, не нуждаясь въ землѣ, стремится къ пріобрѣтенію денежныхъ средствъ. Въ первой половинѣ IV в. Спарта считается одной изъ самыхъ богатыхъ деньгами странъ. Для несенія военной службы уже въ концѣ V вѣка пришлось привлекать въ большомъ числѣ вольноотпущенныхъ гелотовъ (т. наз. неодамодовъ) и періэковъ.

г) *Объединительныя теченія въ Греціи въ первой пол. IV в. и паденіе спартанской гегемоніи.* Деспотическое отношеніе Спарты къ примкнувшимъ къ ней соперникамъ весьма скоро вызвало реакцію противъ спартанской гегемоніи. Въ 395 г. старые союзники Спарты: Аргосъ, Коринѳъ, Ѳивы и нѣсколько мелкихъ государствъ соединились

вмѣстѣ съ Аѳинами противъ Спарты. Несмотря на нѣкоторыя военныя удачи Спарты (побѣда царя Агесилая при Коронеѣ въ 394 г.), дѣла ея въ общемъ пошли плохо; во многихъ городахъ (особенно въ М. Азіи) подняли голову демократическія партіи. *Персія* субсидіей и флотомъ поддержала союзъ противъ Спарты (см. *Кононъ*). Спарта потерпѣла рядъ пораженій (ав. полководцы Ификратъ и Ѳрасибулъ). Постепенно около Аѳинъ сталъ образовываться *новый союзъ*, къ которому примкнули и мало-азійскіе греки. Тогда Персія перемѣнила фронтъ и примкнула къ Спартѣ. Анталкидовъ миръ (387 г.) разрушилъ возрождающійся аѳинскій союзъ и вернулъ мало-азійскихъ грековъ подъ власть Персіи. Спарта опять торжествуетъ не только въ Пелопоннесѣ (разрушеніе мантинейскаго синойкизма въ Аркадіи, 384 г.), но и въ средней Греціи (гарнизонъ въ Ѳивахъ).

Однако, и на этотъ разъ торжество Спарты было непродолжительно: движеніе противъ нея возникаетъ уже въ началѣ 70-хъ годовъ и при томъ съ двухъ сторонъ. 1) Въ *Ѳивахъ* торжествуетъ съ 379 г. демократія, начинающая борьбу со Спартой и объединяющая около себя всю Беотію (ок. 374 г.; полководцы Пелопидъ и Эпаминондъ). Всѣ государства средней Греціи къ востоку отъ Аттики вплоть до Іонійскаго моря объединились около Ѳивъ. Въ 371 г. Ѳивы наносятъ тяжелое пораженіе Спартѣ при *Левктрахъ*, послѣ чего онѣ стремятся утвердиться въ Пелопоннесѣ. При содѣйствіи Ѳивъ происходитъ *объединеніе Аркадіи* около новаго городского центра Мегалополя (370 г.). *Спарта теряетъ Мессенію* (370 г.) и *вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ значеніе первостепеннаго государства*. Ѳивы вмѣшиваются и въ дѣла сѣв. Греціи (въ Ѳессаліи въ 370 г.). Однако, и усиленіе Ѳивъ оказалось эфемернымъ, поддержаннымъ, гл. обр., антагонизмомъ греч. государствъ по отношенію къ Спартѣ. Аѳины стали во враждебныя отношенія къ Ѳивамъ, боясь ихъ политич. конкурренціи. Когда опасность со стороны Спарты миновала, Ѳивы стали терять своихъ союзниковъ (Аркадія), и, несмотря на новую побѣду Эпаминонда надъ Спартой при Мантинеѣ, гдѣ палъ этотъ полководецъ (362 г.), Ѳивы утратили въ ближайшіе годы свое руководящее положеніе. 2) Въ то время какъ Ѳивы въ интересахъ борьбы со Спартой вели объединеніе Средней Греціи и Пелопоннеса, на Эгейскомъ морѣ (съ 378 г.) сталъ развиваться *Второй Аѳинскій союзъ*, въ который вошло большинство острововъ Эгейскаго моря и поселеній Ѳракійскаго побережья. Вначалѣ въ организаціи союза преобладалъ принципъ равноправія союзниковъ (синедріонъ (συνέδριον) изъ представителей союзныхъ государствъ), хотя и съ признаніемъ руководящей роли Аѳинъ (военное командованіе въ рукахъ Аѳинъ; необходимость соглашенія между синедріономъ и аѳин. госуд.); общая касса, необходимая для содержанія флота и войска, составлялась изъ взносовъ, опредѣляемыхъ добровольнымъ соглашеніемъ. Но Аѳины постепенно стали стремиться къ болѣе значительному подчиненію союзниковъ (возобновленіе системы клерухій, воспрещенной первоначальными договорами; вымогательство денежныхъ взносовъ отъ союзниковъ и т. п.). Утрата Спартою господствующаго положенія въ 60-хъ годахъ имѣла послѣдствіемъ отпаденіе отъ Аѳинъ многихъ союзниковъ и такъ называемую союзническую войну (357—355 г.), кончившуюся *распаденіемъ 2-го Аѳинскаго союза*.

Такимъ образомъ, мы видимъ цѣлый рядъ симптомовъ, указывающихъ на то, что прежняя политическая форма государства-города перестала удовлетворять греческія общества: образуются новыя политическія соединенія въ видѣ союзовъ (1-й и 2-й Аѳинскіе, Ѳиванскій), но всѣ они оказываются непрочными, ибо центробѣжныя силы берутъ перевѣсъ надъ центростремительными. Однако, тяготѣніе къ объединенію укрѣпляется все больше: кромѣ отмѣченныхъ крупныхъ соединеній, мы видимъ въ первой половинѣ IV-го вѣка рядъ менѣе значительныхъ, однако, тоже новыхъ федерацій. Таково Родосское государство, возникшее еще въ концѣ V-го вѣка, такова упомянутая выше Аркадская федерація (370 г.);

таково Θессалійское государство, объединившееся на короткое время подъ главенствомъ тиранна города Феръ Ясона (374—370).

Какія причины вызвали къ жизни эти объединительныя теченія? Они находили поддержку преимущественно въ состоятельныхъ слояхъ населенія. Для торгово-промышленныхъ круговъ политическое объединеніе являлось необходимостью, потому что правильность торговыхъ сношеній постоянно нарушалась войнами между мелкими государствами. Но не меньшую роль въ смыслѣ движенія обезпеченныхъ классовъ въ сторону объединительныхъ теченій играло и то обстоятельство, что въ государствахъ городского типа при господствѣ демократической формы правленія интересы имущихъ были крайне мало обезпечены. Пёльманъ въ своей „Исторіи античнаго соціализма“ отчетливо показалъ, какъ въ демократическихъ государствахъ (особ. съ конца V в.) народная масса мало уважала имущественные интересы состоятельныхъ слоевъ общества, и какъ даже суды присяжныхъ становились на грубо классовую точку зрѣнія, руководясь въ своихъ приговорахъ относительно богатыхъ лицъ желаніемъ воспользоваться ихъ имуществомъ (конфискованныя имущества иногда подвергались раздѣлу между гражданами или обращались на удовлетвореніе различныхъ нуждъ массъ). Въ результатѣ среди имущихъ рождалось недоброжелательное отношеніе къ городской демократіи и тяготѣніе ко всякой силѣ (напр., къ сосѣднимъ монархіямъ), отъ которой можно было ждать устраненія господства массы. И финансовая политика городскихъ демократій вызывала оппозиціонное настроеніе имущихъ, ибо и она стремилась тяжесть податного бремени переложить на богатые слои населенія, что было бы справедливо, если бы и въ этой области отсутствовалъ произволъ. Существованіе въ нѣкоторыхъ государствахъ принудительныхъ займовъ у частныхъ лицъ въ пользу казны колебало кредитъ и вызывало замѣшательство въ дѣлахъ.—Но не только состоятельные слои страдали отъ господства отжившей политической формы: государство-городъ въ цѣломъ не было приспособлено къ удовлетворенію своихъ новыхъ потребностей: даже торговыя Аѳины съ трудомъ справлялись съ тѣми затратами, которыя приходилось дѣлать на флотъ, на войско, на жалованіе должностнымъ лицамъ и проч. Внутренняя политическая исторія Аѳинъ въ IV в. есть по преимуществу исторія финансовыхъ экспериментовъ, направленныхъ на упорядоченіе государственнаго казначейства (дѣятельность Эвбула въ 50-хъ и 40-хъ и Ликурга въ 30-хъ годахъ IV-го вѣка). Финансовая нужда создаетъ зависимость многихъ государствъ отъ субсидій персидскаго двора.

Недовольство городскимъ политическимъ строемъ и особенно радикальной демократіей выразилось въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ этого времени пробужденіемъ монархическихъ тенденцій, нашедшихъ выраженіе и въ литературѣ (риторъ Исократъ, Ксенофонтъ, отчасти Платонъ и др.). Въ монархіи представители этихъ теченій разсчитывали найти средство къ упроченію мира внутри и внѣ государства и къ сокрушенію вѣчной угрозы миру Греціи: персидскаго могущества.

Такимъ образомъ, къ серединѣ IV вѣка въ греческомъ мірѣ отчетливо замѣтны *объединительныя тенденціи какъ федеративнаго, такъ и монархическаго характера.*

VII. Періодъ эллинистическій. А) Македонскія завоеванія (357—323 гг.). Ни одно изъ греческихъ государствъ континента и острововъ не было достаточно сильно, чтобы осуществить объединеніе Греціи. Съ бо́льшимъ, хотя тоже неполнымъ, успѣхомъ объединеніе было произведено сѣвернымъ государствомъ—Македоніей съ населеніемъ, родственнымъ грекамъ и уже въ V в. вступившимъ на путь эллинизаціи. Македонія сдѣлалась въ 40-хъ годахъ IV вѣка, благодаря обстоятельствамъ, въ значительной мѣрѣ коренившимся въ ея внутреннемъ строѣ (сильная центральная монархическая власть, опиравшаяся на дворянство и свободное крестьянство), болѣе могущественной въ военномъ отношеніи, чѣмъ любое изъ греческихъ государствъ. Стремясь найти выходъ къ морю, царь

Филиппъ въ 50-хъ и 40-хъ годахъ захватилъ большинство греческихъ колоній по Ѳракійскому побережью и на полуостровѣ Халкидикѣ. Далѣе, ему удалось утвердить свое вліяніе въ Ѳессаліи, а затѣмъ яко бы въ качествѣ защитника Дельфійскаго храма вмѣшаться и въ дѣла Средней Греціи. Въ значительной части греческихъ государствъ образуются *партіи македонская и антимакедонская*; такъ, въ Аѳинахъ Демосѳенъ (*см.*) былъ вождемъ антимакедонской партіи, вербовавшейся по преимуществу изъ демократическихъ элементовъ общества, а Эсхинъ, Фокіонъ и др. были вождями партіи македонской. Исократъ являлся защитникомъ македонскихъ тенденцій въ литературѣ. Македонскую партію отнюдь не нужно представлять себѣ какъ партію, исключительно состоявшую изъ лицъ, подкупленныхъ Филиппомъ: здѣсь было много лицъ, особенно изъ среды буржуазіи, надѣявшихся получить отъ царя родственнаго грекамъ племени обезпеченіе мира внутренняго и внѣшняго. Опираясь на свои военныя силы, а также и на своихъ приверженцевъ внутри греческихъ государствъ, Филиппъ получилъ возможность справиться съ соединенными силами Аѳинъ, Ѳивъ и большинства средне-греческихъ государствъ, гдѣ въ это время торжествовали антимакедонскія партіи. Битва при *Херонеѣ* въ 338 г. кончилась полной побѣдой Филиппа. На съѣздѣ въ Коринѳѣ Филиппъ заставилъ греческія государства объединиться въ союзъ съ центральнымъ органомъ (синедріономъ) изъ представителей союзныхъ государствъ и съ македонскимъ царемъ во главѣ; въ случаѣ войны союзники должны были давать Филиппу опредѣленное количество войска; внутреннее самоуправленіе союзникамъ въ теоріи было сохранено, но Филиппъ обезпечилъ въ демократіяхъ неприкосновенность собственности буржуазіи, на которую онъ опирался; на практикѣ онъ во многихъ государствахъ установилъ правительства изъ сочувствовавшихъ ему элементовъ и даже кое-куда ввелъ гарнизоны. Спарта, отказавшаяся примкнуть къ союзу, была лишена значительной части своихъ владѣній и утратила всякое политическое значеніе. Филиппъ началъ готовиться къ борьбѣ съ соперничавшей съ нимъ по мощи Персіей, но въ 336 году погибъ отъ руки убійцы. Однако, политику его неуклонно продолжалъ его сынъ *Александръ*, рѣшительно подавившій всѣ враждебныя Македоніи движенія въ Греціи (разрушеніе Ѳивъ въ 335 г.). Вслѣдъ затѣмъ Александръ предпринялъ грандіозный походъ противъ Персіи, кончившійся завоеваніемъ этого огромнаго государства. Характеристика его завоеваній въ Азіи и Африкѣ не входитъ въ задачи этой статьи. Здѣсь достаточно отмѣтить ихъ значеніе для грековъ. Если и ранѣе избытокъ населенія расселялся по побережью Средиземнаго моря, то завоеванія Александра открыли грекамъ путь для поселенія въ Египтѣ и въ Передней Азіи до области Окса и Яксарта (Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи) и до Инда; многіе изъ городовъ, основанныхъ Александромъ, постепенно превратились въ важные торговые и культурные центры, гдѣ греки стали играть немаловажную роль. Что же касается Европейской Греціи, то здѣсь Александръ, отвлеченный своей широкой азіатской политикой, не имѣлъ возможности укрѣпить свое положеніе. Попытка его создать огромную эллино-варварскую монархію, гдѣ бы произошло сліяніе національностей, не увѣнчалась успѣхомъ. Антимакедонское движеніе въ Греціи не исчезло. Еще въ 333 г. спартанскій царь Агисъ началъ войну съ Македоніей, хотя и не имѣлъ большого успѣха, т. к. очень немногія греческія общины рѣшились оказать ему поддержку (Агисъ погибъ въ 330 г.). Въ Аѳинахъ противомакедонская партія на это время притаилась; руководство дѣлами перешло въ руки ея противниковъ. Пользуясь миромъ, Аѳины имѣли возможность возстановить свою торговлю и упорядочить финансы (управленіе оратора Ликурга). Но зависимость отъ Македоніи все же тяготила демократическіе элементы, привыкшіе къ полной самостоятельности.

Б) Грецiя въ эллинистическую эпоху (ок. 323—200). Источниками для этого періода являются, главнымъ образомъ,

Юстинъ, Діодоръ (лишь до начала III в.), біографіи Плутарха, а для III в.—Полибій; большое значеніе имѣютъ надписи.

Эпоха послѣ завоеваній Александра до римскаго завоеванія получила названіе *эллинистической*. Общая характеристика ея выходитъ за предѣлы собственно греч. исторіи (см. *Эллинизмъ*). Здѣсь мы остановимся лишь на исторіи Европ. Греціи этого времени.

Соціальное равновѣсіе не было достигнуто и въ этотъ періодъ; миръ международный тоже не былъ установленъ. Надежды, возлагавшіяся съ эпохи Филиппа частью имущихъ классовъ греч. общества на Македонію, не оправдались: изъ монархіи Александра возникло нѣсколько государствъ, которыя вели между собою непрерывную борьбу за преобладаніе. Шла не столько борьба народовъ, сколько борьба династовъ между собою. Династы вмѣшивали въ свои междуусобія и греческія общины. Изъ монархіи Александра постепенно образовалось три крупныхъ государства, во главѣ которыхъ стали сподвижники Александра, такъ наз. *діадохи*: Македонское, Сирійское (династія Селевка) и Египетское (династія Птолемея) и нѣсколько менѣе значительныхъ,—тоже со сподвижниками Александра во главѣ (Лисимахъ—во Ѳракіи, Антигонъ—во Фригіи, Евменъ—въ Каппадокіи и Пафлагоніи и проч.). Позднѣе образовалось небольшое, но богатое и культурное Пергамское царство въ М. Азіи. Съ 306 г. діадохи стали принимать царскіе титулы. Антигонъ въ концѣ IV в. пытался занять среди нихъ первенствующее положеніе, но потерпѣлъ пораженіе отъ коалиціи изъ Селевка, Лисимаха, Птолемея и Кассандра (въ битвѣ *при Ипсѣ* 301 г. Антигонъ былъ побѣжденъ соединенными силами Селевка и Лисимаха, при чемъ и самъ погибъ).

Въ эту эпоху Греціи приходилось болѣе всего считаться съ ближайшей своей сосѣдкой—Македоніей. Партіи, существовавшія внутри греческихъ государствъ, искали опоры то въ томъ, то въ другомъ претендентѣ на македонскій престолъ, а претенденты въ свою очередь желали создать себѣ опору, давая посулы и обѣщанія той или другой партіи въ греческихъ общинахъ. Такъ, послѣ смерти Александра большинство греческихъ государствъ съ Аѳинами во главѣ попытались освободиться отъ македонскаго ига, начавъ борьбу съ намѣстникомъ Александра въ Македоніи Антипатромъ (т. наз. Ламійская война 323—322 г.), но союзъ грековъ по обыкновенію оказался непрочнымъ и сталъ распадаться послѣ первыхъ же неудачъ. Антипатръ вступилъ въ сепаратныя соглашенія съ отдѣльными общинами, опираясь на зажиточные классы и поддерживая антидемократическія теченія (въ Аѳинахъ вводится имущественный цензъ для полноправнаго гражданства). По смерти Антипатра (319 г.) боровшіеся за владычество въ Македоніи Полисперхонъ и Кассандръ поддерживаютъ, первый—демократію, а второй—олигархію. Во главѣ Аѳинъ съ 318—308 г. находится ставленникъ Кассандра *Димитрій Фалерскій*, поддерживавшій здѣсь олигархію. Затѣмъ въ роли защитниковъ демократіи и „освободителей“ Греціи противъ Кассандра выступаютъ новые претенденты на владычество среди діадоховъ *Антигонъ* (до 301 года) и его сынъ *Димитрій Поліоркетъ*. Во многихъ укрѣпленіяхъ Греціи македонскіе властители держали свои гарнизоны. Неоднократно македонскій гарнизонъ находился и въ Аттикѣ (преимущ. въ Пиреѣ); такъ, даже „освободитель Аѳинъ“ Димитрій Поліоркетъ держалъ здѣсь гарнизонъ съ 294 г.; лишь послѣ пораженія Димитрія (288 г.) аѳиняне сдѣлали попытку изгнать македонскій гарнизонъ, которая, однако, кончилась неудачей. Въ другихъ мѣстностяхъ Греціи (напримѣръ, въ Коринѳѣ) гарнизоны сына Димитрія Антигона Гоната (287—240) оставались, несмотря на то, что въ самой Македоніи Антигонъ имѣлъ соперниковъ въ лицѣ Птоломея Керавна (280—276), а затѣмъ Пирра Эпирскаго (273—272). Во многихъ городахъ Греціи Антигонъ поддерживалъ даже *тираннію* (Сикіонъ, Аргосъ, Мегалополь и проч.). Эти смуты привели Грецію къ страшному потрясенію: въ 279 году полудикіе *галлы*, проникшіе изъ сѣверной Италіи

на Балканскій полуостровъ, вторглись въ Македонію и Грецію, произведя страшныя опустошенія; наконецъ, Антигонъ Г. нанесъ имъ пораженіе; галлы осѣли частью во Ѳракіи, частью въ М. Азіи (Галатское царство).

Около 266 года Аѳины, пользуясь поддержкой Египта, Спарты и другихъ государствъ, попытались свергнуть господство Македоніи въ Греціи, но Антигонъ и тутъ вышелъ побѣдителемъ (Хремонидова война 266 — 262 г.) и вновь ввелъ гарнизонъ въ Аѳины. Послѣ этихъ событій политическая роль Аѳинъ сводится почти къ нулю: онѣ остаются лишь культурнымъ центромъ. Главнымъ торговымъ пунктомъ на Эгейскомъ морѣ уже съ начала III вѣка становится *Родосская республика*, ведшая особенно интенсивную торговлю съ Египтомъ.

Бо́льшую независимость удалось сохранить тѣмъ греческимъ общинамъ, которыя объединились въ *болѣе прочныя федеративныя государства*. Этимъ путемъ до нѣкоторой степени удовлетворилась потребность въ болѣе твердой государственной власти, которая, какъ мы видѣли, такъ сильно ощущалась въ Греціи уже въ первой половинѣ IV вѣка. Такія федераціи создались въ западной Греціи, до сей поры отставшей отъ восточной въ своемъ политическомъ развитіи. Эта отсталость отчасти даже была причиной успѣха новыхъ федеративныхъ теченій: здѣсь не успѣли образоваться значительные политическіе центры, подобно Аѳинамъ, Спартѣ, Ѳивамъ, которые могли бы имѣть перевѣсъ надъ другими и, такимъ образомъ, нарушать равенство союзниковъ. Такими федераціями были *Этолійскій союзъ* въ Средней Греціи и *Ахейскій*—въ Пелопоннесѣ. Оба эти союза отличались отъ федерацій прежняго времени—съ Аѳинами, Спартой и Ѳивами во главѣ—равноправіемъ своихъ членовъ (особенно въ Ах. союзѣ); лишь силой покоренныя общины могли испытывать нѣкоторыя ограниченія. Центральные органы въ союзахъ существовали лишь для охраны внутренняго и внѣшняго порядка. Верховная власть принадлежала въ обоихъ союзахъ народнымъ собраніямъ; здѣсь выбирались должностныя лица и рѣшались важнѣйшія дѣла. Участвовать въ этихъ собраніяхъ могли граждане зрѣлаго возраста всѣхъ общинъ, входившихъ въ составъ союза. Голоса подавались по городамъ (во всякомъ случаѣ, такъ было въ Ах. союзѣ). Менѣе важныя дѣла рѣшались въ совѣтѣ, состоявшемъ изъ представителей отъ городовъ (организація совѣта яснѣе въ Этолійскомъ союзѣ, чѣмъ въ Ахейскомъ, гдѣ много спорнаго). Текущія дѣла вели должностныя лица, избиравшіяся на годъ. Высшее изъ нихъ въ обоихъ союзахъ именовалось стратегомъ; онъ былъ президентомъ союза и главнокомандующимъ. Въ Ах. союзѣ при стратегѣ имѣлась еще особая коллегія даміурговъ, а въ этолійскомъ, повидимому,—коллегія апоклетовъ. На общія нужды союзныя общины дѣлали денежные взносы и для военныхъ дѣйствій выставляли контингенты войска. Этолійскій союзъ охватывалъ преимущественно сельскія мѣстности, въ составъ Ахейскаго входили сравнительно значительные города. Фактически въ обоихъ союзахъ, особенно же въ Ахейскомъ, преобладающее значеніе имѣли зажиточные люди, ибо лишь они могли часто являться въ народныя собранія и занимать высшія должности, которыя не оплачивались. На значеніе интересовъ торгово-промышленныхъ классовъ въ каждомъ изъ союзовъ указываетъ также единство монетной системы, мѣръ и вѣса, введенное въ союзныхъ общинахъ.

Этолійскій союзъ уже въ первой половинѣ III вѣка сталъ значительной политической силой въ Средней Греціи. Ахейскій начинаетъ играть роль въ Пелопоннесѣ съ половины этого вѣка, когда его руководителемъ сталъ сикіонецъ *Аратъ* (251—213 г.), многократно избиравшійся въ стратеги. Цѣлый рядъ городовъ былъ освобожденъ ахейцами отъ македонскихъ гарнизоновъ и отъ тирановъ. Но дальнѣйшее расширеніе союза въ Пелопоннесѣ встрѣтило противодѣйствіе со стороны *Спарты*.

Это государство, какъ мы видѣли, переживало тяжелый соціальный кризисъ. И вотъ, въ серединѣ III вѣка здѣсь обнаруживается серьезное реформаціонное теченіе. Молодой царь Агисъ III, вступившій на престолъ ок. 245 г., за-

думалъ широкій планъ реформъ, сущность котораго сводилась къ уничтоженію долговыхъ обязательствъ и къ передѣлу земель съ тѣмъ, чтобы надѣлить ими безземельныхъ спартіатовъ и періэковъ. Уничтоженіе долговыхъ обязательствъ было произведено, но аграрная реформа Агису не удалась вслѣдствіе противодѣйствія правящей группы землевладѣльцевъ. Самъ Агисъ былъ убитъ въ 241 г. Однако, его планъ былъ возобновленъ царемъ Клеоменомъ III (съ 235 г.), который, чтобы сломить сопротивленіе правящей группы спартіатовъ, уничтожилъ эфоратъ, ставшій въ эту эпоху изъ демократическаго учрежденія, какимъ онъ былъ въ болѣе древнее время,—органомъ небольшой кучки полноправныхъ спартіатовъ. Клеоменъ произвелъ раздѣлъ земель между безземельными спартіатами и періэками, увеличивъ число полноправныхъ гражданъ до 4-хъ тысячъ и поднявъ военную мощь Спарты. Усиленіе Спарты и соціальныя реформы Клеомена напугали буржуазію, господствовавшую въ Ахейскомъ союзѣ. Начатая Клеоменомъ еще до его реформъ продолжительная война съ ахейцами теперь разгорѣлась съ особой силой. Перевѣсъ оказался на сторонѣ Клеомена. Тогда Ахейскій союзъ (Аратъ) обратился за помощью къ Македоніи (царь Антигонъ Досонъ 229—219 г.), съ помощью которой Клеоменъ былъ побѣжденъ (битва при Селласіи 221 г.) и долженъ былъ бѣжать въ Египетъ, гдѣ и погибъ. Македонія вновь вернула себѣ фактическое господство въ Греціи и даже въ Ахейскомъ союзѣ. Только Этолійскій союзъ, Аѳины и Элида остались независимыми. Этолійцы пытались попатнуть македонское преобладаніе. Но такъ наз. союзническая война (220—217 г.) этолійцевъ съ преемникомъ Антигона Филиппомъ V (219—179), дѣйствовавшимъ въ союзѣ съ ахейцами, не измѣнила положенія. Однако, и преобладанію Македоніи въ Греціи скоро пришелъ конецъ: *у Македоніи явился новый соперникъ. Это былъ Римъ.*

VIII. Періодъ римскаго владычества. А. *Подчиненіе западныхъ грековъ Риму* (282—212 г.). Греческія общины Южной Италіи, терзаемыя классовой борьбой (Θуріи, Тарентъ), уже въ началѣ III вѣка (282—272 г.) подчинились Римскому государству, покорившему себѣ ранѣе въ теченіе IV в. Среднюю Италію.

Затѣмъ наступила очередь *Сициліи*. Вскорѣ послѣ борьбы съ Аѳинами въ концѣ V вѣка наиболѣе значительное греческое государство здѣсь—Сиракузское—опять перешло подъ власть тирановъ, опиравшихся на войско и низшіе классы (правленіе *Діонисія Старшаго*, 405—367, и *Діонисія Младшаго*, 367—357 и 346—344 г.). Сравнительная устойчивость тиранніи въ Сициліи въ эту эпоху объясняется въ значительной степени тѣмъ, что борьба съ Карѳагеномъ, утвердившимся въ западной части острова, требовала централизаціи власти, особенно военной. Торжество демократіи въ Сиракузахъ въ 344 г. (вождь демократовъ Тимолеонъ) оказалось непрочнымъ: въ послѣднія десятилѣтія IV вѣка мы видимъ здѣсь вновь ожесточенную борьбу имущихъ и неимущихъ, пока, подъ вліяніемъ опасности со стороны Карѳагена и утомленія общества отъ соціальной борьбы, власть опять не сосредоточилась въ рукахъ тиранна *Агаѳокла* (ок. 320—289 г.), который подчинилъ Сиракузамъ восточную часть Сициліи. Карѳагенъ не могъ смотрѣть равнодушно на такое усиленіе Сиракузъ и началъ съ Агаѳокломъ ожесточенную борьбу, во время которой Агаѳоклъ высаживался даже въ Африкѣ и поставилъ однажды Карѳагенское государство въ крайне трудное положеніе. Карѳагенъ избѣгъ катастрофы лишь потому, что въ Сициліи вспыхнуло возстаніе противъ Агаѳокла. Агаѳоклу, однако, удалось заключить миръ съ Карѳагеномъ (305 г.) и укрѣпить свое положеніе не только въ Сициліи, но и въ Южной Италіи и даже и на Іонійскомъ морѣ (Коркира). Послѣ его смерти смута въ Сиракузскомъ государствѣ возобновилась, пока ок. 268 г. здѣсь не захватилъ власть *Гіеронъ II* (съ 268—215 г.). Остальная Сицилія въ это время была захвачена римлянами послѣ продолжительной борьбы съ упорно оспаривавшими у нихъ господство на островѣ карѳагенянами (*Первая Пуническая война* 264—241 г.). Во вторую чоло-

вину 2-й Пунической войны послѣ смерти Гіерона (215 г.) Сиракузское государство перешло подъ власть Рима (212 г.). Нѣкоторые города Сициліи сохранили самоуправленіе въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Б. Борьба Македоніи и восточныхъ грековъ съ Римомъ (ок. 220—146 г.). Для исторіи этого времени главнымъ источникомъ являются Полибій, основавшіеся, главнымъ образомъ, на немъ Ливій, Аппіанъ, Плутархъ, а также—надписи.

Укрѣпленіе римлянъ на югѣ Италіи и въ Сициліи скоро втянуло ихъ и въ дѣла Балканскаго полуострова. Еще въ 228 г. борьба съ иллирійскими пиратами привела ихъ къ захвату Коркиры и утвержденію въ нѣкоторыхъ пунктахъ иллирійскаго побережья Іонійскаго моря. Филиппъ V Македонскій понялъ опасность, возникавшую отъ утвержденія Рима на Балканскомъ полуостровѣ, и потому во Вторую Пуническую войну сталъ на сторону Карѳагена, хотя и не проявилъ особой энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ (такъ наз. *1-ая Македонская война* ок. 215—205 г.). Уже въ эту войну Римъ нашелъ союзниковъ въ Элладѣ въ лицѣ этолійцевъ, аѳинянъ и Спарты. Въ этой послѣдней установилась демагогическая военная тираннія, сначала въ лицѣ Маханида, а затѣмъ—Набиса. Ахейскій союзъ (стратегъ Филопеменъ) оставался на сторонѣ Македоніи. Притязанія Филиппа на расширеніе своего господства на счетъ этолійцевъ и ихъ союзниковъ повели къ тому, что этолійцы и многія греческія государства стали искать поддержки у римлянъ. Ахейцы сохраняли долгое время нейтралитетъ и лишь позднѣе перешли на сторону Рима. Вспыхнула *2-ая Македонская война* (200—197), кончившаяся побѣдой Рима. Македонія была введена въ старыя границы, греки—объявлены свободными. Исторія Греціи въ ближайшія десятилѣтія сводится къ соперничеству Ахейскаго союза съ этолійцами и со Спартой и къ ожесточенной классовой борьбѣ внутри греческихъ обществъ. За содѣйствіе, оказанное этолійцами Сирійскому царю Антіоху Великому, съ которымъ Римъ велъ войну (Сирійская война 192—190), и за непослушаніе римлянамъ этолійцы были наказаны потерей части владѣній и подчиненіемъ Риму (189 г.). Ахейскій союзъ, напротивъ, временно усилился, распространивъ свое владычество даже на Спарту, хотя это подчиненіе было непрочнымъ, ибо въ Спартѣ была сильна анти-ахейская партія. Въ городахъ Ахейскаго союза на сторонѣ Рима стояли зажиточные элементы, надѣявшіеся, что Римъ устранитъ опасность непрерывныхъ соціальныхъ революцій (еще въ 198 г. Набисъ, захвативши Аргосъ, предпринялъ здѣсь передѣлъ земель и уничтоженіе долговыхъ обязательствъ; въ Спартѣ онъ допустилъ ограбленіе спартіатовъ чернью); напротивъ, за независимость стояли демократическіе элементы, надѣявшіеся найти поддержку противъ Рима въ Македоніи. Новое столкновеніе Рима съ преемникомъ Филиппа *Персеемъ* (*3-я Македонская война* 171—168 г.) кончилась уничтоженіемъ Македонской самостоятельности (Македонія была разбита на 4 области, зависимыя отъ Рима). Цѣлый рядъ греческихъ общинъ, ставшихъ на сторону Македоніи въ этой войнѣ, былъ Римомъ жестоко наказанъ: была установлена олигархія, масса демократовъ продана въ рабство. Родосъ за сочувствіе Македоніи понесъ тоже тяжелую кару: римляне объявили порто-франко на *о. Делосъ*, и торговый центръ перемѣстился сюда. Новое столкновеніе Ахейскаго союза со Спартой привело къ новому вмѣшательству римлянъ, сначала въ роли судьи. Но ахейская демократія, недовольная рѣшеніемъ суда, начала войну, кончившуюся полнымъ разгромомъ Ахейской федераціи и ея союзниковъ (разрушеніе Коринѳа въ 146 г.). *Македонія*, гдѣ тоже вспыхнуло возстаніе, была превращена въ римскую *провинцію*; значительная часть владѣній Ахейскаго союза (Коринѳъ, Беотія, Эвбея) присоединена къ этой же провинціи и обложена данью въ пользу Рима. Другіе города Греціи тоже стали въ фактическую зависимость отъ римлянъ, хотя сохранили мѣстное самоуправленіе. Особой провинціи изъ Греціи въ это вре-

мя образовано еще не было. Внутри городовъ римляне поддерживали *господство имущихъ* (полное право гражданства было основано на цензѣ).

Въ 133—129 г. римляне пріобрѣли Пергамское царство въ Малой Азіи, образовавъ здѣсь *провинцію Азію* и начавъ, такимъ образомъ, подчиненіе и мало-азійскихъ грековъ.

Такъ греческія общины постепенно вошли въ составъ Римскаго государства. Политическое объединеніе, которое уже съ IV вѣка стало необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго нормальнаго существованія греческихъ общинъ и котораго не создали ни сами греки, ни македоняне, было произведено Римомъ, но оно знаменовало въ то же время и гибель самостоятельности греческихъ государствъ-городовъ.

B. Грецiя подъ римскимъ владычествомъ. Еще разъ въ Греціи проявилось движеніе къ независимости въ началѣ I вѣка до Р. Х., когда понтійскій царь *Митридатъ Эвпаторъ*, объединившій подъ своею властью значительную часть восточнаго побережья Чернаго моря отъ береговъ Малой Азіи до береговъ Крыма включительно, началъ борьбу съ римлянами. Большая часть эллин. городовъ М. Азіи и Европ. Греціи стала на сторону Митридата. Особенно низшіе классы, обремененные римскими налогами, видѣли въ Митридатѣ избавителя. Римскіе капиталисты въ провинціи Азіи были перебиты (88 г.). Но побѣды Суллы вернули грековъ подъ римское владычество.

Въ эпоху борьбы Цезаря съ Помпеемъ, цезаріанцевъ съ убійцами Цезаря и Октавіана съ Антоніемъ—Грецiя, бывшая неоднократно театромъ военныхъ дѣйствій, очень страдала отъ этихъ смутъ, весьма подрывавшихъ ея экономическое и культурное благосостояніе.

Въ 27 г. Августъ отдѣлилъ Грецію отъ Македоніи и образовалъ особую *провинцію Ахаію*, управлявшуюся римскимъ проконсуломъ, имѣвшимъ резиденцію въ Коринѳѣ (Ахаія была отнесена къ числу сенатскихъ, а не императорскихъ провинцій). Большая часть ея была обложена податями въ пользу Рима. Города сохранили самоуправленіе (одни — въ большей, другіе — въ меньшей степени), а нѣкоторые изъ нихъ даже были освобождены отъ римскихъ налоговъ. Что касается внутренняго устройства городовъ, то Римъ стремился поддерживать господство имущихъ. Грецiя въ эпоху ранней Имперіи (I—II вѣка) пользуется такимъ спокойствіемъ, какого она не знала ранѣе. Однако, отъ этого мира растетъ экономическое благосостояніе лишь азіатскихъ грековъ. Европейская Грецiя переживаетъ глубокій экономическій упадокъ. Главная причина заключается въ томъ, что уже въ эллинистическій періодъ торговые пути стали перемѣщаться въ связи съ новымъ направленіемъ торговли, сосредоточившейся, гл. обр., въ эллинистическихъ монархіяхъ. Экономическій ростъ Рима и римскаго запада еще болѣе отвлекъ торговые пути отъ Европейской Греціи. Большинство здѣшнихъ городовъ превратилось въ маленькія мѣстечки. Даже Аѳины являются въ эту эпоху лишь культурнымъ центромъ, влекущимъ къ себѣ образованныхъ людей въ силу интереса ихъ къ славному прошлому этого города. Торговое значеніе имѣютъ только *Коринѳъ*, расположенный на пути, соединявшемъ Эгейское море съ Іонійскимъ, да еще возстановленныя Августомъ *Патры* и основанный имъ же на мѣстѣ побѣды при Акціи *Никополь* (въ Эпирѣ).

Однако, упадокъ Европейской Греціи въ эпоху римскаго владычества отнюдь еще не говоритъ объ упадкѣ греческой націи. Разселеніе грековъ въ Передней Азіи и Сѣв.-вост. Африкѣ продолжается и въ римское время; теперь греки находятъ приложеніе своему труду и на западѣ. Роль грековъ въ культурной жизни Римской Имперіи огромна. Сама римская образованность есть лишь развѣтвленіе эллинистической.

Дальнѣйшая исторія Греціи тѣсно сливается съ исторіей Римской Имперіи, а позднѣе съ исторіей Византіи.

Важнѣйшая литература. Главныя общія сочиненія по исторіи древней Греціи указаны въ очеркѣ исторіографіи, помѣщенномъ въ нача-

лѣ этой статьи. Ср. также *Р. Ю. Виппперъ*, „Лекціи по исторіи Греціи“ (ч. I, 3 изд., 1909). Болѣе подробныя библіографическія указанія можно найти у *Пёльмана*, „Очеркъ греческой исторіи и источниковѣдѣнія“, пер. съ 4-го нѣм. изд. подъ ред. проф. С. А. Жебелева, 1910 и у *В. П. Бузескула*, „Введеніе въ исторію Греціи“, изд. 2-ое, 1904 и „Краткое введеніе въ исторію Греціи“, 1910. Далѣе, указаны нѣкоторыя сочиненія по отдѣльнымъ вопросамъ.

Къ I отд. Очеркъ греч. историографіи—*Бузескулъ*, назв. соч. и *Wachsmuth*, „Einleitung in das Studium der alten Geschichte“, 1895.

Къ III отд. *Neumann und Partsch*, „Physikalische Geographie von Griechenland“, 1885.

Къ IV отд. литература по эгейской культурѣ нынѣ очень велика. Общій обзоръ матеріала даютъ: *Ed. Meyer*, „Geschichte des Altertums“, I томъ, 2-я часть, 2-е изд., 1909; *Dussaud*, „Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la Mer Egée“, 1910 (довольно подробная библіографія, много фактическаго матеріала; собственные выводы слабы); *Lichtenberg*, „Die Aegäische Kultur“, 1911 (есть мало обоснованныя гипотезы); *Fimmen*, „Zeit und Dauer der kretisch-mykenischen Kultur“, 1909 (превосходное изслѣдованіе). На рус. яз. ср. *С. Сингалевичъ*, „Критъ въ началѣ историческаго существованія“ (1911).

Къ V отд. Прекрасный обзоръ гомеровскаго вопроса и привходящихъ проблемъ даетъ *Finsler*, „Homer“, 1908. См. также *Drerup*, „Homer“, 1903.

Къ VI отд. Фактическій матеріалъ относительно второстепенныхъ греческихъ государствъ сгруппированъ у *Gilbert*, „Handbuch der griech. Staatsaltertümer“, т. II, 1885. Для исторіи Аѳинъ см. *Бузескулъ*, „Исторія Аѳинской демократіи“, 1909. Обзоръ государств. учрежденій Аѳинъ и Спарты у *В. В. Латышева*, „Очеркъ греческ. древностей“, т. I, изд. 3-е (значительно дополненное), 1897. О Спартѣ см. также *М. Хвостовъ*, „Хозяйств. переворотъ въ древней Спартѣ“ (1901). О количествѣ народонаселенія см. *Beloch*, „Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt“, 1886 и *Ed. Meyer*, „Bevölkerung des Altertums“ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ *Конрада* (Conrad), 3-е изд., 2-й т., 1909, стр. 898—913. По эконом. исторіи Греціи см. *Эд. Мейеръ*, „Экономич. развитіе древняго міра“, пер. М. О. Гершензона; *Guiraud*, „La propriété foncière en Grèce“, 1893; *его же*, „La main d'oeuvre industrielle“, 1900; *Francotte*, „L'industrie dans la Grèce ancienne“, I—II, 1900.

Къ VII отд. *Kaerst*, „Gesch. des hellenistischen Zeitalters“, I и II, 1, 1901—1909; *Niese*, „Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chäronea“, томъ I—II, 1893—1899; *Ferguson*, „Hellenistic Athens“ (1911).

Къ VIII отд. *Mahaffy*, „The silver Age of the Greek World“, 1906; *Niese*, указ. соч., т. III, 1903; *Моммсенъ*, „Римская исторія“, т. V; *С. А. Жебелевъ*, „Ἀχαικά“, 1903 (очень полный и основательный разборъ данныхъ, относящихся къ государств. устройству Греціи въ эпоху римскаго владычества). *М. Хвостовъ.*

Древне-греческая литература. Когда говорятъ о г. л., то обыкновенно имѣютъ въ виду древнегреческую литературу и при томъ, главнымъ образомъ, классическій періодъ ея исторіи. Именно въ этотъ періодъ созданы тѣ великія художественныя творенія, которыя на протяженіи 25 вѣковъ остаются предметомъ любимаго чтенія и желательнаго изученія у всѣхъ образованныхъ народовъ.

Первые дошедшіе до насъ памятники греческой поэзіи относятся къ эпохѣ колонизаціи греками острововъ и Малой Азіи. Къ тому времени, когда заканчивался процессъ этой колонизаціи, обыкновенно пріурочиваютъ возникновеніе „Иліады“, надъ которой вѣетъ героическій и авантюристскій духъ этой эпохи. Существовала ли греческая литература до Гомера? Наука даетъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего самый гомеровскій эпосъ; высокія художественныя достоинства его, сложная техника формы, наличность традиціонной, складывавшейся вѣками фразеологіи ясно говорятъ о томъ, что гомеровскій эпосъ былъ не

началомъ, а завершеніемъ продолжительнаго литературнаго періода. Благодаря археологическимъ раскопкамъ, удалось установить фактъ существованія богато развитой культуры догомеровской эпохи. Наконецъ, въ историческія времена пользовались большой популярностью имена доисторическихъ поэтовъ, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, до насъ ничего не дошло. Только благоговѣйная память потомства и легендарныя сказанія, сложившіяся позднѣе, даютъ возможность сдѣлать кое-какія заключенія о догомеровской поэзіи. Повидимому, „родиной музъ“, мѣстомъ зарожденія греческой поэзіи была Піэрія, сѣверо-восточная часть Ѳессаліи. Здѣсь жили ѳракійцы, и ѳракійское происхожденіе приписываетъ преданіе большинству миѳическихъ пѣвцовъ догомеровской эпохи. Ѳракійцемъ былъ Орфей, патріархъ европейской поэзіи, чаровавшій своими пѣснями самихъ боговъ и бездушные камни. Далѣе, преданіе сохранило имена Мусея, ученика Орфея, Эвмолпа, Ѳамирида, о которомъ говорится во II пѣснѣ „Иліады“, и другихъ. Пѣсни этихъ пѣвцовъ были тѣсно связаны съ религіознымъ культомъ; это были гимны въ честь боговъ, составлявшіе часть богослуженія. Позднѣе въ эти гимны стали, вѣроятно, вплетать повѣствованія о царяхъ и герояхъ, которымъ приписывали божественное происхожденіе, о великихъ событіяхъ, въ которыхъ боги принимали, по народному убѣжденію, непосредственное участіе, и т. д. Такъ складывались былины, которыя были до „Иліады“ въ большомъ распространеніи.

Эти поэтическія религіозныя пѣсни были принесены греческими колонистами, ѳессалійскими ѳолійцами, на берега Малой Азіи, когда здѣсь началась жестокая борьба грековъ съ туземцами за обладаніе берегами. Колонизаторы, являвшіеся сюда въ поискахъ новыхъ земель и богатствъ, среди туземнаго населенія особенно чтили и цѣнили пѣвцовъ, хранившихъ національныя преданія и вѣрованія въ своихъ пѣсняхъ. Героическія усилія, которыя пришлось проявлять грекамъ въ борьбѣ съ туземцами, дали новый матеріалъ для поэзіи, породили новыя легенды о герояхъ и ихъ подвигахъ. Ахиллесъ былъ любимымъ центральнымъ героемъ этой поэзіи. Перенесенныя изъ ѳолійскаго побережья на іонійское эпическія пѣсни о силѣ Ахиллеса подверглись измѣненіямъ и дополненіямъ и здѣсь, въ Іоніи, получили ту обработку, которая въ своемъ болѣе или менѣе истинномъ видѣ дошла до насъ подъ именемъ „Иліады“. Завоеватели, послѣ завершенія процесса колонизаціи, зажили веселой и роскошной жизнью. И эта рыцарская аристократія любила слушать пѣсни о подвигахъ предковъ, о трагическихъ событіяхъ, сопровождавшихъ многовѣковую борьбу, и болѣе всего пѣсни объ осадѣ и взятіи Иліона, или Трои, упорное сопротивленіе которой произвело, повидимому, особенно сильное впечатлѣніе на греческихъ завоевателей. Вторая поэма, „Одиссея“, появилась, по всей вѣроятности, позднѣе „Иліады“, по крайней мѣрѣ, на цѣлое столѣтіе. Главные вопросы, связанные съ обѣими поэмами, это—вопросы объ авторѣ ихъ и о времени ихъ возникновенія. Греческая традиція приписывала ихъ Гомеру, геніальному слѣпому пѣвцу, и это убѣжденіе оставалось преобладающимъ почти до конца XVIII вѣка. Окончательный ударъ традиціи (въ достовѣрности которой уже раньше высказалъ сомнѣніе итальянскій ученый Вико, 1668 — 1744) нанесъ Ф.-А. Вольфъ своими „Prolegomena“ (1795 г.). Онъ положилъ начало безпримѣрной въ исторіи литературы полемикѣ. Всѣ толкователи поэмъ раздѣлились на два враждующіе лагеря. Одна группа отстаивала и развивала идею Вольфа о коллективномъ творчествѣ, продуктомъ котораго были поэмы. Другая доказывала единство поэмъ и, согласно традиціи, приписывала ихъ одному творцу. Полемика эта привела къ третьему примирительному воззрѣнію, основанному на тщательномъ анализѣ поэмъ, который помогъ выдѣлить въ каждой поэмѣ основное ядро, быть можетъ, дѣйствительно принадлежавшее одному поэту, и болѣе или менѣе основательно намѣтить отдѣльные эпизоды, которые явились результатомъ позднѣйшихъ вставокъ. Эти вставки возникали подъ вліяніемъ субъективныхъ вкусовъ, настроеній и требованій времени. Напр.,

перечисленіе кораблей и народовъ, явившихся къ стѣнамъ Иліона (въ концѣ II п. „Иліады"), производитъ такое впечатлѣніе, будто нѣсколько пѣвцовъ состязались каждый въ прославленіи своей общины. Возможно, что позднѣйшіе пѣвцы, дѣлая эти вставки, стремились каждый при помощи нихъ выдѣлить почетную роль своей родины въ знаменитомъ походѣ. Особенно большимъ измѣненіямъ подверглось ядро „Иліады". Что касается времени возникновенія поэмъ, то, по всей вѣроятности, гомеровскій эпосъ въ главныхъ своихъ частяхъ сложился не позже VIII в.,—по крайней мѣрѣ, въ VII вѣкѣ греческіе поэты уже знаютъ о немъ. Но наиболѣе древнія пѣсни восходятъ, вѣроятно, къ IX и даже X столѣтію до Р. Х. Въ то время, какъ ученые затрачиваютъ столько усилій, чтобы разсѣять туманъ, окутывающій гомеровскія поэмы, читающее человѣчество не перестаетъ восторгаться этими первыми извѣстными намъ созданіями европейской поэзіи. Оно мало интересуется историческими изысканіями, оно одинаково наслаждается и художественнымъ единствомъ замысла и величественными эпизодами. Самая отдаленность эпохи, смущающая спеціалиста, сглаживаетъ противорѣчія въ глазахъ обычнаго читателя. Загадочный сфинксъ для исторической науки, гомеровскій эпосъ остается простымъ и свѣтлымъ твореніемъ для читающей публики. Яркая картина жизни великаго культурнаго народа, богатѣйшее собраніе откровеній ума и сердца, неисчерпаемый источникъ для пониманія человѣческихъ чувствъ и страстей, повѣсть раннихъ житейскихъ и соціальныхъ конфликтовъ,—гомеровскій эпосъ остается любимой книгой человѣчества, могучимъ основаніемъ, на которомъ воздвиглось грандіозное зданіе европейскаго творчества. Тридцать столѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ эпохи появленія поэмъ, раскрываютъ передъ нами особенности ея отдаленной культуры. Эта культура, рожденная духомъ предпріимчивости, требовала отъ человѣка двухъ главныхъ свойствъ: мужества и находчиваго ума. Беззавѣтная отвага и хитрый изобрѣтательный умъ—высшія качества, обезпечивавшія человѣку той эпохи право на главенство. Задачи и потребности времени всегда опредѣляютъ его идеалы. Безстрашный Ахиллъ и хитроумный Одиссей были идеалами гомеровскаго времени. Храбрый воинъ и предпріимчивый торговецъ соединялись тогда въ одномъ лицѣ. Смѣлость и хитрость были самыми вѣрными орудіями человѣка въ его борьбѣ за существованіе. Духъ безстрашія и силы, духъ воинской доблести по преимуществу опочилъ на „Иліадѣ", коварство и находчивость предпріимчиваго мореплавателя-торговца — главный сюжетъ „Одиссеи". Это—эпосъ вождей. Онъ отражаетъ идеалы той общественной группы, которая сыграла главную роль въ исторіи колонизаціи, въ исторіи торгово-военныхъ предпріятій. Эти пѣсни пѣлись для нихъ и ихъ потомковъ. Творецъ или безымянные творцы ихъ пѣли эти пѣсни на пирахъ въ родѣ того, который изображенъ въ „Одиссеѣ" во дворцѣ феакійскаго царя. Если эта поэзія свободна отъ тенденціи, то лишь въ томъ смыслѣ, что она служитъ задачамъ чистаго увеселенія и безкорыстнаго наслажденія знатныхъ. Аристократическая тенденція поэмъ сказывается прежде всего въ культѣ вождей, въ полномъ почти отсутствіи героевъ изъ народа, въ инстинктивномъ уваженіи къ количеству вѣтокъ родословнаго дерева, въ глубокомъ знаніи геральдики, какъ сказали бы мы въ настоящее время, въ высокомѣрномъ пренебреженіи къ народнымъ массамъ. Военно-торговая аристократія выработала свои критеріи морали. Это люди вспыльчивые, полагающіеся только на свою силу, люди въ то же время алчные, вступающіе въ пререканія при дѣлежѣ добычи. Посѣщая другъ друга, цари обмѣниваются подарками, при чемъ гость осматриваетъ ихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, заботится о томъ, чтобы подарки были цѣнными, старается собрать ихъ побольше. Довольство и богатство хозяина выставляются крикливо на показъ. „Будто ужъ въ домѣ моемъ ни покрововъ, ни мягкихъ постелей нѣтъ, чтобы и самъ я и гости мои насладились покойнымъ сномъ?",—самодовольно замѣчаетъ старецъ Несторъ, не отпуская Телемаха ночевать

на корабль. Въ домѣ Антиноя мы застаемъ тонкость обращенiя, своего рода этикетъ съ сложными правилами, обильный штатъ прислуги съ опредѣленными функцiями. Это аристократическое общество обладаетъ уже артистическими вкусами. Дворецъ Алкиноя—удивительное созданiе искусства. Пѣвцы — необходимое украшенiе пировъ. Пѣвецъ „вдохновеньемъ богамъ высокимъ подобенъ“. Герои эпоса завоевали себѣ эту счастливую жизнь своей личной храбростью. Они, а не массы рѣшаютъ исходъ битвъ. Они не боятся и ищутъ приключенiй. Тристанъ и Парсифаль — ихъ потомки. Эдуардъ Мейеръ справедливо сближаетъ эпоху Гомера съ германскимъ средневѣковьемъ, какъ „эпоху могущества знати, рыцарскихъ подвиговъ и геройской пѣсни“. На народныя массы авторъ эпоса смотритъ окомъ избранныхъ. Въ противоположность царямъ, ярко очерченнымъ фигурамъ, народныя массы образуютъ сѣрый однотонный фонъ. Единственный представитель народныхъ массъ Θерситъ, дерзнувшiй перечить царямъ, изображенъ въ видѣ жалкаго презрѣннаго урода. Гомеръ заклеймилъ Θерсита такими позорными чертами, что онъ въ теченiе вѣковъ оставался символомъ трусости и гнусности. А между тѣмъ протестъ Θерсита, это—ранній протестъ массъ, предвѣстiе будущаго демократическаго порядка и строя мыслей. Онъ возстаетъ противъ алчности вождей („Жаждешь ли злата еще?... Хочешь ли новой жены?“), не желаетъ оставаться безгласнымъ членомъ собранiя, подаетъ свой голосъ въ ссорѣ между двумя царями и принимаетъ сторону Ахиллеса. Онъ подчеркиваетъ ту мысль, что безъ солдатскихъ массъ вожди были бы безсильны вести войну и что добычей своей они обязаны именно этимъ массамъ.

И не только общiй тонъ поэмъ, особенно „Iлiады“, приводитъ къ выводу о томъ, что эпосъ былъ не всенародной поэзiей, а поэзiей опредѣленныхъ группъ общества. Самая религiя поэмъ—религiя именно этого круга. Изъ всенародной религiи, изъ всей массы религiозныхъ представленiй и обрядовъ въ эпосѣ отсутствуютъ многiе, которые составляли основу религiи массъ. „Изученiе коренныхъ греческихъ вѣрованiй и богослуженiй,—говоритъ извѣстный знатокъ античной поэзiи (В. Ивановъ) — изслѣдованiе мѣстныхъ культовъ, исторiя мiеа и обряда приводятъ насъ къ выводу, что община пѣвцовъ заимствовала изъ этой религiи и „возвела въ перлъ созданiя“ лишь то немногое, что соотвѣтствовало интересамъ воинскаго и владѣтельнаго круга, къ которому она первоначально обращалась“. „Одиссея“ представляетъ собою менѣе законченное отраженiе этой культуры. Въ ней уже пробиваются черты будущаго, чувствуется нѣкоторое освобожденiе человѣка отъ безусловной власти боговъ, развитiе личной инiцiативы, мирныхъ международныхъ торговыхъ сношенiй. Ахиллесъ—истинный рыцарь. Онъ не захваченъ духомъ алчности и наживы, какъ другiе герои. Во время ссоры съ Агамемнономъ въ немъ больше оскорблено чувство справедливости, чѣмъ инстинктъ жадности. И въ его гнѣвѣ и въ его примиренiи съ ахеянами преобладаютъ идеалистическiе мотивы; вопросъ о добычѣ отступаетъ на второй планъ при извѣстiи о смерти его друга Патрокла, и Ахиллесъ охваченъ весь только порывомъ мести. Этотъ порывъ смѣняется порывомъ великодушiя при видѣ рыдающаго старца Прiама, умоляющаго побѣдителя вернуть ему тѣло Гектора. Вообще, вспыльчивость, быстрый переходъ отъ одного чувства къ другому, одинаковое величiе въ любви и въ гнѣвѣ, въ мести и и въ состраданiи, беззавѣтное мужество и необыкновенная физическая сила,—всѣ эти рыцарскiя доблести сдѣлали Ахиллеса идеаломъ для послѣдующихъ поколѣнiй. Если героизмъ эпохи въ его высшихъ чертахъ вылился въ образъ Ахиллеса, то практическiй духъ предпрiимчивости и любознательности нашли свое воплощенiе въ лицѣ Одиссея. Онъ—„мужъ, преисполненный козней различныхъ и мудрыхъ совѣтовъ“. Изобрѣтательность, осторожность и находчивость—его главныя свойства. Онъ всегда умѣетъ быстро орiентироваться въ чуждой обстановкѣ, среди незнакомыхъ людей, среди невѣдомыхъ нравовъ и обычаевъ. Хладнокровiе, рѣдкое самообладанiе и хит-

рость помогаютъ ему выходить невредимымъ изъ самыхъ затруднительныхъ и опасныхъ положеній. Онъ — тонкій психологъ и сердцевѣдъ. Долгія странствованія, многочисленныя встрѣчи, разнообразіе странъ и народовъ, съ которыми онъ сталкивался,—все это даровало ему великій опытъ, развило въ немъ способность быстро разбираться въ характерѣ людей, съ первыхъ словъ опредѣлять своего собесѣдника, — наконецъ, искусно пользоваться слабыми сторонами его натуры. Хитрость, обманъ, даже предательство— все это орудія Одиссея. Ему чужда прямота Ахиллеса. Герой „Иліады“— весь порывъ. Герой „Одиссеи“—воплощенный разсчетъ. Его умъ—прежде всего практическій умъ. Его мораль— прежде всего утилитарная. Онъ ищетъ новыхъ земель, онъ устремляется внутрь страны, гдѣ обитаетъ народъ циклоповъ „въ надеждѣ, что насъ угостивши, дастъ намъ подарокъ“. Но Одиссею не чужда и та безкорыстная пытливость, тотъ духъ авантюриста-изслѣдователя, тотъ этнографическій интересъ, которые развиваются на почвѣ мореплаванія и торговыхъ предпріятій. Онъ любитъ открывать новыя страны, знакомиться съ невѣдомыми учрежденіями, нравами и обычаями, любитъ таинственныя опасности и сказочныя приключенія, встрѣчающіяся на этомъ пути. Отважно идетъ онъ къ циклопамъ, желая узнать, „какой тамъ народъ обитаетъ, дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій вѣры и правды, или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный“. Въ странѣ циклоповъ его поражаетъ, что у нихъ не существуетъ „ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ“.

Гомеровская традиція долго не умирала въ Эллядѣ и послѣ завершенія процесса окончательнаго образованія поэмъ. Процессъ этотъ, какъ мы указывали, завершился къ началу VII вѣка. „Иліада“ и „Одиссея“ не остались единственными памятниками героическаго періода. У Гомера были послѣдователи, болѣе или менѣе даровитые и оригинальные пѣвцы, аэды, которые питались изъ того же источника, что и творецъ или творцы двухъ знаменитыхъ поэмъ. Эти эпическія поэмы, получившія названіе киклическихъ, появившіяся уже послѣ 700 года, не дошли до насъ. Только по скуднымъ остаткамъ, иногда по нѣсколькимъ стихамъ, мы знаемъ о существованіи „Малой Иліады“, „Кипріи“, „Разрушенія Трои“ и т. д. Пока существовали дворы царей, пѣвцы продолжали обрабатывать преданія, но эти обработки были ниже двухъ великихъ поэмъ, потому что все богатое художественное содержаніе этихъ преданій было почти цѣликомъ исчерпано въ нихъ. Съ упадкомъ эпоса аэды постепенно превращаются въ рапсодовъ, т. е. пѣвцы, являвшіеся одновременно и авторами, становятся только декламаторами. Рапсоды распространяли „Иліаду“ и „Одисеею“ по всей Греціи. Имя Гомера было окружено такимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ, что долгое время ему приписывались и всѣ новыя поэмы. Съ упадкомъ придворной жизни и съ распространеніемъ демократіи, живой источникъ, питавшій эпическое творчество, изсякъ, новыя творенія стали искусственными, формальными подражаніями Гомеру. Новые слушатели требовали новыхъ пѣсенъ, на площадяхъ большій интересъ возбуждала лирическая хоровая пѣсня, и рапсодамъ приходилось отвѣчать новымъ вкусамъ. Такимъ образомъ, эпосъ уступалъ постепенно мѣсто лирической поэзіи. Для того, чтобы покончить съ гомеровской традиціей, необходимо остановиться еще на нѣсколькихъ памятникахъ, которые преданіе связывало съ именемъ Гомера. Къ числу ихъ принадлежатъ такъ называемые гомеровскіе гимны, которые распѣвались рапсодами въ честь боговъ и дошли до насъ въ количествѣ тридцати трехъ; юмористическія поэмы „Война мышей и лягушекъ“ и „Маргитъ“. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя поэма, повидимому, болѣе древняя и болѣе яркая, не дошла до насъ. Объ ея огромномъ литературномъ значеніи свидѣтельствуетъ заявленіе Аристотеля, который въ своемъ трактатѣ „Объ искусствѣ поэзіи“ говоритъ, что она положила начало комедіи, подобно тому какъ „Иліада“ и „Одиссея“ положили начало трагедіи. Слѣдуя традиціи, Аристотель приписалъ „Маргита“ Гомеру. Но въ дѣйствительности авторъ поэмы не извѣ-

стенъ. Поэма „Война мышей и лягушекъ“, образчикъ комическаго эпоса, менѣе цѣнный, чѣмъ „Маргитъ“, дошла до насъ. Она представляетъ собою остроумную пародію на войну грековъ и троянцевъ, при чемъ сохранены основныя черты героическаго эпоса; боги принимаютъ участіе въ борьбѣ воюющихъ, изображаются поединки наиболѣе славныхъ героевъ, перечисляются имена павшихъ и т. д. Время возникновенія и авторъ поэмы остаются спорными до сихъ поръ. Возможно, что поэма вышла не изъ гомеровской, а изъ гесіодовской школы, которая была реакціей іонической поэзіи и въ средѣ которой могла возникнуть мысль о выступленіи съ открытой сатирой на воинственно-романтическія пѣсни, услаждавшія слухъ аристократическаго общества.

По мѣрѣ того, какъ тускнѣла гомеровская традиція, имя Гесіода выдвигалось на первый планъ, и онъ сталъ символомъ другого направленія, которое явно противополагалось героическому эпосу. Сохранилось небольшое, относящееся къ эпохѣ императора Адріана сочиненіе „Состязаніе Гесіода и Гомера“, въ которомъ изображенъ поединокъ между обоими поэтами. Они встрѣтились въ Халкидѣ на о. Эвбеѣ, на играхъ, которыя были устроены въ честь царя Амфидаскаса. Вѣнецъ побѣдителя уже хотѣли возложить на голову Гомеру, но Панидъ, судья на играхъ, объявилъ, что вѣнца заслуживаетъ тотъ, кто воспѣваетъ земледѣліе и мирныя занятія, а не тотъ, кто восхваляетъ войну и убійства. Преданія о такомъ состязаніи обоихъ поэтовъ сложились во многихъ мѣстностяхъ, свидѣтельствуя о томъ, что борьба двухъ школъ въ народномъ представленіи получила опредѣленное идейное значеніе. Извѣстное вступленіе къ гесіодовской „Θеогоніи“ говоритъ намъ о томъ, что самъ поэтъ противополагалъ свою поэзію гомеровской, что онъ выступилъ съ опредѣленной тенденціей. Музы Геликона, вручая ему лавровую вѣтвь, въ противоположность поэтамъ, говорящимъ красивую ложь, завѣщали ему говорить одну неприкрашенную правду и учить житейской мудрости. Первое столкновеніе романтизма и реализма, принципа искусства для искусства съ дидактической и утилитарной поэзіей!

О Гесіодѣ мы знаемъ нѣсколько больше, чѣмъ о Гомерѣ. Это, дѣйствительно, реальная личность. Геродотъ и вся Грецiя считали его современникомъ Гомера. Дѣятельность Гесіода обыкновенно относятъ къ VIII — VII столѣтію, къ эпохѣ начинающагося упадка героическаго эпоса. Происходя тоже изъ Малой Азіи, онъ подъ вліяніемъ бѣдности переселился въ Беотію вмѣстѣ съ отцомъ Діемъ. Въ его лицѣ, такимъ образомъ, передъ нами новый типъ поэта. Вмѣсто пѣвца-увеселителя, желаннаго гостя царей, какимъ преданіе рисовало Гомера, Гесіодъ представляетъ собою поэта-труженика, органически связаннаго съ землею, ведущаго суровую борьбу за существованіе. Гомеръ пѣлъ, Гесіодъ пасъ стада. Въ европейской Греціи шли усобицы, совершались передвиженія народовъ, мелкіе землевладѣльцы были измучены тяжелой борьбой за существованіе, и поэзія Гесіода была отвѣтомъ на ихъ запросы. Гесіодовская школа успѣшно начала конкурировать съ гомеровскимъ направленіемъ и, какъ символически отмѣчено въ упомянутомъ преданіи о состязаніи, вскорѣ восторжествовала надъ ней. Центральное мѣсто среди произведеній этой школы принадлежитъ поэмѣ Гесіода „Труды и дни“. Если гомеровскій эпосъ былъ роскошью, великимъ украшеніемъ на пирахъ любимцевъ судьбы, то гесіодовская поэзія была насущнымъ духовнымъ хлѣбомъ бѣдняка. „Труды и дни“ были учителемъ и другомъ земледѣльца, въ нихъ онъ находилъ отвѣтъ не только на свои думы, но и дружескіе совѣты на всѣ случаи своей суровой жизни. Они удовлетворяли и его пытливости, такъ какъ здѣсь онъ находилъ разсказы о мірѣ и исторіи, вполнѣ отвѣчавшіе его представленіямъ; наконецъ, они были его утѣшеніемъ, такъ какъ они — поэтическое эхо его собственной скорби и тоски. У Гесіода — своя космогонія, своя историческая концепція, своя моральная философія и обширная система практическихъ житейскихъ правилъ. И его поэма не свободна отъ позднѣйшихъ вставокъ и искаженій, но онѣ не могутъ скрыть отъ насъ

стройности цѣлаго, единства точки зрѣнiя. Его взглядъ на удѣлъ человѣчества печаленъ, въ противоположность свѣтлому и жизнерадостному мiросозерцанiю, проникающему гомеровскiй эпосъ. Боги—не друзья, а враги человѣчества; трудъ и горе сдѣлали они удѣломъ человѣческаго рода. Зевсъ „измыслилъ человѣчеству гнетущую печаль“ за то, что Прометей обманулъ его. Гесiодъ воспроизводитъ проникнутое пессимизмомъ миѳическое сказанiе о Пандорѣ, объясняющее происхожденiе зла и страданiя. Пессимистической тенденцiей проникнуты и историческiя представленiя Гесiода. Легенда о пяти вѣкахъ жизни человѣчества, это символическая картина паденiя человѣчества, картина перехода отъ золотого вѣка къ ужасной современности, отъ поколѣнiя счастливыхъ, свободныхъ героевъ, чуждыхъ зла, къ испорченному поколѣнiю завистливыхъ и безчестныхъ людей. Въ поэмѣ мы находимъ и прямыя указанiя на современность, жалобы и протесты по поводу существующаго порядка, насилiя и произвола со стороны сильныхъ, упреки и увѣщанiя царямъ за ихъ алчность и несправедливости. Она—отголосокъ народнаго горя. Но она же и сводъ практической мудрости народной. Это—цѣлый кодексъ правилъ и совѣтовъ на всѣ случаи жизни, руководство честной трудовой жизни для земледѣльца. Здѣсь послѣдiй могъ найти подробныя указанiя о поведенiи по отношенiю къ богамъ, къ сосѣдямъ, о самообладанiи, о торговлѣ и обработкѣ земли. Другое знаменитое произведенiе гесiодовской школы, „Ѳеогонiя“, имѣла задачу—собрать въ одно цѣлое всѣ разнообразныя сказанiя о богахъ, дать ихъ подробную генеалогiю, дать въ руки народа простую и ясную картину происхожденiя мiра. Въ области религiи система Гесiода вскорѣ должна была восторжествовать надъ гомеровской. Она носила болѣе всенародный характеръ, давала объясненiе многимъ культамъ и связывала ихъ въ стройномъ единствѣ, такъ что каждая община находила мѣсто своимъ вѣрованiямъ въ этой системѣ. За „Ѳеогонiей“ слѣдовалъ „Перечень женщинъ“. Это произведенiе было какъ бы переходомъ отъ мiѳа къ исторiи. Здѣсь перечислялись женщины, съ которыми боги вступали въ связь и которыя были, благодаря этому, родоначальницами знатныхъ родовъ. Отъ этого „Перечня“ до насъ дошли скудные остатки, если не считать сравнительно большого отрывка о матери Геркулеса Алкменѣ, къ которому примыкаетъ поэма „Щитъ Геркулеса“, явное и слабое подражанiе извѣстному гомеровскому изображенiю щита Ахиллеса. По мѣрѣ того, какъ гесiодовское направленiе становилось болѣе популярнымъ, рапсоды, распространявшiе эпическiя пѣсни, усваивали прiемы гесiодовской школы. Генеалогическая и дидактическая поэзiя дала цѣлый рядъ поэтовъ, отъ которыхъ, впрочемъ, до насъ дошли только незначительные отрывки, какъ и отъ послѣдователей гомеровской школы. Обѣ школы нерѣдко перекрещиваются, поэты находятся подъ вліянiемъ обѣихъ, но постепенно эпическая традицiя умираетъ, уступая мѣсто лирикѣ, которая приходитъ на смѣну эпосу.

Лирика развивалась вмѣстѣ съ развитiемъ личности, съ развитiемъ сложной общественной борьбы, которой сопровождалось въ VII и VI столѣтiяхъ повсемѣстное паденiе царской власти, водвореniе аристократiи на ея мѣстѣ и демократическое движенiе противъ аристократiи. Патрiархальный строй жизни смѣняется развитiемъ города, широкихъ торговыхъ и промышленныхъ отношенiй. Этотъ процессъ требовалъ отъ личности проявленiя собственной инiцiативы и энергiи, самостоятельнаго отношенiя къ жизни, участiя въ выработкѣ новыхъ принциповъ, регулирующихъ осложнившiяся общественныя отношенiя. Обычай, традицiя, миѳологическое пониманiе мiра смѣняются правовымъ и рацiоналистическимъ воззрѣнiемъ на окружающiя явленiя. Немногiя эпохи могутъ соперничать съ VII и VI вѣками по разнообразiю мотивовъ поэзiи, по глубинѣ и прочности связи, соединяющей литературу и жизнь. Мы застаемъ въ эту эпоху широко развитую политическую и соцiальную поэзiю, отражающую чаянья отдѣльныхъ группъ; въ ней слышится и голосъ

обездоленныхъ классовъ, требующій соціальной и политической справедливости и призывающій проклятіе на голову богачей и аристократовъ. Въ ней звучитъ и голосъ этихъ послѣднихъ. Аристократы тоже запаслись новымъ оружіемъ, они отстаиваютъ свои старыя привилегіи и изощряютъ свое остроуміе въ насмѣшкахъ надъ грубыми мужиками, поднимающими голову и требующими себѣ равнаго съ ними мѣста. Далѣе, мы находимъ образцы воинственной лирики, зовущей на бой, на защиту родины, — лирики, проникнутой чувствомъ горячаго патріотизма. Военныя экспедиціи, бывшія въ гомеровскихъ поэмахъ затѣями царей, становятся теперь общенароднымъ дѣломъ. Граждане, когда-то отвѣчавшіе краткимъ „да“ на запросы сильныхъ, теперь призваны обстоятельствами къ политическому разсужденію, къ думамъ надъ судьбой государства; во всѣхъ классахъ общества пробуждается сознаніе своей личности и чувство человѣческаго достоинства, которыя въ эпосѣ были принадлежностью исключительно царей и героевъ. Поэзія отражаетъ и тѣ эпикурейскіе и эротическіе вкусы вырождающейся аристократіи, которые особенно развились во многихъ мѣстахъ Греціи благодаря свойствамъ климата, а также подъ вліяніемъ сближенія съ изнѣженнымъ востокомъ, подъ вліяніемъ тирановъ, создавшихъ въ своихъ резиденціяхъ пріюты искусствъ и утонченныхъ наслажденій, наконецъ, подъ вліяніемъ общаго роста богатствъ, вызваннаго развитіемъ промышленности и торговли. Это эпикурейское направленіе греческой поэзіи иногда отражаетъ жажду нездоровыхъ наслажденій, упоеніе порокомъ, возникшія на почвѣ пресыщенія. Этой же эпохѣ мы обязаны яркимъ расцвѣтомъ обличительной и сатирической поэзіи, которая вступила въ рѣшительную схватку со всѣми формами отживающаго строя жизни. Наконецъ, въ этой лирикѣ отражается процессъ разложенія миѳологическаго періода, торжество раціонализма, стремленіе къ критическому отношенію къ традиціи и къ раціоналистическому объясненію миѳовъ и преданій.

Формы лирической поэзіи уходятъ въ глубь отдаленныхъ временъ и берутъ свое начало въ народныхъ пѣсняхъ, бывшихъ въ ходу въ догомеровскія времена. Но только въ VII столѣтіи эти формы начинаютъ широко примѣнять поэты къ выраженію новыхъ чувствъ и настроеній. Греческая лирическая поэзія тѣсно связана съ музыкой и танцами, и поэтому съ утратой мелодій въ настоящее время классификація и точное опредѣленіе лирическихъ формъ недоступно намъ. Наиболѣе ранними лирическими родами были элегическій (двустишіе, въ которомъ первый стихъ гекзаметръ, а второй — пентаметръ) и ямбическій. Они, особенно первый, близки къ гекзаметру и, въ сущности, не были чисто лирическими размѣрами. Самымъ раннимъ изъ извѣстныхъ намъ элегическихъ поэтовъ является Каллинъ, эфесскій поэтъ, жившій въ концѣ VIII или въ началѣ VII столѣтія. Изобрѣтеніе ямбическаго размѣра приписывается паросскому поэту, геніальному Архилоху (въ первой половинѣ VII в.), котораго древніе греки ставили рядомъ съ Гомеромъ. Тотъ родъ поэзіи, который въ нашемъ теперешнемъ пониманіи болѣе всего подходитъ къ представленію о чистой лирикѣ, у грековъ носилъ названіе мелической. Первый крупный шагъ въ области чистой лирики, или вѣрнѣе въ области музыки, такъ какъ лирика и музыка въ древней Греціи неразрывно слиты между собою, преданіе связываетъ съ именемъ Терпандра, жившаго въ первой половинѣ VII столѣтія. Онъ родился на островѣ Лесбосѣ, но переѣхалъ въ Спарту, гдѣ устраивалъ музыкальныя состязанія. Заслуга его, по преданію, заключалась въ томъ, что онъ вмѣсто четырехструнной кивары ввелъ семиструнную. Благодаря этому явилась возможность выполненія болѣе сложныхъ мелодій. Первоначальная извѣстная намъ форма лирической пѣсни, сопровождаемой музыкой, носила названіе „нома“; это была мелодическая пѣсня въ честь того или другого божества. Изобрѣтеніе Терпандра, повидимому, сдѣлало эпоху въ исторіи развитія „нома“. Греческая лирика не остановилась на типѣ одноголосой

пѣсни. Во второй половинѣ VII вѣка возникаетъ хоровая пѣсня и тоже въ Спартѣ, гдѣ однимъ изъ самыхъ раннихъ ея представителей былъ поэтъ Алкманъ (около 660 г.). Съ него ведетъ начало первая опредѣленная форма хоровой поэзіи. Онъ писалъ такъ называемыя „парѳеніи“, т.-е. пѣсни, исполнявшіяся хорами дѣвушекъ. Онъ ввелъ въ свои пѣсни „строфы“ и „антистрофы“, т. е. куплеты, исполнявшіеся хоромъ попеременно при поворотахъ направо и налѣво. Кромѣ номовъ и парѳеніевъ, мы находимъ рядъ другихъ формъ: гимны, пѣвшіеся въ честь различныхъ боговъ; просодіи или процессіонныя пѣсни; пэаны—гимны, обращенные къ Аполлону; дивирамбы — гимны въ честь Діониса; гипохремы—мелическія пѣсни, сопровождавшіяся танцами и пантомимами; далѣе, пѣсни свѣтскаго характера: эпиникіи — побѣдныя пѣсни; сколіи — праздничныя пѣсни на пирахъ; энкоміи — хвалебныя пѣсни въ честь людей; ѳрэны—похоронные гимны, плачъ по усопшимъ. Важное нововведеніе въ хоровую лирику ввелъ Аріонъ (приблизительно 625—585 г.), родомъ изъ Меѳимна, которому Геродотъ приписываетъ изобрѣтеніе дивирамба. Аріона можно поставить на грани между лирикой и драматическимъ творчествомъ, такъ какъ онъ внесъ въ хоровую пѣсню элементъ діалога и драматической игры, опредѣливъ число участниковъ хора въ 50 человѣкъ и разбивъ его на партіи, изъ которыхъ каждая пѣла особыя строфы и дѣлала соотвѣтствующія движенія. Наконецъ, въ исторіи развитія формъ лирической поэзіи извѣстная заслуга принадлежитъ сицилійскому поэту Стесихору (въ первой половинѣ VII в.), который ввелъ эподъ. Это была третья часть хоровой пѣсни, пѣвшаяся хоромъ, когда онъ останавливался послѣ строфы и антистрофы. Лирическая поэзія, развиваясь въ теченіе VII и VI столѣтія, представляла собою ко времени появленія Пиндара сложный и тонко разработанный видъ литературнаго творчества.

Переходя къ характеристикѣ творчества отдѣльныхъ лирическихъ поэтовъ, нельзя не отмѣтить, прежде всего, того грустнаго факта, что мы располагаемъ въ настоящее время только крохами поэтическаго наслѣдія, оставленнаго авторами VII и VI вв. Изданіе Bergk'a (Poetae lyrici graeci), гдѣ собраны дошедшіе до насъ остатки греческой лирики, пестритъ многоточіями. Отъ Терпандра, открывающаго своимъ именемъ исторію мелической поэзіи, сохранилось всего 15 стиховъ, отъ прославленной Сапфо, оставившей девять книгъ лирики, сохранилось 120 отрывковъ, за небольшими исключеніями въ два - три стиха, а иногда въ два-три слова. Во главѣ греческой лирики стоитъ имя геніальнаго Архилоха, подобно тому какъ имя Гомера—во главѣ эпоса. Онъ—первая яркая крупная фигура на фонѣ новаго направленія, которое приняла поэзія съ упадкомъ эпоса. Его жизнь полна бурь и потрясеній, типичныхъ для эпохи сложной и суровой борьбы, разыгрывавшейся въ первой половинѣ VII столѣтія. Онъ—уроженецъ Пароса. Съ его юностью связано преданіе объ экспедиціи на островъ Ѳасосъ, куда онъ отправился искать счастья, гонимый бѣдностью. Преданіе упоминаетъ объ обманутыхъ надеждахъ Архилоха, объ его участіи въ другихъ военныхъ предпріятіяхъ паросцевъ. Озлобленіе неудачника, сквозящее въ его стихахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что жизнь не улыбалась ему. Язвительная насмѣшка была его величайшей силой. Извѣстно преданіе о томъ, какъ своими ямбами онъ довелъ до самоубійства дочерей Ликамба, отказавшаго ему въ рукѣ своей дочери Необулы. Неудачникъ, геніальный и ожесточенный, эпикуреецъ и воинъ одновременно, скиталецъ и бѣднякъ,—Архилохъ былъ поставленъ въ благопріятныя условія для того, чтобы выразить наиболѣе всесторонне психику новаго общества. Онъ—родоначальникъ лирической поэзіи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Изъ мотивовъ этой поэзіи рѣдкій не имѣлъ уже въ его лицѣ великаго пѣвца. Онъ доставилъ торжество ямбической поэзіи, но онъ писалъ десятками разныхъ размѣровъ. Онъ остался въ представленіи потомства прежде всего въ качествѣ

неподражаемаго сатирика, но и въ сферахъ и эпикурейской, и воинственной, и скептической поэзiи онъ оставилъ несравненные образцы. Въ изд. Bergk'a есть небольшое четырехстишiе (fr. 21), въ которомъ онъ говоритъ о превратностяхъ своей жизни. И отъ этого поэта, вліяніе котораго, судя по отзывамъ греческихъ и римскихъ писателей, можетъ быть сравниваемо только съ вліяніемъ Гомера, до насъ дошло около 150 фрагментовъ, каждый въ одинъ-два, рѣдко въ пять-десять стиховъ. Но и эти отрывки—драгоцѣнные обломки нѣкогда дивныхъ статуй. Они позволяютъ догадываться о богатствѣ и красотѣ этой утраченной поэзiи. Въ нихъ звучитъ бодрый призывъ къ счастью, къ свѣтлой радости; въ нихъ чувствуется мужество и стойкость философа, устоявшаго противъ ударовъ измѣнчивой судьбы, умѣющаго понимать непрочность счастья и умѣющаго цѣнить, поэтому, минуты наслажденiя. Нѣжныя любовныя признанiя, крикъ жгучей ревности, гимны богамъ и героямъ, воинственные призывы, свистъ сатирическаго бича и спокойный голосъ мудреца, подводящаго итоги опытамъ своей измѣнчивой жизни,—всѣ эти разнообразные голоса можно услышать изъ немногихъ строкъ, уцѣлѣвшихъ за два съ половиной тысячелѣтiя. Архилохъ какъ бы предвосхитилъ всѣ мотивы греческой лирики.

Ея воинственная струя нашла свое лучшее выраженiе въ поэзiи Тиртея. По преданiю аѳиняне въ отвѣтъ на просьбу о помощи послали въ насмѣшку спартанцамъ, тѣснимымъ мессенцами, хромоногаго учителя грамоты. Но хромоногiй учитель зажегъ своими пѣснями такой воинственный пламень въ сердцахъ спартанскихъ воиновъ, что мессенцы должны были бѣжать передъ воспрянувшими духомъ врагами. Такимъ образомъ, дѣятельность Тиртея слѣдуетъ отнести къ серединѣ VII столѣтiя, а характеръ его поэзiи достаточно выясняется изъ приведенной легенды. Впрочемъ, и дошедшiе до насъ около полутора десятковъ отрывковъ тиртеевскихъ пѣсенъ (многiе заключаютъ въ себѣ по 40 стиховъ) даютъ о поэзiи Тиртея болѣе полное представленiе, чѣмъ остатки архилоховскаго творчества о геніальномъ сатирикѣ. Самую большую группу составляютъ такъ называемыя ὑποθῆκαι (увѣщанiя); за ними слѣдуютъ ἐμβατήρια—пѣсни, въ родѣ военныхъ маршей, подъ звуки которыхъ спартанцы шли въ бой съ непрiятелемъ. Обычная тема этихъ пѣсенъ—прославленiе храбрости и обличенiе трусости. Духомъ суровой спартанской дисциплины проникнута лирика Тиртея. Эпикурейскiе и эротическiе мотивы совершенно чужды ей. Стихи поэта часто звучатъ какъ правила воинскаго устава, тамъ, гдѣ преподаются указанiя относительно необходимости не покидать сосѣда, какъ голосъ команды.

Это суровая поэзiя, проникнутая сознанiемъ святости государственной идеи, въ жертву которой безпощадно должны быть принесены индивидуальныя стремленiя и радости. Поэзiя въ это время замѣняла прозу, которой въ настоящемъ смыслѣ слова не существовало. Въ гекзаметры и элегiи облекались и военныя указанiя, и законы, и изреченiя оракула. Солонъ, знаменитый законодатель Аѳинъ, пользовался элегическимъ размѣромъ для выраженiя своихъ соцiальныхъ и философскихъ воззрѣнiй. Въ форму пѣсни онъ укладываетъ и обращенiе къ своей партiи, и защиту, и разъясненiе своихъ политическихъ взглядовъ. Солонъ, среди лирическихъ поэтовъ Грецiи, является представителемъ направленiя, которое отразило соцiальное броженiе, происходившее въ греческихъ общинахъ. Онъ родился около 640 г. и принадлежалъ къ знатной, но разорившейся семьѣ. Онъ отправился въ чужiе края, чтобы торговлей поправить свои дѣла. Но не одна торговля заставила его путешествовать. Онъ вдумчиво изучалъ страны, народы, ихъ учрежденiя и бытъ, обогащая свой опытъ и накопляя знанiя. Этотъ опытъ и эти знанiя онъ по возвращенiи посвятилъ на благо своему родному городу Аѳинамъ. Его воинственныя пѣсни побудили аѳинянъ отвоевать Саламинъ, захваченный мегарянами. Затѣмъ онъ принимается за внутреннее умиротвореніе Аѳинъ. Съ его именемъ связаны законы 594 года, поло-

жившіе начало торжеству демократіи. По преданію, послѣ изданія законовъ онъ отправился снова путешествовать, обиженный тѣмъ, что ему не удалось предотвратить тиранніи Писистрата, противъ котораго онъ тщетно предупреждалъ аѳинянъ. Безпощадное время сохранило отъ Солона не болѣе 250 стиховъ. Это—соціальная поэзія; это—законы и общественныя предписанія, совѣты и увѣщанія, облеченные въ форму гексаметровъ и пентаметровъ, подобно тому какъ пѣсни Тиртея представляютъ собою статьи воинскаго устава и воспламеняющіе призывы вождя. Отличительный характеръ солоновскаго направленія — примирительный тонъ, вѣра въ силу законности, отвращеніе къ насилію и переворотамъ. Онъ смотрѣлъ на себя, прежде всего, какъ на „посредника“ между богатыми и неимущими. Насколько можно судить по скуднымъ остаткамъ его поэзіи, онъ былъ идеологомъ половинчатой буржуазіи, онъ не проводилъ слишкомъ радикальныхъ реформъ. Но онъ предостерегалъ богатые классы отъ высокомѣрія и эксплуатаціи, отъ жадности, роскоши и излишествъ. Онъ гордится тѣмъ, что освободилъ отъ кабалы массы должниковъ и далъ возможность вернуться въ Аѳины многимъ, которые бѣжали отъ долговъ или были „запроданы чужимъ“. Но особенно онъ гордъ тѣмъ, что не принялъ рѣзко стороны ни одной изъ двухъ враждующихъ группъ и предотвратилъ раздоры и насилія. Онъ не лишилъ богатыхъ ихъ преимуществъ, онъ ограничилъ только ихъ злоупотребленія. Народу онъ далъ силы, сколько нужно, а богатымъ и сильнымъ указалъ предѣлъ ихъ захватамъ, ставъ, такимъ образомъ, „щитомъ для тѣхъ и другихъ“.

Имя Солона, который при жизни подвергался ожесточеннымъ нападкамъ со стороны крайнихъ элементовъ, было впослѣдствіи окружено славою, какъ имя перваго борца за права обездоленныхъ и за демократическія учрежденія. Рядомъ съ поэзіей Солона, въ которой отражались демократическія стремленія вѣка, до насъ сохранились остатки поэзіи совершенно противоположнаго характера, поэзіи, въ которой сказались притязанія аристократіи, крѣпко державшейся за свои привилегіи, чтившей традиціи и не умѣвшей отрѣшиться отъ своего презрѣнія къ народу. Ѳеогнидъ, дорійскій аристократъ, дѣятельность котораго относится къ серединѣ VI вѣка, былъ яркимъ представителемъ этой поэзіи консервативнаго направленія. Въ противоположность Солону, Ѳеогнидъ отличается страстностью и боевымъ характеромъ. Его поэзія полна злобы и возмущенія. Элегіи Ѳеогнида были своего рода тоже собраніемъ правилъ, кодексомъ, только кодексомъ для аристократіи, ученіемъ о чести и морали; онѣ были тоже отголоскомъ соціальной борьбы, но отголоскомъ элементовъ, издавна стоявшихъ у власти. Уже въ VII в. въ Мегарѣ, на родинѣ Ѳеогнида, происходила жестокая борьба между аристократіей и народомъ, во главѣ котораго стояли тираны, изгнавшіе аристократовъ и освободившіе народъ. Переворотъ, повидимому, носилъ радикальный характеръ, здѣсь былъ періодъ торжества черни, овладѣвшей имуществомъ аристократіи, которая, вернувшись на родину послѣ паденія тиранніи, вынуждена была отстаивать свои права, сплачиваться тѣснѣе для поддержанія разгромленныхъ принциповъ и представленій. Ѳеогнидъ сталъ кумиромъ тѣхъ общественныхъ группъ, гдѣ поддерживались эти принципы, и послѣдующіе поэты дополняли его элегіи вставками и новыми указаніями въ зависимости отъ новыхъ требованій и вкусовъ, въ зависимости отъ измѣненій въ положеніи аристократіи. Такъ какъ Ѳеогнидъ считался величайшимъ авторитетомъ въ сферѣ понятій о чести и объ истинномъ достоинствѣ аристократа, то ему каждый изъ послѣдующихъ сочинителей приписывалъ свои собственныя вставки, и въ настоящее время трудно выдѣлить собственные стихи самого Ѳеогнида изъ массы позднѣйшихъ искаженій и вставокъ. Ѳеогниду выпала на долю рѣдкая участь. До насъ дошло около 1.400 стиховъ подъ его именемъ. Они написаны въ видѣ наставленія молодому аристократу Кир-

ну. Эти стихи проникнуты кастовой нетерпимостью и предубѣжденіями. Для Ѳеогнида аристократъ и хорошій человѣкъ почти синонимы, такъ же какъ синонимами являются слова „простой“ и „дурной“. Ἀγαθοί и ἐσθλοί— это эпитеты, которыми онъ надѣляетъ исключительно представителей высшаго класса; для народныхъ массъ— обычный эпитетъ κακοί. Онъ не щадитъ словъ презрѣнія для черни, которая создана для рабства, которую можно обуздать только тяжелымъ ярмомъ. Онъ рекомендуетъ Кирну аристократическую исключительность, предостерегаетъ его отъ общенія съ народомъ, убѣждаетъ его въ томъ, что благородному можно научиться только отъ благородныхъ, тогда какъ отъ общенія съ низшими классами теряешь свой умъ. Онъ проклинаетъ деньги, которыя губятъ аристократію и ея престижъ, потому что богатство стало цѣниться выше происхожденія. Деньги привели къ неравнымъ бракамъ, знатные люди не стѣсняются брать въ жены богатыхъ дѣвушекъ низкаго происхожденія, и, наоборотъ, знатныя дѣвушки предпочитаютъ выходить замужъ за простыхъ людей, если они богаты. Такова эта поэзія— драгоцѣнный памятникъ, вводящій насъ въ перипетіи жестокой соціальной борьбы, подготовлявшей торжество демократіи, и въ кругъ чувствъ и мыслей, порожденныхъ этой борьбой. Но у Ѳеогнида мы встрѣчаемъ и другіе мотивы, которые въ греческой лирикѣ пустили глубокіе корни. Это эпикурейскіе мотивы, прославленіе молодости, любви и веселья. Самаго блестящаго расцвѣта эротическое и эпикурейское направленіе достигло на островѣ Лесбосѣ, который благодаря его благодатному климату и дивной природѣ древніе причисляли къ пяти „блаженнымъ“ островамъ. Близость востока, природныя богатства, прекрасное вино содѣйствовали развитію здѣсь жизни, полной нѣги и лѣни. Женщины играли здѣсь большую роль, принимали участіе въ общественной жизни, являлись на ежегодныя состязанія въ красотѣ въ честь Геры. Веселая жизнь и культъ любви, развившіеся здѣсь, надолго утвердили за Лесбосомъ славу пріюта музъ и радостей, гдѣ процвѣтали утонченныя порочныя наслажденія и особыя формы туземнаго разврата. Географическое положеніе острова сдѣлало его центромъ, гдѣ сталкивались поэтическія преданія и Греціи и Малой Азіи. Лесбосъ съ незапамятныхъ временъ былъ островомъ поэзіи и музыки. Въ метаморфозахъ Овидія приводится древнее сказаніе о томъ, какъ волны принесли къ берегамъ Лесбоса лиру и голову Орфея, убитаго ѳракіянками: уста поэта продолжали пѣть дивныя пѣсни. Легенда, такимъ образомъ, сдѣлала Лесбосъ наслѣдникомъ патріарха греческой поэзіи. Сказаніе это свидѣтельствуетъ о глубокой древности лесбосской поэзіи. Лесбосъ же былъ колыбелью греческой музыки, потому что здѣсь родился Терпандръ, ея родоначальникъ. Но своей славой Лесбосъ обязанъ, прежде всего, поэтической четѣ Алкею и Сапфо, которые принадлежатъ къ величайшимъ лирикамъ не только въ греческой, но и въ міровой поэзіи. Судьба Алкея сходна съ судьбою Ѳеогнида и другихъ греческихъ аристократовъ. Его родной городъ Митилена прошелъ тѣ же фазы политическаго развитія, что и другія греческія общины. Сначала господство аристократіи, затѣмъ колебаніе этого господства, недовольство народа, возвышеніе тирановъ, удачныя и неудачныя попытки низверженія ихъ со стороны тѣснимой аристократіи. Алкей участвуетъ въ борьбѣ за интересы своего класса. Мы видимъ его противникомъ сначала тиранна Меланхра (въ концѣ VII в.), затѣмъ знаменитаго тиранна Питтака, который, однако, побѣдивъ аристократическую партію, приблизилъ къ себѣ геніальнаго поэта, своего недавняго врага. Алкей былъ слишкомъ эпикуреецъ, слишкомъ поэтъ любви и красоты, чтобы не примириться съ мудрымъ и блестящимъ правителемъ. Если онъ остался выразителемъ чувствъ и настроеній аристократіи, то не въ томъ смыслѣ, какъ непримиримый Ѳеогнидъ. Алкей—эпикуреецъ. Вино, любовь и красота—главное содержаніе его поэзіи, какъ можно судить по скуднымъ дошедшимъ до

насъ отрывкамъ его поэзiи. Эти отрывки и отзывы древнихъ воскрешаютъ передъ нами рыцарскую фигуру жреца любви и наслажденiй, пламеннаго воина, но еще болѣе пламеннаго служителя музъ, надменнаго аристократа, умнаго собутыльника и изящнаго эстета, умѣющаго украшать застольный пиръ вдохновенными и остроумными рѣчами. Группа отрывковъ алкеевской поэзiи, составляющая отдѣлъ ἐρωτικά, открывается нѣжнымъ двустишiемъ, обращеннымъ къ Сапфо. Эти стихи дали основанiе предположить, что Алкей любилъ свою прославленную современницу. Образъ Сапфо сотканъ изъ любви и поэзiи. Она была тонкой, чуткой поэтессой эротическихъ чувствъ и настроенiй, возникшихъ въ эпоху вырожденiя аристократiи. Сохранившiеся остатки ея поэзiи говорятъ о нѣжнѣйшихъ движенiяхъ сердца, о пламенныхъ чувствахъ, о нервной впечатлительности. Легенды, которыя народная фантазiя сплела вокругъ поэтессы, представляютъ ее жрицей любви и красоты. Она перешла въ сознанiе потомства, какъ воплощенiе любовныхъ мукъ и восторговъ, и стала однимъ изъ тѣхъ легендарныхъ образовъ, съ которыми человѣчество сплетаетъ цѣлый міръ чувствъ и представленiй. Исторiя не сохранила почти ничего, что могло бы придать Сапфо реальныя очертанiя, надѣлить ее плотью и кровью; изъ тумана отдаленности она выступаетъ, какъ поэтическая греза, какъ героиня волшебной сказки, въ которой все ярко и красиво. Мы не знаемъ ни одного ея поклонника, но мы знаемъ, что въ теченiе столѣтiй поэты и философы приносили ей дары своего вдохновенiя и ума. Солонъ не хотѣлъ умереть, не узнавъ пѣсенъ Сапфо, Платонъ называетъ ее десятой музой. Впослѣдствiи аттическая комедiя высмѣяла чувства, воспѣтыя Сапфо, за ней старались утвердить репутацiю развратной женщины, репутацiю, отъ которой ея память не вполнѣ очищена и въ наше время. Но мы знаемъ, что она была авторомъ задушевныхъ эпиталамъ, брачныхъ пѣсенъ, въ которыхъ она воспѣвала радости любви, освященныя закономъ; что ей принадлежатъ чудные стихи, свидѣтельствующiе о чистотѣ и красотѣ, которыя она умѣла вносить въ поэзiю любви; что Алкей не рѣшался обратиться къ ней съ чувственнымъ признанiемъ, боясь оскорбить ее (fr. 55), и что она отвѣтила ему стихами о чистыхъ и прекрасныхъ желанiяхъ, не боящихся откровенности (fr. 28). По своимъ вкусамъ и настроенiямъ она принадлежала къ тѣмъ же кругамъ, что и Алкей, но ея поэзiя глубже и трогательнѣе говоритъ о сердечныхъ мукахъ и радостяхъ, и потому понятнѣе и ближе намъ. Даже то немногое, что дошло до насъ, принадлежитъ къ драгоцѣннѣйшимъ сокровищамъ міровой поэзiи. Мы знаемъ о ней немного, знаемъ, что подобно Алкею она принадлежала къ аристократiи, и, повидимому, и ей не удалось избѣжать превратностей судьбы, пережитыхъ ея партiей. Она была замужемъ, имѣла дочь Клаиду, которую горячо любила. Она основала въ Митиленѣ нѣчто въ родѣ женской поэтической школы, сгруппировавъ около себя юныхъ ученицъ, которыхъ она учила пѣнiю. Нѣкоторыя изъ ученицъ ея достигли большой извѣстности, а одна, Аттида, была предметомъ особенно нѣжной любви со стороны Сапфо. Изъ скудныхъ остатковъ, дошедшихъ до насъ, самыми цѣнными являются двѣ оды, сохранившiяся почти въ полномъ видѣ и переведенныя на всѣ языки (на русскiй Ѳ. Коршемъ). Эпикурейское и эротическое направленiе греческой лирики имѣло еще одного представителя, имя котораго сдѣлалось нарицательнымъ именемъ этого направленiя для современныхъ народовъ. „Анакреонтическая“ поэзiя и теперь, черезъ десятки столѣтiй, представляетъ собою совершенно опредѣленное понятiе. Въ поэзiи Анакреона нѣтъ той глубины, которая свойственна великой лесбосской четѣ. Анакреонъ бѣжитъ глубокихъ привязанностей и сложныхъ сердечныхъ переживанiй. Въ его поэзiи мы не слышимъ нервной дрожи чуткихъ натуръ, въ душѣ которыхъ звучатъ нѣжныя струны, вторящiя всякой возвышенной скорби и возвышенной радости. Онъ любитъ радости мимолетныя, не обязывающiя; страсти

скользятъ по поверхности его души, не проникая вглубь, не оставляя глубокихъ слѣдовъ. Онъ не знаетъ разочарованій, легко влюбляется и скоро утѣшается въ случаѣ неудачи. Онъ выработалъ въ себѣ счастливую способность извлекать изъ всѣхъ явленій жизни только пріятное и веселое. Его сердце не бьется для мрачнаго и трагическаго. Эти свойства Анакреона объясняютъ его неувядающую славу. Изъ великихъ поэтовъ онъ впервые окинулъ міръ поверхностнымъ улыбающимся взглядомъ. Его легкомысленныя пѣсни будутъ находить на землѣ радостный откликъ, пока существуетъ безпечная юность, не заглядывающая въ глубь жизни, не воспринимающая ея трагизма. Подъ тонъ Анакреона легко поддѣлаться: настроеніе, съ которымъ онъ подходитъ къ жизни, не требуетъ спеціальной, утонченной душевной организаціи. Онъ ищетъ счастья, а не болѣзненныхъ наслажденій. Ему пріятно легкое опьяненіе, а не безумныя оргіи. Онъ любитъ красоту, но не обливается восторженными слезами передъ дивными созданіями искусства, не повергается въ нѣмомъ обожаніи передъ величіемъ природы. Жизнь Анакреона содѣйствовала развитію въ его душѣ эпикурейскихъ наклонностей, скептическаго оппортюнизма. Онъ переѣзжалъ отъ двора къ двору. Водоворотъ войнъ и усобицъ увлекалъ въ бездну покровителей Анакреона, но онъ, свидѣтель самыхъ сказочныхъ примѣровъ измѣнчивости человѣческаго жребія, не впалъ въ пессимизмъ, не вывелъ ни одного трагическаго заключенія о жизни. Напротивъ того, картины быстрыхъ возвышеній и стремительныхъ паденій, печальные финалы блестящихъ карьеръ и блестящія карьеры печальныхъ пасынковъ судьбы укрѣпили поэта въ его скептическомъ и эпикурейскомъ индиферентизмѣ. Онъ, кажется, постарался стать еще дальше отъ серіозныхъ и значительныхъ явленій своей эпохи, еще болѣе проникся девизомъ: „суета суетъ“ и отдался во власть своихъ легкихъ радостей, своей простой и счастливой мудрости. Способность быстраго приспособленія ко всякимъ обстоятельствамъ онъ сохранилъ до конца своей долгой жизни. Его родиной была малоазіатская Іонія, гдѣ за нѣсколько вѣковъ до него процвѣтала разгульная веселая аристократія эпоса. Годъ его рожденія приходится на первую половину VI в., а въ первой четверти V столѣтія онъ былъ еще въ расцвѣтѣ силъ. Его юность протекала въ эпоху мягкаго господства Креза, въ эпоху оживленной и роскошной жизни въ іонійскихъ городахъ М. Азіи. Далѣе мы видимъ его при дворѣ самосскаго тиранна Поликрата, прославившагося своимъ богатствомъ и счастьемъ и своимъ трагическимъ концомъ. Катастрофа, разразившаяся надъ іонійскими городами послѣ побѣды Кира, и печальный финалъ великолѣпнаго самосскаго правителя не омрачили жизнерадостнаго характера Анакреона. Онъ при дворѣ Писистратидовъ въ Аѳинахъ, гдѣ легко акклиматизируется въ новой обстановкѣ, а послѣ ихъ сверженія и убійства его друга Гиппарха (514 г.) онъ остался другомъ и освобожденныхъ Аѳинъ и до конца жизни не переставалъ, повидимому, жить при разныхъ дворахъ, слѣдуя принципу: ubi bene, ibi patria. Анакреонъ имѣлъ безчисленныхъ подражателей. Рядомъ съ его стихотвореніями въ сборникахъ греческихъ лириковъ принято помѣщать поддѣлки и подражанія подъ общимъ заглавіемъ Anacreontea. Содержаніе его поэзіи вѣрно охарактеризовалъ Антипатръ Сидонскій въ своемъ двустишіи, гдѣ Анакреонъ названъ „веселымъ старцемъ“, посвятившимъ свою жизнь „тремъ божествамъ: Эроту, Музамъ и Вакху“.

Новый могучій толчокъ къ дальнѣйшему развитію греческой лирики дало столкновеніе греческаго народа съ огромной персидской монархіей, которое вызвало подъемъ національнаго самосознанія. Европейская Греція стала центромъ греческой торговой и промышленной жизни. Разбогатѣвшіе города стали замѣчательными культурными центрами, гдѣ выдвигались великіе памятники искусства, процвѣтали театры, кипѣла умственная жизнь, творили поэты, кругозоръ которыхъ расширился по сравненію съ ихъ предшественниками, вращавшимися пре-

имущественно въ сферѣ мѣстныхъ, а не общенаціональныхъ интересовъ. Особенно выдѣлились въ V вѣкѣ Аѳины. Здѣсь жили величайшіе поэты, художники и мыслители, и до сихъ поръ, говоря о значеніи греческой цивилизаціи для міровой культуры, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, эту эпоху процвѣтанія Аѳинъ. Этотъ городъ давалъ тонъ умственной жизни грековъ. Аѳины сыграли главную роль въ освобожденіи Греціи отъ персидскаго нашествія, на нихъ съ любовью и надеждой смотрѣли греческіе патріоты,—словомъ, на нѣкоторое время они стали почти символомъ общегреческаго могущества, національнаго величія. Аѳины же были опорой демократическаго движенія не только потому, что въ ихъ государственномъ устройствѣ демократическая идея нашла себѣ яркое воплощеніе, но и потому, что они поддерживали демократическія партіи, тогда какъ Спарта являлась оплотомъ консерваторовъ и аристократіи. Эпоха національнаго подъема не могла не отразиться на поэзіи. Въ это время лирика заканчивала блестящій періодъ своей исторіи. Она готовилась уступить свое мѣсто драматической поэзіи. Но прежде чѣмъ имена Эсхила и Софокла заставили потускнѣть образы Сапфо и Алкея, греческая лирика вспыхнула яркимъ огнемъ въ лицѣ двухъ великихъ поэтовъ—Симонида и Пиндара. Симонидъ—пѣвецъ греческой славы, панегиристъ героевъ персидской войны, ихъ національныхъ подвиговъ на пользу общегреческаго дѣла. Пиндаръ избралъ предметомъ своихъ пѣсенъ прославленіе боговъ и побѣдителей на состязаніяхъ во время общественныхъ греческихъ игръ. Извѣстно, какое значеніе имѣли эти великія празднества въ древней Греціи. Въ нихъ конкретно обнаруживалось ясное сознаніе и дѣйствительное проявленіе единства Эллады и связей, соединяющихъ отдѣльныя общины. Участвовать въ состязаніяхъ могли только лица эллинскаго происхожденія. Во время олимпійскихъ игръ прекращались всѣ враждебныя дѣйствія. Путники, направлявшіеся туда, пользовались неприкосновенностью. Побѣдить на играхъ значило завоевать высшую славу не только себѣ, но и своей общинѣ. Словомъ, эти празднества, особенно знаменитыя олимпійскія игры, были для грека своего рода символомъ. Они рождали въ душѣ его цѣлый рой патріотическихъ чувствъ и настроеній, вызывали въ памяти священныя преданія, пробуждали религіозный энтузіазмъ, заставляли чувствовать себя частицей великаго цѣлаго. Миѳическія сказанія и историческая правда, идеалъ гармоническаго развитія души и тѣла, красота и свобода, все, что было созданіемъ эллинскаго генія, — все это находило въ празднествахъ свое конкретное выраженіе. Неудивительно поэтому, что поэтъ, который сталъ пѣвцомъ національнаго величія, не могъ найти болѣе подходящаго момента для своей поэзіи, какъ знаменитыя празднества. Пиндаръ въ своихъ одахъ увѣковѣчилъ міръ сложныхъ и глубокихъ чувствъ и думъ, которыя поднимались въ душѣ эллина на этихъ празднествахъ. Прославляя побѣдителей на состязаніяхъ, онъ пользуется этими сюжетами для того, чтобы обращаться къ славному прошлому. Его поэзія—выраженіе того настроенія, которое заставляетъ народъ въ моменты національной опасности или, вообще, великіе моменты національной жизни подводить итоги своей исторіи. Въ его поэзіи отражается вѣра и гордость народа, которому есть что прославить, который имѣетъ право обставлять свои національныя вѣрованья и обычаи великолѣпными празднествами и торжественными гимнами. Симонидъ родился на о. Кеосѣ въ 556 г., и событія цѣлаго столѣтія протекли на глазахъ этого человѣка († 469 г.). Онъ былъ, какъ и другіе поэты, желаннымъ гостемъ при дворахъ тирановъ, но, повидимому, развитіе капиталистическихъ отношеній отразилось и на положеніи поэтовъ. Тираны продолжали смотрѣть на нихъ, какъ на украшеніе своего двора и ухаживали за ними, но теперь поэзія стала профессіей и средствомъ заработка. Поэты требовали платы за тѣ лавры, которые они вплетали въ вѣнокъ правителя, тогда какъ раньше отношенія между тиранами и поэтами носили характеръ дружескаго покрови-

тельства, съ одной стороны, и безкорыстнаго восхищенія — съ другой. По преданію, Симонидъ первый сталъ писать за плату и былъ первымъ поэтомъ, который духовное значеніе поэта стремился соединить съ его матеріальной независимостью, старался превратить свой талантъ и въ денежную цѣнность. Ему приписываютъ выраженіе, что богатство лучше мудрости, такъ какъ мудрецамъ часто приходится стоять въ передней богача. Съ покровителями онъ держитъ себя свободно, какъ съ людьми, отношеніе къ которымъ у него опредѣляется взаимными выгодами. Онъ сохраняетъ за собою свободу сужденій. Великія событія Персидскихъ войнъ совпали со второй половиной его жизни, но онъ съ юношескимъ пыломъ отозвался на нихъ. Безсмертные этапы славной борьбы: Марѳонъ, Ѳермопилы, Саламинъ и Платею, онъ увѣковѣчилъ въ краткихъ, но могучихъ, выразительныхъ эпиграммахъ. Онъ былъ при дворѣ Писистратидовъ, Скопадовъ (въ Ѳессаліи) и послѣдніе годы жизни провелъ при дворѣ сиракузскаго тиранна Гіерона. Дошедшіе до насъ отрывки симонидовскихъ пѣсенъ даютъ слабое представленіе о настоящей силѣ его поэзіи, о которой больше говорятъ историческія свидѣтельства. Судя по этимъ отрывкамъ, Симонидъ писалъ во всѣхъ родахъ лирической поэзіи, — отъ побѣдныхъ пѣсенъ до дѣвическихъ хоровъ. Но, несомнѣнно, наиболѣе сильное впечатлѣніе производили его стихи, относившіеся къ отдѣльнымъ эпизодамъ изъ Персидскихъ войнъ, пѣсни въ честь отдѣльныхъ героевъ, эпитафіи надъ ихъ могилами, въ родѣ извѣстной надписи въ честь Леонида и его воиновъ, защищавшихъ ѳермопильское ущелье: „Путникъ, возвѣсти лакедемонянамъ, что мы всѣ легли здѣсь, вѣрные законамъ родины“. Пиндаръ былъ младшимъ современникомъ Симонида. Онъ родился около 522 г. и, какъ предполагаютъ, умеръ въ глубокой старости. Несмотря на то, что Персидскія войны совпали съ цвѣтущимъ возрастомъ его жизни, онъ не былъ воинственнымъ поэтомъ въ стилѣ Симонида, и великій историческій моментъ, пережитый Элладой, какъ мы указывали, отразился въ его творчествѣ совершенно въ другомъ направленіи. Оставшееся послѣ Пиндара поэтическое наслѣдіе представляетъ счастливое исключеніе среди обломковъ, въ которые превратилась нѣкогда цвѣтущая лирика Греціи. До насъ дошло около четверти изъ всего созданнаго имъ. Онъ, какъ и Симонидъ, писалъ во всѣхъ видахъ. Гимны, пэаны, парѳеніи, ѳрены, эпиникіи, — словомъ, всѣ формы, въ которыя облекалось поэтическое чувство грековъ въ VII и VI вв., нашли въ лицѣ Пиндара своего блестящаго мастера. Вмѣстѣ съ Симонидомъ онъ является величайшимъ представителемъ хоровой лирики. Наибольшей популярностью пользовались пиндаровскія эпиникіи, сохранившіяся до насъ въ количествѣ болѣе сорока. Прославляя въ этихъ эпиникіяхъ побѣдителя въ состязаніяхъ, Пиндаръ прибѣгалъ къ отступленіямъ, къ передачѣ миѳовъ или къ разсказу о предкахъ героя для того, чтобы связать съ своимъ сюжетомъ рядъ мыслей и чувствъ. Его глубокое религіозное чувство и мысль о величіи Греціи заставляли его пренебрегать традиціей, отбрасывать въ миѳахъ тѣ части, которыя противорѣчили его воззрѣніямъ. Такимъ образомъ, онъ старается согласовать преданіе съ новыми представленіями, является представителемъ новаго критическаго періода, шедшаго на смѣну старому миѳологическому. Въ его одахъ сказывалась могучая духовная работа самоопредѣляющагося народа, пережившаго только что страшную національную опасность и завоевавшаго себѣ право на полное выраженіе своего духа. Значительность темъ и глубина мысли отразились и на формѣ пиндаровской оды. Его стиль отличается пышнымъ великолѣпіемъ. Мы не можемъ почувствовать красоты этой пѣсни, съ тѣхъ поръ какъ навсегда утрачена мелодія, съ которой она когда-то сливалась, съ тѣхъ поръ какъ исчезъ міръ чувствъ и настроеній, откуда черпалъ поэтъ звуки для своихъ торжественныхъ пѣснопѣній. Именемъ Пиндара заканчивается списокъ великихъ лирическихъ поэтовъ Греціи. Рядъ послѣдователей и подражателей,

среди которыхъ первое мѣсто слѣдуетъ отвести даровитому Бакхилиду, относится уже ко времени упадка. Въ общемъ V столѣтіе было концомъ расцвѣта лирической поэзіи и эпохой быстраго расцвѣта другого вида поэзіи.

Уже въ хоровой лирикѣ таились зародыши драматическаго дѣйствія, такъ какъ въ дѣленіи на строфу и антистрофу скрывается элементъ діалога. Болѣе опредѣленный характеръ хоровая пѣсня принимаетъ со времени Аріона, о которомъ мы упоминали выше. Онъ прославился дивирамбами, т.-е. пѣснями въ честь Діониса. Изъ дивирамба и развилась драматическая поэзія. Діонисъ, богъ вина, занималъ какъ бы срединное положеніе между высшими силами и человѣкомъ. Никто изъ боговъ не обнаруживаетъ такъ ясно воодушевляющей и освобождающей силы. Культъ Діониса соединяетъ въ себѣ и глубоко печальные элементы и беззавѣтное веселье. Изъ этого культа развилась и трагедія и комедія. Похожденія этого бога на землѣ давали матеріалъ для дивирамбовъ, гдѣ разсказывалось о пережитыхъ имъ опасностяхъ, о побѣдахъ, одержанныхъ надъ врагами. Празднества въ честь Діониса, связанныя, главнымъ образомъ, съ сборомъ винограда, сопровождались весельемъ и пляской. Изъ шутокъ, насмѣшливыхъ и обличительныхъ замѣчаній на злобу дня, раздававшихся во время шествія, развилась комедія. Изъ серіозной пѣсни въ честь бога развилась трагедія. Основателемъ трагедіи принято считать Ѳесписа (VI в.). Онъ первый ввелъ въ дифирамбъ настоящее драматическое дѣйствіе, т.-е. превратилъ разсказчика въ исполнителя-актера. Хоръ пересталъ разсказывать о происшествіи, а изображалъ событіе путемъ подражанія. Распорядитель хора, корифей, произносилъ прологъ для того, чтобы ввести зрителя въ дѣйствіе и объяснить то, что могло быть непонятнымъ. Корифей бесѣдовалъ не съ цѣлымъ хоромъ, а съ однимъ изъ хористовъ. Такимъ образомъ возникъ діалогъ, и появился настоящій актеръ. Корифей молчалъ во время пѣнія хора, а хоръ—во время рѣчи корифея. Во время пѣнія хора корифей, оставшійся свободнымъ, успѣвалъ переодѣться въ другой костюмъ и надѣть другую маску, если этого требовалъ ходъ дѣйствія. Хору была теперь предоставлена только область лирическаго. Изображеніе самаго событія стало главной обязанностью корифея. Онъ то принималъ видъ вѣстника, сообщавшаго зрителямъ о происшедшихъ событіяхъ, то разставлялъ главныхъ участниковъ изображаемаго событія, то излагалъ ихъ намѣренья и рѣшенія. Ѳеспису приписываютъ и расширеніе сюжетовъ драматическаго дѣйствія. Онъ не ограничивается цикломъ сказаній о Діонисѣ, онъ обрабатываетъ и многое о герояхъ, какъ доказываютъ дошедшія до насъ названія его произведеній. Намѣченные имъ принципы трагедіи продолжали развивать его послѣдователи Хорилъ, Пратинъ и Фринихъ (вторая половина VI в.). Послѣдній, сдѣлавъ паденіе Милета сюжетомъ одной трагедіи, расширилъ еще болѣе содержаніе трагедіи введеніемъ въ нее современныхъ событій.

Расцвѣтъ греческой трагедіи начинается съ появленіемъ Эсхиловскихъ піесъ. Эсхилъ родился въ 525 г. до Р. Х., т.-е. почти въ одно время съ Пиндаромъ, и его жизнь также совпала съ героической эпохой въ исторіи его родины. Есть извѣстное сходство въ ихъ творчествѣ. Оба они—поэты возвышеннаго. И послѣдній великій лирикъ Греціи и ея первый великій трагическій поэтъ выросли въ ту эпоху, когда національный геній Эллады проявлялся во всей своей мощи, когда забота о величіи національныхъ святынь и преданій была патріотическимъ дѣломъ. Оба поэта черпаютъ сюжеты въ миѳическихъ преданіяхъ. Всѣ драмы Эсхила,—говоритъ Э. Мейеръ,—настоящія теодицеи, попытки спасти вѣру въ святость сонма боговъ при помощи правильнаго толкованія преданій. У Эсхила государство впервые выступаетъ какъ высшая нравственная власть надъ человѣческой жизнью, и древнія сказанія онъ всегда по возможности окрашивалъ этой идеей. Развившись изъ религіознаго культа, трагедія долго сохраняла характеръ извѣстной религіозно-общественной потребности, и государство принимало видное участіе

Греческое искусство

Аѳина.

(Аѳины.)

Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

въ организаціи представленій. Въ Аѳинахъ архонтъ-эпонимъ устраивалъ состязаніе, въ результатѣ котораго получались піесы, выбранныя для представленія. Устройство хоровъ составляло повинность богатыхъ гражданъ, актеры получали жалованіе отъ государства. Эсхилъ принималъ близкое участіе въ событіяхъ, сопровождавшихъ борьбу между аристократической и демократической партіями въ Аѳинахъ, и участвовалъ въ главныхъ битвахъ грекоперсидскихъ войнъ. Впервые на состязаніе драматическихъ поэтовъ онъ выступилъ въ 25-лѣтнемъ возрастѣ, но только черезъ 15 лѣтъ впервые достигъ побѣды. Отголоски соціальной борьбы, происходившей въ Аѳинахъ, слышатся въ его „Орестейѣ“, гдѣ онъ выступаетъ на защиту ареопага. Своей неутомимой творческой дѣятельностью (ему приписываютъ болѣе 70 піесъ) Эсхилъ совершилъ крупный шагъ впередъ въ исторіи греческой трагедіи. Семь сохранившихся трагедій Эсхила, скудные остатки его богатаго наслѣдія, позволяютъ судить объ огромномъ значеніи Эсхила. „Персы“, наиболѣе ранняя изъ этихъ семи трагедій, въ то же время единственная историческая піеса, которой мы обладаемъ въ настоящее время, съ сюжетомъ не миѳологическимъ, а современнымъ автору. Въ этой трагедіи лирическій и эпическій элементы еще преобладаютъ надъ діалогомъ и драматическимъ дѣйствіемъ. Эта трагедія еще близка къ хоровой пѣснѣ. Но въ ней же сказываются и особенности эсхиловскаго творчества. Это — уже ясно опредѣлившійся новый видъ поэтическаго искусства, вобравшій въ себя все высшее, что было выработано эпосомъ и лирикой. Для исполненія пьесы уже недостаточно одного актера, введеннаго Ѳесписомъ. Ихъ необходимо, по крайней мѣрѣ, два. Введеніе второго актера было важнымъ нововведеніемъ Эсхила, благодаря которому драматическій элементъ выдвигался еще болѣе впередъ. Когда впослѣдствіи Софоклъ ввелъ третьяго актера, Эсхилъ воспользовался этой новой реформой, и его позднѣйшія піесы требовали уже трехъ актеровъ. Въ „Персахъ“ же сказывается то возвышенное настроеніе, которое составляетъ главную черту Эсхила. Поступки смертныхъ, ихъ страсти, ихъ несчастья въ изображеніи Эсхила—это явленія, въ которыхъ раскрываются цѣли и намѣренья высшей воли, высшаго нравственнаго закона. Ксеркъ гибнетъ въ силу своей собственной гордости, но его гибель—нѣчто болѣе поучительное и значительное, чѣмъ простая ошибка смертнаго. Эта гибель—раскрытіе воли боговъ: курганы погибшихъ персовъ „и въ третьемъ поколѣньи безмолвными свидѣтелями будутъ, что смертному нельзя превозноситься. Вѣдь колосъ гибели отъ гордости родится, откуда жатву плача пожинаетъ“. Вопросъ объ отношеніи между индивидуальной волей и высшей необходимостью, объ отношеніи человѣка къ божеству, тотъ вопросъ, который глубоко поставленъ въ „Прометеѣ“, уже въ „Персахъ“ затронутъ Эсхиломъ. Въ трагедіи „Семеро противъ Ѳивъ“, въ сохранившейся третьей части трилогіи, еще болѣе ярко выступаетъ эта власть необходимости, высшей судьбы, которой подчинены и боги. Здѣсь какъ бы нѣтъ конфликта между индивидуальной свободой и этой необходимостью. Герой трагедіи Этеоклъ дѣйствуетъ по своей волѣ, онъ знаетъ, что она ведетъ его къ гибели, но тѣмъ не менѣе не хочетъ поступать иначе, такъ какъ не хочетъ попытаться предотвратить неизбѣжное. Его воля представляетъ какъ бы внутреннюю необходимость, гармонирующую съ цѣлями и намѣреньями судьбы. Мысль о высшей справедливости, раскрывающейся въ судьбѣ людей, лежитъ и въ основѣ „Орестейи“, единственной дошедшей до насъ полной трилогіи. Три трагедіи рисуютъ потокъ бѣдствій, обрушившійся на родъ Агамемнона, какъ неизбѣжное слѣдствіе нарушенія міровой гармоніи. Это зловѣщее предчувствіе несчастья съ самаго начала обнаруживается въ тревогѣ хора: тысячи погибшихъ воиновъ, горе осиротѣвшихъ семействъ,— все это ложится проклятіемъ на родъ Атридовъ, принесшихъ столько несчастій за похищеніе жены одного изъ нихъ. Несчастныя послѣдствія преступленія составляютъ сюжетъ трилогіи, при томъ, какъ и Пиндаръ, Эсхилъ пользуется преданіемъ

для выраженiя своихъ воззрѣнiй. Въ трагедiи „Скованный Прометей“ Эсхилъ болѣе склоненъ стать на сторону свободной человѣческой воли въ ея столкновенiи съ высшей необходимостью. Въ мукахъ Прометея символизированы страданiя непокорной личности, не желающей мириться съ пропастью, раздѣляющей человѣческую и божественную волю. Здѣсь ясно чувствуется, что борьба между преданiемъ и критикой стала основной проблемой вѣка, что быстро шло впередъ освобожденiе личности отъ религiозной традицiи, отъ представленiй миѳологическаго перiода вмѣстѣ съ успѣхами опытнаго и философскаго знанiя, съ развитiемъ инициативы и другими послѣдствiями соцiальнаго переворота, совершавшагося въ VI и V столѣтiяхъ. Эсхилъ занятъ этой проблемой, конфликтомъ между эмансипирующейся личностью и миѳологическимъ представленiемъ о божественной необходимости. Въ его поэзiи еще преобладаетъ глубокое религiозное чувство и уваженiе къ традицiи, но „Скованный Прометей“ свидѣтельствуетъ о томъ, что пытливый духъ изслѣдованiя и притязанiя личности уже нашли сочувственный откликъ въ душѣ поэта. Человѣкъ стремится вырвать у божества его власть. Прометей бросаетъ гордый вызовъ Зевсу, онъ не желаетъ покориться всемогущему тиранну. Въ миѳѣ о Прометеѣ Эсхилъ выдѣлилъ идею непримиримаго конфликта между свободой и необходимостью, между титаническими притязанiями личности и желѣзными оковами, наложенными на нее судьбой. Намъ трудно въ настоящее время въ точности выяснить, какъ разрѣшилъ эту философскую проблему трагическiй поэтъ. „Скованный Прометей“—вторая часть трилогiи, а двѣ другiя части утрачены. Мы можемъ только догадываться, что Эсхилъ не сталъ рѣзко на сторону мятежнаго титана и не бросилъ своей трилогiей вызова высшимъ силамъ и мiровому порядку. Объ этомъ позволяетъ догадываться тотъ фактъ, что Эсхилъ былъ глубоко религiознымъ мыслителемъ. Въ самой трагедiи хоръ нерѣдко говоритъ о благоразумiи и умѣренности, о незыблемости власти божества. Возможно, что въ третьей части трилогiи поэтъ нашелъ примирительный выходъ между человѣкомъ и божествомъ. Какъ бы то ни было, въ исторiи греческой мысли эсхиловское творчество является воплощенiемъ первой стадiи конфликта между религiознымъ чувствомъ и миѳологическими представленiями, съ одной стороны, и освобождающейся личностью и духомъ эмпирическаго знанiя—съ другой.

Эсхилу было 60 лѣтъ, когда въ 468 г. выступилъ на состязанiе съ нимъ и одержалъ побѣду молодой 27-лѣтнiй поэтъ. Софоклу принадлежитъ важная заслуга въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитiя трагедiи. Съ его именемъ связано окончательное отдѣленiе поэта отъ главнаго актера, а также введенiе третьяго актера. Благодаря этому, значенiе хора еще болѣе уменьшилось, и центръ вниманiя былъ перенесенъ на психологiю героевъ. Трагедiя порвала съ хоровой пѣснью и стала картиной, полной жизни и движенiя. Второй актеръ, которому раньше приходилось играть второстепенную роль, теперь могъ занять самостоятельное положенiе. Хоръ получилъ при этомъ значенiе особаго элемента, не вмѣшивающагося въ ходъ драматическаго дѣйствiя и почти не участвующаго въ дiалогѣ. Хоръ выражалъ чувства, которыя вызывались происходившими на сценѣ событiями. Но не только эти внѣшнiя измѣненiя составляютъ важную заслугу Софокла въ исторiи развитiя трагедiи. Съ его выступленiемъ греческая трагедiя становится болѣе реальной, чѣмъ раньше. Она теряетъ въ значительной степени тотъ мистическiй религiозный характеръ, который носила эсхиловская трагедiя. Творчество Софокла знаменуетъ собою слѣдующiй шагъ по пути постепеннаго торжества человѣческой природы надъ стихiйной. Грандiозные замыслы Эсхила у него замѣняются болѣе простыми, боги и титаны уступаютъ свое мѣсто болѣе человѣчнымъ героямъ. Поэтому трагедiя Софокла въ психологическомъ отношенiи представляетъ больше интереса, чѣмъ трагедiя Эсхила. Обрисовка характеровъ, глубокое проникновенiе въ мiръ человѣческихъ чувствъ и стра-

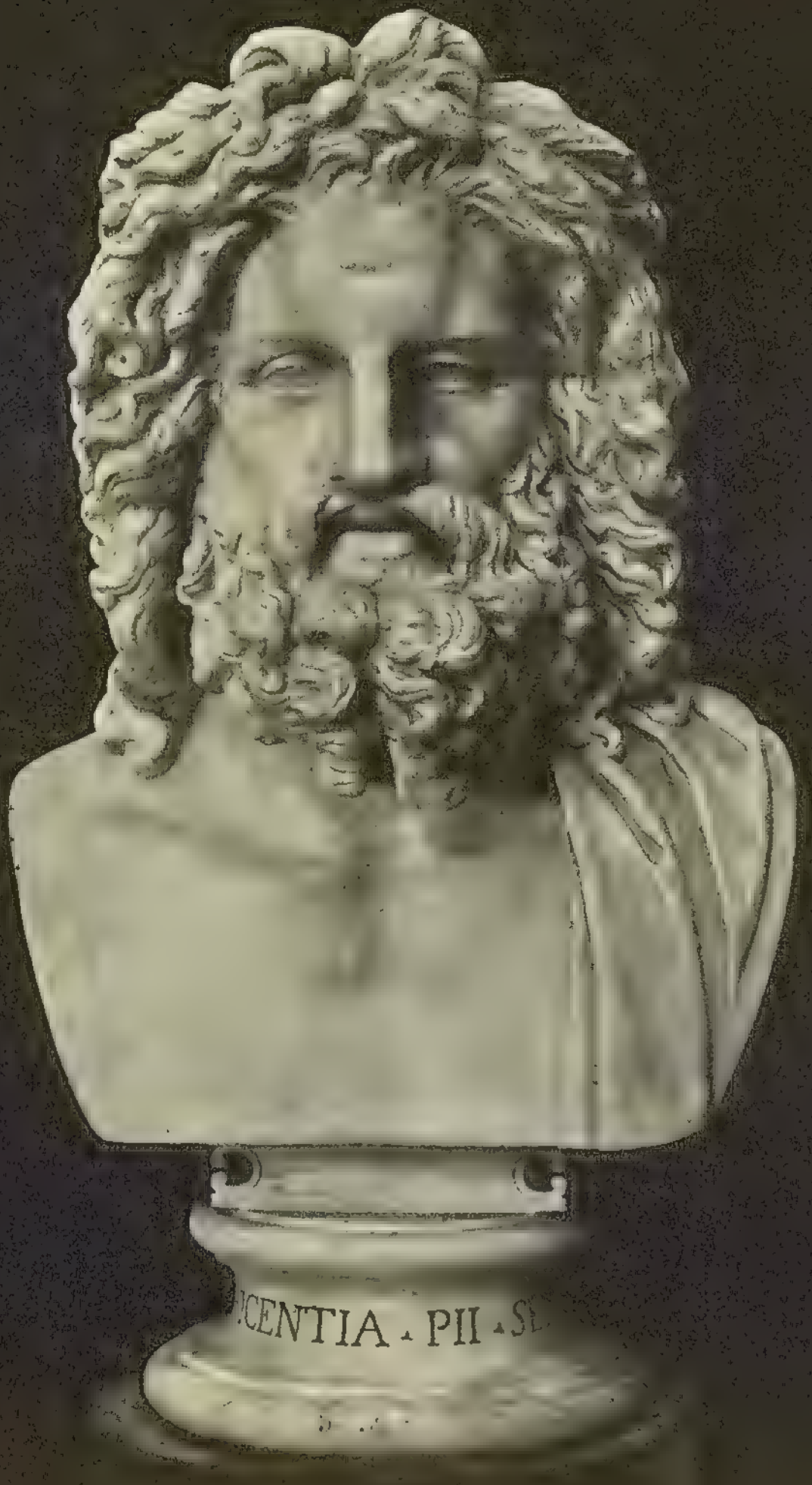
Греческое искусство.

Зевсъ, т. наз. Отриколи (конецъ VI в. до Р. Х.).

(Римъ. Ватиканъ.)

Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".


ICENTIA · PII · SE

стей дѣлаютъ поэзію Софокла драгоцѣннымъ источникомъ для пониманія человѣческой природы. Быть можетъ, это новое направленіе трагедіи послужило причиной того, что со времени Софокла начинаетъ исчезать форма трилогіи и тетралогіи, въ которую такъ хорошо облекались возвышенные замыслы Эсхила. Творецъ „Прометея“, еще тѣсно связанный традиціей драматическаго искусства, сливавшагося нѣкогда съ религіознымъ богослуженіемъ, нуждался въ такой формѣ, которая бы позволяла прослѣдить дѣйствіе божественнаго промысла черезъ цѣлый рядъ поколѣній, позволяла бы освѣтить всю глубину философской мысли, вложенной поэтомъ въ тотъ или иной миѳъ. У Софокла всякая трагедія является законченнымъ произведеніемъ, дѣйствіе котораго сосредоточено вокругъ одного трагическаго конфликта. Тѣмъ не менѣе, Софоклъ не совсѣмъ порвалъ съ прошлымъ. И его трагедія еще проникнута мистическимъ представленіемъ о неизбѣжной судьбѣ, намѣренія и цѣли которой раскрываются въ земныхъ испытаніяхъ человѣка. Но у него божество не закрываетъ собою человѣка, дѣйствіе сопровождается рядомъ перипетій, осложненіями и катастрофами. Разнообразіе и тщательная обрисовка характеровъ представляютъ его главное преимущество передъ Эсхиломъ. У него не только трагическіе образы. Въ его трагедіяхъ—типы, герои, юноши и старцы, нѣжныя трогательныя дѣвушки, мудрецы и борцы. Онъ ввелъ въ трагедію контрасты и разнообразіе душевныхъ движеній, мужественную суровость рядомъ съ мягкостью, жестокость съ нѣжнымъ состраданіемъ. Его Эдипъ, прежде всего, характеръ, а не символъ, въ которомъ раскрывается частица міровой тайны. Эдипъ невиновенъ въ своемъ паденіи, и мы сочувствуемъ ему. Никому не уйти отъ судьбы. Но Эдипъ—не игрушка въ рукахъ судьбы. Онъ надѣленъ сильной волей и мудростью. Онъ борется и дѣйствуетъ. Его вина въ томъ, что онъ слишкомъ высоко вознесенъ судьбой, и на этой высотѣ онъ забылъ о рокѣ, вѣчно сторожащемъ счастье человѣка. Онъ не разъ поддается чувству гнѣва, напримѣръ, въ разговорѣ съ Терсіемъ и Креономъ. Въ нѣкоторыхъ его поступкахъ чувствуется счастливый и прославленный повелитель, привыкшій къ повиновенію и не терпящій возраженій. Правда, онъ возмущенъ невѣроятнымъ обвиненіемъ, но даже и при этомъ условіи онъ могъ бы проявить больше сдержанности и благоразумія. „Будь разуменъ и благъ“,—говоритъ хоръ Эдипу, отговаривая его отъ казни Креона, совѣтуя „не обрекать на смерть, на безчестіе друга вѣрнаго, страшной клятвой освященнаго, безъ суда, безъ уликъ, безъ свидѣтелей“. Красота софокловой трагедіи, художественный реализмъ, ея глубокая мораль заключаются именно въ правдивомъ и яркомъ изображеніи Эдипа. Чѣмъ выше положеніе человѣка, чѣмъ большую силу и признаніе чувствуетъ онъ за собой, тѣмъ труднѣе сохранить ему нравственное равновѣсіе. Преданія о Поликратѣ, о мудромъ Солонѣ, предостерегающемъ слишкомъ счастливаго Креза, проникнуты той же идеей. Не слѣдуетъ никогда отдаваться вполнѣ своему счастью, слѣдуетъ помнить объ измѣнчивости человѣческаго жребія. Недостаточная вдумчивость Эдипа, его самоувѣренность и невниманіе къ предостереженіямъ рока—его трагическая вина. Софоклъ умышленно заставляетъ его самого раскрыть свою вину, изображаетъ картину паденія съ высоты въ бездну. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ миѳа, въ рамки идеи предопредѣленія Софоклъ съумѣлъ вставить правдиво очерченный характеръ героя, дѣйствующаго независимо, согласно своимъ страстямъ, образующимъ этотъ характеръ. Хоръ неоднократно выражаетъ этотъ смыслъ трагедіи: „Гордость рождаетъ тирановъ и, многихъ насытивъ безумьемъ, выше, все выше ведетъ ихъ къ обрыву и въ пропасть вдругъ съ высоты низвергаетъ ихъ,—въ сѣти, откуда нѣтъ выхода, въ непоправимую скорбь“. Въ твореніяхъ Софокла, быть можетъ, ярче всего сказались особенности классической трагедіи. Его герои — лучшій матеріалъ для изученія простыхъ и ясныхъ воззрѣній на міръ, свойственныхъ эллинскому духу. Только греческая трагедія,

продуктъ эпохи, свободной отъ утонченныхъ страстей и запутанныхъ противорѣчій нашей цивилизаціи, могла выставить эти упрощенные характеры. Въ нихъ нѣтъ тѣхъ быстрыхъ смѣнъ и психологическихъ наслоеній, которыя мѣшаютъ подмѣтить и рельефно выдѣлить основную черту. Каждое изъ нихъ напоминаетъ одну изъ нѣсколькихъ десятковъ масокъ, въ которыя древнегреческое искусство отлило всѣ разнообразныя проявленія нашей душевной жизни. Гнѣвъ, злоба, трогательная любовь—все это имѣло для своего выраженія опредѣленную, типичную, условную маску. Греческая трагедія не нуждалась въ подвижной мимикѣ, такъ какъ каждый характеръ на протяженіи всей трагедіи служилъ по преимуществу для воплощенія одного чувства или одной страсти или даже одного душевнаго порыва. Характеры въ софокловой трагедіи — элементы. Поэтъ какъ бы разлагаетъ на нихъ всю сложность, все разнообразіе внутренняго міра человѣка. Въ нихъ ярче всего выявлены первыя основы человѣческой природы. Трагедія Софокла всегда останется драгоцѣннымъ матеріаломъ для простыхъ психологическихъ опытовъ и наблюденій. Его міровоззрѣніе ясно и гармонично. Тамъ, гдѣ мы усматриваемъ непримиримое противорѣчіе, тамъ великій трагическій поэтъ, быть можетъ, величайшій выразитель эллинскаго духа, видѣлъ торжество примиряющаго и гармоническаго начала. Для насъ страданія Эдипа, неповиннаго въ своемъ преступленіи,—нравственная несообразность. Съ точки зрѣнія Софокла, Эдипъ—не безвинная жертва слѣпой судьбы. На немъ тяготѣетъ и грѣхъ предковъ. Его вина и въ его собственной вспыльчивой натурѣ, въ излишней самоувѣренности, наконецъ, просто въ томъ счастьи и довѣріи къ самому себѣ, которыя усыпили его осторожность, заставили забыть объ измѣнчивости человѣческаго жребія. Это неумѣренное довольство и счастье нуждались въ искупленіи. Всякое уклоненіе отъ законовъ природы есть вмѣстѣ съ тѣмъ нарушеніе путей судьбы, и, наоборотъ, уклоненіе отъ велѣній судьбы есть не что иное, какъ отступленіе отъ естественныхъ законовъ нашей природы. Всякое страданіе есть слѣдствіе вины. Человѣкъ — чувствительное, моральное существо. Малѣйшее грубое прикосновеніе ведетъ къ неисчислимымъ послѣдствіямъ, и возстановленіе разъ нарушеннаго равновѣсія требуетъ безконечныхъ искупительныхъ жертвъ и страданій.

Если трагедія Софокла все еще проникнута возвышеннымъ мистицизмомъ, мыслью о таинственныхъ путяхъ рока, то Эврипидъ, третье великое имя въ исторіи греческой трагедіи, низвелъ ее окончательно съ неба на землю. Ему чуждо благоговѣніе къ словамъ оракула и къ тайнымъ законамъ судьбы, онъ не боится намековъ на злобу дня, не исключаетъ изъ своей трагедіи житейскаго и пошлаго. Положеніе современныхъ классовъ общества, борьба различныхъ теченій философской мысли, внѣшняя политика, напр., отношенія къ Спартѣ, положеніе Аѳинъ въ Греціи, политическая и соціальная борьба партій,—словомъ, все волнующееся житейское море современности нашло свое отраженіе въ поэзіи Эврипида, который былъ „сценическимъ философомъ“. Трагедія для него не была уже религіознымъ воспроизведеніемъ какого-нибудь событія изъ миѳическихъ сказаній. У него не рѣдкость встрѣтить выходки противъ боговъ и священныхъ преданій и народныхъ вѣрованій. Его трагедія лишена того величаваго единства, того сосредоточенія дѣйствія вокругъ одной трагической вины, которыя отличаютъ трагедію Софокла. У Эврипида много эпизодовъ, у него часто вводится хитрая и сложная интрига, и для разрѣшенія запутаннаго дѣйствія ему нерѣдко приходится прибѣгать къ неожиданному искусственному пріему (deus ex machina). Его трагедія полна жизни и современности, и поэтому въ ней есть элементъ обличенія и сатиры,—элементъ, выводящій ее за предѣлы традиціонной религіозно-возвышенной трагедіи и сближающій съ комедіей. Если Софоклъ принадлежитъ лучшему періоду эпохи Перикла,—періоду расцвѣта демократіи и просвѣщенія,—то Эврипидъ—поэтъ эпохи кризиса демократіи. По-

Греческое искусство.

Аполлонъ Бельведерскій (IV в. до Р. Х.).

(Римъ. Ватиканъ.)

Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

слѣдняя часто утрачиваетъ устойчивость и послѣдовательность, отличавшія ее въ эпоху Перикла. Власть въ городѣ переходитъ въ руки городского демоса, бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Начинается царство демагоговъ, часто своекорыстныхъ, не брезгающихъ никакими средствами для достиженія популярности. Краснорѣчіе и лесть черни становятся вѣрными средствами для достиженія вліянія. Даровитые честолюбцы, вродѣ Алкивіада, то становятся народными кумирами, то ниспровергаются. Аѳинскій демосъ живетъ политиканствомъ, интригами, авантюрами. Въ области религіозно-философскаго мышленія происходило броженіе, старая вѣра была разрушена, свобода критической мысли привелакъ ученію софистовъ и вызвала противъ себя религіозную реакцію, которая питалась и суевѣріемъ невѣжественнаго демоса и консерватизмомъ олигархическихъ кружковъ, искренне опасавшихся за обычаи и вѣрованія предковъ и народную нравственность. Особенностью эпохи были религіозные процессы, возбуждавшіеся противъ просвѣтителей и раціоналистовъ и вскорѣ превратившіеся въ орудіе политической борьбы противъ того или другого демагога или мыслителя. На этой почвѣ широко распустились судебное краснорѣчіе, діалектика, казуистика и софистическія ухищренія. Рядомъ съ развитіемъ наукъ и свободной философской мысли не прекращалось гоненіе на ученыхъ и мыслителей. Тѣ люди, среди которыхъ вращался Эврипидъ, подвергались преслѣдованіямъ. Сократъ былъ казненъ вскорѣ послѣ смерти Эврипида. Софоклъ свято хранилъ еще традицію театра-храма. Эврипидъ и Аристофанъ превратили сцену въ мѣсто политическихъ дебатовъ и разговоровъ на злобу дня. Несомнѣнно, на его творчество оказали вліяніе и патріотическія думы о славѣ родного города, ведущаго тяжелую войну, и субъективная оцѣнка событій, и близость къ олигархическимъ кружкамъ, и движеніе противъ крайностей демократіи, несомнѣнно, существовавшее въ кружкахъ просвѣтителей, и страстное исканіе выхода изъ раздиравшей Аѳины соціальной и политической борьбы. Эврипида можно было по справедливости назвать далекимъ предшественникомъ поэтовъ „міровой скорби“. Въ эпоху крушенія старыхъ вѣрованій и представленій, когда разрушенные устои еще не замѣнены новыми, столь же прочно утвердившимися, мыслители склонны усматривать въ мірозданіи отсутствіе смысла и цѣлесообразности. Уже въ самой ранней изъ дошедшихъ до насъ трагедій Эврипида сказывается его близость къ жизни, отсутствіе неба и присутствіе земли. Предъ нами семейная драма, или, какъ остроумно объясняетъ эту трагедію проф. Зѣлинскій, торжество филономическаго принципа надъ онтономическимъ, т. е. интересовъ рода надъ интересами отдѣльнаго лица. Предъ нами трагедія, драгоцѣнная какъ бытовая картина; предъ нами люди, погруженные въ свои частныя житейскія заботы; люди, занятые тѣмъ, чтобы соблюсти законы гостепріимства; отецъ, не забывающій согласно обычаю явиться съ дарами въ домъ, который онъ могъ спасти отъ несчастья; сынъ, требующій смерти старика-отца; мужъ, соглашающійся на смерть жены,—словомъ, люди, занятые своимъ счастьемъ, счастьемъ семьи и рода. Таинственная связь, соединяющая жизнь людей съ высшими цѣлями рока, почти не чувствуется. Одна изъ лучшихъ трагедій Эврипида „Медея“—яркій образчикъ психологической драмы, въ авторѣ которой чувствуется великій сердцевѣдъ, глубокій знатокъ тонкой и сложной игры человѣческихъ, особенно женскихъ, страстей и душевныхъ движеній. Вообще, Эврипидъ—первый изъ трагическихъ поэтовъ Греціи сдѣлалъ сюжетомъ трагедіи муки любовной страсти, вплетая ее, какъ главную нить событій, въ сложный ходъ дѣйствія. Не многія изъ твореній Эврипида проникнуты въ такой степени, какъ „Медея“, духомъ эпохи и безотраднымъ міровоззрѣніемъ автора. Ложь, предательство, грубые политическіе расчеты, въ жертву которымъ приносятся человѣческія чувства,—таковы движущія пружины событій. „Больше нѣтъ во всей Элладѣ ни стыда, ни клятвъ священныхъ: покидая нашу землю, вѣрность въ небо улетѣла“. Пессимизмъ поэта прекрасно

выраженъ въ этихъ словахъ. Черезъ тысячи лѣтъ трудно уловить въ трагедіи опредѣленныя указанія на современныя событія. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что образы современныхъ политическихъ дѣятелей съ ихъ типичными чертами—коварствомъ и предательствомъ, съ ихъ обычными средствами кинжаломъ и ядомъ, съ ихъ главнымъ искусствомъ — софистическимъ краснорѣчіемъ,—эти образы носились передъ взоромъ поэта, когда онъ создавалъ образы Язона и Медеи. Фразы, влагаемыя поэтомъ въ уста воспитателя, хора, вѣстника и другихъ свидѣтелей кровавой драмы, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ глазахъ поэта эта драма — не исключительное событіе, а обычное явленіе, отраженіе жизни вообще. „Кто изъ людей не сдѣлалъ бы того же? Иль ты еще не вѣдаешь допынѣ, что любимъ больше мы самихъ себя, чѣмъ ближняго?“. Знаменитый споръ между Язономъ и Медеей—яркій образчикъ софистическаго словопренія, съ основнымъ принципомъ софистовъ относительно человѣка—мѣры всѣхъ вещей. Еще съ бо́льшей силой звучитъ языкъ страсти въ трагедіи „Ипполитъ“, которая такъ рѣзко выдѣляется своимъ романтическимъ сюжетомъ въ строгомъ храмѣ античнаго театра. Въ Эврипидѣ чувствуется поэтъ тревожной эпохи, когда трудно было спокойнымъ взоромъ безстрастнаго мудреца созерцать природу и исторію и извлекать тщательно продуманные нравственно-религіозные выводы. Его муза, вскормленная борьбою страстей и честолюбій, въ одно и то же время и проникаетъ въ глубь этихъ страстей и оплакиваетъ гибель возвышеннаго среди этой борьбы.

Театръ Эврипида, какъ мы уже отмѣтили, сближаетъ его временами съ комедіей по обличительнымъ и сатирическимъ тенденціямъ, по отраженной въ этомъ театрѣ жгучей современности. Греческая комедія пережила тѣ же нѣсколько стадій развитія, что и трагедія. Но она достигла полнаго расцвѣта позднѣе, чѣмъ эта послѣдняя. Въ настоящее время установить моментъ ея возникновенія и процессъ ея развитія—задача болѣе трудная, чѣмъ прослѣдить процессъ развитія трагедіи. Скудное богатство, оставшееся отъ этой послѣдней, кажется истиннымъ богатствомъ по сравненію съ тѣмъ, что осталось послѣ греческой комедіи. Изъ великихъ комическихъ писателей, ядовитыя стрѣлы которыхъ поражали когда-то тирановъ и общественные пороки, нѣсколько перешло въ память потомства въ видѣ голыхъ именъ, и только одинъ сохранился въ главныхъ очертаніяхъ своего творчества, благодаря тому, что до насъ дошли его цѣльныя пьесы. Причиной этого, по словамъ Аристотеля, служитъ то обстоятельство, что на комедію греки съ самаго начала не смотрѣли серіозно. Постановка трагедіи считалась общественнымъ дѣломъ. За комедіей, повидимому, не признавали вначалѣ такого важнаго значенія. По крайней мѣрѣ, по словамъ Аристотеля, „хоръ комиковъ только впослѣдствіи сталъ давать архонтъ, а сперва онъ составлялся изъ добровольцевъ“. Комедія возникла изъ того же діонисовскаго культа, какъ и трагедія. Во время празднествъ въ честь бога вина и веселья, какъ мы уже знаемъ, торжественныя пѣсни и процессіи, легшія въ основу трагедіи, сопровождались иногда шутками и веселыми пѣснями, въ которыхъ проявлялось народное остроуміе и въ которыхъ затрагивались злободневныя событія, осмѣивались отдѣльныя лица, пользовавшіяся извѣстностью. Комическія шутки и пѣсни были въ большомъ распространеніи по всей Греціи, при чемъ честь созданія комедіи преданіе связываетъ съ Мегарой, гдѣ онѣ впервые были облечены въ форму діалога. Объ этой мегарской комедіи мы имѣемъ самыя смутныя свѣдѣнья. По преданію, изъ Мегары комедія около 580 г. до Р. Х. была занесена въ Аттику нѣкіимъ Сусаріономъ, который давалъ представленія въ аттическихъ селахъ. Этотъ Сусаріонъ и считался основателемъ аттической комедіи, достигшей впослѣдствіи такого пышнаго расцвѣта. Извѣстно также, что въ VI же вѣкѣ комедія достигла большого художественнаго развитія въ Сициліи, гдѣ особенной популярностью пользовался комическій поэтъ Эпихармъ, отъ котораго, къ сожалѣнію, дошли только фраг-

Греческое искусство.

Афродита (Венера) Милосская (конецъ IV в. до Р. Х.).

(Парижъ. Лувръ.)

Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

менты. Также мало извѣстенъ намъ процессъ развитiя аттической комедiи до Аристофана. Лѣтъ черезъ сто послѣ Сусарiона, т.-е. въ началѣ V в., пользовался извѣстностью комикъ Хiонидъ, о которомъ упоминаетъ Аристотель и отъ котораго сохранились только названiя двухъ-трехъ пiесъ. Хiонидъ считается первымъ собственно аттическимъ комикомъ. Далѣе слѣдуетъ Магнетъ, младшiй современникъ Хiонида. О немъ упоминаетъ Аристофанъ, какъ о своемъ предшественникѣ. Наконецъ, слѣдуютъ имена трехъ современниковъ Аристофана: Кратина, Кратеса и Эвполида, создавшихъ, какъ можно заключить по отзывамъ современниковъ и потомковъ, великiе образцы комическаго творчества. Изъ нихъ Кратинъ сдѣлалъ для комедiи то, что Эсхилъ для трагедiи: онъ впервые установилъ ея типичную форму, фиксировалъ число дѣйствующихъ лицъ, сдѣлалъ ее орудiемъ серiозной сатиры, поставилъ передъ ней нравственныя и политическiя задачи и, можетъ быть, впервые освободилъ ее отъ того пренебреженiя, съ которымъ къ ней принято было относиться. Кратинъ пользовался большимъ успѣхомъ у современниковъ и получилъ девять разъ первую награду. Къ сожалѣнiю, небольшiе фрагменты, оставшiеся отъ его комедiи, позволяютъ только судить о разнообразiи разработанныхъ имъ сюжетовъ, но не даютъ яснаго представленiя объ его творчествѣ. Кратесъ, по отзыву Аристотеля, занимался „общей разработкой дiалога и мiѳовъ“. Повидимому, онъ не былъ склоненъ къ ядовитой сатирѣ личнаго и политическаго характера. Болѣе всѣхъ другихъ по характеру творчества подходилъ къ Аристофану Эвполидъ, сначала его другъ, а потомъ врагъ. Эвполидъ, судя по дошедшимъ фрагментамъ, былъ страстнымъ обличителемъ, не щадилъ личности и пользовался сценой въ качествѣ политической трибуны.

Аристофанъ засталъ, такимъ образомъ, широко развитыя формы комедiи, сюжеты и типы. Повидимому, ему мало пришлось прибавить въ этомъ отношенiи къ своимъ предшественникамъ. Его значенiе опредѣляется, повидимому, его богатой фантазiей, неистощимымъ остроумiемъ и сатирическимъ талантомъ. Въ настоящее время трудно опредѣлить его положительные идеалы, какъ трудно по его комедiямъ возстановить бытовыя картины его эпохи. Тогдашняя комедiя требовала шутовскихъ преувеличенiй, и выведенные Аристофаномъ герои, это—собирательные типы, въ которыхъ сгущены отрицательныя черты цѣлаго класса. Всѣ злобы дня затронуты Аристофаномъ. Уже въ ранней комедiи „Ахарняне“ передъ нами карикатурная картина народнаго собранiя, воинствующiй демосъ, поддающiйся нелѣпымъ увѣщанiямъ честолюбцевъ-демагоговъ. Въ комедiи „Всадники“ въ лицѣ Клеона карикатурная фигура демагога, грубо и цинично льстящаго народу, чтобы овладѣть имъ; въ комедiи „Облака“ въ лицѣ Сократа жестоко осмѣяны софисты; въ „Осахъ“ —страсть аѳинянъ къ сутяжничеству; въ комедiи „Женщины въ народномъ собранiи“ — женщины подъ предводительствомъ энергичной Праксагоры подвергаютъ рѣзкой критикѣ правленiе мужчинъ и требуютъ новаго государственнаго строя на основахъ свободы и равенства, общности женъ и имущества. Аристофанъ не только затронулъ всѣ основные вопросы, которые выдвигала общественная жизнь Аѳинъ; онъ поднялъ рядъ вопросовъ изъ той сферы, къ которой принадлежалъ по своей профессiи. Литература и творчество, современные писатели, законы эстетики, прiемы современныхъ драматурговъ и отношенiе къ нимъ аѳинскаго общества, — эти темы не разъ затрагиваются въ аристофановской комедiи. Особенно любопытна въ этомъ отношенiи комедiя „Лягушки“, содержанiе которой составляетъ состязанiе между Эсхиломъ и Эврипидомъ въ подземномъ царствѣ. Среди карикатурныхъ преувеличенiй довольно вѣрно выясняется характеръ поэзiи каждаго изъ двухъ поэтовъ, въ особенности, уязвимыя стороны ихъ творчества. Эврипидъ называетъ эсхиловскую трагедiю „распухшей отъ словъ высокопарныхъ и тяжелыхъ“, противопоставляетъ туманному символизму Эсхила простоту и реальный характеръ своего

творчества и считаетъ главной заслугой поэта „искусство и совѣтъ, которые людей къ добру ведутъ въ ихъ государствахъ“. Этимъ сюжетомъ Аристофанъ пользуется для того, чтобы формулировать свои обвиненія противъ Эврипида, которому онъ приписываетъ вредное вліяніе на массы, особенно, на молодежь: Эврипидъ послужилъ причиной упадка стариннаго благочестія и повиновенія, поселилъ вольнодумныя мысли и страсть къ пустословію. Комедія кончается побѣдой Эсхила и позорнымъ отступленіемъ Эврипида. О каррикатурныхъ крайностяхъ Аристофана можетъ свидѣтельствовать любая сцена изъ „Облаковъ“, или „Всадниковъ“, напр., рѣчи обоихъ демагоговъ, пафлагонца и колбасника, въ своей угодливости передъ демосомъ предлагающихъ ему всѣ блага вплоть до своей головы, чтобы Демосъ „сморкаясь, вытиралъ о нее пальцы“.

Аристофанъ—послѣднее великое имя классическаго періода греческой поэзіи. Съ V в. поэзія заканчиваетъ эпоху своего расцвѣта и уступаетъ свое мѣсто прозѣ, которая въ IV вѣкѣ становится господствующей литературной формой. Въ теченіе ряда столѣтій Греція не имѣла развитой прозы, въ то время какъ поэтическій языкъ достигъ такого цвѣтущаго состоянія. Проза становится необходимой по мѣрѣ того, какъ миѳологическій періодъ мышленія смѣняется раціоналистическимъ и критическимъ, по мѣрѣ того какъ мысль дѣлаетъ успѣхи и передѣлываетъ старые миѳы и священныя преданія на новый ладъ сообразно новымъ требованіямъ. Фантазія и вѣра не удовлетворяютъ запросамъ новаго общества, которое не довольствуется традиціонными, на вѣру принятыми объясненіями историческихъ и современныхъ явленій. Такимъ образомъ, философскій и научный инстинктъ, а также историческій интересъ вызывали къ жизни и новыя формы выраженія мысли. Къ этому присоединилось и вліяніе тѣхъ соціальныхъ и политическихъ потрясеній, которыя переживала Греція въ V столѣтіи. Требовалось умѣлое обоснованіе своихъ притязаній, искусная защита той или иной точки зрѣнія, широкое развитіе получило политическое и судебное краснорѣчіе и софистическое эристическое искусство вообще. Философія, исторія и ораторская рѣчь были главными видами прозы, распространившимися въ Греціи въ IV столѣтіи. Мы видѣли уже, какъ струи прозы сначала тихо, а потомъ широкими потоками вливались въ поэзію. Уже у Пиндара элементы раціонализма примѣшиваются къ его поэтическому паѳосу, а въ трагедіяхъ Эврипида и въ комедіи диспутъ въ формѣ драматическаго діалога нашелъ себѣ широкое примѣненіе. Хотя расцвѣтъ прозы относится къ IV вѣку, но ему, конечно, предшествовалъ продолжительный періодъ ея развитія. Первымъ памятникомъ ея, извѣстнымъ намъ, была мало понятная и объясненная книга „Ἑπτάμυχος“ („семь ущелій“), отъ которой сохранилось лишь нѣсколько фразъ. Она относится къ началу VI в. и принадлежитъ Ферекиду Сирскому. Вслѣдъ за ней философская мысль начинаетъ развиваться. Первое имя философа въ собственномъ смыслѣ, о которомъ говоритъ преданіе, имя Ѳалеса Милетскаго, относится тоже къ началу VI столѣтія, далѣе имена Анаксимандра, Анаксимена и Гераклита, подобно Ѳалесу искавшихъ философскаго объясненія явленій. Въ VI же вѣкѣ огромное вліяніе на развитіе греческой мысли оказалъ знаменитый Пиѳагоръ и его школа. Въ литературномъ отношеніи первые философы не оставили непосредственныхъ результатовъ, такъ какъ развивали свои ученія въ устныхъ бесѣдахъ съ учениками, благодаря которымъ ихъ идеи были сохранены для человѣчества. Таковы были Ѳалесъ и Пиѳагоръ. Отъ тѣхъ философовъ, у которыхъ были произведенія, дошли только скудные отрывки, какъ напр., отъ Гераклита, дающіе мало матеріала для того, чтобы можно было судить о первыхъ шагахъ философской прозы. Въ V в. черезъ Анаксагора философская традиція передается его ученику Сократу, котораго можно считать истиннымъ творцомъ прозаическаго литературнаго діалога, примѣняемаго для выясненія философскихъ вопросовъ. Сократъ пользовался для проповѣди своего ученія устными бесѣдами. Форма этого діалога сохра-

Греческое искусство.

Эросъ.

Праксителя (род. ок. 392 г. до Р. Х.).

(Римъ Ватиканъ.)

Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

нилась для насъ, благодаря его великому ученику Платону, оставившему діалоги, которые являются памятниками не только геніальнаго философскаго ума, но и блестящей художественной прозы. Въ сочиненіяхъ Платона прозаическая эллинская рѣчь достигла удивительной силы: для того, чтобы ввести читателя въ высшія сферы философскаго мышленія, Платонъ пользуется не только отвлеченнымъ языкомъ понятій, но и картинами и образами, облекающими глубокія идеи въ конкретныя формы. Великій ученикъ Платона Аристотель оставилъ неизгладимый слѣдъ не только въ греческой, но и въ міровой литературѣ. Въ теченіе многихъ вѣковъ онъ былъ законодателемъ въ сферѣ литературнаго творчества всѣхъ видовъ. Его сочиненія стали канономъ, преступить который не осмѣливались величайшіе представители европейской поэзіи. Къ его „Поэтикѣ“, какъ къ эстетическому евангелію, обращались всѣ, искавшіе вѣчныхъ истинъ и законовъ, касающихся поэзіи. Это вліяніе Аристотеля объясняется тѣмъ, что его универсальный геній сумѣлъ охватить все, добытое греческимъ геніемъ въ теченіе предшествующихъ вѣковъ. И въ области литературнаго творчества онъ подвелъ итоги одной изъ удивительнѣйшихъ литературъ, сумѣлъ выяснить общіе принципы, вытекавшіе изъ творческой работы поэтическаго генія народа, стоявшаго у колыбели европейской цивилизаціи. Небольшой трактатъ, въ которомъ черпало уроки и правила для себя столько европейскихъ поэтовъ и критиковъ, его „Поэтика“ дошла до насъ въ искаженномъ видѣ, скорѣе въ видѣ фрагмента, чѣмъ полнаго произведенія. Аристотель имѣлъ въ виду говорить здѣсь „какъ о поэзіи вообще, такъ и объ отдѣльныхъ ея видахъ“, но въ сохранившейся до насъ части „Поэтики“ рѣчь идетъ о трагедіи и отчасти объ эпосѣ. Здѣсь находимъ мы извѣстное ученіе объ очищающемъ дѣйствіи трагедіи посредствомъ состраданія и страха, объ единствѣ дѣйствія, о характерахъ героевъ и т. д.

Рядомъ съ философіей развитію прозы содѣйствовало появленіе историческихъ трудовъ. Первые историки, такъ называемые „логографы“, писавшіе въ прозѣ, извѣстны уже въ VI вѣкѣ; это были авторы разсказовъ объ основаніи городовъ, о происхожденіи и родословныхъ боговъ и героевъ. Сначала историки принимали на вѣру преданія, но постепенно стали вносить критику въ эти преданія. Во второй половинѣ VI и въ началѣ V в. выдѣляется логографъ Гекатей изъ Милета, но настоящій расцвѣтъ греческой исторіи обыкновенно связываютъ съ великимъ тріумвиратомъ, въ составъ котораго входятъ „отецъ исторіи“ Геродотъ, Ѳукидидъ и Ксенофонтъ. Геродотъ Галикарнасскій былъ истиннымъ сыномъ аѳинской культуры эпохи Перикла. Его исторія переполнена эпизодами, полными драматизма и движенія. Достаточно вспомнить разсказы о Поликратѣ и Крезѣ, чтобы видѣть, что Геродотъ былъ не только историкомъ, но и мастеромъ литературнаго повѣствованія. Ѳукидидъ написалъ исторію Пелопоннесской войны, сочиненіе, болѣе удовлетворяющее требованіямъ исторической науки, чѣмъ „исторія“ Геродота. У него нѣтъ простодушія и наивной искренности почти эпическаго разсказчика, — качествъ, отличающихъ Геродота. У него болѣе строгое критическое отношеніе къ источникамъ, болѣе суровое стремленіе къ истинѣ и точной передачѣ фактовъ, а отсюда отсутствіе вымысловъ и поэтическихъ прикрасъ. Тѣмъ не менѣе, трудъ Ѳукидида, хотя и не представляется такимъ занимательнымъ, какъ трудъ Геродота, но является въ значительной степени произведеніемъ художника. Особенно его художественное творчество проявляется въ тѣхъ рѣчахъ, которыя Ѳукидидъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ. Хотя онъ и старался держаться по возможности ближе къ дѣйствительнымъ рѣчамъ, но, несомнѣнно, онѣ были въ значительной степени продуктомъ литературной обработки самого автора. Ксенофонту принадлежитъ „Исторія Греціи“ съ 411 г. до битвы при Мантинеѣ въ 362 г., „Анабасисъ“, описаніе экспедиціи Кира Младшаго и отступленія 10.000 грековъ, „Киропедія“, т. е. воспитаніе

Кира Старшаго, основателя персидской монархіи, „Воспоминанія о Сократѣ“ и другія. Ксенофонтъ—не столько историкъ, сколько авторъ мемуаровъ, часто субъективный и пристрастный, но зато, быть можетъ, много выигрывающій въ чисто-литературномъ отношеніи. Если къ философіи и исторіи присоединить краснорѣчіе всѣхъ видовъ, особенно судебное и политическое, которое, быть можетъ, болѣе всего способствовало выработкѣ литературной прозаической рѣчи, то всѣ главныя формы ея будутъ исчерпаны. Искусство краснорѣчія было разработано въ видѣ цѣлой науки. Въ IV в. Аѳины прославились рядомъ выдающихся ораторовъ; Антиѳонъ, Лисій, Эсхинъ и другіе развивали здѣсь искусство краснорѣчія; наибольшей славой среди нихъ пользовался Демосѳенъ. Величайшимъ теоретикомъ ораторскаго искусства былъ Исократъ, школа котораго долгое время пользовалась большимъ вліяніемъ; къ числу его учениковъ принадлежали историкиритеры Ѳеопомпъ и Эфоръ.

IV вѣкомъ заканчивается собственно классическій періодъ греческой литературы. Въ IV вѣкѣ Греція подпадаетъ подъ власть Македоніи, и въ концѣ этого столѣтія Александръ В. осуществляетъ свою задачу сліянія греческой цивилизаціи съ варварскимъ міромъ востока. Благодаря этому Аѳины постепенно утрачиваютъ свое мѣсто центра эллинистической образованности. Въ области философіи продолжали дѣйствовать ученики Аристотеля, изъ которыхъ особеннымъ значеніемъ пользовался Ѳеофрастъ, оказавшій сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе греческой науки; возникли новыя философскія ученія, эпикурейское и стоическое. Въ области драматическаго творчества особенно процвѣтала такъ называемая новоаттическая комедія, главнымъ представителемъ которой былъ Менандръ. Эта комедія, которой подражали знаменитые римскіе комики Плавтъ и Теренцій, оказала, такимъ образомъ, черезъ римскій театръ большое вліяніе на комедію новыхъ европейскихъ народовъ. Но вообще, эллинистическая культура переходитъ изъ Аѳинъ въ новые центры, среди которыхъ первыя мѣста занимаютъ Пергамъ и Александрія, особенно послѣдняя съ своей знаменитой библіотекой. По имени этого города названы „Александрійскимъ періодомъ“ греческой литературы почти три столѣтія ея исторіи. послѣднія передъ Р. Х. Здѣсь не было того питающаго жизненнаго источника, какимъ являлась жизнь греческаго народа въ Элладѣ,—источника, изъ котораго черпала свои живительныя силы великая литература классическаго періода. Поэтому здѣсь не было созданій равныхъ „Иліадѣ“, пиндаровскимъ эпиникіямъ или Эсхиловскому „Прометею“. За то здѣсь поддерживалось благоговѣйное уваженіе къ поэтическимъ сокровищамъ Эллады. Александріи мы обязаны тѣмъ, что эллинское творчество не погибло для насъ, что мы хоть отчасти обладаемъ драгоцѣнными продуктами этого творчества. Здѣсь началась ученая работа по собиранію, изданію и толкованію произведеній греческой литературы. Филологія и критика были главными науками, въ которыхъ изощряли свои силы александрійскіе ученые. Греческій геній еще разъ блеснулъ во всей своей силѣ на закатѣ греческой цивилизаціи, и Александрія выдвинула въ филологіи и критикѣ имя, которое сдѣлалось для новаго человѣчества нарицательнымъ именемъ критика, какъ имя Пиндара—нарицательнымъ именемъ одописца, или имя Гомера—символомъ эпическаго поэта. Аристарху наука обязана замѣчательными трудами въ области филологіи и критики. Въ области исторіографіи выдѣляется имя Полибія, котораго можно поставить на ряду съ Геродотомъ и Ѳукидидомъ. Онъ написалъ настоящую „всеобщую“ исторію, которая имѣла цѣлью дать представленіе не объ отдѣльныхъ историческихъ событіяхъ, а представить общій ходъ всемірной исторіи. Полибій усматриваетъ въ развитіи историческаго процесса планомѣрность и законосообразность. Исторія Греціи излагается у него въ связи съ исторіей другихъ народовъ, игравшихъ видную роль въ древности; но главное мѣсто занимаетъ исторія Рима, которому суждено

Греческое искусство.

Гермесъ съ ребенкомъ Діонисомъ.

Праксителя (род. ок. 392 г. до Р. Х.).

(Олимпія. Музей.)

Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°»

было пріобрѣсть себѣ міровое господство и подчинить всѣ извѣстныя части вселенной единой власти. Въ наукѣ краснорѣчія послѣдователи Исократа, Лисія и другихъ риторовъ классической эпохи создаютъ различныя школы, при чемъ возникаетъ особая азіатская школа, представители которой находятся подъ вліяніемъ востока и стремятся утвердить пышный азіатскій стиль. Что касается собственно поэзіи, то въ этой области продолжаютъ появляться произведенія во многихъ видахъ, унаслѣдованныхъ отъ классической эпохи. Мы имѣемъ образчики героическаго и дидактическаго эпоса; изъ видовъ лирической поэзіи особенно расцвѣтаетъ элегія. За то въ большомъ упадкѣ находилось драматическое искусство, комедія и трагедія. Взамѣнъ этого возникли и широко развились нѣкоторые новые виды литературы, разные виды пастушеской поэзіи, въ особенности идиллія, лучшимъ поэтомъ которой былъ Ѳеокритъ. Среди поэтовъ, стремившихся къ возрожденію гомеровской традиціи, первое мѣсто должно быть отведено Аполлонію Родосскому, написавшему героическую поэму о „Походѣ Аргонавтовъ“ (III в. до Р. Х.). Его поэма свидѣтельствуетъ о большомъ искусствѣ и вкусѣ ея творца, который, конечно, не могъ творить подобно Гомеру подъ живымъ воздѣйствіемъ свѣжихъ преданій, но за то обнаружилъ достаточно учености, чтобы постигнуть духъ гомеровскаго творчества, и достаточно таланта, чтобы быть подражателемъ древняго рапсода. Большой извѣстностью пользовался изъ эпическихъ поэтовъ Каллимахъ, который расширилъ предѣлы традиціи внесеніемъ новыхъ сюжетовъ и формъ. Въ александрійскую же эпоху начинаютъ намѣчаться и тѣ новыя формы повѣствовательной литературы, изъ которыхъ постепенно вырабатывается греческій романъ. Его основной чертой былъ эротическій элементъ, чувственная любовь. Этотъ романъ былъ предтечей европейскаго романа, ставшаго излюбленной формой творчества у романскихъ народовъ.

Александрійскій періодъ греческой литературы смѣняется новымъ періодомъ, который обыкновенно называютъ римскимъ. Уже во II вѣкѣ Грецiя была обращена въ римскую провинцію, а къ эпохѣ Августа завершился процессъ распространенія римскаго владычества надъ всѣми странами, гдѣ еще процвѣтала эллинская культура. Уже въ „Исторіи“ Полибія историческій процессъ изображается такимъ образомъ, что направленіе исторіи въ сторону всемірнаго господства римлянъ представляется естественнымъ и законнымъ процессомъ. И другіе писатели александрійской эпохи обращаютъ свое вниманіе къ Риму, какъ къ центру новой цивилизаціи. Вмѣстѣ съ обращеніемъ Египта въ римскую провинцію, греческіе ученые и поэты начинаютъ переѣзжать къ римскому двору и постепенно расходятся по всѣмъ уголкамъ обширной римской монархіи. Этотъ періодъ характеризуется еще въ большей степени, чѣмъ Александрійскій, отсутствіемъ живой связи между требованіями жизни и литературными формами, завѣщанными классическимъ періодомъ. Созданій поэтическаго генія, питающихся непосредственными впечатлѣніями дѣйствительности, мы не находимъ въ этотъ періодъ. За то тѣмъ болѣе усилія писателей направлены были на возрожденіе аттической прозы. Первые вѣка послѣ Р. Х. были эпохой процвѣтанія блестящаго стиля, возрожденнаго новыми софистами. Изъ предшественниковъ этой новой софистики, поставившей на высоту технику стиля, первое мѣсто принадлежитъ Діонисію Галикарнасскому (I в. до Р. Х.). Антонины, въ особенности императоръ Адріанъ, были покровителями софистовъ. Наиболѣе даровитымъ изъ софистовъ эпохи расцвѣта былъ писатель II вѣка Лукіанъ. Онъ былъ не только блестящимъ стилистомъ, но и поражаетъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія своихъ статей. Онъ обладалъ рѣдкимъ остроуміемъ, оригинальнымъ сатирическимъ дарованіемъ, тонкимъ критическимъ умомъ. Онъ касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и далъ удивительную картину разложенія античнаго міра въ рядѣ статей, пропитанныхъ сарказмомъ и скепти-

цизмомъ. Въ области чисто художественнаго творчества романъ дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи и именно въ римскій періодъ греческой литературы онъ окончательно складывается въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представлялся въ литературахъ новыхъ европейскихъ народовъ, т. е. въ видѣ повѣствованія съ любовнымъ сюжетомъ, съ рядомъ приключеній и перипетій, черезъ которыя проходятъ влюбленные. Наиболѣе прославленнымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ былъ романъ „Дафнисъ и Хлоя“, приписываемый Лонгосу (II—III в.). Этотъ пастушескій романъ, полный наивной граціи, написанный съ той откровенной простотой, которая не разъ смущала впослѣдствіи слишкомъ пуританскихъ читателей, пережилъ столѣтія, переведенъ почти на всѣ новые языки и былъ предметомъ многочисленныхъ подражаній. Рядомъ съ Лонгосомъ можно назвать цѣлый рядъ именъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ широко была распространена эротическая литература. Къ писателямъ этого рода относятся Ксенофонтъ Эфесскій, Геліодоръ Эмесскій, Алкифронъ и другіе. Софистика оказала особенно сильное вліяніе на развитіе тѣхъ видовъ прозы, которые, какъ мы видѣли, уже въ классическую и александрійскую эпоху пустили глубокіе корни. Изъ историковъ особенно выдѣляются имена Страбона, который былъ также авторомъ знаменитой „Географіи“, Плутарха, Кассія Діона; въ области философіи—Эпиктетъ, императоръ Юліанъ, Плотинъ, основатель неоплатонизма. Вступленіе христіанскихъ проповѣдниковъ и богослововъ въ число греческихъ писателей можно считать началомъ конца для древней греческой литературы. Со второй половины IV вѣка начинается гоненіе на языческія произведенія, а вскорѣ новая культура почти на тысячу лѣтъ отвлекаетъ вниманіе европейскаго общества отъ великихъ созданій народа, стоявшаго у колыбели европейской цивилизаціи, пока въ эпоху возрожденія человѣчество не бросилось жадно собирать скудные остатки растраченныхъ художественныхъ сокровищъ древняго міра. Указываемъ наиболѣе извѣстные курсы Г. л. *Bernhardy*, „Grundriss der gr. Literatur“ (I ч.—внутр. исторія, II ч. въ 2-хъ томахъ—только поэзія; I ч.—5-ое изд. 1892, II ч. 3-ье изд. 1877—1880); *K. O. Müller*, „Gesch. der gr. Lit. bis auf Zeitalter Alexanders“, neubearbeitet von Heitz (4 изд. 1882—4, въ 2-хъ тт.); *Bergk*, „Griech. Literaturgeschichte“ (въ 4-хъ тт. 1872—1887); *Alfr. et Maur. Croiset*, „Histoire de la litt. grecque“ (въ 5 тт., 2-ое изд. 1896—99); *Mahaffy*, „History of classical greek literature“ (имѣется русскій переводъ); *Christ*, „Gesch. der gr. Lit. bis auf Zeit Justinians“ (1898). На русскомъ языкѣ изъ общихъ пособій по ист. Г. л. см. *Коршъ*, „Ист. греч. лит.“ во „Всеоб. ист. лит.“ подъ ред. Корша и Кирпичникова; *Ф. Зѣлинскій*, „Изъ жизни идей“ въ 3-хъ тт. (1905); *И. Коганъ*, „Очерки по ист. древн. литературъ“ т. I (3-ье изд. 1912); *Мищенко*, „Краткій очеркъ греч. лит.“ (1893). Имѣются переводныя работы (кромѣ упомянутой—Магаффи): *А. и М. Круазе*, „Руководство по ист. греч. лит.“ (1907); *Джеббъ*, „Кратк. ист. греч. лит.“ (1891); *Г. Штолль*, „Великіе греч. писатели“ (изд. 2-ое 1901). Подробную литературу см. *Бузескулъ*, „Введеніе въ исторію Греціи“.

И. Коганъ.

Древне-греческое искусство. Рѣдко можно встрѣтить такія разнородныя условія, благопріятныя для художественнаго развитія, какими обладала Грецiя. Природа, полная красоты, гармоніи и умѣренности, здѣсь постоянно воздѣйствовала на художественную, впечатлительную натуру грека, на его врожденное чувство изящнаго, граціи и воспитывала любовь къ точному, къ пластически ясному, а разнообразный мраморъ въ горахъ полуострова и острововъ давалъ самый пригодный матеріалъ для созданія законченныхъ скульптурныхъ и архитектурныхъ памятниковъ. Эти счастливыя условія природы соединились съ не менѣе благопріятными условіями жизни политической и общественной. Раздѣленные горами, но не разъединенные, греки не знали одного центра, который притягивалъ бы всѣ силы и давилъ бы на все. Въ разныхъ частяхъ Греціи била ключемъ дѣятельность,

Греческое искусство.

Ніобея съ младшею дочерью.

(Средняя фигура изъ группы, изображающей [illegible]).

Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

развивались разносторонніе силы и умѣніе въ соревнованіи съ другими. Спокойный, не подавленный ни величественной природой, ни грозной силой государства, жизнерадостный грекъ видѣлъ въ человѣкѣ господина природы и бога рисовалъ себѣ въ человѣческомъ образѣ. Поэтому человѣкообразный богъ, его жилище—храмъ и человѣкъ были главными предметами Г. и. Пластическія изображенія бога и человѣка грекъ имѣлъ полную возможность довести до совершенства, изучая изящныя формы человѣческаго тѣла не по анатомическимъ атласамъ и не надъ трупомъ, а на открытомъ воздухѣ, въ свободныхъ, красивыхъ движеніяхъ въ гимназіи и во время религіозныхъ празднествъ на состязаніяхъ. При совокупности всѣхъ этихъ условій и создалось высокое, совершенное, проникнутое чувствомъ мѣры, изящества и человѣчности искусство Греціи. Такое высокое совершенство было результатомъ продолжительной и напряженной работы талантливаго народа. Началась эта работа знакомствомъ и усвоеніемъ искусства Египта и Ассиріи на востокѣ—въ Малой Азіи и островахъ Архипелага—и постепенно перешла на Балканскій полуостровъ. Раскопки въ Гиссарликѣ (*см.*) и на Кипрѣ вскрыли первобытныя формы творчества той эпохи, которая носитъ названіе Эгейской. Это—эпоха каменнаго и бронзоваго вѣка. Изображенія человѣческихъ фигуръ на глиняныхъ сосудахъ и высѣченныя изъ камня изображенія человѣка, оружіе, утварь—все поражаетъ грубостью и неумѣлостью руки художника, особенно при сопоставленіи съ здѣсь же найденными привозными издѣліями Востока. Рѣшительный шагъ впередъ сдѣлало художественное развитіе въ слѣдующемъ періодѣ, когда о. Критъ явился центромъ своеобразной, высокоразвитой, даже утонченной культуры. Въ XV вѣкѣ до Р. Х. поднялась микенская культура, средоточіемъ которой были Микены и Тиринѳъ, которая широко распространилась по всѣмъ поселеніямъ грековъ въ XV—XII вв. до Р. Х. Развалины дворцовъ, могилъ и стѣнъ, построенныхъ могущественными ахейскими царями, показываютъ крупные успѣхи въ области архитектуры и скульптуры. При сильномъ вліяніи Ассиріи и Египта, передаваемомъ финикіянами, въ эту эпоху среди чужеземныхъ элементовъ появляются слѣды переработки и начинающейся самобытности. Но въ XII в. до Р. Х. дальнѣйшее развитіе въ этомъ направленіи было прервано движеніемъ малокультурныхъ дорянъ въ Пелопоннесъ. Обѣднѣніе и выселеніе жителей повело къ паденію искусства въ XI—IX вв., и въ VIII и VII вв. Грецiя снова должна была обращаться за уроками къ Востоку. Искусство гомеровскихъ поэмъ, относящихся къ этому періоду, показываетъ вторичное сильное вліяніе восточныхъ народовъ. Къ концу VII в. греки освободились отъ гнета восточныхъ образовъ, и въ живописи вазъ и въ скульптурѣ появились чисто-греческіе сюжеты изъ сложившейся уже миѳологіи, а восточный элементъ, постоянно суживаемый въ своихъ предѣлахъ, остался только въ орнаментѣ. Самые замѣтные успѣхи въ дѣлѣ пріобрѣтенія самостоятельности сдѣлала ранѣе всего архитектура. Вмѣсто царскихъ дворцовъ, могильныхъ камеръ и крѣпостныхъ стѣнъ теперь греческія республики, согласно съ религіознымъ направленіемъ времени, стали воздвигать чисто національнаго происхожденія храмы — человѣкообразнымъ богамъ. Эти храмы, первоначально деревянные, потомъ каменные, были четыреугольныя небольшихъ размѣровъ зданія для помѣщенія бога. Сначала тяжеловѣсныя, храмовыя постройки въ теченіе VI вѣка дѣлаются легче и гармоничнѣе, и въ колоннадѣ, окружающей храмъ, выступаютъ два несходные по деталямъ стиля—дорійскій и іонійскій. Первый стиль получилъ свое развитіе въ Пелопоннесѣ и распространился затѣмъ по всей Греціи и за ея предѣлы. Второй стиль возникъ въ VI в. въ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи и достигъ еще большаго развитія въ отношеніи легкости и гармоніи, особенно въ Аттикѣ. Раскрашенные въ разные цвѣта (голубой и красный), украшенные бронзою и орнаментомъ, веселые греческіе храмы открыли широкое поприще для скульп-

туры, и съ VI в. появляются статуи и рельефы для украшенія храмовъ, тоже покрытые красками. Древнѣйшія изваянія грековъ были изъ дерева, въ видѣ обрубковъ съ прижатыми руками, сдвинутыми ногами и закрытыми глазами. Съ дерева перешли скульпторы на камень, сначала на мягкій порось (въ Аттикѣ), потомъ на болѣе твердый мраморъ на о. Наксосѣ и Хіосѣ и, наконецъ, къ бронзѣ на о. Самосѣ. Эти техническія усовершенствованія были заслугою іонійскихъ островныхъ скульпторовъ, и ко второй половинѣ VI в. они выработали, не безъ нѣкотораго вліянія еще Египта и Ассиріи, два типа—мужской обнаженной фигуры и женской въ одеждѣ (Аполлонъ изъ Орхомена, Крылатая Ника). Естественно, что въ нихъ былъ виденъ переходъ отъ дерева, было еще много грубости и окаменѣлость формъ. Послѣ преодолѣнія техническихъ трудностей нужно было теперь болѣе приблизиться къ природѣ, добиться изящества формъ и свободы движенія. Это и было задачею эпохи зрѣлаго архаизма до первой половины V в. Успѣхи совершились подъ вліяніемъ іонійскихъ островныхъ скульпторовъ. Ихъ вліяніе и работа чувствуется и на востокѣ въ Ликіи (памятникъ Гарпій), и на сѣверѣ во Оракіи, и на западѣ въ Эгинѣ (Эгинскіе мраморы), чувствуется и въ Сикіонѣ, и въ Аргосѣ, гдѣ пелопоннесскіе художники были заняты изученіемъ пропорцій человѣческаго тѣла, моделировкой обнаженной мужской фигуры, и въ Аттикѣ, гдѣ продолжалась іонійская разработка женскихъ фигуръ въ одеждахъ (Аѳинскія женскія статуи). Подъ вліяніемъ этой работы и развившагося наблюденія надъ натурой, глаза статуй раскрылись, руки отошли отъ торса, ноги раздвинулись, мертвенная улыбка стала исчезать, тѣлодвиженія сдѣлались свободнѣе, позы получили значительную степень изящества. Послѣдній шагъ къ достиженію законченности и въ скульптурѣ и въ архитектурѣ былъ сдѣланъ во второй половинѣ V в. Въ противоположность предшествовавшей эпохѣ художественная жизнь теперь сосредоточилась въ двухъ центрахъ—въ Аргосѣ и Аѳинахъ, и болѣе всего въ послѣднихъ. Въ связи съ экономическимъ, политическимъ и культурнымъ развитіемъ и искусство Аттики достигло блестящаго расцвѣта въ половинѣ V в. Въ Аѳинахъ при Периклѣ шла напряженная строительная дѣятельность. Въ это приблизительно время были созданы самые совершенные образцы строгаго, мощнаго дорическаго стиля—Тезейонъ и Парѳенонъ, полный изящества образецъ іонійскаго стиля—Эрехтейонъ, и талантливое соединеніе того и другого стиля въ Пропилеяхъ. Въ этихъ памятникахъ греческіе архитекторы Иктинъ, Калликратъ и Мнезиклъ довели до высшей степени развитія то, что начато было въ VII и VI вв. То же самое сдѣлали и скульпторы V в. Представителями переходной эпохи отъ строгаго архаизма къ совершенно свободному искусству Фидіева времени были Миронъ, достигшій законченной правды, свободы въ движеніи тѣла, и Каламисъ, положившій начало скульптурному изображенію красоты духовной. Эти мастера въ соединеніи съ Пиѳагоромъ изъ Регіума и творцами скульптурныхъ украшеній храма Зевса въ Олимпіи подготовили появленіе скульптуръ Фидія. Техника и формы какъ тѣла обнаженнаго, такъ и драпированнаго, какъ въ спокойствіи, такъ и въ движеніи были разработаны и доведены до высокой степени свободы, правды и изящества. Нужно было только показать еще удивительную способность Г. и. создавать типы. Фидій сдѣлалъ это. Будучи современникомъ возвышенныхъ настроеній, навѣянныхъ недавними побѣдами надъ персами и славой Аѳинъ, въ зависимости отъ продолжавшагося религіознаго настроенія времени, Фидій воплотилъ, при помощи, главнымъ образомъ, хризоэлефантинной техники, глубокій замыселъ въ строгихъ, величественныхъ типахъ Зевса и Аѳины, и, на ряду съ этимъ, онъ показалъ въ своихъ парѳенонскихъ скульптурахъ гармоничное сочетаніе красоты идеальной съ реальностью формъ. Съ такими произведеніями трудно было выдерживать сопоставленіе типамъ боговъ, созданнымъ Поликлетомъ, главою аргосской скульптурной школы,

Греческое искусство.

Лаокоонъ.

Группа Агезандра, Аѳинодора и Полидора (II—I в. до Р. Х.).

(Римъ. Ватиканъ.)

Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К° въ Парижѣ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

прославившейся знаніемъ пропорцій человѣческаго тѣла. Въ то время, какъ архитектура и скульптура достигли въ V в. полнаго развитія, живопись только начинала свою дѣятельность. Позднѣе другихъ отраслей искусства получившая начало, въ VI в. служившая декоративнымъ цѣлямъ и подчиненная архитектурѣ и скульптурѣ, живопись только въ V в. пріобрѣла самостоятельное значеніе. Полигнотъ, лучшій ея представитель въ эту эпоху, разрабатывалъ миѳологическіе сюжеты, пользуясь всего 4-мя красками и сплошь покрывая, безъ тѣней, очертанія. При такихъ условіяхъ онъ далекъ былъ отъ возможности вызвать въ зрителѣ иллюзію, хотя и умѣлъ трогать сердца. Введеніе Аполлодоромъ свѣтотѣни подвинуло живопись впередъ, но все-таки она еще не могла приблизиться къ той высотѣ, на которой стояли другія отрасли искусства въ вѣкъ Перикла. Послѣ Пелопоннесской войны, въ IV в. до Р. Х., искусство въ Греціи, подъ вліяніемъ измѣненія настроеній, пріобрѣло новый характеръ и поставило другія задачи. Г. и. перестало служить только культу и государству, старыя темы стало трактовать иначе, болѣе свободно, человѣчно. Строгіе, спокойные, идеальные лики боговъ V в. смѣнились болѣе человѣческими, менѣе идеальными типами Эроса, Діониса, Аполлона, Гермеса и Афродиты, развилась скульптура не типовъ, а индивидуумовъ, скульптура жанровая и портретная. Самыми видными представителями искусства IV в. были главы аттической скульптурной школы—Скопасъ и Пракситель. Они довели Г. и. до высшей степени изящества, нѣжности, граціи, внесли въ него тонкую психологическую характеристику. То же измѣнившееся настроеніе заставило и въ архитектурѣ заботиться объ эффектѣ и утонченности, и въ IV в. входитъ въ большое употребленіе вполнѣ соотвѣтствующій этимъ требованіямъ изящный, нѣжный коринѳскій стиль. Въ этомъ стилѣ часто воздвигали театры, дворцы, памятники (памятникъ Лизикрата). Подобныя измѣненія видимъ и въ строгой живописи V вѣка. Зевксисъ и Парразій, видные представители эфесской живописной школы, ставили своею задачей нѣжность и мягкость колорита, изящество, достиженіе реальнаго эффекта. Въ то же время въ сикіонской школѣ шла терпѣливая разработка техники энергичнаго рисунка. Сліяніе лучшихъ особенностей сикіонской и эфесской школъ далъ въ своихъ произведеніяхъ Апеллесъ (*см.*)—Рафаэль античнаго міра, стяжавшій славу лучшаго живописца въ эпоху Александра Великаго. Одновременно съ нимъ въ области пластики пользовался крупной извѣстностью Лизиппъ. Онъ облагородилъ еще пропорціи тѣла (Апоксіоменъ), еще болѣе реализовалъ боговъ, началъ вводить натурализмъ и паѳосъ и тѣмъ самымъ явился предвѣстникомъ искусства эллинистическаго. Въ III в., послѣ походовъ Александра Македонскаго, въ Греціи и на островахъ продолжали господствовать традиціи IV в. (Венера Милосская), но художественная жизнь стала здѣсь постепенно слабѣть. Искусство переходило на Востокъ, въ старые культурные центры Азіи и Африки, куда была перенесена эллинская культура завоеваніями Александра Великаго. Тамъ, при дворахъ діадоховъ, Г. и. начало новую жизнь, образовалось искусство эллинистическое. Птоломеи въ Александріи развивали художественную промышленность, Атталиды въ Пергамѣ заботливо покровительствовали скульптурѣ, Селевкиды въ Антіохіи—архитектурѣ. Восточное вліяніе въ этихъ центрахъ сказалось въ появленіи любви къ роскоши, къ колоссальному, къ крайностямъ, въ утратѣ того чувства мѣры, которое проникало памятники V и IV вв. Архитекторы, работая по придворнымъ или частнымъ заказамъ, воздвигали роскошные театры, храмы, дворцы, музеи, алтари (въ Пергамѣ), все въ громадныхъ размѣрахъ, съ смѣшеніемъ всѣхъ греческихъ стилей и примѣсью иногда египетскаго. Въ области скульптуры шла обширная дѣятельность. Статуи фабриковались сотнями, но рѣдки были произведенія, поднимавшіяся выше посредственности. Только въ двухъ мѣстахъ, въ Пергамѣ и Родосѣ, искусство достигло высокаго уровня и самостоятельности и расцвѣ-

ло вновь. Въ Пергамѣ при Атталѣ I и Эвменѣ II побѣды надъ галлами вызвали появленіе выдающихся скульптурныхъ произведеній (Пергамскіе мраморы), полныхъ жизненности и драматизма. Изъ Родоса вышли такого же характера группы Лаокоона и Фарнезскаго быка. Въ эти произведенія эллинистическаго искусства входитъ элементъ живописный, и даже пейзажъ находитъ себѣ мѣсто въ скульптурѣ. Въ нихъ художниковъ интересуетъ точная передача индивидуальныхъ чертъ и патетическихъ моментовъ, а не созданіе спокойныхъ типовъ боговъ. Въ эту эпоху развивается реальный портретъ, въ противоположность идеальному IV вѣка, появляются изображенія историческихъ сценъ и сильная струя жанра. Живопись въ этотъ періодъ уступаетъ мѣсто мозаикѣ. Въ 146 г. Грецiя потеряла свою самостоятельность и превращена была въ римскую провинцію. Значительныя художественныя богатства были перенесены изъ Греціи въ Римъ, туда же за ними перешли и греческіе художники. Въ этихъ менѣе благопріятныхъ условіяхъ Г. и., тѣмъ не менѣе, возродилось еще разъ. Но возрожденіе II-го в. до Р. Х. не дало ничего новаго, оригинальнаго: оно было или возвращеніемъ къ архаизму, или продолженіемъ установившихся традицій. Но и такое Г. и. оказало облагораживающее вліяніе на Римъ, и въ такомъ направленіи оно дѣйствовало до I в. по Р. Х. Когда во времена Августа независимая Грецiя умерла, съ нею вмѣстѣ умерло и ея свободное искусство, вся исторія котораго была постояннымъ исканіемъ и открытіемъ разнообразныхъ формъ красоты и ихъ уравновѣшеннымъ, исполненнымъ граціи и изящества, законченнымъ воплощеніемъ.—Общія сочиненія по Г. и.: *Springer A.* (bearb. v. Michaelis), „Handbuch der Kunstgeschichte“, Bd. I. Altertum (1911); *Sybel L.*, „Weltgeschichte der Kunst“ (1888); *Куньи Г.*, „Античное искусство“, перев. В. Смирнова (1898); *Тэнъ И.*, „Чтенія объ искусствѣ. Философія искусства въ Греціи“, перев. А. Чудинова (1889); *Perrot et Chipiez*, „Histoire de l'art dans l'antiquité“ (vol. VI сл.). По архитектурѣ: *Durm J.*, „Die Baukunst der Griechen“ (1881); *Saloux V.*, „L'architecture grecque (1888); По скульптурѣ: *Collignon M.*, „Histoire de la sculpture grecque“ (2 t., 1892—1897); *Шари*, „Античная скульптура“ (1889); *A. Furtwängler*, „Meisterwerke der griech. Plastik“ (1893); *S. Reinach*, „Répertoire de la statuaire grecque et romaine“ (3 vol.). По живописи: *Girard P.*, „La peinture antique“ (1892). *Н. Тарасовъ.*

(Продолженіе въ слѣдующемъ томѣ).

Иллюстрированныя и текстовыя приложенія, помѣщенныя въ XVI томѣ.

Столб.

Статистика роста современныхъ городовъ. Текстовое приложеніе 7/8

М. Горькій (род. въ 1869 г.). Съ портрета, писаннаго художн. Шлеинымъ . 111/12

Государственная служба (дѣйствующее законодательство и статистика). Текстовое приложеніе 215/16

Готическій стиль. Соборъ Парижской Богоматери (XII—XIII вѣка). Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ 315/16

Готическій стиль. Амьенскій соборъ (XIII—XVI в.) 319/20

Готическій стиль. Миланскій соборъ (XIV—XV вѣка). Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ 323/24

Готическій стиль. Страсбургскій соборъ (XIII—XV вѣка). Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ 327/28

В. Гофмейстеръ (1824—1877). По фотографіи 339/40

Основные моменты исторіи гравернаго искусства. Текстовое приложеніе 363/64

Т. Н. Грановскій (1813—1855). Съ портрета, писаннаго П. З. Захаровымъ (1816—1852) 451/52

Гребной винтъ. Текстовое приложеніе 475/76

Грёзъ (1752—1805). Разбитый кувшинъ. Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ. Геліогравюра англійскаго типа 483/84

Греческое искусство. Аѳина. Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ . 655/56

Греческое искусство. Зевсъ, т. наз. Отриколи. Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ 659/60

Греческое искусство. Аполлонъ Бельведерскій. Съ разрѣш. Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ 663/64

Греческое искусство. Афродита (Венера) Милосская. Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ 667/68

Греческое искусство. Эросъ. Праксителя (род. ок. 392 г.). Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ 671/72

Греческое искусство. Гермесъ съ ребенкомъ Діонисомъ. Праксителя (род. ок. 392 г. до Р. Х.). Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ . . 675/76

Греческое искусство. Ніобея съ младшею дочерью. Съ разрѣшенія Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ 679/80

Греческое искусство. Лаокоонъ. Съ разрѣш. Ад. Браунъ и К⁰ въ Парижѣ 683/84

Для болѣе удобнаго пользованія географическими картами Словаря при чтеніи географическихъ и историческихъ статей его на различныя буквы, карты, по примѣру десятаго изданія извѣстной Encyclopaedia Britannica, выдѣлены въ особый томъ; томъ-атласъ будетъ снабженъ подробнымъ указателемъ названій съ обозначеніемъ ихъ положенія, что значительно облегчитъ нахожденіе нужныхъ географическихъ пунктовъ. Карты спеціально составляются для Словаря членомъ Парижскаго Географическаго общества и сотрудникомъ Гашетовскаго Географическаго бюро въ Парижѣ Д. А. Гиловымъ, при участіи членовъ того же бюро Виктора Гюо (V. Huot.), Маріуса Шено (M. Chesneau), Густава Багге (G. Bagge) и др. и гравируются въ Парижѣ въ картографическомъ институтѣ Erhard Frères. Для полнаго согласованія транскрипціи названій въ Словарѣ и на картахъ атласъ будетъ законченъ одновременно съ послѣдними томами Словаря. Лица, подписавшіяся до **1913 г.,** получатъ томъ съ географическими картами **безплатно,** оплачивая лишь стоимость переплета и пересылки.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

(Просятъ исправить въ текстѣ).

Томъ	*Столбецъ*	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
XII	623	11 сн.	*Джеляледдинъ, Румій*	*Джеляллединъ Румій*
XIII	123	10 сн.	*аплитинацію*	*агглютинацію*
XIII	123	13 сн.	*аплитинація*	*агглютинація*
XIV	352	2 св.	*th dt*	*th d t*
XIV	352	22 сн.	*появилось dt*	*появилось dh*
XIV	352	1 сн.	*dt, dh*	*dh*
XIV	361	14 сн.	*Redaktion von Liyon*	*Redaktion von Liden*
XV	31	10—11 сн.	*огромное*	*стройное*
XV	15	27 сн.	*Юнгъ*	*Юингъ*
XV	206	16 св.	*америболами*	*амфиболами*
XV	207	18 сн.	*MgO (ок. марг.)*	*MgO (окись магнія)*
XV	394	17 сн.	*дѣятельность*	*извѣстность*
XVI	74	13 св.	*номинальнымъ*	*нормальнымъ*

2007044777

Цѣна тома 3 р., въ переплетѣ—3 р. 50 к.

(За пересылку—по стоимости)

Энциклопедический словарь

7-е издание

Совершен. переработ.
под ред. профессор
В. Я. Желбзнова,
М. М. Ковалевскаго,
С. А. Муромцева и
К. А. Тимирязева.

Изд. Т-ва
Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

А. Пастернакъ

Энциклопедический словарь

7-е Изданіе
Т-ва
Бр. Гранатъ и К-о

Энциклопедический словарь

7-е Изданіе

Т-ва

Бр. Гранатъ и К°